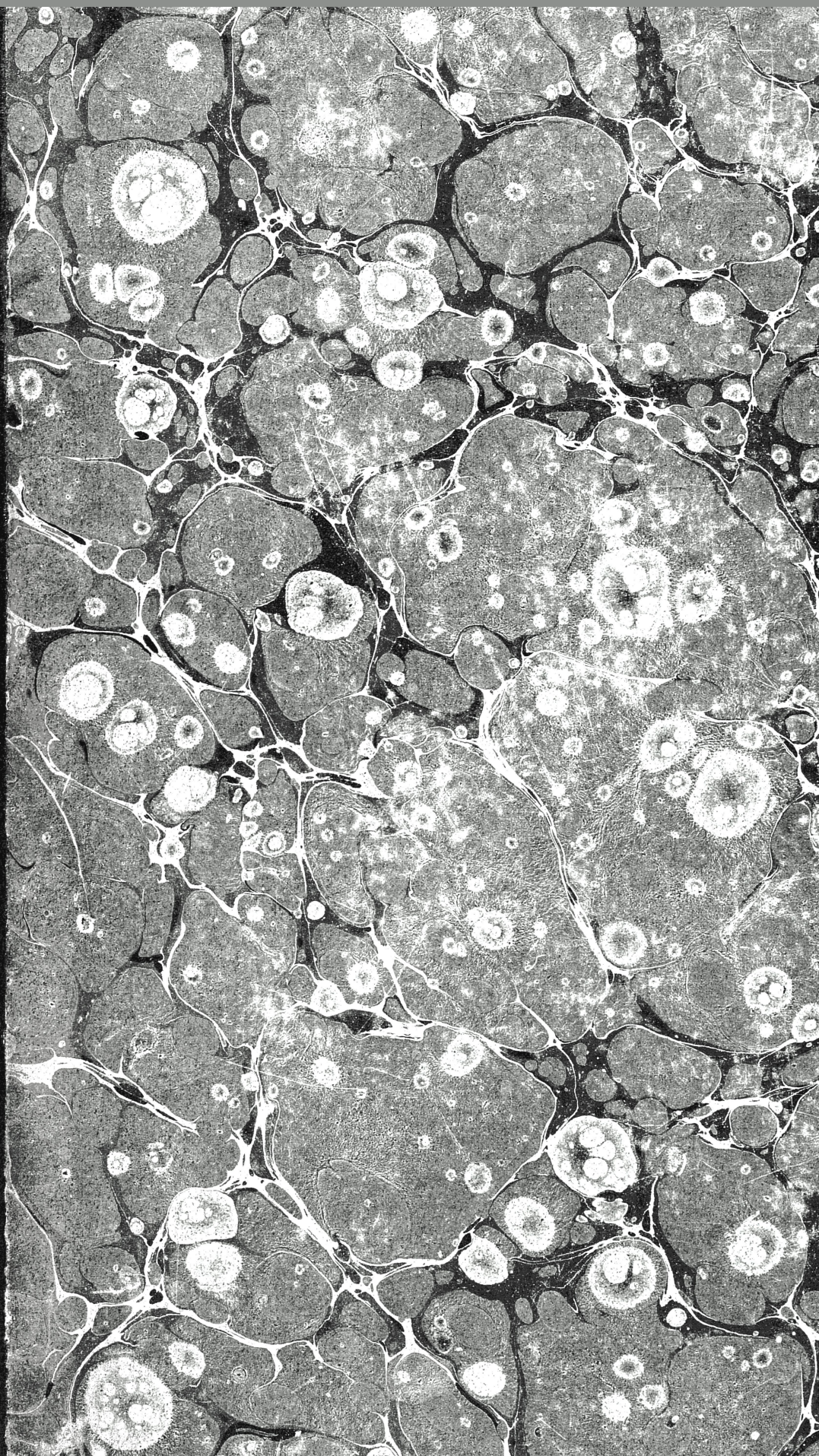

Сочинения

ДОСТОЕВСКАГО

3

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Новое, дополненное издание

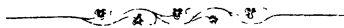

Издание по собственности

Ф. СТЕДЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества, Коммиссiонера Придворной Пѣвческой Канцелли и Дирекции Императорскихъ театровъ, и владѣльца извѣстнаго торговаго дома П. Пеца, существующаго съ 1785 года.

Въ Большой Морской, въ домъ Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ О. СТЕЛЛОВСКАГО.

ПОСТАВЩИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

На углу Большой Садовой и Екатерининского проспекта, въ домѣ подл. № 2—49, въ С.-Петербургѣ.

ТОМЪ III.

ИГРОКЪ.

РОМАНЪ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.)

ИГРОКЪ.

РОМАНЪ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.)

ГЛАВА I.

Наконецъ я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня, какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаетъ какъ ждутъ меня, однакожь ошибся. Генераль смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совѣстно глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однакожь приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина; какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званный обѣдъ; по-московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? и не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однакожь надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку, въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу къ свитѣ генерала. По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣнять. Я размѣнялъ ихъ въ конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на миллионеровъ, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойдти съ ними гулять; но съ лѣстницъ меня позвали къ генералу; ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, т. е. непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, насаживая одну фразу на другую, и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ далъ мнѣ понять, чтобъ я гулялъ съ дѣтьми гдѣ нибудь, подальше отъ воксала, въ паркѣ. Наконецъ онъ

разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ: «А то вы пожалуй ихъ въ воксалъ, на рулетку, поведете. Вы меня извините, прибавилъ онъ, но я знаю, вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не менторъ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не окомпрометировали...

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣтъ, отвѣчалъ я спокойно; — чтобы проигратъся, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, отвѣтилъ генераль, покраснѣвъ немного, порылся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

Какъ-же мы сосчитаемся, заговорилъ онъ, надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ, — остальное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

Вы пожалуста не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и ужъ, конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ѣздили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! Mademoiselle Blanche въ одной коляскѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генераль верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли; эффектъ былъ произведенъ; только генералу не одобровать. Я рассчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ, которыя я привезъ, да прибавивъ сюда тѣ, что они очевидно успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысячъ франковъ; этого слишкомъ мало для m-lle Blanche.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ-же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его «M-r le comte», мать, M-lle Blanche, называется «m-me la comtesse»; чтожъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, они comte et comtesse.

Я такъ и зналъ, что m-r le comte меня не

узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генераль, конечно, и не подумалъ бы насъ знакомить или хотъ меня ему отрекомендовать; а *mon le compte* самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ не велика птица—тѣ, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошеннымъ; кажется, генераль позабылъ распорядиться, а то бы навѣрно послалъ меня обѣдать за *table d'hôte*мъ. Я явился самъ, такъ что генераль посмотрѣлъ на меня съ неудовольствіемъ. Добрая Марья Филипповна тотчасъ же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила и я, поневолѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого страннаго англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ въѣзжая во Францію, наконецъ въ Швейцаріи; въ теченіе этихъ двухъ недѣль два раза—и вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ, конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговариваться при первой встрѣчѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Нордъ-Капѣ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и кажется уже считаетъ меня своимъ закадычнымъ другомъ.

За столомъ французскъ тонировалъ необыкновенно; онъ со всѣмъ небреженъ и важенъ. А въ Москвѣ, я помню, пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генераль иногда осмѣливался противорѣчить,—но скромно, единственно на столько, чтобъ не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ странномъ настроеніи духа; разумеется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: «зачѣмъ я валадаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ давно не отхожу отъ нихъ?» Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну; она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу въвязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французкомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табльд'отами. Генераль устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человѣкъ себя уважающій, пусть-

ся и далѣе,—то непременно напроситесь на ругательства, и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табльд'отами такъ много поличшекъ и имъ сочувствующихъ французиковъ, что нѣтъ возможности вымолвить слова, если вы только русскій.

Я проговорилъ это по-французски. Генераль смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердиться ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значитъ васъ кто нибудь и гдѣ нибудь проучилъ, сказалъ французскъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ полякомъ, отвѣтилъ я,—потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужъ часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ рассказывалъ, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсиньора.

— Плюнуть? спросилъ генераль съ важнымъ недоумѣніемъ, и даже осматриваясь. Французскъ оглядывалъ меня недоувѣрчиво.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я. Такъ какъ и цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ быть, отправиться по нашему дѣлу на мисію въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Парижѣ, чтобъ визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ физиономіи, и выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хотъ и сѣсть, но, конечно, сѣлъ ждать, вынулъ «*Opinion nationale*» и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ я слышалъ, какъ чрезъ сосѣднюю комнату кто-то прошелъ къ монсиньору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суше попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ,—какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ же проводили наверхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсиньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычнымъ удивленіемъ. Ему просто непонятно стало, какимъ это образомъ смѣетъ ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсиньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ: — «Такъ неужели-жъ вы думаете, что монсиньоръ броситъ для васъ свой кофе?» Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его: — «Такъ знайте-жъ, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсиньора! Если вы сію же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому».

— «Какъ! въ то время, когда у него сидитъ кардиналъ!» закричалъ аббатъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ дверямъ и разставилъ

крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропустить.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, «*que je suis hérétique et barbare*», и что мнѣ всѣ эти архіепископы, кардиналы, монсиньоры и проч. и проч. — все равно. Однимъ словомъ, я показаль видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его на верхъ. Черезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно ли посмотреть?—Я вынулъ паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однако-же, началъ было генераль...

— Васъ спасло, что вы объявили себя варваромъ и еретикомъ, замѣтилъ усмѣхаясь французикъ. «*Cela n'était pas si bête*».

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они сидятъ здѣсь — пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они рускіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всѣмъ разсказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человѣкъ за табль-д'отомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я разсказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человѣка, въ котораго французскій егерь, въ двѣнадцатомъ году, выстрѣлилъ — единственно только для того, чтобъ разрядить ружье. Этотъ человѣкъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, вскипѣлъ французикъ, — французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, отвѣчалъ я. Это мнѣ разсказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генераль сталъ было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть, хоть напимѣръ, отрывки изъ «Записокъ» генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ Марья Филипповна о чемъ-то заговорила, чтобъ перебить разговоръ. Генераль былъ очень недоволенъ мною, потому что мы, съ французомъ, уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился; вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Всѣ пошли въ паркъ къ вокзалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана, а Наденьку пустила играть недалеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались наконецъ одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея брилліан-

товъ, по крайней мѣрѣ двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во чтобы ни стало, нужны деньги, сказала она, — и ихъ надо добыть; иначе, я просто погибла.

Я сталъ разспрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствіе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстія: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстіе отъ Тимофея Петровича, прибавила Полина, — а онъ человѣкъ точный. Ждемъ послѣдняго, окончательнаго извѣстія.

— И такъ, здѣсь всѣ въ ожиданіи? спросилъ я.

— Конечно: всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.

— И вы надѣетесь? спросилъ я.

— Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнитъ въ завѣщаніи.

— Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, сказалъ я утвердительно.

— Да, она меня любила; но почему *вамъ* это кажется?

— Скажите, отвѣчалъ я вопросомъ, — нашъ маркизъ кажется тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны?

— А вы сами къ чему объ этомъ интересуетесь? спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.

— Еще бы; если не ошибаюсь, генераль успѣлъ уже занять у него денегъ.

— Вы очень вѣрно угадываете.

— Ну, такъ далъ ли бы онъ денегъ, если бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили ли вы, за столомъ: онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, называлъ ее бабуленькой: «*la baboulinka*». Какія короткія и какія дружественныя отношенія!

— Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ же ко мнѣ и посватается. Это, что ли, вамъ хотѣлось узнать?

— Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.

— Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! съ сердцемъ сказала Полина. Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.

Я разсказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ. — Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ, и ужъ конечно влюбленъ въ васъ?

— Да, онъ влюбленъ въ меня, отвѣчала Полина.

— И ужъ конечно онъ въ десять разъ богаче француза. Что, у француза дѣйствительно есть что нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?

— Не подвержено. У него есть какой-то *château*. Мнѣ еще вчера генераль говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну, что, довольно съ васъ?

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непременно вышла за мужъ за англичанина.

— Почему? спросила Полина.

— Французъ красивѣе, но онъ подлѣе; а англичанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, — отвѣзала я.

— Да; но за то французъ маркизъ—и умнѣе,—отвѣтила она наиспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно ли? продолжала я по прежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы и я видѣла, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостію своего отвѣта; я объ этомъ ей тотчасъ же сказала.

— Что-жъ, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣспитесь. Ужъ за одно тѣ, что я позволяю вамъ дѣлать такіе вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякіе вопросы, отвѣчала я спокойно—именно, потому что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во что.

Полина захохотала:

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когда нибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете расплачиваться, и ужъ будьте увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны, — именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣстъ вы мнѣ нужны — мнѣ надо васъ беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ со злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте васъ спросить, что такое m-lle Blanche? спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, что такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей, — разумѣется, если слухъ о кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизъ, — всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генераль влюбленъ окончательно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше; мнѣ деньги, во чтобы ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ вокзалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чемъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ ощуще-

ній моихъ чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти двѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался, какъ угорѣлый и даже во снѣ поминутно видѣлъ ее предъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я кажется заговорилъ вслухъ съ Полной, чѣмъ разсмѣшилъ всѣхъ спящихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не сумѣлъ на него отвѣтить, т. е., лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты, (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ бы жизнь, чтобъ задуть ее! Клянусь, если-бъ возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святаго, если бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пунтѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или эдакъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполнѣ вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій, — эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе; иначе могла ли бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня, какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ невольникѣ, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка...

Однакожъ, у меня было ея порученіе — выиграть на рулеткѣ, во что бы ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать: для чего и какъ скоро надо выиграть и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно разсчитывающей головѣ? Къ тому же въ эти двѣ недѣли очевидно прибавилась бездна новыхъ фактовъ, объ которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

ГЛАВА II.

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ, что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаднымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ перваго взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейщины въ фельетонахъ цѣлаго свѣта и преимущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты рассказываютъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпіи и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ

городахъ на Рейнѣ, а во-вторыхъ—о горахъ золота, которыя, будто бы, лежатъ на столахъ. Вѣдь не платятъ же имъ за это; это, такъ просто, разсказывается изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣтъ въ этихъ дрянныхъ залахъ, а золота не только нѣтъ горами на столахъ, но и чуть-чуть-то едва ли бываетъ. Конечно, кой-когда, въ продолженіе сезона, появится вдругъ какойнибудь чужакъ, или англичанинъ или азіатецъ какойнибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные же всѣ играютъ на мелкіе гульденъ и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежитъ очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому же тѣснила толпа. Но еслибъ я былъ и одинъ, то и тогда бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стучало сердце и я былъ не хладнокровенъ; я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду; что нибудь непременно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо, и такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется, еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего нибудь отъ игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добыванія денегъ, напримѣръ хоть торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но—какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала при-смотре́ться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, еслибъ что и случилось, то случилось бы нечаянно и слегка,—и я такъ и положилъ. Къ тому же, надо было и самую игру изучить; потому что, не смотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во-первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно,—какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и безпокойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше; мнѣ всегда казалась очень глупою мысль одного отбѣшлагого и обезпеченнаго моралиста, который на чье-то оправданіе: что «вѣдь играютъ по маленькой», отвѣчалъ—тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно: мелкая корысть и крупная корысть—не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для меня очень богато, а на счетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлаютъ, что другъ у друга что нибудь отбиваютъ или выигрываютъ. Гадки ли вообще нажива и барышъ,—это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ же-

ланіемъ выигрыша, то вся эта корысть, и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и на распахку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и не разсчитливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи, было то уваженіе къ занятію, та серьезность, и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какая игра называется *hautain* *gent*омъ и какая позволительна порядочному человѣку. Есть двѣ игры, одна—джентльменская, а другая плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и—какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, напримѣръ, можетъ поставить пять или десять лундоровъ, рѣдко болѣе, впрочемъ можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотре́ть на процессъ выигрыша или проигрыша; но отнюдь не долженъ интересоваться самымъ выигрышемъ. Выигравъ, онъ можетъ, напримѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣлать кому нибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но единственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейскаго желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы рулетки и *trente et quarante* онъ долженъ смотре́ть не иначе, какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ и устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозревать. Очень и очень не дурно было бы даже, еслибъ ему, напримѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянь, дрожащая надъ гульденомъ,—совершенно такіе же богачи и джентльмены какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и невинный взглядъ на людей были бы, конечно, чрезвычайно аристократичны. Я видѣлъ, какъ многіе маленькіе выдвигали впередъ невинныхъ и изысканныхъ, пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ миссъ, своихъ дочекъ, и, давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Барышня выигрывала или проигрывала, непременно улыбалась и отходила очень довольная. Нашъ генералъ солидно и зажно подошелъ къ столу; лакей бросился было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея; очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ изъ кошелька триста франковъ золотомъ, поставилъ ихъ на черную и выигралъ. Онъ не взялъ выигрыша и оставилъ его на столѣ. Вышла опять черная; онъ и на этотъ разъ не взялъ, и когда въ третій разъ вышла красная, то потерялъ разомъ тысячу двѣсти франковъ. Онъ отошелъ съ улыбкою и выдержалъ характеръ. Я убѣжденъ, что кошки у него скребли на сердцѣ, и будь ставка вдвое или

второе больше, — онъ не выдержалъ бы характера и выказалъ бы волненіе. Впрочемъ, при мнѣ одинъ французъ выигралъ, и потомъ проигралъ, тысячу до тридцати франковъ, весело и безъ всякаго волненія. Настоящій джентльменъ, если бы проигралъ и все свое состояніе, не долженъ волноваться. Деньги до того должны быть ниже джентльменства, что почти не стоить объ нихъ заботиться. Конечно, весьма аристократично совсѣмъ бы не замѣчать всю эту грязь всей этой сволочи и всей обстановки. Однако же иногда не менѣе аристократиченъ и обратный приемъ, замѣчать, то есть присматриваться, даже разсматривать, наприимѣръ хоть въ лорнетъ, всю эту сволочь; но не иначе, какъ принимая всю эту толпу, и всю эту грязь за своего рода развлеченіе, какъ бы за представленіе, устроенное для джентльменской забавы. Можно самому тѣсниться въ этой толпѣ, но смотрѣть кругомъ съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что собственно вы сами наблюдатель, и ужъ нисколько не принадлежите къ ея составу. Впрочемъ, и очень пристально наблюдать опять-таки не слѣдуетъ: опять уже это будетъ не по-джентльменски, потому что это во всякомъ случаѣ зрѣлище не стоить большаго и слишкомъ пристальнаго наблюденія. Да и вообще мало зрѣлищъ, достойныхъ слишкомъ пристальнаго наблюденія для джентльмена. А между тѣмъ мнѣ лично показалось, что все это и очень стоитъ весьма пристальнаго наблюденія, особенно для того, кто пришелъ не для одного наблюденія, а самъ искренно и добросовѣстно причисляетъ себя ко всей этой сволочи. Что же касается до моихъ сокровеннѣйшихъ нравственныхъ убѣжденій, то въ настоящихъ разсужденіяхъ моихъ имъ, конечно, нѣтъ мѣста. Пусть ужъ это будетъ такъ; говорю для очистки совѣсти. Но вотъ что я замѣчу: что во все послѣднее время мнѣ какъ-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои къ какой бы то ни было нравственной мѣркѣ. Другое управляло мною...

Сволочь дѣйствительно играетъ очень грязно. Я даже не прочь отъ мысли, что тутъ у стола происходитъ много самаго обыкновеннаго воровства. Крупѣрамъ, которые сидятъ по концамъ стола, смотреть за ставками и разсчитываются, ужасно много работы. Вотъ еще сволочь-то! это большею частью французы. Впрочемъ, я здѣсь наблюдаю и замѣчаю вовсе не для того, чтобы описывать рулетку; я принаравливаюсь для себя, чтобы знать, какъ себя вести на будущее время. Я замѣтилъ, наприимѣръ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, когда изъ-за стола протягивается вдругъ чьянибудь рука и беретъ себѣ то, что вы выиграли. Начинается споръ, нерѣдко крикъ, и — прошу покорно доказать, сыскать свидѣтелей, что ставка ваша!

Сначала, вся эта штука была для меня тарбарскою грамотою; я только догадывался и различалъ кое-какъ, что ставки бываютъ на числа, на чѣтъ и нечетъ и на цвѣта. Изъ денегъ Полины Александровны я въ этотъ вечеръ рѣшился попытать сто гульде-

новъ. Мысль, что я приступаю къ игрѣ не для себя, какъ-то сбивала меня съ толку. Ощущеніе было чрезвычайно непріятное, и мнѣ захотѣлось поскорѣе развязаться съ нимъ. Мнѣ все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться къ игорному столу, чтобы тотчасъ же не заразиться суевѣріемъ? Я началъ съ того, что вынулъ пять фридрихсдоровъ, т. е. пятьдесятъ гульденовъ и поставилъ ихъ на четку. Колесо обернулось и вышло тринадцать, — я проигралъ. Съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ, единственно, чтобы какънибудь развязаться и уйти, я поставилъ еще пять фридрихсдоровъ на красную. Вышла красная. Я поставилъ всѣ десять фридрихсдоровъ — вышла опять красная. Я поставилъ опять все заразъ, вышла опять красная. Получивъ сорокъ фридрихсдоровъ, я поставилъ двадцать на двѣнадцать среднихъ цифръ, не зная, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ заплатили второе. Такимъ образомъ, изъ десяти фридрихсдоровъ у меня появилось вдругъ восемьдесятъ. Мнѣ стало до того невыносимо отъ какого-то необыкновеннаго и страннаго ощущенія, что я рѣшился уйти. Мнѣ показалось, что я вовсе бы не такъ игралъ, еслибъ игралъ для себя. Я однакожъ поставилъ всѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ еще разъ на четку. На этотъ разъ вышло четыре; мнѣ отсыпали еще восемьдесятъ фридрихсдоровъ, и, захвативъ всю кучу въ сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, я отправился отыскивать Полину Александровну.

Они всѣ гдѣ-то гуляли въ паркѣ, и я успѣлъ увидѣться съ нею только за ужиномъ. На этотъ разъ француза не было, и генералъ развернулся: между прочимъ, онъ почелъ нужнымъ опять мнѣ замѣтить, что онъ бы не желалъ меня видѣть за игорнымъ столомъ. По его мнѣнію, его очень скомпрометируетъ, если я какънибудь слишкомъ проиграюсь; — «но еслибъ даже вы и выиграли очень много, то и тогда я буду тоже скомпрометированъ», прибавилъ онъ значительно. — Конечно, я не имѣю права располагать вашими поступками, но согласитесь сами...» Тутъ онъ по обыкновенію своему не докончилъ. Я сухо отвѣтилъ ему, что у меня очень мало денегъ и что, слѣдовательно, я немогу слишкомъ примѣтно проигратъ, еслибъ даже и сталъ играть. Придя къ себѣ наверхъ, я успѣлъ передать Полину ея выигрышъ и объявилъ ей, что въ другой разъ уже не буду играть для нея.

— Почему же? спросила она тревожно.

— Потому что хочу играть для себя, отвѣчалъ я, разсматривая ее съ удивленіемъ: а это мѣшаетъ.

— Такъ вы рѣшительно продолжаете быть убѣждены, что рулетка вашъ единственный исходъ и спасеніе? спросила она насмѣшливо. Я отвѣчалъ опять очень серьезно, что да; что же касается до моей увѣренности непремѣнно выиграть, то пускай это будетъ смѣшно, я согласенъ, «но чтобы оставить меня въ покоѣ».

Полина Александровна настаивала, чтобы я не-

премѣнно раздѣлилъ съ нею сегодншній выигрышъ пополамъ и отдавала мнѣ восемьдесятъ фридрихс-доровъ, предлагая и впредь продолжать игру на этомъ условіи. Я отказался отъ половины рѣшительно и окончательно, и объявилъ, что для другихъ немогу играть не потому, чтобъ не желалъ, а потому что навѣрное проиграю.

— И однакожь я сама, какъ ни глупо это, почти тоже надѣюсь на одну рулетку, сказала она задумываясь. А потому вы непременно должны продолжать игру, со мною вмѣстѣ пополамъ, и — разумѣется—будете. Тутъ она ушла отъ меня, не слушая дальнѣйшихъ моихъ возраженій.

ГЛАВА III.

И однакожь вчера цѣлый день она не говорила со мной объ игрѣ ни слова. Да и вообще она избѣгала со мной говорить вчера. Прежняя манера ея со мною не измѣнилась. Та же совершенная небрежность въ обращеніи, при встрѣчахъ, и даже что-то презрительное и ненавистное. Вообще, она не желаетъ скрывать своего ко мнѣ отвращенія; я это вижу. Не смотря на это, она не скрываетъ тоже отъ меня, что я ей для чего-то нуженъ и что она для чего-то меня бережетъ. Между нами установились какія-то страшныя отношенія, во многомъ для меня непонятныя,—взявъ въ соображеніе ея гордость и надменность со всѣми. Она знаетъ, напримѣръ, что я люблю ее до безумія, допускаетъ меня даже говорить о моей страсти—и ужъ, конечно, ничѣмъ она не выразила бы мнѣ болѣе своего презрѣнія, какъ этимъ позволеніемъ говорить ей безпрепятственно и безцензурно о моей любви. «Значить, дескать, до того считаю ни во что твои чувства, что мнѣ рѣшительно все равно, объ чемъ бы ты ни говорилъ со мною, и что бы ко мнѣ ни чувствовалъ». Про свои собственные дѣла она разговаривала со мною много и прежде, но никогда не была вполне откровенна. Мало того, въ пренебреженіи ея ко мнѣ были, напримѣръ, вотъ какія утонченности: она знаетъ, положимъ, что мнѣ извѣстно какое нибудь обстоятельство ея жизни, или что нибудь о томъ, что сильно ее тревожитъ; она даже сама расскажетъ мнѣ что нибудь изъ ея обстоятельствъ, если надо употребить меня какъ нибудь для своихъ цѣлей въ родѣ раба, или на побѣгушки; но расскажетъ всегда ровно столько, сколько надо знать человѣку, употребляющемуся на побѣгушки и—если мнѣ еще неизвѣстна цѣлая связь событій, если она и сама видитъ, какъ я мучусь и тревожусь ея же мученіями и тревогами, то никогда не удостоитъ меня успокоить вполне своей дружеской откровенностію, хотя, употребляя меня нерѣдко по порученіямъ не только хлопотливымъ, но даже опаснымъ, она, по моему мнѣнію, обязана быть со мной откровенною. Да и стоитъ ли заботиться о моихъ чувствахъ, о томъ, что я тоже тревожусь и, можетъ быть, втрое боль-

ше забочусь и мучусь ея же заботами и неудачами, чѣмъ она сама!

Я недѣли за три еще зналъ объ ея намѣреніи играть на рулеткѣ. Она меня даже предупредила, что я долженъ буду играть вмѣсто нея, потому что ей самой играть неприлично. По тону ея словъ, я тогда-же замѣтилъ, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желаніе выиграть деньги. Что ей деньги сами по себѣ! Тутъ есть цѣль, тутъ какія-то обстоятельства, которыя я могу угадывать, но которыхъ я до сихъ поръ не знаю. Разумѣется, то униженіе и рабство, въ которыхъ она меня держитъ, могли бы мнѣ дать (весьма часто даютъ) возможность грубо и прямо самому ее разспрашивать. Такъ какъ я для нея рабъ и слишкомъ ничтоженъ въ ея глазахъ, то нечего ей и обижаться грубымъ моимъ любопытствомъ. Но дѣло въ томъ, что она, позволяя мнѣ дѣлать вопросы, на нихъ не отвѣчаетъ. Иной разъ и вовсе ихъ не замѣчаетъ. Вотъ какъ у насъ!

Вчерашній день у насъ много говорилось о телеграммѣ, пущенной еще четыре дня назадъ въ Петербургъ, и на которую не было отвѣта. Генералъ видимо волнуется и задумчивъ. Дѣло идетъ, конечно, о бабушкѣ. Волнуется и французъ. Вчера, напримѣръ, послѣ обѣда они долго и серьезно разговаривали. Тонъ француза со всѣми нами необыкновенно высокомерный и небрежный. Тутъ именно по пословицѣ: посади за столъ и ноги на столъ. Онъ даже съ Полиной небреженъ до грубости; впрочемъ, съ удовольствіемъ участвуетъ въ общихъ прогулкахъ въ воксалѣ или въ кавалькадахъ и поѣздкахъ за городъ. Мнѣ извѣстны давно кой-какія изъ обстоятельствъ, связавшихъ француза съ генераломъ: въ Россіи они затѣвали вмѣстѣ заводъ; я не знаю, лопнулъ ли ихъ проэктъ, или все еще объ немъ у нихъ говорится. Кромѣ того, мнѣ случайно извѣстна часть семейной тайны: французъ дѣйствительно выручилъ прошлаго года генерала и далъ ему тридцать тысячъ для пополненія недостающаго въ казенной суммѣ, при сдачѣ должности. И ужъ разумѣется, генералъ у него въ тискахъ; но теперь, собственно теперь, главную роль во всемъ этомъ играетъ все-таки m-lle Blanche, и я увѣренъ, что и тутъ не ошибаюсь.

— Кто такая m-lle Blanche? Здѣсь у насъ говорятъ, что она знатная француженка, имѣющая съ собою свою мать и колоссальное состояніе. Извѣстно тоже, что она какая-то родственница нашему маркизу, только очень дальняя, какая-то кузина или троюродная сестра. Говорятъ, что до моей поѣздки въ Парижъ, французъ и m-lle Blanche сносились между собою какъ-то гораздо церемоннѣе, были какъ будто на болѣе тонкой и деликатной ногѣ; теперь же знакомство ихъ, дружба и родственность выглядятъ какъ-то грубѣе, какъ-то короче. Можетъ быть, наши дѣла кажутся имъ до того ужъ плохими, что они и не считаютъ нужнымъ слишкомъ съ нами церемониться и скрываться. Я еще третьяго дня замѣтилъ, какъ мистеръ Астлей раз-

глядывалъ m-lle Blanche и ея матушку. Мнѣ показалось, что онъ ихъ знаетъ. Мнѣ показалось даже, что и нашъ французъ встрѣчался прежде съ мистеромъ Астлеемъ. Впрочемъ, мистеръ Астлей до того застѣнчивъ, стыдливъ и молчаливъ, что на него почти можно понадѣяться, — изъ избы сора не выпесетъ. Но крайней мѣрѣ, французъ едва ему кланяется и почти не глядитъ на него; а, — стало быть не боится. Это еще понятно; но почему m-lle Blanche тоже почти не глядитъ на него? Тѣмъ болѣе, что маркизъ вчера проговорился: онъ вдругъ сказалъ въ общемъ разговорѣ, не помню по какому поводу, что мистеръ Астлей колоссально богатъ, и что онъ про это знаетъ: тутъ-то-бы и глядѣть m-lle Blanche на мистера Астлея! Вообще генералъ находится въ безпокойствѣ. Понятно, что можетъ значить для него теперь телеграмма о смерти теткн!

Мнѣ хоть и показалось навѣрное, что Полина избѣгаетъ разговора со мною, какъ бы съ цѣлью, но я и самъ принялъ на себя видъ холодный и равнодушный: все думалъ, что она, нѣтъ-нѣтъ, да и подойдетъ ко мнѣ. Зато вчера и сегодня я обратилъ все мое вниманіе преимущественно на m-lle Blanche. Бѣдный генералъ, онъ погибъ окончательно! Влюбиться въ пятьдесятъ пять лѣтъ, съ такою силою страсти, — конечно, несчастье. Прибавьте къ тому его вдовство, его дѣтей, совершенно разоренное имѣніе, долги и наконецъ женщину, въ которую ему пришлось влюбиться. M-lle Blanche красива собою. Но, я не знаю, поймутъ ли меня, если я выражусь, что у ней одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно испугаться. По крайней мѣрѣ, я всегда боялся такихъ женщинъ. Ей навѣрно лѣтъ двадцать пять. Она рослая и широкоплечая, съ крутыми плечами; шея и грудь у нея роскошны; цвѣтъ кожи смугло-желтый, цвѣтъ волосъ черный, какъ тушь, и волосъ ужасно много, достало бы на двѣ куафюры. Глаза черные, бѣлки глазъ желтоватые, взглядъ нахальный, зубы бѣлѣйшіе, губы всегда намажены; отъ нея пахнетъ мускусомъ. Одѣвается она эффектно, богато, съ шикомъ, но съ большимъ вкусомъ. Ноги и руки удивительныя. Голосъ ея — сильный контральто. Она иногда разхохочется и при этомъ покажетъ всѣ свои зубы, но обыкновенно смотритъ молчаливо и нахально, — по крайней мѣрѣ при Полинѣ и при Марьѣ Филипповнѣ. (Странный слухъ: Марья Филипповна уѣзжаетъ въ Россію). Мнѣ кажется m-lle Blanche безо всякаго образованія, можетъ быть даже и не умна, но зато подозрительна и хитра. Мнѣ кажется, ея жизнь была таки не безъ приключеній. Если ужъ говорить все, то можетъ быть, что маркизъ вовсе ей не родственникъ, а мать совсѣмъ не мать. Но есть свѣдѣнія, что въ Берлинѣ, гдѣ мы съ ними сѣхались, она и мать ея имѣли нѣсколько порядочныхъ знакомствъ. Что касается до самого маркиза, то хоть я и до сихъ поръ сочиняюсь, что онъ маркизъ, но принадлежность его къ порядочному обществу, какъ у насъ, напри-

мѣръ, въ Москвѣ, и кое-гдѣ и въ Германіи, кажется не подвержена сомнѣнію. Не знаю, что онъ такое во Франціи? говорятъ у него есть шатѣ. Я думалъ, что въ эти двѣ недѣли много воды уйдетъ, и однакожь я все еще не знаю навѣрно, сказано ли у m-lle Blanche съ генераломъ что нибудь рѣшительное? Вообще все зависитъ теперь отъ нашего состоянія, т. е. отъ того, много ли можетъ генералъ показать имъ денегъ. Если бы, наприимѣръ, пришло извѣстіе, что бабушка не умерла, то я увѣренъ, m-lle Blanche тотчасъ бы исчезла. Удивительно и смѣшно мнѣ самому, какой я однакожь сталъ сплетникъ. О, какъ мнѣ все это противно! Съ какимъ наслажденіемъ я бросилъ бы всѣхъ и все! Но развѣ я могу уѣхать отъ Полины, развѣ я могу не шпионить кругомъ нея? Шпионство, конечно, подло, но — какое мнѣ до этого дѣло!

Любопытенъ мнѣ тоже былъ вчера и сегодня мистеръ Астлей. Да, я убѣжденъ, что онъ влюбленъ въ Полину! Любопытно и смѣшно, сколько иногда можетъ выразить взглядъ стыдливаго и болѣзненно-цѣломудреннаго человѣка, тронутаго любовью, и именно въ то время, когда человѣкъ ужъ конечно радъ бы скорѣе сквозь землю провалиться, чѣмъ что нибудь высказать или выразить, словомъ или взглядомъ. Мистеръ Астлей весьма часто встрѣчается съ нами на прогулкахъ. Онъ снимаетъ шляпу и проходитъ мимо, умирая, разумѣется, отъ желанія къ намъ присоединиться. Если же его приглашаютъ, то онъ тотчасъ отказывается. На мѣстахъ отдыха, въ воксалѣ, на музыкѣ, или предъ фонтаномъ, онъ уже непременно останавливается гдѣ нибудь недалеко отъ нашей скамейки, и гдѣ бы мы ни были, въ паркѣ ли, въ лѣсу ли, или на Шлангенбергѣ, — стоитъ только вскинуть глазами, посмотрѣть кругомъ и непременно гдѣ нибудь, или на ближайшей тропинкѣ, или изъ-за куста покажется уголокъ мистера Астлея. Мнѣ кажется, онъ ищетъ случая со мною говорить особенно. Сегодня утромъ мы встрѣтились и перекинули два слова. Онъ говоритъ иной разъ какъ-то чрезвычайно отрывисто. Еще не сказавъ «здравствуйте» онъ началъ съ того, что проговорилъ:

— А, m-lle Blanche!.. я много видѣлъ такихъ женщинъ, какъ m-lle Blanche!

Онъ замолчалъ, знаменательно смотря на меня. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, не знаю, потому что на вопросъ мой: что это значитъ? онъ съ хитрою улыбкою кивнулъ головою и прибавилъ: «ужъ это такъ». — M-lle Pauline очень любитъ цвѣты?

— Не знаю, совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ я.

— Какъ! Вы и этого не знаете! вскричалъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не знаю, совсѣмъ не замѣтилъ, повторилъ я смѣясь.

— Гмъ, это даетъ мнѣ одну особую мысль. Тутъ онъ кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Онъ, впрочемъ, имѣлъ довольный видъ. Говоримъ мы съ нимъ на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ.

ГЛАВА IV.

Сегодня былъ день смѣшной, безобразный, нелѣпый. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Я сижу въ своей каморкѣ и припоминаю. Началось съ того, что утромъ принужденъ-таки былъ идти на рулетку, чтобъ играть для Полины Александровны. Я взялъ всѣ ея сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, но подѣ двумя условіями: первое—что я не хочу играть въ половинѣ, т. е. если выиграю, то ничего не возьму себѣ, и второе, что вечеромъ Полина разъяснитъ мнѣ: для чего именно ей такъ нужно выиграть и сколько именно денегъ. Я все-таки никакъ не могу предположить, чтобы это было просто для денегъ. Тутъ видимо деньги необходимы, и какъ можно скорѣе, для какой-то особенной цѣли. Она общалась разъяснить, и я отправился. Въ игорныхъ залахъ толпа была ужасная. Какъ нахальны они и какъ всѣ они жадны! Я протѣснился къ серединѣ и сталъ возлѣ самаго крупера; затѣмъ сталъ робко пробовать игру, ставя по двѣ и по три монеты. Между тѣмъ я наблюдалъ и замѣчалъ; мнѣ показалось, что собственно расчетъ довольно мало значитъ и вовсе не имѣетъ той важности, которую ему придаютъ многіе игроки. Они сидятъ съ разграфленными бумажками, замѣчаютъ удары, считаютъ, выводятъ шансы, рассчитываютъ, наконецъ ставятъ и — проигрываютъ точно также какъ и мы, простые смертные, играющіе безъ расчета. Но за то я вывелъ одно заключеніе, которое, кажется, вѣрно: дѣйствительно въ теченіи случайныхъ шансовъ бываетъ, хоть и не система, но какъ будто какой-то порядокъ,—что, конечно, очень странно. Напримѣръ бываетъ, что послѣ двѣнадцати среднихъ цифръ наступаютъ двѣнадцать послѣднихъ; два раза, положимъ, ударъ ложится на эти двѣнадцать послѣднихъ и переходитъ на двѣнадцать первыхъ. Упавъ на двѣнадцать первыхъ, переходитъ опять на двѣнадцать среднихъ, ударяетъ сряду три, четыре раза по среднимъ и опять переходитъ на двѣнадцать послѣднихъ, гдѣ, опять послѣ двухъ разъ, переходитъ къ первымъ, на первыхъ опять бьетъ одинъ разъ и опять переходитъ на три удара среднихъ, и такимъ образомъ продолжается въ теченіе полутора или двухъ часовъ. Одинъ, три и два; одинъ, три и два. Это очень забавно. Иной день или иное утро идетъ, напримѣръ, такъ, что красная смѣняется черною и обратно, почти безъ всякаго порядка поминутно, такъ что больше двухъ — трехъ ударовъ сряду на красную или на черную не ложится. На другой же день, или на другой вечеръ бываетъ сряду одна красная, доходитъ, напримѣръ, больше, чѣмъ до двадцати двухъ разъ сряду и такъ идетъ непремѣнно въ продолженіе нѣкотораго времени, напримѣръ въ продолженіе цѣлаго дня. Мнѣ много въ этомъ объяснилъ мистеръ Астлей, который цѣлое утро простоялъ у игорныхъ столовъ, но самъ не поставилъ ни разу. Что же касается до меня, то я весь проигрался

до тла и очень скоро. Я прямо, сразу поставилъ на чѣтку двадцать фридрихсдоровъ и выигралъ, поставилъ опять и опять выигралъ и такимъ образомъ еще раза два или три. Я думаю, у меня сошло въ рукахъ около четырехсотъ фридрихсдоровъ въ какія нибудь пять минутъ. Тутъ бы мнѣ и отойти, но во мнѣ родилось какое-то странное ощущеніе, какой-то вызовъ судьбѣ, какое-то желаніе дать ей щелчокъ, выставить ей языкъ. Я поставилъ самую большую позволенную ставку, въ четыре тысячи гульденовъ, и проигралъ. Затѣмъ, разгорячившись, вынулъ все, что у меня оставалось, поставилъ на ту же ставку и проигралъ опять, послѣ чего отошелъ отъ стола, какъ оглушенный. Я даже не понималъ, что это со мною было и объявилъ о моемъ проигрышѣ Полины Александровны только предъ самымъ обѣдомъ. До того времени я все шатался въ паркѣ.

За обѣдомъ, я былъ опять въ возбужденномъ состояніи, также какъ и три дня тому назадъ. Французъ и M-lle Blanche опять обѣдали съ нами. Оказалось, что M-lle Blanche была утромъ въ игорныхъ залахъ и видѣла мои подвиги. Въ этотъ разъ она заговорила со мною какъ-то внимательнѣе. Французъ пошелъ прямѣе и просто спросилъ меня: — неужели я проигралъ свои собственные деньги? Мнѣ кажется, онъ подозреваетъ Полину. Однимъ словомъ, тутъ что-то есть. Я тотчасъ же солгалъ и сказалъ, что своп.

Генераль былъ чрезвычайно удивленъ: откуда я взялъ такіе деньги? Я объяснилъ, что началъ съ десяти фридрихсдоровъ, что шесть или семь ударовъ сряду, на двое, довели меня до пяти или до шести тысячъ гульденовъ и что потомъ я все спустилъ съ двухъ ударовъ.

Все это, конечно, было вѣроятно. Объясняя это, я посмотрѣлъ на Полину, но ничего не могъ разобратъ въ ея лицѣ. Однакомъ она мнѣ дала солгать и не поправила меня; изъ этого я заключилъ, что мнѣ и надо было солгать и скрыть, что я игралъ за нее. Во всякомъ случаѣ, думалъ я про себя, она обязана мнѣ объясненіемъ и давеча обѣщала мнѣ кое-что открыть.

Я думалъ, что генераль сдѣлаетъ мнѣ какое нибудь замѣчаніе, но онъ промолчалъ; за то я замѣтилъ въ лицѣ его волненіе и беспокойство. Можетъ быть, при крутыхъ его обстоятельствахъ, ему просто тяжело было выслушать, что такая почти-тельная груда золота пришла и ушла въ четверть часа у такого нерасчетливаго дурака, какъ я.

Я подозреваю, что у него вчера вечеромъ вышла съ французомъ какая-то жаркая контра. Онъ долго и съ жаромъ говорили о чемъ-то, запершись. Французъ ушелъ какъ будто чѣмъ-то раздраженный, а сегодня рано утромъ опять приходилъ къ генералу — и вѣроятно чтобъ продолжать вчерашній разговоръ.

Выслушавъ о моемъ проигрышѣ, французъ ѣдко и даже злобно замѣтилъ мнѣ, что надо было быть благоразумнѣе. Не знаю, для чего онъ прибавилъ,

что — хоть русских и много играет, но, по его мнѣнію, русскіе даже и играть неспособны.

— А по моему мнѣнію, рулетка только и создана для русскихъ, сказалъ я, и когда французъ на мой отзывъ презрительно усмѣхнулся, я замѣтилъ ему, что ужъ конечно правда на моей сторонѣ, потому что, говоря о русскихъ, какъ объ игрокахъ, я гораздо болѣе ругаю ихъ, чѣмъ хвалю и что мнѣ, стало быть, можно вѣрить.

— На чемъ же вы основываете ваше мнѣніе? спросилъ французъ.

— На томъ, что въ катехизисъ добродѣтелей и достоинствъ цивилизованнаго западнаго челоука вошла исторически, и чуть ли не въ видѣ главнаго пункта, способность пріобрѣтенія капиталовъ. А русскій не только неспособенъ пріобрѣтать капиталы, но даже и расточаетъ ихъ какъ-то зря и безобразно. Тѣмъ не менѣе, намъ, русскимъ, деньги тоже нужны, прибавилъ я, а слѣдственно мы очень рады и очень падки на такіе способы, какъ напримѣръ, рулетки, гдѣ можно разбогатѣть вдругъ, въ два часа, не трудясь. Это насъ очень прельщаетъ; а такъ какъ мы и играемъ зря, безъ труда, то и проигрываемся!

— Это отчасти справедливо, замѣтилъ самодовольно французъ.

— Нѣтъ, это несправедливо, и вамъ стыдно такъ отзываться о своемъ отечествѣ, строго и внушительно замѣтилъ генераль.

— Помилюте, отвѣчалъ я ему, вѣдь право неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразіе или нѣмецкій способъ накопленія честнымъ трудомъ?

— Какая безобразная мысль! воскликнулъ генераль.

— Какая русская мысль! воскликнулъ французъ.

Я смѣялся, мнѣ ужасно хотѣлось ихъ раззадорить.

— А я лучше захочу всю жизнь прокочевать въ киргизской палаткѣ, вскричалъ я, чѣмъ поклоняться нѣмецкому идолу.

— Какому идолу? вскричалъ генераль, уже начиная серьезно сердиться.

— Нѣмецкому способу накопленія богатствъ. Я здѣсь не долго, но однакожъ все-таки, что я здѣсь успѣлъ подмѣтить и провѣрить, возмущаетъ мою татарскую породу. Ей-Богу, не хочу такихъ добродѣтелей! Я здѣсь успѣлъ уже вчера обойти верстъ на десять кругомъ. Ну, точъ въ точъ тоже самое, какъ въ нравоучительныхъ нѣмецкихъ книжечкахъ съ картинками: есть здѣсь вездѣ у нихъ въ каждомъ домѣ свой фатеръ, ужасно добродѣтельный и необыкновенно честный. Ужъ такой честный, что подойти къ нему страшно. Терпѣть не могу честныхъ людей, къ которымъ подходитъ страшно. У каждого эдакого фатера есть семья, и по вечерамъ всѣ они вслухъ поучительныя книги читаютъ. Надъ домикомъ шумятъ вязы и каштаны. Закатъ солнца, на крышѣ аистъ, и все необыкновенно поэтическое и трогательное...

— Ужъ вы не сердитесь, генераль, позвольте

мнѣ рассказать потрогательныя. Я самъ помню, какъ мой отецъ, покойникъ, тоже подъ липками, въ палисадникѣ, по вечерамъ вслухъ читалъ мнѣ и матери подобныя книжки... Я вѣдь самъ могу судить объ этомъ, какъ слѣдуетъ. Ну такъ всякая этакая здѣшняя семья въ полнѣйшемъ рабствѣ и повиновеніи у фатера. Всѣ работаютъ, какъ волы, и всѣ копятъ деньги, какъ жиды. Положимъ, фатеръ скопилъ уже столько-то гульденовъ и разсчитываетъ на старшаго сына, чтобы ему ремесло, а въ землю передать; для этого дочери приданаго не даютъ и она остается въ дѣвкахъ. Для этого же младшаго сына продаютъ въ кабалу, а въ солдаты и деньги пріобшчаютъ къ домашнему капиталу. Право это здѣсь дѣлается; я разспрашивалъ. Все это дѣлается не иначе, какъ отъ честности, отъ усиленной честности, до того, что и младшій проданный сынъ вѣруеть, что его не иначе, какъ отъ честности продали,—а ужъ это идеаль, когда сама жертва радуется, что ее на закланіе ведутъ. Что же дальше? Дальше то, что и старшему тоже не легче: есть тамъ у него такая Амальхенъ, съ которою онъ сердцемъ соединился — но жениться нельзя, потому что гульденовъ еще столько не накоплено. Тоже, ждутъ благо нравно и искренно и съ улыбкой на закланіе идутъ. У Амальхенъ ужъ щеки ввалились; сохнеть. Наконецъ, лѣтъ чрезъ двадцать, благосостояніе умножилось; гульдены честно и добродѣтельно скоплены. Фатеръ благословляетъ сорокалѣтняго старшаго и тридцати-пяти-лѣтнюю Амальхенъ, съ иссохшей грудью и краснымъ носомъ... При этомъ плачетъ, мораль чптаетъ и умираетъ. Старшій превращается самъ въ добродѣтельнаго фатера и начинается опять та же исторія. Лѣтъ эдакъ чрезъ пятьдесятъ, или чрезъ семьдесятъ, внукъ перваго фатера дѣйствительно уже осуществляетъ значительный капиталъ и передаетъ своему сыну, тотъ своему, тотъ своему и поколѣній чрезъ пять или шесть выходитъ самъ баронъ Ротшильдъ или Гоппе и Комп. или тамъ чортъ знаетъ кто. Ну-съ, какъ же не величественное зрѣлище: столѣтній или двухсотъ-лѣтній преемственный трудъ, терпѣніе, умъ, честность, характеръ, твердость, расчетъ, аистъ на крышѣ! Чего же вамъ еще, вѣдь ужъ выше этого нѣтъ ничего и съ этой точки они сами начинаютъ весь міръ судить и виновныхъ, т. е. чуть-чуть на нихъ не походить, тотчасъ же казнить. Ну-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: я ужъ лучше хочу дебоширить по-русски или разжигаться на рулеткѣ. Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрезъ пять поколѣній. Мнѣ деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чѣмъ-то необходимымъ и придаточнымъ къ капиталу. Я знаю, что я ужасно навралъ, но пусть такъ оно и будетъ. Таковы мои убѣжденія.

— Не знаю, много ли правды въ томъ, что вы говорили, задумчиво замѣтилъ генераль, но знаю навѣрное, что вы нестерпимо начинаете фарсить, чуть-лишь вамъ капельку позволять забыться...

— По обыкновенію своему, онъ не договорилъ. Если нашъ генераль начиналъ о чемъ, нибудь говорить, хотя капельку по значительнѣе обыкновеннаго обыденнаго разговора, то никогда не договаривалъ. Французъ небрежно слушалъ, немного выпучивъ глаза. Онъ почти ничего не понималъ изъ того, что я говорилъ. Полина смотрѣла съ какимъ-то высокомернымъ равнодушіемъ. Казалось, она не только меня, но и ничего не слыхала изъ сказаннаго въ этотъ разъ за столомъ.

ГЛАВА V.

Она была въ необыкновенной задумчивости, но тотчасъ по выходѣ изъ-за стола велѣла мнѣ сопровождать себя на прогулку. Мы взяли дѣтей и отправились въ паркъ къ фонтану.

Такъ какъ я былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, то и брякнулъ глупо и грубо вопросъ: почему нашъ маркизъ Де-Гріе, французикъ, не только не сопровождаетъ ее теперь, когда она выходитъ куда нибудь, но даже и не говоритъ съ нею по цѣлымъ днямъ?

— Потому что онъ подлецъ, странно отвѣтила она мнѣ. Я никогда еще не слышалъ отъ нея такого отзыва о Де-Гріе, и замолчалъ, побоявшись понять эту раздражительность.

— А замѣтили ли вы, что онъ сегодня не въ ладахъ съ генераломъ?

— Вамъ хочется знать въ чемъ дѣло, сухо и раздражительно отвѣчала она. — Вы знаете, что генераль весь у него въ закладѣ, все имѣніе—его, и если бабушка не умретъ, то французъ немедленно войдетъ во владѣніе всѣмъ, что у него въ закладѣ.

— А, такъ это дѣйствительно правда, что все въ закладѣ? Я слышалъ, но не зналъ, что рѣшительно все.

— А то какъ же?

— И при этомъ прощай m-lle Blanche, замѣтилъ я. Не будетъ она тогда генеральшей! Знаете ли что: мнѣ кажется, генераль такъ влюбился, что, пожалуй, застрѣлится, если m-lle Blanche его броситъ. Въ его дѣла такъ влюбляться опасно.

— Мнѣ самой кажется, что съ нимъ что нибудь будетъ,—задумчиво замѣтила Полина Александровна.

— И какъ это великолѣпно, вскричалъ я—грубо, нельзя показать, что она согласилась выйти только за деньги. Тутъ даже приличій не соблюдалось, совсѣмъ безъ церемоній происходило. Чудно! А на счетъ бабушки, что комичнѣе и грязнѣе, какъ посылать телеграмму за телеграммою и спрашивать: умерла ли, умерла ли? А? какъ вамъ это нравится, Полина Александровна?

— Это все вздоръ, сказала она съ отвращеніемъ, перебивая меня. Я, напротивъ того, удивляюсь, что вы въ такомъ развѣсѣломъ расположе-

ніи духа. Чему вы рады? Неужели тому, что мои деньги проиграла?

— За чѣмъ вы давали ихъ мнѣ проигрывать? Я вамъ сказалъ, что не могу играть для другихъ, тѣмъ болѣе для васъ. Я послушаюсь, что бы вы мнѣ ни приказали; но результатъ не отъ меня зависитъ. Я вѣдь предупредилъ, что ничего не выйдетъ. Скажите, вы очень убиты, что потеряли столько денегъ? Для чего вамъ столько?

— Къ чему эти вопросы?

— Но вѣдь вы сами общали мнѣ объяснить... Слушайте: я совершенно убѣжденъ, что когда начну играть для себя, (а у меня есть двѣнадцать фридрихсдорфовъ), то я выиграю. Тогда, сколько вамъ надо, берите у меня.

Она сдѣлала презрительную мину.

— Вы не сердитесь на меня, продолжалъ я, за такое предложеніе. Я до того проникнутъ сознаніемъ того, что я цуль предъ вами, то есть въ вашихъ глазахъ, что вамъ можно даже принять отъ меня и деньги. Подаркомъ отъ меня вамъ нельзя обижаться. Притомъ же я проигралъ ваши.

Она быстро поглядѣла на меня и, замѣтивъ, что я говорю раздражительно и саркастически, опять перебила разговоръ:

— Вамъ нѣтъ ничего интереснаго въ моихъ обстоятельствахъ. Если хотите знать, я просто должна. Деньги взяты мною взаймы и я хотѣла бы ихъ отдать. У меня была безумная и странная мысль, что я непременно выиграю, здѣсь, на игорномъ столѣ. Почему была эта мысль у меня—не понимаю, но я въ нее вѣрила. Кто знаетъ, можетъ быть потому и вѣрила, что у меня никакого другаго шанса при выборѣ не оставалось.

— Или потому, что ужь слишкомъ надо было выиграть. Это точъ въ точъ, какъ утопающій, который хватается за соломенку. Согласитесь сами, что еслибы онъ не утопалъ, то онъ не считалъ бы соломенку за 'древесный сукъ.

Полина удивилась:

— Какъ же, спросила она, вы сами-то на тоже самое надѣетесь? Двѣ недѣли назадъ, вы сами мнѣ говорили однажды, много и долго, о томъ, что вы вполне увѣрены въ выигрышъ здѣсь на рулетѣ, и убѣждали меня; чтобы я не смотрѣла на васъ, какъ на безумнаго; или вы тогда шутили? но я помню, вы говорили такъ серьезно, что никакъ нельзя было принять за шутку.

— Это правда, отвѣчалъ я задумчиво, я до сихъ поръ увѣренъ вполне, что выиграю. Я даже вамъ признаюсь, что вы меня теперь навели на вопросъ: почему именно мой сегодняшний, безтолковый и безобразный проигрышъ не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія? Я все-таки вполне увѣренъ, что чуть только я начну играть для себя, то выиграю непременно.

— Почему-же вы такъ навѣрно убѣждены?

— Если хотите,—не знаю. Я знаю только, что мнѣ надо выиграть, что это тоже единственный мой

исходъ. Ну, вотъ потому можетъ быть мнѣ и кажется, что я непременно долженъ выиграть.

— Стало быть вамъ тоже слишкомъ надо, если вы фанатически увѣрены?

— Бьюсь объ закладъ, что вы сомнѣваетесь, что я въ состояніи ощущать серьезную надобность?

— Это мнѣ все равно, тихо и равнодушно отвѣтила Полина. Если хотите—да, я сомнѣваюсь, чтобъ васъ мучило что нибудь серьезно. Вы можете мучиться, но не серьезно. Вы человѣкъ безпорядочный и неуставившійся. Для чего вамъ деньги? Во всѣхъ резонахъ, которые вы мнѣ тогда представили, я ничего не нашла серьезнаго.

— Кстати, перебилъ я, вы говорили, что вамъ долгъ нужно отдать. Хорошо, значитъ, долгъ! Не французъ ли?

— Что за вопросы? Вы сегодня особенно рѣзки. Уже не пьяны ли?

— Вы знаете, что я все себѣ позволяю говорить и спрашиваю иногда очень откровенно. Повторяю, я вашъ рабъ, а рабовъ не стыдятся и рабъ оскорбить не можетъ.

— Все это вздоръ! И терпѣть я не могу этой вашей «рабской» теоріи.

— Замѣтьте себѣ, что я не потому говорю про мое рабство, чтобъ желалъ быть вашимъ рабомъ, а просто—говорю, какъ о фактѣ, совсѣмъ не отъ меня зависящемъ.

— Говорите прямо, зачѣмъ вамъ деньги?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Какъ хотите, отвѣтила она, и гордо повела головой.

— Рабской теоріи не терпите, а рабства требуете: «отвѣчать и не разсуждать!» Хорошо, пусть такъ. Зачѣмъ деньги, вы спрашиваете? Какъ зачѣмъ? деньги—все!

— Понимаю, но не впадать же въ такое сумасшествіе, ихъ желая! Вы вѣдь тоже доходите до изступленія, до фатализма. Тутъ есть что нибудь, какая-то особая цѣль. Говорите безъ извиненій, я такъ хочу.

Она какъ будто начинала сердиться, и мнѣ ужасно понравилось, что она такъ съ сердцемъ допрашивала.

— Разумѣется есть цѣль, сказалъ я, но я не сумѣю объяснить—какая. Больше ничего, что съ деньгами я стану и для васъ другимъ человѣкомъ, а не рабомъ.

— Какъ? какъ вы этого достигнете?

— Какъ достигну? какъ, вы даже не понимаете, какъ могу я достигнуть, чтобъ вы взглянули на меня иначе, какъ на раба! Ну вотъ этого-то я и не хочу, такихъ удивленій и недоумѣній.

— Вы говорили, что вамъ это рабство наслажденіе. Я такъ и сама думала.

— Вы такъ думали, вскричалъ я съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ. Ахъ, какъ эдакая наивность отъ васъ хороша! Ну да, да, мнѣ отъ васъ рабство—наслажденіе. Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени припиченности и ничтожества!

Продолжалъ я бредить. Чортъ знаетъ, можетъ быть оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину и рветъ въ клочки мясо... Но я хочу, можетъ быть, попытать и другихъ наслажденій. Мнѣ давеча генераль при васъ за столомъ наставленіе читалъ за семьсотъ рублей въ годъ, которыхъ я можетъ быть еще и не получу отъ него. Меня маркизъ Де-Гріе, поднявши брови, разсматриваетъ и въ тоже время не замѣчаетъ. А я, съ своей стороны, можетъ быть желаю страстно взять маркиза Де-Гріе при васъ за носъ?

— Рѣчи молокососа. При всякомъ положеніи можно поставить себя съ достоинствомъ. Если тутъ борьба, то она еще возвыситъ, а не упизитъ.

— Прямо изъ прописи! Вы только предполагаете, что я можетъ быть не умѣю поставить себя съ достоинствомъ. Т. е. я, пожалуй, и достойный человѣкъ, а поставить себя съ достоинствомъ не умѣю. Вы понимаете, что такъ можетъ быть? Да всѣ русскіе таковы, и знаете почему: потому что русскіе слишкомъ богато и многосторонне одарены, чтобъ скоро принскать себѣ приличную форму. Тутъ дѣло въ формѣ. Большею частью мы, русскіе, такъ богато одарены, что для приличной формы намъ нужна гениальность. Ну, а гениальности-то всего чаще и не бываетъ, потому что она и вообще рѣдко бываетъ. Это только у французъ и, пожалуй, у нѣкоторыхъ другихъ европейцевъ такъ хорошо опредѣлилась форма, что можно глядѣть съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и быть самымъ недостойнымъ человѣкомъ. Оттого такъ много форма у нихъ и значитъ. Французъ перенесетъ оскорбленіе, настоящее, сердечное оскорбленіе и не поморщится, но щелчка въ носъ ни за что не перенесетъ, потому что это есть нарушеніе принятой и увѣковѣченной формы приличій. Оттого-то такъ и падали наши барышни до французовъ, чьей форма у нихъ хороша. По моему, впрочемъ, никакой формы и нѣтъ, а одинъ только пѣтухъ, le coq gaulois. Впрочемъ, этого я понимать не могу, я не женщина. Можетъ быть пѣтухи и хороши. Да и вообще я заврался, а вы меня не останавливаете. Останавливайте меня чаще; когда я съ вами говорю, мнѣ хочется высказать все, все, все. Я теряю всякую форму. Я даже согласенъ, что я не только формы, но и достоинствъ никакихъ не имѣю. Объявляю вамъ объ этомъ. Даже не забочусь ни о какихъ достоинствахъ. Теперь все во мнѣ остановилось. Вы сами знаете отчего. У меня ни одной человѣческой мысли нѣтъ въ головѣ. Я давно ужъ не знаю, что на свѣтѣ дѣлается, ни въ Россіи, ни здѣсь. Я, вотъ, Дрезденъ проѣхалъ и не помню, какой такой Дрезденъ. Вы сами знаете, что меня поглотило. Такъ-какъ я не имѣю никакой надежды и въ глазахъ вашихъ нуль, то и говорю прямо: я только васъ вездѣ вижу, а остальное мнѣ все равно. За что, и какъ я васъ люблю—не знаю. Знаете ли, что можетъ быть вы вовсе не хороши? Представьте себѣ, я даже не знаю, хороши ли вы, или нѣтъ, даже лицомъ? Сердце, навѣрное, у васъ

нехорошее; умъ неблагородный; это очень можетъ быть.

— Можетъ быть вы потому и разсчитываете закупить меня деньгами, сказала она, что не вѣрите въ мое благородство?

— Когда я разсчитывалъ купить васъ деньгами? вскричалъ я.

— Вы зарпортовались и потеряли вашу нитку. Если не меня купить, то мое уваженіе вы думаете купить деньгами.

— Ну нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Я вамъ сказалъ, что мнѣ трудно объясняться. Вы подавляете меня. Не сердитесь на мою болтовню. Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: я просто сумасшедшій. А впрочемъ мнѣ все равно, хоть и сердитесь. Мнѣ у себя наверху, въ каморкѣ, стоить вспомнить и вообразить только шумъ вашего платья, и я руки себѣ искушать готовъ. И за что вы на меня сердитесь? За то, что я называю себя рабомъ? Пользуйтесь, пользуйтесь моимъ рабствомъ, пользуйтесь! Знаете ли вы, что я когда нибудь васъ убью? Не потому убью, что разлюблю или приревную, а—такъ, просто убью, потому что меня иногда тянетъ васъ съѣсть. Вы смѣетесь...

— Совсѣмъ не смѣюсь, сказала она съ гнѣвомъ. Я приказываю вамъ молчать.

Она остановилась, едва переводя духъ отъ гнѣва. Ей-Богу, я не знаю, хороша ли она была собой, но я всегда любилъ смотрѣть, когда она такъ предо мною останавливалась, а потому и любилъ часто вызывать ее гнѣвъ. Можетъ быть она замѣтила это и нарочно сердилась. Я ей это высказалъ.

— Какая грязь! воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Мнѣ все равно, продолжалъ я. Знаете ли еще, что намъ вдвоемъ ходить опасно: меня много разъ непреодолимо тянуло прибить васъ, изуродовать, задушить. И что вы думаете, до этого не дойдемъ? Вы доведете меня до горячки. Ужъ не скандала ли я побоюсь? Гнѣва вашего? Да что мнѣ вашъ гнѣвъ? Я люблю безъ надежды и знаю, что послѣ этого въ тысячу разъ больше буду любить васъ. Если я васъ когда нибудь убью, то надо вѣдь и себя убить будетъ; ну такъ—я себя какъ можно дольше буду не убивать, чтобъ эту нестерпимую боль безъ васъ ощутить. Знаете ли вы невѣроятную вещь: я васъ съ каждымъ днемъ люблю *больше*, а вѣдь это почти невозможно. И послѣ этого мнѣ не быть фаталистомъ? Помните, третьяго дня, на Шлангенбергѣ, я прошепталъ вамъ, вызванный вами: скажите слово, и я соскочу въ эту бездну. Еслибъ вы сказали это слово, я бы тогда соскочилъ. Неужели вы не вѣрите, что я бы соскочилъ?

— Какая глупая болтовня! вскричала она.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, глупа ли она или умна, вскричалъ я. Я знаю, что при васъ мнѣ надо говорить, говорить, говорить—и я говорю. Я все самолюбіе при васъ теряю, и мнѣ все равно.

— Къ чему мнѣ заставлять васъ прыгать съ

Шлангенберга? сказала она сухо и какъ-то особенно обидно.— Это совершенно для меня бесполезно.

— Великолѣпно! вскричалъ я,—вы нарочно сказали это великолѣпное «бесполезно», чтобъ меня придавить. Я васъ насквозь вижу. Бесполезно, говорите вы? Но вѣдь удовольствіе всегда полезно, а дикая непредѣльная власть—хоть надъ мухой—вѣдь это тоже своего рода наслажденіе. Человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ. Вы ужасно любите.

Помню, она разсматривала меня съ какимъ-то особенно пристальнымъ вниманіемъ. Должно быть лицо мое выражало тогда всѣ мои безтолковыя и нелѣпыя ощущенія. Я припоминаю теперь, что и дѣйствительно у насъ, почти слово въ слово такъ, шелъ тогда разговоръ, какъ я здѣсь описалъ. Глаза мои налились кровью. На окраинахъ губъ запекалась пѣна. А что касается Шлангенберга, то клянусь честью, даже и теперь: еслибъ она тогда приказала мнѣ броситься внизъ, я бы бросился! Еслибъ для шутки одной сказала, еслибъ съ презрѣніемъ, съ плевокъ на меня сказала,—я бы и тогда соскочилъ!

— Нѣтъ, почему-жъ, я вамъ вѣрю,—произнесла она, но такъ, какъ она только умѣетъ иногда говорить, съ такимъ презрѣніемъ и ехидствомъ, съ такимъ высокомеріемъ, что, ей-Богу, я могъ убить ее въ эту минуту. Она рисковала. Про это я тоже не солгалъ, говоря ей.

— Вы не трусь? спросила она меня вдругъ.

— Не знаю, можетъ быть и трусь. Не знаю... я объ этомъ давно не думалъ.

— Еслибъ я сказала вамъ: убейте этого человѣка, вы бы убили его?

— Кого?

— Кого я захочу.

— Француза?

— Не спрашивайте, а отвѣчайте,—кого я укажу. Я хочу знать, серьезно ли вы сейчасъ говорили? Она такъ серьезно и нетерпѣливо ждала отвѣта, что мнѣ какъ-то странно стало.

— Да скажете ли вы мнѣ, наконецъ, что такое здѣсь происходитъ! вскричалъ я. Что вы, боптаетъ, что ли меня? Я самъ вижу всѣ здѣшніе безпорядки. Вы падчерица разорившагося и сумасшедшаго человѣка, зараженного страстью къ этому діалогу—Blanche; потомъ, тутъ—этотъ французъ, съ своимъ таинственнымъ вліяніемъ на васъ и,—вотъ теперь вы мнѣ такъ серьезно задаете... такой вопросъ. По крайней мѣрѣ, чтобъ я зналъ; иначе я здѣсь помѣшаюсь и что нибудь сдѣлаю. Или вы стыдитесь удостовѣрить меня откровенности? Да развѣ вамъ можно стыдиться меня?

— Я съ вами вовсе не о томъ говорю. Я васъ спросила, и жду отвѣта.

— Разумѣется убью, вскричалъ я, кого вы мнѣ только прикажете, но развѣ вы можете... развѣ вы это прикажете?

— А что вы думаете, васъ пожалѣю? прикажу,

а сама въ сторонѣ останусь. Перенесете вы это? Да нѣтъ, гдѣ вамъ! Вы, пожалуй, и убьете по приказу, а потомъ и меня придется убить, за то, что я смѣла васъ посылать.

Мнѣ какъ бы что-то въ голову ударило при этихъ словахъ. Конечно, я и тогда считала ея вопросъ на половину за шутку, за вызовъ; но все-таки она слишкомъ серьезно проговорила. Я все-таки былъ пораженъ, что она такъ высказалась, что она удерживаетъ такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мною и такъ прямо говорить: «иди на погибель, а я въ сторонѣ останусь.» Въ этихъ словахъ было что-то такое циническое и откровенное, что, по моему, было ужъ слишкомъ много. Такъ, стало быть, какъ же смотреть она на меня послѣ этого? Это ужъ перешло за черту рабства и ничтожества. Послѣ такого взгляда, человѣка возносятся до себя. И какъ ни нелѣпы, какъ ни невѣроятны были весь нашъ разговоръ, но сердце у меня дрогнуло.

Вдругъ она захохотала. Мы сидѣли тогда на скамьѣ, предъ игравшими дѣтьми, противъ самаго того мѣста, гдѣ останавливались экипажи и высаживали публику въ аллею, предъ воксаломъ.

— Видите вы эту толстую баронессу? вскричала она. Это баронесса Вурмергельмъ. Она только три дня какъ приѣхала. Видите ея мужа: длинный, сухой пруссакъ, съ палкой въ рукѣ. Помните, какъ онъ третьюю дня насъ оглядывалъ? ступайте сейчасъ, подойдите къ баронессѣ, снимите шляпу и скажите ей что нибудь по-французски.

— Зачѣмъ?

— Вы клялись, что соскочили бы съ Шлангенберга; вы клянетесь, что готовы убить, если я прикажу. Въмѣсто всѣхъ этихъ убійствъ и трагедій я хочу только посмотрѣть, какъ баронъ васъ приѣдетъ палкой.

— Вы вызываете меня; вы думаете, что я не смѣлаю?

— Да, вызываю, ступайте, я такъ хочу!

— Извольте, иду, хоть это и дикая фантазія. Только вотъ что: чтобы не было непріятности генералу, а отъ него вамъ? Ей-Богу, я не о себѣ хлопочу, а объ васъ, ну—и объ генералѣ. И что за фантазія идти оскорблять женщину?

— Нѣтъ, вы только болтаете, какъ я вижу, сказала она презрительно. У васъ только глаза кровью налились давеча.—впрочемъ можетъ быть оттого, что вы лица много выпили за обѣдомъ. Да развѣ я не понимаю сама, что это и глупо и пошло, и что генералъ разсердится? Я просто смѣяться хочу. Ну, хочу, да и только! И зачѣмъ вамъ оскорблять женщину? Скорѣе васъ приѣдутъ палкой.

Я повернулся, и молча пошелъ исполнять ея порученіе. Конечно, это было глупо и, конечно, я не сумѣлъ вывернуться, но когда я сталъ подходить къ баронессѣ, помню, меня самого какъ будто что-то подзадорило, именно школьничество подзадорило. Да и раздраженъ я былъ ужасно, точно пьянъ.

ГЛАВА VI.

Вотъ уже два дня прошло послѣ того глупаго дня. И сколько крику, шуму, толку, стуку! И какая все это безпорядица, неурядица, глупость и пошлость, и я всему причиною. А впрочемъ, иногда бываетъ смѣшно, — мнѣ по крайней мѣрѣ. Я не умѣю себѣ дать отчета, что со мною сдѣлалось, въ пзступленномъ ли я состояніи нахожусь, въ самомъ дѣлѣ, или просто съ дороги соскочилъ и безобразничаю, пока не свяжутъ. Порой мнѣ кажется, что у меня умъ мѣшается. А порой кажется, что я еще не далеко отъ дѣтства, отъ школьной скамейки и просто грубо школьничаю.

Эго Полина, это все Полина! Можетъ быть не было бы и школьничества, еслибы не она. Кто знаетъ, можетъ быть я это все съ отчаянія (какъ ни глупо, впрочемъ, такъ разсуждать). И не понимаю, не понимаю, что въ ней хорошаго! Хороша-то она впрочемъ хороша; кажется хороша. Въдъ она и другихъ съ ума сводить. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мнѣ кажется ее можно всю въ узелъ завязать, или перегнуть надвое. Слѣдокъ ноги у ней узенькій и длинный, — мучительный. Именно мучительный. Волосы съ рыжимъ отгнѣнкомъ. Глаза—настоящіе кошачьи, но какъ она гордо и высокомерно умѣетъ ими смотрѣть. Мѣсяца четыре тому назадъ, когда я только что поступилъ, она, разъ вечеромъ, въ залѣ съ Де-Гріе долго и горячо разговаривала. И такъ на него смотрѣла... что потомъ я, когда къ себѣ пришелъ ложиться спать, вообразилъ, что она дала ему пощечину,—только что дала, стоитъ предъ нимъ и на него смотритъ... Вотъ съ этого-то вечера я ее и люблю.

Впрочемъ къ дѣлу.

Я спустился по дорожкѣ въ аллею, сталъ по срединѣ аллеи и выжидать баронессу и барона. Въ пяти шагахъ разстоянія, я снялъ шляпу и поклонился.

Помню, баронесса была въ шелковомъ необъятной окружности платьѣ, свѣтлосѣраго цвѣта, съ оборками, въ кринолинѣ и съ хвостомъ. Она мала собой и толстоты необычайной, съ ужасно толстымъ и отвислымъ подбородкомъ, такъ что всѣмъ не видно шей. Лицо бѣловое. Глаза маленькіе, злые и паглые. Идетъ—точно всѣхъ чести удостоиваетъ. Баронъ сухъ, высокъ. Лицо, по нѣмецкому обыкновению, кривое и въ тысячу мелкіхъ морщинокъ; въ очкахъ; сорока пяти лѣтъ. Ноги у него начинаютъ чуть ли не съ самой груди; это, значить, порода. Горды, какъ павлины. Мѣшковать немного. Что-то баранье въ выраженіи лица, но своему замѣняющее глубокомысліе.

Все это мелькнуло мнѣ въ глаза въ три секунды.

Мой поклонъ и моя шляпа въ рукахъ сначала едва-едва остановили ихъ вниманіе. Только баронъ слегка пасунилъ брови. Баронесса такъ и плыла прямо на меня.

— Madame la baronne, проговорилъ я отчетливо

вслухъ, отчеканивая каждое слово: *j'ai l'honneur d'être votre esclave*.

Затѣмъ поклонился, надѣлъ шляпу и прошелъ мимо барона, вѣжливо обращая къ нему лицо и улыбаясь.

Шляпу снять велѣла мнѣ она, но поклонился и сошкollyничалъ я ужъ самъ отъ себя. Чортъ знаетъ, что меня подтолкнуло? Я точно съ горы летѣлъ.

— Гейнъ! крикнулъ, или лучше сказать, крикнулъ баронъ, обращившись ко мнѣ съ сердитымъ удивленіемъ.

Я обернулся и остановился въ почтительномъ ожиданіи, продолжая на него смотрѣть и улыбаться. Онъ видимо недоумѣвалъ и подтанулъ брови до *plus ultra*. Лице его все болѣе и болѣе омрачалось. Баронесса то же повернулась въ мою сторону и тоже посмотрѣла въ гнѣвномъ недоумѣніи. Изъ прохожихъ стали засматриваться. Иные даже урюстанавливались.

— Гейнъ! крикнулъ опять баронъ съ удвоеннымъ крикомъ и съ удвоеннымъ гнѣвомъ.

— *Ja wohl!* протянулъ я, продолжая смотрѣть ему прямо въ глаза.

— *Sind sie rasend?* крикнулъ онъ, махнувъ своей палькой и, кажется, немного начиная трусѣть. Его, можетъ быть, смущалъ мой костюмъ. Я былъ очень прилично, даже щегольски одѣтъ, какъ человѣкъ, вполне принадлежащій къ самой порядочной публикѣ.

— *Ja wo-o-oh!* крикнулъ я вдругъ изъ всей силы, протянувъ о, какъ протягиваютъ берлинцы, поминутно употребляющіе въ разговоръ фразу: «*ja wohl!*» и при этомъ протягивающіе букву *o* болѣе или менѣе, для выраженія различныхъ оттенковъ мыслей и ощущеній.

Баронъ и баронесса быстро повернулись и почти побѣжали отъ меня въ испугѣ. Изъ публики иные заговорили, другіе смотрѣли на меня въ недоумѣніи. Впрочемъ, не помню хорошо.

Я оборотился и пошелъ обыкновеннымъ шагомъ къ Полнѣ Александровнѣ. Но еще недоходя шаговъ сотнѣ до ея скамейки, я увидѣлъ, что она стала и отправилась съ дѣтьми къ отелю.

Я достигъ ее у крыльца.

— Исполнилъ... дурачество,—сказалъ я, поровнявшись съ нею.

— Ну такъ чтожъ! Теперь и раздѣляйтесь, отвѣтила она даже и не взглянувъ на меня, и пошла по лѣстницѣ.

Весь этотъ вечеръ я проходилъ въ паркѣ. Чрезъ паркъ, и потомъ чрезъ лѣсъ, я прошелъ даже въ другое княжество. Въ одной избушкѣ ѣлъ яичницу и пилъ вино; за эту идиллію съ меня содрали цѣлыхъ полтора талера.

Только въ одиннадцатъ часовъ я воротился домой. Тотчасъ же за мною прислали отъ генерала.

Наши въ отелѣ занимаютъ два номера; у нихъ четыре комнаты. Первая — большая, — салонъ, съ роялемъ. Рядомъ съ нею тоже большая комната — ка-

бинетъ генерала. Здѣсь ждалъ онъ меня, стоя среди кабинета въ чрезвычайно величественномъ положеніи. Де-Гріе сидѣлъ, развалившись на диванѣ.

— Милостивый государь, позвольте спросить, что вы надѣлали? — началъ генералъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я бы желалъ, генералъ, чтобы вы приступили прямо къ дѣлу, сказалъ я. Вы вѣроятно хотите говорить о моей встрѣчѣ сегодня съ однимъ нѣмцемъ?

— Съ однимъ нѣмцемъ?! Этотъ нѣмецъ — баронъ Вурмергельмъ и важное лицо-съ! Вы надѣлали ему и баронессѣ грубостей.

— Никакихъ.

— Вы испугали ихъ, милостивый государь, крикнулъ генералъ.

— Да совсѣмъ же нѣтъ. Мнѣ еще въ Берлинѣ запало въ ухо непрерывно повторяемое ко всякому слову: *Ja wohl!*, которое они такъ отвратительно протягиваютъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ аллеѣ, мнѣ вдругъ это «*ja wohl!*», не знаю почему, вскочило на память, ну и подѣйствовало на меня раздражительно... Да къ тому же баронесса, вотъ ужъ три раза, встрѣчаясь со мною, имѣетъ обыкновеніе идти прямо на меня, какъ будто бы я былъ червякъ, котораго можно ногою давить. Согласитесь, я тоже могу имѣть свое самолюбіе. Я снялъ шляпу и вѣжливо (увѣряю васъ, что вѣжливо) сказалъ: «*Madame, j'ai l'honneur d'être votre esclave*». Когда баронъ обернулся и закричалъ «гейнъ!», — меня вдругъ такъ и подтолкнуло тоже закричать: «*ja wohl!*»! Я и крикнулъ два раза: первый разъ обыкновенно, а второй — протянувъ изъ всей силы. Вотъ и все.

Признаюсь, я ужасно былъ радъ этому въ высшей степени мальчишескому объясненію. Мнѣ удивительно хотѣлось размазывать всю эту исторію, какъ можно нелѣпѣе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ я болѣе во вкусъ входилъ.

— Вы смѣтаете, что ли надо мною, крикнулъ генералъ. Онъ обернулся къ французу и по-французски положилъ ему, что я рѣшительно напращиваюсь на исторію. Де-Гріе презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— (1), не имѣйте этой мысли, ни чуть не бывало! вскричалъ я генералу, — мой поступокъ конечно не хорошъ, а въ высшей степени откровенно вамъ сознаюсь въ этомъ. Мой поступокъ можно назвать даже глупымъ и неприличнымъ школьничествомъ, но, — не болѣе. И знаете, генералъ, я въ высшей степени раскаиваюсь. Но тутъ есть одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ почти избавляетъ меня даже и отъ раскаянія. Въ послѣднее время, эдакъ недѣли двѣ, даже три, я чувствую себя нехорошо: больнымъ, нервнымъ, раздражительнымъ, фантастическимъ и, въ иныхъ случаяхъ, теряю совсѣмъ надъ собою волю. Право, мнѣ иногда ужасно хотѣлось нѣсколько разъ вдругъ обратиться къ маркизу Де-Гріе и... А впрочемъ нечего договаривать; можетъ ему будетъ обидно.

Однимъ словомъ, это признаки болѣзни. Не знаю, приметъ ли баронесса Вурмергельмъ во вниманіе это обстоятельство, когда я буду просить у нея извиненія (потому что я намѣренъ просить у нея извиненія)? Я полагаю, не приметъ, тѣмъ болѣе, что, сколько извѣстно мнѣ, этимъ обстоятельствомъ начали въ послѣднее время злоупотреблять въ юридическомъ мірѣ: адвокаты при условныхъ процессахъ стали весьма часто оправдывать своихъ кліентовъ, преступниковъ, тѣмъ, что они въ моментъ преступленія ничего не помнили и что это будто-бы такая болѣзнь. «Прибилъ дескать, и ничего не помнитъ». И представьте себѣ, генераль, медицина имъ поддакиваетъ,—дѣйствительно подтверждаетъ, что бывастъ такая болѣзнь, такое временное помѣшательство, когда человѣкъ почти ничего не помнитъ, или полупомнитъ, или четверть помнитъ. Но баронъ и баронесса—люди поколѣнія стараго; притомъ прусскіе юнкеры и помѣщики. Имъ, должно быть, этотъ прогрессъ въ юридическо-медицинскомъ мірѣ еще неизвѣстенъ, а потому они и не примутъ моихъ объясненій. Какъ вы думаете, генераль?

— Довольно, сударь! рѣзко и съ сдержаннымъ негодованіемъ произнесъ генераль, довольно! Я постараюсь, разъ на-всегда, избавить себя отъ вашего школьничества. Извиняться предъ баронессою и барономъ вы не будете. Всякія сношенія съ вами, даже хотя бы они состояли единственно въ вашей просьбѣ о прощеніи, будутъ для нихъ слишкомъ унижительно. Баронъ, узнавъ, что вы принадлежите къ моему дому, объяснился ужъ со мною въ воксалѣ и, признаюсь вамъ, еще немного и онъ потребовалъ бы у меня удовлетворенія. Понимаете ли вы, чему подвергали вы меня—меня, милостивый государь? Я, я принужденъ былъ просить у барона извиненія и далъ ему слово, что немедленно, сегодня же, вы не будете принадлежать къ моему дому...

— Позвольте, позвольте, генераль, такъ это онъ самъ непремѣнно потребовалъ, чтобъ я не принадлежалъ къ вашему дому, какъ вы изволите выражаться?

— Нѣтъ; но я самъ почелъ себя обязаннымъ дать ему это удовлетвореніе и, разумѣется, баронъ остался доволенъ. Мы расстаемся, милостивый государь. Вамъ слѣдуетъ дополчить съ меня эти четыре фридрихсдора и три флорина на здѣшній расчетъ. Вотъ деньги, а вотъ и бумажка съ расчетомъ; можете это провѣрить. Прощайте. Съ этихъ поръ мы чужіе. Кромѣ хлопотъ и непріятностей я не видалъ отъ васъ ничего. Я позову сейчасъ кельнера и объявлю ему, что съ завтрашняго дня не отвѣчаю за ваши расходы въ отелѣ. Честь имѣю пребыть вашимъ слугою.

Я взялъ деньги, бумажку, на которой былъ карандашемъ написанъ расчетъ, поклонился генералу и весьма серьезно сказалъ ему:

— Генераль, дѣло такъ окончиться не можетъ. Мнѣ очень жаль, что вы подвергались непріятно-

стямъ отъ барона, но—извините меня—виною этому вы сами. Какимъ образомъ взяли вы на себя отвѣчать за меня барону? Что значитъ выраженіе, что я принадлежу къ вашему дому? Я просто учитель въ вашемъ домѣ, и только. Я не сынъ родной, не подъ опекой у васъ, и за поступки мои вы не можете отвѣчать. Я самъ—лицо юридически-компетентное. Мнѣ двадцать пять лѣтъ, я кандидатъ университета, я дворянинъ, я вамъ совершенно чужой. Только одно мое безграничное уваженіе къ вашимъ достоинствамъ останавливаетъ меня потребовать отъ васъ теперь же удовлетворенія и дальнѣйшаго отчета въ томъ, что вы взяли на себя право за меня отвѣчать.

Генераль былъ до того пораженъ, что руки разставилъ, потомъ вдругъ оборотился къ французу и торопливо передалъ ему, что я чуть не вызвалъ его сей-часъ на дуэль. Французъ громко захохоталъ.

— Но барону я спустить не намѣренъ, продолжалъ я съ полнымъ хладнокровіемъ, ни мало не смущаясь смѣхомъ m-г Де-Гріе,—и такъ какъ вы, генераль, согласившись сегодня выслушать жалобы барона и войдя въ его интересъ, поставили сами себя какъ бы участникомъ во всемъ этомъ дѣлѣ, то я честь имѣю вамъ доложить, что, не позже, какъ завтра по утру потребую у барона, отъ своего имени, формальнаго объясненія причинъ, по которымъ онъ, имѣя дѣло со мною, обратился мимо меня къ другому лицу,—точно я не могъ или былъ недостойнъ отвѣчать ему самъ за себя.

Что я предчувствовалъ, то и случилось. Генераль, услышавъ эту новую глупость, струслилъ ужасно.

— Какъ, неужели вы намѣрены еще продолжать это проклятое дѣло! вскричалъ онъ,—но чтожъ со мной-то вы дѣлаете, о Господи! Не смѣйте, не смѣйте, милостивый государь, или клянусь вамъ!.. здѣсь есть тоже начальство, и я... я... однимъ словомъ, по моему чину... и баронъ тоже.. однимъ словомъ, васъ заарестуютъ и вышлютъ отсюда съ полиціей, чтобъ вы не буянили! Понимаете это-съ! И хоть ему захватило духъ отъ гнѣва, но все-таки онъ труслилъ ужасно.

— Генераль, отвѣчалъ я, съ нестерпимымъ для него спокойствіемъ, заарестовать нельзя за буйство прежде совершенія буйства. Я еще не начиналъ моихъ объясненій съ барономъ, а вамъ еще совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ я намѣренъ приступить къ этому дѣлу. Я желаю только разъяснить обидное для меня предположеніе, что я нахожусь подъ опекой у лица, будто-бы имѣющаго власть надъ моею свободной волею. Напрасно вы такъ себя тревожите и беспокоите.

— Ради Бога, ради Бога, Алексѣй Ивановичъ, оставьте это бессмысленное намѣреніе! бормоталъ генераль, вдругъ измѣняя свой разгнѣванный тонъ на умоляющій, и даже схвативъ меня за руки. Ну представьте, что изъ этого выйдетъ? опять не-

ГЛАВА VII.

приятности! Согласитесь сами, я долженъ здѣсь держать себя особеннымъ образомъ, особенно теперь! особенно теперь!... О, вы не знаете, не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ!.. Когда мы отсюда поѣдемъ, я готовъ опять принять васъ къ себѣ. Я теперь только такъ, ну, однимъ словомъ,—вѣдь вы понимаете же причины! вскричалъ онъ отчаянно: — Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ!..

Ретируясь къ дверямъ, я еще разъ усленно просилъ его не беспокоиться, общалъ, что все обойдется хорошо и прилично, и поспѣшилъ выйти.

Иногда русскіе за-границей бываютъ слишкомъ трусливы и ужасно боятся того, что скажутъ, и какъ на нихъ поглядятъ, и будетъ ли прилично вотъ то-то и то-то? однимъ словомъ, держать себя точно въ корсетѣ, особенно претендующіе на значеніе. Самое любое для нихъ — какая нибудь предвзятая, разъ установленная форма, которой они рабски слѣдуютъ — въ отеляхъ, на гуляньяхъ, въ собраніяхъ, въ дорогѣ... Но генералъ проговорился, что у него сверхъ того были какія-то особые обстоятельства, что ему надо какъ-то «особенно держаться». Оттого-то онъ такъ вдругъ малодушно и струсилъ, и перемѣнилъ со мной тонъ. Я это принялъ къ свѣдѣнію и замѣтилъ. И конечно онъ могъ сдуру обратиться завтра къ какимъ нибудь властямъ, такъ что мнѣ надо было въ самомъ дѣлѣ быть осторожнымъ.

Мнѣ, впрочемъ, вовсе не хотѣлось сердить собственно генерала; но мнѣ захотѣлось теперь посердить Полину. Полина обошлась со мною такъ жестоко и сама толкнула меня на такую глупую дорогу, что мнѣ очень хотѣлось довести ее до того, чтобы она сама попросила меня остановиться. Мое школьничество могло наконецъ и ее компрометировать. Кроме того, во мнѣ сформировались кой-какія другія ощущенія и желанія; если я, на примѣръ, исчезаю предъ нею самовольно въ ничто, то это вовсе вѣдь не значитъ, что предъ людьми я мокрая курица и ужъ конечно не барону «бить меня палкой». Мнѣ захотѣлось надъ всѣми ними насмѣяться, а самому выйти молодцомъ. Пусть посмотрятъ. Небось! она испугается скандала и кликнетъ меня опять. А и не кликнетъ, такъ все-таки увидитъ, что я не мокрая курица...

(Удивительное извѣстіе: сейчасъ только услышалъ отъ нашей няни, которую встрѣтилъ на лѣстницѣ, что Марья Филипповна отправилась сегодня, одна одишенька, въ Карлсбадъ, съ вечернимъ поѣздомъ, къ двоюродной сестрѣ. Это что за извѣстіе? Няня говоритъ, что она давно собиралась; но какъ же этого никто не зналъ? Впрочемъ, можетъ я только не зналъ. Няня проговорила мнѣ, что Марья Филипповна съ генераломъ еще третьяго дня крупно поговорила. Понимаю-съ. Это навѣрное—Mlle Blanche. Да, у насъ наступаетъ что-то рѣшительное.)

На утро я позвалъ кельнера и объявилъ, чтобы счетъ мнѣ писали особенно. Номеръ мой былъ не такъ еще дорогъ, чтобы очень пугаться и совсѣмъ выѣхать изъ отеля. У меня было шестнадцать фридрихсдоровъ, а тамъ... тамъ, можетъ быть, богатство! Странное дѣло, я еще не выигралъ, но поступаю, чувствую и мыслю, какъ богачъ и не могу представлять себя иначе.

Я располагалъ, не смотря на ранній часъ, тотчасъ же отправиться къ мистеру Астлею въ отель d'Angleterre, очень не далеко отъ насъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ Де-Гріе. Этого никогда еще не случалось, да сверхъ того съ этимъ господиномъ, во все послѣднее время, мы были въ самыхъ чуждыхъ и въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ явно не скрывалъ своего ко мнѣ пренебреженія, даже старался не скрывать; а я—я имѣлъ свои особые причины его не жаловать. Однимъ словомъ, я его ненавидѣлъ. Приходъ его меня очень удивилъ. Я тотчасъ же смекнулъ, что тутъ что нибудь особенное заварилось.

Вошелъ онъ очень любезно и сказалъ мнѣ комплиментъ на счетъ моей комнаты. Впдѣ, что я со шляпой въ рукахъ, онъ освѣдомился, неужели я такъ рано выхожу гулять. Когда же услышалъ, что я иду къ мистеру Астлею по дѣлу, подумалъ, сообразилъ, и лицо его приняло чрезвычайно озабоченный видъ.

Де-Гріе былъ, какъ всѣ французы, т. е. веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселымъ и любезнымъ переставала необходимость. Французъ рѣдко натурально любезенъ; онъ любезенъ всегда, какъ бы по приказу, изъ разсчета. Если, на примѣръ, впадетъ необходимость быть фантастичнымъ, оригинальнымъ, по-необыденнѣе, то фантазія его самая глупая и неестественная, слагается изъ заранѣе принятыхъ и давно уже опошлившихся формъ. Натуральный же французъ состоитъ изъ самой мѣшанской, мелкой, обыденной положительности, — однимъ словомъ, скучнѣйшее существо въ мірѣ. По моему, только новички и особенно русскіе барышни прельщаются французами. Всякому же порядочному существу тотчасъ же замѣтна и нестерпима эта казенщина разъ установившихся формъ салонной любезности, развязности и веселости.

— Я къ вамъ по дѣлу, началъ онъ чрезвычайно независимо, хотя впрочемъ вѣжливо, — и не скрою, что къ вамъ посломъ или, лучше сказать, посредникомъ отъ генерала. Очень плохо зная русскій языкъ, я ничего почти вчера не понималъ; но генералъ мнѣ подробно объяснилъ и признаюсь...

— Но послушайте, М-г Де-Гріе, перебилъ я его, — вы вотъ и въ этомъ дѣлѣ взялись быть посредникомъ. Я, конечно, «un outchitel» и ипкогда не претендовалъ на честь быть близкимъ другомъ этого дома или на какія нибудь особенно интимныя отношенія, а потому и не знаю всѣхъ обстоятельствъ;

но разъясните мнѣ: неужели вы ужь теперь со-
всѣмъ принадлежите къ членамъ этого семейства?
Потому что вы, наконецъ, во всемъ берете такое
участіе, непремѣнно, сейчасъ же во всемъ посред-
никомъ...

Вопросъ мой ему не понравился. Для него онъ
былъ слишкомъ прозраченъ, а проговариваться онъ
не хотѣлъ.

— Меня связываютъ съ генераломъ отчасти дѣ-
ла, отчасти *нѣкоторыя особенныя обстоятельства*, ска-
завъ онъ сухо. Генераль прислалъ меня просить васъ
оставить ваши вчерашнія намѣренія. Все, что вы
выдумали, конечно очень остроумно: но онъ имен-
но просилъ меня представить вамъ, что вамъ со-
вершенно не удастся, мало того—васъ баронъ не
приметъ и накажетъ. во всякомъ случаѣ, онъ вѣдь
имѣетъ всѣ средства изловчиться отъ дальнѣйшихъ
непріятностей съ вашей стороны. Согласитесь сами.
Къ чему же, скажите, продолжать? Генераль же
вамъ обѣщаетъ, навѣрное, принять васъ опять въ
свой домъ, при первыхъ удобныхъ обстоятельствахъ,
а до того времени зачестъ ваше жалованье, vos
appointements. Вѣдь это довольно выгодно, не
правда ли?

Я возразилъ ему весьма спокойно, что онъ нѣ-
сколько ошибается; что, можетъ быть, меня отъ
барона и не прогонятъ, а напротивъ выслушаютъ,
и попросятъ его признаться, что вѣроятно онъ за-
тѣмъ и пришелъ, чтобы выпытать: какъ именно я
примусь за все это дѣло?

— О Боже, если генераль такъ заинтересованъ,
то, разумѣется, ему пріятно будетъ узнать, что и
какъ вы будете дѣлать? Это такъ естественно!

Я принялся объяснять, а онъ началъ слушать,
развалясь, нѣсколько склонивъ ко мнѣ набокъ го-
лову, съ явнымъ, нескрываемымъ, проницательнымъ
оттѣнкомъ въ лицѣ. Вообще, онъ держалъ себя
чрезвычайно свысока. Я старался всѣми силами
притвориться, что смотрю на дѣло съ самой серь-
озной точки зрѣнія. Я объяснилъ, что такъ какъ
баронъ обратился къ генералу съ жадобой на ме-
ня, точно на генеральскаго слугу, то во-первыхъ—
лишилъ меня этимъ мѣстомъ, а во-вторыхъ, трети-
ровалъ меня, какъ лицо, которое не въ состояніи
за себя отвѣтить и съ которымъ не стоитъ и го-
ворить. Конечно, я чувствую себя справедливо оби-
женнымъ; однако, понимая разницу лѣтъ, поло-
женія въ обществѣ и пр. и прочее (я едва удер-
живаюсь отъ смѣха въ этомъ мѣстѣ) не хочу брать
на себя еще новаго легкомыслія, т. е. прямо по-
требовать отъ барона, или даже только предложить
ему, объ удовлетвореніи. Тѣмъ не менѣе я считаю
себя совершенно въ правѣ предложить ему, и осо-
бенно баронессѣ, мои извиненія, тѣмъ болѣе, что
дѣйствительно въ послѣднее время я чувствую се-
бя нездоровымъ, разстроенымъ и. такъ сказать,
фантастическимъ, и прочее и прочее. Однаковъ,
самъ баронъ вчерашнимъ обиднымъ для меня обра-
щеніемъ къ генералу и настояніемъ, чтобы гене-
раль лишилъ меня мѣста, поставилъ меня въ та-

кое положеніе, что теперь я уже не могу предста-
вить ему и баронессѣ мои извиненія, потому что
и онъ, и баронесса, и весь свѣтъ навѣрно подумаютъ,
что я пришелъ съ извиненіями со страха, чтобы
получить назадъ свое мѣсто. Изъ всего этого слѣ-
дуетъ, что я нахожусь теперь вынужденнымъ про-
сить барона, чтобы онъ первоначально извинился
предо мною самъ, въ самыхъ умѣренныхъ выра-
женіяхъ,—напримѣръ, сказать бы, что онъ вовсе не
желалъ меня обидѣть. И когда баронъ это выска-
жетъ, тогда я уже, съ развязанными руками, чисто-
сердечно и искренно принесу ему и мои извиненія.
Однимъ словомъ, заключилъ я, я прошу только, что-
бы баронъ развязалъ мнѣ руки.

— Фп, какая щепетильность и какія утопчен-
ности! И чего вамъ извиняться? Ну согласитесь,
M-r... M-r.. что вы затѣваете все это нарочно,
чтобы досадить генералу... а можетъ быть имѣете
какія нибудь особыя дѣла... mon cher monsieur.
pardon, j'ai oublié votre nom M-r Alexis...? n'est
ce pas?

— Но позвольте, mon cher marquis, да вамъ
что за дѣло?

— Mais le général...

— А генералу что? Онъ вчера что-то говорилъ,
что держать себя на какой-то погѣ долженъ.. и
такъ тревожился... но я ничего не понималъ.

— Тутъ есть,—тутъ именно существуетъ особое
обстоятельство, подхватилъ Де-Гріе просящимъ то-
номъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалась
досада. Вы знаете M-lle de Cominges?..

— Т. е. M-lle Blanche?

— Ну да, M-lle Blanche de Cominges... et madame
sa mère.. согласитесь сами, генераль... однимъ сло-
вомъ, генераль влюбленъ и даже... даже, можетъ
быть, здѣсь совершится бракъ. И представьте при
этомъ разныя скандалы, исторіи...

— Я не вижу тутъ ни скандаловъ, ни исторій ка-
сающихся брака.

— Но le baron est si irascible, un caractère
prussien, vous savez, enfin il fera une querelle
d'Allemand.

— Такъ мнѣ же, а не вамъ, потому что я уже
не принадлежу къ дому.. (Я нарочно старался
быть какъ можно безтолковѣе). Но позвольте, такъ
это рѣшено, что M-lle Blanche выходитъ за гене-
рала? Чего же ждуть? Я хочу сказать—что скры-
вать объ этомъ, по крайней мѣрѣ отъ насъ, отъ
домашнихъ?

— Я вамъ не могу... впрочемъ это еще не со-
всѣмъ.. однако... вы знаете, ждуть изъ Россіи
извѣстія, генералу надо устроить дѣла...

— А, А! la haboulinka!

Де-Гріе съ ненавистью посмотрѣлъ на меня.

— Однимъ словомъ,—перебилъ онъ—я вполне
надѣюсь на вашу врожденную любезность, на вашу
умъ, на тактъ... вы конечно слѣдуете это для то-
го семейства, въ которомъ вы были принцемъ какъ-
родной, были любимы, уважаемы..

— Помилуйте, я былъ выгнанъ! Вы, вотъ, утверж-

даете теперь, что это для виду; но согласитесь, если вамъ скажутъ: «я, конечно, не хочу тебя выдрать за уши, но для виду позволю себя выдрать за уши...» Такъ вѣдь это почти все равно?

— Если такъ, если никакія просьбы не имѣютъ на васъ вліянія, началъ онъ строго и заносчиво, — то позвольте васъ увѣрить, что будутъ приняты мѣры. Тутъ есть начальство, васъ выплюютъ сегодня же, — *que diable! un blanc-bec, comme vous*, хочетъ вызвать на дуэль такое лицо, какъ баронъ! И вы думаете, что васъ оставятъ въ покоѣ? И повѣрьте, васъ никто здѣсь не боится! Если я просилъ, то болѣе отъ себя, потому что вы беспокоили генерала. И неужели, неужели вы думаете, что баронъ не велитъ васъ просто выгнать лакею?

— Да вѣдь я не самъ пойду, отвѣчалъ я съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ, — вы ошибаетесь М-г Де-Грие, все это обойдется гораздо приличнѣе, чѣмъ вы думаете. Я вотъ сейчасъ же отправлюсь къ мистеру Астлею и попрошу его быть моимъ посредникомъ, однимъ словомъ, быть моимъ *second*. Этотъ человѣкъ меня любитъ и наѣрное не откажетъ. Онъ пойдетъ къ барону и баронъ его приметъ. Если самъ я *un outchitel* и кажусь чѣмъ-то *subalterne*, ну и наконецъ, безъ защиты, то мистеръ Астлей — племянникъ лорда, настоящаго лорда, это извѣстно всѣмъ, лорда Пиброка и лордъ этотъ здѣсь. Повѣрьте, что баронъ будетъ вѣжливо съ мистеромъ Астлеемъ и выслушаетъ его. А если не выслушаетъ, то мистеръ Астлей почтетъ это себѣ за личную обиду (вы знаете, какъ англичане настойчивы) и пошлетъ къ барону отъ себя пріятеля, а у него пріятели хорошіе. Разочтите теперь, что выйдетъ можетъ быть и не такъ, какъ вы полагаете.

Французъ рѣшительно струсилъ; дѣйствительно все это было очень похоже на правду, а стало быть выходило что я и въ самомъ дѣлѣ былъ въ силахъ затѣять исторію.

— Но прошу же васъ, началъ онъ совершенно умоляющимъ голосомъ, — оставьте все это! Вамъ точно пріятно, что выйдетъ исторія! Вамъ не удовлетворенія надобно, а исторіи! Я сказалъ, что все это выйдетъ забавно и даже остроумно — чего можетъ быть вы и добиваетесь, но — однимъ словомъ, заключилъ онъ, видя, что я всталъ и беру шляпу, я пришелъ вамъ передать эти два слова отъ одной особы, прочтите — мнѣ поручено ждать отвѣта.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и подаль мнѣ маленькую, сложенную и запечатанную облатку записочку.

Рукою Полины было написано:

«Мнѣ показалось, что вы намѣрены продолжать эту исторію. Вы разсердились и начинаете школьничать. Но тутъ есть особыя обстоятельства и я вамъ ихъ потомъ, можетъ быть, объясню; а вы, пожалуйста, перестаньте и уймитесь. Какія все это глупости! Вы мнѣ нужны и сами общались слушаться. Вспомните Шлангенбергъ. Прошу васъ

быть послушнымъ и, если надо, приказываю. Ваша П. Р. S. Если на меня за вчерашнее сердитесь, то простите меня».

У меня какъ бы все перевернулось въ глазахъ, когда я прочелъ эти строчки. Губы у меня побѣлѣли и я сталъ дрожать. Проклятый французъ смотрѣлъ съ усиленно скромнымъ видомъ и отводя отъ меня глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть моего смущенія. Лучше бы онъ захохоталъ надо мною.

— Хорошо, отвѣтилъ я, скажите, чтобы М-ле была спокойна. Позвольте же однако васъ спросить, прибавилъ я рѣзко, почему вы такъ долго не передавали мнѣ эту записку? Въмѣсто того, чтобы болтать о пустякахъ, мнѣ кажется, вы должны были начать съ этого... если вы именно и пришли съ этимъ порученіемъ.

— О, я хотѣлъ... вообще все это такъ странно, что вы извините мое натуральное нетерпѣніе. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать самому лично, отъ васъ самихъ, ваши намѣренія. Я впрочемъ не знаю, что въ этой запискѣ и думалъ, что всегда успѣю передать.

— Понимаю, вамъ просто за просто велѣно передать это только въ крайнемъ случаѣ, а если уладите на словахъ, то и не передавать. Такъ ли? Говорите прямо, М-г Де-Грие!

— *Peut-être*, сказалъ онъ, принимая видъ какой-то особенной сдержанности и смотря на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

Я взялъ шляпу; онъ кивнулъ головой и вышелъ. Мнѣ показалось, что на губахъ его насмѣшливая улыбка. Да и какъ могло быть иначе?

— Мы съ тобой еще сочтемся, французиска, помѣримся! бормоталъ я, сходя съ лѣстницы. Я еще ничего не могъ сообразить, точно что мнѣ въ голову ударило. Воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня.

Минуты чрезъ двѣ, чуть-чуть только я сталъ ясно соображать, мнѣ ярко представились двѣ мысли: *первая*, — что изъ такихъ пустяковъ, изъ нѣсколькихъ школьническихъ невѣроятныхъ угрозъ мальчишки, высказанныхъ вчера на лету, поднялась такая *всеобщая* тревога! и *вторая* мысль — каково же, однако, вліяніе этого француза на Полину? Одно его слово — и она дѣлаетъ все, что ему нужно, пишетъ записку и даже *проситъ* меня. Конечно, ихъ отношенія и всегда для меня были загадкою съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знать началъ; однакожъ въ эти послѣдніе дни — я замѣтилъ въ ней рѣшительное отвращеніе и даже презрѣніе къ нему, а онъ даже и не смотрѣлъ на нее, даже просто бывалъ съ ней невѣжливъ. Я это замѣтилъ. Полина сама мнѣ говорила объ отвращеніи; у ней уже прорывались чрезвычайно значительныя признапія... Значитъ, онъ просто владѣетъ ею, она у него въ какихъ-то цѣпяхъ...

ГЛАВА VIII.

На променадѣ, какъ здѣсь называютъ, т. е. въ каштановой аллеѣ, я встрѣтилъ моего англичанина.

— О, о! началъ онъ, завидя меня, — я къ вамъ, а вы ко мнѣ. Такъ вы ужъ разстались съ вашими?

— Скажите, во-первыхъ, почему все это вы знаете, спросилъ я въ удивленіи, — неужели все это всѣмъ извѣстно?

— О нѣтъ, всѣмъ неизвѣстно; да и не стоитъ, чтобъ было извѣстно. Никто не говоритъ.

— Такъ почему вы это знаете?

— Я знаю, т. е. имѣлъ случай узнать. Теперь куда вы отсюда уѣдете? Я люблю васъ и потому къ вамъ пришелъ.

— Славный вы человекъ, мистеръ Астлей, сказалъ я (меня впрочемъ ужасно поразило: откуда онъ знаетъ?) и такъ какъ я еще не пилъ кофе, да и вы вѣроятно его плохо пили, то пойдемте къ вокзалу въ кафѣ, тамъ сядемъ, закуримъ и я вамъ все расскажу, п... вы тоже мнѣ расскажете.

Кафѣ былъ во ста шагахъ. Намъ принесли кофе, мы усѣлись, я закурилъ папиросу, мистеръ Астлей ничего не закурилъ и, уставившись на меня, приготовился слушать.

— Я нигуда не ѣду, я здѣсь остаюсь, началъ я.

— И я былъ увѣренъ, что вы останетесь, одобрительно произнесъ мистеръ Астлей.

Идя къ мистеру Астлею, я вовсе не имѣлъ намѣренія и даже нарочно не хотѣлъ рассказывать ему что нибудь о моей любви къ Полинѣ. Во всѣ эти дни, я не сказалъ съ нимъ объ этомъ почти ни одного слова. Къ тому же онъ былъ очень застѣнчивъ. Я съ перваго раза замѣтилъ, что Полина произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе, но онъ никогда не упоминалъ ея имени. Но странно, вдругъ, теперь, только-что онъ усѣлся и уставился на меня своимъ пристальнымъ оловяннымъ взглядомъ, во мнѣ, неизвѣстно почему, явилась охота рассказать ему все, т. е. всю мою любовь и со всѣми ея оттѣнками. Я рассказывалъ цѣлые полчаса и мнѣ было это чрезвычайно пріятно, въ первый разъ я объ этомъ рассказывалъ! Замѣтивъ же, что въ нѣкоторыхъ, особенно пылкихъ мѣстахъ, онъ смущается, я нарочно усиливалъ пыкость моего рассказа. Въ одномъ раскаяюсь: я можетъ быть сказалъ кое-что лишнее про француза...

Мистеръ Астлей слушалъ, сидя противъ меня, неподвижно, не издавая ни слова, ни звука и глядя мнѣ въ глаза; но когда я заговорилъ про француза, онъ вдругъ осадилъ меня и строго спросилъ: имѣю ли я право упоминать объ этомъ постороннемъ обстоятельстве? Мистеръ Астлей всегда очень странно задавалъ вопросы.

— Вы правы: боюсь, что нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Объ этомъ маркизъ и о миссъ Полинѣ вы ничего не можете сказать точно, кромѣ однихъ предположеній?

Я опять удивился такому категорическому вопросу отъ такого застѣнчиваго человека, какъ мистеръ Астлей.

— Нѣтъ, точно ничего, отвѣтилъ я, — конечно ничего.

— Если такъ, то вы сдѣлали дурное дѣло, не только тѣмъ, что заговорили объ этомъ со мною, но даже и тѣмъ, что про себя это подумали.

— Хорошо, хорошо! Сознаюсь; но теперь не въ томъ дѣло, перебилъ я, про себя удивляясь. Тутъ я ему рассказалъ всю вчерашнюю исторію, во всѣхъ подробностяхъ, выходку Полины, мое приключеніе съ барономъ, мою отставку, необыкновенную трусость генерала и, наконецъ, въ подробности изложилъ сегодняшнее посѣщеніе Де-Грие, со всѣми оттѣнками; въ заключеніе показалъ ему записку.

— Что вы изъ этого выводите? спросилъ я. Я именно пришелъ узнать ваши мысли. Что же до меня касается, то я, кажется, убилъ бы этого французшу, и можетъ быть это сдѣлаю.

— И я, — сказалъ мистеръ Астлей. Что же касается до миссъ Полины, то... вы знаете, мы вступаемъ въ сношенія даже съ людьми намъ ненавистными, если насъ вызываетъ къ тому необходимость. Тутъ могутъ быть сношенія вамъ неизвѣстныя, зависящія отъ обстоятельствъ постороннихъ. Я думаю, что вы можете успокоиться — отчасти, разумѣется. Что же касается до вчерашняго поступка ея, то онъ, конечно, страненъ, — не потому, что она пожелала отъ васъ отвязаться и послала васъ подъ дубину барона (которую, я не понимаю почему, онъ не употребилъ, имѣя въ рукахъ), а потому, что такая выходка для такой... для такой превосходной миссъ — неприлична. Разумѣется, она не могла предугадать, что вы буквально исполните ея насмѣшливое желаніе...

— Знаете ли что? вскричалъ я вдругъ, пристально всматриваясь въ мистера Астлея: мнѣ сдается, что вы уже о всемъ объ этомъ слышали, знаете отъ кого? — отъ самой миссъ Полины!

Мистеръ Астлей посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— У васъ глаза сверкаютъ и я читаю въ нихъ подозрѣніе, проговорилъ онъ, тотчасъ же возвративъ себѣ прежнее спокойствіе, — но вы не имѣете ни малѣйшихъ правъ обнаруживать ваши подозрѣнія. Я не могу признать этого права, и вполне отказываюсь отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Ну, довольно! И не надо! закричалъ я, странно волнуясь и не понимая, почему вскочило это мнѣ въ мысль! И когда, гдѣ, какимъ образомъ, мистеръ Астлей могъ бы быть выбранъ Полиною въ повѣренные? Въ послѣднее время, впрочемъ, я отчасти упустилъ изъ виду мистера Астлея, а Полина и всегда была для меня загадкой, — до того загадкой, что, напримѣръ, теперь, пустившись рассказывать всю исторію моей любви мистеру Астлею, я вдругъ, во время самого рассказа, былъ пораженъ тѣмъ, что почти ничего не могъ сказать объ мо-

ихъ отношеніяхъ съ нею точнаго и положительнаго. Напротивъ того, все было фантастическое, странное, неосновательное и даже ни на что непохожее.

— Ну, хорошо, хорошо; я сбить съ толку и теперь еще многого не могу сообразить, отвѣчалъ я, точно запыхавшись. Впрочемъ, вы хорошій человѣкъ. Теперь другое дѣло, и я прошу вашего— не совѣта, а мнѣнія.

Я помолчалъ и началъ:

— Какъ вы думаете, почему такъ струсилъ генералъ? почему изъ моего глупѣйшаго шелопаишества они всѣ вывели такую исторію? Такую исторію, что даже самъ Де-Гріе нашелъ необходимымъ вмѣшаться (а онъ вмѣшивается только въ самыхъ важныхъ случаяхъ), посѣтилъ меня (каково!), просилъ, умолялъ меня — онъ, Де-Гріе, меня! Наконецъ, замѣтите себѣ, онъ пришелъ въ девять часовъ, въ концѣ девятаго, и ужъ записка миссъ Полины была въ его рукахъ. Когда же, спрашивается, она была написана? Можетъ быть, миссъ Полинѣ разбудили для этого! Кромѣ того, что изъ этого я вижу, что миссъ Полина его раба (потому что даже у меня просить прощенія!),—кромѣ этого,—ей-то что во всемъ этомъ, ей лично? Она для чего такъ интересуется? Чего они испугались какого-то барона? И что-жъ такое, что генералъ женится на m-lle Blanche de Cominges? Они говорятъ, что имъ какъ-то *особенно* держать себя вслѣдствіе этого обстоятельства надо,—но вѣдь это ужъ слишкомъ особенно, согласитесь сами! Какъ вы думаете? Я по глазамъ вашимъ убѣжденъ, что вы и тутъ болѣе меня знаете!

Мистеръ Астлей усмѣхнулся и кивнулъ головой.

— Дѣйствительно, я кажется и въ этомъ гораздо больше вашего знаю, сказалъ онъ. Тутъ все дѣло касается одной m-lle Blanche, и я увѣренъ, что это совершенная истина.

— Ну, что-жъ m-lle Blanche? вскричалъ я съ нетерпѣніемъ (у меня вдругъ явилась надежда, что теперь что нибудь откроется о m-lle Полинѣ).

— Мнѣ кажется, что m-lle Blanche имѣетъ въ настоящую минуту особый интересъ всячески избѣгать встрѣчи съ барономъ и баронессой,—тѣмъ болѣе встрѣчи непріятной, еще хуже—скандальной.

— Ну! Ну!

— M-lle Blanche, третьяго года, во время сезона уже была здѣсь, въ Рулетенбургѣ. И я тоже здѣсь находился. M-lle Blanche тогда не называлась m-lle de Cominges, равномѣрно и мать ея, m-me veuve Cominges тогда не существовала. По крайней мѣрѣ, о ней не было и помину. Де-Гріе—Де-Гріе—тоже не было. Я питаю глубокое убѣжденіе, что они не только не родня между собою, но даже и знакомы весьма недавно. Маркизомъ Де-Гріе сталъ тоже весьма недавно,—я въ этомъ увѣренъ, по одному обстоятельству. Даже можно предположить, что онъ и Де-Гріе сталъ называться недавно. Я знаю здѣсь одного человѣка, встрѣчавшаго его и подъ другимъ именемъ.

— Но вѣдь онъ имѣетъ дѣйствительно солидный кругъ знакомства?

— О, это можетъ быть. Даже m-lle Blanche его можетъ имѣть. Но третьяго года m-lle Blanche, по жалобѣ этой самой баронессы, получила приглашеніе отъ здѣшней полиціи покинуть городъ и покинула его.

— Какъ такъ?

— Она появилась тогда здѣсь—сперва съ однимъ итальянцемъ, какимъ-то княземъ, съ историческимъ именемъ, что-то въ родѣ *Барберини* или что-то похожее. Человѣкъ, весь въ перстняхъ и брилліантахъ, и даже не фальшивыхъ. Они ѣздили въ удивительномъ экипажѣ. M-lle Blanche играла въ trente et quarante сначала хорошо, потомъ ей стало сильно измѣнять счастье; такъ я припоминаю. Я помню, въ одинъ вечеръ она проиграла чрезвычайную сумму. Но всего хуже, что, un beau matin, ея князь исчезъ неизвѣстно куда; исчезли и лошади, и экипажъ, все исчезло. Долгъ въ отелѣ ужасный. M-lle Зельмъ (вмѣсто Барберини она вдругъ обратилась въ m-lle Зельмъ) была въ послѣдней степени отчаянія. Она выла и визжала на весь отель, и разорвала въ бѣшенствѣ свое платье. Тутъ же въ отелѣ стоялъ одинъ польскій графъ (всѣ путешествующіе поляки — графы) и m-lle Зельмъ, разрывавшая свои платья и царапавшая, какъ кошка, свое лицо своими прекрасными, вымытыми въ духахъ, руками, произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Они переговорили, и къ обѣду она утѣшилась. Вечеромъ, онъ появился съ нею подъ руку въ воксалѣ. M-lle Зельмъ смѣялась, по своему обыкновенію, весьма громко и въ манерахъ ея оказалось нѣсколько болѣе развязности. Она поступила прямо въ тотъ разрядъ играющихъ на рулеткѣ дамъ, которыя, подходя къ столу, изъ всей силы отталкиваютъ плечомъ игрока, чтобы очистить себѣ мѣсто. Это особенный здѣсь шикъ у этихъ дамъ. Вы ихъ, конечно, замѣтили?

— О, да.

— Не стоитъ и замѣчать. Къ досадѣ порядочной публики онѣ здѣсь не переводятся, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя мѣняютъ каждый день у стола тысяче-франковые билеты. Впрочемъ, какъ только онѣ перестаютъ мѣнять билеты, ихъ тотчасъ просятъ удалиться. M-lle Зельмъ еще продолжала мѣнять билеты; но, игра ея шла еще несчастливѣе. Замѣтите себѣ, что эти дамы весьма часто играютъ счастливо; у нихъ удивительное владѣніе собою. Впрочемъ, исторія моя кончена. Однажды, точно также какъ и князь, исчезъ и графъ. M-lle Зельмъ явилась вечеромъ играть уже одна; на этотъ разъ никто не явился предложить ей руку. Въ два дня она проигралась окончательно. Поставивъ послѣдній луидоръ и проигравъ его, она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла подлѣ себя барона Вурмергельма, который очень внимательно и съ глубокимъ негодованіемъ ее разсматривалъ. Но m-lle Зельмъ не разглядѣла негодованія п, обратившись къ барону съ извѣстной

улыбкой, попросила поставить за нее на красную десять лундоровъ. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ баронессы, она къ вечеру получила приглашеніе не показываться болѣе въ воксалѣ. Если вы удивляетесь, что мнѣ извѣстны всѣ эти мелкія и совершенно неприличныя подробности, то это потому, что слышалъ я ихъ окончательно отъ мистера Фидера, одного моего родственника, который въ тотъ же вечеръ увезъ въ своей коляскѣ m-lle Зельмю изъ Рулетенбурга въ Спа. Теперь поймите: M-lle Blanche хочетъ быть генеральшей, вѣроятно для того, чтобы впредь не получать такихъ приглашеній, какъ третьяго года отъ полиціи воксала. Теперь она уже не играетъ; но это потому, что теперь у ней, по всѣмъ признакамъ, есть капиталъ, который она ссужаетъ здѣшнимъ игрокамъ на проценты. Это гораздо разсчитливѣе. Я даже подозреваю, что ей долженъ и несчастный генералъ. Можетъ быть долженъ и Де-Гріе. Можетъ быть Де-Гріе съ ней въ компаніи. Согласитесь сами, что по крайней мѣрѣ до свадьбы она бы не желала почему либо обратить на себя вниманіе баронессы и барона. Однимъ словомъ, въ ея положеніи, ей всего менѣе выгоденъ скандалъ. Вы же связаны съ ихъ домомъ и ваши поступки могли возбудить скандалъ, тѣмъ болѣе, что она каждодневно является въ публикѣ подъ руку съ генераломъ или съ миссъ Поудиною. Теперь понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю! вскричалъ я изъ всей силы стукнувъ по столу, такъ что *garçon* приобѣжалъ въ испугѣ.

— Скажите, мистеръ Астлей, повторилъ я въ изступленіи, — если вы уже знали всю эту исторію, а слѣдственно знаете наизусть, что такое m-lle Blanche de Cominges, — то какимъ образомъ не предупредили вы хоть меня, — самого генерала наконецъ, а главное, главное миссъ Полину, которая показывалась здѣсь въ воксалѣ, въ публикѣ съ m-lle Blanche подъ руку? Развѣ это возможно?

— Васъ предупреждать мнѣ было нечего, потому что вы ничего не могли сдѣлать, спокойно отвѣчалъ мистеръ Астлей. А, впрочемъ, и о чемъ предупреждать? Генералъ можетъ быть знаетъ о m-lle Blanche еще болѣе, чѣмъ я, и все-таки прогуливается съ нею и съ миссъ Полиной. Генералъ — несчастный человѣкъ. Я видѣлъ вчера, какъ m-lle Blanche скакала на прекрасной лошади съ М-г Де-Гріе и съ этимъ маленькимъ русскимъ княземъ, а генералъ скакалъ за ними на рыжей лошади. Онъ утромъ говорилъ, что у него болятъ ноги, но посадка его была хороша. И вотъ, въ это мгновеніе, мнѣ вдругъ пришло на мысль, что это совершенно погибшій человѣкъ. Къ тому же все это не мое дѣло и я только недавно имѣлъ честь узнать миссъ Полину. А впрочемъ (спохватился вдругъ мистеръ Астлей) я уже сказалъ вамъ, что не могу признать ваши права на нѣкоторые вопросы, несмотря на то, что искренно васъ люблю...

— Довольно, сказалъ я вставая; теперь мнѣ ясно, какъ день, что и миссъ Полинѣ все извѣст-

но о m-lle Blanche, но что она не можетъ разстаться со своимъ французомъ, а потому и рѣшается гулять съ m-lle Blanche. Повѣрьте, что никакія другія вліянія не заставили бы ее гулять съ m-lle Blanche и умолять меня въ запискѣ не трогать барона. Тутъ именно должно быть это вліяніе, предъ которымъ все склоняется! И однако вѣдь она же меня и напустила на барона! Чортъ возьми, тутъ ничего не разберешь!

— Вы забываете, во-первыхъ, что эта m-lle de Cominges — невѣста генерала, а во-вторыхъ, что у миссъ Полины, падчерицы генерала, есть маленький братъ и маленькая сестра, родныя дѣти генерала, ужъ совершенно брошенные этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, а кажется и ограбленныя.

— Да, да! это такъ! уйти отъ дѣтей — значитъ ужъ совершенно ихъ бросить, остаться — значитъ защитить ихъ интересы, а можетъ быть и спасти клочки имѣнія. Да, да, все это правда! Но все-таки, все-таки! О, я понимаю, почему всѣ они такъ теперь интересуются бабуленькой!

— О комъ? спросилъ мистеръ Астлей.

— О той старой вѣдьмѣ въ Москвѣ, которая не умираетъ и о которой ждутъ телеграммы, что она умретъ.

— Ну да, конечно, весь интересъ въ ней соединился. — Все дѣло въ наслѣдствѣ! объявится наслѣдство и генералъ женится; миссъ Полина будетъ тоже развязана, а Де-Гріе...

— Ну, а Де-Гріе?

— А Де-Гріе будутъ заплачены деньги; онъ того только здѣсь и ждетъ.

— Только! вы думаете, только этого и ждетъ?

— Болѣе я ничего не знаю, — упорно замолчалъ мистеръ Астлей.

— А я знаю, я знаю! повторялъ я въ ярости; онъ тоже ждетъ наслѣдства, потому что Полина получитъ приданое, а, получивъ деньги — тотчасъ кинется ему на шею. Всѣ женщины таковы! И самыя гордыя изъ нихъ — самыя-то пошлыми рабами и выходятъ! Полина способна только страстно любить и больше ничего! Вотъ мое мнѣніе о ней! Поглядите на нее, особенно, когда она сидитъ одна, задумавшись: это — что-то предназначенное, приговоренное, проклятое! Она способна на всѣ ужасы жизни и страсти... она... она..., но кто это зоветъ меня? воскликнулъ я вдругъ. Кто кричитъ? Я слышалъ закричали по-русски: Алексѣй Ивановичъ! Женскій голосъ, слышите, слышите!

Въ это время мы подошли къ нашему отелю. Мы давно уже, почти не замѣчая того, оставили кафѣ.

— Я слышалъ женскіе крики, но не знаю, кого зовутъ; это по-русски; теперь я вижу, откуда крики, указывалъ мистеръ Астлей, — это кричитъ та женщина, которая сидитъ въ большомъ креслѣ и которую внесли сейчасъ на крыльцо столько лакеевъ. Сзади несутъ чемоданы, значитъ только что приѣхалъ поѣздъ.

— Но почему она зоветъ меня? Она опять кричитъ; смотрите, она намъ машетъ.

— Я вижу, что она машетъ, сказалъ мистеръ Астлей.

— Алексѣй Ивановичъ! Алексѣй Ивановичъ! Ахъ, Господи, что это за олухъ! раздавались отчаянные крики съ крыльца отеля.

Мы почти побѣжали къ подъѣзду. Я вступилъ на площадку и... руки мои опустились отъ изумленія, а ноги такъ и приросли къ камню.

ГЛАВА IX.

На верхней площадкѣ шпрокаго крыльца отеля, внесенная, по ступенямъ, въ креслахъ и окруженная слугами, служанками и многочисленною подобострастною челядью отеля, въ присутствіи самого оберъ-кельнера, вышедшаго встрѣтить высокую посѣтительницу, пріѣхавшую съ такимъ трескомъ и шумомъ, съ собственною прислугою и съ столькими баулами и чемоданами, возсѣдала—бабушка! Да, это была она сама, грозная и богатая, семидесяти-пяти лѣтняя, Антонида Васильевна Тарасевичева, помѣщица и московская барыня, la baboulinka, о которой пускались и получались телеграммы, умиравшая и неумершая, и которая вдругъ сама, собственно-лично, явилась къ намъ, какъ снѣгъ на голову. Она явилась, хотя и безъ ногъ, носимая, какъ и всегда, во всѣ послѣдніе пять лѣтъ, въ креслахъ, но, по обыкновенію своему, бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая, громко и повелительно кричащая, всѣхъ бранящая,—ну точъ въ точъ такая, какъ я имѣлъ честь видѣть ее раза два, съ того времени, какъ опредѣлился въ генеральскій домъ учителемъ. Естественно, что я стоялъ предъ нею истуканомъ отъ удивленія. Она же разглядѣла меня своимъ рысимъ взглядомъ еще за сто шаговъ, когда ее вносили въ креслахъ, узнала и кликнула меня по имени и отчеству, — что тоже, по обыкновенію своему, разъ на всегда запомнила. «И эдакую-то ждали видѣть въ гробу, схороненную и оставившую наслѣдство», пролетѣло у меня въ мысляхъ,—«да она всѣхъ насъ и весь отель переживетъ! Но Боже, что-жъ это будетъ теперь съ нашими, что будетъ теперь съ генераломъ! Она весь отель теперь перевернетъ на сторону!»

— Ну, что-жъ ты, батюшка, сталъ предо мною, глаза выпучилъ! продолжала кричать на меня бабушка; поклониться — поздороваться не умѣешь, что-ли? Аль загордился, не хочешь? Аль, можетъ, не узналъ? Слышишь, Потапычъ, обратилась она къ сѣдому старичку, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ розовой лысной, своему дворецкому, сопровождавшему ее въ вояжѣ, — слышишь, не узнаетъ! Схоронили! Телеграмму за телеграммою посылали: умерла, аль не умерла? Вѣдь я все знаю! А я, вотъ видишь, и живехонька.

— Помилуйте, Антонида Васильевна, съ чего мнѣ-то вамъ худаго желать? весело отвѣчалъ я,

очнувшись,—я только былъ удивленъ... Да и какъ же не подивиться, такъ неожиданно...

— А что тебѣ удивительнаго? сѣла, да побѣжала. Въ вагонѣ покойно, толчковъ нѣтъ. Ты гулять ходилъ, что-ли?

— Да, прошелся къ вокзалу.

— Здѣсь хорошо, сказала бабушка озираясь, — тепло и деревья богатые. Это я люблю! Наши дома? Генераль?

— О! дома, въ этотъ часъ навѣрно всѣ дома.

— А у нихъ и здѣсь часы заведены, и всѣ церемоніи? Тону задаютъ. Экипажъ, я слышала, держать, les seigneurs russes! Просвистались, такъ и за границу! И Прасковья съ нимъ?

— И Полна Александровна тоже.

— И француженка? Ну, да сама всѣхъ увижу. Алексѣй Ивановичъ, показывай дорогу, прямо къ нему. Тебѣ-то здѣсь хорошо ли?

— Такъ себѣ, Антонида Васильевна.

— А ты, Потапычъ, скажи этому олуху, кельнеру, чтобъ мнѣ удобную квартиру отвели, хорошую, не высокѣ, туда и вещи сейчасъ перенеси. Да чего всѣмъ то соваться меня нести? Чего они лѣзутъ? Экіе рабы! Это кто съ тобой? обратилась она опять ко мнѣ.

— Это мистеръ Астлей, отвѣчалъ я.

— Какой такой мистеръ Астлей?

— Путешественникъ, мой добрый знакомый; знакомъ и съ генераломъ.

— Англичанинъ. То-то онъ усталъ на меня и зубовъ не разжимаетъ. Я, впрочемъ, люблю англичанъ. Ну, тащите на верхъ, прямо къ нимъ на квартиру; гдѣ они тамъ?

Бабушку понесли; я шелъ впереди по широкой лѣстницѣ отеля. Шествіе наше было очень эффектное. Всѣ, кто попадались,—останавливались и смотрѣли во всѣ глаза. Нашъ отель считается самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ и самымъ аристократическимъ на водахъ. На лѣстницѣ и въ корридорахъ всегда встрѣчаются великолѣпныя дамы и важные англичане. Многіе освѣдомлялись внизу у оберъ-кельнера, который, съ своей стороны, былъ глубоко пораженъ. Онъ конечно отвѣчалъ всѣмъ спрашивавшимъ, что это важная иностранка, une russe, une comtesse, grande dame, и что она займетъ то самое помѣщеніе, которое за недѣлю тому назадъ занимала la grande duchesse de N. Повелительная и властная наружность бабушки, возносимой въ креслахъ, была причиною главнаго эффекта. При встрѣчѣ со всякимъ новымъ лицомъ, она тотчасъ обмѣривала его любопытнымъ взглядомъ и о всѣхъ громко меня разспрашивала. Бабушка была изъ крупной породы, и хотя и не вставала съ креселъ, но предчувствовалось глядя на нее, что она весьма высокаго роста. Спина ея держалась прямо, какъ доска, и не опиралась на кресло. Сѣдая, большая ея голова, съ крупными и рѣзкими чертами лица, держалась вверхъ; глядѣла она какъ-то даже заносчиво и съ вызовомъ; и видно было, что взглядъ и жесты ея совершен-

но натуральны. Не смотря на семьдесят пять лѣтъ, лицо ея было довольно свѣжо и даже зубы несовсѣмъ пострадали. Одѣта она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ.

— Она чрезвычайно интересуетъ меня, шепнуть мнѣ, подымаясь рядомъ со мною, мистеръ Астлей.

— О телеграммахъ она знаетъ, подумалъ я; Де-Грие ей тоже извѣстенъ, но m-lle Blanche еще кажется мало извѣстна. Я тотчасъ же сообщилъ объ этомъ мистеру Астлею.

Грѣшныи челоѣкъ! только что прошло мое первое удивленіе, я ужасно обрадовался громовому удару, который мы произведемъ сейчасъ у генерала. Меня точно что подзадоривало и я шелъ впередъ чрезвычайно весело.

Наши квартировали въ третьемъ этажѣ; я не докладывалъ и даже не постучалъ въ дверь, а просто растворилъ ее настежь, и бабушку внесли съ триумфомъ. Всѣ они были, какъ нарочно, въ сборѣ, въ кабинетѣ генерала. Было двѣнадцать часовъ и кажется проектировалась какая-то поѣздка, — одни сбѣгались въ коляскахъ, другіе верхами, всей компаніей; кромѣ того были еще приглашенные изъ знакомыхъ. Кромѣ генерала, Полныи съ дѣтми; ихъ нянюшки, находились въ кабинетѣ: Де-Грие, m-lle Blanche, опять въ амазонкѣ, ея мать m-me veuve Cominges, маленькій князь и еще какой-то ученый путешественникъ, нѣмецъ, котораго я видѣлъ у нихъ еще въ первый разъ. Кресла съ бабушкой прямо опустили посрединѣ кабинета, въ трехъ шагахъ отъ генерала. Боже, никогда не забуду этого впечатлѣнія! Предъ нашимъ входомъ генералъ что-то рассказывалъ, а Де-Грие его направлялъ. Надо замѣтить, что m-lle Blanche и Де-Грие вотъ уже два-три дня почему-то очень ухаживали за маленькимъ княземъ, — à la barbe du raucve général, и компанія, хотъ можетъ быть и искусственно, но была настроена на самый веселый и радушно-семейный тонъ. При видѣ бабушки, генералъ вдругъ остолбѣлъ, разинулъ ротъ и остановился на полсловѣ. Онъ смотрѣлъ на нее, выпучивъ глаза, какъ будто околдованный взглядомъ василиска. Бабушка смотрѣла на него тоже молча, неподвижно, — но что это былъ за торжествующій, вызывающій и насмѣшливый взглядъ! Они просмотрѣли такъ другъ на друга секундъ десять битыхъ, при глубокомъ молчаніи всѣхъ окружающихъ. Де-Грие сначала оцѣнилъ, но скоро необыкновенное безпокойство замѣкало въ его лицѣ. M-lle Blanche подняла брови, раскрыла ротъ и дико разглядывала бабушку. Князь и ученый въ глубокомъ нелюмѣвіи созерцали всю эту картину. Во взглядѣ Полныи выразилось чрезвычайное удивленіе и недоумѣніе, но вдругъ она поблѣдѣла, какъ платокъ; чрезъ минуту кровь быстро ударила ей въ лицо и залила ея щеки. Да, это была катастрофа для всѣхъ! Я только и дѣлалъ, что переводилъ мои взгляды отъ бабушки на всѣхъ окружающихъ, и обратно. Мистеръ Астлей стоялъ въ сторонѣ, по своему обыкновенію, спокойно и чинно.

— Ну, вотъ и я! Въсто телеграммы-то! раз-
разилась наконецъ бабушка, прерывая молчаніе.
Что, не ожидали?

— Антонида Васильевна... тетюшка... но какимъ же образомъ.. пробормоталъ несчастный генералъ. Если бы бабушка не заговорила еще нѣсколько секундъ, то, можетъ быть, съ нимъ былъ бы ударъ.

— Какъ, какимъ образомъ? Сѣла, да поѣхала. А желѣзная-то дорога на что? А вы всѣ думали: я ужъ ноги протянула и вамъ наслѣдство оставила? Я вѣдь знаю, какъ ты отсюда телеграммы-то посылалъ. Денегъ-то что за нихъ переплатилъ, я думаю. Отсюда не дешево. А я ноги на плечи, да и сюда. Это тотъ французъ? M-r Де-Грие кажется?

— Oui, madame, подхватилъ Де-Грие, — et croyez, je suis si enchanté... votre santé... c'est un miracle... vous voir ici... une surprise charmante...

— То-то charmante; знаю я тебя, фигляръ ты этакій, да я-то тебѣ вотъ на столечко не вѣрю! и она указала ему свой мизинецъ. Это кто такая, обратилась она, указывая на m-lle Blanche. Эффектная французка, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, видимо се поразила. — Здѣшняя, что ли?

— Это m-lle Blanche de Cominges, а вотъ и маленька ея, m-me de Cominges; они квартируютъ въ здѣшнемъ отелѣ, доложилъ я.

— Замужемъ дочь-то? не церемонясь разспрашивала бабушка.

— M-lle de Cominges дѣвица, отвѣчалъ я, какъ можно почтительнѣе и нарочно въ полголоса.

— Веселаи?

Я было не понялъ вопроса.

— Не скучно съ нею? По-русски понимаетъ? Вотъ Де-Грие у насъ въ Москвѣ намастачился по нашему-то, съ пятаго на десятое.

Я объяснилъ ей, что m-lle de Cominges никогда не была въ Россіи.

— Bonjour! сказала бабушка, вдругъ рѣзко обращаясь къ m-lle Blanche.

— Bonjour, Madame, церемонно и изящно при-
сѣла m-lle Blanche, поспѣшивъ, подъ покровомъ необыкновенной скромности и вѣжливости, выка-
зывать всѣмъ выраженіемъ лица и фигуры чрезвычайное удивленіе къ такому странному вопросу и обращенію.

— О, глаза опустила, манерничаетъ и церемонничаетъ; сейчасъ видна птица; актриса какая нибудь. Я здѣсь въ отелѣ внизу остановилась, обратилась она вдругъ къ генералу; — сосѣдка тебѣ буду; радъ или не радъ?

— О, тетюшка! Повѣрьте искреннимъ чувствамъ... моего удовольствія, подхватилъ генералъ. Онъ уже отчасти опомнился, а такъ какъ, при случаѣ, онъ умѣлъ говорить удачно, важно и съ претензіею на нѣкоторый эффектъ, то принялся распространяться и теперь. — Мы были такъ встревожены и поражены извѣстіями о вашемъ нездоровьѣ... Мы получали такіа безнадежныя телеграммы, и вдругъ...

— Ну, врешь! врешь! перебила тотчас бабушка.

— Но какимъ образомъ, тоже поскорѣй перебилъ и возвысилъ голосъ генераль, постаравшись не замѣтить этого : «врешь»,—какимъ образомъ вы однако рѣшились на такую поѣздку? Согласитесь самп, что въ вашихъ лѣтахъ и при вашемъ здоровьѣ...по крайней мѣрѣ, все это такъ неожиданно, что понятно наше удивленіе. Но я такъ радъ... и мы всѣ (онъ началъ умильно и восторженно улыбаться) стараемся изо всѣхъ силъ сдѣлать вамъ здѣшній сезонъ наимпріятнѣйшимъ препровожденіемъ...

— Ну, довольно; болтовня пустая; нагородилъ по обыкновенію; я и сама съумѣю прожить. Впрочемъ, и отъ васъ не прочь; зла не помню. Какимъ образомъ, ты спрашиваешь. Да что тутъ удивительнаго? Самымъ простѣйшимъ образомъ. И чего они всѣ удивляются. Здравствуй, Прасковья. Ты здѣсь что дѣлаешь?

— Здравствуйте, бабушка, сказала Полина, приближаясь къ ней, — давно ли въ дорогѣ?

— Ну, вотъ эта умнѣе всѣхъ спросила, а то: ахъ, да ахъ! Вотъ видишь ты: лежала-лежала, лечил-лечили, я докторовъ прогнала и позвала, пономаря отъ Николя. Онъ отъ такой же болѣзни сѣбной тухлой одну бабу вылечилъ. Ну, и мнѣ помогъ; на третій день вся вспотѣла и поднялась. Потомъ опять собрались мои нѣмцы, надѣли очки и стали рядить: «Если бы теперь, говорятъ, за границу на воды и курсъ взять, такъ совсѣмъ бы завалы прошли». А почему же нѣтъ, думаю? Дурь-Закинины разбахались: куда вамъ, говорятъ, доѣхать! Ну, вотъ-те на! Въ одинъ день собралась и на прошлой недѣлѣ въ пятницу взяла дѣвушку, да Потапыча, да Оедора лакея, да этого Оедора изъ Берлина и прогнала, потому: вижу совсѣмъ его не надо, и одна одишешенька доѣхала бы. Вагонъ беру особенный, а носильщики на всѣхъ станціяхъ есть, за двугривенный куда хочешь донесутъ. Ишь, вы квартиру нанпмаете какую! заключила она, осматриваясь. Изъ какихъ это ты денегъ, батюшка? Вѣдь все у тебя въ залогѣ. Одному этому французикѣ что долженъ деньжищъ-то! Я вѣдь все знаю, все знаю!

— Я, тетушка... началъ генераль, весь сконфузившись, — я удивляюсь, тетушка... я, кажется, могу и безъ чьего либо контроля... притомъ же, мои расходы не превышаютъ моихъ средствъ, и мы здѣсь...

— У тебя-то не превышаютъ? сказалъ! У дѣтей-то, должно быть, послѣднее ужъ заграбилъ, опекуны!

— Послѣ этого, послѣ такихъ словъ... началъ генераль въ негодованіи, — я уже и не знаю...

— То-то незнаешь! небось здѣсь отъ рулетки не отходишь? Весь просвѣтелся?

Генераль былъ такъ пораженъ, что чуть не захлебнулся отъ прилива взволнованныхъ чувствъ своихъ.

— На рулеткѣ! Я? при моемъ значеніи... Я? Опомнитесь, тетушка, вы еще, должно быть, нездоровы...

— Ну, врешь, врешь; небось оттащить не могутъ; все врешь! Я вотъ посмотрю, что это за рулетка такая, сегодня же. Ты, Прасковья, мнѣ расскажи, гдѣ что здѣсь осматриваютъ, да вотъ и Алексѣй Ивановичъ покажетъ, а ты, Потапычъ, записывай всѣ мѣста, куда ѣхать? Что здѣсь осматриваютъ? обратилась вдругъ она опять къ Полинь.

— Здѣсь есть близко развалины замка, потомъ Шлангенбергъ.

— Что это Шлангенбергъ? Роща, что ли?

— Нѣтъ не роща, это гора; тамъ пуантъ...

— Какой такой пуантъ?

— Самая высшая точка на горѣ, огороженное мѣсто. Оттуда видъ безподобный.

— Это на гору-то кресла тащить? Встанутъ, аль нѣтъ?

— О, носильщиковъ сыскать можно, отвѣчалъ я.

Въ это время подошла здороваться къ бабушкѣ Оедосья, нянюшка, и подвела генеральскихъ дѣтей.

— Ну, нечего лобызаться! Не люблю цѣловаться съ дѣтьми: всѣ дѣти сопливыя. Ну, ты какъ здѣсь, Оедосья?

— Здѣсь очинно, очинно хорошо, матушка Антонида Васильевна, отвѣтила Оедосья.—Какъ вамъ то было, матушка? Ужъ мы такъ про васъ изболѣзновались.

— Знаю; ты-то простая душа. Это что у васъ, все гости, что ли? обратилась она опять къ Полинь.— Это кто плюгавенькій-то, въ очкахъ?

— Князь Пильскій, бабушка, прошептала ей Полина.

— А, русскій? а я думала не пойметъ! Не слыхалъ, можетъ быть! Мистера Астлей я уже видѣла. Да вотъ онъ опять,—увидала его бабушка,—здравствуйте! обратилась она вдругъ къ нему.

Мистеръ Астлей молча ей поклонился.

— Ну, что вы мнѣ скажете хорошаго? Скажите что нибудь! Переведи ему это, Полина.

Полина перевела.

— То, что я гляжу на васъ съ большимъ удовольствіемъ и радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ, серьезно, но съ необычайною готовностью отвѣтилъ мистеръ Астлей. Бабушкѣ перевели, и ей видимо это понравилось.

— Какъ англичане всегда хорошо отвѣчаютъ, замѣтила она. Я почему-то всегда любила англичанъ, сравненія нѣтъ съ французиками! Заходите ко мнѣ, обратилась она опять къ мистеру Астлею. Постараюсь васъ не очень обезпокоить. Переведи это ему, да скажи ему, что я здѣсь внизу,—здѣсь внизу — слышите внизу, внизу, повторяла она мистеру Астлею, указывая пальцемъ внизъ.

Мистеръ Астлей былъ чрезвычайно доволенъ приглашеніемъ.

Бабушка внимательнымъ и довольнымъ взглядомъ оглядѣла съ ногъ до головы Полину.

— Я бы тебя, Прасковья, любила, вдругъ сказала она, — дѣвка ты славная, лучше ихъ всѣхъ,

да характернѣе у тебя — ухъ! Ну, да и у меня характеръ; повернись-ка; это у тебя не накладка въ волосахъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, свои.

— То-то, не люблю теперешней глупой моды. Хороша ты очень. Я бы въ тебя влюбилась, еслибъ была кавалеромъ. Чего замужъ-то не выходишь? Но, однако, пора мнѣ. И погулять хочется, а то все вагонъ, да вагонъ... Ну, что ты, все еще сердилась? обратилась она къ генералу.

— Помилуйте, тетюшка, полноте! спохватился обрадованный генералъ, — я понимаю, въ ваши лѣта...

— Cette vieille est tombée en enfance, шепнулъ мнѣ де-Грие.

— Я вотъ все хочу здѣсь разсмотрѣть. Ты мнѣ Алексѣя Ивановича-то уступилъ? продолжала бабушка генералу.

— О, сколько угодно, но я и самъ... и Полина, и М-г де-Грие... мы всѣ, всѣ сочтемъ за удовольствіе вамъ сопутствовать...

— Mais, Madame, cela sera un plaisir... подвернулся де-Грие съ обворожительной улыбкой.

— То-то plaisir. Смѣшны ты мнѣ, батюшка. Денегъ-то я тебѣ впрочемъ не дамъ, прибавила она вдругъ генералу. — Ну, теперь въ мой номеръ: осмотрѣть надо, а потомъ и отправимся по всѣмъ мѣстамъ. Ну, подымайте.

Бабушку опять подняли и всѣ отправились гурьбой, вслѣдъ за креслами, внизъ по лѣстницѣ. Генералъ шелъ, какъ будто ошеломленный ударомъ дубины по головѣ. Де-Грие что-то соображалъ. М-ле Blanche хотѣла было остаться, но почему-то разсудила тоже пойти со всѣми. За нею тотчасъ же отправился и князь, и на верху, въ квартирѣ генерала, остались только нѣмецъ и Madame veuve Cominges.

ГЛАВА X.

На водахъ, — да кажется и во всей Европѣ, — управляющіе отелями и обер-кельнеры, при введеніи квартиръ посѣтителемъ, руководствуются не столько требованіями и желаніями ихъ, сколько собственнымъ личнымъ своимъ на нихъ взглядомъ; и надо замѣтить, рѣдко ошибаются. Но бабушкѣ, ужъ неизвѣстно почему, отвели такое богатое помѣщеніе, что даже пересолнили: четыре великолѣпно убранныя комнаты, съ ванной, помѣщеніями для прислуги, особой комнатою для камеристки, и прочее и прочее. Дѣйствительно, въ этихъ комнатахъ, недѣлю тому назадъ, останавливалась какая-то grande duchesse, о чемъ, конечно, тотчасъ же и объявлялось новымъ посѣтителемъ, для приданія еще большей цѣны квартирѣ. Бабушку пропесели или, лучше сказать, прекратили по всѣмъ комнатамъ, и она внимательно и строго оглядывала ихъ. Обер-кельнеръ, уже пожилой чело-вѣкъ, съ плѣшивой головой, почтительно сопровождалъ ее при этомъ первомъ осмотрѣ.

Не знаю, за кого они всѣ приняли бабушку, но, кажется, за чрезвычайно важную и, главное, богатыѣйшую особу. Въ книгу внесли тотчасъ: Madame la générale, princesse de Tarassevitcheva, хотя бабушка никогда не была княгиней. Своя прислуга, особое помѣщеніе въ вагонѣ, бездна ненужныхъ бауловъ, чемодановъ и даже сундуковъ, прибывшихъ съ бабушкой, вѣроятно послужили началомъ престижа; а кресла, рѣзкій тонъ и голосъ бабушки, ея эксцентрическіе вопросы, дѣлаемые съ самымъ не стѣсняющимъ и не терпящимъ никакихъ возраженій видомъ, однимъ словомъ, вся фигура бабушки — прямая, рѣзкая, повелительная, — довершали всеобщее къ ней благоговѣніе. При осмотрѣ, бабушка вдругъ иногда приказывала останавливать кресла, указывала на какую нибудь вещь въ мебелировкѣ и обращалась съ неожиданными вопросами къ почтительно улыбавшемуся, но уже начинавшему трусить обер-кельнеру. Бабушка предлагала вопросы на французскомъ языкѣ, на которомъ говорила, впрочемъ, довольно плохо, такъ что я обыкновенно переводилъ. Отвѣты обер-кельнера большею частію ей не нравились и казались неудовлетворительными. Да и она-то спрашивала все какъ будто не объ дѣлѣ, а Богъ знаетъ о чемъ. Вдругъ, напримѣръ, остановилась предъ картиною, — довольно слабой копіей съ какого-то извѣстнаго оригинала, съ милологическимъ сюжетомъ.

— Чей портретъ?

Обер-кельнеръ объявилъ, что, вѣроятно, какой нибудь графини.

— Какъ же ты не знаешь? Здѣсь живешь, а не знаешь. Почему онъ здѣсь? Зачѣмъ глаза косые?

На всѣ эти вопросы обер-кельнеръ удовлетворительно отвѣчать не могъ и даже потерялся.

— Вотъ болванъ-то! отозвалась бабушка по-русски.

Ее понесли далѣе. Та же исторія повторилась съ одной саксонской статуэткой, которую бабушка долго разматривала и потомъ велѣла вынести, неизвѣстно за что. Наконецъ пристала къ обер-кельнеру: что стояли ковры въ спальнѣ, и гдѣ ихъ ткнутъ? Обер-кельнеръ общалъ справляться.

— Вотъ ослы-то! ворчала бабушка, и обратила все свое вниманіе на кровать.

— Эдакой пышный балдахинъ! разверните его. Постель развернули.

— Еще, еще, все разверните. Снимите подушки, наволочки, подымите перину.

Все перевернули. Бабушка осмотрѣла внимательно.

— Хорошо, что у нихъ клоповъ нѣтъ. Все бѣлье долой! Постлатъ мое бѣлье и мои подушки. Однако, все это слишкомъ пышно; куда мнѣ, старухѣ, такую квартиру: одной скучно. Алексѣй Ивановичъ, ты бывай ко мнѣ чаще, когда дѣтей перестанешь учить.

— Я, со вчерашняго дня, не служу болѣе, у ге-

нерала, отвѣтилъ я,—и живу въ отелѣ совершенно самъ по себѣ.

— Это почему такъ?

— На дняхъ пріѣхалъ сюда одинъ знатный нѣмецкій баронъ съ баронессой, супругой, изъ Берлина. Я вчера, на гуляньѣ, заговорилъ съ нимъ по нѣмецки, не придерживаясь берлинскаго произношенія.

— Ну, такъ что же?

— Онъ счелъ это дерзостью и пожаловался генералу, а генераль вчера же уволилъ меня въ отставку.

— Да, чтожъ ты обругалъ, что ли, его, баронато? (Хоть бы и обругалъ, такъ ничего!)

— О нѣтъ. Напротивъ, баронъ на меня палку поднималъ.

— И ты, сдюняй, позволилъ такъ обращаться съ своимъ учителемъ, обратилась она вдругъ къ генералу, — да еще его съ мѣста прогналъ! Колпаки вы, — всѣ колпаки, какъ я вижу.

— Не беспокойтесь, тетушка, отвѣчалъ генераль съ нѣкоторымъ высокомѣрно-фамиллярнымъ отѣнкомъ, — я самъ умѣю вести мои дѣла. Къ тому же, Алексѣй Ивановичъ не совсѣмъ вамъ вѣрно передалъ.

— А ты такъ и снесъ? обратилась она ко мнѣ.

— Я хотѣлъ было на дуэль вызвать барона, — отвѣчалъ я какъ можно скромнѣе и спокойнѣе, — да генераль воспротивился.

— Это зачѣмъ ты воспротивился? опять обратилась бабушка къ генералу. (А ты, батюшка, ступай, придешь, когда позовутъ, обратилась она тоже и къ обер-кельнеру; нечего, разиня-то ротъ, стоять. Терпѣть не могу эту харю нюрнбергскую!) — Тотъ откланялся и вышелъ, конечно не понявъ комплимента бабушки.

— Помилуйте, тетушка, развѣ дуэли возможны? отвѣчалъ съ усмѣшкой генераль.

— А почему не возможны? мужчины всѣ пѣтухи; вотъ бы и дрались. Колпаки вы всѣ, какъ я вижу, не умѣете отечества своего поддержать. Ну, подымите! Потапычъ, распорядись, чтобъ всегда были готовы два носильщика, найми и уговорись. Больше двухъ не надо. Носить приходится только по лѣстницамъ, а по гладкому, по улицѣ — катить, такъ и Расскажи; да заплати еще имъ впередъ, почтителнѣе будутъ. Ты же самъ будь всегда при мнѣ, а ты, Алексѣй Ивановичъ, мнѣ этого барона покажи на гуляньѣ: какой такой фонтъ-баронъ, хоть бы поглядѣть на него. Ну, гдѣ же эта рулетка?

Я объяснилъ, что рулетки расположены въ воксалѣ, въ залахъ. Затѣмъ послѣдовали вопросы: много ли ихъ? много ль играютъ? Цѣлый ли день играютъ? Какъ устроены? Я отвѣчалъ наконецъ, что всего лучше осмотрѣть это собственными глазами, а что такъ описывать довольно трудно.

— Ну, такъ и неси прямо туда! Иди впередъ, Алексѣй Ивановичъ!

— Какъ, неужели, тетушка, вы даже и не от-

дохнете съ дороги? заботливо спросилъ генераль. Онъ немного какъ бы засуетился, да и всѣ они какъ-то замѣшались и стали переглядываться. Вѣроятно, имъ было нѣсколько щекотливо, даже стыдно сопровождать бабушку прямо въ воксалъ, гдѣ она, разумѣется, могла надѣлать какихъ нибудь эксцентричностей, но уже публично: между тѣмъ всѣ они сами вызвались сопровождать ее.

— А чего мнѣ отдыхать? Не устала; и безъ того пять дней сидѣла. А потомъ осмотримъ, какіе тутъ ключи и воды цѣлебныя, и гдѣ они. А потомъ... какъ этотъ, — ты сказала, Прасковья, — пуантъ что ли?

— Пуантъ, бабушка.

— Ну пуантъ, такъ пуантъ. А еще что здѣсь есть?

— Тутъ много предметовъ, бабушка, затруднилась было Полина.

— Ну, сама не знаешь! Марѳа, ты тоже со мной пойдешь, сказала она своей камеристкѣ.

— Но, зачѣмъ же ей то, тетушка? захолопоталъ вдругъ генераль, и наконецъ это нельзя; и Потапыча врядъ ли въ самый воксалъ пустять.

— Ну, вздоръ! Что она слуга, такъ и бросить ее! Тоже вѣдь живой человѣкъ; вотъ ужъ недѣлю по дорогамъ рыщемъ, тоже и ей посмотрѣть хочется. Съ кѣмъ же ей, кромѣ меня? Одна-то и нось на улицу показать не посмѣетъ.

— Но, бабушка...

— Да тебѣ стыдно, что ли, со мной? Такъ оставайся дома, не спрашиваютъ. Ишь, какой генераль; я и сама генеральша. Да и чего васъ такой хвостъ за мной, въ самомъ дѣлѣ, потащится? Я и съ Алексѣемъ Ивановичемъ все-осмотрю...

Но Де-Грие рѣшительно настоялъ, чтобы всѣмъ сопутствовать, и пустился въ самыя любезныя фразы на счетъ удовольствія ее сопровождать, и прочее. Всѣ тронулись.

— Elle est tombée en enfance, повторялъ Де-Грие генералу, — seule, elle fera des bêtises... далѣе я не разслышалъ, но у него, очевидно, были какія-то намѣренія, а можетъ быть даже возвратились и надежды.

До воксала было съ полверсты. Путь нашъ шелъ по каштановой аллеѣ, до сквера, обойдя который вступали прямо въ воксалъ. Генераль нѣсколько успокоился, потому что шествіе наше, хотя и было довольно эксцентрично, но тѣмъ не менѣе было чинно и прилично. Да и ничего удивительнаго не было въ томъ фактѣ, что на водахъ являлся больной и разслабленный человѣкъ, безъ ногъ. Но, очевидно, генераль боялся воксала: зачѣмъ больной человѣкъ безъ ногъ, да еще старушка, пойдетъ на рулетку? Полина и M-lle Blanche шли обѣ по сторонамъ, рядомъ съ катившимся кресломъ. M-lle Blanche смѣялась, была скромно весела и даже весьма любезно загрызала иногда съ бабушкой, такъ что та ее наконецъ дохвалила. Полина, съ другой стороны, обязана была отвѣчать на поминутные и безчисленные вопросы ба-

бушки, въ родѣ того: «Кто это прошелъ? какая это профъхала? великъ ли городъ? великъ ли садъ? Это какія деревья? Это какія горы? Летаютъ ли тутъ орлы? Какая это смѣшная крыша?» Мистеръ Астлей шелъ рядомъ со мной и шепнулъ мнѣ, что многого ожидаетъ въ это утро. Потапычъ и Марѳа шли сзади, сейчасъ за креслами, — Потапычъ въ своемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, но въ картузѣ, а Марѳа, — сорокалѣтняя, румяная, но начинавшая уже сѣдѣть дѣвушка — въ чепчикѣ, въ ситцевомъ платьѣ и въ скрипучихъ козловыхъ башмакахъ. Бабушка весьма часто къ нимъ оборачивалась и съ ними заговаривала. Де-Гриѣ и генералъ немного отстали и говорили о чемъ-то съ величайшимъ жаромъ. Генералъ былъ очень унылъ; Де-Гриѣ говорилъ съ видомъ рѣшительнымъ. Можетъ быть, онъ генерала ободрялъ; очевидно, что-то совѣтовалъ. Но бабушка уже произнесла давеча роковую фразу: «денегъ я тебѣ не дамъ». Можетъ быть, для Де-Гриѣ это извѣстiе казалось невѣроятнымъ, но генералъ зналъ свою тетюшку. Я замѣтилъ, что Де-Гриѣ и M-lle Blanche продолжали перемигиваться. — Князя и нѣмца-путешественника я разглядѣлъ въ самомъ концѣ аллеи: они отстали и куда-то ушли отъ насъ.

Въ воксалѣ мы прибыли съ триумфомъ. Въ швейцарѣ и въ лакеяхъ обнаружилась та же почтительность, какъ и въ прислугѣ отеля. Смотрѣли они; однако, съ любопытствомъ. Бабушка сначала велѣла обнести себя по всѣмъ заламъ; иное похвалила, къ другому осталась совершенно равнодушна; обо всемъ разспрашивала. Наконецъ дошли и до игорныхъ залъ. Лакей, стоявшій у запертыхъ дверей часовымъ, какъ бы пораженный, вдругъ отворилъ двери настежь.

Появленiе бабушки у рулетки произвело глубокое впечатлѣнiе на публику. За игорными рулеточными столами и на другомъ концѣ залы, гдѣ помѣщался столъ съ trente et quarante, толпилось, можетъ быть, полтора или двѣсти игроковъ, въ нѣсколько рядовъ. Тѣ, которые успѣвали протѣсниться къ самому столу, по обыкновенiю, стояли крѣпко и не упускали своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока не проигрывались; ибо такъ стоятъ простыми зрителями и даромъ занимать игорное мѣсто не позволено. Хотя кругомъ стола и уставлены стулья, но немногiе изъ игроковъ садятся, особенно при большомъ стеченiи публики, — потому что стоя можно установиться тѣснѣе, и слѣдовательно выгадать мѣсто, да и ловчѣе ставить. Второй и третiй ряды тѣснились за первыми, ожидая и наблюдая свою очередь; но въ нетерпѣнiи просовывали иногда чрезъ первый рядъ руку, чтобъ поставить свои куши. Даже изъ третьяго ряда изловчались такимъ образомъ просовывать ставки; отъ этого, не проходило десяти, и даже пяти минутъ, чтобъ на какомъ нибудь концѣ стола не началась «исторiя» за спорныя ставки. Полиція воксала, впрѣчемъ, довольно хороша. Тѣсноты, конечно, избѣжать нельзя;

напротивъ, наплыву публики рады, потому что это выгодно; но восемь круперовъ, сидящихъ кругомъ стола, смотрятъ по всѣмъ глазамъ за ставками: они же и рассчитываются, а при возникающихъ спорахъ, они же ихъ и разрѣшаютъ. Въ крайнихъ же случаяхъ зовутъ полицію и дѣло кончается въ минуту. Полицейскiе помѣщаются тутъ же въ залѣ, въ партикулярныхъ платьяхъ, между зрителями, такъ что ихъ и узнать нельзя. Они особенно смотрятъ за воришками и промышленниками, которыхъ на рулеткахъ особенно много, по необыкновенному удобству промысла. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ воровать приходится изъ кармановъ и изъ подъ замковъ, — а это, въ случаѣ неудачи, очень хлопотливо оканчивается. Тутъ же, просто за просто, стобитъ только къ рулеткѣ подойти, начать играть и вдругъ, явно и гласно, взять чужой выигрышъ и положить въ свой карманъ; если же затѣется споръ, то мошенникъ вслухъ и громко настаиваетъ, что ставка — его собственная. Если дѣло сдѣлано ловко и свидѣтели колеблются, то воръ очень часто успѣваетъ оттягать деньги себѣ, разумѣется если сумма не очень значительная. Въ послѣднемъ случаѣ она навѣрное бываетъ замѣчена круперами, или кѣмъ нибудь изъ другихъ игроковъ еще прежде. Но если сумма не такъ значительна, то настоящiй хозяинъ даже иногда просто отказывается продолжать споръ, совѣстясь скандала, и отходитъ. Но, если успѣютъ вора изобличить, то тотчасъ же выводятъ со скандаломъ.

На все это бабушка смотрѣла издали, съ дикимъ любопытствомъ. Ей очень понравилось, что горнишекъ выводятъ. Trente et quarante мало возбудило ея любопытство; ей больше понравилась рулетка, и что катается шарикъ. Она пожелала наконецъ разглядѣть игру по ближе. Не понимая, какъ это случилось, но лакей и нѣкоторые другiе суеверящiеся агенты (преимущественно проигравшiеся полячки, навязывающiе свои услуги счастливымъ игрокамъ и всѣмъ иностранцамъ) тотчасъ нашли и очистили бабушкѣ мѣсто, не смотря на всю эту тѣсноту, у самой середины стола, подлѣ главнаго крупера, и подкатали туда ея кресло. Множество посѣтителей, не играющихъ, но со стороны наблюдающихъ игру, (преимущественно англичане съ ихъ семействами) тотчасъ же затѣснились къ столу, чтобы изъ-за игроковъ поглядѣть на бабушку. Множество лорнетовъ обратилось въ ея сторону. У круперовъ родились надежды: такой эксцентрическiй игрокъ дѣйствительно какъ-будто обѣщалъ что нибудь необыкновенное. Семидесятилѣтняя женщина безъ ногъ, и желающая играть — конечно былъ случай необыденный. Я протѣснился тоже къ столу и устроился подлѣ бабушки. Потапычъ и Марѳа остались гдѣ-то далеко въ сторонѣ, между народомъ. Генералъ, Полина, Де-Гриѣ и M-lle Blanche тоже помѣстились, въ сторонѣ, между зрителями.

Бабушка сначала стала осматривать игроковъ. Она задавала имъ рѣзкiе, отрывистые вопросы

полушепотомъ: кто это такой? это кто такая? Ей особенно понравился въ концѣ стола одинъ очень молодой человѣкъ, игравшій въ очень большую игру, ставившій тысячами и наигравшій, какъ шептали кругомъ, уже тысячу до сорока франковъ, лежавшихъ передъ нимъ въ кучѣ, золотомъ и въ банковыхъ билетахъ. Онъ былъ блѣденъ; у него сверкали глаза и тряслись руки; онъ ставилъ уже безъ всякаго расчета, сколько рука захватитъ, а между тѣмъ все выигрывалъ, да выигрывалъ, все загребалъ, да загребалъ. Лакеи суетились кругомъ него, подставляли ему сзади кресла, очищали вокругъ него мѣсто, чтобъ ему было просторнѣе, чтобъ его не тѣснили, — все это въ ожиданіи богатой благодарности. Иные игроки съ выигрыша даютъ имъ иногда не считая, а такъ, съ радости, тоже сколько рука изъ кармана захватитъ. Подлѣ молодаго человѣка уже устроился одинъ полячокъ, суетившійся изо всѣхъ силъ, и почтительно, но непрерывно что-то шепталъ ему, вѣроятно указывая какъ ставить, совѣтуя и направляя игру, — разумѣется тоже ожидая въ послѣдствіи подачки. Но игрокъ почти и не смотрѣлъ на него, ставилъ зря и все загребалъ. Онъ видимо терялся.

Бабушка наблюдала его нѣсколько минутъ.

— Скажи ему, вдругъ засуетилась бабушка, толкая меня, скажи ему, чтобъ бросилъ, чтобъ бралъ поскорѣе деньги и уходилъ. Проиграетъ, сейчасъ все проиграетъ! захопотала она, чуть не задыхаясь отъ волненія. — Гдѣ Потапычъ? Послать къ нему Потапыча! Да скажи же, скажи же, толкала она меня, — да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Потапычъ! *Sortez! sortez!* начала было она сама кричать молодому человѣку. Я нагнулся къ ней и рѣшительно прошепталъ, что здѣсь такъ кричать нельзя, и даже разговаривать чуть-чуть громко не позволено, потому что это мѣшаетъ счету, и что насъ сейчасъ прогонятъ.

— Экая досада! Пропалъ человѣкъ! значить самъ хочетъ... смотрѣть на него не могу, всю ворочаетъ. Экой олухъ! и бабушка поскорѣй оборотилась въ другую сторону.

Тамъ, на лѣво, на другой половинѣ стола, между игроками, замѣтна была одна молодая дама и подлѣ нея какой-то карликъ. Кто былъ этотъ карликъ — не знаю: родственникъ ли ея, или такъ она брала его для эффекта. Эту барыню я замѣчалъ и прежде; она являлась къ игорному столу каждый день, въ часъ пополудни, и уходила ровно въ два; каждый день играла по одному часу. Ее уже знали и тотчасъ же подставляли ей кресла. Она вынимала изъ кармана нѣсколько золота, нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ и начинала ставить тихо, хладнокровно, съ расчетомъ, отмѣчая на бумажкѣ карандашемъ цифры и стараясь отыскать систему, по которой въ данный моментъ группировались шансы. Ставила она значительными кушами. Выигрывала каждый день одну, двѣ, много три тысячи франковъ — не болѣе и, выигравъ, тотчасъ же уходила. Бабушка долго ее разсматривала.

— Ну, эта не проиграетъ! эта вотъ не проиграетъ! — Изъ какихъ? Незнаешь? Кто такая?

— Француженка, должно быть изъ эдакихъ, шепнулъ я.

— А, видна птица по полету. Видно, что поготовокъ востеръ. Растолкуй ты мнѣ теперь, что каждый поворотъ значить и какъ надо ставить?

Я, по возможности, растолковалъ бабушкѣ, что значатъ эти многочисленныя комбинаціи ставокъ, *rouge et noir, pair et impair, manque et passe* и наконецъ разныя отѣнки въ системѣ чиселъ. Бабушка слушала внимательно, запомнила, переспрашивала и заучивала. На каждую систему ставокъ можно было тотчасъ же привести и примѣръ, такъ что многое заучивалось и запоминалось очень легко и скоро. Бабушка осталась весьма довольна.

— А что такое зѣго? Вотъ этотъ круперъ, курчавый, главный-то, крикнулъ сейчасъ зѣго? И почему онъ все загребъ, что ни было на столѣ? Эдакую кучу, все себѣ взялъ? Это что такое?

— А зѣго, бабушка, выгода банка. Если шарикъ упадетъ на зѣго, то все, что ни поставлено на столѣ, принадлежитъ банку безъ расчета. Правда, дается еще ударъ на розыгрышъ, но за то банкъ ничего не платитъ.

— Вотъ-те на! а я ничего не получаю?

— Нѣтъ, бабушка, если вы предъ этимъ ставили на зѣго, то когда выйдетъ зѣго, вамъ платятъ въ тридцать пять разъ больше.

— Какъ, въ тридцать пять разъ, и часто выходитъ? Чтожъ они, дураки, не ставятъ?

— Тридцать шесть шансовъ противъ, бабушка.

— Вотъ вздоръ! Потапычъ, Потапычъ! Пстой и со мной есть деньги, — вотъ! Она вынула изъ кармана туго набитый кошелекъ, и взяла изъ него фридрихсдоръ. На, поставь сейчасъ на зѣго.

— Бабушка, зѣго только что вышелъ, сказалъ я, — стало быть теперь долго не выйдетъ. Вы много проставите; подождите хоть немного.

— Ну, врешь, ставь!

— Извольте, но онъ до вечера, можетъ быть, не выйдетъ, вы до тысячи проставите, это случалось.

— Ну, вздоръ, вздоръ! Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Что? проигралъ? Ставь еще!

Проиграли и второй фридрихсдоръ; поставили третій. Бабушка едва сидѣла на мѣстѣ, она такъ и впиалась горящими глазами въ прыгающій по зазубринамъ вертящагося колеса шарикъ. Проиграли и третій. Бабушка изъ себя выходила, на мѣстѣ ей не сидѣлось, даже кулакомъ стукнула по столу, когда круперъ провозгласилъ «*trente six*», вмѣсто ожидаемаго зѣго.

— Экъ вѣдь его! сердилась бабушка, — да скоро ли этотъ зеришка проклятый выйдетъ? Жива не хочу быть, а ужъ досажу до зѣго! Это этотъ проклятый курчавый круперишка дѣлаетъ, у него

никогда не выходить! Алексѣй Ивановичъ, ставь два золотыхъ за разъ! Это столько проставишь, что и выйдетъ зѣго, такъ ничего не возьмешь.

— Бабушка!

— Ставь, ставь! Не твои.

Я поставилъ два фридрихсдора. Шарикъ долго леталъ по колесу, наконецъ сталъ прыгать по зубринамъ. Бабушка замерла и стиснула мою руку, и вдругъ — хлопъ!

— Зѣго, провозгласилъ круперъ.

— Видишь, видишь! быстро обернулась ко мнѣ бабушка, вся сіяющая и довольная. Я вѣдь сказала, сказала тебѣ! И надумалъ меня самъ Господь поставить два золотыхъ! Ну, сколько же я теперь получу? Чтожъ не выдаютъ? Потапычъ, Марѳа, гдѣ же они? Наши всѣ куда же ушли? Потапычъ, Потапычъ!

— Бабушка, послѣ, шепталъ я, Потапычъ у дверей, его сюда не пустятъ. Смотрите, бабушка, вамъ деньги выдаютъ, получайте! Бабушкѣ выкинули запечатанный въ синей бумажкѣ, тяжело-вѣсный свертокъ съ пятидесятью фридрихсдорами и отсчитали, незапечатанныхъ, еще двадцать фридрихсдоровъ. Все это я пригребъ къ бабушкѣ лопаткой.

— Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs! Rien ne va plus! — возгласилъ круперъ, приглашая ставить и готовясь вертѣть рулетку.

— Господи! опоздали! сейчасъ завертять! Ставь — ставь! захлопотала бабушка, — да не мѣшкай, скорѣе, — вышла она изъ себя, толкая меня изъ всѣхъ силъ.

— Да куда ставить то, бабушка?

— На зѣго, на зѣго! опять на зѣго! Ставь какъ можно больше! Сколько у насъ всего? Семьдесятъ фридрихсдоровъ? Нечего ихъ жалѣть, ставь по двадцати фридрихсдоровъ разомъ.

— Опомнитесь, бабушка! Онъ иногда по двѣсти разъ не выходитъ! Увѣряю васъ, вы весь капиталъ проставите.

— Ну, врешь — врешь! ставь! Вотъ языкъ-то звенитъ! Знаю, что дѣлаю, — даже затряслась въ изступленіи бабушка.

— По уставу, разомъ болѣе двѣнадцати фридрихсдоровъ на зѣго ставить не позволено, бабушка, — ну, вотъ, я поставилъ.

— Какъ не позволено? Да ты не врешь-ли Мусье! мусье! затолкала она крупера, сидѣвшаго тутъ же подлѣ нея слѣва и приготовившагося вертѣть: combien zéro? douze? douze?

Я поскорѣе растолковалъ вопросъ пофранцузски.

— Oui, madame, вѣжливо подтвердилъ круперъ, — равно какъ всякая единичная ставка не должна превышать разомъ четырехъ тысячъ флориновъ, по уставу, прибавилъ онъ въ поясненіе.

— Ну, нечего дѣлать, ставь двѣнадцать.

— Le jeu est fait! крикнулъ круперъ. Колесо завертѣлось и вышло тринадцать. Проиграли!

— Еще! еще! еще! ставь еще! кричала бабушка. Я уже не противорѣчилъ и, пожимая плечами, поставилъ еще двѣнадцать фридрихсдоровъ. Колесо вертѣлось долго. Бабушка просто дрожала, слѣдя за колесомъ. «Да неужь-то она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ опять зѣго выиграть?» подумалъ я, смотря на нее съ удивленіемъ. Рѣшительное убѣжденіе въ выигрышѣ сіяло на лицѣ ея, — непремѣнное ожиданіе, что вотъ — вотъ сейчасъ крикнуть: зѣго. Шарикъ вскочилъ въ клѣтку.

— Зѣго! — крикнулъ круперъ.

— Что!!! съ неистовымъ торжествомъ обратилась ко мнѣ бабушка.

Я самъ былъ игрокъ; я почувствовалъ это въ ту самую минуту. У меня руки — ноги дрожали, въ голову ударило. Конечно, это былъ рѣдкій случай, что на какихъ нибудь десяти ударахъ три раза выскочилъ зѣго; но особенно удивительнаго тутъ не было ничего. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ третьяго дня вышло три зѣго *сряду* и при этомъ одинъ изъ игроковъ, ревностно отмѣчавшій на бумажкѣ удары, громко замѣтилъ, что не далѣе, какъ вчера, этотъ же самый зѣго упалъ въ цѣлныя сутки одинъ разъ.

Съ бабушкой, какъ съ выигравшей самый значительный выигрышъ, особенно внимательно и почтительно разсчитались. Ей приходилось получить ровно четыреста двадцать фридрихсдоровъ, т. е. четыре тысячи флориновъ и двадцать фридрихсдоровъ. Двадцать фридрихсдоровъ ей выдали золотомъ; а четыре тысячи — банковыми билетами.

На этотъ разъ, бабушка уже не звала Потапыча; она была занята не тѣмъ. Она даже не толкалась и не дрожала снаружи. Она, если можно такъ выразиться, дрожала изнутри. Вся на чемъ-то сосредоточилась, такъ и прицѣлилась:

— Алексѣй Ивановичъ! онъ сказалъ, за разъ можно только четыре тысячи флориновъ поставить? На, бери, ставь эти всѣ четыре на красную, рѣшила бабушка.

Было бесполезно отговаривать. Колесо завертѣлось.

— Rouge! провозгласилъ круперъ.

Опять выигрышъ въ четыре тысячи флориновъ, всего стало быть восемь. — Четыре сюда мнѣ давай, а четыре ставь опять на красную, командовала бабушка.

Я поставилъ опять четыре тысячи.

— Rouge! провозгласилъ снова круперъ.

— И того двѣнадцать! давай ихъ всѣ сюда. Золото сыпай сюда, въ кошелекъ, а билеты спрячь.

— Довольно! Домой! Откатите кресла!

ГЛАВА XI.

Кресла откатали къ дверямъ, на другой конецъ залы. Бабушка сіяла. Всѣ наши стѣснились тотчасъ же кругомъ нея съ поздравленіями. Какъ ни эксцентрично было поведеніе бабушки, но ея трі-

умѣ покрывалъ многое и генералъ ужъ не боялся скомпрометировать себя въ публикѣ родственными отношеніями съ такой странной женщиной. Съ снисходительною и фамиллярно-веселою улыбкою, какъ бы тѣша ребенка, поздравилъ онъ бабушку. Впрочемъ, онъ былъ видимо пораженъ, равно какъ и всѣ зрители. Кругомъ говорили и указывали на бабушку. Многіе проходили мимо нея, чтобы ближе ее разсмотрѣть. Мистеръ Астлей толковалъ о ней въ сторонѣ съ двумя своими знакомыми англичанами. Нѣсколько величавыхъ зрительницъ, дамъ, съ величавымъ недоумѣніемъ разсматривали ее, какъ какое-то чудо. Де-Грие такъ и разсыпался въ поздравленія и улыбкахъ.

— *Quelle victoire!* говорилъ онъ.

— *Mais, madame, c'était du feu!* прибавила съ заигрывающей улыбкой *M-lle Blanche*.

— Да-съ, вотъ взяла, да и выиграла двѣнадцать тысячъ флориновъ? Какое двѣнадцать, а золото-то? Съ золотомъ, почти что тринадцать выйдетъ. Это сколько по нашему? Тысячъ шесть что-ли будетъ?

Я доложилъ, что и за семь перевалило, а по теперешнему курсу, пожалуй, и до восьми доидетъ.

— Шутка, восемь тысячъ! А вы-то сидите здѣсь, колпаки, ничего не дѣлаете! Потапычъ, Марѳа, видѣли?

— Матушка, да какъ это вы? Восемь тысячъ рублей, восклицала пзвиваясь Марѳа.

— На-те, вотъ вамъ отъ меня по пяти золотыхъ, вотъ!

Потапычъ и Марѳа бросились цѣловать ручки.

— И носильщикамъ дать по фридрихсдору. Дай имъ по золотому, Алексѣй Ивановичъ. Что это лакей кланяется, и другой тоже? Поздравляютъ? Дай имъ тоже по фридрихсдору.

— *Madame la princesse... un pauvre expatrié... malheur continuel... les princes russes sont si généreux...* увивалась около кресель одна личность, въ истасканномъ сюртукѣ, пестромъ жилетѣ, въ усахъ, держа картузъ на отлетѣ и съ подобострастною улыбкой.

— Дай ему тоже фридрихсдорѣ. Нѣтъ дай два; ну, довольно, а то конца съ ними не будетъ. Подымите, везите! Прасковья, обратилась она къ Полинь Александровнѣ, я тебѣ завтра на платье куплю, и той куплю *M-lle...*, какъ ее, *M-lle Blanche* что-ли, ей тоже на платье куплю. Переведи ей, Прасковья!

— *Merci, madame*, умильно присѣла *M-lle Blanche*, искрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, которою обмѣнялась съ Де-Грие и генераломъ. Генералъ отчасти конфузился и ужасно былъ радъ, когда мы добрались до аллеи.

— Оедосья, Оедосья-то, думаю, какъ удивится теперь, говорила бабушка, вспоминая о знакомой генеральской нянюшкѣ. И ей нужно на платье подарить. Эй, Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивано-

вичъ, подай этому нищему!

По дорогѣ проходилъ какой-то оборванецъ, съ скрюченною спиною, и глядѣлъ на насъ.

— Да это, можетъ быть, и не нищій, а какойнибудь прощальга, бабушка.

— Дай! дай! дай ему гульденъ!

Я подошелъ и подалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ дикимъ недоумѣніемъ, однако, молча, взялъ гульденъ. Отъ него пахло виномъ.

— А ты, Алексѣй Ивановичъ, не пробовалъ еще счастья?

— Нѣтъ, бабушка.

— А у самого глаза горѣли, я видѣла.

— Я еще попробую, бабушка, непременно, потомъ.

— И прямо ставъ на зѣро! Вотъ увидишь! Сколько у тебя капитала?

— Всего только двадцать фридрихсдоровъ, бабушка.

— Не много. Пятьдесятъ фридрихсдоровъ я тебѣ дамъ взаймы если хочешь. Вотъ этотъ самый свертокъ и бери, а ты, батюшка, все-таки не жди, тебѣ не дамъ! вдругъ обратилась она къ генералу.

Того точно перевернуло, но онъ промолчалъ. Де-Грие нахмурился.

— *Que diable, c'est une terrible vieille!* прошепталъ онъ сквозь зубы генералу.

— Нищій, нищій, опять нищій! закричала бабушка. Алексѣй Ивановичъ, дай и этому гульденъ.

На этотъ разъ, повстрѣчался сѣдой старикъ, съ деревянной ногой, въ какомъ-то синемъ, длиннополомъ сюртукѣ и съ длинною тростью въ рукахъ. Онъ похожъ былъ на стараго солдата. Но когда я протянулъ ему гульденъ, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и грозно осмотрѣлъ меня.

— *Was ist's, der Teufel!* крикнулъ онъ, прибавивъ къ этому еще съ десятокъ ругательствъ.

— Ну, дуракъ! крикнула бабушка, махнувъ рукой. Везите дальше! Проголодалась! Теперь сейчасъ обѣдать, потомъ немного поваляюсь и опять туда.

— Вы опять хотите играть, бабушка? крикнулъ я.

— Какъ бы ты думалъ? Что вы-то здѣсь сидите, да кисните, такъ и мнѣ на васъ смотрѣть?

— *Mais, madame*, приблизился Де-Грие, *les chances peuvent tourner, une seule mauvaise chance et vous perdez tout... surtout avec votre jeu... c'était terrible!*

— *Vous perdrez absolument*, зашебетала *M-lle Blanche*.

— Да вамъ-то всѣмъ какое дѣло? Не ваши проиграю, — свои! А гдѣ этотъ мистеръ Астлей? спросила она меня.

— Въ воксалѣ остался, бабушка.

— Жаль; вотъ этотъ такъ хорошій человекъ.

Прибывъ домой, бабушка еще на лѣстницѣ, встрѣтивъ обер-кельнера, подозвала его и похвасталась своимъ выигрышемъ; затѣмъ позвала Оедосью, подарила ей три фридрихсдора и велѣла подавать обѣдать. Оедосья и Марѳа такъ и разсыпались предъ нею за обѣдомъ.

— Смотрю я на васъ, матушка, трещала Марѳа, и говорю Потапычу, что это наша матушка хочетъ дѣлать. А на столѣ денегъ-то, денегъ-то, батюшки! всю-то жизнь столько денегъ не видывала, а все кругомъ господъ, все одни господъ сидятъ. И откуда, говорю, Потапычъ, это все такіе здѣсь господъ? Думаю, помоги ей сама Мати-Божія. Молюсь я за васъ, матушка, а сердце вотъ такъ и замираетъ, такъ и замираетъ, дрожу, вся дрожу. Дай ей, Господи, думаю, а тутъ вотъ вамъ Господь и послалъ. До сихъ поръ, матушка, такъ и дрожу, такъ вотъ вся и дрожу.

— Алексѣй Ивановичъ, послѣ обѣда, часа въ четыре готовься, пойдемъ. А теперь, покаместъ, прощай, да докторишку мнѣ какогонибудь позвать не забудь, тоже и воды пить надо. А то и позабудешь, пожалуй.

Я вышелъ отъ бабушки, какъ одурманенный. Я старался себѣ представить, что теперь будетъ со всѣми нашими и какой оборотъ примутъ дѣла? Я видѣлъ ясно, что они (генераль преимущественно) еще не успѣли придти въ себя, даже и отъ перваго впечатлѣнія. Фактъ появленія бабушки, вмѣсто ожидаемой съ часу на часъ телеграммы объ ея смерти (а стало быть и о наслѣдствѣ) до того раздробилъ всю систему ихъ намѣреній и принятыхъ рѣшеній, что они съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ и съ какимъ-то нашедшимъ на всѣхъ столбнякомъ, относились къ дальнѣйшимъ подвигамъ бабушки на рулеткѣ. А между тѣмъ, этотъ второй фактъ былъ чуть ли не важнѣе перваго, потому что, хоть бабушка и повторила два раза, что денегъ генералу не дать, но вѣдь кто знаетъ, — все-таки не должно было еще терять надежды. Не терялъ же ее Де-Грие, замѣшанный во всѣ дѣла генерала. Я увѣренъ, что и M-lle Blanche, тоже весьма замѣшанная (еще бы: генеральша и значительное наслѣдство!) — не потеряла бы надежды и употребила бы всѣ обольщенія кокетства надъ бабушкой, — въ контрастъ съ неподатливою и немѣнью приласкаться, гордячкой Полиной. Но теперь, теперь, когда бабушка совершила такіе подвиги на рулеткѣ, теперь, когда личность бабушки отпечатавалась предъ ними такъ ясно и типически, — (строитивая, властолюбивая старуха et tombée en enfance) — теперь, пожалуй, и все погибло; — вѣдь она какъ ребенокъ рада, что лорвалась и, какъ водится, проиграется въ пухъ. Боже! подумалъ я (и прости меня, Господи, съ самымъ злораднымъ смѣхомъ) — Боже, да вѣдь каждый фридрихсдоръ, поставленный бабушкой давеча, ложился болячкою на сердце генерала, бѣсилъ Де-Грие и доводилъ до изступленія M-lle de Cominges, у которой мимо рта проносили ложку. Вотъ и еще фактъ: даже съ выигрыша, съ радости, когда бабушка раздавала всѣмъ деньги и каждого прохожаго принимала за нищаго, даже и тутъ у ней вырвалось къ генералу: «а тебѣ-то все-таки не дамъ!» Это значитъ: сѣла на этой мысли, уперлась, слово такое себѣ дала; — опасно! опасно!

Всѣ эти соображенія ходили въ моей головѣ, въ то время, какъ я поднимался отъ бабушки по парадной лѣстницѣ, въ самый верхній этажъ, въ свою каморку. Все это занимало меня сильно; хотя, конечно, я и прежде могъ предугадывать главныя толстѣйшія нити, связывавшія предо мною актеровъ, но все-таки окончательно не зналъ всѣхъ средствъ и тайнъ этой игры. Полина никогда не была со мною вполне довѣрчива. Хотя и случалось, правда, что она открывала мнѣ подчасъ, какъ бы невольно, свое сердце; но я замѣтилъ, что часто, да почти и всегда, послѣ этихъ открытій, или въ смѣхъ обратитъ все сказанное, или запутаетъ и съ намѣреніемъ приласть всему ложный видъ. О! она многое скрывала! Во всякомъ случаѣ, я предчувствовалъ, что подходитъ финалъ всего этого таинственнаго и напряженнаго состоянія. Еще одинъ ударъ — и все будетъ кончено и обнаружено. О своей участи, тоже во всемъ этомъ заинтересованный, — я почти не заботился. Странное у меня настроеніе: въ карманѣ всего двадцать фридрихсдоровъ; я далеко на чужой сторонѣ, безъ мѣста и безъ средствъ къ существованію, безъ надежды, безъ расчетовъ и — не забочусь объ этомъ! Если бы не дума о Полинѣ, то я просто весь отдался бы одному комическому интересу предстоящей развязки и хохоталъ бы во все горло. Но Полина смущаетъ меня; участь ея рѣшается, это я предчувствовалъ, но, какъ-то, совсѣмъ не участь ея меня беспокоитъ. Мнѣ хочется проникнуть въ ея тайны, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она пришла ко мнѣ и сказала: «вѣдь я люблю тебя», а если нѣтъ, если это безумство немыслимо, то тогда... ну, да чего пожелать? Развѣ я знаю, чего желаю? Я самъ, какъ потерянный; мнѣ только бы быть при ней, въ ея ореолѣ, въ ея сіяніи, на вѣчно, всегда, всю жизнь. Дальше я ничего не знаю! И развѣ я могу уйти отъ нея?

Въ третьемъ этажѣ, въ ихъ корридорѣ, меня что-то какъ толкнуло. Я обернулся и, въ двадцати шагахъ или болѣе, увидѣлъ выходящую изъ двери Полину. Она точно выжидала и высматривала меня и тотчасъ же къ себѣ поманила.

— Полина Александровна...

— Тише! предупредила она.

— Представьте себѣ, зашепталъ я, меня сейчасъ точно что толкнуло въ бокъ; оглядываюсь — вы! Точно электричество исходитъ изъ васъ какое-то!

— Возьмите это письмо, заботливо и нахмуренно произнесла Полина, навѣрное не разслышавъ того, что я сказалъ, — и передайте лично мистеру Астлею, сейчасъ. Поскорѣе, прошу васъ. Отвѣта не надо. Онъ самъ...

Она не договорила. — Мистеру Астлею? переспросилъ я въ удивленіи.

Но Полина уже скрылась въ дверь.

— Ага, такъ у нихъ переписка! — я, разумеется, побѣждалъ тотчасъ же отыскивать мистера Астлея, сперва въ его отелѣ, гдѣ его не засталъ, потомъ

въ воксалѣ, гдѣ обѣгалъ всѣ залы и наконецъ, въ досадѣ, чуть не въ отчаяніи, возвращаясь домой, встрѣтилъ его случайно, въ кавалькадѣ какихъ-то англичанъ и англичанокъ, верхомъ. Я поманилъ его, остановилъ и передалъ ему письмо. Мы не успѣли и переглянуться. Но я подозреваю, что мистеръ Астлей нарочно поскорѣе пустил лошадь.

Мучила ли меня ревность? Но я былъ въ самомъ разбитомъ состояніи духа. Я и удостовѣриться не хотѣлъ, о чемъ они переписываются. Итакъ, онъ ея повѣренный! «Другъ-то другъ», думалъ я, и это ясно (и когда онъ успѣлъ сдѣлать-ся) — но есть ли тутъ любовь? Конечно нѣтъ — шепталъ мнѣ разсудокъ. Но вѣдь одного разсудка въ эдакихъ случаяхъ мало. Во всякомъ случаѣ предстояло и это разъяснить. Дѣло неприятно усложнялось.

Не успѣлъ я войти въ отель, какъ швейцаръ и вышедшій изъ своей комнаты обер-кельнеръ сообщили мнѣ, что меня требуютъ, ищутъ, три раза посылали навѣдываться: гдѣ я? — просятъ какъ можно скорѣе въ номеръ къ генералу. Я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. У генерала въ кабинетѣ я нашелъ, кромѣ самого генерала, Де-Грие и M-lle Blanche, одну, безъ матери. Мать была рѣшительно подставная особа, употреблявшаяся только для парада; но когда дошло до настоящаго дѣла, то M-lle Blanche орудовала одна. Да и врядъ ли та что нибудь знала про дѣла своей названной дочки.

Они, втроемъ, о чемъ-то горячо совѣщались и даже дверь кабинета была заперта, — чего никогда не бывало. Подходя къ дверямъ, я разслышалъ громкіе голоса — дерзкій и язвительный разговоръ Де-Грие, нахально-ругательный и бѣшенный крикъ Blanche и жалкій голосъ генерала, очевидно, въ чемъ-то оправдывавшагося. При появленіи моемъ всѣ они какъ бы попридержались и подправились. Де-Грие поправилъ волосы и изъ сердитаго лица сдѣлалъ улыбающееся, — тѣю скверною, официально-учтивою, французскою улыбкою, которую я такъ ненавижу. Убитый и потерявшійся генералъ приосанился, но какъ-то машинально. Одна только M-lle Blanche почти не измѣнила своей сверкающей гнѣвомъ фізіономіи, и только замолкла, устремивъ на меня взоръ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Замѣчу, что она до невѣроятности небрежно доселѣ со мною обходилась, даже не отвѣчала на мои поклонны, — просто не примѣчала меня.

— Алексѣй Ивановичъ, началъ нѣжно распекающимъ тономъ генералъ, — позвольте вамъ объявить, что странно, въ высочайшей степени странно... однимъ словомъ, ваши поступки относительно меня и моего семейства... однимъ словомъ въ высочайшей степени странно...

— Eh! se n'est pas ça, съ досадой и презрѣніемъ перебилъ Де-Грие. (Рѣшительно, онъ всѣмъ заправлялъ!) Mon cher monsieur, notre cher général se trompe, — впадая въ такой тонъ (продолжаю его рѣчь по-русски), но онъ хотѣлъ вамъ сказать...

т. е. васъ предупредить, или, лучше сказать, просить васъ убѣдительноше, чтобы вы не губили его, — ну, да, не губили! Я употребляю именно это выраженіе...

— Но чѣмъ же, чѣмъ же? прервалъ я.

— Помилуйте, вы беретесь быть руководителемъ, (или какъ это сказать?) — этой старухи, cette pauvre terrible vieille — сбивался самъ Де-Грие, — но вѣдь она проиграется; она проиграется вся въ пухъ! Вы сами видѣли, вы были свидѣтелемъ, какъ она играетъ! Если она начнетъ проигрывать, то она ужъ и не отойдетъ отъ стола, изъ упрямства, изъ злости и все будетъ играть, все будетъ играть, а въ такихъ случаяхъ никогда не отыгрываются и тогда... тогда...

— И тогда, подхватилъ генералъ, — тогда вы погубите все семейство! Я и мое семейство, мы — ея наслѣдники, у ней нѣтъ болѣе близкой родни. Я вамъ откровенно скажу: дѣла мои разстроены, крайне разстроены. Вы сами отчасти знаете... Если она проиграетъ значительную сумму или даже, пожалуй, все состояніе (о Боже!), что тогда будетъ съ ними, съ моими дѣтьми! (Генералъ оглянулся на Де-Грие), — со мною! (Онъ поглядѣлъ на M-lle Blanche, съ презрѣніемъ отъ него отвернувшись). Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите насъ!..

— Да чѣмъ же, генералъ, скажите, чѣмъ я могу... Что я то тутъ значу?

— Откажитесь, откажитесь, бросьте ее!..

— Такъ другой найдется! вскричалъ я.

— Ce n'est pas ça, se n'est pas ça, перебилъ опять Де-Грие — que diable! Нѣтъ, не покидайте, но, по крайней мѣрѣ, усовѣстите, уговорите, отвлеките... Ну, наконецъ, не дайте ей проиграть слишкомъ много, отвлеките ее какъ нибудь.

— Да какъ я это сдѣлаю? Если бы вы сами взяли за это, M-r Де-Грие, прибавилъ я, какъ можно наивнѣе.

Тутъ я замѣтилъ быстрый, огненный, вопросительный взглядъ M-lle Blanche на Де-Грие. Въ лицѣ самого Де-Грие мелькнуло что-то особенное, что-то откровенное, отъ чего онъ не могъ удержаться.

— То-то и есть, что она меня не возьметъ теперь! вскричалъ, махнувъ рукой, Де-Грие. — Еслибъ!.. потомъ...

Де-Грие быстро и значительно поглядѣлъ на M-lle Blanche.

— O mon cher M-r Alexis, soyez si bon — шагнула ко мнѣ, съ обворожительною улыбкою сама M-lle Blanche, схватила меня за обѣ руки и крѣпко сжала. Чортъ возьми! это дьявольское лицо умѣло въ одну секунду мѣняться. Въ это мгновеніе, у ней явилось такое просящее лицо, такое милое, дѣтски улыбающееся и даже шаловливое; подъ конецъ фразы она плутовски мнѣ подмигнула, тихонько отъ всѣхъ; срѣзать разомъ, что ли, меня хотѣла? И не дурно вышло, — только ужъ грубо было это, однако, ужасно.

Подскочилъ за ней и генералъ, — именно подскочилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, простите, что я давеча такъ съ вами началъ, я не то совсѣмъ хотѣлъ сказать... Я васъ прошу, умоляю, въ поясъ вамъ кланяюсь по-русски, — вы одинъ, одинъ можете насъ спасти! Я и M-lle de Cominges васъ умоляемъ, — вы понимаете, вѣдь вы понимаете? умолялъ онъ, показывая мнѣ глазами на M-lle Blanche. Онъ былъ очень жалокъ.

Въ эту минуту раздалися три тихіе и почти-тельные удара въ дверь; отворили, — стучалъ коридорный слуга, а за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоялъ Потапычъ. Послы были отъ бабушки. Требовалось сыскать и доставить меня немедленно; «сердятся» — сообщилъ Потапычъ.

— Но вѣдь еще только половина четвертаго!

— Онѣ и заснуть не могли, все ворочались, потомъ вдругъ встали, кресла потребовали, и за вами. Ужъ онѣ теперь на крыльцѣ-съ...

— Quelle mégère! крикнулъ Де-Грие.

Дѣйствительно, я нашелъ бабушку уже на крыльцѣ, выходящую изъ терпѣнія, что меня нѣтъ. До четырехъ часовъ она не выдержала.

— Ну, подымайте! крикнула она, и мы отправились опять на рулетку.

ГЛАВА XII.

Бабушка была въ нетерпѣливомъ и раздражительномъ состояніи духа; видно было, что рулетка у ней крѣпко засѣла въ головѣ. Ко всему остальному она была невнимательна и вообще крайне разсѣяна. Ни про что, напримѣръ, по дорогѣ не разспрашивала, какъ давеча. Увидя одну богатѣйшую коляску, промчавшуюся мимо насъ вихремъ, она было подняла руку и спросила: Что такое? Чьи? — но кажется и не разслышала моего отвѣта; задумчивость ея непрерывно прерывалась рѣзкими и нетерпѣливыми тѣлодвиженіями и выходками. Когда я ей показалъ издали, уже подходя къ вокзалу, барона и баронессу Вурмергельмъ, она разсѣянно посмотрѣла и совершенно равнодушно сказала: «А!» и быстро обернувшись къ Потапычу и Марѣ, шагавшимъ сзади, отрѣзала имъ:

— Ну, вы зачѣмъ увязались? Не каждый разъ брать васъ! Ступайте домой! Мнѣ и тебя довольно. — прибавила она мнѣ, когда тѣ торопливо поклонились и воротились домой.

Въ воксалѣ бабушку уже ждали. Тотчасъ же отгородили ей тоже самое мѣсто, возлѣ крупера. Мнѣ кажется, эти круперы, всегда такіе чинные и представляющіе изъ себя обыкновенныхъ чиновниковъ, которымъ почти рѣшительно все равно: выиграетъ ли банкъ или проиграетъ, — вовсе не равнодушны къ проигрышу банка и, ужъ конечно, снабжены какой-нибудь инструкціями для привлеченія игроковъ, и для вліяшаго наблюденія казеннаго интереса, — за что непремѣнно и сами получаютъ призы

и преміи. По крайней мѣрѣ, на бабушку смотрѣли ужъ какъ на жертвочку. Затѣмъ, что у насъ предполагали, то и случилось.

Вотъ какъ было дѣло:

Бабушка прямо накинулась на зѣго и тотчасъ же велѣла ставить по двѣнадцати фридрихсдоровъ. Поставили разъ, второй, третій — зѣго не выходилъ. — Ставь, ставь! толкала меня бабушка въ нетерпѣніи. Я слушался.

— Сколько разъ поставили? спросила она наконецъ, скрежеща зубами отъ нетерпѣнія.

— Да уже двѣнадцатый разъ ставилъ, бабушка. Сто сорокъ четыре фридрихсдора поставили. Я вамъ говорю, бабушка, до вечера пожалуй...

— Молчи! перебила бабушка. Поставь на зѣго и поставь сейчасъ на красную тысячу гульденовъ. На, вотъ билетъ.

Красная вышла, а зѣго опять лопнулъ; воротили тысячу гульденовъ.

— Видишь, видишь! шептала бабушка, — почти все, что поставили, воротили. Ставь опять на зѣго; еще разъ десять поставимъ и бросимъ.

Но на пятомъ разѣ бабушка совсѣмъ соскучилась.

— Брось этотъ пакостный зеришко къ чорту. На, ставь всѣ четыре тысячи гульденовъ на красную, приказала она.

— Бабушка! много будетъ; ну какъ не выйдетъ красная, умолялъ я; но бабушка чуть меня не перебила. (А впрочемъ она такъ толкалась, что почти, можно сказать, и дралась). Нечего было дѣлать, я поставилъ на красную всѣ четыре тысячи гульденовъ, выигранные давеча. Колесо завертѣлось. Бабушка сидѣла спокойно и гордо выпрямившись, не сомнѣваясь въ непремѣнномъ выигрышѣ.

— Zéro, возгласилъ круперъ.

Сначала бабушка не поняла, но когда увидѣла, что круперъ загребъ ея четыре тысячи гульденовъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что стояло на столѣ, и узнала, что зѣго, который такъ долго не выходилъ и на которомъ мы поставили почти двѣсти фридрихсдоровъ, выскочилъ, какъ нарочно, тогда, когда бабушка только-что его обругала и бросила, то ахнула и на всю залу сплеснула руками. Кругомъ даже засмѣялись.

— Батюшки! Онъ тутъ-то проклятый и выскочилъ! вопила бабушка, — вѣдь эдакой, эдакой окаянный! Это ты! Это все ты! свирѣпо накинулась она на меня, толкаясь. Это ты меня отговорилъ!

— Бабушка, я вамъ дѣло говорилъ, какъ могу отвѣчать я за всѣ шансы?

— Я-те дамъ шансы! шептала она грозно, пошелъ вонъ отъ меня.

— Прощайте, бабушка, повернулся я уходить.

— Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, останься! Куда ты? Ну, чего, чего? Ишь разсердился! Дуракъ! Ну, побудь, побудь еще, ну не сердись, я сама дура! Ну скажи, ну что теперь дѣлать!

— Я, бабушка, не возьмусь вамъ подсказывать

потому что вы меня же будете обвинять. Играйте сами; приказывайте, я ставить буду.

— Ну, ну! ну ставь еще четыре тысячи гульденовъ на красную! Вотъ бумажникъ, бери. Она вынула изъ кармана и подала мнѣ бумажникъ. — Ну, бери скорѣй, тутъ двадцать тысячъ рублей чистыми деньгами.

— Бабушка, пролепетала я, — такіе куши...

— Жива не хочу быть—отыграюсь. Ставь!—Поставили и проиграли.

— Ставь, ставь, всѣ восемь ставь!

— Нелзя, бабушка, самый большой кушъ четыре!..

— Ну, ставь четыре!

На этотъ разъ выиграли. Бабушка ободрилась. Видишь—видишь! затолкала она меня, ставь опять четыре!

Поставили—проиграли; потомъ еще и еще проиграли.

— Бабушка, всѣ двѣнадцать тысячъ ушли, доложилъ я.

— Вижу, что всѣ ушли, проговорила она въ какомъ-то спокойствіи бѣшенства, если такъ можно выразиться; — вижу, бабушка, вижу, — бормотала она, смотря предъ собою неподвижно, и какъ будто раздумывая; — эхъ! жива не хочу быть, ставь еще четыре тысячи гульденовъ!

— Да денегъ нѣтъ, бабушка; тутъ, въ бумажникѣ напи пятипроцентные и еще какіе-то переводы есть, а денегъ нѣтъ.

— А въ кошелекѣ?

— Мелочь осталась, бабушка.

— Есть здѣсь мѣняльныя лавки? Мнѣ сказали, что всѣ наши бумаги размѣнять можно, рѣшительно спросила бабушка.

— О, сколько угодно! Но что вы потеряете за промѣнъ, такъ... самъ жидъ ужаснется!

— Вздоръ! Отыграюсь! Вези. Позвать этихъ болвановъ!

Я откатилъ кресла, явились носильщики, и мы покатали изъ воксала. — Скорѣй, скорѣй, скорѣй! командовала бабушка. Показывай дорогу, Алексѣй Ивановичъ, да поближе возьми... а далеко?

— Два шага, бабушка.

Но на поворотѣ изъ сквера въ аллею встрѣтилась намъ вся наша компанія: генераль, Де-Гріе и М-ше Blanche съ маменькой. Полины Александровны съ ними не было, мистера Астлея тоже.

— Ну, ну, ну! не останавливаться! — кричала бабушка, — ну чего вамъ такое? Некогда съ вами тутъ!

Я шель сзади; Де-Гріе подскочилъ ко мнѣ.

— Все давшнее проиграла и двѣнадцать тысячъ гульденовъ своихъ просадила. Ыдемъ пятипроцентные мѣнять,—шепнулъ я ему на-скоро.

Де-Гріе топнулъ ногою и бросился сообщить генералу. Мы продолжали катить бабушку.

— Остановите, остановите! зашептала мнѣ генераль въ изступленіи.

— А вотъ попробуйте-ка ее остановить,—шепнулъ я ему.

— Тетушка! приблизился генераль,—тетушка... мы сейчасъ... мы сейчасъ... — голосъ у него дрожалъ и падалъ,—нанимаемъ лошадей и ѣдемъ за городъ... Восхитительнѣйшій видъ... пуантъ... мы шли васъ приглашать?

— И, ну тебя и съ пуантомъ! раздражительно отмахнулась отъ него бабушка.

— Тамъ деревня... тамъ будемъ чай пить... продолжалъ генераль, уже съ полнымъ отчаяніемъ.

— Nous boirons du lait, sur l'herbe fraîche, прибавилъ Де-Гріе съ звѣрскою злобой.

Du lait, de l'herbe fraîche, — это все, что есть идеально пдиллическаго у парижскаго буржуа; въ этомъ, какъ извѣстно, весь взглядъ его на «nature et la vérité!»

— И, ну тебя съ молокомъ! Хлещи самъ, а у меня отъ него брюхо болитъ. Да и чего вы пристали?! закричала бабушка,—говорю некогда!

— Приѣхали, бабушка! закричалъ я,—здѣсь!

Мы подкатали къ дому, гдѣ была контора банкира. Я пошелъ мѣнять; бабушка осталась ждать у подѣзда; Де-Гріе, генераль и Blanche стояли въ сторонѣ, не зная, что имъ дѣлать. Бабушка гнѣвно на нихъ посмотрѣла и они ушли по дорогѣ къ воксалу.

Мнѣ предложили такой ужасный расчетъ, что я не рѣшился, и воротился къ бабушкѣ просить инструкцій.

— Ахъ, разбойники! закричала она, всплеснувъ руками. — Ну! Ничего! — мѣняй! крикнула она рѣшительно; — стой, позови ко мнѣ банкира!

— Развѣ кого нибудь изъ конторщиковъ, бабушка?

— Ну конторщика, все равно. Ахъ разбойники!

Конторщикъ согласился выдти, узнавъ, что его просить къ себѣ старая, разслабленная графиня, которая не можетъ ходить. Бабушка долго, гнѣвно и громко упрекала его въ мошенничествѣ и торговалась съ нимъ, смѣсю русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, причемъ я помогать переводу. Серьезный конторщикъ посматривалъ на насъ обоихъ и, молча, моталъ головой. Бабушку осматривалъ онъ даже съ слишкомъ пристальнымъ любопытствомъ, — что уже было невѣжливо; наконецъ онъ сталъ улыбаться.

— Ну, убирайся! крикнула бабушка. Подавишь моими деньгами! Размѣняй у него, Алексѣй Ивановичъ, некогда, а то бы къ другому поѣхать...

— Конторщикъ говоритъ, что у другихъ еще меньше дадутъ.

Навѣрное не помню тогдашняго расчета, но онъ былъ ужасенъ. Я намѣнялъ до двѣнадцати тысячъ флориновъ золотомъ и билетами, взялъ расчетъ и вынесъ бабушкѣ.

— Ну! Ну! Ну! Нечего считать! замахала она руками,—скорѣй, скорѣй, скорѣй!

— Никогда на этотъ проклятый зѣро не буду

ставить и на красную тоже, промолвила она, подѣзжая къ вокзалу.

На этотъ разъ, я всѣми силами старался внушить ей ставить какъ можно меньше, убѣждая ее, что при оборотѣ шапсовъ всегда будетъ время поставить и большой кушъ. Но она была такъ нетерпѣлива, что хотъ и соглашалась сначала, но возможности не было сдержать ее во время игры. Чуть только она начинала выигрывать ставки въ десять, въ двадцать фридрихсдорвъ, — «Ну вотъ! Ну вотъ!» — начинала она толкать меня, — «ну вотъ выиграли же; — стояло бы четыре тысячи вмѣсто десяти, мы бы четыре тысячи выиграли, а то что теперь? Это все ты, все ты!»

И какъ ни брала меня досада, глядя на ея игру, а я наконецъ рѣшился молчать и не совѣтовать больше ничего.

Вдругъ подскочилъ Де-Гріе. Они всѣ трое были возлѣ; я замѣтилъ, что M-lle Blanche стояла съ маленькой въ сторонѣ и любезничала съ князькомъ. Генералъ былъ въ явной немилости, почти въ загонѣ. Blanche даже и смотрѣть на него не хотѣла, хотъ онъ и купилъ подлѣ нея всѣми силами. Бѣдный генералъ! Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, трепеталъ и даже ужъ не слѣдилъ за игрою бабушки. Blanche и князекъ наконецъ вышли; генералъ побѣждалъ за ними.

— Madame, madame, медовымъ голосомъ шепталъ бабушкѣ Де-Гріе, протѣснвившись къ самому ея уху. Madame, эдакъ ставка нейдетъ... нѣтъ, нѣтъ, не можно... коверкалъ онъ по-русски, — нѣтъ!

— А какъ же? Ну, научи! обратилась къ нему бабушка. Де-Гріе вдругъ быстро заболталъ по французски, началъ совѣтовать, суетился, говорилъ, что надо ждать шансу, сталъ разсчитывать какія-то цифры... бабушка ничего не понимала. Онъ непрерывно обращался ко мнѣ, чтобъ я переводилъ; тыкалъ пальцемъ въ столъ, указывалъ; наконецъ схватилъ карандашъ и началъ было вычислять на бумажкѣ. Бабушка потеряла наконецъ терпѣніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ! все вздоръ мелешь! «Madame, madame» — а самъ и дѣла-то не понимаетъ; пошелъ!

— Mais madame, зашебеталъ Де-Гріе, и снова началъ толкать и показывать. Очень ужъ его разбирало.

— Ну, поставь разъ, какъ онъ говоритъ, приказала мнѣ бабушка, посмотримъ: можетъ и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ.

Де-Гріе хотѣлъ только отвлечь ее отъ большихъ кушей; онъ предлагалъ ставить на числа, по одному и въ совокупности. Я поставилъ, по его указанію, по фридрихсдору на рядъ нечетныхъ чиселъ въ первыхъ двѣнадцати и по пяти фридрихсдорвъ на группы чиселъ съ двѣнадцати до восемнадцати, и отъ восемнадцати до двадцати четырехъ: всего поставили шестнадцать фридрихсдорвъ.

Колесо завертѣлось. — Зѣго, крикнулъ круперъ. Мы все проиграли.

— Эдакой болванъ! крикнула бабушка, обращаясь къ Де-Гріе. — Эдакой ты мерзкій французшка! Вѣдь по-овѣтуешь же извергъ! Пошелъ, пошелъ! Ничего не понимаетъ, а туда же суется!

Страшно обиженный Де-Гріе пожалъ плечами, презрительно посмотрѣлъ на бабушку и отошелъ. Ему ужъ самому стало стыдно, что связался; слипкомъ ужъ не утерпѣлъ.

Черезъ часъ, какъ мы ни бились, — все проиграли.

— Домой! крикнула бабушка.

Она не промолвила ни слова до самой аллеи. Въ аллеѣ, и ужъ подѣзжая къ отелю, у ней начали вырываться восклицанія;

— Экая дура! экая дурында! Старая ты, старая дурында!

Только что вѣхали въ квартиру: «Чаю мнѣ! закричала бабушка, — и сейчасъ собираться! Ыдемъ!»

— Куда, матушка. Ыхать изволите? начала было Марѳа.

— А тебѣ какое дѣло? Знай сверчокъ свой шестокъ! Потапычъ, собирай все, всю поклажу. Ыдемъ назадъ, въ Москву! Я пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ профершипилила!

— Пятнадцать тысячъ, матушка! Боже ты мой! крикнулъ было Потапычъ, умиленно всплеснувъ руками, вѣроятно предполагая услужиться.

— Ну, ну, дуракъ! Началъ еще хныкать! Молчи! собираться! счетъ скорѣе, скорѣй!

— Ближайшій поѣздъ отправится въ девять съ половиною часовъ, бабушка, доложилъ я, чтобы остановить ея фуроръ.

— А теперь сколько?

— Половина восьмого.

— Экая досада! Ну, все равно! Алексѣй, Ивановичъ, денегъ у меня ни копейки. Вотъ тебѣ еще два билета, сбѣгай туда, размѣняй мнѣ и эти. А то не съ чѣмъ и ѣхать.

Я отправился. Черезъ полчаса возвратившись въ отель, я засталъ всѣхъ нашихъ у бабушки. Узнавъ, что бабушка уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву, они были поражены, кажется, еще больше, чѣмъ ея проигрышемъ. Положимъ, отѣздомъ спаслось ея состояніе, но, за то, что же теперь станется съ генераломъ? Кто заплатитъ Де-Гріе? M-lle Blanche, разумѣется, ждать не будетъ, пока помретъ бабушка и навѣрное улизнетъ теперь съ князькомъ, или съ кѣмънибудь другимъ. Они стояли передъ нею, утѣшали ее и уговаривали. Поинны оная не было. Бабушка неисторо кричала на нихъ.

— Отвяжитесь, черти! Вамъ что за дѣло? Чего эта козлиная борода ко мнѣ лѣзетъ, кричала она на Де-Гріе; — а тебѣ, пигодица, чего надо? обратилась она къ M-lle Blanche. Чего юлишь?

— Diantre! прошептала M-lle Blanche, бѣшено сверкнувъ глазами, но вдругъ захохотала и вышла.

— Elle vivra cent ans! крикнула она, выходя изъ дверей, генералу.

— А, такъ ты на мою смерть разсчитываешь?

завопила бабушка генералу,—пошелъ! Выгоня ихъ всѣхъ, Алексѣй Ивановичъ! Какое вамъ дѣло? Я свое просвистала, а не ваше!

Генераль пожалъ плечами, согнулся и вышелъ. Де-Грие за нимъ.

— Позвать Прасковью, велѣла бабушка Марѳа.

Черезъ пять минутъ, Марѳа воротилась съ Полиной. Все это время Полина сидѣла въ своей комнатѣ съ дѣтьми и, кажется, нарочно рѣшилась весь день не выходить. Лицо ея было серьезно, грустно и озабочено.

— Прасковья, начала бабушка,—правда ли, что я давеча стороной узнала, что будто бы этотъ дуракъ, отчимъ-то твой, хочетъ жениться на этой глупой вертушкѣ французкѣ, — актриса что ли она, или того еще хуже? Говори, правда это?

— Навѣрное про это я не знаю, бабушка, отвѣчала Полина, но по словамъ самой Mlle Blanche, которая не находитъ нужнымъ скрывать, заключаю...

— Довольно! энергически прервала бабушка,— все понимаю! Я всегда считала, что отъ него это станется и всегда считала его самымъ пустѣйшимъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Наташилъ на себя форсу, что генераль (изъ полковниковъ, по отставкѣ получилъ), да и важничаетъ. Я, мать моя, все знаю, какъ вы телеграмму за телеграммой въ Москву посылали,—«скоро-ли, дескать, старая бабка ноги протянетъ?» Наслѣдства ждали; безъ денегъ-то его эта подлая дѣвка, какъ ее, — de Cominges, что-ли—и въ лакеи къ себѣ не возьметъ, да еще со вставными-то зубами. У ней, говорятъ, у самой денегъ куча, на проценты даетъ, добромъ нажила. Я, Прасковья, тебя не ввию; не ты телеграммы посылала; и объ старомъ тоже поминать не хочу. Знаю, что характерика у тебя скверный — оса! укусишь, такъ вспухнетъ, да жаль мнѣ тебя, потому: покойницу Катерину, твою мать, я любила. Ну, хочешь? бросай все здѣсь и поѣзжай со мною. Вѣдь тебѣ дѣваться-то некуда; да и неприлично тебѣ съ ними теперь. Стой! прервала бабушка начинавшую было отвѣчать Полину,—я еще не докончила. Отъ тебя я ничего не потребую. Домъ у меня въ Москвѣ, сама знаешь,—дворецъ, хоть цѣлый этажъ занимай и хоть по недѣлямъ ко мнѣ не сходи, коль мой характеръ тебѣ не покажется. Ну, хочешь, или нѣтъ?

— Позвольте сперва васъ спросить: неужели вы сейчасъ ѣхать хотите?

— Шучу, что-ли я, матушка! Сказала и поѣду. Я сегодня пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ просадила на разтреклятой вашей рулеткѣ. Въ подмосковной я, пять лѣтъ назадъ, дала обѣщаніе церковь изъ деревянной въ каменную перестроить, да вмѣсто того здѣсь просвисталась. Теперь, матушка, церковь поѣду строить.

— А воды-то, бабушка? Вѣдь вы пріѣхали воды пить?

— И, ну тебя съ водами твоими! Не раздражай ты меня, Прасковья; нарочно, что-ли ты? Говори, ѣдешь, аль нѣтъ?

— Я васъ очень, очень благодарю, бабушка,—съ чувствомъ начала Полина,—за убѣжище, которое вы мнѣ предлагаете. Отчасти вы мое положеніе угадали. Я вамъ такъ признательна, что, повѣрьте, къ вамъ приду, можетъ быть даже и скоро; а теперь есть привычки... важныя... и рѣшиться я сейчасъ, сію минуту, не могу. Если бы вы остались хоть недѣлю двѣ...

— Значить, не хочешь?

— Значить, не могу. Къ тому же, во всякомъ случаѣ, я не могу брата и сестру оставить, а такъ какъ... такъ какъ... такъ какъ дѣйствительно можетъ случиться, что они останутся, какъ брошенные, то... если возьмете меня съ малютками, бабушка, то, конечно, къ вамъ поѣду и, повѣрьте заслужу, вамъ это! прибавила она съ жаромъ; — а безъ дѣтей не могу, бабушка.

— Ну, не хнычь! (Полина и не думала хныкать, да она и никогда не плакала)—и для цыплятъ найдется мѣсто; великъ курятникъ. Къ тому же, имъ въ школу пора. Ну, такъ не ѣдешь теперь? Ну, Прасковья, смотри! Желала бы я тебѣ добра, а вѣдь я знаю, почему ты не ѣдешь? Все я знаю, Прасковья! Не доведетъ тебя этотъ французиска до добра.

Полина вспыхнула. Я такъ и вздрогнулъ: (Всѣ знаютъ! одинъ я, стало быть, ничего не знаю!)

— Ну, ну, не хмурься. Не стану размазывать. Только смотри, чтобъ не было худа, понимаешь? Ты дѣвка умная; жаль мнѣ тебя будешь. Ну, довольно, не глядѣла бы я на васъ на всѣхъ! Ступай, прощай!

— Я, бабушка, еще провожѹ васъ, сказала Полина.

— Не надо; не мѣшай; да и надѣли вы мнѣ всѣ.

Полина поцѣловала у бабушки руку, но та руку отдернула и сама поцаловала ее въ щеку.

Проходя мимо меня, Полина быстро на меня поглядѣла и тотчасъ отвела глаза.

— Ну, прощай и ты, Алексѣй Ивановичъ! Всего часъ до поѣзда. Да и усталъ ты со мною, я думаю. На, возьми себѣ эти пятьдесятъ золотыхъ.

— Покорно благодарю васъ, бабушка, мнѣ совѣстно...

— Ну, ну! крпкнула бабушка, но до того энергично и грозно, что я не посмѣлъ отговариваться и принялъ.

— Въ Москвѣ, какъ будешь безъ мѣста бѣгать,—ко мнѣ приходи; отрекомендую куда нибудь. Ну, убирайся!

Я пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ на кровать. Я думаю, я лежалъ съ полчаса навзничъ, закинувъ за голову руки. Катастрофа ужъ разразилась, было о чемъ подумать. Завтра, я рѣшилъ настоятельно говорить съ Полиной. А! французиска? Такъ, стало быть, правда! Но что же тутъ могло быть, однако? Полина и Де-Грие! Господи, какое сопоставленіе!

Все это было просто невѣроятно. Я вдругъ вскочилъ внѣ себя, чтобъ идти тотчасъ же отыскать

мистера Астлея и, во чтобы то ни стало, заставить его говорить. Онъ, конечно, и тутъ больше меня знаетъ. Мистеръ Астлей? вотъ еще для меня загадка!

Но вдругъ въ дверяхъ моихъ раздался стукъ. Смотрю — Потапычъ.

— Батюшка, Алексѣй Ивановичъ: къ баринѣ, требуютъ!

— Что такое? Уѣзжаетъ, что ли? До поѣзда еще двадцать минутъ.

— Безпокоятся, батюшка, едва сидятъ. «Скорѣй, скорѣй!»—вась, то есть, батюшка; ради Христа не замедлите.

Тотчасъ же я сбѣжалъ внизъ. Бабушку уже вывели въ корридоръ. Въ рукахъ ея былъ бумажникъ.

— Алексѣй Ивановичъ, иди впередъ, пойдемъ!..

— Куда, бабушка?

— Жива не хочу быть, отыграюсь! Ну, маршъ, безъ разспросовъ! Тамъ до полночи вѣдь игра идетъ?

Я остоленѣлъ, подумалъ, но тотчасъ же рѣшился.

— Воля ваша, Антониды Васильевна, не пойду.

— Эго почему? Это что еще? Бѣлены, что ли, вы всѣ обѣлись!

— Воля ваша; я потомъ самъ упрекать себя стану; не хочу! Не хочу быть ни свидѣтелемъ, ни участникомъ; пзбавьте, Антониды Васильевна. Вотъ ваши пятьдесятъ фридрихсдоровъ назадъ; прощайте! И я, положивъ свертокъ съ фридрихсдорами тутъ же на столикъ, подлѣ котораго пришили кресла бабушки, поклонился и ушелъ.

— Экой вздоръ! крикнула мнѣ вслѣдъ бабушка,—да не ходи, пожалуй, я одна дорогу найду! Потапычъ, иди со мною! Ну, подымайте, несите.

Мистера Астлея я не нашелъ и воротился домой. Поздно, уже въ первомъ часу пополудни, я узналъ отъ Потапыча, чѣмъ кончился бабушкинъ день. Она все проиграла, что ей давеча я намѣнялъ, т. е. по нашему еще десять тысячъ рублей. Къ ней прикомандировался тамъ тотъ самый полячекъ, которому она дала давеча два фридрихсдора, и все время руководилъ ее въ игрѣ. Сначала, до полячка, она было заставляла ставить Потапыча, но скоро прогнала его; тутъ-то и подскочилъ полячокъ. Какъ нарочно, онъ понималъ по-русски и даже болталъ кое-какъ, смѣсью трехъ языковъ, такъ что они кое-какъ уразумѣли друг друга. Бабушка все время нещадно ругала его, и хоть тотъ непрерывно «стеллся подъ стопы паньски», но ужъ куда сравнить съ вами, Алексѣй Ивановичъ, рассказывалъ Потапычъ. «Съ вами она точно съ бариномъ обращалась, а тотъ—такъ, я самъ видѣлъ своими глазами, убей Богъ на мѣстѣ, тутъ же у ней со стола воровалъ. Она его сама раза два на столѣ поймала, и ужъ костила она его, костила всяческими то, батюшка, словами, даже за волосенки разъ отдергала. право не лгу, такъ что кругомъ смѣхъ пошелъ. Все, батюшка, проиграла;

все какъ есть, все, что вы ей намѣняли. Довезли мы ее, матушку, сюда, — только водицы спросила испить, перекрестилась, и въ постельку. Измучилась, что ли она, тотчасъ заснула. Пошли Богъ сны ангельскіе! Охъ! ужъ эта мнѣ заграница! — заключилъ Потапычъ, — говорилъ, что не къ добру. И ужъ поскорѣй бы въ нашу Москву! И чего — чего у насъ дома нѣтъ, въ Москвѣ? Садъ, цвѣты, какихъ здѣсь и не бываетъ, духъ, яблоньки наливаются, просторъ, — нѣтъ: надо было за границу! О-хо-хо!..

ГЛАВА XIII.

Вотъ ужъ почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ я не притрогивался къ этимъ замѣткамъ моимъ, начатымъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, хотя и безпорядочныхъ, но сильныхъ. Катастрофа, приближеніе которой я тогда предчувствовалъ, наступила дѣйствительно, но во сто разъ круче и неожиданнѣе, чѣмъ я думалъ. Все это было нѣчто странное, безобразное и даже трагическое, по крайней мѣрѣ со мной. Случились со мною нѣкоторыя происшествія—почти чудесныя; такъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ гляжу на нихъ,—хотя на другой взглядъ и, особенно судя по круговороту, въ которомъ я тогда кружился, онѣ были только-что развѣ не совсѣмъ обыкновенныя. Но чудеснѣе всего для меня то, какъ я самъ отнесся ко всѣмъ этимъ событіямъ. До сихъ поръ не понимаю себя! И все это пролетѣло, какъ сонъ, — даже страсть моя, а она вѣдь была сильна и истинна, но... куда же она теперь дѣлась? Право: нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ иной разъ теперь въ моей головѣ: «ужъ не сошелъ ли я тогда съ ума и не сидѣлъ ли, все это время, гдѣ нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, а можетъ быть и теперь сижу,—такъ, что мнѣ все это *показалось*, и до сихъ поръ только *кажется*...

Я собралъ и преречелъ мои листки. (Кто знаетъ, можетъ быть, для того, чтобы убѣдиться, не въ сумасшедшемъ ли домѣ я ихъ писалъ?). Теперь я одинъ-одинешенекъ. Наступаетъ осень, желтѣетъ листь. Сижу въ этомъ уныломъ городишкѣ (о, какъ унылы германскіе городишки!) и, вмѣсто того, чтобы обдумать предстоящій шагъ, живу подъ вліяніемъ только-что минувшихъ ощущеній, подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній, подъ вліяніемъ всего этого недавняго вихря, захватившаго меня тогда въ этотъ круговоротъ и опять куда-то выбросившаго. Мнѣ все кажется порой, что я все еще кружусь въ томъ же вихрѣ и, что, вотъ-вотъ, опять промчится эта буря, захватитъ меня мимоходомъ своимъ крыломъ, и я выскочу опять изъ порядка и чувства мѣры, и закружусь, закружусь...

Впрочемъ, я можетъ быть и установлюсь какъ нибудь и перестану кружиться, если дамъ себѣ, по возможности, точный отчетъ во всемъ приключившемся въ этотъ мѣсяцъ. Меня тянетъ опять къ перу; да иногда и совсѣмъ дѣлать нечего по ве-

черамъ. Странно, для того, чтобы хоть чѣмъ нибудь заняться, я беру въ здѣшней паршивой библиотекѣ для чтенія романы Поль-де-Кока (въ нѣмецкомъ переводѣ!), которыхъ я почти терпѣть не могу, но читаю ихъ и — дивлюсь на себя: точно я боюсь серьезною книгою, или какимъ нибудь серьезнымъ занятіемъ, разрушить обаяніе, только что минувшаго. Точно ужъ такъ дороги мнѣ этотъ безобразный сонъ и всѣ оставшіяся по немъ впечатлѣнія, что я даже боюсь дотронуться до него чѣмъ нибудь новымъ, чтобы онъ не разлетѣлся въ дымъ! Дорого мнѣ это все такъ, что ли? Да, конечно, дорого; можетъ и чрезъ сорокъ лѣтъ вспоминать буду...

И такъ принимаюсь писать. Впрочемъ, все это можно разсказать теперь, отчасти и покороче: впечатлѣнія совсѣмъ не тѣ...

Во-первыхъ, чтобъ кончить съ бабушкой. На другой день, она проигралась вся окончательно. Такъ и должно было случиться: кто разъ, изъ такихъ, попадется на эту дорогу, тотъ—точно съ снѣговой горы въ санкахъ катится, все быстрѣе и быстрѣе. Она играла весь день до восьми часовъ вечера; я при ея игрѣ не присутствовалъ, и знаю только по разсказамъ.

Потапычъ продежурилъ при ней въ воксалѣ цѣлый день. Полячки, руководившіе бабушку, смѣнялись въ этотъ день нѣсколько разъ. Она начала съ того, что прогнала вчерашняго полячка, котораго она драла за волосы, и взяла другаго, но другой оказался почти что еще хуже. Прогнавъ этого и, взявъ опять перваго, который не уходилъ и толкался во все это время изгнанія тутъ же, за ея креслами, поминутно просовывая къ ней свою голову,—она впала наконецъ въ рѣшительное отчаяніе. Прогнанный второй полячекъ тоже ни за что не хотѣлъ уйти; одинъ помѣстился съ правой стороны, а другой съ лѣвой. Все время они спорили и ругались другъ съ другомъ за ставки и ходы, обзывали другъ друга «лайдаками» и прочими польскими любезностями, потомъ опять мирились, кидали деньги безъ всякаго порядка, распоряжались зря. Поссорившись, они ставили каждый съ своей стороны, одинъ, напримѣръ, на красную, а другой тутъ же на черную. Кончилось тѣмъ, что они совсѣмъ закружили и сбили бабушку съ толку, такъ, что она наконецъ, чуть не со слезами, обратилась къ старичку круперу, съ просьбою защитить ее, чтобъ онъ ихъ прогналъ. Ихъ дѣйствительно тотчасъ же прогнали, не смотря на ихъ крики и протесты: они кричали оба разомъ и доказывали, что бабушка имъ же должна, что она ихъ въ чемъ-то обманула, поступила съ ними безчестно, подло. Несчастный Потапычъ разсказывалъ мнѣ все это со слезами, въ тотъ самый вечеръ, послѣ проигрыша, и жаловался, что они набивали свои карманы деньгами, что онъ самъ видѣлъ, какъ они безсовѣстно воровали и поминутно совали себѣ въ карманы. Выпросить, напримѣръ, у бабушки за

труды пять фридрихсдоровъ и начнетъ ихъ тутъ же ставить на рулеткѣ, рядомъ съ бабушкиными ставками. Бабушка выиграетъ, а онъ кричитъ, что это его ставка выиграла, а бабушкина проиграла. Когда ихъ прогоняли, то Потапычъ выступилъ и донесъ, что у нихъ полны карманы золота. Бабушка тотчасъ же попросила крупера распорядиться и, какъ оба полячка ни кричали (точно два пойманные въ руки пѣтуха), но явилась полиція и тотчасъ карманы ихъ были опустошены въ пользу бабушки. Бабушка, пока не проигралась, пользовалась во весь этотъ день у круперовъ и у всего воксальнаго начальства видимымъ авторитетомъ. Мало-по-малу извѣстность ея распространялась по всему городу. Всѣ посѣтителе водъ, всѣхъ націй, обыкновенные и самые знатные, стекались посматрѣть на «une vieille comtesse russe, tombée en enfance», которая уже проиграла «нѣсколько милліоновъ».

Но бабушка очень, очень мало выиграла отъ того, что избавили ее стъ двухъ полячишекъ. Взамѣнъ ихъ, тотчасъ же къ услугамъ ея явился третій полякъ, уже совершенно чисто говорившій по-русски, одѣтый джентельменомъ, хотя все-таки смахивавшій на лакея, съ огромными усами и съ гоноромъ. Онъ тоже цѣловалъ «стопки паньски» и «стелплся подъ стопки паньски», но относительно окружающихъ велъ себя заносчиво, распоряжался деспотически, — словомъ, сразу поставилъ себя не слугою, а хозяиномъ бабушки. Поминутно, съ каждымъ ходомъ, обращался онъ къ ней и клялся ужаснѣйшими клятвами, что онъ самъ «гоноровый» панъ, и что онъ не возьметъ ни единой копейки изъ денегъ бабушки. Онъ такъ часто повторялъ эти клятвы, что та окончательно струсила. Но такъ какъ этотъ панъ дѣйствительно въ началѣ какъ будто поправилъ ея игру и сталъ было выигрывать, то бабушка и сама уже не могла отъ него отстать. Часъ спустя, оба прежніе полячишка, выведенные изъ воксала, появились снова за стуломъ бабушки, опять съ предложеніемъ услугъ, хоть на посылки. Потапычъ боился, что «гоноровый панъ» съ ними перемигивался, и даже что то имъ передавалъ въ руки. Такъ какъ бабушка не обѣдала, и почти не сходила съ креселъ, то и дѣйствительно одинъ изъ полячковъ пригодился: сбѣгалъ тутъ же рядомъ, въ обѣденную залу воксала и доставалъ ей чашку бульона, а потомъ и чаю. Они бѣгали, впрочемъ, оба. Но къ концу дня, когда уже всѣмъ видно стало, что она проигрываетъ свой послѣдній банковый билетъ, за стуломъ ея стояло уже до шести полячковъ, прежде невиданныхъ и неслыханныхъ. Когда же бабушка проигрывала уже послѣднія монеты, то всѣ они не только ее ужъ не слушались, но даже и не замѣчали, лѣзли прямо чрезъ нее къ столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали, переговариваясь съ гоноровымъ паномъ за панибрата, а гоноровый панъ чуть ли даже и не забылъ о существованіи бабушки. Даже

тогда, когда бабушка, совсѣмъ все проигравшая, возвращалась вечеромъ въ восемь часовъ въ отель, то и тутъ три или четыре полячка все еще не рѣшались ее оставить и бѣжали около креселъ, по сторонамъ, крича изо всѣхъ силъ и увѣряя, скороговоркою, что бабушка ихъ въ чемъ-то надула и должна имъ что-то отдать. Такъ дошли до самого отеля, откуда ихъ наконецъ прогнали въ толчки.

По разсчету Потапыча, бабушка проиграла всего въ этотъ день до девяноста тысячъ рублей, кромѣ проигранныхъ ею вчера денегъ. Всѣ свои билеты—пятипроцентные, внутреннихъ займовъ, всѣ акціи, бывшіе съ нею, она размѣняла одинъ за другимъ и одну за другой. Я подивился—было, какъ она выдержала всѣ эти семь или восемь часовъ, сидя въ креслахъ и почти не отходя отъ стола, но Потапычъ рассказывалъ, что раза три она дѣйствительно начинала сильно выпгивать; а увлеченная вновь надеждою, она ужъ и не могла отойти. Впрочемъ, игроки знаютъ, какъ можно человѣку просидѣть чуть не сутки на одномъ мѣстѣ за картами, не спуская глазъ съ правой и съ лѣвой.

Между тѣмъ во весь этотъ день, у насъ въ отелѣ происходили тоже весьма рѣшительныя вещи. Еще утромъ, до одиннадцати часовъ, когда бабушка еще была дома, наши, т. е. генераль и Де-Гріе, рѣшились было на послѣдній шагъ. Узнавъ, что бабушка и не думаетъ уѣзжать, а напротивъ отправляется опять въ воксалъ, они, во всемъ конклавѣ (кромѣ Полины), пришли къ ней переговорить съ нею окончательно и даже *откровенно*. Генераль, трепетавшій и замиравшій душою, въ виду ужасныхъ для него послѣдствій, даже пересолилъ: послѣ получасовыхъ моленій и просьбъ, и даже откровенно признавшись во всемъ, т. е. во всѣхъ долгахъ, и даже въ своей страсти къ M-lle Blanche (онъ совсѣмъ потерялся), генераль вдругъ принялъ грозный тонъ и сталъ даже кричать и топать ногами на бабушку; кричалъ, что она срамить ихъ фамилію, стала скандаломъ всего города и наконецъ... наконецъ: «вы срамите русское имя, сударыня!»—кричалъ генераль—«и что на то есть полиція!» Бабушка прогнала его наконецъ палкой, — (настоящей палкой). Генераль и Де-Гріе совѣщались еще разъ или два въ это утро, и именно ихъ занимало: нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, какънибудь употребить полицію? Что воть, дескать, несчастная, но почтенная старушка выжила изъ ума, проигрываетъ послѣднія деньги и т. д. Однимъ словомъ, нельзя ли выхлопотать какойнибудь надзоръ или запрещеніе?.. Но Де-Гріе только пожималъ плечами и въ глаза смѣялся надъ генераломъ, уже совершенно заболтавшимся и бѣгавшимъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ Де-Гріе махнулъ рукою и куда-то скрылся. Вечеромъ узнали, что онъ совсѣмъ выѣхалъ изъ отеля, переговоривъ напередъ весьма рѣшительно и таинственно съ M-lle Blanche. Что же касается до M-lle Blanche, то она съ самаго еще утра при-

няла окончательныя мѣры: она совсѣмъ отшвырнула отъ себя генерала и даже не пускала его къ себѣ на глаза. Когда генераль побѣждалъ за нею въ воксалѣ и встрѣтилъ ее подъ руку съ князькомъ, то ни она, ни M-me veuve Cominges его не узнали. Князекъ тоже ему не поклонился. Весь этотъ день M-lle Blanche пробовала и обрабатывала князя, чтобъ онъ высказался наконецъ рѣшительно. Но увы! Она жестоко обманулась въ разчетахъ на князя! Эта маленькая катастрофа произошла уже вечеромъ; вдругъ открылось, что князь голъ, какъ соколъ, и еще на нее же рассчитывалъ, чтобы занять у нея денегъ подъ вексель и погнать на рулеткѣ. Blanche съ негодованіемъ его выгнала и заперлась въ своемъ номерѣ.

По утру, въ этотъ же день, я ходилъ къ мистеру Астлею, или лучше сказать, все утро отыскивалъ мистера Астлея, но никакъ не могъ отыскать его. Ни дома, ни въ воксалѣ, или въ паркѣ его не было. Въ отелѣ своемъ онъ на этотъ разъ не обѣдалъ. Въ пятомъ часу, я вдругъ увидѣлъ его идущаго отъ дебаркадера желѣзной дорожки прямо въ отель d'Angleterre. Онъ торопился и былъ очень озабоченъ, хотя и трудно различить заботу или какое бы то ни было замѣшательство въ его лицѣ. Онъ радушно протянулъ мнѣ руку, съ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: «А!», но не останавливаясь на дорогѣ и продолжая довольно спѣшнымъ шагомъ путь. Я увязался за нимъ; но какъ-то онъ такъ счумѣлъ отвѣчать мнѣ, что я ни о чемъ не успѣлъ и спросить его. Къ тому же, мнѣ было почему-то ужасно совѣстно заговаривать о Полнѣ; онъ же самъ ни слова о ней не спросилъ. Я рассказалъ ему про бабушку; онъ выслушалъ внимательно и серьезно, и пожалъ плечами.

— Она все проиграетъ, замѣтилъ я.

— О, да, отвѣчалъ онъ, — вѣдь она пошла играть еще давеча, когда я уѣзжалъ, а потому я навѣрно и зналъ, что она проиграется. Если будетъ время, я зайду въ воксалъ посмотрѣть, потому что это любопытно...

— Куда вы уѣзжали? вскричалъ я, пзумившись, что до сихъ поръ не спросилъ.

— Я былъ во Франкфуртѣ.

— По дѣламъ?

— Да, по дѣламъ.

Ну, что же мнѣ было спрашивать дальше? Впрочемъ, я все еще шелъ подлѣ него, но онъ вдругъ повернулъ въ стоявшій на дорогѣ отель «Des quatre saisons», кивнулъ мнѣ головою и скрылся. Возвращаясь домой, я мало по малу догадался, что если бы я и два часа съ нимъ проговорилъ, то рѣшительно бы ничего не узналъ, потому... что мнѣ не о чемъ было его спрашивать! Да, конечно такъ! Я никакимъ образомъ не могъ бы теперь формулировать моего вопроса.

Весь этотъ день, Полина, то гуляла съ дѣтьми и нянюшкой въ паркѣ, то сидѣла дома. Генерала она давно уже избѣгала и почти ничего съ нимъ не говорила, по крайней мѣрѣ, о чемънибудь

серьезномъ. Я это давно замѣтилъ. Но, зная въ какомъ генералъ положеніи сегодня, я подумалъ, что онъ не могъ миновать ее, т. е. между ними не могло не быть какихъ нибудь важныхъ семейныхъ объясненій. Однако жъ, когда я, возвращаясь въ отель послѣ разговора съ мистеромъ Астлеемъ, встрѣтилъ Полину съ дѣтьми, то на ея лицѣ отражалось самое безмятежное спокойствіе, какъ будто всѣ семейныя бури миновали только одну ее. На мой поклонъ, она кивнула мнѣ головой. Я пришелъ къ себѣ совсѣмъ злой.

Конечно, я избѣгалъ говорить съ нею и ни разу съ нею не сходилъ послѣ происшествія съ Вурмергельмами. При этомъ я отчасти фарсиль и ломался; но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе накалило во мнѣ настоящее негодованіе. Если бы даже она и не любила меня ни сколько, все-таки нельзя бы, кажется, такъ топтать мои чувства и съ такимъ пренебреженіемъ принимать мои признанія. Вѣдь она знаетъ же, что я взаправду люблю ее; вѣдь она сама допускала, позволяла мнѣ такъ говорить съ нею! Правда, это какъ-то странно началось у насъ. Нѣкоторое время, давно ужъ, мѣсяца два назадъ, я сталъ замѣчать, что она хочетъ сдѣлать меня своимъ другомъ, повѣреннымъ, и даже отчасти ужъ и пробуетъ. Но это почему то не пошло у насъ тогда въ ходъ; вотъ, взаимнѣ того, остались странныя теперешнія отношенія; оттого-то и сталъ я такъ говорить съ нею. Но если ей противна моя любовь, зачѣмъ прямо не запретить мнѣ говорить о ней?

Мнѣ не запрещаютъ; даже сама она вызывала мной разъ меня на разговоръ и... конечно дѣлала это на смѣхъ. Я знаю навѣрное, я это твердо замѣтилъ, — ей было пріятно, выслушавъ и раздраживъ меня до боли, вдругъ меня огоршить какою нибудь выходкою величайшаго презрѣнія и невниманія. И вѣдь знаетъ же она, что я безъ нея жить не могу. Вотъ, теперь три дня прошло послѣ исторіи съ барономъ, а я уже не могу выносить нашей *разлуки*. Когда я ее встрѣтилъ сейчасъ у воксала, у меня забилося сердце такъ, что я поблѣднѣлъ. Но вѣдь и она же безъ меня не проживетъ! Я ей нуженъ и — неужели, неужели только, какъ шутъ Балакиревъ?

У ней тайна — это ясно! Разговоръ ея съ бабушкой больно укололъ мое сердце. Вѣдь я тысячу разъ вызывалъ ее быть со мною откровенной и вѣдь она знала, что я дѣйствительно готовъ за нее голову мою положить. Но она всегда отдѣлывалась чуть не презрѣніемъ, или, вмѣсто жертвы жизнью, которую я предлагалъ ей, — требовала отъ меня такихъ выходокъ, какъ тогда съ барономъ! Развѣ это не возмутительно? Неужели весь міръ для нея въ этомъ французѣ? А мистеръ Астлей? Но, тутъ уже дѣло становилось рѣшительно непонятнымъ, а между тѣмъ — Боже, какъ я мучился!

Придя домой, въ порывѣ бѣшенства, я схватилъ перо и настроилъ ей слѣдующее:

«Полина Александровна, я вижу ясно, что пришла

развязка, которая задѣнетъ, конечно, и васъ. Последній разъ повторяю: нужна или нѣтъ вамъ моя голова? Если буду нуженъ, хоть *на что-нибудь* — располагайте, а я покамѣстъ спужу въ своей комнатѣ, по крайней мѣрѣ большею частью, и никуда не уѣду. Надо будетъ, — то напишите мнѣ позовите».

Я запечаталъ и отправилъ эту записку съ коридорнымъ лакеемъ, съ приказаніемъ отдать прямо въ руки. Отвѣта я не ждалъ, но черезъ три минуты лакей воротился съ извѣстіемъ, что «приказали кланяться».

Часу въ седьмомъ меня позвали къ генералу.

Онъ былъ въ кабинетѣ, одѣтъ какъ бы собираясь куда-то идти. Шляпа и палка лежали на диванѣ. Мнѣ показалось, входя, что онъ стоялъ среди комнаты, разставивъ ноги, опустил голову, и что-то говорилъ вслухъ самъ съ собой. Но только что онъ завидѣлъ меня, — какъ бросился ко мнѣ чуть не съ крикомъ, такъ что я невольно отшатнулся и хотѣлъ было убѣжать; но онъ схватилъ меня за обѣ руки и потащилъ къ дивану; самъ сѣлъ на диванъ, меня посадилъ прямо противъ себя въ кресла и, не выпуская моихъ рукъ, съ дрожащими губами, со слезами, заблеставшими вдругъ на его рѣсницахъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите, пощадите!

Я долго не могъ ничего понять; онъ все говорилъ, говорилъ, говорилъ и все повторялъ; «пощадите, пощадите!» Наконецъ я догадался, что онъ ожидаетъ отъ меня чего-то въ родѣ совѣта; или, лучше сказать, всѣми оставленный, въ тоскѣ и тревогѣ, онъ вспомнилъ обо мнѣ и позвалъ меня, чтобъ только говорить, говорить, говорить.

Онъ помѣшался, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени потерялся. Онъ складывалъ руки и готовъ былъ броситься предо мной на колѣни, чтобы — (какъ вы думаете?) — чтобъ я сейчасъ же шелъ къ M-lle Blanche и упросилъ, усовѣстилъ ее воротиться къ нему и выйти за него замужъ.

— Помилуйте, генералъ, вскричалъ я, — да M-lle Blanche можетъ быть еще и не замѣтила меня до сихъ поръ? Что могу я сдѣлать?

Но напрасно было и возражать: онъ не понималъ, что ему говорить. Пускался онъ говорить и о бабушкѣ, но только ужасно безсвязно; онъ все еще стоялъ на мысли послать за полиціею.

— У насъ, у насъ, начиналъ онъ, вдругъ вскипая негодованіемъ, — однимъ словомъ, у насъ, въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ есть начальство, надъ такими старухами тотчасъ бы опеку устроили! Да-съ, милостивый государь, да-съ, продолжалъ онъ, вдругъ впадая въ распекательный тонъ, вскочивъ съ мѣста и расхаживая по комнатѣ; «вы еще не знали этого, милостивый государь, обратился онъ къ какому то воображаемому милостивому государю въ уголь, — такъ вотъ и узнаете... да-съ... у насъ эдакихъ старухъ въ дугу гнуть, въ дугу, въ дугу-съ, да-съ... о, чортъ возьми!

И онъ бросался опять на диванъ, а чрезъ минуту, чуть не всхлипывая, задыхаясь, сиѣшилъ разсказать мнѣ, — что M-lle Blanche оттого вѣдь за него не выходитъ, что вмѣсто телеграммы приѣхала бабушка и что теперь уже ясно, что онъ не получитъ наслѣдства. Ему казалось, что ничего еще этого я не знаю. Я было заговорилъ о Де-Грие; онъ махнулъ рукою: Уѣхалъ! у него все мое въ закладъ; я голъ, какъ соколъ! Тѣ деньги, которые вы привезли... тѣ деньги, — я не знаю, сколько тамъ, кажется франковъ семьсотъ осталось, и — довольно-съ, вотъ и всѣ, а дальше — не знаю-съ, не знаю-съ!..

— Какъ же вы въ отелѣ расплатитесь? вскричалъ я въ испугѣ, — и... потомъ что-же?

Онъ задумчиво посмотрѣлъ, но, кажется, ничего не понял и даже, можетъ быть, не разслышалъ меня. Я попробовалъ было заговорить о Полинѣ Александровнѣ, о дѣтяхъ; онъ на скоро отвѣчалъ: да! да! но тотчасъ же опять пускался говорить о князѣ, о томъ, что теперь уѣдетъ съ нимъ Blanche и тогда... и тогда — что же мнѣ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ? обращался онъ вдругъ ко мнѣ, — клянусь Богомъ! Что же мнѣ дѣлать, — скажите, вѣдь это неблагодарность! вѣдь это-же неблагодарность?

Наконецъ онъ залился въ три ручья слезами.

Нечего было дѣлать съ такимъ человѣкомъ; оставить его одного тоже было опасно; пожалуй, могло съ нимъ чтонибудь приключиться. Я, впрочемъ, отъ него кое-какъ избавился, но далъ знать нянюшкѣ, чтобъ та навѣдывалась по чаще, да кромѣ того поговорилъ съ корридорнымъ лакеемъ, очень толковымъ малымъ; тотъ обѣщался мнѣ тоже съ своей стороны присматривать.

Едва только оставилъ я генерала, какъ явился ко мнѣ Потапычъ, съ зовомъ къ бабушкѣ. Было восемь часовъ и она только что воротилась изъ воксала послѣ окончательнаго проигрыша. Я отправился къ ней: старуха сидѣла въ креслахъ, совсѣмъ измученная и видимо больная. Марѳа подавала ей чашку чая, которую почти насильно заставляла ее выпить. И голосъ, и тонъ бабушки ярко измѣнились.

— Здравствуйте, батюшка, Алексѣй Ивановичъ, сказала она, медленно и важно склоняя голову, — извините, что еще разъ побезпокоила, простите старому человѣку. Я, отецъ мой, все тамъ оставила, почти сто тысячъ рублей. Правъ ты былъ, что вчера не пошелъ со мною. Теперь я безъ денегъ, гроша нѣтъ. Медлить не хочу ни минуты, въ девять съ половиною и поѣду. Послала я къ этому твоему англичанину, Астлею что-ли, и хочу у него спросить три тысячи франковъ на недѣлю. Такъ убѣди ты его, чтобъ онъ какънибудь чего не подумалъ и не отказалъ. Я еще, отецъ мой, довольно богата. У меня три деревни и два дома есть. Да и денегъ еще найдется, не всѣ съ собой взяла. Для того я это говорю, чтобъ не усомнился онъ какънибудь... А, да вотъ и онъ! Видно хорошаго человѣка.

Мистеръ Астлей поспѣшилъ по первому зову бабушки. Ни мало не думая и много не говоря, онъ тотчасъ же отсчиталъ ей три тысячи франковъ подъ вексель, который бабушка и подписала. Кончивъ дѣло, онъ откланялся и поспѣшилъ выйти.

— А теперь ступай и ты, Алексѣй Ивановичъ. Осталось часъ съ небольшимъ — хочу прилечь, кости болятъ. Не взыщи на мнѣ, старой дурѣ. Теперь ужъ не буду молодыхъ обвинять въ легкомыслии, да и того несчастнаго, генерала-то вашего, тоже грѣшно мнѣ теперь обвинять. Денегъ я ему все-таки не дамъ, какъ онъ хочетъ, потому — ужъ совсѣмъ онъ на мой взглядъ глупехонекъ, только и я, старая дура, не умѣю его. Подлинно, Богъ и на старости взыщетъ и накажетъ гордыню. Ну, прощай. Марѳуша, подыми меня.

Я однако желалъ проводить бабушку. Кромѣ того, я былъ въ какомъ-то ожиданіи, я все ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то случится. Мнѣ не сидѣлось у себя. Я выходилъ въ корридоръ, даже на минутку вышелъ побродить по аллеѣ. Письмо мое къ ней было ясно и рѣшительно, а теперешняя катастрофа — ужъ конечно окончательная. Въ отелѣ я слышалъ объ отъѣздѣ Де-Грие. Наконецъ, если она меня и отвергнетъ, какъ друга, то — можетъ быть, какъ слугу, не отвергнетъ. Вѣдь нуженъ же я ей, хоть на посылки; да пригожусь, какъ же иначе!

Ко времени поѣзда, я сбѣгалъ на дебаркадеръ и усадилъ бабушку. Они всѣ усѣлись въ особый семейный вагонъ. — «Спасибо тебѣ, батюшка, за твое безкорыстное участіе, простилась она со мною, — да передай Прасковѣ тѣ, о чемъ я вчера ей говорила, — я ее буду ждать».

Я пошелъ домой. Проходя мимо генеральскаго номера, я встрѣтилъ нянюшку и освѣдомился о генералѣ: — И, батюшка, ничего, отвѣчала та уныло. Я однако зашелъ, но въ дверяхъ кабинета остановился въ рѣшительномъ изумленіи. M-lle Blanche и генераль хохотали о чемъ-то взапуски. Veuve Cominges сидѣла тутъ же на диванѣ. Генераль былъ, видимо, безъ ума отъ радости, лепеталъ всякую бессмыслицу и заливался нервнымъ длиннымъ смѣхомъ, отъ котораго все лицо его складывалось въ бесчисленное множество морщинокъ и куда то прятались глаза. Послѣ я узналъ отъ самой же Blanche, что она, прогнавъ князя и узнавъ о плачѣ генерала, вздумала его утѣшить и зашла къ нему на минутку. Но не зналъ бѣдный генераль, что въ эту минуту участь его была рѣшена и что Blanche уже начала укладываться, чтобъ завтра же, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, летѣть въ Парижъ.

Постоявъ на порогѣ генеральскаго кабинета, я раздумалъ входить, и вышелъ не замѣченный. Поднявшись къ себѣ и отворивъ дверь, я въ полумѣротѣ замѣтилъ вдругъ какую-то фигуру, сидѣвшую на стулѣ, въ углу, у окна. Она не поднялась при моемъ появленіи. Я быстро подошелъ, посмотрѣлъ и — духъ у меня захватилъ: это была Полина!

ГЛАВА XIV.

Я такъ и вскрикнулъ.

— Что же? Что же? странно спрашивала она. Она была блѣдна и смотрѣла мрачно.

— Какъ что же? Въ здѣсь, у меня!

— Если я прихожу, то ужъ *вся* прихожу. Это моя привычка. Вы сейчасъ это увидите; зажгите свѣчу.

Я зажегъ свѣчку. Она встала, подошла къ столу и положила предо мной распечатанное письмо.

— Прочтите, велѣла она.

— Это,—это рука Де-Гріе! вскричалъ я, схвативъ письмо. Руки у меня тряслись и строчки прыгали предъ глазами. Я забылъ точныя выраженія письма, но вотъ оно, — хоть не слово въ слово, такъ, по крайней мѣрѣ, мысль въ мысль.

«Mademoiselle, писалъ Де-Гріе, — неблагоприятныя обстоятельства заставляютъ меня ухъать немедленно. Вы, конечно, сами замѣтили, что я нарочно избѣгалъ окончательнаго объясненія съ вами до тѣхъ поръ, пока не разъяснились всѣ обстоятельства. Приѣздъ старой (de la vieille dame) вашей родственницы и нелѣпый ея поступокъ покопчили всѣ мои недоумѣнія. Мои собственныя разстроенныя дѣла запрещаютъ мнѣ окончательно питать дальнѣйшія сладостныя надежды, которыми я позволялъ себѣ упиваться нѣкоторое время. Сожалѣю о прошедшемъ, но надѣюсь, что въ поведеніи моемъ вы не отыщете ничего, что недостойно жантилома и честнаго человека (gentilhomme et hōnnete homme). Потерявъ почти всѣ мои деньги въ долгахъ на отчимъ вашемъ, я нахожусь въ крайней необходимости воспользоваться тѣмъ, что мнѣ остается: я уже далъ знать въ Петербургъ моимъ друзьямъ, чтобы немедленно распорядились продажей заложеннаго мнѣ имущества; зная, однакоже, что легкомысленный отчимъ вашъ растратилъ ваши собственныя деньги, я рѣшился простить ему пятьдесятъ тысячъ франковъ и на эту сумму возвращаю ему часть закладныхъ на его имущество, такъ, что вы поставлены теперь въ возможность воротить все, что потеряли, потребовавъ съ него имѣніе судебнымъ порядкомъ. Надѣюсь, mademoiselle, что, при теперешнемъ состояніи дѣлъ, мой поступокъ будетъ для васъ весьма выгоденъ. Надѣюсь тоже, что этимъ поступкомъ я исполнѣ исполняю обязанность человека честнаго и благороднаго. Будьте увѣрены, что память о васъ запечатлѣна на вѣки въ моемъ сердцѣ».

— Что же, это все ясно, сказалъ я, обращаясь къ Полинѣ,—неужели вы могли ожидать чего нибудь другаго, прибавилъ я съ негодованіемъ.

— Я ничего не ожидала, отвѣчала она, по видимому спокойно, но что-то какъ бы вздрагивало въ ея голосѣ;—я давно все порѣшила; я читала его мысли и узнала, что онъ думаетъ. Онъ думалъ, что я ишу... что я буду настаивать... (Она оставилась и, не договоривъ, закусила губу и замол-

чала). Я нарочно удвоила мое къ нему презрѣніе, начала она опять,—я ждала, что отъ него будетъ? Еслибъ пришла телеграмма о наслѣдствѣ,—я бы швырнула ему долгъ этого идіота (отчима) и прогнала его! Онъ мнѣ былъ давно, давно ненавистенъ. О, это былъ не тотъ человекъ прежде, тысячу разъ не тотъ, а теперь, а теперь!.. О, съ какимъ бы счастьемъ я бросила ему теперь, въ его подлое лицо, эти пятьдесятъ тысячъ и плюнула бы... и растерла бы плевокъ!

— Но бумага,—эта возвращенная имъ закладная на пятьдесятъ тысячъ, вѣдь она у генерала? Возьмите и отдайте Де-Гріе.

— О, не то! Не то!..

— Да правда, правда, не то! Да и къ чему генералъ теперь способенъ? А бабушка? вдругъ вскричалъ я.

Полина какъ-то разсѣянно и нетерпѣливо на меня посмотрѣла.

— Зачѣмъ бабушка? съ досадой проговорила Полина,—я не могу идти къ ней... Да и ни у кого не хочу прощенія просить, прибавила она раздражительно.

— Что же дѣлать! вскричалъ я, — и какъ, ну какъ это вы могли любить Де-Гріе! О, подлецъ, подлецъ! Ну, хотите, я его убью на дуэли! Гдѣ онъ теперь?

— Онъ во Франкфуртѣ, и проживетъ тамъ три дня.

— Одно ваше слово и я ѣду, завтра же, съ первымъ поѣздомъ! проговорилъ я въ какомъ-то глупомъ энтузіазмѣ.

Она засмѣялась.

— Что же, онъ скажетъ еще, пожалуй: сначала возвратите пятьдесятъ тысячъ франковъ. Да и за что ему драться?.. Какой это вздоръ!

— Ну такъ гдѣ же, гдѣ же взять эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, повторилъ я, скрежеща зубамъ, — точно такъ и возможно было вдругъ ихъ поднять на полу. Послушайте: Мистеръ Астлей? спросилъ я, обращаясь къ ней съ началомъ какой-то странной идеи.

У ней глаза засверкали.

— Что же, развѣ *ты самъ* хочешь, чтобы я отъ тебя ушла къ этому англичанину? проговорила она, пронзающимъ взглядомъ смотря мнѣ въ лицо и горько улыбаясь. Первый разъ въ жизни сказала она мнѣ *ты*.

Кажется у ней, въ эту минуту, закружилась голова отъ волненія, и вдругъ она сѣла на диванъ, какъ бы въ изнеможеніи.

Точно молнія опалила меня; я стоялъ и не вѣрилъ глазамъ, не вѣрилъ ушамъ! Что же, стало быть она меня любитъ! Она пришла *ко мнѣ*, а не къ мистеру Астлею! Она, одна, дѣвушка, пришла ко мнѣ въ комнату, въ отели, — стало быть компрометировала себя всенародно,—и я, я стою передъ ней и еще не понимаю!

Одна дикая мысль блеснула въ моей головѣ.

— Полина! Дай мнѣ только одну часъ! Подо-

жди здѣсь только часъ и... я вернусь! Это... это необходимо! Увидишь! Будь здѣсь, будь здѣсь!

И я выбѣжалъ изъ комнаты, не отвѣчая на ея удивленный вопросительный взглядъ; она крикнула мнѣ что-то вслѣдъ, но я не воротился.

Да, иногда самая дикая мысль, самая съ виду невозможная мысль, до того сильно укрѣпляется въ головѣ, что ее принимаешь наконецъ за что-то осуществимое... Мало того: если идея соединяется съ сильнымъ, страстнымъ желаніемъ, то, пожалуй, иной разъ примешь ее наконецъ за нѣчто фатальное, необходимое, предназначенное, за нѣчто такое, что уже не можешь не быть и не случиться! Можетъ быть, тутъ есть еще что нибудь, какая нибудь комбинація предчувствій, какое нибудь необыкновенное усиліе воли, самоотравленіе собственной фантазіей или еще что нибудь,—не знаю; но со мною въ этотъ вечеръ (который я никогда въ жизни не позабуду), случилось происшествіе чудесное. Оно хоть и совершенно оправдывается ариеметикою, но тѣмъ не менѣе — для меня еще до сихъ поръ чудесное. И почему, почему эта увѣренность такъ глубоко, крѣпко засѣла тогда во мнѣ, и уже съ такихъ давнихъ поръ? Ужъ вѣрно я помышлялъ объ этомъ,—повторяю вамъ,—не какъ о случаѣ, который можетъ быть въ числѣ прочихъ (а, стало быть, можетъ и не быть), но какъ о чемъ-то такомъ, что никакъ ужъ не можетъ не случиться!

Было четверть одиннадцатаго; я вошелъ въ воксалъ въ такой твердой надеждѣ и, въ тоже время, въ такомъ волненіи, какого я еще никогда не испытывалъ. Въ игорныхъ залахъ народу было еще довольно, хотя вдвое менѣе утрешняго.

Въ одиннадцатомъ часу у игорныхъ столовъ остаются настоящіе, отчаянные игроки, для которыхъ, на водахъ, — существуетъ только одна рулетка, которые и пріѣхали для нея одной, которые плохо замѣчаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ и ничѣмъ не интересуются во весь сезонъ, а только играютъ съ утра до ночи и готовы были бы играть, пожалуй, и всю ночь до разсвѣта, еслибъ можно было. И всегда они съ досадой расходятся, когда въ двѣнадцать часовъ закрываютъ рулетку. И когда старшій круперъ, предъ закрытіемъ рулетки, около двѣнадцати часовъ, возглашаетъ: «*Les trois derniers coups, messieurs!*», то они готовы проставить иногда на этихъ трехъ послѣднихъ ударахъ все, что у нихъ есть въ карманѣ, — и дѣйствительно тутъ-то наиболѣе и проигрываются. Я прошелъ къ тому самому столу, гдѣ давеча сидѣла бабушка. Было не очень тѣсно, такъ что я очень скоро занялъ мѣсто у стула, стоя. Прямо предо мной, на зеленомъ сукнѣ, начерчено было слово: «*Passe*».

«*Passe*» — это рядъ цифръ отъ девятнадцати включительно до тридцати шести. Первый же рядъ, отъ перваго до восемнадцати включительно, называется «*Manque*»; но какое мнѣ было до этого дѣло? Я не рассчитывалъ, я даже не слышалъ, на какую цифру легъ послѣдній ударъ и объ этомъ

не справился, начиная игру, — какъ бы сдѣлалъ всякій чуть-чуть рассчитывающій игрокъ. Я вытащилъ всѣ мои двѣнадцать фридрихсдоровъ и бросилъ на бывшій предо мною «*passee*».

— *Vingt deux!* крикнулъ круперъ.

Я выигралъ—и опять поставилъ все: и прежнее, и выигрышъ.

— *Trente et un,* прокричалъ круперъ. Опять выигрышъ! всего ужъ стало быть у меня восемьдесятъ фридрихсдоровъ! Я двинулъ всѣ восемьдесятъ на двѣнадцать среднихъ цифръ (тройной выигрышъ, но два шанса противъ себя) — колесо завертѣлось и вышло двадцать четыре. Мнѣ выложили три свертка по пятидесяти фридрихсдоровъ и десять золотыхъ монетъ; всего, съ прежнимъ, очутилось у меня двѣсти фридрихсдоровъ.

Я былъ какъ въ горячкѣ, и двинулъ всю эту кучу денегъ на красную,—и вдругъ опомнился! И только разъ во весь этотъ вечеръ, во всю игру, страхъ прошелъ по мнѣ холодомъ и отозвался дрожью въ рукахъ и ногахъ. Я съ ужасомъ ощутилъ и мгновенно созналъ: что для меня теперь значить проиграть! Стояла на ставкѣ вся моя жизнь!

— *Rouge!* крикнулъ круперъ, — и я перевелъ духъ, огненные мурашки посыпались по моему тѣлу. Со мною расплатились банковыми билетами; стало быть, всего, ужъ четыре тысячи флориновъ и восемьдесятъ фридрихсдоровъ! (Я еще могъ слѣдить тогда за счетомъ).

Затѣмъ, помнится, я поставилъ двѣ тысячи флориновъ опять на двѣнадцать среднихъ и проигралъ; поставилъ мое золото и восемьдесятъ фридрихсдоровъ и проигралъ. Бѣшенство овладѣло мною: я схватилъ послѣднія оставшіяся мнѣ двѣ тысячи флориновъ и поставилъ на двѣнадцать первыхъ—такъ, на авось, зря, безъ расчета! Впрочемъ, было одно мгновеніе ожиданія, похожее, можетъ быть, впечатлѣніемъ на впечатлѣніе, испытанное *M-me Blanchard*, когда она, въ Парижѣ, летѣла съ воздушнаго шара на землю.

— *Quatre!* крикнулъ круперъ. Всего, съ прежною ставкою, опять очутилось шесть тысячъ флориновъ. Я уже смотрѣлъ какъ побѣдитель, я уже ничего, ничего теперь не боялся и бросилъ четыре тысячи флориновъ на черную. Человѣкъ девять бросилось, вслѣдъ за мною, тоже ставить на черную. Круперы переглядывались и переговаривались. Кругомъ говорили и ждали.

Вышла черная. Не помню я ужъ тутъ ни расчета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я уже выигралъ, кажется, тысячъ шестнадцать флориновъ; вдругъ, тремя несчастными ударами, спустилъ изъ нихъ двѣнадцать; потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи на «*passee*» (но ужъ почти ничего не ощущалъ при этомъ; я только ждалъ, какъ-то механически, безъ мысли) — и опять выигралъ; затѣмъ выигралъ еще четыре раза сряду. Помню только, что я разбиралъ деньги тысячами, запоминаю я тоже, что чаще всѣхъ выхо-

дли двѣнадцать среднихъ, къ которымъ я и привязался. Они появлялись какъ-то регулярно,—непремѣнно раза три, четыре сряду, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или на четыре къ ряду. Эта удивительная регулярность встрѣчается иногда полосами, — и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ, рассчитывающихъ съ карандашемъ въ рукахъ. И какія здѣсь случаются иногда ужасныя насмѣшки судьбы!

Я думаю, съ моего прибытія, времени прошло не болѣе получаса. Вдругъ круперъ увѣдомилъ меня, что я выигралъ тридцать тысячъ флориновъ, а такъ какъ банкъ за одинъ разъ больше не отвѣчаетъ, то, стало быть, рулетку закроютъ до завтрашняго утра. Я схватилъ все мое золото, ссыпалъ его въ карманы, схватилъ всѣ билеты и тотчасъ перешелъ на другой столъ, въ другую залу, гдѣ была другая рулетка; за мною хлынула вся толпа; тамъ тотчасъ же очистили мнѣ мѣсто и я пустился ставить опять, зря и не считая. Не понимаю, что меня спасло!

Иногда, впрочемъ, начиналъ мелькать въ головѣ моей расчетъ. Я привязывался къ инымъ цифрамъ и шансамъ, но скоро оставлялъ ихъ и ставилъ опять, почти безъ сознанія. Должно быть, я былъ очень разсѣянъ; помню, что круперы нѣсколько разъ поправляли мою игру. Я дѣлалъ грубыя ошибки. Виски мои были смочены потомъ, и руки дрожали. Подскакивали было и полячки съ услугами, но я никого не слушалъ. Счастье не прерывалось! Вдругъ кругомъ поднялся громкій говоръ и смѣхъ: Bravo, bravo! кричали всѣ, иные даже захопали въ ладоши. Я сорвалъ и тутъ тридцать тысячъ флориновъ, и банкъ опять закрыли до завтра!

— Уходите, уходите шепталъ мнѣ чей-то голосъ съ права. Это былъ какой-то франкфуртскій жидъ; онъ все время стоялъ подлѣ меня и, кажется, помогалъ мнѣ иногда въ игрѣ.

— Ради Бога уходите, прошепталъ другой голосъ надъ лѣвымъ моимъ ухомъ. Я мелькомъ взглянулъ. Это была весьма скромно и прилично одѣтая дама, лѣтъ подлѣ тридцать, съ какимъ-то болѣзненно-блѣднымъ усталымъ лицомъ, но напонишнимъ и теперь ея чудную прежнюю красоту. Въ эту минуту я набивалъ карманы билетами, которые такъ и комкалъ, и собиралъ оставшееся на столѣ золото. Захвативъ послѣдній свертокъ въ пятьдесятъ фридрихсдоровъ, я успѣлъ, совсѣмъ непримѣтно, сунуть его въ руку блѣдной дамѣ; мнѣ это ужасно захотѣлось тогда сдѣлать, и тоненькіе, худенькіе ея пальчики, помню, крѣпко сжали мою руку, въ знакъ живѣйшей благодарности. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Собравъ все, я быстро перешелъ на trente et quarante.

За trente et quarante сидитъ публика аристократическая. Это не рулетка, это карты. Тутъ банкъ отвѣчаетъ за сто тысячъ талеровъ разомъ.

Наибольшая ставка тоже четыре тысячи флориновъ. Я совершенно не зналъ игры и не зналъ почти ни одной ставки, кромѣ красной и черной, которыя тутъ тоже были. Къ нимъ-то я и привязался. Весь воксалъ столпился кругомъ. Не помню, вздумалъ ли я въ это время хоть разъ о Полинѣ, Я тогда ощущалъ какое-то непреодолимое наслажденіе хватать и загребать банковые билеты. пароставшіе кучею предо мной.

Дѣйствительно, точно судьба толкала меня. На этотъ разъ, какъ нарочно, случилось одно обстоятельство, довольно впрочемъ часто повторяющееся въ игрѣ. Привяжется счастье, на примѣръ, къ красной и не оставляетъ ее разъ десять, даже пятнадцать сряду. Я слышалъ еще третьяго дня, что красная, на прошлой недѣлѣ, вышла двадцать два раза сряду; этого даже и не запомнить на рулеткѣ, и рассказывали съ удивленіемъ. Разумѣется, всѣ тотчасъ же оставляютъ красную и уже послѣ десяти разъ, на примѣръ, почти никто не рѣшается на нее ставить. Но и на черную, противоположную красной, не ставятъ тогда никто изъ опытныхъ игроковъ. Опытный игрокъ знаетъ, что значить это «своенавіе случая». На примѣръ, казалось бы, что послѣ шестнадцати разъ красной, семнадцатый ударъ непременно ляжетъ на черную. На это бросаются новички толпами, удвояютъ и утраиваютъ куши, и страшно проигрываются.

Но я, по какому-то странному своенавію, замѣтивъ, что красная вышла семь разъ сряду, нарочно къ ней привязался. Я убѣжденъ, что тутъ на половину было самолюбія; мнѣ хотѣлось удивить зрителей безумнымъ рискомъ, и—о странное ощущеніе—я помню отчетливо, что мною вдругъ, дѣйствительно, безъ всякаго вызова самолюбія овладѣла ужасная жажда риску. Можетъ быть, перейдя чрезъ столько ощущеній, душа не насыщается, а только раздражается ими и требуетъ ощущеній еще, и все сильнѣй и сильнѣй, до окончательнаго утомленія. И, право не лгу, еслбѣ уставъ игры позволялъ поставить пятьдесятъ тысячъ флориновъ разомъ, я бы поставилъ ихъ навѣрно. Кругомъ кричали, что это безумно, что красная уже выходитъ четырнадцатый разъ!

— Monsieur a gagné déjà cent mille florins, раздался подлѣ меня чей-то голосъ.

Я вдругъ очнулся. Какъ? я выигралъ въ этотъ вечеръ сто тысячъ флориновъ! Да къ чему же мнѣ больше? Я бросился на билеты, скомкалъ ихъ въ карманъ, не считая, загребъ все мое золото, всѣ свертки и побѣждалъ изъ воксала. Кругомъ всѣ смѣялись, когда я проходилъ по заламъ, глядя на мои оттопыренные карманы и на неровную походку отъ тяжести золота. Я думаю, его было гораздо болѣе полупуда. Нѣсколько рукъ протянулись ко мнѣ; я раздавалъ горстями, сколько захватывалось. Два жиды остановили меня у выхода.

— Вы смѣлы! вы очень смѣлы! сказали они

мнѣ — но уѣзжайте завтра утромъ непременно, какъ можно раньше, нето вы все-все пропграете...

Я ихъ не слушалъ. Аллея была темна, такъ что руки своей нельзя было различить. До отеля было съ полверсты. Я никогда не боялся ни воровъ, ни разбойниковъ, даже маленькій; не думалъ о нихъ и теперь. Я, впрочемъ, не помню, о чемъ я думалъ дорогою; мысли не было. Ощущалъ я только какое-то ужасное наслажденіе — удачи, побѣды, могущества, — не знаю, какъ выразиться. Мелькалъ предо мною и образъ Полины; я помнилъ и сознавалъ, что иду къ ней, сейчасъ съ нею сойдуся и буду ей рассказывать, покажу... но я уже едва вспомнилъ о томъ, что она мнѣ давеча говорила, и зачѣмъ я пошелъ, и всѣ тѣ недавнія ощущенія, бывшія всего полтора часа назадъ, казались мнѣ ужъ теперь чѣмъ-то давно прошедшимъ, исправленнымъ, устарѣвшимъ, — о чемъ мы уже не будемъ болѣе поминать, потому что теперь начнется все съизнова. Почти ужъ въ концѣ аллеи, вдругъ страхъ напалъ на меня: «что, если меня сейчасъ убьютъ и ограбятъ!» Съ каждымъ шагомъ мой страхъ возрасталъ вдвое. Я почти бѣжалъ. Вдругъ, въ концѣ аллеи, разомъ блеснулъ весь нашъ отель, освѣщенный безчисленными огнями, — слава Богу: дома!

Я добѣжалъ въ свой этажъ и быстро растворилъ дверь. — Полина была тутъ и сидѣла на моемъ диванѣ, передъ зажженною свѣчою, скрестя руки. Съ изумленіемъ она на меня посмотрѣла, и ужъ конечно въ эту минуту я былъ довольно страненъ на видъ. Я остановился предъ нею и сталъ выбрасывать на столъ всю мою груду денегъ.

ГЛАВА XV.

Помню, она ужасно пристально смотрѣла въ мое лицо, но, не трогаясь съ мѣста, не измѣняя даже своего положенія.

— Я выигралъ двѣсти тысячъ франковъ, вскричалъ я, выбрасывая послѣдній свертокъ. Огромная грудa билетовъ и свертковъ золота заняла весь столъ, я не могъ ужъ отвести отъ нея моихъ глазъ; минути я совсѣмъ забывалъ о Полинѣ. То начиналъ я приводить въ порядокъ эти кучи банковыхъ билетовъ, складывалъ ихъ вмѣстѣ, то откладывалъ въ одну общую кучу золото; то бросалъ все и пускался быстрыми шагами ходить по комнатѣ, задумываясь, потомъ вдругъ опять подходилъ къ столу, опять начиналъ считать деньги. Вдругъ, точно опомнившись, я бросился къ дверямъ и поспорѣе заперъ ихъ, два раза обернувъ ключъ. Потомъ остановился, въ раздумьи, предъ маленькимъ моимъ чемоданомъ.

— Развѣ въ чемоданъ положить до завтра? спросилъ я, вдругъ обернувшись къ Полинѣ, и вдругъ вспомнилъ о ней. Она же все сидѣла не шевелясь, на томъ же мѣстѣ, но пристально слѣдила за мной. Странно какъ-то было выраженіе ея

лица; не понравилось мнѣ это выраженіе! Не ошибусь, если скажу, что въ немъ была ненависть.

Я быстро подошелъ къ ней.

— Полина, вотъ двадцать пять тысячъ флориновъ, — это пятьдесятъ тысячъ франковъ, даже больше. Возьмите, бросьте ихъ ему завтра въ лицо.

Она не отвѣтила мнѣ.

— Если хотите, я отвезу самъ, рано утромъ. Такъ?

Она вдругъ засмѣялась. Она смѣялась долго.

Я съ удивленіемъ и съ скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Этотъ смѣхъ очень похожъ былъ на недавній, частый, насмѣшливый смѣхъ ея надъ мной, всегда приходившійся во время самыхъ страстныхъ моихъ объясненій. Наконецъ она перестала и нахмурилась; строго оглядывала она меня изъ-подъ-лобья.

— Я не возьму вашихъ денегъ, проговорила она презрительно.

— Какъ? Что это? закричалъ я, — Полина, почему же?

— Я даромъ денегъ не беру.

— Я предлагаю вамъ, какъ другъ; я вамъ жизнь предлагаю.

Она посмотрѣла на меня долгимъ, пытливымъ взглядомъ, какъ бы прозвить меня имъ хотѣла.

— Вы дорого даете, проговорила она, усмѣхаясь: любовница Де-Гріе не стоитъ пятидесяти тысячъ франковъ.

— Полина, какъ можно такъ со мною говорить! вскричалъ я съ укоромъ, — развѣ я Де-Гріе?

— Я васъ ненавижу! Да... да...! я васъ не люблю больше, чѣмъ Де-Гріе, вскричала она, вдругъ засверкавъ глазами.

— Тутъ она закрыла вдругъ руками лицо и съ нею сдѣлалась истерика. Я бросился къ ней.

Я понялъ, что съ нею что-то безъ меня случилось. Она была совсѣмъ какъ бы не въ своемъ умѣ.

— Покупай меня! Хочешь? хочешь? за пятьдесятъ тысячъ франковъ, какъ Де-Гріе? вырывалось у ней съ судорожными рыданіями. Я обхватилъ ее, цаловалъ ея руки, ноги, упалъ предъ нею на колѣни.

Истерика ея проходила. Она положила обѣ руки на мои плечи и пристально меня разсматривала; казалось, что-то хотѣла прочесть на моемъ лицѣ. Она слушала меня, но видимо не слыхала того, что я ей говорилъ. Какая-то забота и вдумчивость явились въ лицѣ ея. Я боялся за нее; мнѣ рѣшительно казалось, что у ней умъ мѣшается. То вдругъ начинала она тихо привлекать меня къ себѣ; довѣрчивая улыбка уже блуждала въ ея лицѣ; и вдругъ она меня отталкивала, и опять омраченнымъ взглядомъ принималась въ меня всматриваться.

Вдругъ она бросилась обнимать меня.

— Вѣдь ты меня любишь, любишь? говорила она, — вѣдь ты, вѣдь ты... за меня съ барономъ драться хотѣлъ! И вдругъ она расхохоталась, —

точно что-то смѣшное и милое мелькнуло вдругъ въ ея памяти. Она и плакала и смѣялась, все вмѣстѣ. Ну что мнѣ было дѣлать? Я самъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. Помню, она начинала мнѣ что-то говорить,—но я почти ничего не могъ понять. Это былъ какой-то бредъ, какой-то лепетъ,—точно ей хотѣлось что-то поскрѣбѣ мнѣ рассказать,—бредъ прерываемый иногда самымъ веселымъ смѣхомъ, который начиналъ пугать меня. «Нѣтъ, нѣтъ, ты милый, милый!» повторяла она. «Ты мой вѣрный! и опять клала мнѣ руки свои на плечи, опять въ меня всматривалась и продолжала повторять:» Ты меня любишь... любишь... будешь любить?» Я не сводилъ съ нея глазъ; я еще никогда не видалъ ее въ этихъ припадкахъ нѣжности и любви; правда, это конечно, былъ бредъ, но... замѣтивъ мой страстный взглядъ, она вдругъ начинала лукаво улыбаться; ни съ того, ни съ сего, она вдругъ заговаривала о мистерѣ Астлей.

Впрочемъ о мистерѣ Астлей она непрерывно заговаривала (особенно, когда силилась мнѣ что-то, давеча, рассказать), но что именно, я вполне не могъ схватить; кажется, она даже смѣялась надъ нимъ; повторяла непрерывно, что онъ идетъ... и что знаю-ли я, что онъ навѣрное стоитъ теперь подъ окномъ? «Да, да, подъ окномъ,—ну, отвори, посмотри, посмотри, онъ здѣсь, здѣсь!» Она толкала меня къ окну, но только я дѣлалъ движеніе идти, она заливалась смѣхомъ и я оставался при ней, а она бросалась меня обнимать.

— Мы уѣдемъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ? приходило ей вдругъ безпокойно въ голову,—ну... (и она задумалась)—ну, а догонимъ мы бабушку, какъ ты думаешь? Въ Берлинѣ, я думаю, догонимъ. Какъ ты думаешь, что она скажетъ, когда мы ее догонимъ и она насъ увидитъ? А мистеръ Астлей?... Ну этотъ не соскочитъ съ Шлангенберга, какъ ты думаешь? (Она захохотала). Ну, послушай: знаешь, куда онъ будущее лѣто ѣдетъ? Онъ хочетъ на сѣверный полюсъ ѣхать для ученыхъ изслѣдованій и меня звалъ съ собою, ха, ха, ха! Онъ говоритъ, что мы, русскіе, безъ европейцевъ ничего не знаемъ и ни къ чему не способны... Но онъ тоже добрый! Знаешь, онъ «генерала» извиняетъ; онъ говоритъ, что Blanche... что страсть,—ну, не знаю, не знаю, вдругъ повторила она, какъ бы заговорясь и потерявшись. Бѣдные они, какъ мнѣ ихъ жаль, и бабушку... Ну, послушай, послушай, ну, гдѣ тебѣ убить Де-Гріе? И неужели, неужели ты думаешь, что убьешь? О, глупый! Неужели ты могъ подумать, что я пушу тебя драться съ Де-Гріе? Да ты и барона-то не убьешь,—прибавила она, вдругъ засмѣявшись. О, какъ ты былъ тогда смѣшонъ съ барономъ; я глядѣла на васъ обоихъ со скамейки; и какъ тебѣ не хотѣлось тогда идти, когда я тебя посылала. Какъ я тогда смѣялась, какъ я тогда смѣялась, прибавила она, хохоча.

И вдругъ она опять цаловала и обнимала меня, опять страстно и нѣжно прижимала свое ли-

цо къ моему. Я ужъ болѣе ни о чемъ не думалъ и ничего не слышалъ. Голова моя завружилась...

Я думаю, что было около семи часовъ утра, когда я очнулся; солнце свѣтило въ комнату. Полина сидѣла подлѣ меня и страшно осматривалась, какъ будто выходя изъ какого-то мрака и собирая воспоминанія. Она тоже только что проснулась и пристально смотрѣла на столъ и деньги. Голова моя была тяжела и болѣла. Я было хотѣлъ взять Полину за руку; она вдругъ оттолкнула меня и вскочила съ дивана. Начинаясь день былъ пасмурный; предъ разсвѣтомъ шелъ дождь. Она подошла къ окну, отворила его, выставила голову и грудь, и, подпершись руками, а локти положивъ на косякъ окна, пробыва такъ минуты три, не оборачиваясь ко мнѣ и не слушая того, что я ей говорилъ. Со страхомъ приходило мнѣ въ голову: что же теперь будетъ, и чѣмъ это кончится? Вдругъ она поднялась съ окна, подошла къ столу и, смотря на меня съ выраженіемъ безконечной ненависти, съ дрожащими отъ злости губами сказала мнѣ:

— Ну, отдай же мнѣ теперь мои пятьдесятъ тысячъ франковъ?

— Полина, опять, опять! началъ было я.

— Или ты раздумалъ? ха-ха-ха! Тебѣ, можетъ быть, уже и жалко?

Двадцать пять тысячъ флориновъ, отсчитанные еще вчера, лежали на столѣ; я взялъ и подаль ей.

— Вѣдь они ужъ теперь мои? Вѣдь такъ? Такъ? злобно спрашивала она меня, держа деньги въ рукахъ.

— Да они и всегда были твои, сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ же твои пятьдесятъ тысячъ франковъ! Она размахнулась и пустила ихъ въ меня. Пачка больно ударила мнѣ въ лицо и разлетѣлась по полу. Совершивъ это, Полина выбѣжала изъ комнаты.

Я знаю, она, конечно, въ ту минуту, была не въ своемъ умѣ, хоть я и не понимаю этого временнаго помѣшательства. Правда, она еще и до сихъ поръ, мѣсяцъ спустя, еще больна. Что было, однако, причиною этого состоянія, а главное этой выходки? Оскорбленная-ли гордость? Отчаяніе-ли о томъ, что она рѣшилась даже придти ко мнѣ? Не показалъ-ли я ей виду, что тщеславлюсь моимъ счастіемъ и въ самомъ дѣлѣ точно также, какъ и Де-Гріе, хочу отдѣлаться отъ нея, подаривъ ей пятьдесятъ тысячъ франковъ? Но вѣдь этого не было, я знаю по своей совѣсти. Думаю, что виновато было тутъ отчасти и ея тщесловіе; тщесловіе подсказало ей не повѣрить мнѣ и оскорбить меня, хотя все это представлялось ей, можетъ-быть, и самой не ясно. Въ такомъ случаѣ, я, конечно, отвѣтилъ за Де-Гріе и сталъ виноватъ, можетъ быть безъ большой вины. Правда, все это былъ только бредъ; правда и то, что я зналъ, что она въ бреду и... не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Можетъ быть, она теперь не можетъ мнѣ простить этого? Да, но это

теперь; но тогда, тогда? Вѣдь не такъ же сильны были ея бредъ и болѣзнь, чтобы она ужъ совершенно забыла, что дѣлается, идя ко мнѣ съ письмомъ Де-Грие? Значитъ она знала, что дѣлается.

Я кое-какъ, на скоро, сунулъ всѣ мои бумаги и всю мою кучу золота въ постель, накрылъ ее и вышелъ, минутъ десять послѣ Полины. Я былъ увѣренъ, что она побѣжала домой, и хотѣлъ потихоньку пробраться къ нимъ, и въ передней спросить у няни о здоровьѣ барышни. Каково же было мое изумленіе, когда отъ встрѣтившейся мнѣ на лѣстницѣ нянюшки я узналъ, что Полина домой еще не возвращалась и что няня сама шла ко мнѣ за ней.

— Сейчасъ, — говорилъ я ей, — сейчасъ только ушла отъ меня, минутъ десять тому назадъ, куда же могла она дѣваться?

Няня съ укоризной на меня поглядѣла.

А между тѣмъ вышла цѣлая исторія, которая уже ходила по отелю. Въ швейцарской и у обер-кельнера перешептывались, что фрейлейнъ утормъ, въ шесть часовъ, выбѣжала изъ отеля, въ дождь, и побѣжала по направленію къ *hôtel d'Angleterre*. По ихъ словамъ и намекамъ, я замѣтилъ, что они уже знаютъ, что она провела всю ночь въ моей комнатѣ. Впрочемъ, уже рассказывалось о всемъ генеральскомъ семействѣ: стало извѣстно, что генералъ вчера сходилъ съ ума и плакалъ на весь отель. Рассказывали при этомъ, что приѣзжавшая бабушка была его мать, которая затѣмъ нарочно и появилась изъ самой Россіи, чтобы воспретить своему сыну бракъ съ *Mlle de Cminges*, а за ослушаніе лишить его наслѣдства, и такъ какъ онъ дѣйствительно не послушался, то графиня, въ его же глазахъ, нарочно и проиграла всѣ свои деньги на рулеткѣ, чтобы такъ уже ему и не доставалось ничего. «*Diese Russen!*» повторялъ обер-кельнеръ съ негодованіемъ, кчая головой. Другіе смѣялись. Обер-кельнеръ готовилъ счетъ. Мой выигрышъ былъ уже извѣстенъ; Карлъ, мой корридинъ лакей, первый поздравилъ меня. Но мнѣ было не до нихъ. Я бросился въ отель *d'Angleterre*.

Еще было рано; мистеръ Астлей не принималъ никого; узнавъ же, что это я, вышелъ ко мнѣ въ корридоръ и остановился предо мной, молча устремивъ на меня свой оловянный взглядъ. Я ожидалъ, что я скажу? Я тотчасъ спросилъ о Полнѣ.

— Она больна, — отвѣчалъ мистеръ Астлей, по прежнему смотря на меня въ упоръ и не сводя съ меня глазъ.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ у васъ?

— О, да, у меня.

— Такъ, какъ же вы... вы намѣрены ее держать у себя?

— О, да, я намѣренъ.

— Мистеръ Астлей, это произведетъ скандалъ; этого нельзя. Къ тому же она совсѣмъ больна; вы, можетъ быть, не замѣтили?

— О, да, я замѣтилъ и уже вамъ сказалъ, что

она больна. Еслибъ она была не больна, то у васъ не провела бы ночь.

— Такъ вы и это знаете?

— Я это знаю. Она шла вчера сюда, и я бы отвелъ ее къ моей родственницѣ, но такъ какъ она была больна, то ошиблась и пришла къ вамъ.

— Представьте себѣ! Ну, поздравляю васъ, мистеръ Астлей. Кстати, вы мнѣ дадите идею: не стояли ли вы всю ночь у насъ подъ окномъ? Миссъ Полина всю ночь заставляла меня открывать окно и смотрѣть, — не стоятъ ли вы подъ окномъ, и ужасно смѣялась.

— Неужели? Нѣтъ, я подъ окномъ не стоялъ; но я ждалъ въ корридорѣ и кругомъ ходилъ.

— Но вѣдь ее надо лечить, мистеръ Астлей.

— О, да, я ужъ позвалъ доктора, и если она умретъ, то вы дадите мнѣ отчетъ въ ея смерти.

Я изумился. — Помилуйте, мистеръ Астлей, что это вы хотите?

— А правда ли, что вы вчера выиграли двѣсти тысячъ талеровъ?

— Всего только сто тысячъ флоринновъ.

— Ну, вотъ видите! И такъ уѣзжайте сегодня утромъ въ Парижъ.

— Зачѣмъ?

— Всѣ русскіе, имѣя деньги, ѣдутъ въ Парижъ, пояснилъ мистеръ Астлей, голосомъ и тономъ, какъ будто прочелъ это по книжкѣ.

— Что я буду теперь, лѣтомъ, въ Парижѣ дѣлать? Я ее люблю, мистеръ Астлей! Вы знаете сами.

— Неужели? Я убѣжденъ, что нѣтъ. При томъ же, оставшись здѣсь, вы проиграете навѣрное все и вамъ не на что будетъ ѣхать въ Парижъ. Но прощайте, я совершенно убѣжденъ, что вы сегодня уѣдете въ Парижъ.

— Хорошо, прощайте, только я въ Парижъ не поѣду. Подумайте, мистеръ Астлей, о томъ, что теперь будетъ у насъ? Однимъ словомъ, генералъ... и теперь это приключеніе съ миссъ Полиной, — вѣдь это на весь городъ пойдетъ.

— Да, на весь городъ; генералъ же, я думаю, объ этомъ не думаетъ и ему не до этого. Къ тому же миссъ Полина имѣетъ полное право жить, гдѣ ей угодно. На счетъ же этого семейства, можно правильно сказать, что это семейство ужъ не существуетъ.

Я шелъ и посмѣивался странной увѣренности этого англичанина, что я уѣду въ Парижъ. — Однако, онъ хочетъ меня застрѣлить на дуэли, думалъ я, — если *Mlle Полина* умретъ, — вотъ еще коммиссія! Клянусь, мнѣ было жаль Полну, но странно, — съ самой той минуты, какъ я дотронулся вчера до игорнаго стола, и сталъ загребать пачки денегъ, — моя любовь отступила какъ бы на второй планъ. Это я теперь говорю; но тогда еще я не замѣчалъ всего этого ясно. Неужели я и въ самомъ дѣлѣ игрокъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ... такъ странно любилъ Полину? Нѣтъ, я до сихъ поръ люблю ее, вижу Богъ! А тогда, когда я вышелъ отъ мистера Астлея и шелъ домой, я

искренно страдалъ и винилъ себя. Но... по тутъ со мной случилась чрезвычайно странная и глупая исторія.

Я спѣшилъ къ генералу, какъ вдругъ, не вдалекѣ отъ ихъ квартиры, отворилась дверь и меня кто-то кликнулъ. Это была M-me veuve Cominges и кликнула меня по приказанію M-lle Blanche. Я вошелъ въ квартиру M-lle Blanche.

У нихъ былъ небольшой номеръ, въ двѣ комнаты. Слышенъ былъ смѣхъ и крикъ M-lle Blanche изъ спальни. Она вставала съ постели.

— А, c'est lui! Viens donc, bêtà! Правда ли, que tu as gagné une montagne d'or et d'argent? J'aimerais mieux l'or.

— Выигралъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Сколько?

— Сто тысячъ флоринновъ.

— Bibi, comme tu es bête. Да войди же сюда, я ничего не слышу. Nous ferons bombance, n'est ce pas?

Я вошелъ къ ней. Она валялась подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ, пзъ подъ котораго выступали смуглыя, здоровыя, удивительныя плечи, — плечи, которыя развѣ только увидишь во снѣ, — кое-какъ прикрытыя батистовою, отороченною бѣлѣйшими кружевами сорокою, — что удивительно шло къ ея смуглой кожѣ.

— Mon fils, as-tu du cœur? вскричала она, за-видѣвъ меня, и захохотала. Смѣялась она всегда очень весело и даже иногда искренно.

— Tout autre... началъ было я, парафразируя Корнея.

— Вотъ видишь, vois tu, — затараторила она вдругъ, — во-первыхъ сыщи чулки, помоги обуться, — а во-вторыхъ si tu n'est pas trop bête, je te prends à Paris. Ты знаешь, я сейчасъ ѣду.

— Сейчасъ?

— Черезъ полчаса.

Дѣйствительно все было уложено. Всѣ чеподаны и ея вещи стояли готовые. Кофе былъ уже давно поданъ.

— Eh bien! хочешь, tu verras Paris. Dis donc qu'est ce que c'est qu'un outchitel? Tu étais bien bête, quand tu étais outchitel. Гдѣ же мои чулки? Обувай же меня, ну!

Она выставила дѣйствительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, неисковерканную какъ всѣ почти эти попки, которыя смотрятъ такими миленькими въ ботинкахъ. Я засмѣялся и началъ натягивать на нее шелковый чулочекъ. M-lle Blanche, между тѣмъ, сидѣла на постели и тараторила.

— Eh bien, que feras-tu, si je te prends avec? Во-первыхъ, je veux cinquante mille francs. Ты мнѣ ихъ отдашь во Франкфуртѣ. Nous allons à Paris; тамъ мы живемъ вмѣстѣ et je te ferais voir des étoiles en plein jour. Ты увидишь такихъ женщинъ, какихъ ты никогда не видывалъ. Слушай...

— Постой, эдакъ я тебѣ отдамъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а что же мнѣ-то останется?

— Et cent cinquante mille francs, ты забылъ и

сверхъ того я согласна жить на твоей квартирѣ мѣсяцъ, два, que sais-je! Мы, конечно, проживемъ въ два мѣсяца эти сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Видишь, je suis bonne enfant и тебѣ впередъ говорю, mais tu verras des étoiles.

— Какъ, все въ два мѣсяца?

— Какъ! Это тебя ужасаетъ! Ah, vil esclave! Да знаешь ли ты, что одинъ мѣсяцъ этой жизни лучше всего твоего существованія. Одинъ мѣсяцъ — et après le déluge! Mais tu ne peux comprendre, va! Пошелъ пошелъ, ты этого не стоишь! Ай, que fais tu?

Въ эту минуту я обувалъ другую ножку, но не выдержалъ и поцаловалъ ее. Она вырвала и начала меня бить кончикомъ ноги по лицу. Наконецъ, она прогнала меня совсѣмъ. Eh bien, mon outchitel, je t'attends, si tu veux; чрезъ четверть часа я ѣду! — крикнула она мнѣ въ догонку.

Воротясь домой, былъ я уже — какъ закруженный. Что же, я не виноватъ, что M-lle Полина бросила мнѣ цѣлой пачкой въ лицо и еще вчера предпочла мнѣ мистера Астлея. Нѣкоторые изъ распавшихся банковыхъ билетовъ еще валялись по полу; я ихъ подобралъ. Въ эту минуту отворилась дверь и явился самъ оберъ-кельнеръ (который на меня прежде и глядѣть не хотѣлъ), съ приглашеніемъ: не угодно ли мнѣ перебраться внизъ, въ превосходный номеръ, въ которомъ только что стоялъ графъ В.

Я постоялъ, подумалъ:

— Счетъ! закричалъ я, сейчасъ ѣду, чрезъ десять минутъ. — Въ Парижъ, такъ въ Парижъ! подумалъ я про себя, — знать на роду написано!

Чрезъ четверть часа мы дѣйствительно сидѣли втроемъ, въ одномъ общемъ семейномъ вагонѣ: я, M-lle Blanche et M-me veuve Cominges. M-lle Blanche хохотала, глядя на меня, до истерики. Veuve Cominges ей вторила; не скажу, чтобы мнѣ было весело. Жизнь переламывалась на двое, но со вчерашняго дня я ужъ привыкъ все ставить на карту. Можетъ быть и дѣйствительно правда, что я не вынесъ денегъ и закружился. Peut être, je ne demandais pas mieux. Мнѣ казалось, что на время, — но только на время, переменяются декорации. — «Но чрезъ мѣсяцъ я буду здѣсь, и тогда... и тогда мы еще съ вами потягаемся, мистеръ Астлей!» Нѣтъ, какъ припоминаю теперь, мнѣ и тогда было ужасно грустно, хоть я и хохоталъ взапуски съ этой дурочкой Blanche.

— Да чего тебѣ! Какъ ты глупъ! О, какъ ты глупъ! вскрикивала Blanche, прерывая свой смѣхъ и начиная серьезно бранить меня. Ну да, ну да, да, мы проживемъ твой двѣсти тысячъ франковъ, но за то, mais tu seras heureux, comme un petit roi; я сама тебѣ буду позавывать галстухъ и познакомлю тебя съ Hortense. А когда мы проживемъ всѣ наши деньги, ты приѣдешь сюда и опять сорвешь банкъ. Что тебѣ сказали жида? Главное — смѣлость, а у тебя она есть, и ты мнѣ еще не разъ будешь возить деньги въ Парижъ. Quant à moi, je veux cinquante mille francs de rente et alors...

— А генераль? спросилъ я ее.

— А генераль, ты знаешь самъ, каждый день, въ это время, уходитъ, мнѣ за букетомъ. На этотъ разъ я нарочно велѣла отыскать самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Бѣдняжка воротится, а птичка и улетѣла. Онъ полетитъ за нами, увидишь. Ха, ха, ха! Я очень буду рада. Въ Парижѣ онъ мнѣ пригодится; за него здѣсь заплатитъ мистеръ Астлей...

И вотъ такимъ-то образомъ я и уѣхала тогда въ Парижъ.

ГЛАВА XVI.

Что я скажу о Парижѣ? Все это было, конечно, и бредъ, и дурачество. Я прожилъ въ Парижѣ всего только три недѣли съ небольшимъ, и въ этотъ срокъ были совершенно покончены мои сто тысячъ франковъ. Я говорю только про сто тысячъ; остальные сто тысячъ я отдалъ M-lle. Blanche чистыми деньгами, — пятьдесятъ тысячъ во Франкфуртѣ и, чрезъ три дня, въ Парижѣ, выдалъ ей же еще пятьдесятъ тысячъ франковъ векселемъ, за который, впрочемъ, чрезъ недѣлю она взяла съ меня и деньги, et les cent mille francs qui nous restent, tu les mangeras avec moi, mon outhitel. Она меня постоянно звала учителемъ. Трудно представить себѣ что нибудь на свѣтѣ разсчетливѣе, скупѣе и скалдыриѣе разряда существъ, подобныхъ M-lle Blanche. Но это относительно своихъ денегъ. Что же касается до моихъ ста тысячъ франковъ, то она мнѣ прямо объявила потомъ, что они ей нужны были для первой постановки себя въ Парижѣ: «такъ что ужъ я теперь стала на приличную ногу разъ на всегда, и теперь ужъ меня долго никто не собьетъ, по крайней мѣрѣ я такъ распорядилась» прибавила она. Впрочемъ, я почти и не выдавалъ этихъ ста тысячъ; деньги во все время держала она, а въ моемъ кошелькѣ, въ который она сама каждый день навѣдывалась, никогда не скоплялось болѣе ста франковъ, и всегда почти было менѣе.

— Ну къ чему тебѣ деньги? — говорила она иногда съ самымъ простѣйшимъ видомъ, и я съ нею не спорилъ. За то она очень и очень не дурно отдѣлала на эти деньги свою квартиру и когда потомъ перевела меня на новоселье, то, показывая мнѣ комнаты, сказала: «Вотъ, что съ разсчетомъ и со вкусомъ можно сдѣлать съ самыми мизерными средствами». Этотъ мизеръ стоилъ, однако, ровно пятьдесятъ тысячъ франковъ. На остальные пятьдесятъ тысячъ, она завела экипажъ, лошадей, кромѣ того мы задали два бала, т. е. двѣ вечеринки, на которыхъ были и Hortense и Lisette и Cléopâtre, — женщины замѣчательныя во многихъ и во многихъ отношеніяхъ, и даже далеко не дурныя. На этихъ двухъ вечеринкахъ я принужденъ былъ играть прелупѣйшую роль хозяина, встрѣчать и занимать разбогатѣвшихъ и тупѣйшихъ купчишекъ, невозможныхъ по ихъ невѣжеству и

безстыдству разныхъ военныхъ поручиковъ и жалкихъ авторитетовъ и журнальныхъ козавокъ, которые явились въ модныхъ фракахъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ самолюбіемъ и чванствомъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ даже у насъ въ Петербургѣ не мыслимо, — а ужъ это много значить сказать. Онъ даже вздумали надо мною смѣяться, но я напился шампанскаго и провалился въ задней комнатѣ. Все это было для меня омерзительно въ высшей степени. «C'est un outhitel», говорила обо мнѣ Blanche, il a gagné deux cent mille francs, и который безъ меня не зналъ бы, какъ ихъ изтратить. А послѣ онъ опять поступить въ учителя; — не знаетъ ли кто нибудь мѣста? Надобно что нибудь для него сдѣлать». — Къ шампанскому я сталъ прибѣгать весьма часто, потому что мнѣ было постоянно очень грустно и до крайности скучно. Я жилъ въ самой буржуазной, въ самой меркантильной средѣ, гдѣ каждый су былъ расчитанъ и вымѣренъ. Blanche очень не любила меня въ первыя двѣ недѣли, я это замѣтилъ; правда, она одѣла меня щегольски и сама ежедневно повязывала мнѣ галстукъ, но въ душѣ искренно презирала меня. Я на это не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Скучный и унылый, я сталъ уходить обыкновенно въ Château des Fleurs, гдѣ регулярно, каждый вечеръ, напивался и учился канкану (который тамъ прегадко танцуютъ), и впоследствии приобрѣлъ въ этомъ родѣ даже знаменитость. Наконецъ Blanche раскусила меня: она какъ то заранѣе составила себѣ идею, что я, во все время нашего сожителства, буду ходить за нею съ карандашемъ и бумажкой въ рукахъ и все буду считать, сколько она изтратила, сколько украла, сколько изтратить и сколько еще украдетъ? и ужъ конечно была увѣрена, что у насъ изъ-за каждаго десяти франковъ будетъ баталія. На всякое нападеніе мое, предполагаемое ею заранѣе, она уже заблаговременно заготовила возраженія; но не видя отъ меня никакихъ нападеній, сперва было пускалась сама возражать. Иной разъ начнетъ горячо, горячо, но увидя, что я молчу, — чаще всего ваяясь на кушеткѣ и неподвижно смотря въ потолокъ, — даже наконецъ удивится. Сперва она думала, что я просто глупъ, «un outhitel», и просто обрывала свои объясненія, вѣроятно думая про себя: «вѣдь онъ глупъ; нечего его и наводить, коль самъ не понимаетъ». Уйдетъ бывало, но минутъ черезъ десять опять воротится (это случилось во время самыхъ неистовыхъ тратъ ея, тратъ совершенно намъ не по средствамъ: на примѣръ, она перемѣнила лошадей и купила въ шестнадцать тысячъ франковъ пару).

— Ну, такъ ты, Bibi, не сердись? подходила она ко мнѣ.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ! Надо-ѣ-ѣ-ла! говорилъ я, отстраняя ее отъ себя рукою, но это было для нея такъ любопытно, что она тотчасъ же сѣла подлѣ:

— Видишь, если я рѣшилась столько заплатить, то это потому, что ихъ продавали по случаю. Ихъ

можно опять продать за двадцать тысячъ франковъ.

— Вѣрю, вѣрю; лошади прекрасныя; и у тебя теперь славный выѣздъ; пригодится; ну и довольно.

— Такъ ты не сердись?

— За что же? Ты умно дѣлаешь, что запасаешься нѣкоторыми необходимыми для тебя вещами. Все это потомъ тебѣ пригодится. Я вижу, что тебѣ дѣйствительно нужно поставить себя на такую ногу; иначе милліона не наживешь. Тутъ наши сто тысячъ франковъ только начало, капля въ морѣ.

Blanche, всего менѣе ожидавшая отъ меня такихъ разсужденій (вмѣсто криковъ-то, да попрековъ!) точно съ неба упала.

— Такъ ты... такъ ты вотъ какой! Mais tu as l'esprit pour comprendre! Sais tu, mon garçon, хотъ ты и учитель, — но ты долженъ былъ родиться принцемъ! Такъ ты не жалѣешь, что у насъ деньги скоро идутъ?

— Ну ихъ, поскорѣй бы ужъ!

— Mais... sais tu... mais dis donc, развѣ ты богатъ? Mais sais tu, вѣдь ты ужъ слишкомъ презираешь деньги. Qu'est ce que tu feras après, dis donc?

— Après, поѣду въ Гомбургъ и еще выиграю сто тысячъ франковъ.

— Oui, oui, c'est ça, c'est magnifique! И я знаю, что ты непременно выиграешь и привезешь сюда. Dis donc, да ты сдѣлаешь, что я тебя и въ самомъ дѣлѣ полюблю! Eh bien, за то, что ты такой, я тебя буду все это время любить, и не сдѣлаю тебѣ ни одной невѣрности. Видишь, въ это время я хотъ и не любила тебя, parce que je croyais, que tu n'est qu'un outchitel (quelque chose comme un laquais, n'est-ce-pas?), но я все-таки была тебѣ вѣрна, parce que je suis bonne fille.

— Ну, и врешь! А съ Альбертомъ-то, съ этимъ офицериншкою черномазымъ, развѣ я не видалъ прошлый разъ?

— Oh, oh, mais tu es...

— Ну, врешь, врешь; да ты что думаешь, что я сержусь? Да наплевать; il faut que jeunesse se passe. Не прогнать же тебѣ его, коли онъ былъ прежде меня, и ты его любишь. Только ты ему денегъ не давай, слышишь?

— Такъ ты и за это не сердись? Mais tu es un vrais philosophe, sais tu? Un vrais philosophe! вскричала она въ восторгъ. Eh bien je t'aimerai, je t'aimerai—tu veras, tu sera content!

И дѣйствительно, съ этихъ поръ она ко мнѣ даже какъ-будто въ самомъ дѣлѣ привязалась, даже дружески, и такъ прошли наши послѣдніе десять дней. Обѣщанныхъ «звѣздъ» я не видалъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она и въ самомъ дѣлѣ сдержала слово. Сверхъ того она познакомила меня съ Hortense, которая была слишкомъ даже замѣчательная въ своемъ родѣ женщина и въ нашемъ кружкѣ называлась Thérèse philosophe...

Впрочемъ, нечего объ этомъ распространяться; все это могло бы составить особый разсказъ, съ

особымъ колоритомъ, который я не хочу вставлять въ эту повѣсть. Дѣло въ томъ, что я всѣми силами желалъ, чтобъ все это поскорѣе кончилось. Но нашихъ ста тысячъ франковъ хватило, какъ я уже сказалъ, почти на мѣсяцъ,—чему я искренно удивлялся: по крайней мѣрѣ на восемьдесятъ тысячъ, изъ этихъ денегъ, Blanche накупила себѣ вещей и мы прожили никакъ не болѣе двадцати тысячъ франковъ, и — все-таки достало. Blanche, которая подъ конецъ была уже почти откровенна со мной (по крайней мѣрѣ кое въ чемъ не врала мнѣ), призналась, что, по крайней мѣрѣ, на меня не падаютъ долги, которые она принуждена была сдѣлать: «я тебѣ не давала подписывать счетовъ и векселей, говорила она мнѣ,—потому что жалѣла тебя; а другая бы непременно это сдѣлала и уходила бы тебя въ тюрьму. Видишь, видишь, какъ я тебя любила, и какая я добрая! Одна эта чортова свадьба чего будетъ мнѣ стоить!

У насъ дѣйствительно была свадьба. Случилась она уже въ самомъ концѣ нашего мѣсяца и надо предположить, что на нее ушли самыя послѣднія подонки моихъ ста тысячъ франковъ; тѣмъ дѣло и кончилось, т. е. тѣмъ нашъ мѣсяцъ кончился и, я послѣ этого формально вышелъ въ отставку.

Случилось это такъ: недѣлю спустя послѣ нашего водворенія въ Парижѣ, пріѣхалъ генераль. Онъ прямо пріѣхалъ къ Blanche, и съ перваго же визита почти у насъ и остался. Квартирка гдѣ-то, правда, у него была своя. Blanche встрѣтила его радостно, съ визгами и хохотомъ, и даже бросилась его обнимать; дѣло обошлось такъ, что ужъ она сама его не отпускала и онъ всюду долженъ былъ слѣдовать за нею: и на бульварѣ, и на катаньяхъ, и въ театрѣ, и по знакомымъ. На это употребленіе генераль еще годился; онъ былъ довольно сановитъ и приличенъ,—росту почти высокаго, съ крашеными бакенами и усищами (онъ прежде служилъ въ кирасирахъ), съ лицомъ виднымъ, хотя нѣсколько и обрюзглымъ. Манеры его были превосходныя, фракъ онъ носилъ очень ловко. Въ Парижѣ онъ началъ носить свои ордена. Съ этимъ—пройтись по бульвару было не только возможно, но, если такъ можно выразиться, даже *рекомендательно*. Добрый и безтолковый генераль былъ всѣмъ этимъ ужасно доволенъ; онъ совсѣмъ не на это разсчитывалъ, когда къ намъ явился по пріѣздѣ въ Парижъ. Онъ явился тогда, чуть не дрожа отъ страха; онъ думалъ, что Blanche закричитъ и велитъ его прогнать; а потому, при такомъ оборотѣ дѣла, онъ пришолъ въ восторгъ, и весь этотъ мѣсяцъ пробылъ въ какомъ-то бессмысленно-восторженномъ состояніи; да такимъ я его и оставилъ. Уже здѣсь я узналъ въ подробности, что послѣ тогдашняго внезапнаго отъѣзда нашего изъ Рулетенбурга, съ нимъ случилось, въ то же утро, что то въ родѣ припадка. Онъ упалъ безъ чувствъ, а потомъ всю недѣлю былъ почти какъ сумасшедшій и заговаривался. Его лечили, но вдругъ онъ все бросилъ, сѣлъ въ вагонъ и при-

катиъ въ Парижъ. Разумѣется, приѣмъ Blanche оказался самымъ лучшимъ для него лекарствомъ; но признаки болѣзни оставались долго спустя, не смотря на радостное и восторженное его состояніе. Разсуждать, или даже только вести кой-какъ немного серьезный разговоръ, онъ ужъ совершенно не могъ; въ такомъ случаѣ онъ только приговаривалъ ко всякому слову: «Гмъ!» и кивалъ головой,—тѣмъ и отдѣлывался. Часто онъ смѣлся, но какимъ-то нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ, точно закатывался; другой разъ, сидитъ по цѣлымъ часамъ пасмурный, какъ ночь, нахмуривъ свои густыя брови. Многого онъ совсѣмъ даже и не припоминалъ; сталъ до безобразія разсѣянъ и взявъ привычку говорить самъ съ собой. Только одна Blanche могла оживлять его; да и припадки пасмурнаго, угрюмаго состоянія, когда онъ забивался въ уголь, означали только то, что онъ давно не видѣлъ Blanche, или что Blanche куда нибудь уѣхала, а его съ собой не взяла, или, уѣзжая, не приласкала его. При этомъ онъ самъ не говорилъ бы, чего ему хочется, и самъ не зналъ, что онъ пасмуренъ и грустенъ. Просидѣвъ часъ или два, (я замѣчалъ это раза два, когда Blanche уѣзжала на цѣлый день, вѣроятно къ Альберту), онъ вдругъ начинаеть озираться, суетиться, оглядывается, припоминаеть и какъ будто хочеть кого то сыскать; но не видя никого, и такъ и не припомявъ о чемъ хотѣлъ спросить, онъ опять впадалъ въ забытье до тѣхъ поръ, пока вдругъ не являлась Blanche, веселая, рѣзвая, разодѣтая, съ своимъ звонкимъ хохотомъ; она подбѣгала къ нему, начинала его тормошить и даже цѣловала,—чѣмъ впрочемъ рѣдко его жаловала. Разъ генералъ до того ей обрадовался, что даже заплакалъ,—я даже подивился.

Blanche, съ самаго его появленія у насъ, начала тотчасъ же за него предо мною адвокатствовать. Она пускалась даже въ краснорѣчіе; напоминала, что она пзмѣнила генералу изъ-за меня, что она была почти ужъ его невѣстою, слово дала ему; что изъ-за нея онъ бросилъ семейство и что наконецъ я служилъ у него и долженъ бы это чувствовать, и что—какъ мнѣ не стыдно... Я все молчалъ, а она ужасно тараторила. Наконецъ я разсмѣялся, и тѣмъ дѣло и кончилось, то есть сперва она подумала, что я дуракъ, а подъ конецъ установилась на мысли, что я очень хорошій и складной человѣкъ. Однимъ словомъ, я имѣлъ счастье рѣшительно заслужить подъ конецъ полное благо-расположеніе этой достойной дѣвицы; (Blanche, впрочемъ, была и въ самомъ дѣлѣ предобрѣйшая дѣвушка,—въ своемъ только родѣ, разумѣется; я ее не такъ цѣнилъ сначала).—«Ты умный и добрый человѣкъ, говаривала она мнѣ подъ конецъ,—и... и... жаль только, что ты такой дуракъ! Ты ничего, ничего не паживешь!

«Un vrai russe, un calinouk!» — Она нѣсколько разъ посылала меня прогуливать по улицамъ генерала, точъ въ точъ съ лакеемъ свою левретку. Я,

впрочемъ, водилъ его и въ театръ, и въ Bal-Mabile, и въ рестораны. На это Blanche выдавала и деньги, хотя у генерала были и свои, и онъ очень любилъ вынимать бумажникъ при людяхъ. Однажды я почти долженъ былъ употребить силу, чтобы не дать ему купить брошку въ семьсотъ франковъ, которую онъ прельстился въ Палероялѣ и которую, во что бы то ни стало, хотѣлъ подарить Blanche. Ну, что ей была брошка въ семьсотъ франковъ? У генерала и всѣхъ то денегъ было не болѣе тысячи франковъ. Я никогда не могъ узнать, откуда онъ у него явился? Полагаю, что отъ мистера Астлея, тѣмъ болѣе, что тотъ въ отелѣ за нихъ заплатилъ. Что же касалось до того, какъ генералъ все это время смотрѣлъ на меня, то мнѣ кажется, онъ даже и недогадывался о моихъ отношеніяхъ къ Blanche. Онъ хотъ и слышалъ какъ то смутно, что я выигралъ капиталъ, по навѣрное полагалъ, что я у Blanche въ родѣ какого нибудь домашняго секретаря или даже, можетъ быть, слуги. По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ со мной постоянно свысока по прежнему, по начальнически, и даже пускался меня иной разъ распекать. Однажды, онъ ужасно насмѣшилъ и меня и Blanche, у насъ, утромъ, за утреннимъ кофе. Человѣкъ онъ былъ не совсѣмъ обидчивый; а тутъ вдругъ обидѣлся на меня, за что?—до сихъ поръ не понимаю. Но, конечно, онъ и самъ не понималъ. Однимъ словомъ, онъ завелъ рѣчь безъ начала и конца, à batons-rompus, кричалъ, что я мальчишка, что онъ научить... что онъ дастъ понять... и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но никто ничего не могъ понять. Blanche заливалась-хохотала; наконецъ его кое-какъ успокоили и увели гулять. Много разъ я замѣчалъ, впрочемъ, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то не доставало ему, не смотря даже на присутствіе Blanche. Въ эти минуты онъ самъ пускался раза два со мною заговаривать, но никогда толкомъ не могъ объясниться, вспоминалъ про службу, про покойницу жену, про хозяйство, про пмѣніе. Нападетъ на какое нибудь слово—и обрадуется ему, и повторяеть его сто разъ на дню, хотя оно вовсе не выражаетъ ни его чувствъ, ни его мыслей. Я пробовалъ заговаривать съ нимъ о его дѣтяхъ; но онъ отдѣлывался прежнею скороговоркою, и переходилъ поскорѣе на другой предметъ: «Да—да! дѣти—дѣти, вы правы, дѣти!» Однажды только онъ разчувствовался,—мы или съ нимъ въ театръ: «Это несчастныя дѣти! заговорилъ онъ вдругъ,—да, сударь, да, это не-с-счастливыя дѣти!» И потомъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ повторялъ слова: несчастныя дѣти! Когда я разъ заговорилъ о Полпнѣ, онъ пришелъ даже въ ярость: «это неблагодарная женщина, воскликнулъ онъ,—она зла и неблагодарна! Она оскрамила семью! Еслибъ здѣсь были законы, я бы ее въ бараній рогъ согнулъ! Да-съ, да-съ!» Что же касается до Де-Грие, то онъ даже и имени его слышать не могъ: «онъ погубилъ меня,—говорилъ онъ,—онъ обокралъ меня, онъ меня зарѣзалъ! Это былъ мой-

кошмаръ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ! Онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду мнѣ во снѣ снился! Это — это, это... О, не говорите мнѣ о немъ никогда!»

Я видѣлъ, что у нихъ что-то идетъ на ладъ, но молчалъ по обыкновенію. Blanche объявила мнѣ первая: это было ровно за недѣлю до того, какъ мы разстались: — «Il a du chance, тараторила она мнѣ: babouchka теперь дѣйствительно ужь больна и непременно умереть. Мистеръ Астлей прислалъ телеграмму; согласись, что все-таки онъ наслѣдникъ ея. А если бѣ даже и нѣтъ, то онъ ничему не помѣшаетъ. Во-первыхъ, у него есть свой пенсіонъ, а во вторыхъ, онъ будетъ жить въ боковой комнатѣ и будетъ совершенно счастливъ. Я буду «Madame la générale». Я войду въ хорошій кругъ, (Blanche мечтала объ этомъ постоянно), впоследствии буду русской помѣщицей, j'aurai un château, des moujiks, et puis j'aurai toujours mon million.

— Ну, а если онъ начнетъ ревновать, будетъ требовать... Богъ знаетъ чего, — понимаешь?

— О нѣтъ, поп, поп, поп! какъ онъ смѣетъ! Я взяла мѣры, не безпокойся. Я ужь заставила его подписать нѣсколько векселей на имя Альберта. Чуть что — и онъ тотчасъ же будетъ наказанъ; да и не посмѣетъ!

— Ну выходи...

Свадьбу сдѣлали безъ особеннаго торжества, семейно и тихо. Приглашены были Альбертъ и еще кое-кто изъ близкихъ. Hortense, Cléopâtre и прочія были рѣшительно отстранены. Женихъ чрезвычайно интересовался своимъ положеніемъ. Blanche сама повязала ему галстухъ, сама его напмадила, и въ своемъ фракѣ, и въ бѣломъ жилетѣ, онъ смотрѣлъ très comme il faut.

— «Il est pourtant très comme il faut», — объявила мнѣ сама Blanche, выходя изъ комнаты генерала, какъ будто идея о томъ, что генералъ très comme il faut, даже ее самое поразила. Я такъ мало выискалъ въ подробности, участвуя во всемъ въ качествѣ такого лѣниваго зрителя, что многое и забылъ, какъ это было. Помню только, что Blanche оказалась вовсе не de-Cominges, равно, какъ и мать ея — вовсе не veuve Cominges, — а du-Placet. Почему онѣ были обѣ de-Cominges до сихъ поръ — не знаю. Но генералъ и этимъ остался очень доволенъ и du-Placet ему даже больше понравилась, чѣмъ de-Cominges. Въ утро свадьбы, онъ, уже со всѣмъ одѣтый, все ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и все повторялъ про себя, съ необыкновенно серьезнымъ и важнымъ видомъ: «Mlle Blanche du-Placet! Blanche du-Placet! du-Placet! Дѣвица Бланка Дю-Пласетъ!... и нѣкоторое самодовольствіе сіяло на его лицѣ. Въ церкви, у мэра и дома за закуской, онъ былъ не только радостенъ и доволенъ, но даже гордъ. Съ ними съ обоими что-то случилось. Blanche стала смотрѣть тоже съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

— «Мнѣ теперь нужно совершенно иначе держать себя», — сказала она мнѣ чрезвычайно серьез-

но; — mais, vois-tu, я и не подумала объ одной прегадкой вещи: вообрази, я до сихъ поръ не могу заучить мою теперешнюю фамилію: Загорьянскій, Загорзянскій, M-me la générale de-Sago—Sago, ces diables des noms russes, enfin Madame la générale à quatorze consonnes! comme c'est agréable, n'est ce pas?

Наконецъ мы разстались, и Blanche, эта глухая Blanche, даже прослезилась, прощаясь со мною. — «Tu étais bon enfant, говорила она хныча. Je te croyais bête et tu en avais l'air, но это къ тебѣ идетъ.» И ужь пожавъ мнѣ руку окончательно, она вдругъ воскликнула: «Attends! бросилась въ свой будуаръ и чрезъ минуту вынесла мнѣ два тысяче-франковыхъ билета. Этому я ни за что бы не повѣрилъ! — Это тебѣ пригодится, ты можешь быть очень ученый outhitel, но ты ужасно глупый человекъ. Больше двухъ тысячъ я тебѣ ни за что не дамъ, потому что ты — все равно проиграешь. Ну, прощай! Nous serons toujours bons amis, а если опять выиграешь, непременно приѣзжай ко мнѣ, et tu seras heureux!

У меня, у самого, оставалось еще франковъ пятьсотъ; кромѣ того, есть великолѣпные часы въ тысячу франковъ, брилліантовые запонки и прочее, такъ что можно еще протянуть довольно долгое время, ни о чемъ не заботясь. Я нарочно засѣлъ въ этомъ городишкѣ, чтобъ собраться, а, главное, жду мистера Астлея. Я узналъ навѣрное, что онъ будетъ здѣсь проѣзжать и остановится на сутки, по дѣлу. Узнаю обо всемъ... а потомъ, — потомъ прямо въ Гомбургъ. Въ Рулетенбургъ не поѣду, развѣ на будущій годъ. Дѣйствительно, говорятъ, дурная примѣта пробовать счастья два раза сряду за однимъ и тѣмъ же столомъ, а въ Гомбургѣ самая настоящая-то игра и есть.

ГЛАВА XVII.

Вотъ уже годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ я не заглядывалъ въ эти записки, и теперь только, отъ тоски и горя, вздумалъ развлечь себя и случайно перечелъ ихъ. Такъ на томъ и оставилъ тогда, что поѣду въ Гомбургъ. Боже! съ какимъ, сравнительно говоря, легкимъ сердцемъ я написалъ тогда эти послѣднія строчки! То есть не то, чтобъ съ легкимъ сердцемъ, — а съ какою самоувѣренностью, съ какими непоколебимыми надеждами! Сомнѣвался ли я хоть сколько нибудь въ себѣ? И вотъ полтора года слишкомъ прошли, и я, по моему, гораздо хуже, чѣмъ нищій! Да что нищій! Наплевать на нищенство! Я просто сгубилъ себя! Впрочемъ, не съ чѣмъ почти и сравнивать, да и нечего себѣ мораль читать! Ничего не можетъ быть нелицѣ морали въ такое время! О, самодовольные люди: съ какимъ гордымъ самодовольствомъ готовы эти болтуны читать свои сентенціи! Еслибъ они знали, до какой степени я самъ понимаю всю омерзительность теперешняго моего состоянія, то,

конечно, уж не повернулся бы у них языкъ учить меня. Ну, что, что могутъ они мнѣ сказать поваго, чего я не знаю? И развѣ въ этомъ дѣло? Тутъ дѣло въ томъ, что — одинъ оборотъ колеса и все измѣняется и эти же самые моралисты первые (я въ этомъ увѣренъ) придутъ съ дружескими шутками поздравлять меня. И не будутъ отъ меня всѣ такъ отворачиваться, какъ теперь. Да наплювать на нихъ на всѣхъ! Что я теперь? зѣго. Чѣмъ могу быть завтра? Я завтра могу изъ мертвыхъ воскреснуть и вновь начать жить! Человѣка могу обрести въ себѣ, пока еще онъ не пропалъ!

Я дѣйствительно тогда поѣхалъ въ Гомбургъ, но... я былъ потомъ и опять въ Рулетенбургъ, былъ и въ Спа, былъ даже и въ Баденъ, куда я ѣздилъ камердинеромъ совѣтника Гинце, мерзавца и бывшего моего здѣшняго барина. Да, я былъ и въ лакеяхъ, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! Это случилось сейчасъ послѣ тюрьмы. (Я вѣдь сидѣлъ и въ тюрьмѣ въ Рулетенбургѣ, за одинъ здѣшній долгъ. Незвѣстный человѣкъ меня выкупилъ, — кто такой? Мистеръ Астлей? Полина? Не знаю, но долгъ былъ заплаченъ, всего двѣсти талеровъ, и я вышелъ на волю. Куда мнѣ было дѣваться? Я и поступилъ къ этому Гинце. Онъ человѣкъ молодой и вѣтренный, любить полѣниться, а я умѣю говорить и писать на трехъ языкахъ. Я сначала поступилъ къ нему чѣмъ-то въ родѣ секретаря, за тридцать гульденовъ въ мѣсяцъ; но кончилъ у него настоящимъ лакействомъ: держать секретаря ему стало не по средствамъ и онъ мнѣ сбавилъ жалованье; мнѣ же некуда было идти, я остался — и такимъ образомъ самъ собою обратился въ лакея. Я не доѣдалъ и не допивалъ на его службѣ, но за то накопилъ въ пять мѣсяцевъ семьдесятъ гульденовъ. Однажды, вечеромъ, въ Баденѣ, я объявилъ ему, что желаю съ нимъ разстаться; въ тотъ же вечеръ я отправился на рулетку. О, какъ стучало мое сердце! Нѣтъ, не деньги мнѣ были дороги! Тогда — мнѣ только хотѣлось, чтобъ завтра же всѣ эти Гинце, всѣ эти обсеркельнеры, всѣ эти великолѣпныя баденскія дамы, — чтобъ всѣ они говорили обо мнѣ, рассказывали мою исторію, удивлялись мнѣ, хвалили меня и преклонялись предъ моимъ новымъ выигрышемъ. Все это дѣтскія мечты и заботы, но... кто знаетъ: можетъ быть, я повстрѣчался бы и съ Полиной, а бы ей рассказалъ и она бы увидѣла, что я выше всѣхъ этихъ нелѣпыхъ толчковъ судьбы... О, не деньги мнѣ дороги! Я увѣренъ, что разбросалъ бы ихъ опять какой нибудь *Blanche* и опять ѣздилъ бы въ Парижѣ три недѣли, на парѣ собственныхъ лошадей въ шестнадцать тысячъ франковъ. Я вѣдь навѣрное знаю, что я не скупъ; я даже думаю, что я расточителенъ, — а между тѣмъ, однакожъ, съ какимъ трепетомъ, съ какимъ зампианіемъ сердца я выслушиваю крикъ крупера: *trente et un, rouge, impair et passe, или: quatre, noir, pair et manque!* Съ какою алчностью смотрю я на игорный столъ, по которому разбросаны лундоры, фридрихсдоры и талеры, на столбики зо-

лота, когда они отъ лопатки крупера разсыпаются въ горящія, какъ жаръ, кучи, или на длинные въ аршинъ столбы серебра, лежащія вокругъ колеса. Еще подходя къ игорной залѣ, за двѣ комнаты, только что я заслышу дзеньканье пересыпающихся денегъ, — со мною почти дѣлаются судороги.

О, тотъ вечеръ, когда я понесъ мои семьдесятъ гульденовъ на игорный столъ, тоже былъ замѣчательнъ. Я началъ съ десяти гульденовъ и опять съ *rasse*. Къ *rasse* я имѣю предразсудокъ. Я проигралъ. Оставалось у меня шестьдесятъ гульденовъ серебряною монетою; я подумалъ — и предпочелъ зѣго. Я сталъ разомъ ставить на зѣго по пяти гульденовъ; съ третьей ставки вдругъ выходить зѣго; я чуть не умеръ отъ радости, получивъ сто семьдесятъ пять гульденовъ; когда я выигралъ сто тысячъ гульденовъ, я не былъ такъ радъ. Тотчасъ же я поставилъ сто гульденовъ на *rouge*, — дала; всѣ двѣсти на *rouge* — дала; всѣ четыреста на *noir* — дала; всѣ восемьсотъ на *manque*, — дала; считая съ прежнимъ, было тысяча семьсотъ гульденовъ и это — менѣе, чѣмъ въ пять минутъ! Да, въ эдакія-то мгновенія забываешь и всѣ прежнія неудачи! Вѣдь я добылъ это болѣе, чѣмъ жизнію рискуя, осмѣлился рискнуть и — вотъ, я опять въ числѣ человѣковъ!

Я занялъ номеръ, заперся, и часовъ до трехъ сидѣлъ и считалъ свои деньги. На утро я проснулся уж не лакеемъ. Я рѣшилъ въ тотъ же день выѣхать въ Гомбургъ: тамъ я не служилъ въ лакеяхъ и въ тюрьмѣ не сидѣлъ. За полчаса до поѣзда, я отправился поставить двѣ ставки, не болѣе, и проигралъ полторы тысячи флориновъ. Однако же все-таки переѣхалъ въ Гомбургъ и вотъ уже мѣсяцъ, какъ я здѣсь...

Я, конечно живу, въ постоянной тревогѣ, играю по самой маленькой и чего то жду, рассчитываю, стою по цѣлымъ днямъ у игорнаго стола и *наблюдаю* игру, даже во снѣ вижу игру, — но при всемъ этомъ мнѣ кажется, что я какъ будто одеревенѣлъ, точно застрявъ въ какой-то тинѣ. Заключаю это по впечатлѣнію при встрѣчѣ съ мистеромъ Астлеемъ. Мы не видались съ того самого времени и встрѣтились нечаянно; вотъ какъ это было. Я шелъ въ садъ и рассчитывалъ, что теперь я почти безъ денегъ, но что у меня есть пятьдесятъ гульденовъ, — кромѣ того въ отелѣ, гдѣ я занимаю каморку, я третьяго дня совсѣмъ расплатился. И такъ, мнѣ остается возможность одинъ только разъ пойти теперь на рулетку, — если выиграю хоть что нибудь, можно будетъ продолжать игру; если проиграю — надо опять идти въ лакеи, въ случаѣ, если не найду сейчасъ русскихъ, которымъ бы понадобился учитель. Занятый этою мыслью, я пошелъ, моею ежедневною прогулкою чрезъ паркъ и чрезъ лѣсъ, въ сосѣднее княжество. Иногда я выхаживалъ такимъ образомъ часа по четыре и возвращался въ Гомбургъ усталый и голодный. Только что вышелъ я изъ сада въ паркъ, какъ вдругъ, на скамейкѣ, увидѣлъ мистера Астлея.

Онъ первый меня замѣтилъ и окликнулъ меня. Я сѣлъ подлѣ него. Замѣтивъ же въ немъ нѣкоторую важность, я тотчасъ же умѣрилъ мою радость; а то я было ужасно обрадовался ему.

— Итакъ вы здѣсь! Я такъ и думалъ, что васъ повстрѣчаю,—сказалъ онъ мнѣ. Не безпокойтесь рассказывать; я знаю, я все знаю; вся ваша жизнь въ эти годъ и восемь мѣсяцевъ мнѣ извѣстна.

— Б! вотъ какъ вы слѣдите за старыми друзьями! отвѣтилъ я. Это дѣлаетъ вамъ честь, что не забываете... Пойдите однако-жъ, вы даете мнѣ мысль — не вы ли выкупили меня изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ за долгъ въ двѣсти гульденовъ! Меня выкупилъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, о нѣтъ; я не выкупалъ васъ изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ вы сидѣли за долгъ въ двѣсти гульденовъ, но я зналъ, что вы сидѣли въ тюрьмѣ, за долгъ въ двѣсти гульденовъ.

— Значить, все-таки знаете, кто меня выкупилъ?

— О нѣтъ, не могу сказать, что знаю, кто васъ выкупилъ.

— Странно; нашимъ русскимъ я никому неизвѣстенъ, да русскіе здѣсь, пожалуй, и не выкупятъ; это у насъ тамъ, въ Россіи, православные выкупаютъ православныхъ. А я такъ и думалъ, что какой нибудь чужацъ-англичанинъ, изъ странности.

Мистеръ Астлей слушалъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Онъ, кажется, думалъ найти меня унылымъ и убитымъ.

— Однако-жъ, я очень радуюсь, видя васъ совершенно сохранившимъ всю независимость вашего духа и даже веселость,—произнесъ онъ съ довольно непріятнымъ видомъ.

— То есть, внутри себя вы скрыпите отъ досады, зачѣмъ я не убить и не униженъ, сказалъ я, смѣясь.

Онъ не скоро понялъ, но, понявъ, улыбнулся.

— Мнѣ нравятся ваши замѣчанія. Я узнаю въ этихъ словахъ моего прежняго, умнаго, стараго, восторженнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, циническаго друга; одни русскіе могутъ въ себѣ совмѣщать, въ одно и тоже время, столько противоположностей. Дѣйствительно, человекъ любитъ видѣть лучшаго своего друга въ униженіи предъ собою; на униженіи основывается большею частью дружба; и это старая, извѣстная всѣмъ умнымъ людямъ истина. Но, въ настоящемъ случаѣ, увѣряю васъ, я искренно радъ, что вы не унываете. Скажите, вы не намѣрены бросить игру?

— О, чортъ съ ней! Тотчасъ же брошу, только бы...

— Только бы теперь отыграться? Такъ я и думалъ; не договаривайте — знаю, — вы это сказали нечаянно, слѣдственно сказали правду. Скажите, кромѣ игры вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Да, ничѣмъ...

Онъ сталъ меня экзаменовать. Я ничего не зналъ, я почти не заглядывалъ въ газеты, и положитель-

но во все это время не развѣтывалъ ни одной книги.

— Вы одеревенѣли, замѣтилъ онъ,—вы не только отказались отъ жизни, отъ интересовъ своихъ и общественныхъ, отъ долга гражданина и человека, отъ друзей своихъ (а они все-таки у васъ были), — вы не только отказались отъ какой бы то ни было цѣли, кромѣ выигрыша, — вы даже отказались отъ воспоминаній своихъ. Я помню васъ въ горячую и сильную минуту вашей жизни; но я увѣренъ, что вы забыли всѣ лучшія тогдашнія впечатлѣнія ваши; ваши мечты, ваши теперешнія, самыя насущныя желанія не идутъ дальше *pair и impair, rouge, noir*, двѣнадцать среднихъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, я увѣренъ!

— Довольно, мистеръ Астлей, пожалуйста, пожалуйста не напоминайте, — вскричалъ я съ досадой, чуть не со злобой, — знайте, что я ровно ничего не забылъ; но я только на время выгналъ все это изъ головы, даже воспоминанія, — до тѣхъ поръ, покажеться не поправлю радикально мои обстоятельства; тогда... тогда вы увидите, я воскресну изъ мертвыхъ!

— Вы будете здѣсь еще чрезъ десять лѣтъ, сказалъ онъ. Предлагаю вамъ пари, что я напомнимъ вамъ это, если буду живъ, вотъ на этой же скамейкѣ.

— Ну, довольно, прервалъ я съ нетерпѣніемъ, — и чтобъ вамъ доказать, что я не такъ-то забывчивъ на прошлое, позвольте узнать: гдѣ теперь миссъ Полина? Если не вы меня выкупили, то ужъ навѣрно она. Съ самаго того времени я не имѣлъ о ней никакого извѣстія.

— Нѣтъ, о нѣтъ! Я не думаю, чтобы она васъ выкупила. Она теперь въ Швейцаріи и вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о миссъ Полинѣ, сказалъ онъ рѣшительно и даже сердито.

— Это значить, что и васъ она ужъ очень поразила! засмѣялся я невольно.

— Миссъ Полина — лучшее существо изъ всѣхъ наиболѣе достойныхъ уваженія существъ, но повторяю вамъ, вы сдѣлаете мнѣ великое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о миссъ Полинѣ. Вы ее никогда не знали, и ея имя въ устахъ вашихъ я считаю оскорбленіемъ нравственнаго моего чувства.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, вы не правы; да о чемъ же мнѣ и говорить съ вами кромѣ этого, разсудите? Вѣдь въ этомъ и состоятъ всѣ наши воспоминанія. Не безпокойтесь, впрочемъ, мнѣ не нужно никакихъ внутреннихъ, секретныхъ вашихъ дѣлъ... Я интересуюсь только, такъ сказать, внѣшнимъ положеніемъ миссъ Полины, одною только теперешнею наружною обстановкою ея. Это можно сообщить въ двухъ словахъ.

— Извольте, съ тѣмъ, чтобъ этими двумя словами было все покончено. Миссъ Полина была долго больна; она и теперь больна; нѣкоторое время она жила, съ моими матерью и сестрой, въ

сѣверной Англіи. Полгода назадъ ея бабка,—помните, та самая сумасшедшая женщина, померла и оставила, лично ей, семь тысячъ фунтовъ состоянія. Теперь миссъ Полина путешествуетъ вмѣстѣ съ семействомъ моей сестры, вышедшей замужъ. Маленькій братъ и сестра ея тоже обезпечены завѣщаніемъ бабки и учатся въ Лондонѣ. Генераль, ея отчимъ, мѣсяцъ назадъ умеръ въ Парижѣ отъ удара. M-me Blanche обходилась съ нимъ хорошо, но все, что онъ получилъ отъ бабки, успѣла перевести на себя... вотъ, кажется, и все.

— А Де-Гріе? Не путешествуетъ ли и онъ тоже въ Швейцаріи?

— Нѣтъ, Де-Гріе не путешествуетъ въ Швейцаріи и я не знаю, гдѣ Де-Гріе; кромѣ того, разъ навсегда, предупреждаю васъ избѣгать подобныхъ намековъ и неблагородныхъ сопоставленій, иначе вы будете непременно имѣть дѣло со мною.

— Какъ! не смотря на наши прежнія дружескія отношенія?

— Да, не смотря на наши прежнія дружескія отношенія.

— Тысячу разъ прошу извиненія, мистеръ Астлей. Но, позвольте однако-жь: тутъ нѣтъ ничего обиднаго и неблагороднаго; я вѣдь ни въ чемъ не виню миссъ Полину. Кромѣ того — французъ и русская барышня, говоря вообще — это такое сопоставленіе, мистеръ Астлей, которое не намъ съ вами разрѣшить или понять окончательно.

— Если вы не будете упоминать имя Де-Гріе вмѣстѣ съ другимъ именемъ, то я попросилъ бы васъ объяснить мнѣ, что вы подразумеваете подъ выраженіемъ: «французъ и русская барышня?» Что это за «сопоставленіе?» Почему тутъ именно французъ и непременно русская барышня?

— Видите, вы и заинтересовались. Но это длинная матерія, мистеръ Астлей. Тутъ много надо бы знать предварительно. Впрочемъ, это вопросъ важный — какъ ни смѣшно все это съ перваго взгляда. Французъ, мистеръ Астлей, это — законченная, красивая форма. Вы, какъ британецъ, можете съ этимъ быть несогласны; я, какъ русскій, тоже не согласенъ, ну, пожалуй, хоть изъ зависти; но наши барышни могутъ быть другаго мнѣнія. Вы можете находить Расина изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ; даже читать его навѣрное не станете. Я тоже нахожу его изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ, съ одной даже точки зрѣнія смѣшнымъ; но онъ прелестенъ, мистеръ Астлей и, главное, — онъ великій поэтъ, хотимъ или не хотимъ мы этого съ вами. Національная форма француза, т. е. парижанина, стала слагаться въ изящную форму, когда еще мы были медвѣдями. Революція наслѣдовала дворянству. Теперь самый пошлѣйшій французика можетъ имѣть манеры, приемы, выраженія и даже мысли вполне изящной формы, не участвуя въ этой формѣ ни своею инициативою, ни душою, ни сердцемъ; все это досталось ему по наслѣдству. Сами собою, они могутъ быть пустѣе пустѣйшаго и подлѣе подлѣй-

шаго. Ну-съ, мистеръ Астлей, сообщу вамъ теперь, что нѣтъ существа въ мірѣ довѣрчивѣе и откровеннѣе доброй, умненькой и не слишкомъ изломанной русской барышни. Де-Гріе, являсь въ какойнибудь роли, являсь замаскированнымъ, — можетъ завоевать ея сердце съ необыкновенною легкостью; у него есть изящная форма, мистеръ Астлей, и барышня принимаетъ эту форму за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наслѣдству. Къ величайшей вашей непріятности, я долженъ вамъ признаться, что англичане, большею частью, — угловаты и неизящны, а русскіе довольно чутко умѣютъ различать красоту и на нее падки. Но, чтобы различать красоту души и оригинальность личности, для этого нужно несравненно болѣе самостоятельности и свободы, чѣмъ у нашихъ женщинъ; тѣмъ болѣе барышень, — и ужъ, во всякомъ случаѣ, больше опыта. Миссъ Полинѣ-же, — простите, сказаннаго — не воротись, — нужно очень, очень долгое время рѣшаться, чтобы предпочесть васъ мерзавцу Де-Гріе. Она васъ и оцѣнитъ, станетъ вашимъ другомъ, откроетъ вамъ все свое сердце: но въ этомъ сердцѣ все таки будетъ царить ненавистный мерзавецъ, скверный и мелкій процентщикъ Де-Гріе. Это даже останется, такъ сказать, изъ одного упрямства и самолюбія, потому что тотъ же самый Де-Гріе явился ей когда то въ ореолѣ изящнаго маркиза, разочарованнаго либерала и раззорившагося (будто бы?) помогая ея семейству и легкомысленному генералу. Всѣ эти продѣлки открылись послѣ. Но это ничего, что открылись: все-таки подавайте ей теперь прежняго Де-Гріе, — вотъ чего ей надо! И чѣмъ больше ненавидитъ она теперешняго Де-Гріе, тѣмъ больше тоскуетъ о прежнемъ, хоть прежній и существовалъ только въ ея воображеніи. Вы сахароваръ, мистеръ Астлей?

— Да, я участвую въ компаніи извѣстнаго сахарнаго завода Ловель и Комп.

— Ну, вотъ видите, мистеръ Астлей. Съ одной стороны сахароваръ, а съ другой — Аполлонъ Бельведерскій; все это какъ-то не связывается. А я даже и не сахароваръ; я просто мелкій игрокъ на рулеткѣ, и даже въ лакеяхъ былъ, что навѣрное уже извѣстно миссъ Полинѣ, потому что у ней, кажется, хорошая полиція.

— Вы озлоблены, а потому и говорите весь этотъ вздоръ, — хладнокровно и подумавъ сказалъ мистеръ Астлей. Кромѣ того, въ вашихъ словахъ нѣтъ оригинальности.

— Согласенъ! Но въ томъ-то и ужасъ, благородный другъ мой, что всѣ эти мои обвиненія, какъ ни устарѣли, какъ ни пошлы, какъ ни водевильны, — а все-таки истинны! Все-таки мы съ вами ничего не добились!

— Это гнусный вздоръ... потому, потому... знайте же! произнесъ мистеръ Астлей дрожащимъ голосомъ и сверкая глазами, — знайте же, неблагодарный и недостойный, мелкій и несчастный чело-

вѣкъ, что я прибылъ въ Гомбургъ нарочно, по ея порученію, для того, чтобы увидѣть васъ, говорить съ вами долго и сердечно, и передать ей все,—ваши чувства, мысли, надежды и... воспоминанія!

— Неужелл! неужели? вскричалъ я, и слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Я не могъ сдержать ихъ, и это, кажется, было въ первый разъ въ моей жизни.

— Да, несчастный человѣкъ, она любила васъ и я могу вамъ это открыть, потому что вы—погибшій человѣкъ! Мало того, если я даже скажу вамъ, что она до сихъ поръ васъ любитъ, то—вѣдь вы все равно здѣсь останетесь! Да, вы погубили себя. Вы имѣли нѣкоторыя способности, живой характеръ и были человѣкъ не дурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое такъ нуждается въ людяхъ, но—вы останетесь здѣсь, и ваша жизнь кончена. Я васъ не виню. На мой взглядъ всѣ русскіе таковы, или склонны быть таковыми. Если не рулетка, такъ другое, подобное ей. Исключенія слишкомъ рѣдки. Не первый вы не понимаете, что такое трудъ (я не о народѣ вашемъ говорю). Рулетка—это игра по преимуществу русская. До сихъ поръ, вы были честны и скорѣе захотѣли пойти въ лакеи, чѣмъ воровать... но мнѣ страшно подумать, что можетъ быть въ будущемъ. Довольно, прощайте! Вы, конечно, нуждаетесь въ деньгахъ? Вотъ отъ меня вамъ десять лундоровъ, больше не дамъ, потому что вы ихъ, все равно, проиграете. Берите и прощайте! Берите-же!

— Нѣтъ, мистеръ Астлей, послѣ всего теперь сказаннаго...

— Берите-те! вскричалъ онъ.—Я убѣжденъ, что вы еще благородны и даю вамъ, какъ можетъ дать другъ истинному другу. Еслибъ я могъ быть увѣренъ, что вы сейчасъ же бросите игру, Гомбургъ и поѣдете въ ваше отечество,—я бы готовъ былъ немедленно дать вамъ тысячу фунтовъ для начала новой карьеры. Но я потому именно не даю тысячи фунтовъ, а даю только десять лундоровъ, что тысяча-ли фунтовъ, или десять лундоровъ—въ настоящее время для васъ совершенно одно и тоже; все одно — проиграете. Берите и прощайте.

— Возьму, если вы позволите себя обнять на прощанье.

— О, это съ удовольствіемъ!

Мы обнялись искренно и мистеръ Астлей ушелъ.

Нѣтъ, онъ не правъ! Если я былъ рѣзокъ и глухъ на счетъ Полины и Де-Гріе, то онъ рѣзокъ и скоръ на счетъ русскихъ. Про себя, я ничего не говорю. Впрочемъ... впрочемъ все это покажется не то: Все это слова, слова и слова, а надо дѣла! Тутъ теперь главное Швейцарія! Завтра же,—о, еслибъ можно было завтра же и отправиться! Вновь возродиться, воскреснуть. Надо имъ доказать... Пусть знаетъ Полина, что я еще могу быть человѣкомъ. Стоить только... теперь ужъ впрочемъ поздно,—но завтра... О, у меня предчувствіе, и это не можетъ быть иначе! У меня теперь пятнадцать лундоровъ, а я начиналъ и съ пятнадцатью гульденами! Если начать осторожно... — и неужели неужели ужъ я такой малый ребенокъ! Неужели я не понимаю, что я самъ погибшій человѣкъ. Но—почему-жъ я не могу воскреснуть. Да! стоитъ только хоть разъ въ жизни быть разсчетливымъ и терпѣливымъ и—вотъ и все! Стоитъ только хоть разъ выдержать характеръ, и я въ одинъ часъ могу всю судьбу измѣнить! Главное характеръ. Вспомнить только, что было со мною въ этомъ родѣ семь мѣсяцевъ назадъ въ Рулетенбургѣ, предъ окончательнымъ моимъ проигрышемъ. О, это былъ замѣчательный случай рѣшимости: я проигралъ тогда все; все... Выхожу изъ воксала, смотрю—въ жилетномъ карманѣ шевелится у меня еще одинъ гульденъ: «А, стало быть, будетъ на что пообѣдать!» подумалъ я, но, пройдя шаговъ сто, я передуналъ и воротился. Я поставилъ этотъ гульденъ на тапке (тотъ разъ было на тапке), и право есть что то особенное въ ощущеніи, когда одинъ, на чужой сторонѣ, далеко отъ родины, отъ друзей и не зная, что сегодня будешь ѣсть, ставишь послѣдній гульденъ, самый, самый послѣдній!» Я выигралъ и черезъ двадцать минутъ вышелъ изъ воксала, имѣя сто семьдесятъ гульденовъ въ карманѣ. Это фактъ-съ! Вотъ что можетъ иногда значить послѣдній гульденъ! А что, еслибъ я тогда упалъ духомъ, еслибъ я не посмѣлъ рѣшиться?... Завтра, завтра все кончится!—

ДВОЙНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА.

ГЛАВА I.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнулъ, потянулся и открылъ, наконецъ, совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, невольнѣ еще увѣренный, проснулся ли онъ или все еще спитъ, на яву ли, и въ дѣйствительности ли все, что около него теперь совершается, или—продолженіе его безпорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однакожъ, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватая, закопѣлая, пыльная стѣны его маленькой комнатки, его коммодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта, съ зелененькими цвѣточками и, наконецъ, вчера впопыхахъ снятое платье и брошенное коммодъ на диванѣ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридцатомъ царствѣ какомъ нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилаводной улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая его воротить на минутку. Но, черезъ минуту, онъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели, вѣроятно, попавъ наконецъ въ ту идею, около которой вертѣлись до сихъ поръ разсѣянные, неприведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоящему на коммодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ, заспанная, подслѣповатая и довольно оплѣшивѣвшая фигура была пменно та-

кого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ни чьего исключительнаго вниманія, но, по видимому, обладатель ея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ въ зеркалѣ. «Вотъ бы штука была», сказала господинъ Голядкинъ въ-полголоса: «вотъ бы штука была, еслибъ я сегодня манкировалъ въ чемъ нибудь, еслибъ вышло, напримѣръ, что нибудь не такъ,—прыщикъ тамъ какой нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая нибудь непріятность; впрочемъ, покаместъ не дурно; покаместъ все идетъ хорошо». Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, не смотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. По видимому, и то, что онъ отыскалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ,—заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки,—на цыпочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ наконецъ изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кой-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно,—и бережно и съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальній, потаенный карманъ его. Вѣроятно, пачка зелененькихъ, сѣрензкихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестрененькихъ бумажекъ тоже весьма привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій и, въ сотый разъ впрочемъ, считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетирая каждый

листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. «Семь сотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями!» окончилъ онъ наконецъ полушопотомъ. «Семьсотъ пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма», продолжалъ онъ дрожащимъ, немного ослабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: «это весьма пріятная сумма! Хоть кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ далеко повести человѣка...

— Однако, что же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ:— да гдѣ же Петрушка?—Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, заглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, непрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно то: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ.

— Черти бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ.—Эта лѣнивая бестія можетъ наконецъ вывести человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается? Въ справедливомъ негодованіи вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго коридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, крошечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочною кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то рассказывалъ, прочіе слушали. По видимому, ни тѣмъ разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. «Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина», подумалъ онъ про себя: «и продалъ, непременно продалъ, паріи готовъ держать, что ни за копейку продалъ. Ну, что?»...

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошелъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ кабинетъ барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нелзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и по видимому шитая на человѣка ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновенію ходить всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и по видимому остался доволенъ. Ливрея очевидно была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что, во

время осмотра, Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать пять, ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Волванъ! не можешь сказать принесли-съ. Давай ихъ сюда. Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлисъ хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро и приступилъ къ своему главному, окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно новыя; потомъ манишку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма яркими и пріятными цвѣточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстухъ, и наконецъ натянулъ вицъ-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасомъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне разсѣянъ, потому что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что слѣдовало, совершенно одѣвшись, г. Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги и бывшаго такимъ образомъ тоже въ совершенной готовности и, замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извозицья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извозникомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ, и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ *пошолъ!*, вскочилъ на запятки, и все это, съ шумомъ и громомъ, звеня и треща, покатилося на Невскій проспектъ. Только-что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ веселаго характера, которому удалось сыграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радѣхонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страннымъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налѣво прохожихъ, тотчасъ принимая приличный

и степенный видъ, какъ только замѣчалъ, что на него кто нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самаго непріятнаго ощущенія и, сморщась какъ бѣдняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ образомъ своего сотоварища; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на г. Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что, разумѣется, было весьма неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. «Что за мальчишки!» началъ онъ разсуждать самъ съ собою. «Ну что же такого тутъ страннаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрань! Я ихъ знаю,—просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь! Имъ бы только въ орлянку при жалованьѣ, да гдѣ нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужъ только...» Г. Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма знакомая г. Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже по видимому крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголокъ кареты, куда герой нашъ поспѣшилъ было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столоначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. Поклопиться, или нѣтъ? Отозваться, или нѣтъ? Признаться, или нѣтъ? думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я—да и только! говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. «Я, я ничего», шепталъ онъ черезъ силу, я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я—да и только». Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился. Однако, онъ все еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя.. «Дуракъ я былъ, что не отозвался», подумалъ онъ наконецъ, «слѣдовало бы

просто на смѣлую ногу и съ откровенностью, нелишенною благородства: — дескать такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только! Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что сръзался, герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ страшный вызывающій взглядъ въ передній уголокъ кареты, взглядъ такъ и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за спурокъ, привязанный къ локтю извозника-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ, на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственнаго же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, вслѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что духовникъ,—скрываться было бы глупо, а знать пациента его же обязанность. «Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это», продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пяти-этажнаго дома на Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: «такъ ли будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстати ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же», продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая бѣненіе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: «что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... Скрываться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ мимоѣздомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть».

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго нумера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

*Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ,
докторъ медицины и хирургіи.*

Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать своей физиономіи приличный, развязный, не безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за шнурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за шнурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно кстати разсудилъ, что не лучше ли завтра, и что теперь покамѣстъ надобности большой не имѣется. Но такъ какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, за одно, впрочемъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, позвонилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ, весьма здоровый, хотя уже и

пожилой человекъ, одаренный густыми сѣдѣющими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, по видимому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значительнымъ ордемомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ пациентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему геморроемъ, и выпроводивъ страдающаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ усѣлся, въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

По видимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на мгновение смутился и невольно выразилъ на лицѣ своемъ какую-то странную, даже, можно сказать, недовольную мину. Такъ какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то нехотѣли попадалъ и терлся въ тѣ мгновения, въ которыхъ случалось ему абордировать кого нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ, — впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но, вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сѣдѣлъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попросилъ было принести опраданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и наконецъ сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ того, этотъ взглядъ вполне выражалъ независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ничего, что онъ самъ по себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крикнулъ, по видимому въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбкою:—пришелъ васъ беспокоить вторично, и теперь вторично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ очевидно затруднился въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на

столъ:—но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномѣрно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣетъ, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что наконецъ у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ запнулся,

— Гм, нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой ли любитель веселой компаніи, пользуетесь ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм... я говорю, перебилъ докторъ:—что вамъ нужно коренное преобразованіе всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ смыслѣ переломить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на слово «переломить», и остановился на минуту съ весьма значительнымъ видомъ). Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома силѣтъ никакъ невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и очевидно ница словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей:—въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать: мой человекъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности; климатъ весьма нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смиренный человекъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм... вы говорите...

— Я говорю, чтобы вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полу-обиженнымъ тономъ, немного сби-

ваясь и путаясь.—Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою, — и много говорить не умѣю; придавать слогу красоту не учился. За то я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; за то я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм... Какъ же это... вы дѣйствуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. Затѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича:—я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть паркетъ лощить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-съ, и каламбуръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушенный нужно умѣть составлять-съ... вотъ что тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился, Крестьянъ Ивановичъ, — хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился; некогда было. Я человѣкъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ.— Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ вовсе не жалѣетъ о томъ, что владетъ въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ, съ весьма непріятной гримасой въ лицѣ, и какъ будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, сказалъ наконецъ Крестьянъ Ивановичъ вполголоса:—я, признаюсь вамъ, не могъ васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красно говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже вамъ имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм...

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначашимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ родѣ и останавливаясь на каждомъ пунктѣ:—Крестьянъ Ивановичъ! вошедши сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и опять прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нечего. Человѣкъ я маленький, сами вы знаете; но, къ счастью моему, не жалѣю о томъ, что я маленький человѣкъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ; и, чтобъ все

сказать, я даже горжусь тѣмъ, что небольшой человѣкъ, а маленький. Не интригантъ, — и этимъ тоже горжусь. Дѣйствую не втихомолку, а открыто, безъ хитростей, и хотя бы могъ вредить въ свою очередь и очень бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ, но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ!—Господинъ Голядкинъ на мгновеніе выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ герой:—прямо, открыто и безъ окольныхъ путей, потому что ихъ презираю, и представляю это другимъ. Не стараюсь унижить тѣхъ, которые, можетъ быть, насъ съ вами почтше... т. е., я хочу сказать насъ съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, я не хотѣлъ сказать съ вами. Полусловъ не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалую; клеветой и сплетней гнушаюсь. Маску надѣваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, какъ бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему, — тому, кого бы вы считали такимъ? заключилъ г. Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это до нельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣсивъ слова и разсчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но между тѣмъ, съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному пораженію господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресла къ столу, и довольно сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родѣ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ, но что все дальнѣйшее и до него некасающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку:—этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе не надобно...

А между тѣмъ, покамѣстъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-то странная перемѣна. Сѣрые глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна

Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно, какъ будто самъ не довѣряя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно странная сцена.

Пемного озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновение будто приросъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во все глаза господину Голядкину, который такимъ же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немного за лацканъ виц-мундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ образомъ оба, неподвижно, и не сводя глазъ другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно страннымъ образомъ разрѣшилось и второе движеніе господина Голядкина. Губы его затряслись, подбородокъ запрыгалъ и герой нашъ заплакалъ совсѣмъ неожиданно. Всклипывая, кивая головой, и ударяя себя въ грудь правой рукою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотѣлъ было онъ говорить и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ и слова сказать. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего изумленія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ наконецъ, стараясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ боязливо и шопотомъ.

— Полноте, полноте; что враги! не нужно враговъ поминать! это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьяна Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Послѣдовало долгое молчаніе.

— Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма благодаренъ, и весьма чувствую все, что вы для меня теперь сдѣлали. По гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ наконецъ господинъ Голядкинъ, съ обиженнымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! я вамъ говорю полноте! отвѣчалъ довольно строго Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что у васъ? расскажите мнѣ, что у васъ есть тамъ теперь непріятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ: — и о какихъ врагахъ говорите вы? Что у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю: — лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другаго времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ вѣ-

которыхъ лицъ, и кое что обнажится. А теперь, покаместъ, разумѣется, послѣ того, что съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ... Позвольте пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серьезно вставая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А ну... какъ хотите... гм... (Послѣдовало минутное молчаніе.)—Я, съ моей стороны, вы знаете, что могу... и искренно вамъ добра желаю.

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю; я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, что я васъ обезпокоилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... Нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, какъ угодно. Медикименты, по пражному, продолжайте...

— Буду продолжать медикименты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той же аптекѣ брать буду... Нынче и аптекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, что нынче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякій мальчишка, не только аптекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, напимѣръ, хоть про Владимира Семеновича...

— А!..

— Да, Крестьянъ Ивановичъ; я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ же это?

— Да ужъ такъ-съ; это, впрочемъ, постороннее дѣло; умѣютъ эдакъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Что? что поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ; это пословица русская. Умѣютъ иногда кстати поздравить кого нибудь, напимѣръ; есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ надняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ...

— Одинъ пѣзъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ ассессорскаго чина, другаго весьма близкаго тоже знакомаго, и въ добавокъ пріятеля, какъ говорится,

сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. «Чувствительно, дескать, говорить, радъ случаю принести вамъ, Владиміръ Семеновичъ, мое поздравленіе, искреннее мое поздравленіе въ полученіи чина. И тѣмъ болѣе радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, вывелись бабушки, которыя вожатъ». Тутъ господинъ Голядкинъ плутовски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего пещечка, Владиміра Семеновича. Да что мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ ассесоромъ сдѣланъ? Мнѣ то что тутъ? Да жениться хочетъ, когда еще молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ-таки и сказалъ. Дескать, говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все скажалъ; позвольте же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужъ разомъ двухъ воробьевъ однимъ камнемъ убить,— какъ срѣзалъ молодца-то на бабушкахъ, и обращаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дѣло-то было третьяго дня у Олсуфья Ивановича),—а она только что романсъ пропѣла чувствительный, — говорю, дескать, «чувствительно пропѣть вы романсы позволили, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца.» И намекаю тѣмъ ясно, понимаю, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ ясно, что ищутъ-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! ну что же онъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Тоже и старику самому говорю — дескать, Олсуфій Ивановичъ, говорю, я знаю, чѣмъ обязанъ я вамъ, цѣню вполне благодѣянія ваши, которыми почти съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и открыто веду, Олсуфій Ивановичъ.

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что жъ онъ?

— Да что онъ, Крестьянъ Ивановичъ! мямлитъ; и того и сего, и я тебя знаю, и что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ — и пошелъ, и размазлся... Да вѣдь чтожъ? отъ старости, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старикашка! въ гробъ смотреть, дышетъ на ладанъ, какъ говорится, а сплетню бабую заплетутъ какуюнибудь, такъ онъ ужъ тутъ слушаетъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, заплели они сплет-

ню. Замѣшалъ свою руку сюда и нашъ медвѣдь, и племянникъ его, наше пещечко; связались они съ старухами, разумѣется, и состряпали дѣло. Какъ бы вы думали? Что они выдумали, чтобъ убить человѣка?..

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, чтобъ убить человѣка, нравственно убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они на счетъ его слухъ... Признаюсь вамъ, мнѣ даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм...

— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку жеантѣся, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И какъ бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной нѣмкѣ, у которой обѣды беретъ; вмѣсто платы долговъ, руку ей предлагаетъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нѣмка, подлая, гадкая, безстыдная нѣмка, Каролина Ивановна, если извѣстно вамъ...

— Я признаюсь, съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую...

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жилъ, Крестьянъ Ивановичъ, жилъ, жилъ и прежде. Какъ же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая слова свои маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны...

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, я тоже хотѣлъ, смѣясь продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Однакожъ, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, надѣюсь, позвольте мнѣ теперь.... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю; я васъ теперь вполне понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ... И такъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Тутъ герой нашъ шаркнулъ пожой и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ крайнемъ изумленіи Крестьяна Ивановича. Сходя съ докторской лѣстницы, онъ улыбался и радостно потиралъ себѣ руки. На крыльцѣ, дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовавъ себя на свободѣ, онъ даже дѣйствительно готовъ былъ признать себя счастливымъ смертнымъ, и потомъ прямо отправиться

въ департаментъ,—какъ вдругъ у подъѣзда загремѣла его карета; онъ взглянулъ и все вспомнилъ. Петрушка отворялъ уже дверцы. Какое-то странное и крайне непріятное ощущеніе охватило всего господина Голядкина. Онъ какъ будто бы покраснѣлъ на мгновеніе. Что-то кольнуло его. Онъ уже сталъ-было заносить свою ногу на подножку кареты, какъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ на окна Крестьяна Ивановича. Такъ и есть! Крестьянъ Ивановичъ стоялъ у окна, поглаживалъ правой рукой свои бакенбарды и довольно любопытно смотрѣлъ на героя нашего.

— Этотъ докторъ глухъ, подумалъ господинъ Голядкинъ, забываясь въ карету: — крайне глухъ. Онъ, можетъ быть, и хорошо своихъ больныхъ лечить, а все-таки... глухъ какъ бревно. Господинъ Голядкинъ усѣлся, Петрушка крикнулъ: «пошолъ!» и карета покатила въ опять на Невскій проспектъ.

ГЛАВА III.

Все это утро прошло въ страшныхъ хлопотахъ у господина Голядкина. Попавъ на Невскій проспектъ, герой нашъ приказалъ остановиться у Гостиннаго двора. Выпрыгнувъ изъ своего экипажа, побѣжалъ онъ подъ аркаду, въ сопровожденіи Петрушки, и пошелъ прямо въ лавку серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Замѣтно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопотъ полонъ ротъ и дѣла страшная куча. Сторговавъ полный обѣденный и чайный сервизъ слишкомъ на тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями и, выторговавъ себѣ въ эту же сумму затѣйливой формы сигарочницу и полный серебряный приборъ для бритья бороды, прицѣпившись наконецъ еще къ кое-какимъ въ своемъ родѣ полезнымъ и пріятнымъ вещичкамъ, господинъ Голядкинъ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ завтра же зайти непременно, или даже сегодня прислать за сторгованнымъ, взялъ нумеръ лавки, и, выслушавъ внимательно купца, хлопотавшаго о задатокѣ, обѣщалъ въ свое время и задаточекъ. Послѣ чего онъ поспѣшно распростился съ недоумѣвавшимъ купцомъ и пошелъ вдоль по линіи, преслѣдуемый цѣлой стаей сидѣльцевъ, минутно оглядываясь назадъ на Петрушку и тщательно отыскивая какую-то новую лавку. Мимходомъ забѣжалъ онъ въ мѣняльную лавочку и размѣнялъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя потерялъ на промѣнѣ, по за то все-таки размѣнялъ, и бумажникъ его значительно потолстѣлъ, что, по видимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ остановился онъ въ магазинѣ разныхъ дамскихъ матерій. Наторговавъ опять на знатную сумму, господинъ Голядкинъ и здѣсь обѣщалъ купцу зайти непременно, взялъ нумеръ лавки и, на вопросъ о задатокѣ, опять повторилъ, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посѣтилъ и еще нѣсколько лавокъ; во всѣхъ торговалъ, прицѣплялся къ разнымъ вещичкамъ, спо-

рилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался, — однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостиннаго двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный магазинъ, гдѣ сторговалъ мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, увѣривъ купца, что пришлетъ за всѣмъ непременно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ обѣщаніемъ задаточка, потомъ заѣхалъ еще кое-куда и поторговалъ кое-что. Однимъ словомъ, не было, по видимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, кажется, сильно стало надоедать самому господину Голядкину. Даже и Богъ знаетъ по какому случаю стали его терзать, ни съ того, ни съ сего, угрызенія совѣсти. Ни за что бы не согласился онъ теперь встрѣтиться, напримѣръ, съ Андреемъ Филипповичемъ, или хоть съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, городскіе часы пробилъ три по полудни. Когда господинъ Голядкинъ сѣлъ окончательно въ карету, изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалась въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стеклянка духовъ въ полтора рубля ассигнаціями. Такъ-какъ для господина Голядкина было еще довольно рано, то онъ и приказалъ своему кучеру остановиться возлѣ одного извѣстнаго ресторана на Невскомъ проспектѣ, о которомъ доселѣ онъ зналъ лишь по наслышкѣ, вышелъ изъ кареты и побѣжалъ закусить, отдохнуть и выждать извѣстное время.

Закусивъ такъ, какъ закусываетъ человѣкъ, у котораго въ перспективѣ богатый званый обѣдъ, т. е. перехвативъ кое-что, чтобы, какъ говорится, червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усѣлся въ креслахъ, и, скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и огладился; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ, тутъ ли его карета... Потомъ опять сѣлъ на мѣсто и взялъ газету. Замѣтно было, что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Взглянувъ на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, слѣдовательно, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказалъ подать себѣ шоколаду, въ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время немного подвинулось, вышелъ онъ расплатиться. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу.

Онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою двухъ своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ на Литейной — ребята еще весьма молодыхъ и по лѣтамъ, и по чину. Герой нашъ былъ съ ними ни-то-ни-сѣ, ни въ дружбѣ, ни въ открытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ; дальнѣйшаго же сближенія не было, да и быть не могло.

Встрѣча въ настоящее время была крайне непріятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! зашебетали оба регистратора:—вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ поспѣшно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь нвуменіемъ чиновниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая развязнаго и молодца по неволѣ. Дерзгировали, господа, хе, хе, хе!... Тутъ даже, чтобъ не уронить себя и снизойти до канцелярскаго юношества, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ, онъ попробовалъ было потрепать одного юношу по плечу; но популярности въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и, вмѣсто прилично короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, медвѣдь нашъ сидитъ?...

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, медвѣдь-то, будто не знаете, кого медвѣдемъ зовутъ?.. Господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернулся къ прикащику, взять съ него сдачу.—Я говорю про Андрея Филипповича, господа, продолжалъ онъ, кончивъ съ прикащикомъ и, на этотъ разъ, съ весьма серьезнымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно перемигнулись другъ съ другомъ.

— Сидитъ еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидитъ, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что это съ вами, раздужены, раскомажены, франтомъ какими?...

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напругенно улыбувшись. Видя, что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники расхохотались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Я вамъ скажу, господа, подружески, сказалъ немного помолчавъ нашъ герой, какъ будто (такъ ужъ и быть) рѣшившись открыть что-то чиновникамъ:—вы, господа, всѣ меня знаете, но досихъ-поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ не на кого, и, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ сжалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До-сихъ-поръ, господа, вы меня не знали. Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только, кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольных путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямого человѣческаго назначенія въ ловкомъ умѣнн лощить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что счастливы, и живутъ вполне, когда, напимѣрь,

на нихъ хорошо сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться по-пустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте-жъ мнѣ теперь удалиться...

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены вполне, то, вдругъ, оба крайне неучтиво покатились со смѣха. Господинъ Голядкинъ вспыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покамѣстъ! Поживете—увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, взявъ свою шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ:—скажу болѣе,—оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, мои правила: не удастся — крѣплюсь, удастся — держусь, и во всякомъ случаѣ никто не подкапываетъ. Не интригантъ — и этимъ горжусь. Въ дипломаты бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама летитъ на охотника. Правда и готовъ согласиться: но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то-есть, поднявъ брови и сжавъ губы до нельзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вышелъ, оставя ихъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду:—куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встрѣчая его страшный, всеуничтожающій взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибѣгнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лѣстницы.

— Къ Измайловскому мосту.

— Къ Измайловскому мосту! Пошолъ!

— Обѣдъ у нихъ начнется не раньше, какъ въ пять, или даже въ пять часовъ, думалъ господинъ Голядкинъ: — не рано-ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и пораньше; да, къ тому же, и семейный обѣдъ. Я, этакъ, могу сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отъ чего же бы мнѣ нельзя сан-фасонъ? Медвѣдь нашъ тоже говорилъ, что будетъ все сан-фасонъ, а потому и я тоже... Такъ думалъ господинъ Голядкинъ: — а между тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма хлопотливому, чтобъ не сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, безпрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ что, смотря теперь на господина Голядкина, право бы никто не сказалъ, что онъ собирается хорошо пообѣдать, за-просто, да еще въ своемъ семейномъ кругу, — санъ-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самаго Измайловскаго моста, госпо-

динъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ; карета съ громомъ вкатилась въ ворота и остановилась у подъѣзда праваго фаса. Замѣтивъ одну женскую фигуру въ окнѣ втораго этажа, господинъ Голядкинъ послалъ ей рукой подалуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ, что дѣлаетъ, потому что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный; взошелъ на крыльцо, снялъ свою шляпу, машинально оправился и, чувствуя, впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему человѣка.

— Дома-съ, т. е. нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? что ты, мой милый? Я — я на обѣдъ, братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Принимать васъ не велѣно-съ.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я. Я, братецъ, приглашенъ; я на обѣдъ, — проговорилъ господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-съ, нельзя-съ. Не велѣно принимать-съ, вамъ отказывать велѣно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время, дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и вошелъ Герасимычъ, старый камердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войдите хотя-тъ, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-съ, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину. — Никакъ не возможно-съ. Просить извинить-съ; не могутъ принять-съ.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? нерѣшительно спросилъ господинъ Голядкинъ. — Вы извините, Герасимычъ. Отъ чего же никакъ невозможно?

— Никакъ не возможно-съ. Я докладывалъ-съ; сказали: проси извинить. Не могутъ, де-ска-тъ, принять-съ.

— Отъ чего же? какъ же это? какъ...

— Позвольте, позвольте!..

— Однако, какъ же это такъ? Такъ нельзя! Доложите... Какъ же это такъ? я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А, ну, впрочемъ, это дѣло другое, — извинить просятъ: однакожь позвольте, Герасимычъ, какъ же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина и давая широкую дорогу двумъ господамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были: Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на

господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, опустивъ глаза, побрасывая, улыбаясь, съ совершенно-потерянной физиономіей. — Я найду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь: я надѣюсь, что все это не замедлитъ своевременно объясниться, проговорилъ онъ на порогѣ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ!.. послышался голосъ послѣдсваваго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ находился тогда уже на первой забѣжной площадкѣ. Онъ быстро оборотился къ Андрею Филипповичу.

— Что вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно рѣшительнымъ тономъ.

— Что это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?...

— Ничего-съ, Андрей Филипповичъ. Я здѣсь самъ-по-себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, и что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найти предосудительнаго касательно официальныхъ отношеній моихъ.

— Какъ! Касательно официальныхъ... Что съ вами, сударь, такое?

— Ничего. Андрей Филипповичъ, совершенно ничего; дерзкая дѣвчонка, больше ничего...

— Что!.. что?. Андрей Филипповичъ потерялся отъ изумленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая снизу лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что, казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза, — видя, что начальникъ отдѣленія немного смѣшался, сдѣлалъ, почти невѣдомо себѣ, шагъ впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще, и еще ступеньку. Андрей Филипповичъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрѣе прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ сбился совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ раздумѣ, какъ будто припоминая о какомъ-то тоже крайне безтолковомъ обстоятельстве, весьма недавно случившемся. Эхъ, эхъ! прошепталъ онъ, улыбаясь съ натуги. Между тѣмъ, на лѣстницѣ, внизу, послышались голоса и шаги, вѣроятно новыхъ гостей, приглашенныхъ Олсуфиемъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, поскорѣе поднявъ повыше свой енотовый воротникъ, прикрылся имъ по возможности — и сталъ, ковыляя, сѣменя, торопясь и спотыкаясь, сходить съ лѣстницы. Чувствовалъ онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онѣмленіе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождать

и кареты, а самъ пошелъ, прямо, черезъ грязный дворъ, до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготовляясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хоть въ мышиную щелочку, вмѣстѣ съ каретой. Ему казалось, что все, что нѣсть въ домѣ Олсуфія Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него изъ всѣхъ оконъ. Онъ зналъ, что непременно тутъ же на мѣстѣ умретъ, если обернется назадъ.

— Что ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скороговоркой Петрушкѣ, который приготовился было его подсадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? я ничего; куда теперь ѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай...

— Пошелъ домой! крикнулъ Петрушка, взо-
стаясь на запятки.

— Экое горло воронье! подумалъ господинъ Голядкинъ. Между тѣмъ, карета уже довольно далеко отъѣхала за Измайловскій мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ снурокъ и закричалъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфію Ивановичу. — «Ненужно, дуракъ, ненужно; назадъ!» прокричалъ господинъ Голядкинъ—и кучеръ словно ожидалъ такого приказанія: не возражая ни на что, не останавливаясь у подъѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, въѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голядкинъ не поѣхалъ, а, миновавъ Семеновскій мостъ, приказалъ поворотить въ одинъ переулокъ и остановиться возлѣ трактира довольно скромной наружности. Вышедъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ извозчикомъ, и такимъ образомъ избавился наконецъ отъ своего экипажа, Петрушкѣ приказалъ идти домой и ждать его возвращенія, самъ же вошелъ въ трактиръ, взялъ особенный номеръ и приказалъ подать себѣ пообѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбродѣ и въ хаосѣ. Долго ходилъ онъ, въ волненіи, по комнатѣ; наконецъ сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всѣми силами стараться обсудить и разрѣшить кое-что относительно настоящаго своего положенія...

ГЛАВА IV.

День, торжественный день рожденія Клары Олсуфьевны, однородной дочери статскаго совѣтника Берендѣева, въ-оно-время благодѣтеля господина Голядкина,—день, ознаменовавшійся блистательнымъ, великолѣпнымъ званымъ обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какаго давно не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ у Измайловскаго моста и около,—обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтассаровскій, чѣмъ на обѣдъ,—который отзывался чѣмъ-то вавилонскимъ, въ отношеніи блеска, роскоши и приличія, съ шампан-

скимъ-кликъ, съ устрицами и плодами Елисеѣва и Милютинныхъ лавокъ, со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангахъ, — этотъ торжественный день, ознаменовавшійся такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блистательнымъ баломъ, семейнымъ, маленькимъ, родственнымъ баломъ, но все-таки блистательнымъ въ отношеніи вкуса, образованности и приличія. Конечно, я совершенно согласенъ, такіе балы бывають, но рѣдко. Такіе балы, болѣе похожіе на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться въ такихъ домахъ, какъ, напримѣръ, домъ статскаго совѣтника Берендѣева. Скажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобы у всѣхъ статскихъ совѣтниковъ могли даваться такіе балы. О, если бы я былъ поэтъ! — разумѣется, по крайней мѣрѣ такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ; съ меньшимъ талантомъ соваться нельзя, — я бы, непременно, изобразилъ вамъ яркими красками и шпирокою кистью, о читатели! весь этотъ высокоторжественный день. Нѣтъ, я бы началъ свою поэму обѣдомъ, я особенно бы налегъ на то поразительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное мгновеніе, когда поднялась первая за здравіемъ чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ бы вамъ, во первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосѣеновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго сѣдпками и приличными сѣдничъ орденамъ, вставшаго съ мѣста и поднявшаго надъ головою за здравіемъ бокалъ съ искр метнымъ виномъ,—виномъ нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобы запивать имъ подобныя мгновенія, — виномъ болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, поднявшихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ, и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ бы вамъ, какъ этотъ часто помпаемый Андрей Филипповичъ, уронивъ сначала слезу въ бокалъ, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, вполне сознаюсь, не могъ бы я изобразить всего торжества той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, краснѣя, какъ вѣшняя роза, румянцемъ блаженства и стыдливости, отъ полноты чувствъ упала въ объятія нѣжной матери, какъ прослезилась нѣжная мать, и какъ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, маститый старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, лпшившійся употребленія ногъ на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за таковое усердіе капиталъцемъ, домкомъ, деревеньками и красавицей-дочерью,—зарыдалъ какъ ребенокъ и провозгласилъ сквозь слезы, что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ. Я бы не могъ, да, именно не могъ бы изобразить вамъ и неукосни-

тельно-послѣдовавшего за сей минутой всеобщаго увлеченія сердець, — увлеченія, ясно выразившагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновеніе походилъ боѣе на статскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), тоже прослезившагося, вникая Андрею Филипповичу. Въ свѣю очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновеніе вовсе не походилъ на коллежскаго совѣтника и начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ, — нѣтъ, онъ казался чѣмъ-то другимъ... я не знаю только, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ былъ выше! Наконецъ... о! для чего я не обладаю тайною слога высокаго, сильнаго, слога торжественнаго, для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ моментовъ человѣческой жизни, какъ будто нарочно устроенныхъ для доказательства, какъ иногда торжествуетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча, — что будетъ лучше всякаго краснорѣчія, — укажу вамъ на этого счастливаго юношу, вступающаго въ свою двадцать шестую весну, — на Владиміра Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который всталъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тостъ, и на котораго устремлены слезящія очи родителей царицы праздника, гордая очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженные очи гостей и даже прилично-завистливыя очи нѣкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не замѣтить, что все въ этомъ юношѣ, — который болѣе похожъ на старца, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, — все, начиная съ цвѣтущихъ лантъ до самого ассессорскаго, на немъ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только что не проговаривало, что, дескать, до такой-то высокой степени можетъ благонравіе довести человека! Я не буду описывать, какъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, столоначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и нѣкогда Олсуфія Ивановича, вѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ дома и крестный отецъ Клары Олсуфьевны, — старичекъ какъ лунъ сѣденькій, въ свою очередь предлагая тостъ, пропѣлъ пѣтухомъ и проговорилъ веселыя врпши; какъ онъ, такимъ приличнымъ забвеніемъ приличія, если можно такъ выразиться, разсмѣшилъ до слезъ цѣлое общество, и какъ сама Клара Олсуфьевна за такую веселость и любезность поцаловала его, по приказанію родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были чувствовать себя другъ другу родными и братьями, — встали изъ-за стола; какъ потомъ старички и люди солидные, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумѣется, весьма приличныя и любезныя откровенности, чинно прошли въ другую комнату и, не теряя золотого времени, раз-

дѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственнаго достоинства сѣли за столы, обтянутые зеленымъ сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ всѣ необыкновенно любезны и начали разговаривать о разныхъ матеріяхъ; какъ, наконецъ, самъ высоко уважаемый хозяинъ дома, лишпвшійся употребленія ногъ на службѣ вѣроу и правдоу и награжденный за это всѣмъ, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ рассказывать на костыляхъ между гостями своими, поддерживаемый Владиміромъ Семеновичемъ и Klarой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ сдѣлавшись тоже необыкновенно любезнымъ, рѣшился импровизировать маленькій скромный балъ, не смотря на издержки; какъ для сей цѣли командированъ былъ одинъ расторопный юноша (тотъ самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго совѣтника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ прибыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятого раздался призывные звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезностью сѣдовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный повѣствователь, весьма впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина, — какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смѣсь красоты, блеска, приличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рѣзвости, радости, всѣ эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ, — говоря въ выгодномъ для нихъ отношеніи, — съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рѣзвонными, гомеопатическими, говоря высокими слогами, ножками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ юношей и степенныхъ, радостныхъ и прилично туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ между танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ трубку и некурящихъ въ антрактахъ трубки, — кавалеровъ, имѣвшихъ на себѣ, отъ перваго до послѣдняго, приличный чинъ и фамилію, — кавалеровъ, глубоко проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственнаго достоинства; кавалеровъ, говорящихъ болѣею частію на французскомъ языкѣ съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самаго высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами, — кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ нѣкоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такихъ, напримѣръ: «что, дескать, ты, такой-сякой, Петька славно полѣку откалывалъ», или: «что, дескать, ты, такой-сякой, Вася прищипалъ-таки свою дамочку, какъ хотѣлъ». На все это, какъ уже выше имѣлъ я честь объяснить вамъ, о читатель! не достаетъ пера моего, и по-

тому я молчу. Обратимся лучше къ господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма правдивой повѣсти нашей.

Дѣло въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма странномъ, чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже здѣсь, т. е. не на балѣ, но почти что на балѣ; онъ, господа, ничего; онъ хотя и самъ по себѣ, но въ эту минуту стоитъ на дорогѣ не совѣмъ-то прямой; стоитъ онъ теперь—даже странно сказать—стоитъ онъ теперь въ сѣняхъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфья Ивановича. Но это ничего, что онъ тутъ стоитъ; онъ такъ себѣ. Онъ, господа, стоитъ въ уголку, забившись въ мѣстечко хоть не потеплѣе, но за то потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дразгомъ, хламомъ и рухлядью, скрываясь до времени, и пока мѣстъ только наблюдая за ходомъ общаго дѣла въ качествѣ посторонняго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь; онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войти... почему же не войти? Стоитъ только шагнуть, и войдетъ, и весьма ловко войдетъ. Сейчасъ только,—выставая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дразгомъ и рухлядью,—цитировалъ онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля, что «все дескать прійдетъ своимъ чередомъ, если выждать есть смѣтка». Фразу эту вычиталъ господинъ Голядкинъ когда-то изъ совершенно посторонней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во-первыхъ, очень хорошо шла къ настоящему его положенію, а во-вторыхъ, чего же не прійдетъ въ голову человѣку, выжидающему счастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти бѣлые три часа въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитировавъ, какъ уже сказано было, весьма кстати фразу бывшаго французскаго министра Виллеля, господинъ Голядкинъ тутъ же, не извѣстно почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцимиришѣ, равно какъ и о прекрасной маркиграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь бы цѣль могла быть достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ пунктомъ, господинъ Голядкинъ сказалъ самъ себѣ, что, дескать, что іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой дверь выходила прямо въ сѣни, на черную лѣстницу, и гдѣ господинъ Голядкинъ находился теперь), такъ онъ, не смотря на всѣхъ іезуитовъ, возьметъ—да прямо и пройдетъ, сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, непременно пройдетъ, ни

на что не смотря пройдетъ, проскользнетъ—да и только, и никто не замѣтитъ; а тамъ ужъ онъ самъ знаетъ, что ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-то положеніи, господа, находимъ мы теперь героя совершенно правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что именно дѣлалось съ нимъ въ настоящее время. Дѣло-то въ томъ, что онъ до сѣней и до лѣстницы добратся умѣлъ, по той причинѣ, что дескать почему-жъ не добратся, что всѣ добираются; но далѣе проникнуть не смѣлъ, явно этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего нибудь не смѣлъ, а такъ, потому что самъ не хотѣлъ, потому что ему лучше хотѣлось быть втихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидаетъ теперь тихомолочки, и выжидаетъ ее ровно два часа съ половиною. Отъ чего-жъ и не выждать? И самъ Виллель выжидаль. «Да что тутъ Виллель!» думалъ г. Голядкинъ: «какой тутъ Виллель? А вотъ, какъ бы мнѣ теперь того... взять да и проникнуть?.. Эхъ-ты, фигурантъ ты этакой!» сказалъ господинъ Голядкинъ, ущипнувъ себя окоченѣвшею рукою за окоченѣвшую щеку: «дурашка ты этакой, Голядка ты этакой—фамилія твоя такова!..» Впрочемъ, это ласкательство собственной особѣ своей въ настоящую минуту было лишь такъ себѣ, мимоходомъ, безъ всякой видимой цѣли. Вотъ было онъ сунулся и подался впередъ; минута настала; буфетная опустѣла и въ ней нѣтъ никого; господинъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два шага очутился онъ у двери, и уже сталъ отворять ее. «Идти, или нѣтъ? Ну, идти, или нѣтъ? Пойду... отчего-жъ не пойти? Смѣлому дорога вездѣ!» Обнадеживъ себя такимъ образомъ, герой нашъ вдругъ, и совѣмъ неожиданно, ретировался за ширмы. «Нѣтъ» думалъ онъ: «а ну какъ войдетъ кто нибудь? Такъ и есть, вошли; чего-жъ я зѣвалъ, когда народу не было? Этакъ бы, взять—да и проникнуть!.. Нѣтъ, ужъ что проникнуть, когда характеръ у человѣка такой! Эка вѣдь тенденція подлая! Струсилъ какъ курица. Струсить-то наше дѣло; вотъ оно что! Нагадить-то всегда наше дѣло: объ этомъ вы насъ и не спрашивайте. Вотъ и стой здѣсь какъ чурбанъ, да и только! Дома бы чаю теперь выпить чашечку... Оно бы и пріятно этакъ было, выпить бы чашечку. Позже прійдти, такъ Петрушка будетъ, пожалуй, ворчать. Не пойдти ли домой? Черти бы взяли все это! Иду, да и только!» Разрѣшивъ такимъ образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро подался впередъ, словно пружину какую кто тронулъ въ немъ; съ двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ свою шляпу, поспѣшно сунулъ это все въ уголъ, оправился и огладился; потомъ... потомъ двинулся въ чайную, изъ чайной юркнулъ еще въ другую комнату, скользнулъ, почти незамѣтно, между вопедшими въ азартъ игроками; потомъ... потомъ... тутъ господинъ Голядкинъ позабылъ все, что вокругъ него дѣлается, и прямо, какъ свѣтъ на голову, явился въ танцевальную залу.

Какъ нарочно въ это время не танцовали. Дамы гуляли по залѣ живописными группами. Мужчины сбивались въ кружки, или шныряли по комнатахъ, ангажируя дамъ. Господинъ Голядкинъ не замѣчалъ этого ничего. Видѣлъ онъ только Клару Олсуфьевну; возлѣ нея Андрея Филипповича, потомъ Владимира Семеновича, да еще двухъ или трехъ офицеровъ, да еще двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже весьма интересныхъ, подающихъ или уже осуществившихъ, какъ можно было по первому взгляду судить, кое-какія надежды... Видѣлъ онъ и еще кой-кого. Или нѣтъ; онъ уже никого не видалъ, ни на кого не глядѣлъ... а двигаемый тою же самой пружиной, посредствомъ которой вскочилъ на чужой балъ непрощенный, подался впередъ, потомъ и еще впередъ, и еще впередъ; наткнулся мимоходомъ на какого-то совѣтника, отдалъ ему ногу; кстати уже наступилъ на платье одной почтенной старушки и немного порвалъ его, толкнулъ человѣка съ подносомъ, толкнулъ и еще кой-кого, и не замѣтивъ всего этого, или лучше сказать замѣтивъ, но ужъ такъ, заодно, не глядя ни на кого, пробираясь все далѣе и далѣе впередъ, вдругъ очутился передъ самой Кларой Олсуфьевной. Безъ всякаго сомнѣнія, глазомъ не мигнувъ, онъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ провалился въ эту минуту сквозь землю; но, что сдѣлано было, того не воротить... вѣдь ужъ никакъ не воротить. Что же было дѣлать? «Не удастся—держись, а удастся—крѣпись. Господинъ Голядкинъ, ужъ разумѣется, былъ не истритантъ и лощить паркетъ сапогами не мастеръ...» Такъ ужъ случилось. Къ тому же, и іезуиты какъ-то тутъ подмѣшались... Но не до нихъ, впрочемъ, было господину Голядкину! Все, что ходило, шумѣло, говорило, смѣялось, вдругъ, какъ бы по мановенію какому затихло, и мало-по-малу столпилось около господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, какъ бы ничего не слышалъ, ничего не видалъ, онъ не могъ смотрѣть... онъ ни за что не могъ смотрѣть; онъ опустилъ глаза въ землю, да такъ и стоялъ себѣ, давъ себѣ, впрочемъ, мимоходомъ, честное слово какимъ-нибудь образомъ застрѣлиться въ эту же ночь. Давъ себѣ такое честное слово, господинъ Голядкинъ мысленно сказалъ себѣ «была не была!» и, къ собственному своему величайшему изумленію, совсѣмъ неожиданно началъ вдругъ говорить.

Началъ господинъ Голядкинъ поздравленіями и приличными пожеланіями. Поздравленія прошли хорошо, а на пожеланіяхъ герой нашъ запнулся. Чувствовалъ онъ, что если запнется, то все сразу къ чорту пойдетъ. Такъ и вышло—запнулся и завязъ... завязъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и потерялся; потерялся и поднялъ глаза; поднялъ глаза и обвелъ ихъ кругомъ; обвелъ ихъ кругомъ и — и оберъ... Все стояло, все молчало, все выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало. Господинъ Голядкинъ бросилъ покорный, потерянный взоръ на Андрея Филипповича. Ан-

дрей Филипповичъ отвѣтилъ господину Голядкину такимъ взглядомъ, что еслибъ герой нашъ не былъ уже убитъ вполнѣ, совершенно, то былъ бы непременно убитъ въ другой разъ, — еслибъ это было только возможно. Молчаніе длилось.

— Это болѣе относится къ домашнимъ обстоятельствамъ и къ частной жизни моей, Андрей Филипповичъ, едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ полумертвый господинъ Голядкинъ: — это не официальное приключеніе, Андрей Филипповичъ...

— Стыдитесь, сударь, стыдитесь! проговорилъ Андрей Филипповичъ полу-шопотомъ, съ невыразимою миной негодованія, — проговорилъ, взявъ за руку Клару Олсуфьевну и отвернулся отъ господина Голядкина.

— Нечего мнѣ стыдиться, Андрей Филипповичъ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ также полу-шопотомъ, обводя свои несчастные взоры кругомъ, потерявшись и стараясь по сему случаю отыскать, въ недоумѣвающей толпѣ, средину и социальнаго своего положенія.

— Ну, и ничего, ну и ничего, господа! ну, что жъ такое? ну, и со всякимъ можетъ случиться, шепталъ господинъ Голядкинъ, сдвигаясь понемногу съ мѣста и стараясь выбраться изъ окружавшей его толпы. Ему дали дорогу. Герой нашъ кое-какъ прошелъ между двумя рядами любопытныхъ и недоумѣвающихъ наблюдателей. Рокъ увлекалъ его. Господинъ Голядкинъ самъ это чувствовалъ, что рокъ-то его увлекалъ. Конечно, онъ бы дорого далъ за возможность находиться теперь, безъ нарушенія приличій, на прежней стоянкѣ своей въ сѣняхъ, возлѣ черной лѣстницы; но такъ какъ это было рѣшительно невозможно, то онъ и началъ стараться улизнуть куда-нибудь въ уголокъ, да такъ и стоять себѣ тамъ — скромно, прилично, особо, никого незатрагивая, не обращая на себя исключительнаго вниманія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, снискавъ благорасположеніе гостей и хозяина. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что его какъ будто бы подмываетъ что-то, какъ будто онъ колеблется, падаетъ. Наконецъ, онъ добрался до одного уголка и сталъ въ немъ, какъ посторонній, довольно равнодушный наблюдатель, опершись руками на спинки двухъ стульевъ, захвативъ ихъ такимъ образомъ въ свое полное обладаніе и стараясь по-возможности взглянуть бодрымъ взглядомъ на сгруппировавшихся около него гостей Олсуфья Ивановича. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему какой-то офицеръ, высокій и красивый малый, предъ которымъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ себя настоящей букашкой.

— Эти два стула, поручикъ, назначены: одинъ для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здѣсь же княжны Чевчехановой; я ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ, молча и съ убійственной улыбкой, отворотился. Осѣкшись въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовалъ было попытаться

счастье гдѣ-нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмѣрилъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его вдругъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, показать, что онъ такъ-себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему кажется по-крайней-мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою цѣлью онъ припопалъ свой взглядъ къ обшлагамъ своего виц-мундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на одномъ весьма почтенной наружности господинѣ. — На этомъ господинѣ парикъ, подумалъ господинъ Голядкинъ:—а если снять этотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь-въ-точь какъ ладошь моя голая.—Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и о арабскихъ эмирахъ, у которыхъ, если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего съ пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновенію идей относительно турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфель турецкихъ, и тутъ же кстаті вспомнилъ, что Андрей Филипповичъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освоился съ своимъ положеніемъ.—Вотъ, еслибъ эта люстра, мелькнуло въ головѣ господина Голядкина:—вотъ, еслибъ эта люстра сорвалась теперь съ мѣста и упала на общество, то я бы тотчасъ бросился спасать Клару Олсуфьевну. Спасши ее, сказалъ бы ей: «не беспокойтесь, сударыня; это ничего-съ, а спаситель вашъ я.» Потомъ... Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, отыскивая Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго камердинера Олсуфія Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ официально-торжественнымъ видомъ пробирался прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поморщился отъ какого-то безотчетнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго непріятнаго ощущенія. Машинально осмотрѣлся кругомъ: ему пришло было на мысль, какъ нибудь, этакъ подъ рукой, бочкомъ, втихомолку улизнуть отъ грѣха, этакъ взять—да и ступеваться, т. е. сдѣлать такъ, какъ будто бы онъ ни въ одномъ глазу, какъ будто бы вовсе не въ немъ было и дѣло. Однако, прежде, чѣмъ нашъ герой успѣлъ рѣшиться на что нибудь, Герасимычъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Видите ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбкой обращаясь къ Герасимычу:—вы возьмите, да и прикажите,—вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ—она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужъ право не знаю-съ, кто именпо-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите, говоритъ, его по весьма нужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ...

— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня нѣкому спрашивать, а я здѣсь у себя, т. е. на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Такъ и есть! Все, что ни было въ залѣ, всѣ такъ и устремились на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Мужчины толпились поближе и прислушивались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма недалекомъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя по виду его нельзя было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому что все это дѣлалось на деликатную ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою повѣсти лашей, что минута для него настала рѣшительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара смѣлаго, время посрамленія враговъ его. Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ снова, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу:

— Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься. Скажу болѣе, ты ошибался и утромъ сегодня, увѣряя меня... осмѣливаясь увѣрять меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфію Ивановичъ, благодѣтель мой съ незапамятныхъ лѣтъ, замѣнившій мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, закажетъ для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественнѣйшей радости для его сердца родительскаго (Господинъ Голядкинъ самодовольно, но съ глубокимъ чувствомъ осмотрѣлся кругомъ. На рѣсницахъ его навернулись слезы.). Повторяю, мой другъ, заключилъ нашъ герой:—ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался...

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что эффектъ былъ вѣрнѣйшій. Господинъ Голядкинъ стоялъ, скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфія Ивановича. Въ гостяхъ замѣтно было волненіе и недоумѣніе; даже самъ непоколебимый и ужасный Герасимычъ заикнулся на словъ «сумнительно-съ»... какъ вдругъ безпощадный оркестръ, ни съ того, ни съ сего, грянулъ польку. Все пропало, все на вѣтеръ пошло. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ, Герасимычъ от-

патнулся назадъ, все, что ни было въ залѣ, заволновалось какъ море, и Владимиръ Семеновичъ уже неся въ первой парѣ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый поручикъ съ княжной Чевчехановой. Зрители съ любопытствомъ и восторгомъ тѣснились взглянуть на танцующихъ полку — танецъ интересный, новый, модный, кружившій всѣмъ головы. Господинъ Голядкинъ былъ на время забытъ. Но вдругъ все заволновалось, замѣшалось, засуетилось; музыка умолкла... случилось странное происшествіе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, едва переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко-волнующею грудью упала наконецъ, въ изнеможеніи сплъ, въ кресла. Всѣ сердца устремились къ прелестной очаровательницѣ, всѣ спѣшили наперерывъ привѣтствовать ее и благодарить за оказанное удовольствіе, — вдругъ передъ нею очутился господинъ Голядкинъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроенъ; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможеніи, онъ едва двигался. Онъ отъ чего-то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олсуфьевна, въ изумленіи, не успѣла отдернуть руки своей, и машинально встала на приглашеніе господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ покачнувшись впередъ, сперва однимъ разъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ какъ-то пришаркнулъ, потомъ какъ-то притопнулъ, потомъ споткнулся... онъ тоже хотѣлъ танцевать съ Кларой Олсуфьевной. Клара Олсуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ее руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой нашъ былъ оттѣсненъ толпою едва-ли не на десять шаговъ разстоянія. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался визгъ и крикъ двухъ старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ едва не опрокинулъ въ ретирадѣ. Смятеніе было ужасное; все спрашивало, все кричало, все рассуждало. Оркестръ умолкъ. Герой нашъ вертѣлся въ кружкѣ своемъ, и машинально, отчасти улыбаясь, что-то бормоталъ про себя, что, «дескать, отъ чего жъ и нѣтъ, и что, де-скать, полка, сколько ему по-крайней-мѣрѣ кажется, танецъ новый и весьма интересный, созданный для утѣшенія дамъ... но что, если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться». Но согласія господина Голядкина, кажется, никто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что вдругъ чья-то рука ушла на его руку, что другая рука немного оперлась на спину его, что его съ какою-то особенною заботливостью направляютъ въ какую-то сторону. Наконецъ онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ было что-то сказать, что-то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ только машинально отсмѣивался. Наконецъ онъ почувствовалъ, что на него надѣваютъ шинель, что ему нахлобучили на глаза шляпу; что наконецъ — онъ почувствовалъ себя въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ, наконецъ и на лѣстницѣ. Наконецъ онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ было вскрикнуть — и вдругъ очу-

тился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него, онъ на минутку пріостановился; въ самое это мгновеніе до него долетѣли звуки вновь грянушаго оркестра. Господинъ Голядкинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, всѣ опавшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ доселѣ стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ...

ГЛАВА V.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бьющихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голядкинъ, видѣ себя, выбѣжалъ на набережную Фонтанки, близъ самага Измайловскаго моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ града щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ былъ убитъ — убитъ вполне, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранилъ въ настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить отказывался. Ночь была ужасная, ноябрская, — мокрая, туманная, дождливая, спѣжливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, однимъ словомъ, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вѣтеръ вылъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колецъ черную воду Фонтанки, и задорно потрогивая тощіе фонари набережной, которые въ свою очередь вторили его завываніямъ тоненькимъ, пронзительнымъ скрипомъ, что составляло безконечный, пискливый, дребезжащій копцертъ, весьма знакомый каждому петербургскому жителю. Шелъ дождь и снѣгъ разомъ. Прорываемая вѣтромъ струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сѣкли лицо несчастнаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ и шпилекъ. Среди ночнаго безмолвія, прерываемаго лишь отдаленнымъ гуломъ каретъ, воемъ вѣтра и скрипомъ фонарей, уныло слышались хлѣстъ и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылецъ, жолобовъ и карнизовъ на гранитный помостъ тротуара. Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло въ такую пору и въ такую погоду. Итакъ, одинъ только господинъ Голядкинъ, одинъ съ своимъ отчаяніемъ, трусилъ въ это время по тротуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ, мелкимъ и частымъ шажкомъ, спѣша добѣжать какъ можно скорѣе въ свою Шестилавочную улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на квартиру.

Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже имени не бываетъ, когда разыграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрскимъ небомъ, разомъ, вдругъ атаковали и безъ того убитаго несчастія-

ми господина Голядкина, не давая ему ни малѣйшей пощады и отдыха, принимая его до костей, заливая глаза, продувая со всѣхъ сторонъ, сбивая съ пути и съ послѣдняго толка, хоть все это разомъ опрокинулось на господина Голядкина, какъ бы нарочно сообщась и согласясь со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ и ночку на славу,—не смотря на все это, господинъ Голядкинъ остался почти нечувствителенъ къ этому послѣднему доказательству гоненія судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина статскаго совѣтника Берендѣева! Еслибъ теперь посторонній, неинтересованный какой-нибудь наблюдатель, взглянулъ бы такъ себѣ, съ боку, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ бы разомъ проникнулся всѣмъ страшнымъ ужасомъ его бѣдствій, и непременно сказалъ бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ теперь такъ, какъ будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочетъ, какъ будто самъ отъ себя убѣжать куда-нибудь хочетъ. Да! оно было дѣйствительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться. Въ настоящія минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ будто бы для него не существовало на самомъ дѣлѣ ни непріятностей ненастной ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни всей крутой непогоды. Калоша, отставшая отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ же осталась въ грязи и снѣгу, на тротуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ воротиться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. (Онъ былъ такъ озадаченъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, не смотря ни на что окружающее, проникнутый violentнѣе идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди тротуара; въ это мгновеніе, онъ умиралъ, исчезалъ; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшенный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ будто спасаясь отъ чьей-то погони, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощеніи силъ, господинъ Голядкинъ остановился, оперся на перила набережной въ положеніи челоука, у котораго вдругъ, совсѣмъ неожиданно, потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ мостѣ, и о Шестилавочной улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? вѣдь ему было все равно: дѣло сдѣлано, конче-

но, рѣшеніе скрѣплено и подписано; что-жъ ему?.. Вдругъ... вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на два въ сторону. Съ неизъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго, — а между тѣмъ... между тѣмъ ему показалось, что кто-то сейчасъ, сію минуту, стоялъ здѣсь, около него, рядомъ съ нимъ, тоже облокотясь на перила набережной, и — чудное дѣло! — даже что-то сказалъ ему, что-то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ понятно, но о чемъ-то весьма къ нему близкомъ, до него относящемся. «Что жъ, это мнѣ почудилось, что-ли?» сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ.—«Да я-то гдѣ же стою?.. Эхъ, эхъ!» заключилъ онъ, покачавъ головою, а между тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, напрягая всѣми силами зрѣніе и всѣми силами стараясь пронзить близорукимъ взоромъ своимъ моврую средину, передъ нимъ разстилавшуюся. Однакожъ, ничего не было новаго, ничего особеннаго не бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, т. е. снѣгъ валилъ еще сильнѣе, крупнѣе и гуще; на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни зги; фонари скрипѣли еще пронзительнѣе прежняго, и вѣтеръ, казалось, еще плачевнѣе, еще жалостнѣе затягивалъ тоскливую пѣсню свою, словно неотвязчивый нищій, вымаливающий мѣдный грошъ на свое пропитаніе. «Эхъ, эхъ! да что жъ это со мною такое?» повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь снова въ дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между тѣмъ, какое-то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: тоска не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо непріятная! «Ну, ничего», проговорилъ онъ, чтобъ себя ободрить: «ну, ничего; можетъ быть, это и совсѣмъ ничего, и чести ничьей не мараешь. Можетъ быть, оно такъ и надобно было», продолжалъ онъ, самъ не понимая, что говорить: «можетъ быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ не на что, и всѣхъ оправдаетъ». Такимъ образомъ говоря, и словами себя облегчая, господинъ Голядкинъ отряхнулся немного, стряхнулъ съ себя снѣжныя хлопья, навалившіеся густою корою ему на шляпу, на воротникъ, на шинель, на галстухъ, на сапоги и на все, — но страннаго чувства, странной темной тоски своей все еще не могъ оттолкнуть отъ себя, сбросить съ себя. Гдѣ-то далеко раздался пушечный выстрѣлъ. «Эка погодка», подумалъ герой нашъ: «чу! не будетъ ли наводненія? видно вода поднялась слишкомъ сильно.» Только что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему на встрѣчу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому-нибудь случаю запоздалаго. Дѣло бы, кажется,

пустое, случайное; но неизвѣстно почему господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то, чтобъ онъ боялся недобраго человѣка, а такъ, можетъ быть... да и кто его знаетъ, этого запоздалаго, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, можетъ быть, и онъ тоже самое, можетъ быть онъ-то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою переходитъ и меня задѣваетъ. Можетъ быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ мгновенно что-то подобное и весьма непріятное. Думать-то и ощущать, впрочемъ, некогда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по всегдашнему обыкновенію своему, поспѣшилъ принять видъ совершенно особенный, видъ ясно выражавшій, что онъ, Голядкинъ, самъ по себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно широкая, и что вѣдь онъ, Голядкинъ, самъ никого не затрогиваетъ. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, какъ будто молніей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ, вслѣдъ прохожему, едва только его миновшему, — обернулся съ такимъ видомъ, какъ будто что его дернуло сзади, какъ будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезъ въ снѣжной мятелицѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ головы до ногъ, и такъ же, какъ и онъ, дробилъ и сѣменилъ по тротуару Фоптанки частымъ, мелкимъ шажкомъ, немного съ притрусочкой. «Что, что это?» шепталъ господинъ Голядкинъ, недовѣрчиво улыбаясь, — однакожъ дрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него по спинѣ. Между тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему въ слѣдъ. Однакожъ, наконецъ, онъ мало-помалу опомнился. «Да чтожь это такое», подумалъ онъ съ досадою: «чтожь это я, съ ума что-ли, въ самомъ дѣлѣ, сошелъ?» обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и стараясь ужъ лучше вовсе ни о чемъ не думать. Даже и глаза наконецъ закрылъ съ сею цѣлью. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды, до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро приближавшійся къ нему человѣчекъ. Человѣчекъ этотъ спѣшилъ, частилъ, торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго запоздалаго товарища, — разглядѣлъ и вскрикнулъ отъ изумленія и ужаса; ноги его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему пѣшеходъ, котораго онъ, минутъ съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, и который вдругъ, совсѣмъ неожиданно, теперь опять передъ нимъ появился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина, — а

пораженъ господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ было что-то сказать, — и пустился догонять незнакомца, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился дѣйствительно, такъ — шагахъ въ десяти отъ господина Голядкина, и такъ что свѣтъ близъ стоявшаго фонаря совершенно падалъ на всю фигуру его, — остановился, обернулся къ господину Голядкину и съ нетерпѣливо озабоченнымъ видомъ ждалъ, что онъ скажетъ. «Извините, я можетъ и ошибся» дрожащимъ голосомъ проговорилъ нашъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся, и быстро пошелъ своею дорогою, какъ будто спѣша нагнать потерянные двѣ секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на тротуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего прійти въ такое смущеніе. Дѣло въ томъ, что незнакомецъ этотъ оказался ему теперь какъ-то знакомымъ. Это бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человѣка, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ же бы это? ужъ не вчера ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто; да и особеннаго-то въ этомъ человѣкѣ почти не было ничего, — особеннаго вниманія рѣшительно ничево не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человѣкъ. Такъ, человѣкъ былъ, какъ и всѣ, порядочный, разумѣется, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ быть, имѣлъ тамъ кое-какія, и даже довольно значительныя достоинства, — однимъ словомъ: былъ самъ по себѣ человѣкъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже никакой самой легкой непріязни къ этому человѣку, даже напротивъ, казалось бы, — а между тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельстве была главная сила), а между тѣмъ, ни за какія сокровища міра не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ, и, особенно, встрѣтиться такъ, какъ теперь, напримѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ вполне этого человѣка; онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человѣка; а между тѣмъ ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ, не захотѣлъ бы пазвать его, согласиться признать, что вотъ, дескать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много ли, мало ли продолжалось недоразумѣніе господина Голядкина, долго ли именно онъ сидѣлъ на тротуарномъ столбѣ, — не могу сказать, но только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что силы въ немъ было; духъ его занимался; онъ споткнулся два раза, чуть не упалъ, — и при этомъ обстоятельстве осиротѣлъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый своею калошею. Наконецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу не-

множко, чтобъ духъ перевести, торопливо осматрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фонтанкѣ, перешелъ Аничковъ мостъ, миновалъ часть Невскаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ поворотилъ въ Литейную. Положеніе его, въ это мгновеніе, походило на положеніе человѣка, стоящаго надъ страшной стремниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужъ покачнулася, ужъ двинулася, въ послѣдній разъ колышется, падаетъ, увлекаетъ его въ бездну, а между тѣмъ у несчастнаго нѣтъ ни силы, ни твердости духа отскочить назадъ, отвести свои глаза отъ зіяющей пропасти; бездна тянетъ его, и онъ прыгаетъ наконецъ въ нее самъ, самъ ускоряя минуту своей же гибели. Господинъ Голядкинъ зналъ, чувствовалъ, и былъ совершенно увѣренъ, что съ нимъ непременно совершится доробой еще что-то недоброе, что разразится надъ нимъ еще какая нибудь непріятность, что напрімѣръ, онъ встрѣтитъ опять своего незнакомца; но—странное дѣло, онъ даже желалъ этой встрѣчи, считалъ ее неизбежною, и просилъ только, чтобъ поскорѣе все это кончилось, чтобъ положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ нибудь, но только бѣ скорѣе. А между тѣмъ, онъ все бѣжалъ, да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то постороннею силою: ибо во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе; думать ни о чемъ онъ не могъ, хотя идеи его цѣплялись за все, какъ терновникъ. Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, торопливо, поджавъ хвостъ и уши, по временамъ робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, то давно ужъ забытая идея,—воспоминаніе о какомъ-то давно случившемся обстоятельстве—пришла теперь ему въ голову, стучала, словно молоточкомъ, въ его головѣ, досаждала ему, не отвязываясь прочь отъ него. «Эхъ, эта скверная собаченка!» шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. Наконецъ онъ увидѣлъ своего незнакомца на поворотѣ въ Итальянскую улицу. Только теперь незнакомецъ уже шелъ не на встрѣчу ему, а въ ту же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошли въ Шестилавочную. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика, и почти въ то же время скрилъ жедѣзной задвижки. Калитка отворилась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ то же самое мгновеніе поспѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣлка влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, запыхавшись, вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ же увидалъ своего интереснаго спутника, на минуту потеряннаго. Незнакомецъ мелькнулъ при входѣ на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ

Голядкинъ бросился вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На всѣхъ поворотахъ нагромождена была бездна всякаго жилищаго хлама, такъ что чужой, небывалый человѣкъ, попавши на эту лѣстницу въ темное время, при-
нуждаемъ былъ по ней съ полчаса путешествовать, рискуя сломать себѣ ноги и проклиная, вмѣстѣ съ лѣстницей, и знакомыхъ своихъ, неудобно такъ поселившихся. Но спутникъ господина Голядкина былъ словно знакомый, словно домашній; взбѣгалъ легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности. Господинъ Голядкинъ почти совсѣмъ нагонялъ его; даже раза два, или три, подолъ шинели незнакомца ударилъ его по носу. Сердце въ немъ замирало. Таинственный человѣкъ остановился прямо противъ дверей кватиръ господина Голядкина, стукнулъ, и (что, впрочемъ, удивило бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка словно жалъ, и спать не ложился, тотчасъ отворилъ дверь и пошелъ за вошедшимъ человѣкомъ со свѣчею въ рукахъ. Внѣ себя вбѣжалъ въ жилище свое герой нашей повѣсти; не снимая шинели и шляпы, прошелъ онъ корридорчикъ и, словно громомъ пораженный, остановился на порогѣ своей комнаты. Всѣ предчувствія господина Голядкина сбылись совершенно. Все, чего опасался онъ и что предугадывалъ, совершилось теперь на-яву. Дыханіе его порвалось, голова закружилась. Незнакомецъ сидѣлъ передъ нимъ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его же постели, слегка улыбаясь и, прищурясь немного, дружески кивалъ ему головою. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ, — протестовать какимъ нибудь образомъ, но силъ не хватило. Волосы встали на головѣ его дыбомъ, и онъ присѣлъ безъ чувствъ на мѣстѣ отъ ужаса. Да и было отъ чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно узналъ своего ночнаго пріятеля. Ночной пріятель его былъ не кто иной, какъ онъ самъ, — самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой же, какъ и онъ самъ — однимъ словомъ, что называется двойникъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА VI.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ очнулся на своей постели. Тотчасъ же всѣ необыкновенныя вещи вчерашняго дня и вся невѣроятная дикая ночь, съ ея почти невозможными приключеніями, разомъ, вдругъ, во всей ужасающей полнотѣ, явились его воображенію и памяти. Такая ожесточенная адская злоба враговъ его и, особенно, послѣднее доказательство этой злобы, оледенѣли сердце господина Голядкина. Но и вмѣстѣ съ тѣмъ, все это было такъ странно, непонятно, дико, казалось такъ невозможнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣру

дать всему этому дѣлу; господинъ Голядкинъ даже самъ готовъ былъ признать все это несбыточнымъ бредомъ, мгновеннымъ разстройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, еслибъ, къ счастью своему, не зналъ по горькому житейскому опыту, до чего иногда злоба можетъ довести человѣка,—до чего можетъ иногда дойти ожесточенность врага, мстящаго за честь и амбицію. Къ тому же, разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморкъ сильно свидѣтельствовали и отстаивали всю вѣроятность вчерашней ночной прогулки, а частью и всего прочаго, приключившагося во время этой прогулки. Да и, наконецъ, господинъ Голядкинъ уже давнымъ давно зналъ, что у нихъ тамъ что-то готовится, что у нихъ тамъ есть кто-то другой. Но—что же? Хорошенько раздумавъ, господинъ Голядкинъ рѣшился смолчать, покориться и не протестовать по этому дѣлу до времени. «Такъ, можетъ быть, только поугаждать меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ничего, не протестую и совершенно смирюсь, съ смиреніемъ переносу, такъ и отступятся, сами отступятся, да еще первые отступятся.»

Такъ вотъ такія-то мысли были въ головѣ господина Голядкина, когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбитые члены, ждалъ, этотъ разъ, обычнаго появленія Петрушки въ своей комнатѣ. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, какъ лѣнивонецъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а между тѣмъ никакъ не рѣшался позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ даже немного боялся теперь очной ставки съ Петрушкою. «Вѣдь Богъ знаетъ», думалъ онъ; «вѣдь Богъ знаетъ, какъ теперь смотреть на все это дѣло этотъ мошенникъ. Онъ тамъ молчитъ, молчитъ, а самъ себѣ на умѣ.» Наконецъ, дверь заскрипѣла, и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядкинъ робко на него покосился, съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ, ожидая, не скажетъ ли онъ наконецъ чегонибудь на счетъ извѣстнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а напротивъ, былъ какъ-то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, косился на все пзъ подлобыя; вообще видно было, что онъ чѣмъ-то крайне недоволенъ; даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что, мимоходомъ сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставилъ на столъ все, что принесъ съ собой, повернулся и ушелъ, молча, за свою перегородку. «Знаетъ, знаетъ, все знаетъ, бездѣльникъ!» ворчалъ господинъ Голядкинъ, принимаясь за чай. Однакожъ, герой нашъ ровно ничего не спросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ потомъ входилъ въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положеніи духа былъ господинъ Голядкинъ. Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное предчувствіе было, что вотъ именно тамъ-то чтонибудь да не такъ. «Вѣдь вотъ пойдешь», думалъ онъ: «да какъ нат-

кнешься на чтонибудь: Не лучше ли теперь потерпѣть? Не лучше ли теперь подождать? Они тамъ—пускай себѣ какъ хотятъ; а я бы сегодня здѣсь подождать, собрался бы съ силами, оправился бы, размыслилъ получше обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ улучилъ бы минутку, да всѣмъ имъ какъ свѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу.» Раздумывая такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло; было уже почти половина десятаго. «Вѣдь вотъ уже половина десятаго», думалъ господинъ Голядкинъ: «и являться-то поздно. Да къ тому же я боленъ, разумѣется боленъ, непремѣнно боленъ; кто же скажетъ, что нѣтъ? Что мнѣ! А пришлютъ свидѣтельствовать, а пусть придетъ экзекуторъ; да и что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ? У меня вотъ спина болитъ, кашель, насморкъ; да и, наконецъ, и нельзя мнѣ идти, никакъ нельзя по этой погодѣ; я могу заболѣть, а потомъ и умереть, пожалуй; нынче особенно смертность такая...» Такими резонами господинъ Голядкинъ успокоилъ наконецъ вполне свою совѣсть и заранѣе оправдался самъ передъ собою въ нагоняѣ, ожидаемомъ отъ Андрея Филипповича за нерадѣніе по службѣ. Вообще, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ крайне любилъ нашъ герой оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ разными неотразимыми резонами и успокоивать такимъ образомъ вполне свою совѣсть. И такъ, успокоивъ теперь вполне свою совѣсть, взялся онъ за трубку, набилъ ее и только что началъ порядочно раскуривать,—быстро вскочилъ съ дивана, трубку отбросилъ, живо умылся, обрился, пригладился, натянулъ на себя виц-мундиръ и все прочее, захватилъ кое-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Вошелъ господинъ Голядкинъ въ свое отдѣленіе робко, съ трепещущимъ ожиданіемъ чего-то весьма нехорошаго — ожиданіемъ хотя безсознательнымъ, темнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неприятнымъ; робко присѣлъ онъ на свое всегдашнее мѣсто возлѣ столоначальника, Антона Антоновича Сѣточкина. Ни на что не глядя, не развлекаясь ничѣмъ, вникнулъ онъ въ содержаніе лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ себѣ слово какъ можно сторониться отъ всего вызывающаго, отъ всего могущаго сильно его компрометировать, какъ-то отъ нескромныхъ вопросовъ, отъ чьихънибудь шуточекъ и неприличныхъ намековъ на счетъ всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго вечера; рѣшился даже отстраниться отъ обычныхъ учтивостей съ сослуживцами, то есть вопросовъ о здоровьѣ, и прочее. Но очевидно тоже, что такъ оставаться было нельзя, невозможно. Безпокойство и невѣдѣніе о чемънибудь близко его задѣвающимъ, всегда его мучило болѣе, нежели самое задѣвающее. И тотъ почему, не смотря на данное себѣ слово не входить ни во что, что бы ни дѣлалось, и сторониться отъ всего, что бы ни было, господинъ Голядкинъ изрѣдка, украдкой, тихонько-тихонько приподымалъ голову, и исподтишка по-

глядывалъ на стороны, направо, налево, заглядывалъ въ фпзіономіи своихъ сослуживцевъ, и по нимъ уже старался заключить, нѣтъ ли чего новаго и особеннаго, до него относящагося и отъ него съ какими нибудь неблагоприятными цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непремѣнную связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всѣмъ теперь его окружающимъ. Наконецъ, въ тоскѣ своей, онъ началъ желать, чтобъ, хоть Богъ знаетъ какъ, да только разрѣшилось бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой нибудь — нужды нѣтъ! Какъ тутъ судьба поймала господина Голядкина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ разрѣшились, но за то самымъ страннымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко, какъ бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо весьма незначительно, и чья-то фигура, впрочемъ весьма знакомая господину Голядкину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за которымъ помѣщался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы, — нѣтъ, онъ взглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ маленькимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понималъ все, до малѣйшихъ подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою побѣдную голову, совершенно съ тою же самою цѣлью, съ которою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій песокъ. Новоприбывшій поклонился Андрею Филипповичу и, вслѣдъ за тѣмъ, послышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопоступившими подчиненными. — Сядьте вотъ здѣсь, проговорилъ Андрей Филипповичъ, указывая новичку на столъ Антона Антоновича: — вотъ здѣсь, напротивъ господина Голядкина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ займемъ. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ новоприбывшему скорый прилично-увѣщательный жестъ, а потомъ немедленно углубился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голядкинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ въ обморокъ, то единственно отъ того, что уже сперва все дѣло предчувствовалъ, что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ, угадавъ пришельца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Голядкина было быстро осмотрѣться кругомъ, — нѣтъ ли тамъ какого шушуканья, не отливается ли на этотъ счетъ какая нибудь острота канцелярская, не искривилось ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ ли, наконецъ, кто нибудь подъ столъ отъ испуга. Но, къ величайшему удивленію господина Голядкина, ни въ комъ не обнаружилось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослуживцевъ господина Голядкина поразило его. Оно казалось вѣдъ здраваго смысла. Господинъ Голядкинъ даже испугался такого необыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было странное, безобразное, дикое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разу-

мѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отъ чего, впрочемъ. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина, былъ — ужасъ господина Голядкина, былъ — стыдъ господина Голядкина, былъ — вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ; — не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшимъ перомъ въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любитъ ступеняться и зарыться въ толпѣ; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду», или: «не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю», — нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно другой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совершенно похожій на перваго, — такого же роста, такого же склада, также одѣтый, съ такой же лысной — однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ что еслибъ изъять, да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ бы на себя опредѣлить, который именно настоящій Голядкинъ, а который поддѣльный, кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналъ и кто копія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавлялся проказникъ какой нибудь, для шутки навводя на него исподтишка зажигательное стекло. «Что жъ это, сонъ или нѣтъ», думалъ онъ: «настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ же? по какому же праву все это дѣлается? кто разрѣшилъ такого чиновника, кто далъ право на это? Сплю ли я, грежу ли я?» Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого себя, даже попробовалъ вознамѣриться ущипнуть другаго кого нибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ небывалое и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, неприличное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ пасквильномъ дѣлѣ первымъ примѣромъ. Онъ даже сталъ наконецъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи своемъ, и хотя заранѣе былъ ко всему приготовленъ, и самъ желалъ, чтобъ хоть какими нибудь образомъ разрѣшились его сомнѣнія, но самая-то сущность обстоятельства ужъ конечно стояла неожпданности. Тоска его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла, и памяти. Очнувшись послѣ такого мгновенія, онъ замѣчалъ, что машинально и безсознательно водить перомъ по бумагѣ. Недовѣряя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное — и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до сихъ поръ чинно и смиренно, всталъ и исчезъ въ дверяхъ другаго отдѣленія за какимъ-то дѣломъ. Господинъ

Голядкинъ оглянулся кругомъ,—ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ переворачиваемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ поотдавленнѣе отъ сѣдалища Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ какъ, по всей вѣроятности, физиономія нашего героя вполне отзывалась его настоящимъ и гармонировала со всѣмъ смысломъ дѣла, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи была весьма замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ перо въ сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдомился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, заикаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ. — Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; я, Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ нерѣшительно, не совсѣмъ еще довѣряя часто поминаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы; впрочемъ, не мудрено, чего добраго! Нынче же, особенно, все такія повѣтрія. Знаете ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такія повѣтрія... Я, Антонъ Антоновичъ, не отъ того, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально вглядываясь въ Антона Антоновича:— я, видите ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю, какъ вамъ, то-есть, я хочу сказать, съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то хорошо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробнѣе, въ какомъ отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затрудняясь немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ— чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть новопоступившій чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вашъ.

— Какъ? вскрикнулъ господинъ Голядкинъ.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ ли вашъ?

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите пожалуйста, а мнѣ показалось, что, должно быть, близкій вашъ родственникъ. Знаете ли, есть такое, фамильное въ нѣкоторомъ родѣ, сходство.

Господинъ Голядкинъ остоленѣлъ отъ изумленія, и на время у него языкъ отнялся. Такъ легко трактовать такую безобразную, невиданную вещь, вещь дѣйствительно рѣдкую въ своемъ родѣ, вещь, которая поразила бы даже самого неинтереснаго наблюдателя, говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, когда тутъ видно, какъ въ зеркалѣ!

— Я, знаете ли что посовѣтую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ.—Вы

сходите-ка къ доктору, да посовѣтуйтесь съ нимъ. Знаете ли, вы какъ-то *выглядите* совсѣмъ нездорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое-то выраженіе есть.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то-есть, я хочу все спросить, какъ же этотъ чиновникъ?

— Ну-съ?

— То-есть, вы не замѣчали ли, Антонъ Антоновичъ, чего нибудь въ немъ особеннаго... слыхомъ чего нибудь выразительнаго?

— То-есть?

— То-есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмъ нибудь, напимѣръ, то-есть со мной, напимѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣчаніе вскользь слѣдали... Знаете ли, такъ иногда близнецы бываютъ, то-есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это-съ.

— Да съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ:—да-съ! справедливо-съ: сходство въ самомъ дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ что и дѣйствительно можно принять одного за другого, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе открывая глаза. — И знаете ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство, фантастическое, какъ иногда говорится, то-есть, совершенно какъ вы... Вы замѣтили ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, дѣйствительно чудо! А знаете ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Опъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. 'Можетъ быть, изъ однихъ съ вами мѣстъ. Ваша матушка, смѣю спросить, гдѣ большею частію проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ. А, и въ самомъ дѣлѣ, какъ же это чудно,—продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ нибудь было истиннымъ праздникомъ:—дѣйствительно способно завлечь любопытство; и вѣдь какъ часто мимо пройдешь, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь. Впрочемъ, вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете ли—вотъ я вамъ расскажу, тоже самое случилось съ моей тетушкой съ матерней стороны; она тоже предъ смертію себя вдвойнѣ видѣла...

— Нѣтъ-съ, я, — извините, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ, — я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ бы узнать, какъ же этотъ чиновникъ, т. е. на какомъ онъ здѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на вакантное мѣсто; вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семенъ-то Ивановичъ покойникъ, троихъ дѣтей,

говорятъ, оставилъ—малъ-мала меньше. Вдова падала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она тайтъ: у ней есть деньжонки, да она ихъ тайтъ...

— Нѣтъ-съ, я, Антопъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельстве.

— То-есть? Ну, да! да что же вы-то такъ интересуетесь этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Чтожъ? вѣдь вы сторона; это ужъ такъ самъ Господь Богъ устроилъ, это ужъ Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, невиноваты нисколько. Мало ли чудесъ есть на свѣтѣ! Мать-природа щедра; а съ васъ за это отвѣта не спрашивать, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слышали, надѣюсь, какъ ихъ, какъ-бишь ихъ тамъ, да, сіамскіе близнецы, срослись себѣ спинами, такъ и живутъ, и ѣдятъ, и спятъ вмѣстѣ; деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антопъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да! ну да, чтожъ?—ничего! Я говорю по крайнему моему разумѣнію, что смущаться тутъ нечего. Что жъ? онъ чиновникъ—какъ чиновникъ; кажется, что дѣловой человѣкъ. Говорить, что Голядкинъ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ, говорить, титулярный совѣтникъ, Лично съ его превосходительствомъ объяснялся.

— А ну, какъ же-съ?

— Ничего-съ; говорятъ, что достаточно объяснялся, резоны представилъ; говорить, что вотъ дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подъ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну и тамъ все, что слѣдуетъ, знаете ли, ловко все выразилъ. Умный человѣкъ, должно быть. Ну, разумѣется, явился съ рекомендаціей; безъ нея вѣдь нельзя...

— Ну-съ, отъ кого же-съ... т. е. я хочу сказать, кто тутъ именно въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

— Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація; его превосходительство, говорятъ, посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ; только такъ улыбнулись и сказали, что хорошо, и пожалуй, и что они съ ихъ стороны не прочь, только бы вѣрно служилъ...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антопъ Антоновичъ; умоляю васъ—дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ; ну, и ничего-съ; обстоятельство немудреное; вы, я вамъ говорю, не смущайтесь, и сумнительнаго въ этомъ нечего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, т. е., хочу спросить васъ, Антопъ Антоновичъ, что его превосходительство ничего больше не прибавили... на счетъ меня, напримѣръ?

— Т. е., какъ же-съ! Да-съ! Ну, нѣтъ, ничего; можете быть совершенно спокойны. Знаете, оно, конечно, разумѣется, обстоятельство довольно ра-

зительное и сначала... да вотъ я, напримѣръ, сначала я и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отчего не замѣтилъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антопъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вотъ-съ я, Антопъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ, а вотъ дѣло есть важное, свѣдѣніе. Нужно вотъ справиться.

— Антопъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича:—его превосходительство спрашивалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. И Антопъ Антоновичъ, взявъ въ руки кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

— Такъ какъ же это? думалъ про себя господинъ Голядкинъ:—такъ вотъ у насъ игра закона! Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ теперь подуваетъ... Это не дурно; это, стало-быть, наипротивнѣйшій оборотъ дѣла приняли, говорилъ про себя герой нашъ, потирая руки и не слыша подъ собою стула отъ радости. Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, никто ничего, и не пикнуть, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! я добраго человѣка люблю, любилъ и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подумать, этотъ Антопъ-отъ Антоновичъ... довѣряться-то страшно: сѣдъ черезъ-чуръ и отъ старости покачнулся порядкомъ. Самое, впрочемъ, славно и громадное дѣло то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили: оно хорошо! одобряю! Только Андрей-то Филипповичъ чего жъ тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой наровитъ перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперегъ, да въ пику человѣку; человѣку-то въ пику, да поперегъ...

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять оживился надеждой. Чувствовалъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришлось было въ голову самому какъ-нибудь подбиться къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ, какъ-нибудь, при выходѣ изъ должносты, или подойдя какъ будто бы за дѣлами) между разговоромъ, и намекнуть—что вотъ дескать, господи, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство разительное, обстоятельство странное, комедія пастышечная, — т. е. подтравить самому надъ всѣмъ этимъ, да и сондировать такимъ образомъ глубину опасности. А то, вѣдь, въ тихомъ-то омутѣ черти водятся! мысленно заключилъ нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался во-время. Понялъ онъ, что это

значить махнуть далеко. «Натура-то твоя такова!» сказал он про себя, щелкнув себя легонько по лбу рукою: «сейчас заиграешь, обрадовался! душа ты правдивая! Нѣтъ, ужь лучше мы съ тобой потерпимъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ, да потерпимъ!» — Тѣмъ не менѣе, и какъ мы уже упомянули, господинъ Голядкинъ возродился полнѣй надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. «Ничего», думалъ онъ: «словно пятьсотъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ-то просто вѣдь открывался. Крыловъ то и правъ, Крыловъ-то и правъ... дѣка, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служить, пусть его служатъ себѣ на здоровье, лишь бы никому не мѣшалъ и никого не затрогивалъ; пусть его служатъ, — согласенъ и апробую!»

А между тѣмъ часы проходили, летѣли, и незамѣтно стукнуло четыре часа. Присутствіе закрылось; Андрей Филипповичъ взялся за шляпу, и, какъ водится, всѣ послѣдовали его примѣру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ нарочно позже всѣхъ, самымъ послѣднимъ, когда уже всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ себя точно въ раю, такъ, что даже ощутилъ желаніе хоть и кроку дать, а пройдтись по Невскому. «Вѣдь вотъ судьба!» говорилъ нашъ герой: «неожиданный переворотъ всего дѣла. И погодка-то разгулялась, и морозецъ, и саночки. А морозъ-то годится русскому человѣку, славно уживается съ морозомъ русскій человѣкъ! Я люблю русскаго человѣка. И снѣжочикъ, и первая пороша, какъ сказалъ бы охотникъ; вотъ бы тутъ зайца по первѣй порошѣ! Эхма! да ну, ничего!»

Такъ-то выражался восторгъ господина Голядкина, а между тѣмъ что-то все еще щекотало у него въ головѣ, тоска не тоска — а порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ, чѣмъ утѣшить себя. «Впрочемъ, подождемъ-ка мы дѣя, и тогда будемъ раловаться. А впрочемъ, вѣдь что же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой же какъ и ты человѣкъ, во-первыхъ, совершенно такой же. Ну, да что жъ тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ мнѣ и плакать? Мнѣ-то что? Я въ сторонѣ; свищу себѣ, да и только! На то пошелъ, да и только! Пусть его служить! Ну, чудо и странность, тамъ говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ сіамскихъ-тс? положимъ, они близнецы, но вѣдь и великіе люди подчасъ чудачками смотрѣли. Даже изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ политики; и великіе полководцы... да, впрочемъ, что жъ полководцы? А вотъ я самъ по себѣ, да и только, и знать никого не хочу, и въ невинности моей, врага презираю. Не интригантъ, и этимъ горжусь. Чистъ, прямодушенъ, опрятенъ, пріятенъ, незлобивъ»...

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осякъся, и какъ листъ задрожалъ, даже закрылъ глаза на мгновеніе. Надѣясь, впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ наконецъ глаза и робко покосился на право. Нѣтъ, не иллюзія!.. Рядомъ съ нимъ сѣменилъ утренній знаконецъ его, улыбался, заглядывалъ ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на глаза шляпу до послѣдней возможности. Къ довершенію обиды, даже и шинель, и шляпа его пріятеля были точно такія же, какъ будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ наконецъ нашъ герой, стараясь говорить почти шопотомъ и не глядя на своего пріятеля: «мы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко. — Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно строго прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Я бы желалъ, проговорилъ наконецъ пріятель господина Голядкина: «я бы желалъ... вы, вѣроятно, великодушно извините меня... я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства — я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость — мнѣ даже показалось, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ своему новому сослуживцу провалиться сквозь землю.

— Если бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня снисходительно изволите выслушать...

— Мы — мы здѣсь — мы... лучше пойдемте ко мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ: «мы теперь перейдемъ на ту сторону Невского, тамъ намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ».

— Хорошо-съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ-съ, робко сказалъ смиренный спутникъ господина Голядкина, какъ будто намекая тономъ отвѣта, что гдѣ ему разбирать, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Что же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, что съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не опомнился отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

Опомнился онъ немного на лѣстницѣ, при входѣ въ квартиру свою. «Ахъ я баранъ-голова!» ругнулъ онъ себя мысленно: «ну, куда жъ я веду его? Самъ я голову въ петлю кладу. Что же подумаетъ Петрушка, увидя насъ вмѣстѣ? Что этотъ мерзавецъ

теперь подумать осмѣлится? а онъ подозрительнѣе...» — Но уже поздно было раскаиваться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мелькомъ взглядъ на Петрушку, стараясь проникнуть въ его фizioномію и разгадать его мысли. Но, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ онъ, что служитель его и не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего-то подобнаго. Конечно онъ и теперь смотрѣлъ волкомъ, косилъ на сторону, и какъ-будто кого-то съѣсть собирался. Уже не околдовалъ ли ихъ кто всѣхъ сегодня, думалъ герой нашъ, — бѣсъ какойнибудь обѣжалъ! Непремѣнно чтонибудь особенное должно быть во всемъ народѣ сегодня. «Чортъ возьми, экая мука какая!» Вотъ все-то такимъ образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робѣлъ, покорно слѣдилъ за всѣми движеніями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жестахъ его, такъ что онъ, если позволять сравненіе, довольно походилъ въ эту минуту на того человѣка, который, за неимѣніемъ своего платья, одѣлся въ чужое: рукава лѣзутъ на верхъ, талія почти на затылкѣ, а онъ-то поминутно оправляетъ на себѣ короткій жилетикъ, то вляетъ бочкомъ и сторонится, то наровитъ куда-нибудь спрятаться, то заглядываетъ всѣмъ въ глаза и прислушивается, не говорятъ ли чего люди о его обстоятельствахъ, не смѣются ли надъ нимъ, не стыдятся ли его, — и краснѣетъ человѣкъ, и теряется человѣкъ, и страдаетъ амбіція.... Господинъ Голядкинъ поставилъ свою шляпу на окно; отъ неосторожнаго движенія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ же бросился ее поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краешекъ котораго смиренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понявъ онъ, что нужда въ немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, ему самому. Гость же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего, робѣлъ ли, стыдился ли немножко, или, изъ учтивости, ждалъ начина хозяинскаго — неизвѣстно, — разобрать было трудно. Въ это время вошелъ Петрушка, остановился въ дверяхъ и уставился глазами въ сторону, совершенно противоположную той, въ которой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ небрежно и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы — да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взгля-

нулъ на своего гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ былъ добрый человѣкъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ же составилъ теорію:

— Бѣдный человѣкъ, думалъ онъ, да и на мѣстѣ то всего одинъ день; въ свое время пострадалъ, вѣроятно; можетъ быть, только и добра то, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то нечѣмъ. Экъ его, какой онъ забитый! Ну, ничего; это отчасти и лучше... Извините меня, что я, — началъ господинъ Голядкинъ: — впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ?

— Я... я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его, словно совѣстясь и стыдясь, словно прощенія прося въ томъ, что и его зовутъ тоже Яковомъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ! повторилъ нашъ герой, не въ силахъ будучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно такъ-съ... Тезка вамъ-съ, отвѣчалъ смиренный гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать что-нибудь пошутливѣе. Но тутъ же и осѣлся назадъ, принявъ видъ самый серьезный и немного впрочемъ смущенный, замѣчалъ, что хозяину его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте же васъ спросить, по какому случаю имѣю я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, — быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его гость, немного приподымаясь со стула: — осмѣлился я обратиться къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ и выбирая слова не слишкомъ льстивыя и унижительныя, чтобъ не окомпрометировать себя въ отношеніи амбіціи, — но и не слишкомъ смѣлая, отзвучающая неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина вель себя какъ благородный пищикъ въ заштопанномъ фракѣ, и съ благороднымъ паспортомъ въ карманѣ, не напрактиковавшійся еще, какъ слѣдуетъ, протягивать руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стѣны и гостя: — чѣмъ же я могъ бы... я, то-есть, хочу сказать, въ какомъ именно отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ-нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и, простите меня великодушно, на васъ понадеялся, — осмѣлился понадеяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человѣкъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновь. Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мною мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ; право, я не знаю,

что вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ:—вотъ, послѣ обѣда, мы по-толкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка собралъ на столъ,—и гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался недолго; оба они торопились,—хозяинъ, потому что былъ не въ обыкновенной тарелкѣ своей, да къ тому же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной,—совѣстился же отчасти оттого, что хотѣлось гостя хорошо покормить, а частью оттого, что хотѣлось показать, что онъ не какъ нищій живетъ. Съ своей стороны, гость былъ въ крайнемъ смущеніи и крайне конфузился. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ свой ломоть, онъ уже боялся протягивать руку къ другому ломтю, совѣстился брать кусочекъ получше и помянуто увѣрялъ, что онъ вовсе не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный, и что онъ, съ своей стороны, совершенно доволенъ и по гробъ будетъ чувствовать. Когда ѣда кончилась, господинъ Голядкинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю,—оба усѣлись другъ противъ друга, и гость началъ рассказывать свои приключенія.

Рассказъ господина Голядкина-младшаго продолжался часа три, или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, составлена изъ самыхъ пустѣйшихъ, изъ самыхъ мизернѣйшихъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣ гдѣ-то въ палатѣ, въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ повитчиковъ, о ревизорѣ, о внезапной переѣзѣ начальства, о томъ, какъ господинъ Голядкинъ второй пострадалъ совершенно безвинно; о престарѣлой тетушкѣ его, Целагеѣ Семеновнѣ; о томъ, какъ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ; о томъ, какъ онъ маялся и горе мыкалъ здѣсь, въ Петербургѣ, какъ бесплодно долгое время мѣста искалъ, прожился, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ, ѣлъ черствый хлѣбъ и запивалъ его слезами своими, спалъ на голомъ полу, и, наконецъ, какъ кто-то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушно къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ рассказывая, и утиралъ слезы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, весьма походившимъ на клеенку. Заключилъ же онъ тѣмъ, что открылся вполнѣ господину Голядкину и признался, что ему не только нечѣмъ покамѣстъ жить и прилично устроиться, но и обмундироваться-то какъ слѣдуетъ не на что; что вотъ, включилъ онъ, даже на сапожишки не могъ сколотиться, и что вицъ-мундиръ взять имъ у кого-то на поддержаніе, на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умиленіи, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже не смотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, всѣ слова этой исторіи ложились на сердце его, словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что

господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомнѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ натурально! И было отъ чего сокрушаться, быть такую тревогу! Ну, есть, дѣйствительно есть одно щекотливое обстоятельство,—да вѣдь оно не бѣда: оно не можетъ замарать человѣка, амбицію его запятнать и карьеру его загубить, когда невиновать человѣкъ, когда сама природа сюда замѣшалась. Къ тому же, гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, можетъ быть, и въ другомъ отношеніи, страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ лицомъ. Вѣдь онъ себя до нельзя благонадежно, такъ и смотрѣлъ угодить своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, какъ смотритъ человѣкъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виноватъ передъ другимъ человѣкомъ. Заходила-ли, на примѣръ, рѣчь о какомъ нибудь сомнительномъ пунктѣ, гость тотчасъ же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если же какъ нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контру господину Голядкину и потомъ замѣчалъ, что сбился съ дороги, то тотчасъ же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслитъ такъ же, какъ онъ, и смотритъ на все совершенно такими же глазами, какъ и онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія «пайдти» въ господинъ Голядкинъ, такъ что господинъ Голядкинъ рѣшилъ наконецъ, что гость его долженъ быть весьма любезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, подали чай; часъ былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разигрался, расходился понемножку и пустился, наконецъ, въ самый живой и занимательный разговоръ съ своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ, подъ веселую руку, любилъ иногда рассказать что нибудь интересное. Такъ и теперь: рассказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ и красотахъ мяго, о театрѣ, о клубахъ, о картинѣ Брюлова; о томъ, какъ два англичанина пріѣхали нарочно изъ Англіи въ Петербургъ, чтобъ посмотреть на рѣшетку Лѣтняго сада, и тотчасъ уѣхали; о службѣ, объ Олсуфѣ Ивановичѣ и объ Андреѣ Филипповичѣ; о томъ, что Россія съ часу на часъ идетъ къ совершенству, и что «тутъ

Словесныя науки днесь цвѣтутъ»;

объ анекдотѣ, прочитанномъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», и что въ Индіи есть змѣя удавъ, необыкновенной силы; наконецъ, о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словомъ, господинъ Голядкинъ вполнѣ былъ доволенъ, во первыхъ потому, что былъ совершенно спокоенъ, во вторыхъ, что

не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ третьихъ—что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознавался онъ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсѣмъ счастливъ въ эту минуту, что спитъ въ немъ еще одинъ червячекъ, самый маленькій впрочемъ, и точить даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олсуфья Ивановича. Много бы далъ онъ теперь, еслибъ не было кой чего изъ того, что было вчера. «Впрочемъ, вѣдь оно ничего!» заключилъ наконецъ нашъ герой, и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобные промахи. Такъ какъ господинъ Голядкинъ теперь расхохотался вполне и сталъ вдругъ почти совершенно счастливъ, то вздумалось ему даже и пожуровать жизнь. Принесенъ былъ Петрушкою ромъ, и составился пуншъ. Гость и хозяинъ осушили по стакану и по два. Гость оказался еще любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показалъ не одно доказательство прямодушія и счастливаго характера своего, сильно входилъ въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью и смотрѣлъ на него, какъ на истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумажки, онъ попросилъ господина Голядкина не смотрѣть на то, что онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончилъ, самъ показалъ хозяину своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно чувствительно, впрочемъ прекраснымъ слогомъ и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любезнаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
Въ жизни можетъ все случиться,
Не забуду и ты меня!

Со слезами на глазахъ обнялъ своего гостя господинъ Голядкинъ, и, расчувствовавшись наконецъ вполне, самъ посвятилъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, причемъ рѣчь спльно напиралась на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. «Ну, да вѣдь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся» говорилъ нашъ герой своему гостю: «мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родные; мы, дружище, будемъ хитрить, заодно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ интригу вести въ пику имъ... въ пику-то имъ интригу вести. А имъ-то ты никому не ввѣряйся. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой понимаю: вѣдь ты какъ разъ все расскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ.» Гость вполне соглашался, благодарилъ господина Голядкина и тоже наконецъ прослезился. «Ты знаешь ли, Яша» продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, расслабленнымъ

голосомъ: «ты, Яша, поселись у меня на время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что, братъ, тебѣ, а? А ты не смущайся и не ропщи на то, что вотъ между нами такое странное теперь обстоятельство: роптать, братъ, грѣшно; это природа! А мать природа щедра, вотъ что, братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ тобой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подкобы вести, и носы имъ утремъ.» Пуншъ наконецъ дошелъ до третьихъ и четвертыхъ стакановъ на брата, и тогда господинъ Голядкинъ сталъ испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно счастливъ, а другое—что уже не можетъ стоять на ногахъ. Гость, разумѣется, былъ приглашенъ ночевать. Кровать была кое какъ составлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ Голядкинъ-младшій объявилъ, что подъ дружескимъ кровомъ мягко спать и на голомъ полу, что съ своей стороны онъ заснетъ, гдѣ придется, съ покорностью и признательностью; что теперь онъ въ раю, и что, наконецъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и горя, на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и—кто знаетъ будущность?—можетъ быть, еще перетерпѣть. Господинъ Голядкинъ-старшій протестовалъ противъ этого и началъ доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполне соглашался и говорилъ, что, разумѣется, никто таковъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ Голядкинъ-старшій замѣтилъ, что турки правы въ нѣкоторомъ отношеніи, призывая даже во свѣ имя Божіе. Потомъ, не соглашаясь, впрочемъ, съ иными учеными въ иныхъ клеветахъ, изводимыхъ на турецкаго пророка Мухаммеда, и признавая его въ своемъ родѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ весьма интересному описанію алжирской цирюльни, о которой читалъ въ какой-то книжкѣ, въ смѣси. Гость и хозяинъ много смѣялись надъ простодушіемъ турковъ; впрочемъ, не могли не отдать должной дани удивленія ихъ фанатизму, возбуждаемому опиумомъ... Гость сталъ наконецъ раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вышелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что можетъ быть, дескать у него и рубашки-то порядочной нѣтъ, такъ чтобъ не сконфузить и безъ того уже пострадавшаго человѣка, а частію для того, чтобъ увѣриться по возможности въ Петрушкѣ, испытать его, развеселить, если можно, и приласкать человѣка, чтобъ ужъ всѣ были счастливы, и чтобъ не оставалось на столѣ просыпанной соли. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще немного смущалъ господина Голядкина.

— Ты, Петръ, ложись теперь спать, кротко сказалъ господинъ Голядкинъ, входя въ отдѣленіе своего служителя: — ты теперь ложись спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Понимаешь, Петруша?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не

обернулся къ своему барину, что бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петрѣ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?

— Да ужъ помню, ужъ что тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну то-то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь всѣ счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы всѣ трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего-нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ было, да и остановился. «Не слишкомъ ли будетъ», подумалъ онъ: «не далеко ли я замахнулъ? Такъ-то всегда; всегда-то я пересыплю.» Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма недовольный собою. Къ тому же, грубостью и неподатливостью Петрушки онъ немало обидѣлся. «Съ шельмецомъ заигрываютъ, шельмецу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Впрочемъ, такая ужъ тенденція подлая у всего этого рода!» Отчасти покачиваясь, воротился онъ въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, присѣлъ на минутку къ нему на постель. «А вѣдь признайся, Яна, началъ онъ шопотомъ и курныкая головой: «вѣдь ты, подлецъ, предо мной виновать? вѣдь ты, тѣзка, знаешь, того...» продолжалъ онъ, довольно фамиллярно заигрывая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, распростившись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между тѣмъ захрапѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а между тѣмъ, посмѣиваясь, шепталъ про себя: «Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлецъ ты такой, Голядка ты этакой,—фамилья твоя такова! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, нюня ты этакая: что мнѣ дѣлать съ тобой!» Тутъ довольно странное ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что-то похожее на сомнѣніе, или раскаяніе. «Раскопался жъ я», думалъ онъ: «вѣдь вотъ теперь шумитъ въ головѣ и я пьянъ; и не удержался, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намололъ, да еще хитрить, подлецъ, собирался. Конечно, прощеніе и забвеніе обидъ есть первѣйшая добродѣтель, но все жъ оно плохо! вотъ оно какъ!» Тутъ господинъ Голядкинъ привсталъ, взялъ свѣчу, и на ципочкахъ еще разъ пошелъ взглянуть на спящаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. «Картина непріятная! пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!»

Наконецъ господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ. — Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться — забываться... силится было о чемъ-то думать, вспомнить что-то такое весьма интересное, разрѣшить что-то такое весьма важное,

какое-то щекотливое дѣло,—но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его поѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пунша на какойнибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

Какъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись же, тотчасъ припомнилъ всѣ происшествія вчерашняго вечера, — припомнилъ и поморщился. «Экъ я разыгрался вчера какимъ дуракомъ!» подумалъ онъ, приподымаясь съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но каково же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постели, на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! «Что жъ это такое?» чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «что жъ бы это было такое? Что же означаетъ теперь это новое обстоятельство?» Покамѣстъ господинъ Голядкинъ, недоумѣвая, съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрипнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. «Гдѣ же, гдѣ же?» проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, даже не посмотрѣлъ на своего барина, а поворотилъ свои глаза въ уголъ направо, такъ что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго молчанія Петрушка, сиповатымъ, и грубымъ голосомъ, отвѣтилъ — «что барина дома нѣтъ».

— Дуракъ ты, да вѣдь я твой баринъ, Петрушка, проговорилъ г. Голядкинъ прерывистымъ голосомъ и во всѣ глаза смотря на своего слушателя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей,—посмотрѣлъ съ какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ Петрушка объявилъ, что *другой* ужъ часа съ полтора какъ ушелъ и не хотѣлъ дожидаться. Конечно, отвѣтъ былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не лгалъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, были лишь слѣдствіемъ всего извѣстнаго гнуснаго обстоятельства, но все-таки онъ понималъ, хотъ и смутно, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что судьба готовитъ ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. «Хорошо, мы посмотримъ», думалъ онъ про себя: «мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ, ты, Господи Боже мой!» простоналъ онъ въ заключеніе уже совсѣмъ другимъ голосомъ: «и зачѣмъ я это приглашалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? вѣдь истинно самъ голову сую въ петлю ихъ воровскую, самъ

эту петлю свиваю. Ахъ, ты голова, голова! вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провратиться какъ маличишка какойнибудь, канцеляристъ какойнибудь, какъ безчиновная дрянная какаянибудь, тряпка, ветошка гнилая какаянибудь, сплетникъ ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стишки шельмецъ написалъ, и въ любви ко мнѣ изъяснился! Какъ бы такъ, того... Какъ бы ему, шельмecu, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьи... Или, тамъ, припугнуть его какънибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то-то и то-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и столъ, и деньги впередъ отдавать. Гм! нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это меня замараетъ. Оно не совсѣмъ деликатно! Развѣ какънибудь, тамъ, вотъ такъ-бы сдѣлать: взять-бы, да и надоумить Петрушку, чтобъ Петрушка ему насолить какънибудь, неглижировалъ-бы съ нимъ какънибудь, сгрубилъ ему, да и выжить его такимъ образомъ? Сгравить бы ихъ такъ вмѣстѣ... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять, если съ этойкой точки зрѣнья смотрѣть—ну, да, вовсе нехорошо! Совсѣмъ нехорошо! А ну,—если онъ не придетъ? и это плохо будетъ? проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло-то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! взубрить-то ты чего слѣдуетъ не можешь себѣ, резону-то въводить туда не можешь себѣ! Ну, какъ онъ придетъ и откажется? А дай-то Господи, еслибъ пришелъ! весьма былъ-бы радъ я, еслибъ пришелъ онъ; много-бы далъ я, еслибъ пришелъ...» Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. «Безъ четверти девять теперь; вѣдь, вотъ ужъ пора идти. А что-то будетъ такое; что-то тутъ будетъ? Желалъ-бы я знать, что здѣсь именно особеннаго такого скрывается,—этакъ цѣль, направленіе и разныя тамъ заковыки. Хорошо-бы узнать, на что именно мѣтять всѣ эти народы, и каковъ-то будетъ ихъ первый шагъ...» Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутствіемъ. А опасность была: это ужъ онъ самъ зналъ, что опасность была. «А вотъ мы ее... и раскусимъ», говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней: «вотъ мы и провикнемъ сейчасъ во всѣ эти дѣла.» Рѣшившись такимъ образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принялъ видъ приличный и форменный, и только что хотѣлъ было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ, въ самыхъ дверяхъ, столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина старшаго, хотя и сошелся съ нимъ по-

чти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ младшій былъ, кажется, занятъ, куда-то спѣшилъ, запыхался; видъ имѣлъ такой официальный, такой дѣловой, что, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его—«командированъ по особому порученію»...

— Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказалъ нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.

— Послѣ, послѣ, извините меня, расскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ младшій, порываясь впередъ...

— Однако, позвольте; вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...

— Что-съ? Объясните скорѣе-съ.—Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился какъ-бы черезъ силу и нехотя, и подставилъ ухо свое прямо къ носу господина Голядкина.

— Я вамъ скажу, Яковъ Петровичъ, что я удивляюсь приему... приему, какого вовсе, новидимому, не могъ бы я ожидать.

— На все есть извѣстная форма-съ. Явитесь къ секретарю его превосходительства и потомъ отнеситесь, какъ слѣдуетъ, къ господину правитель канцеляріи. Просьба есть?..

— Вы, я не знаю, Яковъ Петровичъ! вы меня просто изумляете, Яковъ Петровичъ! вы вѣрно не узнаете меня, или шутите, по врожденной веселости характера вашего.

— А, это вы! сказалъ господинъ Голядкинъ младшій, какъ будто только что сейчасъ разглядѣвъ господина Голядкина старшаго: — такъ это вы? Ну, чтожъ, хорошо ли вы почивали? Тутъ господинъ Голядкинъ младшій, улынувшись немного, официально и форменно улынувшись, хотя вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало (потому что, вѣдь во всякомъ случаѣ онъ долженъ же былъ благодарностью господину Голядкину старшему), и такъ—улынувшись официально и форменно, прибавилъ, что онъ съ своей стороны весьма радъ, что господинъ Голядкинъ хорошо почивалъ; потомъ наклонился немного, пошменилъ немного на мѣстѣ, поглядѣлъ направо, налево, потомъ опустилъ глаза въ землю, нацѣлился въ боковую дверь, и, прошептавъ скороговоркой, что онъ по особому порученію, юркнулъ въ сосѣдную комнату. Только его и видѣли.

— Вотъ-те и штука!.. прошептавъ нашъ герой, остолбенѣвъ на мгновенье:—вотъ-те и штука! Такъ вотъ такое-то здѣсь обстоятельство!.. Тутъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что у него отъ чего-то заходили мурашки по тѣлу. — Впрочемъ, продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе: — впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельствѣ, я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію, — именно, вотъ вчера говорилъ, что нѣпримѣнно по чьему-нибудь особому порученію употребленъ человекъ...

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антонъ Антоновичъ Сѣ-

точкинъ уѣвшагося подлѣ него господина Голядкина:—у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника, отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ. Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже два раза спрашивалъ. Тотъ и гляди, что его превосходительство потребуетъ...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антопъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радѣю о порученныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антопъ Антоновичъ. Я только, Антопъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... т. е. я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не падаютъ никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищѣ-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То есть, на какое лицо вы теперь намекаете?

— То есть, я хотѣлъ только сказать, Антопъ Антоновичъ, что я иду прямымъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не пинтигаптъ, и что симъ, если позволено только будетъ мнѣ выразиться, могу весьма справедливо гордиться...

— Да-съ. Это все такъ-съ, и по крайнему моему разумѣнію отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позвольте же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хорошемъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ; что за глаза, я, напримѣръ, готовъ снести,—потому что за глаза я кого жъ не бранялъ!—но въ глаза, воля ваша, и я; сударь мой, напримѣръ, себѣ дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ на государственной службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антопъ Антоновичъ-съ, вы видите-ли, Антопъ Антоновичъ,—вы, кажется, Антопъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антопъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь поставить-съ...

— Да ужъ и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы по старинному-съ. А по вашему, по новому, учиться намъ поздно. На службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцати-пятилѣтнюю безпѣрочную службу-съ...

— Я чувствую, Антопъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорилъ, Антопъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То есть, вы опять... я опасаясь, что вы тутъ примете въ другую сторону смыслъ, т. е. смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите,

Антопъ Антоновичъ. Я только тѣмъ развѣваю, т. е. пропускаю идею, Антопъ Антоновичъ, что люди, носящіе маску, стали не рѣдки-съ, и что теперь трудно подъ маской узнать человека-съ...

— Ну-съ, знаете ли-съ, оно не совсѣмъ-то и трудно-съ. Иногда и довольно легко-съ, иногда и искать недалеко пужно ходить-съ.

— Нѣтъ-съ, знаете ли-съ, я, Антопъ Антоновичъ, говорю-съ, про себя говорю, что я, напримѣръ, маску надѣваю лишь когда нужда въ ней бываетъ, т. е. единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, но что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе скрытномъ смыслѣ-съ. Вотъ, что я хотѣлъ сказать, Антопъ Антоновичъ-съ,

— Ну, да мы, покажѣмъ, оставимъ все это; да мнѣ-же и некогда-съ, сказалъ Антопъ Антоновичъ, привставъ съ своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству.—Дѣло же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Самъ же увидите вы, на кого вамъ пенять, и кого обвинять, а за тѣмъ прошу васъ покорнѣе уволить меня отъ дальнѣйшихъ, частныхъ и вредящихъ службъ объясненій и толковъ-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антопъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антопу Антоновичу:—я, Антопъ Антоновичъ, того-съ, и не думалъ-съ.—Что же это такое? продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ:—что же это за вѣтры такіе здѣсь подуваютъ, и что означаетъ этотъ новый крючекъ? Въ то самое время, какъ потерянный и полу-убитый герой нашъ готовился было разрѣшить этотъ новый вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филипповичъ, только что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, запыхавшись, появился въ дверяхъ и кинувшись въ комнату Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, обготовляя и обхаливая окончательно требующую тетрадку, да и самъ приготавливаясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ, и почти изъ подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ младшій, суетясь, запыхавшись, загонявшись на службѣ, съ важнымъ рѣшительно-форменнымъ видомъ, и прямо подкатился къ господину Голядкину старшему, менѣе всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволилъ спрашивать, готовы ль у васъ? зашебеталъ въ пол-голоса и скороговоркой

пріятель господина Голядкина старшаго:—Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ старшій, тоже скороговоркой и шопотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то; я, Яковъ Петровичъ, совсѣмъ не то; я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнуть душевнымъ участіемъ.

— Отъ котораго нѣжайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-съ...

— Вы, разумѣется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, вы замѣтили-ль чернильное пятнышко?..

Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете-ли вы, русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ, вы лучше на меня положитесь: вы лучше не трогайте сами, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь, — я же отчасти тутъ ножичкомъ...

Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, вовсе нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ; вотъ, позвольте... вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я изъ участія, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца... вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ...

Тутъ, и совсѣмъ неожиданно, господинъ Голядкинъ младшій, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, осиливъ господина Голядкина старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякомъ случаѣ совершенно противъ воли его, овладѣлъ требуемой начальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина старшаго,—быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ два скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, незамѣтившаго ни одной изъ продѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій кабинетъ. Господинъ Голядкинъ старшій остался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ рукахъ ножичекъ и какъ будто приготовляясь что-то скоблить имъ...

Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство. Онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что нибудь такъ. Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ, наконецъ, съ мѣста и бросился прямо въ директорскій кабинетъ, моля, впрочемъ, небо дорогою, чтобъ это устроилось все какъ нибудь къ лучшему и было бы такъ, ничего... Въ послѣд-

ней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ, сбѣжался онъ, прямо носъ съ носомъ, съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамилцемъ своимъ. Оба они уже возвращались: господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина старшаго тоже улыбался, юлилъ, сѣменилъ въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича, и что-то съ восхищеннымъ видомъ нашептывалъ ему на ушко, на что Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ понялъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во время. Его превосходительство были крайне довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину младшему, крѣпкое спасибо; сказали, что вспомнить при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный, какъ смерть, бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло, отказался слушать, рѣшительно замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. «А вотъ лучше я какъ нибудь съ другой стороны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу.» Къ несчастью господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ. «А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ объясненій и толковъ!» подумалъ герой нашъ. «Вотъ куда мѣтилъ—старая петля! Въ такомъ случаѣ, я просто дерзну умолять его превосходительство.»

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что именно нужно рѣшиться, присѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. «Гораздо было бы лучше, еслибъ все это было лишь такъ только», непрерывно думалъ онъ про себя. «Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже невѣроятно совсѣмъ. Это, во-первыхъ, и вздоръ, а во-вторыхъ, и случиться не можетъ. Это, вѣроятно, какъ нибудь тамъ померещилось, или вышло что нибудь другое, а не то, что дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какъ нибудь тамъ принялъ совсѣмъ за другаго... однимъ словомъ, это совершенно невозможное дѣло.»

Тодѣко что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совсѣмъ невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ младшій, съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подъ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, деремолвивъ и еще кое съ

кѣмъ, полюбезничавъ кое съ кѣмъ, пофамиллярничавъ кое съ кѣмъ, господинъ Голядкинъ младшій, повидимому немѣвній лишняго времени на без-полезную трату, собирался уже, кажется, выйти изъ комнаты, но, къ счастію господина Голядкина старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тутъ же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ старшій бросился прямо къ нему. Только что увидѣлъ господинъ Голядкинъ младшій маневръ господина Голядкина старшаго, тотчасъ же началъ съ большимъ безпокойствомъ осматриваться, куда бы ему поскорѣй улизнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего вчерашняго гостя. Чиновники, окружавшіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали, что будетъ. Старый титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мнѣніе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подъ него интригуютъ: тѣмъ болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, довольно дерзко смотря на господина Голядкина старшаго.

Господинъ Голядкинъ старшій едва дышалъ.— Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ:— какимъ образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ.— Тутъ господинъ Голядкинъ младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною, въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обличаютъ... чѣмъ всѣ слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она плохвата...

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы почивали? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказали совершенно потерявшійся титулярный совѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою:—я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка мой!! проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, скорчивъ довольно неблагопріостойную гримасу господину Голядкину старшему, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно пухлую правую щеку. Герой нашъ вспыхнулъ, какъ огонь... Только что пріятель господина Голядкина старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясаясь всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный, какъ ракъ, и наконецъ доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно, и самымъ безстыднымъ образомъ, предупредилъ его въ свою

очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекамъ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣсколько секундъ такимъ образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ молодежи, господинъ Голядкинъ младшій, съ возмущающимъ душу безстыдствомъ, щелкнулъ окончательно господина Голядкина старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорилъ ему: «шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ; шалишь! хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить.» Потомъ, и прежде, чѣмъ герой нашъ успѣлъ мало-мальски придти въ себя отъ послѣдней атаки, господинъ Голядкинъ младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку окружавшимъ ихъ зрителямъ) принялъ на себя видъ самый занятой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съежился, сжался, и, быстро проговоривъ «по особому порученію», лягнулъ своей коротенькой ножкой и шмыгнулъ въ сосѣдную комнату. Герой нашъ не вѣрилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, что предательски поруганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежѣйшимъ другомъ своимъ, что сръзался, наконецъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,—господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ непріателемъ. Въ настоящее мгновеніе онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего поруганія. «Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ», говорилъ онъ самъ про себя: «одинъ за другаго стоитъ и одинъ другаго на меня направляетъ.» Однакожь, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что всѣ преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. «Не уйдешь», думалъ онъ: попадешь подъ сюркупъ своевременно, отольются волку овечьи слезы.» Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до стула и усѣлся на немъ. «Не уйдешь!» сказалъ онъ опять. Теперь дѣло шло не о пассивной оборонѣ какойнибудь: пахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, кольнулъ перомъ въ чернильницу, и съ какой яростью принялся строчить на бумагѣ, тотъ могъ уже заранѣе рѣшить, что дѣло такъ не пройдетъ, и простымъ, какимънибудь бабьимъ образомъ, не можетъ окончиться. Въ глубинѣ души своей сложилъ онъ одно рѣшеніе, и въ глубинѣ сердца своего поклялся исполнить его. По правдѣ-то, онъ еще не совсѣмъ хорошо зналъ, какъ ему поступить, т. е., лучше сказать, вовсе не зналъ; но все равно, ничего! «А самозванствомъ и безстыдствомъ, милостивый государь, въ нашъ вѣкъ не берутъ.

Самозванство и безстыдство, милостивый мой государь, не къ добру приводить, а до петли доводить. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взявъ самозванствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго.» Не смотря на это послѣднее обстоятельство, господинъ Голядкинъ положилъ ждать до тѣхъ поръ, покаместъ маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Для сего пужно было, во-первыхъ, чтобъ кончались какъ можно скорѣе часы присутствія, а до тѣхъ поръ герой нашъ положилъ не предпринимать ничего. Потомъ же, когда кончатся часы присутствія, онъ приметъ мѣру одну. Тогда же онъ знаетъ, какъ ему поступить, принявъ эту мѣру, какъ расколотить весь планъ своихъ дѣйствій, чтобъ расколотить рогъ гордыни и раздавить змѣю, грызущую прахъ въ презрѣннѣе безсилія. Позволить же затереть себя, какъ ветошку, объ которую грязные сапоги обтираютъ, господинъ Голядкинъ не могъ. Согласиться на это не могъ онъ, и особенно въ настоящемъ случаѣ. Не будь послѣдняго посрамленія, герой нашъ, можетъ быть, и рѣшился бы скрѣпить свое сердце, можетъ быть онъ и рѣшился бы смолчать, покориться и не протестовать слишкомъ упорно; такъ, поспорилъ бы, попрегнулъ бы немножко, доказалъ бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ быть, и еще немножко бы уступилъ, потомъ согласился бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ быть, и помирился бы даже, даже умилился бы немножко, даже,—кто бы могъ знать,—можетъ быть возродилась бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ что эта дружба совершенно могла бы затмить, наконецъ, неприятность довольно неблагопрістойнаго сходства двухъ лицъ, такъ, что оба титулярные совѣтника были бы крайне какъ рады, и прожили бы, наконецъ, до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ: господинъ Голядкинъ даже начиналъ немного рассказываться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ же получилъ за то неприятность. «Покорись онъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «скажи, что пошутилъ,—простилъ бы ему, даже болѣе простилъ бы ему, только бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветошку себя затирать, я не дамъ. И не такимъ людямъ не давалъ я себя затирать, тѣмъ болѣе не позволю покушаться на это человѣку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. «Сами вы, сударь вы мой, виноваты!» Рѣшился же онъ протестовать, и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужъ былъ человѣкъ! Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе позволить себя затереть какъ ветошку, и наконецъ дозволить это совсѣмъ развращенному человѣку. Не споримъ, впрочемъ, не спо-

римъ. Можетъ быть, еслибъ кто захотѣлъ, еслибъ ужъ кому, наприимѣръ, вотъ такъ, непременно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ, въ иной разъ, это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ,—такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбіціей, ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безотвѣтной амбіціей и съ безотвѣтными чувствами и—далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно долго; наконецъ прошло четыре. Спусти немного, всѣ встали, и вслѣдъ за начальникомъ двинулись къ себѣ, по домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ его не дремалъ и не упускалъ, кого нужно, изъ виду. Наконецъ нашъ герой увидалъ, что пріятель его подбѣжалъ къ канцелярскимъ сторожамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлему обыкновенію своему, юлитъ около нихъ въ ожиданіи своей. Минута была рѣшительная. Кое какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь толпу и, не желая отставать, тоже захопоталъ о шинели. Но шинель подалась сперва пріятелю и другу господина Голядкина, затѣмъ, что и здѣсь успѣлъ онъ по своему подбиться, приласкаться, напечатать и наподличать.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ младшій, иронически взглянувъ на господина Голядкина старшаго, дѣйствуя такимъ образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потомъ, съ свойственною ему наглостью, осмотрѣлся кругомъ, посмѣявшись окончательно,—вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе,—около чиновниковъ, сказалъ словно одному, пошептался о чемъ-то съ другимъ, почтительно полизался съ третьимъ, адресовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ старшій за нимъ, и, къ неописанному своему удовольствію, таки нагналъ его на послѣдней ступенькѣ, и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потеряннѣмъ видомъ.

— Какъ понимать мнѣ васъ? прошепталъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь. если вы только благородный человѣкъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, чтожъ? хорошо-ли вы почивали-съ?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-съ... Но позвольте же и вамъ сказать, милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говорит? Это враги мои говорят, отвѣчалъ отрывисто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вмѣстѣ съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извозчика—подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки, и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина старшаго. Отчаянный и покинутый всѣми титулярный совѣтникъ оглянулся кругомъ, но не было другаго извозчика. Попробовалъ было онъ бѣжать, да ноги подламывались. Съ опрокинутой фізіономіей, съ разинутымъ ртомъ, уничтожившись, съезжившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу и остался нѣсколько минутъ такимъ образомъ посреди тротуара. Казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

Все, по видимому, и даже природа сама, вооружилось противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потеръ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ; да какъ за нее взяться, за эту опасность-то? вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, «что, дескать, не оставить-ли все это такъ, не отступить-ли запросто? Ну, чтожь? ну, и ничего. Я буду особо, какъ будто не я», думалъ господинъ Голядкинъ: «пропускаю все мимо; не я, да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ же опасность? ну, какая опасность? Желалъ бы я, чтобъ кто нибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Плѣвое дѣло! обыкновенное дѣло!..» Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣкся. «Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низости, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не двинулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ, что рѣшиться на что нибудь въ настоящую минуту было для него сущю необходимостью; даже чувствовалъ, что много бы далъ тому, кто сказалъ бы ему, на что именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ, и некогда было угадывать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, нанялъ онъ извозчика и полетѣлъ домой. «Что? каково-то ты теперь себя чувствуешь? подумалъ онъ самъ въ себѣ: Каково-то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что-то ты сдѣлаешь? что-то сдѣлаешь ты те-

перь, подлецъ ты такой, шельмецъ ты такой! Довелъ себя до послѣдняго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!» Такъ поддразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на тряскомъ экипажѣ своего ваньки. Поддразнивать себя и растравлять такимъ образомъ свои раны, въ настоящую минуту, было какимъ-то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть-ли не сладострастіемъ. «Ну, еслибъ тамъ, теперь», думалъ онъ: «волшебникъ какой бы пришелъ, или официальнымъ образомъ какъ нибудь этакъ пришлось, да сказали бы: дай, Голядкинъ, палецъ съ правой руки и кнѣты съ тобой; не будетъ другаго Голядкина, и ты будешь счастливъ, только пальца не будетъ,—такъ отдалъ бы палецъ, непременно бы отдалъ, не поморщась бы отдалъ. Черти бы взяли все это!» вскрикнулъ, наконецъ, отчаянный титулярный совѣтникъ: «ну, зачѣмъ все это? ну, надобно было всему этому быть; вотъ непременно этому, вотъ именно этому, какъ будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, всѣ были довольны и счастливы; такъ вотъ нѣтъ же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возмешь. Нужно дѣйствовать.»

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, нимало не медля схватился за трубку и, насасывая се изъ всѣхъ силъ, раскидывая клочья дыма на право и на лѣво, началъ, въ чрезвычайномъ волненіи, бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ, Петрушка сталъ собирать на столъ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вдругъ бросилъ трубку, навинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не будетъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ нагналъ его запыхавшійся Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго,—что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д.,—но такъ какъ Петрушка и глядѣть не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, надѣвъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ нибудь, хотя чувствовалъ, между прочимъ, даже у себя въ пяткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, нанялъ извозчика и полетѣлъ къ Андрею Филипповичу. «Впрочемъ, не лучше-ли завтра?», думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за ступокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филипповича: Да и что же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, и дѣйствительно, мизерное, плѣвое, т. е. почти плѣвое дѣло... вѣдь вотъ оно какъ это все, обстоятельство-то...» вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ; колокольчикъ зазвенѣлъ, изнутри послышались чьи

то шаги.. Тутъ господинъ Голядкинъ даже про-
клялъ себя, отчасти за свою поспѣшность и дер-
зость. Недавнія непріятности, о которыхъ госпо-
динъ Голядкинъ едва не позабылъ за дѣлами, и
контра съ Андреемъ Филипповичемъ — тутъ же
пришли ему на память. Но уже бѣжать было поздно:
дверь отворилась. Къ счастью господина Голяд-
кина, отвѣчали ему, что Андрей Филипповичъ, и
домой не пріѣзжалъ изъ должности, и не обѣдаетъ
дома. «Знаю, гдѣ онъ обѣдаетъ: онъ у Измайлов-
скаго моста обѣдаетъ», подумалъ герой нашъ, и
страхъ какъ обрадовался. На вопросъ слуги, какъ
объ васъ доложить, сказалъ, что дескать я, мой
другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, послѣ,
и даже съ нѣкоторою бодростью сбѣжалъ внизъ
по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, онъ рѣшился отпу-
стить экипажъ и расплатился съ извозчикомъ. Ког-
да же извозчикъ попросилъ о прибавкѣ, — дескать,
ждалъ, сударь, долго, и рысачка для вашей ми-
лости не жалѣлъ, — то далъ и прибавочки пята-
чокъ, и даже съ большою охотою; самъ же пѣш-
комъ пошелъ.

— Дѣло-то оно, правда, такое, думалъ госпо-
динъ Голядкинъ: — что вѣдь такъ оставить нельзя;
однакожь, если такъ разсудить, этакъ здраво
разсудить, такъ изъ чего же по настоящему здѣсь
хлопотать? Ну, нѣтъ, однакожь, я буду все про
то говорить, изъ чего же мнѣ хлопотать? изъ чего
мнѣ маяться, биться, мучиться, себя убивать? Во
первыхъ, дѣло сдѣлано, и его не воротить... вѣдь
не воротить! Разсудимъ такъ: является человѣкъ —
является человѣкъ съ достаточной рекомендаціей,
дескать способный чиновникъ, хорошаго поведенія,
только бѣденъ, и потерпѣлъ разныя непріятно-
сти, — передрыгивать тамъ этакія, — ну, да вѣдь бѣд-
ность не порокъ; стало быть, я въ сторонѣ. Ну,
въ самомъ дѣлѣ, что-жь за вздоръ такой? Ну, при-
шелся, устроился, самой природой устроился такъ
человѣкъ, что двѣ капли воды похожъ на другаго
человѣка, что совершенная копія съ другаго чело-
вѣка: такъ ужъ его за это и не принимать въ де-
партаментъ?! Коли ужъ судьба, коли одна судьба,
коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата, — такъ
ужъ его и затереть какъ ветошку, такъ ужъ и слу-
жить ему не давать... да гдѣ же тутъ, послѣ этого,
справедливость будетъ? Человѣкъ же онъ бѣдный,
затерянный, запуганный; тутъ сердце болитъ, тутъ
состраданіе его призрѣть велитъ! Да! нѣчего ска-
зать, хороши бы были начальники, еслибъ такъ
разсуждали, какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь
башка у меня! На десятыхъ подъ-часъ глупости
хватитъ! Нѣтъ, нѣтъ! и сдѣлано хорошо, и спа-
сибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну,
да, положимъ, напиримъ, что мы близнецы, что
вотъ ужъ мы такъ уродились, что братья-близнецы,
да и только — вотъ оно какъ! Ну, что же такое?
Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ пріучить...
а посторонній кто, войдя въ наше вѣдомство, ужъ
вѣрно не нашелъ бы ничего неприличнаго и оскор-
бительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно, даже,

тутъ есть кое что умилятельное; что вотъ, дескать,
мысль-то какая: что, дескать, промыслъ Божій со-
здалъ двухъ совершенно подобныхъ, а начальство
благодѣтельное, видя промыслъ Божій, пріютило
двухъ близнецовъ. Оно, конечно, — продолжалъ го-
сподинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного по-
низивъ голосъ: — оно, конечно... оно, конечно, луч-
ше бы было, кабы не было ничего этого, умиля-
тельнаго, и близнецовъ никакихъ тоже бы не было...
Чортъ бы побралъ все это! И на что это нужно
было? И что за надобность тутъ была такая осо-
бенная, и никакого олагательства нетерпящая?!
Господи Боже мой! Экъ вѣдь черти заварили кашу
какую! Вотъ, вѣдь, однакожь, у него и характеръ
такой, вѣра онъ такого игриваго, сквернаго, —
подлецъ онъ такой, вертлявый такой, лизунъ, ли-
зоблюдь, Голядкинъ онъ этакій! Пожалуй, еще
дурно себя поведетъ, да фамилию мою замараеетъ,
мерзавецъ. Вотъ теперь и смотри за нимъ, и уха-
живай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что
жь? ну, и нужды нѣтъ! Ну, онъ подлецъ, — ну,
пусть онъ подлецъ, а другой за то честный. Ну,
вотъ онъ подлецъ будетъ, а я буду честный, — и
скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлецъ, на
него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте;
а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій,
незлобивый, весьма надежный по службѣ, и въ по-
вышенію чиномъ достойный; вотъ оно какъ! Ну,
хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того...
да и перемѣшаютъ! Отъ него вѣдь все станется!
Ахъ ты, Господи Боже мой!.. И подмѣнить чело-
вѣка, подмѣнить, подлецъ такой, — какъ ветошку
человѣка подмѣнить, и не разсудить, что человѣкъ
не ветошка. Ахъ, ты Господи Боже мой! Эко не-
счастіе какое!..

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и еѣтуя,
бѣжалъ господинъ Голядкинъ не разбирая дороги,
и самъ почти не зная куда. Очнувшись онъ на Нев-
скомъ проспектѣ, и то потому только случаю, что
столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко
и плотно, что только искры посыпались. Госпо-
динъ Голядкинъ, не поднимая головы, пробормо-
талъ извиненіе, и только тогда, когда прохожій,
проворчавъ что-то не слишкомъ лестное, отошелъ
уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ
кверху и осматрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣв-
шись и замѣтивъ, что находится именно возлѣ
того ресторана, въ которомъ отдыхалъ, пригото-
вляясь къ званому обѣду у Олсуфія Ивановича, ге-
рой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки
по желудку, вспомнилъ, что не обѣдалъ, званнаго
же обѣда не предстояло нигдѣ, и потому, доро-
гаго своего времени не теряя, вбѣжалъ онъ вверхъ
по лѣстницѣ въ ресторанъ, перехватить что ни-
будь поскорѣе, и какъ можно торопясь не замѣ-
кать. И хотя въ ресторанѣ было все дороговато,
но это маленькое обстоятельство не остановило, на
этотъ разъ; господина Голядкина; да и останавли-
ваться-то теперь на подобныхъ бездѣлицахъ не-
когда было. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, у при-

лавка, на которомъ лежала разнообразная груда всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно густая толпа посетителей. Конторщикъ едва успѣвалъ наливать, отпущать, сдавать и принимать деньги. Господинъ Голядкинъ подождалъ своей очереди и, выждавъ, скромно протянулъ свою руку къ пирожку-растегайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ и закусивъ съ апетитомъ, онъ воротился къ конторщику, поставилъ на столъ блюдечко, зная цѣну, вынулъ 10 коп. сер. и положилъ на прилавокъ монетку, ловя взгляды конторщика, чтобъ указать ему: «что вотъ, дескать, монетка лежить; одинъ растегайчикъ» и т. д.

— Съ васъ рубль десять копеекъ, процѣдилъ сквозь зубы конторщикъ.

Господинъ Голядкинъ порядочно изумился.

— Вы мнѣ говорите?.. Я... я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли, съ увѣренностью возразилъ конторщикъ.

— Вы... сколько мнѣ кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ. Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не даютъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. Что жъ это, колдовство, что ль, какое надо мной совершается? подумалъ онъ. Между тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина; господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полѣзъ было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль серебромъ, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣха-то подальше быть. «Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать», думалъ онъ, краснѣя какъ ракъ: «ну, что же такого тутъ, что съѣдено одиннадцать пирожковъ? ну, голоденъ человѣкъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и пусть ѣтъ-себѣ на здоровье; ну, и дивится тутъ нечему, и смѣяться тутъ нечему...» Вдругъ, какъ будто что-то кольнуло господина Голядкина; онъ поднялъ глаза и разомъ понялъ загадку, понялъ все колдовство; разомъ разрѣшились всѣ затрудненія... Въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человѣчекъ,—стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ,—не старый господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ находился, повидному, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбался господину Голядкину первому, кивалъ ему головою, подмигивалъ глазками, сѣменилъ немного ногами, и глядѣлъ такъ, что чуть что,—такъ онъ и ступается, такъ онъ и въ сосѣднюю комнату, а тамъ, пожалуй, ваднымъ ходомъ, да и то... и всѣ преслѣдованія останутся тщетными. Въ рукахъ его былъ

послѣдній кусокъ десятаго растегая, который онъ, въ глазахъ же господина Голядкина, отправилъ въ свой ротъ, чмокнувъ отъ удовольствія. «Подмигивилъ, подлецъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, вспыхнувъ, какъ огонь, отъ стыда: «не постыдился публичности! Видятъ ли его? Кажется, не замѣчаетъ никто...» Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ будто бы объ него всѣ пальцы обжегъ, и не замѣчая значительно наглою улыбкою конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выдрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. «Спасибо за то, что хоть не компрометировалъ окончательно человѣка!» подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. «Спасибо разбойнику, и ему и судьбѣ, что еще хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. Да что жъ, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять слѣдовало, такъ и былъ въ своемъ правѣ. Дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть бы былъ поучтивѣй, бездѣльникъ!..»

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однакоже, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ припадка страданія амбиціи. Простоявъ съ полминуты столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванѣ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить, дрожащею отъ внутренняго волненія рукою, слѣдующее посланіе:

«Милостивый государь мой,
Яковъ Петровичъ!»

«Никакъ бы не взялъ я пера, если бы обстоятельства мои, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрьте, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ подобное объясненіе, и потому прежде всего прошу считать эту мѣру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимымъ слѣдствіемъ связующихъ насъ теперь обстоятельствъ».

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и твердости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, печѣмъ. Къ тому же, я въ своемъ правѣ—подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

«Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, коихъ имя умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній, въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное же ваше, милостивый государь, желаніе

стоять на своемъ и насильственно войти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни, выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь вѣжливостью и простымъ общепринятымъ. Я думаю, нечего упоминать здѣсь о похощеніи вами, милостивый государь мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для приобрѣтенія ласки начальства, — ласки, незаслуженной вами. Нечего упоминать здѣсь и объ умысленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ вашихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонятномъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далеко отъ того, чтобы сѣтовать о безполезной для меня утратѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать всего негодованія моего при воспоминаніи о явномъ посягательствѣ вашемъ, милостивый государь, въ ущербъ моей чести, и, въ добавокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя незнакомыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма хорошаго тона...»

— Не далеко ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ. Не много ли будетъ; не слишкомъ ли это обидчиво, — этотъ намекъ на хорошій тонъ, на примѣръ?.. Ну, да ничего! Нужно показать ему твердость характера. Впрочемъ, ему можно, для смягченія, этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ:

«Но не сталъ бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить всѣ упущенія и возстановить все попрежнему.

«Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы не примете письма моего въ обидную для васъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не откажетесь объяснить нарочито по этому случаю письменно, черезъ посредство моего человѣка.

«Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть,
милостивый государь,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою
Я. Голядкинымъ.»

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано; дошло и до письменнаго. Но кто жъ виноватъ? Онъ самъ виноватъ: самъ доводитъ человѣка до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, по обыкновенію своему, съ заспанными глазами, и на что-то крайне сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ возьми это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьми его и отнеси въ департаментъ; тамъ отыщи дежурнаго, губернскаго секретаря

Вахрамѣва. Вахрамѣвъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! не можешь сказать: понимаю-съ. Спросишь чиновника Вахрамѣва и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать, баринъ приказалъ вамъ кланяться и покорнѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ—гдѣ, дескать, живетъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ, и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся.

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ, и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новопоступившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо; понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь, — тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-съ. Нечего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ же твой баринъ, какъ же онъ тамъ; что, дескать, онъ того... ну, тамъ, чтонибудь будетъ выпрашивать, — такъ ты молчи, и отвѣчай, дескать, баринъ мой ничего, а просить, дескать, отвѣта отъ васъ своеручнаго. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать, говори, ничего, дескать, и здоровъ, и въ гости, дескать, сейчасъ собирается; а отъ васъ, дескать, они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

— Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа! смѣется себѣ, да и кончено. Чему жъ онъ смѣется? Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ быть, оно обратится все въ лучшее... Этотъ мошенникъ вѣрно часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ еще гдѣнибудь. Послать нельзя никуда. Эка бѣда вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла какая!..

Чувствуя такимъ образомъ вполне бѣду свою, герой нашъ рѣшился на пассивную двухчасовую роль въ ожиданіи Петрушки. Съ часъ времени ходилъ онъ по комнатѣ, курилъ, потомъ бросилъ трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ легъ на диванъ, потомъ опять взялся за трубку, потомъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Хотѣлъ было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣшительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго состоянія его возрасла до послѣдняго градуса, и господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣру. «Петрушка прійдетъ еще черезъ часъ», думалъ онъ: «можно ключъ отдать дворнику, а самъ я покаместъ и того... изслѣдую дѣло, по своей части

изслѣдую дѣло». — Не теряя времени и спѣша изслѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ гривенникомъ, — господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно щедръ, — и пустился, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился пѣшкомъ, сперва къ Измайловскому мосту. Въ ходьбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до цѣли своего путешествія, онъ вошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завершенныхъ красными гардинами оконъ, остальные всѣ были темны. «У Олсуфья Ивановича сегодня вѣрно нѣтъ гостей», подумалъ господинъ Голядкинъ: «они вѣрно всѣ одни теперь дома сидятъ». Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшенію не суждено было состояться, повидимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. «Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что же я буду здѣсь дѣлать?.. А вотъ я лучше теперь того... и собственно лично изслѣдую дѣло». Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ не близокъ, въ добавокъ была страшная грязь, и мокрый снѣгъ валилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Измокъ-то онъ измокъ, правда, да и загрязнился не мало, «да ужъ такъ, за одно, за то цѣль достигнута». И дѣйствительно, господинъ Голядкинъ уже подходилъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строенія уже зачернѣла вдали передъ нимъ. «Стои!» подумалъ онъ: «куда жъ я иду, и что я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узнаю гдѣ онъ живетъ; а между тѣмъ Петрушка уже вѣрно вернулся и отвѣтъ мнѣ принесъ. Время-то я мое дорогое только даромъ теряю, время-то я мое только такъ потерялъ. Ну, ничего; еще все это можно исправить. Однако, и въ самомъ дѣлѣ, не зайти-ль къ Вахрамѣеву? Ну, да нѣтъ! я ужъ послѣ... Эхъ! выходить-то было вовсе ненужно. Да нѣтъ, ужъ характеръ такой! Сноровка такая, что нужна ли, нѣтъ ли, вѣчно норовлю какъ-нибудь впередъ забѣжать. Гм... который-то часъ? ужъ вѣрно есть девять. Петрушка можетъ прійти и не найдетъ меня дома. Сдѣлалъ я чистую глупость, что вышелъ... Эхъ, право, коммисія!

Искренно сознавшись такимъ образомъ что сдѣлалъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обратно къ себѣ въ Шестилавочную. Добѣжалъ онъ усталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ онъ, что Петрушка и не думалъ являться. «Ну, такъ! ужъ я предчувствовалъ это», подумалъ герой нашъ: «а между тѣмъ уже девять часовъ. Эхъ вѣдь, негодяй онъ какой! Ужъ вѣчно 'гдѣнибудь пьянствуетъ! Господи, Боже мой! Экой, вѣдь, денѣкъ выдался на долю мою горемычную!» Такимъ-то образомъ размышляя и сѣгуя, господинъ Голяд-

кинъ отперъ квартиру свою, досталъ огня, раздѣлся совсѣмъ, выкурилъ трубку, и истощенный, усталый, разбитый, голодный прилегъ на диванъ, въ ожиданіи Петрушки. Свѣча нагорала тускло, свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голядкинъ глядѣлъ-глядѣлъ, думалъ-думалъ, да и заснулъ, наконецъ, какъ убитый.

Проснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти догорѣла, дымилась и готова была тотчасъ совершенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскочилъ, встрепетулъ и вспомнилъ все, рѣшительно все. За перегородкой раздавался густой храпъ Петрушки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну — ни-гдѣ ни огонька. Отворилъ форточку — тихо; городъ словно вымеръ, спитъ. Стало быть, часа два или три; такъ и есть: часы за перегородкой понатажились и пробили два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Кое-какъ, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкалъ онъ Петрушку и успѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка совершенно потухла. Минуть съ десять прошло, покамѣстъ господинъ Голядкинъ успѣлъ найти другую свѣчку и зажечь ее. Въ это время Петрушка успѣлъ заснуть съизнова. «Мерзавецъ ты этакой, негодяй ты такой!» проговорилъ господинъ Голядкинъ, снова его расталкивая: «встанешь ли ты, проснешься ли ты? Послѣ получасовыхъ усилій, господинъ Голядкинъ успѣлъ, однако же, расшевелить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Бездѣльниче ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ: — разбойникъ ты этакой! голову ты срѣзалъ съ меня! Господи, куда же это овъ письмо-то сбѣлъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, ну, какъ оно... И зачѣмъ я его написалъ? и нужно было мнѣ его написать! Разскакался, дуралей, я съ амбиціей! Туда же полѣзъ за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлецъ ты этакой, вотъ и амбиція!.. Ну, ты! куда же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакой? Кому же ты отдалъ его?..

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма.. вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ ломалъ руки съ отчаянія.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня...

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ? — отвѣчай...

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! что мнѣ!

— Ахъ, ты Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? былъ въ департаментѣ?.. Ты, послушай, Петръ; ты, можетъ быть, пьянъ?

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойдишь, мак-мак-маковой — вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, что ты пьянъ... Я только такъ спросилъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего... Ты, можетъ быть,

только такъ повабиль, а все помнишь. Ну-ка, вспомни-ка, былъ ты у Вахрамѣева чиновника, — былъ, или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, чтожъ такое! Ну, на дворѣ холодно, сыро, ну, выпилъ человѣкъ маленько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ: былъ ты у чиновника Вахрамѣева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право слово — вотъ былъ же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я не сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задабривая своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему: — ну, клякнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клякнулъ? плутъ ты этакой! Ну и ничего; ну, ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плутъ, какъ хотите-съ... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плутъ, и плутомъ никогда не бывалъ...

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, Петруша! ты послушай, Петръ: вѣдь я ничего, вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это я въ утѣшеніе тебѣ говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значитъ, Петруша, польстить иному человѣку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малой, что онъ малой не промахъ и никому надуть себя не позволить. Это любить иной человѣкъ... Ну, ну, ничего! ну, скажи же ты мнѣ, Петруша, теперь, безъ утайки, откровенно, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамѣева, и адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человѣкъ, очень хорошій, говоритъ, человѣкъ; я дескать, скажи, говоритъ, — кланяйся, говоритъ, своему барину, благодари и скажи, что я дескать люблю, — вотъ, дескать, какъ уважаю твоего барина! за то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петруша, хорошій человѣкъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ, Петруша, — вотъ...

— Ахъ, ты Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то, Иуда ты этакой? — Послѣднія слова господинъ Голядкинъ проговорилъ почти шопотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ.

— Далъ? Ну, гдѣ же живетъ онъ, Голядкинъ, чиновникъ Голядкинъ, титулярный совѣтникъ?

— А Голядкинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилаочной улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилаочную, такъ направо, на лѣстницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голядкинъ...

— Мошенникъ ты этакой! закричалъ наконецъ вышедшій изъ терпѣнія герой нашъ: — разбойникъ

ты этакой! да это вѣдь я; вѣдь это ты про меня говоришь. А то другой есть Голядкинъ; я про другаго говорю, мошенникъ ты этакой!

— Ну, какъ хотите! что мнѣ! Вы какъ хотите — вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? и не было никакого письма, и не видалъ я никакого письма.

— Да куда же ты дѣлъ его, — шельмецъ ты такой!..

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говоритъ, благодари; хорошій твой, говоритъ, баринъ. Кланяйся, говоритъ, своему барину...

— Да кто же это сказалъ? это Голядкинъ сказалъ? — Петрушка помолчалъ немного, и усмѣхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ глаза своему барину.

— Слушай, ты, разбойникъ ты этакой! — началъ господинъ Голядкинъ задыхаясь, теряясь отъ бѣшенства: — что ты сдѣлалъ со мной! Говори ты мнѣ, что ты сдѣлалъ со мной! Срѣзалъ ты меня, злодѣй ты такой! Голову съ плечъ моихъ снялъ, Иуда ты этакой!

— Ну, теперь какъ хотите! что мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретируясь за перегородку.

— Пошолъ сюда, пошолъ сюда, разбойникъ ты этакой!..

— И не пойду я къ вамъ теперь, совсѣмъ не пойду. Что мнѣ! Я къ добрымъ людямъ пойду... А добрые люди живутъ по честности, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда не бываютъ... У господина Голядкина и руки и ноги оледенѣли, и духъ занялся...

— Да-съ, продолжалъ Петрушка: — ихъ по-двое никогда не бываетъ, Бога и честныхъ людей не обижаютъ...

— Ты бездѣльникъ, ты пьянъ! Ты еси теперь разбойникъ ты этакой! А вотъ завтра и будетъ тебѣ, — едва слышнымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ. Что же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было, какъ онъ валился на кровать, такъ что кровать затрещала, протяжно зѣвнулъ, потянулся и наконецъ захрапѣлъ сномъ невинности, какъ говорится. Ни живъ, ни мертвъ былъ господинъ Голядкинъ. Поведеніе Петрушки, намеки его весьма странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, слѣдственно, нечего было, тѣмъ болѣе, что пьяный человѣкъ говорилъ, и наконецъ, весь влокачественный оборотъ, принимаемый дѣломъ: — все это потрясло до основанія господина Голядкина. «И дернуло меня его распекалъ среди ночи», говорилъ нашъ герой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то болѣзненного ощущенія. «И подсуло меня съ пьянымъ человѣкомъ связаться! Какого толку ждать отъ пьянаго человѣка! что ни слово, то врать. На что это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакой? Господи Боже мой! И вѣдь я всѣ эти письма писалъ, а-то душе губецъ;

я-то, самоубийца я этакой! Нельзя помолчать! Надо было провратиться! Вѣдь ужь чего: погибаешь, ветошкѣ подобисься, такъ вѣдь нѣтъ же, туда же съ амбиціей, дескать честь моя страждетъ, дескать честь тебѣ свою нужно спасать! Самоубийца я этакой!

Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ своемъ и не смѣя пошевелиться отъ страха. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбуждившемъ его вниманіе. Въ страхѣ — не иллюзія ли, не обманъ ли, воображенія предметъ, возбуждавшій вниманіе его, — протянулъ онъ къ нему руку, съ надеждою, съ робостию, съ любопытствомъ неописаннымъ... Нѣтъ, не обманъ! не иллюзія! Письмо, точно письмо, непременно письмо, и къ нему адресованное... Господинъ Голядкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно билось. «Это вѣрно тотъ мой денникъ принесъ», подумалъ онъ: «и тутъ положилъ, а потомъ и забылъ; вѣрно такъ все случилось; это вѣрно именно такъ все случилось... Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева, молодого сослуживца, и нѣкогда пріятеля господина Голядкина. Впрочемъ, я все это заранѣе предчувствовалъ, подумалъ герой нашъ, и все то, что въ письмѣ теперь будетъ, также предчувствовалъ...» Письмо было слѣдующее:

«Милостивый государь
«Яковъ Петровичъ!

«Человѣкъ вашъ пьянъ, и путнаго отъ него не дождешься; по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать письменно. Спѣшу вамъ объявить, что порученіе, нами на меня возлагаемое, и состоящее въ передачѣ извѣстной вамъ особы черезъ мои руки письма, согласенъ исполнить во всей вѣрности и точности. Квартируетъ же сія особа, весьма вамъ извѣстная, и теперь замѣняемая мнѣ друга, коей имя при семъ умалчиваю (затѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно невиннаго человѣка), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заѣзжій изъ Тамбова пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можете найти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего обещать сказать невозможно. Связи мои съ вами на мѣрѣнъ я съ сего числа прекращаю; въ дружественномъ же тонѣ и въ прежнемъ согласномъ видѣ товарищества нашего вамъ оставаться нельзя, и потому прошу васъ, милостивый государь мой, немедленно по полученіи сего отвращеннаго письма моего, выслать слѣдующее мнѣ два цѣлковыхъ за бритвы иностранной работы, проданныхъ мною, если запомните изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую же я такимъ образомъ потому, что вы, по рассказамъ умныхъ людей, потеряли амбицію и репутацію и стали опасны для нравственности невинныхъ и незараженныхъ людей, ибо нѣкоторыя особы жи-

вуть не по правдѣ и, сверхъ того, слова ихъ — фальшь, и благонамѣренный видъ подозрителенъ. Вступить же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благоправнаго поведенія, а воторыхъ, честная женщина и, въ добавокъ, дѣвица, хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамиліи, — людей способныхъ можно найти всегда и вездѣ, о чемъ просили меня нѣкоторые особы упомянуть въ семъ письмѣ моемъ мимоходомъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ же случаѣ, вы все узнаете своевременно, если теперь не узнали; не смотря на то, что ославили себя, по рассказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ столицы и, слѣдовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежащія о себѣ, милостивый государь, свѣдѣнія. Въ заключеніе письма моего объявляю вамъ, милостивый мой государь, что извѣстная вамъ особа, коей имя не упоминаю здѣсь по извѣстнымъ благороднымъ причинамъ, весьма уважаема людьми благомыслящими; сверхъ того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всѣми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обижаетъ заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Во всякомъ случаѣ пребываю
«покорнымъ слугою вашимъ
«Н. Вахрамѣевъ».

«P. S. Вы вашего человѣка стоните: онъ пьяница и приноситъ вамъ, по всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, служившаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Теперешній же служитель вашъ не только пьяница, но, сверхъ того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахару, въ видѣ кусковъ, Каролинѣ Ивановнѣ за уменьшенную цѣну, что, по моему мнѣнію, не могъ онъ иначе сдѣлать, какъ обворовать васъ хитростнымъ образомъ, по малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе, желая добра, не смотря на то, что нѣкоторыя особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ; сверхъ того, заочно поносятъ ихъ и представляютъ ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать таковыми.

«В.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробивался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня обружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Попробовалъ было онъ встать съ дивана и пройтись, разъ и другой, по комнатамъ, чтобъ освѣжить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на извѣстный предметъ и потомъ, поправивъ себя немного, зрѣло обдумать свое положеніе. Но только-что хотѣлъ было онъ пристать, какъ тутъ же, въ немощи и безспии,

упалъ опять на прежнее мѣсто. «Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; однако же, какъ же онъ пишетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ? Смыслъ-то я, положимъ, и знаю; но куда это поведетъ? Сказалъ бы прямо: вотъ, дескать, такъ-то и такъ-то, требуется то-то и то-то, я бы и исполнилъ. Турнюра-то, оборотъ-то, принимаемый дѣломъ, такой непріятный выходтъ! Ахъ, какъ бы поскорѣе добраться до завтра и поскорѣе добраться до дѣла! теперь же я знаю, что дѣлать. Дескать такъ и такъ, скажу, на резоны согласенъ, чести моей не продамъ, а того... пожалуй; впрочемъ, онъ-то, особа-то эта извѣстная, лицо-то неблагопріятное какъ же сюда подмѣшалось? и зачѣмъ именно подмѣшалось сюда? Ахъ, какъ бы до завтра скорѣй! Ославятъ они меня до тѣхъ поръ, интригуютъ они, въ пику работаютъ! Главное—времени не нужно терять, а теперь, напримѣръ, хоть письмо написать и только пропустить, что дескать то-то и то-то, и вотъ на то-то и то-то согласенъ. А завтра чѣмъ свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойдти и предупредить ихъ, голубчиковъ... Ославятъ они меня, да и только!»

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе, въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

«Милостивый государь,
«Несторъ Игнатьевичъ!

«Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ нѣкоторыхъ неблагопрістойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, какъ скоро, успѣшно и какіе далекіе корни пустила клевета, въ ущербъ моему благоденствію, моей чести и добродѣтели моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно то, что даже честные люди съ истинно благороднымъ образомъ мыслей и, главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и прилѣпляются лучшими качествами сердца своего къ злой и вредной тлѣ,—къ несчастію, въ наше тяжелое и безнравственное время, расплодившейся сильно и крайне неблагонамѣренно. Въ заключеніе скажу, что вами озпаченный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратитъ вамъ во всей его цѣлости.

«Что же касается до вашихъ, милостивый государь мой, намековъ на счетъ извѣстной особы женскаго пола, на счетъ намѣреній, расчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажу вамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понималъ всѣ эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и честное имя мое сохранить незапятнанными. Во всякомъ же случаѣ, готовъ снизойти до объясненія лично, предпочитая вѣрность личнаго письменному, и сверхъ того готовъ войти въ раз-

ныя мнѣ пролюбивыя, обоюдныя, разумѣется, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и сверхъ того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то, что будто бы васъ оскорбилъ, измѣнилъ нашей первобытной дружбѣ, и отзывался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе недоразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, коихъ справедливо могу наименовать ожесточеннѣйшими врагами моими. Но они, вѣроятно, не знаютъ, что невинность слыша уже свою невинностью, что безстыдство, наглость и возмущающая душу фамиллярность иныхъ особъ, рано ли, поздно ли, заслужитъ себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнуть не иначе, какъ отъ собственной неблагопрістойности и развращенности сердца. Въ заключеніе прошу васъ, милостивый государь мой, передать снѣмъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснить другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ ими другими своими бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ изумленія, презрѣнія, сожалѣнія и, сверхъ того, сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такіа отношенія запрещены строго законами, что, по моему мнѣнію, совершенно справедливо, ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ мѣстомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопрістойная, скажу болѣе: совершенно безнравственная, ибо, смѣю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенныя на счетъ *своихъ мстѣй*, чисто нравственныя.

«Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть

«вашимъ покорнымъ слугою

«Я. Голядкинъ».

ГЛАВА X.

Вобщемъ можно сказать, что происшествія вчерашняго дня до основанія потрясли господина Голядкина. Почивалъ нашъ герой весьма не хорошо, т. е., никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой нибудь насыпалъ ему рѣзкой щетинки въ постель. Всю ночь провелъ онъ въ какомъ-то полу-снѣ, полу-бдѣніи, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ, охая, кряхтя, на минутку засыпая, черезъ минутку опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями,—однимъ словомъ всѣмъ, что только можно найти непріятнаго... То появлялась передъ нимъ, въ какомъ-то странномъ загадочномъ полу-свѣтѣ, фигура Андрея Филипповича,—сухая фигура, сердитая фигура, съ сухимъ, жесткимъ взглядомъ и съ черство-учтливой побранкой... И только что господинъ

Голядкинъ начиналъ было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ, какимъ нибудь образомъ, такъ или эдакъ, оправдаться и доказать ему, что онъ вовсе не таковъ, какъ его враги расписали, что онъ вотъ такой-то, да сякой-то, и даже обладаетъ, сверхъ обыкновенныхъ, врожденныхъ качествъ своихъ, вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то;—но, какъ тутъ, и являлось извѣстное своимъ неблагопристойнымъ направленіемъ лицо, и какимъ нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ съразу разрушало всѣ предначинанія господина Голядкина, тутъ же, почти на глазахъ же господина Голядкина, очерняло досконально его репутацію, втаптывало въ грязь его амбицію, и потомъ немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То чесалась голова господина Голядкина отъ какого нибудь щелчка, недавно благопріобрѣтеннаго и униженно принятаго, полученнаго или въ обществѣ, или, какъ нибудь тамъ, по обязанности, на который щелчекъ протестовать было трудно... И, между тѣмъ какъ господинъ Голядкинъ начиналъ было ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть бы на такой-то щелчокъ, — между тѣмъ, эта же мысль о щелчкѣ незамѣтно переливалась въ какую нибудь другую форму, — въ форму какой нибудь извѣстной маленькой или довольно значительной подлости, видѣнной, слышанной, или самимъ недавно исполненной, — и, часто исполненной-то даже и не на подломъ основаніи, даже и не изъ подлаго побужденія какого нибудь, а такъ, — иногда, напр. по случаю, — изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной своей беззащитности, ну и наконецъ потому... потому, однимъ словомъ, ужъ это господинъ Голядкинъ зналъ хорошо: *почему!* Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя краску свою, бормоталъ про себя, что дескать здѣсь, напр., можно бы показать твердость характера, значительную бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и заключалъ, что, «дескать, что же твердость характера!.. дескать, зачѣмъ ее теперь понимать!..» Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что, какъ тутъ, и непремѣнно въ такую минуту, звали ль, не звали ль его, являлось извѣстное безобразіемъ и пасквильностью своего направленія лицо, и тоже, не смотря на то, что уже, кажется, дѣло было извѣстное — тоже туда же бормотало съ неблагопристойной улыбочкой, что «дескать, что ужъ тутъ твердость характера! какая, дескать, у насъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, будетъ твердость характера!..» То грезилось господину Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной компаніи, извѣстной своимъ остроуміемъ и благороднымъ тономъ всѣхъ лицъ, ее составляющихъ; что господинъ Голядкинъ, въ свою очередь, отличился въ отношеніи любезности и остроумія, что всѣ его полюбили, даже нѣкоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ же, его полюбили, что очень пріятно было господину Голядкину; что

всѣ ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью подслушалъ, какъ хозяинъ, тутъ же, отведя въ сторону койкого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, опять явилось извѣстное своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, въ видѣ господина Голядкина младшаго, и тутъ же, съ разу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ Голядкинъ младшій разрушалъ все торжество и всю славу господина Голядкина старшаго, затмилъ собою Голядкина старшаго, втопталъ въ грязь Голядкина старшаго, и наконецъ ясно доказалъ, что Голядкинъ старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій, — вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ старшій вовсе не то, чѣмъ онъ кажется, а такой-то и сякой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣетъ права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что господинъ Голядкинъ старшій и рта раскрыть не успѣлъ, какъ уже всѣ вѣ душою и тѣломъ предались безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго мнѣнія не передѣлалъ бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по своему. Не оставалось лица, даже самаго незначительнаго изъ цѣлой компаніи, къ которому бы не подлизался безполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по своему, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому бы не подбился по своему, передъ которымъ бы онъ не покурить, по своему обыкновенію, чѣмъ нибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, такъ что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до слезъ, въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось мигомъ: быстрота хода подозрительнаго и безполезнаго господина Голядкина была удивительная! Чуть успѣетъ, напр., полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его, — и глазкомъ не мигнешь, какъ ужъ онъ у другаго. Полижется, полпнется съ другимъ въ тихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, лягнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ножкой, и вотъ ужъ и съ третьимъ, и куртизанитъ ужъ третьяго, съ нимъ тоже лижется по-пріятельски; рта раскрыть не успѣваешь, въ изумленіе не успѣешь прійти, а ужъ онъ у четвертаго, и съ четвертымъ уже на тѣхъ же кондиціяхъ, — ужасъ: колдовство да и только! И всѣ рады ему, и всѣ любятъ его, и всѣ превозносятъ его, и всѣ провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сатирическое ума его направленіе не въ примѣръ лучшему любезности и сатирическаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдять этимъ настоящаго и невиннаго господина Голядкина, и отвергаютъ правдоподобнаго господина Голядкина, и уже сыплютъ щелчки въ

извѣстнаго любовію къ ближнему, настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ бѣшенствѣ выбѣжалъ многострадальный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нанимать извозчика, чтобъ прямо летѣть къ его превосходительству, а если не такъ, то ужъ по крайней мѣрѣ къ Андрею Филипповичу, но—ужасъ! извозчики никакъ не соглашались везти господина Голядкина, «дескать, баринъ, нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ; дескать, ваше благородіе, хорошій человекъ, наровитъ жить по-честности, а не какъ нибудь, и вдвойнѣ никогда не бываетъ.» Въ изступленіи стыда, оглядываясь кругомъ совершенно честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что извозчики и стакнувшійся съ ними Петрушка всѣ въ своемъ правѣ; ибо развращенный господинъ Голядкинъ находился дѣйствительно тутъ же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаямъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ, непремѣнно готовился сдѣлать что-то весьма неприличное, и нисколько необличавшее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи,—благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ второй. Не помня себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи, бросился погибшій и совершенно справедливый господинъ Голядкинъ—куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда бы ни вынесло; но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ ноги въ гранитъ тротуара, выскакивало, какъ будто изъ подъ земли, по такому же точно—совершенно подобному и отвратительному развращенностию сердца—господину Голядкину. И всѣ эти совершенно подобные пускались тотчасъ же по появленіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и длинною цѣпью, какъ вереница гусей, тянулись и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ старшимъ, такъ что некуда было убѣжать отъ совершенно подобныхъ, такъ что духъ захватывало всячески достойному сожалѣнія господину Голядкину отъ ужаса,—такъ что народилась наконецъ страшная бездна совершенно подобныхъ,—такъ что вся столица запрудилась наконецъ совершенно подобными, и полицейской служитель, видя таковое нарушеніе приличія, принужденъ былъ взять этихъ всѣхъ совершенно подобныхъ за шиворотъ и посадить въ случившуюся у него подъ бокомъ будку... Цѣпенія и леденія отъ ужаса, просыпался герой нашъ, и цѣпенія и леденія отъ ужаса, чувствовалъ, что и на яву едва ли веселѣе проводится время... Тяжело, мучительно было... Тоска подходила такая, какъ будто кто сердце выѣдалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. «Не будетъ же этого!» закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподнимаясь съ постели, и въ слѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно очнулся.

День, по видимому, уже давно начался. Въ комнатѣ было какъ-то не по обыкновенному свѣтло;

солнечные лучи густо процѣживались сквозь запыльчавшія отъ мороза стекла и обильно разсыпались по комнатѣ, что не мало удивило господина Голядкина; ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце своимъ чередомъ; прежде же такихъ исключеній въ теченіи небеснаго свѣтила, сколько, по крайней мѣрѣ, господинъ Голядкинъ самъ могъ припомнить, почти никогда не бывало. Только что успѣлъ подивиться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣнные часы, и такимъ образомъ совершенно приготовились бить. «А вотъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончательному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились и ударили всего одинъ разъ. Это что за исторія? вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ какъ былъ, не вѣря ушамъ своимъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ былъ дѣйствительно часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать Петрушки; но въ комнатѣ даже не пахло Петрушкой: постель его, по видимому, давно уже была прибрана и оставлена; сапоговъ его тоже нигдѣ не было,—несомнѣнный признакъ, что Петрушки дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. Да гдѣ же Петрушка? продолжалъ онъ шепотомъ, весь въ страшномъ волненіи и чувствуя довольно значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Господинъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣлъ его, обшарилъ кругомъ,—такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахрамѣеву не было... Петрушки за перегородкой тоже совсѣмъ не было; на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ письмѣ Вахрамѣева были введены какіе-то новые пункты, весьма, впрочемъ, съ перваго взгляда неясные пункты, но теперь совершенно объяснившіеся. Наконецъ и Петрушка—очевидно подкупленный Петрушка! Да, да, это такъ!

«Такъ это такъ-то главный узелъ завязывался!» вскричалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу, и все болѣе и болѣе открывая глаза; «такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной нѣмки кроется теперь вся главная нечистая сила! Такъ это, стало быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій мостъ,—глаза отводила, смущала меня (негодная вѣдьма!) и вотъ такимъ-то образомъ подковы вела!!! Да, это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, это, все это и будетъ вотъ именно такъ! и появленіе мерзавца тоже теперь вполне объясняется: это все одно къ одному. Они его давно ужъ держали, готовяли и на черный день припасали. Вѣдь вотъ оно какъ теперь, какъ оказалось-то все! Какъ разрѣшилось-то все! А ну, ничего! Еще не потеряно время!..» Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вспомнилъ, что уже второй часъ пополудни. «Что если они теперь и успѣли...» Стоялъ

вырвался у него изъ груди... «Да нѣтъ же, врутъ, не успѣли,—посмотримъ...» Кое какъ онъ одѣлся, схватилъ бумагу, перо и настрочилъ слѣдующее посланіе:

Милостивый государь мой,
Яковъ Петровичъ!

Либо вы, либо я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что странное, смѣшное и, вмѣстѣ, невозможное желаніе ваше—казаться мнѣ близнецомъ и выдавать себя за такового, послужить ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестию и пораженію. И потому прошу васъ, ради собственной же выгоды вашей, посторониться и дать путь людямъ истинно благороднымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ же случаѣ, готовъ рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры. Кладу перо и ожидаю... Впрочемъ, пребываю готовымъ на услуги и—на пистолеты.

Я. Голядкинъ.

Энергически потеръ себѣ руки герой нашъ, когда кончилъ записку. Затѣмъ, натянувъ шинель и надѣвъ шляпу, отперъ другимъ, запаснымъ ключемъ квартиру и пустился въ департаментъ. До департамента онъ дошелъ, но войти не рѣшился; дѣйствительно, было уже слишкомъ поздно; половину третьяго показывали часы господина Голядкина. Вдругъ одно, повидимому весьма маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторые сомнѣнія господина Голядкина: изъ-за угла департамента зданія вдругъ показалась запылавшаяся и раскрасѣвшаяся фигурка, и украдкой, крысиной походкой шмыгнула на крыльцо, и потомъ тотчасъ же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человекъ весьма знакомый господину Голядкину, человекъ отчасти пужный и за гривенникъ готовый на все. Зная нѣжную струну Остафьева, и смекнувъ, что онъ, послѣ отлучки за самонужнѣйшей надобностью, вѣроятно сталъ еще болѣе прежняго падокъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни вслѣдъ за Остафьевымъ, кликнувъ его, и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ разспрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ эдакъ тамъ того... ты меня понимаешь?..

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя благодарю, милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ же, мой другъ?

— Что изволите спрашивать-съ? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой нечаянно раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего нибудь... Ну что, Андрей Филипповичъ здѣсь?..

— Здѣсь-съ,

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-съ, какъ слѣдуетъ-съ.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-съ. Тутъ писарь, еще другой разъ, попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любопытно и странно посмотрѣлъ на господина Голядкина. Герою нашему, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-съ; никакъ нѣтъ-съ.

— Эдакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ ли чего нибудь тамъ, эдакъ чего нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-съ, еще ничего не слышно покамѣстъ. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на г-на Голядкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ фізіономію Остафьева, прочесть на ней кое-что, не таится ли чего нибудь. И дѣйствительно, какъ будто что-то такое таилось; дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше, и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ-начала разговора, входилъ теперь въ интересы г-на Голядкина. «Онъ отчасти въ своемъ правѣ», подумалъ г-нъ Голядкинъ: «вѣдь что жъ я ему? Онъ, можетъ быть, уже и получилъ съ другой стороны, а потому и отлучился по самонужнѣйшей-то. А вотъ я ему и того...» Г-нъ Голядкинъ понялъ, что время гривенниковъ наступило.

— Вотъ тебѣ, милый другъ...

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Еще болѣе дамъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на г-на Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?..

— Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣстъ-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и г-нъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая нечмо бровями, смотря въ землю, стараясь попасть въ надлежащій тонъ, и, однимъ словомъ, всѣми силами стараясь наработать обѣщанное, потому что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно прибрѣтеннымъ.

— И невзвѣстно ничего?

— Покамѣстъ еще нѣтъ-съ?

— А послушай... того... оно, можетъ быть, будетъ звѣстно?

— Потомъ, разумѣется, можетъ быть, будетъ звѣстно-съ?

— Плохо! подумалъ герой нашъ. Послушай; вотъ тебѣ еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?...

— Были-съ.

— А другого когонибудь не было ли!.. Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ, и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другого не было-съ.

— Гм! — Послѣдовало молчаніе.

— Послунай, братецъ, вотъ тебѣ еще; говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый: того надобно было г-ну Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хорошо-съ, отвѣчалъ писарь, во все глаза смотря на г-на Голядкина.

— Т. е., какъ хорошо?

— Т. е. такъ-съ. Тутъ Остафьевъ значительно подернулъ бровями. Впрочемъ, онъ рѣшительно становился въ тупикъ и не зналъ, что ему еще говорить. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ ли у нихъ дальнѣйшаго чегонибудь съ Вахрамѣевымъ-то?

— Да и все, какъ и прежде-съ.

— Подумай-ка.

— Есть, говорятъ-съ.

— А ну, что же такое?

Остафьевъ попридержалъ рукою свой ротъ.

— Письма оттудова нѣтъ ли ко мнѣ?

— А сегодня сторожъ Михѣевъ ходилъ къ Вахрамѣеву на квартиру, туда-съ, къ нѣмкѣ ихней-съ, такъ вотъ я пойду и спрошу, если надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!.. Я только такъ... Ты, братъ, не думай чего-нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не готовится ли что-нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? вотъ мнѣ что нужно; вотъ это ты и узнай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе, а на нашемъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ сѣли сегодня-съ.

— Иванъ Семенычъ? А! да! не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали имъ сѣсть-съ...

— Не-уже-ли? по какому же случаю? Разузнай это, братецъ; ради Создателя разузнай это, братецъ; разузнай это все, — а я тебя поблагодарю, милый мой; вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего-нибудь, братецъ...

— Слушаю-съ, слушаю-съ, тотчасъ сойду сюда-съ. Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ; я только такъ, я вѣдь такъ только, я посмотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ я тебя и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

«Плохо!» подумалъ онъ. «Эхъ, плохо, плохо! Эхъ дѣльцо-то наше... какъ теперь плоховато! Что бы это значило все? что именно значили нѣкоторые намѣки этого пьяницы, напримѣръ, и чья это штука?

А! я теперь знаю, чья это штука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... Впрочемъ, что-жъ,—посадили? это Андрей Филипповичъ его посадилъ, Ивана-то Семеновича; да впрочемъ, зачѣмъ же онъ его посадилъ, и съ какою именно цѣлью посадилъ? Вѣроятно, узнали... Это Вахрамѣевъ работаетъ, т. е. не Вахрамѣевъ, онъ глупъ, какъ простое осиновое бревно, Вахрамѣевъ-то; а это они все за него работаютъ, да и шельмеда-то за тѣмъ же самымъ сюда натравили; а пѣмка нажаловалась одноглазая! Я всегда подозрѣвалъ, что вся эта интрига не проста, и что во всей этой бабьей, старушней сплетнѣ непременно есть что-нибудь; то же самое я и Крестяну Ивановичу говорилъ, что дескать поклялись зарѣзать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человека, да и ухватились за Каролину Ивановну. Нѣтъ, тутъ мастера работаютъ видно! тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамѣевъ. Уже сказано, что глупъ Вахрамѣевъ, а это... я знаю теперь, кто здѣсь за нихъ всѣхъ работаетъ: это шельмецъ работаетъ, самозванецъ работаетъ! На этомъ одномъ онъ и лѣпится, что доказываетъ отчасти и успѣхи его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, желательно бы знать было, на какой онъ ногѣ теперь... что-то онъ тамъ у нихъ? — Только зачѣмъ же они тамъ взяли Ивана-то Семеновича? на какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича? точно нельзя ужъ было достать другого кого. Впрочемъ, кого ни посади, все было бы то же самое; а что я только знаю, такъ это то, что онъ, Иванъ-то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подозрителенъ, а про него давно замѣчалъ: старикашка такой скверный, гадкій такой,—говорятъ, на проценты даетъ и жидовскіе проценты беретъ. А вѣдь это все медвѣдь мастерить. Во все это обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось-то оно такимъ образомъ. У Измайловскаго моста оно началось; вотъ оно какъ началось...» Тутъ господинъ Голядкинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно припомнивъ что-нибудь весьма непріятное. «Ну, да ничего, впрочемъ!» подумалъ онъ. «А вотъ только, я все про свое. Что же это Остафьевъ нейдетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ остановленъ тамъ какъ-нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую, и съ своей стороны подковы веду. Остафьеву только гривенникъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей сторонѣ. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно ли онъ на моей сторонѣ; можетъ быть, они его тоже съ своей стороны... и, съ своей стороны согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Таятся, шельмецъ! «Нѣтъ, ничего» говоритъ «и чувствительно, дескать, вамъ, ваше благородіе, говоритъ, благодаренъ.» Разбойникъ ты эдакой!

Послышался шумъ... господинъ Голядкинъ съѣжился и прыгнулъ за печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Кто бы это такъ отправлялся теперь? подумалъ про себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги...

Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ изъ-за своего бруствера маленькій-маленькій кончикъ носу,—высунулъ и тотчасъ же оскѣся назадъ, словно кто ему булавкой носъ укололъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, т. е. шельмецъ, интригантъ и развратникъ,—проходилъ по обыкновенію, своимъ подленькимъ частымъ шажкомъ, присѣмнивая и выкидывая ножками такъ, какъ будто бы собирался кого-то лягнуть. «Подлецъ!» проговорилъ про себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не замѣтить, что у подлеца подъ мышкой былъ огромный зеленый портфель, принадлежавшій его превосходительству. «Онъ это опять по особому», подумалъ господинъ Голядкинъ покраснѣвъ и съѣжившись еще болѣе прежняго отъ досады. Только что господинъ Голядкинъ-младшій промелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совсѣмъ не замѣтивъ его, какъ слышались въ третій разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ догадался, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула къ нему за печку; фигурка, впрочемъ, была не Остафьева; а другаго писаря, Писаренки по прозванію. Это изумило господина Голядкина. Зачѣмъ же это онъ другихъ въ секретъ замѣшалъ? подумалъ герой нашъ: зкѣ варвары! святаго у нихъ ничего не имѣется! «Ну, что, мой другъ?» проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: «ты, мой другъ, отъ кого?...»

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій покаместъ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, увѣдомимъ-съ.

— А Остафьевъ?..

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-съ. Его превосходительство уже два раза проходилъ по отдѣленію, да и мнѣ теперь некогда.

— Спасибо, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ скажи...

— Ей-Богу же, некогда-съ... Поминутно насъ спрашиваютъ-съ... А вотъ вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ если будетъ что нибудь относительно вашего дѣльца-съ, такъ мы васъ увѣдомимъ-съ...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-съ; мнѣ некогда-съ, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу господина Голядкина: — право, нельзя-съ. Вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ мы и увѣдомимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! сейчасъ, милый другъ! Вотъ что теперь: вотъ письмо, мой другъ; а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ.

— Постарайся отдать, милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да, мой другъ, господину Голядкину.

— Хорошо-съ; вотъ какъ уберусь, такъ снесу-съ. А вы здѣсь стойте покаместъ. Здѣсь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, я, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здѣсь стою не для того, чтобъ кто нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперь буду не здѣсь... буду вотъ здѣсь въ переулочкѣ. Кофейная есть здѣсь одна; такъ я тамъ буду ждать, а ты, если случится что, и увѣдомляй меня обо всемъ, помни-машь?

— Хорошо-съ. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! кричалъ господинъ Голядкинъ вслѣдъ освободившемуся наконецъ Писаренкѣ... Шельмецъ, кажется, грубѣе сталъ послѣ, — подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. Тутъ еще есть крючокъ. Это ясно... Сначала было и того, и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ быть, дѣла тамъ много. И его превосходительство два раза ходилъ по отдѣленію... По какому бы это случаю было?.. Ухъ! да ну, ничего! оно, впрочемъ, и ничего, можетъ быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ...

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ было дверь и хотѣлъ уже выйти на улицу, какъ вдругъ, въ это самое мгновеніе, у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться, какъ отворились изнутри двери кареты, и сидѣвшій въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Прихавшій былъ не кто иной, какъ тотъ же господинъ Голядкинъ-младшій, минутъ десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ Голядкинъ-старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. «Это онъ по особому», подумалъ нашъ герой про-себя. Между тѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, захвативъ изъ кареты толстый зеленый портфель и еще какія-то бумаги, приказавъ наконецъ что-то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина-старшаго, и нарочно не замѣтивъ его, и, слѣдовательно, дѣйствуя такимъ образомъ ему въ пину, пустился скоробѣжкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ: «эхъ, дѣльцо-то наше чего прихватило теперь! Ишь его, Господи Богъ мой!» Съ пол-минутки еще простоялъ нашъ герой неподвижно; — наконецъ онъ рѣшился. Долго не думая, чувствуя впрочемъ сильное трепетаніе сердца и дрожь во всѣхъ членахъ, побѣждалъ онъ вслѣдъ за пріателемъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. «А! была не была; что же мнѣ-то такое? я сторона въ этомъ дѣлѣ», думалъ онъ, снимая шляпу, шинель и ка-лоши въ передней.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ докладами; директоръ же, какъ по

слухамъ извѣстно было, въ свою очередь спѣшилъ къ его высокопревосходительству. Въ слѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому что и сумерки сюда подмѣшались и кончалось время присутствія, нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно же молодежь, въ ту самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода бездѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, смѣялись, и даже кое-кто изъ самыхъ юнѣйшихъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, въ тихомолочку и подъ общій шумокъ составили орлянку, въ углу, у окошка. Зная приличіе и чувствуя въ настоящее время какую-то особенную надобность пріобрѣсть и найти, господинъ Голядкинъ немедленно подошелъ кой-къ-кому, съ кѣмъ ладилъ получше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ-то странно отвѣтили сослуживцы на пріѣздъ господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою-то всеобщей холодною, сухостью, даже, можно сказать, какою-то строгостью пріема. Руки ему не далъ никто. Иные просто сказали «здравствуйте» и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кое-кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые — и что было всего обиднѣе господину Голядкину, нѣкоторые изъ самой безчиновной молодежи, ребята, которые, какъ справедливо выразился о нихъ господинъ Голядкинъ, умѣютъ лишь въ орлянку поиграть при случаѣ, да гдѣ нибудь потаскаться, — мало-по-малу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какимъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и благоразумно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. Вдругъ одно совершенно неожиданное обстоятельство совсѣмъ, какъ говорится, доканало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кучкѣ молодыхъ, окружавшихъ его' сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ младшій, веселый по всегдашнему, съ улыбкой по всегдашнему, вертлявый тоже по всегдашнему, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, легокъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, точно такъ, какъ и вчера, напимѣръ, въ одну весьма непріятную минутку для господина Голядкина старшаго. Осклабившись, вертясь, смѣняя, съ улыбкой, которая такъ и говорила всѣмъ: «добраго вечера», втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, этого по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертому объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходительствомъ употребленъ, куда ѣздилъ, что сдѣлалъ, что съ собою привезъ; пятого, и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ самую губку, — однимъ словомъ, все происходило точь въ точь, какъ во снѣ господина Голядкина старшаго.

Напрыгавшись до-сыта, покончивъ со всякимъ по своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, нужно-ль, не нужно ли было; нализавшись всласть съ ними со всѣми, господинъ Голядкинъ младшій вдругъ, и вѣроятно ошибкой, еще не успѣвъ замѣтить до сихъ поръ своего старѣйшаго друга, протянулъ руку и господину Голядкину старшему. Вѣроятно тоже ошибкой, хотя впрочемъ и успѣвъ совершенно замѣтить неблагогого господина Голядкина младшаго, тотчасъ же, жадно схватилъ нашъ герой простертую ему такъ неожиданно руку и пожалъ ее самымъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ неожиданнымъ внутреннимъ движеніемъ, съ какимъ-то слезящимся чувствомъ. Былъ ли обманутъ герой нашъ первымъ движеніемъ благопристойнаго врага своего, или такъ, не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глубинѣ души своей всю степень своей незащищенности, — трудно сказать. Фактъ тотъ, что господинъ Голядкинъ старшій, въ здоровомъ видѣ, по собственной волѣ своей, и при свидѣтеляхъ, торжественно пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ врагомъ своимъ. — Но каково же было изумленіе, изступленіе и бѣшенство, каковъ же былъ ужасъ и стыдъ господина Голядкина старшаго, когда непріятель и смертельный врагъ его, неблагогого господинъ Голядкинъ младшій, замѣтивъ ошибку преслѣдуемаго, невиннаго и вѣроломно-обманутаго имъ человѣка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ, безъ состраданія и совѣсти, вдругъ съ нестерпимымъ нахальствомъ и съ грубостію вырвалъ свою руку изъ руки господина Голядкина старшаго; мало того, — стряхнулъ свою руку, какъ будто замаралъ ее черезъ то въ чемъ-то совсѣмъ нехорошемъ; мало того, — плюнулъ на сторону, сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ; мало того, — вынулъ платокъ свой и тутъ же, самымъ безчестнѣйшимъ образомъ, вытеръ имъ всѣ пальцы свои, побывавшіе на минутку въ рукѣ господина Голядкина старшаго. Дѣйствуя такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ младшій, по подленькому обыкновению своему, нарочно осматривался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобъ всѣ видѣли его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза, и очевидно старался о внушеніи всѣмъ всего самаго неблагопріятнаго относительно господина Голядкина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго господина Голядкина младшаго возбудило всеобщее негодованіе окружавшихъ чиновниковъ; даже вѣтренная молодежь показала свое неудовольствіе. Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе не могло миновать ушей господина Голядкина старшаго; но вдругъ, — кстати подоспѣвшая шуточка, накипѣвшая между прочимъ въ устахъ господина Голядкина младшаго, разбила, уничтожила послѣднія надежды героя нашего, и наклонила балансъ опять въ пользу смертельнаго и безполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазъ, господа; позволѣ-

те вамъ рекомендовать молодого Фоблаза, записалъ господинъ Голядкинъ младшій, съ свойственною ему наглостью сѣменя и въюня межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣпенѣвшаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящаго господина Голядкина. «Поцѣлуемся, душка!» продолжалъ онъ съ нестерпимою фамильярностію, подвигаясь къ предательски оскорбленному имъ человѣку. Шуточка безполезнаго господина Голядкина младшаго, кажется, нашла отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, по видимому уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжело почувствовалъ руку враговъ на плечахъ своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой выбрался онъ кое-какъ изъ толпы, и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предпоследней комнатѣ встрѣтился съ нимъ только-что выходившій отъ его превосходительства Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ же въ комнатѣ было порядочно всякихъ другихъ, совершенно постороннихъ въ настоящую минуту для господина Голядкина лицъ, но герой нашъ и вниманія не хотѣлъ обратить на подобное обстоятельство. Прямо, рѣшительно, смѣло, почти самъ себѣ удивляясь и внутренне себя за смѣлость похваливая, абордировалъ онъ, не теряя времени, Андрея Филипповича, порядочно изумленного такимъ нечаяннымъ нападеніемъ.

— А!.. что вы... что вамъ угодно? спросилъ начальникъ отдѣленія, не слушая запнувшагося на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я... могу ли я, Андрей Филипповичъ, имѣть теперь, тотчасъ же и глазъ на глазъ, разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, устремивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что-съ? конечно, нѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до головы обмѣрилъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что удивляюсь, какъ никто здѣсь не обвинитъ самозванца и подлеца.

— Что-о-съ?

— Подлеца, Андрей Филипповичъ.

— О комъ же это угодно такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... Я думаю, Андрей Филипповичъ, что начальство должно было бы поощрять подобныя движенія, прибавилъ господинъ Голядкинъ, очевидно не помня себя.—Андрей Филипповичъ... вы вѣроятно сами видите, Андрей Филипповичъ, что это благородное движеніе и всяческую мою благонамѣренность означаетъ,—принять начальника за отца, Андрей Филипповичъ, ринимая, дескать, благодѣтельное начальство за

отца, и слѣпо вѣряя судьбу свою. Такъ и такъ, дескать... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Голядкина задрожалъ, лицо его раскраснѣлось, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то невольно отшатнулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни былъ въ комнатѣ. Его превосходительство поздравилъ Андрея Филипповича и пошелъ съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошли вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмирѣвъ, пріютился онъ подъ крылышко Антона Антоновича Сѣточкина, который сзади всѣхъ ковылялъ въ свою очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. «Проврался я и тутъ; нагадилъ и тутъ», подумалъ онъ про себя: «да ну ничего. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прослушать меня и выкинуть въ мои обстоятельства», проговорилъ онъ тихо, и еще немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ. «Отверженный всѣми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю до сихъ поръ, что значили слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно...»

— Своевременно все объяснится-съ, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ, и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговора.—Узнаете въ скоромъ времени все-съ. Сегодня же форменно обо всемъ извѣститесь.

— Что же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? почему же такъ именно форменно-съ? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, какъ начальство рѣшаетъ.

— Почему же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе:—почему же начальство? Я не вижу причины, почему же тутъ нужно беспокоить начальство, Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ быть, чтонибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да нѣтъ-съ, не вчерашнее-съ; тутъ кое-что другое хромаетъ-съ у васъ.

— Что же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить-то съ кѣмъ собирались? рѣзко пересѣкъ Антонъ Антоновичъ совершенно оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ

онъ едва слышимымъ голосомъ:—если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то конечно... конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То-то-съ; а неблагопристойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвцы тогда добродѣтельнаго, почтеннаго и извѣстнаго семейства, которое вамъ благодѣтельствовало?

— Какой же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То-то-съ. А относительно другой дѣвцы, хотя бѣдной, но за то честнаго иностраннаго происхожденія, похвальнаго поступка своего тоже знаете-съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благоволи-те, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на другое лицо—обвиненіе другаго лица въ томъ, въ чемъ сами грѣшка прихватили? а? это какъ на-те зывается?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его, проговорилъ затрепетавъ нашъ герой:—и Петрушку, то есть человѣка моего, подобному ничему не училъ-съ... Онъ ѣлъ мой хлѣбъ, Антонъ Антоновичъ; онъ пользовался гостепріимствомъ моимъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чувствомъ герой нашъ, такъ что подбодокъ его запрыгалъ неморшко и слезы готовы были опять навернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ говорите, что онъ хлѣбъ-то вашъ ѣлъ, отвѣчалъ осклабляясь Антонъ Антоновичъ, и въ голосѣ его было слышно лукавство, такъ что по сердцу скребнуло у господина Голядкина.

— Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, нижайше спросить: извѣстны ли обо всемъ этомъ дѣла его превосходительство?

— Какъ же-съ! Впрочемъ, вы теперь пустите меня-съ. Мнѣ съ вами тутъ некогда... Сегодня же обо всемъ узнаете, что вамъ слѣдуетъ знать-съ.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Антонъ Антоновичъ...

— Послѣ расскажете-съ...

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ; я-съ, видите-съ, прислушайте только, Антонъ Антоновичъ... Я совсѣмъ не вольнодумствую, Антонъ Антоновичъ; я бѣгу вольнодумства; я совершенно готовъ съ своей стороны, и даже пропускаю ту идею...

— Хорошо-съ, хорошо-съ. Я ужъ слышалъ-съ...

— Нѣтъ-съ, этого вы не слыхали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право хорошо, и пріятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ. что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютили двухъ близнецовъ-съ. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень хорошо, Антонъ Анто-

новичъ, и что я далеку вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, дескать, благодѣтельное начальство, а вы того... дескать... молодому человѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, заступитесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-съ... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голядкина... Герой же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что слышалъ, что дѣлалъ, что съ нимъ сдѣлалось, и что еще будутъ дѣлать съ нимъ—такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся.

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиновниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его, и сказать ему что нибудь крайне благонамѣренное и весьма благородное и пріятное относительно себя самого... Впрочемъ, мало по малу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голядкина, новый, ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ, разомъ, цѣлую перспективу совершенно невѣдомыхъ доселѣ и даже нисколько не подозрѣваемыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту кто-то толкнулъ совершенно сбившагося героя нашего подъ бокъ. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе.

— А!.. ты уже сходилъ, милый мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда принесли-съ. Сергѣй Михѣевъ, сторожъ, принесъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамѣева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя благодарю, милый мой.

Сказавъ это, господинъ Голядкинъ спряталъ письмо въ боковой карманъ своего виц-мундира и застегнулъ его на всѣ пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ, и къ удивленію своему замѣтилъ, что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ кучкѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончилось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ до сихъ поръ этого послѣдняго обстоятельства, но даже не замѣтилъ и не помнилъ того, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ шинели, въ калошахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Всѣ чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что его превосходительство остановился внизу лѣстницы, въ ожиданіи своего почему-то замѣшканнаго экипажа, и велъ весьма интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Немного поодаль отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ Антоновичъ Стѣпачкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволитъ шутить и смѣяться. Столпившіеся на верху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покамѣстъ его превосход-

дительство опять засмѣются. Не улыбался лишь только одинъ Ѳедосѣичъ, толстогузый швейцаръ, державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку, и съ нетерпѣніемъ ожидавшій порціи своего обиденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну половинку дверей, и потомъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но всѣхъ болѣе, повидимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствіе недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ, въ это мгновеніе, даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ выонить и сѣменить между ними, по своему подленькому обыкновению даже позабылъ, пользуясь случаемъ, подлизаться къ кому нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то странно съежился, вѣроятно, чтобъ удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и изрѣдка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва замѣтными судорогами, обличавшими всѣ внутреннія, сокровенныя движенія души его.

— Ишь его разбираетъ! подумалъ герой нашъ: — фаворитомъ смотреть, мошенникъ! Желалъ бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ обществѣ высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія, ни чувства; — везетъ шельмецу! Господи, Боже! вѣдь какъ это скоро можетъ пойти человекъ, какъ подумаешь, и найдти во всѣхъ людяхъ! И пойдетъ человекъ, клятву даю, что пойдетъ далеко, шельмецъ, доберется, — везетъ шельмецу! Желалъ бы я еще узнать, что именно такое онъ всѣмъ имъ напечатываетъ? Какія тайны у него со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какіе секреты они говорятъ? Господи, Боже! Какъ бы мнѣ эдакъ, того... и съ ними бы тоже немножко... дескать такъ и такъ, попросить его развѣ... дескать такъ и такъ, а я больше не буду; дескать я виноватъ, а молодому человеку, ваше превосходительство, нужно служить въ наше время; обстоятельствомъ же темнымъ моимъ я отнюдь не смущаюсь, — вотъ оно какъ! протестовать тамъ какимъ нибудь образомъ тоже не буду, и все съ терпѣніемъ и смиреніемъ снесу, — вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь; резону-то ему вводить нельзя въ забубенную голову... А впрочемъ, попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попробоватъ...

Въ беспокойствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствуя, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно же съѣмъ нибудь объясниться, герой нашъ сталъ было по-немножку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный пріятель его; но, въ самое это время, у подъѣзда загремѣлъ давно ожидаемый экипажъ его превосходительства. Ѳедосѣичъ рванулъ дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Всѣ ожидавшіе разомъ хлынули къ выходу и отѣснили

на мгновеніе господина Голядкина старшаго отъ господина Голядкина младшаго. «Не уйденъ!» говорилъ нашъ герой, прорываясь сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого слѣдовало. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ погоню за своимъ непріателемъ.

ГЛАВА XI.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ летѣлъ онъ вслѣдъ за своимъ быстро удалявшимся непріателемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе страшной энергіи. Впрочемъ, не смотря на присутствіе страшной энергіи, господинъ Голядкинъ могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, если бы только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма бы удобно перешибъ его крыломъ своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что опаль и ослабъ совершенно, что несетъ его какою-то совершенно особенною и постороннею силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, напротивъ, его ноги подкашиваются и служатъ отказываются. Впрочемъ, это все могло бы устроиться къ лучшему. «Къ лучшему — не къ лучшему», думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скорого бѣга: «но что дѣло проиграно, такъ въ томъ теперь и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропасть я совѣмъ, такъ ужъ это извѣстно, опредѣлено, рѣшено и подписано». Не смотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно баталію выдержалъ, словно побѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за шинель своего непріятеля, уже заносившаго одну ногу на дрожжи жуда-то только что сговореннаго имъ ваньки. «Милостивый государь! милостивый государь!», закричалъ онъ наконецъ настигнутому имъ неблагородному господину Голядкину младшему: «Милостивый государь, я надѣюсь, что вы...»

— Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожжъ, а другою изъ всѣхъ силъ порываясь упасть на другую сторону экипажа, тщетно махая ею по воздуху, стараясь сохранить экипажъ и, вѣбствъ съ тѣмъ, стараясь всѣми силами отцѣпить шинель свою отъ господина Голядкина старшаго, за которую тотъ, съ своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! только десять минутъ...

— Извините, мнѣ некогда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста, Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ — объясниться... на смѣльную ногу... Секундочку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, некогда, отвѣчалъ съ неучтивою фамильярностью, но подъ видомъ душевной доброты, ложно благородный непріятель тѣ-

сподина Голядкина:— въ другое время, повѣрьте, отъ полноты души и отъ чистаго сердца; но теперь—вотъ право жъ нельзя.

— Подлецъ! подумалъ герой нашъ; Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ тоскливо:—я вашимъ врагомъ никогда не бывалъ. Злые же люди несправедливо меня описали.. Съ своей стороны я готовъ... Яковъ Петровичъ, угодно, мы съ вами, Яковъ Петровичъ, вотъ тотчасъ зайдемъ?.. И тамъ, отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали вы тотчасъ, и языкомъ прямымъ, благороднымъ... вотъ въ эту кофейную: тогда все само собой объяснится, — вотъ какъ, Яковъ Петровичъ! Тогда непременно все само собой объяснится...

— Въ кофейную? хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ кофейную, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единымъ условіемъ, — что тамъ все само собой объяснится. Дескать, такъ и такъ, душка, проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, слѣзая съ дрожекъ и безстыдно потрепавъ героя нашего по плечу:—дружище ты эдакой; для тебя, Яковъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо въ оно время вы, Яковъ Петровичъ, замѣтитъ изволили). Вѣдь вотъ плутъ, право, что захочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ! продолжалъ ложный другъ господина Голядкина, съ легкой улыбочкой вертаясь и увиваясь около него. Отдаленная отъ большихъ улицъ кофейная, куда вошли оба господина Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Довольно толстая нѣмка появилась у прилавка, едва только слышался звонъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ и недостойный непріятель его прошли во вторую комнату, гдѣ одутловатый и стриженный подъ гребенку мальчишка возился съ вязанкою щепокъ около печки, сисясь возобновить въ ней погасавшій огонь. По требованію господина Голядкина младшаго, подавъ бѣсъ шоколадъ.

— А пресдобная бабенка, проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, плутовски мигнувъ господину Голядкину старшему.

Герой нашъ покраснѣлъ и смолчалъ.

— А, да, позабылъ, извините. Знаю вашъ вкусъ. Мы, сударь, лакомы до тоненькихъ нѣмочекъ; мы, дескать, душа ты правдивая, Яковъ Петровичъ, лакомы съ тобою до тоненькихъ, хотя, впрочемъ, и нелишенныхъ еще пріятности нѣмочекъ; квартиры у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за бир-супъ, да милых-супъ наше сердце имъ посвящаемъ, да разныя подписки даемъ,— вотъ, что мы дѣлаемъ, Фоблазъ ты такой, предатель ты эдакой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, дѣлая такимъ образомъ совершенно бесполезный, хотя, впрочемъ, и злодѣйски хитрый намекъ на извѣстную особу женскаго пола, увиваясь около господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, ложно показывая такимъ образомъ радуніе къ нему и радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая же, что господинъ Голядкинъ старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе

не до того лишенъ образованности и манеръ хорошаго тона, чтобъ сразу повѣрить ему, неблагородный чловѣкъ рѣшился перемѣнить свою тактику и повести дѣла на открытую ногу. Тутъ же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что съ возмущающимъ душу безстыдствомъ и фамиллярностью потрепалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, неудовольствовавшись этимъ, пустился заигрывать съ нимъ совершенно неприличнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣрившись повторить свою прежнюю гнусность, т. е. не смотря на сопротивление и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина старшаго, ущипнуть его за щеку. При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени, впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ наконецъ, благоразумно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ. Въ то же самое время, герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на дверь. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, по видимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на разныя шуточки, непозволительныя въ общественномъ мѣстѣ, и вообще говоря, недопускаемыя законами свѣта, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, какъ хотите, серьезно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, выпитую имъ съ неприличною жадностью, на столъ.—Ну-съ, мнѣ съ вами долго нѣчего, впрочемъ... Ну-съ, каково-то вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ нашъ герой:—врагомъ вашимъ я никогда не бывалъ.

— Гм... ну, а Петрушка? какъ бишь! Петрушка вѣдь, кажется? — ну, да! Что, каковъ? Хорошо? по-прежнему?

— И онъ тоже по-прежнему, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ немного изумленный господинъ Голядкинъ-старшій. — Я не знаю, Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ откровенной стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій, фальшиво изображая собою такимъ образомъ грустнаго, полнаго раскаянія, и сожалѣнія достойнаго чловѣка: — сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ пошлюсь, Яковъ Петровичъ; чловѣкъ вы умный и справедливо разсудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подло лстя господину Голядкину-старшему. Жизнь не игрушка, — сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, многозначительно заключилъ господинъ Голядкинъ-младшій, приподвываясь такимъ образомъ умнымъ и ученымъ чловѣкомъ, который можетъ разсуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленіемъ отвѣчалъ нашъ герой:—съ своей стороны, презирая окольнымъ путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря языкомъ прямымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу вамъ, могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что я чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденіе,—все, можетъ быть,—судъ свѣта, мнѣніе раболѣпной толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если съ благородной и высокой точки зрѣнія на дѣло смотрѣть, то смѣло скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже пріятно будетъ открыть, что я заблуждался, мнѣ даже пріятно будетъ сознаться въ томъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а сверхъ того благородный. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ,—заклучилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба! Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со вздохомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій. — Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи на болѣе полезный и пріятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Право, мнѣ какъ-то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ, Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой:—и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ-старшій совершенно примирительнымъ тономъ. Голосъ его начиналъ мало по малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что? какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся сладкимъ голосомъ.

— Немного покашливаю, отвѣчалъ еще слаще герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повѣтрія, немудрено схватить жабу, и я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, немудрено схватить жабу съ... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ кроткаго молчанія герой нашъ:—Яковъ Петровичъ! я вижу, что я заблуждался... Я съ умиленіемъ вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя удалось намъ провести вмѣстѣ, подъ бѣднымъ, но, смѣю сказать, радушнымъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не то написали, отчасти съ укориною проговорилъ совершенно справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ отношеніи совершенно справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не повѣрите... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать

его, въ вашихъ же глазахъ, Яковъ Петровичъ, или если ужъ этого никакъ невозможно, то умоляю васъ читать его на оборотъ,—совсѣмъ на оборотъ, то есть, нарочно съ намѣреніемъ дружескимъ, давая обратный смыслъ всѣмъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я горестно заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно разсѣяннo и равнодушно спросилъ вѣроломный другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совсѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и что съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ благороднымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не замѣчая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга:—у меня даже идея была, что дескать, вотъ, создались два совершенно подобные...

— А! это ваша идея!..

Тутъ извѣстный своею бесполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, простодушно и благородно улыбаясь своему лже-пріятелю, стараясь въ невинности своей его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ, такимъ образомъ, новую дружбу...

— Прощайте, ваше превосходительство!—вскринулъ вдругъ господинъ Голядкинъ-младшій. Герой нашъ вздрогнулъ, замѣтивъ въ лицѣ врага своего что, то даже вахическое—и, единственно чтобъ только отвязаться, сунулъ въ простертую ему руку безразвѣннаго—два пальца своей руки; но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина-младшаго превзошло всѣ ступени. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина-старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ же, въ глазахъ же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю безстыдную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена...

Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ-старшій опомнился и ринулся вслѣдъ за нимъ въ сосѣдную комнату, куда, по скверной привычкѣ своей, тотчасъ же поспѣшили улизнуть непримиримый врагъ его. Какъ будто ни въ одномъ глазу, онъ стоялъ себѣ у прилавка, ѣлъ пирожки и преспокойно, какъ добродѣтельный человѣкъ, любезничалъ съ нѣмкой-кондитершей. — «При дамахъ нельзя», подумалъ герой нашъ и подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабѣнка-то не дурна!—Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличныя выходки господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно разсчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая же нѣмка, съ своей стороны

смотрѣла на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безсмысленными глазами, очевидно не понимая русскаго языка и привѣтливо улыбаясь. Герой нашъ вспыхнулъ, какъ огонь, отъ словъ незнающаго стыда господина Голядкина-младшаго, и, не въ силахъ владѣть собою, бросился наконецъ на него съ очевиднымъ намѣреніемъ растерзать его и совершить съ нимъ такимъ образомъ окончательно; но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлому обыкновенію своему, уже былъ далеко: онъ далъ тугу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само собой разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже сѣдился на подкидавшаго его и очевидно во всемъ согласившагося съ нимъ ваньку. Но, въ это самое мгновеніе, толстая цѣпка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позвонила, что было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти на-лету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго человѣка, не требуя сдачи, и, не смотря на то, что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и опять на-лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ всѣми данными ему природою средствами, герой нашъ несея пѣкоторое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изъ всѣхъ силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извозчикъ между-тѣмъ, и кнутомъ, и возжей, и ногой, и словами понукалъ свою разбитую клячу которая совсѣмъ неожиданно понеслась въ скачъ, закусивъ удила и лягалась, по скверной привычкѣ своей, задними ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ-таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной упираясь въ извозчика, колѣнками въ колѣнки безстыднаго, а правой рукою своей всѣми средствами вцѣпившись въ весьма скверный мѣховый воротникъ шинели развратнаго и ожесточеннѣйшаго своего непріятеля...

Враги неслись и нѣкоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ; дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу, съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ того, ожесточенный непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника. Къ довершенію всѣхъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ валилъ хлопьями и всячески старался, съ своей стороны, какимъ-нибудь образомъ залѣзть подъ распахнувшуюся шинель настоящаго господина Голядкина. Кругомъ было мутно и невиднo ни зги. Трудно было отличить: куда и по какимъ улицамъ несутся они... Господину Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то знакомое. Одно мгновеніе онъ старался припомнить, не предчувствовалъ ли онъ чего нибудь вчера... во снѣ, напимѣръ... Наконецъ, тоска его до-росла до послѣдней степени своей агоніи. Налегши

на безпощаднаго противника своего, онъ началъ было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно потеряннымъ дѣломъ... Но вдругъ, и почти въ то самое мгновеніе, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ перебѣнилъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ—какъ кулъ муки свалился съ дрожекъ и покотился куда-то, совершенно справедливо сознаваясь въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма некстати погорячился. Вскочивъ наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то прѣхали; дрожки стояли среди чьего-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дворъ того самого дома, въ которомъ квартируетъ Олсуфій Ивановичъ. Въ то же самое мгновеніе замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олсуфью Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился было онъ догонять своего непріятеля, но къ счастью своему благоразумно одумался во-время. Не забывъ расплатиться съ извозчикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что есть мочи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ по прежнему, хлопьями по прежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ,—мужиковъ и бабъ, и дѣтей, и самъ въ свою очередь отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вслѣдъ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомнился онъ, впрочемъ, уже у Семеновскаго моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. «Это ничего», подумалъ господинъ Голядкинъ: «все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему», и тутъ же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, герохъ и разныя разности. Вдругъ новымъ свѣтомъ озарило господина Голядкина; въ карманѣ оцупалъ онъ письмо, переданное ему по утру писаремъ. Вспомнивъ, между прочимъ, что есть у него недалеко знакомый трактиръ, забѣжалъ онъ въ трактиръ, не медля ни минуты пристроился къ століку, освѣщенному сальной свѣчкой, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая половаго, явившагося за приканіемъ, сломалъ печать и началъ читать ниже-слѣдующее, окончательно его поразившее:

«Благородный, за меня страдающій и на вѣки милый сердцу моему человѣкъ!

«Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветникъ, интригантъ и извѣстный безполезностью своего направленія человѣкъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! Я пала! Но онъ мнѣ проти-

венъ, а ты!.. Насъ разлучали, мои письма къ тебѣ перехватывали,—и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшимъ качествомъ,—сходствомъ съ тобою. Во всякомъ же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плѣнять умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными манерами... Я погибаю! Меня отдають насильно, и всего болѣе пугаетъ здѣсь родитель, благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, вѣроятно желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высокаго тона... Но я рѣшилась и протестую всѣми данными мнѣ природою средствами. Жди меня съ каретой своей сегодня, ровно въ девять часовъ, у оконъ квартиры Олсуфія Ивановича. У насъ опять балъ и будетъ красивый поручикъ. Я выйду, и мы полетимъ. Къ тому же, есть и другія служебныя мѣста, гдѣ еще можно приносить пользу отечеству. Во всякомъ случаѣ, вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. Прощай. Жди, съ каретой у подъѣзда. Брошусь подъ защиту объятий твоихъ ровно въ два часа по-полуночи.

Твоя до гроба

Клара Олсуфьевна.

Прочтя письмо, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ бы пораженный. Въ страшной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находившихся въ комнатѣ. Вѣроятно, безпорядокъ костюма его, несдерживаемое волненіе, ходьба, или, лучше сказать, бѣготня, жестикуляція обѣими руками, можетъ быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости,—вѣроятно, все это весьма плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей; и даже самъ половой начиналъ поглядывать на него подозрительно. Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты, и почти неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного весьма почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и помолясь передъ образомъ Богу, усѣлся опять, и съ своей стороны тоже не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянувшись кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, рѣшительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ зловѣщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный, съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ «Полицейскія Вѣдомости.» Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ: какъ-то нечаянно опустилъ онъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрибка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ неистощимой тоскѣ

своей подошелъ нашъ герой къ столу, за которымъ читалъ, и увидѣлъ, что къ нему подходитъ трактирный служитель съ какимъ-то страннымъ и дерзко настоящимъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и оная совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранныя тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замазанная салфетка, и валялись только что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. «Кто жъ это обѣдалъ?» подумалъ герой нашъ. «Неужели я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ себя; какъ же мнѣ быть?» Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя полового, который собирався ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина; самъ половой усмѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ сдѣлался и сдѣлалъ какую-то страшную глупость. Пожавъ все это, онъ до того сконфузился, что принужденъ былъ подѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что-нибудь сдѣлать и такъ не стоять; но, къ неопisanному своему и всѣхъ окружающихъ его изумленію, вынулъ, вмѣсто платка, сткланку съ какимъ-то лекарствомъ, дня четыре тому назадъ прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. «Медикаменты въ той же аптекѣ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вздрогнулъ и чуть не вскрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ проливался... Темная, красновато-отвратительная жидкость зловѣщимъ отсвѣтомъ блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ пролившейся жидкости... онъ дрожалъ всѣми членами, и потъ пробивался у него на вискахъ и на лбу. «Стало быть, жизнь въ опасности!» Между тѣмъ, въ комнатѣ произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружали господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, нѣкоторые даже хватали господина Голядкина. Но герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ вонъ изъ трактира, растолкавъ всѣхъ и cadaго изъ стремившихся удержатъ его, почти безъ чувствъ упалъ на первомъ, повалившемся ему пзвоицнчи дрожки и полетѣлъ на квартиру.

Въ снятыхъ квартиры своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. «Знаю, другъ мой, все знаю», отвѣчалъ слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ: «это официальное...» Въ пакетѣ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филипповича, сдать находившіяся у него на рукахъ дѣла Ивану Семеновичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гризенику, г-нъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру

свою и увидѣлъ, что Петрушка готовить и собирать въ одну кучу весь свой дрягъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно намѣреваясь оставить г-на Голядкина и переѣхать отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ замѣнить ей Евстафія.

ГЛАВА XII.

Петрушка вошелъ, покачиваясь, держась какъ-то странно-небрежно и съ какой-то холоцки-торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что онъ что-то задумалъ, чувствовалъ себя вполне въ своемъ правѣ и смотрѣлъ совершенно постороннимъ человѣкомъ, т. е. чѣмъ-то другимъ служителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ г-на Голядкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ: — который теперь часъ, милый мой?

Петрушка, молча, отправился за перегородку, потомъ воротился и довольно независимымъ тономъ объявилъ, что ужъ скоро половина восьмого.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... позволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, теперь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужъ все между нами кончилось, скажи ты мнѣ теперь откровенно, какъ другу скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? Между добрыхъ людей-съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою былъ постоянно доволенъ, мой милый, и аттестать тебѣ дамъ... Ну, что же ты у нихъ теперь?

— Что же, сударь! сами изволите знать-съ. Извѣстно-съ, добрый человѣкъ худому тебя не научить.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынче добрые люди рѣдки, мой другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, какъ же они?

— Извѣстно-съ, какъ-съ... Только я у васъ, сударь, больше служить теперь не могу-съ; сами изволите знать-съ.

— Знаю, милый мой, знаю; твою ревность и усердіе знаю; я видѣлъ все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. Я добраго и честнаго человѣка, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что жъ, извѣстно-съ! Нашъ братъ, конечно, сами изволите знать-съ, гдѣ лучше. Ужъ такъ оно-съ. Что мнѣ! Извѣстно, сударь, что ужъ безъ добраго человѣка нельзя-съ.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо; я это чувствую... Ну, вотъ твои деньги и вотъ твой аттестатъ. Теперь поцѣлуемся, братецъ, простимся съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, послѣдней услуги, сказалъ г-нъ Голядкинъ торжественнымъ тономъ. — Видишь ли, милый мой, всякое бываетъ. Горе, другъ мой, кроется и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него

никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Петрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобой всегда ласковъ былъ, милый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣлья, милый мой?

— Да все на лицо-съ. Рубашекъ холстинковыхъ шесть-съ; карпетокъ три пары; четыре манишки-съ; фуфайка фланелевая; изъ няжняго платья двѣ штуки-съ. Сами знаете все-съ. Я, сударь, вашего ничего-съ... Я, сударь, барское добро берегу-съ. Я вами, сударь, того-съ... извѣстно-съ... а грѣха какого за мной—никогда, сударь; ужъ это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то; видишь ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь-съ: ужъ это мы знаемъ-съ. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ-съ, такъ отпускали меня, уѣзжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то; я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно-съ. Что ужъ нашего брата-съ, сами изволите знать-съ, долго ли поклепать человѣка-съ. А мною были довольны вездѣ-съ. Были министры, генералы, сенаторы, графы-съ. Бывалъ у всѣхъ-съ, у князя Свинчаткина-съ, у Переборкина полковника-съ, у Недобарова генерала, тоже ходили-съ, въ вотчину ѣздили къ нашимъ-съ. Извѣстно-съ...

— Да, мой другъ, да; хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и я теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путъ всякому разный лежить, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человѣкъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай же ты мнѣ одѣться теперь; да, ты вицъ-мундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ прикажете все завязать-съ?

— Да, мой другъ, да; пожалуй и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться. Ну, теперь, милый мой, сходишь и приищешь карету...

— Карету-съ?..

— Да, мой другъ, карету, просторнѣе и на извѣстное время. А ты, мой другъ, не думай чегонибудь...

— А далеко уѣзжать хотите-съ?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Нѣшто сейчасъ изволите уѣзжать-съ?

— Да, мой другъ, да! Обстоятельство вышло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку, съ поручикомъ то же самое было-съ; тамъ у помѣщика-съ... увезли-съ...

— Увезъ?.. Какъ! милый мой, ты...

— Да-съ, увезли-съ и въ другой усадьбѣ вѣн-

чались. Все было заранѣе готово-сь. Погоня была-сь; князь тутъ только-сь вступились, покойникъ-сь,— ну, и уладили дѣло-сь...

— Вѣнчались, да... ты, какъ же, мой милый? ты-то какимъ же образомъ, милый мой знаешь?

— Да ужъ извѣстно-сь, что-сь! Слухомъ земля, сударь, полнится. Знаемъ, сударь, мы все-сь... конечно, съ кѣмъ же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, попросту, сударь, по-холопски сказать; ужъ коль теперь на то пошло, такъ ужъ я вамъ скажу, сударь: есть у насъ врагъ,—суперника вы, сударь, имѣете, сильный суперникъ, вотъ-сь...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ же намъ теперь дѣлать, мой другъ? какъ ты мнѣ посоветуешь?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно сказать, манеромъ пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-сь, — ну тамъ простыни, подушки, перину другую-сь, двуспальную-сь, одѣяло хорошее-сь, — такъ вотъ здѣсь, у сосѣдки-сь, внизу-сь: мѣщанка, сударь, она; лисій салонъ есть хорошій; такъ можно его посматрѣть и купить, можно сейчасъ сходить посматрѣть-сь. Оно же вамъ надобно, сударь, теперь-сь; хорошій салонъ-сь, атласомъ крытый-сь, на лисьемъ мѣху-сь...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполне полагаюсь; пожалуй хоть и салонъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! ради Бога, поскорѣй! Я и салонъ куплю, только пожалуйста—поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! поторопись поскорѣе, мой другъ!..

Петрушка бросилъ nedovязанный узелъ бѣлья, подушекъ, одѣяла, простынь и всякаго дрягу, что сталъ было вмѣстѣ собирать и увязывать, и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Голядкинъ, между тѣмъ, схватился еще разъ за письмо;—но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не могъ, дѣлать чтонибудь тоже не могъ; онъ и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя, что время проходитъ, а ни Петрушки, ни салопа еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣшился пойти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни, онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки... Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, редили о чемъ-то, — ужъ это господинъ Голядкинъ зналъ, о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки; потомъ послышались чьи-то шаги. «Боже ты мой! Они сюда весь свѣтъ созовутъ!» простоналъ господинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бросаясь назадъ въ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою комнату, онъ упалъ, почти не помня себя, на диванъ, лицомъ въ подушку. Съ минутку полежавъ такимъ образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь Петрушки, надѣлъ свои калоши, шляпу, шинель,

захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы. «Ничего не нужно, ничего, милый мой! я самъ, я все самъ. Тебя покамѣстъ не нужно, а между тѣмъ дѣло, можетъ быть, и уладится къ лучшему,» пробормоталъ господинъ Голядкинъ Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ; потомъ выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому; сердце его замирало; онъ еще не рѣшался... Какъ ему быть, что ему дѣлать, какъ ему въ настоящемъ и критическомъ случаѣ поступить...

— Вѣдь вотъ: какъ поступить, Господи, Богъ мой? И нужно же было быть всему этому! вскричалъ онъ наконецъ въ отчаяніи, куда глаза глядятъ на удачу ковыляя по улицѣ: — нужно же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все бы уладилось; разомъ, однимъ ударомъ, однимъ ловкимъ, энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось бы. Оно бы вотъ какъ все сдѣлалось: я бы тутъ и того — дескать такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда; дескать дѣла такъ не дѣлаются; дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла такъ не дѣлаются, и самозванствомъ у насъ не возьмешь; самозванецъ, сударь вы мой, человекъ того — бесполезный, и пользы отечеству неприносящій. Понимаете ли вы это? Дескать понимаете ли вы это, милостивый мой государь?! Вотъ бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что вру, дуракъ дуракомъ! я-то, самоубійца я эдакой! Оно, дескать, самоубійца ты эдакой совсѣмъ, не того... Вотъ, однако, разъяренный ты человекъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!.. Ну, куда я дѣнусь теперь? ну, что я, наприимѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? ну, куда я гожусь теперь? ну, куда ты, наприимѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты эдакой, недостойный ты эдакой! Ну, что теперь? карету брать нужно; возьми, дескать, да подай ей карету сюда; дескать ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, кто бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! ай-да благонаправнаго поведенія дѣвица! ай-да хваленая наша. Отличились, сударыня, нечего сказать, отличились!.. А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія; а я, какъ теперь поразсматрѣлъ, да пораскусилъ это все, такъ и вижу, что это не отъ иного чего происходитъ, какъ отъ безнравственности. Чѣмъ бы съ-молоду ее того... да и розгой подѣ часть, а они ее конфетами, а они ее сладкими разными пичкаютъ, и самъ старикашка нюнить надъ ней: — дескать ты такая моя, да саякая моя ты хорошая, дескать за графа отдамъ тебя!.. А вотъ она и вышла у нихъ, и показала намъ теперь свои карты; дескать вотъ у насъ игра какова! чѣмъ бы дома держать ее съ-молоду, а они ее въ пансіонъ, къ мадамъ французекѣ, къ эмгранткѣ Фальбала, тамъ какойнибудь; а она тамъ

добру всякому учиться у эмигрантки-то Фальба-ла, — вотъ оно и выходитъ такимъ-то все обра-зомъ. Дескать, подите, порадауйтесь! дескать буд-те въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окна-ми, и романъ чувствительный по-испански про-пойте; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣдимъ съ вами вмѣстѣ, и будемъ жить въ хижинѣ. Да, наконецъ, оно и нельзя; оно, сударыня моя, вы моя—если на то ужъ пошло,—такъ оно и нельзя, такъ оно и законами запрещено честную и невин-ную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей! Да, наконецъ, и зачѣмъ, по-чему, и какая тутъ надобность? Ну, вышла бы тамъ себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой пред-назначено, такъ и дѣло съ концомъ. А я чело-вѣкъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ-за этого; я сударыня вы моя, подъ судъ могу по-пасть изъ-за этого! вотъ оно что! коль не знали. Это нѣмка работаетъ. Это отъ нея, вѣдьмы, все происходитъ, всѣ сыры-боры отъ нея загораются. Потому что оклеветали чело-вѣка, потому что вы-думали на него сплетню бабью, небылицу въ ли-цахъ, по совѣту Андрея Филипповича, оттого и происходитъ. Иначе, почему же Петрушкѣ тутъ вмѣшиваться? ему-то тутъ что? шельмецу-то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не могу, сударыня, ни-какъ не могу, ни за что не могу... А вы меня, су-дарыня, на этотъ разъ ужъ какъ нибудь тамъ из-вините. Это отъ васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ нѣмки все происходитъ, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому что вѣдьма добрая женщина, потому что вѣдьма не виновата ни въ чемъ, а вы, сударыня вы моя, виноваты, — вотъ оно какъ! Вы, сударыня, вы меня въ напра-вную вводите... Тутъ чело-вѣкъ пропадаетъ, тутъ самъ отъ себя чело-вѣкъ исчезаетъ, и самого себя не можетъ сдержатъ—какая тутъ свадьба! И какъ это кончится все? и какъ это теперь устроится? Дорого бы я далъ, чтобъ узнать это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ ге-рой. Очнувшись вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ-то стоитъ на Литейной. Погода была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь,—ну точъ въ точъ, какъ въ то незабвенное время, когда, въ страшный полночный часъ, начались всѣ несчастія господина Голядкина.—Какой тутъ воляжъ думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на погоду: — тутъ всеобщая смерть... Господи, Богъ мой! ну гдѣ мнѣ, на примѣръ, здѣсь карету сыскать? Вонъ тамъ на углу, кажется, что-то чернѣется. Посмотримъ, из-слѣдуемъ... Господи, Богъ мой! продолжалъ нашъ герой, направивъ слабыя и шаткіе шаги свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что-то похожее на карету. Нѣтъ, я вотъ какъ одѣлаю: отправлюсь, паду къ ногамъ, если можно, униженно буду испраши-вать. Дескать, такъ и такъ; въ ваши руки судьбу свою предаю, въ руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и благотвори-тельствуйте чело-вѣка; такъ и такъ дескать, вотъ то-то и то-то, противозаконный поступокъ; не погубите,

принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, честь, имя и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго чело-вѣка спасите... Онъ другой че-ловѣкъ, ваше превосходительство, а я тоже дру-гой чело-вѣкъ; онъ особо и я тоже самъ по себѣ; право, самъ по себѣ, ваше превосходительство, право самъ по себѣ; дескать, вотъ оно какъ. Дес-кать, походить на него не могу; перемѣните, бла-говолите, велите перемѣнить—и безбожный само-вольный подмѣнъ уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосходительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благотвори-тельное и попечительное начальство подобныя движенія долж-но поощрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцар-скаго. Дескать принимаю васъ, благотвори-тельное на-чальство, за отца и ввѣряю судьбу свою и преко-словить не буду, ввѣрюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать вотъ оно какъ!

— Ну, что, мой милый, извощикъ?

— Извощикъ...

— Карету, братъ, на вечеръ...

— А далеко ли ѣхать изволите съ?

— На вечеръ, на вечеръ; куда бъ ни пришлось, милый мой, куда бъ ни пришлось.

— Нешто за городъ ѣхать изволите?

— Да, мой другъ; можетъ и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь ли, ми-лый мой, можетъ быть, все и уладится къ лучшему. Извѣстно, мой другъ...

— Да, ужъ извѣстно, сударь, конечно; дай Богъ всякому.

— Да, мой другъ, да; благодарю тебя, милый мой; ну, что же ты возмешь, милый мой?..

— Сейчас изволите ѣхать-съ?

— Да, сейчасъ, т. е. нѣтъ, подождешь въ од-номъ мѣстѣ... такъ, немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да, если ужъ на все время берете-съ, такъ ужъ меньше шести цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты мезя и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправлю маленько;—извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому мосту, мой другъ.

Извощикъ-кучеръ взгромоздился на возла и тро-нулъ было пару тощихъ клячъ, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ къ Измайловскому мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ снурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоля-ющимъ голосомъ поворотить назадъ, не къ Измай-ловскому мосту, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять ми-нутъ новопріобрѣтенный экипажъ господина Го-лядкина остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убѣдительно подождать и самъ взбѣжалъ

съ замирающимъ сердцемъ вверхъ, во второй этажъ, дернулъ за шнурокъ, дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволятъ быть? спросилъ господинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ образомъ къ отворившему ему человѣку.

— А вамъ чего-съ? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Дескать, такъ и такъ объясниться...

— Обождите; нельзя-съ...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, нетерпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?...

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ по себѣ... Доложи, мой другъ, дескать такъ и такъ объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не велѣно принимать; у нихъ гости-съ. Пожалуйте утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите же, милый мой; мнѣ нельзя, невозможно мнѣ ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи; что тебѣ: сапоговъ жалъ, что ли? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залавкѣ, и до сихъ поръ несказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не велѣлъ принимать, знаешь? Ихняя чередъ по утрамъ.

— Доложи. Языкъ, что ли отвалится?

— Да я-то доложу; языкъ не отвалится. Не велѣлъ: сказано—не велѣлъ. Войдите въ комнату-то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату; на столѣ стояли часы. Онъ взглянулъ: половина девятаго. Сердце у него заняло въ груди. Онъ было уже хотѣлъ воротиться: но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогѣ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилью господина Голядкина. — «Эко вѣдь горло!» подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой... «Ну, сказалъ бы ты: того... дескать такъ и такъ, покорнѣйше и смиренно пришелъ объясниться, — того... благоволите принять... А теперь, вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на вѣтеръ пошло; впрочемъ... да, ну — ничего»... Разсуждать, впрочемъ, нечего было. Лакей воротился, сказалъ «пожалуйте» и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ. Мелькнули, впрочемъ, двѣ-три фигуры въ глазахъ: «Ну да это гости» мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ. Наконецъ, нашъ герой сталъ ясно отличать звѣзду на черномъ фракѣ его превосходительства, потомъ, сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фраку, наконецъ получилъ способность — полного созерцанія...

— Что-съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?

— Пришелъ объясниться...

— Какъ?.. Что?

— Да ужъ такъ. Дескать такъ и такъ пришелъ объясниться — ваше превосходительство-съ...

— Да, вы... да кто вы такой?..

— Го-го-господинъ Голядкинъ, ваше превосходительство, титулярный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего же вамъ нужно?

— Дескать такъ и такъ, принимаю его за отца; самъ отстраняюсь отъ дѣлъ, и отъ врага защищаете, — вотъ какъ!

— Что такое?..

— Известно...

— Что известно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начинало по-немногу подѣргивать...

— Ну?

— Я думалъ рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь, дескать, рыцарское, и пачальника за отца принимаю... дескать такъ и такъ, защитите, сле...слезно м...молю, и что такіа двп... движенія долж...но по...по...поощрять...

Его превосходительство отвернулся. Герой нашъ нѣсколько мгновений не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣснило. Духъ занимался. Онъ не зналъ, гдѣ стоялъ... Было какъ-то стыдно и грустно ему. Богъ знаетъ, что было послѣ... Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ съ своими гостями, и какъ будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другаго же нѣтъ; впрочемъ, лицо было какъ будто тоже знакомое, — высокая, плотная фигура, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами, и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ незнакомца былъ орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивалъ головою, взглядывая по временамъ на господина Голядкина. Господину Голядкину стало какъ-то неловко; онъ отвелъ свои глаза въ сторону, и тутъ же увидѣлъ еще одного весьма страннаго гостя. Въ дверяхъ, которыхъ герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ нѣкогда то же случилось съ нимъ, — появился онъ, — извѣстно кто, весьма короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ младшій, дѣйствительно, находился до сихъ поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что-то спѣшно писалъ; теперь, видно, понадобилось — и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, занявъ свое мѣсто немного по-за-спиной Андрея Филипповича, и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. Повидимому, господинъ Голядкинъ младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, сѣменилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывая на его превосходительство, какъ

будто бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили вернуть свои полсловечка. Подлецъ! подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генералъ оборотился и самъ довольно нерѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я поразсмотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генералъ взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что-то другое, а вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. «Такъ ли эдакъ, а объясниться вѣдь нужно», подумалъ онъ: «такъ и такъ дескать, ваше превосходительство». Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. «Неужели лопнули?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ, однакожь, господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отсвѣчивали,—феноменъ, совершенно объяснившійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестѣли. Это называется *бликъ*, подумалъ герой нашъ, особенно же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ же мѣстахъ этотъ отсвѣтъ называется *свѣтлымъ ребромъ*. Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому что дѣло весьма могло повернуться къ худому концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ: — а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генералъ ничего не отвѣчалъ, а сильно позволилъ за снурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развратный человѣкъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха, и, при всемъ томъ, смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго близнеца своего, семѣнившего въ это мгновеніе около его превосходительства: — такъ и такъ, дескать, а я на извѣстное лицо намекаю.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами; его превосходительство дергалъ въ нетерпѣніи изъ всѣхъ силъ за снурокъ колокольчика, дозываясь людей. Тутъ господинъ Голядкинъ младшій выступилъ впередъ, въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ: — униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосѣ господина Голядкина младшаго было что-то крайне рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая усердіемъ своимъ отвѣтъ его пре-

восходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину: — позвольте спросить васъ, въ чемъ присутствіи вы такъ объясняетесь? передъ кѣмъ вы стоите, въ чемъ кабинетъ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва; даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившись въ дверяхъ кабинета. — «Хорошая дворянская фамилья, выходцы изъ Малороссіи», — подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ же почувствовалъ, что кто-то весьма дружескимъ образомъ налегъ ему одною рукою на спину; потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что его, кажется, направляютъ къ большимъ дверямъ кабинета. «Точъ въ точъ какъ у Олсуфія Ивановича», подумалъ онъ и очутился въ передней. Оглянувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! шинель моего лучшаго друга! зашебеталъ развратный человѣкъ, вырывая изъ рукъ одного человѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагоприятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбываясь изъ подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ старшій ясно слышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не внимая ничему постороннему, онъ ужъ выходилъ изъ передней и очутился на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ младшій — за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину старшему.

— Подлецъ! проговорилъ вѣкъ себя нашъ герой.

— Ну, и подлецъ...

— Развратный человѣкъ!

— Ну, и развратный человѣкъ..., отвѣчалъ такимъ образомъ достойному господину Голядкину недостойный неспріятель его и, по свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо и не сморгнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо; онъ былъ такъ убитъ, что совершенно не помнилъ, кто и какъ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фонтанкѣ. «Стало быть, къ Измайловскому мосту?» подумалъ господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... «Ну, нячего!» заключилъ нашъ герой, и поѣхалъ къ Измайловскому мосту.

ГЛАВА XIII.

... Казалось, что погода хотѣла переимѣниться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій доселѣ цѣлыми тучами, началъ мало-по-малу

рѣдѣть, рѣдѣть, и наконецъ почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ, тамъ и сямъ, заискрились звѣздки. Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва духъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шинель его принимала всѣ его члены какою-то непріятно теплою сыростью, и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно ослабѣвшія ноги его. Какая то лихорадочная дрожь гуляла острыми и ѣдкими мурашками по всему его тѣлу; изнеможеніе точило изъ него холодный, болѣзненный потъ, такъ что господинъ Голядкинъ позабылъ уже, при семъ удобномъ случаѣ, повторить съ свойственною ему твердостью и рѣшимостью свою любимую фразу, что оно и все-то авось, можетъ быть, какъ нибудь, навѣрное непремѣнно, возьметъ, да и уладится къ лучшему. «Впрочемъ, это все еще ничего покамѣстъ», прибавилъ крѣпкій и неунывающий духомъ герой нашъ, отирая съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того взмокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ, что это все еще ничего, герой нашъ попробовалъ было присѣсть на довольно толстый деревянный обрубокъ, валившійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ нечего уже было думать; но объ укрономъ уголкѣ, хотя и несовсѣмъ тепломъ, но зато уютномъ и скрытномъ, нужно же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ сѣняхъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, стоялъ свои два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дрязгомъ,хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя неудобства, прежде несуществовавшія. Первое неудобство — то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и принято на-счетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во-вторыхъ, должно же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому что непремѣнно долженъ же былъ существовать какой нибудь эдакой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и «дескать не нами началось, не нами и кончится». Господинъ Голядкинъ тутъ же кстати мимоходомъ припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ же обстоятельствѣ, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая ленточка теперь, ночью и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностію, въ дѣло идти не могла, и, однимъ словомъ, была совсѣмъ невоз-

можна. «Нѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ», подумалъ герой нашъ: «а я лучше здѣсь, такъ себѣ, укромно и въ тихомолочку... я лучше вотъ, напримѣръ, здѣсь стану», и выбралъ мѣстечко на дворѣ, противъ самыхъ оконъ, около кучи складенныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много постороннихъ людей, форрейторовъ, кучеровъ; къ тому же стучали колеса и фыркали лошади, и т. д.; но все-таки мѣсто было удобное: замѣтятъ ли, не замѣтятъ ли, а теперь по крайней мѣрѣ выгода та, что дѣло происходитъ нѣкоторымъ образомъ въ тѣни, и господина Голядкина не видятъ никто; самъ же онъ могъ видѣть рѣшительно все. Овна были сильно освѣщены; былъ какой-то торжественный съѣздъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. «Стало быть, это не балъ, а такъ, по какому нибудь другому случаю съѣхались», думалъ, отчасти замирая, герой нашъ. «Да сегодня ли, впрочемъ?» пронеслось въ его головѣ: «не ошибка ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно, вотъ это, какъ можетъ быть все... Оно еще, можетъ быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то есть, что я... что завтра нужно было все сдѣлать, то есть съ каретой-то ждать...» Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончательно и полѣзъ въ свой карманъ за письмомъ, чтобъ справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. «Какъ же это?» прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: «гдѣ же это я оставилъ его? Стало быть, я его потерялъ? — этого еще не доставало!» простоналъ онъ наконецъ въ заключеніе. «Ну, если оно въ недобрыя руки теперь попадетъ? (Да, можетъ, попало уже!) Госиоди! что изъ этого воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужь... Ахъ, ты, судьба ты моя ненавистная!» Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ быть, неблагопристойный близнецъ его, набрасывая ему шинель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ, какъ нибудь тамъ, пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. «Къ тому же, онъ перехватываетъ», подумалъ герой нашъ: «доказательствомъ же... да что доказательствомъ!...» Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина. Со стономъ и скрежеща зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустился на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались, то неясно, то рѣзко какія-то давно забытыя происшествія, лѣзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсень... Тоска, тоска была неестественная! «Боже мой! Боже мой!», подумалъ нѣсколько очнувшись герой нашъ, подавляя глухое рыданіе въ груди: «подай мнѣ твердость духа въ непостижимой глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропасть я, исчезъ совершенно, — въ этомъ ужъ

нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во-первыхъ, я мѣста лишился, непременно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да положимъ, оно и уладится какъ нибудь тамъ. Деньжонокъ же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ; тамъ—квартиренку другую какую нибудь, мебелишки какой нибудь нужно же... Петрушки же, во первыхъ, не будутъ со мной. Я могу и безъ шельмеца... этакъ отъ жильцовъ; ну, хорошо! И входишь, и уходишь когда мнѣ угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь,—вотъ оно какъ; вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да положимъ, это все хорошо; только какъ же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю?» Тутъ мысль о настоящемъ положеніи опять озарила память господина Голядкина. Онъ оглянулся кругомъ. «Ахъ, ты, Господи, Богъ мой! Господи, Богъ мой! да о чемъ же это я теперь говорю?» подумалъ онъ, растерявшись совсѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нѣшто скоро, сударь, изволите ѣхать? пропзнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ; но передъ нимъ стоялъ его извозчикъ, тоже весь до нитки измокшій и продрогшій, отъ нетерпѣнія и отъ нечего дѣлать вздумавшій заглянуть къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень скоро, а ты подожди...

Извозчикъ ушелъ, ворча себѣ подъ носъ.—Объ чемъ же онъ это ворчитъ? думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ:—вѣдь я его нанялъ же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... вотъ оно какъ! на вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ простишь, все равно. Все въ моей волѣ. Волѣнъ ѣхать и волѣнъ не ѣхать. И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ и это совсѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, барину хочется за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не мараешь,—вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хижинѣ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благонравія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему самп теперь служите пагубнымъ примѣромъ... Дескать, повытчикомъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во-первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиковъ, а во-вторыхъ и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, положимъ, примѣрно сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь—дескать такъ и такъ, въ повытчики, дескать того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать того... повытчиковъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбала, гдѣ вы благонравію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благонравіе же, сударыня, значить дома сидѣть, отца

уважать и не думать о женишкахъ прежде времени. Женишки же, сударыня, въ свое время найдутся,—вотъ оно какъ! Конечно, разнымъ талантамъ безспорно нужно умѣть, какъ-то: на фортепіанахъ иногда поиграть, по-французски говорить, исторіи, географіи, закону Божію и ариметикѣ,—вотъ оно какъ!—а больше не нужно. Къ тому же, и кухня; непременно въ область вѣдѣнія всякой благонравной дѣвицы должна входить кухня! А то, что тутъ? во первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустятъ, а пустятъ за вами погоню, и потомъ подъ сюркупъ, въ монастырь. Тогда что, сударыня вы моя? тогда мнѣ-то что дѣлать прикажете? прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходить, и таять въ слезахъ, смотря на хладныя стѣны вашего заключенія, и наконецъ умереть, слѣдуя привычкѣ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ ли, сударыня? Да, во-первыхъ, позвольте сказать вамъ по-дружески, что дѣла такъ не дѣлаются, а во вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ бы препорядочно за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать; ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядъ... ядъ тлетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете, позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣжимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу моря; да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастіи; да потомъ заведется птенецъ, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенецъ завелся, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятіе, да благословите чету? Нѣтъ, сударыня, и опять-таки дѣла такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не извольте надѣяться. Нынче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, нынче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, на примѣръ, нынче приходитъ голодный изъ должности,—дескать, душенька, нѣтъ ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съѣсть? такъ у васъ, сударыня, должны быть сейчасъ на готовѣ и водочка, и селедочка. Мужъ закусить себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ: поди-т-ка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разохъ поцѣлуетъ, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по нашему-то, сударыня вы моя! да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужъ на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть... Да и я-то тутъ что? меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмѣшали? «Дескать, благодѣтельный, за меня страждущій и вся-

чески милый сердцу моему человекъ, и т. д.» Да, во-первыхъ, я, сударыня вы мои, я для васъ не гожусь, сами знаете, комплиентамъ не мастеръ, дамскіе тамъ разные раздушенные пустячки говорить не люблю, селадоновъ не жалую, да и фигурою, признаться, не взялъ. Ложнаго-то хвастовства и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперь во всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ лишь прямымъ и открытымъ характеромъ, да здравымъ разсудкомъ; интригами не занимаемся. Не интригаемъ, дескать, и этимъ горжусь,—вотъ оно какъ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательно борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ, мой другъ; я, мой другъ, знаешь, тотчасъ; я, мой другъ, тотчасъ-же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и изнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкѣ, потомъ погладилъ свою бороду, потомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ; я, видишь... мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете? сказалъ наконецъ кучеръ рѣшительно и окончательно приступая къ господину Голядкину...

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, ожидаюсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... ты изъ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?..

— Нешто...

— Да, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургѣ?

— Да ужъ годъ ѣзжу...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто.

— Да, мой другъ, да. Благодарю Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человека видишь. Нынѣ добрые люди стали рѣдки, мой милый; онъ обмостъ, накормить и напоить тебя, милый мой, добрый-то человекъ... А иногда, ты видишь, и что черезъ золото слезы льются, мой другъ... видишь плачевный примѣръ; вотъ оно какъ, милый мой...

Извознику какъ будто стало жалко господина Голядкина. — Да извольте, я подожду-съ. Нешто долго ждать будете-съ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужъ, знаешь, того... я ужъ не буду ждать, милый мой. Какъ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужъ не буду здѣсь ждать...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ; нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно какъ. Тебѣ сколько слѣдуетъ, милый мой?

— Да ужъ за что рядились, сударь, то и пожалуйте. Ждалъ, сударь, долго; ужъ вы человека не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ господинъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть руб. сер. извознику, и, серьезно рѣшившись не терять болѣе времени, т. е. уйти по-добру по-здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извозникъ отпущенъ былъ, и, слѣдовательно, ждать болѣе нечего, пустился со двора, вышелъ за ворота, поворотилъ на лѣво, и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. «Оно, можетъ быть, и все устроится къ лучшему», думалъ онъ: «а я вотъ такимъ-то образомъ бѣды избѣжалъ». Дѣйствительно, какъ-то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. «Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!» подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себя на слово вѣря. «Вотъ я и того...» думалъ онъ. Нѣтъ, я лучше вотъ какъ, и съ другой стороны... Или лучше вотъ эдакъ мнѣ сдѣлать?... Такимъ-то образомъ сомнѣваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго моста, а добѣжавъ до Семеновскаго моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. «Оно и лучше», подумалъ онъ. «Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ какъ. Я буду такъ—наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ; дескать я наблюдатель, лицо постороннее—и только, а тамъ, что ни случись—не я виноватъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно такимъ-то образомъ и будетъ теперь».

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь лицомъ совсѣмъ постороннимъ. «Оно же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что слѣдовало... вотъ оно какъ!» То есть, расчесть былъ вѣришій, да и дѣло съ концомъ. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мирную сѣнь своей успокоительной и охранительной кучи дровъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему недолго. Вдругъ, во всѣхъ окнахъ разомъ, обнаружилось какое-то странное движеніе, замелькали фигуры, открылись занавѣсы, цѣлыя группы людей толпились въ окнахъ Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали чего-то на дворѣ. Обезпеченный своею кучею дровъ, герой нашъ тоже въ свою очередь съ любопытствомъ сталъ слѣдить за всеобщимъ движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налево свою голову, сколько по крайней мѣрѣ позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Ему показалось,—однимъ словомъ онъ догадался вполнѣ, что искали-то не что нибудь и не кого нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону, всѣ указываютъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидать... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ можно плотнѣе къ дровамъ, и тутъ только замѣтилъ, что пре-

дательская тѣнь измѣняла, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какуюнибудь мышиную щелочку между дровами, да тамъ и сидѣть себѣ смиренно, еслибъ только это было возможно. Но было рѣшительно невозможно. Въ агоніи своей онъ сталъ, наконецъ, рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ; оно же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манятъ его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его; вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ; нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... «Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не сѣкутъ еще съ дѣтства», бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ онъ (извѣстно, кто) въ одномъ вицъ-мундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, юля, сѣменя и подпрыгивая, вѣроломно изъясняя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ наконецъ господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, защебеталъ извѣстный своей бесполезностью человекъ: — Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйста въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ; просятъ, покорнѣйше просятъ, ждутъ насъ. «Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Якова Петровича». Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ; я, видите ли, я бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ бы лучше домой пойдти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защебеталъ отвратительный человекъ. — Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина старшаго. Господинъ Голядкинъ старшій хотѣлъ было вовсе не итти; но такъ какъ смотрѣли всѣ и сопротивляться и упираться было бы глупо, то герой нашъ пошелъ, — впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому что рѣшительно самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Да ужъ такъ ничего, за одно!

Прежде, нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу — ужасъ! Зала, всѣ комнаты, — все, все было полнымъ-полнехонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это стремилось къ господину Голядкину, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма ясно замѣтившаго, что его упираютъ въ какую-то сторону. «Вѣдь не къ дверямъ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а

амо къ покойнымъ кресламъ Олсуфія Ивановича.

Возлѣ креселъ, съ одной стороны, стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно убранная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленькіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны креселъ, держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господина Голядкина вели подъ руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича — съ одной стороны господинъ Голядкинъ младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно благопристойный и благонамѣренный, чему нашъ герой до нельзя обрадовался, съ другой же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной въ лицѣ. Чтòбы это? подумалъ господинъ Голядкинъ. Когда же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ будто молніей озарило. Мысль о пережваченномъ письмѣ мелькнула въ головѣ его... Въ неистощимой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. «Какъ мнѣ теперь?» подумалъ онъ про себя. «Разумѣется, эдакъ все на смѣлую ногу, то есть, съ откровенностью, нелишенной блгородства; дескать, такъ и такъ и т. д.» Но чего боялся, повидимому, герой нашъ, то и не случилось. Олсуфію Ивановичъ принялъ, кажется, весьма хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей, но по крайней мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею сѣдовласою и внушающею всякое уваженіе головою, — покачалъ съ какимъ-то торжественно печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось г-ну Голядкину. Ему показалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуфія Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ же стоявшей, тоже какъ будто блеснула слезинка, — что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ будто бы было что-то подобное, — что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стоило общаго, слезащагося участія, — что, наконецъ, юноша, когда-то весьма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, пользуясь настоящей минутой... Или это все, можетъ быть, только такъ показалось г-ну Голядкину, потому что онъ самъ весьма прослезился, и ясно слышалъ, какъ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ, полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою, и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуфія Ивановича, не только всѣхъ гостей, взятыхъ вмѣстѣ, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, по видимому, вовсе былъ не зловреднымъ и даже не близнецомъ г-ну Голядкину, но совершенно постороннимъ и крайне любезнымъ самимъ по себѣ человекомъ, обратился было герой нашъ къ Олсуфію Ивановичу съ трогательнымъ изліяніемъ души своей; но отъ полноты всего, въ немъ накопившагося, не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма

краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указаль на свое сердце... Наконецъ, Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдовласаго старца, отвелъ г-на Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно независимомъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумѣвая, но во всякомъ случаѣ почти совершенно примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сквозь густую массу гостей. Всѣ ему давали дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и съ какимъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ прошелъ въ другую комнату: — то же вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, какъ замѣчали его каждый шагъ, какъ въ тихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма занимательномъ, качали головами, говорили, судили, рядили и шептались. Г-ну Голядкину весьма бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ, и рядятъ, и шепчутся. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя г-на Голядкина-младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести его въ сторону, г-нъ Голядкинъ убѣдительноше попросилъ другаго Якова Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Г-нъ Голядкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку г-на Голядкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задыхался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснятъ, тѣснятъ; что всѣ эти глаза, на него обращенные, какъ-то гнетутъ и давятъ его... Г-нъ Голядкинъ увидаль мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на головѣ. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе несмягченнымъ отъ всеобщаго участія... Герой нашъ рѣшился было идти къ нему прямо, чтобъ улыбнуться ему и немедленно съ нимъ объясниться; но дѣло какъ-то не удалось. На одно мгновеніе господинъ Голядкинъ почти забылся совсѣмъ, потерялъ и память, и чувства... Очнувшись, замѣтилъ онъ, что вертится въ широкомъ кругу его обступившихъ гостей. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули г-на Голядкина; крикъ разомъ пронесся по всей толпѣ. Все заволновалось, все зашумѣло, всѣ ринулись къ дверямъ первой залы; героя нашего почти вынесли на рукахъ, причѣмъ твердосердый совѣтникъ въ парикѣ очутился бокомъ о бокъ съ г-мъ Голядкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и посадилъ возлѣ себя, напротивъ сѣдалища Олсуфія Ивановича, въ довольно значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Всѣ, кто ни были въ комнатахъ, всѣ устремились въ нѣсколькихъ рядахъ, кругомъ г-на Голядкина и Олсуфія Ивановича. Все затихло и присмирѣло, всѣ наблюдали торжественное молчаніе, всѣ взглядывали на Олсуфія Ивановича, очевидно ожидая чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго. Г-нъ Голядкинъ замѣтилъ, что возлѣ креселъ Олсуфія Ива-

новича, и тоже прямо противъ совѣтника, помѣстился другой г-нъ Голядкинъ съ Андреемъ Филипповичемъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. «Точь въ точи, какъ въ семьѣ какой нибудь, при отѣздѣ кого нибудь въ дальній путь; стоитъ только встать, да помолиться теперь», подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное движеніе и прервало всѣ размышленія г-на Голядкина. Случилось что-то давно ожидаемое. «Ѣдетъ, Ѣдетъ!» пронеслось по толпѣ. «Кто это Ѣдетъ?» пронеслось въ головѣ г-на Голядкина, и онъ вздрогнулъ отъ какого-то страннаго ощущенія. «Пора!» сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ, съ своей стороны, взглянулъ на Олсуфія Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головой Олсуфій Ивановичъ. «Встанемъ», проговорилъ совѣтникъ, подымая г-на Голядкина. Всѣ встали. Тогда совѣтникъ взялъ за руку г-на Голядкина-старшаго, а Андрей Филипповичъ г-на Голядкина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно подобныхъ, среди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданія толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на г-на Голядкина-младшаго, который протянулъ ему руку. «Это миритъ насъ хотя», подумалъ герой нашъ, и съ умиленіемъ протянулъ свою руку г-ну Голядкину-младшему; потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою голову. То же сдѣлалъ и другой г-нъ Голядкинъ... Тутъ г-ну Голядкину-старшему показалось, что вѣроломный другъ его улыбается, что бѣгло и плутовски мигнулъ всей окружавшей ихъ толпѣ, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопріостойнаго г-на Голядкина-младшаго, что даже онъ отпустилъ гримасу какую-то въ минуту іудина своего поцѣлуя... Въ головѣ зазвонило у г-на Голядкина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно подобныхъ Голядкиныхъ, съ шумомъ вламываются во всѣ двери комнаты; но было поздно... Звонкій, предательскій поцѣлуй раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ неожиданное обстоятельство... Двери въ залу растворились съ шумомъ, и на порогѣ показался человѣкъ, котораго одинъ видъ оледенилъ г-на Голядкина. Ноги его приросли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Впрочемъ, г-нъ Голядкинъ зналъ все заранее и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ г-ну Голядкину... Г-нъ Голядкинъ эту фигуру очень хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень часто видалъ, еще сегодня видѣлъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черномъ фракѣ, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ, и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами; не доставало только сигарки во рту для дальнѣйшаго сходства... За то взглядъ незнакомца, какъ уже сказано было, оледенилъ ужасомъ г-на Голядкина. Съ важной и торжественной миной подошелъ страшный человѣкъ къ плачевному герою повѣсти

нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку; незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потеряннымъ, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ нашъ герой...

— Это, это Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, докторъ медицины и хирургіи, вашъ давнишній знакомецъ, Яковъ Петровичъ! зашебеталъ чей-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ г-на Голядкина. Онъ оглянулся: то былъ, отвратительный подлыми качествами души своей, близнецъ г-на Голядкина. Неблагопристойная, зловѣщая радость сіяла въ лицѣ его; съ восторгомъ онъ теръ свои руки, съ восторгомъ повертывалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ сѣменялъ кругомъ всѣхъ и каждого; казалось, готовъ былъ тутъ же начать танцевать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу г-ну Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Г-нъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что ни было въ залѣ, ринулось вслѣдъ за нимъ, какъ всѣ тѣснились, давили другъ друга и всѣ вмѣстѣ, въ голосъ, начинали повторять за г-мъ Голядкинымъ: что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ... Наконецъ вышли на парадную, ярко освѣщенную лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа; съ шумомъ растворились двери на крыльцо, и г-нъ Голядкинъ очутился на крыльцѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъѣзда стояла карета, запряженная четверней лошадей, которыя фыркали отъ нетерпѣнія. Зло-радственный г-нъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ увѣщательнымъ жестомъ попросилъ садиться г-на Голядкина. Впрочемъ, увѣщательнаго жеста было вовсе ненужно; было довольно народу подсаживать... Замирая отъ ужаса, оглянулся г-нъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унижена народомъ; любопытные глаза глядѣли на него отвсюду; самъ Олсуфій Ивановичъ предсѣдалъ на самой верхней площадкѣ лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ сильнымъ участіемъ, смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Ропотъ нетерпѣнія пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ ничего... ничего предосудительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ, касательно официальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ потерявшій герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ; всѣ отрицательно закивали головами своими. Слезы брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ... я ввѣряюсь исполнѣ... и вручаю судьбу мою Крестьяну Ивановичу...

Только что проговорилъ господинъ Голядкинъ,

что онъ вручаетъ вполнѣ свою судьбу Крестьяну Ивановичу, какъ страшный, оглушительный, радостный крикъ вырвался у всѣхъ окружавшихъ его, и самымъ зловѣщимъ отблескомъ прокатился по всей ожидавшей толпѣ. Тутъ Крестьянъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой—Андрей Филипповичъ взяли подъ руку господина Голядкина и стали сажать въ карету; двойникъ-же, по подленькому обыкновенію своему, подсаживалъ сзади. Несчастный господинъ Голядкинъ старшій бросилъ свой послѣдній взглядъ на всѣхъ и на все и, дрожа какъ котенокъ, котораго окатили холодной водой—если позволять сравненіе, — влѣзъ въ карету; за нимъ тотчасъ же сѣлъ и Крестьянъ Ивановичъ. Карета захлопнулась; послышался ударъ кнута по лошадамъ, лошади рванули экипажъ съ мѣста... все ринулось вслѣдъ за господиномъ Голядкинымъ. Пронзительные, неистовые крики всѣхъ враговъ его покатались ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще мелькали кое-какія лица кругомъ кареты, уносившей господина Голядкина; но мало по малу стали отставать—отставать и, наконецъ, исчезли совсѣмъ. Долѣе всѣхъ оставался неблагопристойный близнецъ господина Голядкина. Заложа руки въ боковые карманы своихъ зеленыхъ форменныхъ брюкъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа; иногда же, схватившись за рамку окна и повиснувъ на ней, протискивалъ въ окно свою голову и, въ знакъ прощанія, посылалъ господину Голядкину поцѣлуйчики; но и онъ сталъ устывать, все рѣже и рѣже появлялся и, наконецъ, исчезъ совершенно. Глухо занывало сердце въ груди господина Голядкина; кровь горячимъ ключемъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось разстегнуться, обнажить свою грудь, обсыпать ее слѣгомъ и облить холодной водой. Онъ впалъ, наконецъ, въ забытѣе... Когда же очнулся, то увидѣлъ, что лошади несутъ его по какой-то ему незнакомой дорогѣ. Направо и на лѣво чернѣлись лѣса; было глухо и пусто. Вдругъ онъ обмеръ: два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ и зловѣщею, адскою радостію блестѣли эти два глаза. — Это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это? Или это онъ? Онъ! Это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ! Это ужасный Крестьянъ Ивановичъ!..

— Крестьянъ Ивановичъ, я... я кажется ничего, Крестьянъ Ивановичъ,—началь было робко и трепеща нашъ герой, желая хоть сколько нибудь, покорностію и смиреніемъ, умиласердить ужаснаго Крестьяна Ивановича.

— Вы получаете казенный квартиръ, съ дро-вамъ, съ лихтѣ и съ прислугой, чего ви недостойнъ,—строго и ужасно какъ приговоръ, прозвучалъ отвѣтъ Крестьяна Ивановича.

Герой нашъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Увы! онъ это давно уже предчувствовалъ!

ЁЛКА И СВАДЬБА.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.)

На дняхъ я видѣлъ свадьбу... но нѣтъ! Лучше я вамъ разскажу про ёлку. Свадьба хороша; она мнѣ очень понравилась, но другое происшествіе лучше. Не знаю какимъ, какимъ образомъ, смотря на эту свадьбу, я вспомнилъ про эту ёлку. Это вотъ какъ случилось. Ровно лѣтъ пять назадъ, наканунѣ Новаго года, меня пригласили на дѣтскій балъ. Лицо пригласившее было одно извѣстное дѣловое лицо, со связями, съ знакомствомъ, съ интригами, такъ, что можно было подумать, что дѣтскій балъ этотъ былъ предлогомъ для родительскй сойтись въ кучу и потолковать объ иныхъ, интересныхъ матеріяхъ, невиннымъ, случайнымъ, нечаяннымъ образомъ. Я былъ, человѣкъ посторонній; матерій у меня не было никакихъ, и потому я провелъ вечеръ довольно независимо. Тутъ былъ и еще одинъ господинъ, у котораго, кажется, не было ни роду, ни племени, но который, подобно мнѣ, попалъ на семейное счастье... Онъ прежде всѣхъ бросился мнѣ на глаза. Это былъ высокій, худощавый мужчина, весьма серьёзный, весьма прилично одѣтый. Но видно было, что ему вовсе не до радостей и семейнаго счастья; когда онъ отходилъ куда нибудь въ уголъ, то сейчасъ же переставалъ улыбаться и хмурилъ свои густыя, черныя брови. Знакомыхъ, кромѣ хозяина, на всемъ балѣ у него не было ни единой души. Видно было, что ему страхъ скучно, но что онъ выдерживалъ храбро, до конца, роль совершенно развлеченнаго и счастливаго человѣка. Я послѣ узналъ, что это одинъ господинъ изъ провинціи, у котораго было какое-то рѣшительное, головоломное дѣло въ столицѣ, который привезъ нашему хозяину рекомендательное письмо, которому хозяинъ нашъ покровительствовалъ вовсе не соп амоге, и котораго пригласилъ изъ учтивости на свой дѣтскій балъ. Въ карты не играли, сигары ему не предложили, въ разговоры съ нимъ никто не пускался, можетъ быть издали узнавъ птицу по перьямъ, и потому мой господинъ принужденъ былъ, чтобы только куда нибудь дѣвать руки, весь вечеръ гладить свои бакенбарды. Бакенбарды были дѣйствительно весьма хорошіе. Но онъ гладилъ ихъ до того усердно, что, глядя на него, рѣшительно можно было подумать, что сперва произведены на свѣтъ одни бакенбарды, а потомъ ужъ приставленъ къ нимъ господинъ, чтобы ихъ гладить.

Кромѣ этой фигуры, такимъ образомъ принимавшей участіе въ семейномъ счастьи хозяина, у котораго было пятеро сытенныхъ мальчиковъ, понравился мнѣ еще одинъ господинъ. Но этотъ уже былъ совершенно другаго свойства. Это было лицо. Звали его Юліанъ Мастаковичъ. Съ перваго взгляда можно было видѣть, что онъ былъ гостемъ почетнымъ и находился въ такихъ же отношеніяхъ къ хозяину, въ какихъ хозяинъ къ господину, глывшему свои бакенбарды. Хозяинъ и хозяйка говорили ему бездну любезностей, ухаживали, поили его, лелѣли, подводили къ нему, для рекомендаціи, своихъ гостей а его самого ни къ кому не подводили. Я замѣтилъ, что у хозяйки заискрилась слеза на глазахъ, когда Юліанъ Мастаковичъ отнесся по вечеру, что онъ рѣдко проводитъ такимъ пріятнымъ образомъ время. Мнѣ какъ-то стало страшно въ присутствіи такого лица, и потому, полюбовавшись на дѣтей, я ушелъ въ маленькую гостиную, которая была совершенно пуста, и засѣлъ въ цвѣточную бесѣдку хозяйки, занимавшую почти половину всей комнаты.

Дѣти всѣ были до невѣроятности милы и рѣшительно не хотѣли походить на *большихъ*, несмотря на всѣ увѣщанія гувернантокъ и маменекъ. Они разобрали всю ёлку въ мигъ, до послѣдней конфетки, и успѣли уже переломать половину игрушекъ прежде, чѣмъ узнали, кому какая назначена. Особенно хорошъ былъ мальчикъ, черноглазый, въ кудряшкахъ, который все хотѣлъ меня застрѣлить изъ своего деревяннаго ружья. Но всѣхъ болѣе обратила на себя вниманіе его сестра, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прелестная, какъ амурчикъ, тихонькая, задумчивая, блѣдная, съ большими задумчивыми глазами навывкатъ. Ее какъ-то обидѣли дѣти и потому она ушла въ ту самую гостиную, гдѣ сидѣлъ я, и занялась въ уголку — своей куклой. Гости съ уваженіемъ указывали на одного богатаго откупщика, ея родителя, и кое-кто замѣчалъ шепотомъ, что за ней уже отложено на приданое триста тысячъ рублей. Я оборотился взглянуть на любопытствующихъ о такомъ обстоятельстве и взглядъ мой упалъ на Юліана Мастаковича, который, закинувъ руки за спину и наклонивъ немножечко голову на бокъ, какъ-то чрезвычайно внимательно прислушивался къ празднословію этихъ господъ. Потомъ я не могъ не по-

дивиться мудрости хозяевъ при раздачѣ дѣтскихъ подарковъ. Дѣвочка, уже имѣвшая триста тысячъ рублей приданого, получила богатѣйшую куклу. Потомъ слѣдовали подарки понижааясь, смотря по пониженію ранговъ родителей всѣхъ этихъ счастливыхъ дѣтей. Наконецъ, послѣдній ребенокъ, мальчикъ лѣтъ десяти, худенькой, маленькой, весноватенькій, рыженькій, получилъ только одну книжку повѣстей, толковавшихъ о величіи природы, о слезахъ умиленія, и проч., безъ картинокъ и даже безъ виньетки. Онъ былъ сынъ гувернантки хозяйскихъ дѣтей, одной бѣдной вдовы, мальчикъ крайне забытый и запуганный. Одѣтъ онъ былъ въ курточку изъ убогой нанки. Получивъ свою кшжку, онъ долгое время ходилъ около другихъ игрушекъ; ему ужасно хотѣлось поиграть съ другими дѣтьми, но онъ не смѣлъ; видно было, что онъ уже чувствовалъ и понималъ свое положеніе. Я очень люблю наблюдать за дѣтьми. Чрезвычайно любопытно въ нихъ первое, самостоятельное проявленіе въ жизни. Я замѣтилъ, что рыженькій мальчикъ до того соблазнился богатыми игрушками другихъ дѣтей, особенно театромъ, въ которомъ ему непременно хотѣлось взять на себя какую-то роль, что рѣшился поподличать. Онъ улыбался и заигрывалъ съ другими дѣтьми, онъ отдалъ свое яблоко одному одутловатому мальчишкѣ, у котораго навязанъ былъ полный платокъ гостинцевъ и даже рѣшился повозить одного на себѣ, чтобъ только не отогнали его отъ театра. Но чрезъ минуту какой-то озорникъ препорядочно поколотилъ его. Ребенокъ не посмѣлъ заплакать. Тутъ явилась гувернантка, его маменька, и велѣла ему не мѣшать играть другимъ дѣтямъ. Ребенокъ вошелъ въ ту же гостиную, гдѣ была дѣвочка. Она пустила его къ себѣ, и оба весьма усердно принялись наряжать богатую куклу.

Я сидѣлъ уже съ полчаса въ плющевой бесѣдкѣ и почти задремалъ, прислушиваясь къ маленькому говору рыженькаго мальчика и красавицы съ тремястами тысячъ приданого, хлопотавшихъ о куклѣ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Юліанъ Мастаковичъ. Онъ воспользовался скапдалезною сценою ссоры дѣтей и вышелъ потихоньку изъ залы. Я замѣтилъ, что онъ съ минуту назадъ весьма горячо говорилъ съ папенькой будущей богатой невѣсты, съ которымъ только что познакомился, о преимуществѣ какой-то службы передъ другою. Теперь онъ стоялъ въ раздумьи и какъ будто что-то рассчитывалъ по пальцамъ.

— Триста... триста, шепталъ онъ. — Одинадцать... двѣнадцать... тринадцать, и т. д. Шестнадцать, — пять лѣтъ! Положимъ по 4 на сто — 12, пять разъ = 60, да, на эти 60... ну, положимъ, всего будетъ черезъ пять лѣтъ — четыреста. Да! вотъ... Да не по четыреста же держать, мошенникъ! Можетъ, восемь, аль десять со ста беретъ. Ну, пятьсотъ, положимъ пятьсотъ тысячъ, по крайней мѣрѣ, это навѣрно; ну, излишекъ на тряпки, гм...

Онъ кончилъ раздумье, высморкался и хотѣлъ

уже выйти изъ комнаты, какъ вдругъ взглянулъ на дѣвочку и остановился. Онъ меня не видалъ за горшками съ зеленью. Мнѣ казалось, что онъ былъ крайне взволнованъ. Или расчетъ подѣйствовалъ на него, или что нибудь другое, но онъ потиралъ себѣ руки и не могъ постоять на мѣстѣ. Это волненіе увеличилось до *pas plus ultra*, когда онъ остановился и бросилъ другой рѣшительный взглядъ на будущую невѣсту. Онъ было двинулся впередъ, но сначала оглядѣлся кругомъ. Потомъ, на ципочкахъ, какъ будто чувствуя себя виноватымъ, сталъ подходить къ ребенку. Онъ подошелъ съ улыбкой, нагнулся и поцѣловалъ ее въ голову. Та, не ожидая нападенія, вскрикнула отъ испуга.

— А что вы тутъ дѣлаете, милое дитя? спросилъ онъ шопотомъ, оглядываясь и трепля дѣвочку по щекѣ.

— Играемъ...

— А? съ нимъ? Юліанъ Мастаковичъ покосился на мальчика.

— А ты бы, душенька, пошелъ въ залу, сказалъ онъ ему.

Мальчикъ молчалъ и глядѣлъ на него во всѣ глаза. Юліанъ Мастаковичъ опять осмотрѣлся кругомъ и опять нагнулся къ дѣвочкѣ.

— А что это у васъ, куколка, милое дитя? спросилъ онъ.

— Куколка, отвѣчала дѣвочка, морщась и немножко робѣя.

— Куколка... А знаете ли вы, милое дитя, изъ чего ваша куколка сдѣлана?

— Не знаю... отвѣчала дѣвочка шопотомъ и совершенно потупивъ голову.

— А изъ тряпочекъ, душенька. — Ты бы пошелъ, мальчикъ, въ залу, къ своимъ сверстникамъ, сказала Юліанъ Мастаковичъ, строго посмотрѣвъ на ребенка. Дѣвочка и мальчикъ поморщились и схватились другъ за друга. Имъ нехотѣлось разлучаться.

— А знаете ли вы, почему подарилъ вамъ эту куколку? спросилъ Юліанъ Мастаковичъ, понижая все болѣе и болѣе голосъ.

— Не знаю.

— А оттого, что вы были милое и благонравное дитя всю недѣлю.

Тутъ Юліанъ Мастаковичъ, взволнованный до нельзя, осмотрѣлся кругомъ, и понижая все болѣе и болѣе голосъ, спросилъ, наконецъ, неслышнымъ, почти совсѣмъ замирающимъ отъ волненія и нетерпѣнія голосомъ...

— А будете ли вы любить меня, милая дѣвочка, когда я приѣду въ гости къ вашимъ родителямъ?

Сказавъ это, Юліанъ Мастаковичъ хотѣлъ еще одинъ разъ поцѣловать милую дѣвочку, но рыженькій мальчикъ, видя, что она совсѣмъ хочетъ заплакать, схватилъ ее за руки и захныкалъ отъ полнѣйшаго сочувствія къ ней. Юліанъ Мастаковичъ разсердился не въ шутку.

— Пошелъ, пошелъ отсюда, пошелъ! говорилъ

онъ мальчишкѣ: — пошелъ въ залу! пошелъ туда, къ своимъ сверстникамъ!

— Нѣтъ, не нужно, не нужно! пойдите вы прочь, сказала дѣвочка: — оставьте его, оставьте его! говорила она, почти совсѣмъ заплакавъ.

Кто-то зашумѣлъ въ дверяхъ, Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ же приподнялъ свой величественный корпусъ и испугался. Но рыженькій мальчикъ испугался еще болѣе Юліана Мастаковича, бросилъ дѣвочку и тихонько, опираясь о стѣнку, прошелъ изъ гостиной въ столовую. Чтобы не подать подозрѣній, Юліанъ Мастаковичъ пошелъ также въ столовую. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ и, взглянувъ въ зеркало, какъ будто сконфузился себя самого. Ему, можетъ быть, стало досадно за горячку свою и свое нетерпѣніе. Можетъ быть, его такъ поразило, въ началѣ, расцѣтъ по пальцамъ, такъ соблазнилъ и вдохновилъ, что онъ, не смотря на всю солидность и важность, рѣшился поступить какъ мальчишка и прямо абординировать свой предметъ, не смотря на то, что предметъ могъ быть настоящимъ предметомъ, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ спустя. Я вышелъ за почтеннымъ господиномъ въ столовую и увидѣлъ странное зрѣлище. Юліанъ Мастаковичъ, весь покраснѣвъ отъ досады и злости, пугалъ рыжаго мальчика, который, уходя отъ него все дальше и дальше, не зналъ—куда забѣжать отъ страха.

— Пошелъ, что здѣсь дѣлаешь, пошелъ негодникъ, пошелъ! Ты здѣсь фрукты таскаешь, а? Ты здѣсь фрукты таскаешь? Пошелъ, негодникъ, пошелъ, сопливый, пошелъ, пошелъ къ своимъ сверстникамъ!

Перепуганный мальчикъ, рѣшившись на отчаянное средство, попробовалъ было залѣзть подъ столъ. Тогда его гонитель, разгоряченный до нелзя, выпнулъ свой длинный батистовый платокъ и началъ имъ выхлестывать изъ подъ стола ребенка, присмрѣваго до послѣдней степени. Нужно замѣтить, что Юліанъ Мастаковичъ былъ немножко толстенекъ. Это былъ человекъ сытенный, румяный, плотный, съ брюшкомъ, съ жирными ляшками, словомъ, что называется, крѣпнякъ, кругленькій, какъ орѣшекъ. Онъ вспотѣлъ, пыхѣлъ и краснѣлъ ужасно. Наконецъ, онъ почти остервенился, такъ велико было въ немъ чувство негоднованія и, можетъ быть (кто знаетъ?), ревности. Я захохоталъ во все горло. Юліанъ Мастаковичъ оборотился и, не смотря на все значеніе свое, сконфузился въ прахъ. Въ это время изъ противоположной двери вошелъ хозяинъ. Мальчишка вылѣзъ изъ подъ стола и обтиралъ свои колѣни и локти. Юліанъ Мастаковичъ поспѣшилъ поднести къ носу платокъ, который держалъ, за одинъ кончикъ, въ рукахъ.

Хозяинъ немножко съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на троихъ насъ; но, какъ человекъ, знающій жизнь и смотрящій на нее съ точки серьезной, тотчасъ же воспользовался тѣмъ, что поймалъ наединѣ своего гостя,

— Вотъ-съ, тотъ мальчикъ-съ, сказалъ онъ, указавъ на рыженькаго:— о которомъ я имѣлъ честь просить...

— А? отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, еще несовсѣмъ оправившись.

— Сыпъ гувернантки дѣтей моихъ, продолжалъ хозяинъ просительнымъ тономъ:—бѣдная женщина, вдова, жена одного честнаго чиновника; и потому... Юліанъ Мастаковичъ, если возможно...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно закричалъ Юліанъ Мастаковичъ:—нѣтъ, извините меня, Филиппъ Алексѣвичъ, никакъ не возможно-съ. Я справлялся; вакансіи нѣтъ, а если бы и была, то на нее уже десять кандидатовъ, гораздо болѣе имѣющихъ право, чѣмъ онъ... Очень жаль, очень жаль...

— Жаль-съ, повторилъ хозяинъ: — мальчикъ скромненькій, тихонькій...

— Шалунъ большой, какъ я замѣчаю, отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, истерически скрививъ ротъ:— пошелъ, мальчикъ, что ты стоишь, пойдѣ къ своимъ сверстникамъ! сказалъ онъ, обращаясь къ ребенку.

Тутъ онъ, кажется, не могъ утерпѣть и взглянулъ на меня однимъ глазомъ. Я тоже не могъ утерпѣть и захохоталъ ему прямо въ глаза. Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ же отворотился и довольно явственно для меня спросилъ у хозяина, кто этотъ странный молодой человекъ? Они зашептались и вышли изъ комнаты. Я видѣлъ потомъ, какъ Юліанъ Мастаковичъ, слушая хозяина, съ недовѣрчивостію качалъ головою.

Нахохотавшись вдоволь, я воротился въ залу. Тамъ великій мужъ, окруженный отцами и матерями семействъ, хозяйкой и хозяиномъ, что-то съ жаромъ толковалъ одной дамѣ, къ которой его только что подвели. Дамы держала за руку дѣвочку, съ которою, десять минутъ назадъ, Юліанъ Мастаковичъ имѣлъ сцену въ гостиной. Теперь онъ разсыпался въ похвалахъ и восторгахъ о красотѣ, талантахъ, граціи и благовоспитанности милаго дитяти. Онъ замѣтно юлилъ передъ маменькой. Мать слушала его чуть ли не со слезами восторга. Губы отца улыбались. Хозяинъ радовался изліянію всеобщей радости. Даже всѣ гости сочувствовали, даже игры дѣтей были остановлены, чтобы не мѣшать разговору. Весь воздухъ былъ напоенъ благоговѣніемъ. Я слышалъ потомъ, какъ тронутая до глубины сердца маменька интересной дѣвочки, въ отборныхъ выраженіяхъ просила Юліана Мастаковича сдѣлать ей особую честь, подарить ихъ домъ своимъ драгоценнымъ знакомствомъ, слышала, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ Юліанъ Мастаковичъ принялъ приглашеніе, и какъ потомъ гости, разоидясь всѣ, какъ приличіе требовало, въ разныя стороны, разсыпались другъ передъ другомъ въ умиленные похвалы откупщику, откупщицѣ, дѣвочкѣ и въ особенности Юліану Мастаковичу.

— Женатъ этотъ господинъ? спросилъ я, почти въ слухъ, одного изъ знакомыхъ моихъ, стоявшаго ближе всѣхъ къ Юліану Мастаковичу.

Юліанъ Мастаковичъ бросилъ на меня испытующій и злобный взглядъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ мнѣ мой знакомый, огорченный до глубины сердца моею неловкостію, которую я сдѣлалъ умышленно...

—
Недавно я проходилъ мимо ***ской церкви; толпа и сѣздъ поразили меня. Кругомъ говорили о свадьбѣ. День былъ пасмурный, начиналась изморозь; я пробрался за толпою въ церковь и увидалъ жениха. Это былъ маленький, кругленькій, сытенькій человѣчекъ съ брюшкомъ, весьма разукрашенный. Онъ бѣгалъ, хлопоталъ и распоряжался. Наконецъ раздался говоръ, что привезли невѣсту. Я протѣснился сквозь толпу и увидѣлъ чудную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но красавица была блѣдна и грустна. Она смотрѣла разсѣянно; мнѣ показалось даже,

что глаза ея были красны отъ недавнихъ слезъ. Античная строгость каждой черты лица ея придавала какую-то важность и торжественность ея красотѣ. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвѣчивалъ еще первый дѣтскій, невинный обликъ; сказывалось что-то до нелзя наивное, неустановившееся, юное, и, казалось, безъ просьбъ, само за себя молившее о пощадѣ.

Говорили, что ей едва минуло шестнадцать лѣтъ. Взглянувъ внимательно на жениха, я вдругъ узналъ въ немъ Юліана Мастаковича, котораго не видалъ ровно пять лѣтъ. Я поглядѣлъ на нее... Боже мой! Я сталъ протѣсняться скорѣе изъ церкви. Въ толпѣ толковали, что невѣста богата, что у невѣсты пятьсотъ тысячъ приданого... и на сколько-то тряпкамъ...

Однако, расчетъ былъ хорошъ! подумалъ я, протѣснившись на улицу...

ЧУЖАЯ ЖЕНА

И МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЬЮ.

(ПРОИСШЕСТВІЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ.)

I.

— Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, позвольте васъ спросить...

Прохожій вздрогнулъ и нѣсколько въ испугѣ взглянулъ на господина въ енотахъ, приступившаго къ нему такъ безъ обиняковъ, въ восьмомъ часу вечера, среди улицы. А ужъ извѣстно, что если одинъ петербургскій господинъ вдругъ заговорить на улицѣ о чемъ нибудь съ другимъ, совершенно незнакомымъ ему господиномъ, то другой господинъ непременно испугается.

И такъ, прохожій вздрогнулъ и нѣсколько испугался.

— Извините, что я васъ потревожилъ, говорилъ господинъ въ енотахъ:—но я... я, право, не знаю... вы, вѣроятно, извините меня; вы видите, я въ нѣкоторомъ разстройствѣ духа...

Тутъ только замѣтилъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, что господинъ въ енотахъ былъ точно въ разстройствѣ. Его сморщенное лицо было довольно блѣдненько, голосъ его дрожалъ, мысли очевидно сбивались, слова не лѣзли съ языка, и видно было, что ему ужаснаго труда стоило согласить покорнѣйшую просьбу, можетъ быть, къ своему низшему въ отношеніи степени или сословія лицу, съ нуждою непременно обратиться къ кому нибудь съ просьбой. Да и наконецъ, просьба эта во всякомъ случаѣ была неприличная, несолидная, странная со стороны человѣка, имѣвшаго такую солидную шубу, такой почтенный, превосходнаго темнозеленаго цвѣта фракъ, и такія многозначительныя украшенія, упешравшія этотъ фракъ. Видно было, что все это смущало самого господина въ енотахъ, такъ что, наконецъ, разстроенный духомъ, господинъ не выдержалъ, рѣшился подавить свое волненіе и прилично замаять неприятную сцену, которую самъ же вызвалъ.

— Извините меня, я не въ себѣ; но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обезпокоилъ васъ; я раздумалъ.

Тутъ онъ приподнялъ изъ учтивости шляпу и побѣжалъ далѣе.

— Но позвольте, сдѣлайте милость.

Маленькій человѣкъ, однако, скрылся во мракѣ, оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи господина въ бекешѣ.

«Что за чудакъ!» подумалъ господинъ въ бекешѣ. Потомъ, какъ слѣдуетъ, подивившись и вышедъ наконецъ изъ остолбенѣлаго состоянія, онъ вспомнилъ про свое и началъ прохаживаться назадъ и впередъ, пристально глядя на ворота одного безконечно-этажнаго дома. Начиналъ падать туманъ, и молодой человѣкъ нѣсколько обрадовался, ибо прогулка его при туманѣ была незамѣтна, хотя, впрочемъ, только какой нибудь безнадежно весь день простоявшій извозчикъ могъ замѣтить ее.

— Извините!

Прохожій опять вздрогнулъ: опять тотъ же господинъ въ енотахъ стоялъ передъ нимъ.

— Извините, что я опять... заговорилъ онъ:—но вы, вы—вѣрно, благородный человѣкъ! Не обращайтесь на меня вниманія, какъ на лицо, взятое въ общественномъ смыслѣ; я, впрочемъ, сбиваюсь; но вникните, по человѣчески... передъ вами, сударь, человѣкъ, нуждающійся въ покорнѣйшей просьбѣ...

— Если могу... что вамъ угодно?

— Вы, можетъ, подумали, что ужъ я у васъ денегъ прошу! сказалъ таинственный господинъ, кривая ротъ, истерически смѣясь и блѣднѣя.

— Помилуйте-съ...

— Нѣтъ, я вижу, что я вамъ въ тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня въ разстроенномъ состояніи духа, почти въ сумасшествіи и не заключите чего нибудь...

— Но къ дѣлу, къ дѣлу! отвѣчалъ молодой человѣкъ, ободрительно и нетерпѣливо кивнувъ головой.

— А! Теперь вотъ какъ! Вы, такой молодой человѣкъ, мнѣ напоминаете о дѣлѣ, какъ будто я какой нерадивый мальчишка! Я рѣшительно выжилъ изъ ума!.. Какъ я вамъ кажусь теперь въ моемъ униженіи, скажите откровенно?

Молодой человѣкъ сконфузился и смолчалъ.

— Позвольте васъ спросить откровенно: не ви-

дали ль вы одной дамы? Въ этомъ вся просьба моя! рѣшительно проговорилъ, наконецъ, господинъ въ снотовой шубѣ.

— Дамы?

— Да-съ, одной дамы.

— Я видѣлъ... но ихъ, признаюсь, такъ прошло много...

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ таинственный человѣкъ съ горькой улыбкой.—Я сбиваюсь, я не то хотѣлъ спросить, извините меня; я хотѣлъ сказать, не видали ль вы одной госпожи въ лпсѣемъ салопѣ, въ темномъ бархатномъ капорѣ съ черной вуалью?

— Нѣтъ, такой не видалъ... нѣтъ, кажется, не замѣтилъ.

— А! въ такомъ случаѣ, извините-съ!

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то спросить, но господинъ въ енотахъ опять исчезъ, опять оставивъ въ остоленѣломъ состояніи своего терпѣливаго слушателя. «А чортъ бы его взял!» подумалъ молодой человѣкъ въ бекенѣ, очевидно разстроенный.

Онъ съ досадою закрылся бобромъ и опять сталъ прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо воротъ безконечно-этажнаго дома. Онъ злился.

— Что жъ она не выходитъ? думалъ онъ:— скоро восемь часовъ!

На башнѣ пробило восемь часовъ.

— Ахъ! чортъ васъ возьми, наконецъ!

— Извините-съ!..

— Извините меня, что я васъ такъ... Но вы такъ подкатились мнѣ подъ ноги, что испугали совѣмъ, проговорилъ прохожій, морщась и извиняясь.

— Я опять къ вамъ-съ. Конечно, я вамъ долженъ казаться безпокойнымъ и страннымъ-съ.

— Сдѣлайте одолженіе, безъ пустяковъ, объяснитесь скорѣе; я еще не знаю, въ чемъ ваме желанье?..

— Вы торопитесь? Видите ли-съ. Я вамъ все расскажу откровенно, безъ лишнихъ словъ. Что жъ дѣлать! Обстоятельства связываютъ иногда людей совершенно разнородныхъ характеровъ... Но я вижу, вы нетерпѣливы, молодой человѣкъ... Такъ вотъ-съ... впрочемъ, я не знаю, какъ и говорить: я нищу даму-съ (я ужъ рѣшился все говорить). Я именно долженъ знать, куда пошла эта дама? Кто она—я думаю, вамъ не нужно знать ея имени, молодой человѣкъ.

— Ну-съ, ну-съ, дальше.

— Дальше! по вашъ тонъ со мной! Извините, можетъ быть, я васъ оскорбилъ, назвавъ васъ молодымъ человѣкомъ, но я не имѣлъ ничего... однимъ словомъ, если вамъ угодно оказать мнѣ величайшую услугу, такъ вотъ-съ, одна дама-съ, т. е. я хочу сказать порядочная женщина, изъ превосходнаго семейства, моихъ знакомыхъ... мнѣ поручено... я, видите ли, самъ не имѣю семейства...

— Ну-съ.

— Вникните въ мое положеніе, молодой чело-

вѣкъ (ахъ, опять! извините-съ; я все называю васъ молодымъ человѣкомъ). Каждая минута дорога... Представьте себѣ, эта дама... но не можете ли вы мнѣ сказать, кто живетъ въ этомъ домѣ?

— Да... тутъ много живутъ.

— Да, т. е. вы совершенно справедливы, отвѣчалъ господинъ въ енотахъ, слегка засмѣявшись для спасенія приличій:—чувствую, я немного сбиваюсь... но къ чему такой тошъ вашихъ словъ? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что сбиваюсь, и если вы надменный человѣкъ, то ужъ вы достаточно видѣли мое униженіе... Я говорю, одна дама, благороднаго поведенія, т. е. легкаго содержанія,—извините, я такъ сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вотъ—выдумалъ, что Поль-де-Кока легкаго содержанія, а вся бѣда отъ Поль-де-Кока-то-съ... вотъ!..

Молодой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на господина въ енотахъ, который, казалось, окончательно сбился, замолчалъ, глядѣлъ на него бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, безъ всякой видимой причины, хваталъ его за лацканъ бекени.

— Вы спрашиваете, кто здѣсь живетъ? спросилъ молодой человѣкъ, нѣсколько отступая назадъ.

— Да, многіе живутъ, вы сказали.

— Здѣсь.. я знаю, что здѣсь Софья Остафьевна тоже живетъ, проговорилъ молодой человѣкъ шопотомъ и даже съ какимъ-то соболѣзнованіемъ.

— Ну, вотъ видите, видите! вы что нибудь знаете, молодой человѣкъ?

— Увѣряю васъ, нѣтъ, ничего не знаю... Я судилъ по разстроенному вашему виду.

— Я тотчасъ узпалъ отъ кухарки, что она сюда ходитъ; но вы не на то напали, т. е. не къ Софьѣ Остафьевнѣ... она съ ней незнакома...

— Нѣтъ? ну извините-съ...

— Видно, что вамъ это все неинтересно, молодой человѣкъ, проговорилъ странный господинъ съ горькой пропѣй.

— Послушайте, сказалъ молодой человѣкъ заминаясь:—я въ сущности не знаю причины вашего состоянія, но вамъ вѣрно измѣнили, вы скажите прямо?

Молодой человѣкъ одобрительно улыбнулся.

— Мы, по крайней мѣрѣ, поймемъ другъ друга, прибавилъ онъ, и все тѣло его великодушно обнаружало желаніе сдѣлать легкій полу-поклонъ.

— Вы убили меня! но—откровенно признаюсь вамъ—именно такъ... по съ кѣмъ не случается!.. До глубины тронутъ вашимъ участіемъ. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молодъ, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостежью, извѣстно...

— Ну, ужъ извѣстно, извѣстно! Но чѣмъ же я могу вамъ помочь?

— А вотъ-съ; согласитесь, что посѣщать Софью Остафьевну... Впрочемъ, я еще не знаю навѣрно, куда пошла эта дама; я знаю только, что она въ

этомъ домѣ; но, видя васъ прогуливающимся—а я самъ прогуливался по той сторонѣ—думаю... я, воть, видите ли, жду эту даму... я знаю, что она тутъ—мнѣ бы хотѣлось встрѣтить ее и объяснить, какъ неприлично и гнусно... однимъ словомъ, вы меня понимаете...

— Гм! Ну!

— Я и не для себя это дѣлаю; вы не подумайте—это чужая жена! Мужъ тамъ стоитъ, на Вознесенскомъ мосту; онъ хочетъ поймать, но онъ не рѣшается—онъ еще не вѣритъ, какъ и всякій мужъ... (тутъ господинъ въ енотахъ хотѣлъ улыбнуться), я—другъ его; согласитесь сами, я человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ—я не могу быть тѣмъ, за кого вы меня принимаете.

— Конечно-съ; ну-съ, ну-съ!..

— Такъ воть, я все ее ловлю; мнѣ поручено-съ (несчастный мужъ!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вѣчно Поль-де-Кокъ подъ подушкой); я увѣренъ, что она прошмыгнетъ какъ нибудь незамѣтно... Мнѣ, признаюсь, кухарка сказала, что она ходитъ сюда; я какъ сумасшедшій бросился, только что извѣстіе получилъ; я хочу поймать; я давно подозрѣвалъ, и потому хотѣлъ просить васъ, вы здѣсь ходите... вы—вы—я не знаю...

— Ну, да, наконецъ, что жъ вамъ угодно?

— Да-съ... Не имѣю чести знать васъ; не смѣю любопытствовать, кто и какъ... Во всякомъ случаѣ, позвольте познакомиться; пріятный случай!.. Дрожащій господинъ жарко потрясъ руку молодого человѣка.

— Это бы я долженъ былъ сдѣлать въ самомъ началѣ, прибавилъ онъ:—но я забылъ все приличіе!

Говоря, господинъ въ енотахъ не могъ постоять на мѣстѣ, съ безпокойствомъ оглядываясь по сторонамъ, сѣменилъ ногами, и поминутно, какъ погибающій, хватался рукою за молодого человѣка.

— Видите ли-съ, продолжалъ онъ, я хотѣлъ обратиться къ вамъ по-дружески... извините за вольность... хотѣлъ испросить у васъ, чтобъ вы ходили—по той сторонѣ и со стороны переулка, гдѣ чернѣйшій выходъ, эдакъ, *покоемъ*, описывая букву П, то есть. Я тоже съ своей стороны буду ходить-съ главнаго подъѣзда, такъ что мы не пропустимъ; а я все боялся одинъ пропустить; я не хочу пропустить. Вы, какъ увидите ее, то остановите и закричите мнѣ... Но я сумасшедшій! Только теперь вижу всю глупость и неприличіе моего предложенія!

— Нѣтъ, что жъ! помилуйте!..

— Не извиняйте меня; я въ разстройствѣ духа, я теряюсь, какъ никогда не терялся! Точно меня подъ судъ отдали! Я даже признаюсь вамъ—я буду благороденъ и откровененъ съ вами, молодой человѣкъ: я даже васъ принималъ за любовника!

— То есть, по просту, вы хотите знать, что я здѣсь дѣлаю?

— Благородный человѣкъ, милостивый государь,

я далека отъ мысли, что вы *онъ*; я не замараю васъ этою мыслию, но... но даете ли вы мнѣ честное слово, что вы не любовникъ?..

— Ну, хорошо, извольте честное слово, что любовникъ, но не вашей жены; иначе бы я не былъ на улицѣ, а былъ бы теперь вмѣстѣ съ нею!

— Жены? кто вамъ сказалъ жены, молодой человѣкъ? Я холостой, я, то есть, самъ любовникъ...

— Вы говорили, есть мужъ... на Вознесенскомъ мосту...

— Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другія узы! И согласитесь, молодой человѣкъ, нѣкоторая легкость характеровъ, то есть...

— Ну, ну! Хорошо, хорошо!..

— То есть, я вовсе не мужъ...

— Очень вѣрно-съ. Но откровенно говорю вамъ, что, разувѣряя васъ теперь, хочу самъ себя успокоить, и отъ того собственно съ вами и откровененъ; вы меня разстроили и мѣшаете мнѣ. Обѣщаю вамъ, что кликну васъ. Но прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ мѣсто и удалиться. Я самъ тоже жду.

— Извольте, извольте-съ, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпѣніе вашего сердца. Я понимаю это, молодой человѣкъ. О, какъ я васъ теперь понимаю!

— Хорошо, хорошо...

— До свиданія!.. Впрочемъ, извините, молодой человѣкъ, я опять къ вамъ... Я не знаю, какъ сказать... Дайте мнѣ еще разъ честное и благородное слово, что вы не любовникъ!

— Ахъ, Господи, Богъ мой!

— Еще вопросъ, послѣдній: вы знаете фамилію мужа вашей... т. е. той, которая составляетъ вашъ предметъ?

— Разумѣется, знаю; не ваша фамилія и конечно дѣло!

— А почему жъ вы знаете мою фамилію?

— Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдетъ тысячу разъ... Ну, что же вы? Ну, ваша въ лисьемъ салопѣ и въ капорѣ, а моя въ клѣтчатымъ плащѣ и въ голубой бархатной шляпкѣ... Ну, что жъ вамъ еще? чего жъ больше?

— Въ голубой бархатной шляпкѣ! У ней есть и клѣтчатый плащъ и голубая шляпка, закричалъ неотвязчивый человѣкъ, мигомъ возвратившись съ дороги.

— Ахъ, чортъ возьми! Ну, да вѣдь это можетъ случиться... Да, впрочемъ, что жъ я! Моя же туда не ходить!

— А гдѣ она—ваша?

— Вамъ это хочется знать; что жъ вамъ?

— Признаюсь, я все про то...

— Фу, Богъ мой! Да вы безъ стыда безъ всякаго! Ну, у моей здѣсь знакомые, въ третьемъ этажѣ, на улицу. Ну, что жъ вамъ, по именамъ людей называть, что ли?

— Богъ мой! И у меня есть знакомые въ третьемъ этажѣ, и окна на улицу. Генераль...

— Генераль?!

— Генералъ. Я вамъ, пожалуй, скажу, какой генералъ: ну, генералъ Половицынъ.

— Вотъ тебѣ на! Нѣтъ, это не тѣ! (Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми!)

— Не тѣ?

— Не тѣ.

Оба молчали и въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

— Ну, что жъ вы такъ смотрите на меня? вскрикнулъ молодой человѣкъ, съ досадою отряхая съ себя столбнякъ и раздумье. — Господинъ заметался.

— Я, я, признаюсь...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умиѣ. Общее дѣло. Объясните мнѣ... Кто у васъ тамъ?..

— То есть знакомые?

— Да, знакомые...

— Вотъ видите, видите! Я по глазамъ вашимъ вижу, что я угадалъ!

— Чортъ возьми! да нѣтъ же, нѣтъ, чортъ возьми! слѣпы вы, что ли? вѣдь я передъ вами стою, вѣдь я не съ ней нахожусь; ну! ну же! Да, впрочемъ, мнѣ все равно; хотъ говорите, хотъ нѣтъ!

Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ повернулся два раза на каблукъ и махнулъ рукой.

— Да я ничего, помилуйте, какъ благородный человѣкъ, я вамъ все расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она имъ родня; я и не подозрѣвалъ; вчера встрѣчаю его превосходительство: говорить, что ужъ три недѣли, какъ переѣхалъ отсюда на другую квартиру, а же... т. е. не жена, а чужая жена (на Вознесенскомъ мосту), эта дама говорила, что еще третьяго дня была у нихъ, т. е. на этой квартирѣ... А кухарка-то мнѣ рассказала, что квартиру его превосходительства снялъ молодой человѣкъ Бобыницынъ...

— Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми!..

— Милостивый государь, я въ страхѣ, я въ ужасѣ!

— Э, чортъ возьми! да мнѣ-то какое дѣло до того, что вы въ страхѣ и въ ужасѣ? Ахъ! вонъ-вонъ мелькнуло, вонъ...

— Гдѣ? гдѣ? вы только крикните: Иванъ Андреичъ, а я побѣгу...

— Хорошо, хорошо. Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! Иванъ Андреичъ!!

— Здѣсь, закричалъ воротившійся Иванъ Андреичъ, совсѣмъ задыхаясь. Ну, что? что? гдѣ?

— Нѣтъ, я только такъ... я хотѣлъ знать, какъ зовутъ эту даму?

— Глаф...

— Глафира?

— Нѣтъ, не совсѣмъ Глафира... извините, я вамъ не могу сказать ея имя. Говоря это, почтенный человѣкъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Да, конечно, не Глафира, я самъ знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а, впрочемъ, съ кѣмъ же она?

— Гдѣ?

— Тамъ! Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! (Молодой человѣкъ не могъ устоять на мѣстѣ отъ бѣшенства).

— А, видите! почему же вы знали, что ее зовутъ Глафирой?

— Ну, чортъ возьми, наконецъ! еще съ вами возня! Да вѣдь вы говорите вашу не Глафирой зовутъ!..

— Милостивый государь, какой тонъ!

— А, чортъ, не до тону! Что она, жена, что-ли, ваша?

— Нѣтъ, т. е. я не женатъ... Но не сталъ бы я сулить почтенному человѣку въ несчастіи, человѣку—не скажу достойному всякаго уваженія, но по крайней мѣрѣ воспитанному человѣку, чорта на каждомъ шагу. Вы все говорите: чортъ возьми! чортъ возьми!

— Ну да, чортъ возьми! вотъ же вамъ, понимаете?

— Вы ослѣплены гнѣвомъ, и я молчу. Боже мой, кто это?

— Гдѣ?

— Раздался шумъ и хохотъ; двѣ смазливныя дѣвушки вышли съ крыльца; оба бросились къ нимъ.

— Ахъ какіе! что вы?

— Куда вы суетесь?

— Не тѣ!

— Что, не на тѣхъ напали! Извозчикъ!

— Куда васъ, мамзель?

— Къ Покрову; садись, Аннушка, я доведу.

— Ну, а я съ той стороны; пошелъ! Смотри же, шибче вези...

Извозникъ уѣхалъ.

— Это откуда?

— Боже мой, Боже! Но не пойдти ли туда!

— Куда?

— Да къ Бобыницыну.

— Нѣтъ-съ, нельзя...

— Отъ чего?

— Я бы, конечно, пошелъ; но тогда она скажетъ другое; она... обернется: я ее знаю! Она скажетъ, что нарочно пришла, чтобъ меня поймать съ кѣмъ нибудь, да бѣду на меня же и свалить!

— И знать, что, можетъ быть, тамъ она! Да вы—я не знаю, почему же—ну, да вы пойдите къ генералу-то...

— Да вѣдь онъ переѣхалъ!

— Все равно, понимаете? она же вѣдь пошла; ну, и вы тоже—поняли? Сдѣлайте такъ, что какъ будто не знаете, что генералъ переѣхалъ, приходите какъ будто къ нему за женой, ну и такъ далѣе.

— А потомъ?

— Ну, а потомъ накрывайте кого слѣдуетъ у Бобыницына; фу, ты, чортъ, какой безтолкъ...

— Ну, а вамъ-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!..

— Что, что, батенька? что? опять за то же, что

прежде? Ахъ, ты, Господи, Господи! Срамится вы, смѣшной человѣкъ, безтолковый вы человѣкъ!

— Ну, да зачѣмъ же вы такъ интересуетесь? вы хотите узнать...

— Что узнать? что? Ну, да чортъ возьми, не до васъ теперь! Я и одинъ пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бѣгайте тамъ, ну!

— Милостивый государь, вы почти забываетесь! закричалъ господинъ въ еногахъ въ отчаяніи.

— Ну, что жъ? ну, что жъ, что я забываюсь? проговорилъ молодой человѣкъ, стиснувъ зубы и въ бѣшенствѣ приступая къ господину въ еногахъ:—ну, что жъ? передъ кѣмъ забываюсь?! загремѣлъ онъ, сжимая кулаки.

— Но, милостивый государь, позвольте...

— Ну, кто вы, передъ кѣмъ забываюсь; какъ ваша фамилія?

— Я не знаю, какъ это, молодой человѣкъ; зачѣмъ же фамилію?.. Я не могу объявить... Я лучше съ вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готовъ... Но повѣрьте, я заслуживаю болѣе вѣжливыхъ выраженій! Не нужно нигдѣ терять присутствія духа, и если вы чѣмъ разстроены—я догадываюсь чѣмъ, — то по крайней мѣрѣ забываться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человѣкъ!..

— Да что мнѣ, что вы старый? Эка невидаль! ступайте прочь; чего вы тутъ бѣгаете?..

— Почему жъ я старый? какой же я старый? Конечно, по званію, но я не бѣгаю...

— Это и видно. Да убирайтесь же прочь...

— Нѣтъ, ужъ я съ вами; вы мнѣ не можете запретить; я тоже замѣшанъ; я съ вами...

— Ну, такъ тише же, тише, молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лѣстницу въ третій этажъ; было темнехонько.

— Стойте! Есть у васъ спички?

— Спички? какія спички?

— Вы курите сигары?

— А, да! есть, есть; здѣсь онѣ, здѣсь; вотъ, стойте... Господинъ въ еногахъ засуетился.

— Фу, какой безтолков... чортъ! кажется, эта дверь...

— Эта — эта — эта — эта — эта...

— Эта — эта — эта... что вы орете? тише!..

— Милостивый государь, я, скрѣпя сердце... вы дерзкій человѣкъ, вотъ что!..

Вспыхнулъ огонь.

— Ну, такъ и есть, вотъ мѣдная дощечка! вотъ Бобыницынъ; видите: Бобыницынъ?..

— Вижу, вижу!

— Ти...ше! Что, потухла?

— Потухла.

— Нужно постучаться?

— Да, нужно! отозвался господинъ въ еногахъ.

— Стучитесь!

— Нѣтъ, зачѣмъ же я? вы начните, вы постучите...

— Трусъ!

— Сами вы трусы!

— Уб-бир-райтесь же!

— Я почти раскаиваюсь, что повѣрилъ вамъ тайну; вы...

— Я? Ну, что жъ я?

— Вы воспользовались разстройствомъ мопзмъ! вы видѣли, что я въ разстроенномъ духѣ...

— А наплевать! мнѣ смѣшно—вотъ и конечно!

— Зачѣмъ же вы здѣсь?

— А вы-то зачѣмъ?..

— Прекрасная нравственность! замѣтилъ съ неодобреніемъ господинъ въ еногахъ...

— Ну, что вы про нравственность? вы-то чего?

— А вотъ и безнравственно!

— Что?!!

— Да, по вашему, каждый обиженный мужъ есть колпакъ!

— Да вы развѣ мужъ? Вѣдь мужъ-то на Вознесенскомъ мосту? Что жъ вамъ-то? Чего вы пристали?

— А вотъ мнѣ кажется, что вы-то и есть любовники!..

— Послушайте, если вы будете такъ продолжать, то я долженъ буду признаться, что вы-то и есть колпакъ! т. е. знаете кто?

— Т. е. вы хотите сказать, что я мужъ! сказалъ господинъ въ еногахъ, какъ будто кипяткомъ обваренный, отступая назадъ.

— Тсс! молчать! слышите...

— Это она.

— Нѣтъ!

— Фу! какъ темно!

Все затихло; въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ.

— За что намъ ссориться, милостивый государь? прошепталъ господинъ въ еногахъ.

— Да вы же, чортъ возьми, сами обидѣлись!

— Но вы меня вывели изъ послѣднихъ границъ.

— Молчите!

— Согласитесь, что вы еще очень молодой человѣкъ...

— Мо-л-чите же!

— Конечно, я согласенъ съ вашей идеей, что мужъ въ такомъ положеніи — колпакъ.

— Да замолчите-ли вы? о!..

— Но къ чему же такое озлобленное преслѣдованіе несчастнаго мужа?..

— Это она!

Но шумъ въ это время умолкъ.

— Она?

— Она! она! она! Да вы-то, вы-то изъ чего хлопчете? вѣдь не ваша бѣда!

— Милостивый государь, милостивый государь! бормоталъ господинъ въ еногахъ, блѣднѣя и всхлипывая: — я, конечно, въ разстройствѣ... вы достаточно видѣли мое униженіе; но теперь ночь, конечно, но завтра... впрочемъ, мы, вѣрно, не встрѣтимся завтра, хотя я и не боюсь встрѣтиться съ вами, — и, это, впрочемъ, не я, это мой пріятель, который на Вознесенскомъ мосту; право, онъ! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человѣкъ!

увѣряю васъ. Я съ нимъ знакомъ хорошо; позвольте, я вамъ все расскажу. Я съ нимъ другъ, какъ вы можете видѣть, ибо не сталъ бы я такъ теперь изъ-за него сокрушаться, — сами видите; я же нѣсколько разъ ему говорилъ: зачѣмъ ты женишься, милый другъ? знаніе есть у тебя, достатокъ есть у тебя, почтенный ты человѣкъ, что жъ мѣнять это все на прихоть кокетства! Согласитесь! Нѣтъ, женюсь, говорятъ: семейное счастье... Вотъ и семейное счастье! Сначала самъ мужей обманывалъ, а теперь и пьетъ чашу... вы извините меня, но это объясненіе было вынуждено необходимостію!.. Онъ несчастный человѣкъ, и пьетъ чашу — вотъ!.. Тутъ господинъ въ енотахъ такъ всхлипнулъ, какъ будто зарыдалъ не на шутку.

— А чортъ бы взялъ ихъ всѣхъ! Мало ли дураковъ! Да вы кто такой?

Молодой человѣкъ скрежеталъ зубами отъ бѣшенства.

— Ну, ужъ послѣ этого, согласитесь сами... я былъ съ вами благороденъ и откровененъ... этакой тонъ!

— Нѣтъ, позвольте, вы меня извините... какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилія?

— А!!

— Мнѣ нельзя сказать фамилію...

— Шабрина знаете? быстро сказалъ молодой человѣкъ.

— Шабринъ!!!

— Да, Шабринъ! а!!! (Тутъ господинъ въ бекешѣ нѣсколько поддразнилъ господина въ енотахъ).— Поняли дѣло?

— Нѣтъ-съ, какой же Шабринъ! отвѣчалъ оторопѣвшій господинъ въ енотахъ:— совсѣмъ не Шабринъ; онъ почтенный человѣкъ! Извиняю вашу невѣжливость мученіями ревности.

— Мошенникъ онъ, продажная душа, взяточникъ, плутъ, казну обворовалъ! Его скоро подъ судъ отдадутъ!

— Извините, говорилъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя:— вы его не знаете; совершенно, какъ я вижу, онъ вамъ не извѣстенъ.

— Да, въ лицо-то не знаю, а изъ другихъ очень близкихъ ему источниковъ знаю.

— Милостивый государь, изъ какихъ источниковъ? Я въ разстройствѣ, вы видите...

— Дуракъ! ревнивецъ! за женой не усмотритъ! Вотъ онъ какой, коль пріятно вамъ знать!

— Извините, вы въ ожесточенномъ заблужденіи, молодой человѣкъ...

— Ахъ!

— Ахъ!

Въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

— Ахъ, это не она, не она! Я узнаю ея голосъ; я теперь узналъ все, это не она! сказалъ господинъ въ енотахъ, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

— Молчать!

Молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ.

— Милостивый государь, я бѣгу: это не она, я очень радъ.

— Ну, ну! ступайте, ступайте!

— А чего жъ вы стоите?

— А вы-то чего?

Дверь отворилась, и господинъ въ енотахъ, не выдержавъ, стремглавъ покатился съ лѣстницы.

Мимо молодого человѣка прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло... Послышался знакомый женскій голосъ, и потомъ сильный мужской, но совсѣмъ незнакомый.

— Ничего, я прикажу сани подать, говорилъ сильный голосъ.

— Ахъ! ну, ну, согласна; ну, прикажите...

— Они тамъ, сейчасъ.

Дама осталась одна.

— Глафира! гдѣ твои клятвы? вскричалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, хватая за руку даму.

— Ай, кто это? Это вы, Твороговъ? Боже мой! что вы дѣлаете?

— Съ кѣмъ вы здѣсь были?

— Но это мой мужъ, уйдите, уйдите, онъ сейчасъ выйдетъ оттуда... отъ Половицкихъ; уйдите, ради Бога, уйдите.

— Половицкихъ три недѣли какъ перѣѣхали! Я все знаю!

— Ай! Дама бросилась на крыльцо. Молодой человѣкъ догналъ ее.

— Кто вамъ сказалъ? спросила дама.

— Мужъ вашъ, сударыня, Иванъ Андреичъ; онъ здѣсь, онъ передъ вами, сударыня...

Иванъ Андреичъ дѣйствительно стоялъ у крыльца.

— Ай, это вы? закричалъ господинъ въ енотовой шубѣ.

— А! c'est vous? закричала Глафира Петровна, съ неподдѣльной радостью бросаясь къ нему: — Боже! что со мной было? Я была у Половицкихъ; можешь себѣ представить... ты знаешь, что они теперь у Измайловскаго моста; я говорила тебѣ, помнишь? Я взяла сани оттуда. Лошади взбѣсились, понесли, разбили сани, и я упала отсюда во ста шагахъ; кучера взяли; я была вѣ себя. Къ счастью, М-г Твороговъ...

— Какъ?

М-г Твороговъ походилъ болѣе на окаменѣлость, чѣмъ на М-г Творогова.

— М-г Твороговъ увидалъ меня здѣсь и взялся проводить; но теперь вы здѣсь, и я могу вамъ только изъявить мою жаркую благодарность, Иванъ Ильичъ...

Дама подала руку остолебенѣлому Ивану Ильичу и почти ушпинула, а не сжала ее.

— М-г Твороговъ! мой знакомый; на балѣ у Скорлуповыхъ имѣли удовольствіе видѣться: я, кажется, говорила тебѣ? Неужели ты не помнишь, коко?

— Ахъ, конечно, конечно! ахъ, помню! заговорилъ господинъ въ енотовой шубѣ, котораго называли коко.— Очень пріятно, очень пріятно.

И онъ жарко пожалъ руку г. Творогову.

— Это съ кѣмъ? Что же это значить? Я жду... раздался сонный голосъ.

Передъ группою стоялъ господинъ безконечнаго роста; онъ вынулъ лорнетъ и внимательно посмотрѣлъ на господина въ енотовой шубѣ.

— Ахъ, М-г Бобыницынъ! защебетала дама: — откуда? вотъ встрѣча! Представьте, меня только разбили лошади... по вотъ мой мужъ! Жан! М-г Бобыницынъ, на балъ у Карповыхъ...

— Ахъ, очень, очень, очень пріятно!.. Но я сейчасъ возьму карету, мой другъ.

— Возьми, Жан, возьми: я вся въ испугѣ; я дрожу; со мной даже дурно... Сегодня въ маскарадѣ, шеннула она Тророгову... Прощайте, прощайте, г. Бобыницынъ! мы вѣрно встрѣтимся завтра на балѣ у Карповыхъ...

— Пѣтъ, извините, я завтра не буду; я уже завтра того, коль теперь не такъ... Г. Бобыницынъ проворчалъ что-то еще сквозь зубы, шаркнулъ саножницею, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ.

Подѣхала карета; дама сѣла въ нее. Господинъ въ енотовой шубѣ остановился; казалось, онъ не въ силахъ былъ сдѣлать движенія и безмысленно смотрѣлъ на господина въ бекешѣ. Господинъ въ бекешѣ улыбался довольно нестроумно.

— Я не знаю...

— Извините, очень радъ быть знакомымъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кланяясь съ любопытствомъ и немного сробѣвъ.

— Очень, очень радъ...

— У васъ, кажется, свалилась калоша...

— У меня? Ахъ, да! благодарю, благодарю; хочу все завести резинныя...

— Въ резинныхъ нога какъ будто потѣеть-съ, сказалъ молодой человѣкъ, повидимому, съ безграничнымъ участіемъ.

— Жан! да скоро ли ты?

— Именно потѣеть. Сейчасъ, сейчасъ, душенька, вотъ разговоръ интересный! Именно, какъ вы изволили замѣтить, потѣеть нога... Впрочемъ, извините, я...

— Помилуйте-съ.

— Очень, очень, очень радъ познакомиться...

Господинъ въ енотахъ сѣлъ въ карету; карета тронулась; молодой человѣкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, въ изумленіи провожая ее глазами.

II.

На другой же вечеръ шло какое-то представленіе въ итальянской оперѣ. Иванъ Андреевичъ ворвался въ залу какъ бомба. Еще никогда не замѣчали въ немъ такого фюге, такой страсти къ музыкѣ. По крайней мѣрѣ, положительно знали, что Иванъ Андреевичъ чрезвычайно любилъ всхрипнуть часокъ другой въ итальянской оперѣ; даже отзывался нѣсколько разъ, что оно и пріятно, и сладко; «да и примадонна-то тебѣ», говаривалъ онъ друзьямъ: «мяукаетъ, словно бѣленская ко-

шечка, колыбельную пѣсенку.» Но онъ это уже давно что-то говаривалъ, еще въ прошлый сезонъ; а теперь, увы! Иванъ Андреевичъ и дома не спитъ по ночамъ. Однакожъ онъ все-таки ворвался, какъ бомба, въ залу, набитую биткомъ. Даже капельдинеръ взглянулъ на него какъ-то подозрительно и тутъ же накосился глазомъ на его боковой карманъ, въ полной надеждѣ увидѣть ручку припрятаннаго на всякій случай кинжала. Нужно замѣтить, что въ то время процвѣтали двѣ партіи, и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались *** *зисты*, другіе *** *нисты*. Обѣ партіи до того любили музыку, что капельдинеры наконецъ рѣшительно стали опасаться какого нибудь очень рѣшительнаго проявленія любви ко всему прекрасному и высокому, совмѣщавшемуся въ двухъ примадоннахъ. Вотъ почему, смотря на такой юношескій порывъ въ залу театра даже сѣдовласаго старца, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ сѣдовласаго, а такъ, около пятидесяти лѣтъ, плѣшивенькаго, и вообще человѣка съ виду солиднаго свойства, капельдинеръ невольно вспомнилъ высокія слова Гамлета, датскаго принца:

Когда ужъ старость падаетъ такъ страшно,
Что жъ юность?.. и т. д.

и, какъ было сказано выше, накосился на боковой карманъ фрака, въ надеждѣ увидѣть кинжалъ. Но тамъ былъ только одинъ бумажникъ и болѣе ничего.

Влетѣвъ въ театръ, Иванъ Андреевичъ мигомъ облетѣлъ взглядомъ всѣ ложи втораго яруса и — о, ужасъ! сердце его замерло: она была здѣсь! она сидѣла въ ложѣ! Тутъ былъ и генераль Половинъ съ супругою и свояченицею; тутъ былъ и адъютантъ генерала, — чрезвычайно ловкій молодой человѣкъ; тутъ былъ еще одинъ статскій... Иванъ Андреевичъ напрягъ все вниманіе, всю остроту зрѣнія, но — о, ужасъ! статскій человѣкъ предательски спрятался за адъютанта и остался во мракѣ неизвѣстности.

Она была здѣсь, а между тѣмъ сказала, что будетъ вовсе не здѣсь!

Вотъ эта-то двойственность, проявлявшаяся съ нѣкотораго времени на каждомъ шагѣ. Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вотъ этотъ-то статскій юноша и повергъ его наконецъ въ совершенное отчаяніе. Онъ опустился въ кресла совсѣмъ пораженный. Отъ чего бы, кажется? Случай очень простой...

Нужно замѣтить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возлѣ бенуара, и въ добавокъ предательская ложа втораго яруса приходилась прямо надъ его креслами, такъ что онъ, къ величайшей своей непріятности, рѣшительно не могъ замѣтить, что дѣлалось надъ его головою. За то онъ злился и горячился какъ самоваръ. Весь первый актъ прошелъ для него незамѣтно, т. е., онъ не слышалъ ни одной ноты. Говорятъ, что музыка тѣмъ и хороша, что можно настроить музыкаль-

ния впечатлѣнія подѣ ладъ всякаго ощущенія. Радующійся человѣкъ найдетъ въ звукахъ радость, печальный—печаль; въ ушахъ Ивана Андреевича завывала цѣлая буря. Къ довершенію досады, сзади, спереди, съ боку кричали такіе страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконецъ, актъ кончился. Но въ ту минуту, какъ падалъ занавѣсъ, съ нашимъ героемъ случилось такое приключеніе, которое никакое перо не опишетъ.

Случается, что иногда съ верхнихъ ярусовъ ложъ слетаетъ афишка. Когда пьеса скучна зрители зѣваютъ, для нихъ это цѣлое приключеніе. Особенно съ участіемъ смотреть они на полетъ этой чрезвычайно мягкой бумаги съ самаго верхняго яруса и падаютъ пріятность слѣдить за ея путешествіемъ зигзагами до самыхъ креселъ, гдѣ она непременно уляжется на чью нибудь, вовсе неприготовленную къ этому случаю голову. Дѣйствительно, очень любопытно смотрѣть, какъ эта голова сконфузится (потому что она непременно сконфузится). Мнѣ всегда тоже бываетъ страшно за дамскіе бинокли, которые лежатъ за частую на бордюрахъ ложъ: мнѣ все такъ и кажется, что они вотъ тотчасъ слетятъ на чью нибудь неприготовленную къ этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сдѣлавъ такое трагическое примѣчаніе и потому отсылаю его къ фельетонамъ тѣхъ газетъ, которыя предохраняютъ отъ обмановъ, отъ недобросовѣстности, отъ таракановъ, если они у насъ въ домѣ, рекомендуя извѣстнаго г-на Принципе, страшнаго врага и противника всѣхъ таракановъ на свѣтѣ, не только русскихъ, но даже и иностранныхъ, какъ то пруссаковъ и проч.

Но съ Иваномъ Андреевичемъ случилось приключеніе, до сихъ поръ еще нигдѣ неописанное. Къ нему слетѣла на голову — какъ уже сказано, довольно плѣшавую — не афишка. Признаюсь, я даже совѣщусь сказать, что къ нему слетѣло на голову, потому что, дѣйствительно, какъ то совѣстно объявить, что на почтенную и обнаженную, то-есть отчасти лишенную волосъ голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреевича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ, напримѣръ, любовная раздвоенная записочка. По крайней мѣрѣ, бѣдный Иванъ Андреевичъ, совершенно неприготовленный къ этому непредвидѣнному и безобразному случаю, вздрогнулъ такъ, какъ будто поймалъ на своей головѣ мышъ или другаго какого нибудь дикаго звѣря.

Что записка была любовнаго содержанія, въ этомъ ошибаться было нельзя. Она была писана на раздвоенной бумажкѣ, совершенно такъ, какъ пишутся записки въ романахъ, и сложена въ предательски малую форму, такъ что ее можно было скрыть подѣ дамской перчаткой. Упала же она, вѣроятно, по случаю, во время самой передачи; какъ нибудь спрашивалъ, напримѣръ, афишку, и ужъ записочка проворно была ввернута въ эту афишку, уже передавалась въ извѣстныя руки,

но одинъ мигъ, можетъ быть, нечаянный толчокъ адъютанта, чрезвычайно ловко извинившагося въ своей неловкости, и записочка выскользнула изъ маленькой дрожавшей отъ смущенія ручки, а статскій юноша, уже протягивавшій свою нетерпѣливую руку, вдругъ получаетъ, вмѣсто записки, одну афишку, съ которой рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Непріятный, странный случай! совершенная правда; но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще непріятнѣе.

— Predestiné, прошепталъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ и сжимая записочку въ рукахъ: predestiné! Пуля найдетъ виноватаго! промелькнуло въ его головѣ: нѣтъ, не то! Чѣмъ же я виноватъ? А вотъ, тамъ есть другая пословица: на бѣднаго Макара и т. д.

Но мало ли, что начнетъ перезванивать въ головѣ, оглушенной такимъ внезапнымъ происшествіемъ! Иванъ Андреевичъ сидѣлъ на стулѣ окостенѣвъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣренъ былъ, что его приключеніе замѣчено со всѣхъ сторонъ, не смотря на то, что во всей залѣ, въ это самое время, началась суматоха и вызовъ пѣвицы. Онъ сидѣлъ такъ сконфузившись, такъ покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ, какъ будто съ нимъ случилась какая нибудь неожиданная непріятность, какой нибудь диссонансъ въ прекрасномъ, многолюдномъ обществѣ. Наконецъ онъ рѣшился поднять глаза.

— Пріятно пѣли-съ! замѣтилъ онъ одному франту, сидѣвшему по лѣвую его сторону.

Франтъ, который былъ въ послѣдней степени энтузіазма и хлопалъ руками, но преимущественно выѣзжалъ на ногахъ, бѣгло и разсѣянно взглянулъ на Ивана Андреевича и, тотчасъ же сдѣлавъ руками щитокъ надъ своимъ ртомъ, чтобъ было слышнѣе, крикнулъ имя пѣвицы. Иванъ Андреевичъ, который еще никогда не слыхалъ подобной глотки, былъ въ восторгѣ. «Ничего не замѣтилъ!» подумалъ онъ и обратился назадъ. Но толстый господинъ, сидѣвшій сзади его, теперь, въ свою очередь, сталъ къ нему задомъ и лорнировалъ ложу. «Тоже хорошо!» подумалъ Иванъ Андреевичъ. Впереди, разумеется, ничего не видали. Онъ робко и съ радостной надеждой покосился на бенуаръ, возлѣ котораго были его кресла, и вздрогнулъ отъ самаго непріятнаго чувства. Тамъ сидѣла прекрасная дама, которая, закрывъ ротъ платкомъ и унавъ на спинку креселъ, хохотала какъ изступленная.

— Охъ, ужъ эти мнѣ женщины! прошепталъ Иванъ Андреевичъ и пустился по ногамъ зрителей къ выходу.

Теперь я предлагаю рѣшить самимъ читателямъ, я прошу ихъ самихъ разсудить меня съ Иваномъ Андреевичемъ. Неужели правъ былъ онъ въ эту минуту? Большой театръ, какъ извѣстно, заключается въ себѣ четыре яруса ложъ и пятый ярусъ—галлерею. Почему же непременно предположить, что записка упала именно изъ одной ложи, именно изъ этой самой, а не другой какой нибудь, — на-

примѣръ, хоть изъ пятого яруса, гдѣ тоже бываютъ дамы? Но страсть исключительна, а репутация—самая исключительная страсть въ мірѣ.

Иванъ Андреевичъ бросился въ фойе, сталъ у лампы, сломалъ печать и прочелъ:

«Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля, въ Г-вой, на углу ***скаго переулка, въ домѣ К***, въ третьемъ этажѣ, направо отъ лѣстницы. Входъ съ подъѣзда. Будь тамъ, sans faute, ради Бога».

Руки Иванъ Андреевичъ не узналъ, но сомнѣнія нѣтъ: назначалось свиданіе. «Поймать, изловить и пресѣчь зло въ самомъ началѣ», была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло въ голову изобличить теперь же, тутъ же на мѣстѣ; но какъ это сдѣлать? Иванъ Андреевичъ взбѣжалъ даже во второй ярусъ, но благоразумно воротился. Рѣшительно, онъ не зналъ: куда бѣжать. Отъ нечего дѣлать, онъ забѣжалъ съ другой стороны и посмотрѣлъ чрезъ открытую дверь чужой логи на противоположную сторону. Такъ, такъ! во всѣхъ пяти ярусахъ по вертикальному направленію сидѣли молодыя дамы и молодые люди. Записка могла упасть изъ всѣхъ пяти ярусовъ разомъ, потому что Иванъ Андреевичъ подозрѣвалъ рѣшительно всѣ ярусы въ разговорѣ противъ него. Но его ничто не исправило, никакія видимости. Весь второй актъ онъ бѣгалъ по всѣмъ корридорамъ и нигдѣ не находилъ спокойствія духа. Онъ было сунулся въ кассу театра, въ надеждѣ узнать отъ кассира имена особъ, взявшихъ логи во всѣхъ четырехъ ярусахъ, но касса уже была заперта. Наконецъ, раздался неистовый восклицаніи и аплодиссменты. Представленіе кончилось. Начинались вызовы и особенно громѣли съ самаго верха два голоса, — предводители обѣихъ партій. Но не до нихъ было дѣло Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнѣйшаго его поведенія. Онъ надѣлъ бекешъ и пустился въ Г-вую, чтобы тамъ застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немного эпергичнѣе, чѣмъ вчерашній день. Онъ скоро нашелъ домъ и уже ступилъ на подъѣздъ, какъ вдругъ, словно подъ руками, у него проныгнула фигура франта въ пальто, обогнала его и пустилась по лѣстницѣ въ третій этажъ. Ивану Андреевичу показалось, что это тотъ самый франтъ, хотя онъ не могъ различить и тогда лицо этого франта. Сердце въ немъ замерло. Франтъ обогналъ его уже двумя лѣстницами. Наконецъ, онъ услышалъ, какъ открылась дверь въ третьемъ этажѣ, и открылась безъ звонка, какъ будто ждали пришедшаго. Молодой человѣкъ промелькнулъ въ квартиру. Иванъ Андреевичъ достигъ третьяго этажа, когда не успѣли еще затворить эту дверь. Онъ хотѣлъ было постоять передъ дверью, благоразумно пообдумать свой шагъ, поробѣть немного и потомъ уже рѣшиться на что нибудь очень рѣшительно: но въ эту самую минуту загремѣла карета у подъѣзда, съ шумомъ открылись двери, и чьи-то тяжелые шаги начали съ кряхтомъ и кашлемъ свое восшествіе въ верхній этажъ. Иванъ

Андреевичъ не устоялъ, открылъ дверь и очутился въ квартирѣ со всею торжественностью оскорбленнаго мужа. На встрѣчу къ нему бросилась горничная, вся въ волненіи, потомъ явился человѣкъ; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Какъ бомба влетѣлъ онъ въ покои и, пройдя двѣ темныя комнаты, вдругъ очутился въ спальнѣ передъ молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала отъ страха и смотрѣла на него съ рѣшительнымъ ужасомъ, какъ будто не понимая, что вокругъ нея дѣлается. Въ эту минуту послышались тяжелые шаги въ сосѣдней комнатѣ, которые прямо шли въ спальню: это были тѣ самые шаги, которые всходили на лѣстницу.

— Боже! это мой мужъ! вскрикнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ блѣде своего пенюара.

Иванъ Андреевичъ почувствовалъ, что онъ не туда попалъ, что сдѣлалъ глупую, дѣтскую выходку, что не обдумалъ хорошо своего шага, что не поробѣлъ достаточно на лѣстницѣ. Но дѣлать было нечего. Уже открылась дверь, уже тяжелый мужъ, если только судить по его тяжелымъ шагамъ, входилъ въ комнату... Не знаю, за кого принялъ себя Иванъ Андреевичъ въ эту минуту! не знаю, что ему помѣшало прямо стать на встрѣчу мужа, объявить, что попался въ просакъ, сознаться, что безсознательно поступилъ неприличнѣйшимъ образомъ, попросить извиненія и скрыться, — конечно, не съ большою честью, конечно, не со славою, но по крайней мѣрѣ уйти благороднымъ, откровеннымъ образомъ. Но нѣтъ, Иванъ Андреевичъ опять поступилъ какъ мальчикъ, какъ будто бы считалъ себя Донъ-Жуаномъ или Ловеласомъ! Онъ сначала прикрылся занавѣсками у кровати, а потомъ, когда почувствовалъ себя въ полномъ упадкѣ духа, припалъ на землю и безсмысленно полѣзъ подъ кровать. Испугъ подѣйствовалъ на него сильнѣе благоразумія, и Иванъ Андреевичъ, самъ оскорбленный мужъ, или, по крайней мѣрѣ, считавшій себя такимъ, не вынесъ встрѣчи съ другимъ мужемъ — можетъ быть, боясь оскорбить его своимъ присутствіемъ. Такъ, или не такъ, но онъ очутился подъ кроватью, рѣшительно не понимая, какъ это сдѣлалось. Но, что всего было удивительнѣе, дама не оказала никакой оппозиціи. Она не закричала, видя, какъ чрезвычайно странный, пожилой господинъ ищетъ убѣжища въ ея спальнѣ. Рѣшительно она была такъ испугана, что, по всей вѣроятности, у нея отнялся языкъ.

Мужъ вошелъ охая и кряхтя, поздоровался съ женой на распѣвъ, самымъ старческимъ образомъ и свалился на кресла такъ, какъ будто только что принесъ бремя дровъ. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иванъ Андреевичъ, превратившійся изъ разъяреннаго тигра въ агненка, оробѣвъ и присмирѣвъ какъ мышенокъ передъ котомъ, едва смѣлъ дышать отъ испуга, хотя и могъ бы знать, по собственному опыту, что не всѣ оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло

ему въ голову или отъ недостатка соображенія, или отъ другаго какого нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ощупью, началъ онъ оправляться подъ кроватью, чтобъ какъ нибудь улечься удобнѣе. Каково же было его изумленіе, когда онъ ощущалъ рукою предметъ, который, къ его величайшему изумленію, пошевелился, и въ свою очередь схватилъ его за руку! Подъ кроватью былъ другой человѣкъ...

— Кто это? шепнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ: я вамъ и сказалъ сейчасъ, кто я такой! прошепталъ странный незнакомецъ. Лежите и молчите, коли попались въ просакъ!

— Однакоже...

— Молчать!

И посторонній человѣкъ (потому что подъ кроватью довольно было и одного), посторонній человѣкъ стиснулъ въ своемъ кулакѣ руку Ивана Андреевича такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли.

— Милостивый государь...

— Тсс!

— Такъ не жмите же меня, или закричу.

— Ну-ка, закричите! попробуйте!

Иванъ Андреевичъ покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ былъ суровъ и сердитъ. Можетъ быть это былъ человѣкъ, испытанный не разъ гоненія судьбы и не разъ находившійся въ стѣсненномъ положеніи; но Иванъ Андреевичъ былъ новичекъ и задыхался отъ тѣсноты. Кровь била ему въ голову. Однакожъ нечего было дѣлать; нужно было лежать ничкомъ. Иванъ Андреевичъ покорился и замолчалъ.

— Я, душенька, былъ, началъ мужъ:—я, душенька, былъ у Павла Ивановича. Сѣли мы играть въ преферансъ, да такъ, кхи, кхи, кхи! (онъ закашлялся) такъ... кхи! такъ спина... кхи! Ну ее!.. кхи! кхи! кхи!

И старичокъ погрузился въ свой кашель.

— Спина... проговорилъ онъ наконецъ со слезами на глазахъ:—спина разболѣлась... геморой проклятый! Ни стать, ни сѣсть... ни сѣсть! Аххи, кхи, кхи!..

И казалось, что вповѣчъ начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долѣе, чѣмъ старичку, обладателю этого кашля. Старичокъ что-то ворчалъ языкомъ въ промежуткахъ, но рѣшительно ничего цѣльз было разобрать.

— Милостивый государь, ради Бога, подвину-тесь! прошепталъ несчастный Иванъ Андреевичъ.

— Куда прикажете? мѣста нѣтъ.

— Однакоже, согласитесь сами, мнѣ невозможно такимъ образомъ. Я еще въ первый разъ захожусь въ такомъ скверномъ положеніи.

— А я въ такомъ непріятномъ сосѣдствѣ.

— Однакоже, молодой человѣкъ...

— Молчать!

— Молчать? Однако, вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человѣкъ... Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше васъ.

— Молчать!

— Милостивый государь! вы забываетесь; вы не знаете, съ кѣмъ говорите!

— Съ господиномъ, который лежитъ подъ кроватью...

— Но меня привлекъ сюда сюрпризъ... ошибка, а васъ, если не ошибаюсь, безнравственность.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь.

— Милостивый государь! я постарше васъ, я вамъ говорю...

— Милостивый государь! знаете, что мы здѣсь на одной доскѣ. Прощу васъ, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! я ничего не разберу. Извините меня, но цѣть мѣста.

— Зачѣмъ же вы такой толстый?

— Боже! я никогда не былъ въ такомъ уни-зительномъ положеніи!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, какъ это случилось; но я здѣсь по ошибкѣ; я не то, что вы думаете...

— Я бы ровно ничего не думалъ объ васъ, еслибъ вы не толкались. Да молчите же!

— Милостивый государь! если вы не подвинитесь, со мной будетъ ударъ. Вы будете отвѣчать за смерть мою. Увѣрю васъ... я почтенный человѣкъ, я отецъ семейства. Не могу же я быть въ такомъ положеніи!..

— Сами же вы сунулись въ такое положеніе. Ну, подвигайтесь же! вотъ вамъ мѣсто; больше нельзя!

— Благородный молодой человѣкъ! милостивый государь! я вижу, что я въ васъ ошибался, сказалъ Иванъ Андреевичъ въ восторгѣ благодарности за уступленное мѣсто и расправляя затекшіе члены:—я понимаю стѣсненное положеніе ваше, но что же дѣлать? вижу, что вы дурно обо мнѣ думаете. Позвольте мнѣ поднять въ вашемъ мнѣніи мою репутацію, позвольте мнѣ сказать, кто я такой, я пришелъ сюда противъ себя, увѣрю васъ; я не затѣмъ, зачѣмъ вы думаете... Я въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

— Да замолчите ли вы? поппмаёте ли, что если услышать насъ, будетъ худо? Тсс... Онъ говорить. Дѣйствительно, кашель старика повидимому начиналъ проходить.

— Такъ вотъ, душенька, хрипѣлъ онъ на самый плачевный напѣвъ:—такъ вотъ, душенька, кхи!.. кхи! ахъ, несчастье! Оедосѣй-то Ивановичъ и говорить: вы бы, говорить, тысячелественникъ пить попробовали; слышите, душенька?

— Слышу мой, другъ.

— Ну, такъ и говорить: вы бы, говорить, попробовали тысячелественникъ пить. Я и говорю: я пивки припускалъ. А онъ мнѣ: нѣтъ, Александръ Демьяновичъ, тысячелественникъ лучше: онъ открываетъ, я вамъ скажу... кхи! кхи! охъ, Боже мой! Какъ же ты думаешь, душенька? кхи, кхи!

ахъ, Создатель мой! кхи, кхи!.. Такъ лучше ты-сячелественникъ, что ли?... кхи, кхи, кхи! ахъ! кхи и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо, отвѣчала супруга.

— Да, не худо! У васъ, говорятъ, пожалуй, чахотка, кхи, кхи! А я говорю: подагра, да раздраженіе въ желудкѣ; кхи, кхи! А онъ мнѣ: можетъ быть, и чахотка. Какъ ты, кхи, кхи! какъ ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ахъ, Боже мой, что это вы говорите такое?

— Да, чахотка! А ты бы, душенька, раздѣв-лась теперь, да спать ложилась, кхи! кхи! А у меня, кхи! сегодня насморкъ.

— Уфъ! сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ: ради Бога, подвпнитесь!

— Рѣшительно я вамъ удивляюсь, что съ вами дѣлается, ну, не можете вы спокойно лежать...

— Вы ожесточены противъ меня, молодой чело-вѣкъ; хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вѣроятно, любовникъ этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! не дамъ вамъ командо-вать! А, вы вѣрно любовникъ? Если насъ откроютъ, я нѣ въ чемъ не виноватъ, я ничего не знаю.

— Если вы не замолчите, сказалъ молодой чело-вѣкъ, скрежеща зубами:—я скажу, что вы за-влекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе. Тогда, по крайней мѣрѣ, не подумаютъ, что я любовникъ этой дамы.

— Милостивый государь! вы издѣваетесь надо мной. Вы истощаете терпѣніе мое.

— Тсс! или я васъ заставляю молчать! Вы не-счастье мое! Ну, скажите, на что вы здѣсь? Безъ васъ я бы пролежалъ какъ нибудь до утра, а тамъ бы и вышелъ.

— Но я здѣсь не могу же лежать до утра; я чело-вѣкъ благоразумный; у меня, конечно, связи... Какъ вы думаете, неужели онъ будетъ здѣсь но-чевать?

— Кто?

— Да этотъ старикъ...

— Разумѣется, будетъ. Не всѣ жъ такіе мужья, какъ вы. Ночуютъ и дома.

— Милостивый государь, милостивый государь! закричалъ Иванъ Андреевичъ, похолодѣвъ отъ испуга:—будьте увѣрены, что и я тоже дома, а теперь въ первый разъ; но, Боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой чело-вѣкъ? скажите мнѣ тотчасъ же, умоляю васъ, изъ безгорыстной дружбы, кто вы таковъ?

— Послушайте! я употреблю насиліе...

— Но позвольте, позвольте вамъ разсказать, милостивый государь, позвольте вамъ объяснить все это скверное дѣло...

— Никакихъ объясненій не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу же...

Подъ кроватью послѣдовала легкая борьба, и Иванъ Андреевичъ умолялъ.

— Душенька! что-то здѣсь какъ будто коты шепчутся?

— Какіе коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чемъ разго-варивать съ своимъ мужемъ. Она была такъ по-ражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

— Какіе коты?

— Коты, душенька. Я намеренъ прихожу, си-дѣть васъ у меня въ кабинетѣ, шю, шю, шю, и шепчетъ. Я ему: что ты, васенька? а онъ опять, шю, шю, шю! И такъ, какъ будто все шепчетъ. Я и думаю: ахъ, отцы мои! ужь не о смерти ли онъ мнѣ нашептываетъ?

— Какія глупости вы говорите сегодня! Сты-дитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебѣ непріятно, что я умру, не сердись; я только такъ говорю. А ты бы душенька, стала раздѣ-ваться и спать легла, а я бы здѣсь посидѣлъ, пока ты ложиться будешь.

— Ради Бога, полноте; послѣ...

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здѣсь какъ будто мыши.

— Ну вотъ, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что съ вами дѣлается.

— Ну, я ничего, я нѣ... кхи! я ничѣго, кхи, кхи, кхи, кхи! ахъ, Боже ты мой! кхи!

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услы-халъ, прошепталъ молодой чело-вѣкъ.

— Но еслибъ вы знали, что со мной дѣлается. У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой чело-вѣкъ, но вникните въ мое по-ложение; вѣдь я не знаю, съ кѣмъ я лежу.

— Да легче вамъ отъ этого будетъ, что ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію... Я только инте-ресуюсь объяснить, какимъ безсмысленнымъ обра-зомъ...

— Тсс... онъ опять говоритъ.

— Право, душенька, шепчутся.

Да нѣтъ же; это у тебя вата въ ушахъ дурно лежить.

— Ахъ, по поводу ваты. Знаешь ли, тутъ, на-верху... кхи, кхи! наверху, кхи, кхи, кхи! и т. д.

— Наверху! прошепталъ молодой чело-вѣкъ.— Ахъ, чортъ! А я думалъ, что это послѣдній этажъ; да развѣ это второй?

— Молодой чело-вѣкъ, прошепталъ встрепену-вшій Иванъ Андреевичъ:—что вы говорите? ради Бога, почему это васъ интересуетъ? И я думалъ, что это послѣдній этажъ. Ради Бога, развѣ здѣсь еще этажъ?..

— Право, кто-то ворочается, сказалъ старикъ, переставшій наконецъ кашлять...

— Тсс! слышите! прошепталъ молодой чело-вѣкъ, сдвинувъ обѣ руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки въ насилии. Пустите меня.

— Тсс...

Послѣдовала легкая борьба, и потомъ опять наступило молчаніе.

— Такъ вотъ я и встрѣчаю хорошенькую... началъ старикъ.

— Какъ, хорошенькую? перебила жена.

— Да вѣдь вотъ... говорилъ прежде я, что встрѣтилъ хорошенькую даму на лѣстницѣ, или я пропустилъ? У меня вѣдь память слаба. Это звѣробой... кхи!

— Что?

— Звѣробой пптъ надо: говорятъ, лучше будетъ... кхи, кхи, кхи! лучше будетъ!

— Это вы его перебили, проговорилъ молодой человѣкъ, опять заскрежетавъ зубами.

— Ты говорилъ, что встрѣтилъ сегодня хорошенькую какую-то? спросила жена.

— А?

— Хорошенькую встрѣтилъ?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!..

— Наконецъ-то! экая мумія! Ну, прошепталъ молодой человѣкъ, мысленно погоняя забывчиваго старичка.

— Милостивый государь! я трепещу отъ ужаса. Боже мой! что я слышу? Это какъ вчера; рѣшительно, какъ вчера!..

— Тсс.

— Да, да, да! вспомнилъ: преплутовочка! Глазеньки такіе... въ голубой шляпкѣ...

— Въ голубой шляпкѣ! Ай, ай!

— Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! закричалъ Иванъ Андреевичъ...

— Она? кто она? прошепталъ молодой человѣкъ, стиснувъ руки Ивана Андреевича.

— Тсс! сдѣлалъ въ свою очередь Иванъ Андреевичъ: — онъ говорить.

→ Ахъ, Боже мой! Боже мой!

— Ну, да, впрочемъ, у кого жъ нѣтъ голубой шляпки... ну!

— И такая плутовка! продолжалъ старикъ. — Она тутъ къ какимъ-то знакомымъ приходитъ. Все глазки дѣлаетъ. А къ тѣмъ знакомымъ тоже ходятъ знакомые...

— Фу! какъ это скучно, перебила дама: — помилуй, чѣмъ ты интересуешься?

— Ну, хорошо, ну, ну! не сердись! возразилъ старичекъ на-распѣвъ: — ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не въ духѣ сегодня...

— Да вы какъ же сюда попали? заговорилъ молодой человѣкъ...

— А, видите, видите! вотъ вы теперь интересуетесь, а прежде не хотѣли и слушать!

— Ну, да вѣдь мнѣ все равно! не говорите, пожалуйста! Ахъ, чортъ возьми, какая исторія!

— Молодой человѣкъ, не сердитесь; я не знаю,

что говорю; это я такъ; я только хотѣлъ сказать, что тутъ, вѣрно, что нибудь не даромъ, что вы принимаете участіе... Но кто вы, молодой человѣкъ? Я вижу, вы незнакомецъ; но кто же вы, незнакомецъ? Боже! я не знаю, что говорю!

— Э! подите, пожалуйста! прервалъ молодой человѣкъ, какъ будто что-то обдумывая.

— Но я вамъ все расскажу, все. Вы, можетъ быть, думаете, что я не расскажу, что я золь на васъ, нѣтъ! вотъ рука моя! Я только въ упадкѣ духа, больше ничего. Но, ради Бога, скажите мнѣ все сначала: какъ вы здѣсь сами? по какому случаю? Что же касается до меня, то я не сержусь, ей Богу не сержусь, вотъ вамъ рука моя. Здѣсь только пыльно; я немного запачкалъ ее; но это ничего для высокаго чувства.

— Э, подите съ вашей рукой! тутъ поворотиться негдѣ, а онъ съ рукой лѣзетъ!

— Но, милостивый государь! вы со мной обходитесь, какъ будто, съ позволенія сказать, со старой подошвой, проговорилъ Иванъ Андреевичъ въ припадкѣ самаго кроткаго отчаянія, голосомъ, въ которомъ было слышно моленіе. — Обходитесь со мной учтивѣ, хоть немножко учтивѣ, и я вамъ все расскажу! Мы бы полюбили другъ друга; я даже готовъ пригласить васъ къ себѣ на обѣдъ. А эдакъ намъ вмѣстѣ лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человѣкъ! Вы не знаете...

— Когда же это онъ ее встрѣтилъ? бормоталъ молодой человѣкъ, очевидно въ крайнемъ волненіи. Она, можетъ быть, теперь меня ждетъ... Я рѣшительно выйду отсюда!

— Она? кто она? Боже мой! про кого вы говорите, молодой человѣкъ? Вы думаете, что тамъ на-верху... Боже мой! Боже мой! За что я такъ наказанъ?

Иванъ Андреевичъ попробовалъ повернуться на спинну, въ знакъ отчаянія.

— А вамъ на что знать, кто она? А, чортъ! Была не была, я вылѣзаю!..

— Милостивый государь! что вы? а я-то, я-то какъ буду? прошепталъ Иванъ Андреевичъ, въ припадкѣ отчаянія уцѣпившись за фалды фрака своего сосѣда.

— А мнѣ-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, такъ я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе, чтобъ не подумалъ старикъ, что я любовникъ жены его.

— По, молодой человѣкъ, это невозможно; это непатурально, коли дядя. Никто не повѣритъ вамъ. Этому вотъ такой маленькій ребенокъ не повѣритъ, шепталъ въ отчаяніи Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ не болтайте же, а лежите себѣ смирно пластомъ! Пожалуй, ночуйте здѣсь, а завтра какъ нибудь вылѣзете; васъ никто не замѣтитъ; ужъ коли одинъ вылѣзъ, такъ вѣрно не подумаютъ, что еще остался другой. Еще бы сидѣла цѣлая дюжина! Впрочемъ, вы и одинъ стоите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы извите меня, молодой человек... А что, если я закашляюсь? Нужно все предвидеть!

— Тсс!..

— Что это? какъ будто наверху я опять слышу возню, проговорилъ старичекъ, который тѣмъ временемъ, кажется, успѣлъ задремать.

— Наверху?

— Слышите, молодой человекъ, наверху?

— Ну, слышу!

— Боже мой! молодой человекъ, я выйду.

— А я такъ не выйду! Мнѣ все равно! Ужъ если разстроилось, такъ все равно! А знаете ли, что я подозреваю? Я подозреваю, что вы-то и есть какой нибудь обманутый мужъ — вотъ что!..

— Боже, какой цинизмъ!.. Неужели вы это подозреваете? Но почему же именно мужъ... я не женатъ.

— Какъ не женатъ? Дудки!

— Я, можетъ быть, самъ любовникъ!

— Хорошъ любовникъ!

— Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо, я все вамъ расскажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женатъ. Я тоже холостой, какъ и вы. Это другъ мой, товарищъ дѣтства... а я любовникъ... Говорить мнѣ: «я несчастный человекъ, я, говорю, пью чашу, я подозреваю жену свою». Но, говорю я ему благодарно: — за что же ты се подозреваешь?.. Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте! Ревность смѣшина, говорю, ревность порокъ!.. «Нѣтъ», говорить: «я несчастный человекъ! Я, того... чашу, то есть, я подозреваю. Ты, говорю, мой другъ, ты товарищъ моего нѣжнаго дѣтства. Мы вмѣстѣ срывали цвѣты удовольствія, тонули на пуховикахъ наслажденія». — Боже, я не знаю, что говорю. Вы все смѣетесь, молодой человекъ. Вы сдѣлаете меня съумасшедшимъ.

— Да вы и теперь съумасшедшій!..

— Такъ, такъ, я и предчувствовалъ, что вы это скажете... когда говорилъ про съумасшедшаго. Смѣйтесь, смѣйтесь, молодой человекъ! Также и я процвѣталъ въ свое время, также и я соблазнялъ. Ахъ! у меня сдѣлается воспаленіе въ мозгу!

— Что это, душенька, какъ будто у насъ кто-то чихаетъ? пропѣлъ старичекъ: — это ты, душка, чихнула?

— О, Боже мой! проговорила супруга.

— Тсс! раздалось подъ кроватью.

— Это наверху, вѣрно, стучать, замѣтила жена, испугавшись, потому что подъ кроватью, дѣйствительно, становилось шумно.

— Да, наверху! проговорилъ мужъ. — Наверху! Говорилъ я тебѣ, что я франтика — кхи, кхи! франтика съ усиками — кхи, кхи! охъ, Богъ мой — спина!.. франтика сейчасъ встрѣтилъ съ усиками!

— Съ усиками! Боже мой, это вѣрно вы, прошепталъ Иванъ Андреевичъ.

— Создатель мой, какой человекъ! Да вѣдь я здѣсь, здѣсь вмѣстѣ съ вами лежу! Какъ же бы онъ меня встрѣтилъ? Да не хватайте меня за лицо!

— Боже, со мной сейчасъ будетъ обморокъ.

Въ это время наверху дѣйствительно слышался шумъ.

— Что бы тамъ было? прошепталъ молодой человекъ.

— Милостивый государь! я въ страхѣ, я въ ужасѣ. Помогите мнѣ.

— Тсс!

— Дѣйствительно, душка, шумъ; цѣлый гвалтъ поднимаютъ. Да еще надъ твоей спальней. Не послать ли спросить.

— Ну, вотъ! чего ты не выдумаешь!

— Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!..

— О, Боже мой! вы бы шли спать.

— Лиза! ты меня вовсе не любишь.

— Ахъ, люблю! Ради Бога, я такъ устала.

— Ну, ну! я уйду.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! не уходите, закричала жена: — или нѣтъ, идите, идите!

— Да что это ты, въ самомъ дѣлѣ! То уходите, то не уходите! Кхи, кхи! А и вправду спать... кхи, кхи! У Панафидиныхъ дѣвочки... Кхи, кхи! дѣвочки... кхи! куклу я у дѣвочки видѣлъ нюренбергскую, кхи, кхи...

— Ну, вотъ куклы теперь!

— Кхи, кхи! хорошая кукла, кхи, кхи!

— Онъ прощается, проговорилъ молодой человекъ; — онъ идетъ, и мы тотчасъ уходимъ. Слышите? радуйтесь же!

— О, дай-то Богъ! дай-то Богъ!

— Это вамъ урокъ...

— Молодой человекъ! за что же урокъ? Я это чувствую... Но вы еще молоды; вы не можете давать мнѣ урока.

— А все-таки дамъ. Слушайте.

— Боже! я хочу чихнуть!..

— Тсс! Если вы только осмѣлитесь.

— Но что же мнѣ дѣлать? здѣсь такъ пахнетъ мышами; не могу же я; достаньте мнѣ пзъ моего кармана платокъ, ради Бога; я не могу шевельнуться... О, Боже, Боже! за что я такъ наказанъ?

— Вотъ вамъ платокъ! За что вы наказаны, я вамъ сейчасъ скажу. Вы ревнивы. Основываясь Богъ знаетъ на чемъ, вы бѣгаете какъ угорѣлый, врываетесь въ чужое жилище, производите безпорядки...

— Молодой человекъ! я не производилъ безпорядковъ.

— Молчать!

— Молодой человекъ, вы не можете читать мнѣ про нравственность: я нравственно въ васъ.

— Молчать!

— О, Боже мой! Боже мой!

— Производите безпорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знаетъ куда дѣваться отъ страха, можетъ быть, будетъ больна; безпокойте почтеннаго старца, удрученнаго гемомъ, которому прежде всего нуженъ покой, — а все отчего? оттого, что вамъ вообразился какой-то вздоръ, съ которымъ вы бѣгаете по всѣмъ закоул-

камъ! Понимаете ли, понимаете ли, въ какомъ вы скверномъ теперь положеніи? Чувствуете ли вы это?

— Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имѣете права...

— Молчать! Какое тутъ право? Понимаете ли вы, что это можетъ кончиться трагически? Понимаете ли, что старикъ, который любитъ жену, можетъ съ ума сойти, когда увидитъ, какъ вы будете вылезать изъ подъ кровати? Но нѣтъ, вы неспособны сдѣлать трагедіи! Когда вы вылезаете, я думаю, всякъ, кто посмотритъ на васъ, захочетъ. Я бы желалъ васъ видѣть при свѣчкахъ; должно быть, вы очень смѣшны.

— А вы-то? вы тоже смѣшны въ такомъ случаѣ! Я тоже хочу посмотреть на васъ.

— Гдѣ вамъ!

— На васъ, вѣрно, клеймо безнравственности, молодой человѣкъ!

— А! вы про нравственность! А! почему вы знаете, зачѣмъ я здѣсь? Я здѣсь ошибкой; я ошибся этажемъ.

И чортъ знаетъ, почему меня впустили! Вѣрно она въ самомъ дѣлѣ ждала кого нибудь (не васъ, разумѣется). Я спрятался подъ кровать, когда услышалъ вашу глупую походку, когда увидѣлъ, что испугалась дама. Къ тому же, было темно. Да и что я вамъ за оправданіе? Вы, сударь, смѣшной, ревнивый старикъ. Вѣдь я отчего не выхожу? Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь выйдти? Нѣтъ, сударь, я бы ужъ давно вышелъ, да только изъ состраданія къ вамъ здѣсь сплужу. Ну, на кого вы безъ меня здѣсь останетесь? Вѣдь вы будете какъ пень стоять передъ ними, вѣдь вы не найдетесь...

— Нѣтъ, отчего же: какъ пень? Отчего же какъ этотъ предметъ? Развѣ вы не могли съ чѣмъ другимъ сравнить, молодой человѣкъ? Отчего же не найдусь? Нѣтъ, я найдусь.

О, Боже мой, какъ лаетъ эта собаченка!

— Тс! Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ... Это оттого, что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собаченку. Теперь намъ бѣда.

Дѣйствительно собачка хозяйки, которая все время спала на подушкѣ въ углу, вдругъ проснулась, обнюхала чужихъ и съ лаемъ бросилась подъ кровать.

— О, Боже мой! какая глупая собаченка! прошепталъ Иванъ Андреевичъ;—она насъ всѣхъ выдастъ. Она все выведетъ на чистую воду. Вотъ еще наказаніе!

— Ну, да: вы такъ трусите, что это можетъ случиться.

— Ами, Ами, сюда! закричала хозяйка:—ісі, ісі.

Но собачка не слушалась и лѣзла прямо на Ивана Андреевича.

— Что это, душечка, Амишка все лаетъ? проговорилъ старичекъ.—Тамъ вѣрно мыши, или котъ-васька сидитъ. То-то я слышу, что все чихаетъ, все чихаетъ.... А вѣдь у васъ-то сегодня насморкъ.

— Лежите смирно! прошепталъ молодой чело-

вѣкъ:—не ворочайтесь! Она, можетъ быть, такъ и отстанетъ.

— Милостивый государь, милостивый государь! Пустите мои руки! Зачѣмъ вы ихъ держите?

— Тсс!—молчать!

— Но, помилуйте, молодой человѣкъ; она меня за носъ кусаетъ! Вы хотите, чтобъ я лишился носа.

Послѣдовала борьба, и Иванъ Андреевичъ въ-свободу свои руки. Собачка заливалась отъ лая; вдругъ она перестала лаять и завизжала.

— Ай! закричала дама.

— Извергъ! что вы дѣлаете? прошепталъ молодой человѣкъ:—вы губите насъ обоихъ! Зачѣмъ вы схватили ее? Боже мой, онъ ее душитъ! Не душите! пустите ее! Извергъ! Но вы не знаете послѣ этого сердца женщины! Она насъ выдастъ обоихъ, если вы задушите собачку.

Но Иванъ Андреевичъ уже ничего не слышалъ. Ему удалось поймать собачку, и въ припадкѣ самохраненія онъ сдавилъ ей горло. Собачонка взвизгнула и испустила духъ.

— Мы пропали! прошепталъ молодой человѣкъ.

— Амишка! Амишка! закричала дама:—Боже мой, что они дѣлаютъ съ моимъ Амишкой? Амишка! Амишка! ісі! О изверги! варвары! Боже, мнѣ дурно!

— Что такое? что такое? закричалъ старичокъ, вскочивъ съ креселъ:—что съ тобой, душа моя? Амишка здѣсь! Амишка, Амишка, Амишка! кричалъ старичекъ, щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Амишку изъ подъ кровати. Амишка! ісі! ісі! Не можетъ быть, чтобы васька тамъ съѣлъ его. Нужно высѣчь ваську, мой другъ; его, плута, уже цѣлый мѣсяцъ не съкли. Какъ ты думаешь? Я посоветуюсь завтра съ Прасковьей Захарьевной. Но, Боже мой, другъ мой, что съ тобой? Ты поблѣднѣла, охъ! охъ! люди! люди!

И старичекъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Злодѣи! изверги! кричала дама, покотившись на кушетку.

— Кто? кто? кто такой? кричалъ старикъ.

— Тамъ есть люди, чужіе!.. тамъ подъ кроватью! О, Боже мой! Амишка! Амишка! что они съ тобой сдѣлали?

— Ахъ, Боже мой, Господи! какіе люди! Амишка... Нѣтъ, люди, люди, сюда! Кто тамъ? кто тамъ? закричалъ старикъ, схвативъ свѣчку и нагнувшись подъ кровать:—кто такой? Люди, люди!...

Иванъ Андреевичъ лежалъ, ни живъ, ни мертвъ, подлѣ бездыханнаго трупца Амишки. Но молодой человѣкъ ловилъ каждое движеніе старика. Вдругъ старикъ зашелъ съ другой стороны, къ стѣнѣ, и нагнулся. Въ одинъ мигъ молодой человѣкъ вылезъ изъ подъ кровати и пустился бѣжать, покаместъ мужъ искалъ своихъ гостей по ту сторону брачнаго ложа.

— Боже! прошептала дама, взглянувъ въ молодого человѣка:—кто же вы такой? А я думала...

— Тотъ извергъ остался, прошепталъ молодой человѣкъ.—Онъ виновникъ амишкиной смерти!

— Ай! вскрикнула дама.

Но молодой человек уже исчез из комнаты.

— Ай! здесь кто-то есть. Здесь чей-то сапог! закричал муж, поймав за ногу Ивана Андреевича.

— Убийца! убийца! кричала дама:—о Ами! Ами!

— Вылезайте, вылезайте! кричал старик, топая по ковру обими ногами:—вылезайте; кто вы таковы? говорите, кто вы таковы? Боже! какой странный человек!

— Да это разбойники!...

— Ради Бога, ради Бога! кричал Иван Андреевич, вылезая:—ради Бога, ваше превосходительство, не зовите людей! Ваше превосходительство, не зовите людей! это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытолкать!... Я не такой человек! Я сам по себе!... Ваше превосходительство, это случилось по ошибке! Я вам сейчас объясню, ваше превосходительство, продолжал Иван Андреевич, рыдая и всхлипывая. Это все жена, то есть, не моя жена, а чужая жена,— я не женат, я так!... Это мой друг и товарищ детства!...

— Какой товарищ детства! кричал старик, топая ногами: — вы вор, пришли обокрасть... а не товарищ детства!...

— Нет, не вор, ваше превосходительство; я действительно товарищ детства!... я только нечаянно ошибся, попал с другого подъезда.

— Да, я вижу, сударь, вижу, из какого подъезда вы вылезли.

— Ваше превосходительство! Я не такой человек. Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы в жестоком заблуждении, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по некоторым знакам и признакам, что я не могу быть вором. Ваше превосходительство! ваше превосходительство! кричал Иван Андреевич, складывая руки и обращаясь к молодой даме:—вы, дама, поймите меня!... Это я умертвил Амишку!... Но я не виноват, я, ей-Богу, не виноват!... Это все жена виновата. Я несчастный человек, я пью чашу!

— Да помилуйте, какое же мне дело, что вы выпили чашу; может быть, вы и не одну чашу выпили,—судя по вашему положению, оно и видно; но как же вы зашли сюда, милостивый государь? кричал старик, весь дрожа от волнения, но действительно удостоверившись, по некоторым знакам и признакам, что Иван Андреевич не может быть вором. — Я вас спрашиваю: как вы зашли сюда? Вы, как разбойник!...

— Не разбойник, ваше превосходительство. Я только с другого подъезда; право, не разбойник! Это все от того, что я ревнив. Я вам все расскажу, ваше превосходительство, откровенно расскажу, как отцу родному, потому что вы в таких летах, что я могу принять вас за отца.

— Как в таких летах?

— Ваше превосходительство! Я, может быть, вас оскорбил? Действительно, такая молодая дама... и ваши лета... приятно видеть ваше превосходительство, действительно, приятно видеть такое супружество... в летах летах!... Но не зовите людей... ради Бога, не зовите людей! люди только будут смеяться!... я их знаю!... То есть, я не хочу этим сказать, что я знаком с одним лакеем — у меня тоже есть лакей, ваше превосходительство, и все смеются!... ослы! ваше сиятельство! Я, кажется, не ошибаюсь, я говорю с князем!...

— Нет, не с князем, я, милостивый государь, сам по себе!... Пожалуйста, меня не раздражайте вашим сиятельством. Как вы попали сюда, милостивый государь? как вы попали?

— Ваше сиятельство, то есть, ваше превосходительство!... извините, я думал, что вы ваше сиятельство. Я осмотрелся!... я обдумался,—это случается. Вы так похожи на князя Короткоухова, которого я имел честь видеть у моего знакомого, господина Пузырева!... Видите, я тоже знаком с князьями, тоже видел князя у моего знакомого: вы не можете меня принимать за того, за кого меня принимаете. Я не вор. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позове людей, что же из этого выйдет?

— Но как вы сюда попали? закричала дама:—кто вы таковы?

— Да, кто вы таковы? подхватил муж: — а я-то, душенька, думаю, что это васка у нас под кроватью сидит и чихает. А это он! Ах ты, потаскун, потаскун!... Кто вы такой? Говорите же! И старичек снова затопал по ковру ногами.

— Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамест вы кончите!... Внимаю вашим остроумным шуткам. Что же касается до меня, то это смешная история, ваше превосходительство. Я вам все расскажу. Это может все и без того объясниться, то есть, я хочу сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! поступите со мной благородным образом!... Это ничего, что я сидел под кроватью!... я не потерял этим своей важности. Это история самая комическая, ваше превосходительство! вскричал Иван Андреевич, с умоляющим видом обращаясь к супругу:—особенно вы, ваше превосходительство, будете смеяться! Вы видите на сцене ревнивого мужа. Вы видите, я унижаюсь, я сам добровольно унижаюсь. Конечно, я умертвил Амишку, но!... Боже мой, я не знаю, что говорю!

— Но как же, как вы зашли сюда?

— Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою!... Виноват! простите меня, ваше превосходительство! Унижено прошу извинения! Я только оскорбленный муж, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, чтобы я был любовник: я не любовник! Ваша супруга очень добродетельна, если осмелюсь так выразиться. Она чиста и невинна!

— Что? что? что вы осмѣливаетесь говорить? закричал старикъ, снова затопавъ ногами. — Съ ума вы сошли, что ли? Какъ вы смѣете говорить про жену мою?

— Этотъ злодѣй, убійца, который умертвилъ Амишку! кричала супруга, заливаясь слезами. — И онъ еще смѣетъ!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! я только заврался, кричалъ оторопѣвшій Иванъ Андреевичъ: — я заврался, и больше ничего! Считайте, что я не въ своемъ умѣ... Ради Бога, считайте, что я не въ своемъ умѣ... Честью клянусь вамъ, что вы мнѣ сдѣлаете чрезвычайное одолженіе. Я бы подальъ вамъ руку, но я не смѣю подать ее... Я былъ не одинъ, я дядя... т. е. я хочу сказать, что меня нѣльзя принять за любовника... Боже! я опять завираюсь... Не обижайтесь, ваше превосходительство, кричалъ Иванъ Андреевичъ супругѣ. Вы дама, вы понимаете, что такое любовь, — это тонкое чувство... Но что я? опять завираюсь! т. е. я хочу сказать, что я старикъ, т. е. пожилой человѣкъ, а не старикъ, — что я не могу быть вашимъ любовникомъ, что любовникъ есть Ричардсонъ, т. е. Ловелласъ... я заврался; но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человѣкъ и знаю литературу. Вы смѣетесь, ваше превосходительство! Радъ, радъ, что *провокировалъ* смѣхъ вашъ, ваше превосходительство. О, какъ я радъ, что провокировалъ смѣхъ вашъ!

— Боже мой! какой смѣшной человѣкъ! кричала дама, надрываясь отъ хохота.

— Да, смѣшной, и какой запачканный, заговорилъ старикъ, въ радости, что засмѣялась жена. — Душечка, онъ не можетъ быть воромъ. Но какъ онъ зашелъ сюда?

— Дѣйствительно странно! дѣйствительно странно, ваше превосходительство, на романъ похоже! Какъ? въ глухую полночь, въ столичномъ городѣ, человѣкъ подъ кроватью? Смѣшно, странно! Ринальдо Ринальдини, нѣкоторымъ образомъ. Но это ничего, это все ничего, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу... А вамъ, ваше превосходительство, я новую болонку достану... удивительная болонка! Эдакая шерсть длинная, ножки коротенькія, двухъ шаговъ пройти не умѣетъ: побѣжить, запутается въ собственной шерсти и упадетъ. Сахаромъ только однимъ кормить. Я вамъ принесу, ваше превосходительство, я вамъ непременно ее принесу.

— Ха, ха, ха, ха, ха! Дама металась изъ стороны въ сторону на диванѣ, отъ смѣха. — Боже мой, со мной сдѣлается истерика! Охъ, какой смѣшной!

— Да, да! ха, ха, ха! кхи, кхи, кхи! смѣшной, запачканный такой, кхи, кхи, кхи!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастливъ! Я бы предложилъ вамъ мою руку, но я не смѣю, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждал-

ся, но теперь открываю глаза. Я вѣрю, моя жена чиста и невинна! Я напрасно подозрѣвалъ ее.

— Жена, его жена! кричала дама, со слезами на глазахъ отъ хохота.

— Онъ женатъ! не-уже-ли? Вотъ бы я никакъ не подумалъ! подхватилъ старикъ.

— Ваше превосходительство, жена — и она всему виновата, т. е. это я виноватъ: я подозрѣвалъ ее; я зналъ, что здѣсь устроено свиданіе, — здѣсь наверху; я перехватилъ записку, ошибся этажемъ и пролежалъ подъ кроватью...

— Хе, хе, хе, хе!

— Ха, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха, ха! захохоталъ наконецъ Иванъ Андреевичъ. — О, какъ я счастливъ! о, какъ умиленно видѣть, что мы всѣ такъ согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! я въ томъ почти увѣренъ. Вѣдь непременно такъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха, кхи, кхи! Знаешь, душечка, это кто? заговорилъ наконецъ старикъ, освобождаясь отъ смѣха.

— Кто? Ха-ха-ха! Кто?

— Это та хорошенькая, что глазки дѣлаетъ, съ франтикомъ которая. Это она! Я бьюсь объ закладъ, что это жена его!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я увѣренъ, что это не та; я совершенно увѣренъ.

— Но, Боже мой! Вы теряете время, закричала дама, переставъ хохотать. — Бѣгите, ступайте на верхъ. Можетъ быть, вы ихъ застанете...

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, я увѣренъ заранѣ. Она теперь дома! А это я! Я только ревнивъ и болѣе ничего... Какъ вы думаете, неужели я ихъ застану тамъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха!

— Хи, хи, хи! Кхи, кхи!

— Ступайте, ступайте! А когда пойдете назадъ, такъ прійдите рассказать, кричала дама: — или нѣтъ: лучше завтра утромъ, да приведите и ее: я хочу познакомиться.

— Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непременно приведу; очень радъ познакомиться. Я счастливъ и радъ, что все такъ неожиданно кончилось и развязалось къ лучшему.

— И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего принесите!

— Принесу, ваше превосходительство, непременно принесу, подхватилъ Иванъ Андреевичъ, снова вбѣжавъ въ комнату, потому что уже было раскланялся и вышелъ. — Непременно принесу. Такая хорошенькая! точно ее кандитеръ изъ конфектовъ сдѣлалъ. И такая: поидетъ — въ собственной шерсти запутается и упадетъ. Такая, право! Я еще женѣ говорю: «что это, душечка, она все падаетъ?» — Да, миленькая такая! говорить. Изъ сахару, ваше превосходительство, ей Богу, изъ сахару сдѣлана! Прощайте, ваше превосходительство,

очень, очень радъ познакомиться, очень радъ познакомиться!

Иванъ Андреевичъ откланялся и вышелъ.

— Эй, вы! Милостивый государь! Пойдите, воротитесь опять! закричалъ старичокъ вслѣдъ уходящему Ивану Андреевичу.

Иванъ Андреевичъ въ третій разъ вернулся.

— Я, вотъ, васьки-кота все не отыщу. Не встрѣчались ли вы съ нимъ, когда подъ кроватью сидѣли?

— Нѣтъ, не встрѣчался, ваше превосходительство; впрочемъ, очень радъ познакомиться. И почту за большую честь...

— У него теперь насморкъ, и все чихаетъ, все чихаетъ! Его надо высѣчь!

— Да, ваше превосходительство, конечно; исправительныя наказанія необходимы съ домашними животными.

— Что?

— Я говорю, что исправительныя наказанія, ваше превосходительство, необходимы для водворенія покорности въ домашнихъ животныхъ.

— А!.. ну, съ Богомъ, съ Богомъ, я только объ этомъ.

Вышедъ на улицу, Иванъ Андреевичъ стоялъ долгое время въ такомъ положеніи, какъ будто ожидалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ. Онъ снялъ шляпу, отеръ холодный потъ со лба, зажмурился, подумалъ о чемъ-то и пустился домой.

Каково же было его изумленіе, когда дома онъ узналъ, что Глафира Петровна уже давно пріѣхала изъ театра, уже давно какъ у ней разболѣлись зубы, какъ посылала за докторомъ, какъ посылала за пивками, и какъ она теперь лежитъ въ постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иванъ Андреевичъ ударилъ себя сначала по лбу,

потомъ приказалъ подать себѣ умыться и почиститься, и, наконецъ, рѣшился идти въ спальню жены.

— Гдѣ это вы проводите время? Посмотрите, на кого вы похожи. На васъ лица нѣтъ! Гдѣ это вы пропадали? Помилуйте, сударь: жена умираетъ, а васъ не сыщутъ по городу. Гдѣ вы были? Уже не опять ли меня ловили, хотѣли разстроить свиданіе, которое я не знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы мужъ! Скоро пальцами указывать будутъ!

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Но тутъ онъ почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ и прервать начатую рѣчь, за тѣмъ, что не доставало ни словъ, ни мысли, ни духа... Каково же было его изумленіе, страхъ, ужасъ, когда, выйдя съ платкомъ, выпалъ изъ кармана покойникъ Амишка? Иванъ Андреевичъ и не замѣтилъ, какъ, въ порывѣ отчаянія, принужденный вылѣзть изъ-подъ кровати, сунулъ Амишку, въ припадкѣ безответнаго страха, въ карманъ, съ отдаленной надеждой схоронить концы, скрыть улику своего преступленія и избѣгнуть такимъ образомъ заслуженнаго наказанія.

— Что это? закричала супруга: — мертвая собачонка! Боже! Откуда... Что это вы?.. Гдѣ вы были? Говорите сейчасъ, гдѣ вы были?..

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, помертвѣвъ болѣе Амишки: — душечка...

Но здѣсь мы оставимъ нашего героя, — до другаго раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключеніе. Когда нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность — страсть непростительная, мало того: даже — несчастіе!..

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ.

(ИЗЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ МЕМУАРОВЪ.)

Было мнѣ тогда безъ малаго одиннадцать лѣтъ. Въ іюлѣ отпустили меня гостить въ подмосковную деревню, къ моему родственнику, Т—ву, къ которому въ то время съѣхалось человѣкъ пятьдесятъ, а можетъ быть и больше, гостей... не помню, не сосчиталъ. Было шумно и весело. Казалось, это былъ праздникъ, который съ тѣмъ и начался, чтобъ никогда не кончиться. Казалось, нашъ хозяинъ далъ себѣ слово какъ можно скорѣе промотать все свое огромное состояніе и ему удалось-таки недавно оправдать эту догадку, то есть промотать все, до тла, до чиста, до послѣдней щепки. Поминутно наѣзжали новые гости, Москва же была въ двухъ шагахъ, на виду, такъ что уѣзжавшіе только уступали мѣсто другимъ, а праздникъ шелъ своимъ чередомъ. Увеселенія смѣнялись одни другими, и затѣямъ конца не предвидѣлось. То верховая ѣзда по окрестностямъ, цѣлыми партіями, то прогулки въ боръ или по рѣкѣ: пикники, обѣды въ полѣ; ужины на большой террасѣ дома, обставленной тремя рядами драгоценныхъ цвѣтовъ, залитыхъ ароматами свѣжій ночной воздухъ, при блестящемъ освѣщеніи, отъ котораго наши дамы, и безъ того почти всѣ до одной хорошенькія, казались еще прелестнѣе съ ихъ одушевленными отъ дневныхъ впечатлѣній лицами, съ ихъ сверкавшими глазками, съ ихъ перекрестною рѣзвою рѣчью, переливавшуюся звонкимъ, какъ колокольчикъ, смѣхомъ: танцы, музыка, пѣніе; если хмурилось небо, сочинялись живыя картины, шарады, пословицы; устраивался домашній театръ. Явились красная, разсказчица, бонмотисты.

Нѣсколько лицъ рѣзко обрисовалось на первомъ планѣ. Разумѣется, злословіе, сплетни шли своимъ чередомъ, такъ какъ безъ нихъ и свѣтъ не стоитъ, и милліоны особъ перемерли бы отъ тоски, какъ мухи. Но такъ какъ мнѣ было одиннадцать лѣтъ, то я и не замѣчалъ тогда этихъ особъ, отвлеченный совсѣмъ другимъ, а если и замѣтилъ что, такъ не все. Послѣ уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая сторона картины могла броситься въ мои дѣтскіе глаза, и это всеобщее одушевленіе, блескъ, шумъ,—все это, доселѣ невиданное и неслыханное мною, такъ поразило меня, что я въ первые дни совсѣмъ растерялся и маленькая голова моя закружилась.

Но я все говорю про свои одиннадцать лѣтъ и, конечно, я былъ ребенокъ, не болѣе какъ ребе-

нокъ. Многія изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ, лаская меня, еще не думали справляться съ моими годами. Но,—странное дѣло! какое-то непонятное мнѣ самому ощущеніе уже овладѣло мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему; но отъ чего оно, подъ часъ, горѣло и билось, будто испуганное, и часто неожиданнымъ румянцемъ обливалось лицо мое. Порой мнѣ какъ-то стыдно и даже обидно было за разныя дѣтскія мои привилегіи. Другой разъ, какъ будто удивленіе одолевало меня, и я уходилъ куда нибудь, гдѣ бы не могли меня видѣть, какъ будто для того, чтобъ перевести духъ и что-то припомнить, что-то такое, что до сихъ поръ, казалось мнѣ, я очень хорошо помнилъ и про что теперь вдругъ позабылъ, но безъ чего, однакожъ, мнѣ покуда нельзя показаться и никакъ нельзя быть.

То, наконецъ, казалось мнѣ, что я что-то забылъ отъ всѣхъ, но ни за что и никому не сказывалъ объ этомъ, затѣмъ, что стыдно мнѣ, маленькому человѣку, до слезъ. Скоро, среди вихря, меня окружавшаго, почувствовалъ я какое-то одиночество. Тутъ были и другія дѣти, но всѣ—или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочемъ, не до нихъ было мнѣ. Конечно, ничего бы и не случилось со мною, еслибъ я не былъ въ исключительномъ положеніи. На глаза всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ я все еще былъ то же маленькое, неопредѣленное существо, которое онѣ подъ часъ любили ласкать и съ которымъ имъ можно было играть, какъ съ маленькой куклой. Особенно одна изъ нихъ, очаровательная блондинка, съ пышными, густѣйшими волосами, какихъ я никогда потомъ не видѣлъ и вѣрно никогда не увижу, казалось, поклялась не давать мнѣ покоя. Меня смущалъ, а ее веселилъ смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, который она поминутно вызывала своими рѣзкими, взбалмошными выходками со мною, что, видно, доставляло ей огромное наслажденіе. Въ пансіонахъ, между подругами, ее навѣрное прозвали бы школьницей. Она была чудно-хороша, и что-то было въ ея красотѣ, что такъ и металось въ глаза съ перваго взгляда. И ужъ, конечно, она непохожа была на тѣхъ маленькихъ стыдливыхъ блондинокъ, бѣленькихъ, какъ пушекъ, и нѣжныхъ, какъ бѣлыя мышки или пасторскія дочки. Ростомъ она была невысока и немного полна, но съ пѣжыми, тонкими линіями лица,

очаровательно-нарисованными. Что-то, какъ молнія сверкающее было въ этомъ лицѣ, да и вся она—какъ огонь, живая, быстрая, легкая. Изъ ея большихъ открытыхъ глазъ будто искры сыпались; они сверкали какъ алмазы, и никогда я не промѣняю такихъ голубыхъ, искрометныхъ глазъ ни на какіе черные, будь они чернѣе самаго чернаго андалузскаго взгляда, да и блондинка моя, право, стоила той знаменитой брюнетки, которую воспѣлъ одинъ извѣстный и прекрасный поэтъ, и который еще въ такихъ превосходныхъ стихахъ поклялся всей Кастиліей, что готовъ переломать себѣ кости, если позволить ему только кончикомъ пальца прикоснуться къ макушкѣ его красавицы. Прибавь къ тому, что моя красавица была самая веселая изъ всѣхъ красавицъ въ мірѣ, самая вѣломощная хохотунья, рѣзвая, какъ ребенокъ, несмотря на то, что лѣтъ пять какъ была уже замужемъ. Смѣхъ не сходилъ съ ея губъ, свѣжихъ, какъ свѣжа утрення роза, только что успѣвшая раскрыть, съ первымъ лучомъ солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодныя, крупныя капли росы.

Помню, что на второй день моего приѣзда былъ устроенъ домашній театръ. Зала была, какъ говорится, набита биткомъ; не было ни одного мѣста свободнаго; а такъ какъ мнѣ привелось почему-то опоздать, то я и принужденъ былъ наслаждаться спектаклемъ стоя. Но веселая игра все болѣе и болѣе тянула меня впередъ и я незамѣтно пробрался до самыхъ первыхъ рядовъ, гдѣ и сталъ, наконецъ, облокотясь на спинку креселъ, въ которыхъ сидѣла одна дама. Это была моя блондинка; но мы еще знакомы не были. И вотъ, какъ-то невзначай, засмотрѣлся я на ея чудно-округленья, соблазнительныя плечи, полныя, бѣлыя, какъ молочный кипень, хотя мнѣ рѣшительно все равно было смотрѣть: на чудесныя женскія плечи, или на чепецъ съ огненными лентами, скрывавшій сѣдины одной почтенной дамы въ первомъ ряду. Возлѣ блондинки сидѣла перерѣзавшая дѣва, одна изъ тѣхъ, которыя, какъ случалось мнѣ потомъ замѣчать, вѣчно ютятся гдѣ нибудь, какъ можно поближе къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, выбирая такихъ, которыя не любятъ гонять отъ себя молодежь. Но не въ томъ дѣло; только эта дѣва подмѣтила мои наблюденія, нагнулась къ сосѣдкѣ и, хихикая, пошептала ей что-то на ухо. Сосѣдка вдругъ обернулась и, помню, что огненные глаза ея такъ сверкнули на меня въ полусумракѣ, что я, неприготовленный къ встрѣчѣ, вздрогнулъ, какъ будто обжогшись. Красавица улыбнулась.

— Нравится вамъ, что играютъ? спросила она, лукаво и насмѣшливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Да, отвѣчалъ я, все еще смотря на нее въ какомъ-то удивленіи, которое ей, въ свою очередь, видимо нравилось.

— А зачѣмъ же вы стоите? Такъ—устанете; развѣ вамъ мѣста нѣтъ?

— То-то и есть, что нѣтъ, отвѣчалъ я, на этотъ разъ болѣе занятый заботой, чѣмъ искрометными глазами красавицы, и пресерьезно обрадовавшись, что нашлось наконецъ доброе сердце, которому можно открыть свое горе.—Я ужъ искалъ, да всѣ стулья заняты, прибавилъ я, какъ будто жалуясь ей на то, что всѣ стулья заняты.

— Ступай сюда, живо заговорила она, скорая на всѣ рѣшенія такъ же, какъ и на всякую сумасбродную идею, какая бы ни мелькнула въ вѣломощной ея головѣ:—ступай сюда, ко мнѣ и садись мнѣ на колѣни.

— На колѣни?.. повторилъ я, озадаченный.

Я уже сказалъ, что мой привилегіи серьезно начали меня обижать и совѣстить. Эта, будто на смѣхъ, не въ примѣръ другимъ далеко заходила. Къ тому же я, и безъ того всегда робкій и стыдливый мальчикъ, теперь какъ-то особенно началъ робѣть передъ женщинами, и потому ужасно сконфузился.

— Ну да, на колѣни! Отчего же ты не хочешь сѣсть ко мнѣ на колѣни? настаивала она, начиная смѣяться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, просто принялась хохотать, Богъ знаетъ чему, можетъ быть, своей же выдумкѣ, или обрадовавшись, что я такъ сконфузился. Но ей того-то и нужно было.

Я покраснѣлъ и, въ смущеніи, осматривался кругомъ, прискивая—куда бы уйдти; но она уже предупредила меня, какъ то успѣвъ поймать мою руку, именно для того, чтобы я не ушелъ, и, притянувъ ее къ себѣ, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, къ величайшему моему удивленію, преобильно жала ее въ своихъ шаловливыхъ, горячихъ пальчикахъ и начала ломать мои пальцы, но такъ больно, что я напрягалъ всѣ усилія, чтобы не закричать, и при этомъ дѣлалъ пресмѣшныя гримасы. Кромѣ того, я былъ въ ужаснѣйшемъ удивленіи, недоумѣніи, ужасѣ даже, узнавъ, что есть такія смѣшныя и злыя дамы, которыя говорятъ съ мальчиками про такіе пустяки, да еще больно такъ щиплются, Богъ знаетъ за что и при всѣхъ. Вѣроятно, мое несчастное лицо отражало всѣ мои недоумѣнія, потому что шалунья хотала мнѣ въ глаза, какъ безумная, а между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе щипала и ломала мои бѣдные пальцы. Она была внѣ себя отъ восторга, что удалось-таки нашкольничать, сконфузить бѣднаго мальчика и замистифицировать его въ прахъ. Положеніе мое было отчаянное. Во-первыхъ, я горѣлъ отъ стыда, потому что почти всѣ кругомъ насъ оборотились къ намъ, одни въ недоумѣніи, другіе со смѣхомъ, съ-разу понявъ, что красавица что нибудь напроказила. Кромѣ того, мнѣ страхъ какъ хотѣлось кричать, потому что она ломала мои пальцы съ какимъ-то ожесточеніемъ, именно за то, что я не кричу: а я, какъ спартанецъ, рѣшился выдерживать боль, боясь надѣлать крикомъ суматоху, послѣ которой, ужъ не знаю, что бы случилось со мною. Въ припадкѣ совершеннаго отчаянія, на-

чалъ я наконецъ борьбу и принялся пзъ всѣхъ силъ тянуть къ себѣ свою собственную руку, но тиранка моя была гораздо меня сильнѣе. Наконецъ я не выдержалъ, вскрикнулъ, — того только и ждала! Мигомъ она бросила меня и отвернулась, какъ ни въ чемъ не бывала, какъ будто п не она напроказила, а кто другой, ну точъ въ точъ какой нибудь школьникъ, который, чуть отвернулся учитель, уже успѣлъ напроказить гдѣ нибудь по сосѣдству, щипнуть какого нибудь крошечнаго слабосильнаго мальчика, дать ему щелчка, пинка, подтолкнуть ему локоть и мигомъ опять повернуться, поправиться, уткнувшись въ книгу, начать долбить свой урокъ и, такимъ образомъ, оставить разгнѣваннаго господина учителя, бросившагося, подобно ястребу, на шумъ, — съ предлиннымъ и неожиданнымъ носомъ.

Но, къ моему счастью, общее вниманіе увлечено было въ эту минуту мастерской игрой нашего хозяина, который исполнялъ въ игравшейся пьесѣ, какой-то скрибовской комедіи, главную роль. Всѣ зааплодировали; я, подъ шумокъ, скользнулъ изъ ряда и забѣжалъ на самый конецъ залы, въ противоположный уголъ, откуда, притаясь за колонной, съ ужасомъ смотрѣлъ туда, гдѣ сидѣла коварная красавица. Она все еще хохотала, закрывъ платкомъ свои губки. И долго еще она оборачивалась назадъ, выглядывая меня по всѣмъ угламъ, — вѣроятно, очень жалѣя, что такъ скоро кончилась наша сумасбродная схватка, и придумывая, какъ бы еще что нибудь напроказить.

Этимъ началось наше знакомство и съ этого вечера она уже не отставала отъ меня ни на шагъ. Она преслѣдовала меня безъ мѣры и совѣсти, сдѣлалась гонимельницей, тиранкой моей. Весь комизмъ ея продѣлокъ со мной заключался въ томъ, что она сказалась влюбленною въ меня по уши и рѣзала меня при всѣхъ. Разумѣется, мнѣ, прямому дикарю, все это до слезъ было тяжело и досадно, такъ что я уже нѣсколько разъ былъ въ такомъ серьезномъ и критическомъ положеніи, что готовъ былъ подраться съ моей коварной обожательницей. Мое наивное смущеніе, моя отчаянная тоска какъ будто окрыляли ее преслѣдовать меня до конца. Она не знала жалости, а я не зналъ — куда отъ нея дѣваться. Смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, и который она умѣла-таки вызвать, только поджигалъ ее на новыя шалости. Но стали, наконецъ, находить ея шутки немного слишкомъ далекими. Да и въ правду, какъ пришло теперь вспомнить, она уже чересчуръ позволяла себѣ съ такимъ ребенкомъ, какъ я.

Но ужъ такой былъ характеръ; была она, по всей ф-рмѣ, баловница. Я слышалъ потомъ, что избаловалъ ее всего болѣе ея же собственный мужъ, очень толстенькій, очень невысокій и очень красивый человекъ, очень богатый и очепъ дѣловый, по крайней мѣрѣ съ виду: вертлявый, хлопотливый, онъ двухъ часовъ не могъ прожить на одномъ мѣстѣ. Каждый день ѣздилъ онъ отъ насъ въ Мо-

скву, иногда по два раза и все, какъ самъ уверялъ, по дѣламъ. Веселѣе и добродушнѣе этой комической и, между тѣмъ, всегда порядочной фізіономіи, трудно было сыскать. Онъ, мало того что любилъ жену до слабости, до жалости, — онъ, просто поклонялся ей, какъ идолу.

Онъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Друзей и подругъ у ней было множество. Во-первыхъ, ее мало кто не любилъ, а во-вторыхъ — вѣтренница и сама была не слишкомъ разборчива въ выборѣ друзей своихъ, хотя въ основѣ ея характера было гораздо болѣе серьезнаго, чѣмъ сколько можно предположить, судя по тому, что я теперь рассказалъ. Но изъ всѣхъ подругъ своихъ, она всѣхъ больше любила и отличала одну молодую даму, свою дальнюю родственницу, которая теперь тоже была въ нашемъ обществѣ. Между ними была какая-то нѣжная, утонченная связь, одна изъ тѣхъ связей, которыя зараждаются иногда при встрѣчѣ двухъ характеровъ, часто совершенно противоположныхъ другъ другу, но изъ которыхъ одинъ и строже, и глубже, и чище другаго, тогда какъ другой, съ высокимъ смиреніемъ и съ благороднымъ чувствомъ самооцѣнки, любовно подчиняется ему, почувствовавъ все превосходство его надъ собою, и, какъ счастье, включаетъ въ сердцѣ своемъ его дружбу. Тогда-то начинается эта нѣжная и благородная утонченность въ отношеніяхъ такихъ характеровъ: любовь и снисхожденіе до конца съ одной стороны, любовь и уваженіе съ другой, уваженіе, доходящее до какого-то страха, до боязни за себя въ глазахъ того, къ кому такъ высоко дорожишь, и до ревниваго, жаднаго желанія съ каждымъ шагомъ въ жизни все ближе и ближе подходить къ его сердцу. Обѣ подруги были однихъ лѣтъ, но между ними была неизмѣримая разница во всемъ, начиная съ красоты. М-ме М* была тоже очень хороша собой, но въ красотѣ ея было что-то особенное, рѣзко отдѣлявшее ее отъ толпы хорошенькихъ женщинъ; было что-то въ лицѣ ея, что тотчасъ же неотразимо влекло къ себѣ всѣ симпатіи, или, лучше сказать, что пробуждало благородную, возвышенную симпатію въ томъ, кто встрѣчалъ ее. Есть такіе счастливые лица. Возлѣ нея всякому становилось какъ-то лучше, какъ-то свободнѣе, какъ-то теплѣе, и, однакъ, ея грустные, большіе глаза, полные огня и силы, смотрѣли робко и безпокойно, будто подъ ежеминутнымъ страхомъ чего-то враждебнаго и грознаго, и эта странная робость такимъ уныніемъ покрывала подчасъ ея тихія, кроткія черты, напоминавшія свѣтлыя лица итальянскихъ мадоннъ, что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль. Это блѣдное похудѣвшее лицо, въ которомъ, сквозь безукоризненную красоту чистыхъ, правильныхъ линий и унылую суровость глухой, затаенной тоски, еще такъ часто просвѣчивалъ первоначальный дѣтски-ясный обликъ, — образъ еще недавнихъ доверчивыхъ лѣтъ и, можетъ быть, наивнаго счастья; эта тихая, по

несмѣлая, колебавшаяся улыбка,—все это поражало такимъ безотчетнымъ участіемъ къ этой женщинѣ, что въ сердцѣ каждого невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще пздали, и еще въ-чужѣ роднила съ нею. Но красавица казалась какъ-то молчаливою, скрытною, хотя, конечно, не было существа болѣе внимательнаго и любящаго, когда кому нибудь надобилось сочувствіе. Есть женщины, которыя точно сестры милосердія въ жизни. Передъ ними можно ничего не скрывать, по крайней мѣрѣ ничего, что есть больнаго и уязвленнаго въ душѣ. Кто страждетъ, тотъ смѣло и съ надеждой иди къ нимъ и не бойся быть въ тягость, затѣмъ, что рѣдкій изъ насъ знаетъ, на сколько можетъ быть безконечно-терпѣливой любви, состраданія и всепрощенія въ иномъ женскомъ сердцѣ. Цѣлыя сокровища симпатій, утѣшенія, надежды хранятся въ этихъ чистыхъ сердцахъ, такъ часто тоже уязвленныхъ, потому что сердце, которое много любитъ, много груститъ, но гдѣ рана бережливо закрыта отъ любопытнаго взгляда, затѣмъ, что глубокое горе все-го чаще молчитъ и таится. Ихъ же не испугаетъ ни глубина раны, ни гной ея, ни смрадъ ея: кто къ нимъ подходитъ, тотъ ужъ ихъ достоинъ; да онѣ, впрочемъ, какъ будто и рождаются на подвигъ... М-ме М* была высока ростомъ, гибка и стройна, но нѣсколько тонка. Всѣ движенія ея были какъ-то неровны, то медленны, плавны и даже какъ-то важны, то дѣтски скоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то робкое смиреніе проглядывало въ ея жестѣ, что-то какъ будто трепещущее и незащищенное, но никого непросившее и немолвившее о защитѣ.

Я уже сказалъ, что непохвальныя притязанія коварной блондинки стыдили меня, рѣзали меня, азвили меня до крови. Но этому была еще причина тайная, странная, глупая, которую я тайлъ, за которую дрожалъ, какъ кашей, и даже при одной мысли о ней, одинъ на одинъ съ опрокинутой моей головою, гдѣ нибудь въ таинственномъ, темномъ углу, куда не досагалъ инквизиторскій, насмѣшливый взглядъ никакой голубоокой плутовки, при одной мысли объ этомъ предметѣ я чуть не задыхался отъ смущенія, стыда и боязни,—словомъ, я былъ влюбленъ, то-есть, положимъ, что я сказалъ вздоръ: этого быть не могло; но отчего же изъ всѣхъ лицъ, меня окружавшихъ, только одно лицо уловлялось моимъ вниманіемъ? Отчего только за нею я любилъ слѣдить взглядомъ, хотя миѣ рѣшительно не до того было тогда, чтобъ выглядывать дамъ и знакомиться съ ними? Случалось это всего чаще по-вечерамъ, когда ненастье запирало всѣхъ въ комнаты и когда я, одиноко притаясь гдѣ нибудь въ углу залы, безпредметно глазѣлъ по сторонамъ, рѣшительно не находя никакого другаго занятія, потому что со мной, исключая моихъ гонимельницъ, рѣдко кто говорилъ, и было миѣ въ такіе вечера нестерпимо скучно. Тогда всматривался я въ окружавшія меня лица, вслушивался въ разговоръ, въ которомъ часто не-

понималъ ни слова, и вотъ въ это-то время тихіе взгляды, кроткая улыбка и прекрасное лицо м-ме М* (потому что это была она), Богъ знаетъ почему уловлялись моимъ зачарованнымъ вниманіемъ, и ужъ не изглаживалось это странное, неопредѣленное, но непостижимо сладкое впечатлѣніе мое. Часто по цѣлымъ часамъ я какъ будто ужъ и не могъ отъ нея оторваться; я заучилъ каждый жестъ, каждое движеніе ея, вслушался въ каждую вибрацію густаго, серебристаго, но нѣсколько заглушеннаго голоса и,—странное дѣло! изъ всѣхъ наблюденій своихъ вынесъ, вмѣстѣ съ робкимъ и сладкимъ впечатлѣніемъ, какое-то непостижимое любопытство. Похоже было на то, какъ будто я допытывался какой нибудь тайны...

Всего мучительнѣе для меня были насмѣшки въ присутствіи м-ме М*. Эти насмѣшки и комическія гоненія, по моимъ понятіямъ, даже унижали меня. И когда, случалось, раздавался общій смѣхъ на мой счетъ, въ которомъ даже м-ме М* иногда невольно принимала участіе, тогда я, въ отчаяніи, внѣ себя отъ горя, вырывался отъ своихъ тираникъ и убѣгалъ на верхъ, гдѣ и дичалъ остальную часть дня, не смѣя показать своего лица въ залѣ. Впрочемъ, я и самъ еще не понималъ ни своего стыда, ни волненія; весь процессъ переживался во мнѣ безсознательно. Съ м-ме М* я почти не сказалъ еще и двухъ словъ, да и, конечно, не рѣшился бы на это. Но вотъ, однажды вечеромъ, послѣ несноснѣйшаго для меня дня, отсталъ я отъ другихъ на прогулкѣ, ужасно усталъ и пробирался домой черезъ садъ. На одной скамьѣ, въ уединенной аллеѣ, увидѣлъ я м-ме М*. Она сидѣла одна-одинехонька, какъ будто нарочно выбравъ такое уединенное мѣсто, склонивъ голову на грудь и машинально перебирая въ рукахъ платокъ. Она была въ такой задумчивости, что и не слыхала, какъ я съ ней поровнялся.

Замѣтивъ меня, она быстро поднялась со скамьи, отвернулась и, я увидѣлъ, на-скоро отерла глаза платкомъ. Она плакала. Осушивъ глаза, она улыбнулась миѣ и пошла вмѣстѣ со мною домой. Ужъ не помню, о чемъ мы съ ней говорили; но она поминутно отсылала меня, подъ разными предлогами: то просила сорвать ей цвѣтокъ, то посмотреть, кто ѣдетъ верхомъ по сосѣдней аллеѣ. И когда я отходилъ отъ нея, она тотчасъ же опять подносила платокъ къ глазамъ своимъ и утирала непослушныя слезы, которыя никакъ не хотѣли покинуть ее, все вновь и вновь накапливали въ сердцѣ и все лились изъ ея бѣдныхъ глазъ. Я понималъ, что, видно, я ей очень въ тягость, когда она такъ часто меня отсылаетъ, да и сама она уже видѣла, что я все замѣтилъ, но только не могла удержаться, и это меня еще болѣе за нее надрывало. Я злился на себя, въ эту минуту, почти до отчаянія, проклиналъ себя за неловкость и не-находчивость, и все-таки не зналъ, какъ ловче отстать отъ нея, не выказавъ, что замѣтилъ ея горе, но шель рядомъ съ нею, въ грустномъ изумленіи,

даже въ испугѣ, совсѣмъ растерявшись и рѣшительно не находя ни одного слова для поддержки оскудѣвшаго нашего разговора.

Эта встрѣча такъ поразила меня, что я весь вечеръ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ потихоньку за м-ме М* и не спускалъ съ нея глазъ. Но случилось такъ, что она два раза застала меня врасплохъ, среди моихъ наблюдений, и во второй разъ, замѣтивъ меня, улыбнулась. Это была ея единственная улыбка за весь вечеръ. Грусть еще не сходила съ лица ея, которое было теперь очень блѣдно. Все время она тихо разговаривала съ одной пожилой дамой, злой и сварливой старухой, которой никто не любилъ за шпiонство и сплетни, но которой всѣ боялись, а потому и принуждены были всячески угождать ей, волей-неволей...

Часовъ въ десять пріѣхалъ мужъ м-ме М*. До сихъ поръ я наблюдалъ за ней очень пристально, не отрывая глазъ отъ ея грустнаго лица; теперь же, при неожиданномъ входѣ мужа, я впдѣлъ, какъ она вся вздрогнула, и лицо ея, и безъ того уже блѣдное, сдѣлалось вдругъ бѣлѣе платка. Это было такъ примѣтно, что и другіе замѣтили: я разслышалъ въ сторонѣ отрывочный разговоръ, изъ котораго кое-какъ догадался, что бѣдной м-ме М* не совсѣмъ хорошо. Говорили, что мужъ ея ревнивъ, какъ арапъ, не изъ любви, а изъ самолюбія. Прежде всего это былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ образами новыхъ идей и тщеславящійся своими идеями. Съ виду это былъ черноволосый, высокій и особенно плотный господинъ, съ европейскими бакенбардами, съ самодовольнымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми, какъ сахаръ, зубами и съ безукоризненной джентльменской осанкой. Называли его *умнымъ человекомъ*. Такъ въ иныхъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человечества, которая ровно ничего не дѣлаетъ, которая ровно ничего не хочетъ дѣлать и у которой, отъ вѣчной лѣности и ничего недѣланія, вмѣсто сердца кусокъ жира. Отъ нихъ же поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать вслѣдствіе какихъ-то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя «утомляютъ ихъ геній» и что на нихъ, по этому, «грустно смотрѣть». Это ужъ у нихъ такая пышная фраза, ихъ *mot d'ordre*, ихъ царь и лозунгъ, фраза, которую мои сытые толстяки расточаютъ вездѣ поминутно, что уже давно начинаетъ надоѣдать, какъ отъявленное тартюфство и пустое слово. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ забавниковъ, никакъ немогущихъ найти, что имъ дѣлать, чего, впрочемъ, никогда и не искали они, именно на то мѣтятъ, чтобъ всѣ думали, что у нихъ, вмѣсто сердца, не жиръ, а, напротивъ, говоря вообще, что-то *очень-много*, но что именно, — объ этомъ не сказалъ бы ничего самый первѣйшій хирургъ, конечно, изъ учтивости. Эти господа тѣмъ и пробиваются на свѣтъ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство, самое близору-

кое осужденіе и безмѣрную гордость. Такъ какъ имъ нечего больше дѣлать, какъ подмѣчать и за-тверживать чужія ошибки и слабости, и такъ какъ въ нихъ добраго чувства ровнешенько на столько, сколько дано его въ удѣлъ устрицѣ, то имъ и нетрудно, при такихъ предохранительныхъ средствахъ, прожить съ людьми довольно осмотрительно. Этими они чрезмѣрно тщеславятся. Они, на-примѣръ, почти увѣрены, что у нихъ чуть ли не весь міръ на оброкѣ; что онъ у нихъ, какъ устрица, которую они берутъ про запасъ; что всѣ, кромѣ ихъ, дураки; что всякъ похожъ на апельсинъ или на губку, которую они, нѣтъ-нѣтъ, да и выжмутъ, пока сокъ надобится; что они всему хозяева и что весь этотъ похвальный порядокъ вещей происходитъ именно отъ того, что они такіе умные и характерные люди. Въ своей безмѣрной гордости, они не допускаютъ въ себѣ недостатковъ. Они похожи на ту породу житейскихъ плутовъ, прирожденных тартюфовъ и фальстафовъ, которые до того заплутовались, что, наконецъ, и сами увѣрились, что такъ и должно тому быть, то-есть, чтобъ жить имъ, да плутовать; до того часто увѣряли всѣхъ, что они честные люди, что, наконецъ, и сами увѣрились, будто они дѣйствительно честные люди и что ихъ плутовство-то и есть честное дѣло. Для совѣстнаго внутренняго суда, для городской самооцѣнки ихъ никогда не хватаетъ; для иныхъ вещей они слишкомъ толсты. На первомъ планѣ у нихъ всегда и во всемъ ихъ собственная золотая особа, ихъ Молохъ и Вааль, ихъ великолѣпное я. Вся природа, весь міръ для нихъ не болѣе, какъ одно великолѣпное зеркало, которое и создано для того, чтобъ мой божокъ непрерывно въ него на себя любовался и изъ-за себя никого и ничего не видѣлъ; послѣ этого и не мудрено, что все на свѣтѣ видитъ онъ въ такомъ безобразномъ видѣ. На все у него припасена готовая фраза и — что, однакожъ, верхъ ловкости съ ихъ стороны — самая модная фраза. Даже они-то и способствуютъ этой модѣ, голословно распространяя по всѣмъ перекресткамъ ту мысль, которой ищутъ уснѣхъ. Именно у нихъ есть чутье, чтобъ пронюхать такую модную фразу и раньше другихъ усвоить ее себѣ, такъ, что какъ будто она отъ нихъ и пошла. Особенно же запасаются они своими фразами на изъясненіе своей глубочайшей симпатіи къ человечеству, на опредѣленіе, что такое самая правильная и оправданная разсудкомъ филантропія, и наконецъ, чтобъ безостановочно карать романтизмъ, то-есть, зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой породы. Но грубо не узнаютъ они истинны въ уклоненной, переходной и неготовой формѣ, и отталкиваютъ все, что еще не поспѣло, не устоялось и бродитъ. Упитанный человѣкъ всю жизнь прожилъ навеселѣ, на всемъ готовомъ, самъ ничего не сдѣлалъ и не знаетъ, какъ трудно всякое дѣло дѣлается, а потому бѣда какойнибудь шероховатостью задѣтъ его жирныя чувства: за это

онъ никогда не простить, всегда припомнить и отомстить съ наслажденіемъ. Итогъ всему выйдетъ, что мой герой есть, не болѣе—не менѣе, какъ исполнинскій, до-нельзя раздутый мѣшокъ, полный сен-тенцій, модныхъ фразъ и ярлыковъ всѣхъ родовъ и сортовъ.

Но, впрочемъ, м-г М* имѣлъ и особенность, былъ человѣкъ примѣчательный: это былъ острякъ, говорунъ и разскащикъ, и въ гостинныхъ кругомъ него всегда собирався кружокъ. Въ тотъ вечеръ особенно ему удалось произвести впечатлѣніе. Онъ овладѣлъ разговоромъ; онъ былъ въ ударѣ, весель, чему-то радъ и заставилъ-таки всѣхъ глядѣть на себя. Но м-ме М* все время была какъ больная; лицо ея было такое грустное, что мнѣ поминутно казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ задрожать на ея длинныхъ рѣсницахъ давешнія слезы. Все это, какъ я сказалъ, поразило и удивило меня чрезвычайно. Я ушелъ съ чувствомъ какого-то страннаго любопытства, и всю ночь снился мнѣ м-г М*, тогда какъ до тѣхъ поръ я рѣдко видывалъ безобразные сны.

На другой день, рано поутру, позвали меня на репетицію живыхъ картинъ, въ которыхъ и у меня была роль. Живыя картины, театръ и потомъ балъ,—все въ одинъ вечеръ, назначались не далѣе, какъ дней черезъ пять, по случаю домашняго праздника,—дня рожденія младшей дочери нашего хозяина. На праздникъ этотъ, почти импровизированный, приглашены были изъ Москвы и изъ окрестныхъ дачъ, еще человѣкъ сто гостей, такъ что много было и возни, и хлопотъ, и суматохи. Репетиціи, или, лучше сказать, смотръ костюмовъ, назначены были не во-время, поутру, потому-то нашъ режиссеръ, извѣстный художникъ Р*, пріятель и гость нашего хозяина, по дружбѣ къ нему согласившійся взять на себя сочиненіе и постановку картинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу выучку, спѣшилъ теперь въ городъ для закупокъ по бутафорской части и для окончательныхъ заготовленій къ празднику, такъ что времени терять было некогда. Я участвовалъ въ одной картинѣ, вдвоемъ съ м-ме М*. Картина выражала сцену пѣз средневѣковой жизни и называлась: «Госпожа замка и ея пажъ».

Я почувствовалъ неизъяснимое смущеніе, сошедшій съ м-ме М* на репетицію. Мнѣ такъ и казалось, что она тотчасъ же вычитаетъ изъ глазъ моихъ всѣ думы, сомнѣнія, догадки, зародившіяся со вчерашняго дня въ головѣ моей. Къ тому же мнѣ все казалось, что я какъ будто бы виноватъ предъ нею, заставъ вчера ея слезы и помѣшавъ ея горю, такъ что она по-неволѣ должна будетъ коситься на меня, какъ на непріятнаго свидѣтеля и непрошеннаго участника ея тайны. Но, слава Богу, дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ: меня просто не замѣтили. Ей, кажется, было вовсе не до меня и не до репетиціи: она была разсѣяна, грустна и мрачно-задумчива; видно было, что ее мучила какая-то большая забота. Покончивъ съ моею

ролью, я побѣжалъ переодѣться и черезъ десять минутъ вышелъ на террасу въ садъ. Почти въ тоже время изъ другихъ дверей вышла и м-ме М*, и, какъ разъ намъ напротивъ, появился самодовольный супругъ ея, который возвращался изъ сада, только что проводивъ туда цѣлую группу дамъ, и тамъ успѣвъ сдать ихъ, съ рукъ на руки, какому-то досужему cavalier servant. Встрѣча мужа и жены очевидно была неожиданна. М-ме М*, неизвѣстно почему-то, вдругъ смутилась и легкая досада промелькнула въ ея нетерпѣливомъ движеніи. Супругъ, безпечно насвистывавшій арію и во всю дорогу глубококомысленно охорашивавшій свои бакенбарды, теперъ, при встрѣчѣ съ женою, нахмурился и оглядѣлъ ее, какъ припоминаю теперь, рѣшительно инквизиторскимъ взглядомъ.

— Вы въ садъ? спросилъ онъ, замѣтивъ омбрельку и книгу въ рукахъ жены.

— Нѣтъ, въ рощу, отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

— Одиѣ?

— Съ нимъ... проговорила м-ме М*, указавъ на меня.—Я гуляю поутру одна, прибавила она какимъ-то неровнымъ, неопредѣленнымъ голосомъ, точно такимъ, когда лгутъ первый разъ въ жизни.

— Гмъ... А я только что проводилъ туда цѣлую компанію. Тамъ всѣ собираются у цвѣточной бесѣдки, провожать Н—го. Онъ ѣдетъ, вы знаете... у него какая-то бѣда случилась тамъ, въ Одессѣ... Ваша кузина (онъ говорилъ о блондинкѣ) и смѣется, и чуть не плачетъ, все разомъ, не разберешь ее. Она мнѣ, впрочемъ, сказала, что вы за что-то сердиты на Н—го и потому не пошли его провожать. Конечно вздоръ?

— Она смѣется, отвѣчала м-ме М*, сходя со ступенекъ террасы.

— Такъ это вашъ каждодневный cavalier servant? прибавилъ м-г М., скрививъ ротъ и наведя на меня свой лорнетъ.

— Пажъ! закричалъ я, разсердившись за лорнетъ и насмѣшку и, захохотавъ ему прямо въ лицо, разомъ перепрыгнулъ три ступеньки террасы...

— Счастливый путь! пробормоталъ м-г М* и пошелъ своею дорогой.

Конечно, я тотчасъ же подошелъ къ м-ме М*, какъ только она указала на меня мужу, и глядѣлъ такъ, какъ будто она меня уже цѣлый часъ назадъ пригласила и какъ будто я уже цѣлый мѣсяцъ ходилъ съ ней гулять по утрамъ. Но я никакъ не могъ разобрать: зачѣмъ она такъ смутилась, сконфузилась и что такое было у ней на умѣ, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ своей маленькой лжи? Зачѣмъ она просто не сказала, что идетъ одна? Теперь я не зналъ какъ и глядѣть на нее; но, пораженный удивленіемъ, я, однакожъ, пренаивно началъ по-маленьку заглядывать ей въ лицо; но также, какъ и часъ назадъ, на репетиціи, она не примѣчала ни подглядываній, ни нѣмыхъ вопросовъ моихъ. Все та же мучительная забота, но

еще явственнѣе, еще глубже, чѣмъ тогда, отражалась въ ея лицѣ, въ ея волненіи, въ походкѣ. Она спѣшила куда-то, все болѣе и болѣе ускоряя шагъ, и съ безпокойствомъ заглядывала въ каждую аллею, въ каждую просѣку роши, оборачиваясь къ сторонѣ сада. И я тоже ожидалъ чего-то. Вдругъ за нами раздался лошадиный топотъ. Это была цѣлая кавалькада наѣздницъ и всадниковъ, провозжавшихъ того Н—го, который такъ внезапно покидалъ наше общество.

Между дамами была и моя блондинка, про которую говорилъ м-г М*, рассказывая о слезахъ ея. Но, по своему обыкновенію, она хохотала, какъ ребенокъ, и рѣзво скакала на прекрасномъ гнѣдомѣ конѣ. Поровнявшись съ нами, Н—й снялъ шляпу, но не остановился и не сказалъ съ м-ме М* ни слова. Скоро вся ватага исчезла изъ глазъ. Я взглянулъ на м-ме М* и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: она стояла блѣдная, какъ платокъ, и крупныя слезы пробивались изъ глазъ ея. Случайно наши взгляды встрѣтились: м-ме М* вдругъ покраснѣла, на мигъ отвернувшись, и безпокойство и досада ясно замелькали на лицѣ ея. Я былъ лишний, хуже, чѣмъ вчера,—это яспѣ дня, но куда мнѣ дѣваться?

Вдругъ м-ме М*, какъ будто догадавшись, развернула книгу, которая была у нея въ рукахъ, и закраснѣвъшись, очевидно, стараясь не смотрѣть на меня, сказала, какъ будто сейчасъ только спохватилась:

— Ахъ! это вторая часть, я ошиблась; пожалуйста принеси мнѣ первую.

Какъ не понять! моя роль кончилась и нельзя было прогнать меня по болѣе прямой дорогѣ.

Я убѣждалъ съ ея книгой, и не возвращался. Первая часть преспокойно пролежала на столѣ это утро...

Но я былъ самъ не свой; у меня билось сердце, какъ будто въ непрерывномъ испугѣ. Всѣми силами старался я какъ-нибудь не повстрѣчать м-ме М*. За-то я съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ глядѣлъ на самодовольную особу м-г М*, какъ будто въ немъ теперь непременно должно было быть что-то особенное. Рѣшительно непонимаю, что было въ этомъ комическомъ любопытствѣ моемъ; помню только, что я былъ въ какомъ-то странномъ удивленіи отъ всего, что привелось мнѣ увидѣть въ это утро. Но мой день только что начинался и для меня онъ былъ обремененъ происшествіями.

Обѣдали на этотъ разъ очень рано. Къ вечеру назначена была общая увеселительная поѣздка въ сосѣднее село, на случившійся тамъ деревенскій праздникъ, и потому нужно было время, чтобъ приготовиться. Я ужъ за три дня мечталъ объ этой поѣздкѣ, ожидая бездну веселья. Пить кофе почти всѣ собрались на террасѣ. Я осторожно пробрался за другими и спрятался за тройнымъ рядомъ креселъ. Меня влекло любопытство, и между тѣмъ я ни за что не хотѣлъ показаться на глаза м-ме

М*. Но случаю угодно было помѣстить меня недалеко отъ моей гонительницы-блондинки. На этотъ разъ съ ней приключилось чудо, невозможное дѣло: она вдвое похорошѣла. Ужъ не знаю, какъ и отчего это дѣлается, но съ женщинами такія чудеса бывають даже нерѣдко. Межь нами въ эту минуту былъ новый гость, высокій, блѣднолицый молодой человекъ, записной поклонникъ нашей блондинки, только пріѣхавшій къ намъ изъ Москвы, какъ будто нарочно за тѣмъ, чтобъ замѣнить собой отбывшаго Н—го, про котораго шла молва, что онъ отчаянно влюбленъ въ нашу красавицу. Чтожъ касается пріѣзжаго, то онъ ужъ издавна былъ съ нею въ такихъ же точно отношеніяхъ, какъ Бенедиктъ къ Беатриче въ шекспировскомъ: «Много шума изъ пустяковъ». Короче, наша красавица въ этотъ день была въ чрезвычайномъ успѣхѣ. Ея шутки и болтовня были такъ граціозны, такъ довѣрчиво-наивны, такъ прощительно-неосторожны; она съ такою граціозною самонадѣянностію была увѣрена во всеобщемъ восторгѣ, что дѣйствительно все время была въ какомъ-то особенномъ поклоненіи. Вокругъ нея не разрывался тѣсный кружокъ удивленныхъ, залюбовавшихся на нее слушателей, и никогда еще не была она такъ обольстительна. Всякое слово ея было въ соблазнъ и въ диковинку, ловилось, передавалось въ круговую, и ни одна шутка ея, ни одна выходка не пропала даромъ. Отъ нея, кажется, и не ожидалъ никто столько вкуса, блеска, ума. Всѣ лучшія качества ея повседневно были погребены въ самомъ своевольномъ сумасбродствѣ, въ самомъ упрямомъ школьничествѣ, доходившемъ чуть ли не до шутовства; ихъ рѣдко кто замѣчалъ; а если замѣчалъ, такъ не вѣрилъ имъ, такъ что теперь не-обыкновенный успѣхъ ея встрѣченъ былъ всеобщимъ страстнымъ шопотомъ изумленія.

Впрочемъ, этому успѣху содѣйствовало одно особенное, довольно щекотливое обстоятельство, по крайней мѣрѣ, судя по той роли, которую игралъ въ то же время мужъ м-ме М*. Проказница рѣшилась—и, нужно прибавить: почти ко всеобщему удовольствію, или, по крайней мѣрѣ, къ удовольствію всей молодѣжи—ожесточенно атаковать его, вслѣдствіе многихъ причинъ, вѣроятно, очень важныхъ на ея глаза. Она завела съ нимъ цѣлую перестрѣлку остротъ, насмѣшекъ, сарказмовъ самыхъ неотразимыхъ и скользкихъ, самыхъ коварныхъ, замкнутыхъ и гладкихъ со всѣхъ сторонъ, такихъ, которые бьютъ прямо въ цѣль, но къ которымъ ни съ одной стороны нельзя прицѣпиться для отпора и которые только истощають въ безплодныхъ усиліяхъ жертву, доводя ее до бѣшенства и до самого комическаго отчаянія.

Навѣрно не знаю, но, кажется, вся эта выходка была преднамѣренная, а не импровизированная. Еще за обѣдомъ начался этотъ отчаянный поединокъ. Я говорю «отчаянный», потому что м-г М* нескоро положилъ оружіе. Ему нужно было собрать все присутствіе духа, все остроуміе, всю свою

рѣдкую находчивость, чтобъ не быть разбитымъ въ прахъ, на-голову и не покрыться рѣшительнымъ безславіемъ. Дѣло шло при непрерывномъ и неудержимомъ смѣхѣ всѣхъ свидѣтелей и участниковъ боя. По крайней мѣрѣ сегодня непохоже было для него на вчера. Примѣтно было, что м-те М* нѣсколько разъ порывалась остановить своего неосторожнаго друга, которому, въ свою очередь, непремѣнно хотѣлось нарядить ревниваго мужа въ самый шутовской и смѣшной костюмъ, и, должно полагать, въ костюмъ «Синей-Бороды», судя по всѣмъ вѣроятностямъ, судя потому, что у меня осталось въ памяти и, наконецъ, по той роли, которую мнѣ самому привелось играть въ этой сшибкѣ.

Это случилось вдругъ, самымъ смѣшнымъ образомъ, совсѣмъ неожиданно и, какъ нарочно, въ эту минуту я стоялъ на виду, не подозрѣвая зла и даже забывъ о недавнихъ моихъ предосторожностяхъ. Вдругъ я былъ выдвинутъ на первый планъ, какъ заклятый врагъ и естественный соперникъ м-г М*, какъ отчаянно, до послѣдней степени влюбленный въ жену его, въ чемъ тиранка моя тутъ же поклялась, дала слово, сказала, что у ней есть доказательства и что не далѣе, какъ, напримѣръ, сегодня въ лѣсу она видѣла...

Но она не успѣла договорить, я прервалъ ее въ самую отчаянную для меня минуту. Эта минута была такъ безбожно рассчитана, такъ пзмѣнически подготовлена къ самому концу, къ шутовской развязкѣ, и такъ уморительно смѣшно обстановка, что пѣлый взрывъ ничѣмъ неудержимаго, всеобщаго смѣха отсалютовалъ эту послѣднюю выходку. И хотя тогда же я догадался, что не на мою долю выпадала самая досадная роль,—однакожь былъ до того смущенъ, раздраженъ и испуганъ, что, полный слезъ, тоски и отчаяніи, задыхаясь отъ стыда, прорвался чрезъ два ряда креселъ, ступилъ впередъ и, обращаясь къ моей тиранкѣ, закричалъ, прерывающимся отъ слезъ и негодованія голосомъ:

— И не стыдно вамъ... вслухъ... при всѣхъ дамахъ... говорить такую худую... неправду?!.. вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ... Что они скажутъ?.. вы—такая большая... замужняя!..

Но я не окончилъ,—раздался оглушительный аплодисментъ. Моя выходка произвела настоящій фуроръ. Мой наивный жестъ, мои слезы, а, главное, то, что я какъ будто выступилъ защищать м-г М*, все это произвело такой адскій смѣхъ, что даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, мнѣ самому становится ужасно смѣшно... Я оторопѣлъ, почти обезумѣлъ отъ ужаса и, сгорѣвъ, какъ порохъ, закрывъ лицо руками, бросился вонъ, выбилъ въ дверяхъ поднось изъ рукъ входившаго лакея и полетѣлъ на-верхъ, въ свою комнату. Я вырвалъ изъ дверей ключъ, торчавшій наружу, и заперся изнутри. Сдѣлавъ я хорошо, потому что за мною была погоня. Не прошло минуты, какъ мои двери осадила цѣлая ватага самыхъ хорошихъ изъ

всѣхъ нашихъ дамъ. Я слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, частый говоръ, ихъ заливавшіеся голоса; онѣ щелбали всѣ разомъ, какъ ласточки. Всѣ онѣ, всѣ до одной, просли, умоляли меня отворить хоть на одну минуту; клялись, что не будетъ мнѣ ни малѣйшаго зла, а только зацѣлуютъ онѣ меня всего въ прахъ. Но... чтожь могло быть ужаснѣе еще этой новой угрозы? Я только горѣлъ отъ стыда за мою дверь, спрятавъ въ подушки лицо, и не отперъ, даже не отозвался. Онѣ еще долго стучались и молили меня, но я былъ безчувственъ и глухъ, какъ одиннадцатилѣтній.

Ну, что жъ теперь дѣлать? все открыто, все обнаружилось, все, что я такъ ревниво берегалъ и таилъ... На меня падетъ вѣчный стыдъ и позоръ!.. По правдѣ, я и самъ не умѣлъ назвать того, за что такъ страшился и что хотѣлъ бы я скрыть; но вѣдь, однакожь, я страшился чего-то, за обнаруженіе этого *чего-то* я трепеталъ до сихъ поръ, какъ листочикъ. Одного только я не зналъ до этой минуты, что оно такое: годится оно, или не годится, славно или позорно, похвально или непохвально? Теперь же, въ мученіяхъ и насильной тоскѣ, узналъ, что оно *смѣшно* и *стыдно*! Истиннѣе чувствовалъ я въ то же время, что такой приговоръ и ложенъ, и безчеловѣченъ, и грубъ; но я былъ разбитъ, уничтоженъ; процессъ сознанія какъ бы остановился и запутался во мнѣ; я не могъ ни противостать этому приговору, ни даже обсудить его хорошенько: я былъ отуманенъ; слышалъ только, что мое сердце безчеловѣчно, безстыдно уязвлено, и заливался безсильными слезами. Я былъ раздраженъ; во мнѣ кипѣли негодованіе и ненависть, которой доселѣ не зналъ никогда, потому что только въ первый разъ въ жизни испыталъ серьезное горе, оскорбленіе, обиду; и все это было дѣйствительно такъ, безъ всякихъ преувеличеній. Во мнѣ, въ ребенкѣ, было грубо затронутъ первое, неопытное еще, необразовавшееся чувство, былъ такъ рано обнаженъ и поруганъ первый благоуханный дѣвственный стыдъ и осмѣяно первое и, можетъ быть, очень серьезное эстетическое впечатлѣніе. Конечно, насмѣшники мои многого не знали и не предчувствовали въ моихъ мученіяхъ. На половину входило сюда одно кровавое обстоятельство, котораго самъ я и не успѣлъ, и какъ-то пугался до сихъ поръ разбирать. Въ тоскѣ и въ отчаяніи продолжалъ я лежать на своей постели, укрывъ въ подушки лицо; и жаръ и дрожь обливали меня попеременно. Меня мучили два вопроса: что такое видѣла и что именно могла увидать негодная блондинка сегодня въ рошѣ, между мною и м-те М*? И наконецъ, второй вопросъ: какъ, какими глазами, какимъ средствомъ могу я взглянуть теперь въ лицо м-те М* и не погибнуть въ ту же минуту, на томъ же мѣстѣ, отъ стыда и отчаянія.

Необыкновенный шумъ на дворѣ вызвалъ наконецъ меня изъ полубезпамятства, въ которомъ я находился. Я всталъ и подошелъ къ окну. Весь

дворъ былъ загроможденъ экипажами, верховыми лошадьми и суетившимися слугами. Казалось, всё уѣзжали; нѣсколько всадниковъ уже сидѣли на коняхъ; другіе гости размѣщались по экипажамъ... Тутъ вспомнилъ я о предстоявшей поѣздкѣ, и вотъ, мало-по-малу, беспокойство начало проникать въ мое сердце; я пристально началъ выглядывать на дворъ своего клепера; но клепера не было, стало быть обо мнѣ позабыли. Я не выдержалъ и опрометью побѣжалъ внизъ, ужъ не думая ни о неприятныхъ встрѣчахъ, ни о недавнемъ позорѣ своемъ...

Грозная новость ожидала меня. Для меня на этотъ разъ не было ни верховой лошади, ни мѣста въ экипажѣ: все было разобрано, занято, и я принужденъ уступить другимъ.

Пораженный новымъ горемъ, остановился я на крыльцѣ и печально смотрѣлъ на длинный рядъ каретъ, кабріолетовъ, колясокъ, въ которыхъ не было для меня и самого маленькаго уголка, и на нарядныхъ наѣздницъ, подъ которыми гарцовали нетерпѣливые кони.

Одинъ изъ всадниковъ почему-то замѣшкался. Ждали только его, чтобъ отправиться. У подѣзда стоялъ конь его, грызя удила, роя копытами землю, поминутно вздрагивая и дыбась отъ испуга. Два конюха осторожно держали его подъ уздцы и всё опасливо стояли отъ него въ почтительномъ отдаленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, случилось предосадное обстоятельство, по которому мнѣ нельзя было ѣхать. Кромѣ того, что наѣхали новые гости и разобрали всё мѣста и всёхъ лошадей, заболѣли двѣ верховыя лошади, изъ которыхъ одна была мой клеперъ. Но не мнѣ одному пришлось пострадать отъ этого обстоятельства: открылось, что для нашего нашего гостя, того блѣднолицаго молодого человѣка, о которомъ я уже говорилъ, тоже нѣтъ верховаго коня. Чтобъ отвратить непріятность, хозяинъ нашъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: рекомендовать своего бѣшенаго, невыѣзженнаго жеребца, прибавивъ, для очистки совѣсти, что на немъ никакъ нельзя ѣздить и что его давно ужъ положили продать за дикость характера, если, впрочемъ, найдется на него покупатель. Но предупрежденный гость объявилъ, что ѣздить порядочно, да и во всякомъ случаѣ готовъ сѣсть на что угодно, только бы ѣхать. Хозяинъ тогда промолчалъ, но теперь, показалось мнѣ, что какая-то двусмысленная и лукавая улыбка бродила на губахъ его. Въ ожиданіи наѣздника, похваливагося своимъ искусствомъ, онъ самъ еще не сѣлся на свою лошадь, съ нетерпѣніемъ потиралъ руки и поминутно взглядывалъ на дверь. Даже что то подобное сообщилось и двумъ конюхамъ, удерживавшимъ жеребца и чуть незадыхавшимся отъ гордости, видя себя предъ всей публикой при такомъ конѣ, который, нѣтъ-нѣтъ, да и убьетъ человѣка ни за-что, ни про-что. Что-то похужее на лукавую усмѣшку ихъ барица отсвѣчивалось и въ

ихъ глазахъ, выпученныхъ отъ ожиданія и тоже устремленныхъ на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться пріѣзжій смѣльчакъ. Наконецъ и самъ конь держалъ себя такъ, какъ будто тоже сговорился съ хозяиномъ и жохатыми: онъ вѣлъ себя гордо и заносчиво, словно чувствуя, что его наблюдаютъ нѣсколько десятковъ любопытныхъ глазъ и словно гордясъ предъ всѣми зазорной своей репутаціей, точъ въ точъ, какъ пной неисправимый повѣса гордится своими висѣльными продѣлками. Казалось, онъ вызывалъ смѣльчака, который бы рѣшился посягнуть на его независимость.

Этотъ смѣльчакъ наконецъ появился. Совѣстясь, что заставилъ ждать себя, и торопливо натягивая перчатки, онъ шелъ впередъ не глядя, спустился по ступенькамъ крыльца и поднялъ глаза только тогда, когда протянулъ было руку, чтобъ схватить за холку заждавшагося коня, но вдругъ былъ озадаченъ бѣшеннымъ вскокомъ его на дыбы и предупредительнымъ крикомъ всей испуганной публики. Молодой человѣкъ отступилъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дикую лошадь, которая вся дрожала, какъ листъ, храпѣла отъ злости и дико поводила налившимися кровью глазами, поминутно оседаая на заднія ноги и приподымая переднія, словно собираясь рвануться на воздухъ и унести вмѣстѣ съ собою обоихъ жохатыхъ своихъ. Съ минуту онъ стоялъ совсѣмъ озадаченный; потомъ, слегка покраснѣвъ отъ маленькаго замѣшательства, поднялъ глаза, обвелъ ихъ кругомъ и поглядѣлъ на перепугавшихся дамъ.

— Конь очень хорошій! проговорилъ онъ какъ бы про себя:—и, судя по всему, на немъ должно быть очень пріятно ѣздить, но... но, знаете что? Вѣдь я-то не поѣду, заключилъ онъ, обращаясь къ нашему хозяину съ своей широкой, простодушной улыбкой, которая такъ шла къ доброму и умному лицу его.

— И все-таки я васъ считаю превосходнымъ ѣздокомъ,—клянусь вамъ, отвѣчалъ обрадованный владѣтель недоступнаго коня, горячо и даже съ благодарностью пожимая руку своего гостя:—именно за то, что вы съ перваго раза догадались, съ какимъ звѣремъ имѣете дѣло, прибавилъ онъ съ достоинствомъ.—Повѣрите ли мнѣ, я, двадцать три года прослужившій въ гусарахъ, уже три раза имѣлъ наслажденіе лежать на землѣ по его милости, то есть ровно столько разъ, сколько сѣлся на этого... дармоѣда. Танкредъ, другъ мой, здѣсь не по тебѣ народъ; видно твой сѣдокъ какой нибудь Илья Муромецъ, и сидитъ теперь сплнемъ въ селѣ Карачаровѣ, да ждетъ, чтобъ у тебя выпали зубы. Ну, уведите его! Полно ему людей пугать! Напрасно только выводили, заключилъ онъ, самодовольно потирая руки.

Нужно замѣтить, что Танкредъ не приносилъ ему ни малѣйшей пользы, только даромъ хлѣбъ ѣлъ; кромѣ того, старый гусаръ погубилъ на немъ всю свою бывалую ремонтерскую славу, заплативъ баснословную цѣну за негоднаго дармоѣда, кото-

рый выѣзжалъ развѣ только на своей красотѣ... Все-таки теперь былъ онъ въ восторгѣ, что его Танкредъ не уронилъ своего достоинства, сибѣшилъ еще одного наѣздника и тѣмъ стяжалъ себѣ новыя, безтолковыя лавры.

— Какъ, вы не ѣдете? закричала блондинка, которой непременно нужно было, чтобъ ея cavalier servant на этотъ разъ былъ при ней: — неужели вы трусите?

— Ей-Богу же такъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И вы говорите серьезно?

— Послушайте, неужели жъ вамъ хочется, чтобъ я сломалъ себѣ шею?

— Такъ садитесь же скорѣй на мою лошадь: не бойтесь, она пресмирная. Мы не задержимъ; въ мигъ пересѣдлаютъ! Я попробую взять вашу; не можетъ быть, чтобъ Танкредъ всегда былъ такой неучтивый.

Сказано, — сдѣлано! Шалунья выпрыгнула изъ сѣдла и договорила послѣднюю фразу уже оставаясь передъ нами.

— Плохо жъ вы знаете Танкреда, коли думаете, что онъ позволитъ осѣдлатъ себя вашимъ негоднымъ сѣдломъ! Да и васъ я не пущу сломать себѣ шею; это, право, было бы жалко! проговорилъ нашъ хозяинъ, аффектируя, въ эту минуту внутренняго довольства, по своей всегдашней привычкѣ, и безъ того уже аффектированную и изученную рѣзкость и даже грубость своей рѣчи, что, по его мнѣнію, рекомендовало добряка, стараго служаку и особенно должно было нравиться дамамъ. Это была одна изъ его фантазій, его любимый, всѣмъ намъ знакомый конекъ.

— Ну-тка ты, плакса, не хочешь ли попробовать? тебѣ же такъ хотѣлось ѣхать, сказала храбрая наѣздница, замѣтивъ меня и, поддразнивая, кивнула на Танкреда, — собственно для того, чтобъ не уходить ни съ чѣмъ, коли ужъ даромъ пришлось встать съ коня, и не оставить меня безъ колючаго словца, коли ужъ я самъ оплошалъ, на глаза подвернулся.

— Ты вѣрно не таковъ, какъ... ну, да что говорить, извѣстный герой и постыдишься струсить; особенно, когда на васъ будутъ смотрѣть, прекрасный пажъ, прибавила она, бѣгло взглянувъ на m-me M*, экипажъ которой былъ всѣхъ ближе отъ крыльца.

Ненависть и чувство мщенія заливали мое сердце, когда прекрасная амазонка подошла къ намъ, въ намѣреніи сѣсть на Танкреда... Но не могу рассказать, что ощутилъ я при этомъ неожиданномъ вызовѣ школьницы. Я какъ будто свѣта не взвидѣлъ, когда поймалъ ея взглядъ на m-me M*. Въ мигъ въ головѣ у меня загорѣлась идея... да, впрочемъ, это былъ только мигъ, менѣе чѣмъ мигъ, какъ вспышка пороха, или ужъ переполнилась мѣра, и я вдругъ теперь возмущился всѣмъ воскресшимъ духомъ моимъ, да такъ, что мнѣ вдругъ захотѣлось срѣзать на-попалъ всѣхъ враговъ моихъ и отмстить имъ за все и при всѣхъ,

показавъ теперь, каковъ я человѣкъ; или, наконецъ, какимъ нибудь дивомъ научилъ меня кто нибудь въ это мгновеніе средней исторіи, въ которой я до сихъ поръ еще не зналъ ни аза, и въ закружившейся головѣ моей замелькали турниры, палладины, герои, прекрасныя дамы, звуки шагъ, крики и плески толпы, и между всѣми этими криками одинъ робкій крикъ одного испуганнаго сердца, который нѣжить гордую душу слаще побѣды и славы, — ужъ не знаю, случился ли тогда весь этотъ вздоръ въ головѣ моей, или, толковѣе, предчувствіе этого, еще грядущаго и неизбѣжнаго вздора, но только я слышалъ, что бьетъ мой часъ. Сердце мое вспрыгнуло, дрогнуло и самъ ужъ не помню, какъ въ одинъ прыжокъ соскочилъ я съ крыльца и очутился подлѣ Танкреда.

— А вы думаете, что я испугаюсь? вскрикнулъ я дерзко и гордо, не взвидѣвъ свѣта отъ своей горячки, задыхаясь отъ волненія и покраснѣвши такъ, что слезы обожгли мнѣ щеки. А вотъ, увидите! И, схватившись за холку Танкреда, я сталъ ногой въ стремя, прежде, чѣмъ успѣли сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобъ удержать меня; но въ этотъ мигъ Танкредъ взвился на дыбы, взметнулъ головой, однимъ могучимъ скачкомъ вырвался изъ рукъ остоленѣвшихъ конюховъ и полетѣлъ, какъ вихрь, только всѣ ахнули, да вскрикнули.

Ужъ Богъ знаетъ, какъ удалось мнѣ занести другую ногу на всемъ лету; не постигаю также, какимъ образомъ случилось, что я не потерялъ позодовъ. Танкредъ вынесъ меня за рѣшетчатые ворота, круто повернулъ направо и пустился мимо рѣшетки зря, не разбирая дороги. Только въ это мгновеніе слышалъ я за собою крикъ пятидесяти голосовъ, и этотъ крикъ отдался въ моемъ замирающемъ сердцѣ такимъ чувствомъ довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей дѣтской жизни. Вся кровь мнѣ хлынула въ голову, оглушила меня и залила, задавила мой страхъ. Я себя не помнилъ. Дѣйствительно, какъ пришлось теперь вспомнить, во всемъ этомъ было какъ будто и впрямь что-то рыцарское.

Впрочемъ, все мое рыцарство началось и кончилось менѣе, чѣмъ въ мигъ, не то рыцарю было бы худо. Да и тутъ я не знаю, какъ спасся. Ѣздить-то верхомъ я умѣлъ: меня учили. Но мой клеверъ походилъ скорѣе на овцу, чѣмъ на верховаго коня. Разумѣется, я бы слетѣлъ съ Танкреда, еслибъ ему было только время сбросить меня; но, проскакавъ шаговъ пятьдесятъ, онъ вдругъ испугался огромнаго камня, который лежалъ у дороги, и шарахнулся назадъ. Онъ повернулся на лету, но такъ круто, какъ говорится, очертя голову, что мнѣ и теперь задача: какимъ образомъ я не выпрыгнулъ изъ сѣдла, какъ мячикъ, сажени на три, и не разбился въдребезги, а Танкредъ отъ такого крутаго поворота не сплечилъ себѣ ногъ. Онъ бросился назадъ къ воротамъ, яростно мотая головой, прядая изъ стороны

въ сторону, будто охмѣлѣвшій отъ бѣшенства, взметывая ноги какъ попало на воздухъ и съ каждымъ прыжкомъ стрясая меня со спины, точно какъ будто на него вспрыгнулъ тигръ и впился въ его мясо зубами и когтями. Еще мгновение — и я бы слетѣлъ; я уже падалъ; но уже нѣсколько всадниковъ летѣло спасать меня. Двое изъ нихъ перекрестили дорогу въ поле; двое другихъ подскакали такъ близко, что чуть не раздавили мнѣ ногъ, стиснувъ съ обѣихъ сторонъ Танкреда боками своихъ лошадей и оба уже держали его за поводья. Черезъ нѣсколько секундъ мы были у крыльца.

Меня сняли съ коня, блѣднаго, чуть дышавшаго. Я весь дрожалъ, какъ былинка подъ вѣтромъ, также, какъ и Танкредъ, который стоялъ, упираясь всѣмъ тѣломъ назадъ, неподвижно, какъ будто врыпшись копытами въ землю, тяжело выпуская пламенное дыханіе изъ красныхъ, дымящихся ноздрей, весь дрожа, какъ лѣстъ, мелкой дрожью и словно остолбенѣвъ отъ оскорбленія и злости за ненаказанную дерзость ребенка. Кругомъ меня раздавались крики смятенія, удивленія, испуга.

Въ эту минуту блуждавшій взглядъ мой встрѣтился со взглядомъ м-ме М*, встревоженной, поблѣднѣвшей и — я не могу забыть этого мгновения — вмгъ все лицо мое облилось румянцемъ, зардѣлось, загорѣлось, какъ огонь; я ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось, но, смущенный и испуганный собственнымъ своимъ ощущеніемъ, я робко опустил глаза въ землю. Но мой взглядъ былъ замѣченъ, пойманъ, украденъ у меня. Всѣ глаза обратились къ м-ме М* и, застигнутая всеобщимъ вниманіемъ въ распlochъ, она вдругъ сама, какъ дитя, покраснѣла отъ какого-то противовольнаго и наивнаго чувства и черезъ силу, хотя весьма неудачно, старалась подавить свою краску смѣхомъ...

Все это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смѣшно; но въ это мгновение одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня отъ всеобщаго смѣха, придавъ особый колоритъ всему приключенію. Виновица всей суматохи, та, которая до сихъ поръ была непримиримымъ врагомъ моимъ, прекрасная тиранка моя, вдругъ бросилась ко мнѣ обнимать и цѣловать меня. Она смотрѣла, не вѣря глазамъ своимъ, когда я осмѣлился принять ея вывозъ и поднять перчатку, которую она бросила мнѣ, взглянувъ на м-ме М*. Она чуть не умерла за меня отъ страха и укоровъ совѣсти, когда я леталъ на Танкредѣ; теперь же, когда все было кончено, и особенно, когда она поймала, вмѣстѣ съ другими, мой взглядъ, брошенный на м-ме М*, мое смущеніе, мою внезапную краску, когда, наконецъ, удалось ей придать этому мгновению, по романтическому настроенію своей легкодумной головки, какую-то новую, потаенную, недосказанную мысль, — теперь, послѣ всего этого, она пришла въ такой восторгъ отъ моего «рыцарства», что бросилась ко мнѣ и прижала меня къ груди своей, растроганная, гордая за меня, радостная. Черезъ

минуту она подняла на всѣхъ толпившихся около насъ обонхъ самое наивное, самое строгое личико, на которомъ дрожали и свѣтились двѣ маленькія, хрустальныя слезинки и серьезнымъ, важнымъ голоскомъ, какого отъ нея никогда не слыхали, сказала, указавъ на меня: «*Mais ces très sérieux, mes-sieurs, ne riez pas!*» не замѣчая того, что всѣ стоятъ передъ нею, какъ замороженные, залюбовавшись на ея свѣтлый восторгъ. Все это неожиданное, быстрое движеніе ея, это серьезное личико, эта простодушная наивность, эти неподозрѣваемые до сихъ поръ сердечныя слезы, накупившія въ ея вѣчно-смѣющихся глазкахъ, были въ ней такимъ неожиданнымъ дивомъ, что всѣ стояли передъ нею какъ будто наэлектризованные ея взглядомъ, скорымъ, огненнымъ словомъ и жестомъ. Казалось, никто не могъ свести съ нея глазъ, боясь опустить эту рѣдкую минуту въ ея вдохновенномъ лицѣ. Даже самъ хозяинъ нашъ покраснѣлъ, какъ тюльпанъ, и увѣряютъ, будто бы слышали, какъ онъ потомъ признавался, что, «къ стыду своему», чуть ли не цѣлую минуту былъ влюбленъ въ свою прекрасную гостью. Ну ужъ, разумѣется, что послѣ всего этого я былъ рыцарь, герой.

— Делоржъ! Тогенбургъ! раздавалось кругомъ.

Послышались рукоплесканія.

— Ай да грядущее поколѣніе! прибавилъ хозяинъ.

— Но онъ поѣдетъ, онъ непремѣнно поѣдетъ съ нами! закричала красавица: — мы найдемъ и должны найти ему мѣсто. Онъ сидѣтъ рядомъ со мною, ко мнѣ на колѣни... иль нѣтъ, нѣтъ! я ошиблась!.. поправилась она, захохотавъ и будучи не въ силахъ удержать своего смѣха при воспоминаніи о нашемъ первомъ знакомствѣ. Но, хохоча, она нѣжно гладила мою руку, всѣми силами старалась меня заласкать, чтобы я не обидѣлся.

— Непремѣнно! непремѣнно! подхватили нѣсколько голосовъ: онъ долженъ ѣхать, онъ завоевалъ себѣ мѣсто.

И мигомъ разрѣшилось дѣло. Та сама старая дѣва, которая познакомила меня съ блондинкой, тотчасъ же была засыпана просьбами всей молодежи остаться дома и уступить мнѣ свое мѣсто, на что и принуждена была согласиться, къ своей величайшей досадѣ, улыбаясь и въ-тихомолку шипя отъ злости. Ея протектрисса, около которой вѣдала она, мой бывшій врагъ и недавній другъ, кричала ей, уже галопируя на своемъ рѣзвомъ конѣ и хохоча, какъ ребенокъ, что завидуетъ ей и сама бы рада была съ ней остаться, потому что сейчасъ будетъ дождь и насъ всѣхъ перемочить.

И она точно напроорочила дождь. Черезъ часъ поднялся цѣлый ливень и прогулка наша пропала. Пришлось переждать нѣсколько часовъ сряду въ деревенскихъ избахъ и возвращаться домой уже въ десятомъ часу, въ сырое, послѣ-дождевое время. У меня началась маленькая лихорадка. Въ ту самую минуту, какъ надо было садиться и ѣхать

m-me M*, подошла ко мнѣ и удивилась, что я въ одной курточкѣ и съ открытой шеей. Я отвѣчалъ, что не успѣлъ захватить съ собою плаща. Она взяла булавку и, зашпиливъ повыше сборчатый воротничекъ моей рубашки, сняла съ своей шеи газовый, пунцовый платочекъ и обвязала мнѣ шею, чтобъ я не простудилъ горла. Она такъ торопилась, что я даже не успѣлъ поблагодарить ее.

Но когда пріѣхали домой, я отыскалъ ее въ маленькой гостинной, вмѣстѣ съ блондинкой и съ блѣднѣющимъ молодымъ человѣкомъ, который стяжалъ сегодня славу наѣздника тѣмъ, что побоялся сѣсть на Танкреда. Я подошелъ благодарить и отдать платокъ. Но теперь, послѣ всѣхъ моихъ приключеній, мнѣ было какъ будто чего-то совѣстно; мнѣ скорѣе хотѣлось уйти на верхъ, и тамъ, на досугъ, что-то обдумать и разсудить. Я былъ переполненъ впечатлѣніями. Отдавая платокъ, я, какъ водится, покраснѣлъ до ушей.

— Бьюсь объ закладъ, что ему хотѣлось удержатъ платокъ у себя, сказалъ молодой человѣкъ, засмѣявшись: — по глазамъ видно, что ему жаль расстаться съ вашимъ платкомъ.

— Именно, именно такъ! подхватила блондинка. — Экой! ахъ!.. проговорила она съ примѣтной досадой и покачавъ головой, но остановилась во время передъ серьезнымъ взглядомъ m-me M*, которой не хотѣлось заводить далеко шутки.

Я поскорѣе отошелъ.

— Ну, какой же ты! заговорила школьница, нагнавъ меня въ другой комнатѣ и, дружески взявъ за обѣ руки: — да ты бы просто не отдавалъ коньки, если тебѣ такъ хотѣлось имѣть ее. Сказалъ, что гдѣ нибудь положилъ, и дѣло съ концомъ. Какой же ты! этого не умѣлъ сдѣлать! Экой смѣшной!

И тутъ она слегка ударила меня пальцемъ по подбородку, засмѣявшись тому, что я покраснѣлъ какъ макъ.

— Вѣдь я твой другъ теперь, — такъ ли? Кончена ли наша вражда, а? да, или нѣтъ?

Я засмѣялся и, молча, пожалъ ея пальчики.

— Ну, то-то же!... Отчего ты такъ теперь блѣденъ и дрожишь? У тебя ознобъ?

— Да, я нездоровъ.

— Ахъ, бѣдняжка! это у него отъ сильныхъ впечатлѣній! Знаешь что? иди-ка лучше спать, не дожидаясь ужина, и за ночь пройдетъ. Пойдемъ.

Она отвела меня на верхъ и, казалось, уходямъ за мною не будетъ конца. Оставивъ меня раздѣваться, она сбѣжала внизъ, достала мнѣ чаю и принесла его сама, когда уже я улегся. Она принесла мнѣ тоже теплое одѣяло. Меня очень поразили и растрогали всѣ эти уходы и заботы обо мнѣ, или ужъ я былъ такъ настроенъ цѣлымъ днемъ, поѣздкой, лихорадкой; но, прощаясь съ нею, я крѣпко и горячо ее обнялъ, какъ самаго нѣжнаго, какъ самаго близкаго друга, и ужъ тутъ всѣ впечатлѣнія разомъ прихлынули къ моему ослабѣвшему сердцу; я чуть не плакалъ, прижавшись къ

груди ея. Она замѣтила мою впечатлительность и, кажется, моя шалунья сама была немного тронута.

— Ты предобрый мальчикъ, прошептала она, смотря на меня тихими глазами: — пожалуйста же не сердись на меня, а? не будешь?

Словомъ, мы стали самыми нѣжными, самыми вѣрными друзьями.

Было довольно рано, когда я проснулся, но солнце заливало уже яркимъ свѣтомъ всю комнату. Я вскочилъ съ постели, совершенно здоровый и бодрый, какъ будто и не бывало вчерашней лихорадки, вмѣсто которой теперь ощущалъ я въ себѣ неизъяснимую радость. Я вспомнилъ вчерашнее и почувствовалъ, что отдалъ бы цѣлое счастье, еслибъ могъ въ эту минуту обняться, какъ вчера, съ моимъ новымъ другомъ, съ бѣлокурой нашей красавицей; но еще было очень рано и всѣ спали. Наскоро одѣвшись, сошелъ я въ садъ, а оттуда въ рошу. Я пробирался туда, гдѣ гуще зелень, гдѣ смолистѣе запахъ деревьевъ и куда веселѣе заглядывалъ солнечный лучъ, радуясь, что удалось тамъ и сямъ пронизать мгlistую густоту листьевъ. Было прекрасное утро.

Незамѣтно пробираясь все далѣе и далѣе, я вышелъ наконецъ на другой край роши, къ Москвѣрѣкѣ. Она текла шаговъ двѣсти впереди, подъ горою. На противоположномъ берегу косили сѣно. Я засмотрѣлся, какъ цѣлые ряды острыхъ кося, съ каждымъ взмахомъ косца, дружно обливались свѣтомъ, и потомъ вдругъ опять исчезали, какъ огненные змѣйки, словно куда прятались; какъ сѣрная трава, густыми, жирными грудками отлетала въ стороны и углаживалась въ прямья, длинныя борозды. Ужъ не помню, сколько времени провелъ я въ созерцаніи, какъ вдругъ очнулся, разслышавъ въ рошѣ, шагахъ отъ меня въ двадцати, въ просѣкѣ, которая пролегала отъ большой дороги къ господскому дому, хрупъ и нетерпѣливый топотъ коня, рывшаго копытомъ землю. Не знаю, слышалъ ли я этого коня тотчасъ же, какъ подѣхалъ и остановился всадникъ, или ужъ долго мнѣ слышался шумъ, но только напрасно шекоталъ мнѣ ухо, безсильный оторвать меня отъ моихъ мечтаній. Съ любопытствомъ вошелъ я въ рошу и, пройдя нѣсколько шаговъ, услышалъ голоса, говорившіе скоро, но тихо. Я подошелъ еще ближе, бережно раздвинулъ послѣднія вѣтви послѣднихъ кустовъ, окаймлявшихъ просѣку, и тотчасъ же отпрянулъ назадъ въ изумленіи: въ глазахъ моихъ мелькнуло бѣлое знакомое платье и тихій женскій голосъ отдался въ моемъ сердцѣ, какъ музыка. Это была m-me M*. Она стояла возлѣ всадника, который торопливо говорилъ ей съ лошади и, къ моему удивленію, я узналъ въ немъ Н—го, того молодого человѣка, который уѣхалъ отъ насъ еще вчера по-утру и о которомъ такъ хлопоталъ m-r M*. Но тогда говорили, что онъ уѣзжаетъ куда-то очень далеко, на югъ Рос-

си, а потому я очень удивился, увидѣвъ его опять у насъ такъ рано и одного съ т-те М*.

Она была одушевлена и взволнована, какъ никогда еще я не видалъ ее, и на щекахъ ея свѣтились слезы. Молодой человѣкъ держалъ ее за руку, которую цѣловалъ, нагибаясь съ сѣдла. Я засталъ уже мнѣннута прощанья. Кажется, они торопились. Наконецъ онъ вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ, отдалъ его т-те М*, обнялъ ее одною рукою, какъ и прежде, не сходя съ лошади, и поцѣловалъ крѣпко и долго. Мгновеніе спустя, онъ ударилъ коня и промчался мимо меня, какъ стрѣла. М-те М* нѣсколько секундъ провожала его глазами, потомъ задумчиво и уныло направилась къ дому. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по просѣлкѣ, вдругъ какъ будто очнулась, торопливо раздвинула кусты и пошла черезъ рощу.

Я пошелъ вслѣдъ за нею, смятенный и удивленный всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ. Сердце мое билось крѣпко, какъ отъ испуга. Я былъ какъ оцѣпенѣлый, какъ отуманенный; мысли мои были разбиты и разсѣяны; но помню, что было мнѣ отъ чего-то ужасно грустно. Изрѣдка мелькало передо мною, сквозь зелень, ея бѣлое платье. Машинально слѣдовалъ я за нею, не упуская ея изъ вида, но трепеща, чтобъ она меня не замѣтила. Наконецъ она вышла на дорожку, которая вела въ садъ. Переждавъ съ полминуты, вышелъ и я; но каково же было мое изумленіе, когда вдругъ замѣтилъ я, на красномъ пескѣ дорожки, запечатанный пакетъ, который узналъ съ перваго взгляда,—тотъ самый, который, десять минутъ назадъ, былъ врученъ т-те М*.

Я поднялъ его: со всѣхъ сторонъ бѣлая бумага, никакой подписи; на взглядъ—небольшой, но тугой и тяжелый, какъ будто въ немъ было листа три и болѣе почтовой бумаги.

Что значить этотъ пакетъ? Безъ сомнѣнія, имъ объяснилась бы вся эта тайна. Можетъ быть, въ немъ досказано было то, чего не надѣялся высказать Н—ой за короткостью торопливаго свиданія. Онъ даже не сходилъ съ лошади... Торопился ли онъ, или, можетъ быть, боялся измѣнить себѣ въ часъ прощанія,—Богъ знаетъ...

Я остановился, не выходя на дорожку, бросилъ на нее пакетъ на самое видное мѣсто и не спустился съ него глазъ, полагая, что т-те М* замѣтитъ потерю, воротится, будетъ искать. Но, прождавъ минуты четыре, я не выдержалъ, поднялъ опять свою находку, положилъ въ карманъ и пустился догонять т-те М*. Я настигъ ее уже въ саду, въ большой аллеѣ; она шла прямо домой, скорой и торопливой походкой, но задумавшись и потупивъ глаза въ землю. Я не зналъ, что дѣлать. Подойти, отдать? Это значило сказать, что я знаю все, видѣлъ все. Я измѣнилъ бы себѣ съ перваго слова. И какъ я буду смотрѣть на нее? Какъ она будетъ смѣяться на меня?... Я все ожидалъ, что она опомнится, хватится потеряннаго, воротится по слѣдамъ своимъ. Тогда бы я могъ,

незамѣченный, бросить пакетъ на дорогу и она бы нашла его. Но нѣтъ! Мы уже подходили къ дому; ее уже замѣтили...

Въ это утро, какъ нарочно, почти всѣ поднялись очень рано, потому что еще вчера, вслѣдствіе неудавшейся поѣздки, задумали новую, о которой я и не зналъ. Всѣ готовились къ отъѣзду и завтракали на террасѣ. Я переждалъ минутъ десять, чтобъ не видѣли меня съ т-те М*, и обойдя садъ, вышелъ къ дому съ другой стороны, гораздо послѣ нея. Она ходила взадъ и впередъ по террасѣ, блѣдная и встревоженная, скрестивъ на груди руки и, по всему было видно, крѣпясь и усиливаясь подавить въ себѣ мучительную, отчаянную тоску, которая такъ и выщипывалась въ ея глазахъ, въ ея ходьбѣ, во всякомъ движеніи. Иногда сходила она со ступенекъ и проходила нѣсколько шаговъ между клумбами по направленію къ саду; глаза ея нетерпѣливо, жадно, даже неосторожно искали чего-то на пескѣ дорожекъ и на полу террасы. Не было сомнѣнія: она хватилась потери и, кажется, думаетъ, что обронила пакетъ гдѣ нибудь здѣсь, около дома,—да, это такъ, и она въ этомъ увѣрена!

Кто-то, а затѣмъ и другіе, замѣтили, что она блѣдна и встревожена. Посыпались вопросы о здоровьѣ, досадныя сѣтованія; она должна была отшучиваться, смѣяться, казаться веселою. Изрѣдка взглядывала она на мужа, который стоялъ въ концѣ террасы, разговаривая съ двумя дамами, и та же дрожь, то же смущеніе, какъ и тогда, въ первый вечеръ пріѣзда его, охватывали бѣдную. Засунувъ руку въ карманъ и крѣпко держа въ ней пакетъ, я стоялъ поодаль отъ всѣхъ, моля судьбу, чтобъ т-те М* меня замѣтила. Мнѣ хотѣлось ободрить, успокоить ее, хоть бы только взглядомъ; сказать ей что-нибудь мелькомъ, украдкой. Но когда она случайно взглянула на меня, я вздрогнулъ и потупилъ глаза.

Я видѣлъ ея мученія и не ошибся. Я до сихъ поръ не знаю тайны, ничего не знаю, кромѣ того, что самъ видѣлъ и что сейчасъ рассказалъ. Эта связь, можетъ быть, не такова, какъ о ней предположить можно съ перваго взгляда. Можетъ быть, этотъ поцѣлуй былъ прощальный, можетъ быть, онъ былъ послѣдней, слабой наградой за жертву, которая была принесена ея спокойствію и чести. Н—ой уѣзжалъ; онъ оставлялъ ее, можетъ быть, навсегда. Наконецъ, даже письмо это, которое я держалъ въ рукахъ,—кто знаетъ, что оно заключало? Какъ судить и кому осуждать? А между тѣмъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, внезапное обнаруженіе тайны было бы ужасомъ, громовымъ ударомъ въ ея жизни. Я еще помню лицо ея въ ту минуту: нельзя было больше страдать. Чувствовать, знать, быть увѣренной, ждать, какъ казни, что черезъ четверть часа, черезъ минуту могло быть обнаружено все, пакетъ кѣмъ нибудь найденъ, поднять; онъ безъ надписи, его могутъ вскрыть, а тогда... что тогда? Какая казнь ужас-

нѣе той, которая ее ожидаетъ? Она ходила между будущихъ судей своихъ. Черезъ минуту, ихъ улыбавшіеся, лстивыя лица будутъ грозны и неумолимы. Она прочтетъ насмѣшку, злость и ледяное презрѣніе на этихъ лицахъ, а потомъ настанетъ вѣчная, безразсвѣтная ночь въ ея жизни... Да, я тогда не понималъ всего этого такъ, какъ теперь объ этомъ думаю. Могъ я только подозрѣвать и предчувствовать, да болѣть сердцемъ за ея опасность, которую даже не совсѣмъ сознавалъ. Но, что бы ни заключалось въ ея тайнѣ,—тѣми скорбными минутами, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыхъ никогда не забуду, было искуплено многое, если только нужно было что-нибудь искупить.

Но вотъ раздался веселый призывъ къ отъѣзду; всѣ радостно засуетились; со всѣхъ сторонъ раздался рѣзвый говоръ и смѣхъ. Черезъ двѣ минуты терраса опустѣла. М-ме М* отказалась отъ поѣздки, сознавшись, наконецъ, что она нездорова. Но, слава Богу, всѣ отправились, всѣ торопились, и докучать сѣтованіями, разспросами и совѣтами, было некогда. Немногіе оставались дома. Мужъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она отвѣчала, что сегодня же будетъ здорова, чтобъ онъ не беспокоился, что ложиться ей не для чего, что она пойдетъ въ садъ, одна... со мною... Тутъ она взглянула на меня. Ничего не могло быть счастливѣе! Я покраснѣлъ отъ радости; черезъ минуту мы были въ дорогѣ.

Она пошла по тѣмъ самымъ аллеямъ, дорожкамъ и тропинкамъ, по которымъ недавно возвращалась изъ рощи, инстинктивно припоминая свой прежній путь, неподвижно смотря передъ собою, не отрывая глазъ отъ земли, ища на ней, не отвѣчая мнѣ, можетъ быть забывъ, что я иду вмѣстѣ съ нею.

Но когда мы дошли почти до того мѣста, гдѣ я поднималъ письмо и гдѣ кончалась дорожка, м-ме М* вдругъ остановилась, и слабымъ, замирающимъ отъ тоски голосомъ сказала, что ей хуже, что она пойдетъ домой. Но, дойдя до рѣшетки сада, она остановилась опять, подумала съ минуту; улыбка отчаянія показалась на губахъ ея и вся обезсиленная, измученная, рѣшившись на все, покорившись всему, она, молча, воротилась на первый путь, въ этотъ разъ позабывъ даже предупредить меня...

Я разрывался отъ тоски и не зналъ, что дѣлать.

Мы пошли или, лучше сказать, я привелъ ее къ тому мѣсту, съ котораго слышалъ, часъ назадъ, топотъ коня и ихъ разговоръ. Тутъ, вблизи густаго вяза, была скамья, изсѣченная въ огромномъ цѣльномъ камнѣ, вокругъ котораго обвивался плющъ и росли полевой жасминъ и шиповникъ. (Вся эта рощица была усыяна мостиками, бесѣдками, гротами и тому подобными сюрпризами). М-ме М* сѣла на скамейку, безсознательно взглянувъ на дивный пейзажъ, разстилавшійся передъ нами. Черезъ минуту она развернула книгу и неподвижно

приковалась къ ней, не перелистывая страницъ, не читая, почти не сознавая, что дѣлаетъ. Было уже половина десятаго. Солнце взошло высоко, и пышно плыло надъ нами, по синему, глубокому небу, казалось, расплавляясь въ собственномъ огнѣ своемъ. Косари ушли уже далеко; ихъ едва было видно съ нашего берега. За ними неотвязчиво ползли безконечныя борозды скошенной травы, и изрѣдка чуть шевелившійся вѣтерокъ вѣялъ на насъ ея благовоной пспариной. Кругомъ стоялъ неумолкаемый концертъ тѣхъ, которые «не жнутъ и не сѣютъ», а своевольны, какъ воздухъ, разсѣваемый ихъ рѣзвыми крыльями. Казалось, что въ это мгновеніе каждый цвѣтокъ, послѣдняя былинка, бурясь жертвеннымъ ароматомъ, говорили Создавшему ее: «Отецъ! я блаженна и счастлива»!...

Я взглянулъ на бѣдную женщину, которая, одна, была, какъ мертвецъ, среди всей этой радостной жизни: на рѣсницахъ ея неподвижно остановились двѣ крупныя слезы, вытравленныя острою болью изъ сердца. Въ моей власти было оживить и осчастливить это бѣдное, замправшее сердце и я только не зналъ, какъ приступить къ тому, какъ сдѣлать первый шагъ. Я мучился. Сто разъ порывался я подойти къ ней, и каждый разъ, какъ огонь, горѣло лицо мое.

Вдругъ одна свѣтлая мысль озарила меня. Средство было найдено; я воскресъ.

— Хотите, я вамъ букетъ нарву! сказалъ я такимъ радостнымъ голосомъ, что м-ме М* вдругъ подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Принеси, проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ, чуть-чуть улыбнувшись и тотчасъ-же опять опустивъ глаза въ книгу.

— А то и здѣсь, пожалуй, скосятъ траву и небудетъ цвѣтовъ! закричалъ я, весело пускаясь въ походъ.

Скоро я набралъ мой букетъ, простой, бѣдный. Его бы стыдно было внести въ комнату; но какъ весело билось мое сердце, когда я собиралъ и вѣзалъ его! Шиповнику и полевого жасмина взялъ я еще на мѣстѣ. Я зналъ, что недалеко есть нива съ дозрѣвшею рожью. Туда я сбѣгалъ за васильками. Я перемѣшалъ ихъ съ длинными колосьями ржи, выбравъ самые золотые и тучные. Тутъ же, недалеко, попало мнѣ цѣлое гнѣздо незабудокъ, и букетъ мой уже начиналъ наполняться. Далѣе, въ полѣ, наплись синіе колокольчики и полевая гвоздика, а за водяными, желтыми лиліями сбѣгалъ я на самое побережье рѣки. Наконецъ, уже возвращаясь на мѣсто и зайдя на мигъ въ рощу, чтобъ промыслить нѣсколько яркозеленныхъ, лапчатыхъ листьевъ клена и обернуть ими букетъ, я случайно набрелъ на цѣлое семейство аютиныхъ глазокъ, вблизи которыхъ, на мое счастье, ароматный фіалковый запахъ обличалъ, въ сочной, густой травѣ, притаившійся цвѣтокъ, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы. Букетъ былъ готовъ. Я перевязалъ его длинной, тонкой травой, которую свилъ въ бичеву, и во внутрь, осторожно,

вложить письмо, прикрывъ его цвѣтами,—но такъ, что его очень можно было замѣтить, если хоть маленькимъ вниманіемъ подарятъ мой букетъ.

Я понесъ его къ m-me M*.

Дорогой показалось мнѣ, что письмо лежитъ слишкомъ на виду: я побольше прикрывъ его. Подойдя еще ближе, я вдвинулъ его еще плотнѣе въ цвѣты и, наконецъ, уже почти дойдя до мѣста, вдругъ сунулъ его такъ глубоко во внутрь букета, что уже ничего не было примѣтно снаружи. На щекахъ моихъ горѣло цѣлое пламя. Мнѣ хотѣлось закрыть руками лицо и тотчасъ бѣжать, но она взглянула на мои цвѣты такъ, какъ будто совсѣмъ позабыла, что я пошелъ набирать ихъ. Машинально, почти не глядя, протянула она руку и взяла мой подарокъ, но тотчасъ же положила его на скамью, какъ будто я затѣмъ и передавалъ ей его, и снова опустила глаза въ книгу, точно была въ забытіи. Я готовъ былъ плакать отъ неудачи. «Но только бѣ мой букетъ былъ возлѣ нея», думалъ я, «только бы она о немъ не забыла!» Я легъ неподалеку на траву, положилъ подъ голову правую руку и закрылъ глаза, будто меня одолѣвалъ сонъ. Но я не спускалъ съ нея глазъ и ждалъ...

Прошло минутъ десять; мнѣ показалось, что она все больше и больше блѣднѣла... Вдругъ блаженный случай пришелъ мнѣ на помощь.

Это была большая, золотая пчела, которую принесъ добрый вѣтерокъ, мнѣ на счастье. Она пожужжала сперва надъ моей головою и потомъ полетѣла къ m-me M*. Та отмахнулась было рукою одинъ и другой разъ, но пчела, будто нарочно, становилась все неотвязчивѣе. Наконецъ m-me M* схватила мой букетъ и махнула имъ передъ собою. Въ этотъ мигъ пакетъ вырвался изъ подъ цвѣтовъ и упалъ прямо въ раскрытую книгу. Я вздрогнулъ. Нѣкоторое время m-me M* смотрѣла, пѣмая отъ изумленія, то на пакетъ, то на цвѣты, которые держала въ рукахъ и, казалось, не вѣрила глазамъ своимъ... Вдругъ она покраснѣла, вспыхнула и взглянула на меня. Но я уже перехватилъ ея взглядъ и крѣпко закрылъ глаза, притворяясь спящимъ; ни за что въ мірѣ я бы не взглянулъ теперь ей прямо въ лицо. Сердце мое замрило и билось, словно пташка, попавшая въ лапки кудряваго, деревенскаго мальчугана. Не помню, сколько времени пролежалъ я, закрывъ глаза: минуты двѣ, три. Наконецъ я осмѣлился ихъ открыть. M-me M* жадно читала письмо и, по разгорѣвшимся ея щекамъ, по сверкавшему, слезящемуся взгляду, по свѣтлому лицу, въ которомъ каждая черточка трепетала отъ радостнаго ощущенія, я догадался, что счастье было въ этомъ письмѣ и что развѣяна, какъ дымъ, вся тоска ея. Мучительно сладкое чувство присосалось къ моему сердцу, тяжело было мнѣ притворяться...

Никогда не забуду я этой минуты!

— Вдругъ, еще далеко отъ насъ, послышались голоса:

— M-me M*! Natalie! Natalie!

M-me M* не отвѣчала, но быстро поднялась со скамьи, подошла ко мнѣ и наклонилась надо мною. Я чувствовалъ, что она смотритъ мнѣ прямо въ лицо. Рѣсницы мои задрожали, но я удержался и не открылъ глазъ. Я старался дышать ровнѣе и спокойнѣе, но сердце задушало меня своими смятенными ударами. Горячее дыханіе ея палило мои щеки; она близко, близко нагнулась къ лицу моему, словно испытывая его. Наконецъ поцѣлуй и слезы упали на мою руку, на ту, которая лежала у меня на груди. И два раза она поцѣловала ее.

— Natalie! Natalie! гдѣ ты? послышалось снова, уже очень близко отъ насъ.

— Сей-часъ! проговорила m-me M* своимъ густымъ, серебристымъ голосомъ, но заглушеннымъ и дрожавшимъ отъ слезъ, и такъ тихо, что только я одинъ могъ слышать ея — сей-часъ!

Но въ этотъ мигъ сердце, наконецъ, измѣнило мнѣ и, казалось, высало всю свою кровь мнѣ въ лицо. Въ тотъ же мигъ, скорый, горячій поцѣлуй обжогъ губы. Я слабо вскрикнулъ, открылъ глаза, но тотчасъ же на нихъ упалъ вчерашній газовый платочекъ ея, — какъ будто она хотѣла закрыть меня имъ отъ солнца. Мгновеніе спустя, ея уже не было. Я слышалъ только шелестъ торопливо удалявшихся шаговъ. Я былъ одинъ.

Я сорвалъ съ себя ея косынку и цѣловалъ ее, не помня себя отъ восторга; нѣсколько минутъ я былъ, какъ безумный!.. Едва переводя духъ, облокотясь на траву, глядѣлъ я, безсознательно и неподвижно, передъ собою, на окрестные холмы, пестрѣвшіе нивами, на рѣку, пзвилисто обтекавшую ихъ, и далеко, какъ только могъ слѣдить глазъ, въющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, какъ точки по всей, залитой свѣтомъ, дали,—на снѣге, чуть видѣвшіеся лѣса, какъ будто курившіеся на краю раскаленнаго неба, и какое-то сладкое затишье, будто навѣянное торжественною тишиною картины, мало-по-малу смирило мое возмущенное сердце. Мнѣ стало легче и я вздохнулъ свободнѣе... Но вся душа моя какъ-то глухо и сладко томилась, будто прозрѣніемъ чего-то, будто какимъ-то предчувствіемъ. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганнымъ сердцемъ моимъ, слегка трепетавшимъ отъ ожиданія... И вдругъ грудь моя заколебалась, заныла, словно отъ чего-то пронзившаго ее, и слезы, сладкія слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Я закрылъ руками лицо и, весь трепеща, какъ быльница, невозбранно отдался первому сознанію и откровенію сердца, первому, еще неясному прозрѣнію природы моей... Первое дѣтство мое кончилось съ этимъ мгновеніемъ.

...
Когда, черезъ два часа, я воротился домой, то не нашелъ уже m-me M*: Она уѣхала съ мужемъ въ Москву, по какому-то внезапному случаю. Я уже никогда болѣе не встрѣчался съ нею.

НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА.

I.

Отца моего я непомню. Онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Мать моя вышла замужъ въ другой разъ. Это второе замужество принесло ей много горя, хотя и было сдѣлано по любви. Мой отчимъ былъ музыкантъ. Судьба его очень замѣчательна: это былъ самый странный, самый чудесный человекъ изъ всѣхъ, которыхъ я знала. Онъ слишкомъ сильно отразился въ первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, такъ сильно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Прежде всего, чтобъ былъ понятенъ рассказъ мой, я приведу здѣсь его біографію. Все, что я теперь буду рассказывать, узнала я потомъ отъ знаменитаго скрипача Б., который былъ тсварщикомъ и короткимъ пріятелемъ моего отчима въ своей молодости.

Фамилія моего отчима былъ Ефимовъ. Онъ родился въ селѣ оченьбогатаго помѣщика, отъ одного бѣднаго музыканта, который, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ имѣніи этого помѣщика и нанялся въ его оркестръ. Помѣщикъ жилъ очень пышно, и болѣе всего, до страсти, любилъ музыку. Рассказывали про него, что онъ, никогда невыезжавшій изъ своей деревни даже въ Москву, однажды вдругъ рѣшился поѣхать за границу на какія-то воды, и поѣхалъ не болѣе, какъ на нѣсколько педѣлъ, единственно для того, чтобъ услышать какого-то знаменитаго скрипача, который, какъ увѣдомляли газеты, собирался дать на водахъ три концерта. У него былъ порядочный оркестръ музыкантовъ, на который онъ тратилъ почти весь доходъ свой. Въ этотъ оркестръ мой отчимъ поступилъ кларнетистомъ. Ему было двадцать два года, когда онъ познакомился съ однимъ страннымъ человекомъ. Въ этомъ же уѣздѣ жилъ богатый графъ, который разорился на содержаніе домашнего театра. Этотъ графъ отказалъ отъ должности капельмейстеру своего оркестра, родомъ итальянцу, за дурное поведеніе. Капельмейстеръ былъ дѣйствительно дурной человекъ. Когда его выгнали, онъ совершенно унизился, сталъ ходить по деревенскимъ трактирамъ, напивался, иногда просилъ милостыню, и уже никто, въ цѣлой губерніи, не хотѣлъ дать ему мѣста. Съ этимъ-то человекомъ подружился мой отчимъ. Связь эта была необъяснимая и странная, потому что никто не замѣчалъ, чтобъ онъ хоть сколько нибудь измѣнился въ своемъ поведеніи изъ подражанія товарищу,

и даже самъ помѣщикъ, который сначала запре- щалъ ему водиться съ итальянцемъ, смотрѣлъ потомъ сквозь пальцы на ихъ дружбу. Наконецъ, капельмейстеръ умеръ скоропостижно. Его нашли, по утру, крестьяне во рву, у плотины. Нарядили слѣдствіе, и вышло, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Имущество его сохранялось у отчима, который тотчасъ же и представилъ доказательства, что имѣлъ полное право наслѣдовать этимъ имуществомъ: покойникъ оставилъ собственноручную записку, въ которой дѣлалъ Ефимова своимъ наслѣдникомъ въ случаѣ своей смерти. Наслѣдство состояло изъ чернаго фрака, тщательно берегавшагося покойникомъ, который все еще надѣялся достать себѣ мѣсто, и скрипки, довольно обыкновенной съ виду. Никто не оспаривалъ этого наслѣдства. Но только, спустя нѣсколько времени, къ помѣщику явился первый скрипачъ графскаго оркестра, съ письмомъ отъ графа. Въ этомъ письмѣ, графъ просилъ, уговаривалъ Ефимова продать скрипку, вставшуюся послѣ итальянца, и которую графъ очень желалъ приобрести для своего оркестра. Онъ предлагалъ три тысячи рублей и прибавлялъ, что уже нѣсколько разъ посылалъ за Егоромъ Ефимовымъ, чтобъ покончить торгъ лично, но что тотъ упорно отказывался. Графъ заключалъ тѣмъ, что цѣна скрипки настоящая, что онъ не сбавляетъ ничего, и въ упорствѣ Ефимова видѣлъ для себя обидное подозрѣніе воспользоваться при торгѣ его простотою и незнаніемъ, а потому и просилъ вразумить его.

Помѣщикъ немедленно послалъ за отчимомъ.

— Для чего жъ ты не хочешь отдать скрипку? спросилъ онъ его:—она тебѣ не нужна. Тебѣ даютъ три тысячи рублей, это цѣна настоящая, и ты дѣлаешь неразумно, если думаешь, что тебѣ дадутъ больше. Графъ тебя не станетъ обманывать.

Ефимовъ отвѣчалъ, что къ графу онъ самъ не пойдетъ, но если его пошлютъ, то на это будетъ воля господская: графу онъ скрипку не продастъ, а если у него захотятъ взять ее насильно, то на это опять будетъ воля господская.

Ясное дѣло, что такимъ отвѣтомъ онъ коснулся самой чувствительной струны въ характерѣ помѣщика. Дѣло въ томъ, что тотъ всегда съ гордостію говорилъ, что знаетъ, какъ обращаться со своими музыкантами, потому что всѣ они до одного истинные артисты и что, благодаря имъ, его

оркестръ не только лучше графскаго, но и не хуже столичнаго.

— Хорошо! отвѣчалъ помѣщикъ:—я увѣдомлю графа, что ты не хочешь продать скрипку, потому что ты не хочешь, потому что ты въ полномъ правѣ продать, или не продать, понимаешь? Но я самъ тебя спрашиваю: зачѣмъ тебѣ скрипка? Твой инструментъ кларнетъ, хоть ты и плохой кларнетистъ. Уступи ее мнѣ. Я дамъ три тысячи. (Кто зналъ, что это такой инструментъ!).

Ефимовъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сударь, я вамъ ее не продамъ, отвѣчалъ онъ:—конечно, ваша воля...

— Да развѣ я тебя притѣсняю, развѣ я тебя принуждаю! закричалъ помѣщикъ, выведенный изъ себя, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило при графскомъ музыкантѣ, который могъ заключить по этой спеці очень невыгодно объ участіи всѣхъ музыкантовъ помѣщичьяго оркестра.—Ступай же вонъ, неблагодарный! Чтобъ я тебя не видалъ съ этихъ поръ! Куда бы ты дѣлся безъ меня съ твоимъ кларнетомъ, на которомъ ты и играть не умѣешь? У меня же ты сытъ, одѣтъ, получаешь жалованье; ты живешь на благородной ногѣ, ты артистъ, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь. Ступай же вонъ и не раздражай меня своимъ присутствіемъ!

Помѣщикъ гналъ отъ себя всѣхъ, на кого сердился, потому что боялся за себя и за свою горячность. А ни за что бы онъ не захотѣлъ поступить слишкомъ строго съ «артистомъ», какъ онъ называлъ своихъ музыкантовъ.

Торгъ не состоялся и, казалось, тѣмъ дѣло и кончилось, какъ вдругъ, черезъ мѣсяцъ, графскій скрипачъ затѣялъ ужасное дѣло: подъ своею отвѣтственностью онъ подалъ на моего отчима доносъ, въ которомъ доказывалъ, что отчимъ виновенъ въ смерти италіянца и умертвилъ его съ корыстной цѣлью: овладѣть богатымъ наслѣдствомъ. Онъ доказывалъ, что завѣщаніе было выманено насильно и обѣщался представить свидѣтелей своему обвиненію. Ни просьбы, ни увѣщанія графа и помѣщика, вступившагося за моего отчима, ничто не могло поколебать доносчика въ его намѣреніи. Ему представляли, что медицинское слѣдствіе надъ тѣломъ покойнаго капельмейстера было сдѣлано правильно, что доносчикъ идетъ противъ очевидности, можетъ быть, по личной злобѣ и по досадѣ, не успѣвъ овладѣть драгоцѣннымъ инструментомъ, который для него покупали. Музыкантъ стоялъ на своемъ, божился, что онъ правъ, доказывалъ, что апоплексическій ударъ произошелъ не отъ пьянства, а отъ отравы, и требовалъ слѣдствія въ другой разъ. Съ перваго взгляда доказательства его показались серьезными. Разумѣется, дѣлу дали ходъ. Ефимова взяли, отослали въ городскую тюрьму. Началось дѣло, которое заинтересовало всю губернію. Оно пошло очень быстро и кончилось тѣмъ, что музыкантъ былъ уличенъ въ ложномъ доносѣ. Его приговорили къ справед-

ливому наказанію, но онъ до конца стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что онъ правъ. Наконецъ, онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что доказательства, имъ представленныя, выдуманы имъ самимъ, но что, выдумывая все это, онъ дѣйствовалъ по предположенію, по догадкѣ, потому что до сей поры, когда уже было произведено другое слѣдствіе, когда уже формально была доказана невинность Ефимова, онъ все еще остается въ полномъ убѣжденіи, что причиною смерти несчастнаго капельмейстера былъ Ефимовъ, хотя, можетъ быть, онъ уморилъ его не отравой, а другимъ какимъ нибудь образомъ. Но надъ нимъ не успѣли исполнить приговора: онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, сошелъ съ ума и умеръ въ тюремномъ лазаретѣ.

Въ продолженіе всего этого дѣла, помѣщикъ велъ себя самымъ благороднымъ образомъ. Онъ старался о моемъ отчимѣ такъ, какъ будто тотъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ къ нему въ тюрьму утѣшать его, дарилъ ему денегъ, привозилъ къ нему лучшихъ сигаръ, узнавъ, что Ефимовъ любилъ курить, и когда отчимъ оправдался, задалъ праздникъ всему оркестру. Помѣщикъ смотрѣлъ на дѣло Ефимова, какъ на дѣло, касающееся всего оркестра, потому что хорошимъ поведеніемъ своихъ музыкантовъ онъ дорожилъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ ихъ дарованіями. Прошелъ цѣлый годъ, какъ вдругъ по губерніи разнесся слухъ, что въ губернской городъ пріѣхалъ какой-то извѣстный скрипачъ, французъ, и намѣренъ дать мимоѣздомъ нѣсколько концертовъ. Помѣщикъ тотчасъ же началъ стараться какимъ-нибудь образомъ залучить его къ себѣ въ гости. Дѣло шло на ладъ; французъ обѣщался пріѣхать. Уже все было готово къ его отъѣзду, позванъ былъ почти цѣлый уѣздъ, но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Въ одно утро докладываютъ, что Ефимовъ исчезъ неизвестно куда. Начались поиски, но и слѣдъ простылъ. Оркестръ былъ въ чрезвычайномъ положеніи: не доставало кларнета, какъ вдругъ, дня три спустя послѣ исчезновенія Ефимова, помѣщикъ получаетъ отъ француза письмо, въ которомъ тотъ надменно отказывался отъ приглашенія, прибавляя, конечно обиняками, что впредь будетъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ тѣми господами, которые держатъ собственный оркестръ музыкантовъ, что неэстетично видѣть истинный талантъ подъ управленіемъ чловѣка, который не знаетъ ему цѣны, и что, наконецъ, примѣръ Ефимова, истиннаго артиста и лучшаго скрипака, котораго онъ только встрѣчалъ въ Россіи, служить достаточнымъ доказательствомъ справедливости словъ его.

Прочтя это письмо, помѣщикъ былъ въ глубокомъ изумленіи. Онъ былъ огорченъ до глубины души. Какъ? Ефимовъ, тотъ самый Ефимовъ, о которомъ онъ такъ заботился, которому онъ такъ благодѣтельствовалъ, этотъ Ефимовъ такъ безпо-

щадно, безсовѣстно оклеветалъ его въ глазахъ европейскаго артиста, такого человѣка, мнѣніемъ котораго онъ высоко дорожилъ! И наконецъ, письмо было необъяснимо въ другомъ отношеніи: увѣдомляли, что Ефимовъ артистъ съ истиннымъ талантомъ, что онъ скрипачъ, но что не умѣлъ угадать его таланта и принуждали его заниматься другимъ инструментомъ. Все это такъ поразило помѣщика, что онъ немедленно собрался ѣхать въ городъ для свиданія съ французомъ, какъ вдругъ получилъ записку отъ графа, въ которой тотъ приглашалъ его немедленно къ себѣ и увѣдомлялъ, что ему извѣстно все дѣло, что заѣзжіи виртуозы теперь у него, вмѣстѣ съ Ефимовымъ, что онъ, будучи изумленъ дерзостью и клеветой послѣдняго, приказалъ задержать его, и что, наконецъ, присутствіе помѣщика необходимо и потому еще, что обвиненіе Ефимова касается даже самого графа; дѣло это очень важно, и пужно его разъяснить, какъ можно скорѣе.

Помѣщикъ, немедленно отправившись къ графу, тотчасъ же познакомился съ французомъ и объяснилъ всю исторію моего отчима, прибавивъ, что онъ не подозрѣвалъ въ Ефимовѣ такого огромнаго таланта, что Ефимовъ былъ у него, напротивъ, очень плохимъ кларнетистомъ, и что онъ только въ первый разъ слышитъ, будто оставившій его музыкантъ,—скрипачъ. Онъ прибавилъ еще, что Ефимовъ человѣкъ вольный, пользовался полною свободою, и всегда, во всякое время, могъ бы оставить его, еслибъ дѣйствительно былъ притѣсненъ. Французъ былъ въ удивленіи. Позвали Ефимова, и его едва можно было узнать: онъ велъ себя заносчиво, отвѣчалъ съ насмѣшкою и настаивалъ въ справедливости того, что успѣлъ наговорить французу. Все это до крайности раздражило графа, который прямо сказалъ моему отчиму, что онъ негодяй, клеветникъ и достоинъ самаго постыднаго наказанія.

— Не беспокойтесь, ваше сіятельство, я уже довольно съ вами знакомъ и знаю васъ хорошо, отвѣчалъ мой отчимъ:— по вашей милости я едва ушелъ отъ уголовного наказанія. Знаю, по чѣму наущенью Алексѣй Никифоровичъ, вашъ бывшій музыкантъ, донесъ на меня.

• Графъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, услышавъ такое ужасное обвиненіе. Онъ едва могъ совладѣть съ собою; но случившійся въ залѣ чиновникъ, который заѣхалъ къ графу по дѣлу, объявилъ, что онъ не можетъ оставить всего этого безъ послѣдствій, что обидная грубость Ефимова заключается въ себѣ злое, несправедливое обвиненіе, клевету, и онъ покорнѣйше проситъ позволить арестовать его сей-часъ же, въ графскомъ домѣ. Французъ изъявилъ полное негодованіе и сказалъ, что непонимаетъ такой черной неблагодарности. Тогда мой отчимъ отвѣтилъ съ запальчивостью, что лучше наказаніе, судъ, и, хоть опять уголовное слѣдствіе, чѣмъ то житье, которое онъ испыталъ до сихъ поръ, состоя въ помѣщикьемъ оркестрѣ и не имѣя

средствъ оставить его раньше, за своею крайнею бѣдностью, и съ этими словами вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ арестовавшими его. Его заперли въ отдаленную комнату дома, и пригрозили, что завтра же отправятъ его въ городъ.

Около полуночи отворилась дверь въ комнату арестанта. Вошелъ помѣщикъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ, и держалъ въ рукахъ зажженный фонарь. Казалось, онъ не могъ заснуть, и мучительная забота заставила его въ такой часъ оставить постель. Ефимовъ не спалъ и съ изумленіемъ взглянулъ на вошедшаго. Тотъ поставилъ фонарь и въ глубокомъ волненіи сѣлъ противъ него на стулъ.

— Егоръ, сказалъ онъ ему:— за что ты такъ обидѣлъ меня?

Ефимовъ не отвѣчалъ. Помѣщикъ повторилъ свой вопросъ, и какое-то глубокое чувство, какаютостранная тоска звучала въ словахъ его.

— А Богъ знаетъ, за что я такъ обидѣлъ васъ, сударь! отвѣчалъ, наконецъ, мой отчимъ, махнувъ рукою:— знатъ бѣсъ попуталъ меня! И самъ не знаю, кто меня на все это наталкиваетъ! Ну, не жите мнѣ у васъ, не жите... Самъ дьяволъ привязался ко мнѣ!

— Егоръ! началъ снова помѣщикъ:— воротись ко мнѣ; я все позабуду, все тебѣ прощу. Слушай: ты будешь первымъ изъ моихъ музыкантовъ; я положу тебѣ не-въ-примѣръ другимъ жалованье...

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, и не говорите: не жалецъ я у васъ! Я вамъ говорю, что дьяволъ ко мнѣ навязался. Я у васъ домъ зажгу, коли останусь; на меня находятъ, и такая тоска подѣ-часъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться! Теперь я и за себя отвѣчать не могу: ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня. Это все съ тѣхъ поръ, какъ тотъ дьяволъ побратался со мною...

— Кто? спросилъ помѣщикъ.

— А вотъ, что вздохъ, какъ собака, отъ которой свѣтъ отступилъ, итальянецъ.

— Это онъ тебя, Егорушка, играть выучилъ?

— Да! Многому онъ меня научилъ на мою погибель. Лучше бъ мнѣ никогда его не видать.

— Развѣ и онъ былъ мастеръ на скрипкѣ, Егорушка?

— Нѣтъ, онъ самъ мало зналъ, а училъ хорошо. Я самъ выучился; онъ только показывалъ,—и легче чтобъ у меня рука отсохла, чѣмъ эта наука. Я теперь самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: «Егорка! чего ты хочешь? все могу тебѣ дать»,—а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ, что самъ не знаю, чего хочу. Нѣтъ, ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня, въ другой разъ говорю. Ужъ я что нибудь такое надъ собою сдѣлаю, чтобъ меня куда нибудь подальше спровадили, да и дѣло съ концомъ!

— Егоръ! сказалъ помѣщикъ послѣ минутнаго молчанія:— я тебя такъ не оставляю. Коли не хочешь служить у меня, ступай; ты же человѣкъ вольный, держать тебя я не могу; но я теперь

такъ не уйду отъ тебя. Сыграй мнѣ что нибудь, Егоръ, на твоей скрипкѣ, сыграй! ради Бога, сыграй! Я тебѣ не приказываю, пойми ты меня, я тебя не принуждаю; я тебя прошу слезно: сыграй мнѣ, Егорушка, ради Бога, то, что ты француззу игралъ! Отведи душу! Ты упрямъ и я упрямъ; знать, у меня тоже свой норовъ, Егорушка! Я тебя чувствую, почувствуй и ты, какъ я. Живъ не могу быть, покамѣстъ ты мнѣ не сыграешь того, по своей доброй волѣ и охотѣ, что француззу игралъ.

— Ну, быть такъ! сказалъ Ефимовъ. — Далъ я, сударь, зарокъ никогда передъ вами не играть, писанно передъ вами, а теперь сердце мое разрѣшилось. Сыграю я вамъ, но только въ первый и послѣдній разъ, и больше, сударь, вамъ никогда и нигдѣ меня не услышать, хоть бы тысячу рублей мнѣ посулили.

Тутъ онъ взялъ скрипку и началъ играть свои варіаціи на русскія пѣсни. — Б. говорилъ, что эти варіаціи его первая и лучшая пѣса на скрипкѣ, и что больше онъ никогда ничего не игралъ такъ хорошо и съ такимъ вдохновеніемъ. Помѣщикъ, который и безъ того не могъ равнодушно слышать музыку, плакалъ навзрыдъ. Когда игра кончилась, онъ всталъ со стула, вынулъ триста рублей, подалъ ихъ моему отчиму и сказалъ:

— Теперь ступай, Егоръ. Я тебя выпущу отсюда и самъ все улажу съ графомъ; но слушай: больше ужъ ты со мной не встрѣчайся. Передъ тобой дорога широкая, и коль столкнемся на ней, такъ и мнѣ и тебѣ будетъ обидно. Ну, прощай!.. Подожди! еще одинъ мой совѣтъ тебѣ на дорогу, только одинъ: не пей и учись, все учись; не знавайся! Говорю тебѣ, какъ бы отецъ твой родной сказалъ тебѣ. Смотри же, еще разъ повторяю: учись и чарки не знай, а хлебнешь разъ съ горя (а горя-то много будетъ!) — пиши пропало, все къ бѣсу пойдетъ, и, можетъ, самъ гдѣ-нибудь, во рву, какъ твой итальянецъ, издохнешь. Ну, теперь прощай!.. Постою, поцѣлуй меня!

Они поцѣловались, и вслѣдъ за тѣмъ мой отчимъ вышелъ на свободу.

Едва онъ очутился на свободѣ, какъ тотчасъ же началъ тѣмъ, что прокутилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ свои триста рублей, побратавшись въ то же время съ самой черной, грязной компаніей какихъ-то гулякъ, и кончилъ тѣмъ, что, оставшись одинъ въ нищетѣ и безъ всякой помощи, вынужденъ былъ вступить въ какой-то жалкій оркестръ бродячаго провинціального театра, въ качествѣ первой, и, можетъ быть, единственной скрипки. Все это не совсѣмъ согласовалось съ его первоначальными намѣреніями, которыя состояли въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе идти въ Петербургъ учиться, достать себѣ хорошее мѣсто и вполне образовать изъ себя артиста. Но житье въ маленькомъ оркестрѣ не сладилось. Мой отчимъ скоро поссорился съ антрепренеромъ странствующаго театра и оставилъ его. Тогда онъ совершенно упалъ духомъ и даже рѣшился на отчаянную мѣру, глубоко

язвившую его гордость. Онъ написалъ письмо къ извѣстному намъ помѣщику, изобразилъ ему свое положеніе и просилъ денегъ. Письмо было написано довольно независимо, но отвѣта на него не послѣдовало. Тогда онъ написалъ другое, въ которомъ, въ самыхъ унижательныхъ выраженіяхъ, называя помѣщика своимъ благодѣтелемъ и величая его титуломъ настоящаго цѣнителя искусствъ, просилъ его опять о вспоможеніи. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Помѣщикъ прислалъ сто рублей и нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою его камердинера, въ которыхъ объявлялъ, чтобъ впредь избавить его отъ всякихъ просьбъ. Получивъ эти деньги, отчимъ тотчасъ же хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но, по раслатѣ долговъ, денегъ оказалось такъ мало, что о путешествіи пельзя было и думать. Онъ снова остался въ провинціи, опять поступилъ въ какой-то провинціальный оркестръ, потомъ опять не ужился въ немъ и, переходя такимъ образомъ съ одного мѣста на другое, съ вѣчной идеей попасть въ Петербургъ какъ-нибудь въ скоромъ времени, пробылъ въ провинціи цѣлые шесть лѣтъ. Наконецъ, какой-то ужасъ напалъ на него. Съ отчаяніемъ замѣтилъ онъ, сколько потерпѣлъ его талантъ, непрерывно стѣсняемый безпорядочною, нищенскою жизнію, и въ одно утро онъ бросилъ своего антрепренера, взялъ свою скрипку и пришелъ въ Петербургъ, почти прося милостыню. Онъ поселился гдѣ-то на чердакѣ, и тутъ-то въ первый разъ сошелся съ Б., который только-что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Они скоро подружались, и Б. съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ даже и теперь объ этомъ знакомствѣ. Оба были молоды, оба съ одинаковыми надеждами, и оба съ одною и тою же цѣлью. Но Б. еще былъ въ первой молодости; онъ перенесъ еще мало нищеты и горя; сверхъ того, онъ былъ прежде всего нѣмецъ и стремился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ совершеннымъ сознаніемъ силъ своихъ и, почти разсчитавъ заранѣе, что изъ него выйдетъ, — тогда какъ товарищу его было уже тридцать лѣтъ, тогда какъ уже онъ усталъ, утомился, потерялъ всякое терпѣніе и выбился изъ первыхъ, здоровыхъ силъ своихъ, принужденный цѣлыя семь лѣтъ изъ-за куска хлѣба бродяжничать по провинціальнымъ театрамъ и по оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживала только одна вѣчная, неподвижная идея, выбиться наконецъ изъ сквернаго положенія, скопить денегъ и попасть въ Петербургъ. Но эта идея была темная, неясная; это былъ какой-то неотразимый внутренній призывъ, который, наконецъ, съ годами потерялъ свою первую ясность въ глазахъ самого Ефимова, и когда онъ явился въ Петербургъ, то уже дѣйствовалъ почти безсознательно, по какой-то вѣчной старинной привычкѣ вѣчнаго желанія и обдумыванія этого путешествія, и почти уже самъ не зная, что придется ему дѣлать въ столицѣ. Энтузіазмъ его былъ какой-то судорожный, желчный, порывчатый,

какъ будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣритья черезъ него, что еще не изсякли въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Этотъ непрерывный восторгъ поразилъ холоднаго, методическаго Б.; онъ былъ ослѣпленъ и привѣтствовалъ моего отчима, какъ будущаго великаго музыкальнаго гениа. Иначе онъ не могъ и представить себѣ будущую судьбу своего товарища. Но вскорѣ Б. открылъ глаза и разгадалъ его совершенно. Онъ ясно увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и истерпѣніе—не что иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминаніи о пропавшемъ талантѣ; что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и безпрерывной фантазіи, непрерывной мечты о собственномъ гениі. «Но»—разсказывалъ Б.—«я не могъ не удивляться странной натурѣ моего товарища. Передо мной совершалась въ-явь отчаянная, лихорадочная борьба судорожно напряженной волн и внутренняго безсилія. Несчастный цѣлые семь лѣтъ до того удовлетворялся одними мечтами о будущей славѣ своей, что даже не замѣтилъ, какъ потерялъ самое первоначальное въ нашемъ искусствѣ, какъ утратилъ даже самый первоначальный механизмъ дѣла. А между тѣмъ, въ его беспорядочномъ воображеніи поминутно создавались самыя колоссальныя планы для будущаго. Мало того, что онъ хотѣлъ быть первокласснымъ гениемъ, однимъ изъ первыхъ скрипачей въ мірѣ; мало того, что уже почиталъ себя такимъ гениемъ,—онъ, сверхъ того, думалъ еще сдѣлаться композиторомъ, не зная ничего о контрапунктѣ. Но всего болѣе изумляло меня, прибавлялъ Б., то, что въ этомъ человѣкѣ, при его полномъ безсиліи, при самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ въ техникахъ искусства, — было такое глубокое, такое ясное и, можно сказать, инстинктивное пониманіе искусства. Онъ до того сильно чувствовалъ его и понималъ про себя, что не диво, если заблудился въ собственномъ сознаніи о самомъ себѣ, и принималъ себя, вмѣсто глубокаго, инстинктивнаго критика искусства, за жреца самаго искусства, за гениа. Порой ему удавалось, на своемъ грубомъ, простомъ языкѣ, чуждомъ всякой науки, говорить мнѣ такія глубокія истины, что я становился въ тупикъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ угадалъ это все, никогда ничего не читавъ, никогда ничему неучившись, и я много обязанъ ему, прибавлялъ Б., ему и его совѣтамъ въ собственномъ усовершенствованіи. Что же касается до меня, продолжалъ Б., то я былъ спокоенъ на счетъ себя самого. Я тоже страстно любилъ свое искусство, хотя зналъ при самомъ началѣ моего пути, что большаго мнѣ не надо, что я буду, въ собственномъ смыслѣ, чернорабочій въ искусствѣ; но, за то, я горжусь тѣмъ, что не зарылъ, какъ лѣнивый рабъ, того, что мнѣ дано было отъ природы, а, напро-

тивъ, возрастилъ сторицею, и если хвалятъ мою отчетливость въ игрѣ, удивляются выработанности механизма, то всѣмъ этимъ я обязанъ непрерывному, неусыпному труду, ясному сознанію силъ своихъ, добровольному самоуничтоженію и вѣчной враждѣ къ заносчивости, къ раннему самоудовлетворенію, и къ лѣни, какъ естественному слѣдствію этого самоудовлетворенія».

Б. въ свою очередь попробовалъ подѣлиться совѣтами со своимъ товарищемъ, которому какъ подчинился въ самомъ началѣ, но только напрасно сердилъ его. Между ними послѣдовало охлажденіе. Вскорѣ Б. замѣтилъ, что товарищемъ его все чаще и чаще начинаетъ овладѣвать апатія, тоска и скука, что порывы энтузіазма его становятся рѣже и рѣже, и что за всѣмъ этимъ послѣдовало какое-то мрачное, дикое уныніе. Наконецъ, Ефимовъ началъ оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда къ ней по цѣлымъ недѣлямъ. До совершеннаго паденія было недалеко, и вскорѣ несчастный впалъ во всѣ пороки. Отъ чего предостерегалъ его помѣщикъ, то и случилось: онъ предался неумѣренному пьянству. Б. съ ужасомъ смотрѣлъ на него; совѣты его не подѣйствовали, да и кромѣ того, онъ боялся выговорить слово. Мало по малу, Ефимовъ дошелъ до самого крайняго цинизма: онъ нисколько не совѣстился жить на счетъ Б., и даже поступалъ такъ, какъ будто имѣлъ на то полное право. Между тѣмъ, средства къ жизни истощались; Б. кое-какъ перебивался уроками или нанимался играть на вечеринкахъ у купцовъ, у нѣмцевъ, у бѣдныхъ чиновниковъ, которые, хотя понемногу, но что нибудь платили. Ефимовъ какъ будто не хотѣлъ и замѣтить нужды своего товарища: онъ обращался съ нимъ сурово, и по цѣлымъ недѣлямъ не удостоивалъ его ни однимъ словомъ. Однажды Б. замѣтилъ ему самымъ кроткимъ образомъ, что не худо бы ему было не слишкомъ пренебрегать своей скрипкой, чтобъ не отучить отъ себя совсѣмъ инструмента; тогда Ефимовъ совсѣмъ разсердился и объявилъ, что онъ нарочно не дотронется никогда до своей скрипки, какъ будто воображалъ, что кто-нибудь будетъ упрашивать его о томъ на колѣняхъ. Другой разъ Б. понадобился товарищъ, чтобъ играть на одной вечеринкѣ, и онъ пригласилъ Ефимова. Это приглашеніе привело Ефимова въ ярость. Онъ съ запальчивостью объявилъ, что онъ не уличный скрипачъ и не будетъ такъ подлѣ, какъ Б., чтобъ унижать благородное искусство, играя передъ подлыми ремесленниками, которые ничего не поймутъ въ его игрѣ и талантѣ. Б. не отвѣтилъ на это ни слова, но Ефимовъ, надумавшись объ этомъ приглашеніи въ отсутствіе своего товарища, который ушелъ играть, воображалъ, что все это было только намекомъ на то, что онъ живетъ на счетъ Б., и желаніе дать знать, чтобъ онъ тоже попробовалъ зарабатывать деньги. Когда Б. воротился, Ефимовъ вдругъ сталъ укорять его за подлость его поступка и объявилъ,

что не останется болѣе съ нимъ ни минуты. Онъ, дѣйствительно, исчезъ куда-то на два дня, но на третій явился опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова началъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Только прежняя свѣчка и дружба, да еще страданіе, которое чувствовалъ Б. къ погибшему человѣку, удерживали его отъ намѣренія кончить такое безобразное житіе и разстаться навсегда со своимъ товарищемъ. Наконецъ, они разстались. Б. улыбнулось счастье: онъ приобрѣлъ чье-то сильное покровительство, и ему удалось дать блестящій концертъ. Въ это время, онъ уже былъ превосходный артистъ, и скоро его быстро-возрастающая пѣвѣстность доставила ему мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра, гдѣ онъ такъ скоро составилъ себѣ вполне заслуженный успѣхъ. Разставаясь, онъ далъ Ефимову денегъ и со слезами умолялъ его возвратиться на истинный путь.—Б. и теперь не можетъ вспомнить объ немъ безъ особеннаго чувства. Знакомство съ Ефимовымъ было однимъ изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній его молодости. Въмѣстѣ они начали свое поприще, такъ горячо привязались другъ къ другу, и даже самая странность, самые грубые, рѣзкіе недостатки Ефимова привязывали къ нему Б. еще сильнѣе.—Б. понималъ его; онъ видѣлъ его насквозь и предугивалъ, чѣмъ все это кончится. При разставаньи, они обнялись и оба заплакали. Тогда Ефимовъ, сквозь слезы и рыданія, проговорилъ, что онъ погибшій, несчастнѣйшій человѣкъ, что онъ давно это зналъ, но что теперь только усмотрѣлъ ясно свою гибель.

— У меня нѣтъ таланта! заключилъ онъ, поблѣднѣвъ какъ мертвый.

Б. былъ сильно тронутъ.

— Послушай, Егоръ Петровичъ, говорилъ онъ ему:—что ты надъ собою дѣлаешь? Ты вѣдь только губишь себя своимъ отчаяніемъ; у тебя нѣтъ ни терпѣнія, ни мужества. Теперь ты говоришь въ припадкѣ унынія, что у тебя нѣтъ таланта. Неправда! У тебя есть талантъ, я тебя въ томъ увѣряю. У тебя онъ есть. Я вижу это ужъ по одному тому, какъ ты чувствуешь и понимаешь искусство. Это я докажу тебѣ и всею твоею жизнію. Ты же рассказывалъ мнѣ о своемъ прежнемъ житіи. И тогда тебя посѣтило безсознательно то же отчаяніе. Тогда твой первый учитель, этотъ странный человѣкъ, о которомъ ты мнѣ такъ много рассказывалъ, впервые пробудилъ въ тебѣ любовь къ искусству и угадалъ твой талантъ. Ты такъ же сильно и тяжело почувствовалъ это тогда, какъ и теперь чувствуешь. Но ты не зналъ самъ, что съ тобою дѣлается. Тебѣ не жилось въ домѣ помѣщика, и ты самъ не зналъ, чего тебѣ хотѣлось. Учитель твой умеръ слишкомъ рано. Онъ оставилъ тебя только съ одними неясными стремленіями и, главное, не объяснилъ тебѣ тебя же самого. Ты чувствовалъ, что тебѣ нужна другая дорога, болѣе широкая, что тебѣ суждены другія цѣли, но ты не понималъ, какъ это сдѣлается, и

въ тоскѣ своей возненавидѣлъ все, что тебя окружало тогда. Твои шесть лѣтъ бѣдности и нищеты не погибли даромъ; ты учился, ты думалъ, ты познавалъ себя и свои силы, ты понимаешь теперь искусство и свое назначеніе. Другъ мой, нужно терпѣніе и мужество. Тебя ждетъ жребій завиднѣе моего: ты во сто разъ болѣе художникъ, чѣмъ я; но дай Богъ тебѣ хоть десятую долю моего терпѣнія. Учись и не пей, какъ говорилъ тебѣ твой добрый помѣщикъ, а главное — начпнай съизнова, съ азбуки. Что тебя мучитъ? бѣдность, нищета? Но бѣдность и нищета образуютъ художника. Онъ неразлученъ съ началомъ. Ты еще никому не нуженъ теперь, никто тебя и знать не хочетъ; такъ свѣтъ идетъ. Подожди, не то еще будетъ, когда узнаютъ что въ тебѣ есть дарованіе. Зависть, мелочная подлость, а пуще всего глупость налягутъ на тебя сильнѣе нищеты. Таланту нужно сочувствіе, ему нужно, чтобы его поппмали, а ты увидишь, какія лица обступятъ тебя, когда ты хоть немного достигнешь цѣли. Они будутъ ставить ни во что и съ презрѣніемъ смотрѣть на то, что въ тебѣ выработалось тяжкимъ трудомъ, лишеніями, голодомъ, бессонными ночамп. Они не ободрятъ, не утѣшатъ тебя, твои будущіе товарищи; они не укажутъ тебѣ на то, что въ тебѣ хорошо и истинно, но съ злою радостью будутъ поднимать каждую ошибку твою, будутъ указывать тебѣ именно на то, что у тебя дурно, на то, въ чемъ ты ошибаешься, и подъ наружнымъ видомъ хладнокровія и презрѣнія къ тебѣ, будутъ какъ праздникъ праздновать каждую твою ошибку (будто кто нибудь былъ безъ ошибокъ!). Ты же заносчивъ, ты часто некстати гордъ и можешь оскорбить самолюбивую ничтожность, и тогда бѣда,—ты будешь одинъ, а ихъ много; они тебя испытываютъ булавками. Даже я начинаю это испытывать. Ободрись же теперь! Ты еще совсѣмъ не такъ бѣденъ, ты можешь жить, не пренебрегай черной работою, руби дрова, какъ я рубилъ ихъ на вечерпикахъ у бѣдныхъ ремесленниковъ. Но ты нетерпѣливъ, ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты, ты слишкомъ хитришь, слишкомъ много думаешь, много даешь работи своей головѣ; ты дерзокъ на словахъ и трусишь, когда придется взять въ руки смычокъ. Ты самолюбивъ, и въ тебѣ мало смѣлости. Смѣлѣй же, подожди, поучись, и если не надѣнешься на силы свои, такъ иди на авось; въ тебѣ есть жаръ, есть чувство. Авось дойдешь до цѣли, а если нѣтъ, все-таки иди на авось: не потеряешь ни въ какомъ случаѣ, потому что выиграешь слишкомъ великъ. Тутъ, братъ, наше *авось*, — дѣло великое!

Ефимовъ слушалъ своего бывшаго товарища съ глубокимъ чувствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, блѣдность сходила со щекъ его; онъ оживились румянцемъ; глаза его сверкали непривычнымъ огнемъ смѣлости и надежды. Скоро эта благородная смѣлость перешла въ самоувѣренность, потомъ въ обычную дерзость и, наконецъ, когда

Б. оканчивалъ свое увѣщаніе, Ефимовъ уже слушалъ его разсѣянно и съ нетерпѣніемъ. Одна-кожь онъ горячо сжалъ ему руку, поблагодарилъ его, и, скорый въ своихъ переходахъ отъ глубокаго самоуничтоженія и унынія до крайней надменности и дерзости, объявилъ самонадѣянно, чтобъ другъ его не беспокоился объ его участи, что онъ знаетъ, какъ устроить свою судьбу, что скоро и онъ надѣется достать себѣ покровительство, дастъ концертъ и тогда разомъ зазоветъ себѣ и славу и деньги.—Б. пожалъ плечами, но не противорѣчилъ своему бывшему товарищу, и они разстались, хотя, разумѣется, не надолго. Ефимовъ тотчасъ же прожилъ даданныя ему деньги и пришелъ за ними въ другой разъ, потомъ въ четвертый, потомъ въ десятый, наконецъ, Б. потерялъ терпѣніе и не сказывался дома. Съ тѣхъ поръ, онъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одинъ разъ Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся въ одномъ переулкѣ, у входа въ грязный трактиръ, на чело-вѣка дурно одѣтаго, хмѣльнаго, который назвалъ его по имени. Это былъ Ефимовъ. Онъ очень измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ; видно было, что безпутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимымъ образомъ.—Б. обрадовался чрезвычайно, и, не успѣвъ перемолвить съ нимъ двухъ словъ, пошелъ за нимъ въ трактиръ, куда тотъ потащилъ его. Тамъ, въ отдаленной, малеской, загопченной комнатѣ, онъ разглядѣлъ поближе своего товарища. Тотъ былъ почти въ лохмотьяхъ, въ худыхъ сапогахъ; растрепанная манишка его была вся залита виномъ. Волосы на головѣ его начали сѣдѣть и вылѣзать.

— Что съ тобою? Гдѣ ты теперь? спрашивалъ Б.

Ефимовъ сконфузился, даже сробѣлъ сначала, отвѣчалъ безсвязно и отрывисто, такъ что Б. подумалъ, что онъ видитъ предъ собою помѣшаннаго. Наконецъ Ефимовъ признался, что не можетъ ничего говорить, если не дадутъ выпить водки, и что въ трактиръ ему уже давно не вѣрятъ. Говоря это, онъ краснѣлъ, хотя и постарался ободрить себя какимъ-то бойкимъ жестомъ; но вышло что-то нахальное, выдѣланное, назойливое, такъ что все было очень жалко и возбудило состраданіе въ добромъ Б., который увидѣлъ, что опасеніе его сбылось вполне. Однакожь, онъ приказалъ подать водки. Ефимовъ измѣнился въ лицѣ отъ благодарности, и до того потерялся, что со слезами на глазахъ готовъ былъ цѣловать руки своего благодѣтеля. За обѣдомъ, Б. узналъ съ величайшимъ удивленіемъ, что несчастный женатъ. Но еще болѣе взумился онъ, когда тутъ же узналъ, что жена составила все его несчастіе и горе, и что женитьба убила вполне весь талантъ его.

— Какъ такъ? спросилъ Б.

— Я, братъ, уже два года, какъ не беру въ руки скрипку, отвѣчалъ Ефимовъ.—Баба, кухарка, необразованная, грубая женщина. Чтобъ ее!... Только деремса, больше ничего не дѣлаемъ,

— Да зачѣмъ же ты женился, коли такъ?

— Бѣсъ было нечего. Я познакомился съ ней; у ней было рублей съ тысячу: я и женился, очертя голову. Она же влюбилась въ меня. Сама ко мнѣ повисла на шею. Кто ее наталкивалъ! Деньги прожиты, пропиты, братецъ, и—какой тутъ талантъ! Все пропало!

Б. увидѣлъ, что Ефимовъ какъ будто снѣшилъ въ чемъ-то передъ нимъ оправдаться.

— Все бросилъ, все бросилъ, прибавилъ онъ. Тутъ онъ ему объявилъ, что въ послѣднее время почти достигъ совершенства на скрипкѣ, что, пожалуй, хотя Б. и пѣзъ первыхъ скрипачей въ городѣ, а ему и въ подметки не станетъ, если онъ захочетъ того.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? сказалъ удивленный Б.: ты бы искалъ себѣ мѣста?

— Не стоитъ! сказалъ Ефимовъ, махнувъ рукою.—Кто изъ васъ тамъ хоть что нибудь понимаетъ! Что вы знаете? Шишь, пичего, вотъ что вы знаете! Плясовую какую нибудь въ балетцѣ какомъ прогудѣть,—ваше дѣло. Скрипачей то вы хорошихъ и не видали, и не слыхали. Чего васъ трогать; оставайтесь себѣ, какъ хотите!

Тутъ Ефимовъ снова махнулъ рукою и покачнулся на стулѣ, потому что порядочно охмѣлѣлъ. За тѣмъ онъ сталъ звать къ себѣ Б.; но тотъ отказался, взявъ его адресъ и увѣрилъ, что завтра же зайдетъ къ нему. Ефимовъ, который теперь уже былъ сытъ, насмѣшливо поглядывалъ на своего бывшего товарища и всячески старался чѣмъ нибудь уколоть его. Когда они уходили, онъ схватилъ богатую шубу Б. и подаль ее, какъ низшій высшему. Проходя мимо первой комнаты, онъ остановился и отрекомендовалъ Б. трактирщикамъ и публикѣ, какъ первую и единственную скрипку въ цѣлой столицѣ. Однимъ словомъ, онъ былъ чрезвычайно грязенъ въ эту минуту.

Б., однакожь, отыскалъ его на другое утро, на чердакѣ, гдѣ всѣ мы жили тогда въ крайней бѣдности, въ одной комнатѣ. Мнѣ было тогда четыре года, и уже два года тому, какъ матушка моя вышла за Ефимова. Это была несчастная женщина. Прежде она была гувернантка, была прекрасно образована, хороша собой, и, по бѣдности, вышла замужъ за старика-чиновника, моего отца. Она жила съ нимъ только годъ. Когда же отецъ мой умеръ скоропостижно, и скудное наслѣдство было раздѣлено между его наслѣдниками, матушка осталась одна со мною, съ ничтожною суммою денегъ, которая досталась на ея долю. Идти въ гувернантки опять, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, было трудно. Въ это время, какимъ-то случайнымъ образомъ, она встрѣтилась съ Ефимовымъ, и дѣйствительно влюбилась въ него. Она была энтузіастка, мечтательница, видѣла въ Ефимовѣ какого-то гевія, повѣрила его заносчивымъ словамъ о блестящей будущности; воображенію ея льстила славная участь быть опорой, руководительницей гениальнаго че-

ловѣка, и она вышла за него замужъ. Въ первый же мѣсяцъ исчезли всѣ ея мечты и надежды, и передъ ней осталась жалкая дѣйствительность. Ефимовъ, который дѣйствительно женился, можетъ быть, изъ-за того, что у матушки моей была какая нибудь тысяча рублей денегъ, какъ только онѣ были прожиты, сложилъ руки и, какъ будто радуясь предлогу, немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его талантъ, что ему нельзя было работать въ душной комнатѣ, глаза-на-глазъ съ голоднымъ семействомъ, что тутъ не пойдутъ на умъ пѣсни да музыка, и что, наконецъ, видно, ему на роду написано было такое несчастье. Кажется, онъ и самъ потомъ увѣрился въ справедливости своихъ жалобъ и, казалось, обрадовался новой отговоркѣ. Казалось, этотъ несчастный, погибшій талантъ самъ искалъ внѣшняго случая, на который бы можно было свалить всѣ неудачи, всѣ бѣдствія. Увѣриться же въ ужасной мысли, что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ не могъ. Онъ судорожно боролся, какъ съ болѣзненнымъ кошмаромъ, съ этимъ ужаснымъ убѣжденіемъ и, наконецъ, когда дѣйствительность одолевала его, когда минутами открывались его глаза, онъ чувствовалъ, что готовъ былъ сойдти съ ума отъ ужаса. Онъ не могъ такъ легко разувѣриться въ томъ, что такъ долго составляло всю жизнь его, и до послѣдней минуты своей думалъ, что минута еще не ушла. Въ часы сомнѣнія, онъ предавался пьянству, которое, своимъ безобразнымъ чадомъ, прогоняло тоску его. Наконецъ, онъ, можетъ быть, самъ не зная, какъ необходима была ему жена въ это время. Это была живая отговорка и, дѣйствительно, мой отчимъ чуть не помѣшался на той идеѣ, что когда онъ схоронитъ жену, *которая погубила его*, все пойдетъ своимъ чередомъ. Бѣдная матушка не понимала его. Какъ настоящая мечтательница, она не вынесла и перваго шага въ враждебной дѣйствительности: она сдѣлалась вспыльчива, желчна, бранлива, поминутно ссорилась съ мужемъ, который находилъ какое-то наслажденіе мучить ее, и безпрестанно гнала его за работу. Но ослѣпленіе, неподвижная идея моего отчима, его сумасбродство сдѣлали его почти безчеловѣчнымъ и безчувственнымъ. Онъ только смѣялся, и поклялся не брать въ руки скрипки до самой смерти жены, что и объявилъ ей съ жестокой откровенностью. Матушка, которая до самой смерти своей страстно любила его, не смотря ни на что, не могла выносить такой жизни. Она сдѣлалась вѣчно-больною, вѣчно-страдающею, жила въ непрерывныхъ терзаніяхъ и, кромѣ всего этого горя, на нее одну пала вся забота о пропитаніи семейства. Она начала готовить кушанье, и сначала открыла у себя столъ для приходящихъ. Но мужъ таскалъ у нее потихоньку всѣ деньги, и она принуждена была часто отсылать, вмѣсто обѣда, пустую посуду тѣмъ, для которыхъ работала. Когда Б. посѣтилъ насъ, она занималась мытьемъ бѣлья и перекрашиваніемъ стараго платья. Такимъ обра-

зомъ, мы всѣ кое-какъ перебивались на нашемъ чердакѣ.

Нищета нашего семейства поразила Б. — Послушай, вздоръ ты все говоришь, сказалъ онъ отчиму: — гдѣ тутъ убитый талантъ? Она же тебя кормитъ, а ты что тутъ дѣлаешь?

— А ничего! отвѣчалъ отчимъ.

Но Б. еще не зналъ всѣхъ бѣдствій матушки. Мужъ часто заводилъ къ себѣ въ домъ цѣлыя ватаги разныхъ сорванцовъ и буяновъ, и тогда чего не было!

Б. долго убѣждалъ своего прежняго товарища; наконецъ, объявилъ ему, что если онъ не захочетъ исправиться, то ни въ чемъ ему не поможетъ; сказалъ безъ околичностей, что денегъ ему не дастъ, потому что онъ ихъ пропьетъ, и попросилъ наконецъ сыграть ему что нибудь на скрипкѣ, чтобъ посмотреть, что можно будетъ для него сдѣлать. Когда же отчимъ пошелъ за скрипкой, Б. потихоньку сталъ давать денегъ моей матери, но та не брала. Въ первый разъ ей приходилось принимать подаваніе! Тогда Б. отдалъ ихъ мнѣ, и бѣдная женщина залилась слезами. Отчимъ принесъ скрипку, но сначала попросилъ водки, сказавъ, что безъ этого не можетъ играть. Послали за водкой. Онъ выпилъ и расходился. — Я сыграю тебѣ что нибудь изъ моего собственнаго, по дружбѣ, сказалъ онъ Б., и вытащилъ толстую, запыленную тетрадь изъ-подъ комода.

— Все это я самъ написалъ, сказалъ онъ ука-зывая на тетрадь. — Вотъ, ты увидишь! Это, братъ, не ваши балетцы!

Б. молча просмотрѣлъ нѣсколько страницъ; потомъ развернулъ ноты, которыя были при немъ, и попросилъ отчима, оставивъ въ сторонѣ собственное сочиненіе, разыграть что нибудь изъ того, что онъ самъ принесъ.

Отчимъ немного обидѣлся, однакожъ, боясь потерять новое покровительство, исполнилъ приказаніе Б. — Тутъ Б. увидѣлъ, что прежній товарищъ его дѣйствительно много занимался и приобрѣлъ во время ихъ разлуки, хотя хвалился, что уже съ самой женитьбы не беретъ въ руки инструмента. Надобно было видѣть радость моей бѣдной матери. Она глядѣла на мужа и снова гордилась имъ. Искренно обрадовавшись, добрый Б. рѣшился пристроить отчима. Онъ уже тогда имѣлъ большія связи и немедленно сталъ просить и рекомендовать своего бѣднаго товарища, взявъ съ него предварительное слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. А покаместъ онъ одѣлъ его получше, на свой счетъ, и повелъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло то мѣсто, которое онъ хотѣлъ достать для него. Дѣло въ томъ, что Ефимовъ чванился только на словахъ, но, кажется, съ величайшею радостью принялъ предложеніе своего стараго друга. — Б. рассказывалъ, что ему становилось стыдно за всю лесть и за все униженное поклоненіе, которыми отчимъ старался его задобрить, боясь какъ нибудь потерять его благо-

расположение. Онъ понималъ, что его ставятъ на хорошую дорогу, и даже пересталъ пить. Наконецъ, ему прискали мѣсто въ оркестрѣ театра. Онъ выдержалъ испытаніе хорошо, потому что въ одинъ мѣсяцъ прилежанія и труда воротилъ все, что потерялъ въ полтора года бездѣйствія, обѣщалъ и впредь заниматься и быть исправнымъ и точнымъ въ своихъ новыхъ обязанностяхъ. Но положение нашего семейства совсѣмъ не улучшилось. Отчимъ не давалъ матушкѣ ни копѣйки изъ жалованья, все проживалъ самъ, пропивалъ и продавалъ съ новыми пріятелями, которыхъ тотчасъ же завелъ цѣлый кружокъ. Онъ водился преимущественно съ театральными служителями, хорпстами, фигурантами, однимъ словомъ, съ такимъ народомъ, между которымъ могъ первенствовать и избѣгалъ людей, истинно талантливыхъ. Онъ успѣлъ имъ внушить къ себѣ како-то особенное уваженіе, тотчасъ же натолковалъ имъ, что онъ непризнанный человѣкъ, что онъ съ великимъ талантомъ, что его сгубила жена, и что, наконецъ, ихъ капельмейстеръ ничего не смыслитъ въ музыкѣ. Онъ смѣялся надъ всѣми артистами оркестра, надъ выборомъ пьесъ, которыя ставятъ на сцену, и, наконецъ, надъ самыми авторами игравшихся оперъ. Наконецъ, онъ началъ толковать какую-то новую теорію музыки, словомъ, надоѣлъ всему оркестру, перессорился съ товарищами, съ капельмейстеромъ, грубилъ начальству, приобрѣлъ репутацію самаго безпокойнаго, самаго вздорнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго ничтожнаго человѣка, и довелъ до того, что сталъ для всѣхъ невыносимымъ.

И дѣйствительно, было чрезвычайно странно видѣть, что такой незначительный человѣкъ, такой дурной, бесполезный исполнитель и нерадивый музыкантъ, въ то же время съ такими огромными претензіями, съ такою хвастливостью, чванствомъ, съ такимъ рѣзкимъ тономъ.

Кончилось тѣмъ, что отчимъ поссорился съ Б., выдумалъ самую скверную сплетню, самую гадкую клевету, и пустил ее въ ходъ за очевидную истину. Его выжили изъ оркестра послѣ полугодовой безпорядочной службы, за нерадивость въ исполненіи обязанности и нетрезвое поведеніе. Но онъ не покинулъ такъ скоро своего мѣста. Скоро его увидѣли въ прежнихъ лохмотьяхъ, потому что порядочное платье все было снова продано и заложено. Онъ сталъ приходить къ прежнимъ сослуживцамъ, рады или не рады были они такому гостю, разносилъ сплетни, болталъ вздоръ, плакался на свое житье-бытье, и звалъ всѣхъ къ себѣ, глядѣть злодѣйку жену его. Конечно, нашлись слушатели, нашлись такіе люди, которые находили удовольствіе, напоивъ выгнаннаго товарища, заставляя его болтать всякій вздоръ. Къ тому же, онъ говорилъ всегда остро и умно, и пересыпалъ свою рѣчь ѣдкою желчью и разными циническими выходками, которыя нравились извѣстнаго рода слушателямъ. Его принимали за какого-то сумасброднаго шута, котораго иногда пріятно заста-

вить болтать отъ бездѣлья. Любили дразнить его, говоря при немъ о какомъ нибудь новомъ заѣжемъ скрипачѣ. Слыша это, Ефимовъ мѣнялся въ лицѣ, робѣлъ, разузнавалъ, кто пріѣхалъ, и кто такой новый талантъ, и тотчасъ же начиналъ ревновать къ его славі. Кажется, только съ этихъ поръ началось его настоящее систематическое помѣшательство,—его неподвижная идея о томъ, что онъ первѣйшій скрипачъ, но крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но что онъ гонимъ судьбою, обиженъ, по разнымъ интригамъ непонятъ и находится въ невѣстности. Послѣднее даже льстило ему, потому что есть такіе характеры, которые очень любятъ считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это вслухъ, или утѣшать себя въ тишомолку, поклоняясь своему непризанному величію. Всѣхъ петербургскихъ скрипачей онъ зналъ наперечетъ, и, по своимъ понятіямъ, ни въ комъ изъ нихъ не находилъ себѣ соперника. Знатки и дилеттанты, которые знали несчастнаго сумасброда, любили заговорить при немъ о какомъ нибудь извѣстномъ, талантливомъ скрипачѣ, чтобы заставить его говорить въ свою очередь. Они любили его злость, его ѣдія замѣчанія, любили дѣльныя и умныя вещи, которыя онъ говорилъ, критикуя игру своихъ мнимыхъ соперниковъ. Часто не понимали его, но зато были увѣрены, что никто въ свѣтѣ не умѣетъ такъ ловко и въ такой бойкой каррикатурѣ изобразить современныхъ музыкальных знаменитости. Даже эти самые артисты, надъ которыми онъ такъ насмѣхался, немного боялись его, потому что знали его ѣдкость, сознавались въ дѣльности нападокъ его и въ справедливости его сужденія въ томъ случаѣ, когда нужно было хулить. Его какъ-то привыкли видѣть въ корридорахъ театра и за кулсами. Служители пропускали его безпрепятственно, какъ необходимое лицо, и онъ сдѣлался какимъ-то домашнимъ Оерситомъ. Такое житье продолжалось года два или три; но наконецъ онъ наскучилъ всѣмъ даже и въ этой послѣдней роли. Послѣдовало формальное изгнаніе, и, въ послѣдніе два года своей жизни, отчимъ какъ будто въ воду канулъ, и его уже нигдѣ не видали. Впрочемъ, Б. встрѣтилъ его два раза, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что состраданіе еще разъ взяло въ немъ верхъ надъ отвращеніемъ. Онъ позвалъ его, но отчимъ обидѣлся, сдѣлалъ видъ, будто ничего не слыхалъ, нахлобучилъ на глаза свою старую исковерканную шляпу, и прошелъ мимо. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, Б. доложили поутру, что пришелъ его поздравить прежній товарищъ его, Ефимовъ. Б. вышелъ къ нему. Ефимовъ стоялъ хмѣльной, началъ кланяться чрезвычайно низко, чуть не въ ноги, что-то шевелилъ губами и упорно не хотѣлъ идти въ комнаты. Смысль его поступка былъ тотъ, что гдѣ, дескать, намъ, безталаннымъ людемъ, водиться съ такою знатію, какъ вы; что для насъ, маленькихъ людей, довольно и лакейскаго мѣста, чтобы съ праздникомъ поздравить: поклонимся и

уйдемъ отсюда. Однимъ словомъ, все было сально, глупо и стирательно гадко. Съ этихъ поръ, Б. очень долго не видалъ его, ровно до самой катастрофы, которою разрѣшилась вся эта печальная, болѣзненная и чадная жизнь. Она разрѣшилась страннымъ образомъ. Эта катастрофа тѣсно связана не только съ первыми впечатлѣніями моего дѣтства, но даже и со всею моею жизнью. Вотъ какимъ образомъ случилась она... Но прежде я должна объяснить, что такое было мое дѣтство и что такое былъ для меня этотъ человѣкъ, который такъ мучительно отразился въ первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ и который былъ причиною смерти моей бѣдной матушки.

II.

Я начала себя помнить очень поздно, только съ десятого года. Не знаю, какимъ образомъ все, что было со мною до этого года возраста, не оставило во мнѣ никакого яснаго впечатлѣнія, о которомъ бы я могла теперь вспомнить. Но съ половины девятого года я помню все отчетливо, день за днемъ, непрерывно, какъ будто все, что ни было потомъ, случилось не далѣе, какъ вчера. Правда, я могу какъ будто во снѣ припомнить что-то и раньше: всегда затепленную лампаду въ темномъ углу, у стариннаго образа; потомъ, какъ меня однажды сшибла на улицѣ лошадь. отъ чего, какъ мнѣ послѣ рассказывали, я пролежала больная три мѣсяца; еще, какъ во время этой болѣзни, ночью проснулась я полнѣ матушки, съ которою лежала вмѣстѣ, какъ я вдругъ испугалась моихъ болѣзненныхъ сновидѣній, ночной тишины и скребшихся въ углу мышей, и дрожала отъ страха всю ночь, забиваясь подъ одеяло, но не смѣя будить матушку, изъ чего и заключаю, что ее я боялась больше всякаго страха. Но съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно недѣтскихъ впечатлѣній стали для меня какъ-то страшно доступны. Все прояснилось передо мной, все чрезвычайно скоро становилось понятнымъ. Время, съ котораго я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мнѣ рѣзкое и грустное впечатлѣніе; это впечатлѣніе повторялось потомъ каждый день и росло съ каждымъ днемъ; оно набросило темный и странный колоритъ на все время житія моего у родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и на все мое дѣтство.

Теперь мнѣ кажется, что я очнулась вдругъ, какъ будто отъ глубокаго сна (хотя тогда это, разумѣется, не было для меня такъ поразительно). Я очутилась въ большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, душной и нечистой. Стѣны были окрашены грязновато-сѣрою краскою; въ углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу, или, лучше сказать, на кровлю противоположнаго дома и были цинзенькія, шпрокія, словно щели.

Подоконники приходились такъ высоко отъ полу, что я помню, какъ мнѣ нужно было подставлять стулъ, скамейку и потомъ уже кое-какъ добираться до окна, на которомъ я любила сидѣть, когда никого не было дома. Изъ нашей квартиры было видно полгорода; мы жили подъ самой кровлей, въ шести-этажномъ, огромнѣйшемъ домѣ. Вся наша мебель состояла изъ какого-то остатка клеевчатаго дивана, всего въ пыли и въ мочалахъ, простого бѣлаго стола, двухъ стульевъ, матушкиной постели, шкафика съ чѣмъ-то въ углу, комода, который всегда стоялъ покачнувшись на бокъ, и разодранныхъ бумажныхъ ширмъ.

Помню, что были сумерки; все было въ беспорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка, и не знаю, что-то такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отчимъ сидѣлъ въ углу, въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала, закричала, и бросилась къ нимъ обнимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и крѣпко обняла батюшку, чтобы заслонить его собою. Богъ знаетъ, отъ чего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ невиноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынести за него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ также боятся ее. Матушка сначала изумилась, потомъ схватила меня за руку и оттащила за ширмы. Я ушибла о кровать руку довольно больно; но испугъ былъ сильнѣе боли, и я даже не поморщилась. Помню еще, что матушка начала что-то горько и горячо говорить отцу, указывая на меня (я буду и впередъ въ этомъ разсказѣ называть его отцомъ, потому что уже гораздо послѣ узнала, что онъ мнѣ не родной). Вся эта сцена продолжалась часа два, и я, дрожа отъ ожиданія, старалась всѣми силами угадать, чѣмъ все это кончится. Наконецъ, ссора утихла, и матушка куда-то ушла. Тутъ батюшка позвалъ меня, поцѣловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я крѣпко, сладко прижалась къ груди его. Это была, можетъ быть, первая ласка родительская, можетъ быть, оттого-то и я начала все такъ отчетливо помнить съ того времени. Я замѣтила тоже, что заслужила милость отца за то, что за него заступилась, и тутъ, кажется, въ первый разъ меня поразила идея, что онъ много терпитъ и выноситъ горя отъ матушки. Съ тѣхъ поръ, эта идея осталась при мнѣ навсегда и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возмущала меня.

Съ этой минуты началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу, но чудная любовь, какъ будто вовсе не дѣтская. Я бы сказала, что это было скорѣе какое-то сострадательное, *материнское* чувство, еслибъ такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти. Отецъ

казался мнѣ всегда до того жалкимъ, до того терпящимъ гоненія, до того задавленнымъ, до того страдальцемъ, что для меня было страшнымъ, неестественнымъ дѣломъ не любить его безъ памяти, не утѣшать его, не ласкаться къ нему, не стараться объ немъ всѣми силами. Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ, я, ребенокъ, могла хоть что нибудь понять въ его личныхъ неудачахъ? А я ихъ понимала, хотя перетолковавъ, передѣлавъ все въ моемъ воображеніи по своему; но до сихъ поръ не могу представить себѣ, какимъ образомъ составилось во мнѣ такое впечатлѣніе. Можетъ быть, матушка была слишкомъ строга ко мнѣ, и я привязалась къ отцу какъ къ существу, которое, по моему мнѣнію, страдаетъ вмѣстѣ со мною, за одно.

Я уже рассказала первое пробужденіе мое отъ младенческаго сна, первое движеніе мое въ жизни. Сердце мое было уязвлено съ перваго мгновенія, и съ непостижимою, утомляющею быстротою началось мое развитіе. Я уже не могла довольствоваться одними внѣшними впечатлѣніями. Я начала думать, разсуждать, наблюдать; но это наблюденіе произошло такъ неестественно рано, что воображеніе мое не могло не передѣлывать всего по своему, и я вдругъ очутилась въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Все вокругъ меня стало походить на ту волшебную сказку, которую часто рассказывалъ мнѣ отецъ и которую я не могла не принять, въ то время, за чистую истину. Родились странные понятія. Я очень хорошо узнала,—но не знаю, какъ это сдѣлалось—что живу въ странномъ семействѣ и что родители мои какъ-то вовсе непохожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ это время. Отъ чего, думала я:—отъ чего я вижу другихъ людей, какъ-то и съ виду непохожихъ на моихъ родителей? отъ чего я замѣчала смѣхъ на другихъ лицахъ и отъ чего меня тутъ же поражало то, что въ нашемъ углу никогда не смѣются, никогда не радуются? Какая сила, какая причина заставила меня, девятилѣтняго ребенка, такъ прилежно осматриваться и вслушиваться въ каждое слово тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать или на нашей лѣстницѣ, или на улицѣ, когда я по вечеру, прикрывъ свои лохмотья старой матушкиной кацавейкой, шла въ лавочку съ мѣдными деньгами, купить на нѣсколько грошей сахару, чаю или хлѣба. Я поняла, и ужъ не помню какъ, что въ нашемъ углу—какое-то вѣчное, нестерпимое горе. Я ломала голову, стараясь угадать, почему это такъ, и не знаю, кто мнѣ помогъ разгадать все это по своему: я обвинила матушку, признала ее за злодѣйку моего отца, и опять говорю: не понимаю, какъ такое чудовищное понятіе могло составиться въ моемъ воображеніи. И на сколько я привязалась къ отцу, на сколько возненавидѣла мою бѣдную мать.

До сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ глубоко и горько терзаетъ меня. Но, вотъ другой случай, который еще болѣе, чѣмъ первый, способствовалъ моему странному сближенію съ отцомъ. Разъ, въ десятомъ часу вечера, матушка послала меня въ лавочку за дрожжами, а батюшки не было дома. Возвращаясь, я упала на улицѣ и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о томъ, какъ разсердится матушка. Между тѣмъ я чувствовала ужасную боль въ лѣвой рукѣ и не могла встать. Кругомъ меня остановились прохожіе; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчикъ, пробѣжавшій мимо, ударилъ меня ключомъ въ голову. Наконецъ, меня поставили на ноги, я подобрала черенки разбитой чашки и пошла, шатаясь, едва передвигая ноги. Вдругъ я увидѣла батюшку. Онъ стоялъ въ толпѣ, передъ богатымъ домомъ, который былъ противъ нашего. Этотъ домъ принадлежалъ какимъ-то знатымъ людямъ и былъ великолѣпно освѣщенъ; у крыльца съѣхалось множество каретъ, и звуки музыки долетали изъ оконъ на улицу. Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку и, заплакавъ, начала говорить, что боюсь идти къ матушкѣ. Я какъ-то была увѣрена, что онъ заступится за меня. Но почему я была увѣрена, кто подсказалъ мнѣ, кто научилъ меня, что онъ меня любить болѣе, чѣмъ матушка? Отъ чего къ нему я подошла безъ страха? Онъ взялъ меня за руку, началъ утѣшать, потомъ сказалъ, что хочетъ мнѣ что-то показать и приподнялъ меня на рукахъ. Я ничего не могла видѣть, потому что онъ схватилъ меня за ушибленную руку, и мнѣ стало ужасно больно; но я не закричала, боясь огорчить его. Онъ все спрашивалъ, вижу ли я что нибудь? Я всѣми силами старалась отвѣчать въ угоду ему, и отвѣчала, что вижу красивые занавѣсы. Когда же онъ хотѣлъ перенести меня на другую сторону улицы, ближе къ дому, то, не знаю отъ чего, вдругъ начала я плакать, обнимать его и проситься скорѣе наверхъ къ матушкѣ. Я помню, что мнѣ тяжелѣе были тогда ласки батюшки, и я не могла вынести того, что одинъ изъ тѣхъ, кого я такъ хотѣла любить,—ласкаетъ и любитъ меня, и что къ другой я не смѣла и боялась идти. Но матушка почти совсѣмъ не сердилась, и отослала меня спать. Я помню, что боль въ рукѣ, усиливаясь все болѣе и болѣе, пагнала на меня лихорадку. Однакожъ, я была какъ-то особенно счастлива тѣмъ, что все такъ благополучно кончилось, и всю эту ночь мнѣ снился сосѣдній домъ, съ красными занавѣсами.

И вотъ, когда я проснулась на другой день, первую мыслью, первую заботою моею былъ домъ съ красными занавѣсами. Только что матушка вышла со двора, я вскарабкалась на окошко и начала смотрѣть на него. Уже давно этотъ домъ поразилъ мое дѣтское любопытство. Особенно я любила смотрѣть на него ввечеру, когда на улицѣ зажигались огни и когда начинали блестѣть какими-то кровавымъ, особеннымъ блескомъ красныя

какъ пурпуръ гардины за цѣльными стеклами ярко освѣщеннаго дома. Къ крыльцу почти всегда подъѣзжали богатые экипажи, на прекрасныхъ, гордыхъ лошадяхъ, и все завлекало мое любопытство: и крикъ, и суматоха у подъѣзда, и разноцвѣтные фонари каретъ, и разряженныя женщины, которыя приѣзжали въ нихъ. Все это, въ моемъ дѣтскомъ воображеніи, принимало видъ чего-то царственно-пышнаго и сказочно-волшебнаго. Теперь же, послѣ встрѣчи съ отцемъ у богатаго дома, домъ сдѣлался для меня вдвое чудеснѣе и любопытнѣе. Теперь, въ моемъ пораженномъ воображеніи, начали рождаться какія-то чудныя понятія и предположенія. И я не удивляюсь, что среди такихъ странныхъ людей, какъ отецъ и мать,—я сама сдѣлалась такимъ страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Меня какъ-то особенно поражалъ контрастъ ихъ характеровъ. Меня поражало, напримѣръ, то, что матушка вѣчно заботилась и хлопотала о нашемъ бѣдномъ хозяйствѣ, вѣчно попрекала отца, что она одна за всѣхъ труженица, и я невольно задавала себѣ вопросъ: почему же батюшка совсемъ не помогаетъ ей, почему же онъ какъ будто чужой живетъ въ нашемъ домѣ? Нѣсколько матушкиныхъ словъ дало мнѣ объ этомъ понятіе, и я съ какимъ-то удивленіемъ узнала, что батюшка артистъ (это слово я удержала въ памяти), что батюшка человѣкъ съ талантомъ, въ моемъ воображеніи тотчасъ же сложилось понятіе, что артистъ—какой-то особенный человѣкъ, непохожій на другихъ людей. Можетъ быть, самое поведеніе отца навело меня на эту мысль; можетъ быть, я слышала что нибудь, что теперь вышло изъ моей памяти; но какъ-то странно понятенъ былъ для меня смыслъ словъ отца, когда онъ говорилъ ихъ одинъ разъ при мнѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Эти слова были, что «придетъ время, когда и онъ не будетъ въ нищетѣ, когда онъ самъ будетъ баринъ и богатый человѣкъ, и что, наконецъ, онъ воскреснетъ снова, когда умретъ матушка». Помню, я сначала испугалась этихъ словъ до крайности. Я не могла оставаться въ комнатѣ, выбѣжала въ наши холодныя сѣни, и тамъ, облокотясь на окно и закрывъ руками лицо, зарыдала. Но потомъ, когда я поминутно раздумывала объ этомъ, когда я свыклась съ этимъ ужаснымъ желаніемъ отца,—фантазія вдругъ пришла мнѣ на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвѣстностью и должна была непременно остановиться на какомъ нибудь предположеніи. И вотъ,—не знаю какъ началось это все сначала,—но подъ конецъ я остановилась на томъ, что когда умретъ матушка, батюшка оставитъ эту скучную квартиру и уйдетъ куда-то, вмѣстѣ со мною. Но куда?—я до самого послѣдняго времени не могла себѣ ясно представить. Помню только, что все, чѣмъ могла я украсить то мѣсто, куда мы пойдёмъ съ нимъ (а я непременно рѣшила, что мы пойдёмъ вмѣстѣ), все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и ве-

ликолыннаго въ моей фантазіи, все было приведено въ дѣйствіе въ этихъ мечтаніяхъ. Мнѣ казалось, что мы тотчасъ же станемъ богаты; я не буду ходить на посылкахъ въ лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дѣти сосѣдняго дома, когда я выходила изъ дому, и этого я ужасно боялась, особенно, когда несла молоко или масло, зная, что если пролью, то съ меня строго взыщется; потомъ я порѣшила, мечтая, что батюшка тотчасъ сошьетъ себѣ хорошее платье, что мы поселимся въ блестящемъ домѣ, и вотъ теперь—этотъ богатый домъ съ красными занавѣсами, и встрѣча возлѣ него съ батюшкою, который хотѣлъ мнѣ что-то показать въ немъ,—пришли на помощь моему воображенію. И тотчасъ же сложилось въ моихъ догадкахъ, что мы переселимся именно въ этотъ домъ и будемъ въ немъ жить въ какомъ-то вѣчномъ праздниѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ этихъ поръ, по вечерамъ, я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла изъ окна на этотъ волшебный для меня домъ, припоминала сѣзды, припоминала гостей такихъ нарядныхъ, какъхъ я никогда еще не видала; мнѣ чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшіе изъ оконъ; я всматривалась въ тѣни людей, мелькавшія на занавѣсахъ оконъ, и все старалась угадать, что такое тамъ дѣлается,—и все казалось мнѣ, что тамъ рай и всегдашній праздникъ. Я возненавидѣла наше бѣдное жилище, лохмотья, въ которыхъ сама ходила, и когда, однажды, матушка закричала на меня и приказала сойти съ окна, на которое я забралась по обыкновенію, то мнѣ тотчасъ же пришло на умъ, что она хочетъ, чтобы я не смотрѣла именно на этотъ домъ, чтобы я не думала объ немъ, что ей непріятно наше счастье, что она хочетъ помѣшать ему въ этотъ разъ... Цѣлый вечеръ я внимательно и подозрительно смотрѣла на матушку.

И какъ могла родиться во мнѣ такая ожесточенность къ такому вѣчно страдавшему существу, какъ матушка? Только теперь понимаю я ея страдальческую жизнь, и безъ боли въ сердцѣ не могу вспомнить объ этой мученицѣ. Даже и тогда, въ темную эпоху моего чуднаго дѣтства, въ эпоху такого неестественнаго развитія моей первой жизни, часто сжималось мое сердце отъ боли и жалости,—и тревога, смущеніе и сомнѣніе западали въ мою душу. Уже и тогда совѣсть возставала во мнѣ и часто, съ мученіемъ и страданіемъ, я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ. Но мы какъ-то чуждались другъ друга, и не помню, чтобы я хоть разъ приласкалась къ ней. Теперь часто самыя ничтожныя воспоминанія являютъ и потрясаютъ мою душу. Разъ, помню (конечно, что я расскажу теперь,—ничтожно, мелко, грубо, но именно такія воспоминанія какъ-то особенно терзаютъ меня и мучительнѣе всего напечатлѣлись въ моей памяти),—разъ, въ одинъ вечеръ, когда отца не было дома, матушка стала посылать меня въ лавочку, купить ей чаю и сахару. Но она все

раздумывала и все не рѣшалась, и вслухъ считала мѣдныя деньги,—жалкую сумму, которою могла располагать. Она считала, я думаю, съ полчаса, и все не могла окончить расчетовъ. Къ тому же, въ нѣмныя минуты, вѣроятно отъ горя, она впадала въ какое-то безсмысліе. Какъ теперь помню, она все что-то приговаривала, считая тихо, размеренно, какъ будто роняя слова ненарочно; губы и щеки ея были блѣдны, руки всегда дрожали, и она всегда качала головою, когда разсуждала наединѣ.—«Нѣтъ, ненужно», сказала она, поглядѣвъ на меня: «я лучше спать лягу. А? хочешь ты спать, Нѣточка?» Я молчала; тутъ она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня такъ тихо, такъ ласково, лицо ея прояснѣло и озарилось такою материнскою улыбкой, что всё сердце заняло во мнѣ и крѣпко забилося. Къ тому же, она меня назвала Нѣточкой, что значило, что въ эту минуту она особенно любитъ меня. Это названіе она избрала сама, любовно передѣлавъ мое имя, Анна, въ уменьшительное Нѣточка, и когда она называла меня такъ, то значило, что ей хотѣлось приласкать меня. Я была тронута; мнѣ хотѣлось обнять ее, прижаться къ ней и заплакать съ нею вмѣстѣ. Она, бѣдная, долго гладила меня потомъ по головѣ,—можетъ быть уже машинально и позабывъ, что ласкаетъ меня, и все приговаривала: «дитя мое, Аннета, Нѣточка!» Слезы рвались изъ глазъ моихъ, но я крѣпилась и удерживалась. Я какъ-то упорствовала, не выказывая передъ ней моего чувства, хотя сама мучилась. Да, это не могло быть естественнымъ ожесточеніемъ во мнѣ. Она не могла такъ возбудить меня противъ себя единственно только строгостью своею со мною. Нѣтъ! меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя къ отцу. Иногда я просыпалась по ночамъ, въ углу, на своей коротенькой подстилкѣ, подъ холоднымъ одѣяломъ, и мнѣ всегда становилось чего-то страшно: Въ просонкахъ я вспоминала о томъ, какъ еще недавно, когда я была поменьше, спала вмѣстѣ съ матушкой и меньше боялась проснуться ночью; стоило только прижаться къ ней, зажмурить глаза и крѣпче обнять ее,—и тотчасъ, бывало, заснешь. Я все еще чувствовала, что какъ-то не могла не любить ее потихоньку. Я замѣтила потомъ, что и многія дѣти часто бываютъ уродливо-безчувственны, и если любятъ кого, то любятъ исключительно. Такъ было и со мною.

Иногда въ нашемъ углу наступала мертвая тишина на цѣлыя недѣли. Отецъ и мать уставали ссориться, и я жила между ними по прежнему, все молча, все думая, все тоскуя и все чего-то добываясь въ мечтахъ моихъ. Приглядываясь къ нимъ обонмъ, я поняла вполнѣ ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ безпорядочной жизни, которая угнѣздилась въ нашемъ углу,—конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла на столько, на сколько по-

нять могла. Бывало, въ длинныя зимніе вечера, забывшись куда нибудь въ уголъ, я по цѣлымъ часамъ жадно слѣдила за ними, всматривалась въ лицо отца и все старалась догадаться, о чемъ онъ думаетъ, что такъ занимаетъ его. Потомъ меня поражала и пугала матушка. Она все ходила, не уставая, взадъ и впередъ по комнатѣ, по цѣлымъ часамъ, часто даже и ночью, во время бессонницы, которою мучилась, ходила что-то шепча про себя, какъ будто была одна въ комнатѣ, то разводя руками, то скрестивъ ихъ у себя на груди, то ломая ихъ въ какой-то страшной, неистощимой тоскѣ. Иногда слезы струились у ней по лицу, слезы, которыхъ она часто и сама, можетъ быть, не понимала, потому что по временамъ впадала въ забытіе. У ней была какая-то очень трудная болѣзнь, которою она совершенно пренебрегала.

Я помню, что мнѣ все тягостнѣе и тягостнѣе становилось мое одиночество и молчаніе, котораго я не смѣла прервать. Уже цѣлый годъ жила я сознательною жизнью, все думая, мечтая и мучась потихоньку невѣдомыми, неясными стремленіями, которыя зараждались въ мнѣ. Я думала, какъ будто въ лѣсу. Наконецъ, батюшка первый замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, зачѣмъ я такъ пристально гляжу на него. Не помню, что я ему отвѣчала: помню, что онъ объ чемъ-то задумался и, наконецъ, сказалъ, поглядѣвъ на меня, что завтра же принесетъ азбуку и начнетъ учить меня читать. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этой азбуки и промечтала всю ночь, неясно понимая, что такое эта азбука. Наконецъ, на другой день, отецъ дѣйствительно началъ учить меня. Понявъ съ двухъ словъ, чего отъ меня требовали, я выучила скоро и быстро, ибо знала, что этимъ угожу ему. Это было самое счастливое время моей тогдашней жизни. Когда онъ хвалилъ меня за понятливость, гладилъ по головѣ и цѣловалъ, я тотчасъ же начинала плакать отъ восторга. Мало по малу, отецъ полюбилъ меня; я уже осмѣливалась заговаривать съ нимъ, и часто мы говорили съ нимъ цѣлыя часы неуставая, хотя я иногда не понимала ни слова изъ того, что онъ мнѣ говорилъ. Но я какъ-то боялась его, боялась, чтобъ онъ не подумалъ, что мнѣ съ нимъ скучно, и потому всѣми силами старалась показать ему, что все понимаю. Сидѣть со мною по вечерамъ было у него, наконецъ, въ привычку. Какъ только начинало смеркаться, и онъ возвращался домой, я тотчасъ же подходила къ нему съ азбукой. Онъ сажалъ меня противъ себя на скамейку и послѣ урока начиналъ читать какую-то книжку. Я ничего не понимала, но хохотала безъ умолку, думая доставить ему этимъ большое удовольствіе. Дѣйствительно я занимала его, и ему было весело смотрѣть на мой смѣхъ. Въ это же время, онъ, однажды, послѣ урока началъ мнѣ разсказывать сказку. Это была первая сказка, которую мнѣ пришлось слышать. Я сидѣла, какъ зачарованная, горѣла въ нетерпѣніи, слѣдя за разсказомъ, пе-

реносилась въ какой-то край, слушая его, и къ концу разсказа была въ полномъ восторгѣ. Не то, чтобъ такъ дѣйствовала на меня сказка,—нѣтъ, но я все брала за истину, тутъ же давала волю своей богатой фантазіи и тотчасъ же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность. Тотчасъ являлся въ воображеніи моемъ и домъ съ красными занавѣсами; тутъ же, неизвѣстно какимъ образомъ, являлся, какъ дѣйствующее лицо, и отецъ, который самъ же мнѣ разсказывалъ эту сказку, и матушка, мѣшавшая намъ обонимъ идти неизвѣстно куда,—наконецъ, или, лучше сказать, прежде всего, я, съ своими чудными мечтами, съ своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками: все это до того перемѣшивалось въ умѣ моемъ, что вскорѣ составило самый безобразный хаосъ, и я нѣкоторое время потеряла всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго, и жила Богъ знаетъ гдѣ. Въ это время, я умирала отъ нетерпѣнія заговорить съ отцомъ о томъ, что ожидаетъ насъ впереди, чего такого онъ самъ ожидаетъ и куда поведетъ меня вмѣстѣ съ собою, когда мы оставимъ, наконецъ, нашъ чердакъ. Я была увѣрена, съ своей стороны, что все это какъ-то скоро совершится, но какъ и въ какомъ видѣ все это будетъ,—не знала и только мучила себя, ломая надъ этимъ голову. Порой—и случилось это особенно по вечерамъ—мнѣ казалось, что батюшка вотъ-вотъ тотчасъ мигнетъ мнѣ украдкой, вызоветъ меня въ сѣни; я, мимоходомъ, потихоньку отъ матушки, захвачу свою азбуку и еще нашу картину, какую-то дрянную литографію, которая съ незапамятныхъ временъ висѣла безъ рамки на стѣнѣ и которую я рѣшила непременно взять съ собою, и мы куда нибудь уйдѣмъ потихоньку, такъ что ужъ никогда болѣе не воротимся домой къ матушкѣ. Однажды, когда матушки не было дома, я выбрала минуту, когда отецъ былъ особенно веселъ—а это случилось съ нимъ, когда онъ чуть-чуть выпьетъ вина—подошла къ нему и заговорила о чемъ-то, въ намѣреніи тотчасъ свернуть разговоръ на мою заветную тему. Наконецъ, я добилась, что онъ засмѣялся, и я, крѣпко обнявъ его, съ трепещущимъ сердцемъ, совсѣмъ испугавшись, какъ будто приготовлялась говорить о чемъ-то таинственномъ и страшномъ, начала, безсвязно и путаясь на каждомъ шагу, разспрашивать его: куда мы пойдемъ, скоро ли, что возьмемъ съ собою, какъ будемъ жить и, наконецъ, пойдемъ ли мы въ домъ съ красными занавѣсами?

— Домъ? красные занавѣсы? что такое? О чемъ ты бредишь, глупая?

Тогда я, испугавшись больше прежняго, начала ему объяснять, что когда умретъ матушка, то мы уже не будемъ больше жить на чердакѣ, что онъ куда-то поведетъ меня, что мы оба будемъ богаты и счастливы, и увѣряла его, наконецъ, что онъ самъ мнѣ обѣщалъ все это. Увѣряя его, я была совершенно увѣрена, что дѣйствительно отецъ мой

говорилъ объ этомъ прежде, но крайней мѣрѣ мнѣ это такъ казалось.

— Мать? Умерла? Когда умретъ мать? повторялъ онъ, смотря на меня въ изумленіи, нахмуря свои густыя съ просѣдью брови и немного измѣнившись въ лицѣ. Что ты это говоришь, бѣдная, глупая...

Тутъ онъ началъ бранить меня и долго говорилъ мнѣ, что я глупый ребенокъ, что я ничего не понимаю... и не помню что еще, но только онъ былъ очень огорченъ.

Я не поняла ни слова изъ его упрековъ, не поняла, какъ больно было ему, что я вслушалась въ его слова, сказанныя матушкѣ въ гнѣвѣ и глубокой тоскѣ, заучила ихъ и уже много думала о нихъ про себя. Каковъ онъ ни былъ тогда, какъ ни было сильно его собственное сумасбродство, но все это, естественно, должно было поразить его. Однакожъ, хоть я совсѣмъ не понимала, за что онъ сердитъ, мнѣ стало ужасно горько и грустно; я заплакала; мнѣ показалось, что все, насъ ожидавшее, было такъ важно, что я, глухой ребенокъ, не смѣла ни говорить, ни думать объ этомъ. Кроме того, хоть я и не поняла его съ перваго слова, однако почувствовала, хотя и темнымъ образомъ, что я обидѣла матушку. На меня напалъ страхъ и ужасъ, и сомнѣнія закрались въ душу. Тогда онъ, видя, что я плачу и мучусь, началъ утѣшать меня, отеръ мнѣ рукавомъ слезы и велѣлъ мнѣ не плакать. Однако мы оба просидѣли нѣсколько времени молча; онъ нахмурился и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ; потомъ снова началъ мнѣ говорить; но какъ я ни напрягала вниманіе,—все, что онъ ни говорилъ, казалось мнѣ чрезвычайно неяснымъ. По нѣкоторымъ словамъ этого разговора, которыя я до сихъ поръ упоминаю, заключаю, что онъ объяснялъ мнѣ, кто онъ такой, какой онъ великій артистъ, какъ его никто не понимаетъ, и что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ. Помню еще, что, спросивъ, поняла ли я, и, разумеется, получивъ отвѣтъ удовлетворительный, онъ заставилъ меня повторить: съ талантомъ ли онъ? Я отвѣчала: «съ талантомъ», на что онъ слегка усмѣхнулся, потому что, можетъ быть, къ концу ему самому стало смѣшно, что онъ заговорилъ о такомъ серьезномъ для него предметѣ со мною. Разговоръ нашъ прервалъ своимъ приходомъ Карлъ Ѳедорычъ, и я засмѣялась и развеселилась совсѣмъ, когда батюшка, указавъ на него, сказалъ мнѣ:

— А вотъ такъ у Карла Ѳедорыча нѣтъ ни на копѣйку таланта.

Этотъ Карлъ Ѳедоровичъ былъ презанимательное лицо. Я такъ мало видѣла людей въ ту пору моей жизни, что никакъ не могла позабыть его. Какъ теперь представляю его себѣ: онъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Мейеръ, родомъ изъ Германіи, и пріѣхалъ въ Россію съ чрезвычайнымъ желаніемъ поступить въ петербургскую балетную труппу. Но танцоръ онъ былъ очень плохой, такъ что

его даже не могли принять въ фигуранты и употребляли въ театрѣ для выходовъ. Онъ игралъ разные безмолвные роли въ свитѣ Фортинбраса, или былъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей Вероны, которые всѣ разомъ, въ числѣ двадцати человекъ, поднимаются къверху картонные кинжалы и кричатъ: «умремъ за короля!» Но ужъ вѣрно не было ни одного актера на свѣтѣ, такъ страстно предавшаго своимъ ролямъ, какъ этотъ Карлъ Ѳеодорычъ. Самымъ же страшнымъ несчастіемъ и горемъ всей его жизни было то, что онъ не попалъ въ балетъ. Балетное искусство онъ ставилъ выше всякаго искусства на свѣтѣ, и въ своемъ родѣ былъ столько же привязанъ къ нему, какъ батюшка къ скрипкѣ. Они сошлись съ батюшкой, когда еще служили въ театрѣ, и съ тѣхъ поръ отставной фигурантъ не оставлялъ его. Оба видѣлись очень часто, и оба оплакивали свой пагубный жребій и то, что они не известны людьми. Нѣмецъ былъ самый чувствительный, самый нѣжный человекъ въ мірѣ и питалъ къ моему отцу самую пламенную, безкорыстную дружбу; но батюшка, кажется, не имѣлъ къ нему никакой особенной привязанности, и только терпѣлъ его въ числѣ знакомыхъ, за неимѣніемъ кого другаго. Сверхъ того, батюшка никакъ не могъ понять въ своей исключительности, что балетное искусство,—то же искусство, чѣмъ обижалъ бѣднаго нѣмца до слезъ. Зная его слабую струнку, онъ всегда задѣвалъ ее и смѣялся надъ несчастнымъ Карломъ Ѳеодоровичемъ, когда тотъ горячился и выходилъ изъ себя, доказывая противное. Много я слышала потомъ объ этомъ Карлѣ Ѳеодоровичѣ отъ Б., который называлъ его нюрнбергскимъ щелкуномъ. Б. рассказывалъ очень многое о дружбѣ его съ отцомъ; между прочимъ они не разъ сходились вмѣстѣ, и, выпивъ немного, начинали вмѣстѣ плакать о своей судьбѣ, о томъ, что они неизвестны. Я помню эти сходы, помню тоже, что и я, смотря на обоихъ чудаковъ, тоже, бывало, расхныкаюсь, сама не зная о чемъ. Это случалось всегда, когда матушки не бывало дома: нѣмецъ ужасно боялся ее и всегда, бывало, постоитъ напередъ въ сѣняхъ, дождется, покаместъ кто нибудь выйдетъ, а если узнаетъ, что матушка дома, тотчасъ же побѣжитъ внизъ по лѣстницѣ. Онъ всегда приносилъ съ собою какіе-то нѣмецкіе стихи, воспламенялся, читая ихъ вслухъ намъ обоимъ, и потомъ декламировалъ ихъ, переводя ломаными языкомъ по-русски, для нашего уразумѣнія. Это очень веселило батюшку, а я, бывало, хохотала до слезъ. Но разъ они оба достали какое-то русское сочиненіе, которое чрезвычайно воспламенило ихъ обоихъ, такъ что потомъ они уже почти всегда, сходясь вмѣстѣ, читали его. Помню, что это была драма въ стихахъ, какого-то знаменитаго русскаго сочинителя. Я такъ хорошо затвердила первыя строки этой книги, что потомъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она случайно попала въ руки, узнала ее безъ труда. Въ этой драмѣ толковалось о несчастіяхъ одного великаго

художника, какого-то Дженоаро или Джакобо, который на одной страницѣ кричалъ: «я не признанъ!» а на другой: «я признанъ!», или: «я безталантенъ!», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: «я съ талантомъ!» Все оканчивалось очень плачевно. Эта драма была, конечно, чрезвычайно пошлое сочиненіе; но, вотъ чудо,—она самымъ наивнымъ и трагическимъ образомъ дѣйствовала на обоихъ читателей, которые находили въ главномъ героѣ много сходства съ собою. Помню, что Карлъ Ѳеодоровичъ иногда до того воспламенялся, что вскакивалъ съ мѣста, отбѣгалъ въ противоположный уголъ комнаты и просилъ батюшку и меня, которую называлъ «мадмуазель», неотступно, убѣдительно, со слезами на глазахъ, тутъ же на мѣстѣ разсудить его съ судьбой и съ публикой. Тутъ онъ немедленно принимался танцовать и, выдѣлывая разные па, кричалъ намъ, чтобъ мы ему немедленно сказали, что онъ такое,—артистъ или нѣтъ, и что можно ли сказать противное, то есть, что онъ безъ таланта? Батюшка тотчасъ же развеселялся, мигалъ мнѣ исподтишка, какъ будто предупреждая, что вотъ онъ сейчасъ презабавно посмѣется надъ нѣмцемъ. Мнѣ становилось ужасно смѣшно, но батюшка грозилъ рукою, и я крѣпилась, задыхаясь отъ смѣху. Я даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, не могу не смѣяться. Какъ теперь вижу этого бѣднаго Карла Ѳеодоровича. Онъ былъ премаленькаго роста, чрезвычайно тоненькій, уже сѣдой, съ горбатымъ краснымъ носомъ, запачканнымъ табакомъ и съ преуродливыми кривыми ногами; но, не смотря на то, онъ какъ будто хвалился устройствомъ ихъ и носилъ панталоны въ обтяжку. Когда онъ останавливался, съ послѣднимъ прыжкомъ, въ позицію, простирая къ намъ руки и улыбаясь намъ, какъ улыбаются на сценѣ танцовщики по окончаніи па, батюшка нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе, какъ бы не рѣшаясь произнести сужденіе, и нарочно оставлялъ непризнаннаго танцовщика въ позиціи, такъ что тотъ колыхался изъ стороны въ сторону на одной ногѣ, всѣми силами стараясь сохранить равновѣсіе. Наконецъ, батюшка съ пресерьезною миною взглядывалъ на меня, какъ бы приглашая быть безпристрастною свидѣтельницей сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялись на меня и робкіе, молящіе взгляды танцовщика.

— Нѣтъ, Карлъ Ѳеодорычъ, никакъ не потрафишь! говорилъ наконецъ батюшка, притворяясь, что ему самому непріятно высказывать горькую истину. Тогда изъ груди Карла Ѳеодорыча вырывалось настоящее стenanіе; но въ мигъ онъ ободрялся, ускоренными жестами снова просилъ вниманія, увѣрялъ, что танцовалъ не по той системѣ, и умолялъ насъ разсудить еще разъ. Потомъ онъ снова отбѣгалъ въ другой уголъ и иногда прыгалъ такъ усердно, что головой касался потолка и больно ушибался, но, какъ спартавецъ, геройски выдерживалъ боль, снова останавливался въ позитурѣ, снова съ улыбкою простирая къ намъ дрожавшія руки и снова просилъ рѣшенія судьбы своей.

Но батюшка былъ неумолчимъ и по прежнему угрюмо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Карлъ Оедорычъ, видно—судьба твоя: никакъ не потрапишь!

Тутъ ужъ я болѣе не выдерживала и пожатывалась со смѣху, а за мною батюшка. Карлъ Оедорычъ замѣчалъ, наконецъ, насмѣшку, краснѣлъ отъ негодованія и, со слезами на глазахъ, съ глубокимъ, хотя и комическимъ, чувствомъ, по которому заставляло меня потомъ мучиться за него, несчастнаго, говорилъ батюшкѣ:

— Ты виroleмный друкъ!

Потомъ онъ схватывалъ шляпу и выбѣгалъ отъ насъ, клянясь всѣмъ на свѣтѣ не приходить никогда. Но ссоры эти были непродолжительны; черезъ нѣсколько дней, онъ снова являлся у насъ, снова начиналось чтеніе знаменитой драмы, снова проливались слезы, и потомъ снова напивный Карлъ Оедорычъ просилъ насъ разсудить его съ людьми и съ судьбою, только умолая на этотъ разъ уже судить серьезно, какъ слѣдуетъ истиннымъ друзьямъ, а не смѣяться надъ нимъ.

Разъ, матушка послала меня въ лавочку за, какой-то покупкой, и я возвращалась, бережно неся мелкую серебряную монету, которую мнѣ сдали. Входя на лѣстницу, я повстрѣчалась съ отцомъ, который выходилъ со двора. Я засмѣялась ему, потому что не могла удержать своего чувства, когда его видѣла, и онъ, нагибаясь поцѣловать меня, замѣтилъ въ моей рукѣ серебряную монету... Я позабыла сказать, что я такъ приучилась къ выраженію лица его, что тотчасъ же, съ перваго взгляда, узнавала почти всякое его желаніе. Когда онъ былъ грустенъ, я разрывалась отъ тоски. Всего же чаще и сильнѣе скучалъ онъ, когда у него совершенно не было денегъ, и когда онъ не могъ, по-этому, выпить ни капли вина, къ которому сдѣлалъ привычку. Но въ эту минуту, когда я съ нимъ повстрѣчалась на лѣстницѣ, мнѣ показалось, что въ немъ происходить что-то особенное. Помутившіеся глаза его блуждали; съ перваго раза онъ не замѣтилъ меня; но когда онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ блеснувшую монету, то вдругъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, протянулъ было руку, чтобъ взять у меня деньги, и тотчасъ же отдернулъ ее назадъ. Очевидно, въ немъ происходила борьба. Наконецъ, онъ какъ будто осилилъ себя, приказалъ мнѣ идти на-верхъ, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, но вдругъ остановился и торопливо кликнулъ меня.

Онъ былъ очень смущенъ. — Послушай, Нѣточка, сказалъ онъ: — дай мнѣ эти деньги, я тебѣ ихъ назадъ принесу. А? ты вѣдь дашь ихъ папѣ? ты вѣдь добренькая, Нѣточка?

Я какъ будто предчувствовала это. Но въ первое мгновеніе мысль о томъ, какъ разсердится матушка,—робость, и болѣе всего инстинктивный стыдъ за себя и за отца, удерживали меня отъ денегъ. Онъ мигомъ замѣтилъ это и поспѣшно сказалъ:

— Ну, не нужно, не нужно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли сосѣдскія дѣти.

— Ну, хорошо, хорошо; вѣдь зналъ, что ты умная дѣвочка, сказалъ онъ, улыбаясь дрожащими губами и не скрывая болѣе своего восторга; когда почувствовалъ деньги въ рукахъ. — Ты добрая дѣвочка, ты ангельчикъ, мой! Вотъ, дай, тебѣ я ручку поцѣлую!

Тутъ онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцѣловать, но я быстро отдернула ее. Какая-то жалость овладѣла мною, и стыдъ все больше начиналъ меня мучить. Я побѣжала на верхъ въ какомъ-то испугѣ, бросивъ отца и не простившись съ нимъ. Когда я вошла въ комнату, щеки мои разгорѣлись и сердце билось отъ какого-то томительнаго и мнѣ невѣдомаго доселѣ ощущенія. Однако я смѣло сказала матушкѣ, что уронила деньги въ свѣтъ и не могла ихъ сыскать. Я ожидала по крайней мѣрѣ побой, но этого не случилось. Матушка дѣйствительно была сначала вѣ себя отъ огорченія, потому-что мы были ужасно бѣдны. Она закричала на меня, но тотчасъ же какъ-будто одумалась и перестала бранить меня, замѣтивъ только, что я неловкая, нерадивая дѣвочка, и что я, видно, мало люблю ее, когда такъ худо смотрю за ея добромъ. Это замѣчаніе огорчило меня болѣе, нежели когда бы я вынесла побой. Но матушка уже знала меня. Она уже замѣтила мою чувствительность, доходившую часто до болѣзненной раздражительности, и горькими упреками въ нелюбви думала сильнѣе поразить меня и заставить быть осторожнѣе на будущее время.

Въ сумерки, когда должно было воротиться батюшкѣ, я, по обыкновенію, дождалась его въ свѣняхъ. Въ этотъ разъ, я была въ большомъ смущеніи. Чувства мои были возмущены чѣмъ-то болѣзненно-терзающимъ совѣсть мою. Наконецъ, отецъ воротился, и я очень обрадовалась его приходу, какъ-будто думала, что отъ этого мнѣ станетъ легче. Онъ былъ уже на веселѣ, но, увидѣвъ меня, тотчасъ же принялъ таинственный, смущенный видъ и, отведя меня въ уголъ, робко взглядывая на нашу дверь, вынулъ изъ кармана купленный имъ пряникъ и началъ шопотомъ наказывать мнѣ, чтобъ я болѣе никогда не смѣла брать денегъ и таить ихъ отъ матушки, что это дурно и стыдно, и очень нехорошо; теперь это сдѣлалось потому, что деньги очень понадобятся папѣ, но онъ отдастъ, и я могу сказать потомъ, что нашла деньги, а у мамы брать стыдно, и чтобъ я впередъ отнюдь и не думала, а онъ мнѣ за это, если я впередъ буду слушаться, еще пряниковъ купить; наконецъ онъ даже прибавилъ, чтобъ я пожалѣла маму, что мама такая больная, бѣдная, что она одна на насъ всѣхъ работаетъ. Я слушала въ страхѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слезы тѣснились изъ глазъ моихъ. Я была такъ поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, приказалъ мнѣ не плакать и не расказа-

зывать ничего объ этомъ матушкѣ. Я замѣтила, что онъ и самъ былъ ужасно смущенъ. Весь вечеръ была я въ какомъ то ужасѣ, и первый разъ не смѣла глядѣть и не подходила къ нему. Онъ тоже видимо избѣгалъ моихъ взглядовъ. Матушка ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила что-то про себя, какъ бы въ забытіи, по своему обыкновенію. Въ этотъ день, ей было хуже и съ ней сдѣлался какой-то припадокъ. Наконецъ, отъ внутренняго страданія у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болѣзненные сновидѣнія мучили меня. Наконецъ я не могла вынести, и начала горько плакать. Рыданія мои разбудили матушку; она окликнула меня и спросила, что со мною. Я не отвѣчала, но еще горьче заплакала. Тогда она засвѣтила свѣчку, подошла ко мнѣ и начала меня успокаивать, думая, что я испугалась чего-нибудь во снѣ. — «Эхъ, ты, глупенькая дѣвушка! сказала она: — до сихъ поръ еще плачешь, когда тебѣ что нибудь приснится. Ну, полно же!» И тутъ она поцѣловала меня, сказавъ, чтобъ я шла спать къ ней. Но я не хотѣла, я не смѣла обнять ее и идти къ ней. Я терзалась въ невообразимыхъ мученіяхъ. Мнѣ хотѣлось ей все рассказать. Я уже было начала, но мысль о батюшкѣ и о его запретѣ остановила меня. «Экая ты бѣдненькая, Нѣгочка! сказала матушка, укладывая меня на постель и укутывая своимъ старымъ салопомъ, ибо замѣтила, что я вся дрожу въ лихорадочномъ ознобѣ: — ты вѣрно будешь такая же больная, какъ я!» Тутъ она такъ грустно посмотрѣла на меня, что я не могла вынести ея взгляда, зажмурилась и отворотилась. Не помню, какъ я заснула, но еще въ просонкахъ долго слышала, какъ бѣдная матушка уговаривала меня на грядущій сонъ. Никогда еще я не выпосила болѣе тяжелой муки. Сердце у меня стѣснялось до боли. На другой день поутру, мнѣ стало легче. Я заговорила съ батюшкой, не помня о вчерашнемъ, ибо догадывалась заранѣе, что это будетъ ему очень пріятно. Онъ тотчасъ же развеселился, потому что и самъ все хмурился, когда глядѣлъ на меня. Теперь же какая-то радость, какое-то почти дѣтское довольство овладѣло имъ при моемъ веселомъ видѣ. Скоро матушка пошла со двора, и онъ уже болѣе не удерживался. Онъ началъ меня цѣловать такъ, что я была въ какомъ-то истерическомъ восторгѣ, смѣялась и плакала вмѣстѣ. Наконецъ онъ сказалъ, что хочетъ показать мнѣ что-то очень хорошее и что я буду очень рада видѣть, за то, что я такая умненькая и добренькая дѣвочка. Тутъ онъ разстегнулъ жилетку и вынулъ ключъ, который у него висѣлъ на шеѣ, на черномъ снуркѣ. Потомъ, таинственно взглядывая на меня, какъ будто желая прочитать въ глазахъ моихъ все удовольствіе, которое я, по его мнѣнію, должна была ощущать, отворилъ сундукъ и бережно вынулъ изъ него странной формы черный ящикъ, котораго я до сихъ поръ никогда у него не видала. Онъ взялъ этотъ ящикъ съ какою-то робостью и весь измѣнился; смѣхъ исчезъ

съ лица его, которое вдругъ приняло какое-то торжественное выраженіе. Наконецъ, онъ отворилъ таинственный ящикъ ключикомъ и вынулъ изъ него какую-то вещь, которой я до тѣхъ поръ никогда не видывала, — вещь, на взглядъ очень странной формы. Онъ бережно и съ благоговѣніемъ взялъ ее въ руки и сказалъ, что это его скрипка, его инструментъ. Тутъ онъ началъ мнѣ что-то много говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ; но я не понимала его, и только удержала въ памяти уже извѣстное мнѣ выраженіе, — что онъ артистъ, что онъ съ талантомъ, — что потомъ онъ когда нибудь будетъ играть на скрипкѣ, и что, наконецъ, мы всѣ будемъ богаты и добьемся какого-то большого счастья. Слезы навернулись на глазахъ его и потекли по щекамъ. Я была очень растрогана. Наконецъ, онъ поцѣловалъ скрипку и далъ ее поцѣловать мнѣ. Впдѣ, что мнѣ хочется осмотрѣть ее ближе, онъ повелъ меня къ матушкиной постели и далъ мнѣ скрипку въ руки; но я видѣла, какъ онъ весь дрожалъ отъ страха, чтобъ я какъ нибудь не разбила ее. Я взяла скрипку въ руки и дотронулась до струнъ, которыя издали слабый звукъ. — «Это музыка!», — сказала я, поглядѣвъ на батюшку.

— «Да, да, музыка», повторилъ онъ, радостно потирая руки: «ты умное дитя, ты доброе дитя!» Но, не смотря на похвалы и восторгъ его, я видѣла, что онъ боялся за свою скрипку, и меня тоже взялъ страхъ, — я поскорѣй отдала ее. Скрипка съ тѣми же предосторожностями была уложена въ ящикъ, ящикъ былъ запертъ и положенъ въ сундукъ; батюшка же, погладивъ меня снова по головѣ, общалъ мнѣ всякій разъ показывать скрипку, когда я буду, какъ и теперь, умна, добра и послушна. Такимъ образомъ скрипка разогнала наше общее горе. Только вечеромъ батюшка, уходя со двора, шепнулъ мнѣ, чтобъ я помнила, что онъ мнѣ вчера говорилъ.

Такимъ образомъ я росла въ нашемъ углу, и мало по малу любовь моя, — нѣтъ, лучше я скажу страсть, потому что не знаю такого сильнаго слова, которое бы могло передать вполнѣ мое неудержимое, мучительное для меня самой чувство къ отцу, — дошла даже до какой-то болѣзненной раздражительности. У меня было только одно наслажденіе — думать и мечтать о немъ; только одна воля — дѣлать все, что могло доставить ему хоть малѣйшее удовольствіе. Сколько разъ, бывало, я дожидалась его прихода на лѣстницѣ, часто дрожа и посинѣвъ отъ холода, только для того, чтобъ хоть однимъ мгновеніемъ раньше узнать о его прибытіи и поскорѣе взглянуть на него. Я была какъ безумная отъ радости, когда онъ, бывало, хоть немножко приласкаетъ меня. А между тѣмъ, часто, мнѣ было до боли мучительно, что я такъ упорно холодна съ бѣдной матушкой; были минуты, когда я надрывалась отъ тоски и жалости, глядя на нее. Въ ихъ вѣчной враждѣ я не могла быть равнодушной и должна была выбирать меж-

ду ними, должна была взять чью-нибудь сторону, и взяла сторону этого полусумасшедшаго человека, единственно от того, что онъ былъ такъ жалокъ, униженъ въ глазахъ моихъ и въ самомъ началѣ такъ непостижимо поразилъ мою фантазію. Но, кто разсудить?— можетъ быть, я привязалась къ нему именно отъ того, что онъ былъ очень страненъ, даже съ виду, и не такъ серьезенъ и угрюмъ, какъ матушка, что онъ былъ почти сумасшедшій, что часто въ немъ проявлялось какое-то фиглярство, какія-то дѣтскія замашки, и что, наконецъ, я меньше боялась его и даже меньше уважала его, чѣмъ матушку. Онъ какъ-то былъ мнѣ болѣе ровня. Мало по малу, я чувствовала, что даже верхъ на моей сторонѣ, что я по-прежнему подчиняла его себѣ, что я уже была необходима ему. Я внутренно гордилась этимъ, внутренно торжествовала и, понимая свою необходимость для него, даже иногда съ нимъ кокетничала. Дѣйствительно, эта чудная привязанность моя походила нѣсколько на романъ... Но этому роману суждено было продолжаться не долго: я вскорѣ лишилась отца и матери. Ихъ жизнь разрѣшилась страшной катастрофой, которая тяжело и мучительно запечатлѣлась въ моемъ воспоминаніи. Вотъ, какъ это случилось.

III.

Въ это время весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о пріѣздѣ знаменитаго С-ца. Все, что было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Пѣвцы, артисты, поэты, художники, меломаны и даже тѣ, которые никогда не были меломанами и съ скромною гордостью увѣряли, что ни одной ноты не смыслятъ въ музыкѣ, бросились съ жаднымъ увлеченіемъ за билетами. Зала не могла вмѣстить и десятой доли энтузіастовъ, имѣвшихъ возможность дать двадцать пять рублей за входъ; но европейское имя С-ца, его увѣнчанная лаврами старость, неувядаемая свѣжесть таланта, слухи, что въ послѣднее время онъ уже рѣдко бралъ въ руки смычокъ въ угоду публикѣ, увѣреніе, что онъ уже въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Европу и потомъ совсѣмъ перестанетъ играть, произвели свой эффектъ. Однимъ словомъ, впечатлѣніе было полное и глубокое.

Я уже говорила, что пріѣздъ каждаго новаго скрипача, каждой хоть сколько нибудь прославленной знаменитости, производилъ на моего отца самое непріятное дѣйствіе. Онъ всегда изъ первыхъ спѣшилъ услышать пріѣзжаго артиста, чтобъ поскорѣе узнать всю степень его искусства. Часто онъ бывалъ даже боленъ отъ похвалъ, которыя раздавались кругомъ его новоприбывшему, и только тогда успокоивался, когда могъ отыскать недостатки въ игрѣ новаго скрипача и съ ѣдкою распространить свое мнѣніе всюду, гдѣ могъ. Бѣд-

ный, помѣшанный человекъ считалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ. Но молва о пріѣздѣ С-ца, гениі музыкальнаго, произвела на него какое-то потрясающее дѣйствіе. Нужно замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ Петербургъ не слыхалъ ни одного знаменитаго дарованія, хотя бы даже и неравносильнаго съ С-цомъ; слѣдственно, отецъ мой и не имѣлъ понятія объ игрѣ первоклассныхъ артистовъ въ Европѣ.

Мнѣ разсказывали, что при первыхъ слухахъ о пріѣздѣ С-ца, отца моего тотчасъ же увидѣли снова за кулисами театра. Говорили, что онъ явился чрезвычайно взволнованный, и съ безпокойствомъ освѣдомлялся о С-цѣ и предстоящемъ концертѣ. Его долго уже не видали за кулисами, и появленіе его произвело даже эффектъ. Кто-то захотѣлъ подразнить его и съ вызывающимъ видомъ сказалъ: «теперь вы, батюшка, Егоръ Петровичъ, услышите не балетную музыку, а такую, отъ которой вамъ ужъ вѣрно житья не будетъ на свѣтѣ!» Говорятъ, что онъ поблѣднѣлъ, услышавъ эту насмѣшку, однако отвѣчалъ, истерически улыбаясь: «посмотримъ; славны бубны за горами; вѣдь С-цъ только развѣ въ Парижѣ былъ, такъ это французы про него накричали, а ужъ извѣстно, что такое французы!» и т. д. Кругомъ раздался хохотъ; бѣднякъ обидѣлся, но, сдержавъ себя, прибавилъ, что, впрочемъ, онъ не говоритъ ничего, а что вотъ увидимъ, посмотримъ, что до послѣ завтра не долго, и что скоро всѣ чудеса разрѣшатся.

Б. разсказываетъ, что въ этотъ же вечеръ, передъ сумерками, онъ встрѣтился съ княземъ Х—мъ, извѣстнымъ дилеттантомъ, человекомъ глубоко понимавшимъ и любившимъ искусство. Они шли вмѣстѣ, толкая о новоприбывшемъ артистѣ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной улицы, Б. увидѣлъ моего отца, который стоялъ передъ окномъ магазина и пристально всматривался въ афишку, на которой крупными литерами объявлено было о концертѣ С-ца и которая лежала на окнѣ магазина.

— Видите ли вы этого человека? сказалъ Б., указывая на моего отца.

— Кто такой? спросилъ князь.

— Вы о немъ уже слышали. Это тотъ самый Ефимовъ, о которомъ я съ вами не разъ говорилъ и которому вы даже оказали когда-то покровительство.

— Ахъ, это любопытно! сказалъ князь: — вы о немъ много наговорили. Сказываютъ, онъ очень занимателенъ. Я бы желалъ его слышать.

— Это не стоитъ, отвѣчалъ Б.:— да и тяжело. Я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ онъ всегда надрыгаетъ сердце. Его жизнь—страшная, безобразная трагедія. Я его глубоко чувствую, и какъ ни грязенъ онъ, но во мнѣ все-таки не заглохла къ нему симпатія. Вы говорите, князь, что онъ долженъ быть любопытенъ. Это правда, но онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Во-первыхъ,

онъ сумасшедшій; во-вторыхъ, на этомъ сумасшедшемъ три преступленія, потому что, кромѣ себя, онъ загубилъ еще два существованія: своей жены и дочери. Я его знаю; онъ умеръ бы на мѣстѣ, еслибъ увѣрился въ своемъ преступленіи. Но весь ужасъ въ томъ, что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ онъ *почти* въ немъ и восемь лѣтъ борется со своею совѣстью, чтобъ сознаться въ томъ не почти, а вполне.

— Вы говорили, онъ бѣденъ? сказалъ князь.

— Да; но бѣдность теперь для него почти счастье, потому что она его отговорка. Онъ можетъ теперь увѣрить всѣхъ, что ему мѣшаетъ только бѣдность, и что, будь онъ богатъ, у него было бы время, не было бы заботы, и тотчасъ увидѣли бы, какой онъ артистъ. Онъ женился въ странной надеждѣ, что тысяча рублей, которые были у его жены, помогутъ ему стать на ноги. Онъ поступилъ какъ фантазеръ, какъ поэтъ, да такъ онъ и всегда поступалъ въ жизни. Знаете ли, что онъ говоритъ цѣлыя восемь лѣтъ безъ умолку? Онъ утверждаетъ, что виновница его бѣдствій — жена, что она мѣшаетъ ему. Онъ сложилъ руки и не хочетъ работать. А отнимите у него эту жену — и онъ будетъ самое несчастное существо въ мірѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не бралъ въ руки скрипки, — знаете ли почему? Потому что каждый разъ, какъ онъ беретъ въ руки смычокъ, онъ самъ внутренно принужденъ убѣдиться, что онъ ничто, нуль, а не артистъ. Теперь же, когда смычокъ лежитъ въ сторонѣ, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда. Онъ мечтатель; онъ думаетъ, что вдругъ, какимъ-то чудомъ, за одинъ разъ, станетъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Его девизъ: *aut Cesar, aut nihil*, какъ будто Цезаремъ можно сдѣлаться такъ, вдругъ, въ одинъ мигъ. Его жажда — слава. А если такое чувство сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ ужъ не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, то есть, любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава. Но С-цъ напротивъ: когда онъ беретъ смычокъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки. Послѣ смычка, первое дѣло у него деньги, а ужъ третье, кажется, слава. Но онъ объ ней мало заботился... Знаете ли, что теперь занимается этого несчастнаго? прибавилъ Б., указывая на Ефимова. — Его занимается самая глупая, самая ничтожнѣйшая, самая жалкая и самая смѣшная забота въ мірѣ, то есть: выше ли онъ С-ца, или С-цъ выше его, — больше ничего, потому что онъ все-таки увѣренъ, что онъ первый музыкантъ во всемъ мірѣ. Увѣрьте, что онъ не артистъ, и я вамъ говорю, что онъ умретъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, потому что страшно разставаться съ неподвижной идеей, которой отдалъ на жертву всю жизнь и которой основаніе все-таки глубоко и серьезно, ибо призваніе его, въ началѣ, было истинное.

— А любопытно, что будетъ съ нимъ, когда онъ услышитъ С-ца, замѣтилъ князь.

— Да, сказалъ Б. задумчиво. — Но нѣтъ: онъ очнется тотчасъ же; его сумасшествіе сильнѣе истины, и онъ тутъ же выдумаетъ какую нибудь отговорку.

— Вы думаете? замѣтилъ князь.

Въ это время, они поровнялись съ отцомъ. Онъ было хотѣлъ пройти незамѣченнымъ, но Б. остановилъ его и заговорилъ съ нимъ. Б. спросилъ, будетъ ли онъ у С-ца. Отецъ отвѣчалъ равнодушно, что не знаетъ, что у него есть одно дѣло поважнѣе концертовъ и всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, но, впрочемъ, посмотритъ, увидитъ, и если выдаться свободный часокъ, отъ чего же нѣтъ? когда нибудь сходитъ. Тутъ онъ быстро и безпокойно посмотрѣлъ на Б. и на князя, и недовѣрчиво улыбнулся, потомъ схватился за шляпу, кивнулъ головой и прошелъ мимо, отговорившись, что некогда.

Но я уже за день знала о заботѣ отца. Я не знала, что именно его мучитъ, но видѣла, что онъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ; даже матушка это замѣтила. Она была въ это время какъ-то очень больна и едва передвигала ноги. Отецъ по-минутно то входилъ домой, то выходилъ изъ дома. Утромъ пришли къ нему трое или четверо гостей, старыхъ его товарищей, чему я очень изумилась, потому что, кромѣ Карла Ѳеодорыча, постороннихъ людей у насъ почти никогда не видала, и съ нами всѣ раззнакомились съ тѣхъ поръ, какъ батюшка совсѣмъ оставилъ театръ. Наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, Карлъ Ѳеодорычъ и принесъ афишку. Я внимательно прислушивалась и приглядывалась, и все это меня безпокойло такъ, какъ будто я одна была виновата во всей этой тревогѣ и въ безпокойствѣ, которое читала на лицѣ батюшки. Мнѣ очень хотѣлось понять то, о чемъ они говорятъ, и я въ первый разъ услышала имя С-ца. Потомъ, я поняла, что нужно по крайнѣйшѣмъ пятнадцать рублей, чтобъ увидѣть этого С-ца. Помню тоже, что батюшка какъ-то не удержался и, махнувъ рукою, сказалъ, что знаетъ онъ эти чуда заморскія, таланты неслыханные, знаетъ и С-ца, что это все жиды, за русскими деньгами лѣзутъ, потому что русскіе с проста всякому вздору вѣрятъ, а ужъ и подавно тому, о чемъ французъ прокричалъ. Я уже понимала, что значило слово: *нѣтъ таланта*. Гости стали смѣяться и вскорѣ ушли всѣ, оставя батюшку совершенно не въ духѣ. Я поняла, что онъ за что-то сердитъ на этого С-ца и, чтобъ подслужиться къ нему и разсѣять тоску его, подошла къ столу, взяла афишку, начала разбирать ее и вслухъ прочла имя С-ца. Потомъ, засмѣявшись и посмотрѣвъ на батюшку, который задумчиво сидѣлъ на стулѣ, сказала: «это вѣрно такой же, какъ и Карлъ Ѳеодорычъ: онъ вѣрно тоже никакъ не потрафитъ». Батюшка вздрогнулъ, какъ будто испугавшись, вырвалъ изъ рукъ моихъ афишку, закричалъ и затопалъ ногами, схватилъ

ипляпу и вышелъ было изъ комнаты, но тотчасъ же воротился, вызвалъ меня въ сѣни, поцѣловалъ и съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какимъ-то за-таеннымъ страхомъ началъ мнѣ говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я вѣрно не захочу огорчить его, что онъ ждетъ отъ меня какой-то большой услуги, по чего именно, онъ не сказалъ. Къ тому же, мнѣ было тяжело его слушать; я видѣла, что слова его и ласки были неискренни, и все это какъ-то потрясло меня. Я мучительно начала за него безпокоиться.

На другой день, за обѣдомъ—это было уже наканунѣ концерта—батюшка былъ совсѣмъ какъ убитый. Онъ ужасно пережился и непрерывно взглядывалъ на матушку. Наконецъ, я изумилась, когда онъ даже заговорилъ о чемъ-то съ матушкой—я изумилась, потому что онъ съ ней почти никогда не говорилъ. Послѣ обѣда онъ сталъ что-то особенно за мной ухаживать; поминутно, подъ разными предлогами, вызывалъ меня въ сѣни, и, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ его не застали, все гладилъ онъ меня по головѣ, все цѣловалъ меня, все говорилъ мнѣ, что я доброе дитя, что я послушное дитя, что вѣрно я люблю своего папу, и что вѣрно сдѣлаю то, о чемъ онъ меня попроситъ. Все это довело меня до невыносимой тоски. Наконецъ, когда онъ въ десятый разъ вызвалъ меня на лѣстницу, дѣло объяснилось. Съ тоскливымъ, измученнымъ видомъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, онъ спросилъ меня: знаю ли я, гдѣ лежатъ у матушки тѣ двадцать пять рублей, которые она вчера по утру принесла? Я обмерла отъ испуга, услышавъ такой вопросъ. Но въ эту минуту кто-то занумѣлъ на лѣстницѣ, и батюшка, испугавшись, бросилъ меня и побѣжалъ со двора. Онъ воротился уже вѣчеру, смущенный, грустный, озабоченный, сѣлъ молчаливо на стулъ и началъ съ какою-то робостью на меня поглядывать. На меня напалъ какой-то страхъ, и я намѣренно избѣгала его взглядовъ. Наконецъ матушка, которая весь день пролежала въ постели, подозвала меня, дала мнѣ мѣдныхъ денегъ и послала въ лавочку, купить ей чаю и сахару. Чай пили у насъ очень рѣдко: матушка позволяла себѣ эту, по нашимъ средствамъ, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и въ лихорадкѣ. Я взяла деньги и, вышедъ въ сѣни, тотчасъ же пустилась бѣжать, какъ-будто боясь, чтобъ меня не догнали. Но то, что я предчувствовала, случилось: батюшка догналъ меня уже на улицѣ и воротилъ назадъ на лѣстницу.

— Нѣточка! началъ онъ дрожащимъ голосомъ:— голубчикъ мой! Послушай: дай-ка мнѣ эти деньги, а я завтра же...

— Папочка! папочка! закричала я, бросаясь на колѣни и умоляя его:— папочка! не могу! нельзя! Мамѣ пужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никакъ нельзя! Я другой разъ унесу...

— Такъ ты не хочешь? ты не хочешь? шепталъ онъ мнѣ въ какомъ-то изступленіи;— такъ

ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! теперь я тебя брошу. Оставайся съ мамой, а я отъ васъ уйду и тебя съ собой не возьму. Слышишь ли ты, злая дѣвчонка? слышишь ли ты?

— Папочка! закричала я въ полномъ ужасѣ:— возьми деньги, на! Что мнѣ дѣлать теперь? говорила я, ломая руки и ухватившись за-полы его сюртука:—мамочка плакать будетъ, мамочка опять бранить меня будетъ!

Онъ, кажется, не ожидалъ такого сопротивленія, но деньги взялъ; наконецъ, не будучи въ силахъ вынести мои жалобы и рыданія, оставилъ меня на лѣстницѣ и сбѣжалъ внизъ. Я пошла на верхъ, но силы оставили меня у дверей нашей квартиры; я не смѣла войти, не могла войти; все, на сколько было во мнѣ сердца, было возмущено и потрясено. Я закрыла лицо руками и бросилась на окно, какъ тогда, когда въ первый разъ услышала отъ отца его желаніе смерти матушки. Я была въ какомъ-то забытіи, въ оцѣпенѣніи и вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ. Наконецъ, я услышала, что кто-то поспѣшно всходилъ на верхъ. Это былъ онъ; я отлучила его походку.

— Ты здѣсь? сказалъ онъ шопотомъ.

Я бросилась къ нему.

— На! закричалъ онъ, всовывая мнѣ въ руки деньги:—на! возьми ихъ назадъ! Я тебѣ теперь не отецъ, слышишь ли ты? Я не хочу быть теперь твоимъ папой! Ты любишь маму больше меня! такъ и ступай къ мамѣ! А я тебя знать не хочу! сказавъ это, онъ оттолкнулъ меня и опять побѣжалъ по лѣстницѣ. Я, плача, бросилась догонять его.

— Папочка! добренькій папочка! я буду слушаться! кричала я:—я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назадъ, возьми!

Но онъ уже не слыхалъ меня; онъ исчезъ. Весь этотъ вечеръ я была какъ убитая и дрожала въ лихорадочномъ ознобѣ. Помню, что матушка что-то мнѣ говорила, подзывала меня къ себѣ; я была какъ безъ памяти, ничего не слышала и не видала. Наконецъ все разрѣшилось припадкомъ: я начала плакать, кричать; матушка испугалась и не знала, что дѣлать. Она взяла меня къ себѣ на постель, и я не помнила, какъ заснула, обхвативъ ея шею, вздрагивая и пугаясь чего-то каждую минуту. Такъ прошла цѣлая ночь. На утро я проснулась очень поздно, когда матушки уже не было дома. Она въ то время всегда уходила за своими дѣлами. У батюшки кто-то былъ погоронній, и они оба о чемъ-то громко разговаривали. Я насплу дождалась, пока ушелъ гость, и когда мы остались одни, бросилась къ отцу, и, рыдая, стала просить, чтобъ онъ простилъ меня за вчерашнее.

— А будешь ли ты умнымъ дитятей, какъ прежде? сурово спросилъ онъ меня.

— Буду, папочка, буду! отвѣчала я.—Я скажу тебѣ, гдѣ у мамы деньги лежатъ. Они у ней, въ этомъ ящикѣ, въ шкатулкѣ вчера лежали?

— Лежали? гдѣ? закричалъ онъ, встрепенувшись, и всталъ со стула:—гдѣ они лежали?

— Они заперты, папаша! говорила я. — Подожди: вечеромъ, когда мама пошлетъ мѣнять, потому что мѣдныя деньги, я видѣла, всѣ вышли.

— Мнѣ нужно пятнадцать рублей, Нѣточка! Слышишь ли? Только пятнадцать рублей! Достань мнѣ сегодня; я тебѣ завтра же все принесу. А я тебѣ сейчасъ пойду леденцовъ куплю, орѣховъ куплю... куклу тоже тебѣ куплю... и завтра тоже... и каждый день гостинцевъ буду приносить, если будешь умная дѣвочка!

— Не нужно, папа, не нужно! я не хочу гостинцевъ; я не буду ихъ ѣсть; я тебѣ ихъ назадъ отдамъ! закричала я, разрываясь отъ слезъ, потому что все сердце изныло у меня въ одно мгновеніе. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня и что онъ не любитъ меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку. Онъ же былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ моихъ обѣщаній; онъ видѣлъ, что я готова была рѣшиться на все для него, что я все для него сдѣлаю, и Богъ видитъ, какъ много было это «все» для меня тогда. Я понимала, что значили эти деньги для бѣдной матушки; знала, что она могла заболѣть отъ огорченія, потерявъ ихъ, и во мнѣ мучительно кричало раскаяніе. Но онъ ничего не видалъ; онъ меня считалъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, тогда какъ я все понимала. Восторгъ его незналъ предѣловъ; онъ цѣловалъ меня, уговаривалъ, чтобъ я не плакала, сулилъ мнѣ, что сегодня же мы уйдемъ куда-то отъ матушки, — вѣроятно лѣтя моей всегдашней фантазіи и, наконецъ вынувъ изъ кармана афишу, началъ увѣрять меня, что этотъ человекъ, къ которому онъ идетъ сегодня, ему врагъ, смертельный врагъ его, но что врагамъ его не удастся. Онъ рѣшительно самъ походилъ на ребенка, заговоривъ со мною о врагахъ своихъ. Замѣтивъ же, что я не улыбаюсь, какъ бывало, когда онъ говорилъ со мной, и слушаю его молча, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, потому что куда-то спѣшилъ; но, уходя, еще разъ поцѣловалъ меня и кивнулъ мнѣ головою съ усмѣшкою, словно неувѣренный во мнѣ и какъ будто стараясь, чтобъ я не раздумала.

Я уже сказала, что онъ былъ какъ помѣшанный; но еще и наканунѣ было это видно. Деньги ему нужны были для билета въ концертъ, который для него долженъ былъ рѣшить все. Онъ какъ будто заранѣе предчувствовалъ, что этотъ концертъ долженъ былъ разрѣшить всю судьбу его, но онъ такъ потерялся, что наканунѣ хотѣлъ отнять у меня мѣдныя деньги; какъ будто могъ за нихъ достать себѣ билетъ. Странности его еще сильнѣе обнаруживались за обѣдомъ. Онъ

рѣшительно не могъ усидѣть на мѣстѣ и не притрогивался ни къ какому кушанью, поминутно вставалъ съ мѣста и опять садился, словно одумавшись: то хватался за шляпу, какъ будто собираясь куда-то идти, то вдругъ дѣлался какъ-то странно-разсѣяннымъ, все что-то шепталъ про себя, потомъ вдругъ взглядывалъ на меня, мигалъ мнѣ глазами, дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, какъ будто въ нетерпѣніи поскорѣй добиться денегъ и какъ будто сердясь, что я до сихъ поръ не взяла ихъ у матушки. Даже матушка замѣтила всѣ эти странности и глядѣла на него съ изумленіемъ. Я же была точно приговоренная къ смерти. Кончился обѣдъ; я забила въ уголъ и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, считала каждую минуту до того времени, когда матушка обыкновенно посылала меня за покупками. Въ жизнь свою я не проводила болѣе мучительныхъ часовъ; они на вѣки останутся въ моемъ воспоминаніи. Чего я не переживала въ эти мгновенія! Есть минуты, въ которыя переживаешь сознаніемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ цѣлыя годы. Я чувствовала, что дѣлаю дурной поступокъ: онъ же самъ помогъ моимъ добрымъ инстинктамъ, когда въ первый разъ малодушно натолкнулъ меня на зло и, испугавшись его, объяснилъ мнѣ, что я поступила очень дурно. Неужели же онъ не могъ понять, какъ трудно обмануть натуру, жадную къ сознанію впечатлѣній и уже прочувствовавшую, осмыслившую много злаго и добраго? Я вѣдь понимала, что ужасная крайность, которая заставила его рѣшиться другой разъ натолкнуть меня на порокъ и пожертвовать такимъ образомъ моимъ бѣднымъ беззащитнымъ дѣтствомъ, рискнуть еще разъ поколебать мою неустоявшую совѣсть. И теперь, забившись въ уголъ, я раздумывала про себя: зачѣмъ же онъ общалъ награду за то, что уже я рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? Новыя ощущенія, новыя стремленія, доселѣ невѣдомыя, новыя вопросы толпою возставали во мнѣ, и я мучилась этими вопросами. Потомъ я вдругъ начинала думать о матушкѣ; я представляла себѣ горестъ ея при потерѣ послѣдняго трудового. Наконецъ, матушка положила работу, которую дѣлала черезъ силу, и подозвала меня. Я задрожала и пошла къ ней. Она вынула изъ комода деньги и, давая мнѣ, сказала: «ступай, Нѣточка; только, ради Бога, чтобъ тебя не обсчитали, какъ намерены, да не потеряй какъ нибудь». Я съ умоляющимъ видомъ взглянула на отца, но онъ кивалъ головою, ободрительно улыбался мнѣ и потиралъ руки отъ нетерпѣнія. Часы пробили шесть, а концертъ назначенъ былъ въ семь часовъ. Онъ тоже многое вынесъ въ этомъ ожиданіи.

Я остановилась на лѣстницѣ, поджидая его. Онъ былъ такъ взволнованъ и нетерпѣливъ, что безъ всякой предосторожности тотчасъ же выбѣжалъ вслѣдъ за мной. Я отдала ему деньги: на лѣстницѣ было темно, и я не могла видѣть лица его; но я чувствовала, что онъ весь дрожалъ,

принимая деньги. Я стояла, как будто остолбенѣвъ и недвигаясь съ мѣста; наконецъ очнувшись, когда онъ сталъ посылать меня наверхъ, вынести ему его шляпу. Онъ не хотѣлъ и входить.

— Папа! развѣ... ты не пойдешь вмѣстѣ со мною? спросила я прерывающимся голосомъ, думая о послѣдней надеждѣ моей, — его заступничество.

— Нѣтъ... ты уже поди одна... а? Подожди, подожди! закричалъ онъ, спохватившись:—подожди, вотъ я тебѣ гостинцу сейчасъ принесу; а ты только сходи сперва, да принеси сюда мою шляпу.

Какъ будто ледяная рука сжала вдругъ мое сердце. Я вскрикнула, оттолкнула его и бросилась наверхъ. Когда я вошла въ комнату, на мнѣ лица не было, и еслибъ теперь я захотѣла сказать, что у меня отняли деньги, то матушка повѣрила бы мнѣ. Но я ничего не могла говорить въ эту минуту. Въ припадкѣ судорожнаго отчаянія, бросилась я поперегъ матушкиной постели и закрыла лицо руками. Черезъ минуту, дверь робко скрипнула, и вошелъ батюшка. Онъ пришелъ за своей шляпой.

— Гдѣ деньги? закричала вдругъ матушка, разомъ догадавшись, что произошло что нибудь необыкновенное;—гдѣ деньги? говори! говори! Тутъ она схватила меня съ постели и поставила среди комнаты.

Я молчала, опустила глаза въ землю; я едва понимала, что со мною дѣлается и что со мной дѣлаютъ.

— Гдѣ деньги? закричала она опять, бросая меня и вдругъ повернувшись къ батюшкѣ, который хватался за шляпу.—Гдѣ деньги? повторила она.—А! она тебѣ отдала ихъ? Безбожникъ! губитель мой! злодѣй мой! Такъ ты ее тоже губишь! Ребенка! ее, ее?! Нѣтъ же! ты такъ не уйдешь!

И въ одинъ мигъ она бросилась къ дверямъ, заперла ихъ изнутри и взяла ключъ къ себѣ.

— Говори! признавайся! начала она мнѣ голосомъ, едва слышимымъ отъ волненія:—признавайся во всемъ! Говори же, говори! или... я не знаю, что я съ тобой сдѣлаю!

Она схватила мои руки и ломала ихъ, допрашивая меня. Она была въ изступленіи. Въ это мгновеніе, я поклялась молчать и не сказать ни слова про батюшку, но робко подняла на него въ послѣдній разъ глаза... Одинъ его взглядъ, одно его слово, что нибудь такое, чего я ожидала и о чемъ молила про себя, — и я была бы счастлива, не смотря ни на какія мученія, ни на какую пытку... Но, Боже мой! безчувственнымъ, угрожающимъ жестомъ онъ приказывалъ мнѣ молчать, будто я могла бояться чьей нибудь другой угрозы въ эту минуту. Мнѣ сдавило горло, захватило духъ, подкосило ноги, и я упала безъ чувствъ на полъ... Со мной повторился вчерашній нервный припадокъ.

Я очнулась, когда вдругъ раздался стукъ въ дверь нашей квартиры. Матушка отперла, и я

увидѣла человека въ ливреѣ, который, войдя въ комнату и съ удивленіемъ озираясь кругомъ на всѣхъ насъ, спросилъ музыканта Ефимова. Отчимъ назвался. Тогда лакей подаль записку и увѣдомилъ, что онъ отъ Б., который въ эту минуту находился у князя. Въ пакетѣ лежалъ пригласительный билетъ къ С-цу.

Появленіе лакея въ богатой ливреѣ, назвавшего имя князя, своего господина, который посылалъ нарочно къ бѣдному музыканту Ефимову,—все это произвело на мнѣ сильное впечатлѣніе на матушку. Я сказала въ самомъ началѣ разсказа о ея характерѣ, что бѣдная женщина все еще любила отца. И теперь, не смотря на цѣлыя восемь лѣтъ непрерывной тоски и страданій, ея сердце все еще не измѣнилось: она все еще могла любить его! Богъ знаетъ, можетъ быть, она вдругъ увидѣла теперь перемѣну въ судьбѣ его. На нее даже и тѣнь какой нибудь надежды имѣла вліяніе. Почему знать,—можетъ быть, она тоже была нѣсколько заражена непоколебимою самоувѣренностью своего сумасброднаго мужа! Да и невозможно, чтобы эта самоувѣренность на нее, слабую женщину, не имѣла хоть какого нибудь вліянія, и на вниманіи князя она въ мигъ могла построить для него тысячу плановъ. Въ одинъ мигъ она готова была опять обратиться къ нему, она могла простить ему за всю жизнь свою, даже взвѣсивъ его послѣднее преступленіе — пожертвованіе ея единственнымъ дитятей, и въ порывѣ живо-вспыхнувшего энтузіазма, въ порывѣ новой надежды, низвести это преступленіе до простаго проступка, до малодушія, вынужденнаго нищенствомъ, грязною жизнью, отчаяннымъ положеніемъ. Въ ней все было увлеченіе, и въ этотъ мигъ у ней уже было снова готовы прощеніе и состраданіе безъ конца, для своего погибшаго мужа.

Отецъ засуетился; его тоже поразила внимательность князя и Б. Онъ прямо обратился къ матушкѣ, что-то шепнулъ ей, и она вышла изъ комнаты. Она воротилась чрезъ двѣ минуты, принесла размѣненные деньги, и батюшка тотчасъ же далъ рубль серебромъ посланному, который ушелъ съ вѣжливымъ поклономъ. Между тѣмъ, матушка, выходящая на минуту, принесла утюгъ, достала лучшую мужнину манишку и начала ее гладить. Она сама повязала ему на шею бѣлый батистовый галстухъ, сохранявшійся на всякій случай, съ незапамятныхъ поръ, въ его гардеробѣ, вмѣстѣ съ чернымъ, хотя уже и очень поношеннымъ фраккомъ, который былъ сшитъ еще при поступленіи его въ должность при театрѣ. Кончивъ туалетъ, отецъ взялъ шляпу, но, выходя, попросилъ стакавъ воды; онъ былъ блѣденъ, и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Воду подала уже я; можетъ быть, непріятное чувство снова прокрадѣсь въ сердце матушки и охладило ея первое увлеченіе.

Батюшка вышелъ; мы остались однѣ. Я заби-лась въ уголъ, и долго, молча, смотрѣла на матушку. Я никогда не видала ее въ такомъ волненіи;

губы ея дрожали, блѣдныя щеки вдругъ разгорѣлись, и она, по временамъ, вздрагивала всѣми членами. Наконецъ, тоска ея начала изливаться въ жалобахъ, въ глухихъ рыданіяхъ и сѣтованіяхъ.

— Эго я, это все я виновата, несчастная! говорпла она сама съ собою. — Чтожъ съ нею будетъ? чтожъ съ нею будетъ, когда я умру? продолжала она, остановясь посреди комнаты, словно пораженная молніею отъ одной этой мысли. Нѣточка! дитя мое! бѣдная ты моя! несчастная! сказала она, взявъ меня за руки и судорожно обнимая меня. — На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядѣть за тобою? Охъ, ты не понимаешь меня! Понимаешь ли? запомнишь ли, что я теперь говорила, Нѣточка? будешь ли помнить впередъ?

— Буду, буду, маменька! говорила я, складывая руки и умоляя ее.

Она долго, крѣпко держала меня въ объятіяхъ, какъ будто трепеща одной мысли, что разлучится со мною. Сердце мое разрывалось.

— Мамочка! мама! сказала я, всхлипывая: — за что ты.. за что ты не любишь папу? И рыданія не дали мнѣ досказать.

Стенаніе вырвалось изъ груди ея. Потомъ, въ новѣй, ужасной тоскѣ, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣдная, бѣдная моя! А я и не замѣтила, какъ она выросла; она знаетъ, все знаетъ! Боже мой! какое впечатлѣніе, какой примѣръ! И она опять ломала руки въ отчаяніи.

Потомъ она подходила ко мнѣ и съ безумною любовью цѣловала меня, цѣловала мои руки, обливала ихъ слезами, умоляла о прощеніи... Я никогда не видывала такихъ страданій... Наконецъ, она какъ-будто пзмучилась и впала въ забытіе. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Потомъ она встала, утомленная и усталая, и сказала мнѣ, чтобъ я легла спать. Я ушла въ свой уголъ, завернулась въ одеяло, но заснуть не могла. Меня мучила она, мучилъ и батюшка. Я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Какой-то ужасъ овладѣвалъ мною при мысли о немъ. Черезъ полчаса, матушка взяла свѣчку и подошла ко мнѣ, посмотрѣть, заснула ли я. Чтобъ успокоить ее, я зажмурила глаза и притворилась, что сплю. Оглядѣвъ меня, она тихонько подошла къ шкафу, отворила его и налила себѣ стаканъ вина. Она выпила его и легла спать, оставивъ зажженную свѣчку на столѣ и дверь отпертою; какъ всегда дѣлалъ на случай поздняго прихода батюшки.

Я лежала какъ будто въ забытіи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я заводила ихъ какъ тотчасъ же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ видѣній. Тоска моя возрастала все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно почью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣ-

денъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ возлѣ самой двери и какъ-будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Оплывшая салъная свѣчка грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, все въ томъ же положеніи, опустивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Оцѣпенѣніе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка. Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ; взглядъ его былъ мутный и блѣдный, — такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ же оставивъ ее, воротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ. Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенія отъ страха, я ждала, что будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одеяло съ лица и началъ оцупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову; но когда онъ приподнялся въ послѣдній разъ, то какъ-будто улыбка мелькнула на его страшно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одеяломъ сиящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку. мнѣ стало страшно за ея глубокий сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовалась на одеялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія, пробѣжала страшная мысль въ умъ моемъ.

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и вынулъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнавать нельзя было, — такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я увидѣла эту скрипку и знала, что она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки шли какъ-то прерывисто; онъ поминутно останавливался, какъ-будто припоминалъ что-то; наконецъ, съ растерзаннымъ, мучительнымъ видомъ положилъ свой смычокъ и какъ-то странно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ руками. — и опять та же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: от-

чего же такъ крѣпко спитъ матушка? отчего же она не проснулась, когда онъ рукою ощупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найти изъ нашего платья, взявъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ-будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его беспокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ къ дверямъ, чтобъ даже и не поглядѣть на постель. Наконецъ, онъ взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія; помню все, что поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ-будто чей-то ужасный голосъ загремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны, болѣзненны были мои впечатлѣнія, или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были на впечатлѣнія страшныя, неисходимо мучительныя,—но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческій, плачъ; цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ, и, наконецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ, — все это какъ, будто соединилось разомъ... я не могла выдержать, — я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ, и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ, какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ; онъ какъ-будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною... еще минута, и онъ, можетъ быть, убилъ бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! закричала я ему: — папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! такъ еще ты осталась! Такъ еще не все кончилось! Такъ еще ты осталась со мной! закричалъ онъ, поднявъ меня за плеча на воздухъ.

— Папочка! закричала я снова: — не пугай меня, ради Бога! мнѣ страшно! ай!

Мой плачъ поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ-будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что нибудь перевернуло его, какъ-будто его поразила какая-то ужасная мысль, — изъ помутившихся глазъ его брыз-

нули слезы; онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! говорила я ему, терзаясь отъ страха: — не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! пора! пойдемъ, Нѣточка! скорѣе, скорѣе! И онъ засуетился, какъ-будто только теперь догадался, что ему дѣлать. Торопливо озираясь онъ кругомъ, и, увидя на полу матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ, потомъ увидѣлъ чепчикъ, — и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ-будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все, что было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все, что мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

— Все ли, все ли? спрашивалъ отецъ: — все ли готово? скорѣй! скорѣй!

Я на-скоро навязала узелъ, накинула на голову платокъ, и уже мы оба стали было выходить, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что надо взять и картинку, которая висѣла на стѣнѣ. Батюшка тотчасъ же согласился съ этимъ. Теперь онъ былъ тихъ, говорилъ шопотомъ и только торопилъ меня поскорѣе идти. Картина висѣла очень высоко; мы вдвоемъ принесли стулъ, потомъ приладили на него скамейку и, взгромоздившись на нее, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, сняли. Тогда все было готово къ нашему путешествію. Онъ взялъ меня за руку, и мы было уже пошли, но вдругъ батюшка остановилъ меня. Онъ долго теръ себѣ лобъ, какъ будто вспоминая что-то, что еще не было сдѣлано. Наконецъ, онъ какъ-будто нашелъ, что ему было надо, отыскалъ ключи, которые лежали у матушки подъ подушкой, и торопливо началъ искать чего-то въ комодѣ. Наконецъ, онъ воротился ко мнѣ и принесъ нѣсколько денегъ, отысканныхъ въ ящикѣ.

— Вотъ, на, возьми это, береги, прошепталъ онъ мнѣ: — не теряй же, помни, помни!

Онъ мнѣ положилъ сначала деньги въ руку, потомъ взялъ ихъ опять и сунулъ мнѣ за пазуху. Помню, что я вздрогнула, когда къ моему тѣлу прикоснулось это серебро, и я какъ будто только теперь поняла, что такое деньги. Теперь мы опять были готовы, но онъ вдругъ опять остановилъ меня.

— Нѣточка! сказалъ онъ мнѣ, какъ-будто размышляя съ усиліемъ: — дѣточка моя, я позабылъ... что такое?.. Что это надо?.. Я не помню... Да, да, нашелъ, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѣточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

— Молись, дитя мое, помолись! тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, шепталъ онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня.—Помолись, помолись! говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная

ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ, какъ бездыханная. Я напрягала всѣ свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ, но страхъ преодолевалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, сказала я, обливаясь слезами:—а мама?.. Что съ мамой? гдѣ она? гдѣ моя мама?..

Я не могла продолжать, и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ постели, разметалъ набросанную грудку платя и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ея трупъ. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

— Поклонись ей, дитя! сказалъ онъ:—протись съ нею...

Я поклонилась. Отецъ поклонился вмѣстѣ со мною... Онъ былъ ужасно блѣденъ; губы его двигались и что-то шептали.

— *Это не я, Нѣточка, не я,* говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на трупъ.—Слышишь, не я; *я не виноватъ въ этомъ.* Помни, Нѣточка?

— Папа, пойдемъ, прошептала я въ страхѣ.—Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! сказалъ онъ, схвативъ меня крѣпко за руку и торопясь выйти изъ комнаты. — Ну, теперь въ путь! слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы сошли съ лѣстницы; полусонный дворникъ отворилъ намъ ворота, подозрительно поглядывая на насъ, и батюшка, словно боясь его вопроса, выбѣжалъ изъ воротъ первый, такъ что я едва догнала его. Мы прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. За ночь на камняхъ мостовой выпалъ снѣгъ, и шелъ теперь мелкими хлопьями. Было холодно; я дрогла до костей и бѣжала за батюшкой, судорожно уцѣпившись за полы его фрака. Скрипка была у него подъ мышкой, и онъ поминутно останавливался, чтобъ придержать подъ мышкой футляръ.

Мы шли съ четверть часа; наконецъ, онъ повернулъ по скату тротуара на самую канаву и сѣлъ на послѣдней тумбѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! какъ теперь помню я то страшное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже цѣлый годъ. Мы ушли изъ нашего бѣднаго жилища... Но того ли я ожидала, о томъ ли я мечтала, то ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастьи того, котораго я такъ не дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе матушка. Зачѣмъ мы ее оставили, думала я:—одну? покинули ея тѣло, какъ ненужную вещь? И помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

— Папочка! начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей:—папочка!

— Что такое? сказалъ онъ сурово.

— Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? спросила я, заплакавъ.— Папочка! воротимся домой! Позовемъ къ ней когонибудь.

— Да, да! закричалъ онъ вдругъ, встрепенувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ сомнѣнія его. — Да, Нѣточка, такъ нельзя; нѣжго пойдти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѣточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови къ ней кого-нибудь, и потомъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду.

Я тотчасъ же пошла, но едва только взшла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня въ сердце... Я обернулась и увидѣла, что онъ уже сбѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась: онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе... я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать. Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ кого-нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигаетъ меня и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущение разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ, безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимого дитяти... Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцѣловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не хочетъ того, а ворочусь одна къ матушкѣ. Я разглядѣла наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя... Тутъ силы меня оставили: я начала плакать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обонхъ.

Папочка! папочка! закричала я въ послѣдній разъ, но вдругъ поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя, я лишилась чувствъ.

Очнулась я на теплой, мягкой постели и увидѣла возлѣ себя привѣтливыя, ласковыя лица, которыя съ радостію встрѣтили мое пробужденіе. Я разглядѣла старушку, съ очками на носу, высокаго господина, который смотрѣлъ на меня съ

глубокимъ состраданіемъ; потомъ прекрасную молодую даму, и наконецъ сѣдаго старика, который держалъ меня за руку и смотрѣлъ на часы. Я пробудилась для новой жизни. Одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣтила во время бѣгства, былъ князь Х—ій, и я упала у воротъ его дома. Когда, послѣ долгихъ изысканій, узнали, кто я такова, князь, который послалъ моему отцу билетъ въ концертъ С—ца, пораженный странностью случая, рѣшился принять меня въ свой домъ и воспитать со своими дѣтьми. Стали отыскивать, что сдѣлалось съ батюшкой, и узнали, что онъ былъ задержанъ кѣмъ-то уже внѣ города, въ припадкѣ изступленнаго помѣшательства. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ два дня.

Онъ умеръ, потому что такая смерть его была необходимою, естественнымъ слѣдствіемъ всей его жизни. Онъ долженъ былъ такъ умереть, когда все, поддерживавшее его въ жизни, разомъ рухнуло, разсѣялось какъ призракъ, какъ безплотная, пустая мечта. Онъ умеръ, когда исчезла послѣдняя надежда его, когда въ одно мгновеніе разрѣшилось передъ нимъ самимъ и вошло въ ясное сознаніе все, чѣмъ обманывалъ онъ себя и поддерживалъ всю свою жизнь. Истина ослѣпила его своимъ нестерпимымъ блескомъ, и что было ложь, стало ложью и для него самого. Въ послѣдній часъ свой, онъ услышалъ чуднаго генія, который разсказалъ ему его же самого и осудилъ его навсегда. Съ послѣднимъ звукомъ, слетѣвшимъ со струнъ скрипки геніальнаго С—ца, передъ нимъ разрѣшилась вся тайна искусства, и геній, вѣчно юный, могучій и истинный, раздавилъ его своею истинностью. Казалось, все, что только въ таинственныхъ, неосязаемыхъ мученіяхъ тяготило его всю жизнь, все, что до сихъ поръ только гревалось ему и мучило его только въ сновидѣніяхъ неопутительно, неуловимо, что хотя сказывалось ему по временамъ, но отъ чего онъ съ ужасомъ бѣжалъ, заслоняся ложью всей своей жизни, все, что предчувствовалъ онъ, но чего боялся доселѣ,— все это вдругъ, разомъ засіяло передъ нимъ, открылось глазамъ его, которые упрямо не хотѣли признать до сихъ поръ свѣтъ за свѣтъ, тьму за тьму. Но истина была невыносима для глазъ его, прозрѣвшихъ въ первый разъ во все, что было, что есть, и въ то, что ожидаетъ его; она ослѣпила и сожгла его разумъ. Она ударила въ него вдругъ неизбежно, какъ молнія. Совершилось вдругъ то, что онъ ожидалъ всю жизнь съ замираніемъ и трепетомъ. Казалось, всю жизнь сѣвиръ висѣла надъ его головой, всю жизнь онъ ждалъ каждое мгновеніе въ невыразимыхъ мученіяхъ, что она ударитъ въ него, и — наконецъ, сѣкира ударила! Ударъ былъ смертеленъ. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ суда надъ собою, но бѣжать было некуда: послѣдняя надежда исчезла, послѣдняя отговорка пропала. Та, которой жизнь тяготѣла надъ нимъ столько лѣтъ, которая не давала ему жить, та, со смертію которой, по своему ослѣпленному вѣ-

рованію, онъ долженъ былъ вдругъ, разомъ воскреснуть,—умерла. Наконецъ, онъ былъ одинъ, его не стѣсняло ничто: онъ былъ наконецъ свободенъ! Въ послѣдній разъ, въ судорожномъ отчаяніи хотѣлъ онъ судить себя самъ, осудить неумолимо и строго, какъ безпристрастный, безкорыстный судья; но ослабѣвшій смычекъ его могъ только слабо повторить послѣднюю музыкальную фразу генія.... Въ это мгновеніе, безуміе, сторожившее его уже десять лѣтъ, неизбежно поразило его.

IV.

Я выздоравливала медленно; но когда уже совсѣмъ встала съ постели, умъ мой все еще былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и долгое время я не могла понять, что именно случилось со мною. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что я вижу сонъ, и, помню, мнѣ хотѣлось, чтобы все случившееся и впрямь обратилось въ сонъ! Засыпая на ночь, я надѣялась, что вдругъ какъ-нибудь проснусь опять въ нашей бѣдной комнатѣ и увижу отца и мать... Но, наконецъ, передо мной проявилось мое положеніе, и я мало-по-малу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужихъ людей. Тогда въ первый разъ почувствовала я, что я сирота.

Я начала жадно присматриваться ко всему новому, такъ внезапно меня окружившему. Сначала мнѣ все казалось страннымъ и чуднымъ, все меня смущало: и новыя лица, и новые обычаи, и комнаты стараго княжескаго дома—какъ теперь вижу, большія, высокія, богатыя, но такія угрюмыя, мрачныя, что, помню, я серьезно боялась пуститься черезъ какую-нибудь длинную-длинную залу, въ которой, мнѣ казалось, совсѣмъ пропаду. Болѣзнь моя еще не прошла, и впечатлѣнія мои были мрачныя, тягостныя, совершенно подъ ладъ этого торжественно-угрюмаго жилища. Къ тому же, какая-то, еще неясная мнѣ самой, тоска все болѣе и болѣе нарастала въ моемъ маленькомъ сердцѣ. Съ недоумѣніемъ останавливалась я передъ какой-нибудь картиной, зеркаломъ, каминомъ затѣливой работы, или статуей, которая какъ-будто нарочно спряталась въ глубокую нишу, чтобы оттуда лучше подсмотрѣть за мной и какъ-нибудь испугать меня, останавливалась и потомъ вдругъ забывала, за чѣмъ я останавливалась, чего хочу, о чемъ начала думать, и только когда очнусь, бывало, страхъ и смятеніе нападали на меня, и крѣпко билось мое сердце.

Изъ тѣхъ, кто изрѣдка приходили навѣстить меня, когда я еще лежала больная, кромѣ старичка доктора, всего болѣе поразило меня лицо одного мужчины, уже довольно пожилаго, такого серьезнаго, но такого добраго, смотрѣвшаго на меня съ такимъ глубокимъ состраданіемъ! Его лицо я любила болѣе всѣхъ другихъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я боялась; онъ былъ

съ виду всегда очень унылъ, говорилъ отрывисто, мало, и никогда улыбка не являлась на губахъ его. Это былъ самъ князь Х—й, нашедшій меня и призвѣвшій въ своемъ домѣ. Когда я стала выздоравливать, посѣщенія его становились рѣже и рѣже. Наконецъ, въ послѣдній разъ, онъ принесъ мнѣ конфетовъ, какую-то дѣтскую книжку съ картинами, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и просилъ, чтобъ я была веселѣе. Утѣшая меня, онъ прибавилъ, что скоро у меня будетъ подруга, такая же дѣвочка какъ и я, его дочь Катя, которая теперь въ Москвѣ. Потомъ, поговоривъ что-то съ пожилой француженкой, нянькой дѣтей его, и съ ухаживавшей за мной дѣвушкой, онъ указалъ имъ на меня, вышелъ и съ тѣхъ поръ я ровно три недѣли не видала его. Князь жилъ въ своемъ домѣ чрезвычайно уединенно. Большую половину дома занимала княгиня; она тоже не видалась съ княземъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Въ послѣдствіи я замѣтила, что даже всѣ домашніе мало говорили объ немъ, какъ будто его и не было въ домѣ. Всѣ его уважали, и даже видно было, любили его, а между тѣмъ смотрѣли на него, какъ на какого-то чуднаго и страннаго человѣка. Казалось, и онъ самъ понималъ, что онъ очень странный, какъ-то не похожъ на другихъ, и потому старался какъ можно рѣже казаться всѣмъ на глаза... Въ свое время мнѣ придется очень много и гораздо подробнѣе говорить о немъ.

Въ одно утро меня одѣли въ чистое, тонкое бѣлье, надѣли на меня черное шерстяное платье, съ бѣлыми плерезами, на которое я посмотрѣла съ какимъ-то унылымъ недоумѣніемъ, причесали мнѣ голову и повели съ верхнихъ комнатъ внизъ, въ комнаты княгини. Я остановилась какъ вкопанная, когда меня привели къ ней: никогда я еще не видала кругомъ себя такого богатства и великолѣпія. Но это впечатлѣніе было мгновенное, и я поблѣднѣла, когда услышала голосъ княгини, которая велѣла подвести меня ближе. Я и одѣваясь думала, что готовлюсь на какое-то мученіе, хотя Богъ знаетъ отъ чего вселилась въ меня подобная мысль. Вообще я вступила въ новую жизнь съ какою-то странною недоувѣрчивостью ко всему меня окружавшему. Но княгиня была со мной очень пріятлива и поцѣловала меня. Я взглянула на нее посмѣлѣе. Это была та самая прекрасная дама, которую я видѣла, когда я очнулась послѣ своего безпамятства. Но я вся дрожала, когда цѣловала ея руку, и никакъ не могла собраться съ силами отвѣтить что нибудь на ея вопросы. Она приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на низенькомъ табуретѣ. Кажется, это мѣсто уже предназначено было для меня заранѣе. Видно было, что княгиня и не желала болѣе, какъ привязаться ко мнѣ всею душою, обласкать меня, и вполнѣ замѣнить мнѣ мать. Но я никакъ не могла понять, что попала въ случай, и ничего не выиграла въ ея мнѣніи. Мнѣ дали прекрасную книжку съ картинками и приказали разсматривать. Сама княгиня

писала къ кому-то письмо, изрѣдка оставляла перо и опять со мной заговаривала; но я сбивалась, путалась и ничего не сказала путнаго. Однимъ словомъ, хотя моя исторія была очень необыкновенная, и въ ней большую часть играла судьба, разные, положимъ, даже таинственные пути, и вообще было много интереснаго, неизъяснимаго, даже чего-то фантастическаго, но я сама выходила, какъ будто на зло всей этой мелодраматической обстановкѣ, самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забытымъ и даже глупенькимъ. Особенно послѣднее княгинѣ вовсе не нравилось, и я, кажется, довольно скоро ей совсѣмъ надоѣла, въ чемъ виню одну себя, разумѣется. Часу въ третьемъ начались визиты, и княгиня стала ко мнѣ вдругъ внимательнѣе и ласковѣе. На разспросы пріѣзжавшихъ обо мнѣ, она отвѣчала, что это чрезвычайно интересная исторія, и потомъ начинала рассказывать по-французски. Во время ея рассказовъ на меня глядѣли, качали головами, восклицали. Одинъ молодой человекъ навелъ на меня лорнетъ, одинъ пахучій сѣдой старичокъ хотѣлъ было поцѣловать меня, а я блѣднѣла, краснѣла и сидѣла потупивъ глаза, боясь шевельнуться, дрожа всѣми членами. Сердце было и болѣло во мнѣ. Я уносила въ прошедшее, на нашъ чердакъ, вспомнила отца, наши длинныя, молчаливыя вечера, матушку, и когда вспомнила о матушкѣ—въ глазахъ моихъ напали слезы, мнѣ сдавливало горло, и я такъ хотѣла убѣжать, исчезнуть, остаться одной... Потомъ, когда кончились визиты, лицо княгини стало примѣтно суровѣе. Она уже смотрѣла на меня угрюмѣе, говорила отрывистѣе, и въ особенности меня пугали ея пронзительныя, черныя глаза, иногда крѣпко сжатые тонкія губы. Вечеромъ меня отвели на верхъ. Я заснула въ лихорадкѣ, просыпалась ночью, тоскуя и плача отъ болѣзненныхъ сновидѣній; а на утро началась та же исторія, и меня опять повели къ княгинѣ. Наконецъ, ей какъ будто самой наскучило рассказывать своимъ гостямъ мои приключенія, а гостямъ соболѣзновать обо мнѣ. Къ тому же я была такой обыкновенный ребенокъ, «безъ всякой наивности», какъ, помню, выразилась сама княгиня, говоря глазъ на глазъ съ одной пожилой дамой, которая спросила: «не уже-ли ей не скучно со мной?»,—и вотъ, въ одинъ вечеръ, меня увели совсѣмъ, съ тѣмъ, чтобъ не приводить ужъ болѣе. Такимъ образомъ кончилось мое фаворитство; впрочемъ, мнѣ позволено было ходить вездѣ и всюду, сколько мнѣ было угодно. Я же не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ глубокой, болѣзненной тоски своей и рада была, когда уйду наконецъ отъ всѣхъ внизъ, въ большія комнаты. Помню, что мнѣ очень хотѣлось разговориться съ домашними; но я такъ боялась разсердить ихъ, что предпочитала оставаться одной. Моимъ любимымъ препровожденіемъ времени было забиться куда-нибудь въ уголъ, гдѣ

непримѣтнѣе, стать за какую-нибудь мебель; и тамъ тотчасъ же начать припоминать и соображать обо всемъ, что случилось со мною. Но чудное дѣло! я какъ-будто забыла окончаніе того, что со мною случилось у родителей, и всю эту ужасную исторію. Передо мной мелькали однѣ картины, выставлялись факты. Я, правда, все помнила—и ночь, и скрипку, и батюшку, помнила, какъ доставала ему деньги; но осмыслить, выяснить себѣ всѣ эти происшествія какъ-то не могла... Только тяжеле мнѣ становилось на сердцѣ, и когда я доходила воспоминаніемъ до той минуты, когда молилась возлѣ мертвой матушки, то морозъ вдругъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; я дрожала, слегка вскрикивала, и потомъ такъ тяжело становилось дышать, такъ ныла вся грудь моя, такъ колотилось сердце, что въ испугѣ выбѣгала я изъ угла. Впрочемъ, я неправду сказала, говоря, что меня оставляли одну: за мной неуспынно и усердно присматривали и съ точностію исполняли приказанія князя, который велѣлъ дать мнѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ, но ни на минуту не терять меня изъ виду. Я замѣчала, что по временамъ, кто-нибудь изъ домашнихъ и изъ прислуги заглядывалъ въ ту комнату, въ которой я находилась, и опять уходилъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Меня очень удивляла и отчасти беспокоила такая внимательность. Я не могла понять, для чего это дѣлается. Мнѣ все казалось, что меня для чего-то берегутъ и что-нибудь хотятъ потомъ со мной сдѣлать. Помню, я все старалась зайти куда-нибудь подальше, чтобъ въ случаѣ нужды знать куда, спрятаться. Разъ я забрѣла на парадную лѣстницу. Она была вся изъ мрамора, широкая, устланная коврами, уставленная цвѣтами и прекрасными вазами. На каждой площадкѣ безмолвно сидѣло по два высокихъ человека, чрезвычайно пестро-одѣтыхъ, въ перчаткахъ и въ самыхъ бѣлыхъ галстукахъ. Я посмотрѣла на нихъ въ недоумѣніи и никакъ не могла взять въ толкъ, зачѣмъ они тутъ сидятъ, молчатъ и только смотрятъ другъ на друга, а ничего не дѣлаютъ.

Эти уединенныя прогулки нравились мнѣ болѣе и болѣе. Къ тому же была другая причина, по которой я убѣгала сверху. На верху жила старая тетка князя, почти безвыходно и безвыѣздно. Эта старушка рѣзко отразилась въ моемъ воспоминаніи. Она была чуть ли не важнѣйшимъ лицомъ въ домѣ. Въ сношеніяхъ съ нею всѣ наблюдали какой-то торжественный этикетъ, и даже сама княгиня, которая смотрѣла такъ гордо и самовластно, ровно два раза въ недѣлю, по положеннымъ днямъ, должна была всходить на верхъ и дѣлать личный визитъ своей теткѣ. Она обыкновенно приходила утромъ; начинался сухой разговоръ, зачастую прерываемый торжественнымъ молчаніемъ, въ продолженіе котораго старушка или шептала молитвы, или перебирала четки. Визитъ кончался не прежде, какъ того хотѣла сама те-

тушка, которая вставала съ мѣста, цѣловала княгиню въ губы и тѣмъ давала знать, что свиданіе кончалось. Прежде княгиня должна была каждый день посѣщать свою родственницу; но въ послѣдствіи, по желанію старушки, послѣдовало облегченіе, и княгиня только обязана была въ остальные пять дней недѣли каждое утро присылать узнать о ея здоровьѣ. Вообще, житіе престарѣлой княжны было почти келійное. Она была дѣвушка, и когда ей минуло тридцать пять лѣтъ, заключилась въ монастырь, гдѣ и выжила лѣтъ семнадцать, но не постриглась; потомъ оставила монастырь и пріѣхала въ Москву, чтобъ жить съ сестрою, вдовой графиней Л., здоровье которой становилось съ каждымъ годомъ хуже, и примириться со второй сестрой, тоже княжной Х—ю, съ которой слишкомъ двадцать лѣтъ была въ ссорѣ. Но старушки, говорятъ, ни одного дня не провели въ согласіи, тысячу разъ хотѣли разѣехаться и не могли этого сдѣлать, потому что наконецъ замѣтили, какъ каждая изъ нихъ необходима двумъ другимъ, для предохраненія отъ скуки и отъ припадковъ старости. Но, не смотря на непривлекательность ихъ житія-бытія и самую торжественную скуку, господствовавшую въ ихъ московскомъ теремѣ, весь городъ поставлялъ долгомъ не прерывать своихъ визитовъ тремъ затворницамъ. На нихъ смотрѣли какъ на хранительницъ всѣхъ аристократическихъ завѣтовъ и преданій, какъ на живую лѣтопись кореннаго боярства. Графиня оставила послѣ себя много прекрасныхъ воспоминаній и была превосходная женщина. Заѣзжіе изъ Петербурга дѣлали къ нимъ свои первыя визиты. Кто принимался въ ихъ домѣ, того принимали вездѣ. Но графиня умерла, и сестры разѣхались; старшая, княжна Х—я, осталась въ Москвѣ, наслѣдовать свою часть послѣ графини, умершей бездѣтною, а младшая, монастырка, переселилась къ племяннику, князю Х—му, въ Петербургъ. За то двое дѣтей князя, княжна Катя и Александръ, остались гостить въ Москвѣ у бабушки, для развлеченія и утѣшенія ея въ одиночествѣ. Княгиня, страстно любившая своихъ дѣтей, не смѣла слова пикнуть, разставаясь на все время положеннаго траура. Я забыла сказать, что трауръ еще продолжался во всемъ домѣ князя, когда я поселилась въ немъ; но срокъ истекъ въ короткомъ времени.

Старушка-княжна одѣвалась вся въ черное, всегда въ платьѣ изъ простой шерстяной матеріи и носила накрахмаленные, собранные въ мелкія складки бѣлые воротнички, которые придавали ей видъ богадѣленки. Она не покидала четокъ, торжественно выѣзжала къ обѣднѣ, постилась по всѣмъ днямъ, принимала визиты разныхъ духовныхъ лицъ и степенныхъ людей, читала священные книги и вообще вела жизнь самую монашескую. Тишина на верху была страшная; невозможно было скрипнуть дверью: старушка была чутка, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка и тотчасъ же по-

сылала изслѣдовать причину стука, или даже простаго скрипа. Всѣ говорили шопотомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ, и бѣдная французенка, тоже старушка, принуждена была наконецъ отказаться отъ любимой своей обуви,—башмаковъ съ каблуками. Каблуки были изгнаны. Двѣ недѣли спустя послѣ моего появленія, старушка княжна прислала обо мнѣ спросить: кто я такая, что я, какъ попала въ домъ, и проч. Ее немедленно и почтительно удовлетворили. Тогда присланъ былъ второй нарочный, къ французенкѣ, съ запросомъ, отчего княжна до сихъ поръ не видала меня? Тотчасъ же поднялась суматоха: мнѣ начали чесать голову, умывать лицо, руки, которыя безъ того были очень чисты, учили меня подходить, кланяться, глядѣть веселѣе и привѣтливѣе, говорить—однимъ словомъ, меня всю затормошили. Потомъ отправилась посланница уже съ нашей стороны, съ предложеніемъ: не пожелаютъ ли видѣть сиротку? Послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, но назначенъ былъ срокъ на завтра послѣ обѣдни. Я не спала всю ночь, и рассказывали потомъ, что я всю ночь бредила, подходила къ княжнѣ и въ чемъ-то просила у нея прощенія. Наконецъ послѣдовало мое представленіе. Я увидѣла маленькую, худощавую старушку, сидѣвшую въ огромныхъ креслахъ. Она закивала мнѣ головою и надѣла очки, чтобъ разглядѣть меня ближе. Помню, что я ей совсѣмъ не понравилась. Замѣчено было, что я совсѣмъ дикая, не умѣю ни присѣсть, ни поцѣловать руки. Начались разспросы, и я едва отвѣчала; но когда дошло дѣло до отца и матушки, я заплакала. Старушкѣ было очень непріятно, что я разчувствовалась: впрочемъ, она начала утѣшать меня и велѣла возложить мои надежды на Бога; потомъ спросила, когда я была послѣдній разъ въ церкви, и такъ какъ я едва поняла ея вопросъ, потому что моимъ воспитаніемъ очень неглижировали, то княжна пришла въ ужасъ. Послали за княгиней. Послѣдовалъ совѣтъ, и положено было отвезти меня въ церковь въ первое же воскресенье. До тѣхъ поръ княжна общала молиться за меня, но приказала меня вывести, потому что я, по ея словамъ, оставила въ ней очень тягостное впечатлѣніе. Ничего мудренаго, такъ и должно было быть. Но ужъ видно было, что я совсѣмъ не понравилась; въ тотъ же день прислали сказать, что я слишкомъ рѣзвлюсь, и что меня слышно на весь домъ, тогда какъ я сидѣла весь день не шелохнувшись: ясно, что старушкѣ такъ показалось. Однако и на завтра послѣдовало тоже замѣчаніе. Случись же, что я въ это время уронила чашку и разбила ее. Французенка и всѣ дѣвушки пришли въ отчаяніе, и меня въ ту же минуту переселили въ самую, отдаленную комнату, куда всѣ послѣдовали за мной, въ придакъ глубокаго ужаса.

Но я ужъ не знаю, чѣмъ кончилось потомъ это дѣло. Вотъ почему я рада была уходить внизъ и бродить одна по большимъ комнатамъ, зная, что ужъ тамъ никого не обезпкою.

Помню, я разъ сидѣла въ одной залѣ внизу. Я закрыла руками лицо, наклонила голову и такъ просидѣла, не помню, сколько часовъ. Я все думала, думала; мой несозрѣвшій умъ не въ силахъ былъ разрѣшить всей тоски моей, и все тяжелѣе, тошнѣй становилось у меня въ душѣ. Вдругъ надо мной раздался чей-то тихій голосъ:

— Чтò съ тобой, моя бѣдная?

Я подняла голову: это былъ князь; его лицо выражало глубокое участіе и состраданіе: но я поглядѣла на него съ такимъ убитымъ, съ такимъ несчастнымъ видомъ, что слеза набѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Бѣдная сиротка! проговорилъ онъ, погладивъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! нѣтъ! проговорила я, и стоны вырвались изъ груди моей, и все поднялось и взволновалось во мнѣ. Я встала съ мѣста, схватила его руку и, цѣлуя ее, обливая слезами, повторяла умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! нѣтъ!

— Дитя мое, — что съ тобой, моя милая, бѣдная Нѣточка? что съ тобой?

— Гдѣ моя мама? гдѣ моя мама? закричала я, громко рыдая, не въ силахъ болѣе скрывать тоску свою и въ безсиліи упавъ передъ нимъ на колѣни:—гдѣ моя мама? голубчикъ мой, скажи, гдѣ моя мама?

— Прости меня, дитя мое!... Ахъ, бѣдная моя, я напомнилъ ей... Что я надѣлалъ! Поди, пойдемъ со мной, Нѣточка, пойдемъ со мною.

Онъ схватилъ меня за руку и быстро повелъ за собою. Онъ былъ потрясенъ до глубины души. Наконецъ, мы пришли въ одну комнату, которой еще я не видала.

Это была образная. Были сумерки. Лампады ярко сверкали своими огнями на золотыхъ ризахъ и драгоценныхъ каменьяхъ образовъ. Изъ-подъ блестящихъ окладовъ тускло выглядывали лики святыхъ. Все здѣсь такъ не походило на другія комнаты, такъ было таинственно и угрюмо, что я была поражена, и какъ-то испугъ овладѣлъ моимъ сердцемъ. Къ тому же я была такъ болѣзненно настроена! Князь торопливо поставилъ меня на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и самъ сталъ возлѣ меня...

— Молись, дитя, помолись; будемъ оба молиться! сказалъ онъ тихимъ, порывистымъ голосомъ.

Но молиться я не могла; я была поражена, даже испугана; я вспомнила слова отца, въ ту послѣднюю ночь, у тѣла моей матери и со мной сдѣлался нервный припадокъ. Я слегла въ постель больная, и въ этотъ вторичный періодъ моей болѣзни, едва не умерла; вотъ какъ былъ этотъ случай.

Въ одно утро, чье-то знакомое имя раздавалось въ ушахъ моихъ. Я услышала имя С-ца. Кто-то изъ домашнихъ произнесъ его возлѣ моей постели. Я вздрогнула; воспоминанія нахлынули ко мнѣ, и припоминая, мечтая и мучась, я пролежала ужъ

не помню сколько часовъ въ настоящемъ бреду. Проснулась я уже очень поздно; кругомъ меня было темно; ночникъ погасъ и дѣвушки, которая сидѣла въ моей комнатѣ, не было. Вдругъ я услышала звуки отдаленной музыки. Порой звуки затихали совершенно, порой раздавались слышнѣе и слышнѣе, какъ будто приближались. Не помню, какое чувство овладѣло мною, какое намѣреніе вдругъ родилось въ моей больной головѣ. Я встала съ постели и не знаю, гдѣ сидѣла я, на-скоро одѣлась въ мой трауръ и пошла ощупью изъ комнаты. Ни въ другой, ни въ третьей комнатѣ я не встрѣтила ни души. Наконецъ я пробралась въ корридоръ. Звуки становились все слышнѣе и слышнѣе. На срединѣ корридора была лѣстница внизъ; этимъ путемъ я всегда сходила въ большія комнаты. Лѣстница была ярко освѣщена; внизу ходили; я притаилась въ углу, чтобъ меня не видали, и только-что стало возможно, спустилась внизъ, во второй корридоръ. Музыка гремѣла изъ смежной залы; тамъ было шумно, говорливо, какъ будто собрались тысячи людей. Одна изъ дверей въ залу, прямо изъ корридора, была завѣшена огромными двойными портьерами изъ пунцоваго бархата. Я подняла первую изъ нихъ и стала между обоями занавѣсами. Сердце мое билось такъ, что я едва могла стоять на ногахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, осиливъ свое волненіе, я осмѣлилась наконецъ отвернуть, немного съ края, второй занавѣсъ... Боже мой! эта огромная, мрачная зала, въ которую я такъ боялась входить, сверкала теперь тысячею огней. Какъ будто море свѣта хлынуло на меня, и глаза мои, привыкшіе къ темнотѣ, были въ первое мгновеніе ослѣплены до боли. Ароматическій воздухъ, какъ горячій вѣтеръ, пахнулъ мнѣ въ лицо. Бездна людей ходили взадъ и впередъ; казалось, всѣ съ радостными, веселыми лицами. Женщины были въ такихъ богатыхъ, въ такихъ свѣтлыхъ платьяхъ; всюду я встрѣчала сверкающій отъ удовольствія взглядъ. Я стояла, какъ зачарованная. Мнѣ казалось, что я все это видѣла когда-то, гдѣ-то во снѣ... Мнѣ припомнились сумерки, я припомнила нашъ чердакъ, высокое окошко, улицу глубоко внизу, съ сверкающими фонарями, окна противоположнаго дома съ красными гардинами, кареты, столпившіяся у подъѣзда, топотъ и храпъ гордыхъ коней, крики, шумъ, тѣни въ окнахъ и слабую, отдаленную музыку... Такъ вотъ, вотъ гдѣ былъ этотъ рай! пронеслось въ моей головѣ: вотъ куда я хотѣла идти съ бѣднымъ отцомъ... Стало быть, это была не мечта!.. Да, я видѣла все такъ и прежде въ моихъ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ! Разгоряченная болѣзнію, фантазія вспыхнула въ моей головѣ, и слезы какого-то необъяснимаго восторга хлынули изъ глазъ моихъ. Я искала глазами отца: «онъ долженъ быть здѣсь, онъ здѣсь», думала я, и сердце мое билось отъ ожиданія... духъ во мнѣ занимался. Но музыка умолкла, раздался гулъ, и по всей залѣ пронесся какой-то шопотъ. Я жадно

всматривалась въ мелькавшія передо мной лица, старалась узнать кого-то. Вдругъ какое-то необыкновенное волненіе обнаружилось въ залѣ. Я увидѣла на возвышеніи высокаго, худощаваго старика. Его блѣдное лицо улыбалось, онъ угловато сгибался и кланялся на всѣ стороны; въ рукахъ его была скрипка. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто всѣ эти люди затаили духъ. Всѣ лица были устремлены на старика, все ожидало. Онъ взялъ скрипку и дотронулся смычкомъ до струнъ. Началась музыка, и я чувствовала, какъ что-то вдругъ сдавило мнѣ сердце. Въ неистощимой тоскѣ, затаивъ дыханіе, я вслушивалась въ эти звуки; что-то знакомое раздавалось въ ухахъ моихъ, какъ будто я гдѣ-то слышала это; какое-то предчувствіе чего-то ужаснаго, страшнаго, что разрѣшалось и въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, скрипка зазвенѣла сильнѣе; быстрѣе и пронзительнѣе раздавались звуки. Вотъ, послышался какъ-будто чей-то отчаянный вопль, жалобный плачъ, какъ-будто чья-то мольба вотще раздалась во всей этой толпѣ и заныла, замолкла въ отчаяніи. Все знакомѣе и знакомѣе сказывалось что-то моему сердцу. Но сердце отказывалось вѣрить. Я стиснула зубы, чтобъ не застонать отъ боли, я уцѣпилась за занавѣсы, чтобъ не упасть... Порой я закрывала глаза и вдругъ открывала ихъ, ожидая, что это сонъ, что я проснусь въ какую-то страшную, мнѣ знакомую минуту, и мнѣ снилась та послѣдняя ночь, я слышала тѣ же звуки. Открывъ глаза, я хотѣла увѣриться, жадно смотрѣла въ толпу, — нѣтъ, это были другіе люди, другія лица... Мнѣ показалось, что всѣ, какъ и я, ожидали чего-то, всѣ, какъ и я, мучились глубокой тоской; казалось, что они всѣ хотѣли крикнуть этимъ страшнымъ стономъ и воплемъ, чтобъ они замолчали, не терзали ихъ душъ, но вопли и стоны лились все тоскливѣе, жалобнѣе, продолжительнѣе. Вдругъ раздался послѣдній, страшный, долгій крикъ, и все во мнѣ потряслось... Сомнѣнья нѣтъ! это тотъ самый, тотъ крикъ! Я узнала его, я уже слышала его, онъ, также какъ и тогда, въ ту ночь пронзилъ мнѣ душу. «Отецъ! отецъ!» пронеслось какъ молнія въ головѣ моей: «онъ здѣсь, это онъ, онъ зоветъ меня, это его скрипка!» Какъ будто стонъ вырвался изъ всей этой толпы, и страшныя рукоплесканія потрясли залу. Отчаянный, пронзительный плачъ вырвался изъ груди моей. Я не вытерпѣла болѣе, откинула занавѣсъ и бросилась въ залу.

— Папа, папа! это ты! гдѣ ты? закричала я, почти не помня себя.

Не знаю, какъ добѣжала я до высокаго старика: мнѣ давали дорогу, разступались передо мной. Я бросилась къ нему съ мучительнымъ крикомъ; я думала, что обнимаю отца... Вдругъ увидѣла, что меня схватываютъ чьи-то длинныя, костлявыя руки и поднимаютъ на воздухъ. Чьи-то черные глаза устремились на меня и, казалось, хотѣли сжечь меня своимъ огнемъ. Я смотрѣла на ста-

рика: «нѣтъ! это былъ не отецъ; это его убійца!» мелькнуло въ умѣ моемъ. Какое-то изступленіе овладѣло мной, и вдругъ мнѣ показалось, что надо мной раздался его хохотъ, что этотъ хохотъ отдался въ залѣ дружнымъ, всеобщимъ крикомъ; я лишилась чувствъ.

V.

Это былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь отрывъ глаза, я увидѣла склонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть къ ней руки. Съ перваго взгляда на нее, — какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ останавливаешься, какъ пронзенный, въ сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга, и которой благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ, за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только-что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабые нервы мои заняли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! слава Богу, сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ. — Радъ, радъ, очень радъ, продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ. — А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь. — вотъ тебѣ и подруга. Выздоровливай скорѣе, Нѣточка. Злая эдакая, какъ она меня напугала!..

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, который не сходилъ съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ; посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ, — было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она же съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня, и что потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то за тѣмъ, что ей жалко меня, — такъ ужъ нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ, когда я выздоровѣю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И, такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна тотчасъ же хмурила брови, качала головой, и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я жъ тебѣ сказала вчера, чтобъ ты была лучше! Что? тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да, мало, отвѣчала я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А на яву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, шалила, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что нибудь, однимъ словомъ, мечтала объ ней какъ влюбленная. Мнѣ ужасно хотѣлось выздороветь и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: «Не выздоровѣла? опять такая же худая!», то я трусила, какъ виноватая. Но ничего не могло быть серьезнѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ одни сутки; такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну, такъ, хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? сказала она мнѣ однажды. — Кушай, отъ этого скоро растолстѣешь.

— Прпрнеси, отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна сядилась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакомясь со мною, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ напвнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клелся. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Чтожъ ты молчишь? начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлаетъ папа? спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Папѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ укусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— Нѣтъ видѣла.

И, такъ такъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? тебѣ весело, когда я съ тобой говорю?

— Да, очень весело; приходи чаще.

— Мнѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе; ужъ я тебѣ сегодня принесу пирогъ... Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А мыѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— Нѣтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм, спрошу у мадамъ Леотаръ, она все знаетъ.

А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, отвѣчала я помолчавъ.

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худая! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу. Ну, прощай!

И княжна, поцѣловавъ меня почти на лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мыѣ кушанье, которое мыѣ запрещали.

— Ышь больше, Ышь хорошенько, это мой пирогъ, я сама не Ыла. Ну, прощай! И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мыѣ, тоже не въ урочный часъ, послѣ обѣда; черные локоны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пурпуръ, глаза сверкали; значитъ, что она уже бѣгала и прыгала часъ, или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? закричала она запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— Нѣтъ, отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только за тѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотаръ. Прощай; меня ждутъ.

Наконѣцъ я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая идея моя была ужъ не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неудержимо влекло меня къ ней. Я едва могла на нее насмотрѣться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цѣловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмутивъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что ты? зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Я смутилась какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстрого вопроса, и не отвѣчала ни слова, княжна всплеснула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнья (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресерьезно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголъ на диванѣ, откуда разсматривала меня очень долго и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ слу-

чаяхъ. Въ свою очередь и я очень долго не могла привыкнуть къ этимъ рѣзкимъ, крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мыѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а все-таки я мучилась недоумѣніемъ: отъ чего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скорого слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усиливалось не по днямъ, а по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не влюбила меня и даже начинала чувствовать ко мыѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвчкѣ дѣлалось скоро, рѣзко,—иной бы сказалъ грубо, еслибъ въ этихъ быстрыхъ какъ молнія движеніяхъ характера прямаго, наивно-откровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мыѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе, кажется сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я—совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива; игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мыѣ рѣшительно не доставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести, когда мною чѣмъ нибудь недоволенъ: тотчасъ же становилась грустна, упадала духомъ, такъ что ужъ и силъ не доставало загладить свою ошибку и передѣлать въ свою пользу невыгодное обо мыѣ впечатлѣніе,—однимъ словомъ, погибала вполне. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась меня, разсматривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того какъ, бывало, цѣлый часъ бьется со мной, показывая, какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размышленій своихъ, бросала меня наконѣцъ совершенно и начинала играть одна, ужъ болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть ли не тяжелѣе прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леотаръ, надзиравшая за нами, замѣтила наконѣцъ эту перемѣну въ нашихъ сношеніяхъ. И, такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза, и мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журуя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ-то все ду-

маю и что лучше она подождетъ брата Сашу, который прїѣдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это впрочемъ и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она то-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть-было бульдогъ не заѣлъ,—однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла, что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручъ, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серьезно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чегожь вы хотите?

— Я посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну, такъ я буду играть одна, тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходятъ, она не виновата. Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, отвѣчала я привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцѣловаться, спросила она, немного подумавъ, вѣроятно припомнивъ нашу недавнюю сцену, и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе прїятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, отвѣчала я съ робкой надеждой.

Она подошла ко мнѣ и пресерьезно, не улыбувшись, поцѣловала меня. Такимъ образомъ кончивъ все, что отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше, чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвчкѣ, къ которой ее посылали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ, пока утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ, отдохнуть и собираться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось о чем-то заговорить со мной, разъяснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее на счетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему, она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученіе состояло въ повтореніи грамматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія проси-

дѣть, въ день, за книгой два часа времени. На этотъ уговоръ она наконецъ согласилась по просьбѣ отца, по приказанью матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности; она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями,—она какъ-то стыдилась этого. Разсказывали, что она по цѣлымъ днямъ иногда билась надъ какимъ нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи, и только въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ, съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. Тоже было въ каждомъ ея поступкѣ. Она ужъ много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую нибудь совершенную глупость; другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла, наконецъ, чѣмъ нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за немедленную и крайнюю необходимость учить меня по-французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись же, что въ этотъ разъ Катя, какъ-нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣяна, такъ-что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я же почти, въ одинъ сеансъ, знала уже всю французскую азбуку, какъ-можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, сказала она, указывая на меня:—больной ребенокъ, учится въ первый разъ и въ-десятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? спросила въ изумленіи Катя:—да она еще азбуку учить!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало-быть, она вътрое скорѣе васъ понимаетъ и многомъ васъ перегонитъ. Такъ ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ полимя, увѣряясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣвъ, сгорѣвъ отъ стыда—было ея первымъ движеніемъ, почти при каждой неудачѣ, въ досадѣ ли, отъ гордости ли, когда ее уличали за шалости, однимъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желая сжечь меня взглядомъ. Я тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло. Бѣднужка была горда и самолюбива до крайности. Ког-

да мы пошли отъ мадамъ Леотаръ, я было-заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣй ея досаду, и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ французенки, но Катя промолчала, какъ будто не слыжала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, пораженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня изъ-подлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванѣ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

— Вы умѣете танцовать? спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепьяно играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень-трудно выучиться.

Я смолчала.

— Мадамъ Леотаръ говоритъ, что вы умѣе меня.

— Мадамъ Леотаръ на васъ разсердилась, отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, отвѣчала я.

Опять молчаніе; княжна въ нетерпѣніи была по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, отъ-того, что лучше меня понимаете? спросила она наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней и обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ.—Стыдитесь! вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепьяно. Стыдно; я все расскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись какъ зарево.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась, потому-что у ней хорошее, доброе сердце. Вы бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она—сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще бы вы похвалплись передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, исправьтесь.

Княжна думала ровно два дня! Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже похудѣла немного въ эти два дня, и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы обѣ сошли внизъ, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Нѣточка, за что меня бранили за васъ, спросила она наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вспнула плечиками, въ знакъ недоумѣнія.

— Отъ-чего жъ вы все плачете? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали?

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? спросила вдругъ княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ-будто что-то кольнуло мнѣ въ сердце.

— Отъ-того, что я сиротка, отвѣтила я наконецъ, собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что они, васъ не любили?

— Нѣтъ... любили, отвѣчала я черезъ силу.

— Они были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Прощное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна.

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто жъ вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше разстраивали мнѣ сердце. И воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны,—все это поражало, обижало мое сердце, которое обливалось кровью. Я вся дрожала отъ волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало-быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала.

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? сказала я, вся задрожавъ отъ какого-то новаго, невѣдомаго для меня ощущенія и подымаясь съ мѣс-

та. — Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія. — Зачѣмъ вы надо мной смѣтаетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мнгомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ... я не смѣюсь, отвѣчала она. — Я только хотѣла знать, правда ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? сказала я, заплакавъ отъ душевной боли. — Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Чтѣ они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, чтѣ отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Чтѣ съ тобой, Нѣточка? спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы: — чтѣ съ тобой? продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю, которая была красна, какъ огонь: — о чемъ вы говорили? За чтѣ вы поссорились? Нѣточка, за чтѣ вы поссорились?

Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами цѣловала ее.

— Катя, не лги. Чтѣ здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла, какое у нея было дурное платьѣ, когда еще она жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показывалъ? Кто смѣлъ показать?

— Я сама видѣла, отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Чтѣ жъ дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало-быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, зная, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго разу такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значитъ, тоже соглашалась въ проступкѣхъ.

— Сейчасъ же подойди къ ней и проси у нея прощенія, сказалъ князь, указавъ на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платокъ, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну! сказалъ князь.

— Я не хочу, проговорила наконецъ Катя въполголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами. — Не хочу, папа, прощенія просить. Я не люблю ее. Я не буду съ нею вмѣстѣ жить... Я не виновата, что она цѣлый день плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, сказалъ князь, схватилъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. — Нѣточка, ступай на верхъ.

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла на верхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Придя въ нашу комнату, я упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ,

хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголъ. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смотрѣла на нее въ страхѣ, и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами старалась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ хотѣла я подойти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Такъ прошелъ день, другой. Къ вечеру другаго дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатамъ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголъ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась было ко мнѣ, даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то такое, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: чтѣ съ ней сдѣлалось? не больна ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за волакъ, но только-что отворотилась мадамъ Леотаръ, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры, она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою комнату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказалъ, чтобъ я у васъ прощенія просила, проговорила она: — вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказалъ поцѣловаться съ вами, — вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ я начала цѣловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагивалъ, глазки повлажнѣли, но она мнгомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцѣловала и просила прощенія, сказала она потихоньку, какъ бы размышляя сама съ собою. — Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить къ себѣ безъ того, прибавила она помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: какойъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ наверху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгалъ по всѣмъ комнатамъ, — однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала разговоровъ со мною. Въ замѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садясь она напротивъ меня, чтобъ

удобнѣ меня разсмотрѣть, все чаще и чаще. Наблюденія ея надо мной дѣлались наивнѣе, однимъ словомъ, избалованная, самовластная дѣвочка, которую всѣ баловали и лелѣяли въ домѣ какъ сокровище, не могла понять, какимъ образомъ я уже нѣсколько разъ встрѣчалась на ея пути, когда она вовсе не хотѣла встрѣчать меня. Но это было прекрасное, доброе маленькое сердце, которое всегда умѣло сыскать себѣ добрую дорогу уже однимъ инстинктомъ. Всего болѣе вліянія имѣлъ на нее отецъ, котораго она обожала. Мать безумно любила ее, но была съ нею ужасно строга, и у ней переняла Катя упрямство, гордость и твердость характера, но переносила на себѣ всѣ прихоти матери, доходившія даже до нравственной тираніи. Княжна какъ-то странно понимала, что такое воспитаніе, и воспитаніе Кати было страннымъ контрастомъ безпутнаго баловства и неумолимой строгости. Что вчера позволялось, то, вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня, и чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ... Но впереди еще эта исторія. Замѣчу только, что ребенокъ уже умѣлъ опредѣлять свои отношенія къ матери и отцу. Съ послѣднимъ она была, какъ есть, вся наружу, безъ утайки, открыта. Съ матерью, совершенно напротивъ,—замкнута, недовѣрчива и безпрекословно послушна. Но послушаніе ея было не по искренности и убѣжденію, а по необходимости системѣ. Я объяснюсь въ послѣдствіи. Впрочемъ, къ особенной чести моей Кати скажу, что она поняла, наконецъ, свою мать и когда подчинилась ей, то уже вполне осмысливъ всю безграничность любви ея, доходившей иногда до болѣзненнаго изступленія,—и княжна великодушно ввела въ свой расчетъ послѣднее обстоятельство. Увы! этотъ расчетъ мало помогъ потомъ ея горчайшей головкѣ!

Но я почти не понимала, что со мной дѣлается. Все во мнѣ волновалось отъ какого-то новаго, необъяснимаго ощущенія, и я не преувеличу, если скажу, что страдала, терзалась отъ этого новаго чувства. Короче — и пусть простятъ мнѣ мое слово—я была влюблена въ мою Катю. Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная. Что влекло меня къ ней? отъ чего родилась такая любовь? Она началась съ перваго взгляда на нее, когда всѣ чувства мои были сладко поражены видомъ прелестнаго, какъ ангелъ, ребенка. Все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею,—всѣ были приняты и всѣ находились въ состояніи борьбы. Всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму; но все въ ней, начиная съ этой борьбы, сіяло отрадною надеждой, все предвѣщало прекрасное будущее. Всѣ любовались ею, всѣ любили ее, не я одна. Когда, бывало, насъ выводили часа въ три гулять, всѣ прохожіе останавливались какъ пораженные, едва только взглядывали на нее, и нерѣдко крикъ изумленія раздавался вслѣдъ

счастливому ребенку. Она родилась на счастье, она должна была родиться для счастья,—вотъ было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею. Можетъ быть, во мнѣ первый разъ поражено было эстетическое чувство, чувство изящнаго, первый разъ сказалось оно, пробужденное красотой, и—вотъ вся причина зарожденія любви моей.

Главнымъ порокомъ княжны, или, лучше сказать, главнымъ началомъ ея характера, которое неудержимо старалось воплотиться въ свою натуральную форму и, естественно, находилось въ состояніи уклоненномъ, въ состояніи борьбы,—была гордость. Эта гордость доходила до наивныхъ мелочей и впадала въ самолюбіе, до того, что, напримѣръ, противорѣчіе, каково бы оно ни было, не обижало, не сердило ея, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть чтонибудь иначе, нежели какъ бы она захотѣла. Но чувство справедливости всегда брало верхъ въ ея сердцѣ. Если убѣждалась она, что она несправедлива, то тотчасъ же подчинялась приговору, безропотно и непоколебимо. И если до сихъ поръ въ отношеніяхъ со мною измѣняла она себѣ, то я объясняю все это непостижимой антипатіей ко мнѣ, помутившей на время стройность и гармонию всего ея существа; такъ и должно было быть: она слишкомъ страстно шла въ своихъ увлеченіяхъ, и всегда только примѣръ, опыты выводили ее на истинный путь. Результаты всѣхъ ея начинаній были прекрасны и истинны, но покупались безпрерывными уклоненіями и заблужденіями.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и, наконецъ, рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ будто меня и не было въ домѣ; мнѣ—ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я устранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъ ловко, какъ будто бы я сама на то согласилась. Уроки шли своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрезвычайно щекотливо, до того, что его могъ оскорбить даже бульдогъ нашъ, сэръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладновроменъ и флегматикъ, но золъ какъ тигръ, когда его раздражали, золъ даже до отрицанія власти хозяина. Еще черта: онъ рѣшительно никого не любилъ; но самымъ сильнымъ, натуральнымъ врагомъ его была, безспорно, старушка княжна... Но эта исторія еще впереди. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не любитъ ея. И вотъ княжна порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какъ же могъ Фальстафъ пзбѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу,

въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣ-обѣденнымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубивая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился бы отгрысть у ней руку, или растерзать ее, еслибъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего непріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумѣ, и усѣлась на диванъ.

Минутъ черезъ десять она выдумала новое обольщеніе, тотчасъ же вышла и воротилась съ запасомъ кренделей, пирожковъ,—однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки, и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ рѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись же, что она взглянула на меня,—вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно вскочила съ мѣста, и самую твердою поступью пошла прямо къ страшной собацѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна

была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видѣла; глаза ея блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рыканіе; еще минута, и онъ бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку, и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня неизъяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна какъ платокъ; она замѣтила и улыбнулась. Однако смертная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокъ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась убѣгать ее, чтобъ она не впала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту комнату, въ которую я спрячусь, я вздрагивала, и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, который я весь протравила втихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться; моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только ужъ въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало-по-малу замѣтила, по нѣкоторымъ неуволнимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не отъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до странностей. Одинъ разъ я украдкой взяла у ней платокъ, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цѣловала ихъ, обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати; но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ новыя впечатлѣнія мало-по-малу вытѣсняли старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ прошедшемъ по-

теряли свою болѣзненную силу и смѣнились во мнѣ новой жизнію.

Помню, я иногда просыпалась ночью; вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ княжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы; иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыханіемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цѣловала я ея ручки, плечики, волосы; ножку, если ножка выглядывала изъ-подъ одѣяла. Мало-по-малу я замѣтила,—такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяцъ,—что Катя становится со дня на день задумчивѣе; характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шума, другой разъ подымается такой гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, изыскательна, краснѣла и сердилась очень часто, и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ-быть зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а между тѣмъ не смѣю выйти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію княжны, она переселилась внизъ, къ мамонькѣ, которая чуть не умерла отъ страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку. Нужно сказать, что княгиня была очень недовольна мною, и всю перемѣну въ Катѣ, которую и она замѣчала, приписывала мнѣ и вліянію моего угрюмаго характера, какъ она выражалась, на характеръ своей дочери. Она уже давно разлучила бы насъ, но откладывала до времени, зная, что придется выдержать серьезный споръ съ княземъ, который хотя и уступалъ ей во всемъ, но иногда становился неуступчивъ и упрямъ до непоколебимости. Она же понимала князя вполне.

Я была поражена переселеніемъ княжны, и цѣлую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ напряженіи духа. Я мучилась тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодованія начало возставать въ моемъ оскорбленномъ сердцѣ. Какая-то гордость вдругъ родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серьезно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такіа перемѣны происходили во мнѣ только порывами и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще малодушнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радост-

ному смущенію, княжна воротилась на-верхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Леотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ кивнула и мнѣ головой, выпросила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то грусть отбѣила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя успія казаться веселою. Но, вслѣдъ за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была поражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтовалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ распросовъ о Катѣ; вѣрно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувствовала истину, и сильно забилося мое сердце надеждою.

Словомъ, маленькій романъ разрѣшался и приходилъ къ концу. На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ на-верхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня такими чудными глазами, такими долгими взглядами... Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ-будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и пошла отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, сказала она мнѣ: давайте я завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ какъ вишня, отъ-того, что наконецъ-то Катя заговорила со мной.

— Давай! сказала она мнѣ нетерпѣливо и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила къ себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась; я не знала, что дѣлать отъ какого-то сладостнаго испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, сказала она, дотрогнувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ. Да ужъ давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платочекъ и повязала по-своему.

— А то можно кашель нажить, сказала она, прелукаво улынувшись и сверкнувъ на меня своими черными, влажными глазками.

Я была внѣ себя; я не знала, что со мной дѣлается и что сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я бы не держала и бросилась бы цѣловать ее на улицѣ. Входя на лѣстницу, мнѣ удалось, однакожъ, поцѣловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости

Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Приѣхалъ докторъ и не зналъ, что сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На-утро Катя явилась къ намъ такая же, какъ всегда, румяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во-первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ вдругъ ей захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее,—на этотъ разъ, какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все пошло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенья за всѣ свои проступки, за рѣзвость, за крикъ, за то, что княжнѣ она не дала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалунѣ вздумалось зайти далеко. Ей пришло на умъ рассказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проектахъ. Катя прикинулась смиренницей, постиницей и вполне раскаивающейся; однимъ словомъ, ханжа была въ восторгѣ, и много льстила ей самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей,—сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И вотъ проказница призналась, во-первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку; потомъ засадить Фальстафа къ ней подъ кровать; потомъ сломать ея очки, унести всѣ ея книги, и принести вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ; потомъ достать хлопюшекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ колоду картъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости; наконецъ Катя не выдержала, захотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа, со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала; она объявила, что завтра же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложить наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворить справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однакожъ Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ.

Но проказница вырвалась-таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ, сама я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Не было врага у старушки-княжны неприми-

римѣ Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ свѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но видимо требовалъ отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ и питали его къ нему, привѣщивая къ уваженію надлежащій страхъ. Но вдругъ, съ приѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли,—именно: ему былъ формально запрещенъ входъ наверхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и цѣлую недѣлю скребъ лапами дверь, которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое же воскресенье, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣдную. На-силу спасли ее отъ лютаго мщенія оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ на-верхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность лежала на слугахъ. Но мстительное животное нашло таки средство раза три ворваться на верхъ. Лишь-только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ всю амфиладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его. По счастью, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, и Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди и не сгоняли его внизъ. Княжна же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала какъ-будто бы ее ужъ съѣли, и серьезно, каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣскольکو разъ она предлагала свой ultimatum княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома, но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало кого любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больнаго, самой жалкой паружности, но который, — однакожъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ-какъ новый жилецъ велъ себя примѣрно неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее на-силу спасли отъ вѣрной смерти. Между-тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его всплывала наверхъ. На-скоро стали отыскивать лодку, но спасеніе было бы чудомъ. Вдругъ огромный исполани-

скій бульдогъ бросается въ воду на-перерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Книгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который еще носилъ тогда прозапческое и въ высшей степени плебейское наименование Фриксы, терпѣть не могъ ни чьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Книгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутренніе покои, вычищенъ, вымытъ, и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетъ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скорого наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали приискывать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Церберъ и проч. были уже слишкомъ опѣшлены; требовалось названіе, вполнѣ приличное фавориту дома. Наконецъ князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прозорливость Фриксы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ позелѣ себя хорошо: какъ чистый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ-будто родимецъ, какъ-будто сплывъ одолѣвалъ его, и въ эти мннуты Фальстафъ съ горестію припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей на-верхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ-нибудь неподалеку, прятался въ уголъ и коварно поджидалъ, когда кто нибудь оплошаетъ и оставитъ дверь на-верхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія, — наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся на-верхъ.

— Фальстафъ, Фальстафъ! звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почувявъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубиконъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрить ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ какъ кошка, и чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворяшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противоположное зданіе, — словомъ, велъ себя какъ совершенно-посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться

прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили передъ нимъ всю настежь, и, мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить на-верхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился на-верхъ, какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на-лету, отскочилъ на сажень и перевернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки. Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса, но Фальстафъ ужъ домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однакожъ не отворилъ ее, и завылъ, какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легіоны враговъ, цѣлый домъ переселился на верхъ, и Фальстафъ, свпрѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на арканѣ.

Посланъ былъ посолъ за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ перваго раза, мигомъ; ея глаза упали на Катю... Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, бѣдненькая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? строго спросила княгиня.

— Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ провзнесла:

— Я пустила Фальстафа... нечаянно, прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно! сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла какъ ошеломленная; руки ея повисли по бокамъ; поблѣднѣвшее личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употреблявшееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два, — ничего. Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю, или брата ея, на два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ

Москвы, вдруг заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, забывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая за нами, вѣроятно, предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Воротясь, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постелѣ. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, поджидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа, и полагая, что меня приведетъ наша няня. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ я осталась ночевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучать и ломаться въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ ключницы. Наконецъ отворили дверь, и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она гобѣжала въ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она не-взначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда же проснулась, подняла шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла, въ первый разъ въ жизни, разсерженнымъ. Онъ вошелъ на верхъ въ десять часовъ утра, въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, началъ онъ къ мадамъ Леотаръ:— что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство, скпѣство! Больной, слабый ребенокъ, такая мечтательная, пугливая дѣвочка, фантазерка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значить губить ее! Развѣ вы не знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ, со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло, сказала, что она забыла обо мнѣ, что къ ней пріѣхала дочь, но что наказаніе само въ себѣ хорошее, если продолжается недолго, и что даже Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ нѣчто подобное.

— Жанъ-Жакъ Руссо, сударыня! Но Жанъ-Жакъ не могъ говорить этого: Жанъ-Жакъ не авторитетъ. Жанъ-Жакъ Руссо не смѣлъ говорить о вос-

питаніи, не имѣлъ права на то. Жанъ-Жакъ Руссо отказался отъ собственныхъ дѣтей, сударыня! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ, сударыня!

— Жанъ-Жакъ Руссо! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ! Князь! князь! что вы говорите?

И мадамъ Леотаръ вся вспыхнула.

Мадамъ Леотаръ была чудесная женщина и прежде всего не любила обижаться; по затронуть кого нибудь изъ любимцевъ ея, потревожить классическую тѣнь Корнеля, Расина, оскорбить Вольтера, назвать Жанъ-Жака Руссо дурнымъ человекомъ, назвать его варваромъ, — Боже мой! Слезы выступили изъ глазъ мадамъ Леотаръ; старушка дрожала отъ волненія.

— Вы забываетесь, князь! проговорила она, наконецъ, внѣ себя отъ волненія.

Князь тотчасъ же спохватился и попросилъ прощенія, потомъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня съ глубокимъ чувствомъ, перекрестилъ и вышелъ изъ комнаты.

— *Raive prince!* сказала мадамъ Леотаръ, расчувствовавшись въ свою очередь. Потомъ мы сѣли за классный столъ.

Но княжна училась очень разсѣянно. Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, она подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдась:

— Что? насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большой залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? сказала она мнѣ:— становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйти.

— Не ходи, Нѣточка, побудь со мной, сказала она:—это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся раскраснѣвшись, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны разсыпались въ беспорядкѣ. Она цѣловала меня, какъ безумная, цѣловала мнѣ лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала какъ въ истерикѣ; я крѣпко прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, какъ любовники, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Нѣточка! Ну! до вечера, до ночи! Ступай теперь наверхъ, жди меня.

Она поцѣловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно, крѣпко, и бросилась отъ меня на зовъ Настя. Я прибѣжала на верхъ, какъ воскресшая, бросилась на диванъ, спрятала въ подушки голову и зарыдала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась только въ двѣнадцать часовъ; она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ такъ сердце колотится?.. спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! какая скучная! Скорѣе, скорѣе! и княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! сказала Настя, поцѣловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнатъ. Вмигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ, ложись ко мнѣ! заговорила она, поднимая меня съ постели. Мгновенно спусти, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацѣловала меня въ пухъ.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цѣловала! сказала она, покраснѣвъ какъ макъ.

Я рыдала.

— Нѣточка! прошептала Катя сквозь слезы: — ангелъ ты мой, я вѣдь тебя такъ давно, такъ давно уже люблю! Знаешь съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія просить, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Нѣточка... Си-ро-точка ты моя! — протянула она, снова осыпая меня поцѣлуями. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго.... такъ долго.... и я не договорила. Мы обнялись, и минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что думала про меня? спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неуже ли?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что жъ ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа, Нѣточка. Это на меня такъ придетъ, и кончено. Я все зла была на тебя.

— За что?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то,

что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любитъ. А папа добрый человѣкъ, Нѣточка! да?

— Ахъ, да! отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человѣкъ, серьезно сказала Катя: — да что мнѣ съ нимъ дѣлать? онъ все такой.... Ну, а потомъ стала у тебя прощенія просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну, молчи ты, дурочка, плакса такая сама! кривнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою. — Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу!...

— За что же?

— Да, ужъ я сердита на тебя была. Не знаю, за что! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужъ замучу я ее, скверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! сказала Катя, цѣлуя мнѣ руку: — Ну, а потомъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафу я гладила?

— Ахъ, ты, безстрашная!

— Какъ я тру...си...ла-то, протянула княжна. — Ты, знаешь ли, почему я къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что ты смотришь... ахъ! будь, что будетъ, да и пошла. Испугала я тебя, а? Воялась ты за меня?

— Ужасы!

— Я видѣла. А ужъ я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ, какъ онъ ушелъ, чу...до...вище эдакое!

И княжна захохотала нервическимъ смѣхомъ; потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки, дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе, сама глупенькая, плакса такая, глаза голубенькіе, си...ро...точка ты моя!!!

И Катя нагнулась опять безъ счету цѣловать меня. Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю — вѣтъ, да вѣтъ! не скажу ей! И вѣдь какъ упрямилась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя! Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! больно мнѣ какъ! сказала я, вся въ изступленіи отъ радости. — Душа ломить!

— Да, Нѣточка! Слушай дальше.... да слушай, кто тебя Нѣточкой прозвалъ!

— Мама.

— Ты мнѣ все про маму расскажешь!

— Все, все, отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла, съ кружевами? а ленту за чѣмъ унесла? Ахъ, ты, безстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучу ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Нѣточка, вѣдь ты очень-умна? а?

— Ну, что ты, Катя! отвѣчала я, чуть не обидѣвшись.

— Нѣтъ, ты умна, сказала Катя рѣшительно и серьезно:—это я знаю. Только разъ я утромъ встала и такъ тебя полюбила, что ужасъ! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю, кабы она пришла, какъ и въ прошлую ночь, а ты и пришла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю... Ахъ, какія мы безстыдницы, Нѣточка!

— Да за что жъ ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ... да что я говорю! вѣдь я тебя все любила! все любила! Ужъ потомъ и терпѣть не могла; думаю, зацѣлю я ее когда-нибудь ипъ испилю всю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты эдакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя; экая милочка, думаю: дай я ей башмакъ подвяжу, что она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцѣловаться съ тобою... да и не поцѣловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась «темницей».

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

— Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю: плачетъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! Завтра буду ее такъ цѣловать, такъ цѣловать! И вѣдь не жалко, ей-Богу, не жалко было тебя, хотъ я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была!

— Не плакала? ахъ, ты злая! закричала княжна, всасываясь въ меня своими губками.

— Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая.

— Не правда ли? Ну теперь что хочешь со мной, то и дѣлай! Тирань меня, щипли меня! Пожалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка....

— А еще?

— А еще поцѣлуй меня.

И мы поцѣловались, плакали, хохотали; у насъ губы распухли отъ поцѣлуевъ.

— Нѣточка! во-первыхъ, ты всегда будешь ко мнѣ спать приходить. Ты цѣловаться любишь? И цѣловаться будемъ. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отъ-чего тебѣ скучно было? Ты мнѣ расскажешь, а?

— Все расскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужъ будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣй пришло! Тебѣ хочется спать, Нѣточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящее положеніе вещей. И вотъ я узнала, что папу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣшили объ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она воистину строга. Далѣе, мы тутъ же выдумали, что мы будемъ дѣлать завтра, послѣ-завтра, и вообще разсчитали жизнь чуть-ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а я все исполнять, а другой день на оборотъ—я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы объ будемъ по-ровну другъ другу приказывать; а тамъ кто-нибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какъ нибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастье. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня и сама заснула прежде меня. На-утро мы проснулись разомъ, поцѣловались на-скоро, потому-что къ намъ входили, и я успѣла добѣжать до своей кровати.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали отъ всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужаго глаза. Наконецъ я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ разсказомъ.

— Злая, злая ты эдакая! Для-чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчики били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Нѣточка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другаго на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму фальстафкину плетку и ужъ если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибью, такъ прибью!

Глазки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто-нибудь входилъ. Мы боялись, чтобъ насъ не застали, когда мы цѣлуемся. А цѣловались мы въ этотъ день по-крайней-

мѣръ сто разъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье наше продолжалось недолго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлые три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего рассказать. Наконецъ, она пошла къ княгинѣ и объявила ей все, что подиѣтила, — что мы обѣ въ какомъ-то изступленіи, уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, поминутно цѣлуемся; плачемъ, хохочемъ какъ безумныя, — какъ безумныя, безъ-умолку болтаемъ, тогда-какъ этого прежде не было, что она не знаетъ чему приписать это все, но ей кажется, что княжна въ какомъ-нибудь болѣзненномъ кризисѣ, и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться порѣже.

— Я давно это думала, отвѣчала княгиня: — ужъ я знала, что эта странная сиротка надѣлаетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ рассказали про нее, про прежнюю жизнь ея, — ужасъ, настоящій ужасъ! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любитъ ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это ненатурально, сказала она. — Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ-быть, правила. И не понимаю, что находятъ въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тотчасъ прислали за Катей и ужъ внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, т. е. ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ, и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не перенесетъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въночь заболѣла; на-утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣлась. Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣняла намѣренія. Мало-по-малу я стала приходить въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день, утромъ Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашомъ, страшными каракулями, слѣдующее.

«Я тебя очень люблю. Сижъ съ татамъ и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу — я сказала, и потому не плачь. Напиши мнѣ, какъ ты меня любишь? А я тебя обнимала всю ночь во снѣ, ужасно страдала, Нѣточка. Посылаю тебѣ конфектъ. Прощай.»

Я отвѣчала въ этомъ же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ я узна-

ла, она пошла къ князю и сказала, что я непременно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она рассказываетъ, что сказала княгинѣ. Я расспрашивала Настю: что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На-утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцѣловала. Смѣхъ, слезы... Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папѣ, какой ты хорошій человѣкъ, папѣ!

— Шалуньи вы! что съ вами сдѣлалось? что за дружба? что за любовь?

— Молчи, папѣ, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ сливался съ ея личика, и блѣдность прокрадывалась на ея мѣсто. Я заплакала съ-горя.

Наконецъ постучалась Настя. Знакъ, что схватились Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, и да благословить васъ Господь! сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя; но считалъ очень-худо. Вечеромъ изъ Москвы пришло извѣстіе, что маленькій Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханіи. Княгиня положила отправиться завтра же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала, до самаго прощанія съ княжной. На прощанье настоялъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета ужъ ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я бросилась цѣловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Нѣточка! сказала она мнѣ вдругъ, засмѣявшись съ неизъяснимымъ движеніемъ въ лицѣ; ты не смотри на меня; это такъ; я не больна, я приѣду черезъ мѣсяцъ опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, сказала княгиня спокойно: — ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно ждала меня въ объятіяхъ.

— Жизнь моя! успѣла она прошептать, обнимая меня. До свиданья!

Мы поцѣловались въ послѣдній разъ, и княжна

исчезла—надолго, очень надолго. Прошло восемь лѣтъ до нашего свиданья!

Я нарочно рассказала такъ подробно этотъ эпизодъ моего дѣтства, перваго появленія Кати въ моей жизни. Но наши исторіи нераздѣльны. Ея романъ — мой романъ. Какъ-будто суждено мнѣ было встрѣтить ее; какъ будто суждено ей было найти меня. Да и я не могла отказать себѣ въ удовольствіи перенестись еще разъ воспоминаніемъ въ мое дѣтство..... Теперь рассказъ мой пойдетъ бы-стрѣе. Жизнь моя вдругъ впала въ какое-то за-тишье, и я какъ-будто очнулась вновь, когда мнѣ ужъ минуло шестнадцать лѣтъ. . . .

Но — нѣсколько словъ о томъ, что стало со мною по отѣздѣ княжескаго семейства въ Москву.

Мы остались съ мадамъ Леотаръ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ нарочный и объявилъ, что поѣздка въ Петербургъ отлагается на неопредѣленное время. Такъ-какъ мадамъ Леотаръ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могла ѣхать въ Москву, то должность ея въ домѣ князя кончилась; но она осталась въ томъ же семействѣ и перешла къ старшей дочери княгини, Александрѣ Михайловнѣ.

Я еще ничего не сказала про Александру Михайловну, да и видѣла я ее всего одинъ разъ. Она была дочь княгини еще отъ перваго мужа. Происхожденіе и родство княгини было какое-то темное; первый мужъ ея былъ откупщикъ. Когда княгиня вышла замужъ вторично, то рѣшительно не знала, что ей дѣлать со старшею дочерью. На блестящую партію она падѣяться не могла. Приданое же давали за нею умѣренное; наконецъ, четыре года назадъ, съумѣли выдать ее за человѣка богатаго и въ значительныхъ чинахъ. Александра Михайловна поступила въ другое общество и увидѣла кругомъ себя другой свѣтъ. Княгиня посѣщала ее въ годъ по два раза; князь, вотчимъ ея, посѣщалъ ее каждую недѣлю вмѣстѣ съ Катей. Но въ послѣднее время княгиня не любила пускать Катю къ сестрѣ, и князь взялъ ее потихоньку. Катя обожала сестру. Но онѣ составляли цѣлый контрастъ характеровъ. Александра Михайловна была женщина лѣтъ двадцати-двухъ, тихая, нѣжная, любящая; словно, какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая, сердечная боль сурово отбѣняли прекрасныя черты ея. Серьезность и суровость какъ-то не шли къ ея ангельски-яснымъ чертамъ, словно трауръ къ ребенку. Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовавъ къ ней глубокой симпатіи. Она была блѣдна, и, говорила, склонна къ чахоткѣ, когда я ее первый разъ видѣла. Жила она очень-уединенно и не любила ни сѣздовъ у себя, ни выѣздовъ въ людн,—словно монастырка. Дѣтей у нея не было. Помню, она пріѣхала къ мадамъ Леотаръ, подошла ко мнѣ и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловала меня. Съ ней былъ одинъ худощавый, довольно-пожилой мужчина. Онъ прослезился, на меня глядя. Это былъ скрипачъ Б.

Александра Михайловна обняла меня и спросила, хочу ли я жить у нея и быть ея дочерью. Посмотрѣвъ ей въ лицо, я узнала сестру моей Кати и обняла ее съ глухою болью въ сердцѣ, отъ которой заняла вся грудь моя... какъ-будто кто-то еще разъ пропнесь надо мною: «спрятка!» Тогда Александра Михайловна показала мнѣ письмо отъ князя. Въ немъ было нѣсколько строкъ ко мнѣ, и я прочла ихъ съ глухими рыданіями. Князь благословлялъ меня на долгую жизнь и на счастье, и просилъ любить другую дочь его. Катя приписала мнѣ тоже нѣсколько строкъ. Она писала, что не разлучается теперь съ матерью!

И вотъ, вечеромъ я вошла въ другую семью, въ другой домъ, къ новымъ людямъ, въ другой разъ оторвавъ сердце отъ всего, что мнѣ стало такъ мило, что было уже для меня родно. Я пріѣхала вся измученная, истерзанная отъ душевной тоски... Теперь начинается новая исторія.

VI.

Новая жизнь моя пошла такъ безмятежно и тихо, какъ-будто я поселилась среди затворниковъ... Я прожила у моихъ воспитателей слишкомъ восемь лѣтъ, и не помню, чтобы во все это время, кромѣ какихъ-нибудь нѣсколькихъ разъ, въ домѣ былъ званый вечеръ, обѣдъ, или какъ бы нибудь собрались родные, друзья и знакомые. Исключая двухъ-трехъ лицъ, которыя ѣзжали изрѣдка, музыканта Б., который былъ другомъ дома, да тѣхъ, которые бывали у мужа Александры Михайловны, почти всегда по дѣламъ, въ нашъ домъ болѣе никто не являлся. Мужъ Александры Михайловны постоянно былъ занятъ дѣлами и службою, и только изрѣдка могъ выгадывать хоть сколько-нибудь свободнаго времени, которое и лѣнилось по-ровну между семействомъ и свѣтскою жизнью. Значительныя связи, которыми пренебрегать было невозможно, заставляли его довольно часто напоминать о себѣ въ обществѣ. Почти всюду носилась молва о его неограниченномъ честолюбіи; но такъ-какъ онъ пользовался репутаціей человека дѣловаго, серьезнаго, такъ-какъ онъ занималъ весьма-видное мѣсто, а счастье и удача какъ-будто сами ловили его на дорогѣ, то общественное мнѣніе далеко не отпымало у него своей симпатіи. Даже было и болѣе. Къ нему все постоянно чувствовали какое-то особенное участіе, въ которомъ, обратно, совершенно отказывали женѣ его. Александру Михайловну жила въ полномъ одиночествѣ; но она какъ-будто и рада была тому. Ея тихій характеръ какъ-будто созданъ былъ для затворничества.

Она привязана была ко мнѣ всей душой, любила меня какъ родное дитя свое, и я, еще съ неостывшими слезами отъ разлуки съ Катей, еще съ болѣвшимъ сердцемъ, жадно бросилась въ материнскія объятія моей благодѣтельницы. Съ тѣхъ

порт горячая моя любовь къ ней не прерывалась. Она была мнѣ мать, сестра, другъ, замѣнила мнѣ все на свѣтѣ и взлелѣяла мою юность. Къ тому же я скоро замѣтила инстинктомъ, предчувствіемъ, что судьба ея вовсе не такъ красна, какъ о томъ можно было судить съ перваго взгляда по ея тихой, казавшейся спокойною жизни, по видимой свободѣ, по безмятежно-ясной улыбкѣ, которая такъ часто свѣтлѣла на лицѣ ея, и потому, каждый день моего развитія объяснял мнѣ что нибудь новое въ судьбѣ моей благодѣтельницы, что-то такое, что мучительно и медленно угадывалось сердцемъ моимъ, и вмѣстѣ съ грустнымъ сознаниемъ все болѣе и болѣе росла и крѣпла моя къ ней привязанность.

Характеръ ея былъ робокъ, слабъ. Смотря на ясныя, спокойныя черты лица ея, нельзя было предположить, съ перваго раза, чтобъ какая нибудь тревога могла смутить ея праведное сердце. Помыслить нельзя было, чтобъ она могла не любить хоть кого нибудь; состраданіе всегда брало въ ея душѣ верхъ даже надъ самымъ отвращеніемъ,—а между тѣмъ она привязана была къ немногимъ друзьямъ и жила въ полномъ уединеніи... Она была страстна и впечатлительна по натурѣ своей, но въ то же время какъ будто сама боялась своихъ впечатлѣній, какъ будто каждую минуту стерегла свое сердце, не давая ему забыться, хотя бы въ мечтаньи. Иногда вдругъ, среди самой свѣтлой минуты, я замѣчала слезы въ глазахъ ея: словно внезапное, тягостное воспоминаніе чего-то мучительно-терзавшаго ея совѣсть вспыхивало въ ея душѣ; какъ будто что-то стерегло ея счастье и враждебно смущало его. И чѣмъ, казалось, счастливѣе была она, чѣмъ покойнѣе, яснѣе была минута ея жизни, тѣмъ ближе была тоска, тѣмъ вѣроятнѣе была внезапная грусть, слезы: какъ будто на нее находилъ припадокъ. Я не помню ни одного спокойнаго мѣсяца въ цѣлыя восемь лѣтъ. Мужъ по видимому очень любилъ ее; она обожала его. Но съ перваго взгляда, казалось, какъ будто что-то было недосказано между ними. Какая то тайна была въ судьбѣ ея; по крайней мѣрѣ, я начала подозрѣвать съ первой минуты...

Мужъ Александры Михайловны съ перваго раза произвелъ на меня угрюмое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе зародилось въ дѣтствѣ и уже никогда не изглаживалось. Съ виду это былъ человѣкъ высокій, худой и какъ будто съ намѣреніемъ скрывавшій свой взглядъ подъ большими зелеными очками. Онъ былъ не общителенъ, сухъ и даже глазъ на глазъ съ женой какъ будто не находилъ темы для разговора. Онъ видимо тяготился людьми. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, а между тѣмъ я, каждый разъ, когда бывало, вечеромъ всѣ трое сойдемся въ гостиной Александры Михайловны пить чай, была сама не своя во время его присутствія. Украдкой взглядывала я на Александру Михайловну и съ тоскою замѣчала, что и она вся какъ будто обдумываетъ важ-

ное свое движеніе, блѣднѣетъ, если замѣчаетъ, что мужъ становится особенно суровъ и угрюмъ, или внезапно вся покраснѣетъ, какъ будто услышавъ или угадавъ какой нибудь намекъ въ какомъ нибудь словѣ мужа. Я чувствовала, что ей тяжело быть съ нимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ она по видимому жить не могла безъ него ни минуты. Меня поражало ея необыкновенное вниманіе къ нему, къ каждому его слову, къ каждому движенію; какъ будто бы ей хотѣлось всѣми силами въ чемъ-то угодить ему, какъ будто она чувствовала, что ей не удавалось исполнить своего желанія. Она какъ будто вымаливала у него одобренія: малѣйшая улыбка на его лицѣ, полъ-слова ласковаго, и она была счастлива; точно какъ будто это были первыя минуты еще робкой, еще безнадежной любви. Она за мужемъ ухаживала какъ за труднымъ больнымъ. Когда же онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, пожавъ руку Александры Михайловны, на которую какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ всегда съ какимъ-то тягостнымъ для нея состраданіемъ, она вся перемѣнялась. Движенія, разговоръ ея тотчасъ же становились веселѣе, свободнѣе. Но какое-то смущеніе еще надолго оставалось въ ней послѣ каждаго свиданія съ мужемъ. Она тотчасъ же начинала припоминать каждое слово, пмъ сказанное, какъ будто взвѣшивая всѣ слова его. Нерѣдко обращалась она ко мнѣ съ вопросомъ: такъ ли она слышала и такъ ли именно выразился Петръ Александровичъ?—какъ будто ища какого-то другаго смысла въ томъ, что онъ говорилъ, и только, можетъ быть, цѣлый часъ спустя, совершенно ободрялась, какъ будто убѣдившись, что онъ совершенно доволенъ ею и что она напрасно тревожится. Тогда она вдругъ становилась добра, весела, радостна, цѣловала меня, смѣялась со мной, или подходила къ фортепіано и импровизировала на нихъ часа два. Но нерѣдко радость ея вдругъ прерывалась: она начинала плакать, и когда я смотрѣла на нее вся въ тревогѣ, въ смущеніи, въ испугѣ, она тотчасъ увѣряла меня шопотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ не услышали, что слезы ея такъ, ничего, что ей весело, и чтобъ я объ ней не мучилась. Случалось, что въ отсутствіи мужа она вдругъ начинала тревожиться, спрашивать о немъ, беспокоиться: посылала узнать, что онъ дѣлаетъ, разузнавала отъ своей дѣвушки, зачѣмъ приказано подавать лошадей и куда онъ хочетъ ѣхать, не боленъ ли онъ, веселъ ли скученъ, что говорилъ, и т. д. О дѣлахъ и занятіяхъ его она какъ будто не смѣла съ нимъ сама заговаривать. Когда онъ совѣтовалъ ей что нибудь или просилъ о чемъ, она выслушивала его такъ покорно, такъ робѣла за себя, какъ будто была его раба. Она очень любила, чтобъ онъ похвалилъ что нибудь у ней, какую нибудь вещь, книгу, какое нибудь ея рукодѣлье. Она какъ будто тщеславилась этимъ и тотчасъ дѣлалась счастлива. Но радостямъ ся не было конца, когда онъ, невзначай (что было очень рѣдко), вздумаетъ приласкать малютку-дѣ-

тей, которыхъ было двое. Лицо ея преображалось, сіяло счастьемъ, и въ эти минуты ей случалось даже *слишкомъ* увлечься своею радостью передъ мужемъ. Она, напимѣръ, даже до того прости-рала смѣлость, что вдругъ сама, безъ его вызова, предлагала ему, конечно, съ робостью и трепещущимъ голосомъ, чтобъ онъ или выслушалъ новую музыку, которую она получила, или сказалъ свое мнѣніе о какой нибудь книгѣ, или даже позволилъ ей прочесть себѣ страницу-другую какого нибудь автора, который въ тотъ день произвелъ на нее особенное впечатлѣніе. Иногда мужъ благосклонно исполнялъ всѣ желанія ея и даже снисходительно ей улыбался, какъ улыбаются баловнику-дитяти, которому не хотятъ отказатъ въ иной странной прихоти, боясь преждевременно и враждебно смутить его наивность. Но, не знаю почему, меня до глубины души возмущали эта улыбка, это высокомѣрное снисхожденіе, это неравенство между ними; я молчала, удерживалась и только прилежно слѣдила за ними съ ребяческимъ любопытствомъ, но съ преждевременно-суровой думой. Въ другой разъ я замѣчала, что онъ вдругъ какъ будто невольно спохватился, какъ будто опомнится; какъ будто онъ внезапно, черезъ силу и противъ воли, вспомнить о чемъ-то тяжеломъ, ужасномъ, неизбѣжномъ; мигомъ снисходительная улыбка исчезаетъ съ лица его, и глаза его вдругъ устремляются на оторопѣвшую жену съ такимъ состраданіемъ, отъ котораго я вздрагивала, которое, какъ теперь сознаю, еслибъ было ко мнѣ, то я бы измучилась. Въ ту же минуту радость исчезала съ лица Александры Михайловны. Музыка или чтеніе прерывались. Она блѣднѣла, но крѣпилась и молчала. Наступала неприятная минута, тоскливая минута, которая иногда долго длилась. Наконецъ мужъ прерывалъ ее. Онъ подымался съ мѣста, какъ будто черезъ силу подавляя въ себѣ досаду и волненіе, и, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ въ угрюмомъ молчаніи, жалъ руку женѣ, глубоко вздыхалъ и, въ очевидномъ смущеніи, сказавъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, въ которыхъ какъ бы проглядывало желаніе утѣшить жену, выходилъ изъ комнаты, а Александра Михайловна ударялась въ слезы, или впадала въ страшную, долгую грусть. Часто онъ благословлялъ и крестилъ ее, какъ ребенка, прощаясь съ ней съ вечера, и она принимала его благословеніе со слезами благодарности и съ благоговѣніемъ. Но не могу забыть нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ (въ цѣлые восемь лѣтъ, двухъ-трехъ, не болѣе), когда Александра Михайловна какъ будто вдругъ вся перемѣнялась. Какой-то гнѣвъ, какое-то негодованіе отражались на обыкновенно тихомъ лицѣ ея, вмѣсто всегдашняго самоуничтоженія и благоговѣнія къ мужу. Иногда цѣлый часъ приготовлялась гроза; мужъ становился молчаливѣе, суровѣе и угрюмѣе обыкновеннаго. Наконецъ большое сердце бѣдной женщины какъ будто не выносило. Она начинала прерывающимся отъ волненія голосомъ разговоръ, сначала отрыв-

вистый, безсвязный, полный какихъ-то намековъ и горькихъ недомолвокъ; потомъ, какъ будто не вынося тоски своей, вдругъ разрѣшалась слезами, рыданіями, а за тѣмъ слѣдовалъ взрывъ негодованія, укоровъ, жалобъ, отчаянія,—словно она впадала въ болѣзненный кризисъ. И тогда нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ выносилъ это мужъ, съ какимъ участіемъ склонялъ ее успокоиться, цѣловалъ ея руки и даже, наконецъ, начиналъ плакать вмѣстѣ съ нею; тогда вдругъ она какъ будто опомнится, какъ будто совѣсть крикнетъ на нее и уличитъ въ преступленіи. Слезы мужа потрясали ее, и она, ломая руки, въ отчаяніи, съ судорожными рыданіями, у ногъ его вымаливала о прощеніи, которое тотчасъ же получала. Но еще надолго продолжались мученія ея совѣсти, слезы и моленія простить ее, и еще робче, еще трепетѣе становилась она передъ нимъ на цѣлые мѣсяцы. Я ничего не могла понять въ этихъ укорахъ и упрекахъ; меня же и высылали въ это время изъ комнаты, и всегда очень неловко. Но скрыться совершенно отъ меня не могли. Я наблюдала, замѣчала, угадывала, и съ самаго начала вселилось въ меня темное подозрѣніе, что какая то тайна лежитъ на всемъ этомъ, что эти внезапные взрывы уязвленного сердца не простой, нервный кризисъ, что не даромъ же всегда хмуренъ мужъ, что не даромъ это какъ будто двусмысленное состраданіе его къ бѣдной, больной женѣ, что не даромъ всегдашняя робость и трепетъ ея передъ нимъ, и эта смиренная, странная любовь, которую она даже не смѣла проявить предъ мужемъ, что не даромъ это уединеніе, эта монастырская жизнь, эта краска и эта внезапная смертная блѣдность на лицѣ ея въ присутствіи мужа.

Но такъ какъ подобныя сцены съ мужемъ были очень рѣдки; такъ какъ жизнь наша была очень однообразна, и я уже слишкомъ близко къ ней присмотрѣлась; такъ какъ, наконецъ, я развивалась и росла очень быстро и много ужъ начало пробуждаться во мнѣ новаго, хотя бессознательнаго, отвлекавшаго меня отъ моихъ наблюденій, то я и привыкла, наконецъ, къ этой жизни, къ этимъ обычаямъ и къ характерамъ, которые меня окружали. Я, конечно, не могла не задуматься подчасъ, глядя на Александру Михайловну, но думы мои покамѣстъ не разрѣшались ничѣмъ. Уже крѣпко любила ее, уважала ея тоску, и потому боялась смущать ея подымчивое сердце своимъ любопытствомъ. Она понимала меня, и сколько разъ готова была благодарить меня за мою къ ней привязанность! То, замѣтивъ заботу мою, улыбалась нерѣдко сквозь слезы и сама шутила надъ частыми слезами своими; то вдругъ начнетъ рассказывать мнѣ, что она очень довольна, очень счастлива, что къ ней всѣ такъ добры, что всѣ тѣ, которыхъ она знала, до сихъ поръ такъ любили ее, что ее очень мучитъ то, что Петръ Александровичъ вѣчно тоскуетъ о ней, о ея душевномъ спокойствіи, тогда какъ она, напротивъ, такъ сча-

стлива, такъ счастлива!.. И тутъ она обнимала меня съ такимъ глубокимъ чувствомъ, такую любовью свѣтилось лицо ея, что сердце мое, если можно сказать, какъ-то болѣло сочувствіемъ къ ней.

Черты лица ея никогда не изгладятся изъ моей памяти. Онѣ были правильны, а худоба и блѣдность, казалось, еще болѣе возвышали строгую прелесть ея красоты. Густѣйшіе черные волосы, зачесанные гладко къ низу, бросали суровую, рѣзкую тѣнь на окраины щекъ; но, казалось, тѣмъ любовнѣе поражалъ васъ контрастъ ея нѣжнаго взгляда, большихъ дѣтски-ясныхъ голубыхъ глазъ, на которомъ отражалось подъ-часъ такъ много наивнаго, несмѣлаго, какъ бы незащищеннаго, какъ будто боявшагося за каждое ощущеніе, за каждый порывъ сердца—и за мгновенную радость, и за частую тихую грусть. Но въ иную счастливую, нетревожную минуту, въ этомъ взглядѣ, проницавшемъ въ сердце, было столько яснаго, свѣтлаго какъ день, столько праведно-спокойнаго; эти глаза, голубые какъ небо, сіяли такою любовью, сморгѣли такъ сладко, въ нихъ отражалось всегда такое глубокое чувство симпатіи ко всему, что было благородно, ко всему, что просило любви, молило о состраданіи,—что вся душа покорялась ей, невольно стремилась къ ней, и, казалось, отъ нея же принимала и эту ясность, и это спокойствіе духа, и примиреніе, и любовь. Такъ въ иной разъ засмотришься на голубое небо и чувствуешь, что готовъ пробыть цѣлыя часы въ сладостномъ созерцаніи, и что свободнѣе, спокойнѣе становится въ эти минуты душа, точно въ ней, какъ будто въ тихой пеленѣ воды, отразился величайшій куполъ небесный. Когда же—п это такъ часто случалось—одушевленіе нагоняло краску на ея лицо, и грудь ея колыхалась отъ волненія—тогда глаза ея блестѣли какъ молнія, какъ будто метали искры, какъ будто вся ея душа, цѣломудренно сохранившая чистый пламень прекраснаго, теперь ее воодушевляла, переселялась въ нихъ. Въ эти минуты она была какъ вдохновенная. И въ такихъ внезапныхъ порывахъ увлеченія, въ такихъ переходахъ отъ тихаго, робкаго настроенія духа къ просвѣтленному, высокому одушевленію, къ чистому, строгому энтузіазму, вмѣстѣ съ тѣмъ было столько наивнаго, дѣтски-скараго, столько младенческаго вѣрованія, что художникъ, кажется, полжизни бы отдалъ, чтобъ подмѣтить такую минуту свѣтлаго восторга и перенести это вдохновенное лицо на полотно.

Съ первыхъ дней моихъ въ этомъ домѣ, я увидѣла, что она даже обрадовалась мнѣ, въ своемъ уединеніи. Тогда еще у ней было только одно дитя, и только годъ какъ она была матерью. Но я вполнѣ была ея дочерью, и различій между мной и своими она дѣлать не могла. Съ какимъ жаромъ она принималась за мое воспитаніе! Она такъ заторопилась въ началѣ, что мадамъ Леотаръ невольно улыбалась, на нее глядя. Въ самомъ дѣлѣ, мы

было взялись вдругъ за все, такъ что и непоняли было другъ друга. Напримѣръ, она взялась учить меня сама и вдругъ очень многому, но такъ многому, что выходило съ ея стороны больше горячки, больше жара, болѣе любовнаго нетерпѣнія, чѣмъ истинной пользы для меня. Сначала она была огорчена своимъ неумѣньемъ; но, разсмѣявшись, мы принялись съизнова, хотя Александра Михайловна, несмотря на первую неудачу, смѣло объявила себя противъ системы мадамъ Леотаръ. Онѣ спорили смѣясь, но новая воспитательница моя на отрѣзъ объявила себя противъ всякой системы, утверждая, что мы съ нею оцупью найдемъ настоящую дорогу, что нечего мнѣ набивать голову сухими познаніями, и что весь успѣхъ зависитъ отъ уразумѣнія моихъ инстинктовъ и отъ умѣнья возбудить во мнѣ добрую волю,—и она была права, потому что вполнѣ одерживала побѣду. Во-первыхъ, съ самаго начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились какъ двѣ подруги, и иногда дѣлалось такъ, что какъ будто я учила Александру Михайловну, не замѣчая хитрости. Такъ между нами часто рождался споры, и я изъ всѣхъ силъ горячилась, чтобъ доказать дѣло, какъ я его понимаю, и незалѣтно Александра Михайловна выводила меня на настоящій путь. Но кончалось тѣмъ, что когда мы доберемся до истины, я тотчасъ догадывалась, изобличала уловку Александры Михайловны и, взвѣсивъ все ея старанія со мной, нерѣдко цѣлыя часы, пожертвованные такимъ образомъ для моей пользы, я бросалась къ ней на шею и крѣпко обнимала ее послѣ каждаго урока. Моя чувствительность изумляла и трогала ее даже до недоумѣнія. Она съ любопытствомъ начинала спрашивать о моемъ прошедшемъ, желая услышать его отъ меня, и каждый разъ послѣ моихъ рассказовъ становилась со мной нѣжнѣе и серьезнѣе,—серьезнѣе, потому что я, съ моимъ несчастнымъ дѣтствомъ, внушала ей, вмѣстѣ съ состраданіемъ, какъ будто какое-то уваженіе. Послѣ моихъ признаній, мы пускались обыкновенно въ долгіе разговоры, которыми она мнѣ же объясняла мое прошлое, такъ что я дѣйствительно какъ будто вновь переживала его и многому вновь научилась. Мадамъ Леотаръ часто находила эти разговоры слишкомъ серьезными и, видя мои невольныя слезы, считала ихъ совсѣмъ не у мѣста. Я же думала совершенно напротивъ, потому что послѣ этихъ уроковъ мнѣ становилось такъ легко и сладко, какъ будто и не было въ моей судьбѣ ничего несчастнаго. Сверхъ того, я была слишкомъ благодарна Александрѣ Михайловнѣ за то, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе заставляла такъ любить себя. Мадамъ Леотаръ и не въ домекъ было, что такимъ образомъ, мало-помалу, уравнивалось и приходило въ стройную гармонію все, что прежде поднималось изъ души неправильно, преждевременно-бурно, и до чего доходило мое дѣтское сердце, все изъязвленное, съ мучительною болью, такъ что несправедливо оже-

сточалось оно и плакалось на эту боль, не понимая, откуда удары.

День начинался тѣмъ, что мы обѣ сходились въ дѣтской, у ея ребенка, будили его, одѣвали, убирали, кормили его, забавляли, учили его говорить. Наконецъ мы оставляли ребенка и садились за дѣло. Учились мы многому, но Богъ знаетъ, какая это была наука. Тутъ было все, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего опредѣленнаго. Мы читали, рассказывали другъ другу свои впечатлѣнія, бросали книгу для музыки, и цѣлыя часы летѣли незамѣтно. По вечерамъ часто приходилъ Б., другъ Александры Михайловны, приходила мадамъ Леотаръ; нерѣдко начинался разговоръ самый жаркій, горячій, объ искусствѣ, о жизни (которую мы въ нашемъ кружкѣ знали только по наслышкѣ), о дѣйствительности, объ идеалахъ, о прошедшемъ и будущемъ, и мы засиживались за полночь. Я слушала изъ всѣхъ силъ, воспламенялась вмѣстѣ съ другими, смѣялась, или была растрогана, и тутъ-то узнала я въ подробности все то, что касалось до моего отца и до моего перваго дѣтства. Между тѣмъ я росла; мнѣ нанимали учителей, отъ которыхъ, безъ Александры Михайловны, я бы ничему не научилась. Съ учителемъ географіи я бы только ослѣпла, отыскивая на картѣ города и рѣки. Съ Александрой Михайловной мы пускались въ такія путешествія, перебивали въ такихъ странахъ, видѣли столько диковинъ, пережили столько восторженныхъ, столько фантастическихъ часовъ, и такъ сильно было обоюдное рвеніе, что книгъ, прочитанныхъ ею, наконецъ рѣшительно не достало: мы принуждены были приняться за новыя книги. Скоро я могла сама показывать моему учителю географіи, хотя все-таки, нужно отдать ему справедливость, онъ до конца сохранилъ передо мной превосходство въ полномъ и совершенно опредѣлительномъ познаніи градусовъ, подъ которыми лежалъ какой нибудь городокъ; и тысячъ, сотенъ и даже тѣхъ десятковъ жителей, которые въ немъ заключались. Учителю исторіи платились деньги тоже чрезвычайно исправно; но, по уходѣ его, мы съ Александрой Михайловной исторію учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубины ночи, или, лучше сказать, читала Александра Михайловна, потому что она же и держала пензуру. Никогда я не испытывала болѣе восторга, какъ послѣ этого чтенія. Мы одушевлялись обѣ, какъ будто сами были героями. Конечно, между строчками читалось больше, чѣмъ въ строчкахъ; Александра же Михайловна, кромѣ того, прекрасно рассказывала, такъ, какъ будто при ней случилось все, о чемъ мы читали. Но пусть будетъ, пожалуй, смѣшно, что мы такъ воспламенялись и просиживали за полночь, я—ребенокъ, она—уязвленное сердце, такъ тяжело переносившее жизнь! Я знала, что она какъ будто отдыхала подлѣ меня. Припоминаю, что подѣ-часъ я странно заду-мывалась на нее глядя, я угадывала и прежде, чѣмъ я начала жить, я уже угадала многое въ жизни.

Наконецъ мнѣ минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ здоровье Александры Михайловны становилось все хуже и хуже. Она дѣлалась раздражительнѣе, припадки ея безвыходной грусти ожесточеннѣе, визиты мужа начались чаще, и просиживалъ онъ съ нею, разумѣется какъ и прежде, почти молча, суровый и хмурый, все больше и больше времени. Ея судьба стала сильнѣе занимать меня. Я выходила изъ дѣтства, во мнѣ ужъ сформировалось много новыхъ впечатлѣній, наблюдений, увлечений, догадокъ; ясно, что загадка, бывшая въ этомъ семействѣ, все болѣе и болѣе стала мучить меня. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что я что-то понимаю въ этой загадкѣ. Въ другое время я впадала въ равнодушіе, въ апатію, даже въ досаду, и забывала свое любопытство, не находя ни на одинъ вопросъ разрѣшенія. Порой—и это случалось все чаще и чаще—я испытывала странную потребность оставаться одной и думать, все думать: моя настоящая минута похожа была на то время, когда еще я жила у родителей, и когда въ началѣ, прежде чѣмъ сошлась съ отцемъ, цѣлый годъ думала, соображала, приглядывалась изъ своего угла на свѣтъ Божій, такъ что, наконецъ, совсѣмъ одичала среди фантастическихъ призраковъ, мною же созданныхъ. Разница была въ томъ, что теперь было больше нетерпѣнія, больше тоски, болѣе новыхъ, безсознательныхъ порывовъ, болѣе жажды къ движенію, къ подымчивости, такъ что сосредоточиться на одномъ, какъ было прежде, я не могла. Съ своей стороны Александра Михайловна какъ будто сама стала болѣе удаляться меня. Въ этомъ возрастѣ я уже почти не могла ей быть подругой. Я была не ребенокъ, я слишкомъ о многомъ спрашивала и подѣ-часъ смотрѣла на нее такъ, что она должна была потуплять глаза предо мною. Были страшныя минуты. Я не могла видѣть ея слезъ, и часто слезы накали въ моихъ глазахъ, глядя на нее. Я бросалась къ ней на шею и горячо обнимала ее. Чтô она могла отвѣчать мнѣ? Я чувствовала, что была ей въ тягость. Но въ другое время—и это было тяжелое, грустное время—она сама, какъ будто въ какомъ-то отчаяніи, судорожно обнимала меня, какъ будто искала моего участія, какъ будто не могла выносить своего одиночества, какъ будто я ужъ понимала ее, какъ будто мы страдали съ ней вмѣстѣ. Но между нами все-таки оставалась тайна, это было очевидно, и я ужъ сама начала удаляться отъ нея въ эти минуты. Мнѣ тяжело было съ ней. Кромѣ того, насъ ужъ мало что соединяло, одна музыка. Но музыку стали ей запрещать доктора. Книги? Но здѣсь было всего труднѣе. Она рѣшительно не знала, какъ читать со мною. Мы, конечно, остановились бы на первой страницѣ: каждое слово могло быть намекомъ, каждая незначащая фраза—загадкой. Отъ разговора вдвоемъ, горячаго, задушевнаго, мы обѣ бѣжали.

И вотъ, въ это время судьба внезапно и неожиданно повернула мою жизнь чрезвычайно стран-

нымъ образомъ. Мое вниманіе, мои чувства, сердце, голова,—все, разомъ, съ напряженною силою, доходившею даже до энтузіазма, обратилось вдругъ къ другой, совсѣмъ неожиданной дѣятельности, и я сама, не замѣтивъ того, вся перенеслась въ новый міръ; мнѣ некогда было обернуться, осмотрѣться, одуматься; я могла погибнуть, даже чувствовала это; но соблазнъ былъ сильнѣе страха, и я пошла наудачу, закрывши глаза. И надолго отвлеклась я отъ той дѣйствительности, которая такъ начинала тяготить меня, и въ которой я такъ жадно и бесполезно искала выхода. Вотъ, что такое это было и вотъ какъ оно случилось.

Изъ столовой было три выхода: одинъ въ большія комнаты, другой въ мою и въ дѣтскія, а третій велъ въ бібліотеку. Изъ бібліотеки былъ еще другой ходъ, отдѣлявшійся отъ моей комнаты только однимъ рабочимъ кабинетомъ, въ которомъ обыкновенно помѣщался помощникъ Петра Александровича въ дѣлахъ, его переписчикъ, его сподручникъ, бывшій въ одно и то же время его секретаремъ и факторомъ. Ключъ отъ шкафовъ и бібліотеки хранился у него. Однажды, послѣ обѣда, когда его не было дома, я нашла этотъ ключъ на полу. Меня взяло любопытство и, вооружась своей находкой, я вошла въ бібліотеку. Это была довольно большая комната, очень свѣтлая, уставленная кругомъ восемью большими шкафами, полными книгъ. Книгъ было очень много, и изъ нихъ большая часть досталась Петру Александровичу какъ-то по наслѣдству. Другая часть книгъ собрана была Александрой Михайловной, которая покупала ихъ безпрестанно. До-сихъ-поръ мнѣ давали читать съ большою осмотрительностію, такъ что я безъ труда догадалась, что мнѣ многое запрещаютъ, и что многое для меня тайна. Вотъ почему я съ неудержимымъ любопытствомъ, въ припадкѣ страха и радости и какого-то особеннаго, безотчетнаго чувства, отворила первый шкафъ и вынула первую книгу. Въ этомъ шкафѣ были романы. Я взяла одинъ изъ нихъ, затворила шкафъ и унесла къ себѣ книгу съ такимъ страннымъ ощущеніемъ, съ такимъ бѣніемъ и замираніемъ сердца, какъ будто я предчувствовала, что въ моей жизни совершается большой переворотъ. Войдя къ себѣ въ комнату, я заперлась и раскрыла романъ. Но читать я не могла; у меня была другая забота: мнѣ сначала нужно было уладить прочно и окончательно свое обладаніе бібліотекой такъ, чтобъ никто того не зналъ, и чтобъ возможность имѣть всякую книгу во всякое время осталась при мнѣ. И потому я отложила свое наслажденіе до болѣе удобной минуты, книгу отнесла назадъ, а ключъ утаила у себя. Я утаила его, и—это былъ первый дурной поступокъ въ моей жизни. Я ждала послѣдствій; онѣ уладились чрезвычайно благоприятно: секретарь и помощникъ Петра Александровича, проискавъ ключа цѣлый вечеръ и часть ночи со свѣчею на полу, рѣшился на утро призвать слесаря, который изъ связки принесенныхъ

имъ ключей прибралъ новый. Тѣмъ дѣло и кончилось, а о пропажѣ ключа никто болѣе ничего не слыхалъ; я же повела дѣло такъ осторожно и хитро, что пошла въ бібліотеку только чрезъ недѣлю, совершенно увѣрившись въ полной безопасности на счетъ всѣхъ подозрѣній. Сначала я выбирала время, когда секретаря не было дома; потомъ же стала заходить изъ столовой, потому что писмоводитель Петра Александровича имѣлъ у себя только ключъ въ карманѣ, а въ дальнѣйшія сношенія съ книгами никогда не вступалъ, и потому даже не входилъ въ комнату, въ которой онѣ находились.

Я начала читать съ жадностію, и скоро чтеніе увлекло меня совершенно. Всѣ новыя потребности мои, всѣ недавнія стремленія, всѣ еще неясные порывы моего отроческаго возраста, такъ спокойно и мятежно возставшіе было въ душѣ моей, нетерпѣливо вызванные моимъ слишкомъ раннимъ развитіемъ,—все это вдругъ уклонилось въ другой, неожиданно-представшій исходъ надолго, какъ будто вполне удовлетворившись новою пищею, какъ будто найдя себѣ правильный путь. Скоро сердце и голова моя были такъ очарованы, скоро фантазія моя развилась такъ широко, что я какъ будто забыла весь міръ, который доселѣ окружалъ меня. Казалось, сама судьба остановила меня на порогѣ въ новую жизнь, въ которую я такъ порывалась, о которой гадала день и ночь, и прежде чѣмъ пустить меня въ невѣдомый путь, взвела меня на высоту, показавъ мнѣ будущее въ волшебной панорамѣ, въ заманчивой, блестящей перспективѣ. Мнѣ суждено было пережить всю эту будущность, вычитавъ ее сначала изъ книгъ, пережить въ мечтахъ, въ надеждахъ, въ страстныхъ порывахъ, въ сладостномъ волненіи юнаго духа. Я начала чтеніе безъ разбора, съ первой попавшейся мнѣ подъ руку книги, но судьба хранила меня: то, что я узнала и выжила до-сихъ-поръ, было такъ благородно, такъ строго, что теперь меня не могла уже соблазнить какаянибудь лукавая, нечистая страница. Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и все мое прошедшее. Теперь же сознание какъ будто вдругъ освѣтило для меня всю прошлую жизнь мою. Дѣйствительно, почти каждая страница, прочитанная мною, была мнѣ ужъ какъ будто знакома, какъ будто уже давно прожита; какъ будто всѣ эти страсти, вся эта жпзнъ, представшая передо мною въ такихъ неожиданныхъ формахъ, въ такихъ волшебныхъ картинахъ, уже была мною испытана. И какъ не завлечься было мнѣ до забвенія настоящаго, почти до отчужденія отъ дѣйствительности, когда передо мной, въ каждой книгѣ, прочитанной мною, воплощались законы той же судьбы, тотъ же духъ приключеній, который царилъ надъ жизнію человѣка, но истекая изъ какого-то главнаго закона жизни человѣческой, который былъ условіемъ спасенія, охраненія и счастья. Этотъ-то законъ, подозрѣваемый мною, я и

старалась угадать всѣми силами, всѣми своими инстинктами, возбужденными во мнѣ почти какимъ-то чувствомъ самосохраненія. Меня какъ будто предувѣдомляли впередъ, какъ будто предостерегалъ кто нибудь. Какъ-будто что-то пророчески тѣснилось мнѣ въ душу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе крѣпла надежда въ душѣ моей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе были мои порывы въ эту будущность, въ эту жизнь, которая каждодневно поражала меня въ прочитанномъ мною со всей силой, свойственной искусству, со всѣми обольщеніями поэзіи. Но, какъ я уже сказала, фантазія моя слишкомъ владычествовала надъ моимъ нетерпѣніемъ, и я по правдѣ была смѣла лишь въ мечтахъ, а на дѣлѣ инстинктивно робѣла передъ будущимъ. И потому, будто предварительно согласясь съ собой, я безсознательно положила довольствоваться покуда міромъ фантазіи, міромъ мечтательности, въ которомъ уже я одна была владчицей, въ которомъ были только одни обольщенія, однѣ радости, и самое несчастье, если и было допускаемо, то играло роль пассивную, роль переходную, роль необходимую для сладкихъ контрастовъ и для внезапнаго поворота судьбы къ счастливой развязкѣ многихъ головныхъ, восторженныхъ романовъ. Такъ понимаю я теперь тогдашнее мое настроеніе.

И такая жизнь, жизнь фантазіи, жизнь рѣзкаго отчужденія отъ всего меня окружавшаго, могла продолжаться цѣлые три года!

Эта жизнь была моя тайна, и послѣ цѣлыхъ трехъ лѣтъ я еще не знала, бояться ли мнѣ ея внезапнаго оглашенія, или нѣтъ. То, что я пережила въ эти три года, было слишкомъ мнѣ родное, близкое. Во всѣхъ этихъ фантазіяхъ слишкомъ сильно отразилась я сама, до того, что наконецъ могла смутиться и испугаться чужаго взгляда, чей бы онъ ни былъ, который бы неосторожно заглянулъ въ мою душу. Къ тому же мы всѣ, весь домъ нашъ, жили такъ уединенно, такъ внѣ общества, въ такой монастырской тиши, что невольно въ каждомъ изъ насъ должна была развиться сосредоточенность въ себѣ самомъ, какая-то потребность самозаключенія. Тоже и со мною случилось. Въ эти три года кругомъ меня ничего не преобразилось, все осталось по-прежнему. По-прежнему царило между нами унылое однообразіе, которое, — какъ теперь думаю, еслибъ я не была увлечена своей тайной, скрытной дѣятельностью, — истерзало бы мою душу и бросило бы меня въ неизвѣстный, мятельный исходъ изъ этого вялаго, тоскливаго круга, въ исходъ можетъ быть гибельный. Мадамъ Леотаръ постарѣла и почти совсѣмъ заключилась въ своей комнатѣ; дѣти были еще слишкомъ малы; Б. былъ слишкомъ однообразенъ, а мужъ Александры Михайловны — такой же суровый, такой же недоступный, такой же заключенный въ себя, какъ и прежде. Между ними и женой по-прежнему была та же таинственность отношеній, которая мнѣ начала представляться

все болѣе и болѣе въ грозномъ, суровомъ видѣ, я все болѣе и болѣе пугалась за Александру Михайловну. Жизнь ея, безотрадная, безцвѣтная, видимо гасла въ глазахъ моихъ. Здоровье ея становилось почти съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Какъ будто какое-то отчаяніе вступило наконецъ въ ея душу; она видимо была подъ гнетомъ чего-то невѣдомаго, неопредѣленнаго, въ чемъ и сама она не могла дать отчета, чего-то ужаснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей самой непонятнаго, но которое она приняла какъ неизбѣжный крестъ своей осужденной жизни. Сердце ея ожесточалось наконецъ въ этой глухой мукѣ; даже умъ ея принялъ другое направленіе, темное, грустное. Особенно поразило меня одно наблюдение: мнѣ казалось, что чѣмъ болѣе я входила въ лѣта, тѣмъ болѣе она какъ бы удалялась отъ меня, такъ что скрытность ея со мной обращалась даже въ какую-то нетерпѣливую досаду. Казалось, она даже не любила меня въ инныя минуты; какъ будто я ей мѣшала. Я сказала, что стала нарочно удаляться ея и, удалившись разъ, какъ будто заразилась таинственностью ея же характера. Вотъ почему все, что я прожила въ эти три года, все, что сформировалось въ душѣ моей, въ мечтахъ, въ познанияхъ, въ надеждахъ и въ страстныхъ восторгахъ — все это упрямо осталось при мнѣ. Разъ затаявшись другъ отъ друга, мы уже потомъ никогда не сошлись, хотя, кажется мнѣ, я любила ее съ каждымъ днемъ еще болѣе прежняго. Безъ слезъ не могу вспомнить теперь о томъ, до какой степени она была привязана ко мнѣ, до какой степени она обязалась въ своемъ сердцѣ расточать на меня все сокровище любви, которое въ немъ заключалось, и исполнить обѣтъ свой до конца — быть мнѣ матерью. Правда, собственное горе иногда надолго отвлекало ее отъ меня, она какъ-будто забывала обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что и я старалась не напоминать ей о себѣ, такъ-что мои шестнадцать лѣтъ подошли, какъ-будто никто того не замѣтилъ. Но въ минуты сознанія и болѣе яснаго взгляда кругомъ, Александра Михайловна какъ бы вдругъ начинала обо мнѣ тревожиться; она съ нетерпѣніемъ вызывала меня къ себѣ изъ моей комнаты, изъ-за моихъ уроковъ и занятій, закидывала меня вопросами, какъ-будто испытывая, разузнавая меня, не разлучалась со мной по цѣлымъ днямъ, угадывала всѣ побужденія мои, всѣ желанія, очевидно заботясь о моемъ возрастѣ, о моей настоящей минутѣ, о будущности, и съ неистощимою любовью, съ какимъ-то благоговѣніемъ готовила мнѣ свою помощь. Но она уже очень отвыкла отъ меня, и потому поступала иногда слишкомъ наивно, такъ что все это было мнѣ слишкомъ понятно и замѣтно. Напримѣръ, и это случилось, когда уже мнѣ былъ шестнадцатый годъ, она, перерывъ мои книги, распросивъ о томъ, что я читаю, и, найдя, что я не вышла еще изъ дѣтскихъ сочиненій для двѣнадцати-лѣтняго возраста, какъ-будто вдругъ испугалась. Я догада-

лась, въ чемъ дѣло, и слѣдила за нею внимательно. Цѣлыя двѣ недѣли она какъ будто приготовляла меня, испытывала меня, разузнавала степень моего развитія и степень моихъ потребностей. Наконецъ она рѣшилась начать, и на столѣ нашемъ явился «Иванго» Вальтеръ-Скотта, котораго я уже давно прочитала, и по-крайней-мѣрѣ раза три. Сначала она, съ робкимъ ожиданіемъ, слѣдила за моими впечатлѣніями, какъ будто взвѣшивала ихъ, словно боялась за нихъ; наконецъ эта натянутость между нами, которая была мнѣ слишкомъ примѣтна, исчезла; мы воспламенились обѣ, и я такъ рада, такъ рада была, что могла уже передъ ней не скрываться! Когда мы кончили романъ, она была отъ меня въ восторгѣ. Каждое замѣчаніе мое, во время нашего чтенія, было вѣрно, каждое впечатлѣніе правильно. Въ глазахъ ея я уже развилась слишкомъ далеко. Пораженная этимъ, въ восторгѣ отъ меня, она радостно принялась было опять слѣдить за моимъ воспитаніемъ, — она ужъ болѣе не хотѣла разлучаться со мной; но это было не въ ея волѣ. Судьба скоро опять разлучила насъ и помѣшала нашему сближенію. Для этого достаточно было перваго припадка болѣзни, припадка ея всегдашняго горя, а затѣмъ опять отчужденія, тайны, недовѣрчивости и, можетъ быть, даже ожесточенія.

Но и въ такое время иногда минута была внѣ нашей власти. Чтеніе, нѣсколько симпатичныхъ словъ, перемолвленныхъ между нами, музыка — и мы забывались, высказывались, высказывались иногда черезъ мѣру, и послѣ того намъ становилось тяжело другъ передъ другомъ. Одумавшись, мы смотрѣли другъ на друга, какъ испуганныя, съ подозрительнымъ любопытствомъ и съ недовѣрчивостью. У каждой изъ насъ былъ свой предѣлъ, до котораго могло идти наше сближеніе; за него мы переступить не смѣли, хотя бы и хотѣли.

Однажды вечеромъ, передъ сумерками, я разсѣянно читала книгу въ кабинетѣ Александры Михайловны. Она сидѣла за фортепіано, импровизируя на тѣму одного любимѣйшаго ею мотива итальянской музыки. Когда она перешла наконецъ въ чистую мелодію арія, я, увлекшись музыкою, которая проникла мнѣ въ сердце, начала робко, вполголоса, напѣвать этотъ мотивъ про себя. Скоро увлекшись совсѣмъ, я встала съ мѣста и подошла къ фортепіано; Александра Михайловна, какъ бы угадавъ меня, перешла въ акомпанементъ и съ любовью слѣдила за каждой нотой моего голоса. Казалось, она была поражена богатствомъ его. До сихъ поръ я никогда при ней не пѣла, да и сама едва знала, есть ли у меня какія нибудь средства. Теперь мы вдругъ одушевились обѣ. Я все болѣе и болѣе возвышала голосъ; во мнѣ возбуждалась энергія, страсть, разжигаемая еще болѣе радостнымъ изумленіемъ Александры Михайловны, которое я угадывала въ каждомъ тактѣ ея акомпанемента. Наконецъ пѣніе кончилось такъ удачно, съ такимъ одушевленіемъ, съ такою силою, что она

въ восторгѣ схватила мои руки и радостно взглянула на меня.

— Аннета! да у тебя чудный голосъ, сказала она. — Боже мой! Какъ же это я не замѣтила!

— Я сама только сейчасъ замѣтила, отвѣчала я внѣ себя отъ радости.

— Да благословитъ же тебя Богъ, мое милое, безцѣнное дитя! Благодарю его за этотъ даръ. Кто знаетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Она была такъ растрогана неожиданностью, въ такомъ изступленіи отъ радости, что не знала, что мнѣ сказать, какъ приглубить меня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ откровенія, взаимной симпатіи, сближенія, которыхъ уже давно не было съ нами. Черезъ часъ какъ будто праздникъ насталъ въ домѣ. Немедленно послали за Б. Въ ожиданіи его, мы наудачу раскрыли другую музыку, которая мнѣ была знакомѣе, и начали новую арію. Въ этотъ разъ я дрожала отъ робости. Мнѣ не хотѣлось неудачей разрушить первое впечатлѣніе. Но скоро мой же голосъ ободрилъ и поддержалъ меня. Я сама все болѣе и болѣе изумлялась его силѣ, и въ этотъ вторичный опытъ разсѣяно было всякое сомнѣніе. Въ припадкѣ своей нетерпѣливой радости, Александра Михайловна послала за дѣтьми, даже за няней дѣтей своихъ, и, наконецъ, увлекшись совсѣмъ, пошла къ мужу и вызвала его изъ кабинета, о чемъ въ другое время едва бы помыслить осмѣлилась. Петръ Александровичъ выслушалъ новость благосклонно, поздравилъ меня и самъ первый объявилъ, что нужно меня учить. Александра Михайловна, счастливая отъ благодарности, какъ будто Богъ знаетъ что для нея было сдѣлано, бросилась цѣловать его руки. Наконецъ явился Б. Старпкъ былъ обрадованъ. Онъ меня очень любилъ, вспомнилъ о моемъ отцѣ, о прошедшемъ, и когда я сѣла передъ нимъ дватри раза, онъ съ серьезнымъ, съ озабоченнымъ видомъ, даже съ какою-то таинственностью объявилъ, что средства есть несомнѣнныя, можетъ быть даже и талантъ, и что не учить меня невозможно. Потомъ тутъ же, какъ бы одумавшись, они оба положили съ Александрой Михайловной, что опасно слишкомъ захваливать меня въ самомъ началѣ, и я замѣтила, какъ тутъ же они перемигнулись и сговорились укрادкой, такъ что весь ихъ заговоръ противъ меня вышелъ очень наивенъ и неловокъ. Я смѣялась про себя цѣлый вечеръ, видя, какъ потомъ, послѣ новаго пѣнія, они старались удерживаться и даже парочно замѣчать вслухъ мои недостатки. Но они крѣпились недолго, и первый же измѣнилъ себѣ Б., снова расчувствовавшись отъ радости. Я никогда не подозрѣвала, чтобъ онъ такъ любилъ меня. Во весь вечеръ шелъ самый дружескій, самый теплый разговоръ. — Б. разсказалъ нѣсколько біографій извѣстныхъ пѣвцовъ и артистовъ, и рассказывалъ съ восторгомъ художника, съ благоговѣніемъ, растроганный. Затѣмъ, коснувшись отца моего, разговоръ перешелъ на меня, на мое дѣтство, на князя, на все семейство

князя, о которомъ я такъ мало слышала съ самой разлуки. Но Александра Михайловна и сама немного знала о немъ. Всего болѣе зналъ Б., потому что не разъ ѣздилъ въ Москву. Но здѣсь разговоръ принялъ какое-то таинственное, загадочное для меня направленіе, и два-три обстоятельства, въ особенности касавшіяся князя, были для меня непонятны. Александра Михайловна заговорила о Катѣ, но Б. ничего не могъ сказать о ней особеннаго, и тоже какъ будто съ намѣреніемъ желалъ умолчать о ней. Это поразило меня. Я не только не позабыла Кати, не только не замолкла во мнѣ моя прежняя любовь къ ней, но даже, напротивъ, я и не подумала ни-разу, что въ Катѣ могла быть какаянибудь перемена. Отъ вниманія моего ускользнули доселѣ и разлука, и эти долгіе годы, прожитые розно, въ которые мы не подали другъ другу никакой вѣсти о себѣ, и разность воспитанія, и разность характеровъ нашихъ. Наконецъ, Катя мысленно никогда не покидала меня: она какъ будто все еще жила со мною; особенно во всѣхъ моихъ мечтахъ, во всѣхъ моихъ романахъ и фантастическихъ приключеніяхъ, мы всегда шли вмѣстѣ съ ней рука въ руку. Вообразивъ себя героиней каждаго прочитаннаго мною романа, я тотчасъ же помѣщала возлѣ себя свою подружку-княжну и раздвоявала романъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала безпощадно моихъ любимыхъ авторовъ. Наконецъ, въ нашемъ семейномъ совѣтѣ положено было пригласить мнѣ учителя пѣнія.—Б. рекомендовалъ извѣстнѣйшаго и наилучшаго. На другой же день къ намъ пріѣхалъ итальянецъ Д., выслушалъ меня, повторилъ мнѣніе Б., своего пріятеля, но тутъ же объявилъ, что мнѣ будетъ гораздо болѣе пользы ходить учиться къ нему, вмѣстѣ съ другими его ученицами, что тутъ помогутъ развитію моего голоса и соревнованіе, и перенчивость, и богатство всѣхъ средствъ, которые будутъ у меня подъ руками. Александра Михайловна согласилась, и съ этихъ поръ я ровно по три раза въ недѣлю отправлялась по утрамъ, въ восемь часовъ, въ сопровожденіи служанки, въ консерваторію.

Теперь я расскажу одно странное приключеніе, имѣвшее на меня слишкомъ сильное вліяніе, и рѣзкимъ переломомъ начавшее во мнѣ новый возрастъ. Мнѣ минуло тогда шестнадцать лѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ моей вдругъ настала какая-то непонятная апатія; какое-то нестерпимое, тоскливое затишье, непонятное мнѣ самой посѣтило меня. Всѣ мои грѣзы, всѣ мои порывы вдругъ умолкли, даже самая мечтательность исчезла какъ бы отъ безсилія. Холодное равнодушіе замѣнило мѣсто прежняго, неопытнаго душевнаго жара. Даже дарованіе мое, принятое всѣми, кого я любила съ такимъ восторгомъ, лишилось моей симпатіи, и я безчувственно пренебрегала имъ. Ничто не развлекало меня, до того, что даже къ Александрѣ Михайловнѣ я чувствовала какое-то холодное рав-

нодушіе, въ которомъ сама себя обвиняла, потому что не могла не сознаться въ томъ. Моя апатія прерывалась безотчетною грустью, внезапными слезами. Я искала уединенія. Въ эту странную минуту, странный случай потрясъ до основанія всю мою душу и обратилъ это затишье въ настоящую бурю. Сердце мое было уязвлено... Вотъ какъ это случилось.

VII.

Я вошла въ бібліотеку (это будетъ навсегда памятная для меня минута), и взяла романъ Вальтеръ-Скотта «Сен-Ронанскія воды», единственный, который еще не прочитала. Помню, что язвительная, безпредметная тоска терзала меня какъ будто какимъ-то предчувствіемъ. Мнѣ хотѣлось плакать. Въ комнатѣ было ярко свѣтло отъ послѣднихъ, косыхъ лучей заходящаго солнца, которые густо лились въ высокія окна, на сверкающій паркетъ пола; было тихо; кругомъ, въ сосѣднихъ комнатахъ, тоже не было ни души. Петра Александровича не было дома, а Александра Михайловна была больна и лежала въ постели. Я, дѣйствительно, плакала и раскрывъ вторую часть, безпредметно перелистывала ее, стараясь отыскать какойнибудь смыслъ въ отрывочныхъ фразахъ, мелькавшихъ у меня передъ глазами. Я какъ будто гадала, какъ гадаютъ, раскрывая книгу на удачу. Бываютъ такіе минуты, когда всѣ умственные и душевные силы, болѣзненно напрягаясь, какъ бы вдругъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ сознанія, и въ это мгновеніе что-то пророческое снится потрясенной душѣ, какъ бы томящейся предчувствіемъ будущаго, предвкусывающей его. И такъ хочется жить, такъ просится жить весь вашъ составъ, и, воспламеняясь самой горячей, самой слѣпой надеждой, сердце какъ будто вызываетъ будущее, со всей его тайной, со всей неизвѣстностью, хотя бы съ бурями, съ грозами, но только бы съ жизнью. Моя минута именно была такая.

Припоминаю, что я именно закрыла книгу, чтобъ потомъ раскрыть на удачу, и, загадавъ о моемъ будущемъ, прочесть выпавшую мнѣ страницу. Но, раскрывъ ее, я увидѣла списанный листъ почтовой бумаги, сложенный въ четверо и такъ приплюснутый, такъ слежавшійся, какъ будто уже оиъ нѣсколько лѣтъ былъ заложенъ въ книгу и забытъ въ ней. Съ крайнимъ любопытствомъ начала я осматривать свою находку. Это было письмо, безъ адреса, съ подписью двухъ начальныхъ буквъ С. О. Мое вниманіе удвоилось; я развернула чуть не слипшуюся бумагу, которая, отъ долгаго лежанія между страницами, оставила на нихъ во весь размахъ свой свѣтлое мѣсто. Складки письма были истерты, выношены: видно было, что когда-то его часто перечитывали, берегли какъ драгоценность. Чернила посинѣли, выцвѣли,—ужь слишкомъ давно какъ оно написано! Нѣсколько словъ бросилось мнѣ случайно въ глаза, и сердце мое забилося отъ

ожиданія. Я въ смущеніи вертѣла письмо въ рукахъ, какъ бы нарочно отдаляя отъ себя минуту чтенія. Случайно я поднесла его къ свѣту: да! капли слезъ засохли на этихъ строчкахъ; пятна оставались на бумагѣ; кое-гдѣ цѣлыя буквы были смыты слезами. Чьи это слезы? Наконецъ, замирая отъ ожиданія, я прочла половину первой страницы, и крикъ изумленія вырвался изъ груди моей. Я заперла шкафъ, поставила книгу на мѣсто и, спрятавъ письмо подъ косынку, побѣжала къ себѣ, заперлась и начала перечитывать опять сначала. Но сердце мое такъ колотилось, что слова и буквы мелькали и прыгали передъ глазами моими. Долгое время я ничего не понимала. Въ письмѣ было открытіе, начало тайны; оно поразило меня какъ молнія, потому что я узнала, къ кому оно было писано. Я знала, что я почти преступленіе сдѣлаю, прочитавъ это письмо; но минута была сильнѣе меня! Письмо было къ Александрѣ Михайловнѣ.

Вотъ это письмо; я привожу его здѣсь. Смутно поняла я, что въ немъ было, и потомъ долго не оставляли меня разгадка и тяжелая дума. Съ этой минуты какъ будто переломилась моя жизнь. Сердце мое было потрясено и возмущено надолго, почти навсегда, потому что много вызвало это письмо за собою. Я вѣрно загадала о будущемъ.

Это письмо было прощальное, послѣднее, страшное; когда я прочла его, то почувствовала такое болѣзненное сжатіе сердца, какъ будто я сама все потеряла, какъ будто все навсегда отнялось отъ меня, даже мечты и надежды, какъ будто ничего болѣе не осталось при мнѣ, кромѣ ненужной болѣе жизни. Кто же онъ, писавшій это письмо? Какова была потомъ ея жизнь? Въ письмѣ было такъ много намековъ, такъ много данныхъ, что нельзя было ошибиться, такъ много и загадокъ, что нельзя было не потеряться въ предположеніяхъ. Но я почти не ошиблась; къ тому же, и слогъ письма, подсказывающій многое, подсказывалъ весь характеръ этой связи, отъ которой разбились два сердца. Мысли, чувства писавшаго были наружу. Онъ былъ слишкомъ особенны и, какъ я уже сказала, слишкомъ много подсказывали догадкѣ. Но вотъ это письмо; выписываю его отъ слова до слова:

«Ты не забудешь меня, ты сказала—я вѣрю, и вотъ отнынѣ вся жизнь моя въ этихъ словахъ твоихъ. Намъ нужно разстаться, пробилъ нашъ часъ! Я давно это зналъ, моя тихая, моя грустная красавица, но только теперь понялъ. Во все наше время, во все время, какъ ты любила меня, у меня болѣло и ныло сердце за любовь нашу, и повѣришь ли? теперь мнѣ легче! Я давно зналъ, что этому будетъ такой конецъ, и такъ было прежде насъ суждено! Это судьба! Выслушай меня, Александра: мы были *неровня*; я всегда, *всегда* это чувствовалъ! Я былъ недостойнъ тебя, и я, одинъ я долженъ былъ нести наказаніе за прожитое счастье мое! Скажи: что я былъ передъ тобою, до той

поры, какъ ты узнала меня? Боже! вотъ уже два года прошло, и я до сихъ поръ какъ будто безъ памяти; я до сихъ поръ не могу понять, что *ты меня* полюбила! Я не понимаю, какъ дошло у насъ до того, съ чего началось. Помнишь ли, что я былъ въ сравненіи съ тобою? Достоинъ ли я былъ тебя, чѣмъ я взялъ, чѣмъ я особенно былъ отличенъ! До тебя я былъ грубъ и простъ, видъ мой былъ унылъ и угрюмъ. Жизни другой я не желалъ, не помышлялъ о ней, не звалъ ее и призывать не хотѣлъ. Все во мнѣ было какъ-то придавлено, и я не зналъ ничего на свѣтѣ важнѣе моей обыденной, срочной работы. Одна забота была у меня—завтрашній день; да и къ той я былъ равнодушенъ. Прежде, ужъ давно это было, мнѣ снилось что-то такое, и я мечталъ какъ глупецъ. Но съ тѣхъ поръ ушло много, много времени, и я сталъ жить одиноко, сурово, спокойно, даже и не чувствуя холода, который леденилъ мое сердце. И оно заснуло. Я вѣдь зналъ и рѣшилъ, что для меня никогда не взойдетъ другаго солнца, и вѣрилъ тому, и не ропталъ ни на что, потому что зналъ, что такъ *должно было быть*. Когда ты проходила мимо меня, вѣдь я не понималъ, что мнѣ можно смѣть поднять на тебя глаза. Я былъ какъ рабъ передъ тобою. Мое сердце не дрожало возлѣ тебя, не ныло, не вѣщало мнѣ про тебя: оно было покойно. Моя душа не узнавала твоей, хотя и свѣтло ей было возлѣ своей прекрасной сестры. Я это знаю; я глухо чувствовалъ это. Это я могъ чувствовать, затѣмъ, что и на послѣднюю былинку проливается свѣтъ Божіей денницы и пригрѣваетъ и нѣжитъ ее такъ же, какъ и роскошный цвѣтокъ, возлѣ котораго смиренно прозябаетъ она. Когда же я узналъ все, помнишь, послѣ того вечера, послѣ тѣхъ словъ, которыя потрясли до основанія душу мою, — я былъ ослѣпленъ, пораженъ, все во мнѣ помутилось, и знаешь ли? я такъ былъ пораженъ, такъ не повѣрилъ себѣ, что не понималъ тебя! Про это я тебѣ никогда не говорилъ. Ты ничего не знала; не таковъ я былъ прежде, какимъ ты застала меня. Еслибъ я могъ, еслибъ я смѣлъ говорить, я бы давно во всемъ признался тебѣ. Но я молчалъ, а теперь все скажу, за тѣмъ, чтобъ ты знала, кого теперь оставляешь, съ какимъ человекомъ расстаешься! Знаешь ли, какъ я сначала понималъ тебя? Страсть, какъ огонь, охватила меня, какъ ядъ пролилась въ мою кровь; она смутила всѣ мои мысли и чувства, я былъ опьяненъ, я былъ какъ въ чадѣ и отвѣчалъ на чистую, *сострадательную* любовь твою не какъ равный ровнѣ, не какъ достойный чистой любви твоей, а безъ сознанія, безъ сердца. Я не узналъ тебя. Я отвѣчалъ тебѣ какъ той, которая въ глазахъ моихъ *забылась до меня*, а не какъ той, которая хотѣла развысить меня до себя. Знаешь ли, въ чемъ я подозрѣвалъ тебя, что значило это: *забылась до меня*? Но нѣтъ, я не оскорблю тебя своимъ признаніемъ; одно скажу тебѣ: ты горько во мнѣ ошиблась! Никогда, никогда я не могъ до

тебя возвыситься. Я могъ только недоступно созерцать тебя въ безпредѣльной любви своей, когда понималъ тебя, но тѣмъ я не загладилъ вины своей. Страсть моя, возвышенная тобою, была не любовь,—любви я боялся; я не смѣлъ тебя полюбить; въ любви — взаимность, равенство, а ихъ я былъ недостойнъ... Я и не знаю, что было со мною! О! какъ мнѣ рассказать тебѣ это, какъ быть понятнымъ!... Я не вѣрилъ сначала... О! помнишь ли, когда утихло первое волненіе мое, когда пряснулся мой взоръ, когда осталось одно чистѣйшее, непорочное чувство,—тогда первымъ движеніемъ моимъ было удивленіе, смущеніе, страхъ, и помнишь, какъ я вдругъ, рыдая, бросился къ ногамъ твоимъ? помнишь ли, какъ ты, смущенная, испуганная, со слезами спрашивала: что со мною? Я молчалъ, я не могъ отвѣчать тебѣ; но душа моя разрывалась на части; мое счастье давило меня какъ невыносимое бремя, и рыданія мои говорили во мнѣ: «за что мнѣ это? чѣмъ я заслужилъ это? чѣмъ я заслужилъ блаженство? Сестра моя, сестра моя! О! сколько разъ — ты не знала того — сколько разъ, украдкой, я цѣловалъ твое платье, украдкой, потому что я зналъ, что недостойнъ тебя — и духъ во мнѣ запылалъ тогда, и сердце мое билось медленно и крѣпко, словно хотѣло остановиться и замереть навсегда. Когда я бралъ твою руку, я весь блѣднѣлъ и дрожалъ; ты смущала меня чистотою души твоей. О, я не умѣю высказать тебѣ всего, что накопилось въ душѣ моей, и что такъ хочется высказаться? Знаешь ли, что мнѣ тяжела, мучительна была подчасъ твоя сострадательная, всегдашняя нѣжность со мною? Когда ты поцѣловала меня (это случилось одинъ разъ, и я никогда того не забуду), — туманъ сталъ въ глазахъ моихъ, и весь духъ мой изнылъ во мгновение. Зачѣмъ я не умеръ въ эту минуту у ногъ твоихъ? Вотъ, я пишу тебѣ *ты* въ первый разъ, хотя ты давно мнѣ такъ приказала. Поймешь ли ты, что я хочу сказать? Я хочу тебѣ сказать *все*, и скажу это: да, ты много любишь меня, ты любила, какъ сестра любитъ брата; ты любила меня, какъ свое созданіе, потому что воскресила мое сердце, разбудила мой умъ отъ усыпленія и влила мнѣ въ грудь сладкую надежду; я же не могъ, не смѣлъ; я никогда доселѣ не называлъ тебя сестрою моею, затѣмъ, что не могъ быть братомъ твоимъ, затѣмъ, что мы были неровня, затѣмъ, что ты во мнѣ обманулась!

Но ты видишь, я все пишу о себѣ, даже теперь, въ эту минуту страшнаго бѣдствія, я только объ себѣ думаю, хотя и знаю, что ты мучишься за меня. О, не мучься за меня, другъ мой милый! Знаешь ли, какъ я униженъ теперь въ собственныхъ глазахъ своихъ! Все это открылось, столько шуму пошло! Тебя за меня отвергнуть, въ тебя бросать презрѣнныя, насмѣшкой, потому что я такъ низко стою въ ихъ глазахъ! О, какъ я виновенъ, что былъ недостойнъ тебя! Хотя бы я имѣлъ важность, личную оцѣнку въ ихъ мнѣніи, внушалъ больше уваженія на ихъ глаза, они бы простили

тебѣ! Но я низокъ, я ничтоженъ, я смѣшонъ, а ниже смѣшнаго ничего быть не можетъ. Вѣдь кто кричить? Вѣдь вотъ оттого, что *эти* уже стали кричать, я и упалъ духомъ; я всегда былъ слабъ. Знаешь ли, въ какомъ я теперь положеніи: я самъ смѣюсь надъ собою, и, мнѣ кажется, они правду говорятъ, потому что я даже и себѣ смѣшонъ и ненавистенъ. Я это чувствую; я ненавижу даже лицо, фигуру свою, всѣ привычки, всѣ неблагородныя ухватки свои; я ихъ всегда ненавидѣлъ! О, прости мнѣ мое грубое отчаяніе! Ты сама приучила меня говорить тебѣ все. Я погубилъ тебя, я навлекъ на тебя злобу и смѣхъ, потому что былъ тебя недостойнъ.

«И вотъ эта-то мысль меня мучитъ; она стучитъ у меня въ головѣ безпрерывно, и терзаетъ и язвитъ мое сердце. И все кажется мнѣ, что ты любила не того человѣка, котораго думала во мнѣ найти, что ты обманулась во мнѣ. Вотъ что мнѣ больно, вотъ что теперь меня мучитъ, и замучитъ до смерти, или я съ ума сойду!

«Прощай же, прощай! Теперь, когда все открылось, когда раздались ихъ крпки, ихъ пересуды (я слышалъ ихъ!), когда я умалился, унизился въ собственныхъ глазахъ своихъ, устыдился за себя, устыдился даже за тебя, за твой выборъ, когда я проклиналъ себя, теперь мнѣ нужно бѣжать, псчезнуть для твоего покоя. Такъ требуютъ, и ты никогда, никогда меня не увидишь! Такъ нужно, такъ суждено! Мнѣ слишкомъ много было дано; судьба ошиблась; теперь она поправляетъ ошибку и все отнимаетъ назадъ. Мы сошлись, узнали другъ друга, и вотъ расходимся до другаго свиданія! Гдѣ оно будетъ, когда оно будетъ? О, скажи мнѣ, родная моя, гдѣ мы встрѣтимся, гдѣ найти мнѣ тебя, какъ узнать мнѣ тебя, узнаешь ли ты меня тогда? Вся душа моя полна тобою. О, за что же, за что это намъ? Зачѣмъ расстаемся мы? Научи—вѣдь я не понимаю, не пойму этого, никакъ не пойму — научи, какъ разорвать жизнь пополамъ, какъ вырвать сердце изъ груди и быть безъ него! О, какъ я вспомню, что болѣе никогда тебя не увижу, никогда, никогда!...

«Боже, какой они подняли крикъ! Какъ мнѣ страшно теперь за тебя! Я только-что встрѣтилъ твоего мужа: мы оба недостойны его, хотя оба безгрѣшны предъ нимъ. Ему все извѣстно; онъ насъ видитъ; онъ понимаетъ все, и прежде все ему было ясно какъ день. Онъ геройски сталъ за тебя; онъ спасетъ тебя; онъ защититъ тебя отъ этихъ пересудовъ и крпковъ; онъ любитъ и уважаетъ тебя безпредѣльно; онъ твой спаситель, тогда какъ я бѣгу!.. Я бросился къ нему, я хотѣлъ цѣловать его руку!.. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ немедленно. Рѣшено! Говорятъ, что онъ поссорился изъ-за тебя съ ними со всѣми; тамъ всѣ противъ тебя! Его упрекаютъ въ потворствѣ и слабости. Боже мой! что тамъ еще говорятъ о тебѣ! Они не знаютъ, они *не могутъ, не въ силахъ понять!* Прости, прости имъ, бѣдная моя, какъ я имъ про-

щаю; а они взяли у меня больше, чѣмъ у тебя!

«Я не помню себя, я не знаю, что пишу тебѣ. О чемъ я говорилъ тебѣ вчера при прощаньи? Я вѣдь все позабылъ. Я былъ внѣ себя, ты плакала... Прости мнѣ эти слезы! Я такъ слабъ, такъ мало-душень!

«Мнѣ еще что-то хотѣлось сказать тебѣ... Охъ! еще бы только разъ облить твои руки слезами, какъ теперь я обливаю слезами письмо мое! Еще бы разъ быть у ногъ твоихъ! Еслибъ они только знали, какъ прекрасно было твое чувство! Но они слѣпы; ихъ сердца горды и надменны; они не видятъ и во вѣкъ не увидятъ того. Имъ нечѣмъ видѣть! Они не повѣрятъ, что ты невинна, даже передъ ихъ судомъ, хотя бы все на землѣ имъ въ томъ поклалося. Имъ ли это понять! Какъ же камень поднимутъ они на тебя? чья первая рука подниметъ его? О, они не смутятся, они поднимутъ тысячи камней! Они осмѣлятся поднять ихъ, за тѣмъ, что знаютъ, какъ это сдѣлать. Они поднимутъ всѣ разомъ и скажутъ, что они сами безгрѣшны, и грѣхъ возьмутъ на себя! О, еслибъ знали они, что дѣлаютъ! Еслибъ только можно было рассказать имъ все, безъ утайки, чтобъ видѣли, слышали, поняли и увѣрились! Но нѣтъ, они не такъ злы... Я теперь въ отчаяннѣйшій, я, можетъ быть, клеветчу на нихъ! Я, можетъ быть, пугаю тебя своимъ страхомъ! Не бойся, не бойся ихъ, родная моя! тебя поймутъ; наконецъ тебя уже понялъ одинъ: надѣйся,—это мужъ твой!

«Прощай, прощай! Я не благодарю тебя! Прощай навсегда!

«С. О.»

Смущеніе мое было такъ велико, что я долгое время не могла понять, что со мной сдѣлалось. Я была потрясена и испугана. Дѣйствительность поразила меня въ распахъ, среди легкой жизни мечтаній, въ которыхъ я провела ужъ три года. Я со страхомъ чувствовала, что въ рукахъ моихъ большая тайна, и что эта тайна ужъ связываетъ все существованіе мое... какъ? я еще и сама не знала того. Я чувствовала, что только съ этой минуты для меня начинается новая будущность. Теперь я невольно стала слишкомъ близкой участницей въ жизни и въ отношеніяхъ тѣхъ людей, которые доселѣ заключали весь міръ, меня окружавшій, и я боялась за себя. Чѣмъ войду я въ ихъ жизнь, я, непростенная, я, чужая имъ? Что принесу я имъ? Чѣмъ разрѣшатся эти путы, которыя такъ внезапно приковали меня къ чужой тайнѣ? Почему знать? можетъ быть, новая роль моя будетъ мучительна и для меня, и для нихъ. Я же не могла молчать, не принять этой роли и безвыходно заключить то, что узнала въ сердцѣ моемъ. Но какъ и что будетъ со мною? что сдѣлаю я? И что такое наконецъ я узнала? Тысячи вопросовъ, еще смутныхъ, еще неясныхъ, вставали предо мною и уже нестерпимо тѣснили мнѣ сердце. Я была какъ потерянная.

Потомъ, помню, приходили другія минуты, съ

новыми, странными, доселѣ неиспытанными мною впечатлѣніями. Я чувствовала, какъ-будто что-то разрѣшилось въ груди моей, что прежняя тоска вдругъ разомъ отпала отъ сердца и что-то новое начало наполнять его, что-то такое, о чемъ я не знала еще, — горевать ли о немъ, или радоваться ему. Настоящее мгновеніе мое похоже было на то, когда человѣкъ покидаетъ навсегда свой домъ, жизнь доселѣ покойную, безмятежную, для далекаго невѣдомаго пути и въ послѣдній разъ оглядывается кругомъ себя, мысленно прощаясь съ своимъ прошлымъ, а между-тѣмъ горько сердцу отъ тоскливаго предчувствія всего неизвѣстнаго будущаго, можетъ-быть, суроваго, враждебнаго, которое ждетъ его на новой дорогѣ. Наконецъ судорожныя рыданія вырвались изъ груди моей и болѣзненнымъ припадкомъ разрѣшили мое сердце. Мнѣ нужно было видѣть, слышать кого-нибудь, обнять крѣпче, крѣпче. Я ужъ не могла, не хотѣла теперь оставаться одна; я бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ и провела съ ней весь вечеръ. Мы были однѣ. Я просила ее не играть и отказалась пѣть, несмотря на просьбы ея. Все мнѣ стало вдругъ тяжело, и ни на чемъ я не могла остановиться. Кажется, мы съ ней плакали. Помню только, что я ее совсѣмъ перепугала. Она уговаривала меня успокоиться, не тревожиться. Она со страхомъ слѣдила за мной, увѣряя меня, что я больна, и что я не берегу себя. Наконецъ я ушла отъ нея, вся измученная, истерзанная; я была словно въ бреду, и легла въ постель въ лихорадкѣ.

Прошло нѣсколько дней, пока я могла придти въ себя и яснѣе осмыслить свое положеніе. Въ это время мы обѣ, я и Александра Михайловна, жили въ полномъ уединеніи. Петра Александровича не было въ Петербургѣ. Онъ поѣхалъ за какими-то дѣлами въ Москву и пробылъ тамъ три недѣли. Несмотря на короткій срокъ разлуки, Александра Михайловна впала въ ужасную тоску. Порой она становилась покойнѣе, но затворялась одна, такъ-что и я была ей въ тягость. Къ-тому же я сама искала уединенія. Голова моя работала въ какомъ-то болѣзненномъ напряженіи; я была какъ въ чадѣ. Порой на меня находили часы долгой, мучительно-безотвязной думы; мнѣ снилось тогда, что кто-то словно смѣется надо мной потихоньку, какъ-будто что-то такое поселилось во мнѣ, что смущаетъ и отравляетъ каждую мысль мою. Я не могла отвязаться отъ мучительныхъ образовъ, являвшихся предо мной поминутно и недавнихъ мнѣ покоя. Мнѣ представлялось долгое, безвыходное страданіе, мученичество, жертва приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мнѣ казалось, что тотъ, кому принесена эта жертва, презираетъ ее и смѣется надъ ней. Мнѣ казалось, что я видѣла преступника, который прощаетъ грѣхи праведнику, и мое сердце разрывалось на части! Въ тоже время мнѣ хотѣлось всѣми силами отвязаться отъ моего подозрѣнія; я проклинала его, я ненавидѣла себя за то, что всѣ мои убѣж-

денія были не убѣжденія, а только предчувствія, за то, что я не могла оправдать своихъ впечатлѣній сама предъ собою.

Потомъ перебирала я въ умѣ эти фразы, эти послѣдніе крики страшнаго прощанія. Я представляла себѣ этого человѣка—*неровню*; я старалась угадать весь мучительный смыслъ этого слова: «*неровня*». Мучительно поражало меня это отчаянное прощанье: «я смѣшонъ, и самъ стыжусь за твой выборъ». Что это было? Какіе это люди? О чемъ они тоскуютъ, о чемъ мучатся, что потеряли они? Преодолевъ себя, я напряженно перечитывала опять это письмо, въ которомъ было столько терзающаго душу отчаянія, но смыслъ котораго былъ такъ страненъ, такъ неразрѣшимъ для меня. Но письмо выпало изъ рукъ моихъ, и мятельное волненіе все болѣе и болѣе охватывало мое сердце... Наконецъ, все это должно же было чѣмъ-нибудь разрѣшиться, а я не видала выхода, или боялась его!

Я была почти совсѣмъ больна, когда, въ одинъ день, на нашемъ дворѣ загремѣлъ экипажъ Петра Александровича, воротившагося изъ Москвы. Александра Михайловна съ радостнымъ крикомъ бросилась на встрѣчу мужа, но я остановилась на мѣстѣ, какъ прикованная. Помню, что я сама была поражена до испуга внезапнымъ волненіемъ своимъ. Я не выдержала и бросилась къ себѣ въ комнату. Я не понимала, чего я такъ вдругъ испугалась, но боялась за этотъ испугъ. Черезъ четверть часа меня позвали и передали мнѣ письмо отъ князя. Въ гостиной я встрѣтила какого-то незнакомаго, который пріѣхалъ съ Петромъ Александровичемъ изъ Москвы и, по нѣкоторымъ словамъ, удержаннымъ мною, я узнала, что онъ располагается у насъ на долгое житіе. Это былъ уполомоченный князь, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какимъ-то важнымъ дѣламъ княжескаго семейства, уже давно находившимся въ завѣдываніи Петра Александровича. Онъ подаль мнѣ письмо отъ князя и прибавилъ, что княжна тоже хотѣла писать ко мнѣ, до послѣдней минуты увѣряла, что письмо будетъ непременно написано, но отпустила его съ пустыми руками и съ просьбою передать мнѣ, что писать ей ко мнѣ рѣшительно нечего, что въ письмѣ ничего не напишешь, что она испортила цѣлыхъ пять листовъ и потомъ изорвала все въ клочки, что, наконецъ, нужно вновь подружиться, чтобъ писать другъ къ другу. Затѣмъ она поручила увѣрить меня въ скоромъ свиданіи съ нею. Незнакомый господинъ отвѣчалъ на нетерпѣливый вопросъ мой, что вѣсть о скоромъ свиданіи дѣйствительно справедлива, и что все семейство очень-скоро собирается прибыть въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи я не знала, какъ быть отъ радости, поскорѣе ушла въ свою комнату, заперлась въ ней и, обливаясь слезами, раскрыла письмо князя. Князь обѣщалъ мнѣ скорое свиданіе съ нимъ и съ Катей, и съ глубокимъ чувствомъ поздравлялъ меня съ моимъ талантомъ; наконецъ

онъ благословлялъ меня на мое будущее и обѣщался устроить его. Я плакала, читая это письмо; но къ сладкимъ слезамъ моимъ примѣшивалась такая невыносимая грусть, что, помню, я за себя пугалась; я сама не знала, что со мной дѣлается.

Прошло нѣсколько дней. Въ комнатѣ, которая была рядомъ съ моею, гдѣ прежде помѣщался письмоводитель Петра Александровича, работалъ теперь каждое утро, и часто по вечерамъ за полночь, новый пріѣзжій. Часто они запирались въ кабинетъ Петра Александровича и работали вмѣстѣ. Однажды послѣ обѣда, Александра Михайловна попросила меня сходить въ кабинетъ мужа и спросить его, будетъ ли онъ съ нами пить чай. Не найдя никого въ кабинетѣ и полагая, что Петръ Александровичъ скоро войдетъ, я остановилась ждать. На стѣнѣ висѣлъ его портретъ. Помню, что я вдругъ вздрогнула, увидѣвъ этотъ портретъ, и съ непонятнымъ мнѣ самой волненіемъ начала пристально его разсматривать. Онъ висѣлъ довольно высоко; къ-тому же было довольно-темно, и я, чтобъ удобнѣе разсматривать, придвинула стулъ и стала на него. Мнѣ хотѣлось что-то сыскать, какъ будто я надѣялась найти разрѣшеніе сомнѣній моихъ, и помню, прежде всего меня поразили глаза портрета. Меня поразило тутъ же, что я почти никогда не видала глазъ этого человѣка: онъ всегда пряталъ ихъ подъ очки.

Я еще въ дѣтствѣ не любила его взгляда, но непонятному, странному предубѣжденію, но какъ-будто это предубѣжденіе теперь оправдалось. Воображеніе мое было настроено. Мнѣ вдругъ показалось, что глаза портрета съ смущеніемъ отворачиваются отъ моего пронзительно-испытующаго взгляда, что они силятся избѣгнуть его, что ложь и обманъ въ этихъ глазахъ; мнѣ показалось, что я угадала, и, не понимаю, какая тайная радость откликнулась во мнѣ на мою догадку. Легкій крикъ вырвался изъ груди моей. Въ это время я услышала сзади меня шорохъ. Я оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ и внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ показалось, что онъ вдругъ покраснѣлъ. Я вспыхнула и соскочила со стула.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ строгимъ голосомъ.—Зачѣмъ вы здѣсь?

Я не знала, что отвѣчать. Немного оправившись, я передала ему кое-какъ приглашеніе Александры Михайловны. Не помню, что онъ отвѣчалъ мнѣ, не помню, какъ я вышла изъ кабинета; но, прійдя къ Александрѣ Михайловнѣ, я совершенно забыла отвѣтъ, котораго она ожидала, и на-угадъ сказала, что будетъ.

— Но что съ тобой, Нѣточка? спросила она:—ты вся раскраснѣлась; посмотри на себя. Что съ тобой?

— Я не знаю... я скоро шла... отвѣчала я.

— Тебѣ что же сказалъ Петръ Александровичъ? перебила она съ смущеніемъ.

Я не отвѣчала. Въ это время послышались шаги Петра Александровича, и я тотчасъ же вышла

изъ компаты. Я ждала цѣлые два часа, въ болѣйшей тоскѣ. Наконецъ пришли звать меня къ Александрѣ Михайловичѣ. Александра Михайловна была молчалива и озабочена. Когда я вошла, она быстро и пылливо посмотрѣла на меня, но тотчасъ же опустила глаза. Миѣ показалось, что какое-то смущеніе отразилось на лицѣ ея. Скоро я замѣтила, что она была въ дурномъ расположеніи духа, говорила мало, на меня не глядѣла совсѣмъ, и въ отвѣтъ на заботливые вопросы Б., жаловалась на головную боль. Петръ Александровичъ былъ разговорчивѣе всегдашняго, но говорилъ только съ Б.

Александра Михайловна разсѣянно подошла къ фортепіано.

— Спойте намъ что-нибудь, сказалъ Б., обращаясь ко мнѣ.

— Дѣ, Аннета, спой твою новую арію, подхватила Александра Михайловна, какъ будто обрадовавшись предлогу.

Я взглянула на нее; она смотрѣла на меня въ безпокойномъ ожиданіи.

Но я не умѣла преодолѣть себя. Въмѣсто-того, чтобъ подойти къ фортепіано и пропѣть хоть какъ-нибудь, я смутилась, запуталась, не знала, какъ отговориться; наконецъ досада одолѣла меня, и я отказалась на-отрѣзъ.

— Отчего же ты не хочешь пѣть? сказала Александра Михайловна, значительно взглянувъ на меня и, въ тоже время мимоходомъ, на мужа.

Эти два взгляда вывели меня изъ терпѣнія. Я встала изъ-за стола въ крайнемъ замѣшательствѣ, но, уже не скрывая его и дрожа отъ какого-то нетерпѣливаго и досаднаго ощущенія, повторила съ горячностью, что не хочу, не могу, нездорова. Говоря это, я глядѣла всѣмъ въ глаза, но Богъ-знаетъ, какъ бы желала быть въ своей комнатѣ въ ту минуту и затаяться отъ всѣхъ.

Б. былъ удивленъ, Александра Михайловна была въ примѣтной тоскѣ и не говорила ни слова. Но Петръ Александровичъ вдругъ всталъ со стула и сказалъ, что онъ забылъ одно дѣло, и, по видимому, въ досадѣ, что упустилъ нужное время, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, предупредивъ, что можетъ-быть, зайдетъ позже, а впрочемъ, на всякій случай пожалъ руку Б., въ знакъ прощанія.

— Чтѣ съ вами, наконецъ, такое? спросилъ Б.: — по лицу вы въ-самомъ-дѣлѣ больны.

— Дѣ, я нездорова, очень-нездорова, отвѣчала я съ нетерпѣніемъ.

— Дѣйствительно, ты блѣдна, а давеча была такая красная, замѣтила Александра Михайловна, и вдругъ остановилась.

— Полноте! сказала я, прямо подходя къ ней и пристально посмотрѣвъ ей въ глаза. Блѣдная не выдержала моего взгляда, опустила глаза, какъ виноватая, и легкая краска облила ея блѣдныя щеки. Я взяла ея руку и поцѣловала ее. Александра Михайловна посмотрѣла на меня съ непритворною, наивною радостію. — Простите меня, что я была

такой злой, такой дурной ребенокъ сегодня, сказала я ей съ чувствомъ:—но, право, я больна. Не сердитесь же и отпустите меня...

— Мы всѣ дѣти, сказала она съ робкой улыбкой: —да и я ребенокъ, хуже, гораздо-хуже тебѣ, прибавила она миѣ на ухо.—Прощай, будь здорова. Только, ради-Бога, не сердись на меня.

— За что? спросила я,—такъ поразило меня такое наивное признаніе.

— За что? повторила она въ ужасномъ смущеніи, даже какъ будто испугавшись за себя:—за что? Ну, видишь, какая я, Нѣточка. Что это я тебѣ сказала? Прощай! Ты умѣе меня... А я хуже, чѣмъ ребенокъ.

— Ну, довольно, отвѣчала я, вся растроганная, не зная, что ей сказать. Поцѣловавъ ее еще разъ, я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Миѣ было ужасно досадно и грустно. Къ тому же я злилась на себя, чувствуя, что я неосторожна и не умѣю вести себя. Миѣ было чего-то стыдно до слезъ, и я заснула въ глубокой тоскѣ. Когда же я проснулась на утро, первою мыслью моею было, что весь вчерашній вечеръ—чистый призракъ, миражъ, что мы только мистифицировали другъ друга, заторопились, дали видъ цѣлаго приключенія пустякамъ, и что все произошло отъ неопытности, отъ непривычки нашей принимать внѣшнія впечатлѣнія. Я чувствовала, что всему виновато это письмо, что оно меня слишкомъ беспокоитъ, что воображеніе мое разстроено, и рѣшила, что лучше я впередъ не буду ни о чемъ думать. Разрѣшивъ такъ необыкновенно легко всю тоску свою и въ полномъ убѣжденіи, что я такъ же легко и исполню, что порѣшила, я стала спокойнѣе и отправилась на урокъ пѣнія совсѣмъ развеселившись. Утренній воздухъ окончательно освѣжилъ мою голову. Я очень любила свои утреннія путешествія къ моему учителю. Такъ весело было проходить городъ, который къ девятому часу уже совсѣмъ оживлялся и заботливо начиналъ обыкновенную жизнь. Мы обыкновенно проходили по самымъ живучимъ, по самымъ кропотливымъ улицамъ, и миѣ такъ нравилась такая обстановка начала моей артистической жизни, контрастъ между этой повседневной мелочью, маленькой, но живой, заботой и искусствомъ, которое ожидало меня въ двухъ шагахъ отъ этой жизни, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома, набитаго сверху до низу жильцами, которымъ, какъ миѣ казалось, ровно нѣтъ никакого дѣла ни до какого искусства. Я между этими дѣловыми, сердитыми прохожими, съ тетрадью нотъ подъ мышкой; старуха Наталья, провожавшая меня и каждый разъ задававшая миѣ, себѣ невѣдомо, разрѣшить задачу: о чемъ она всего болѣе думаетъ? — наконецъ мой учитель, полу-итальянецъ, полу-французъ, чудакъ, минутами настоящій энтузіастъ, гораздо чаще педавалъ и всего больше скряга,—все это равлекало меня, заставляло меня смѣяться или задумываться. Къ тому же я хоть и робко, но съ страстной надеждой лю-

была свое искусство, строила воздушные замки, выкраивала себѣ самое чудесное будущее, и нерѣдко, возвращаясь, была будто въ огнѣ отъ своихъ фантазій. Однимъ словомъ, въ эти часы я была почти счастлива.

Именно такая минута посѣтила меня и въ этотъ разъ, когда я въ десять часовъ воротилась съ урока домой. Я забыла про все и, помню, такъ радостно размышляла о чемъ-то. Но вдругъ, всходя на лѣстницу, я вздрогнула, какъ будто меня обожгли. Надо мной раздался голосъ Петра Александровича, который въ эту минуту сходилъ съ лѣстницы. Неприятное чувство, овладѣвшее мной, было такъ велико, воспоминаніе о вчерашнемъ такъ враждебно поразило меня, что я никакъ не могла скрыть своей тоски. Я слегка поклонилась ему, но, вѣроятно, лицо мое было такъ выразительно въ эту минуту, что онъ остановился передо мной въ удивленіи. Замѣтивъ движеніе его, я покраснѣла и быстро пошла на-верхъ. Онъ пробормоталъ что-то мнѣ вслѣдъ и пошелъ своею дорогою.

Я готова была плакать съ досады и не могла понять, что это такое дѣлалось. Все утро я была сама не своя и не знала на что рѣшиться, чтобъ кончить и раздѣлаться со всѣмъ поскорѣе. Тысячу разъ я давала себѣ слово быть благодарнымъ и тысячу разъ страхъ за себя овладѣвалъ мною. Я чувствовала, что ненавижу мужа Александры Михайловны, и въ то же время была въ отчаяніи за себя. Въ этотъ разъ, отъ безпрерывнаго волненія, я сдѣлалась серьезно нездоровой и уже никакъ не могла совладать съ собою. Мнѣ стало досадно на всѣхъ; я все утро просидѣла у себя и даже не пошла къ Александрѣ Михайловнѣ. Она пришла сама. Взглянувъ на меня, она чуть не вскрикнула. Я была такъ блѣдна, что, посмотрѣвъ въ зеркало, сама себя испугалась. Александра Михайловна сидѣла со мною цѣлый часъ, ухаживая за мной, какъ за ребенкомъ.

Но мнѣ стало такъ грустно отъ ея вниманія, такъ тяжело отъ ея ласокъ, такъ мучительно было сморѣть на нее, что я попросила, наконецъ, оставить меня одну. Она ушла въ большомъ безпокойствѣ за меня. Наконецъ, тоска моя разрѣшилась слезами и припадкомъ. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось легче...

Легче, потому что я рѣшилась идти къ ней. Я рѣшилась броситься передъ ней на колѣни, отдать ей письмо, которое она потеряла, и признаться ей во всемъ: признаться во всѣхъ мученіяхъ, перенесенныхъ мною, во всѣхъ сомнѣніяхъ своихъ, обнять ее со всей безконечною любовью, которая пылала во мнѣ къ ней, къ моей страдальцѣ, сказать ей, что я дитя ея, другъ ея, что мое сердце передъ ней открыто, чтобъ она взглянула на него и увидѣла, сколько въ немъ самаго пламеннаго, самаго непоколебимаго чувства къ ней. Боже мой! Я знала, я чувствовала, что я послѣдняя, передъ которой она могла открыть свое сердце, но тѣмъ вѣрнѣе, казалось мнѣ, было спасеніе, тѣмъ могу-

щественнѣе было бы слово мое... Хотя темно, неясно, но я понимала тоску ея, и сердце мое кипѣло негодованіемъ при мысли, что она можетъ краснѣть передо мною, передъ моимъ судомъ... Бѣдная, бѣдная моя, ты ли та грѣшница? вотъ что скажу я ей, заплакавъ у ногъ ея. Чувство справедливости возмутилось во мнѣ, я была въ изступленіи. Не знаю, что бы я сдѣлала; но уже потомъ только я опомнилась, когда неожиданный случай спасъ меня и ее отъ гибели, остановивъ меня почти на первомъ шагѣ. Ужасъ напалъ на меня. Ея ли замученному сердцу воскреснуть для надежды? Я бы однимъ ударомъ убила ее!

Вотъ что случилось: я уже была за двѣ комнаты до ея кабинета, когда изъ боковыхъ дверей вышелъ Петръ Александровичъ, и, не замѣтивъ меня, пошелъ передо мною. Онъ тоже шелъ къ ней. Я остановилась, какъ вкопанная; онъ былъ послѣдній человѣкъ, котораго я бы должна была встрѣтить въ такую минуту. Я было хотѣла уйти, но любопытство внезапно приковало меня къ мѣсту.

Онъ на минуту остановился передъ зеркаломъ, поправилъ волосы и, къ величайшему изумленію, я вдругъ услышала, что онъ напѣваетъ какую-то пѣсню. Мигомъ одно темное, далекое воспоминаніе дѣтства моего воскресло въ моей памяти. Чтoby понято было то странное ощущеніе, которое я почувствовала въ эту минуту, я расскажу это воспоминаніе. Еще въ первый годъ моего въ этомъ домѣ пребыванія, меня глубоко поразила одиная случай, только теперь озарившій мое сознаніе, потому что только теперь, только въ эту минуту осмыслила я начало своей необъяснимой антипатіи къ этому человѣку! Я упоминала уже, что еще въ то время мнѣ всегда было при немъ тяжело. Я уже говорила, какое тоскливое впечатлѣніе производилъ на меня его нахмуренный, озабоченный видъ, выраженіе лица нерѣдко грустное и убитое: какъ тяжело было мнѣ послѣ тѣхъ часовъ, которые проводили мы вмѣстѣ за чайнымъ столикомъ Александры Михайловны, и, наконецъ, какая мучительная тоска надрывала сердце мое, когда мнѣ приходилось быть раза два, или три, чуть не свидѣтельницами тѣхъ угрюмыхъ, темныхъ сценъ, о которыхъ я уже упоминала въ началѣ. Случилось, что тогда я встрѣтилась съ нимъ, такъ же, какъ и теперь, въ этой же комнатѣ, въ этотъ же часъ, когда онъ, такъ же, какъ и я, шелъ къ Александрѣ Михайловнѣ. Я чувствовала чисто дѣтскую робость, встрѣчаясь съ нимъ одна, и потому притаилась въ углу какъ виноватая, моля судьбу, чтобъ онъ меня не замѣтилъ. Точно такъ же, какъ теперь, онъ остановился передъ зеркаломъ, и я вздрогнула отъ какого-то неопредѣленнаго, недѣтскаго чувства. Мнѣ показалось, что онъ какъ будто передѣлываетъ свое лицо. По крайней мѣрѣ я видѣла ясно улыбку на лицѣ его передъ тѣмъ, какъ онъ подходилъ къ зеркалу; я видѣла смѣхъ, чего прежде никогда отъ него не видѣла, потому что (помню, это всего болѣе поразило меня) онъ никогда не

смѣлся передъ Александрой Михайловной. Вдругъ, едва только онъ успѣлъ взглянуть въ зеркало, лицо его совсѣмъ измѣнилось. Улыбка исчезла какъ по приказу, и на мѣсто ея какое-то горькое чувство, какъ будто невольное, черезъ силу пробивавшееся изъ сердца, чувство, котораго не въ человѣческихъ силахъ было скрыть, несмотря ни на какое великодушное усиліе, искривило его губы, какая-то судорожная боль нагнала морщины на лобъ его и сдавила ему брови. Взглядъ мрачно спрятался подъ очки,—словомъ, онъ въ одинъ мигъ, какъ будто по командѣ, сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Помню, что я, ребенокъ, задрожала отъ страха, отъ боязни понять то, что я видѣла, и съ тѣхъ поръ тяжелое, непріятное впечатлѣніе безвыходно заключилось въ сердцѣ моемъ. Посмотрѣвшись съ минуту въ зеркало, онъ понурилъ голову, сгорбился, какъ обыкновенно являлся передъ Александрой Михайловной, и на ципочкахъ пошелъ въ ея кабинетъ. Вотъ это-то воспоминаніе поразило меня.

И тогда, какъ и теперь, онъ думалъ, что онъ одинъ и остановился передъ этимъ же зеркаломъ. Какъ и тогда, я съ враждебнымъ, непріятнымъ чувствомъ очутилась съ нимъ вмѣстѣ. Но когда я услышала это пѣнье (пѣнье отъ него, отъ котораго такъ невозможно было ожидать чего-нибудь подобнаго), которое поразило меня такой неожиданностью, что я осталась на мѣстѣ какъ прикованная, когда въ ту же минуту сходство напоминало мнѣ почти такое же мгновеніе моего дѣтства,—тогда, не могу передать, какое извѣтельное впечатлѣніе кольнуло мнѣ сердце. Всѣ нервы мои вздрогнули, и въ отвѣтъ на эту несчастную пѣсню я разразилась такимъ смѣхомъ, что бѣдный пѣвецъ вскрикнулъ, отскочилъ два шага отъ зеркала, и, блѣдный какъ смерть, какъ безславный пойманный съ поличнымъ, глядѣлъ на меня въ изступленіи отъ ужаса, отъ удивленія и бѣшенства. Его взглядъ болѣзненно подѣйствовалъ на меня. Я отвѣчала ему нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ прямо въ глаза, прошла смѣясь мимо него и вошла, не переставая хохотать, къ Александрѣ Михайловнѣ. Я знала, что онъ стоитъ за портьерами, что, можетъ-быть, онъ колеблется не зная, войти или нѣтъ, что бѣшенство и трусость приковали его къ мѣсту,—и съ какимъ-то раздраженнымъ, вызывающимъ нетерпѣніемъ я ожидала, на что онъ рѣшится; я готова была побиться объ закладъ, что онъ не войдетъ, и я выиграла. Онъ вошелъ только черезъ полчаса. Александра Михайловна долгое время смотрѣла на меня въ крайнемъ изумленіи. Но тщетно допрашивала она, что со мною? Я не могла отвѣчать, я задыхалась. Наконецъ она поняла, что я въ нервномъ припадкѣ, и съ безпокойствомъ смотрѣла за мною. Отдохнувъ, я взяла ея руки и начала цѣловать ихъ. Только теперь я одумалась и только теперь пришло мнѣ въ голову, что я

бы убила ее, еслибъ не встрѣча съ ея мужемъ. Я смотрѣла на нее, какъ на воскресшую.

Вошелъ Петръ Александровичъ.

Я взглянула на него мелькомъ; онъ смотрѣлъ такъ, какъ-будто между нами ничего не случилось, то-есть, былъ суровъ и угрюмъ по-всегдашнему. Но по блѣдному лицу и слегка-вздрагивавшимъ краймъ губъ его, я догадалась, что онъ едва скрываетъ свое волненіе. Онъ поздоровался съ Александрой Михайловной холодно, и молча сѣлъ на мѣсто. Рука его дрожала, когда онъ бралъ чашку чая. Я ожидала взрыва, и на меня напалъ какой-то безотчетный страхъ. Я уже хотѣла-было уйти, но не рѣшалась оставить Александру Михайловну, которая пзмѣнилась въ лицѣ, глядя на мужа. Она то же предчувствовала что-то недоброе. Наконецъ то, чего я ожидала съ такимъ страхомъ, случилось.

Среди глубокаго молчанія я подняла глаза и встрѣтила очки Петра Александровича, направленные прямо на меня. Это было такъ неожиданно, что я вздрогнула, чуть не вскрикнула, и потупилась. Александра Михайловна замѣтила мое движеніе.

— Что съ вами? Отчего вы покраснѣли? раздался рѣзкій и грубый голосъ Петра Александровича.

Я молчала; сердце мое колотилось такъ, что я не могла вымолвить слова.

— Отчего она покраснѣла? Отчего она все краснѣетъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, нагло указывая ей на меня.

Негодование захватывало мнѣ духъ. Я бросила умоляющій взглядъ на Александру Михайловну. Она поняла меня. Блѣдныя щеки ея вспыхнули.

— Аннета, сказала она мнѣ твердымъ голосомъ, котораго я никакъ не ожидала отъ нея: — поди къ себѣ, я черезъ минуту къ тебѣ приду: мы проведемъ вечеръ вмѣстѣ...

— Я васъ спрашиваю, слышали ли меня, или нѣтъ? прервалъ Петръ Александровичъ, еще болѣе возвышая голосъ и какъ-будто не слыхавъ, что сказала жена. Отчего вы краснѣете, когда встрѣчаетесь со мной? Отвѣчайте!

— Оттого, что вы заставляете ее краснѣть и меня также, отвѣчала Александра Михайловна прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Александру Михайловну. Пылкость ея возраженія съ перваго раза была мнѣ совсѣмъ непонятна.

— Я заставляю васъ краснѣть, я? отвѣчалъ ей Петръ Александровичъ, казалось, тоже внѣ себя отъ изумленія, и сильно ударяя на слово *я*.—За *меня* вы краснѣли? Да развѣ я могу *васъ* заставить краснѣть за *меня*? *Вамъ*, а не *мнѣ* краснѣть, какъ вы думаете?

Эта фраза была такъ понятна для меня, сказана съ такой ожесточенной, извѣтельной насмѣшкой, что я вскрикнула отъ ужаса и бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ. Изумленіе, боль,

укоръ и ужасъ изображались на смертельно-поблѣднѣвшемъ лицѣ ея. Я взглянула на Петра Александровича, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки. Казалось, онъ самъ спохватился; но бѣшенство, вырвавшее у него эту фразу, еще не прошло. Однакожь, замѣтивъ безмолвную мольбу мою, онъ смутился. Мой жестъ говорилъ ясно, что я многое знаю изъ того, что между ними до сихъ поръ было тайной, и что я хорошо поняла слова его.

— Аннета, идите къ себѣ, повторила Александра Михайловна, слабымъ, но твердымъ голосомъ, вставъ со стула:—мнѣ очень нужно говорить съ Петромъ Александровичемъ...

Она была, по видимому, спокойна; но за это спокойствіе я былась больше, чѣмъ за всякое волненіе. Я какъ будто не слыхала словъ ея и оставалась на мѣстѣ, какъ вкопанная. Всѣ силы мои напрягла я, чтобъ прочесть на ея лицѣ, что происходило въ это мгновеніе въ душѣ ея. Мнѣ показалось, что она не поняла ни моего жеста, ни моего восклицанія.

— Вотъ, что вы надѣлали, сударыня! проговорилъ Петръ Александровичъ, взявъ меня за руки и указавъ на жену.

Боже мой! Я никогда не видала такого отчаянія, которое прочла теперь на этомъ убитомъ, помертвѣвшемъ лицѣ. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ комнаты. Я взглянула на нихъ въ послѣдній разъ. Александра Михайловна стояла, облокотясь на каминъ и крѣпко сжавъ обѣими руками голову. Все положеніе ея тѣла изображало нестерпимую муку. Я схватила руку Петра Александровича и горячо жала ее.

— Ради Бога! ради Бога! проговорила я прерывающимся голосомъ:—пощадите!

— Не бойтесь, не бойтесь! сказалъ онъ, какъ-то странно смотря на меня; это ничего, это припадокъ. Ступайте же, ступайте.

Войдя въ свою комнату, я бросилась на диванъ и закрыла руками лицо. Цѣлые три часа пробыла я въ такомъ положеніи, и въ это мгновеніе прожила цѣлый адъ. Наконецъ я не выдержала и послала спросить, можно ли мнѣ придти къ Александрѣ Михайловичу. Съ отвѣтомъ пришла мадамъ Леотаръ. Петръ Александровичъ прислалъ сказать, что припадокъ прошелъ, опасности нѣтъ, но что Александръ Михайловичъ нуженъ покой. Я не легла спать до трехъ часовъ утра и все думала, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Положеніе мое было загадочнѣе, чѣмъ когда нибудь, но я чувствовала себя какъ-то покойнѣе,—можетъ быть потому, что чувствовала себя всѣхъ виновнѣе. Я легла спать, съ нетерпѣніемъ ожидая завтрашняго утра.

Но на другой день я, къ горестному изумленію, замѣтила какую-то необъяснимую холодность въ Александрѣ Михайловичѣ. Сначала мнѣ показалось, что этому чистому, благородному сердцу тяжело быть со мною послѣ вчерашней сцены съ мужемъ, которой я поневолѣ была свидѣтельницей. Я зна-

ла, что это дитя способно покраснѣть передо мною и просить у меня же прощенія за то, что несчастная сцена, можетъ-быть, оскорбила вчера мое сердце. Но вскорѣ я замѣтила въ ней какую-то другую заботу и досаду, проявлявшуюся чрезвычайно неловко: то она отвѣтитъ мнѣ сухо и холодно, то слышится въ словахъ ея какой-то особенный смыслъ; то, наконецъ, она вдругъ сдѣлается со мной очень нѣжна, какъ-будто раскаяваясь въ этой суровости, которой не могло быть въ ея сердцѣ, и ласковыя, тихія слова ея какъ-будто звучатъ какимъ-то укоромъ. Наконецъ я прямо спросила ее, что съ ней, и нѣтъ ли у ней чего мнѣ сказать? На быстрый вопросъ мой она немного смутилась, но тотчасъ же, поднявъ на меня свои большіе, тихіе глаза и смотря на меня съ нѣжной улыбкой, сказала:

— Ничего, Нѣточка; только знаешь-ли что: когда ты меня такъ быстро спросила, я немного смутилась. Это оттого, что ты спросила такъ скоро... увѣряю тебя. Но, слушай,—отвѣчай мнѣ правду, дитя мое: есть что нибудь у тебя на сердцѣ такое, отчего бы ты также смутилась, еслибъ тебя о томъ спросили такъ же быстро и неожиданно?

— Нѣтъ, отвѣчала я, посмотрѣвъ на нее ясными глазами.

— Ну, вотъ и хорошо! Еслибъ ты знала, другъ мой, какъ я тебѣ благодарна за этотъ прекрасный отвѣтъ. Не то, чтобъ я тебя могла подозрѣвать въ чемъ-нибудь дурномъ, — никогда! Я не прощу себѣ и мысли объ этомъ. Но слушай: взяла, я тебя дитятей, а теперь тебѣ семнадцать лѣтъ. Ты видѣла сама: я больная, я сама какъ ребенокъ, за мной еще нужно ухаживать. Я не могла замѣнить тебѣ вполнѣ родную мать, не смотря на то, что любви къ тебѣ слишкомъ достало бы на то въ моемъ сердцѣ. Если жъ теперь меня такъ мучитъ забота, то, разумѣется, не ты виновата, а я. Прости жъ мнѣ и за вопросъ, и за то, что я, можетъ-быть, неволью не исполнила всѣхъ моихъ обѣщаній, которыя дала тебѣ и батюшкѣ, когда взяла тебя изъ его дома. Меня это очень беспокоитъ и часто беспокоило, другъ мой.

Я обняла ее и заплакала.

— О, благодарю, благодарю васъ за все! сказала я, обливая ея руки слезами:—не говорите мнѣ такъ, не разрывайте моего сердца. Вы были мнѣ больше чѣмъ мать; да благословить васъ Богъ за все, что вы сдѣлали оба, вы и князь, мнѣ, бѣдной, оставленной! Бѣдная моя, родная моя!

— Полно, Нѣточка, полно! Обними меня лучше; такъ, крѣпче, крѣпче! Знаешь что? Богъ-знаетъ отчего, мнѣ кажется, что ты въ послѣдній разъ меня обнимаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила я, разрыдавшись какъ ребенокъ,—нѣтъ, этого не будетъ! Вы будете счастливы!... Еще впереди много дней. Вѣрьте, мы будемъ счастливы.

— Спасибо тебѣ, спасибо, что ты такъ любишь меня. Теперь около меня мало людей; меня всѣ оставили!

— Кто же оставили? кто они?

— Прежде были и другія кругомъ меня; ты не знаешь, Нѣточка. Они меня всѣ оставили, всѣ ушли, точно призраки были. А я ихъ такъ ждала, всю жизнь ждала; Богъ съ ними! Смотри, Нѣточка: видишь, какая глубокая осень; скоро пойдетъ снѣгъ: съ первымъ снѣгомъ я и умру,—да; но я и не тужу. Прощайте!

Лицо ея было блѣдно и худо; на каждой щекѣ горѣло злобщее, кровавое пятно; губы ея дрожали и запеклись отъ внутренняго жара.

Она подошла къ фортепiano и взяла нѣсколько аккордовъ; въ это мгновеніе съ трескомъ лопнула струна и заняла въ длинномъ, дребезжащемъ звукѣ...

— Слышишь, Нѣточка, слышишь? сказала она вдругъ какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ, указывая на фортепiano.—Эту струну слишкомъ, слишкомъ пятавули: она не вынесла и умерла. Слышишь, какъ жалобно умираетъ звукъ!

Она говорила съ трудомъ. Глухая, душевная боль отразилась на лицѣ ея, и глаза ея наполнились слезами.

— Ну, полно объ этомъ, Нѣточка, другъ мой; довольно; приведи дѣтей.

— Я привела ихъ. Она какъ будто отдохнула, на нихъ глядя, и черезъ часъ отпустила ихъ.

— Когда я умру, ты не оставишь ихъ, Аннета? Да? сказала она мнѣ шопотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ ктонибудь не подслушалъ.

— Полноте, вы убьете меня! могла только я проговорить ей въ отвѣтъ.

Я вѣдь шутила, сказала она, помолчавъ и улынувшись. А ты и повѣрила? Я вѣдь иногда Богъ знаетъ, что говорю. Я теперь какъ дитя; мнѣ нужно все прощать.

Тутъ она робко посмотрѣла на меня, какъ будто боясь что-то выговорить. Я ожидала.

— Смотри, не пугай его, проговорила она наконецъ, потупивъ глаза, съ легкой краской въ лицѣ, и такъ тихо, что я едва разслышала.

— Кого? спросила я съ удивленіемъ.

— Мужа. Ты, пожалуй, расскажешь ему все потихоньку.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ? повторяла я, все болѣе и болѣе въ удивленіи.

— Ну, можетъ быть, и не расскажешь, какъ знать! отвѣчала она, стараясь какъ можно хитрѣе взглянуть не меня, хотя все та же простодушная улыбка блестѣла на губахъ ея, и краска все болѣе и болѣе вступала ей въ лицо.— Полно объ этомъ; я вѣдь все шучу.

Сердце мое сжималось все больнѣе и больнѣе.

— Только послушай, ты ихъ будешь любить, когда я умру,—да? Прибавила она серьезно и опять какъ будто съ таинственнымъ видомъ:—такъ, какъ бы родныхъ дѣтей своихъ любила,—да? Припомни: я тебя всегда за родную считала и отъ своихъ не рознила.

— Да, да, отвѣчала я, не зная, что говорю и задыхаясь отъ слезъ и смущенія.

Горячій поцѣлуй зажегся на рукѣ моей, прежде чѣмъ я успѣла отнять ее. Изумленіе сковало мнѣ языкъ.

«Что съ ней? что она думаетъ? что вчера у нихъ было такое?» пронеслось въ моей головѣ.

Черезъ минуту она стала жаловаться на усталость.

— Я уже давно больна, только не хотѣла пугать васъ обоихъ, сказала она:—Вѣдь вы меня оба любите,—да?.. До свиданія, Нѣточка; оставь меня, а только вечеромъ приди ко мнѣ непременно. Придешь?

Я дала слово; но рада была уйти. Я не могла болѣе вынести.

Бѣдная, бѣдная! Какое подозрѣніе провожаетъ тебя въ могилу? восклицала я, рыдая: какое новое горе явить и точить твое сердце, и о которомъ ты едва смѣешь вымолвить слово? Боже мой! Это долгое страданіе, которое я уже узнала теперь все нанзустъ, эта жизнь безъ просвѣта, эта любовь робкая, ничего не требующая, и даже теперь, теперь, почти на смертномъ одрѣ своемъ, когда сердце рвется пополамъ отъ боли, она, какъ преступная, боится малѣйшаго ропота, жалобы,—и вообразивъ, выдумавъ новое горе, она уже покорилась ему, помирилась съ нимъ!..

Вечеромъ, въ сумерки, я, воспользовавшись отсутствіемъ Оврова (пріѣзжаго изъ Москвы), прошла въ бібліотеку, отверла шкафъ и начала рыться въ книгахъ, чтобъ выбрать какуюнибудь, для чтенія вслухъ Александрѣ Михайловнѣ. Мнѣ хотѣлось отвлечь ее отъ черныхъ мыслей и выбрать чтонибудь веселое, легкое... Я разбирала долго и разсѣянно. Сумерки сгустились; а выѣстъ съ ними росла и тоска моя. Въ рукахъ моихъ очутилась опять эта книга, развернутая на той же страницѣ, на которой и теперь я увидала слѣды письма, съ тѣхъ поръ несходившаго съ груди моей,—тайны, съ которой какъ будто переломилось и вновь началось мое существованіе, и повѣяло на меня такъ много холоднаго, неизвѣстнаго, таинственнаго, непривѣтливаго, уже и теперь издали такъ сурово грозившаго мнѣ... Что съ нами будетъ, думала я; уголь, въ которомъ мнѣ было такъ тепло, такъ привольно,—пустѣть. Чистый, свѣтлый духъ, охранявшій юность мою, оставляетъ меня. Что впереди? Я стояла въ какомъ-то забытій надъ своимъ прошедшимъ, такъ теперь милымъ сердцу, какъ будто силась прозрѣть впередъ, въ неизвѣстное, грозившее мнѣ... Я припоминаю эту минуту, какъ будто теперь вновь переживаю ее: такъ сильно врѣзалась она въ моей памяти.

Я держала въ рукахъ письмо и развернутую книгу; лицо мое было омочено слезами. Вдругъ я вздрогнула отъ испуга: надо мной раздался знакомый мнѣ голосъ. Въ то же время я почувствовала, что письмо вырвали изъ рукъ моихъ. Я вскрикнула и оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Алек-

сандровичъ. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко удерживалъ на мѣстѣ; правой рукой подносилъ онъ къ свѣту письмо и силился разобрать первыя строки... Я закричала; я скорѣй готова была умереть, чѣмъ оставить это письмо въ рукахъ его. По торжествующей улыбкѣ я видѣла, что ему удалось разобрать первыя строки. Я теряла голову...

Мгновеніе спустя, я бросилась къ нему, почти не помня себя, и вырвала письмо изъ рукъ его. Все это случилось такъ скоро, что я еще сама не понимала, какимъ образомъ письмо очутилось у меня опятъ. Но, замѣтивъ, что онъ снова хочетъ вырвать его изъ рукъ моихъ, я поспѣшно спрятала письмо на груди и отступила на три шага.

Мы съ полминуты смотрѣли другъ на друга молча. Я еще содрогалась отъ испуга; онъ—блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми отъ гнѣва губами, первый прервалъ молчаніе.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ отъ волненія голосомъ:—вы вѣрно не хотите, чтобъ я употребилъ силу; отдайте же мнѣ письмо добровольно.

Только теперь я одумалась, и оскорбленіе, стыдъ, негодованіе противъ грубаго насилія захватили мнѣ духъ. Горячія слезы потекли по разгорѣвшимся щекамъ моимъ. Я вся дрожала отъ волненія и лѣккоторое время была не въ силахъ вымолвить слова.

— Вы слышали? сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ на два шага...

— Оставьте меня, оставьте! закричала я, отодвигаясь отъ него:—вы поступили вѣзко, неблагородно. Вы забылись!.. Пропустите меня!..

— Какъ? что это значитъ? И вы еще смѣете принимать такой тонъ... послѣ того, что вы... Отдайте, говорю вамъ!

Онъ еще разъ шагнулъ ко мнѣ, но, взглянувъ на меня, увидѣвъ въ глазахъ моихъ столько рѣшимости, что остановился, какъ будто въ раздумьѣ.

— Хорошо! сказалъ онъ наконецъ сухо, какъ будто остановившись на одпомъ рѣшенія, но все еще черезъ силу подавляя себя.—Это своимъ чередомъ, а сперва...

Тутъ онъ осмотрѣлся кругомъ.

— Вы... кто васъ пустилъ въ библіотеку? почему этотъ шкафъ отворенъ? гдѣ взяли ключъ?

— Я не буду вамъ отвѣчать, сказала я:—я не могу съ вами говорить. Пустите меня, пустите!

Я пошла къ дверямъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, остановивъ меня за руку:—вы такъ не уйдете!

Я молча вырвала у него свою руку и снова сдѣлала движеніе къ дверямъ.

— Хорошо же. Но я не могу вамъ позволить, въ самомъ дѣлѣ, получать письма отъ вашихъ любовниковъ, въ моемъ домѣ...

Я вскрикнула отъ испуга и взглянула на него какъ потерянная...

— И потому...

— Остановитесь! закричала я. — Какъ вы мо-

жете? какъ вы могли мнѣ сказать?.. Боже мой! Боже мой!..

— Что? что! вы еще угрожаете мнѣ?

Но я смотрѣла на него блѣдная, убитая отчаяніемъ. Сцена между нами дошла до послѣдней степени ожесточенія, котораго я не могла понять. Я молила его взглядомъ непродолжать далѣе. Я готова была простить за оскорбленіе, съ тѣмъ, чтобъ онъ остановился. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и видимо колебался.

— Не доводите меня до крайности, прошептала я въ ужасѣ.

— Нѣтъ-съ, это нужно кончить! сказалъ онъ наконецъ, какъ будто одумавшись. — Признаюсь вамъ, я было колебался отъ этого взгляда, прибавилъ онъ съ странной улыбкой. — Но, къ несчастью, дѣло само за себя говоритъ. Я успѣлъ прочесть начало письма. Это письмо любовное. Вы меня не разувѣрите! нѣтъ, выкиньте это изъ головы! И если я усомнился на минуту, то это доказываетъ только, что ко всѣмъ вашимъ прекраснымъ качествамъ я долженъ присоединить способность отлично лгать, а потому повторяю...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его лицо все болѣе и болѣе искажалось отъ злобы. Онъ блѣднѣлъ; губы его кривились и дрожали, такъ что онъ, наконецъ, съ трудомъ произнесъ послѣднія слова. Становилось темно. Я стояла безъ защиты, одна, передъ человѣкомъ, который въ состояніи оскорблять женщину. Наконецъ всѣ видимости были противъ меня; я терзалась отъ стыда, терялась, не могла понять злобы этого человѣка. Не отвѣчая ему, вѣвъ себя отъ ужаса, я бросилась вонъ изъ комнаты, и очнувшись ужъ стоя при вхождѣ въ кабинетъ Александры Михайловны. Въ это мгновеніе послышались и его шаги; я уже хотѣла войти въ комнату, какъ вдругъ остановилась, какъ бы пораженная громомъ.

— Что съ нею будетъ? мелькнуло въ моей головѣ. — Это письмо!.. Нѣтъ, лучше все на свѣтѣ, чѣмъ этотъ послѣдній ударъ въ ея сердце,— и я бросилась назадъ. Но ужъ было поздно: онъ стоялъ подлѣ меня.

— Куда хотите, пойдемте,—только не здѣсь, не здѣсь! шепнула я, схвативъ его руку.—Пощадите ее! Я приду опятъ въ библіотеку, или... куда хотите! Вы убьете ее!

— Это вы убьете ее! отвѣчалъ онъ, отстраняя меня.

Всѣ надежды мои исчезли. Я чувствовала, что ему именно хотѣлось перенести всю сцену къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Ради Бога! говорила я, удерживая его всѣми силами. Но въ это мгновеніе поднялась портьера, и Александра Михайловна очутилась передъ нами. Она смотрѣла на насъ въ удивленіи. Лицо ея было блѣднѣе всегдашняго. Она съ трудомъ держалась на ногахъ. Видно было, что ей большихъ успѣй стоило дойти до насъ, когда она слышала наши голоса.

— Кто здѣсь? о чемъ вы здѣсь говорили? спросила она, смотря на насъ въ крайнемъ изумленіи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе, и она поблѣднѣла какъ полотно. Я бросилась къ ней, крѣпко обняла ее и увлекла назадъ въ кабинетъ. Петръ Александровичъ вошелъ вслѣдъ за мною. Я спрятала лицо свое на груди ея, и все крѣпче, крѣпче обнимала ее, замирая отъ ожиданія.

— Что съ тобою, что съ вами? спросила въ другой разъ Александра Михайловна.

— Спросите ее. Вы еще вчера такъ ее защищали, сказалъ Петръ Александровичъ, тяжело опускаясь въ кресла.

Я все крѣпче и крѣпче сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

— Но, Боже мой, чтожь это такое? проговорила Александра Михайловна въ страшномъ испугѣ. — Вы такъ раздражены, она испугана, въ слезахъ. Аннета, говори мнѣ все, что было между вами.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сперва, сказалъ Петръ Александровичъ, подходя къ вамъ, взявъ меня за руку и оттащивъ отъ Александры Михайловны. — Стойте тутъ, сказалъ онъ, указавъ на средину комнаты. — Я васъ хочу судить передъ той, которая замѣнила вамъ мать. А вы успокойтесь, сидьте, прибавилъ онъ, усаживая Александру Михайловну на кресла. Мнѣ горько, что я не могъ васъ избавить отъ этого непріятнаго объясненія; но оно необходимо.

— Боже мой! чтожь это будетъ? проговорила Александра Михайловна, въ глубокой тоскѣ перенося свой взглядъ поочередно на меня и на мужа. Я ломала руки, предчувствуя роковую минуту. Отъ него я ужъ не ожидала пощады.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Петръ Александровичъ: — я хотѣлъ, чтобъ вы разсудили вмѣстѣ со мною. Вы всегда (и не понимаю отчего, это одна изъ вашихъ фантазій), вы всегда — еще вчера, напримѣръ, думали, говорили... но не знаю какъ сказать; я краснѣю отъ предположеній... Однимъ словомъ, вы защищали ее, вы нападали на меня, вы уличали меня въ *неумѣстной* строгости; вы намекали еще на какое-то *другое чувство*, будто бы вызывающее меня на эту *неумѣстную* строгость; вы... но я не понимаю, отчего я не могу подавить своего смущенія, эту краску въ лицѣ при мысли о вашихъ предположеніяхъ; отчего я не могу сказать о нихъ гласно, открыто, при ней... Однимъ словомъ, вы...

— О, вы этого не сдѣлаете! нѣтъ, вы не скажете этого! вскрикнула Александра Михайловна, вся въ волненіи, сгорѣвъ отъ стыда: — нѣтъ, вы пощадите ее. Это я, я все выдумала! Во мнѣ нѣтъ теперь никакихъ подозрѣній. Простите меня за нихъ, простите. Я больна, мнѣ нужно простить, но только не говорите ей, нѣтъ... Аннета, сказала она подходя ко мнѣ: — Аннета, уйди отсюда, скорѣе, скорѣе! Онъ шутитъ; это я всему виновата; это неумѣстная шутка...

— Однимъ словомъ, вы ревновали меня къ ней, сказалъ Петръ Александровичъ, безъ жалости бросивъ эти слова въ отвѣтъ ея тоскливому ожиданію. Она вскрикнула, поблѣднѣла и оперлась на кресло, едва удерживаясь на ногахъ.

— Богъ вамъ проститъ! проговорила она наконецъ слабымъ голосомъ. — Прости меня за него, Нѣточка, прости; я была всему виновата. Я была больна, я...

— Но это тиранство, безстыдство, низость! закричала я въ изступленіи, понявъ наконецъ все, понявъ, зачѣмъ ему хотѣлось осудить меня въ глазахъ жены. — Это достойно презрѣнія; вы..

— Аннета! закричала Александра Михайловна, въ ужасѣ схвативъ меня за руки.

— Комедія! комедія и больше ничего! проговорилъ Петръ Александровичъ, подступая къ намъ въ неизобразимомъ волненіи. — Комедія, говорю я вамъ, продолжалъ онъ, пристально и съ злобщей улыбкой смотря на жену: — и обманутая во всей этой комедіи одна — вы. Повѣрьте, что мы, произнесъ онъ, задыхаясь и указывая на меня: — не боимся такихъ объясненій; повѣрьте, что мы ужъ не такъ цѣломудренны, чтобъ оскорбляться, краснѣть и затыкать уши, когда намъ заговорятъ о подобныхъ дѣлахъ. Извините, я выражаюсь просто, прямо, грубо, можетъ быть, но — такъ должно. Увѣрены ли вы, сударыня, въ порядочномъ поведеніи этой... дѣвицы?

— Боже! что съ вами? Вы забылись! проговорила Александра Михайловна, остоленѣвъ, помертвѣвъ отъ испуга.

— Пожалуйста, безъ громкихъ словъ! презрительно перебилъ Петръ Александровичъ: — я не люблю этого. Здѣсь дѣло простое, прямое, пошлое до послѣдней пошлости. Я васъ спрашиваю о ея поведеніи; знаете ли вы...

Но я не дала ему договорить и, схвативъ его за руки, съ силою оттащила въ сторону. Еще минута — и все могло быть потеряно.

— Не говорите о письмѣ! сказала я быстро, шопотомъ: — вы убьете ее на мѣстѣ. Упрекъ мнѣ будетъ упрekomъ ей въ тоже время. Она не можетъ судить меня, потому что я все знаю... понимаете, я *все* знаю!

Онъ пристально, съ дикимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня, — и смѣшался; кровь выступила ему на лицо.

— Я *все* знаю, *все!* повторяла я.

Онъ еще колебался. На губахъ его шевелился вопросъ. Я предупредила:

— Вотъ что было, сказала я вслухъ, на-скоро, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, которая глядѣла на насъ въ робкомъ, тоскливомъ изумленіи. Я виновата во всемъ. Ужъ четыре года тому, какъ я васъ обманывала. Я унесла ключъ отъ библіотеки и ужъ четыре года потихоньку читаю книги. Петръ Александровичъ засталъ меня надъ такой книгой, которая... не могла, не должна была быть въ рукахъ моихъ. Испугавшись за меня, онъ

преувеличилъ опасность въ глазахъ вашихъ!.. Но я не оправдываюсь (посмѣиваясь я, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на губахъ его): — я во всемъ виновата. Сблaзнь былъ сильнѣе меня, и, согрѣшивъ разъ, я ужъ стыдилась признаться въ своемъ проступкѣ... Вотъ все, почти все, что было между нами...

— О-го, какъ бойко! прошепталъ подлѣ меня Петръ Александровичъ.

Александра Михайловна выслушала меня съ глубокимъ вниманіемъ; но въ лицѣ ея видимо отражалась недовѣрчивость. Она попеременно взглядывала то на меня, то на мужа. Наступило молчаніе. Я едва переводила духъ. Она опустила голову на грудь и закрыла рукою глаза, соображая что-то и очевидно извѣшивая каждое слово, которое я произнесла. Наконецъ она подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Нѣточка, дитя мое, я знаю, ты не умѣешь лгать, проговорила она.—Это все, что случилось, рѣшительно все?

— Все, отвѣчала я.

— Все ли? спросила она, обращаясь къ мужу.

— Да, все, отвѣчалъ онъ съ усиленіемъ:— все!

Я отдохнула.

— Ты дася мнѣ слово, Нѣточка?

— Да, отвѣчала я незапнаясь.

Но я не утерпѣла и взглянула на Петра Александровича. Онъ смѣялся, выслушавъ, какъ я дала слово. Я вспыхнула, и мое смущеніе не укрылось отъ бѣдной Александры Михайловны. Подавляющая, мучительная тоска отразилась на лицѣ ея.

— Довольно, сказала она грустно. Я вамъ вѣрю. Я не могу вамъ не вѣрить.

— Я думаю, что такого признанія достаточно, проговорилъ Петръ Александровичъ. Вы слышали? Что прикажете думать?

Александра Михайловна не отвѣчала. Сцена становилась все тягостнѣе и тягостнѣе.

— Я завтра же пересмотрю всѣ книги, продолжалъ Петръ Александровичъ. Я не знаю, что тамъ еще было; но...

— А какую книгу читала она? спросила Александра Михайловна.

— Книгу? Отвѣчайте вы, сказалъ онъ обращаясь ко мнѣ.—Вы умѣете лучше меня *объяснять дѣло*, прибавилъ онъ съ затаенной насмѣшкой.

Я смутилась и не могла выговорить ни слова. Александра Михайловна покраснѣла и опустила глаза. Наступила долгая пауза. Петръ Александровичъ въ досадѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не знаю, что между вами было, начала наконецъ Александра Михайловна, робко выговаривая каждое слово: — но, если *это только* было, продолжала она, сплываясь дать особенный смыслъ словамъ своимъ, уже смутившаяся отъ неподвижнаго взгляда своего мужа, хотя она и старалась не глядѣть на него:—если *только это* было, то я не знаю, изъ-за чего намъ всѣмъ горевать и такъ

отчаяваться. Виноватѣе всѣхъ я, я одна, и это меня очень мучить. Я пренебрегла ея воспитаніемъ, я и должна отвѣчать за все. Она должна простить мнѣ, и я ее осудить не могу и не смѣю. Но, опять, изъ-за чего жъ намъ отчаяваться? Опасность прошла. Взгляните на нее, сказала она, одушевляясь все болѣе и болѣе и бросая пылливый взглядъ на своего мужа:—взгляните на нее: неужели ея неосторожный поступокъ оставилъ хоть какія нибудь послѣдствія? Неужели я не знаю ея, дитяти моего, моей дочери милой? Неужели я не знаю, что ея сердце чисто и благородно, что въ этой хорошенькой головкѣ, продолжала она, лаская меня и привлекая къ себѣ:—умъ ясенъ и свѣтелъ, а совесть боится обмана... Полноте, мои милые! Перестанемъ! Вѣрно другое что нибудь затаилось въ нашей тоскѣ; можетъ быть, на насъ только мимоходомъ легла враждебная тѣнь. Но мы разгонимъ ее любовью, добрымъ согласіемъ и разсѣмъ недоумѣніе наше. Можетъ быть, много недоговорено между нами, и я винюсь первая. Я первая таилась отъ васъ, у меня у первой родился Богъ знаетъ какія подозрѣнія, въ которыхъ виновата большая голова моя. Но... но, если ужъ мы отчасти и высказались, то вы должны оба простить меня, потому... потому, наконецъ, что нѣтъ большаго грѣха въ томъ, что я подозрѣвала...

Сказавъ это, она робко и краснѣя взглянула на мужа и съ тоскою ожидала словъ его. По мѣрѣ того, какъ онъ ее слушалъ, насмѣшливая улыбка показывалась на его губахъ. Онъ пересталъ ходить и остановился прямо передъ нею, загнувъ назадъ руки. Онъ, казалось, разсматривалъ ея смущеніе, наблюдалъ его, любовался имъ; чувствуя надъ собой его пристальный взглядъ, она смѣшалась. Онъ переждалъ мгновеніе, какъ будто ожидая чего нибудь дальѣе. Смущеніе ея удвоилось. Наконецъ онъ прервалъ тягостную сцену тихимъ, долгимъ, язвительнымъ смѣхомъ:

— Мнѣ жаль васъ, бѣдная женщина! сказалъ онъ наконецъ горько и серьезно, переставъ смѣяться.—Вы взяли на себя роль, которая вамъ не по силамъ. Чего вамъ хотѣлось? Вамъ хотѣлось поднять меня на отвѣтъ, поджечь меня новыми подозрѣніями, или, лучше сказать, старымъ подозрѣніемъ, которое вы плохо скрыли въ словахъ вашихъ? Смыслъ вашихъ словъ, что сердиться на нее нечего, что она хороша и послѣдствія безнравственныхъ книгъ, мораль которыхъ — говорю отъ себя—кажется, уже принесла кой-какіе успѣхи, что вы, наконецъ, за нее отвѣчаете сами; такъ ли? Ну-съ, объяснивъ это, вы намекаете на что-то другое; вамъ кажется, что подозрительность и гоненія мои выходятъ изъ какого-то другаго чувства. Вы даже намекали мнѣ вчера — пожалуйста, не останавливайте меня, я люблю говорить прямо—вы даже намекали вчера, что у нѣкоторыхъ людей (помню, что, по вашему замѣчанію, эти люди всего чаще бываютъ степенные, суровые, прямые, умные, сильные, и Богъ знаетъ

какихъ вы еще не давали опредѣленій въ припадкѣ великодушія!), что у нѣкоторыхъ людей, повторяю, любовь (и Богъ знаетъ почему вы это выдумали!) и проявляться не можетъ иначе, какъ сурово, горячо, круто, часто подозрѣніями, гонѣніями. Я ужъ не помню хорошо, такъ ли именно вы говорили вчера... Пожалуйста, не останавливайте меня; я знаю хорошо вашу воспитанницу; ей все можно слышать, все, повторяю вамъ въ сотый разъ, — все. Вы обмануты. Но не знаю, отчего вамъ угодно такъ настаивать на томъ, что я-то именно и есть такой человѣкъ! Богъ знаетъ зачѣмъ вамъ хочется нарядить меня въ этотъ шутовской кафтанъ. Не въ лѣтахъ моихъ любовь къ этой дѣвицѣ; да наконецъ, повѣрьте мнѣ, сударыня, я знаю свои обязанности, и какъ бы великодушно вы ни извиняли меня, я буду говорить прежне, что *преступленіе всегда останется преступленіемъ, что грѣхъ всегда будетъ грѣхомъ, постыднымъ, нусымъ, неблагороднымъ, на какую бы степень всмичія вы ни вознеси порочное чувство!* Но, довольно! довольно! и чтобъ я не слышалъ болѣе объ этихъ гадостяхъ.

Александра Михайловна плакала.

— Ну, пусть я несю это, пусть это мнѣ! проговорила она наконецъ рыдая и обнимая меня: — пусть постыдны были мои подозрѣнія, пусть вы насмѣялись такъ сурово надъ ними! Но ты, моя бѣдная, за что ты осуждена слушать такіа оскорбленія? И я не могу защититъ тебя! Я безгласна! Боже мой! я не могу молчать, сударь! Я не вынесу... Ваше поведеніе безумно!..

— Полноте, полноте! шептала я, стараясь утишить ея волненіе, боясь, чтобъ жестокіе укоры не вывели его изъ терпѣнія. Я все еще трепетала отъ страха за нее.

— Но, слѣпая женщина! закричалъ онъ: — по вы не знаете, вы не видите...

Онъ остановился на минуту.

— Прочь отъ нее! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вырывая мою руку изъ рукъ Александры Михайловны. — Я вамъ не позволю прикасаться къ женѣ моей; вы мараєте ее; вы оскорбляете ее своимъ присутствіемъ! Но... но, что же заставляетъ меня молчать, когда нужно, когда необходимо говорить? закричалъ онъ, топнувъ ногою. — И я скажу, я все скажу. Я не знаю, что вы тамъ знаете, сударыня, и чѣмъ вы хотѣли пригрозить мнѣ, да и знать не хочу. Слушайте! продолжалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ: — слушайте же.

— Молчите! закричала я, бросаясь впередъ: — молчите, ни слова!

— Слушайте...

— Молчите во имя...

— Во имя чего, сударыня? перебилъ онъ, быстро и пронзительно взглянувъ мнѣ въ глаза: — во имя чего? Знайте же, я вырвалъ изъ рукъ ея письмо отъ любовника! Вотъ, что дѣлается въ на-

шемъ домѣ! вотъ что дѣлается подлѣ васъ! вотъ чего вы не видали, не замѣтили!

Я едва устояла на мѣстѣ. Александра Михайловна поблѣднѣла какъ смерть.

— Этого быть не можетъ, прошептала она едва слышнымъ голосомъ.

— Я видѣлъ это письмо, сударыня; оно было въ рукахъ моихъ; я прочелъ первыя строки и не ошибся: письмо было отъ любовника. Она вырвала его у меня изъ рукъ. Оно теперь у нея, — это ясно, это такъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; а если вы еще сомнѣваетесь, то взгляните на нее и попробуйте потомъ надѣяться хоть на тѣнь сомнѣнія.

— Нѣточка! закричала Александра Михайловна, бросаясь ко мнѣ: по нѣтъ, не говори, не говори! Я не знаю, что это было, какъ это было... Боже мой, Боже мой!

И она зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Но нѣтъ! этого быть не можетъ! закричала она опять. — Вы ошиблись. Это... это я знаю, что значить! проговорила она, пристально смотря на мужа: — вы... я... не могла, ты меня не обманешь, ты меня не можешь обманывать! Разскажи мнѣ все, все безъ утайки; онъ ошибся? да, не правда ли, онъ ошибся? Онъ видѣлъ другое, онъ ослѣпленъ? да, не правда ли? не правда ли? Послушай: отчего же мнѣ не сказать всего, Аннета, дитя мое, родное дитя мое?

— Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе! послышался надо мною голосъ Петра Александровича. — Отвѣчайте: видѣлъ, или нѣтъ я письмо въ рукахъ вашихъ?...

— Да! отвѣчала я, задыхаясь отъ волненія.

— Это письмо отъ вашего любовника?

— Да! отвѣчала я.

— Съ которыми вы и теперь имѣете связи?

— Да, да, да! говорила я уже не помня себя, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, чтобъ добиться конца нашей мукѣ.

— Вы слышали ее. Ну, что вы теперь скажете? Повѣрьте, доброе, слишкомъ довѣрчивое сердце, прибавилъ онъ, взявъ руку жены: — повѣрьте мнѣ и разувѣритесь во всемъ, что породило больное воображеніе ваше. Вы видите теперь, кто такая эта... дѣвица. Я хотѣлъ только поставить невозможность рядомъ съ подозрѣніями вашими. Я давно все это замѣтилъ и радъ, что, наконецъ, изобличилъ ее предъ вами. Мнѣ было тяжело видѣть ее подлѣ васъ, въ вашихъ объятіяхъ, за однимъ столомъ вмѣстѣ съ вами, въ домѣ моемъ, наконецъ. Меня возмущала слѣпота ваша. Вотъ почему, и только поэтому, я обращалъ на нее вниманіе, слѣдилъ за нею; это-то вниманіе бросилось вамъ въ глаза, и, взявъ Богъ знаетъ какое подозрѣніе за исходную точку, вы Богъ знаетъ что заплели по этой канвѣ. Но теперь положеніе разрѣшено, конечно всякое сомнѣніе, и завтра же, сударыня, завтра же вы не будете въ домѣ моемъ! кончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Остановитесь! сказала Александра Михай-

ловна, приподымаясь со стула. — Я не вѣрю всей этой сценѣ. Не смотрите на меня такъ страшно, не смѣйтесь надо мной. Я васъ же и призову на судъ моего мнѣнія. Аннета, дитя мое, подойди ко мнѣ, дай твою руку, такъ. Мы всѣ грѣшны! сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ и со смиреніемъ взглянула на мужа: — и кто изъ насъ можетъ отвергнуть хоть чью либо руку? Дай же мнѣ свою руку, Аннета, милое дитя мое; я не достоинѣе, не лучше тебя; ты не можешь оскорблять меня своимъ присутствіемъ, потому что я тоже, *тоже грѣшница*.

— Сударыня! закричалъ Петръ Александровичъ въ изумленіи: — сударыня! удержитесь! не забывайте!...

— Я ничего не забываю. Не прерывайте же меня и дайте мнѣ досказать. Вы видѣли въ ея рукахъ письмо; вы даже читали его; вы говорите, и она... призналась, что это письмо отъ того, кого она любитъ. Но развѣ это доказываетъ, что она преступна? развѣ это позволяетъ вамъ такъ обходиться съ нею, такъ обижать ее въ глазахъ жены вашей? Да, сударь, въ глазахъ жены вашей? Развѣ вы разсудили это дѣло? Развѣ вы знаете, какъ это было?

— Но мнѣ остается бѣжать, прощенія просить у нея. Этого ли вы хотѣли? закричалъ Петръ Александровичъ: — я потерялъ терпѣніе, васъ слушаю! Вы вспомните, о чемъ вы говорите! Знаете ли вы, о чемъ вы говорите? Знаете ли, что и *кого* вы защищаете? Но вѣдь я все насквозь вижу...

— И самого первого дѣла не видите, потому что гнѣвъ и гордость мѣшаютъ вамъ видѣть. Вы не видите того, что я защищаю и о чемъ хочу говорить. Я не порокъ защищаю. Но разсудили ли вы—а вы ясно увидите, коли разсудите—разсудили ли вы, что, можетъ быть—она, какъ ребенокъ, невинна! Да, я не защищаю порока! Я спѣшу оговориться, если это вамъ будетъ очень приятно. Да; еслибъ она была супруга, мать и забыла свои обязанности, с, тогда бы я согласилась съ вами... Видите, я оговорила. Замѣьте же это и не корите меня! Но если она получила это письмо, не вѣдая зла? Если она увлекалась неопытнымъ чувствомъ, и некому было удержать ее? если я первая виноватѣе всѣхъ, потому что не услѣдила за сердцемъ ея? если это письмо первое? если вы оскорбили вашими грубыми подозрѣніями ея дѣвственное, благоуханное чувство? если вы загрязнили ея воображеніе своими циническими толками объ этомъ письмѣ? если вы не видали этого цѣломудреннаго, дѣвственнаго стыда, который сіяетъ на лицѣ ея, чистый, какъ невинность, который я вижу теперь, который я видѣла, когда она, потерянная, измученная, не зная, что говорить и разрываясь отъ тоски, отвѣчала признаніемъ на всѣ ваши безчеловѣчные вопросы? Да, да! это безчеловѣчно, это жестоко; я не узнаю васъ; я вамъ не прощу этого никогда, никогда!

— Да пощадите, пощадите меня! закричала я,

сжимая ее въ объятіяхъ. — Пощадите, вѣрьте, не отталкивайте меня...

Я упала передъ нею на колѣни.

— Если, наконецъ, продолжала она задыхающимся голосомъ:—еслибъ, наконецъ, не было меня подлѣ нея, и еслибъ вы запугали ее словами своими, и еслибъ бѣдная сама увѣрилась, что она виновата, еслибъ вы смутили ея совѣсть, душу и разбили покой ея сердца... Боже мой! Вы хотѣли выгнать ее изъ дома! Но знаете ли, съ кѣмъ это дѣлаютъ? Вы знаете, что если ее выгоните, то выгоните насъ вмѣстѣ, насъ обѣихъ,—и меня тоже. Вы слышали меня, сударь?

Глаза ея сверкали; грудь волновалась; болѣзненное напряженіе ея дошло до послѣдняго кризиса...

— Такъ дозволено же я слушалъ, сударыня! закричалъ наконецъ Петръ Александровичъ: — довольно этого! Я знаю, что есть страсти платоническія—и на мою пагубу знаю это, сударыня, слышите? на мою пагубу. Но не ужиться мнѣ, сударыня, съ озолоченнымъ порокомъ! Я не понимаю его. Прочь мишуру! И если вы чувствуете себя виноватою, если знаете за собой что нибудь (не мнѣ напоминать вамъ, сударыня), если вамъ правится, наконецъ, мысль оставить мой домъ... то мнѣ остается только сказать, напомнить вамъ, что напрасно вы позабыли исполнить ваше намѣреніе, когда была настоящая пора, настоящее время, лѣтъ назадъ тому... если вы позабыли, то я вамъ напомню...

Я взглянула на Александру Михайловну. Она судорожно опиралась на меня, изнемогая отъ душевной скорби, полу-закрывъ глаза, въ неистощимой мукѣ. Еще минута, и она готова была упасть.

— О, ради Бога, хоть въ этотъ разъ, пощадите ее! Не выговаривайте послѣдняго слова, закричала я, бросаясь на колѣни передъ Петромъ Александровичемъ и забывъ, что измѣняла себѣ. Но было поздно. Слабый крикъ раздался въ отвѣтъ словамъ моимъ, и бѣдная упала безъ чувствъ на полъ.

— Кончено! вы убили ее! сказала я. — Зовите людей, спасайте ее! Я васъ жду, у васъ етъ кабинетъ. Мнѣ нужно съ вами говорить; я вамъ все расскажу...

— Но что? но что?

— Послѣ!

Обморокъ и припадки продолжались два часа. Весь домъ былъ въ страхѣ. Докторъ сомнительно качалъ головою. Черезъ два часа я вошла въ кабинетъ Петра Александровича. Онъ только что воротился отъ жены и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, кусая ногти въ кровь, блѣдный, разстроенный. Я никогда не видала его въ такомъ видѣ.

— Что же вамъ угодно сказать мнѣ? проговорилъ онъ суровымъ, грубымъ голосомъ. — Вы что-то хотѣли сказать?

— Вотъ письмо, которое вы перехватили у меня. Вы его узнаете?

— Да.

— Возьмите его.

Онъ взялъ письмо и поднесъ къ свѣту. Я внимательно слѣдила за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ быстро обернулъ на четвертую страницу и прочелъ подпись. Я видѣла, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Что это? спросилъ онъ у меня, остолебѣвъ отъ изумленія.

— Три года тому, какъ я нашла это письмо въ одной книгѣ. Я догадалась, что оно было забыто, прочла его и узнала все. Съ тѣхъ поръ оно оставалось при мнѣ, потому что мнѣ некому было отдать его. Ей я отдать его не могла. Вамъ? Но вы не могли не знать содержанія этого письма, а въ немъ вся эта грустная повѣсть... Для чего ваше притворство,—не знаю. Это, покажѣте, темно для меня. Я еще не могу ясно вникнуть въ вашу темную душу. Вы хотѣли удержать надъ ней первенство и удержали. Но для чего? для того, чтобъ восторжествовать надъ призракомъ, надъ разстроеннымъ воображеніемъ больной, для того, чтобъ доказать ей, что она заблуждалась, и что вы *безгрѣшны* ея! И вы достигли цѣли, потому что это

подозрѣніе ея,—неподвижная идея угасающаго ума, можетъ быть, послѣдняя жалоба разбитаго сердца на несправедливость приговора людскаго, съ которымъ вы были за-одно. «Что жъ за бѣда, что вы меня полюбили?» Вотъ что она говорила, вотъ что хотѣлось ей доказать вамъ. Ваше тщеславіе, вашъ ревнивый эгоизмъ были безжалостны. Прощайте! Объясненій не нужно! Но смотрите, я васъ знаю всего, вижу насквозь, не забывайте же этого!

Я вошла въ свою комнату, едва помня, что со мной сдѣлалось. У дверей меня остановилъ Овровъ, помощникъ въ дѣлахъ Петра Александровича.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

Я смотрѣла на него, едва понимая то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Послѣ, извините меня, я нездорова, отвѣчала я наконецъ, проходя мимо него.

— И такъ, завтра, сказалъ онъ откланиваясь, съ какою-то двусмысленною улыбкой.

Но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Все это—какъ будто мелькнуло у меня передъ глазами.

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ.

(ИЗЪ МОРДАСОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.)

ГЛАВА I.

Марья Александровна Москалева,—конечно, первая дама въ Мордасовѣ, и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она держитъ себя такъ, какъ будто ни въ комъ не нуждается, а напротивъ, всѣ въ ней нуждаются. Правда, ее почти никто не любитъ и даже очень многіе искренно ненавидятъ; но за то ее всѣ боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже призракъ высокой политики. Отчего, напримѣръ, Марья Александровна, которая ужасно любитъ сплетни и незаснетъ всю ночь, если наканунѣ не узнала чего либо новенькаго;—отчего она, при всемъ этомъ, умѣетъ себя держать такъ, что, глядя на нее, въ голову не прійдетъ, чтобъ эта сановитая дама была первая сплетница въ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Мордасовѣ? Напротивъ, кажется: сплетни должны исчезнуть въ ея присутствіи; сплетники — краснѣть и дрожать, какъ школьники передъ господиномъ учителемъ, и разговоръ долженъ пойти не иначе, какъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Она знаетъ, напримѣръ, про кой-кого изъ Мордасовцевъ такія капитальныя и скандальныя вещи, что разскажи она ихъ, при удобномъ случаѣ, и докажи ихъ такъ, какъ она ихъ умѣетъ доказывать, то въ Мордасовѣ будетъ лиссабонское землетрясеніе. А между тѣмъ она очень молчалива на эти секреты, и разскажетъ ихъ развѣ ужъ въ крайнемъ случаѣ, и то не иначе, какъ самымъ короткимъ пріятельницамъ. Она только пугнетъ, намекнетъ — что знаетъ, и лучше любить держать человѣка или даму въ непрерывномъ страхѣ, чѣмъ поразить окончательно. Это умъ, это тактика!—Марья Александровна всегда отличалась между нами своимъ безукоризненнымъ *comme-il-faut*, съ котораго всѣ берутъ образецъ. На счетъ *comme-il-faut* она не имѣетъ соперницъ въ Мордасовѣ. Она, напримѣръ, умѣетъ убить, растерзать, уничтожить какимъ либо однимъ словомъ соперницу, чему мы свидѣтели; а между тѣмъ покажетъ видъ, что и не замѣтила, какъ выговорила это слово. А извѣстно, что такая черта есть уже принадлежность самаго высшего общества. Вообще, во всѣхъ такихъ фокусахъ, она перещеголяетъ самого Пинетти. Связи у ней огромныя. Многіе изъ посѣщавшихъ Мордасовъ уѣзжали въ восторгѣ отъ ея пріема, и даже вели съ ней потомъ переписку. Ей даже кто-

то написалъ стихи, и Марья Александровна съ гордостію ихъ всѣмъ показывала. Одинъ заѣзжіи литераторъ посвятилъ ей свою повѣсть, которую и читалъ у ней на вечерѣ, что произвело чрезвычайно пріятный эффектъ. Одишъ нѣмецкій ученый, нарочно пріѣзжавшій изъ Карльсруэ, изслѣдовать особенный родъ червячка съ рожекми, который водится въ нашей губерніи, и написавшій объ этомъ червячкѣ четыре тома in-quarto, такъ былъ обвороженъ пріемомъ и любезностію Марьи Александровны, что до сихъ поръ ведетъ съ ней почтительную и нравственную переписку изъ самаго Карльсруэ. Марью Александровну сравнивали даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ Наполеономъ. Разумѣется, это дѣлали въ шутку, ея враги, болѣе для каррикатуры, чѣмъ для истины. Но, признавая вполне всю странность такого сравненія, я осмѣлюсь однакоже сдѣлать одинъ невинный вопросъ: отчего, скажите, у Наполеона закружилась, наконецъ, голова, когда онъ забрался уже слишкомъ высоко? Защитники стараго дома приписывали это тому, что Наполеонъ не только не былъ изъ королевскаго дома, но даже былъ и не *gentilhomme* хорошей породы; а потому, естественно, испугался наконецъ своей собственной высоты и вспомнилъ свое настоящее мѣсто. Не смотря на очевидное остроуміе этой догадки, напоминающее самыя блестящія времена древняго французскаго двора, я осмѣлюсь прибавить въ свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни въ какомъ случаѣ не закружится голова, и она всегда останется первой дамой въ Мордасовѣ? Бывали, напримѣръ, такіе случаи, когда всѣ говорили: «Ну какъ-то теперь поступитъ Марья Александровна въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?» Но наступали эти затруднительныя обстоятельства, проходили, и—ничего! Все оставалось благополучно, по прежнему, и даже почти лучше прежняго. Всѣ, напримѣръ, помнятъ, какъ супругъ ея, Аванасій Матвѣичъ, лишился своего мѣста, за неспособностію и слабоуміемъ, возбудивъ гнѣвъ пріѣхавшаго ревизора. Всѣ думали, что Марья Александровна падетъ духомъ, унижится, будетъ просить, умолять, однимъ словомъ опуститъ свои крылышки. Ничуть не бывало: Марья Александровна поняла, что уже ничего больше не выпросишь и обдѣлала свои дѣла такъ, что нисколько не лишилась своего вліянія на общество, и домъ ея все

еще продолжаетъ считаться первымъ домомъ въ Мордасовѣ. Прокурорша, Анна Николаевна Антипова, заклітой врагъ Марьи Александровны, хотя и другъ по наружности, уже трубила побѣду. Но когда увидѣли, что Марью Александровну трудно сконфузить, то догадались, что она гораздо глубже пустила корни, чѣмъ думали прежде.

Кстати, такъ какъ ужъ объ немъ упомянули, скажемъ нѣсколько словъ и объ Аѳанасіѣ Матвѣичѣ, супругѣ Марьи Александровны. Во-первыхъ, это весьма представительный человѣкъ по наружности, и даже очень порядочныхъ правилъ; но въ критическихъ случаяхъ онъ какъ-то теряется и смотритъ, какъ баранъ, который увидалъ новыя врата. Онъ необыкновенно сановитъ, особенно на пмнинныхъ обѣдахъ, въ своемъ бѣломъ галстухѣ. Но вся эта сановитость и представительность — единственно до той минуты, когда онъ заговоритъ. Тутъ ужъ, извините, хоть уши заткнуть. Онъ рѣшительно не достоинъ принадлежать Марьѣ Александровнѣ; это всеобщее мнѣніе. Онъ и на мѣстѣ сидѣлъ единственно только черезъ гениальность своей супруги. По моему крайнему разумѣнію, ему бы давно пора въ огородъ, пугать воробьевъ. Тамъ, и единственно только тамъ, онъ бы могъ приносить настоящую, несомнѣнную пользу своимъ соотечественникамъ. И потому Марья Александровна превосходно поступила, сославъ Аѳанасія Матвѣича въ подгородную деревню, въ трехъ верстахъ отъ Мордасова, гдѣ у нея сто двадцать душъ, — мимоходомъ сказать, все состояніе, всѣ средства, съ которыми она такъ достойно поддерживаетъ благородство своего дома. Всѣ поняли, что она держала Аѳанасія Матвѣича при себѣ единственно за то, что онъ служилъ и получалъ жалованье и... другіе доходы. Когда же онъ пересталъ получать жалованье и доходы, то его тотчасъ же и удалили, за негодностію и совершенною бесполезностію. И всѣ похвалили Марью Александровну за ясность сужденія и рѣшимость характера. Въ деревнѣ Аѳанасій Матвѣичъ живетъ припѣваючи. Я заѣзжалъ къ нему и провелъ у него цѣлый часъ довольно пріятно. Онъ примѣряетъ бѣлые галстуки, собственноручно чиститъ сапоги, не изъ нужды, а единственно изъ любви къ искусству, потому что любить, чтобъ сапоги у него блестѣли; три раза въ день пьетъ чай, чрезвычайно любить ходить въ баню и—доволенъ. Помните ли, какая гнусная исторія заварилась у насъ, года полтора назадъ, по поводу Зинаиды Аѳанасьевны, единственной дочери Марьи Александровны и Аѳанасія Матвѣича? Зинаида, безспорно, красавица, превосходно воспитана, но ей двадцать три года, а она до сихъ поръ не замужемъ. Между причинами, которыми объясняютъ, почему до сихъ поръ Зина не замужемъ, — одною изъ главныхъ считаютъ эти темныя слухи о какихъ-то странныхъ ея связяхъ, полтора года назадъ, съ уѣздинымъ училищникомъ,—слухи, не умалчившіе и нынѣ. До сихъ поръ говорятъ о какой-то любов-

ной запискѣ, написанной Зиной, и которая, будто бы, ходила по рукамъ въ Мордасовѣ; но скажите: кто видѣлъ эту записку? Если она ходила по рукамъ, то куда-жъ она дѣлась? Всѣ объ ней слышали, но никто ея не видалъ. Я, по крайней мѣрѣ, никого не встрѣтилъ, кто бы своими глазами видѣлъ эту записку. Если вы намекаете объ этомъ Марьѣ Александровнѣ, она васъ, просто, не пойметъ. Теперь предположите, что дѣйствительно что-нибудь было и Зина написала записочку (я даже думаю, что это было непременно такъ): какова же ловкость со стороны Марьи Александровны! каково замято, затушено неловкое, скандальное дѣло! Ни слѣда, ни намека! Марья Александровна и вниманія не обращаетъ теперь на всю эту низкую клевету; а между тѣмъ, можетъ быть, Богъ знаетъ какъ работала, чтобъ спасти неприкосновенную честь своей единственной дочери. А что Зина не замужемъ, такъ это понятно: какіе здѣсь женихи? Зинѣ только развѣ быть за владѣтельнымъ принцемъ. Видали-ли вы гдѣ такую красавицу изъ красавицъ? Правда, она горда, слишкомъ горда. Говорятъ, что сватается Мозгляковъ, но врядъ-ли быть сватѣмъ. Что же такое Мозгляковъ? Правда—молодъ, недуренъ собою, франтъ, полтораства незаложенныхъ душъ, петербургскій. Но вѣдь, во-первыхъ, въ головѣ не всѣ дома. Вертопрахъ, болтунъ, съ какими-то новѣйшими идеями! Да и что такое полтораства душъ, особенно при новѣйшихъ идеяхъ? Не бывать этой сватѣмъ!

Все, что прочелъ теперь благосклонный читатель, было написано мною мѣсяцевъ пять тому назадъ, единственно изъ умиленія. Признаюсь заранее, я нѣсколько пристрастенъ къ Марьѣ Александровнѣ. Мнѣ хотѣлось написать что-нибудь въ родѣ похвального слова этой великолѣпной дамѣ и изобразить все это въ формѣ игриваго письма къ пріятелю, по примѣру писемъ, печатавшихся когда-то въ старое, золотое, но, слава Богу, невозвратное время, въ Сѣверной пчелѣ и въ прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Но, такъ какъ у меня нѣтъ никакого пріятеля, и, кромѣ того, есть нѣкоторая врожденная литературная робость, то сочиненіе мое и осталось у меня въ столѣ, въ видѣ литературной пробы пера и въ память мирнаго развлеченія въ часы досуга и удовольствія. Прошло пять мѣсяцевъ,—и вдругъ въ Мордасовѣ случилось удивительное происшествіе: рано утромъ въ городъ вѣхалъ князь К. и остановился въ домѣ Марьи Александровны. Послѣдствія этого пріѣзда были неизчислимы. Князь провелъ въ Мордасовѣ только три дня, но эти три дня оставили по себѣ роковыя и неизгладимыя воспоминанія. Скажу болѣе: князь произвелъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, переворотъ въ нашемъ городѣ. Рассказъ объ этомъ переворотѣ, конечно, составляетъ одну изъ многозначительнѣйшихъ страницъ въ мордасовскихъ лѣтописяхъ. Эту-то страницу я и рѣшился, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, обработать литературнымъ образомъ и представить

на судъ многоуважаемой публики. Повѣсть моя заключаетъ въ себѣ полную и замѣчательную исторію возвышенія, славы и торжественнаго паденія Марьи Александровны и всего ея дома въ Мордасовѣ: тема достойная и соблазнительная для писателя. Разумѣется, прежде всего, нужно объяснить: что удивительнаго въ томъ, что въ городѣ въѣхалъ князь К. и остановился у Марьи Александровны,—а для этого, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ и о самомъ князѣ К. Такъ я и сдѣлаю. Къ тому же біографія этого лица совершенно необходима и для всего дальнѣйшаго хода нашего разсказа. И такъ, приступаю.

II.

Начну съ того, что князь К. былъ еще не Богъ знаетъ какой старикъ, а между тѣмъ, смотря на него, невольно приходила мысль, что онъ сію минуту развалится: до того онъ обветшалъ или, лучше сказать, износился. Въ Мордасовѣ объ этомъ князѣ всегда разсказывались чрезвычайно странныя вещи, самаго фантастическаго содержанія. Говорили даже, что старичекъ помѣшался. Всѣмъ казалось особенно страннымъ, что помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ, человѣкъ съ извѣстнымъ родствомъ, который бы могъ имѣть, еслибъ захотѣлъ, значительное вліяніе въ губерніи, живетъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи уединенно, совершеннымъ затворникомъ. Многіе знавали князя назадъ тому лѣтъ шесть или семь, во время его пребыванія въ Мордасовѣ, и увѣрили, что онъ, тогда, терпѣть не могъ уединенія и отнюдь не былъ похожъ на затворника.

Вотъ, однако же, все, что я могъ узнать о немъ достовѣрнаго:

Когда-то, въ свои молодые годы, что, впрочемъ, было очень давно, князь блестящимъ образомъ вступилъ въ жизнь, жупровалъ, волочился, нѣсколько разъ проживался за границей, пѣлъ романсы, каламбурилъ и никогда не отличался блестящими умственными способностями. Разумѣется, онъ разстроилъ все свое состояніе и, въ старости, увидѣлъ себя вдругъ почти безъ копѣйки. Кто-то посовѣтовалъ ему отправиться въ его деревню, которую уже начали процвѣтать съ публичнаго торга. Онъ отправился, и пріѣхалъ въ Мордасовъ, гдѣ и прожилъ ровно шесть мѣсяцевъ. Губернская жизнь ему чрезвычайно понравилась и, въ эти шесть мѣсяцевъ, онъ ухлопалъ все, что у него оставалось, до послѣднихъ поскребокъ, продолжая жупровать и заводя разныя интимности съ губернскими барынями. Человѣкъ онъ былъ къ тому же добрый, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ особенныхъ княжескихъ замашекъ, которыя, впрочемъ, въ Мордасовѣ считались принадлежностію самаго высшаго общества, а потому, вмѣсто досады, производили даже эффектъ. Особенно дамы были въ постоянномъ восторгѣ отъ своего милаго гостя. Со-

хранилось много любопытныхъ воспоминаній. Разсказывали, между прочимъ, что князь проводилъ больше половины дня за своимъ туалетомъ и, казалось, былъ весь составленъ изъ какихъ-то кусочковъ. Никто не зналъ, когда и гдѣ онъ успѣлъ такъ разсыпаться. Онъ носилъ парикъ, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до послѣдняго волоска, накладное и великолѣпнаго чернаго цвѣта; бѣллся и румянился ежедневно. Увѣрили, что онъ какъ-то расправлялъ пружинками морщины на своемъ лицѣ и что эти пружины были, какимъ-то особеннымъ образомъ, скрыты въ его волосахъ. Увѣрили еще, что онъ носитъ корсетъ, потому что лишился гдѣ-то ребра, неловко выскочивъ изъ окошка, во время одного своего любовнаго похождения, въ Италиі. Онъ хромалъ на лѣвую ногу; утверждали, что эта нога поддѣльная, а что настоящую сломали ему при какомъ-то другомъ походе, въ Парижѣ, за то приставили повую, какую-то особенную, пробочную. Впрочемъ, мало ли чего не разскажутъ? Но вѣрно было однако же то, что правый глазъ его былъ стеклянный, хотя и очень искусно поддѣланный. Зубы тоже были изъ композиціи. Цѣлые дни онъ умывался разными патентованными водами, душился и помадился. Помнятъ, однако же, что князь тогда уже начиналъ примѣтно дряхлѣть и становился невыносимо болтливъ. Казалось, что карьера его оканчивалась. Всѣ знали, что у него уже не было ни копѣйки. И вдругъ въ это время, совершенно неожиданно, одна изъ ближайшихъ его родственницъ, чрезвычайно ветхая старуха, проживавшая постоянно въ Парижѣ, и отъ которой онъ никакимъ образомъ не могъ ожидать наслѣдства, — умерла, похоронивъ, ровно за мѣсяцъ до своей смерти, своего законнаго наслѣдника. Князь, совершенно неожиданно, сдѣлался ея законнымъ наслѣдникомъ. Четыре тысячи душъ великолѣпнѣйшаго имѣнія, ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Мордасова, достались ему одному, безраздѣльно. Онъ немедленно собрался, для окончанія своихъ дѣлъ, въ Петербургъ. Провожая своего гостя, наши дамы дали ему великолѣпный обѣдъ, по подпискѣ. Помнятъ, что князь былъ очаровательно веселъ на этомъ послѣднемъ обѣдѣ, каламбурилъ, смѣшилъ, разсказывалъ самыя необыкновенныя анекдоты, обѣщался какъ можно скорѣе пріѣхать въ Духаново (свое новопріобрѣтенное имѣніе) и давалъ слово, что по возвращеніи у него будутъ непрерывные праздники, пикники, балы, фейерверки. Цѣлый годъ послѣ его отъѣзда, дамы толковали объ этихъ обѣщанныхъ праздникахъ, ожидая своего милаго старичка съ ужаснымъ нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи же, составлялись даже поѣздки въ Духаново, гдѣ былъ старинный барскій домъ и садъ, съ выстриженными изъ акацій львами, съ насыпными курганами, съ прудами, по которымъ ходили лодки съ деревянными турками, игравшими на свирѣляхъ, съ бесѣдами, съ павильонами, съ монплезираи и другими затѣями.

Наконецъ князь воротился, но, къ всеобщему удивленію и разочарованію, даже и не заѣхалъ въ Мордасовъ, а поселился въ своемъ Духановѣ совершеннымъ затворникомъ. Распространились странные слухи и, вообще, съ этой эпохи исторія князя становится туманною и фантастическою. Во первыхъ, рассказывали, что въ Петербургѣ ему не совсѣмъ удалось, что нѣкоторые изъ его родственниковъ, будущіе наслѣдники, хотѣли, по слабоумію князя, выхлопотать надъ нимъ какую-то опеку, вѣроятно изъ боязни, что онъ опять все промотаетъ. Мало того: иные прибавляли, что его хотѣли даже посадить въ сумасшедшій домъ, но что какой-то изъ его родственниковъ, одинъ важный баринъ, будто бы за него заступился, доказавъ ясно всѣмъ прочимъ, что бѣдный князь, вполнину умершій и поддѣльный, вѣроятно скоро и весь умретъ, и тогда имѣніе достанется имъ и безъ сумасшедшаго дома. Повторяю опять: мало-ли чего не наскажутъ, особенно у насъ въ Мордасовѣ? Все это, какъ рассказывали, ужасно испугало князя, до того, что онъ совершенно измѣнился характеромъ и обратился въ затворника. Нѣкоторые изъ мордасовцевъ изъ любопытства поѣхали къ нему съ поздравленіями, но—или не были приняты, или приняты чрезвычайно страннымъ образомъ. Князь даже не узнавалъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Утверждали, что онъ и не хотѣлъ узнавать. Посѣтилъ его и губернаторъ.

Онъ воротился съ извѣстіемъ, что, по его мнѣнію, князь дѣйствительно немного помѣшанъ и всегда потомъ дѣлалъ кислую мину, при воспоминаніи о своей поѣздѣ въ Духаново. Дамы громко негодовали. Узнали, наконецъ, одну капитальную вещь, именно: что княземъ овладѣла какая-то непзвѣстная Степанида Матвѣевна, Богъ знаетъ какая женщина, пріѣхавшая съ нимъ изъ Петербурга, пожилая и толстая, которая ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ ключами въ рукахъ; что князь слушается ее во всемъ, какъ ребенокъ, и не смѣетъ ступить шагу безъ ея позволенія; что она даже моетъ его своими руками, балуетъ его, носитъ и тѣшитъ, какъ ребенка; что, наконецъ, она-то и отдаляетъ отъ него всѣхъ посѣтителей и, въ особенности, родственниковъ, которые начали было по-немногу заѣзжать въ Духаново, для развѣдокъ. Въ Мордасовѣ много разсуждали объ этой непонятной связи, особенно дамы. Ко всему этому прибавляли, что Степанида Матвѣевна управляетъ всѣмъ имѣніемъ князя, безгранично и самовластно; отрѣшаетъ управителей, прикащиковъ, прислугу, собираетъ доходы; но что управляетъ она хорошо, такъ что крестьяне благословляютъ судьбу свою. Что же касается до самого князя, то узнали, что дни его проходятъ почти сплошь за туалетомъ, въ примѣриваніи париковъ и фраговъ; что остальное время онъ проводитъ съ Степанидой Матвѣевной, играетъ съ ней въ свои козыри, гадаетъ на картахъ, изрѣдка выѣзжая погулять верхомъ на смирной англійской кобылѣ, причемъ Степанида Мат-

вѣевна неизмѣнно сопровождаетъ его въ крытыхъ дрожкахъ, на всякій случай, — потому что князь ѣздитъ верхомъ болѣе изъ кокетства, а самъ чуть держится на сѣдлѣ. Видѣли его иногда и пѣшкомъ, въ пальто и въ соломенной, непрокопкой шляпкѣ, съ розовымъ дамскимъ платочкомъ на шеѣ, съ стеклышкомъ въ глазу и съ соломенной корзинкой на лѣвой рукѣ, для собиранія грибовъ, полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ; Степанида же Матвѣевна всегда при этомъ сопровождаетъ его, а сзади идутъ два саженные лакея, и ѣдетъ, на всякій случай, коляска. Когда же встрѣчается съ нимъ мужикъ и, остановясь въ сторонѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется и приговариваетъ: «Здравствуй, батюшка князь, ваше сіятельство, наше красное солнышко!». — то князь немедленно наводитъ на него свой лорнетъ, привѣтливо киваетъ головой и ласково говоритъ ему: «Bonjour, mon ami, bonjour!», и много подобныхъ слуховъ ходило въ Мордасовѣ; князя никакъ не могли забыть: онъ жилъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ! Каково же было всеобщее изумленіе, когда, въ одно прекрасное утро, разнесся слухъ, что князь, затворникъ, чудакъ, своею собственною особою пожаловалъ въ Мордасовъ и остановился у Марьи Александровны! Все переполошилось и взволновалось. Всѣ ждали объясненій, всѣ спрашивали другъ у друга: что это значить? Иные собирались уже ѣхать къ Марьѣ Александровнѣ. Всѣмъ пріѣздъ князя казался диковинкой. Дамы пересылались записками, собирались съ визитами, посылали своихъ горничныхъ и мужей на развѣдки. Особенно страннымъ казалось, отчего именно князь остановился у Марьи Александровны, а не у кого другаго? Всѣхъ болѣе досадовала Анна Николаевна Антипова, потому что князь приходился ей какъ-то очень дальней родственной. Но, чтобъ разрѣшить всѣ эти вопросы, нужно неизмѣнно зайти къ самой Марьѣ Александровнѣ, къ которой милости просимъ пожаловать и благосклоннаго читателя. Теперь, правда, еще только десять часовъ утра, но я увѣренъ, что она не откажется принять своихъ короткихъ знакомыхъ. Насъ, по крайней мѣрѣ, приметъ она неизмѣнно.

ГЛАВА III.

Десять часовъ утра. Мы въ домѣ Марьи Александровны, на Большой улицѣ, въ той самой комнатѣ, которую хозяйка, въ торжественныхъ случаяхъ, называетъ своимъ салономъ. У Марьи Александровны есть тоже и будуаръ. Въ этомъ салонѣ порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. Въ мебели, довольно неуклюжей, преобладаетъ красный цвѣтъ. Есть каминъ, надъ каминомъ зеркало, передъ зеркаломъ бронзовые часы съ какимъ-то амуромъ, весьма дурнаго вкуса. Между окнами, въ простѣнкахъ, два зеркала, съ которыхъ успѣли уже снять чехлы. Передъ зеркалами, на столикахъ, опять часы. У задней стѣны—

превосходный рояль, выписанный для Зины; Зина — музыкантша. Около затопленного камина разставлены кресла, по возможности въ живописномъ безпорядкѣ; между ними маленькій столикъ. На другомъ концѣ комнаты другой столъ, накрытый скатертью ослѣпительной бѣлизны; на немъ кипитъ серебряный самоваръ и собранъ хорошенькій чайный приборъ. Самоваромъ и чаемъ завѣдуетъ одна дама, проживающая у Марьи Александровны въ качествѣ дальней родственницы, Настасья Петровна Зяблова. Два слова объ этой дамѣ. Она вдова, ей за тридцать лѣтъ, брюнетка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и съ живыми темно-кариыми глазами. Вообще, не дурна собою. Она веселаго характера и большая хохотунья, довольно хитра, разумѣется, сплетница и умѣетъ обдѣлывать свои дѣлишки. У ней двое дѣтей, гдѣ-то учатся. Ей бы очень хотѣлось выйдти еще разъ замужъ. Держитъ она себя довольно независимо. Мужъ ея былъ военный офицеръ. — Сама Марья Александровна сидитъ у камина, въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа и въ свѣтлозеленомъ платьѣ, которое къ ней идетъ. Она ужасно обрадована пріѣздомъ князя, который въ эту минуту сидитъ на-верху, за своимъ туалетомъ. Она такъ рада, что даже не старается скрывать свою радость. Передъ ней, стоя, рисуется молодой человѣкъ и что-то съ одушевленіемъ рассказываетъ. По глазамъ его видно, что ему хочется угодить своимъ слушательницамъ. Ему двадцать пять лѣтъ. Манеры его были бы недурны, но онъ часто приходитъ въ восторгъ и, кромѣ того, съ большою претензіей на юморъ и остроту. Одѣтъ отлично, бѣлокуръ, недурень собою. Но мы уже говорили объ немъ: это господинъ Мозгляковъ, подающій большія надежды. Марья Александровна находитъ про себя, что у него немного пусто въ головѣ, но принимаетъ его прекрасно. Онъ искагелъ руки ея дочери, Зины, въ которую, по его словамъ, влюбленъ до безумія. Онъ поминутно обращается къ Зинѣ, стараясь сорвать съ ея губъ улыбку своимъ остроуміемъ и веселостью. Но та съ нимъ видимо холодна и небрежна. Въ эту минуту она стоитъ въ сторонѣ, у рояля, и перебираетъ пальчиками календарь. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя производятъ всеобщее восторженное изумленіе, когда являются въ обществѣ. Она хороша до невозможности: росту высокаго, брюнетка, съ чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, съ могучею, дивною грудью. Ея плечи и руки — античныя, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного блѣдна; но за то ея пухленькія, алія губки, удивительно обрисованныя, между которыми свѣтятся, какъ напзанный жемчугъ, ровные маленькіе зубы, будутъ вамъ три дня сниться во снѣ, если хоть разъ на нихъ взглянете. Выраженіе ея серьезно и строго. Мосье Мозгляковъ какъ будто боится ея пристальнаго взгляда; по крайней мѣрѣ его какъ-то коробитъ, когда онъ осмѣливается взглянуть на нее. Движенія ея съ-высока небрежны. Она одѣта

въ простое, бѣлое, кисейное платье. Бѣлый цвѣтъ къ ней чрезвычайно идетъ; впрочемъ, къ ней все идетъ. На ея пальчикъ кольцо, сплетенное изъ чьихъ-то волосъ, судя по цвѣту, — не изъ маменькиныхъ; Мозгляковъ никогда не смѣлъ спросить ее: чьи это волосы? Въ это утро Зина какъ-то особенно молчалива и даже грустна, какъ будто чѣмъ-то озабочена. За то Марья Александровна готова говорить безъ умолку, хоть изрѣдка тоже взглядываетъ на дочь какимъ-то особеннымъ, подозрительнымъ взглядомъ, но впрочемъ дѣлаетъ это украдкой, какъ будто и она тоже боится ея.

— Я такъ рада, такъ рада, Павелъ Александровичъ, шепчетъ она, что готова кричать объ этомъ всѣмъ и каждому изъ окошка. Не говорю ужъ о томъ милomъ сюрпризѣ, который вы сдѣлали намъ, мнѣ и Зинѣ, пріѣхавъ двумя недѣлями раньше обѣщаннаго; это ужъ само собою! Я ужасно рада тому, что вы привезли сюда этого милаго князя. Знаете ли, какъ я люблю этого очаровательнаго старичка! Но нѣтъ, нѣтъ! вы не поймете меня! вы, молодежь, не поймете моего восторга, какъ бы я ни увѣряла васъ! Знаете ли, чѣмъ онъ былъ для меня въ прежнее время, лѣтъ шесть тому назадъ, помнишь Зина? Впрочемъ, я и забыла: ты тогда гостила у теткн... Вы не повѣрите, Павелъ Александровичъ: я была его руководительницей, сестрой, матерью! Онъ слушался меня, какъ ребенокъ! было что-то напвное, нѣжное и облагороженное въ нашей связи; что-то даже, какъ будто пастушеское... Я ужъ и не знаю, какъ и назвать! Вотъ почему онъ и помнитъ теперь только объ одномъ моемъ домѣ съ благодарностію, *se raucge prince!* Знаете ли, Павелъ Александровичъ, что вы, можетъ быть, спасли его тѣмъ, что завезли его ко мнѣ! Я съ сокрушеніемъ сердца думала о немъ эти шесть лѣтъ. Вы не повѣрите: онъ мнѣ снился даже во снѣ. Говорятъ, эта чудовищная женщина околдовала, погубила его. Но наконецъ-то вы его вырвали изъ этихъ клещей! Нѣтъ, надобно воспользоваться случаемъ и спасти его совершенно! Но расскажите мнѣ еще разъ, какъ удалось вамъ все это? Опишите мнѣ подробнѣйшимъ образомъ всю вашу встрѣчу. Давеча я, въ-попыхахъ, обратила только вниманіе на главное дѣло, тогда какъ всѣ эти мелочи, мелочи и составляютъ, такъ сказать, настоящій сокъ! Я ужасно люблю мелочи, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ, прежде обращаю вниманіе на мелочи... и... покамѣстъ опъ еще сидитъ за своимъ туалетомъ...

— Да все тоже, что уже рассказывалъ, Марья Александровна! съ готовностію подхватываетъ Мозгляковъ, готовый рассказывать хоть въ десятый разъ, — это составляетъ для него наслажденіе. Ыхалъ я всю ночь, разумѣется, всю ночь не спалъ, — можете себѣ представить, какъ я спѣшилъ! прибавляетъ онъ, обращаясь къ Зинѣ, — однимъ словомъ, бранился, кричалъ, требовалъ лошадей, даже буянилъ изъ-за лошадей на станціяхъ; если бы напечатать, вышла бы цѣлая поэма въ новѣйшемъ

вкусъ! Впрочемъ, это въ сторону! Ровно въ шесть часовъ утра, прїѣзжаю на послѣднюю станцію, въ Игншево. Издрогъ, не хочу и грѣться, кричу: лошадей! Испугалъ смотрительницу съ груднымъ ребенкомъ: теперь, кажется, у ней пропало молоко... Восходъ солнца очаровательный. Знаете, эта морозная пыль алѣетъ, серебрится! Не обращаю ни на что вниманія; однимъ словомъ, спѣшу на-пропалую! Лошадей взялъ съ собою: отнялъ у какого-то коллегскаго совѣтника и чуть не вызвалъ его на дуэль. Говорятъ мнѣ, что, четверть часа тому, съѣхалъ со станціи какой-то князь, ѣдетъ на своихъ, ночевалъ. Я едва слушаю, сажусь, лечу, точно съ цѣпи сорвался. Есть что-то подобное у Фета, въ какой-то элегій. Ровно въ девяти верстахъ отъ города, на самомъ поворотѣ въ Свѣтозерскую пустынь, вижу произошло удивительное событіе. Огромная дорожная карета лежитъ на боку, кучеръ и два лакея стоятъ передъ нею въ недоумѣніи, а изъ кареты, лежащей на боку, несутся раздирающіе душу крики и вопли. Думалъ, проѣхать мимо: лежи себѣ на боку; не здѣшняго прихода! Но превозмогло человѣколюбіе, которое, какъ выражается Гейне, вездѣ суется съ своимъ носомъ. Останавливаюсь. Я, мой Семенъ, ямщикъ — тоже русская душа, спѣшимъ на подмогу, и такимъ образомъ, въ-шестеромъ, поднимаемъ наконецъ экипажъ, ставимъ его на ноги, которыхъ у него правда и нѣтъ, потому что онъ на полозьяхъ. Помогли еще мужики съ дровами, ѣхали въ городъ, получили отъ меня на водку. Думаю: вѣрно это тотъ самый князь! Смотрю: Боже мой! онъ самый и есть, князь Гаврила! Вотъ встрѣча! Кричу ему: князь! дядюшка! Онъ, конечно, почти не узналъ меня съ перваго взгляда; впрочемъ, тотчасъ же почти узналъ... со втораго взгляда. Признаюсь вамъ однако же, что едва ли онъ и теперь понимаетъ—кто я таковъ, и, кажется, принимаетъ меня за кого-то другаго, а не за родственника. Я видѣлъ его лѣтъ семь назадъ въ Петербургѣ; ну, разумѣется, я тогда былъ мальчишка. Я-то его запомнилъ; онъ меня поразилъ,—ну, а ему-то гдѣ жъ меня помнить! Рекомендуюсь; онъ въ восхищеніи, обнимаетъ меня, а между тѣмъ самъ весь дрожитъ отъ испуга и плачетъ, ей Богу, плачетъ: я видѣлъ это собственными глазами! То, да сѣ,—уговорилъ его, наконецъ, пересѣсть въ мой возокъ и хотѣ на одинъ день заѣхать въ Мордасовъ, ободрится и отдохнуть. Онъ соглашается безпрекословно... Объявляетъ мнѣ, что ѣдетъ въ Свѣтозерскую пустынь, къ іеромонаху Мисаилу, котораго чтитъ и уважаетъ; что Степанида Матвѣвна, — а ужъ изъ насъ, родственниковъ, кто не слыхалъ про Степаниду Матвѣвну? — она меня прошлаго года, изъ Духанова, помеломъ прогнала; что эта Степанида Матвѣвна получила письмо, такого содержанія, что у ней, въ Москвѣ, кто-то при послѣднемъ издыханіи: отецъ или дочь, не знаю кто именно, да и не интересуюсь знати; можетъ быть и отецъ и дочь вмѣстѣ; можетъ быть еще съ прибавкою ка-

когонибудь племянника, служащаго по питейной части... Однимъ словомъ, она до того была оконфужена, что, дней на десять, рѣшилась распростишься съ своимъ княземъ и полетѣла въ столицу, украсить ее своимъ присутствіемъ. Князь сидѣлъ день, сидѣлъ другой, примѣрлялъ парики, помадился, фабрился, загадалъ было на картахъ (можетъ быть даже и на бобахъ); но стало не въ мочь безъ Степаниды Матвѣвны! приказалъ лошадей и покатилъ въ Свѣтозерскую пустынь. Кто-то изъ домашнихъ, боясь невидимой Степаниды Матвѣвны, осмѣлился было возразить; но князь настоялъ. Выѣхалъ вчера послѣ обѣда, ночевалъ въ Игншевѣ, со станціи съѣхалъ на зарѣ и, на самомъ поворотѣ къ іеромонаху Мисаилу, полетѣлъ съ каретой чуть не въ оврагъ. Я его спасаю, уговариваю заѣхать къ общему другу нашему, многоуважаемой Марьѣ Александровнѣ; онъ говоритъ про васъ, что вы очаровательнѣйшая дама изъ всѣхъ, которыхъ онъ когданибудь зналъ, и вѣтъ мы здѣсь, а князь поправляетъ теперь на верху свой туалетъ, съ помощію своего камердинера, котораго не забылъ взять съ собою, и котораго никогда и ни въ какомъ случаѣ не забудетъ взять съ собою, потому что согласится скорѣе умереть, чѣмъ явиться къ дамамъ безъ нѣкоторыхъ приготовленій, или, лучше сказать—исправленій... Вотъ и вся исторія! Eine allerliebste Geschichte!

— Но какой онъ юмористъ, Зина! вскрикиваетъ Марья Александровна, выслушавъ, какъ онъ это мило рассказываетъ! Но послушайте, Поль,—одинъ вопросъ: объясните мнѣ хорошенько ваше родство съ княземъ! Вы называете его дядей?

— Ей Богу не знаю, Марья Александровна, какъ и чѣмъ я родня ему: кажется седьмая вода, можетъ-быть даже и не на киселѣ, а на чемъ-нибудь другомъ. Я тутъ не виноватъ нисколько; а виновата во всемъ этомъ тетюшка Аглая Михайловна. Впрочемъ, тетюшкѣ Аглаѣ Михайловнѣ больше и дѣлать нечего, какъ пересчитывать по пальцамъ родню; она-то и протурила меня ѣхать къ нему, прошлаго лѣта, въ Духаново. Съѣздила-бы сама! Просто-за-просто, я называю его дядюшкой; онъ откликается. Вотъ вамъ и все наше родство, на сегодняшний день по крайней мѣрѣ...

— Но я все-таки повторю, что только одинъ Богъ могъ васъ налудить привезти его прямо ко мнѣ! Я трепещу, когда воображу себѣ, что бы съ нимъ было, бѣдняжкой, еслибъ онъ попалъ къ кому-нибудь другому, а не ко мнѣ? Да его-бы здѣсь расхватали, разобрали по косточкамъ, съѣли! Бросились-бы на него какъ на рудникъ, какъ на розсыпь,—пожалуй обокрали-бъ его? Вы не можете представить себѣ, какіе здѣсь жадные, низкіе и коварные людшки, Павелъ Александровичъ!...

— Ахъ, Боже мой, да къ кому-жъ его и привезти, какъ не къ вамъ;—какія вы, Марья Александровна! подхватываетъ Настасья Петровна, вдова, разливающая чай. Вѣдь не къ Аннѣ-же Николаевнѣ везти его, какъ вы думаете?

— Однако-жъ, что онъ такъ долго не выходитъ? Это даже странно,—говоритъ Марья Александровна, въ нетерпѣннѣ вставая съ мѣста.

— Дядюшка-то? Да я думаю онъ еще пять часовъ будетъ тамъ одѣваться! Къ тому-же, такъ-какъ у него совершенно нѣтъ памяти, то онъ можетъ-быть и забылъ, что пріѣхалъ къ вамъ въ гости. Вѣдь это удивительнѣйшій человѣкъ, Марья Александровна!

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что вы!

— Все не что вы, Марья Александровна, а сушая правда! Вѣдь это полукомпозиція, а не человѣкъ. Вы его видѣли шесть лѣтъ назадъ, а я часть тому назадъ его видѣлъ. Вѣдь это полу-покойникъ! Вѣдь это только воспоминаніе о человѣкѣ; вѣдь его забыли похоронить! Вѣдь у него глаза вставные, ноги пробочныя, онъ весь на пружинахъ, и говоритъ на пружинахъ!

— Боже мой, какой вы однакоже вѣтренникъ, какъ я васъ послушаю! восклицаетъ Марья Александровна, принимая строгій видъ. И какъ не стыдно вамъ, — молодому человѣку, родственнику, говорить такъ про этого почтеннаго старичка! Не говоря уже о его безпримѣрной добротѣ —и голосъ ея принимаетъ какое-то трогательное выраженіе—вспомните что это остатокъ, такъ сказать обломокъ нашей аристократіи. Другъ мой, mon ami! Я понимаю, что вы вѣтренничаете изъ какихъ-то тамъ вашихъ новыхъ идей, о которыхъ вы непрерывно толкуете. Но, Боже мой! Я и сама — вашихъ новыхъ идей! Я понимаю, что основаніе нашего направленія благородно и честно. Я чувствую, что въ этихъ новыхъ идеяхъ есть даже что-то возвышенное; но все это не мѣшаетъ мнѣ видѣть и прямую, такъ-сказать, практическую сторону дѣла. Я жила на свѣтѣ, я видѣла больше васъ и, наконецъ, я мать, а вы еще молоды! Онъ старичекъ, и потому на ваши глаза смѣшонъ! Мало того: вы прошлый разъ говорили даже, что намѣрены отпустить вашихъ крестьянъ на волю, и что надобно же что-нибудь сдѣлать для вѣка, и все это оттого, что вы читались тамъ какого-нибудь вашего Шекспира! Повѣрьте, Павелъ Александровичъ, вашъ Шекспиръ давнымъ давно уже отжилъ свой вѣкъ, и еслибъ воскресъ, то, со всѣмъ своимъ умомъ, не разобралъ бы въ нашей жизни ни строчки! Если есть что-нибудь рыцарское и величественное въ современномъ намъ обществѣ, такъ это именно въ высшемъ сословіи. Князь и въ кульѣ князь, князь и въ лагучѣ будетъ какъ во дворцѣ! А вотъ мужъ Натальи Дмитріевны чуть ли не дворецъ себѣ выстроилъ, —и все-таки онъ только мужъ Натальи Дмитріевны и ничего больше! Да и сама Наталья Дмитріевна, хоть пятьдесятъ крипилиновъ на себя налѣпи, — все-таки останется прежней Натальей Дмитріевной, и насколько не прибавитъ себѣ. Вы тоже, отчасти, представитель высшаго сословія, потому что отъ него происходите. Я тоже себя считаю не чужою ему, — а дурное то дитя, которое мараетъ свое гнѣ-

здо! Но, впрочемъ, вы сами дойдете до всего этого лучше меня, mon cher Paul, и забудете вашего Шекспира. Предрекаю вамъ. Я увѣрена, что вы даже и теперь не искренни, а такъ только, модничаете. Впрочемъ, я заболталась. Побудьте здѣсь, mon cher Paul, я сама схожу на-верхъ и узнаю о князѣ. Можетъ-быть, ему надо чего-нибудь, а вѣдь съ моими людьми...

И Марья Александровна поспѣшно вышла изъ комнаты, вспомня о своихъ людишкахъ.

— Марья Александровна кажется очень рада, что князь не достался этой франтихѣ, Аннѣ Николаевнѣ. А вѣдь увѣряла все, что родня ему. То-то разрывается, должно-быть, теперь отъ досады!—замѣтила Настасья Петровна; но замѣтивъ, что ей не отвѣчаютъ и взглянувъ на Зину и на Павла Александровича, г-жа Зяблова тотчасъ догадалась и вышла, какъ-будто за дѣломъ, изъ комнаты. Она, впрочемъ, немедленно вознаградила себя, остановилась у дверей и стала подслушивать.

Павелъ Александровичъ тотчасъ же обратился къ Зинѣ. Онъ былъ въ ужасномъ волненіи; голосъ его дрожалъ.

— Зинаида Аѳанасьевна, вы не сердитесь на меня? проговорилъ онъ съ робкимъ и умоляющимъ видомъ

— На васъ? За что же? сказала Зина, слегка покраснѣвъ и поднявъ на него чудные глаза.

— За мой ранній пріѣздъ, Зинаида Аѳанасьевна! Я не вытерпѣлъ, я не могъ дожидаться еще двѣ недѣли... Вы мнѣ снились даже во снѣ. Я прилетѣлъ узнать мою участь... Но вы хмуритесь, вы сердитесь! Неужели и теперь я не узнаю ничего рѣшительнаго?

Зинаида дѣйствительно нахмурилась.

— Я ожидала, что вы заговорите объ этомъ, — отвѣчала она, снова опустивъ глаза, голосомъ твердымъ и строгимъ, но въ которомъ слышалась досада. — И такъ-какъ это ожиданіе было для меня очень тяжело, то чѣмъ скорѣе оно разрѣшилось, тѣмъ лучше. Вы опять требуете, т. е. просите отвѣта. Извольте, я повторю вамъ его, потому что мой отвѣтъ все тотъ же, какъ и прежде: подождите! Повторяю вамъ, — я еще не рѣшилась и не могу вамъ дать обѣщаніе быть вашею женою. Этого не требуютъ насильно, Павелъ Александровичъ. Но, чтобы успокоить васъ, прибавляю, что я еще не отказываю вамъ окончательно. Замѣьте еще: обнадеживая васъ теперь на благопріятное рѣшеніе, я дѣлаю это единственно потому, что снисходительна къ вашему нетерпѣнію и безпокойству. Повторяю, что хочу остаться совершенно свободно въ своемъ рѣшеніи, и если я вамъ скажу, наконецъ, что я не согласна, то вы и не должны обвинять меня, что я васъ обнадеживала. И такъ, знайте это.

— И такъ, что же, что же это! вскричалъ Мозгляковъ жалобнымъ голосомъ. — Неужели это надежда! Могу ли я извлечь хоть какую-нибудь

надежду изъ вашихъ словъ, Зинаида Аонасеевна?

— Припомните все, что я вамъ сказала, и извлекайте все, что вамъ угодно. Ваша воля! Но я больше ничего не прибавлю. Я вамъ еще не отказываю, а говорю только: ждите. Но повторяю вамъ, я оставляю за собой полное право отказать вамъ, если мнѣ вздумается. Замѣчу еще одно, Павелъ Александровичъ: если вы пріѣхали раньше положеннаго для отвѣта срока, чтобъ дѣйствовать окольными путями, надѣясь на постороннюю протекцію, на примѣръ хоть на вліяніе маменьки, то вы очень ошиблись въ разсчетѣ. Я тогда прямо откажу вамъ, слышите-ли это? А теперь—довольно и, пожалуйста, до извѣстнаго времени не поминайте мнѣ объ этомъ ни слова.

Вся эта рѣчь была произнесена сухо, твердо и безъ запинки, какъ-будто заранѣе заученая. Мосей Поль почувствовалъ, что остался съ носомъ. Въ эту минуту воротилась Марья Александровна. За нею, почти тотчасъ же, госпожа Зяблова.

— Онъ кажется сейчасъ сойдетъ, Зина! Настасья Петровна, скорѣе заварите новаго чаю! Марья Александровна была даже въ маленькомъ волненіи.

— Анна Николаевна уже прислала навѣдаться. Ея Анютка пріѣхала на кухню и разспрашивала. То-то злятся теперь!—возвѣстила Настасья Петровна, бросаясь къ самовару.

— А мнѣ какое дѣло! сказала Марья Александровна, отвѣчая черезъ плечо госпожѣ Зябловой. — Точно я интересуюсь знать, что думаетъ ваша Анна Николаевна? Повѣрьте, не буду никого подсылать къ ней на кухню. И удивляюсь, рѣшительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагомъ этой бѣдной Анны Николаевны, да и не вы одна, а всѣ въ городѣ? Я на васъ пошлюсь. Павелъ Александровичъ! Вы знаете насъ обѣихъ, — ну изъ чего я буду врагомъ ей? За первенство? Но я равнодушна къ этому первенству. Пусть ее, пусть будетъ первая! Я первая готова поѣхать къ ней, поздравить ее съ ея первенствомъ. И наконецъ—все это несправедливо. Я заступаюсь за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клеветаютъ. За что вы всѣ на нее нападаете? Она молода и любитъ наряды, — за это, что-ли? Но по моему ужъ лучше наряды, чѣмъ что-нибудь другое, вотъ какъ Наталья Дмитриевна, которая—такое любить, что и сказать нельзя. За то ли, что Анна Николаевна ѣздитъ по гостямъ и не можетъ посидѣть дома? Но, Боже мой! Она не получила никакого образованія и ей, конечно, тяжело раскрыть, на примѣръ, книгу или заняться чѣмъ-нибудь двѣ минуты сряду. Она кокетничаетъ и дѣлаетъ изъ окна глазки всѣмъ, кто ни пройдетъ по улицѣ. Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она хорошенькая, когда у ней только бѣлое лицо и больше ничего? Она смѣшиваетъ въ танцахъ, — соглашусь! Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она прекрасно полкверуетъ? На ней не-

возможны наколки и шляпки, — но чѣмъ же виновата она, что ей Богъ не далъ вкуса, а, на противъ, далъ столько легковѣрія. Увѣрьте ее, что хорошо приколотъ къ волосамъ конфектную бумажку, она и приколетъ. Она сплетница, — но это здѣшняя привычка: кто здѣсь не сплетничаетъ? Къ ней ѣздитъ Сушиловъ съ своими бакенбардами и утромъ, и вечеромъ, и чуть ли не ночью. Ахъ, Боже мой! еще бы мужъ козырялъ въ карты до пяти часовъ утра! Къ тому же здѣсь столько дурныхъ примѣровъ! Наконецъ это еще, *можетъ-быть*, и клевета. Словомъ, я всегда, всегда заступаюсь за нее!.. Но, Боже мой! вотъ и князь! Это онъ, онъ! Я узнаю его! Я узнаю его изъ тысячи! Наконецъ-то я вижу, топ prince!—вскричала Марья Александровна, и бросилась на истрѣчу вошедшему князю.

ГЛАВА IV.

Съ перваго, бѣглаго взгляда, вы вовсе не сочтете этого князя за старика, и, только взглянувъ поближе и пристальнѣе, увидите, что это какой-то мертвецъ на пружинахъ. Всѣ средства искусства употреблены, чтобъ заостроить эту мумію въ юношу. Удивительные парикъ, бакенбарды, усы и эспаньолка, превосходнѣйшаго чернаго цвѣта, закрываютъ половину лица. Лицо набѣленное и парумяненное необыкновенно искусно, и на немъ почти нѣтъ морщинъ. Куда онѣ дѣлись?—неизвѣстно. Одѣтъ онъ совершенно по модѣ, точно вырвался изъ модной картинки. На немъ какая-то визитка, или что-то подобное, ей Богу не знаю, что именно, но только что-то чрезвычайно модное и современное, созданное для утреннихъ визитовъ. Перчатки, галстухъ, жилетъ, бѣлье и все прочее, — все это ослѣпительной свѣжести и изящнаго вкуса. Князь немного прихрамываетъ, но прихрамываетъ такъ ловко, какъ-будто и это необходимо по модѣ. Въ глазу его стеклышко, въ томъ самомъ глазу, который и безъ того стеклянный.—Князь пропитанъ духами. Разговаривая, онъ какъ-то особенно протягиваетъ нныя слова, — можетъ быть отъ старческой немощи, можетъ быть оттого, что всѣ зубы вставные, можетъ быть и для пущей важности. Нѣкоторые слоги онъ произноситъ необыкновенно сладко, особенно напирая на букву э. *Да* у него какъ-то выходитъ *ддэ*, но только еще не много послаще. Во всѣхъ манерахъ его что-то небрежное, заученое въ продолженіе всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что-нибудь отъ эгой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже какъ-то безсознательно, въ видѣ какого то неяснаго воспоминанія, въ видѣ какой-то пережитой, отпѣтой старины, которую, увы! не воскресятъ никакіе косметики, корсеты, парфюмеры и парикмахеры. И потому лучше сдѣлаемъ, если заранѣе признаемся, что старичекъ, если и не выжилъ еще изъ ума, то давно уже выжилъ

изъ памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсѣмъ замирается. Нужно даже умѣнье, чтобъ съ нимъ говорить. Но Марья Александровна надѣется на себя и, при видѣ князя, приходитъ въ неизреченный восторгъ.

— Но вы ничего, ничего не перемѣнились! — восклицаетъ она, хватая гостя за обѣ руки и усаживая его въ покойное кресло. — Садитесь, садитесь, князь! Шестъ лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались, и ни одного письма, даже ни строчки во все это время! О, какъ вы виноваты передо мною, князь! Какъ я зла была на васъ, mon cher prince! Но,—чаю, чаю! Ахъ, Боже мой! Настасья Петровна, чаю!

— Благодарю, бла-го-дарю, вин-новать! шепелявить князь, (мы забыли сказать, что онъ немного шепелявить, но и это дѣлаетъ, какъ будто по модѣ.)—Ви-но-вать! и представьте себѣ, еще прошлаго года непремѣнно хотѣлъ сюда ѣхать,—прибавляетъ онъ, лорнируя комнату:—Да, напугали: тутъ, говорятъ, хо-ле-ра была...

— Нѣтъ, князь, у насъ не было холеры, говоритъ Марья Александровна.

— Здѣсь былъ скотскій падежъ, дядюшка! — вставляетъ Мозгляковъ, желая отличиться. Марья Александровна обмѣриваетъ его строгимъ взглядомъ.

— Ну, да, скотскій па-дежъ, или что-то въ этомъ родѣ... Я и остался. Ну, какъ вашъ мужъ, моя милая Анна Николаевна? Все по своей проку-рорской части?

— Н-ѣтъ, князь, говоритъ Марья Александровна, немного заикаясь. — Мой мужъ не про-ку-роръ...

— Бьюсь объ закладъ, что дядюшка сбился и принимаетъ васъ за Анну Николаевну Антипову; — вскрикиваетъ догадливый Мозгляковъ, но тотчасъ спохватывается, замѣчая, что и безъ этихъ поясненій Марью Александровну, какъ будто, всю покоробило.

— Ну, да, да, Анну Николаевну, и-и- (я все забываю!) Ну да, Антиповну, именно Анти-повну, — подтверждаетъ князь.

— Н-нѣтъ, князь, вы очень ошиблись, — говоритъ Марья Александровна, съ горькой улыбкой. — Я вовсе не Анна Николаевна и, признаюсь, никакъ не ожидала, что вы меня не узнаете! Вы меня удивили, князь! Я вашъ бывшій другъ, Марья Александровна Москалева. Помните, князь, Марью Александровну?...

— Марью А-лекс-анд-ровну! представьте себѣ! а я именно по-ла-галъ, что вы то и есть (какъ ее) — ну, да! Анна Васильевна.... C'est délicieux! Значитъ, я не туда заѣхалъ. А я думалъ, мой другъ, что ты именно ве-зешь меня къ этой Аннѣ Матвѣевнѣ. C'est charmant! Впрочемъ, это со мной часто случается.... Я часто не туда заѣзжаю. Я вообще доволенъ, всегда доволенъ, чтобъ ни случилось. Такъ вы не Настасья Ва-сильевна? Это интересно....

— Марья Александровна, князь, Марья Алек-

сандровна! О, какъ вы виноваты передо мной! Забыть своего лучшаго, лучшаго друга!

— Ну, да, луч-шаго друга.... pardon, pardon! — шепелявить князь, заглядываясь на Зину.

— А это дочь моя, Зина. Вы еще незнакомы, князь. Ея не было въ то время, когда вы были здѣсь, помните въ—мѣ году?

— Это ваша дочь! Charmante, charmante! бормочетъ князь, съ жадностью лорнируя Зину. — Mais quelle beauté! — шепчетъ онъ, видимо пораженный.

— Чаю, князь,—говоритъ Марья Александровна, привлекая вниманіе князя на казачка, стоящаго передъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ. Князь беретъ чашку и засматривается на мальчику, у котораго пухленькія и розовыя щечки.

— А-а-а, это вашъ мальчикъ? — говоритъ онъ. — Какой хо-ро-шень-кій мальчикъ!... и-и-и вѣрно хо-ро-шо.... ведетъ себя?

— Но, князь — поспѣшно перебиваетъ Марья Александровна,—я слышала объ ужаснѣйшемъ происшествіи! Признаюсь, я была внѣ себя отъ испуга.... Не ушиблись-ли вы? Смотрите! этимъ пренебрегать невозможно....

— Вывалилъ! вывалилъ! кучеръ вывалилъ! — восклицаетъ князь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.—Я уже думалъ, что наступаетъ свѣто-представленіе, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и такъ, признаюсь, испугался, что,—прости меня, угодникъ! —небо съ овчинку показалось! Не ожидалъ, не ожидалъ! совсѣмъ не о-жи-далъ! И во всемъ этомъ мой кучеръ Фе-о-филъ виноватъ! Я ужъ на тебя во всемъ надѣюсь, мой другъ: распорядись и розыщи хорошенько.—Я у-вѣ-ренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-шался.

— Хорошо, хорошо, дядюшка! отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ, все розыщя! Только послушайте, дядюшка! Простите-ка его, для сегодняшняго дня, а? Какъ вы думаете?

— Ни-за-что не прошу! Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-шался! Онъ, и еще Лаврентій, котораго я дома оставилъ. Вообразите: нахватался, знаете, какихъ-то новыхъ пдей! Отрицаніе какое-то въ немъ явилось.... Однимъ словомъ: коммунизмъ, въ полномъ смыслѣ слова! Я ужъ и встрѣчаться съ нимъ боюсь!

— Ахъ, какую вы правду сказали, князь, восклицаетъ Марья Александровна. Вы не повѣрите, какъ я сама страдаю отъ этихъ негодныхъ людишекъ! Вообразите: я теперь перемѣнила двухъ изъ моихъ людей и, признаюсь, они такъ глупы, что я просто бьюсь съ ними съ-утра до вечера. Вы не повѣрите, какъ-они глупы, князь!

— Ну-да, ну-да! Нѣ признаюсь вамъ, я даже люблю, когда лакей отчасти глупъ, — замѣчаетъ князь, который, какъ и всѣ старички, радъ, когда болтовню его слушаютъ съ подобострастіемъ. Къ лакею это какъ-то идетъ,—и даже составляетъ его достоин-ство, если онъ чистосердеченъ и глупъ. Разумѣется, въ иныхъ только слу-ча-яхъ. Са-но-

ви-тости въ немъ оттого какъ-то больше, тор-жественность какая-то въ лицѣ у него является; однимъ словомъ благороспитанности больше, а я прежде всего требую отъ *человѣка* бла-го-вос-питанности. Вотъ, у меня Те-рен-тія есть. Вѣдь ты помнишь, мой другъ, Те-рен-тія? Я, какъ взглянулъ на него, такъ и предрекъ ему, съ перваго раза: быть тебѣ въ швейцарахъ! Глупъ фе-но-менально! смотреть, какъ баранъ на воду! Но какая са-но-витость, какая тор-жественность! Кадыкъ такой, свѣтло-розовый! Ну, а—вѣдь это въ бѣломъ галстухѣ, и во всемъ парадѣ, составляетъ эффектъ. Я душевно его полюбилъ. Иной разъ смотрю на него и засматриваюсь: рѣшительно диссертацию сочиняетъ,—такой важный видъ! однимъ словомъ, настоящій, нѣмецкій фило-софъ Кантъ, или, еще вѣрнѣе, откормленный жирный индюкъ. Совершенный *comme-il-faut* для служащаго человѣка!...

Марья Александровна хохочетъ съ самымъ восторженнымъ увлеченіемъ и даже хлопаешь въ ладошки. Павелъ Александровичъ вторить ей отъ всего сердца: его чрезвычайно занимаетъ дядя. Захохотала и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина.

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько въ васъ остроумія, князь!—воскликаетъ Марья Александровна.—Какая драгоцѣнная способность подмѣтить самую тонкую, самую смѣшную черту!... И исчезнуть изъ общества, запереться на пѣлыхъ пять лѣтъ! Съ такимъ талантомъ! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить фон-Визина, Грибоѣдова, Гоголя!...

— Ну-да, ну-да! — говоритъ вседовольный князь,—я могу пов-то-рить... и, знаете, я былъ необыкновенно остроуменъ въ прежнее время. Я даже для сцены во-де-вилъ написалъ... Тамъ было нѣсколько вос-хи-ти-тельныхъ куплетовъ! Впрочемъ, его никогда не играли...

— Ахъ, какъ-бы это мило было прочесть! И знаешь, Зина, вотъ, теперь-бы, кстати! У насъ-же собираются составить театръ,—для патріотическаго пожертвованія, князь, въ пользу раненыхъ... вотъ-бы вашъ водевилъ!

— Конечно! Я даже опять готовъ написать... впрочемъ, я его совершенно за-былъ. Но, помню, тамъ было два-три каламбура такихъ, что (и князь поцѣловалъ свою ручку) .. И вообще, когда я былъ за гра-ни-цей, я производилъ нас-то-ящій fu-го-ге. Лорда Байрона помню. Мы были на дружеской по-гѣ. Восхитительно танцевалъ краковякъ на вѣнскомъ конгрессѣ.

— Лордъ Байронъ, дядюшка! помилуйте, дядюшка, что вы?

— Ну, да, лордъ Байронъ. Впрочемъ, можетъ быть, это былъ и не лордъ Байронъ, а кто-нибудь другой. Именно не лордъ Байронъ, а одинъ полякъ! Я теперь совершенно припоминаю. И пре-ори-ги-нальный былъ этотъ по-лякъ: выдалъ себя за графа, а потомъ оказалось, что онъ былъ какой-то кухмистеръ. Но только вос-хи-ти-тельно

танцевалъ краковякъ и, наконецъ, сломалъ себѣ ногу. Я еще тогда, на этотъ случай, стихи сочинилъ:

Нашъ по-лякъ

Танцевалъ краковякъ...

А тамъ... а тамъ, вотъ ужъ дальше и непри-помню...

— А какъ ногу сломалъ,
Танцевать пересталъ.

— Ну, ужъ вѣрно такъ, дядюшка?—воскликаетъ Мозгляковъ, все болѣе и болѣе приходя въ вдохновенье.

— Кажется, что такъ, другъ мой, — отвѣчаетъ дядюшка,—или что-нибудь по-добное. Впрочемъ, можетъ быть и не такъ, но только преудачные вышли стихи... Вообще я теперь забылъ нѣкоторыя происшествія. Это у меня отъ занятій.

— Но скажите, князь, чѣмъ же вы, все это время, занимались въ нашемъ уединеніи,—интересуется Марья Александровна.—Я такъ часто думала о васъ, mon cher prince, что, признаюсь, на этотъ разъ сгораю нетерпѣніемъ узнать объ этомъ подробнѣе...

— Чѣмъ занимался? Ну, вообще, знаете, много за-ня-тій. Когда—отдыхаешь; а иногда, знаете, хожу, воображаю разныя вещи...

— У васъ, должно-быть, чрезвычайно сильное воображеніе, дядюшка?

— Чрезвычайно сильное, мой милый. Я иногда такое воображу, что даже самъ себѣ, потомъ, удивляюсь. Когда я былъ въ Кадуевѣ... А про-ро-с! вѣдь ты, кажется, кадуевскимъ вице-губернаторомъ былъ?

— Я, дядюшка? Помилуйте, что вы! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Представь себѣ, мой другъ! а я тебя все принималъ за вице-губернатора, да и думаю: что-жъ это у него, какъ-будто-бы вдругъ стало совсѣмъ другое ли-цо?... У того, знаешь, было лицо такое о-са-нистое, умное. Не-о-бык-новенно умный былъ человѣкъ, и все стихи со-чи-нялъ, на разные случаи. Немного, этакъ, съ-боку, на бубноваго коро-ля былъ похожъ...

— Нѣтъ, князь, — перебиваетъ Марья Александровна, — клянусь, вы погубите себя такой жизнью! Затворитесь на пять лѣтъ въ уединеніе, никого не видать, ничего не слышать! Но вы погибшій человѣкъ, князь! Кого хотите, спросите изъ тѣхъ, кто вамъ преданъ, и вамъ всякій скажетъ, что вы—погибшій человѣкъ!

— Неужели? восклицаетъ князь.

— Увѣрю васъ; я говорю вамъ, какъ другъ, какъ сестра ваша! Я говорю вамъ потому, что вы мнѣ дороги, потому что память о прошломъ для меня священна! Какая выгода была-бы мнѣ лицемѣрить? Нѣтъ, вамъ нужно до основанія измѣнить вашу жизнь, — иначе вы заболѣете, вы истощите себя, вы умрете...

— Ахъ, Боже мой! Неужели такъ скоро ум-

ру!—восклицает испуганный князь—и, представьте себя, вы угадали: меня чрезвычайно мучит геморрой, особенно съ нѣкотораго времени... И когда у меня бываютъ припадкы, то вообще удивительныя при этомъ симптомы (я вамъ подробнѣйшимъ образомъ ихъ опишу)... Во-первыхъ...

— Дядюшка, это вы въ другой разъ рассказываете,—подхватываетъ Павелъ Александровичъ, а теперь... не пора-ли намъ ѣхать?

— Ну, да! пожалуй, въ другой разъ. Это, можетъ-быть, и не такъ интересно слушать. Я теперь соображаю... Но все-таки это чрезвычайно любопытная болѣзнь. Есть разные эпизоды... Напомни мнѣ, мой другъ, я тебѣ ужъ-вечеромъ расскажу одинъ случай въ подробностяхъ...

— Но послушайте, князь, вамъ-бы попробовать лечиться за границей, — перебиваетъ еще разъ Марья Александровна.

— За границей! Ну да, ну да! Я непременно побѣду за границу. Я помню, когда я былъ за границей въ двадцатыхъ годахъ, тамъ было удивительно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессѣ, француженкѣ. Я тогда былъ чрезвычайно влюбленъ и хотѣлъ посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочемъ, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовалъ, одинъ нѣмецкій баронъ; онъ еще потомъ, нѣкоторое время, въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ.

— Но, cher prince, я къ тому говорила, что вамъ надо серьезно подумать о своемъ здоровьи. За границей такіе медики... и, сверхъ того, чего стоитъ уже одна перемѣна жизни! Вамъ рѣшительно надо бросить, хоть на время, ваше Духаново.

— Непремѣнно! Я уже давно рѣшился, и, знаете, памѣрень лѣчиться гид-ро-патіей.

— Гидропатіей?

— Гидропатіей. Я уже лечился разъ гид-ро-патіей. Я былъ тогда на водахъ. Тамъ была одна московская барыня, я ужъ фамилію забылъ, но только чрезвычайно поэтическая женщина, лѣтъ семидесяти была. При ней еще находилась дочь, лѣтъ пятидесяти, вдова, съ бельмомъ на глазу. Та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потомъ еще съ ней несчастный случай вы-шелъ: свою дворовую дѣвку, осердясь, убила и за то подсудомъ была. Вотъ и вздумали онѣ меня водой лечить. Я, признаюсь, ничѣмъ не былъ боленъ; ну пристали ко мнѣ: «лечись, да лечись!» Я, изъ деликатности, и началъ пить воду; думаю: и въ самомъ-дѣлѣ легче слѣ-дается. Пилъ-пилъ, пилъ-пилъ, выпилъ пѣлый водопадъ, и, знаете, эта гид-ропатія полезная вещь и ужасно много пользы мнѣ принесла, такъ что, еслибъ я наконецъ не заболѣлъ, то, увѣряю васъ, что былъ-бы совершенно здоровъ...

— Вотъ это совершенно справедливое заклю-

ченье, дядюшка! Скажите, дядюшка, вы учились логикѣ?

— Боже мой! какіе вы вопросы задаете! — строго замѣчаетъ скандализованная Марья Александровна.

— Учился, другъ мой, но только очень давно. Я я философіи обучался въ Германіи, весь курсъ прошелъ, но только тогда-же все совершенно забылъ. Но... признаюсь вамъ... вы меня такъ испугали этими болѣзнями, что я... весь разстроень. Впрочемъ, я сейчасъ ворочусь...

— Но куда-жъ вы, князь? — вскрикиваетъ удивленная Марья Александровна.

— Я сейчасъ, сейчасъ... Я только записать одну новую мысль... au revoir...

— Каковъ? — вскрикиваетъ Павелъ Александровичъ и заливается хохотомъ.

Марья Александровна теряетъ терпѣнье.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, чему вы смѣетесь! начинается она съ горячностью. — Смѣяться надъ почтеннымъ старичкомъ, надъ родственникомъ, подымать на смѣхъ каждое его слово, пользуясь ангельской его добротою! — Я краснѣла за васъ, Павелъ Александровичъ! Но, скажите, чѣмъ онъ смѣшонъ по вашему? Я ничего не нашла въ немъ смѣшнаго.

— Что онъ не узнаетъ людей, что онъ иногда заговаривается?

— Но это слѣдствіе ужасной жизни его, ужаснаго пятилѣтняго заключенія, подъ надзоромъ этой адской женщины. Его надо жалѣть, а не смѣяться надъ нимъ. Онъ даже меня не узналъ; вы были сами свидѣтелями. Это уже, такъ-сказать, — вопіетъ! Его рѣшительно надо спасти! Я предлагаю ему ѣхать за границу, единственно въ надеждѣ, что онъ, можетъ-быть, броситъ эту... торговку!

— Знаете-ли что? его надо женить, Марья Александровна! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Опять! Но вы несправимы послѣ этого, мсье Мозгляковъ!

— Нѣтъ, Марья Александровна, нѣтъ! Въ этотъ разъ я говорю совершенно серьезно! Почему-жъ не женить? Это тоже идея! C'est une idée comme une autre! Чѣмъ можетъ это повредить ему, скажите, пожалуйста? Онъ, напротивъ, въ такомъ положеніи, что подобная мѣра можетъ только спасти его! По закону, онъ еще можетъ жениться. Во-первыхъ, онъ будетъ избавленъ отъ этой пройдохы (извините за выраженіе). Во-вторыхъ и, главное—представьте себѣ, что онъ выберетъ дѣвушку, или, еще лучше, вдову, милую, добрую, умную, нѣжную и, главное, бѣдную, которая будетъ ухаживать за нимъ, какъ дочь, и пойметъ, что онъ ее облагодѣтельствовалъ, назвавъ своею женою. А что-же ему лучше, какъ неродное, какъ не искреннее и благородное существо, которое непрерывно будетъ подлѣ него, вмѣсто этой... бабы. Разумѣется, она должна быть хорошенькая, потому что дядюшка до сихъ поръ

еще любить хорошенькихъ. Вы замѣтили, какъ онъ заглядывался на Зинаиду Аѳанасьевну?

— Да гдѣ же вы найдете такую невѣсту?—спрашиваетъ Настасья Петровна, прилежно слушавшая.

— Вотъ, такъ сказали: да хоть бы вы, если только угодно! Позвольте спросить: чѣмъ вы не невѣста князю? Во первыхъ—вы хорошенькая, во вторыхъ—вдова, въ третьихъ—благородная, въ четвертыхъ—бѣдная (потому что вы дѣйствительно небогатая), въ пятыхъ—вы очень благоразумная дама, слѣдственно будете любить его, держать его въ хлопоткахъ, прогоните ту барыню въ толчки, повезете его за границу, будете кормить его манной кашкой и конфетами, все это ровно до той минуты, когда онъ оставитъ сей бренный міръ, что будетъ ровно черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ два мѣсяца съ половиною. Тогда вы княгиня, вдова, богачка и, въ награду за вашу рѣшимость, выходите замужъ за маркиза, или за генераль-интенданта! C'est joli, не правда-ли?

— Фу, ты, Боже мой! да я бы, мнѣ кажется, влюбилась въ него, голубчика, изъ одной благодарности, еслибъ онъ только сдѣлалъ мнѣ предложеніе! восклицаетъ г-жа Зяблова, и темные, выразительные глаза ея засверкали:—только все это—вздоръ!

— Вздоръ? хотите, это будетъ не вздоръ? Попросите-ка меня хорошенько и потомъ палецъ мнѣ отрѣжьте, если сегодня-же не будете его невѣстою! Да нѣтъ ничего легче уговорить или сманить на что нибудь дядюшку! Онъ все говоритъ: «Ну да, ну да!»—сами слышали. Мы его женимъ такъ, что онъ и не услышитъ. Пожалуй, обманемъ и женимъ; да вѣдь для его же пользы, помилосердуйте!... Хоть бы вы принарядились на всякій случай, Настасья Петровна!

Восторгъ м-сье Мозглякова переходитъ даже въ азартъ. У г-жи Зябловой, какъ ни разсудительна она, потекли однакоже слюнки.

— Да ужъ я и безъ васъ знаю, что сегодня совсѣмъ замарашка, — отвѣчаетъ она. Совсѣмъ опустилась, давно не мечтаю. Вотъ и выѣхала такая мадамъ Грибусье... А что, въ самомъ дѣлѣ, я кучаркой кажусь?

Все это время Марья Александровна сидѣла съ какой-то странной миною въ лицѣ. Я не ошибусь, если скажу, что она слушала странное предложеніе Павла Александровича съ какимъ-то испугомъ, какъ-то оторопѣвъ... Наконецъ она опомнилась.

— Все это, положимъ, очень хорошо, но все это вздоръ и нелѣпость, а главное, совершенно нестати, — рѣзко прерываетъ она Мозглякова.

Но, почему же, добрыйшая Марья Александровна, почему же это вздоръ и нестати?

— По многимъ причинамъ, а главное потому, что вы у меня въ домѣ, что князь — мой гость, и что я никому не позволю забыть уваженіе къ моему дому. Я принимаю ваши слова не иначе,

какъ за шутку, Павелъ Александровичъ. Но, слава Богу! вотъ и князь!

— Вотъ и я! — кричитъ князь, входя въ комнату. — Удивительно, cher ami, сколько у меня сегодня разныхъ идей. А другой разъ, можетъ быть ты и не повѣришь тому, какъ будто ихъ совсѣмъ не бы-ваетъ. Такъ и сижу себѣ цѣлый день.

— Это, дядюшка, вѣроятно отъ сегодняшняго паденія. Это потрясло ваши нервы, и вотъ...

— Я и самъ, мой другъ, этому же приписываю и нахожу этотъ случай даже по-лез-нымъ; такъ что я рѣшился простить моего Тео-фи-ла. Знаешь что? мнѣ кажется, онъ не покушался на мою жизнь; ты думаешь? Притомъ же онъ и безъ того былъ недавно наказанъ, когда ему бороду сбрили.

— Бороду сбрили, дядюшка! Но у него борода съ нѣмецкое государство?

— Ну, да, съ нѣмецкое государство. Вообще, мой другъ, ты совершенно справедливъ въ своихъ заключеніяхъ. Но это искусственная. И представьте себѣ, какой случай; вдругъ присылаютъ мнѣ преискурантъ. Получены вновь изъ-за границы превосходнѣйшія кучерскія и господскія боро-ды, равнобѣрно бакенбарды, эспаньолки, усы и проч., и все это лучшаго ка-чес-тва, и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Дай, думаю, выпишу боро-ду, хоть поглядѣть — что такое? Вотъ и выписалъ я бороду кучерскую, дѣйствительно борода загляднѣе! Но оказывается, что у Теофила своя собственная чуть не въ два раза больше. Разумѣется, возникло недоумѣніе: сбрить-ли свою, или присланную назадъ отослать, а носить натуральную? Я думалъ-думалъ и рѣшилъ, что ужъ лучше носить искусственную.

— Вѣроятно потому, что искусство выше натуры, дядюшка!

— Именно потому. И сколько ему страданій стоило, когда ему бороду брили? Какъ будто со всей своей карьерой съ бородой разставался... Но не пора-ли намъ ѣхать, мой милый?

— Я готовъ, дядюшка.

— Но я надѣюсь, князь, что вы только къ одному губернатору!—въ волненіи восклицаетъ Марья Александровна. Вы теперь мой, князь, и принадлежите моему семейству на цѣлый день. Я, конечно, ничего вамъ не буду говорить про здѣшнее общество. Можетъ быть вы пожелаете быть у Анны Николаевны, и я не въ правѣ разочаровывать: къ тому же я вполне увѣрена, что время покажетъ свое. Но помните одно, что я ваша хозяйка, сестра, мамка, нянька на весь этотъ день и, признаюсь, я трепещу за васъ, князь! Вы не знаете, нѣтъ, вы не-знаете вполне этихъ людей, по крайней мѣрѣ до времени!...

— Положитесь на меня, Марья Александровна. Все, какъ я вамъ обѣщалъ, такъ будетъ, — говоритъ Мозгляковъ.

— Ужъ вы, вѣтреникъ! положишь на васъ! Я васъ жду къ обѣду, князь. Мы обѣдаемъ рано. И какъ я жалѣю, что на этотъ случай мужъ мой въ

деревнѣ! какъ бы радъ онъ былъ васъ увидѣть! Онъ такъ васъ уважаетъ, такъ душевно васъ любить!

— Вашъ мужъ? А у васъ есть и мужъ? спрашиваетъ князь.

— Ахъ, Боже мой! какъ вы забывчивы, князь! Но вы совершенно, совершенно забыли все прежнее! Мой мужъ, Аѳанасій Матвѣичъ, неужели вы его не помните? Онъ теперь въ деревнѣ, но вы тысячу разъ его видѣли прежде. Помните, князь: Аѳанасій Матвѣичъ?...

— Аѳанасій Матвѣичъ! въ деревнѣ, представьте себѣ, *mais c'est délicieux!* Такъ у васъ есть и мужъ? Какой странный, однако же, случай! Это точъ-въ-точъ какъ есть одинъ водевиль: мужъ въ дверь, а жена въ... позвольте, вотъ и забылъ! только куда-то и жена тоже поѣхала, кажется въ Тулу или въ Ярославль, однимъ словомъ выходитъ какъ-то очень смѣшно.

— Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, дядюшка; — подсказываетъ Мозгляковъ.

— Ну-ну! да-да! благодарю тебя, другъ мой, именно въ Тверь, *charmant, charmant!* такъ что оно и складно выходитъ. Ты всегда въ рпему попадаешь, мой милый! То-то, я помню: въ Ярославль или въ Кострому, но только куда-то и жена тоже поѣхала! *Charmant, charmant!* Впрочемъ, я немного забылъ, о чемъ началъ говорить... да! и такъ мы ѣдемъ, другъ мой. *Au revoir, madame, adieu, ma charmante demoiselle,* — прибавилъ князь, обращаясь къ Зинѣ и цѣлуя кончики своихъ пальцевъ.

— Обѣдать, обѣдать, князь! Не забудьте возвратиться скорѣе! — кричитъ вслѣдъ Марья Александровна.

ГЛАВА V.

— Вы бы, Настасья Петровна, взглянули на кухню, — говоритъ она, проводивъ князя. — У меня есть предчувствіе, что этотъ извергъ Никитка непременно испортитъ обѣдъ! Я увѣрена, что онъ уже пьянъ...

Настасья Петровна повинуется. Уходя, она подозрительно взглядываетъ на Марью Александровну и замѣчаетъ въ ней какое-то необыкновенное волненіе. Вмѣсто того, чтобъ идти присмотрѣть за извергомъ Никиткой, — Настасья Петровна проходитъ въ залъ, оттуда коридоромъ, въ свою комнату, оттуда въ темную комнатку, въ родѣ чуланчика, гдѣ стоятъ сундуки, развѣшена кой-какая одежда и сохраняется въ узлахъ черное бѣлье всего дома. Она на цыпочкахъ подходитъ къ запертымъ дверямъ, скрадываетъ свое дыханіе, нагибается, смотритъ въ замочную скважинку и подслушиваетъ. Эта дверь — одна изъ трехъ дверей той самой комнаты, гдѣ остались теперь Зина и ея маленька, — всегда наглухо заперта и замочена.

Марья Александровна считаетъ Настасью Петровну плутоватой, но чрезвычайно легкомысленной

женщиной. Конечно, ей приходила иногда мысль, что Настасья Петровна не поцеремонится и подслушать. Но въ настоящую минуту госпожа Москалева такъ занята и взволнована, что совершенно забыла о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Она садится въ кресла и значительно взглядываетъ на Зину. Зина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и какая-то непріятная тоска начинается щемить ея сердце.

— Зина!

Зина медленно оборачиваетъ къ ней свое блѣдное лицо и подымаетъ свои черные, задумчивые глаза.

— Зина, я намѣрена поговорить съ тобой о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Зина оборачивается совершенно къ своей маленькѣ, складываетъ свои руки и стоитъ въ ожиданіи. Въ лицѣ ея досада и насмѣшка, что, впрочемъ, она старается скрыть.

— Я хочу тебя спросить, Зина, какъ показался тебѣ, сегодня, *этотъ* Мозгляковъ?

— Вы уже давно знаете, какъ я о немъ думаю, — нѣхотя отвѣчаетъ Зина.

— Да, *mon enfant*; но, мнѣ кажется, онъ становится какъ-то ужъ слишкомъ навязчивымъ съ своими... исканіями.

— Онъ говоритъ, что влюбленъ въ меня и навязчивость его извинительна.

— Странно! Ты прежде не извиняла его такъ... охотно. Напротивъ, всегда на него нападала, когда я заговорю объ немъ.

— Странно и то, что вы всегда защищали и непремѣнно хотѣли, чтобъ я вышла за него замужъ, а теперь первая на него нападаете.

— Почти. Я не запираюсь, Зина: я желала тебя видѣть за Мозгляковымъ. Мнѣ тяжело было видѣть твою безпрерывную тоску, твои страданія, которыя я въ состояніи понять (что-бы ты ни думала обо мнѣ!) и которыя отравляютъ мой сонъ по ночамъ. Я увѣрилась наконецъ, что одна только значительная перемѣна въ твоей жизни можетъ спасти тебя! И перемѣна эта должна быть — замужество. Мы небогаты и не можемъ ѣхать, напри- мѣръ, за границу. — Здѣшніе ослы удивляются, что тебѣ двадцать три года и ты не замужемъ, и сочиняютъ объ этомъ исторіи. Но неужели-жъ я тебя выдамъ за здѣшняго совѣтника, или за Ивана Ивановича, нашего стряпчего? Есть ли для тебя здѣсь мужья? Мозгляковъ конечно лгъ, но онъ все-таки лучше всѣхъ. Онъ порядочной фамиліи, у него есть родство, у него есть полтора ста душъ; это все таки лучше, чѣмъ жить крючками, да взятками, да Богъ знаетъ какими приключеніями; потому я и бросила на него мои взгляды. Но, вѣ- нусь тебѣ, я никогда не имѣла настоящей къ нему симпатіи. Я увѣрена, что самъ Всевышній предупреждалъ меня. И еслибы Богъ послалъ, хотъ теперь, что нибудь лучше — о! какъ хорошо тогда, что ты еще не дала ему слова! ты вѣдь сегодня ничего не сказала ему навѣрно, Зина?

— Къ чему такъ кривляться маменька, когда все дѣло въ двухъ словахъ? — раздражительно проговорила Зина.

— Кривляться, Зина, кривляться! и ты могла сказать такое слово матери? Но, что я! Ты давно уже не вѣришь своей матери! Ты давно уже считаешь меня своимъ врагомъ, а не матерью.

— Э, полноте, маменька! Намъ ли съ вами за слово спорить! Развѣ мы не понимаемъ другъ друга? Было, кажется, время понять!

— Но ты оскорбляешь меня, дитя мое! Ты не вѣришь, что я готова рѣшительно на все, на все, чтобъ устроить судьбу твою!

Зина взглянула на мать насмѣшливо и съ досадою.

— Ужъ не хотите ли вы меня выдать за этого князя, чтобъ *устроить* судьбу мою? спросила она съ странной улыбкой.

— Я ни слова не говорила объ этомъ, но къ слову скажу, что еслибъ случилось тебѣ выйти за князя, то это было бы счастьемъ твоимъ, а не безуміемъ...

— А я нахожу, что это просто вздоръ! запальчиво воскликнула Зина.—Вздоръ! вздоръ! Я нахожу еще, маменька, что у васъ слишкомъ много поэтическихъ вдохновеній, вы женщина-поэтъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; васъ здѣсь и называютъ такъ. У васъ непрерывно проекты. Невозможность и вздорность ихъ васъ не останавливаютъ. Я предчувствовала, когда еще князь здѣсь сидѣлъ, что у васъ это на умѣ. Когда дурачился Мозгляковъ и увѣрялъ, что надо женить этого старика, я прочла всѣ мысли ваши на вашемъ лицѣ. Я готова биться объ закладъ, что вы объ этомъ думаете, и теперь съ этимъ же ко мнѣ подѣзжаете. Но, такъ какъ ваши непрерывные проекты на счетъ меня начинаютъ мнѣ до смерти надоедать, начинаютъ мучить меня, то прошу васъ не говорить мнѣ объ этомъ ни слова, слышите ли, маменька, — ни слова, и я бы желала, чтобъ вы это запомнили! Она задыхалась отъ гнѣва.

— Ты дитя, Зина, — раздраженное, больное дитя! — отвѣчала Марья Александровна, растроганная, слезящимся голосомъ.—Ты говоришь со мной непочтительно и оскорбляешь меня. Ни одна мать не вынесла бы того, что я выношу отъ тебя ежедневно! Но ты раздражена, ты больна, ты страдаешь, а я мать и, прежде всего, христианка. Я должна терпѣть и прощать. Но одно слово, Зина: еслибъ я и дѣйствительно мечтала объ этомъ союзѣ, — почему именно ты считаешь все это вздоромъ? По моему, Мозгляковъ никогда не говорилъ умнѣе давешняго, когда доказывалъ, что князю необходима женитьба, конечно, не на этой чумичкѣ Настасьѣ. Тутъ ужъ онъ заврался.

— Послушайте, маменька! скажите прямо: вы это спрашиваете только такъ, изъ любопытства, или съ намѣреніемъ?

— Я спрашиваю только: почему это кажется тебя такимъ вздоромъ?

— Ахъ, досада! вѣдь достанется же такая судьба! — восклицаетъ Зина, топнувъ ногою отъ нетерпѣнія. Вотъ почему, если это вамъ до сихъ поръ неизвѣстно: не говоря уже о всѣхъ другихъ нелѣпостяхъ, — воспользоваться тѣмъ, что старикашка выжилъ изъ ума, обмануть его, выйти за него, за калѣку, чтобъ вытащить у него его деньги и потомъ каждый день, каждый часъ, желать его смерти, по моему это не только вздоръ, но, сверхъ того, такъ низко, такъ низко, что я не поздравляю васъ съ такими мыслями, маменька!

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Зина! а помнишь ли, что было два года назадъ? — спросила вдругъ Марья Александровна.

Зина вздрогнула.

— Маменька! — сказала она строгимъ голосомъ, — вы торжественно обѣщали мнѣ никогда не напоминать объ этомъ!

— А теперь торжественно прошу тебя, дитя мое, чтобъ ты позволила мнѣ одинъ только разъ нарушить это обѣщаніе, которое я никогда до сихъ поръ не нарушала. Зина! пришло время полного объясненія между нами. Эти два года молчанія были ужасны! Такъ не можетъ продолжаться!.. Я готова на колѣняхъ молить тебя, чтобъ ты мнѣ позволила говорить. Слышишь, Зина: родная мать умоляетъ тебя на колѣняхъ! Виѣсть съ этимъ даю тебѣ торжественное слово мое — слово несчастной матери, обожающей свою дочь, что никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже еслибъ шло о спасеніи жизни моей, я уже не буду болѣе говорить объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ, но теперь — это необходимо!

Марья Александровна рассчитывала на полный эффектъ.

— Говорите, — сказала Зина, замѣтно блѣднѣя.

— Благодарю тебя, Зина. Два года назадъ, къ покойному Митѣ, твоему маленькому брату, ходилъ учитель...

— Но зачѣмъ вы такъ торжественно начинаете, маменька! Къ чему все это краснорѣчіе, всѣ эти подробности, которыя совершенно не нужны, которыя тяжелы, и которыя намъ обѣимъ слишкомъ извѣстны? — съ какимъ-то злобнымъ отвращеніемъ прервала ее Зина.

— Къ тому, дитя мое, что я, твоя мать, принуждена теперь оправдываться передъ тобою! Къ тому, что я хочу представить тебѣ это же все дѣло совершенно съ другой точки зрѣнія, а не съ той, ошибочной точки, съ которой ты привыкла смотрѣть на него. Къ тому, наконецъ, чтобъ ты лучше поняла заключеніе, которое я намѣрена изъ всего этого вывести. — Не думай, дитя мое, что я хочу играть твоимъ сердцемъ! Нѣтъ, Зина, ты найдешь во мнѣ настоящую мать и, можетъ быть, обливаясь слезами, у ногъ моихъ, у ногъ *низкой женщины*, какъ ты сейчасъ назвала меня, сама будешь просить примиренія, которое ты такъ долго, такъ надменно, до сихъ поръ отвергала. Вотъ по-

чему я хочу высказать все, Зина, все съ самаго начала; иначе я молчу!

— Говорите,—повторила Зина, отъ всего сердца проклиная потребность краснорѣчія своей маменьки.

— Я продолжаю, Зина: этотъ учитель уѣзднаго училища, почти еще мальчикъ, производить на тебя совершенно непонятное для меня впечатлѣніе. Я слишкомъ надѣялась на твое благоразуміе, на твою благородную гордость и, главное, на его ничтожество (потому что надо же все говорить), чтобы хоть что нибудь подозрѣвать между вами. И вдругъ ты приходишь ко мнѣ и рѣшительно объявляешь, что намѣрена выйти за него замужъ! Зина! Это былъ кинжалъ въ мое сердце! Я вскрикнула и лишилась чувствъ. Но... ты все это помнишь! Разумѣется, я сочла за нужное употребить всю свою власть, которую ты называла тиранствомъ. Подумай: мальчикъ, сынъ дьячка, получающій двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, кропатель дрянныхъ стишковъ, которые, изъ жалости, печатаютъ въ Библіотекѣ для Чтенія, и умѣющій только толковать объ этомъ проклятомъ Шекспирѣ,—этотъ мальчикъ—твой мужъ, мужъ Зинаиды Москалевой! Но это достойно Флоріана и его пастишковъ! Прости меня, Зина, но одно уже воспоминаніе выводитъ меня изъ себя! Я отказала ему, но никакая власть не можетъ остановить тебя. Твой отецъ, разумѣется, только хлопалъ глазами и даже не понялъ, что я начала ему объяснять. Ты продолжаешь съ этимъ мальчикомъ сношенія, даже свиданія, но что всего ужаснѣе, ты рѣшаешься съ нимъ переписываться. По городу начинаютъ уже распространяться слухи. Меня начинаютъ колоть намеками; уже обрадовались, уже затрубили во всѣ рога и вдругъ всѣ мои предсказанія сбываются самымъ торжественнымъ образомъ. Вы за что-то ссоритесь; онъ оказывается самымъ недостойнымъ тебя... мальчишкой (я никакъ не могу назвать его человекомъ!) и грозитъ тебѣ распространить по городу твои письма. При этой угрозѣ, полная негодованія, ты выходишь изъ себя и даешь пощечину. Да, Зина, мнѣ извѣстно и это обстоятельство! Мнѣ все, все извѣстно! Несчастный, въ тотъ же день, показываетъ одно изъ твоихъ писемъ негодю Заушину и, черезъ часъ, это письмо уже находится у Натальи Дмитріевны, у смертельнаго врага моего. Въ тотъ же вечеръ этотъ сумасшедшій, въ раскаяніи, дѣлаетъ нелѣпую попытку чѣмъ-то отравить себя. Однимъ словомъ, скандалъ выходитъ ужаснѣйшій! Эта чумичка Настасья прибѣгаетъ ко мнѣ испуганная, съ страшнымъ извѣстіемъ: уже цѣлый часъ письмо въ рукахъ у Натальи Дмитріевны; черезъ два часа весь городъ будетъ знать о твоёмъ позорѣ! Я пересилила себя, я не упала въ обморокъ, — но какими ударами ты поразила мое сердце, Зина. Эта безстыдная, этотъ извергъ, Настасья требуетъ двѣсти рублей серебромъ и за это клянется достать обратно письмо. Я сама, въ легкихъ башмакахъ,

по снѣгу, бѣгу къ жиду Бумштейну и закладываю мой фермуаръ—память праведницы, моей матери! Черезъ два часа письмо въ моихъ рукахъ. Настасья украла его. Она взломала шкатулку и—честь твоя спасена,—доказательствъ нѣтъ! Но въ какой тревогѣ ты заставила меня прожить ужасный день! На другой же день я замѣтила, въ первый разъ въ жизни, нѣсколько сѣдыхъ волосъ на головѣ моей. Зина! ты сама разсудила теперь о поступкѣ этого мальчика. Ты сама теперь соглашаешься и, можетъ быть, съ горькою улыбкою, что было бы зѣркомъ неблагоразумія довѣрить ему судьбу свою. Но съ тѣхъ поръ ты терзаешься, ты мучишься, дитя мое; ты не можешь забыть его, влп, лучше сказать, не его—онъ всегда былъ недостойнъ тебя, — а призракъ своего прошедшаго счастья. Этотъ несчастный теперь на смертномъ одрѣ; говорятъ, онъ въ чахоткѣ, а ты, — ангелъ доброты! — ты не хочешь, при жизни его, выходить замужъ, чтобы не растерзать его сердца, потому что онъ до сихъ поръ еще мучится ревностію, хотя я увѣрена, что онъ никогда не любилъ тебя настоящимъ, возвышеннымъ образомъ! Я знаю, что, услышавъ про исканія Мозглякова, онъ шпионилъ, подсылалъ, выспрашивалъ. Ты падишь его, дитя мое, я угадала тебя, и, Богъ видитъ, какими горькими слезами обливала я подушку мою! ..

— Да оставьте все это, маменька!—прерываетъ Зина, въ невыразимой тоскѣ. — Очень понадобилась тутъ ваша подушка, — прибавляетъ она съ колкостью. — Нельзя безъ декламаций, да вывертовъ!

— Ты не вѣришь мнѣ, Зина! Не смотри на меня враждебно, дитя мое! Я не осушала глазъ эти два года, но скрывала отъ тебя мои слезы, и, клянусь тебѣ, я во многомъ измѣнилась сама въ это время! Я давно поняла твои чувства, и, какъ, только теперь узнала всю силу твоей тоски. Можно ли обвинять меня, другъ мой, что я смотрѣла на эту привязанность, какъ на романтизмъ, названный этимъ проклятымъ Шекспиромъ, который, какъ нарочно, суетъ свой носъ вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Какая мать осудитъ меня за мой тогдашній испугъ, за принятія мѣры, за строгость суда моего? Но теперь, теперь, видя твои двухлѣтнія страданія, я понимаю и цѣню твои чувства. Повѣрь, что я поняла тебя, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ ты сама себя понимаешь. Я увѣрена, что ты любишь не его, этого неестественнаго мальчика, а золотыя мечты свои, свое потерянное счастье, свои возвышенные идеалы. Я сама любила и, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идеалы. И потому, кто можетъ обвинить меня теперь и, прежде всего, можешь ли ты обвинить меня за то, что я нахожу союзъ съ княземъ самымъ спасительнымъ, самымъ необходимымъ для тебя дѣломъ, въ теперешнемъ твоёмъ положеніи?

Зина съ удивленіемъ слушала всю эту длинную декламацию, отлично зная, что маменька никогда

не впадетъ въ такой тонъ безъ причины. Но послѣднее, неожиданное заключеніе, совершенно изумило ее.

— Такъ неужели вы серьезно положили выдать меня за этого князя? — вскричала она, съ изумленіемъ, чуть не съ испугомъ смотря на мать свою. Стало быть это уже не однѣ мечты, не проэскты, а твердое ваше намѣреніе? Стало быть я угадала? И... и... какимъ образомъ это замужество спасетъ меня и необходимо въ настоящемъ моемъ положеніи? И... и... какимъ образомъ все это вяжется съ тѣмъ, что вы теперь наговорили, — со всей этой исторіей?.. Я рѣшительно не понимаю васъ, маменька!

— А я удивляюсь, *mon ange*, какъ можно не понимать всего этого! — восклицаетъ Марья Александровна, одушевляясь въ свою очередь. — Во первыхъ — ужь одно то, что ты переходяшь въ другое общество, въ другой міръ! Ты оставляешь навсегда этотъ отвратительный городишка, полный для тебя ужасныхъ воспоминаній, гдѣ нѣтъ у тебя ни пріятеля, ни друга, гдѣ оклеветали тебя, гдѣ всѣ эти сороки ненавидятъ тебя за твою красоту. Ты можешь даже ѣхать этой же весной за границу, въ Италію, въ Швейцарію, въ Испанію, Зина, въ Испанію, гдѣ Альгамбра, гдѣ Гвадалевивиръ, а не здѣшняя скверная рѣченка, съ неприличнымъ названіемъ...

— Но позвольте, маменька, вы говорите такъ, какъ будто я уже замужемъ или, по крайней мѣрѣ, князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Не безпокойся объ этомъ, мой ангелъ, я знаю, что я говорю. Но, — позволь мнѣ продолжать. Я уже сказала *первое*, теперь *второе*: я понимаю, дитя мое, съ какимъ отвращеніемъ ты отдала бы руку этому Мозглякову...

— Я и безъ вашихъ словъ знаю, что никогда не буду его женою! — отвѣчала съ горячностью Зина, и глаза ея засверкали.

— И еслибъ ты знала, какъ я понимаю твое отвращеніе, другъ мой! Ужасно поклясться передъ алтаремъ Божиимъ въ любви къ тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А онъ потребуетъ твоей любви; онъ для того и женится, я это знаю по взглядамъ его на тебя, когда ты отвернешься. Каковожъ притворяться! Я сама двадцать пять лѣтъ это испытываю. Твой отецъ погубилъ меня. Онъ, можно сказать, высосалъ всю мою молодость, и сколько разъ ты видѣла слезы мои!..

— Папенька въ деревнѣ, не трогайте его, пожалуйста, — отвѣчала Зина.

— Знаю, ты всегдашняя его заступница. Ахъ, Зина! У меня все сердце замирало, когда я, изъ разсчета, желала твоего брака съ Мозгляковымъ. А съ княземъ тебѣ притворяться нечего. Само собою разумѣется, что ты не можешь его любить... любовью, да и онъ самъ *неспособенъ* потребовать такой любви!..

— Боже мой, какой вздоръ! Но увѣряю васъ,

что вы ошиблись въ самомъ началѣ, въ самомъ первомъ, главномъ! Знайте, что я не хочу собою жертвовать, неизвѣстно для чего! Знайте, что я вовсе не хочу замужъ, ни за кого, и останусь въ дѣвкахъ! Вы два года ѣли меня за то, что я не выхожу замужъ. Ну чтожъ? придется съ этимъ вамъ примириться. Не хочу, да и только! Такъ и будетъ!

— Но, душечка, Зиночка, не горячись, ради Бога, не выслушавъ! И что у тебя за головка горячая, право! Позволь мнѣ посмотрѣть съ моей точки зрѣнія, и ты тотчасъ же со мной согласишься. Князь проживетъ годъ, много два, и, по моему, лучше ужь быть молодой вдовой, чѣмъ перезрѣлой дѣвой, не говоря ужь о томъ, что ты, по смерти его, — княгиня, свободна, богата, независима! Другъ мой, ты можешь быть, съ презрѣніемъ смотришь на всѣ эти разсчеты, — разсчеты на смерть его! Но — я мать, а какая мать осудитъ меня за мою дальновидность? Наконецъ, если ты, ангелъ доброты, жалѣешь до сихъ поръ этого мальчика, жалѣешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замужъ при его жизни (какъ я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духомъ, обрадоваться! Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, то онъ, конечно, пойметъ, что ревность къ князю неумѣстна, смѣшна; пойметъ, что ты вышла по разсчету, по необходимости. Наконецъ, онъ пойметъ... то есть я просто хочу сказать, что, по смерти князя, ты можешь опять выйти за-мужъ, за кого хочешь...

— По просту выходитъ: выйти за мужъ за князя, обобрать его и разсчитывать потомъ на его смерть, чтобъ выйти потомъ за любовника. Хитро вы подводите ваши итоги! Вы хотите соблазнить меня, предлагая мнѣ... Я понимаю васъ, маменька, вполне понимаю! Вы никакъ не можете воздержаться отъ выставки благородныхъ чувствъ, даже въ гадкомъ дѣлѣ. Сказали бы лучше прямо и просто: «Зина, это подлость, но она выгодна, и потому согласись на нее!» Это по крайней мѣрѣ было бы откровеннѣе.

— Но зачѣмъ же, дитя мое, смотрѣть непремѣнно съ этой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія обмана, коварства и корыстолюбія. Ты считаешь мои разсчеты за низость, за обманъ? Но, ради всего святаго, гдѣ же тутъ обманъ, какая тутъ низость? Взгляни на себя въ зеркало; ты такъ прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдругъ ты, — ты, красавица, жертвуешь старпку свои лучшіе годы! Ты, какъ прекрасная звѣзда, освѣтишь закатъ его жизни; ты, какъ зеленый плющъ, обовьешься около его старости, ты, а не эта крапива, эта гнусная женщина, которая околдовала его и, съ жадностію, сосетъ его соки! Неужели жъ его деньги, его княжество стоятъ дороже тебя? Гдѣ же тутъ обманъ и низость? Ты сама не знаешь, что говоришь, Зина!

— Вѣрно стоять, коли надо выходить за калѣ-

ку! Обманъ — всегда обманъ, маменька, какія бы ни были цѣли.

— Напротивъ, другъ мой, напротивъ! на это можно взглянуть даже съ высокой, даже съ христіанской точки зрѣнія, дитя мое! Ты сама, однажды, въ какомъ-то изступленіи, сказала мнѣ, что хочешь быть сестрою милосердія. Твое сердце страдало, ожесточилось. Ты говорила (я знаю это), что оно уже не можетъ любить. Если ты не вѣришь въ любовь, то обрати свои чувства на другой болѣе возвышенный предметъ, обрати искренно, какъ дитя, со всею вѣрою и святостію — и Богъ благословитъ тебя. Этотъ старикъ тоже страдалъ, онъ несчастенъ, его гонятъ; я уже нѣсколько лѣтъ его знаю и всегда питала къ нему непонятную симпатію, родъ любви, какъ будто что-то предчувствовала. Будь же его другомъ, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, — если ужъ все говорить! — но согрѣй его сердце и ты сдѣлаешь это для Бога, для добродѣтели! Онъ смѣшонъ, — не смотри на это. Онъ полу-человѣкъ, — пожалѣй его; ты христіанка! Принуди себя; такіе подвиги нужны. На нашъ взглядъ тяжело перевязывать раны въ больницѣ; отвратительно дышать зараженнымъ лазаретнымъ воздухомъ. Но есть ангелы Божіи, исполняющіе это и благословляющіе Бога за свое назначеніе. Вотъ лекарство твоему оскорбленному сердцу, занятіе, подвигъ — и ты залечишь раны свои. Гдѣ же тутъ эгоизмъ, гдѣ тутъ подлость? Но ты мнѣ не вѣришь! Ты, можетъ быть, думаешь, что я притворяюсь, говоря о долѣ, о подвигахъ. Ты не можешь понять, какъ я, женщина свѣтская, суетная, могу имѣть сердце, чувства, правила? Чтожъ? не вѣрь, оскорбляй свою мать, но согласишься, что слова ея разумны, спасительны. Вообрази, пожалуй, что говорю не я, а другой; закрой глаза, обернись въ уголъ, представь, что тебѣ говоритъ какой-нибудь невидимый голосъ... Тебя, главное, смущаетъ, что все это будетъ за деньги, какъ будто это какая-нибудь продажа или купля? Такъ откажись, наконецъ, отъ денегъ, если деньги такъ для тебя ненавистны! Оставь себѣ необходимое и все раздай бѣднымъ. Помогни хоть, напримѣръ, ему, этому несчастному на смертномъ одрѣ.

— Онъ не приметъ никакой помощи, — проговорила Зина тихо, какъ бы про себя.

— Онъ не приметъ, но мать его приметъ, — отвѣчала торжествующая Марья Александровна; — она приметъ тихонько отъ него. Ты продала свои серьги, теткинъ подарокъ, и помогла ей, полгода назадъ; я это знаю. Я знаю, что старуха стѣраетъ бѣлье на людей, чтобъ кормить своего несчастнаго сына.

— Ему скоро не нужна будетъ помощь!

— Знаю и это, на что ты намекаешь, — подхватила Марья Александровна, и вдохновеніе, настоящее вдохновеніе осязало ее: — знаю про что ты говоришь. Говорятъ, онъ въ чахоткѣ и скоро умретъ. Но кто-же это говоритъ? Я, на дняхъ,

нарочно спрашивала о немъ Калиста Станислави-ча; я интересовалась о немъ, потому-что у меня есть сердце, Зина. Калистъ Станиславичъ отвѣчалъ мнѣ, что болѣзнь, конечно, опасна, но что онъ до-сихъ-поръ увѣренъ, что бѣдный не въ чахоткѣ а, такъ только, довольно сильное грудное расстройство. Спроси хоть сама. Онъ навѣрно говорилъ мнѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, особенно при измѣненіи климата и впечатлѣній, больной могъ-бы выздороветъ. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Испаніи, — и это я еще прежде слышала, даже читала, — что въ Испаніи есть какой-то необыкновенный островъ, кажется Малага, — однимъ словомъ похоже на какое-то вино, — гдѣ не только грудные, но даже настоящіе чахоточные совсѣмъ выздоравливали отъ одного климата, и что туда нарочно ѣздить лечиться, разумѣется, только одни вельможи, или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но ужъ одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти Испанцы на своихъ мулахъ! — одно это произведетъ уже необыкновенное впечатлѣніе на натуру поэтическую. Ты думаешь, что онъ не приметъ твоей помощи, твоихъ денегъ, для этого путешествія? Такъ обмань его, если тебѣ жалъ! Обманъ простителенъ для спасенія человѣческой жизни. Обнадежь его, обѣщай ему, наконецъ, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замужъ, когда овдовѣешь. Все на свѣтѣ можно сказать благороднымъ образомъ. Твоя мать не будетъ учить тебя неблагородному, Зина; ты сдѣлаешь это для спасенія жизни его и потому — все позволительно! Ты воскресишь его надеждою; онъ самъ начнетъ обращать вниманіе на свое здоровье, лечиться, слушаться медиковъ. Онъ будетъ стараться воскреснуть для счастья. Если онъ выздоровѣетъ, то ты, хоть и не выйдешь за него, — все-таки онъ выздоровѣлъ, все-таки ты спасла, воскресила его! Наконецъ, можно и на него изглянуть съ состраданіемъ! Можетъ-быть судьба научила и измѣнила его къ лучшему и, если только онъ будетъ достоинъ тебя, — пожалуй и выйди за него, когда овдовѣешь. Ты будешь богата, независима. Ты можешь, вылечивъ его, доставить ему положеніе въ свѣтѣ, карьеру. Бракъ твой съ нимъ будетъ тогда извинительнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ невозможенъ. Что ожидаетъ васъ обоихъ, еслибъ вы теперь рѣшились на такое безумство? Всеобщее презрѣніе, нищета, дранье за уши мальчишекъ, потому что это сопряжено съ его должностію, взаимное чтеніе Шекспира, вѣчное пребываніе въ Мордасовѣ и, наконецъ, его близкая, неминуемая смерть. Тогда какъ воскресивъ его, — ты воскресишь его для полезной жизни, для добродѣтели; простишь ему — ты заставишь его обожать себя. Онъ терзается своимъ гнуснымъ поступкомъ, а ты, открывъ ему новую жизнь, простишь ему, дашь ему надежду и примиришь его съ самимъ собою. Онъ можетъ вступить въ службу, войти въ чины. Наконецъ, если даже онъ и не выздоровѣетъ, то умретъ счастливый, примирен-

ный съ собою, на рукахъ твоихъ, потому что ты сама можешь быть при немъ въ эти минуты, увѣренный въ любви твоей, прощенный тобою, подъ сѣнью миртъ, лимоновъ, подъ лазуревымъ, экзотическимъ небомъ! О Зина! все это въ рукахъ твоихъ! Всѣ выгоды на твоей сторонѣ — и все это чрезъ замужество съ княземъ.

Марья Александровна кончила. Наступило довольно долгое молчаніе. Зина была въ невыразимомъ волненіи.

Мы не беремся описывать чувства Зины; мы не можемъ ихъ угадать. Но, кажется, Марья Александровна нашла настоящую дорогу къ ея сердцу. Не зная, въ какомъ состояніи находится теперь сердце дочери, она перебрала всѣ случаи, въ которыхъ она могла находиться и, наконецъ, догадалась, что попала на истинный путь. Она грубо дотрогивалась до самыхъ большихъ мѣстъ сердца Зины, и, разумѣется, по привычкѣ, не могла обойтись безъ выставки благородныхъ чувствъ, которыя, конечно, не ослѣпили Зину. «Но что за нужда, она мнѣ не вѣрить», думала Марья Александровна, «только бы ее заставить задуматься! только бы ловчѣе намекнуть, о чемъ мнѣ прямо нельзя говорить!» — Такъ она думала и достигла цѣли. Эффектъ былъ произведенъ. Зина жадно слушала. Щеки ея горѣли, грудь волновалась.

— Послушайте, маменька. — сказала она наконецъ рѣшительно, хотя внезапно наступившая блѣдность въ лицѣ ея показывала ясно, чего стоила ей эта рѣшимость. — Послушайте, маменька....

Но въ это мгновеніе внезапный шумъ, раздавшійся изъ передней и рѣзкій, крѣпкий голосъ, спрашивавшій Марью Александровну, заставилъ Зину вдругъ остановиться. Марья Александровна вскочила съ мѣста.

— Ахъ, Боже мой! — вскричала она, — чортъ несетъ эту сороку, полковницу! Да вѣдь я-жъ ее почти выгнала двѣ недѣли назадъ! — прибавила она, чуть не въ отчаяніи. — Но... но невозможно теперь не принять ее! Невозможно! Она, навѣрно, съ вѣстами, иначе не посмѣла бы явиться. Это важно, Зина! Мнѣ надо знать... Ничѣмъ теперь не надо пренебрегать! — Но какъ я вамъ благодарна за вашъ визитъ! закричала она, бросаясь на встрѣчу вошедшей гостьѣ! — Какъ это вамъ вздумалось вспомнить обо мнѣ, безцѣнная Софья Петровна? Какой о-ча-ро-ва-тельный сюрпризъ!

Зина убѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорѣе походила на воробья. Это была маленькая, пятидесяти-лѣтняя дама, съ остренькими глазками, въ веснушкахъ и въ желтыхъ пятнахъ по всему лицу. На маленькомъ, изсохшемъ тѣлцѣ ея, помѣщенномъ на тоненькихъ, крѣпкихъ воробьиныхъ

ножкахъ, было шелковое темное платье, всегда шумѣвшее, потому что полковница двухъ секундъ не могла пробыть въ покоѣ. Это была зловѣщая и мстительная сплетница. Она была помѣшана на томъ, что она полковница. Съ отставнымъ полковникомъ, своимъ мужемъ, она очень часто дралась и царапала ему лицо. Сверхъ того выпивала по четыре рюмки водки утромъ и по столько же вечеромъ, и до помѣшательства ненавидѣла Анну Николаевну Антипову, прогнавшую ее на прошлой недѣлѣ изъ своего дома, равно какъ и Наталью Дмитриевну Паскудину, тому способствовавшую.

— Я къ вамъ только на минутку, mon ange, — зашебетала она. — Я вѣдь напрасно и сѣла. Я заѣхала только рассказать, какія чудеса у насъ дѣлаются. Просто весь городъ съ ума сошелъ отъ этого князя! Наши прохожи. — vous comprenez! — его ловятъ, ищутъ, тащутъ его на расхватъ, шампанскимъ поятъ, — вы не повѣрите! неповѣрите! Да какъ это вы рѣшились его отпустить отъ себя? Знаете-ли, что онъ теперь у Натальи Дмитриевны?

— У Натальи Дмитриевны! — вскричала Марья Александровна, привскакнувъ на мѣстѣ: — Да вѣдь онъ къ губернатору только поѣхалъ, а потомъ, можетъ быть, къ Аннѣ Николаевнѣ, и то не надолго!

— Ну да, не надолго; вотъ и ловите его теперь! Онъ губернатора дома не засталъ, потомъ къ Аннѣ Николаевнѣ поѣхалъ, далъ слово обѣдать у ней, а Наташка, которая тебѣ отъ нея не выходитъ, затащила его къ себѣ до обѣда завтракать. Вотъ вамъ и князь!

— А чтожъ... Мозгляковъ? Вѣдь онъ обѣщался...

— Дался вамъ этотъ Мозгляковъ! хваленый-то вашъ... Да и онъ съ ними туда-же! Посмотрите, если его въ картишки тамъ не засадить, опять проиграется, какъ прошлый годъ проигрался! Да и князя тоже засадятъ; облупятъ какъ липку. А какія она вещи распускаетъ, Наташка-то! Вслухъ кричитъ, что вы увлекаете князя, ну тамъ... для извѣстныхъ цѣлей, — vous comprenez? Сама ему толкуетъ объ этомъ. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ, сидитъ какъ мокрый котъ, да на всякое слово: «ну да! ну да!» А сама-то, сама-то! вывела свою Соньку — вообразите: пятнадцать лѣтъ, а все еще въ коротенькомъ платьѣ водить! все это только до колѣнъ, какъ можете себѣ представить.... Послали за этой сироткой Машкой, та тоже въ коротенькомъ платьѣ, только еще выше колѣнъ, — я въ лорнетъ смотрѣла... На голову имъ надѣли какія-то красныя шапочки съ перьями, — ужъ не знаю, что это изображаетъ! — и подъ фортеціано заставила обѣихъ пиголицъ передъ княземъ плясать казачка! Ну, вы знаете слабость этого князя? Онъ такъ и растаялъ: «формы», говорить «формы»! Въ лорнетку на нихъ смотритъ, а онѣ-то отличаются, двѣ сороки! раскраснѣлись, ноги вывертываютъ, такой монизезиръ пошоль, что люли, да и только! тѣфу! Это — танецъ! Я сама танцевала съ шалью, при выдискѣ изъ благороднаго пансіона мадамъ Жарни, — такъ я блегород-

ный эффект произвела! Мнѣ сенаторы аплодировали! Тамъ княжескія и графскія дочери воспитывались! А вѣдь это просто канканъ! Я сгорѣла со стыда, сгорѣла, сгорѣла! Я просто не высидѣла!..

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитриевны? вѣдь вы...

— Ну да, она меня оскорбила на прошлой недѣлѣ. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais, ma chère, мнѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотрѣть на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ-жъ бы я его увидала? Поѣхала бы я къ ней, ка-бы не этотъ скверный князипшка! Представьте себѣ: всѣмъ шеколатъ подаютъ, а мнѣ нѣтъ, и все время со мной хоть бы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка эдакая! Вотъ я-жъ ей, теперь! Но прощайте, mon ange, я теперь спѣшу, спѣшу... Мнѣ надо непременно застать Акулину Панфиловну и ей рассказать.... Только вы теперь такъ и проститесь съ княземъ! Онъ ужъ у васъ больше не будетъ. Знаете — памяти-то у него нѣтъ, такъ Анна Николаевна непременно къ себѣ его перетащитъ! Онъ всѣ боится, чтобъ вы не того... понимаете? на счетъ Зины...

— Quelle horreur!

— Уже это я вамъ говорю! Весь городъ объ этомъ кричитъ. Анна Николаевна непременно хочетъ оставить его обѣдать, а потомъ и совсѣмъ. Это она вамъ въ пику дѣлаетъ, mon ange. Я къ ней на дворъ въ щелочку заглянула. Такая тамъ суетня: обѣдъ готовятъ, пожарами стучать... за шампанскимъ послали. Спѣшите, спѣшите и перехватите его на дорогѣ, когда онъ къ ней поѣдетъ. Вѣдь онъ къ вамъ первой обѣщался обѣдать! Онъ вашъ гость, а не ея! Чтобъ надъ вами смѣялась эта пройдоха, эта каверзница, эта сопля! Да она подошвы моихъ не стоитъ, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я въ благородномъ пансіонѣ мадамъ Жарни воспитывалась... тьфу! Mais adieu, mon ange! У меня свои сани, а то бы я съ вами вмѣстѣ поѣхала...

Ходячая газета исчезла, Марья Александровна затрепетала отъ волненія, но совѣтъ полковницы былъ чрезвычайно ясенъ и практиченъ. Медлить было нечего, да и некогда. Но оставалось еще самое главное затрудненіе. Марья Александровна бросилась въ комнату Зины.

Зина ходила по комнатѣ взадъ и впередъ; сложивъ на крестъ руки, понуривъ голову, блѣдная и разстроенная. Въ глазахъ ея стояли слезы; но рѣшимость сверкала во взглядѣ, который она устремляла на мать. Она поспѣшно скрыла слезы и саркастическая улыбка появилась на губахъ ея.

— Маменька, — сказала она, предупреждая Марью Александровну: — сейчасъ вы истратили со мною много вашего краснорѣчія, слишкомъ много. Но вы не ослѣпили меня. Я не дитя. Убѣждать себя, что дѣлаю подвигъ сестры милосердія, не имѣя къ нему ни малѣйшаго призванія, оправдывать свои низости, которыя дѣлаешь для одного эгоизма, благородными дѣлами, — все это такое

іезуитство, которое не могло обмануть меня. Слышите: это не могло меня обмануть и я хочу, чтобъ вы это непременно знали!

— Но, mon ange!... — вскрикнула оробѣвшая Марья Александровна.

— Молчите, маменька! Имѣйте терпѣніе выслушать меня до конца. Не смотря на полное сознание того, что все это только одно іезуитство; не смотря на полное мое убѣжденіе въ совершенномъ неблагородствѣ такого поступка, — я принимаю ваше предложеніе вполнѣ, слышите: *вполнѣ*, и объявляю вамъ, что готова выдти за князя и даже готова помогать всѣмъ вашимъ усиліямъ, чтобъ заставить его на мнѣ жениться. Для чего я это дѣлаю? — вамъ не надо знать. Довольно и того, что я рѣшилась. Я рѣшилась на все: я буду подавать ему сапоги, я буду его служанкой, я буду плясать для его удовольствія, чтобъ загладить передъ нимъ мою низость; я употреблю все на свѣтѣ, чтобъ онъ не раскаявался въ томъ, что женился на мнѣ! Но, въ замѣнъ моего рѣшенія, я требую, чтобъ вы откровенно сказали мнѣ: какимъ образомъ вы все это устроите? Если вы начали такъ настойчиво говорить объ этомъ, то — я васъ знаю — вы не могли начать, не имѣя въ головѣ какого-нибудь опредѣленнаго плана. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни; откровенность — непременно условіе! Я не могу рѣшиться, не зная положительно, какъ вы все это сдѣлаете?

Марья Александровна была такъ озадачена неожиданнымъ заключеніемъ Зины, что нѣкоторое время стояла передъ ней, нѣмая и неподвижная отъ изумленія, и глядѣла на нее во всѣ глаза. Приготовившись воевать съ упорнымъ романтизмомъ своей дочери, суроваго благородства которой она постоянно боялась, она вдругъ слышитъ, что дочь совершенно согласна съ нею и готова на все, даже вопреки своимъ убѣжденіямъ! Слѣдственно, дѣло принимало необыкновенную прочность, — и радость засверкала въ глазахъ ея.

— Зиночка! — воскликнула она въ увлеченіи, — Зиночка! ты плоть и кровь моя!

Больше она ничего не могла выговорить и бросилась обнимать свою дочь.

— Ахъ, Боже мой! я не прошу вашихъ объятій, маменька, — вскричала Зина съ нетерпѣливымъ отвращеніемъ; мнѣ не надо вашихъ восторговъ! я требую отъ васъ отвѣта на мой вопросъ и больше ничего.

— Но, Зина, вѣдь я люблю тебя! Я обожаю тебя, а ты меня отталкиваешь... вѣдь я для твоего же счастья стараюсь...

И непритворныя слезы заблестали въ глазахъ ея. Марья Александровна дѣйствительно любила Зину, *по своему*, а въ этотъ разъ, отъ удачи и отъ волненія, чрезвычайно разчувствовалась. Зина, не смотря на нѣкоторую ограниченность своего настоящаго взгляда на вещи, понимала, что мать ее любить и — тяготилась этой любовью. Ей, даже, было бы легче, еслибъ мать ее ненавидѣла...

— Ну, несердитесь, маменька, я въ такомъ волненіи,—сказала она, чтобъ успокоить ее.

— Несержусь, несержусь, мой ангельчикъ! — зашебетала Марья Александровна, мпгомъ оживляясь,—вѣдь я и сама понимаю, что ты въ волненіи. Вотъ видишь, другъ мой, ты требуешь откровенности... Изволь, я буду откровенна, волюнѣ откровенна, увѣряю тебя! Только бы ты-то мнѣ вѣрила! И во-первыхъ, скажу тебѣ, что вполне опредѣленнаго плана, то есть—во всѣхъ подробностяхъ, у меня еще нѣтъ, Зиночка, да и не можетъ быть; ты, какъ умная головка, поймешь—почему. Я даже предвижу нѣкоторыя затрудненія... Вотъ и сейчасъ эта сорока нагребала мнѣ всякой всячины... (Ахъ, Боже мой! спѣшить бы надо!) Видишь, я вполне откровенна! Но, клянусь тебѣ, я достигну цѣли!—прибавила она въ восторгѣ.—Увѣренность моя вовсе не поэзія, какъ ты давеча говорила, мой ангелъ; она основана на дѣлѣ. Она основана на совершенномъ слабоуміи князя,—а вѣдь это такая канва, по которой вышивай, что угодно. Главное—чтобъ не помѣшали! Да этимъ ли дурамъ перехитрить меня, вскричала она, стукнувъ рукой по столу и сверкая глазами;—ужъ это мое дѣло! А для этого—всего нужнѣе какъ можно скорѣй начинать, даже, чтобъ сегодня и кончить все главное, если только возможно.

— Хорошо, маменька, только выслушайте еще одну... *откровенность*: знаете ли, почему я такъ интересуюсь о вашемъ планѣ и недовѣряю ему? Потому что на себя не надѣюсь. Я сказала уже, что рѣшилась на эту низость; но если подробности вашего плана будутъ уже слишкомъ отвратительны, слишкомъ грязны, то объявляю вамъ, что я не выдержу и все брошу. Знаю, что это новая низость: рѣшиться на подлость и бояться грязи, въ которой она плаваетъ, но что дѣлать? Это непременно такъ будетъ!..

— Но, Зиночка, какая же тутъ особенная подлость, топъ анге?—робко возразила было Марья Александровна.—Тутъ только одинъ выгодный бракъ, а вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Только надобно съ этой точки взглянуть и все очень благородно покажется...

— Ахъ, маменька, ради Бога не хитрите со мной! Вы видите, я на все, на все согласна!—ну чего-жъ вамъ еще? Пожалуйста не бойтесь, если я называю вещи ихъ именами. Можетъ быть это теперь—единственное мое утѣшеніе!

И горькая улыбка показалась на губахъ ея.

— Ну, ну, хорошо, мой ангельчикъ, можно быть несогласными въ мысляхъ и все-таки взаимно уважать другъ друга. Только, если ты беспокоишься о подробностяхъ и боишься, что онѣ будутъ грязны, то предоставь всѣ эти хлопоты мнѣ; клянусь, что на тебя не брызнетъ ни капельки грязи. Я ли захочу тебя компрометировать передъ всѣми? Положись только на меня и все превосходно, благородно уладится, главное — благородно! Скадалу не будетъ никакого, а если и будетъ какойнибудь маленькій, необходимейшій скандаль-

чикъ,—такъ... какънибудь!—такъ вѣдь мы ужъ будемъ тогда далеко! вѣдь ужъ здѣсь не останемся! Пусть ихъ кричатъ во все горло, наплевать на нихъ! Сами же будутъ завидовать. Да и стоитъ того, чтобъ о нихъ заботиться! Я даже удивляюсь тебѣ, Зиночка, но ты не сердись на меня)—какъ это ты, съ твоей гордостью, ихъ боишься?

— Ахъ, маменька, я вовсе не ихъ боюсь! вы совершенно меня не понимаете!—отвѣчала раздражительно Зина.

— Ну, ну, душка, не сердись! Я только къ тому, что они сами каждый Божій день пакости строятъ, а тутъ ты всего-то какойнибудь одинъ разочекъ въ жизни... да и что я, дура! Во все не пакость! Какая тутъ пакость? Напротивъ, это даже благородно. Я рѣшительно докажу тебѣ это, Зиночка. Во-первыхъ, повторяю, все отъ того, съ какой точки зрѣнія смотришь...

— Да полноте, маменька, съ вашими доказательствами!—съ гнѣвомъ вскрикнула Зина и нетерпѣливо топнула ногою.

— Ну, душка, не буду, не буду! я опять завралась...

Наступило маленькое молчаніе. Марья Александровна смѣренно ходила за Зиной и съ беспокойствомъ смотрѣла ей въ глаза, какъ маленькая, провинившаяся собачка смотреть въ глаза своей барынѣ.

— Я даже не понимаю, какъ вы возьметесь за дѣло,—съ отвращеніемъ продолжала Зина—Я увѣрена, что вы наткнетесь на одинъ только стыдъ. Я презираю ихъ мнѣніе, но для васъ это будетъ позоромъ.

— О, если только это тебя беспокоитъ, мой ангелъ,—пожалуйста не беспокойся! прошу тебя, умоляю тебя! Только бы мы согласились, а обо мнѣ не беспокойся. Охъ, еслибъ ты только знала, изъ какихъ я передрагъ суха выходила? Такія ли дѣла мнѣ случалось обдѣлывать! ну, да позволь хоть только попробовать!—Во всякомъ случаѣ, прежде всего, нужно какъ можно скорѣе быть наединѣ съ княземъ. Это самое первое! а все остальное будетъ зависѣть отъ этого! Но ужъ я предчувствую и остальное. Они всѣ возстанутъ, но... это ничего! я ихъ сама отдѣлаю! Пугаетъ меня еще Мозгляковъ...

— Мозгляковъ?—съ презрѣніемъ проговорила Зина.

— Ну да, Мозгляковъ; только ты не бойся, Зиночка! клянусь тебѣ, я его до того доведу, что онъ же будетъ намъ помогать! Ты еще не знаешь меня, Зиночка! ты еще не знаешь, какая я въ дѣлѣ! Ахъ, Зиночка, душенька! давеча, какъ я услышала объ этомъ князѣ, у меня ужъ и загорѣлась мысль въ головѣ! Меня какъ будто разомъ всю освѣтило. И кто-жъ, и кто-жъ могъ ожидать, что онъ къ намъ прійдетъ? Да вѣдь въ тысячу лѣтъ не будетъ такой okazji! Зиночка! ангельчикъ! Не въ томъ безчестіе, что ты выйдешь за старика и калѣку, а въ томъ, если выйдешь за такого, кото-

раго терпѣть не можешь, а между тѣмъ *дѣйствительно* будешь женой его! А вѣдь князю ты не будешь настоящей женой. Это вѣдь и не бракъ! Это просто домашній контрактъ! Вѣдь ему-жь, дураку, будетъ выгода,—ему же, дураку, даютъ, такое неоцѣненное счастье! Ахъ, какая ты сегодня красавица, Зиночка! раскрасавица, а не красавица! Да я бы, еслибъ была мужчиной, я бы тебѣ полцарства достала, еслибъ ты захотѣла! Ослы они всѣ! Ну, какъ не поцѣловать эту ручку?—И Марья Александровна горячо поцѣловала руку у дочери.—Вѣдь это мое тѣло, моя плоть, моя кровь! да хоть насильно женить его, дурака! А какъ проживемъ-то мы съ тобой, Зиночка! Вѣдь ты не разлучишься со мной, Зиночка! Вѣдь ты не прогонишь свою мать, какъ въ счастье попадешь? Мы хоть и ссорились, мой ангельчикъ, а все-таки у тебя не было такого друга, какъ я; все-таки...

—Маменька! если ужъ вы рѣшились, то, можетъ-быть, вамъ пора... что-нибудь и дѣлать. Вы здѣсь только время теряете!—въ нетерпѣнии сказала Зина.

— Пора, пора, Зиночка, пора! ахъ! я заболталась! — схватилась Марья Александровна. — Онѣ тамъ хотятъ совсѣмъ сманить князя. Сейчасъ-же сажусь и ѣду! Подѣлду, вызову Мозглякова, а тамъ... Да я его силой увезу, если надо! Прощай, Зиночка, прощай голубчикъ, не тужи, не сомнѣвайся, не грусти, главное—не грусти! все прекрасно, преблагородно обдѣляется! Главное, съ какой точки смотрѣть... ну, прощай, прощай!..

Марья Александровна перекрестила Зину, выскочила изъ комнаты, съ минутокъ повертѣлась у себя передъ зеркаломъ, а черезъ двѣ минуты катилась по мордасовскимъ улицамъ въ своей каретѣ на полозьяхъ, которая ежедневно запрагалась около этого часу, въ случаѣ выѣзда. Марья Александровна жила en grand.

— Нѣтъ, не вамъ перехитрить меня! думала она, сидя въ своей каретѣ. Зина согласна, значитъ половина дѣла сдѣлана, и тутъ—оборваться! вздоръ! Ай-да Зина! Согласилась-таки наконецъ! Значить и на твою головку дѣйствуютъ иные расчеты! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Тронула! Но только ужасъ, какъ она хороша сегодня! Да я-бы, съ ея красотой, полъ-Европы перевернула по своему! Ну, да подождемъ... Шекспиръ-то слетитъ, когда княгиней сдѣлается, да кой съ чѣмъ познакомится. Что она знаетъ? Мордасовъ, да своего учителя! Гм... Только какая же она будетъ княгиня! Люблю я въ ней эту гордость, смѣлость, недоступная какая! взглянетъ—королева взглянула. Ну какъ, ну какъ не понимать своей выгоды? Поняла-жъ наконецъ! Пойметъ и остальное... Я вѣдь все-таки буду при ней! Согласится же, наконецъ, со мной во всѣхъ пунктахъ! А безъ меня не обойдется! Я сама буду княгиня; меня и въ Петербургѣ узнаютъ. Прощай, городишка! Умретъ этотъ князь, умретъ этотъ мальчишка, и тогда я ее за владѣтельнаго принца вы-

дамъ! Одного боюсь: не слишкомъ-ли я ей довѣрилась? Не слишкомъ-ли откровенничала, не слишкомъ-ли я разчувствовалась? Пугаетъ она меня, охъ пугаетъ!

И Марья Александровна погрузилась въ свои размышленія. Нечего сказать: они были хлопотливы. Но вѣдь говорится же, что охота пуще неволи.

Оставшись одна, Зина долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ руки, задумавшись. О многомъ она передумала. Часто и почти безсознательно повторяла она: «пора, пора, давно пора!» Что значило это отрывочное восклицаніе? Не разъ слезы блистали на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ. Она не думала отирать ихъ; —останавливать. Но напрасно беспокоилась ея маменька и старалась проникнуть въ мысли своей дочери: Зина совершенно рѣшилась и приготовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ...

— Поймай же! думала Настасья Петровна, выходя изъ своего чуланчика, по отѣздѣ полковницы. А я было и бантикъ розовый хотѣла приколотъ для этого князюшки! И повѣрила же дура, что онъ на мнѣ женится! Вотъ тебѣ и бантикъ! А, Марья Александровна! Я у васъ чумичка, я нищая, я взятки по двѣсти цѣлковыхъ беру. Еще бы съ тебя упустить не взять, франтиха ты эдакая! Я взяла благороднымъ образомъ; я взяла на сопряженные съ дѣломъ расходы... Можетъ, мнѣ самъ и пришлось бы взятку дать! Тебѣ какое дѣло, что я не побрезгала, своими руками замокъ взломала? Для тебя же работала, бѣлоручка ты эдакая! Тебѣ бы только по канвѣ вышивать! Погоди-жъ, я тебѣ покажу канву. Я покажу вамъ обѣимъ, какова я чумичка! Узнаете Настасью Петровну и всю ея кротость!

ГЛАВА VII.

Но Марью Александровну увлекалъ ея геній. Она замыслила великій и смѣлый проэктъ. Выдать дочь за богача, за князя и за калѣку, выдать украдкой отъ всѣхъ, воспользовавшись слабостью и беззащитностью своего гостя, выдать воровскимъ образомъ, какъ сказали бы враги Марьи Александровны,—было не только смѣло, но даже и дерзко. Конечно, проэктъ былъ выгоденъ, но, въ случаѣ неудачи, покрывалъ изобрѣтательницу необыкновеннымъ позоромъ. Марья Александровна это знала, но не отчаявалась. «Изъ такихъ-ли передрагъ я суха выходила!» говорила она Зинѣ, и говорила справедливо. Не то какая жъ бы она была героиня?

Безспорно, что все это походило нѣсколько на разбой на большой дорогѣ; но Марья Александровна и на это не слишкомъ-то обращала вниманіе. На этотъ счетъ у ней была одна, удивительно вѣрная мысль: «обвинчаютъ, такъ ужъ не развѣнчаются», — мысль простая, но соблазняящая воображеніе такими необыкновенными выгодами

что Марью Александровну, отъ одного уже представленія этихъ выгодъ, бросало въ дрожь и колело мурашкамп. Вообще, она была въ ужасномъ волненіи и сидѣла въ своей каретѣ, какъ на иголкахъ. Какъ женщина вдохновенная, одаренная несомнѣннымъ творчествомъ, она уже успѣла создать планъ своихъ дѣйствій. Но планъ этотъ былъ составленъ вчернѣ, вообще, en grand, и еще какъ-то тускло просвѣчивалъ передъ нею. Предстояла бездна подробностей и разныхъ непредвидимыхъ случаевъ. Но Марья Александровна была увѣрена въ себѣ: она волновалась не страхомъ неудачи—нѣтъ! ей хотѣлось только поскорѣе начать, поскорѣе въ бой. Нетерпѣніе, благородное нетерпѣніе сожигало ее при мысли о задержкахъ и остановкахъ. Но, сказавъ о задержкахъ, мы попросимъ позволенія нѣсколько пояснить нашу мысль. Главную бѣду предчувствовала и ожидала Марья Александровна отъ благородныхъ своихъ согражданъ, мордасовцевъ, и, преимущественно, отъ благороднаго общества мордасовскихъ дамъ. Она на опытъ знала всю ихъ непримиримую къ себѣ ненависть. Она, напримѣръ, твердо знала, что въ городѣ, въ настоящую минуту, можетъ быть уже знаютъ все изъ ея намѣреній, хотя объ нихъ еще никто никому не рассказывалъ. Она знала, по неоднократному печальному опыту, что не было случая, даже самаго секретнаго въ ея домѣ, который, случившись утромъ, не былъ бы уже извѣстенъ къ вечеру послѣдней торговкѣ на базарѣ, послѣднему сидѣльцу въ лавкѣ. Конечно, Марья Александровна еще только предчувствовала бѣду, но такія предчувствія никогда ее не обманывали. Не обманывалась она и теперь. Вотъ, что случилось на самомъ дѣлѣ и чего еще не знала она положительно. Около полудня, то есть ровно черезъ три часа по приѣздѣ князя въ Мордасовъ, по городу распространились странные слухи. Гдѣ начались они—неизвѣстно, но разошлись они почти мгновенно. Всѣ вдругъ стали увѣрять другъ друга, что Марья Александровна уже просватала за князя свою Зину, свою безприданную, двадцати-трехлѣтнюю Зину; что Мозгляковъ въ отставку и что все это уже рѣшено и подписано. Что было причиною такихъ слуховъ? Неужели всѣ до такой степени знали Марью Александровну, что разомъ попали въ самое сердце ея заветныхъ мыслей и идеаловъ? Ни несообразность такого слуха съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, потому что такія дѣла очень рѣдко могутъ обдѣлываться въ одинъ часъ, ни очевидная неосновательность такого извѣстія, потому что никто не могъ добиться откуда оно началось,—не могли разузнать мордасовцевъ. Слухъ разрослся и укоренился съ необыкновеннымъ упорствомъ. Всего удивительнѣе, что онъ началъ распространяться, именно въ то самое время, когда Марья Александровна приступила къ своему давленному разговору съ Зиной объ этомъ же самомъ предметѣ. Таково-то чутье провинціаловъ! Инстинктъ провинціальныхъ вѣ-

стовщиковъ доходитъ иногда до чудеснаго и, разумѣется, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хотъ что нибудь скрыть отъ своихъ почтенныхъ согражданъ. Васъ знаютъ наизусть, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціалъ уже по натурѣ своей, кажется, долженъ бы быть психологомъ и сердцевиномъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи, вмѣсто психологовъ и сердцевиновъ, чрезвычайно много оловъ. Но это въ сторону; это мысль лишняя. Вѣсть была громовая. Бракъ съ княземъ казался всякому до того выгоднымъ, до того блистательнымъ, что даже странная сторона этого дѣла никому не бросалась въ глаза. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Зину ненавидѣли почти еще больше Марьи Александровны,—за что?—неизвѣстно. Можетъ быть красота Зины была отчасти тому причиною. Можетъ быть и то, что Марья Александровна все-таки была какъ-то своя всѣмъ мордасовцамъ, *своего поля ягода*. Изчезни она изъ города и,—кто знаетъ? объ ней бы, можетъ быть, пожалѣли. Она оживляла общество безпрерывными исторіями. Безъ нея было бы скучно. Напротивъ того, Зина держала себя такъ, какъ будто жила въ облакахъ, а не въ городѣ Мордасовѣ. Была она этимъ людямъ какъ-то не пара, не ровня и, можетъ быть, сама не замѣчая того, вела себя передъ ними невыносимо надменно. И вдругъ теперь эта же самая Зина, про которую даже ходили скандальныя исторіи, эта надменная, это гордячка Зина становится милліонеркой, княгиней, войдетъ въ знать. Года черезъ два, когда овдовѣетъ, выйдетъ за какого нибудь герцога, можетъ быть даже за генерала; чего добраго—пожалуй еще за губернатора (а мордасовскій губернаторъ, какъ нарочно, вдовецъ и чрезвычайно нѣженъ къ женскому полу). Тогда она будетъ первая дама въ губерніи, и, разумѣется, одна эта мысль уже была невыносима и никогда никакая вѣсть не возбудила бы такого негодованія въ Мордасовѣ, какъ вѣсть о выходѣ Зины за князя. Мгновенно поднялись яростныя крики со всѣхъ сторонъ. Кричали, что это грѣшно, даже подло; что старикъ не въ своемъ умѣ; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабостью; что старика надо спасти отъ кровавыхъ когтей; что это, наконецъ, разбой и безнравственность; что, наконецъ, чѣмъ же другія хуже Зины? и другія могли бы точно также выйти за князя. Всѣ эти толки и возгласы Марья Александровна еще только предполагала, но для нея довольно было и этого. Она твердо знала, что всѣ, рѣшительно всѣ, готовы будутъ употребить все, что возможно и что даже невозможно, чтобы воспрепятствовать ея намѣреніямъ. Вѣдь хотятъ же теперь конфисковать князя, такъ что приходится

его возвращать чуть не съ бою. Наконецъ, хоть и удастся поймать и заманить князя обратно, нельзя же будетъ держать его вѣчно на привязи. Наконецъ, кто поручится, что сегодня, что черезъ два же часа, весь торжественный хоръ мордасовскихъ дамъ не будетъ въ ея салонѣ, да еще подъ такимъ предлогомъ, что невозможно будетъ и отказать? Откажи въ дверь, войдутъ въ окно: случай почти невозможный, но бывавшій въ Мордасовѣ. Однимъ словомъ, нельзя было терять ни на часъ, ни на каплю времени, а между тѣмъ дѣло было еще и не начато. Вдругъ гениальная мысль блеснула и мгновенно созрѣла въ головѣ Марьи Александровны. Объ этой новой идеѣ мы не забудемъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только теперь, что, въ эту минуту, наша героиня летѣла по мордасовскимъ улицамъ, грозная и вдохновенная, рѣшившись даже на настоящій бой, еслибъ только представилась надобность, чтобъ овладѣть княземъ обратно. Она еще не знала, какъ это сдѣлается и гдѣ она встрѣтитъ его, но за то она знала навѣрно, что скорѣе Мордасовъ провалится сквозь землю, чѣмъ не исполнится хоть одна йота изъ теперешнихъ ея замысловъ.

Первый шагъ удался какъ нельзя лучше. Она успѣла перехватить князя на улицѣ и привезла къ себѣ обѣдать. Если спросить: какимъ образомъ, не смотря на всѣ козни враговъ, ей удалось таки настоять на своемъ и оставить Анну Николаевну съ довольно большимъ носомъ?—то я обязанъ объявить, что считаю такой вопросъ даже обиднымъ для Марьи Александровны. Ей-ли не одержать побѣду надъ какой нибудь Анной Николаевной Антиповой? Она просто арестовала князя, уже подѣжавшаго къ дому ея соперницы и, несмотря ни на что, а выбѣстѣ съ тѣмъ и на доводы самого Мозглякова, испугавшагося скандалу, пересаживала старичка въ свою карету. Тѣмъ-то и отличалась Марья Александровна отъ своихъ соперницъ, что, въ рѣшительныхъ случаяхъ, не задумывалась даже передъ скандаломъ, принимая за аксіому, что успѣхъ все оправдываетъ. Разумѣется, князь не оказалъ значительнаго сопротивленія и, по своему обыкновению, очень скоро забылъ обо всемъ и остался очень доволенъ. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, былъ чрезвычайно веселъ, острилъ, каламбурилъ, рассказывалъ анекдоты, которые не доканчивалъ, или съ одного перескакивалъ на другой, самъ не замѣчая того. У Натальи Дмитриевны онъ выпилъ три бокала шампанскаго. За обѣдомъ онъ выпилъ еще и закружился окончательно. Тутъ ужъ подливала сама Марья Александровна. Обѣдъ былъ очень порядочный. Извергъ Никитка не подгадилъ. Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью. Но остальные присутствующіе, какъ нарочно, были необыкновенно скучны. Зина была какъ-то торжественно молчалива. Мозгляковъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ и мало ѣлъ. Онъ обѣ чемъ-то думалъ и, такъ какъ это случалось съ нимъ довольно рѣдко, то Марья Александровна

была въ большомъ безпокойствѣ. Настасья Петровна сидѣла угрюмая и даже, украдкой, дѣлала Мозглякову какіе-то странные знаки, которыхъ тотъ совершенно не примѣчалъ. Не будь очаровательно любезной хозяйки, обѣдъ походилъ-бы на похороны.

А между тѣмъ Марья Александровна была въ невыразимомъ волненіи. Одна уже Зина пугала ее ужасно своимъ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. А тутъ и еще затрудненіе: надо спѣшить, торопиться, а этотъ «проклятый Мозгляковъ» сидитъ себѣ, какъ болванъ, которому мало заботы, и только мѣшаетъ! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, начинать такое дѣло при немъ! Марья Александровна встала изъ за стола въ страшномъ безпокойствѣ. Каково же было ея изумленіе, радостный испугъ, если можно такъ выразиться, когда Мозгляковъ, только что всталъ изъ-за стола, самъ подошелъ къ ней и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, объявилъ, что ему,—разумѣется, къ его величайшему сожалѣнію,—необходимо сейчасъ же отправиться.

— Куда это? — спросила съ необыкновеннымъ соболѣзнованіемъ Марья Александровна.

— Вотъ видите, Марья Александровна,—началъ Мозгляковъ съ безпокойствомъ и даже нѣсколько путаясь,—со мной случилась престранная исторія. Я ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать..... дайте мнѣ, ради Бога, совѣтъ!

— Что, что такое?

— Крестный отецъ мой, Бородуевъ, вы знаете,—тотъ купецъ... встрѣтился сегодня со мной. Старикъ рѣшительно сердится, упрекаетъ, говоритъ мнѣ, что я загордился. Вотъ уже третій разъ я въ Мордасовѣ, а къ нему и носу не показалъ. — «Пріѣзжай, говоритъ, сегодня на чай.» — Теперь ровно четыре часа, а чай онъ пьетъ по старинному, какъ проснется, въ пятомъ часу. Что мнѣ дѣлать? Оно, Марья Александровна, конечно,—но подумайте! Вѣдь онъ моего отца-покойника отъ петли избавилъ, когда тотъ казенныя деньги проигралъ. Онъ и крестилъ-то меня по этому случаю. Если состоится мой бракъ съ Зинойдой Аонасьевной, у меня все-таки только полтора ста душъ. А вѣдь у него миллионъ, люди говорятъ, даже больше. Бездѣтенъ. Угодишь ему—сто тысячъ по духовной оставить. Семдесятъ лѣтъ,—подумайте!

— Ахъ, Боже мой! такъ что-жъ это вы! что-же вы медлите?—вскричала Марья Александровна, едва скрывая свою радость. Поѣзжайте, поѣзжайте! этимъ нельзя шутить. То-то я смотрю за обѣдомъ—вы такой скучный! Поѣзжайте, mon ami, поѣзжайте! Да вамъ бы слѣдовало давеча утромъ съ визитомъ отправиться, показать, что вы дорожите, что вы цѣните его ласку! Ахъ, молодежь, молодежь!

— Да вѣдь вы же сами, Марья Александровна,—въ изумленіи вскричалъ Мозгляковъ,—вы же сами напали на меня за это знакомство! Вѣдь вы же говорили, что онъ мужикъ, борода, въ роднѣ съ кабаками, съ подвальными, да повѣренными?

— Ахъ, mon ami! Мало ли мы что говоримъ необдуманнаго! Я тоже могу ошибиться, я — не святая. Я, впрочемъ, не помню, но я могла быть въ такомъ расположеніи духа... Наконецъ, вы тогда еще не сватались къ Зиночкѣ.... Конечно, это эгоизмъ съ моей стороны, но теперь я поневолѣ должна смотрѣть съ другой точки зрѣнія, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ? Потѣжайте, ни минуты не медлите! Даже вечеръ у него посидите... да послушайте! Заговорите какъ нибудь обо мнѣ. Скажите, что я его уважаю, люблю, почитаю, да эдакъ половчѣе, получше! Ахъ, Боже мой! И у меня вѣдь это изъ головы вышло! Мнѣ бы надо самой догадаться васъ надумать!

— Воскресили вы меня, Марья Александровна! — вскричалъ восхищенный Мозгляковъ. — Теперь, клянусь, буду во всемъ васъ слушаться! А то вѣдь я вамъ просто боялся сказать!... Ну, прощайте, я и въ путь! Извините меня передъ Зинаидой Аванасьевной. Впрочемъ, непременно сюда....

— Благословляю васъ, mon ami! Смотрите же, обо мнѣ-то поговорите съ нимъ! Онъ дѣйствительно премилый старичокъ. Я давно уже перемѣнила о немъ мои мысли.... Я и всегда, впрочемъ, любила въ немъ все это старинное русское, неподдѣльное... Au revoir, mon ami, au revoir!

— Да какъ это хорошо, что его чортъ несетъ! Нѣтъ, это самъ Богъ помогаетъ! — подумала она, задыхаясь отъ радости.

Павелъ Александровичъ вышелъ въ переднюю и надѣвалъ уже шубу, какъ вдругъ, откуда ни возмись, Настасья Петровна. Она поджидала его.

— Куда вы? — сказала она, удерживая его за руку.

— Къ Бородуеву, Настасья Петровна! Крестный отецъ мой; удостоился меня крестить.... Богатый старикъ, оставить что нибудь, надо польститъ!....

Павелъ Александровичъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

— Къ Бородуеву! ну такъ и проститесь съ не-вѣстою, — рѣзко сказала Настасья Петровна.

— Какъ-такъ, «проститесь»?

— Да такъ! Вы думали она ужъ и ваша! А вонъ ее за князя выдавать хотятъ. Сама слышала!

— За князя? помилосердуйте, Настасья Петровна!

— Да чего, помилосердуйте! Вотъ, не угодно ли самимъ посмотреть и послушать? Бросьте-ка шубу, подите-ка сюда!

Ошеломленный Павелъ Александровичъ бросилъ шубу и на цыпочкахъ отправился за Настасьей Петровной. Она привела его въ тотъ самый чуланчикъ, откуда утромъ подглядывала и подслушивала.

— Но помилуйте, Настасья Петровна, я рѣшительно ничего не понимаю!...

— А вотъ поймете, какъ нагнетесь и послушаете. Комедія вѣрно сейчасъ начнется.

— Какая комедія?

— Тс! не говорите громко! Комедія въ томъ,

что васъ просто надуваютъ. Давеча, какъ вы отъ-правились съ княземъ, Марья Александровна цѣлый часъ уговаривала Зину выйти замужъ за этого князя, говорила, что нѣтъ ничего легче его облапошить и заставить жениться, и такіе крючки выводила, что даже мнѣ тошно стало. Я все отсюда подслушала. Зина согласилась. Какъ онъ васъ то обѣ честили! просто за дурака почитаютъ, а Зина прямо сказала, что ни за что не выйдетъ за васъ. Я-то дура! Красный бантикъ приколотъ хотѣла! Послушайте-ка, послушайте-ка!

— Да вѣдь это безбожнѣйшее коварство, если такъ! — прошепталъ Павелъ Александровичъ, глупѣйшимъ образомъ смотря въ глаза Настасьѣ Петровнѣ.

— Да вы только послушайте, и не то еще услышите.

— Да гдѣ же слушать?

— Да вотъ нагнитесь, вотъ въ эту дырочку....

— Но, Настасья Петровна, я.... я неспособенъ подслушивать.

— Экъ, когда хватились! Тутъ, батюшка, честь-то въ карманъ; приши, такъ ужъ слушайте!

— Но, однакоже...

— А не способны, такъ и оставайтесь съ сомномъ! Васъ же жалѣютъ, а онъ куражится! Мнѣ что! вѣдь я не для себя. Я и до вечера здѣсь не останусь!

Павелъ Александровичъ, скрѣпя сердце, нагнулся къ щелочкѣ. Сердце его билось, въ вискахъ стучало. Онъ почти не понималъ, что съ нимъ происходитъ.

VIII.

— Такъ вамъ очень было весело, князь, у Натальи Дмитриевны? — спросила Марья Александровна, плотояднымъ взглядомъ окидывая поле предстоящей битвы и желая самымъ невиннымъ образомъ начать разговоръ. Сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Послѣ обѣда, князя тотчасъ же перевели въ «салонъ», въ которомъ принимали его утромъ. Всѣ торжественные случаи и приемы происходили у Марьи Александровны въ этомъ самомъ салонѣ. Она гордилась этой комнатою. Старичокъ, съ шести бокаловъ, какъ-то весь разкисъ и не крѣпко держался на ногахъ. За то болталъ безъ умолку. Болтовня въ немъ даже усилилась. Марья Александровна понимала, что эта вспышка минутная и что отяжелѣвшему гостю скоро захочется спать. Надо было ловить минуту. Оглядѣвъ поле битвы, она съ наслажденіемъ замѣтила, что сластолюбивый старичокъ какъ-то особенно лакомо поглядывалъ на Зину, и родительское сердце ея затрепетало отъ радости.

— Чрезъ-вы-чайно весело, — отивчалъ князь; — и, знаете, безпо-добнѣйшая женщина, Наталья Дмитриевна, без-по-до-бнѣйшая женщина!

Какъ ни занята была Марья Александровна

своими великими планами, но такая звонкая похвала соперниц уколола ее въ самое сердце.

— Помилуйте, князь! — вскричала она, сверкая глазами: — если ужь ваша Наталья Дмитриевна безподобная женщина, такъ ужь я и не знаю, что послѣ этого! Но послѣ этого вы совершенно не знаете здѣшняго общества, совершенно не знаете! Вѣдь это только одна выставка своихъ небывалыхъ достоинствъ, своихъ благородныхъ чувствъ, одна комедія, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору и вы увидите цѣлый адъ подъ цвѣтами, цѣлое осиное гнѣздо, гдѣ васъ съѣдятъ и косточки не оставятъ!

— Неужели? воскликнулъ князь: — удивляюсь!

— Но я клянусь вамъ въ этомъ! Ah, mon prince. Послушай, Зина, я должна, я обязана разказать князю это смѣшное и нязкое происшествіе съ этой Натальей, на прошлой недѣлѣ, — поминишь? Да, князь — это про ту самую вашу хваленую Наталью Дмитриевну, которою вы такъ восхищаетесь. О, милѣйшій мой князь! Клянусь, я не сплетница! Но я непременно разкажу это, единственно для того, чтобъ разсмѣшить, чтобъ показать вамъ въ живомъ образчикѣ, такъ сказать въ оптическое стекло, что здѣсь за люди? Двѣ недѣли назадъ пріѣзжаетъ ко мнѣ эта Наталья Дмитриевна. Подали кофе, а я за чѣмъ-то вышла. Я очень хорошо помню, сколько у меня осталось сахара въ серебряной сахарницѣ: она была совершенно полна. Возвращаясь, смотрю: лежатъ на донышкѣ только три кусочка. Кромѣ Натальи Дмитриевны въ комнатѣ никого не оставалось. Какова! У ней свой каменный домъ и денегъ безсчетно! Этотъ случай смѣшной, комическій, но судите послѣ этого о благородствѣ здѣшняго общества!

— Не-у-же-ли! воскликнулъ князь, искренно удивляясь. — Какая, однакоже, неестественная жадность! Неужели-жъ она все одна съѣла?

— Такъ вотъ какая она *безподобнѣйшая* женщина, князь! какъ вамъ нравится этотъ позорный случай? Да я-бы, кажется, умерла въ ту-же минуту, въ которую-бы рѣшилась на такой отвратительный поступокъ?

— Ну-да, да... Только, знаете, она все-таки такая *belle femme*....

— Наталья-то Дмитриевна! помилуйте, князь, да это просто кадушка! Ахъ, князь, князь! что это вы сказали! Я ожидала въ васъ гораздо побольше вкуса....

— Ну-да, кадушка... только, знаете, она такъ сложена.... Ну а эта дѣвочка, которая тан-цо-вала, она тоже.... сложена....

— Соничка-то? да вѣдь она еще ребенокъ, князь! ей всего четырнадцать лѣтъ!

— Ну-да... только, знаете, такая ловкая, и у ней то-же.... такія формы.... формируются. Миленькая такая! и другая, что съ ней тан-цо-вала, тоже.... формируется....

— Ахъ, это — несчастная сирота, князь! Они ее часто берутъ.

— Си-ро-та. Грязная, впрочемъ, такая, хоть-бы руки вымыла... А, впрочемъ, тоже за-ман-чивая...

Говоря это, князь съ какою-то возрастающею жадностью разсматривалъ Зину въ лорнетъ.

— Mais quelle charmante personne! — бормоталъ онъ въ полголоса, тая отъ наслажденія.

— Зина, сыграй намъ что-нибудь, пли нѣтъ, лучше, спой! Какъ она поетъ, князь! Она, можно сказать, виртоузка, настоящая виртоузка! И если-бы вы знали, князь, — продолжала Марья Александровна вполголоса, когда Зина отошла къ роялю, ступая своею тихою, плавною поступью, отъ которой чуть не покорило бѣднаго старичка, — если-бы вы знали, какая она дочь! Какъ она умѣетъ любить, какъ нѣжна со мной! Какія чувства, какое сердце!

— Ну-да.... чувства.... и, знаете-ли, я только одну женщину зналъ, во всю мою жизнь, съ которой она могла-бы сравниться по-кра-со-тѣ, — перебилъ князь, глотая слюнки. — Это покойная графиня Наниская, умерла лѣтъ тридцать тому назадъ. Вос-хи-ти-тельная была женщина, неописан-ной красоты, потомъ еще за своего повара вышла....

— За своего повара, князь!

— Ну-да, за своего повара.... за француза, за границей. Она ему за гра-ни-цей графскій титулъ доставила. Видный былъ собой человекъ и чрезвычайно образованный, съ маленькими такими у-си-ка-ми.

— И-и.... какъ же они жили, князь?

— Ну-да, они хорошо жили. Впрочемъ, они скоро потомъ разошлись. Онъ ее обобралъ и уѣхалъ. За какой-то союзъ поссорились....

— Маменька, что мнѣ играть? — спросила Зина.

— Да ты бы лучше спѣла намъ, Зина. Какъ она поетъ, князь! Вы любите музыку?

— О, да! Charmant, charmant! Я очень люблю му-зы-ку. Я за границей съ Бетховеномъ былъ знакомъ.

— Съ Бетховеномъ! Вообрази, Зина, князь былъ знакомъ съ Бетховеномъ! — кричитъ въ восторгъ Марья Александровна. — Ахъ, князь! неужели вы были знакомы съ Бетховеномъ?

— Ну да.... мы были съ нимъ на дру-жес-кой но-гѣ. И вѣчно у него носъ въ табакъ. Такой смѣшной!

— Бетховенъ?

— Ну-да, Бетховенъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это и не Бет-хо-венъ, а какой-нибудь другой нѣ-мецъ. Тамъ очень много нѣм-цевъ.... Впрочемъ я, кажется, сбн-ва-юсь.

— Что-же мнѣ пѣть, маменька? спросила Зина.

— Ахъ, Зина! спой тотъ романсъ, въ которомъ, поминишь, много рыцарскаго, гдѣ еще эта владѣ-тельница замка и ея трубадуръ.... Ахъ, князь!

Какъ я люблю все это рыцарское! Эти замки, замки! Эта средневѣковая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры.... Я буду acompañировать тебѣ, Зина. Пересядьте сюда, князь, поближе! Ахъ эти замки, замки!

— Ну-да.... замки. Я тоже люблю зам-ки,— бормочетъ князь въ восторгѣ, впиваясь въ Зину единственнымъ своимъ глазомъ. Но.... Боже мой! восклицаетъ онъ:—это романсъ!.. Но.... я знаю этотъ ро-мансъ! Я давно уже слышалъ этотъ романсъ.... Это такъ мнѣ на-по-ми-наетъ... Ахъ, Боже мой!

Я не берусь описывать, что сдѣлалось съ княземъ, когда заплѣла Зина. Плѣла она старинный французскій романсъ, бывшій когда-то въ большой модѣ. Зина плѣла его прекрасно. Ея чистый, звучный контральто проникалъ до сердца. Ея прекрасное лицо, чудные глаза, ея точенные дивные пальчики, которыми она переворачивала ноты, ея волосы, густые, черные, блестящіе, волнующаяся грудь, вся фигура ея, гордая, прекрасная, благородная, — все это околдовало бѣднаго старичка окончательно. Онъ не стрывалъ отъ нея глазъ, когда она плѣла, онъ захлебывался отъ волненія. Его старческое сердце, подогрѣтое шампанскимъ, музыкой и воскреснувшими воспоминаніями (а у кого нѣтъ любимыхъ воспоминаній?) — стучало чаще и чаще, какъ уже давно не было съ оно.... Онъ готовъ былъ опуститься на колѣни передъ Зиной и почти плакалъ, когда она кончила.

— О, ma charmante enfant — вскричалъ онъ, цѣлуя ея пальчики:—vous me ravissez! Я теперь, теперь только вспомнилъ.... Но.... но.... о, ma charmante enfant....

И князь даже не могъ докончить.

Марья Александровна почувствовала, что наступила ея минута.

— Зачѣмъ-же вы губите себя, князь? — воскликнула она торжественно. — Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатствъ душевныхъ, и зарыться на всю жизнь въ уединеніе! убѣжать отъ людей, отъ друзей! Но это не простительно! Одумайтесь, князь! взгляните на жизнь, такъ-сказать, яснымъ окомъ! Воззовите изъ сердца своего воспоминанія прошедшаго,—воспоминанія золотой вашей молодости, золотыхъ, беззаботныхъ дней,—воскресите ихъ, воскресите себя! Начните опять жить въ о'ществе межъ людей! Поѣзжайте за границу, въ Италію, въ Испанію—въ Испанію, князь!.... Вамъ нужно руководителя, сердце, которое-бы любило, уважало васъ, вамъ сочувствовало? Но у васъ есть друзья! Позовите ихъ, кликните ихъ и они прибѣгутъ толпами! Я первая брошу все и прибѣгу на вашъ вызовъ. Я помню нашу дружбу, князь; я брошу мужа и пойду за вами.... и даже, еслибъ я была еще моложе, еслибъ я была также хороша и прекрасна, какъ дочь моя, я-бы стала вашей спутницей, подругой, женой вашей, еслибъ вы того захотѣли!

— И я увѣренъ, что вы были une charmante personne въ свое вре-мя, — проговорилъ князь, сморкаясь въ платокъ. Глаза его были омочены слезами.

— Мы живемъ въ нашихъ дѣтяхъ, князь, — съ высокимъ чувствомъ отвѣчала Марья Александровна.—У меня тоже есть свой ангель-хранитель! И это—она, моя дочь, подруга моихъ мыслей, моего сердца, князь! Она отвергла уже семь предложеній, не желая разставаться со мною.

— Стало-быть она съ вами поѣдетъ, когда вы будете со-про-вож-дать меня за гра-ницу? Въ такомъ случаѣ, я непременно поѣду за границу—вскричалъ князь, одушевившись. Непре-мѣнно поѣду! И еслибъ я могъ льстить себя на-деж-дою... Но она очаровательное, очаро-ва-тельное дитя! О, ma charmante enfant!..—И князь снова началъ цѣловать ея руки. Бѣдняжка, ему хотѣлось стать передъ ней на колѣни.

— Но... но, князь, вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?—подхватила Марья Александровна, почувствовавъ новый приливъ краснорѣчія. — Но вы странны, князь! Неужели вы считаете себя уже недостойнымъ вниманія женщины? Не молодость составляетъ красоту. Вспомните, что вы, такъ-сказать, обломокъ аристократіи! вы—представитель самыхъ утонченныхъ, самыхъ рыцарскихъ чувствъ и... манеръ! Развѣ Марія не любила старика Мазепу? Я помню, я читала, что Лозенъ, этотъ очаровательный маркизъ двора Людовика...я забыла котораго,—уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже старикъ, побѣдилъ сердце одной изъ первѣйшихъ придворныхъ красавицъ!... И кто сказалъ вамъ, что вы старикъ? Кто научилъ васъ этому! Развѣ люди, какъ вы, старѣются? Вы съ такимъ богатствомъ чувствъ, мыслей, веселости, остроумія, жизненной силы, блестящихъ манеръ! Но появитесь гдѣ-нибудь теперь, за границей, на водахъ, съ молодою женой, съ такой-же красавицей, какъ, напримѣръ, моя Зина,—я не объ ней говорю, я говорю только такъ, для сравненія,—и вы увидите, какой колоссальный будетъ эффектъ! Вы—обломокъ аристократіи, она—красавица изъ красавицъ! вы ведете ее торжественно подъ руку; она поетъ въ блестящемъ обществѣ, вы, съ своей стороны, сыплете остроуміемъ,—да всѣ воды сбѣгутся смотрѣть на васъ! Вся Европа закричитъ, потому-что всѣ газеты, всѣ фельетоны, на водахъ, заговорятъ въ одинъ голосъ... Князь, князь! И вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?

— Фельетоны... ну-да, ну-да!... Это въ газетахъ... — бормочетъ князь, вполонину не понимая болтовню Марьи Александровны, и раскисая все болѣе и болѣе.—Но .. дитя мое, если вы не устали, —повторите еще разъ тотъ романсъ, который вы сейчасъ плѣли!

— Ахъ, князь! Но у ней есть и другіе романсы еще лучше... Помните, князь, L'hirondelle? вы вѣроятно слышали?

— Да, помню... или, лучше сказать, я за-былъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прежній ро-мансъ, тотъ самый, который она сейчасъ пѣ-ла! Я не хочу L'hirondelle! Я хочу тотъ романсъ..., — говорилъ князь, умоляя, какъ ребенокъ.

Зина пропѣла еще разъ. Князь не могъ удержаться и опустился передъ ней на колѣна. Онъ плакалъ.

— О, ma belle châtelaine! — восклицалъ онъ своимъ дребезжающимъ отъ старости и волненія голосомъ. — О, ma charmante châtelaine! О, милое дитя мое! вы мнѣ такъ много на-пом-нили.. изъ того, что давно прошло... Я тогда думалъ, что все будетъ лучше, чѣмъ оно потомъ было. Я тогда пѣлъ дуэты... съ виконтессой... этотъ самый романсъ... а теперь.. Я не знаю, что уже те-перь...

Всю эту рѣчь князь произнесъ задыхаясь и захлебываясь. Языкъ его примѣтно одеревенѣлъ. Нѣкоторыхъ словъ почти совсѣмъ нельзя было разобрать. Видно было только, что онъ въ сильнѣйшей степени разчувствовался. Марья Александровна немедленно подлила масла въ огонь.

— Князь! Но вы, пожалуй, влюбитесь въ мою Зину! — вскричала она, почувствовавъ, что минута была торжественная.

Отвѣтъ князя превзошелъ ея лучшія ожиданія.

— Я до безумія влюбленъ въ нее! — вскричалъ старичокъ, вдругъ весь оживляясь, все еще стоя на колѣнахъ и весь дрожа отъ волненія. — Я ей жизнь готовъ отдать! И еслибъ я только могъ надѣяться... Но подымите меня, я не-мно-го ослабъ... Я... еслибъ только могъ надѣяться предложить ей мое сердце, то... я... она-бы мнѣ каждый день пѣла ро-ман-сы, а я-бы все смотрѣлъ на нее... все смотрѣлъ... Ахъ, Боже мой!

— Князь, князь! вы предлагаете ей свою руку! вы хотите ее взять у меня, мою Зину! мою милую, моего ангела, Зину! Но я не пущу тебя, Зина! Пусть вырвутъ ее изъ рукъ моихъ, изъ рукъ матери! — Марья Александровна бросилась къ дочери и крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, хотя чувствовала, что ее довольно сильно отталкивали... Маменька немного пересаливала. Зина чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ и, съ невыразимымъ отвращеніемъ, смотрѣла на всю комедію. Однакожъ она молчала, а это—все, что было надо Марьѣ Александровнѣ.

— Она девять разъ отказывала, чтобъ только не разлучаться съ своею матерью! кричала она. — Но теперь—мое сердце предчувствуетъ разлуку. Еще давеча я замѣтила, что она такъ смотрѣла на васъ... Вы поразили ее своимъ аристократизмомъ, князь, этой утонченностью!... О! вы разлучите насъ; я это предчувствую!...

— Я о-бо-жаю ее! — пробормоталъ князь, все еще дрожа, какъ осиновый листикъ.

— И такъ ты оставляешь мать свою! — воскликнула Марья Александровна, еще разъ бросаясь на шею дочери.

Зина торопилась кончить тяжелую сцену. Она молча, протанула князю свою прекрасную руку и

даже заставила себя улыбнуться. Князь съ благоговѣніемъ принялъ эту ручку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Я только теперь на-чи-наю жить, — бормоталъ онъ, захлебываясь отъ восторга.

— Зина! — торжественно проговорила Марья Александровна, — взгляни на этого человѣка! Это самый честнѣйшій, самый благороднѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю! Это рыцарь среднихъ вѣковъ! Но она это знаетъ, князь; она знаетъ, на горе моему сердцу... О! зачѣмъ вы пріѣхали! Я передаю вамъ мое сокровище, моего ангела. Берегите ее, князь! Васъ умоляетъ мать, и какая мать осудитъ меня за мою горсть!

— Маменька, довольно! — прошептала Зина.

— Вы защитите ее отъ обиды, князь? Ваша шпага блеснетъ въ глаза клеветнику или дерзкому, который осмѣлится обидѣть мою Зину?

— Довольно, маменька, или я...

— Ну-да, блеснетъ..., — бормоталъ князь. — Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтобъ сейчасъ-же, сію ми-нуту была свадьба... я... Я хочу послать сейчасъ же въ Ду-ха-но-во. Тамъ у меня брил-лі-анты. Я хочу положить ихъ къ ея ногамъ...

— Какой пылъ! какой восторгъ! какое благородство чувствъ! — воскликнула Марья Александровна. — И вы могли, князь, вы могли губить себя, удаляясь отъ свѣта? Я тысячу разъ буду это говорить! Я внѣ себя, когда вспомню объ этой адской...

— Что-жъ мнѣ дѣ-лать, я такъ бо-ялся! бормоталъ князь, хныча и разчувствовавшись. — Они меня въ су-мас-шед-шій домъ посадить хо-тѣ-ли... Я и испугался.

— Въ сумасшедшій домъ! О изверги! и безчеловѣчные люди! О низкое коварство! Князь, — я это слышала! Но это сумасшествіе со стороны этихъ людей! Но за что же, за что?!

— А я и самъ не знаю, за что! — отвѣчалъ старичекъ, отъ слабости садясь на кресло. — Я, знаете, на ба-лѣ былъ и какой-то анекдотъ раз-ска-залъ; а имъ не попра-ви-лось. Ну и вышла исторія!

— Неужели только за это князь?

— Нѣтъ. Я еще по-томъ въ карты иг-ралъ, съ княземъ Петромъ Демен-тьи-чемъ, и безъ шести ос-тал-ся. У меня было два ко-ро-ля и три дамы... или, лучше сказать, три дамы и два ко-ро-ля... Нѣтъ! одинъ ко-ро-ль! а потомъ ужъ были и да-мы...

— И за это? за это! о, адское безчеловѣчіе! вы плачете, князь! Но теперь этого не будетъ! Теперь я буду подлѣ васъ, мой князь; я не расста-нусь съ Зиной и посмотримъ, какъ они осмѣлятся сказать слово!.. И даже знаете, князь, вашъ бракъ поразитъ ихъ. Онъ пристыдитъ ихъ! Они увидятъ, что вы еще способны... то есть они поймутъ, что не вышла бы за сумасшедшаго такая красавица!

Теперь вы гордо можете поднять голову. Вы будете смотрѣть имъ прямо въ лицо...

— Ну-да, я буду смотрѣть имъ пря-мо въ лицо,—пробормоталъ князь, закрывая глаза.

— Однако онъ совсѣмъ раскисъ, подумала Марья Александровна. Только слова терять!

— Князь, вы встревожены, я вижу это; вамъ непременно надо успокоиться, отдохнуть отъ этого волненія,—сказала она, матерински нагибаясь къ нему.

— Ну-да, я бы хотѣлъ не мно-го по-ле-жать,—сказалъ онъ.

— Да, да! Успокойтесь, князь! Эти волненія... Пойдите, я сама провожу васъ... Я уложу васъ сама, если надо.

Что вы такъ смотрите на этотъ портретъ, князь? Это портретъ моей матери, — этого ангела, а не женщины! О, зачѣмъ ея нѣтъ теперь между нами! Это была праведница! князь, праведница!—иначе я не называю ее!

— Пра-вед-ни-ца? с' est joli... У меня тоже была мать... *princesse*... и — вообразите — необыкновенно полная была жеп-щина... Впрочемъ, я не то хотѣлъ ска-зать... Я не-мно-го ослабъ. *Adieu, ma charmante enfant!*.. Я съ нас-лажде-ніемъ... я сегодня... завтра... Ну, да все рав-но! *au revoir, au revoir!*—тутъ онъ хотѣлъ сдѣлать ручкой, но поскользнулся и чуть не упалъ на порогъ.

— Осторожиже, князь! Обопритесь на мою руку,—кричала Марья Александровна.

— *Charmant, charmant!* — бормоталъ онъ уходя. — Я теперь только на-чи-наю жить...

Зина осталась одна. Невыразимая тигость давила ея душу. Она чувствовала отвращеніе до тошноты. Она готова была презрять себя. Щеки ея горѣли. Съ сжатыми руками, стиснувъ зубы, опутивъ голову, стояла она, не двигаясь съ мѣста. Слезы стыда покатались изъ глазъ ея... Въ эту минуту отворилась дверь, и Мозгляковъ вбѣжалъ въ комнату.

ГЛАВА IX.

Онъ слышалъ все, все!

Онъ дѣйствительно не вошелъ, а вбѣжалъ, блѣдный отъ волненія и отъ ярости. Зина смотрѣла на него съ изумленіемъ

— Такъ-то-вы!—вскричалъ онъ, задыхаясь. — Наконецъ-то я узналъ, кто вы такая!

— Кто я такая! — повторила Зина, смотря на него какъ на сумасшедшаго, и вдругъ глаза ея заблистали гнѣвомъ.

— Какъ смѣли вы такъ говорить со мной! — вскричала она, подступая къ нему.

— Я слышалъ все!—повторилъ Мозгляковъ торжественно, но какъ-то невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Вы слышали? вы подслушивали? — сказала Зина, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Да! я подслушивалъ! да, я рѣшился на

подлость, но за то я узналъ, что вы самая... Я даже не знаю, какъ и выразиться, чтобъ сказать вамъ... какая вы теперь выходите!—отвѣчалъ онъ, все болѣе и болѣе робѣя передъ взглядомъ Зины.

— А хотъ бы и слышали, въ чемъ же вы можете обвинить меня? Какое право вы имѣете обвинять меня? Какое право имѣете такъ дерзко говорить со мной?

— Я? Я какое имѣю право? И вы можете это спрашивать? Вы выходите за князя, а я не имѣю никакого права!... да вы мнѣ слово дали, вотъ что!

— Когда?

— Какъ когда?

— Но еще сегодня утромъ, когда вы прпстали ко мнѣ, я рѣшительно отвѣчала, что не могу сказать ничего положительнаго.

— Однако же вы не прогнали меня, вы не отказали мнѣ совсѣмъ; значитъ, вы удерживали меня про запасъ! значитъ, вы завлекали меня.

Въ лицѣ раздраженной Зины показалось болѣзненное ощущеніе, какъ будто отъ острой, пронзительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство.

— Если я васъ не прогоняла, отвѣчала она ясно и съ разстановкой, хотя въ голосѣ ея слышалось едва замѣтное дрожаніе, — то единственно изъ жалости. Вы сами умоляли меня повременить, не говорить вамъ — «нѣтъ», но разглядѣть васъ поближе и «тогда», сказали вы, «тогда, когда вы увѣритесь, что я человѣкъ благородный, можетъ быть вы мнѣ не откажете». Это были ваши собственные слова въ самомъ началѣ вашихъ исканій. Вы не можете отъ нихъ отпереться! Вы осмѣлились сказать мнѣ теперь, что я завлекала васъ. Но вы сами видѣли мое отвращеніе, когда я увидѣлась съ вами сегодня, двумя недѣлями раньше, чѣмъ вы обѣщали, и это отвращеніе я не скрыла передъ вами, напротивъ я его обнаружила. Вы это сами замѣтили, потому что сами спрашивали меня: не сержусь ли я за то, что вы раньше пріѣхали? Знайте, что того не завлекаютъ, передъ кѣмъ не могутъ и не *хотятъ* скрыть своего къ нему отвращенія. Вы осмѣлились выговорить, что я берегла васъ про запасъ. На это отвѣчу вамъ, что я рассуждала про васъ такъ: «если онъ и не одаренъ умомъ, очень большимъ, то все-таки можетъ быть человѣкомъ добрымъ, и потому можно выйти за него». Но теперь, убѣдясь, къ моему счастью, что вы дуракъ, и еще въ добавокъ, злой дуракъ, — мнѣ остается только пожелать вамъ полного счастья и счастливаго пути. Прощайте!

Сказавъ это, Зина отвернулась отъ него и медленно пошла изъ комнаты.

Мозгляковъ, догадавшись, что все потеряно, закипѣлъ отъ ярости.

— А! такъ я дуракъ, кричалъ онъ, — такъ я теперь ужъ дуракъ! Хорошо! Прощайте! Но прежде чѣмъ уйду, всему городу расскажу, какъ вы съ маменькой облапошили князя, напоивъ его допьяна! Всѣмъ расскажу! Узнаете Мозглякова.

Зина вздрогнула и остановилась-было отвѣчать, но, подумавъ съ минуту, только презрительно пожала плечами и захлопнула за собою дверь.

Въ это мгновеніе на порогѣ показалась Марья Александровна. Она слышала восклицаніе Мозглякова. въ одну минуту догадалась, въ чемъ дѣло и вздрогнула отъ испуга. Мозгляковъ еще не уѣхалъ, Мозгляковъ около князя, Мозгляковъ развонитъ по городу, а тайна, хотя бы на самое малое время, была необходима! У Марьи Александровны были свои расчеты. Она мигомъ сообразила всѣ обстоятельства, и планъ усмирненія Мозглякова былъ уже созданъ.

— Что съ вами, *mon ami*? — сказала она подходя къ нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Какъ: *mon ami*! вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, — послѣ того, что вы натворили, да еще: *mon ami*. Моргенъ-фри, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще разъ?

— Мнѣ жаль, мнѣ очень жаль, что вижу васъ въ такомъ странномъ состояніи духа, Павелъ Александровичъ. Какія выраженія! вы даже не удерживаете словъ вашихъ передъ дамой.

— Передъ дамой! Вы... вы все, что хотите, а не дама! — вскричалъ Мозгляковъ. — Не знаю, что именно хотѣлось ему выразить своимъ восклицаніемъ, но, вѣроятно, что-нибудь очень громовое.

Марья Александровна кротко поглядѣла ему въ лицо.

— Сядьте! грустно проговорила она, показывая ему на кресла, въ которыхъ, четверть часа тому, покоился князь.

— Но, послушайте, наконецъ, Марья Александровна! вскричалъ озадаченный Мозгляковъ. — Вы смотрите на меня такъ, какъ-будто вы вовсе не виноваты, а какъ-будто я же виноватъ передъ вами! Вѣдь это нельзя же-съ!.. такой тонъ!.. вѣдь это, наконецъ, превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія... знаете ли вы это?

— Другъ мой! отвѣчала Марья Александровна, — вы позволите мнѣ все еще называть васъ этимъ именемъ, потому что у васъ нѣтъ лучшаго друга, какъ я; другъ мой! вы страдаете, вы измучены, вы уязвлены въ самое сердце — и потому неудивительно, что вы говорите со мной въ такомъ тонѣ. Но я рѣшаюсь открыть вамъ все, все мое сердце, тѣмъ скорѣе, что я сама себя чувствую нѣсколько виноватой передъ вами. Садитесь же, поговоримъ.

Голосъ Марьи Александровны былъ болѣзненно мягкій.

Въ лицѣ выражалось страданіе. Изумленный Мозгляковъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла.

— Вы подслушивали? продолжала она, укоризненно глядя ему въ лицо.

— Да, я подслушивалъ! еще бы не подслушивать; вотъ бы олухъ-то былъ! По крайней мѣрѣ узналъ все, что вы противъ меня затѣваете, — грубо отвѣчалъ Мозгляковъ, ободряя и подзадоривая себя собственнымъ гнѣвомъ.

— И вы, и вы, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашими правилами, могли рѣшиться на такой поступокъ? — О, Боже мой!

Мозгляковъ даже вскочилъ со стула.

— Но, Марья Александровна! вскричалъ онъ, — это, наконецъ, невыносимо слушать! вспомните, на что вы-то рѣшились, съ вашими правилами, а тогда осуждайте другихъ!

— Еще вопросъ, сказала она, не отвѣчая на его вопросы: кто васъ надумилъ подслушивать, кто рассказалъ, кто тутъ шпионилъ? — вотъ что я хочу знать.

— Ну ужъ извините, — этого не скажу-съ.

— Хорошо. Я сама узнаю. Я сказала, Поль, что я передъ вами виновата. Но, если вы разберете все, всѣ обстоятельства, то увидите, что если я и виновата, то единственно тѣмъ, что вамъ же желала возможно больше добра.

— Мнѣ? добра? Это ужъ изъ рукъ вопъ! Увѣрю васъ, что больше не надуете! Не таковъ мальчикъ!

И онъ повернулся въ креслахъ такъ, что они затрещали.

— Пожалуйста, мой другъ, будьте хладнокровнѣе, если можете. Выслушайте меня внимательно, и вы сами во всемъ согласитесь. Во-первыхъ, я хотѣла немедленно вамъ объяснить все, все, и вы узнали бы отъ меня все дѣло, до малѣйшей подробности, не унижаясь подслушиваніемъ. Если же не объяснилась съ вами заранѣе, давеча, то единственно потому, что все дѣло еще было въ прозѣ. Оно могло и не состояться. Впдите: я съ вами вполне откровенна. Во-вторыхъ, не вините дочь мою. Она васъ до безумія любитъ и мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій отвлечь ее отъ васъ и согласить ее принять предложеніе князя.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе слышать самое полное доказательство этой любви *до безумія*, — проницески проговорилъ Мозгляковъ.

— Хорошо. А вы какъ съ ней говорили? Такъ ли долженъ говорить влюбленный? Такъ ли говорить, наконецъ, человѣкъ хорошаго тона? Вы оскорбили и раздражили ее.

— Ну, не до тону теперь, Марья Александровна! А давеча, когда вы обѣ дѣлали мнѣ такіа сладкія мины, я поѣхалъ съ княземъ, а вы меня ну честить! Вы чернили меня, — вотъ что я вамъ говорю-съ! Я это все знаю, все!

— И, вѣрно, изъ того же грязнаго источника? — замѣтила Марья Александровна, презрительно улыбаясь. — Да, Павелъ Александровичъ, я чернила васъ, я наговорила на васъ и, признаюсь, не мало билась. Но ужъ одно то, что я принуждена была васъ чернить передъ нею, можетъ быть, даже клеветать на васъ, — ужъ одно это доказываетъ, какъ тяжело было мнѣ исторгнуть изъ нея согласіе васъ оставить! Недальновидный человѣкъ! Еслибъ она не любила васъ, нужно-ли-бъ было мнѣ васъ чернить, представлять васъ въ смѣшномъ, недостойномъ видѣ, прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ? Да вы еще не знаете всего! Я должна

была употребить власть матери, чтоб исторгнуть васъ изъ ея сердца и, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигла только наружнаго согласія. Если вы теперь насъ подслушивали, то должны же были замѣтить, что она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не поддержала меня передъ княземъ. Во всю эту сцену, она почти не сказала ни слова; пѣла, какъ автоматъ. Вся ея душа была въ тоскѣ, и я, изъ жалости къ ней, увела, наконецъ отсюда князя. Я увѣрена, что она плакала, оставшись одна. Войдя сюда, вы должны были замѣтить ея слезы...

Мозгляковъ дѣйствительно вспомнилъ, что, вбѣжавъ въ комнату, онъ замѣтилъ Зину въ слезахъ.

— Но вы, вы, за что вы-то были противъ меня, Марья Александровна? — вскричалъ онъ. — За что вы чернили меня, клеветали на меня, — въ чемъ сами признаетесь теперь?

— А, это другое дѣло! Вотъ еслибъ вы сначала благоразумно спрашивали, то давно бы получили отвѣтъ. Да, вы правы! Все это сдѣлала я, и я одна. Зину не мѣшайте сюда. Для чего я сдѣлала? отвѣчаю во-первыхъ, для Зины. Князь богатъ, знатенъ, имѣетъ связи и, выйдя за него, Зина сдѣлаетъ блестящую партію. Наконецъ, если онъ и умретъ, — можетъ быть, даже скоро, потому что мы всѣ болѣе и менѣе смертны, тогда Зина — молодая вдова, княгиня, въ высшемъ обществѣ, и, можетъ быть, очень богата. Тогда она можетъ выйти замужъ за кого хочетъ, можетъ сдѣлать богатѣйшую партію. Но, разумеется, она выйдетъ за того, кого любитъ, за того, кого любила прежде, чье сердце растерзала, выйдя за князя. Одно уже раскаяніе заставило бы ее загладить свой проступокъ передъ тѣмъ, кого прежде любила.

— Гм! — промычалъ Мозгляковъ, задумчиво смотря на свои сапоги.

— Во-вторыхъ, — и объ этомъ я упомяну только вкратцѣ, — продолжала Марья Александровна — потому что вы этого, можетъ быть, даже и не поймете. Вы читаете вашего Шекспира, черпаете изъ него всѣ свои высокія чувства, а на дѣлѣ вы хоть и *очень добры*, но еще слишкомъ молоды, — а я мать, Павелъ Александровичъ! Слушайте же: я выдаю Зину за князя, отчасти и для самого князя, потому что хочу спасти его этимъ бракомъ. Я любила и прежде этого благороднаго, этого добрейшаго, этого рыцарски-честнаго старика. Мы были друзьями. Онъ несчастенъ въ когтяхъ этой адской женщины. Она доведетъ его до могилы. Богъ видитъ, что я согласилась Зину на бракъ съ нимъ, единственно выставивъ передъ нею всю святость ея подвига самоотверженія. Она увлеклась благородствомъ чувствъ, обаяніемъ подвига. Въ ней самой есть что-то рыцарское. Я представила ей, какъ дѣло высоко-христіанское, быть опорой, утѣшеніемъ, другомъ, дитятей, красавицей, идоломъ того, кому, можетъ быть, остается жить всего одинъ годъ. Не гадкая женщина, не страхъ, не

уныніе окружали бы его въ послѣдніе дни его жизни, а свѣтъ, дружба, любовь. Раемъ показались бы ему эти послѣдніе закатные дни! Гдѣ же тутъ эгоизмъ, — скажите, пожалуйста? Это, скорѣе, подвигъ сестры милосердія, а не эгоизмъ?

— Такъ вы... такъ вы сдѣлали это только для князя, для подвига сестры милосердія? — промычалъ Мозгляковъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Понимаю и этотъ вопросъ, Павелъ Александровичъ; онъ довольно ясенъ. Вы, можетъ быть, думаете, что тутъ іезуитски сплетена выгода князя съ собственными выгодами? Что-жъ? можетъ быть, въ головѣ моей и были эти расчеты, только не іезуитскіе, а невольные. Знаю, что вы изумляетесь такому откровенному признанію, но объ одномъ прошу васъ, Павелъ Александровичъ: не мѣшайте въ это дѣло Зину! Она чиста, какъ голубь: она не рассчитываетъ; она только умѣетъ любить, — милое дитя мое! Если кто и рассчитывалъ, то это я, и я одна! Но, во-первыхъ, спросите строго свою совѣсть и скажите: кто не рассчитывалъ бы на моемъ мѣстѣ, въ подобномъ случаѣ? Мы рассчитываемъ наши выгоды даже въ великодушнѣйшихъ, даже въ безкорыстнѣйшихъ дѣлахъ нашихъ, рассчитываемъ непримѣтно, невольно! Конечно, почти всѣ себя же обманываютъ, увѣряя себя самихъ, что дѣйствуютъ изъ одного благородства. Я не хочу себя обманывать: я сознаюсь, что при всемъ благородствѣ моихъ дѣлей, — я рассчитывала. Но спросите, для себя ли я рассчитываю? Мнѣ уже ничего не нужно, Павелъ Александровичъ! я отжила свой вѣкъ. Я рассчитывала для нея, для моего ангела, для моего дитяти, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Слезы заблестали въ глазахъ Марьи Александровны. Павелъ Александровичъ въ изумленіи слушалъ эту откровенную исповѣдь и, въ недоумѣніи, хлопалъ глазами.

— Ну, да, какая мать.... — проговорилъ онъ наконецъ. — Вы хорошо поете, Марья Александровна, — но... но вѣдь вы мнѣ дали слово! Вы обнадеживали и меня... Мнѣ-то каково? подумайте! Вѣдь я теперь, знаете, съ какимъ носомъ?

— Но неужели вы полагаете, что я объ васъ не подумала, mon cher Paul! Напротивъ: во всѣхъ этихъ расчетахъ была для васъ такая огромная выгода, что она-то и понудила меня, главнымъ образомъ, исполнить все это предпріятіе.

— Моя выгода! вскричалъ Мозгляковъ, на этотъ разъ совершенно ошеломленный. — Это какъ?

— Боже мой! — Неужели же можно быть до такой степени простымъ и недалекимъ! — вскричала Марья Александровна, возводя глаза къ небу. — О, молодость! молодость! Вотъ, что значитъ погрузиться въ этого Шекспира, мечтать, воображать, что мы живемъ, — живя чужими умами и чужими мыслями! Вы спрашиваете, *добрый* мой Павелъ Александровичъ, въ чемъ тутъ заключается ваша выгода? Позвольте мнѣ, для ясности, сдѣлать одно отступленіе: Зина васъ любитъ, — это несом-

нѣнно! Но я замѣтила, что, не смотря на ея очевидную любовь, въ ней таится какая-то недовѣрчивость къ вамъ, къ вашимъ добрымъ чувствамъ, къ вашимъ наклонностямъ. Я замѣтила, что иногда она, какъ бы нарочно, удерживаетъ себя и холодна съ вами — плодъ раздутья и недовѣрчивости. Не замѣтили ли вы это сами, Павелъ Александровичъ?

— За-мѣ-чалъ; и даже сегодня... Однако, что же вы хотите сказать, Марья Александровна?

— Вотъ видите, вы сами замѣтили это. Стало быть, я не ошиблась. Въ ней именно есть какая-то странная недовѣрчивость къ гостоянству вашихъ добрыхъ наклонностей. Я мать — и мнѣ ли не угадать сердца моего дитяти? Вообразите же теперь, что вмѣсто того, чтобъ вбѣжать въ комнату съ упреками и даже съ ругательствами, раздражить, обидѣть, оскорбить ее, чистую, прекрасную, гордую, и тѣмъ, поневолѣ, утвердить ее въ подозрѣніяхъ на счетъ вашихъ дурныхъ наклонностей, — вообразите, что вы бы приняли эту вѣсть кротко, со слезами сожалѣнія, пожалуй, даже отчаянія, но и съ возвышеннымъ благородствомъ души....

— Гм!...

— Нѣтъ, не прерывайте меня, Павелъ Александровичъ. Я хочу изобразить вамъ всю картину, которая поразитъ ваше воображеніе. Вообразите, что вы пришли къ ней и говорите: «Зинаида! Я люблю тебя болѣе жизни моей, но фампльныя причины разлучаютъ насъ. Я понимаю эти причины. Онѣ для твоего же счастья и я уже не смѣю возставать противъ нихъ, Зинаида! я прощаю тебя. Будь счастлива, если можешь!» и тутъ бы вы устремили на нее взоръ, — взоръ закалаемаго агнца, если можно такъ выразиться, — вообразите все это и подумайте, какой эффектъ произвели бы эти слова на ея сердце!

— Да, Марья Александровна, положимъ, все это такъ; я это все понимаю... но что же, — я-то бы сказалъ, а все-таки ушелъ-бы безъ ничего...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не перебивайте меня! Я непремѣнно хочу изобразить всю картину, со всѣми послѣдствіями, чтобъ благородно поразить васъ. Вообразите же, что вы встрѣчаетесь съ ней потомъ, чрезъ нѣсколько времени, въ высшемъ обществѣ; встрѣчаетесь гдѣ-нибудь на балѣ, при блистательномъ освѣщеніи, при упоительной музыкѣ, среди великолѣпнѣйшихъ женщинъ и, среди всего этого праздника, вы одни, грустный, задумчивый, блѣдный, гдѣ-нибудь опершись на колонну (но такъ, что васъ видно), слѣдите за ней въ вихрѣ бала. Она танцуетъ. Около васъ лютуютъ упоительные звуки Штрауса, сыплется остроуміе высшего общества — а вы одинъ, слѣдный и убитый вашею страстію! Что тогда будетъ съ Зинаидой, подумайте? Какими глазами будетъ она глядѣть на васъ? «И я, — подумаетъ она, — я сомнѣвалась въ этомъ человѣкѣ, который мнѣ пожертвовалъ всѣмъ,

всѣмъ, и разтерзалъ для меня свое сердце!» Разумѣется, прежняя любовь воскресла бы въ ней съ неудержимою силою!

Марья Александровна остановилась перевести духъ. Мозгляковъ повернулся въ креслахъ съ такою силою, что они еще разъ затрещали. Марья Александровна продолжала.

— Для здоровья князя, Зина ѣдетъ за границу, въ Италію, въ Испанію, — въ Испанію, гдѣ марты, лимоны, гдѣ голубое небо, гдѣ Гвадалквивиръ, — гдѣ страна любви, гдѣ нельзя жить и не любить; гдѣ розы и поцѣлуи, такъ сказать, носятся въ воздухѣ! Вы ѣдете туда-же, за ней; вы жертвуете службой, связями, всѣмъ! Тамъ начинается ваша любовь съ неудержимою силой; любовь, молодость. Испанія, — Боже мой! Разумѣется, ваша любовь непорочная, святая; но вы, наконецъ, *томитесь*, смотря другъ на друга. Вы меня понимаете, мои ами! Конечно, найдутся низкіе, коварные люди, изверги, которые будутъ утверждать, что ювсе не родственное чувство къ страждущему старику повлекло васъ за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непорочною, потому что эти люди, пожалуй, придадутъ ей совсѣмъ другое значеніе. Но я мать, Павелъ Александровичъ, и я-ли научу васъ дурному!... Конечно, князь не въ состояніи будетъ смотрѣть за вами обоими, но, — что до этого! Можно-ли на этомъ сновывать такую гнусную клевету? Наконецъ, онъ умираетъ, благословляя судьбу свою. Скажите: за кого-жъ выйдетъ Зина, какъ не за васъ? Вы такой дальній родственникъ князю, что препятствій къ браку не можетъ быть никакихъ. Вы берете ее, молодую, богатую, знатную, — и въ какое же время? — когда бракомъ съ ней могли-бы гордиться знатнѣйшіе изъ вельможъ! Чрезъ нее вы станете своимъ въ самомъ высшемъ кругу общества; черезъ нее вы получаете вдругъ значительное мѣсто, входите въ чины. Теперь у васъ полтора ста душъ, а тогда вы богаты; князь устроитъ все въ своемъ завѣщаніи; я берусь за это. И, наконецъ, главное, она уже вполне увѣрена въ васъ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашихъ чувствахъ, и вы, вдругъ, становитесь для нея героемъ добродѣтели и самоотверженія!... И вы, и вы спрашиваете, послѣ этого, въ чемъ ваша выгода? Но вѣдь нужно, наконецъ, быть слѣпымъ, чтобъ не замѣчать, чтобъ не сообразить, чтобъ не разсчитать эту выгоду, когда она стоитъ въ двухъ шагахъ передъ вами, смотреть на васъ, улыбается вамъ, а сама говорить: «это я, твоя выгода!» Павелъ Александровичъ, помилуйте!

— Марья Александровна! — вскричалъ Мозгляковъ въ необыкновенномъ волненіи: — теперь я все понимаю! я поступилъ грубо, низко и подло!

Онъ вскочилъ со стула и схватилъ себя за волосы.

— И не разсчетливо, — прибавила Марья Александровна, — главное: не разсчетливо!

— Я оселъ, Марья Александровна! — вскричалъ

онъ почти въ отчаяніи.—Теперь все погибло, потому что я до безумія любилъ ее!

— Можетъ-быть, и не все погибло,—проговорила госпожа Москалева тихо, какъ-будто что-то обдумывая.

— О, еслибъ это было возможно! Помогите! научите! спасите!

И Мозгляковъ заплакалъ.

— Другъ мой! — съ состраданіемъ сказала Марья Александровна, подавая ему руку: — вы это сдѣлали отъ излишней горячки, отъ кипѣнія страсти, стало-быть, отъ любви же къ ней! Вы были въ отчаяніи, вы не помнили себя! вѣдь должна-же она понять все это....

— И до безумія люблю ее и всѣмъ готовъ для нея пожертвовать!—кричалъ Мозгляковъ.

— Послушайте, я оправдаю васъ передъ нею....

— Марья Александровна!

— Да, я берусь за это! Я сведу васъ. Вы выскажете ей все, все, какъ я вамъ сейчасъ говорила!

— О, Боже! какъ вы добры, Марья Александровна!... Но.... нельзя-ли это сдѣлать сейчасъ!

— Оборони Богъ! О, какъ вы неопытны, другъ мой! Она, такая гордая! Она приметъ это за новую грубость, за нахальность! Завтра-же я устрою все, а теперь—уйдите куда-нибудь, хоть къ этому купцу.... пожалуй, приходите вечеромъ; но я бы вамъ не совѣтовала!

— Уйду, уйду! Боже мой! вы меня воскрешаете! но еще одинъ вопросъ: ну, а если князь не такъ скоро умретъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы наивны, mon cher Paul. Напротивъ, намъ надобно молить Бога о его здоровьи. Надобно всѣмъ сердцемъ желать долгихъ дней этому милому, этому доброму, этому рыцарски-честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери. Но, увы! кажется, здоровье князя не надежно! Къ тому-же, придется теперь посѣтить столицу, вывезить Зину въ свѣтъ. Боюсь, охъ боюсь, чтобъ это окончательно не довершило его! Но — будемъ молиться, cher Paul, а остальное — въ руки Божіей!... Вы уже идете! Благословляю васъ, mon ami! Надѣйтесь, терпите, мужайтесь, главное — мужайтесь! Я никогда не сомнѣвалась въ благородствѣ чувствъ вашихъ....

Она крѣпко пожала ему руку, и Мозгляковъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, проводила одного дурака!—сказала она съ торжествомъ.—Остались другіе....

Дверь открылась и вошла Зина. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза ея сверкали.

— Маменька!—сказала она,—кончайте скорѣе, или я не вынесу! Все это до того грязно и подло, что я готова бѣжать изъ дому. Не томите же меня, не раздражайте меня! Меня тошнитъ, слышите-ли; меня тошнитъ отъ всей этой грязи!

— Зина! что съ тобою, мой ангелъ? Ты.... ты подслушивала! — вскричала Марья Александровна, пристально и съ безпокойствомъ вглядываясь въ Зину.

— Да, подслушивала. Не хотите-ли вы стыдить меня, какъ этого дурака? Послушайте, клянусь вамъ, что если вы еще будете меня такъ мучить и назначать мнѣ разныя низкія роли въ этой низкой комедіи, то я брошу все и покончу все разомъ. Довольно уже того, что я рѣшилась на главную низость! Но.... я не знала себя! Я задохнусь отъ этого смрада!... — И она вышла, хлопнувъ дверями.

Марья Александровна пристально посмотрѣла ей въ слѣдъ и задумалась.

— Спѣшить, спѣшить!—вскричала она встрепетувшись.—Въ ней главная бѣда, главная опасность, и если всѣ эти мерзавцы насъ не оставятъ однихъ, развоняютъ по городу,—что ужъ вѣрно и сдѣлано,—то все пропало! Она не выдержитъ этой всей кутерьмы и откажется. Во что бы то ни стало, и немедленно надо увезти князя въ деревню! Слетаю сама сперва, выгашу моего болвана и привезу сюда. Долженъ-же онъ хоть на что-нибудь наконецъ пригодиться! А тамъ тотъ выпится—и отправимся!—она позвонила.

— Что-жъ лошади?—спросила она вошедшаго челоука.

— Давно готовы-съ, — отвѣчалъ лакей.

Лошади были заказаны въ ту минуту, когда Марья Александровна уводила на верхъ князя.

Она одѣлась, но прежде забѣжала къ Зинѣ, чтобъ сообщить ей, въ главныххъ чертахъ, свое рѣшеніе и нѣкоторыя инструкціи. Но Зина не могла ее слушать. Она лежала въ постели, лицомъ въ подушкахъ; она обливалась слезами и рвала свои длинныя, чуждые волосы своими бѣлыми руками, обнаженными до локтей. Изрѣдка вздрагивала она, какъ-будто холодъ, въ одно мгновеніе, проходилъ по всѣмъ ея членамъ. Марья Александровна начала было говорить, но Зина не подняла даже и головы.

Постоявъ надъ ней нѣкоторое время, Марья Александровна вышла въ смущеніи и, чтобъ вознаграждать себя съ другой стороны, сѣла въ карету и велѣла гнать что-есть-мочи.

— Скверно то, что Зина подслушивала!—думала она сидя въ каретѣ.—Я уговорила Мозглякова почти тѣмъ-же словами, какъ и ее. Она горда и, можетъ-быть, оскорбилась.... Гм! Но главное, главное успѣть все обдѣлать, покамѣстъ не пронюхали! Бѣда! Ну, если нагрѣхъ моего дурака нѣту дома!...

И при одной этой мысли ея овладѣло бѣшенство, не предвѣщавшее ничего счастливаго Анасίου Матвѣичу; она ворочалась на своемъ мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Лошади мчали ее во всю прыть.

ГЛАВА X.

Карета летѣла. Мы сказали уже, что въ головѣ Марьи Александровны, еще утромъ, въ то время, когда она гонялась за княземъ по городу, блеснула гениальная мысль. Объ этой мысли мы общали упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Но читатель уже знаетъ ее. Эта мысль была: въ свою очередь конфисковать князя и, какъ можно скорѣе, увезти его въ подгородную деревню, гдѣ безмятежно процвѣталъ блаженный Аѳанасій Матвѣичъ. Не скроемъ, что на Марью Александровну все болѣе и болѣе находило какое-то необъяснимое безпокойство. Это бываетъ даже съ настоящими героями, именно въ то время, когда они достигаютъ цѣли. Какой-то инстинктъ подсказываетъ ей, что опасно оставаться въ Мордасовѣ. «А ужъ разъ въ деревнѣ, рассуждала она, такъ тутъ хоть весь городъ вверхъ ногами!» Конечно и въ деревнѣ нельзя было терять времени. Все могло случиться, все, рѣшительно все, хотя мы, конечно, не вѣримъ слухамъ, распространеннымъ въ послѣдствіи про мою героиню ея злоумышленниками, что она, въ эту минуту, боялась даже полиціи. Однимъ словомъ, она видѣла, что надо какъ можно скорѣе обвинчать Зину съ княземъ. Средства-же были подъ руками. Обвинчать могъ на-дому и деревенскій священникъ. Можно было обвинчать даже послѣ завтра; въ самомъ крайнемъ случаѣ даже и завтра. Вѣдь бывали же свадьбы, которыя въ два часа обдѣлывались! Князю—представить эту поспѣшность, это отсутствіе всякихъ праздниковъ, сговоровъ, дѣвишниковъ, за необходимое *comme-il-faut*; внушить ему, что это будетъ приличіе, грандіозіе. Наконецъ, можно было все выставить какъ романическое приключеніе и затронуть такимъ образомъ самую чувствительную струну въ сердцѣ князя. Въ крайнемъ случаѣ можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьянымъ. А потомъ, что бы ни случилось, Зина все-таки будетъ княгиней! Еслиже не обойдется потомъ безъ скандалу, на примѣръ, хоть въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ у князя были родные, то и тутъ было свое утѣшеніе. Во-первыхъ, все это еще впереди; а во-вторыхъ, Марья Александровна вѣрила, что въ высшемъ обществѣ почти никогда не обходится безъ скандалу, особенно въ дѣлахъ свадебныхъ; что это даже въ тонѣ, хотя скандалы высшего общества, по ея понятіямъ, должны быть всегда какіе-нибудь особенные, грандіозные, что-нибудь въ родѣ Монте-Кристо или *Mémoires du Diable*. Что, наконецъ, стоило только показаться въ высшемъ обществѣ Зинѣ, а маменькѣ поддержать ее, то всѣ, рѣшительно всѣ, будутъ въ ту-же минуту побѣждены и что никто изъ всѣхъ этихъ графинь и княгинь не въ состояніи будетъ выдержать той мордасовской головоломки, которую способна задать имъ одна Марья Александровна, всѣмъ вмѣстѣ или по одиночкѣ. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Марья Александровна и летѣла теперь въ свое

помѣстье за Аѳанасиемъ Матвѣвичемъ, въ которомъ, по ея расчету, предстояла теперь необходимая надобность. Дѣйствительно: везти князя въ деревню, значило везти его къ Аѳанасію Матвѣичу, съ которымъ князь, можетъ быть, и не захотѣлъ бы знакомиться. Если же Аѳанасій Матвѣичъ произнесетъ приглашеніе, тогда дѣло принимало совсѣмъ другой видъ. Къ тому же, явленіе пожилаго и сановитаго отца семейства, въ бѣломъ галстухѣ и во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, прѣхавшаго нарочно изъ дальнихъ странъ по первому слуху о князѣ, могло произвести чрезвычайно пріятный эффектъ, могло даже польстить самолюбію князя. Отъ такого настойчиваго и на-раднаго приглашенія трудно и отказаться, думала Марья Александровна. Наконецъ карета пролетѣла три версты, и кучеръ Сафронъ осадилъ своихъ коней у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго, деревяннаго строенія, довольно ветхаго и почернѣвшаго отъ времени, съ длиннымъ рядомъ оконъ и обставленнаго со всѣхъ сторонъ старыми липами. Это былъ деревенскій домъ и лѣтняя резиденція Марьи Александровны. Въ домѣ уже горѣли огни.

— Гдѣ болванъ? — закричала Марья Александровна, какъ ураганъ врываясь въ комнаты. — Зачѣмъ тутъ это полотенце? А! онъ утирался! Опять былъ въ банѣ? И вѣчно-то хлещетъ свой чай! Ну, что на меня глаза выпучилъ, отпѣтый дуракъ? Зачѣмъ у него волосы не выстрижены? Гришка! Гришка! Гришка! Зачѣмъ ты не обстригъ барина, какъ я тебѣ на прошлой недѣлѣ приказывала?

Марья Александровна, входя въ комнаты, собиралась поздороваться съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ гораздо мягче, но, увидѣвъ, что онъ изъ бани и съ наслажденіемъ попиваетъ чай, она не могла удержаться отъ самаго горькаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ: столько хлопотъ и заботъ съ ея стороны и столько самаго блаженнаго квіетизма со стороны, ни къ чему не нужнаго и неспособнаго къ дѣлу, Аѳанасія Матвѣича; такой контрастъ немедленно ужалилъ ее въ самое сердце. Между тѣмъ болванъ, или, если сказать учтивѣе, тотъ, котораго называли болваномъ, сидѣлъ за самоваромъ и, въ безсмысленномъ испугѣ, раскрывъ ротъ и выпуча глаза, глядѣлъ на свою супругу, почти окаменившую его своимъ появленіемъ. Изъ передней выставилась заспанная и неуклюжая фигура Гришки, хлопавшаго глазами на всю эту сцену.

— Да не даются, отъ того и не стригъ,—проговорилъ онъ ворчливымъ и осиплымъ голосомъ.—Десять разъ съ ножницами подходилъ, — вотъ, говорю, барыня ужотка прѣдетъ, — намъ обоимъ достанется, тогда чего станемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь; мнѣ надо, чтобы волосы длинные были.

— Какъ? такъ онъ завивается! такъ ты еще выдумалъ безъ меня завиваться? Это что за фасоны? Да идетъ-ли это къ тебѣ, къ твоей глупой башкѣ? Боже, какой здѣсь безпорядокъ! Чѣмъ это нах-

нетъ? Я тебя спрашиваю, извергъ, чѣмъ это здѣсь пахнетъ?—кричала супруга, накидываясь все болѣе и болѣе на невиннаго и совершенно уже опалѣвшаго Аѳанасія Матвѣича.

— Ма-матушка!—пробормоталъ запуганный супругъ, не вставая съ мѣста и смотря умоляющими глазами на свою повелительницу, — ма-ма-матушка!...

— Сколько разъ я вбивала въ твою ослиную голову, что я тебѣ вовсе не матушка? Какая я тебѣ матушка, пигмей ты эдакой! Какъ смѣешь ты давать такое названіе благородной дамѣ, которой мѣсто въ высшемъ обществѣ, а не подлѣ такого осла, какъ ты!

— Да.... да вѣдь ты, Марья Александровна, все же законная жена моя, такъ вотъ я и говорю.... по-супружески....—возразилъ было Аѳанасій Матвѣичъ и, въ ту же минуту, поднесъ обѣ руки свои къ головѣ, чтобъ защитить свои волосы.

— Ахъ, ты, хара! ахъ ты, осиноый колъ! Ну слыхано-ли что-нибудь глупѣе такого отвѣта? Законная жена! Да какія теперь законныя жены? Употребить-ли теперь хоть кто-нибудь въ высшемъ обществѣ это глупое, это семинарское, это отвратительно-низкое слово: «законная»? и какъ смѣешь ты напоминать мнѣ, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть объ этомъ всѣми силами, всѣми средствами моей души? Что руками-то голову закрываешь? Посмотрите, какіе у него волосы? совсѣмъ, совсѣмъ мокрые! Въ три часа не обсохнутъ! Какъ теперь везти его? Какъ теперь людямъ показать? Что теперь дѣлать?

И Марья Александровна ломала свои руки отъ бѣшенства, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣда, конечно, была не большая и исправимая; но дѣло въ томъ, что Марья Александровна не могла совладать со всепобѣждающимъ и властолюбивымъ своимъ духомъ. Она находила потребность въ непрерывномъ изліяніи своего гнѣва на Аѳанасія Матвѣича, потому что тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. Да и, наконецъ, всѣмъ извѣстно, къ какому контрасту способны нѣкоторыя утонченныя дамы извѣстнаго общества, у себя за кулисами, и мнѣ именно хотѣлось изобразить этотъ контрастъ. Аѳанасій Матвѣичъ съ трепетомъ слѣдилъ за эволюціями своей супруги и даже вспотѣлъ на нее глядя.

— Гришка!—вскричала наконецъ она,—тотчасъ же барину одѣваться! фракъ, брюки, бѣлый галстухъ, жилетъ,—живѣ! Да гдѣ его головная щетка, гдѣ щетка?

— Матушка! да вѣдь я изъ бани: простудиться могу, если въ городѣ ѣхать....

— Не простудишься!

— Да вотъ, и волосы мокрые....

— А вотъ мы ихъ, сейчасъ, высушимъ! Гришка, бери головную щетку, три его до суха; крѣпче! крѣпче! крѣпче! вотъ такъ! вотъ такъ!

Подъ эту команду усердный и преданный Гришка, что-есть силы, началъ оттирать волосы своего

барина, для большаго удобства схвативъ его за плечо и нѣсколько пригнувъ къ дивану. Аѳанасій Матвѣичъ морщился и чуть не плакалъ.

— Теперь пошелъ сюда! подыми его, Гришка! гдѣ помада? Нагнись, нагнись, негодай,—нагнись, дармоѣдъ!

И Марья Александровна собственноручно принялась помадить своего супруга, безжалостно теребя его густые съ просѣдью волосы, которые онъ, на бѣду свою, не остригъ. Аѳанасій Матвѣичъ кряхтѣлъ, вздыхалъ, но не вскрикнулъ, и съ покорностію выдержалъ всю операцію.

— Соки ты мои высосалъ, пачкунъ ты такой!—проговорила Марья Александровна. — Да нагнись еще больше, нагнись!

— Чѣмъ-же я, матушка, высосалъ твои соки?—промямлилъ супругъ, нагибая, какъ только могъ болѣе, голову.

— Болванъ! аллегоріи не понимаетъ! Теперь причешишь; а ты одѣвай его, да живѣ!

Герония наша усѣлась въ кресла и инквизиторски наблюдала весь церемоніалъ облаченія Аѳанасія Матвѣича. Между-тѣмъ онъ успѣлъ нѣсколько отдохнуть и собраться съ духомъ, и когда дѣло дошло до повязки бѣлаго галстуха, то даже осмѣлился взять какое-то собственное мнѣніе на счетъ формы и красоты узла. Наконецъ, надѣвая фракъ, почтенный мужъ совершенно ободрился и началъ поглядывать на себя въ зеркало съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Куда-жъ это ты везешь меня, Марья Александровна? проговорилъ онъ охорашиваясь.

Марья Александровна не повѣрила-было ушамъ своимъ.

— Слышите! ахъ, ты, чучело! Да какъ ты смѣешь спрашивать меня, куда я везу тебя!

— Матушка, да вѣдь надо-же знать....

— Молчать! Вотъ только назови еще разъ меня матушкой, особенно тамъ, куда теперь ѣдемъ! Цѣлый мѣсяцъ просидишь безъ чаю.

Испуганный супругъ умолкъ.

— Ишь! ни одного креста вѣдь не выслужилъ, чумичка ты эдакая, — продолжала она, съ превращеніемъ смотря на черный фракъ Аѳанасія Матвѣича.

Аѳанасій Матвѣичъ наконецъ обидѣлся.

— Кресты, матушка, начальство даетъ, а я совѣтникъ, а не чумичка, — проговорилъ онъ, въ благородномъ негодованіи.

— Что, что? Да ты здѣсь разсуждать научился! ахъ ты, мужикъ ты эдакой! ахъ ты, соплякъ! Ну, жаль, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться, а то бы я.... Ну да потомъ припомню! Давай ему шляпу, Гришка! Давай ему шубу! Здѣсь, безъ меня, всѣ эти три комнаты прибрать: да зеленую, угловую комнату тоже прибрать. Многомъ щетки въ руки! Съ зеркалъ снять чехлы, съ часовъ тоже, да чтобъ черезъ часъ все было готово. Да самъ надѣнь фракъ, людямъ выдай перчатки, слышишь, Гришка, слышишь?

Сѣли въ карету. Аѳанасій Матвѣичъ недоумѣ-

валъ и удивлялся. Между-тѣмъ Марья Александровна думала про себя, — какъ-бы понятнѣе вбить въ голову своего супруга нѣкоторыя наставленія, необходимыя въ теперешнемъ его положеніи. Но супругъ предупредить ее.

— А я вотъ, Марья Александровна, сегодня сонъ преоригинальный видѣлъ,—возвѣстилъ онъ, совсѣмъ неожиданно, посреди обоюднаго молчанія.

— Тѣфу ты, проклятое чучело! Я думала и Богъ знаетъ что! Какой-то сонъ! да какъ ты смѣешь лѣзть ко мнѣ съ своими мужицкими снами! Оригинальный! понимаешь-ли еще, что такое оригинальный? Слушай, говорю въ послѣдній разъ, если ты у меня сегодня осмѣлишься только слово упомянуть про сонъ, или про что-нибудь другое, то я,—я ужъ и не знаю, чтó съ тобой сдѣлаю! Слушай хорошенько: ко мнѣ пріѣхалъ князь К. Помнишь князя К?

— Помню, матушка, помню. Зачѣмъ-же это онъ пожаловалъ?

— Молчи, не твое дѣло! Ты долженъ, съ особенною любезностію, какъ хозяинъ, просить его сейчасъ-же къ намъ въ деревню. За тѣмъ я и везу тебя. Сегодня-же сядемъ и уѣдемъ. Но если ты только осмѣлишься хоть одно слово сказать въ цѣлый вечеръ, или завтра, или послѣ-завтра, или когданибудь, то я тебя цѣлый годъ заставляю гусей пасти! Ничего не говори, ни единого слова. Вотъ вся твоя обязанность, понимаешь?

— Ну, а если что-нибудь спросятъ?

— Все равно молчи.

— Но вѣдь нельзя-же все молчать, Марья Александровна.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчай односложно, что-нибудь эдакое напимѣръ: Гм! или что-нибудь такое-же, чтобъ показать, что ты умный человѣкъ и обсуживаешь прежде, чѣмъ отвѣчаешь.

— Гм.

— Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услышалъ о князѣ и тотчасъ же, въ восторгѣ отъ его посѣщенія, прилетѣлъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе и просить къ себѣ въ деревню; понимаешь?

— Гм.

— Да ты не теперь гумкай, дуракъ! ты мнѣ-то отвѣчай.

— Хорошо, матушка, все будетъ по твоему; только зачѣмъ я приглашать-то буду князя?

— Что, что? опять разсуждать! А тебѣ какое дѣло: зачѣмъ? да какъ ты смѣешь объ этомъ спрашивать?

— Да я все къ тому, Марья Александровна: какъ же приглашать-то его буду, коли ты мнѣ велѣла молчать?

— Я буду говорить за тебя, а ты только кланяйся, слышишь, только кланяйся, а шляпу въ рукахъ держи. Понимаешь?

— Понимаю, мат... Марья Александровна.

— Князь чрезвычайно остроуменъ. Если что

нибудь онъ скажетъ, хоть и не тебѣ, то ты на все отвѣчай добродушной и веселой улыбкой, слышишь?

— Гм.

— Опять загумкалъ! Со мной не глумься! Прямо и просто отвѣчай; слышишь, или нѣтъ?

— Слышу, Марья Александровна, слышу, какъ не услышать, а гумкаю для того, что пріучаюсь, какъ ты велѣла. Только я все про тоже, матушка; какъ же это: если князь чтó скажетъ, то ты приказываешь глядѣть на него и улыбаться. Ну, а все-таки, если что меня спроситъ?

— Экой непонятливый балбесъ! Я уже сказала тебѣ: молчи. Я буду за тебя отвѣчать, а ты только смотри, да улыбайся.

— Да вѣдь онъ подумаетъ, что я нѣмой,—про-ворчалъ Аѳанасій Матвѣичъ.

— Велика важность! пусть думаетъ; за то скроешь, что ты дуракъ.

— Гм... Ну, а если другіе объ чемънибудь спрашивать будутъ?

— Никто не спроситъ, никого не будетъ. А если на случай,—чего Боже сохрани!—кто и пріѣдетъ, да если чтó тебя спроситъ или что-нибудь скажетъ, то немедленно отвѣчай саркастической улыбкой. Знаешь, что такое саркастическая улыбка?

— Это остроумная, что ли, матушка?

— Я тебѣ дамъ, болванъ, остроумная! Да кто съ тебя, дурака, будетъ спрашивать остроумія? насмѣшливая улыбка, понимаешь,—насмѣшливая и презрительная.

— Гм.

— Охъ, боюсь я за этого болвана! — шептала про себя Марья Александровна. Рѣшительно онъ поклялся высосать всѣ мои соки! Право бы, лучше было его совсѣмъ не брать!

Разсуждая такимъ образомъ, безпокоясь и сѣтуя, Марья Александровна непрерывно выглядывала изъ окошка своего экипажа и погоняла кучера. Лошади летѣли, но ей все казалось тихо. Аѳанасій Матвѣичъ, молча, сидѣлъ въ своемъ углу и мысленно повторялъ свои уроки. Наконецъ карета вѣхала въ городъ и остановилась у дома Марьи Александровны. Но, только что успѣла наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, какъ вдругъ увидѣла подтѣзжавшія къ дому, парныя двумѣстные сани съ верхомъ, тѣ самыя, въ которыхъ обыкновенно разъѣзжала Анна Николаевна Антипова. Въ саняхъ сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была, разумѣется, сама Анна Николаевна, а другая—Наталья Дмитриевна, съ недавняго времени ея искренній другъ и послѣдователь. У Марьи Александровны упало сердце. Но не успѣла она вскрикнуть, какъ подтѣхалъ экипажъ, возокъ, въ которомъ, очевидно, заключалась еще какая-то гостья. Раздались радостныя восклицанія:

— Марья Александровна! и вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ! пріѣхали! откуда? Какъ кстати, а мы къ вамъ, на весь вечеръ! Какой скоръ пріизъ!

Гости выпрыгнули на крыльцо и защелкали, как ласточки. Марья Александровна не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ.

— Провалились бы вы!—подумала она про себя. Это пахнетъ заговоромъ! Надо изслѣдовать! Но... не вамъ, сорокамъ, перехитрить меня!.. Подождите!..

ГЛАВА XI.

Мозгляковъ выпелъ отъ Марьи Александровны, повидимому, вполне утѣшенный. Она совершенно воспламенила его. Къ Бородуеву онъ не пошелъ, чувствуя нужду въ уединеніи. Чрезвычайный наплывъ героическихъ и романтическихъ мечтаній не давалъ ему покоя. Ему мечталось торжественное объясненіе съ Зиной, потомъ благородныя слезы всепрощающаго его сердца, блѣдность и отчаяніе на петербургскомъ блестящемъ балѣ, Испанія, Гвадалквивиръ, любовь и умирающій князь, соединяющій ихъ руки передъ смертнымъ часомъ. Потомъ красавица жеча, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышеннымъ чувствамъ; мимоходомъ, подъ шумокъ, — вниманіе какой нибудь графини изъ «высшаго общества», въ которое онъ непременно попадетъ черезъ бракъ свой съ Зиной, вдовой князя К.; вице-губернаторское мѣсто, денежки, — однимъ словомъ, все, такъ краснорѣчиво расписанное Марьей Александровной, еще разъ перешло черезъ его вседозволенную душу, лаская, привлекая ее и, главное, льстя его самолюбію. Но вотъ — и не знаю, право, какъ это объяснить, — когда уже онъ началъ уставать отъ всѣхъ этихъ восторговъ, ему вдругъ пришла предосадная мысль: что вѣдь, во всякомъ случаѣ, все это еще въ будущемъ, а теперь-то онъ, все-таки съ предлиннѣйшимъ носомъ. Когда пришла къ нему эта мысль, онъ замѣтилъ, что забрелъ куда-то очень далеко, въ какой-то уединенный и незнакомый ему форштатъ Мордасова. Становилось темно. По улицамъ, обставленнымъ маленькими, вросставшими въ землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которыя въ провинціальныхъ городахъ разводятся въ ужасающемъ количествѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ нечего стеречь и нечего украсть. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Изрѣдка встрѣчался какой нибудь запоздавшій мѣщанинъ, или баба въ тулупѣ и въ сапогахъ. Все это, неизвѣстно почему, начало сердить Павла Александровича, — признакъ очень дурной, потому что, при хорошемъ оборотѣ дѣлъ, все, напротивъ, кажется намъ въ миломъ и радужномъ видѣ. Павелъ Александровичъ невольно припоминалъ, что онъ, до-сихъ-поръ, постоянно задавалъ тону въ Мордасовѣ; очень любилъ, когда во всѣхъ домахъ ему намекали, что онъ женихъ и поздравляли его съ этимъ достоинствомъ. Онъ даже гордился тѣмъ, что онъ женихъ. И вдругъ онъ явится теперь передъ всѣми — въ отставкѣ! Подымется смѣхъ. Вѣдь

не разувѣрять-же ихъ всѣхъ, въ самомъ дѣлѣ, не рассказывать-же о петербургскихъ балахъ съ колонами и о Гвадалквивирѣ! Разсуждая, тоскуя и сѣтуя, онъ набрелъ, наконецъ, на мысль, которая уже давно непримѣтно скребла ему сердце: «Да правда-ли это все? Да сбудется-ли это все такъ, какъ Марья Александровна расписывала?» Тутъ онъ, кстати, припомнилъ, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, какъ ни достойна всеобщаго уваженія, но все-таки сплетничаетъ и лжетъ съ утра до вечера. Что теперь, удаливъ его, она, вѣроятно, имѣла къ тому свои особыя причины и что, наконецъ, расписывать — всякій мастеръ. Думалъ онъ и о Зинѣ; припомнился ему прощальный взглядъ ея, далеко не выражавшій затаенной страстной любви; да ужъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кстати, припомнилъ, что онъ все-таки, часъ тому, съѣлъ отъ нея дурака. При этомъ воспоминаніи, Павелъ Александровичъ вдругъ остановился, какъ вкопанный и покраснѣлъ до слезъ отъ стыда. Какъ нарочно, въ слѣдующую минуту, съ нимъ случилось непріятное происшествіе: онъ оступился и слетѣлъ съ деревяннаго тротуара въ сугробъ снѣга. Покамѣстъ онъ барахтался въ снѣгу, стоя собака, уже давно преслѣдовавшая его своимъ лаемъ, налетѣла на него со всѣхъ сторонъ. Одна изъ нихъ, самая маленькая и задорная, даже повисла на немъ, ухватившись зубами за полу его шубы. Отбиваясь отъ собакъ, ругаясь въ слухъ и даже проклиная судьбу свою, Павелъ Александровичъ, съ разорванной полой и съ невыносимой тоской на душѣ, добрелъ, наконецъ, до угла улицы и тутъ только замѣтилъ, что заблудился. Извѣстно, что человѣкъ, заблудившійся въ незнакомой части города, особенно ночью, никакъ не можетъ идти прямо по улицѣ; его поминутно подталкиваетъ какая-то невѣдомая сила непременно сворачивать во всѣ, встрѣчающіеся на пути, улицы и переулки. Слѣдуя этой системѣ, Павелъ Александровичъ заблудился окончательно. «А чтобы чортъ побралъ всѣ эти высокія идеи!» — говорилъ онъ про себя, плюя отъ злости. — «А чтобы самъ дьяволъ васъ всѣхъ побралъ, съ вашими высокими чувствами, да съ Гвадалквивирами!» Не скажу, что Мозгляковъ былъ привлекателенъ въ эту минуту. Наконецъ, усталый, измученный, проплутавъ два часа, дошелъ онъ до подъѣзда дома Марьи Александровны. Увидѣвъ много экипажей — онъ удивился. «Неужели же гости, неужели званый вечеръ?» — подумалъ онъ. — «Съ какою же цѣлью?» Справившись у повстрѣчавшагося слуги и узнавъ, что Марья Александровна была въ деревнѣ и привезла съ собою Аѳанасія Матвѣича, въ бѣломъ галстухѣ, и что князь уже проснулся, но еще не выходилъ внизъ къ гостямъ, Павелъ Александровичъ, не говоря ни слова, поднялся на верхъ къ дядюшкѣ. Въ эту минуту онъ былъ именно въ томъ расположеніи духа, когда человѣкъ слабаго характера въ состояніи рѣшиться на какую нибудь ужасную, злѣйшую па-

кость, изъ мщенія, не думая о томъ, что, можетъ быть, придется всю жизнь въ томъ раскаяваться.

Войдя на верхъ, онъ увидѣлъ князя, сидящаго въ креслахъ, передъ дорожнымъ своимъ туалетомъ и съ совершенно голою головою, но уже въ эспаньолкѣ и въ бакенахъ. Парикъ его былъ въ рукахъ сѣдаго, стариннаго камердинера и любимца его, Ивана Пахомыча. Пахомычъ глубоко-мысленно и почтительно его расчесывалъ. Что же касается до князя, то онъ представлялъ изъ себя очень жалкое зрѣлище, еще не очнувшись послѣ давешней попойки. Онъ сидѣлъ, какъ-то весь опустившись, хлопая глазами, измятый и раскисшій, и глядѣлъ на Мозглякова, какъ будто не узнавая его.

— Какъ ваше здоровье, дядюшка? — спросилъ Мозгляковъ.

— Какъ... это ты? — проговорилъ, наконецъ, дядюшка. — А я, братъ, немножко заснулъ. Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ онъ, весь оживившись: — вѣдь я... безъ па-рика!

— Не беспокойтесь, дядюшка! я... я вамъ помогу, если вамъ угодно.

— А вотъ ты и узналъ теперь мой секретъ! Я вѣдь говорилъ, что надо дверь за-пи-рать. Ну, мой другъ, ты долженъ, не-мед-ленно, дать мнѣ свое честное сло-во, что не воспользуешься моимъ секретомъ п никому не скажешь, что у меня волосы на-к-лад-ные.

— О, помилуйте, дядюшка! неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость! — вскричалъ Мозгляковъ, желая угодить старику для... дальнѣйшихъ цѣлей.

— Ну-да, ну, да! И такъ какъ я вижу, что ты благородный человѣкъ, то ужъ такъ и быть, я тебя удив-лю... и открою тебѣ всѣ мои тайны. Какъ тебѣ нравятся, мой милый, мои у-сы?

— Превосходные, дядюшка! удивительные! какъ могли вы ихъ сохранить такъ долго?

— Разуверься, мой другъ, они на-к-лад-ные! — проговорилъ князь, съ торжествомъ смотря на Павла Александровича.

— Неужели? Повѣрить трудно. Ну, а бакенбарды? Признайтесь, дядюшка, вы, вѣрно черните ихъ?

— Черню? Не только не черню, но и они совершенно искусственные!

— Искусственные? Нѣтъ, дядюшка, воля ваша, не вѣрю. Вы надо мною смѣетесь!

— Parole d'honneur, mon ami! — вскричалъ торжествующій князь: — и предс-тавь себѣ, всѣ, рѣ-ши-тельно всѣ, такъ же, какъ и ты, обма-ны-ваются! Даже Степанида Матвѣевна не вѣритъ, хотя сама иногда ихъ на-к-ла-ды-ваетъ. Но я увѣ-ренъ, мой другъ, что ты сохранишь мою тайну. Дай мнѣ честное слово...

— Честное слово, дядюшка, сохраню. Повторяю вамъ: неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость?

— Ахъ, мой другъ, какъ я упалъ безъ тебя сегодня! Осифилъ меня опять изъ кареты вы-валитъ.

— Вывалилъ опять! когда же?

— А вотъ мы уже къ мо-на-стырю подѣз-жали...

— Знаю, дядюшка, давеча.

— Нѣтъ, нѣтъ, два часа тому назадъ, не-бо-лѣе. Я въ монастырь поѣхалъ, а онъ меня взялъ, да и вывалилъ; такъ на-пу-галъ, — даже теперь сердце не на мѣстѣ.

— Но, дядюшка, вѣдь вы почивали! — съ изумленіемъ проговорилъ Мозгляковъ.

— Ну-да, почивалъ... а потомъ и по-ѣ-халъ, впрочемъ, я... впрочемъ, я это, можетъ быть.. ахъ, какъ это странно!

— Увѣряю васъ, дядюшка, что вы видѣли это во снѣ! Вы преспокойно себѣ почивали, съ са-маго послѣ-обѣда.

— Неужели? — И князь задумался.

— Ну-да, я и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это видѣлъ во снѣ. Впрочемъ, я все помню, что я видѣлъ во снѣ. Сначала мнѣ приснился какой-то престрашный быкъ съ рогами; а потомъ приснился какой-то про-ку-роръ, тоже, какъ будто, съ ро-гами...

— Это, вѣрно, Николай Васильичъ Антиповъ, дядюшка.

— Ну-да, можетъ быть, и онъ. А потомъ Наполеона Бона-парте видѣлъ. Знаешь, мой другъ, мнѣ всѣ говорятъ, что я на Наполеона Бонапарте похожъ... а въ профиль будто я разительно похожъ на одного стариннаго папу? Какъ ты находишь, мой милый, похожъ я на па-пу?

— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.

— Ну-да, это en-face. Я, впрочемъ, и самъ тоже думаю, мой милый. И приснился онъ мнѣ, когда уже на островѣ сидѣлъ, и, знаешь, какой разговорчивый, разбитной, ве-сельчакъ такой, такъ что онъ чрез-вы-чайно меня позабавилъ.

— Это вы про Наполеона, дядюшка? — проговорилъ Павелъ Александровичъ, задумчиво смотря на дядю. Какая-то странная мысль начинала мелькать у него въ головѣ, мысль, въ которой онъ не могъ еще себѣ самому дать отчета.

— Ну-да, про На-по-леона. Мы съ нимъ все про философію разсуждали. А знаешь, мой другъ, мнѣ даже жаль, что съ нимъ такъ строго поступили... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цѣпи, онъ бы опять на людей сталъ бросаться. Бѣшенный былъ человѣкъ! Но все-таки жалко. Я бы не такъ поступилъ. Я бы его посадилъ на не-о-би-таемый островъ...

— Почему же на необитаемый? — спросилъ Мозгляковъ разсѣянно.

— Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе, какъ благоразумными жителями. Ну и разныя разв-ле-ченія для него устроить: театръ, музыку, балетъ и все на казенный счетъ. Гулять бы его выпускалъ, разумѣется, подъ присмотромъ, а то-бы онъ сейчасъ у-лиз-нулъ. Пирожки какіе-то онъ очень любилъ. Ну, и пирожки ему каждый день

стряпать. Я бы его, такъ сказать, о-те-чески со-держалъ. Онъ бы у меня и рас-ка-ялся...

Мозгляковъ разсѣянно слушалъ болтовню полу-проснувагося старика и грызъ ногти отъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось навести разговоръ на женитьбу;—онъ еще самъ не зналъ зачѣмъ; но безграничная злоба кипѣла въ его сердцѣ. Вдругъ старичокъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ахъ, mon ami! Я вѣдь тебѣ и забылъ ска-зать. Представь себѣ, я вѣдь сдѣлалъ сегодня пред-ло-женіе.

— Предложеніе, дядюшка?—вскричалъ Мозгляковъ, оживляясь.

— Ну-да, пред-ло-женіе. Пахомычъ, ты ужъ идешь? Ну, хорошо. C'est une charmante per-sonne... Но... признаюсь тебѣ, милый мой, я посту-пилъ необ-ду-манно. Я только теперь это ви-жу. Ахъ, Боже мой!

— Но позвольте, дядюшка, когда же вы сдѣ-ляли предложеніе?

— Признаюсь тебѣ, другъ мой, я даже и не знаю навѣрно когда. Не во-снѣ-ли я видѣлъ и это? Ахъ, какъ это, од-на-ко-же, стран-но!

Мозгляковъ вздрогнулъ отъ восторга. Новая идея блеснула въ его головѣ.

— Но кому, когда вы сдѣлали предложеніе, дя-дюшка?—посторилъ онъ въ нетерпѣннѣ.

— Хозяйской дочери, mon ami... cette belle per-sonne... впрочемъ, я забылъ, какъ ее зо-вутъ. Только, видѣшь-ли, mon ami, я вѣдь никакъ не могу же-нить-ся. Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Да, вы, конечно, погубите себя, если жени-тесь. Но позвольте мнѣ вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, дядюшка. Точно-ли вы увѣрены, что дѣй-ствительно сдѣлали предложеніе?

— Ну-да... я увѣренъ.

— А если все это вы видѣли во-снѣ, такъ же, какъ и то, что вы другой разъ вывалились изъ кареты?

— Ахъ, Боже мой! И въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я и это тоже видѣлъ во-снѣ! Такъ, что я те-перь и не знаю, какъ туда по-ка-заться. Какъ бы это, другъ мой, узнать на-вѣр-но, какимъ нибудь по-сто-рон-нимъ образомъ дѣлалъ я предложеніе, иль нѣтъ? А то, представь, каково теперь мое положеніе?

— Знаете чтó, дядюшка? Я думаю, и узнавать нечего.

— А что?

— Я навѣрно думаю, что вы видѣли это во-снѣ.

— Я самъ тоже думаю, мой ми-лый, тѣмъ бо-лѣе, что мнѣ часто снятся по-доб-ные сны.

— Вотъ видите, дядюшка. Представьте же се-бѣ, что вы немного выпили за завтракомъ, по-томъ за обѣдомъ, и наконецъ...

— Ну-да, мой другъ; именно, можетъ быть отъ э-то-го.

— Тѣмъ болѣе, дядюшка, что какъ бы вы ни были разгорячены, вы все-таки никакимъ обра-зомъ не могли сдѣлать такого безразсуднаго пред-

ложенія на яву. Сколько я васъ знаю, дядюшка, вы человѣкъ въ высшей степени разсудитель-ный и...

— Ну-да, ну-да.

— Представьте только одно: еслибъ узнали это ваши родственники, которые и безъ того дурно расположены къ вамъ,—чтобы тогда было?

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ испуганный князь,—а что бы тогда было?

— Помилуйте! да они закричали бы всѣ въ одинъ голосъ, что вы сдѣлали это не въ своемъ умѣ, что вы сумасшедшій, что васъ надо подѣ опеку, что васъ обманули и, пожалуй, посадили бы васъ куда нибудь подѣ надзоръ.

Мозгляковъ зналъ, чѣмъ можно было напугать старика.

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ князь, дрожа какъ листъ.—Неужели бы посадили?

— И потому разсудите, дядюшка: могли-ли-бы вы сдѣлать такое безразсудное предложеніе на яву? Вы сами понимаете свои выгоды. Я торжественно утверждаю, что вы все это видѣли во снѣ.

— Непремѣнно во снѣ, неп-ре-мѣнно во снѣ! — повторялъ напуганный князь.—Ахъ, какъ ты умно разсудилъ все это, мой ми-лый! Я душевно тебѣ благодаренъ, что ты меня вра-зу-милъ.

— А я ужасно радъ, дядюшка, что съ вами се-годня встрѣтился. Представьте себѣ: безъ меня вы бы дѣйствительно могли сбиться, подумать, что вы женихъ и сойти туда женихомъ. Представьте, какъ это опасно!

— Ну-да... да, опасно!

— Вспомните только, что этой дѣвицѣ двадцать три года; ее никто не хочетъ брать замужъ, и вдругъ вы, богатый, знатный, являетесь женихомъ! да они тотчасъ ухватятся за эту идею, увѣрятъ васъ, что вы и въ самомъ дѣлѣ женихъ и женятъ васъ, пожалуй, насильно. А тамъ и будутъ раз-считывать, что, можетъ быть, вы скоро умрете.

— Неужели?

— И, наконецъ, вспомните, дядюшка: человѣкъ съ вашими достоинствами...

— Ну-да, съ моими достоинствами...

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею любезностію...

— Ну-да, съ моимъ умомъ, да!..

— И наконецъ, вы — князь. Такую ли партію вы бы могли себѣ сдѣлать, еслибъ, дѣйствитель-но, почему нибудь, нужно было жениться? Поду-майте только, что скажутъ ваши родственники?

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь они меня совсѣмъ заѣдаютъ! Я ужъ испыталъ отъ нихъ столько ко-варства и злобы... Представь себѣ, я подозреваю, что они хотѣли посадить меня въ су-мас-шедшій домъ. Ну, помилуй, мой другъ, сообразно ли это? Ну, чтобы я тамъ сталъ дѣлать... въ су-мас-шед-шемъ-то домѣ?

— Разумѣется, дядюшка, и потому я теперь не отойду отъ васъ, когда вы сойдете внизъ. Тамъ теперь гости.

— Гости? Ахъ, Боже мой!

— Не беспокойтесь, дядюшка, я буду при васъ.

— Но какъ я тебѣ благо-да-ренъ, мой милый, ты просто спаситель мой! Но знаешь ли что? Я лучше уѣду.

— Завтра, дядюшка, завтра, утромъ въ семь часовъ. А сегодня вы при всѣхъ откланяйтесь и скажите, что уѣзжаете.

— Непремѣнно уѣду... къ отцу Мисавлу... Но, мой другъ, ну какъ они меня тамъ сос-ва-таютъ?

— Не бойтесь, дядюшка, я буду съ вами. И, наконецъ, что бы вамъ ни говорили, на что бы вамъ ни намекали, прямо говорите, что вы все это видѣли во снѣ... такъ, какъ оно и дѣйствительно было.

— Ну-да, неп-ре-мѣнно во снѣ! только, знаешь, мой другъ, все-таки это былъ пре-оча-ро-ва-тель-ный сонъ! Она удивительно хороша собой и, знаешь, такія формы...

— Ну прощайте, дядюшка, я пойду внизъ, а вы....

— Какъ! такъ ты меня одного оставляешь! — вскричалъ князь въ испугѣ.

— Нѣтъ, дядюшка, мы сойдемъ только порознь; сначала я, а потомъ вы. Это будетъ лучше.

— Ну, хо-ро-шо. Мнѣ же, кстати, надобно записать одну мысль.

— Именно, дядюшка, запишите вашу мысль, а потомъ приходите, не мѣшкаяте. Завтра же утромъ...

— А завтра утромъ къ іеромонаху, непре-мѣнно къ іе-ро-мо-наху! Charmant, charmant! А знаешь, мой другъ, она у-ди-ви-тельно хороша собой... такія формы... и еслибъ ужъ такъ мнѣ надо было непремѣнно жениться, то я...

— Боже васъ сохрани, дядюшка!

— Ну-да, Боже сохрани!.. Ну, прощай, мой милый, я сейчасъ... только вотъ за-пи-шу. А-про-рос, я давно хотѣлъ тебя спросить: читалъ ты мемуары Казановы?

— Читалъ, дядюшка, а что?

— Ну-да... Я вотъ теперь и за-былъ, что хотѣлъ сказать...

— Послѣ вспомните, дядюшка,—до свиданья!

— До свиданья, мой другъ, до свиданья! Только все-таки это былъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-ва-тельный сонъ!...

ГЛАВА XII.

— А мы къ вамъ всѣ, всѣ! И Прасковья Ильиншна тоже пріѣдетъ, и Луиза Карловна хотѣла быть,—щебетала Анна Николаевна, входя въ салонъ и жадно осматриваясь. Это была довольно хорошенькая, маленькая дамочка, пестро, но богато одѣтая и, сверхъ того, очень хорошо знавшая, что она хорошенькая. Ей такъ и казалось, что гдѣ нибудь въ углу спрятанъ князь, вмѣстѣ съ Зиной.

— И Катерина Петровна пріѣдутъ-съ, и Фелисата Михайловна тоже хотѣли быть-съ,—прибавила Наталья Дмитриевна, колоссальнаго размѣра дама, которой формы такъ понравились князю, и которая чрезвычайно походила на гренадера. Она была въ необыкновенно маленькой розовой шляпкѣ, торчавшей у нея на затылкѣ. Уже три недѣли, какъ она была самымъ искреннимъ другомъ Анны Николаевны, за которою давно уже увивалась и ухаживала, и которую, судя по виду, могла проглотить однимъ глоткомъ, вмѣстѣ съ косточками.

— Я уже не говорю о томъ, можно сказать, восторгѣ, который я чувствую, видя васъ обѣихъ у меня и еще вечеромъ,—запѣла Марья Александровна, оправившись отъ перваго изумленія,—но скажите, пожалуйста, какое-же чудо зазвало васъ сегодня ко мнѣ, когда я уже совсѣмъ отчаялась имѣть эту честь?

— О Боже мой, Марья Александровна, какія вы право-съ! — сладко проговорила Наталья Дмитриевна, жеманясь, стыдливо и пискливо, что составляло прелюбопытный контрастъ съ ея наружностью.

— Mais, ma charmante,—защебетала Анна Николаевна, вѣдь надобно же, непремѣнно надобно, когда нибудь кончить всѣ наши сборы съ этимъ театромъ. Еще сегодня Петръ Михайловичъ сказалъ Калисту Станиславичу, что его чрезвычайно огорчаетъ, что у насъ это нейдетъ на ладъ, и что мы только ссоримся. Вотъ мы и собрались сегодня въ-четверомъ, да и думаемъ: поѣдемъ-ка къ Марьѣ Александровнѣ, да и рѣшимъ все разомъ! Наталья Дмитриевна и другимъ дала знать. Всѣ пріѣдутъ. Вотъ мы и сговоримся, и хорошо будетъ. Пускай же не говорятъ, что мы только ссоримся, такъ ли, mon ange?—прибавила она игриво, цѣлуя Марью Александровну. — Ахъ, Боже мой! Зинаида Аео-насьевна! но вы каждый день все болѣе хорошеете! — Анна Николаевна бросилась съ поцѣлуями къ Зинѣ.

— Да имъ и нечего дѣлать больше-съ, какъ хорошеѣть-съ,—сладко прибавила Наталья Дмитриевна, потирая свои ручки.

— Ахъ, чортъ бы ихъ взялъ! я и не подумала объ этомъ театрѣ! изловчились, сороки! — прошептала Марья Александровна, вѣя себя отъ бѣшенства.

— Тѣмъ болѣе, мой ангелъ,—прибавила Анна Николаевна, — что у васъ теперь этотъ милый князь. Вѣдь вы знаете, въ Духановѣ, у прежнихъ помѣщиковъ, былъ театръ. Мы ужъ справлялись и знаемъ, что тамъ гдѣ-то складены всѣ эти старинныя декорации, занавѣсь и даже костюмы. Князь былъ сегодня у меня, и я такъ была удивлена его пріѣздомъ, что совершенно забыла ему сказать. Теперь мы нарочно заговоримъ о театрѣ, вы намъ поможете, и князь велитъ отослать къ намъ весь этотъ старый хламъ. А то—кому здѣсь прикажете сдѣлать что нибудь похоже на декорацию? А главное, мы и князя-то хотимъ завлечь

въ нашъ театрѣ. Онъ непремѣнно долженъ под- писаться; вѣдь это для бѣдныхъ. Можетъ быть даже и роль возьметъ,—онъ же такой милый, со- гласный. Тогда пойдетъ чудо какъ хорошо.

— Конечно, возьмутъ роль-съ. Вѣдь ихъ можно заставить всякую роль разыгрывать-съ, — много- значительно прибавила Наталья Дмитриевна.

Анна Николаевна не обманула Марью Алексан- дровну: дамы поминутно съѣзжались. Марья Алек- сандровна едва успѣвала встрѣчать ихъ и изда- вать восклицанія, требуемыя въ такихъ случаяхъ приличіемъ и комилфотностію.

Я не берусь описывать всѣхъ посѣтительницъ. Скажу только, что каждая смотрѣла съ необыкно- веннымъ коварствомъ. У всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе и какое-то дикое нетерпѣніе. Нѣкоторыя изъ дамъ пріѣхали съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть свидѣтельницами какого-нибудь необыкновеннаго скандала и очень бы разсерди- лись, еслибъ пришлось разѣхаться, не видавъ его. Наружно всѣ вели себя необыкновенно любезно, но Марья Александровна съ твердостію пригото- вилась къ нападенію. Посыпались вопросы о князѣ, казалось самыя естественныя; но въ каждомъ за- ключался какой-нибудь намекъ, обвинякъ. Появился чай; всѣ размѣстились. Одна группа завладѣла ролею. Зина, на приглашеніе сыграть и спѣть, сухо отвѣчала, что она не такъ здорова. Блѣд- ность лица ея это доказывала. Тотчасъ же посы- пались вопросы участія, и даже тутъ нашли слу- чай кой-о-чемъ спросить и намекнуть. Спрашивали и о Мозгляковѣ, и относились съ этими вопросами къ Зинѣ. Марья Александровна удесатерилась въ эту минуту, видѣла все, что происходило въ каж- домъ углу комнаты, слышала, что говорилось каж- дою изъ посѣтительницъ, хотя ихъ было до де- сяти, и немедленно отвѣчала на всѣ вопросы, ра- зумѣется, не ходя за словомъ въ карманъ. Она трепетала за Зину и дивилась тому, что она не уходитъ, какъ всегда до сихъ поръ поступала, при подобныхъ собраніяхъ. Замѣтили и Аѳанасія Мат- вѣича. Надъ нимъ всегда всѣ трунили, чтобъ коль- нуть Марью Александровну ея супругомъ. Теперь же, отъ недалекаго и откровеннаго Аѳанасія Мат- вѣича, можно было кой-что и вывѣдать. Марья Александровна съ безпокойствомъ приглядывалась къ осадному положенію, въ которомъ видѣла сво- его супруга. Къ тому же онъ огвѣчалъ на всѣ вопросы: им., съ такимъ несчастнымъ и неестест- веннымъ видомъ, что было отчего ей придти въ бѣшенство.

— Марья Александровна! Аѳанасій Матвѣичъ съ нами совсѣмъ говорить не хочетъ, — вскри- чала одна смѣлая, востроглазая дамочка, которая рѣшительно никого не боялась и никогда не кон- фузилась.—Прикажите ему быть поучтивѣе съ да- мами.

— Я право сама не знаю, что съ нимъ сего- дня сдѣлалось, — отвѣчала Марья Александровна, прерывая разговоръ свой съ Анной Николаевной

и съ Натальей Дмитриевной и весело улыбаясь:— такой, право, неразговорчивый! Онъ и со мной почти ни слова не говорилъ. Почему жъ ты не отвѣ- чаешь Фелисатѣ Михайловнѣ, Athanase? Что вы его спрашивали?

— Но.... но.... матушка, вѣдь ты же сама....— пробормотала было удивленный и потерянный Аѳа- насій Матвѣевичъ. Въ это время онъ стоялъ у за- топленнаго камина, заложивъ руки за жилетъ, въ живописномъ положеніи, которое самъ себѣ вы- бралъ, и прихлебывалъ чай. Вопросы дамъ такъ его конфузили, что онъ краснѣлъ, какъ дѣвчонка. Когда же онъ началъ свое оправданіе, то встрѣ- тилъ такой ужасный взглядъ своей взбѣшенной супруги, что чуть не обезумѣлъ отъ испуга. Не зная, что дѣлать, желая какъ-нибудь поправиться и вновь заслужить уваженіе, онъ хлебнулъ было чаю; но чай былъ слишкомъ горячій. Не сораз- мѣривъ глотка, онъ ужасно обжегся, выронилъ чашку, поперхнулся и такъ закашлялся, что на время принужденъ былъ выйти изъ комнаты, воз- будивъ недоумѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, все было ясно. Марья Алексан- дровна поняла, что ея гости знали ужъ все и со- брались съ самыми дурными намѣреніями. Поло- женіе было опасное. Могутъ разговорить, сбить съ толку слабоумнаго старика, въ ея же присут- ствіи. Могли даже увести отъ нея князя, поссо- ривъ его съ нею въ этотъ же вечеръ и сманивъ его за собою. Ожидать можно было всего. Но судьба готовила ей еще одно испытаніе: дверь отвори- лась и явился Мозгляковъ, котораго она считала у Бородуева и совсѣмъ не ожидала къ себѣ, въ этотъ вечеръ. Она вздрогнула, какъ будто что-то кольнуло ее.

Мозгляковъ остановился въ дверяхъ и огляды- валъ всѣхъ, немного потерявшись. Онъ не въ сп- лахъ былъ сладить съ своимъ волненіемъ, кото- рое ясно выражалось въ его лицѣ.

— Ахъ, Боже мой! Павелъ Александровичъ!— вскрикнуло нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь это Павелъ Алек- сандровичъ! какъ же вы сказали, Марья Алексан- дровна, что они пошли къ Бородуевымъ-съ? Намъ сказали, что вы скрылись у Бородуева-съ, Павелъ Александровичъ,—пропищала Наталья Дмитриевна.

— Скрылся? — повторилъ Мозгляковъ, съ ка- кой-то искривившейся улыбкой.—Странное выраже- ніе! Извините, Наталья Дмитриевна! Я ни отъ кого не прячусь и никого не желаю прятать,— приба- вилъ онъ, многозначительно взглянувъ на Марью Александровну.

Марья Александровна затрепетала.

— Какъ, неужели и этотъ болванъ бунтуется!— подумала она, пытливо всматриваясь въ Мозгля- кова.—Нѣтъ, это ужъ будетъ хуже всего...

— Правда ли, Павелъ Александровичъ, что вамъ вышла отставка... по службѣ, разумѣется?—выско- чила дерзкая Фелисата Михайловна, насмѣшливо смотря ему прямо въ глаза.

— Отставка? какая отставка? Я просто пере-мѣняю службу. Мы выходимъ мѣсто въ Петербургѣ,—сухо отвѣчалъ Мозгляковъ.

— Ну, такъ поздравляю васъ,—продолжала Фелисата Михайловна;—а мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за мѣстомъ у насъ въ Мордасовѣ. Здѣсь мѣста ненадежныя, Павелъ Александровичъ, тотчасъ слетишь.

— Развѣ одни учительскія, въ уѣздномъ училищѣ; тутъ еще можно найти вакансію, — замѣтила Наталья Дмитриевна. Намекъ былъ такъ ясенъ и грубъ, что сконфузившаяся Анна Николаевна толкнула своего ядовитого друга тихонько ногой.

— Неужели вы думаете, что Павелъ Александровичъ согласится занять мѣсто какого-нибудь учителя? — включила Фелисата Михайловна.

Но Павелъ Александровичъ не нашелъ, что отвѣчать. Онъ повернулся и столкнулся съ Афанасіемъ Матвѣичемъ, который протягивалъ ему руку. Мозгляковъ преглупо не принявъ его руки и насмѣшливо поклонился ему въ поясъ. Раздраженный до крайности, онъ прямо подошелъ къ Зинѣ и, злобно смотря ей въ глаза, прошепталъ:

— Это все по вашей милости. Подождите, я еще сегодня вечеромъ покажу вамъ — дуракъ я, или нѣтъ?

— Зачѣмъ откладываетъ? Это и теперь видно, — громко отвѣтила Зина, съ отвращеніемъ обмѣривая глазами своего бывшего жениха.

Мозгляковъ поспѣшно отворотился, испугавшись его громкаго голоса.

— Вы отъ Бородуева? — рѣшилась, наконецъ, спросить Марья Александровна.

— Нѣтъ-съ я отъ дядюшки.

— Отъ дядюшки? такъ вы, значитъ, были теперь у князя?

— Ахъ, Боже мой! такъ — значитъ — князь ужъ проснулись; а намъ сказали, что они все еще почиваютъ-съ, — прибавила Наталья Дмитриевна, ядовито поглядывая на Марью Александровну.

— Не беспокойтесь о князѣ, Наталья Дмитриевна, — отвѣчалъ Мозгляковъ, — онъ проснулся и, слава Богу, теперь уже въ своемъ умѣ. Давеча его подпоили, сначала у васъ, а потомъ ужъ, окончательно, здѣсь, такъ что онъ совсѣмъ было потерялъ голову, которая у него и безъ того не крѣпка. Но теперь, слава Богу, мы вмѣстѣ поговорили и онъ началъ разсуждать здраво. Онъ сейчасъ сюда будетъ, чтобъ откланяться вамъ, Марья Александровна, и поблагодарить за все ваше гостепріимство. Завтра же, чѣмъ свѣтъ, мы вмѣстѣ отправляемся въ пустынь, а потомъ я его, непременно, самъ провожу до Духанова, во избѣжаніе вторичныхъ паденій, какъ, напримѣръ, сегодня; а тамъ ужъ его приметъ, съ рукъ на руки, Степанида Матвѣевна, которая, къ тому времени, непременно, воротится изъ Москвы и ужъ ни за что не выпуститъ его въ другой разъ путешествовать, — за это я отвѣчаю.

Говоря это, Мозгляковъ злобно смотрѣлъ на

Марью Александровну. Та сидѣла, какъ будто онѣмѣвшая отъ изумленія. Съ горестію признаюсь, что моя героиня, можетъ быть, первый разъ въ жизни струсила.

— Такъ завтра, чѣмъ свѣтъ, уѣзжаютъ? какъ же это съ? — проговорила Наталья Дмитриевна, обращаясь къ Марьѣ Александровнѣ.

— Какъ же это такъ? — наивно раздалось между гостями; — а мы слышали, что... вотъ, право, странно!

Но хозяйка ужъ и не знала, что отвѣчать. Вдругъ всеобщее вниманіе было развлечено самымъ необыкновеннымъ и эксцентрическимъ образомъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались какъ-то странный шумъ и чьи-то рѣзкія восклицанія, и вдругъ, неожиданно-негаданно, въ салонъ Марьи Александровны ворвалась Софья Петровна Карпухина. Софья Петровна была безспорно самая эксцентрическая дама въ Мордасовѣ, до того эксцентрическая, что даже въ Мордасовѣ рѣшено было, съ недавняго времени, не принимать ее въ общество. Надо еще замѣтить, что она, регулярно каждый вечеръ, ровно въ семь часовъ, закусывала, — для желудка, какъ она выражалась, — и послѣ закуски, обыкновенно, была въ самомъ эмансипированномъ состояніи духа, чтобъ не сказать чего нибудь болѣе. Она пмменно была въ этомъ состояніи духа теперь, такъ неожиданно ворвавшись къ Марьѣ Александровнѣ.

— А, такъ вотъ вы какъ, Марья Александровна, — закричала она на всю комнату, — вотъ вы какъ со мной поступаете! Не беспокойтесь, я на минутку; я у васъ и не сяду. Я нарочно заѣхала узнать: вѣрно ли то, что мы говорили? А! такъ у васъ балы, банкеты, сговоры, а Софья Петровна сиди себѣ дома, да чулокъ вяжи! Весь городъ называли, а меня нѣтъ! А давеча я вамъ и другъ, и пошанге, когда пріѣхала пересказать, что дѣлаютъ съ княземъ у Натальи Дмитриевны. А теперь вотъ и Наталья Дмитриевна, которую вы давеча на чемъ свѣтъ ругали и которая васъ же ругала, у васъ въ гостяхъ сидитъ. Не беспокойтесь, Наталья Дмитриевна! Не надо мнѣ вашего шеколаду à la santé, по гривеннику палка. Я почаще вашего пью у себя дома! тѣфу!

— Это видно-съ, — замѣтила Наталья Дмитриевна.

— Но помилуйте, Софья Петровна, — вскрикнула Марья Александровна, покраснѣвъ отъ досады, — что съ вами? образумьтесь по крайней мѣрѣ.

— Не беспокойтесь обо мнѣ Марья Александровна, я все знаю, все, все узнала! — кричала Софья Петровна, своимъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, окруженная всѣми гостями, которые, казалось, наслаждались этой неожиданной сценой. — Все узнала! Ваша же Настасья пріѣхала ко мнѣ и все разсказала. Вы подцѣпили этого князишку, напояли его до пьяна, заставили сдѣлать предложеніе вашей дочери, которую ужъ никто не хочетъ больше брать за-мужъ, да и думаете, что и сами теперь сдѣлались важной птицей, — герцогиня въ

кружевахъ,—тьфу! Не безпокойтесь, я сама полковница! Коли вы меня не пригласили на сговоръ, такъ и наплевать! Я и почище васъ людей видывала. Я у графини Залихватской обѣдала; за меня оберъ-коммисаръ Курочкинъ сватался! Очень надо мнѣ ваше приглашеніе, тьфу!

— Видите ли, Софья Петровна,—отвѣчала Марья Александровна, выходя изъ себя:—увѣрю васъ, что такъ не врываються въ благородный домъ и, притомъ, въ *такомъ видѣ*, и если вы, сейчасъ же, не освободите меня отъ вашего присутствія и краснорѣчія, то я немедленно приму свои мѣры.

— Знаю-съ, вы прикажете меня вывести своимъ людишкамъ! Не безпокойтесь, я и сама дорогу найду. Прощайте, выдавайте замужъ кого хотите, а вы, Наталья Дмитриевна, не извольте смѣяться надо мной; мнѣ наплевать на ваши шеклады! Меня хоть и не пригласили сюда, а я, все-таки, передъ князьями казачка не выплывала. А вы что смѣтаете, Анна Николаевна? Сушиловъ-то ногу сломать; сейчасъ домой принесли, тьфу! А если вы, Фелисата Михайловна, не велите вашей босоногой Матрешкѣ во-время вашу корову загонять, чтобъ она не мычала у меня каждый день подъ окошками, такъ я вашей Матрешкѣ ноги переломаю. Прощайте, Марья Александровна, счастливо оставаться, тьфу!

Софья Петровна исчезла. Гости смѣялись. Марья Александровна была въ крайнемъ замѣшательствѣ.

— Я думаю, онѣ выпили-съ, сладко произнесла Наталья Дмитриевна.

— Но, только какая дерзость!

— *Quelle abominable femme!*

— Вотъ-такъ ужъ насмѣшила!

— Ахъ, какія онѣ неприличности говорили-съ!

— Только, чтожь это она про сговоръ говорила? Какой же сговоръ?—насмѣшливо спрашивала Фелисата Михайловна.

— Но это ужасно! — разразилась, наконецъ, Марья Александровна.—Вотъ эти-то чудовища и сѣютъ пригоршнями всѣ эти нелѣпые слухи! Удивительно не то, Фелисата Михайловна, что находятъ такіа дамы среди нашего общества,—нѣтъ, удивительнѣе всего то, что въ этихъ самыхъ дамахъ нуждаются, ихъ слушаютъ, ихъ поддерживаютъ, имъ вѣрятъ, ихъ...

— Князь! князь!—закричали вдругъ всѣ гости.

— Ахъ, Боже мой! *se cher prince!*

— Ну, слава Богу! мы теперь узнаемъ всю подноготную,—прошептала своей сосѣдкѣ Фелисата Михайловна.

ГЛАВА XIII.

Князь вошелъ и сладостно улыбнулся. Вся тревога, которую четверть часа назадъ Мозгляковъ заронилъ въ его куриное сердце, исчезла при видѣ дамъ. Онъ тотчасъ же разстаялъ, какъ конфетка. Дамы встрѣтили его съ визгливимъ крикомъ радости. Вообще говоря, дамы всегда ласкали нашего старичка и были съ нимъ чрезвычайно фа-

мильярны. Онъ имѣлъ способность забавлять ихъ своею особою до невѣроятности. Фелисата Михайловна даже утверждала утромъ — (конечно не серьезно), что она готова сѣсть къ нему на колѣни, если это ему будетъ пріятно,—«потому что онъ милый-милый старичокъ, милый до безконечности!» Марья Александровна впиалась въ него своими глазами, желая хоть что нибудь прочесть на его лицѣ и предугадать выходъ изъ своего крптического положенія. Ясно было, что Мозгляковъ нагадилъ ужасно и что все дѣло ея сильно колеблется. Но ничего нельзя было прочесть на лицѣ князя. Онъ былъ такой же, какъ и давеча, какъ и всегда.

— Ахъ, Боже мой! вотъ и князь! а мы васъ ждали, ждали,—закричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Съ нетерпѣньемъ, князь, съ нетерпѣньемъ! — пропщали другія.

— Мнѣ это чрезвычайно лестно,—шепелявилъ князь, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дамы тотчасъ же окружили его. Возлѣ Марьи Александровны остались только Анна Николаевна, да Наталья Дмитриевна. Афанасій Матвѣичъ почтительно улыбался. Мозгляковъ тоже улыбался и съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на Зину, которая, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, подошла къ отцу и сѣла возлѣ него на кресла, близъ камина.

— Ахъ, князь, правда ли говорятъ, что вы отъ насъ уѣзжаете? пропщала Фелисата Михайловна.

— Ну, да, *mesdames*, уѣзжаю. Я не-мед-ленно хочу ѣхать за гра-ни-цу.

— За границу, князь, за границу! вскричали всѣ хоромъ; да что это вамъ вздумалось?

— За гра-ни-цу, подтвердилъ князь охарашиваясь, и, знаете, я особенно хочу туда ѣхать для новыхъ идей.

— Какъ это для новыхъ идей? Это объ чемъ же? говорили дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Ну, да, для новыхъ идей, повторилъ князь, съ видомъ глубочайшаго убѣжденія. Всѣ теперь ѣдутъ для новыхъ и-дей. Вотъ и я хочу получить но-вы-я и-деи.

— Да ужъ не въ масонскую ли ложу вы хотите поступить, любезнѣйшій дядюшка?—включилъ Мозгляковъ, очевидно желая порисоваться передъ дамами своимъ остроуміемъ и развязностью.

— Ну-да, мой другъ, ты не ошибся, неожиданно отвѣчалъ дядюшка. Я, дѣйст-ви-тельно, въ старину, къ одной масонской ложѣ, за границей, при-над-лежалъ, и даже имѣлъ, въ свою очередь, очень много великодушныхъ идей. Я даже собирался тогда много сдѣлать для сов-ре-мен-наго прос-вѣщенія, и ужъ совсѣмъ было положилъ, въ Франкфуртѣ, моего Сидора, котораго съ собой за границу повезъ, на волю от-пус-тить. Но онъ, къ удивленію моему, самъ бѣжалъ отъ меня. Чрезвычайно странный былъ че-ло-вѣкъ. Потомъ, вдругъ, встрѣчаю его въ Па-ри-жѣ, франтомъ такимъ, въ бакенахъ, идетъ по буль-вару съ мамзелью. Поглядѣлъ на

меня, кивнулъ го-ло-вой. И мамзель съ нимъ такая бойкая, востроглазая, такая за-ман-чивая...

— Ну, дядюшка! Да вы, послѣ этого, всѣхъ крестьянъ отпустите на волю, коли этотъ разъ за границу поѣдете, вскричалъ Мозгляковъ, хочоча во все горло.

— Ты совершенно уга-далъ мои желанія, мой милый, отвѣчалъ князь безъ запинки. Я именно хочу ихъ отпустить всѣхъ на-во-лю.

— Да помилуйте, князь, вѣдь они тотчасъ же всѣ убѣгутъ отъ васъ, и тогда кто вамъ будетъ оброкъ платить? вскричала Фелисата Михайловна.

— Конечно, всѣ разбѣгутся, тревожно отозвалась Анна Николаевна.

— Ахъ, Боже мой! не-уже-ли они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ? вскричалъ князь съ удивленіемъ.

— Убѣгутъ-съ, тотчасъ же всѣ убѣгутъ-съ, и васъ одного и оставятъ-съ, подтвердила Наталья Дмитриевна.

— Ахъ, Боже мой! Ну такъ я ихъ не от-пу-щу на волю. Впрочемъ, вѣдь это я только такъ.

— Эдакъ-то лучше, дядюшка, скрѣпилъ Мозгляковъ.

До сихъ поръ Марья Александровна слушала молча, и наблюдала. Ей показалось, что князь совершенно о ней позабылъ и что это вовсе не натурально.

— Позвольте, князь, начала она громко и съ достоинствомъ, вамъ отрекомендовать моего мужа, Аѳанасія Матвѣича. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ деревни, какъ только услышалъ, что вы остановились въ моемъ домѣ.

Аѳанасій Матвѣичъ улыбнулся и пріосанился. Ему показалось, что его похвалили.

— Ахъ, я очень радъ, сказалъ князь. А-ѳа-на-сій Матвѣичъ! Позвольте, я что-то при-по-минаю. А-ѳа-на-сій Мат-вѣ-ичъ. Ну-да, это тотъ, который въ деревнѣ. Charmant, charmant, очень радъ. Другъ мой! вскричалъ князь, обращаясь къ Мозглякову, да вѣдь это тотъ самый, помнишь, давеча еще въ рифму выхо-дило. Какъ-бишь это? Мужъ въ дверь, а жена... ну-да, въ какой-то городъ и жена тоже по-ѣ-хала...

— Ахъ, князь, да это вѣрно: мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, тотъ самый водевилъ, который у насъ прошлаго года актеры играли, подхватила Фелисата Михайловна.

— Ну-да, именно въ Тверь; я все за-бы-ваю. Charmant, charmant! Такъ это вы тотъ самый и есть? Чрезвычайно радъ съ вами позна-ко-миться, говорилъ князь, не вставая съ креселъ и протягивая руку улыбающемуся Аѳанасію Матвѣичу. Ну, какъ ваше здоровье?

— Гм...

— Онъ здоровъ, князь, здоровъ, торопливо отвѣтила Марья Александровна.

— Ну-да, это и видно, что онъ здо-ровъ. И вы все въ де-ревнѣ? Ну, я очень радъ. Да какой онъ крас-но-щекій и все смѣется...

Аѳанасій Матвѣичъ улыбался, кланялся и даже

разшаркивался. Но при послѣднемъ замѣчаніи князя не утерпѣлъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, самымъ глупѣйшимъ образомъ, прыснулъ отъ смѣха. Всѣ захохотали. Дамы визжали отъ удовольствія. Зина вспыхнула и сверкающими глазами посмотрѣла на Марью Александровну, которая, въ свою очередь, разрывалась отъ злости. Пора было перемѣнить разговоръ.

— Какъ вы почивали, князь? спросила она медоточивымъ голосомъ, въ тоже время, грознымъ взглядомъ, давая знать Аѳанасію Матвѣичу, чтобъ онъ немедленно убирался на свое мѣсто.

— Ахъ, я очень хорошо спалъ, отозвался князь и, зная, видѣлъ одинъ очарова-тельный сонъ, о-ча-ро-ватель-ный сонъ!

— Сонъ! Я ужасно люблю, когда рассказываютъ про сны, вскричала Фелисата Михайловна.

— И я то-же-съ, люблю-съ очень-съ!—прибавила Наталья Дмитриевна.

— О ча-ро-вательный сонъ, повторялъ князь съ сладкой улыбкой, но за то этотъ сонъ вели-чайшій секретъ!

— Какъ, князь, неужели и рассказывать нельзя? Да это, должно быть, удивительный какойнибудь сонъ? замѣтила Анна Николаевна.

— Вели-чайшій секретъ, повторялъ князь, съ наслажденіемъ подзадоривая любопытство дамъ.

— Такъ это, должно быть, ужасно интересно! кричали дамы.

— Бьюсь объ закладъ, что князь стоялъ во снѣ передъ какойнибудь красавицей на колѣняхъ и обѣщался въ любви!—вскричала Фелисата Михайловна. Ну, признайтесь, князь, что это правда! Миленкій князь, признайтесь!

— Признайтесь, князь, признайтесь!—подхватили со всѣхъ сторонъ.

Князь торжественно и съ упоеніемъ внималъ всѣмъ этимъ крикамъ. Предложенія дамъ чрезвычайно льстили его самолюбію, такъ что онъ чуть-чуть не облизывался.

— Хотя я и сказалъ, что мой сонъ—величайшій секретъ,—отвѣчалъ онъ наконецъ;—но я принужденъ сознаться, что вы, сударыня, къ удивленію моему, почти совершенно его от-га-дали.

— Отгадала!—съ восторгомъ вскричала Фелисата Михайловна.—Ну, князь! Теперь какъ хотите, а вы должны намъ открыть, кто такая ваша красавица?

— Непремѣнно откройте!

— Здѣшняя, иль нѣтъ?

— Миленкій князь, откройте!

— Душенька князь, откройте! хоть умрите, да откройте! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Mesdames, mesdames!.. если вы ужъ хотите такъ на-сто-я-тельно знать, то я только одно могу вамъ открыть, что это—самая о-ча-ро-вательная и, можно сказать, самая не-по-рочная дѣвица изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, проямилъ совершенно растаявшій князь.

— Самая очаровательная! и... здѣшняя! ктожь

бы это? спрашивали дамы, значительно переглядываясь и перемпгиваясь одна съ другой.

— Разумѣется, тѣ-съ, — которая здѣсь первая красавица считается-съ, — проговорила Наталья Дмитриевна, потирая свои красныя ручки и по-сматривая своими кошачьими глазами на Зину. Вмѣстѣ съ нею и всѣ посмотрѣли на Зину.

— Такъ какъ-же, князь, если вы видите такіе сны, такъ почему-жъ бы вамъ на яву не жениться? — спросила Фелисата Михайловна, оглядывая всѣхъ значительнымъ взглядомъ.

— А какъ бы мы славно женили васъ! — подхватила другая дама.

— Миленькій князь, женитесь! — пропищала третья.

— Женитесь, женитесь! — закричали со всѣхъ сторонъ. — Почему-жъ не жениться?

— Ну-да... почему-жъ не жениться? — поддакивалъ князь, сбивый съ толку всѣми этими кривками.

— Дядюшка! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Ну-да, мой другъ, я тебя по-ни-маю? Я именно хотѣлъ вамъ сказать, mesdames, что я уже не въ состояніи болѣе жениться, п, проведя очаровательный вечеръ у нашей прелестной хозяйки, я завтра же отправляюсь къ іеромонаху Мисаилу въ пустынь, а потомъ уже прямо за границу, чтобы удобнѣе слѣдить за евро-пейскимъ про-свѣ-щеніемъ.

Зина поблѣднѣла и съ невыразимою тоскою посмотрѣла на мать свою. Но Марья Александровна уже рѣшилась. До сихъ поръ она только выжидала, испытывала, хотя и понимала, что дѣло слишкомъ испорчено и что враги ея слишкомъ обогнали ее на дорогѣ. Наконецъ она поняла все, и однимъ разомъ, однимъ ударомъ, рѣшилась сокрушить стоглавую гидру. Съ величіемъ встала она съ кресель и твердыми шагами приблизилась къ столу, гордымъ взглядомъ измѣряя пигмеевъ-враговъ своихъ. Огонь вдохновенія блисталъ въ этомъ взглядѣ. Она рѣшилась поразить, сбить съ толку всѣхъ этихъ ядовитыхъ сплетницъ, раздавить негодяя Мозглякова, какъ таракана, и однимъ рѣшительнымъ, смѣлымъ ударомъ, завоевать вновь все свое потерянное вліяніе надъ идиотомъ-княземъ. Разумѣется, требовалась дерзость необыкновенная; но за дерзостью не въ карманъ было ходить Марьѣ Александровнѣ!

— Mesdames, — начала она торжественно и съ достоинствомъ (Марья Александровна вообще чрезвычайно любила торжественность) — mesdames, я долго прислушивалась къ вашему разговору, къ вашему веселымъ и остроумнымъ шуткамъ, и нахожу, что пора мнѣ сказать свое слово. Вы знаете, мы собрались здѣсь всѣ вмѣстѣ, — совершенно случайно (и я такъ рада, такъ этому рада)... Никогда бы я, первая, не рѣшилась высказать важную семейную тайну и разгласить ее прежде, чѣмъ требуетъ самое обыкновенное чувство приличія. Въ особенности, прошу извиненія у моего милаго гостя; но мнѣ показалось, что онъ самъ, отдаленными намеками на тоже самое обстоятельство, по-

даетъ мнѣ мысль, что ему не только не будетъ непріятно формальное и торжественное объявление нашей семейной тайны, но что даже онъ желаетъ этого разглашенія.... Неправда ли, князь, я не ошиблась?

— Ну-да, вы не ошиблись... и я очень, очень радъ... — проговорилъ князь, совершенно не понимая — о чемъ идетъ дѣло.

Марья Александровна, для большаго эффекта, остановилась перевести духъ и оглядѣла все общество. Всѣ гости, съ алчнымъ и безпокойнымъ любопытствомъ, вслушивались въ слова ея. Мозгляковъ вздрогнулъ; Зина покраснѣла и привстала съ кресель; Аѳанасій Матвѣичъ, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, на всякій случай, высморкался.

— Да, mesdames, я съ радостію готова подтвердить вамъ мою семейную тайну. Сегодня, послѣ обѣда, князь, увлеченный красотою п... достоинствами моей дочери, сдѣлалъ ей честь своимъ предложеніемъ. Князь! — заключила она, дрожащимъ отъ слезъ и отъ волненія голосомъ, — милый князь, вы не должны, вы не можете сердиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость могла, преждевременно, вырвать изъ моего сердца эту милую тайну и... какая мать можетъ обвинять меня въ этомъ случаѣ?

Не нахожу словъ, чтобы изобразить эффектъ, произведенный неожиданнымъ выходкой Марьи Александровны. Всѣ какъ будто оцѣпенѣли отъ изумленія. Вѣроломныя гости, думавшія напугать Марью Александровну тѣмъ, что онѣ уже знаютъ ея тайну, думавшія убить ее преждевременнымъ обнаруженіемъ этой тайны, думавшія разтерзать ее, покаместъ, только одними намеками, были ошеломлены такою смѣлою откровенностію. Такая безстрашная откровенность обозначала въ себѣ силу. «Стало-быть, князь дѣйствительно, своею собственною волею, женится на Зинѣ? Стало-быть, не увлекали его, не опавали, не обманывали? Стало-быть, не потаеннымъ, не воропскимъ образомъ его заставляютъ жениться? Стало-быть, Марья Александровна никого не боится? Стало-быть, нельзя уже разбить эту свадьбу, коли князь не по принужденію женится?» Послышался мгновенный шопотъ, прервавшійся вдругъ въ визгливые крики радости. Первая бросилась обнимать Марью Александровну Наталья Дмитриевна; за ней Анна Николаевна, за этой Фелисата Михайловна. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, всѣ перемѣшались. Многія изъ дамъ были блѣдны отъ злости. Стали поздравлять сконфуженную Зину; уцѣпились даже за Аѳанасія Матвѣича. Марья Александровна живописно простерла руки и, почти насильно, заключила свою дочь въ объятія. Одинъ князь смотрѣлъ на всю эту сцену съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, хотя и улыбался по прежнему. Впрочемъ, сцена ему отчасти понравилась. При объятіяхъ матери съ дочерью, онъ вынулъ платокъ и утеръ свой глазъ, на которомъ показалась слезинка. Разумѣется, бросились и къ нему съ поздравленіями.

— Поздравляемъ, князь! поздравляемъ! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы женитесь?

— Такъ вы дѣйствительно женитесь?

— Миленькій князь, такъ вы женитесь?

— Ну-да, ну-да,—отвѣчалъ князь, чрезвычайно довольный поздравленіями и восторгами;—п, признаюсь вамъ, что мнѣ всего болѣе нравится ваше милое участіе ко мнѣ, которое я никогда не забуду, ни-когда не забуду. Charmant! charmant! вы даже прос-ле-зли меня...

— Поцѣлуйте меня, князь!—громче всѣхъ кричала Фелисата Мпхайловна.

— И, признаюсь вамъ,—продолжалъ князь, прерываемый со всѣхъ сторонъ,—я наиболѣе удивляюсь тому, что Марья Ива-но-вна, наша почтенная хозяйка, съ такою необык-но-вен-ною проникательностью угадала мой сонъ. Точно какъ будто она, вмѣсто меня, его ви-дѣла. Необыкновенная проникательность! Не-о-бык-новенная проникательность!

— Ахъ, князь, вы опять за сонъ?

— Да ужъ признайтесь, князь, признайтесь! — кричали всѣ, обступивъ его.

— Да, князь, скрывать нечего, пора обнаруживать эту тайну,—рѣшительно и строго сказала Марья Александровна. — Я поняла вашу тонкую аллегорію, вашу очаровательную деликатность, съ которою вы старались мнѣ намекнуть о желаніи вашемъ огласить ваше сватовство. Да, mesdames, это правда: сегодня князь стоялъ на колѣняхъ передъ моею дочерью и на яву, а не во снѣ, сдѣлалъ ей торжественное предложеніе.

— Совершенно какъ будто на-яву и даже съ тѣми самыми обсто-я-тельствами, подтвердилъ князь,—мадмуазель,—продолжалъ онъ, съ необыкновенною вѣжливостью обращаясь къ Зинѣ, которая все еще не пришла въ себя отъ изумленія,—мадмуазель! Клянусь, что никогда бы я не осмѣлился произнести ваше имя, еслибъ другіе, раньше меня, не про-из-нес-ли его. Это былъ очарова-тельный сонъ, очаро-вательный сонъ, и я вдвойнѣ счастливъ, что мнѣ позволено вамъ теперь это выс-ка-зать. Charmant! charmant!..

— Но помиуйте, какъ же это? Въѣтъ онъ все говоритъ про сонъ,—прошптала Анна Николаевна встревоженной и слегка поблѣднѣвшей Марьѣ Александровнѣ. — Увы! У Марьи Александровны, и безъ этихъ предостереженій, давно уже ныло и трепетало сердце.

— Какъ же это?—шптали дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Помилуйте, князь,—начала Марья Александровна, съ болѣзненно-пскривившеюся улыбкою:—увѣряю васъ, что вы меня удивляете. Что за странная у васъ идея про сонъ? Признаюсь вамъ, я думала до-сихъ-поръ, что вы шутите, но... Если это шутка, то это довольно неумѣстная шутка... Я хочу, я желаю приписать это вашей разсѣянности, но...

— Въ самомъ дѣлѣ, это можетъ-быть у нихъ отъ разсѣянности-съ,—прошптала Наталья Дмитріевна.

— Ну-да... можетъ-быть это и отъ разсѣянности, подтвердилъ князь, все еще не совсѣмъ понимая, чего отъ него добиваются. И, вообразите, я вамъ расскажу сейчасъ одиѣ а-нек-дотъ. Зовутъ меня, въ Петербургѣ, на по-хороны, такъ, къ однимъ людямъ, maison bourgeoise, mais honnête, а я и смѣшалъ, что на именины. Именны-то еще на прошлой недѣ-лѣ прош-ли. Букеты изъ камелій име-ни-ниѣ приготовилъ. Вхожу, и чтожъ вижу? Человѣкъ почтенный, солидный—лежитъ на столѣ, такъ что я уди-вился. Я просто не зналъ, куда дѣваться съ бу-кетомъ.

— Но, князь, дѣло не въ анекдотахъ!—съ досадою перебила Марья Александровна. Конечно, моею дочери нечего гнаться за женихами, но давеча вы сами, здѣсь, у этого рояля, сдѣлали ей предложеніе. Я не вызвала васъ на это... Это меня, можно сказать, фрапировало... Разумѣется, у меня мелькнула только одна мысль, и я отложила это все до вашего пробужденія. Но я—мать; она—дочь моя... Вы сами говорили сейчасъ о какомъ-то снѣ и я думала вы, подъ видомъ аллегоріи, хотите рассказать о вашей помолвкѣ. Я очень хорошо знаю, что васъ, можетъ-быть, сбиваютъ... я даже подозреваю, кто именно... но... объяснитесь, князь, объяснитесь скорѣе, удовлетворительнѣе. Такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ...

— Ну-да, такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ,—поддакнулъ князь безсознательно, но уже начиная, по немногу, беспокоиться.

— Но это не отвѣтъ, князь, на мой вопросъ. Я прошу васъ отвѣчать положительно; подтвердите, сейчасъ же подтвердите здѣсь, при всѣхъ, что вы дѣлали давеча предложеніе моею дочери.

— Ну-да, я готовъ подтвердить. Впрочемъ, я все это уже рассказывалъ, и Фелисата Яковлевна совершенно угадала мой сонъ.

— Не сонъ! не сонъ! закричала въ ярости Марья Александровна. Не сонъ, а это было на яву, князь, на яву, слышите ли, на яву!

— На яву! вскричалъ князь, въ удивленіи подымаясь съ кресель. Ну, другъ мой! какъ ты давеча напороочилъ, такъ и вышло! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Мозглякову. Но, увѣряю васъ, почтенная Марья Степановна, что вы заблуждаетесь! Я совершенно увѣренъ, что я это видѣлъ только во снѣ!

— Господи помилуй! вскрикнула Марья Александровна.

— Не убивайтесь, Марья Александровна, вступилась Наталья Дмитріевна. Князь, можетъ-быть, какъ-нибудь позабыли-съ. Они вспомнятъ-съ.

— Я удивляюсь вамъ, Наталья Дмитріевна, съ негодованіемъ возразила Марья Александровна, — развѣ такіа вещи забываются? развѣ это можно забывать? Помилуйте, князь! Вы смѣтаетесь надъ

нами, или нѣтъ? Или вы корчите, можетъ-быть, изъ себя одного изъ шематоновъ временъ регентства, когорыхъ изображаетъ Дюма? какого-нибудь Ферлакура, Лозена? Но кромѣ того, что это вамъ не по лѣтамъ, увѣрю васъ, что это вамъ не удастся! Моя дочь не французская виконтесса. Давеча, здѣсь, вотъ здѣсь—она вамъ пѣла романсъ, и вы, увлеченные ея пѣньемъ, опустили на колѣни и сдѣлали ей предложеніе. Неужели я грежу? Неужели я сплю? Говорите, князь: сплю я, или нѣтъ?

— Ну-да... а, впрочемъ, можетъ быть, нѣтъ... отвѣчалъ растерявшійся князь. Я хочу сказать, что я теперь, кажется, не во снѣ. Я, видите ли, давеча былъ во снѣ, а потому видѣлъ сонъ, что во снѣ...

— Фу ты, Боже мой, что это такое: не во снѣ—во снѣ, во снѣ—не во снѣ!—да это чортъ знаетъ, что такое! Вы бредите, князь, или нѣтъ?

— Ну-да, чортъ знаетъ... впрочемъ, я, кажется, ужъ совсѣмъ теперь сбился...—проговорилъ князь, вращая кругомъ безпокойные взгляды.

— Но какъ же вы могли видѣть во снѣ,—убивалась Марья Александровна, когда я, вамъ же, съ такими подробностями, рассказываю вашъ собственный сонъ, тогда какъ вы его еще никому изъ насъ не рассказывали?

— Но, можетъ-быть, князь ужъ кому-нибудь и рассказывали-сь, проговорила Наталья Дмитріевна.

— Ну-да, можетъ-быть, я кому-нибудь и рассказывалъ, подтвердилъ совершенно потерявшійся князь.

— Вотъ комедія-то! шепнула Фелсата Михайловна своей сосѣдкѣ.

— Ахъ, ты Боже мой! да тутъ всякое терпѣнье лопнетъ! кричала Марья Александровна, въ изступленіи ломая руки. Она вамъ пѣла романсъ, романсъ пѣла! Неужели вы и это во снѣ видѣли?

— Ну-да, и въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто пѣла романсъ, пробормоталъ князь въ задумчивости, и вдругъ какое-то воспоминаніе оживило лицо его.

— Другъ мой! вскричалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову, я и забылъ тебѣ давеча сказать, что вѣдь и вправду былъ какой-то романсъ, и въ этомъ романсѣ были все какіе-то замки, такъ что очень много было замковъ, а потомъ былъ какой-то трубадуръ! Ну-да, я это все помню... такъ что я и заплакалъ... А теперь вотъ и затрудняюсь, точно это и въ самомъ дѣлѣ было, а не во снѣ...

— Признаюсь вамъ, дядюшка, отвѣчалъ Мозгляковъ, сколько можно спокойно, хотя голосъ его и дрожалъ отъ какой-то тревоги, признаюсь вамъ, мнѣ кажется, все это очень легко уладить и согласить. Мнѣ кажется, вы дѣйствительно слышали пѣніе. Зинаида Аѳанасьевна поетъ прекрасно. Послѣ обѣда васъ отвели сюда, и Зинаида Аѳанасьевна вамъ спѣла романсъ. Меня тогда не было, но вы, вѣроятно, разчувствовались, вспомнили старину; можетъ быть, вспомнили о той самой виконтессѣ, съ которой вы сами когда-то

пѣли романсы и о которой вы же сами намъ утромъ рассказывали. Ну, а потомъ, когда легли спать, вамъ, вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній, и приснилось, что вы влюблены и дѣлаете предложеніе...

Марья Александровна была просто оглушена такою дерзостью.

— Ахъ, мой другъ, вѣдь это, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, закричалъ князь въ восторгѣ. Именно вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній! Я дѣйствительно помню, какъ мнѣ пѣли романсъ, а я за это, во снѣ, и захотѣлъ жениться. И виконтесса то же была... Ахъ, какъ ты умно это распуталъ, мой милый! Ну! я теперь совершенно увѣренъ, что все это видѣлъ во снѣ! Марья Васильевна! Увѣрю васъ, что вы ошибаетесь! Это было во снѣ. Иначе, я не сталъ бы играть вашими благородными чувствами...

— А! теперь я вижу ясно, кто тутъ нагадилъ! закричала Марья Александровна, вѣ себя отъ бѣшенства, обращаясь къ Мозглякову. Это вы, сударь, вы, безчестный человѣкъ, вы все это надѣлали! вы взбаламутили этого несчастнаго идіота за то, что вамъ самимъ отказали! Но ты заплатишь мнѣ, мерзкій человѣкъ, за эту обиду! Заплатишь, заплатишь, заплатишь!

— Марья Александровна, кричалъ Мозгляковъ, въ свою очередь, покраснѣвъ, какъ ракъ: ваши слова до такой степени... Я ужъ и не знаю, до какой степени ваши слова... Ни одна свѣтская дама не позволитъ себѣ... я, по крайней мѣрѣ, защищаю моего родственника. Согласитесь сами, такъ завлекать.

— Ну-да, такъ завлекать... поддакивалъ князь, стараясь спрятаться за Мозглякова.

— Аѳанасій Матвѣичъ! взвизгнула Марья Александровна какимъ-то неестественнымъ голосомъ. Неужели вы не слышите, какъ насъ срамятъ и безчестятъ? Или вы уже совершенно избавили себя отъ всякихъ обязанностей? Или вы и въ самомъ дѣлѣ не отецъ семейства, а отвратительный деревянный столбъ? Что вы глазами-то хлопаете? Другой мужъ давно бы уже кровью смылъ обиду своего семейства!...

— Жена! съ важностью началъ Аѳанасій Матвѣичъ, гордясь тѣмъ, что и въ немъ настала нужда: Жена! Да ужъ не выдадалъ ты, и въ самомъ дѣлѣ, все это во снѣ, а потомъ, какъ проспалась, такъ и перепутала все, по-свойски...

Но Аѳанасію Матвѣичу не суждено было докончить свою остроумную догадку. До сихъ поръ еще гости удерживались и коварно принимали на себя видъ какой-то чинной солидности. Но тутъ громкій залпъ самаго неудержимаго смѣха огласилъ всю комнату. Марья Александровна, забывъ всѣ приличія, бросилась было на своего супруга, вѣроятно затѣмъ, чтобъ немедленно выцарапать ему глаза. Но ее удержали силою. Наталья Дмитріевна воспользовалась обстоятельствами и, хотъ капельку, да подлила еще яду.

— Ахъ, Марья Александровна, можетъ быть,

оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было-съ, а вы убиваетесь, — проговорила она самымъ медоточивымъ голосомъ.

— Какъ было? что такое было?—кричала Марья Александровна, не понимая еще хорошенько.

— Ахъ, Марья Александровна, вѣдь это иногда и бываетъ-съ...

— Да что такое бываетъ? Жилы вы изъ меня, что-ли, тянуть хотите?

— Можетъ быть, вы, и въ самомъ дѣлѣ, видѣли это во снѣ-съ.

— Во снѣ? я? во снѣ? И вы смѣете мнѣ это говорить, прямо въ глаза?

— Что-жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, — отозвалась Фелисата Михайловна.

— Ну-да, можетъ быть; и въ самомъ дѣлѣ, такъ было,—пробормоталъ тоже князь.

— И онъ, и онъ туда же! Господи, Боже мой!—вскричала Марья Александровна, всплеснувъ руками.

— Какъ вы убиваетесь, Марья Александровна! Вспомните-съ, что сны ниспосылаются Богомъ-съ. Ужъ коли Богъ захочетъ-съ, такъ ужъ никто какъ Богъ-съ, и на всемъ Его святая воля-съ лежитъ-съ. Сердиться тутъ ужъ нечего-съ.

— Ну-да, сердиться нечего,—поддакивалъ князь.

— Да вы меня за сумасшедшую принимаете, что-ли?—едва проговорила Марья Александровна, задыхаясь отъ злости. Это уже было выше силъ человѣческихъ. Она поспѣшила отыскать стулъ и упала въ обморокъ. Поднялась суматоха.

— Это онъ изъ приличія-съ въ обморокъ упали-съ, шепнула Наталья Дмитриевна Аннѣ Николаевнѣ.

Но въ эту минуту, въ минуту высочайшаго недоумѣнія публики и напряженія всей этой сцены, вдругъ выступило одно, безмолвное доселѣ, лицо—и вся сцена немедленно измѣнилась въ своемъ характерѣ...

ГЛАВА XIV.

Зинаида Аѳанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романческаго характера. Не знаемъ, оттого-ли, какъ увѣряла сама Марья Александровна, что слишкомъ читалась «этого дурака» Шекспира съ «своимъ учительшкой», но никогда, во всю мордасовскую жизнь свою, Зина еще не позволяла себѣ такой, необыкновенно-романческой, или, лучше сказать, героической выходки, какъ та, которую мы сейчасъ будемъ описывать.

Блѣдная, съ рѣшимостью во взглядѣ, но почти дрожащая отъ волненія, чудно-прекрасная въ своемъ негодованіи, она выступила впередъ. Обводя всѣхъ долгимъ, вызывающимъ взглядомъ, она, посреди наставшаго вдругъ безмолвія, обратилась къ матери, которая, при первомъ ея движеніи, тотчасъ же очнулась отъ обморока и открыла глаза.

— Маменька! — сказала Зина, — къ чему обма-

нивать? Къ чему еще ложью пятнать себя? Все уже до того загрязнено теперь, что, право, не стоитъ унижительнаго труда прикрывать эту грязь!

— Зина! Зина! что съ тобою? опомнись,—вскричала испуганная Марья Александровна, вскочивъ съ своихъ кресель...

— Я вамъ сказала, я вамъ сказала заранѣе, маменька, что я не вынесу всего этого позора, — продолжала Зина.—Неужели же непременно надо еще болѣе унижаться, еще болѣе грязнить себя? Но знайте, маменька, что я все возьму на себя, потому что я виновнѣе всѣхъ. Я, я, своимъ согласіемъ, дала ходъ этой гадкой... интригѣ! Вы — мать; вы меня любите; вы думали по своему, по своимъ понятіямъ, устроить мое счастье. Васъ еще можно простить; но меня, меня — никогда!

— Зина, неужели ты хочешь рассказывать?.. О, Боже! я предчувствовала, что этотъ кляпаль не минуетъ моего сердца!

— Да, маменька, все расскажу! Я опозорена, вы... мы всѣ опозорены!..

— Ты преувеличиваешь, Зина! ты виѣ себя и не помнишь, что говоришь! и къ чему же рассказывать? Тутъ смысла нѣтъ... Стыдъ не на насъ... Я докажу сейчасъ, что стыдъ не на насъ...

— Нѣтъ, маменька,—вскричала Зина, съ злымъ дрожаніемъ въ голосѣ: — я не хочу болѣе молчать передъ этими людьми, мнѣнѣе которыхъ презираю и которые пріѣхали смѣяться надъ нами! Я не хочу сносить отъ нихъ обидъ; ни одна изъ нихъ не имѣетъ права бросить въ меня грязью. Всѣ онѣ готовы, сейчасъ же, сдѣлать въ тридцать разъ хуже, чѣмъ я или вы! Смѣютъ-ли, могутъ-ли онѣ быть нашими судьями?..

— Вотъ прекрасно!—Вотъ какъ заговорила! — Это что же! Это насъ обижаютъ! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да онѣ, и впрямь, сами не понимаютъ, что говорятъ-съ,—проговорила Наталья Дмитриевна.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Наталья Дмитриевна сказала справедливо. Если Зина не считала этихъ дамъ достойными судить себя, зачѣмъ же было и выходить къ нимъ съ такою огласкою, съ такими признаніями? Вообще Зинаида Аѳанасьевна чрезвычайно поторопилась. Таково было, въ послѣдствіи, мнѣніе самыхъ лучшихъ головъ въ Мордасовѣ. Все бы могло быть исправлено! Все бы могло быть улажено! Правда, и Марья Александровна сама себѣ подгадила въ этотъ вечеръ свою поспѣшностію и заносчивостію. Стоило только насмѣяться надъ идіотомъ старикашкой, да и выгнать его вонъ! Но Зина, какъ нарочно, вопреки здравому смыслу и мордасовской мудрости, обратилась къ князю.

— Князь,—сказала она старику, который даже привсталъ изъ почтенія со стула,—такъ поразила сна его въ эту минуту! — Князь! простите меня, простите насъ! мы обманули, мы завлекли васъ...

— Да замолчишь ли ты, несчастная! — въ изступленіи вскричала Марья Александровна!

— Сударыня! сударыня! ma charmante enfant... бормоталъ пораженный князь.

Но гордый, порывистый и, въ высшей степени, мечтательный характеръ Зины увлекалъ ее въ эту минуту изъ среды всѣхъ приличій, требуемыхъ дѣйствительностью. Она забыла даже о своей матери, которую корчили судороги отъ ея признаній.

— Да, мы обманули васъ обѣ, князь:—маменька тѣмъ, что рѣшилась заставить васъ жениться на мнѣ, а я тѣмъ, что согласилась на это. Васъ напоили виномъ, я согласилась пѣть и кривляться передъ вами. Васъ—слабого, беззащитнаго, *облапошили*, какъ выразился Павелъ Александровичъ, облапошили изъ-за вашего богатства, изъ-за вашего княжества. Все это было ужасно низко и я каюсь въ этомъ. Но клянусь вамъ, князь, что я рѣшилась на эту низость не изъ низкаго побужденія. Я хотѣла... Но что я! двойная низость оправдывать себя въ такомъ дѣлѣ! Но объявляю вамъ, князь, что я, еслибъ и взяла отъ васъ что нибудь, то была бы за это вашей игрушкой, служавкой, плюсуней, рабой... я поклялась и свято бы сдержала клятву мою!..

Сильный горловой спазмъ остановилъ ее въ эту минуту. Всѣ гости какъ-будто оцѣпенѣли и слушали, вытуча глаза. Неожиданная и совершенно непонятная имъ выходка Зины, сбива ихъ съ толку. Одинъ князь былъ тронутъ до слезъ, хотя и половины не понималъ изъ того, что сказала Зина.

— Но я женюсь на васъ, ma belle enfant, если ужъ вы такъ хо-ти-те,—бормоталъ онъ—и это для меня будетъ больша-я честь! Только, увѣряю васъ, что это былъ дѣйстви-тельно, какъ будто бы, сонъ... Ну, мало ли что я увижу во снѣ? Къ чему же такъ без-по-коить-ся? Я даже какъ будто ничего и не понялъ, mon ami,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову: — объясни мнѣ хоть ты, пожалуйста...

— А вы, Павелъ Александровичъ,—подхватила Зина, тоже обращаясь къ Мозглякову,—вы, на котораго я, одно время, рѣшилась было смотрѣть, какъ на моего будущаго мужа, вы, который теперь мнѣ такъ жестоко отомстили,—неужели и вы могли применить къ этимъ людямъ, чтобъ растерзать и опозорить меня? И вы говорили, что любите меня! Но не мнѣ читать вамъ нравоученія! Я виновна въ васъ. Я оскорбила васъ, потому что, дѣйствительно, манила васъ обѣщаніями, и мои давешнія доказательства были ложь и хитро-сплетенія! Я васъ никогда не любила, и если рѣшалась выдти за васъ, то единственно, чтобъ хоть куда нибудь уйдти отсюда, изъ этого проклятаго города и избавиться отъ всего этого смрада... Но, клянусь вамъ, выйдя за васъ, я была бы вамъ доброй и вѣрной женой... Вы жестоко отмстили мнѣ и, если это льститъ вашей гордости...

— Зинаида Аѳанасьевна! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Если до-сихъ-поръ вы питаете ко мнѣ ненависть...

— Зинаида Аѳанасьевна!

— Если когда нибудь,—продолжала Зина, давя въ себѣ слезы: — если когда нибудь вы любили меня...

— Зинаида Аѳанасьевна!!!

— Зина, Зина! дочь моя!—вопила Марья Александровна.

— Я подлецъ, Зинаида Аѳанасьевна, я подлецъ и больше ничего! — скрѣпилъ Мозгляковъ, и все пришло въ ужаснѣйшее волненіе. Поднялись крики удивленія, негодованія, но Мозгляковъ стоялъ, какъ вкопанный, безъ мысли и безъ голоса...

Для слабыхъ и пустыхъ характеровъ, привыкшихъ къ постоянной подчиненности и рѣшающихся, наконецъ, взбѣситься и протестовать, однимъ словомъ, быть твердыми и послѣдовательными, всегда существуетъ черта,—близкій предѣлъ ихъ твердости и послѣдовательности. Протестъ ихъ бываетъ, въ началѣ, обыкновенно самый энергическій. Энергія ихъ даже доходитъ до изступленія. Они бросаются на препятствія, какъ-то зажмуривъ глаза, и всегда почти не по силамъ берутъ себѣ ношу на плечи. Но, дойдя до извѣстной точки, взбѣшенный человѣкъ, вдругъ, какъ будто самъ себя испугается, останавливается, какъ ошеломленный, съ ужаснымъ вопросомъ: «Что это я такое надѣлалъ?» Потомъ немедленно раскисаетъ, хнычетъ, требуетъ объясненій, становится на колѣни, проситъ прощенія, умоляетъ, чтобы все было по старому, но только поскорѣе, какъ можно поскорѣе!.. Почти тоже самое случилось теперь съ Мозгляковымъ. Выйдя изъ себя, взбѣсившись, накликавъ бѣду, которую онъ уже всю, цѣлкомъ, приписывалъ теперь одному себѣ; насытивъ свое негодованіе и самолюбіе и себя же возненавидѣвъ за это, онъ, вдругъ, остановился, убитый совѣстью, передъ неожиданной выходкой Зины. Последнія слова ея добились его окончательно. Перескочить изъ одной крайности въ другую было дѣломъ одной минуты.

— Я — оселъ, Зинаида Аѳанасьевна! — вскричалъ онъ, въ порывѣ изступленнаго раскаянія. — Нѣтъ! что оселъ? Оселъ еще ничего! Я несравненно хуже осла! Но я вамъ докажу, Зинаида Аѳанасьевна, я вамъ докажу, что и оселъ можетъ быть благороднымъ человѣкомъ!.. Дядюшка! я обманулъ васъ! Я, я, я обманулъ васъ! Вы не спали; вы дѣйствительно, на-яву, дѣлали предложеніе, а я, я, подлецъ, изъ мщенія, что мнѣ отказали, увѣрилъ васъ, что вы видѣли все это во снѣ.

— Удивительно любопытныя вещи-съ открываются-съ,—прошипѣла Наталья Дмитриевна на ухо Аннѣ Николаевнѣ.

— Другъ мой, отвѣчалъ князь:—ус-по-койся пожалуйста; ты меня, право, испугалъ своимъ крикомъ. Увѣряю тебя, что ты о-ши-ба-ешься... Я, пожалуй, готовъ жениться, если ужъ такъ на-до; но вѣдь ты, самъ же, увѣрялъ меня, что это было только во снѣ...

— О, какъ увѣрить мнѣ васъ! Научите меня,

какъ мнѣ увѣрить его теперь! Дядюшка, дядюшка! Вѣдь это важная вещь, важнѣйшее фамильное дѣло! Сообразите! подумайте!

— Другъ мой, изволь, я по-ду-маю. Постои, дай же мнѣ вспомнить все по поряд-ку. Сначала я видѣлъ кучера Ое-о-фи-ла...

— Э! не до Теофила теперь, дядюшка!

— Ну-да, положимъ, что теперь не-до-него. Потомъ былъ На-по-ле-онъ, а потомъ какъ будто мы чай пили, и какая-то дама пришла и весь сахаръ у насъ поѣла...

— Но, дядюшка,—брякнулъ Мозгляковъ, въ затмѣни ума своего, — вѣдь это сама Марья Александровна рассказывала вамъ давеча про Наталью Дмитриевну! Вѣдь я тутъ же былъ, я самъ это слышалъ! Я спрятался и смотрѣлъ на васъ въ дырочку...

— Какъ, Марья Александровна, — подхватила Наталья Дмитриевна, — такъ вы ужъ и князю рассказывали-сь, что я у васъ сахаръ украла изъ сахарницы! Такъ я къ вамъ сахаръ воровать ѣзжу-сь!

— Прочь отъ меня! — закричала Марья Александровна, доведенная до отчаянія.

— Нѣтъ не прочь, Марья Александровна, вы эдакъ не смѣете говорить-сь, а стало быть я у васъ сахаръ краду-сь? Я давно слышала, что вы про меня такія гнусности распускаете-сь. Мнѣ Софья Петровна подробно рассказывала-сь... Такъ я у васъ сахаръ краду-сь?...

— Но, mesdames, — закричалъ князь, — вѣдь это было только во снѣ! Ну, мало ли что я вижу во снѣ?...

— Кадушка проклятая — пробормотала въ полголоса Марья Александровна.

— Какъ, я и кадушка-сь! — взвизгнула Наталья Дмитриевна. — А вы кто такая-сь? Я давно знаю, что вы меня кадушкой зовете-сь? У меня, по крайней мѣрѣ, мужъ у меня-сь, а у васъ-то дуракъ-сь...

— Ну-да, я помню, была и ка-ду-шка, — пробормоталъ безсознательно князь, припоминая давешній разговоръ съ Марьей Александровной.

— Какъ, и вы туда же дворянку бранить-сь? Какъ вы смѣете, князь, дворянку бранить-сь? Коли я кадушка, такъ вы безногіе-сь...

— Кто, я безногій?

— Ну-да, безногіе-сь, да еще и беззубые-сь, вотъ вы какіе-сь!

— Да еще и одноглазый! — закричала Марья Александровна.

— У васъ корсетъ, вмѣсто реберъ-сь! — прибавила Наталья Дмитриевна.

— Лицо на пружинахъ!

— Волосъ своихъ нѣтъ-сь!..

— И усники-то, у дурака, накладные, — скрѣпила Марья Александровна.

— Да хоть носъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна, насто-ящій! — вскричалъ князь, ошеломленный такими внезапными откровенностями. —

Другъ мой! Это ты меня продалъ! Это ты рассказъ, что волосы у меня на-к-лад-ные...

— Дядюшка!

— Нѣтъ, мой другъ, я уже болѣе не могу здѣсь оста-ваться! Уведи ты меня куда нибудь... quelle société! Куда это ты завелъ меня, Бо-же-мой?

— Идіотъ! подлець! — кричала Марья Александровна.

— Боже ты мой! — говорилъ бѣдный князь, — я вотъ только не-много за-былъ, зачѣмъ я сюда прѣхалъ, но я сей-часъ вспом-ню. Уведи ты меня, братецъ, куда ни-будь, а то меня разтерзаютъ! Притомъ же... мнѣ не-мед-ленно надо записать одну новую мысль...

— Пойдемте, дядюшка, еще не поздно; я васъ тотчасъ же перевезу въ гостиницу и самъ переѣду съ вами...

— Ну-да, въ гос-тин-ницу. Adieu, ma charmante enfant... вы одна... вы только одна... доб-родѣ-тельны. Вы бла-го-род-ная дѣвушка! — Пойдемъ же, мой милый. О, Боже мой!

Но не стану описывать окончанія непріятной сцены, бывшей по выходѣ князя. Гости разѣхались съ визгами и ругательствами. Марья Александровна осталась, наконецъ, одна, среди развалинъ и обломковъ своей прежней славы. Увы! сила, слава, значеніе, — все исчезло въ одинъ этотъ вечеръ! Марья Александровна понимала, что уже не подняться ей по прежнему. Долгій, многолѣтній ея деспотизмъ надъ всѣмъ обществомъ окончательно рушился. Что оставалось ей теперь? — философствовать? Но она не философствовала. Она пробѣсилась всю ночь. Зина обезпечена, сплетни пойдутъ безконечны! Ужасъ!

Какъ вѣрный историкъ, я долженъ упомянуть, что всѣхъ болѣе въ этомъ похмѣльи досталось Аеанасію Матвѣичу, который забился наконецъ куда-то въ чуланъ, и въ немъ промерзъ до утра. Наступило, наконецъ, и утро, но и оно не принесло ничего хорошаго. Бѣда никогда одна не приходитъ...

ГЛАВА XV.

Если судьба обрушится разъ на кого бѣдою, то ударамъ ея и конца не бываетъ. Это давно замѣчено. Мало было одного вчерашняго позора и срама для Марьи Александровны! Нѣтъ! судьба ей готовила побольше и получше.

Еще до десяти часовъ утра, по всему городу, вдругъ, распространился одинъ странный и почти невѣроятный слухъ, встрѣченный всѣми съ самою злобною и ожесточенною радостью, — какъ и обыкновенно встрѣчаемъ мы всѣ всякій необыкновенный скандалъ, случившійся съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ ближнихъ. «До такой степени потерять стыдъ и совѣсть!» — кричали со всѣхъ сторонъ, — «до такой степени унизиться, пренебречь всѣмъ приличіемъ, до такой степени распустить всѣ узы!» и проч. и проч. Вотъ что, однакоже, случилось. Рано

утромъ, чуть ли еще не въ седьмомъ часу, одна блѣдная, жалкая старуха, въ отчаяніи и въ слезахъ, приближала въ домъ Марьи Александровны и умоляла горничную какъ можно скорѣе разбудить барышню, одну только барышню, потихоньку, чтобъ какъ нибудь не узнала Марья Александровна. Зина, блѣдная и убитая, выбѣжала къ старухѣ немедленно. Та упала ей въ ноги, цѣловала ихъ, обливала слезамъ и молила немедленно сходить съ ней къ ея больному Васѣ, который всю ночь былъ такъ труденъ, такъ труденъ, что, можетъ, и дня больше не проживетъ. Старуха говорила Зинѣ рыдая, что самъ Вася зоветъ ее къ себѣ проститься въ предсмертный часъ, закликаетъ ее всѣми святыми ангелами, всѣмъ, что было прежде, и что если она не придетъ, то онъ умретъ съ отчаяніемъ. Зина тотчасъ же рѣшилась идти, не смотря на то, что исполненіе такой просьбы явно бы подтвердило всѣ прежніе, озлобленные слухи о перехваченной запискѣ, о скандалѣ ея поведеніи и проч. Несказавшись матери, она накинула на себя салопъ и, тотчасъ же, побѣжала со старухой, черезъ весь городъ, въ одну изъ самыхъ блѣдныхъ слободокъ Мордасова, въ самую глухую улицу, гдѣ стоялъ одинъ ветхій, покривившійся и вросшій въ землю домишка, съ какими-то щелочками вмѣсто оконъ и обнесенный сугробами снѣгу со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ домишкѣ, въ маленькой, низкой и затхлой комнаткѣ, въ которой огромная печь занимала ровно половину всего пространства, на досчатой, некрашенной кровати, на тонкомъ, какъ блинъ, тюфякѣ, лежалъ молодой человѣкъ, покрытый старой шинелью. Лицо его было блѣдное и изможденное, глаза блистали болѣзненнымъ огнемъ, руки были тонки и сухи, какъ палки; дышалъ онъ трудно и хрипло. Замѣтно было, что когда-то онъ былъ хорошъ собою; но болѣзнь исказила тонкія черты его красиваго лица, на которое страшно и жалко было взглянуть, какъ на лицо всякаго чахоточнаго, или, вѣрнѣе сказать, умирающаго. Его старуха-мать, которая цѣлый годъ, чуть ли не до послѣдняго часу, ждала воскресенія своего Васиньки, увидала, наконецъ, что онъ не жилецъ въ этомъ мірѣ. Она стояла теперь надъ нимъ, убитая горемъ, сложивъ руки, безъ слезъ, глядѣла на него и не наглядѣлась, и все-таки не могла понять, хотъ и знала это, что чрезъ нѣсколько дней ея ненагляднаго Васю закроетъ мерзлая земля, тамъ, подъ сугробами снѣгу, на блѣдномъ кладбищѣ. Но Вася не на нее смотрѣлъ въ эту минуту. Все лицо его, исхудалое и страдальческое, дышало теперь блаженствомъ. Онъ видѣлъ, наконецъ, передъ собою ту, которая снилась ему цѣлые полтора года, и на яву и во снѣ, въ продолженіе долгихъ, тяжелыхъ ночей его болѣзни. Онъ понималъ, что она простила его, являсь къ нему, какъ ангелъ Божій, въ предсмертный часъ. Она сжимала его руки, плакала надъ нимъ, улыбалась ему, опять смотрѣла на него своими чудными глазами

и,—и все прежнее, невозвратное, воскресло вновь въ душѣ умирающаго. Жизнь загорѣлась снова въ его сердцѣ и, казалось, оставляя его, хотѣла дать почувствовать страдальцу, какъ тяжело разставаться съ нею.

— Зина, говорилъ онъ, Зиночка! Не плачь надо мной, не тужи, не тоскуй, не напоминай мнѣ, что я скоро умру. Я буду смотрѣть на тебя, — вотъ такъ, какъ теперь смотрю,—буду чувствовать, что наши души опять вмѣстѣ, что ты простила меня, буду опять цѣловать твои руки, какъ прежде, и умру, можетъ быть, не примѣтивъ смерти! Похудѣла ты, Зиночка! Ангелъ ты мой, съ какой добротой ты на меня теперь смотришь? А помнишь, какъ ты прежде смѣялась? помнишь... Ахъ, Зина, я не прошу у тебя прощенія, я и помнить не хочу о томъ, что было,—потому, Зиночка, потому, что хотъ ты, можетъ быть, и простила меня, но я самъ никогда себѣ не прощу. Были долгія ночи, Зина, бессонныя, ужасныя ночи, и въ эти ночи, вотъ на этой самой кровати, я лежалъ и думалъ, долго, много передумалъ, и давно уже рѣшилъ, что мнѣ лучше умереть, ей-Богу, лучше!.. Я не гонимся жить, Зиночка!

Зина плакала и безмолвно сжимала его руки, какъ будто хотѣла этимъ остановить его.

— Что ты плачешь, мой ангелъ? продолжалъ больной. О томъ, что я умираю, объ этомъ только? Но вѣдь все прочее давно уже умерло, давно схоронено! Ты умнѣе меня, ты чище сердцемъ, и потому давно знаешь, что я дурной человѣкъ. Развѣ ты можешь еще любить меня? И чего мнѣ стоило перенести эту мысль, что ты знаешь, что я дурной и пустой человѣкъ! А самолюбія-то сколько тутъ было, можетъ быть, и благороднаго... не знаю! Ахъ, другъ мой, вся моя жизнь была мечта. Я все мечталъ, всегда мечталъ, а не жилъ, гордился, толпу презиралъ, а чѣмъ я гордился передъ людьми? и самъ не знаю. Чистотой сердца, благородствомъ чувствъ? Но вѣдь все это было въ мечтахъ, Зина, когда мы читали Шекспира, а какъ дошло до дѣла, я и выказалъ мою чистоту и благородство чувствъ...

— Полно, говорила Зина, полно!... все это не такъ, напрасно... ты убиваешь себя!

— Что ты останавливаешь меня, Зина! Знаю, ты простила меня и давно, можетъ быть, простила; но ты судила меня и поняла — кто я таковъ; вотъ это-то меня мучитъ. Недостойнъ я твоей любви, Зина! Ты и на дѣлѣ была честная и великодушная: ты пошла къ матери и сказала, что выйдешь за меня и ни за кого другаго, и сдержала бы слово, потому что у тебя слово не рознилось съ дѣломъ. А я, я! Когда дошло до дѣла... Знаешь ли, Зиночка, что вѣдь я даже не понималъ тогда, чѣмъ ты жертвуешь, выходя за меня! Я не могъ даже того понять, что, выйдя за меня, ты, можетъ быть, умерла бы съ голоду. Куда, и мысли не было! Я вѣдь думалъ только, что ты выходишь за меня, за великаго поэта (за будущаго,

то есть), не хотѣлъ понимать тѣхъ причинъ, которыя ты выставляла, прося повременить свадьбой, мучилъ тебя, тиранилъ, упрекалъ, презиралъ и дошло, наконецъ, до угрозы моей тебѣ этой запиской. Я даже и не подлецъ былъ въ ту минуту. Я просто былъ дрянъ-человѣкъ! О, какъ ты должна была презирать меня! Нѣтъ, хорошо, что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла! Ничего бы я не понялъ изъ твоего пожертвованія, мучилъ бы тебя, изтерзалъ бы тебя за нашу бѣдность; пришли бы года, — куда! — можетъ быть и возненавидѣлъ бы тебя, какъ помѣху въ жизни. А теперь лучше! Теперь, по крайней мѣрѣ, горькія слезы мои очистили во мнѣ сердце. Ахъ! Зиночка! Люби меня хоть немножко, такъ какъ прежде любила! Хоть въ этотъ послѣдній часъ... Я вѣдь знаю, что я недостойнъ любви твоей, но.... но.... о ангелъ ты мой!

Во всю эту рѣчь, Зина, рыдая сама, нѣсколько разъ его останавливала. Но онъ не слушалъ ее; его мучило желаніе высказаться, и онъ продолжалъ говорить, хотя съ трудомъ, задыхаясь, хриплымъ удушлымъ голосомъ.

— Не встрѣтилъ бы ты меня, не полюбилъ бы меня, такъ остался бы жить! сказала Зина. Ахъ, зачѣмъ. зачѣмъ мы сошлись вмѣстѣ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не укоряй себя въ томъ, что я умираю, продолжалъ больной. Во всемъ я одинъ виноватъ! Самолюбія-то сколько тутъ было! романтизма! Разсказывали-ль тебѣ подробно мою глупую исторію, Зина? Видишь ли, былъ тутъ, третьяго года, одинъ арестантъ, подсудимый, злодѣй и душегубецъ; но когда пришлось къ наказанію, онъ оказался самымъ малодушнымъ человѣкомъ. Зная, что больного не выведутъ къ наказанію, онъ досталъ вина, настоялъ въ немъ табаку и выпилъ. Съ нимъ началась такая рвота съ кровью и такъ долго продолжалась, что повредила ему легкія. Его перенесли въ больницу и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ въ злой чахоткѣ. Ну вотъ, ангелъ мой, я и вспомнилъ про этого арестанта, въ тотъ самый день... ну, знаешь, послѣ записки-то.. прѣшлся также погубить себя. Но какъ бы ты думала, почему я выбралъ чахотку? почему я не удавился, не утопился? побоялся скорой смерти? Можетъ быть, и такъ, — но все мнѣ какъ то мерещится, Зиночка, что и тутъ не обошлось безъ сладкихъ романтическихъ глупостей! Все-таки у меня была тогда мысль: какъ это красиво будетъ, что вотъ я буду лежать на постели, умирая въ чахоткѣ, а ты все будешь убиваться, страдать, что довела меня до чахотки; сама придешь ко мнѣ съ повинною, упадешь предо мной на колѣни... Я прощаю тебя, умирая на рукахъ твоихъ... Глупо, Зиночка, глупо, не правда ли?

— Не поминай объ этомъ! — сказала Зина, — не говори этого! ты не такой... будемъ лучше вспоминать о другомъ, о нашемъ хорошемъ, счастливомъ!

— Горько мнѣ, другъ мой, оттого и говорю.

Полтора года я тебя не видалъ! Душу бы, кажется, передъ тобой теперь выложилъ! Вѣдь все то время, съ тѣхъ поръ, я былъ одинъ-одинешенекъ п, кажется, минуты не было, чтобъ не думалъ я о тебѣ, ангелъ мой непамятный! И знаешь что, Зиночка? какъ мнѣ хотѣлось что нибудь сдѣлать, какъ нибудь такъ заслужить, чтобъ заставить тебя переменить обо мнѣ твое мнѣніе. До послѣдняго времени я не вѣрилъ, что я умру; вѣдь меня не сейчасъ свалило, долго я ходилъ съ больной грудью. И сколько смѣшныхъ у меня было предположеній! Мечталъ я, наиримѣръ, сдѣлаться, вдругъ, какимъ нибудь величайшимъ поэтомъ, напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» такую поэму, какой и не бывало еще на свѣтѣ. Думалъ въ ней излить всѣ мои чувства, всю мою душу, такъ, что гдѣ бы ты ни была, я все бы былъ съ тобой, непрерывно бы напоминалъ о себѣ моими стихами, и самая лучшая мечта моя была та, что ты задумаешься, наконецъ, и скажешь: «Нѣтъ! онъ не такой дурной человѣкъ, какъ я думала!» Глупо, Зиночка, глупо, не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, нѣтъ! — говорила Зина. Она припала къ нему на грудь и цѣловала его руки.

— А какъ я ревновалъ тебя все это время! Мнѣ кажется, я бы умеръ, еслибъ услышалъ о твоей свадьбѣ! Я подсылалъ къ тебѣ, караулилъ, шпионилъ... вотъ она все ходила — (и онъ кивнулъ на мать). Вѣдь ты не любила Мозглякова, не правда ли, Зиночка? О, ангелъ мой? Вспомнишь ли ты обо мнѣ, когда я умру? Знаю, что вспомнишь; но пройдутъ годы, сердце остынетъ, настанетъ холодъ, зима на душѣ и забудешь ты меня, Зиночка!..

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я невыйду и замужъ!.. ты мой первый... всеглашій...

— Все умираетъ, Зиночка, все, даже и воспоминанія!.. И благородныя чувства наши умираютъ. Вмѣсто нихъ наступаетъ благоразуміе. Что жъ и роптать! Пользуйся жизнью, Зина, живи долго, живи счастливо. Полюби и другаго, коль полюбишься, — не мертвеца же любить! Только вспомни обо мнѣ, хоть изрѣдка; худого не вспомниай, прости худое; но вѣдь было же и въ нашей любви хорошее, Зиночка! О, золотые, невозвратные дни... Послушай, мой ангелъ, я всегда любилъ вечерній, закатный часъ. Вспомни обо мнѣ, когда-нибудь, въ этотъ часъ! О нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ умирать? О, какъ бы я хотѣлъ теперь вновь жить! Вспомни, другъ мой, вспомни, вспомни то время! Тогда была весна, солнце такъ ярко свѣтило, цвѣли цвѣты, праздникъ былъ какой-то кругомъ насъ... А теперь! Посмотри, посмотри!

И бѣдный указалъ, изсохшею рукою, на замерзлое, тусклое окно. Потомъ схватилъ руки Зины, прижалъ ихъ къ глазамъ своимъ и горько-горько зарыдалъ. Рыданія почти разрывали истерзанную грудь его.

И весь день страдалъ онъ, тосковалъ и плакалъ. Зина утѣшала его, какъ могла, но ея душа стра-

дала до смерти. Она говорила, что не забудетъ его и что никогда никого не полюбитъ такъ, какъ его любила. Онъ вѣрилъ ей, улыбался, цѣловалъ ея руки, но воспоминанія о прошедшемъ только жгли, только терзали его душу. Такъ прошелъ цѣлый день. Между тѣмъ испуганная Марья Александровна разъ десять послала къ Зинѣ, молила ее воротиться домой и не губить себя окончательно въ общемъ мѣстѣ. Наконецъ, когда уже стемнѣло, почти потерявъ голову отъ ужаса, она рѣшилась сама идти къ Зинѣ. Вызвавъ дочь въ другую комнату, она, почти на колѣняхъ, умоляла ее «отстранить этотъ послѣдній и главный кинжалъ отъ ея сердца». Зина вышла къ ней больная; голова ея горѣла. Она слушала и не понимала свою маленькую. Марья Александровна ушла, наконецъ, въ отчаяніи, потому что Зина рѣшилась ночевать въ домѣ умирающаго. Цѣлую ночь не отходила она отъ его постели. Но больному становилось все хуже и хуже. Насталъ еще день, но уже не было и надежды, что страдалецъ переживетъ его. Старуха-мать была, какъ безумная, ходила, какъ будто ничего не понимая, подавала сыну лекарства, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать. Агонія его длилась долго. Онъ уже не могъ говорить и только безсвязные, хриплые звуки вырывались изъ его груди. До самой послѣдней минуты онъ все смотрѣлъ на Зину, все искалъ ее глазами, и когда уже свѣтъ началъ меркнуть въ его глазахъ, онъ все еще, блуждающею, невѣрной рукою искалъ руку ея, чтобъ схватить ее въ своей. Между тѣмъ короткий, зимній день проходилъ. И когда, наконецъ, послѣдній, прощальный лучъ солнца позолотилъ замороженное, единственное оконцо маленькой комнаты, душа страдальца улетѣла вслѣдъ за этимъ лучемъ изъ измороженнаго тѣла. Старуха-мать, увидя, наконецъ, передъ собою трупъ своего ненагляднаго Васи, всплеснула руками, вскрикнула и бросилась на грудь мертвецу.

— Это ты, змѣя подкодная, извела его! — закричала она въ отчаяніи Зинѣ. Ты, разлучница проклятая, ты злодѣйка, его погубила!

Но Зина уже ничего не слыхала. Она стояла надъ мертвымъ, какъ обезумѣвшая. Наконецъ, наклонилась надъ нимъ, перекрестила, поцѣловала его и машинально вышла изъ комнаты. Глаза ея горѣли, голова кружилась. Мучительныя ощущенія, двѣ почти безсонныя ночи, чуть-чуть не лишили ее разсудка. Она смутно чувствовала, что все ея прошедшее какъ бы оторвалось отъ ея сердца и началась новая жизнь, мрачная и угрожающая. Но не прошла она десяти шаговъ, какъ Мозгляковъ какъ будто выросъ передъ нею изъ подъ земли; казалось, онъ нарочно поджидалъ на этомъ мѣстѣ.

— Зинаида Аѳанасьевна, — началъ онъ какимъ-то боязливымъ шепотомъ, торопливо оглядываясь по сторонамъ, потому что еще было довольно свѣтло, — Зинаида Аѳанасьевна, я, конечно, оселъ! То есть, если хотите, я ужъ теперь и не оселъ,

потому что, видите ли, все-таки поступилъ благо-родно. Но все-таки я раскаяваюсь въ томъ, что я былъ оселъ... Я, кажется, сбиваюсь, Зинаида Аѳанасьевна, но... вы извините, это отъ разныхъ причинъ...

Зина почти безсознательно посмотрѣла на него и, молча, продолжала свою дорогу. Такъ какъ на высокомъ деревянномъ тротуарѣ было тѣсно двумъ рядомъ, а Зина не сторонилась, то Павелъ Александровичъ соскочилъ съ тротуара и бѣжалъ подлѣ нея внизу, непрерывно заглядывая ей въ лицо.

— Зинаида Аѳанасьевна — продолжалъ онъ, я разсудилъ и, если вы сами захотите, то я согласенъ возобновить мое предложеніе. Я даже готовъ забыть все, Зинаида Аѳанасьевна, весь позоръ, и готовъ простить, но только съ однимъ условіемъ: покаместъ мы здѣсь, все останется въ тайнѣ. Вы уйдете отсюда, какъ можно скорѣе; я, потихоньку, вслѣдъ за вами; обвиняемся гдѣнибудь въ глуши, такъ что никто не увидитъ, а потомъ сейчасъ въ Петербургъ, хотя бы и на перекладныхъ, такъ, чтобъ съ вами былъ только маленькій чемоданчикъ... а? Согласны, Зинаида Аѳанасьевна? Скажите скорѣе! Мнѣ нельзя дожидаться; насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

Зина не отвѣчала и только посмотрѣла на Мозглякова, но такъ посмотрѣла, что онъ тотчасъ же все понялъ, снялъ шляпу, раскланялся и исчезъ при первомъ поворотѣ въ переулокъ.

— «Какъ же это? подумалъ онъ: — третьяго дня еще вечеромъ она такъ разчувствовалась и во всемъ себя обвиняла? Видно, день на день не приходитъ!»

А между тѣмъ въ Мордасовѣ происшествія шли за происшествіями. Случилось одно трагическое обстоятельство. Князь, перевезенный Мозгляковымъ въ гостиницу, заболѣлъ въ ту же ночь и заболѣлъ опасно. Мордасовцы узнали объ этомъ на утро. Каллистъ Станиславичъ почти не отходилъ отъ больного. Къ вечеру составилъ конспіумъ всѣхъ мордасовскихъ медиковъ. Приглашенія имъ посланы были по-латынѣ. Но, несмотря на латынѣ, князь совсѣмъ ужъ потерялъ память, бредилъ, просилъ Каллиста Станиславича спѣть ему какойнибудь романсъ, говорилъ про какіе-то парики; иногда какъ будто чего-то пугался и кричалъ. Доктора рѣшили, что отъ мордасовскаго гостепріимства у князя сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ, какъ-то перешедшее (вѣроятно, по дорогѣ) въ голову. Не отвергали и нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Заключение же тѣмъ, что князь давно уже былъ предрасположенъ умереть, а потому непременно умереть. Въ послѣднемъ они не ошиблись, потому что бѣдный старичекъ, на третій же день къ вечеру, померъ въ гостиницѣ. Это поразило мордасовцевъ. Никто не ожидалъ такого серьезнаго оборота дѣла. Бросились толпами въ гостиницу, гдѣ лежало мертвое тѣло, еще не убранное, судили, редили, кивали головами и кончили тѣмъ, что

рѣзко осудили «убійцу несчастнаго князя», под-разумѣвая подъ этимъ, конечно, Марью Александровну съ дочерью. Всѣ почувствовали, что эта исторія, уже по одной своей скандальности, можетъ получить неприятную огласку, пойдетъ пожалуй еще въ дальнія страны и, — чего-чего не было переговорено и пересказано. Все это время Мозгляковъ суетился, кидался во всѣ стороны и, наконецъ, голова у него закружилась. — Въ такомъ-то состояніи духа онъ и видѣлся съ Зиной. — Дѣйствительно, положеніе его было затруднительное. Самъ онъ завезъ князя въ городъ, самъ перевезъ въ гостиницу, а теперь не зналъ, что и дѣлать съ покойникомъ, какъ и гдѣ хоронить, кому дать знать? везти ли тѣло въ Духаново? Къ тому же онъ считался племянникомъ. Онъ трепеталъ, чтобъ не обвинили его въ смерти почтеннаго старца. «Пожалуй, еще дѣло отзовется въ Петербургъ, въ высшемъ обществѣ!» — думалъ онъ съ содроганіемъ. Отъ мордасовцевъ нельзя было добиться никакого совѣта; всѣ вдругъ чего-то испугались, отхлынули отъ мертвaго тѣла и оставили Мозглякова въ какомъ-то мрачномъ уединеніи. Но вдругъ вся сцена быстро переиначилась. На другой день, рано утромъ, въ городъ въѣхалъ одинъ посѣтитель. Объ этомъ посѣтителѣ мигомъ заговорилъ весь Мордасовъ, но заговорилъ какъ-то таинственно, шопотомъ, выглядывая на него изъ всѣхъ щелей и оконъ, когда онъ проѣхалъ по Большой улицѣ къ губернатору. Даже самъ Петръ Михайловичъ немного, какъ будто бы струсилъ и не зналъ, какъ быть съ пріѣзжимъ гостемъ. Гость былъ довольно извѣстный князь Щепетловъ, родственникъ покойнику, человѣкъ еще почти молодой, лѣтъ тридцати пяти, въ полковничьихъ эполетахъ и въ аксельбантахъ. Всѣхъ чиновниковъ пробралъ какой-то необыкновенный страхъ отъ этихъ аксельбантовъ. Полиціймейстеръ, напримѣръ, совсѣмъ потерялся; разумѣется, только нравственно; физически же онъ явился на лицо, хотя и съ довольно вытянутымъ лицомъ. Тотчасъ же узнали, что князь Щепетловъ ѣдетъ изъ Петербурга, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Духаново. Не заставъ же въ Духановѣ никого, поѣхалъ въ слѣдъ за дядей въ Мордасовъ, гдѣ, какъ громомъ, поразила его смерть старца и всѣ подробнѣйшіе слухи объ обстоятельствахъ его смерти. Петръ Михайловичъ даже немного потерялся, давая нужные объясненія; да и всѣ, въ Мордасовѣ, смотрѣли какими-то виноватыми. Къ тому же у пріѣзжаго гостя было такое строгое, такое недовольное лицо, хотя, казалось бы, нельзя быть недовольну наслѣдствомъ. Онъ тотчасъ же взялся за дѣло самъ, лично, Мозгляковъ же немедленно и постыдно стушевался передъ настоящимъ, несамозваннымъ племянникомъ и исчезъ — неизвѣстно куда. Рѣшено было немедленно перенести тѣло покойника въ монастырь, гдѣ и назначено было отпѣваніе. Всѣ распоряженія пріѣзжаго отдавались кратко, сухо, строго, но съ такимъ и приличіемъ. На-завтра весь городъ собрался въ

монастырь присутствовать при отпѣваніи. Между дамами распространился нелѣпый слухъ, что Марья Александровна лично явится въ церковь и, на колѣняхъ передъ гробомъ, будетъ громко испрашивать себѣ прощенія, и что все это должно быть такъ по закону. Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, и Марья Александровна не явилась въ церковь. Мы и забыли сказать, что, тотчасъ по возвращеніи Зины домой, ея маменька въ тотъ же вечеръ рѣшилась переѣхать въ деревню, считая болѣе невозможнымъ оставаться въ городѣ. Тамъ тревожно прислушивалась она изъ своего угла къ городскимъ слухамъ, посылала на развѣдки узнать о пріѣзжѣмъ лицѣ и все время была въ лихорадкѣ. Дорога, изъ монастыря въ Духаново, проходила менѣе, чѣмъ въ верстѣ отъ окошекъ ея деревяннаго дома — и потому Марья Александровна могла удобно разсмотрѣть длинную процессію, потянувшуюся изъ монастыря въ Духаново послѣ отпѣванія. Гробъ везли на высокихъ дрогахъ; за нимъ тянулась длинная вереница экипажей, провожавшихъ покойника до поворота въ городъ. И долго еще чернѣли на бѣлоснѣжномъ полѣ эти мрачныя дроги, везомыя тихо, съ подобающимъ величіемъ. Но Марья Александровна не могла смотрѣть долго, и отошла отъ окна.

Черезъ недѣлю она переѣхала въ Москву, съ дочерью и Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, а черезъ мѣсяцъ узнали въ Мордасовѣ, что подгородная деревня Марьи Александровны и городской домъ продаются. И такъ, Мордасовъ на вѣки терялъ такую комъ-иль-фотную даму! Не обошлось и тутъ безъ злоязычія. Стали, напримѣръ, увѣрять, что деревня продается вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ... Прошелъ годъ, другой, и объ Марьѣ Александровнѣ почти совершенно забыли. Увы! такъ всегда ведется на свѣтѣ! Рассказывали, впрочемъ, что она купила себѣ другую деревню и переѣхала въ другой губернской городъ, въ которомъ, разумѣется, уже забрала всѣхъ въ руки, что Зина еще до сихъ поръ не замужемъ, что Аѳанасій Матвѣичъ... Но, впрочемъ, нечего повторять эти слухи; все это очень невѣрно.

Прошло три года, какъ я дописалъ послѣднюю строчку перваго отдѣла мордасовской лѣтописи, и кто бы могъ подумать, что мнѣ еще разъ придется развернуть мою рукопись и прибавить еще одно извѣстіе къ моему разсказу. Но къ дѣлу! Начну съ Павла Александровича Мозглякова. Стушевавшись изъ Мордасова, онъ отправился прямо въ Петербургъ, гдѣ и получилъ благополучно то служебное мѣсто, которое ему давно обѣщали. Вскорѣ онъ забылъ всѣ мордасовскія событія, пустился въ вихрь свѣтской жизни, на Васильевскомъ островѣ и въ Галерной гавани, жуировалъ, волочился, не отставалъ отъ вѣка, влюбился, сдѣлалъ предложеніе, сдѣлалъ еще разъ отказъ и, не переваривъ его, по вѣтренности своего характера и отъ нечего дѣлать, испросилъ себѣ мѣсто въ

одной экспедиціи, назначавшейся въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего безбрежнаго отечества, для ревизіи или для какой-то другой цѣли, навѣрно не знаю. Экспедиція благополучно проѣхала всѣ лѣса и пустыни и, наконецъ, послѣ долгаго странствія, явилась въ главномъ городѣ «отдаленнѣйшаго края» къ генераль-губернатору. Это былъ высокій, худощавый и строгій генераль, старый воинъ, израненный въ сраженіяхъ, съ двумя звѣздами и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ принялъ экспедицію важно и чинно и пригласилъ всѣхъ составлявшихъ ее чиновниковъ къ себѣ на балъ, дававшійся въ тотъ же самый вечеръ, по случаю именинъ генераль-губернаторши. Павелъ Александровичъ былъ этимъ очень доволенъ. Нарядившись въ свой петербургскій костюмъ, въ которомъ намѣренъ былъ произвести эффектъ, онъ развязно вошелъ въ большую залу, хотя тотчасъ же немного осѣлъ, при видѣ множества витыхъ и густыхъ эпалетъ и статскихъ мундировъ со звѣздами. Нужно было откланяться генераль-губернаторшѣ, о которой онъ уже слышалъ, что она молода и очень хороша собою. Подошелъ онъ даже съ форсомъ и, вдругъ, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Передъ нимъ стояла Зина, въ великолѣпномъ балномъ платьѣ и брилліантахъ, гордая и надменная. Она совершенно не узнала Павла Александровича. Ея взглядъ небрежно скользнулъ по его лицу и тотчасъ же обратился на кого-то другаго. Пораженный Мозгляковъ отошелъ къ сторонкѣ, и въ толпѣ столкнулся съ однимъ робкимъ молодымъ чиновникомъ, который какъ будто пугался самаго себя, очутившись на генераль-губернаторскомъ балѣ. Павелъ Александровичъ немедленно принялся его разспрашивать и узнать чрезвычайно интересныя вещи. Онъ узналъ, что генераль-губернаторъ уже два года, какъ женился, когда ѣздилъ въ Москву изъ «отдаленнаго края», и что взялъ онъ чрезвычайно богатую дѣвицу, изъ знатнаго дома. Что генеральша «ужасно хороша *изъ себя съ*, даже, можно сказать, первыя красавицы-съ, но держатъ себя чрезвычайно гордо, а танцуютъ только съ одними генералами-съ», — что на настоящемъ балѣ всѣхъ генераловъ, своихъ и пріѣзжихъ, девять, включая въ то число и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, — что, наконецъ, «у генеральши есть маменька-съ, которая и живетъ вмѣстѣ съ нею и что эта маменька-съ пріѣхала изъ самаго высшаго общества-съ и очень умны-съ»; — но что и сама маменька безпрекословно подчиняется волѣ своей дочери, а самъ генераль-губернаторъ ненавидитъ и ненадышится на свою супругу. Мозгляковъ заикнулся было объ Аванасѣ Матвѣичѣ, но въ «отдаленномъ краю» объ немъ не имѣли ни-

какого понятія. Ободрившись немного, Мозгляковъ прошелся по комнатамъ и, вскорѣ, увидѣлъ и Марью Александровну, великолѣпно разряженную, размахивающую дорогимъ вѣеромъ и съ одушевленіемъ говорящую съ одною изъ особъ 4-го класса. Кругомъ нея тѣснилось нѣсколько припадавшихъ къ покровительству дамъ, и Марья Александровна, по-видимому, была необыкновенно любезна со всѣми. Мозгляковъ рискнулъ представиться. Марья Александровна немного, какъ будто, вздрогнула, но тотчасъ же, почти мгновенно, оправилась. Она съ любезностью благоволила узнать Павла Александровича; спросила о его петербургскихъ знакомствахъ, спросила отъ чего онъ не за границей? Объ Мордасовѣ не сказала ни слова, какъ будто его и не было на свѣтѣ. Наконецъ, пропзнеся имя какого-то петербургскаго важнаго князя и освѣдомясь о его здоровьѣ, хотя Мозгляковъ и понятія не имѣлъ объ этомъ князѣ, она незамѣтно обратилась къ одному подошедшему сановнику въ душистыхъ сѣдпахъ и, черезъ минуту, совершенно забыла стоявшаго передъ нею Павла Александровича. Съ саркастической улыбкой и со шляпой въ рукахъ, Мозгляковъ воротился въ большую залу. Непозвѣстно почему, считая себя уязвленнымъ и даже оскорбленнымъ, онъ рѣшился не танцовать. Угрюмо-разсѣянный видъ, ѣдкая мефистофелевская улыбка не сходили съ лица его во весь вечеръ. Живописно прислонился онъ къ колоннѣ (зала, какъ нарочно, была съ колоннами) и въ продолженіе всего бала, нѣсколько часовъ съ ряду, простоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя своими взглядами Зину. Но увъ! всѣ фокусы его, всѣ необыкновенныя позы, разочарованный видъ и проч. и проч., все пропало даромъ. Зина совершенно незамѣчала его. Наконецъ, взбѣшенный, съ заболѣвшими отъ долгой стоянки ногами, голодный, потому что не могъ же онъ остаться ужинать, въ качествѣ влюбленнаго и страдающаго, — воротился онъ на квартиру, совершенно измученный и какъ будто кѣмъ-то прибитый. Долго не ложился онъ спать, припоминая давно забытое. На другое же утро представилась какая-то командировка и Мозгляковъ, съ наслажденіемъ, выпросилъ ее себѣ. Онъ даже освѣжился душой, выѣхавъ изъ города. На безконечномъ, пустынномъ пространствѣ лежалъ снѣгъ ослѣпительною пеленою. На краю, на самомъ склонѣ неба, чернѣлись лѣса.

Рѣяные кони мчались, взрывая снѣжный прахъ копытами. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжій и здоровый, совершенно съ другими мыслями.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО

И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Вступленіе.

Дядя мой, полковникъ Егоръ Ильичъ Ростаневъ, выйдя въ отставку, переселился въ перешедшее къ нему по наслѣдству село Степанчиково и зажилъ въ немъ такъ, какъ будто всю жизнь свою былъ кореннымъ, невѣзжавшимъ изъ своихъ владѣній помѣщикомъ. Есть натуры рѣшительно всѣмъ довольныя и ко всему привыкающія; такова была именно натура отставнаго полковника. Трудно было себѣ представить человѣка смиреннѣе и на все согласнѣе. Еслибъ его вздумали попросить по серьезнѣе довести кого-нибудь версты двѣ на своихъ плечахъ, то онъ бы, можетъ быть, и довелъ: онъ былъ такъ добръ, что въ иной разъ готовъ былъ рѣшительно все отдать по первому спросу и подѣлиться чуть не послѣдней рубашкой съ первымъ желающимъ. Наружности онъ былъ богатырской: высокій и стройный, съ румяными щеками, съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, съ длиннымъ темно-русымъ усомъ, съ голосомъ громкимъ, звонкимъ и съ откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ; говорилъ отрывисто и скороговоркою. Отъ роду ему было въ то время лѣтъ сорокъ, и всю жизнь свою, чуть не съ шестнадцати лѣтъ, онъ пробылъ въ гусарахъ. Женился въ очень молодыхъ годахъ, любилъ свою жену безъ памяти; но она умерла, оставивъ въ его сердцѣ неизгладимое, благодарное воспоминаніе. Наконецъ, получивъ въ наслѣдство село Степанчиково, что увеличило его состояніе до шестисотъ душъ, онъ оставилъ службу и, какъ уже сказано было, поселился въ деревнѣ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми: восьмилѣтнимъ Илюшей (рожденіе котораго стоило жизни его матери) и старшей дочерью, Сашенькой, дѣвочкой лѣтъ пятнадцати, воспитывавшейся, по смерти матери, въ одномъ пансіонѣ, въ Москвѣ. Но вскорѣ домъ дяди сталъ похожъ на ноевъ ковчегъ. Вотъ какъ это случилось:

Въ то время, когда онъ получилъ свое наслѣдство и вышелъ въ отставку, овдовѣла его мамень-

ка, генеральша Крахоткина, вышедшая въ другой разъ замужъ за генерала, назадъ лѣтъ шестнадцать, когда дядя былъ еще корнетомъ, но, впрочемъ, уже самъ задумывалъ жениться. Маменька долго не благословляла его на женитьбу, проливая горькія слезы, укоряла его въ эгоизмѣ, въ неблагодарности, въ непочтительности; доказывала, что имѣнія его, двухъ-сотъ-пятидесяти душъ, и безъ того едва достаточно на содержаніе его семейства (то-есть, на содержаніе его маменьки, со всѣмъ ея штабомъ приживалокъ, мосекъ, шпицовъ, китайскихъ кошекъ и проч.), и среди этихъ укоровъ, попрековъ и взвизгиваній, вдругъ, совершенно неожиданно, вышла замужъ сама, прежде женитьбы сына, будучи уже сорока двухъ, лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, и тутъ она нашла предлогъ обвинить моего бѣднаго дядю, увѣряя, что идетъ замужъ единственно, чтобъ имѣть убѣжище на старости лѣтъ, въ чемъ отказываетъ ей непочтительный эгоистъ, ея сынъ, задумавъ непростительную дерзость: завестись своимъ домомъ.

Я никогда не могъ узнать настоящую причину, побудившую такого, повидимому, разсудительнаго человѣка, какъ покойный генералъ Крахоткинъ, къ этому браку съ сорока-двухъ-лѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ рой болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генералъ глубоко не уважалъ жену свою во все время своего съ ней сожительства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человѣкъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и каждого, не имѣлъ никакихъ правилъ, смѣялся надъ всѣмъ и надъ всѣми, и къ старости, отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ несовсѣмъ правильной и преследной жизни, сдѣлался золь, раздражителемъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно; однако принужденъ былъ, по какому-то «непріятному случаю», очень неладно выдти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило

его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней раззоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизнь, цѣля двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся, чѣмъ онъ живетъ, кто содержитъ его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣднія десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя сажеными лакеями, которые никогда ничего отъ него не слыхали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылая матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себя въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки названіе эгоиста, и неблагодарнаго сына осталось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылалъ денегъ. Генеральша благоговѣла передъ своимъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генералъ, а она по немъ — генеральша.

Въ домѣ у ней была своя половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она проводила въ обществѣ приживалокъ, городскихъ вѣстовщицъ и фиделетъ. Въ своемъ городѣ она была важнымъ лицомъ. Сплетни, приглашенія въ крестныя и посаженныя матери, копеечный преферансъ и всеобщее уваженіе за ея генеральство вполне вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами; ей всегда и вездѣ было первое мѣсто, — словомъ, она извлекала изъ своего генеральства все, что могла извлечь. Генералъ во все это не вмѣшивался; но за то при людяхъ — онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, напримѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на «такой противнѣ?» — и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало по малу его оставили всѣ знакомые; а между тѣмъ общество было ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любилъ, чтобъ передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго покроя, а потому любилъ потрачивать и о высокихъ матеріяхъ.

Но слушатели городка N* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея приживалки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогѣ и съ трепетомъ ожидали послѣ-обѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть чуть не побой. Генералъ, когда что ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ какъ баба,

ругался какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнеровъ, даже плакалъ съ досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого нибудь валета, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія, ему понадобился чтець. Тутъ-то и явился Ома Оомичъ Олпскинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвѣщаю объ этомъ повомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа. На сколько оно имѣетъ право на вниманіе читателя — объяснять не стану: такой вопросъ приличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Ома Оомичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба — ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся — покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Говорили, во-первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужъ, разумѣется, «за правду». Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудренаго нѣтъ; грязное же невѣжество Омы Оомича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достоверно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, въ послѣдствіи, по смерти генерала, когда самъ Ома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ; что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непобѣдимый, и что одному ему, Омѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что, наконецъ, если онъ, Ома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и инныя живыя картины, то единственно, чтобъ развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Омы Оомича, въ этомъ случаѣ, подвергаются большому сомнѣнію; а между тѣмъ, тотъ же Ома Оомичъ, еще будучи шутомъ, разыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ — трудно представить неспециалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, — за что? неизвѣстно. Мало по малу онъ достигъ надъ всей женскою половиною генеральскаго дома удивительнаго вліянія, отчасти похожаго на вліянія различныхъ Иванъ-Яковлевичей и тому подобныхъ мудрецовъ и прорицателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любителейницъ. Онъ читалъ вслухъ душевспасительныя книги, толковалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; разсказывалъ свою жизнь и подвиги; хо-

дѣлѣ къ обѣднѣ и даже къ заутрени, отчасти предсказывалъ будущее; особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генералъ догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Оомы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генералъ умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, подымалъ образа, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать и даже со слезами просилъ прощенія у Оомы Оомича. Последнее обстоятельство придавало Оомѣ Оомичу вполнѣтнѣе необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральской души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь генеральши отъ перваго брака, тетюшка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ—одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безножія для безпрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватою и безотвѣтною кротостью—подошла къ его постели, проливая горькія слезы, и хотѣла было поправить подушку подъ головою страдальца; но страдалецъ усиленно-таки схватилъ ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не пѣнясь отъ злости. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковнику, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ вѣдѣть его, что скорѣе умретъ, чѣмъ пустить его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя—разумѣется, насчетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ раззоренномъ селѣ Князевкѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, срденамъ и генеральству усопшаго. Оома Оомичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго ломалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и ужъ, разумѣется, «запивать его своими слезами», что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаваніе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу «непокорнаго» переѣхать къ нему въ Степанчиково, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога*, употребленное въ этомъ смыслѣ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно произносила его... Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что во

время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже по-маленьку укладывались для переѣзда въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти каждодневно по сороку верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Оома Оомичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и стыдилъ непокорнаго «безчеловѣчнымъ» его поведеніемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ этого-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Оомы Оомича на моего бѣднаго дядю. Оома догадался, какой передъ нимъ челоуѣкъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута и что на безлюдьи и Оома можетъ быть дворяниномъ. За то и наверсталъ же онъ свое.

— Каково же будетъ вамъ, говорилъ Оома:—если собственная ваша мать, такъ сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее, дрожащими и изсохшими отъ голода руками начнетъ въ самомъ дѣлѣ испрашивать себѣ подаванія? Не чудовищно ли это, во-первыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а во-вторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой—но вѣдь это можетъ случиться—подъ ваши же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ вы, родной сынъ ея, можете быть въ эту самую минуту утопаете гдѣ нибудь въ пуховой перинѣ и... ну, вообще въ роскоши! Ужасно, ужасно! но всего ужаснѣе то—позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ—всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь передо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что даже неприлично, тогда какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы бы должны были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить ручьи... что я говорю! рѣки, озера, моря, океаны слезъ!..

Словомъ, Оома, отъ излишняго жара, зарпортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчія. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, собачками, съ Оомой Оомичемъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной наперсницей, ослезливила, наконецъ, своимъ прибытіемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтительность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своею обязанностью въ недѣлю два или три впадать въ отчаяніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ; причемъ, неизвѣстно за что, акуратно *каждый* разъ доставало полковнику. Иногда, особенно при чиханіи-нибудь посѣщеніяхъ, подозвавъ къ себѣ своего внука, маленькаго Илюшу и пятнадцатилѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ

подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала и, наконецъ, заливалась безмолвными, таинственными слезами по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзамень. Но почтительность его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша и Оома Оомичъ, почувствовали вполнѣ, что прошла гроза, гремѣвшая надъ ними столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина, — прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша вдругъ, ни съ того ни съ сего, покатится на диванѣ въ обморокъ. Подымется бѣготня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожить, какъ осповый листъ.

— Жестокій сынъ! кричитъ генеральша, очнувшись: — ты растерзалъ мои внутренности... *mes entrailles, mes entrailles!*

— Да чѣмъ же, маменька, я растерзалъ ваши внутренности? робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Онъ грубитъ! Жестокій сынъ! умираю!..

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случалось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуетъ кому нибудь, взявъ его за пуговицу:

— Ну, да вѣдь она, братецъ, *grande dame*, генеральша! дѣрзѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему эдакому утонченному... не чета мнѣ, вахлаку! Теперь на меня сердится. Оно, конечно, — я виноватъ. Я, братецъ, еще не знаю, чѣмъ я именно провинился, но ужь, конечно, я виноватъ...

Случалось, что дѣвица Перепелицына, перезрѣлое и шипящее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ тоненькими, какъ ниточка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ рассолѣ, считала своею обязанностью прочесть наставленіе полковнику:

— Это оттого, что вы непочтительны-сь. Это оттого, что вы эгоисты-сь, оттого вы и оскорбляете маменьку-сь: они къ этому не привыкли-сь. Они генеральши-сь, а вы еще только полковники-сь.

— Это, братъ, дѣвица Перепелицына, замѣчаетъ полковникъ своему слушателю: — превосходнѣйшая дѣвица, горой стоитъ за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думай, что она приживалка какая нибудь; она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. А же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіе разнообразныя фокусы, въ свою очередь трепетала, какъ мышка, передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Оома Оомичъ заворожилъ ее окончательно. Она не надыхала на него, слы-

шала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусаръ, человекъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ непозволительной связи съ Оомой Оомичемъ. Разумѣется, я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ ужь слишкомъ грубое и простодушное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Оомы Оомича такъ, какъ я самъ его понималъ впоследствии.

Представьте же себѣ человѣчка, самаго ничтожнаго, самаго малодушнаго, выкидыша изъ общества, никому ненужнаго, совершенно бесполезнаго, совершенно гаденькаго, но необъятно самолюбиваго и, въ добавокъ, неодареннаго рѣшительно ничѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ, хоть сколько нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбіе. Предупреждаю заранѣе: Оома Оомичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно: случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, загнаннымъ давно-давно и съ тѣхъ поръ выдавливающимъ изъ себя зависть и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Можетъ быть, спросятъ: откуда берется такое самолюбіе? какъ зарождается оно, при такомъ полномъ ничтожествѣ, въ такихъ жалкихъ людяхъ, которые уже, по социальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ и дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объясняется впоследствии. Однакожь, позвольте спросить: увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями — увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ?.. Кто знаетъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе распаляется именно отъ этого же самаго униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно-вырастающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ, въ дѣт-

ствѣ, гнѣтомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ? Но я сказалъ, что Оома Оомичъ есть, къ тому же, и исключеніе изъ общаго правила. Это и правда. Онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и непризнанъ; а литература способна загубить и не одного Оому Оомича — разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Оомѣ Оомичу не удалось еще и прежде литературы; можетъ быть, и на другихъ карьерахъ онъ получалъ одни только щелчки, вмѣсто жалованья, или что нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно; но я вполнѣдствіи справлялся и навѣрно знаю, что Оома дѣйствительно сотворилъ когда-то въ Москвѣ романчикъ, весьма похожій на тѣ, которые стряпались тамъ въ тридцатыхъ годахъ ежегодно десятками, въ родѣ различныхъ «Освобожденій Москвы», «Атамановъ Бурь», «Сыновей любви, или русскихъ въ 1104-мъ году» и проч. и проч., романовъ, доставлявшихъ въ свое время пріятную пищу для остроумія барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно; но змѣя литературнаго самолюбія жалитъ иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожныхъ и глуповатыхъ. Оома Оомичъ былъ огорченъ съ перваго литературнаго шага и тогда же окончательно примкнулъ къ той огромной фалангѣ огорченныхъ, изъ которой выходятъ потомъ всѣ юродивые, всѣ скитальцы и странники. Съ того же времени, я думаю, и развилась въ немъ эта уродливая хвастливость, эта жажда похвалъ и отличій, поклоненій и удивленій. Онъ и въ шуткахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только, чтобъ гдѣ нибудь, какъ нибудь первенствовать, прорицать, покровкаться и похвастаться — вотъ была главная потребность его! Его не хвалили — такъ онъ самъ себя началъ хвалить. Я самъ слышалъ слова Оомы въ домѣ дяди, въ Степанчиковѣ, когда уже онъ сталъ тамъ полнымъ владыкою и прорицателемъ: «не жилецъ я между вами», говорилъ онъ иногда съ какою-то таинственною важною: «Не жилецъ я здѣсь! Посмотрю, устрою васъ всѣхъ, покажу, научу и тогда прощайте: въ Москву, издавать журналъ! Тридцать тысячъ человекъ будутъ собирать на мои лекціи ежемѣсячно. Грянетъ, наконецъ, мое имя, и тогда — горе врагамъ моимъ!» Но геній, покамѣстъ, еще собрался прославиться, требовалъ награды немедленной. Вообще пріятно получать плату впередъ, а въ этомъ случаѣ особенно. Я знаю, онъ серьезно увѣрилъ дядю, что ему, Оомѣ, предстоитъ величайшій подвигъ, подвигъ, для котораго онъ и на свѣтѣ призванъ и къ совершенію котораго поуждаетъ его какой-то человекъ съ крыльями, являющийся ему по ночамъ, или что то въ родѣ того. Именно: написать одно глубокомысленнѣйшее сочиненіе въ душеспасительномъ родѣ, отъ котораго произойдетъ всеобщее землетрясеніе и затрепщитъ вся Россія. И когда уже затрепщитъ вся Россія, то онъ, Оома, пренебрегая славой, пойдетъ въ мона-

стырь и будетъ молиться день и ночь въ кievскихъ пещерахъ о счастіи отечества. Все это, разумѣется, обольстило дядю.

Теперь представьте же себѣ, что можетъ сдѣлаться изъ Оомы, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго, и даже, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ битаго, изъ Оомы втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ Оомы-огорченнаго литератора, изъ Оомы-шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Оомы въ душѣ деспота, не смотря на все предъидущее ничтожество и безсиліе, изъ Оомы-хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Оомы, вдругъ поповаваго въ честь и въ славу, возлелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идіоткѣ-покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ, наконецъ, послѣ долгихъ странствованій? О характерѣ дяди я, конечно, обязанъ объяснить подробнѣе: безъ этого непонятенъ и успѣхъ Оомы Оомича. Но, покамѣстъ, скажу, что съ Оомой именно сбылась пословица: посади за столъ, онъ и ноги на столъ. Наверсталъ-таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ подъ гнѣта, сама гнететь. Оому угнетали — и онъ тотчасъ же ощутилъ потребность самъ угнетать; надъ нимъ ломались — и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться. Онъ былъ шутомъ и тотчасъ же ощутилъ потребность завести и своихъ шутовъ. Хвастался онъ до нелѣпости, ломался до невозможности, требовалъ птичьяго молока, тиранствовалъ безъ мѣры, и дошло до того, что добрые люди, еще не бывъ свидѣтелями всѣхъ этихъ продѣлокъ, а слушая только розказни, считали все это за чудо, за наважденіе, крестились и отплывшались.

Я говорилъ о дядѣ. Безъ объясненія этого замѣчательнаго характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцареніе Оомы Оомича въ чужомъ домѣ; непонятна эта метаморфоза изъ шута въ великаго человека. Мало того, что дядя былъ добръ до крайности — это былъ человекъ утонченной деликатности, несмотря на нѣсколько грубую наружность, высочайшаго благородства, мужества испытаннаго. Я смѣло говорю «мужества»: онъ не остановился бы передъ обязанностью, передъ долгомъ, и въ этомъ случаѣ не побоялся бы никакихъ преградъ. Душою онъ былъ чистъ, какъ ребенокъ. Это былъ дѣйствительно ребенокъ въ сорокъ лѣтъ, экспансивный въ высшей степени, всегда веселый, предполагавшій всѣхъ людей ангелами, обвинявшій себя въ чужихъ недостаткахъ и преувеличивавшій добрыя качества другихъ до крайности, даже предполагавшій ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не могло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благороднѣйшихъ и цѣломудреннѣйшихъ сердцемъ людей, которые даже стыдятся предположить въ другомъ человекѣ дурное, торопливо наряжаютъ своихъ ближнихъ во всѣ добродѣтели, радуются чужому успѣху, живутъ такимъ образомъ постоянно въ идеальномъ мірѣ, а при неудачахъ прежде всѣхъ обвиняютъ самихъ себя. Жертвовать собою интересамъ другихъ — ихъ призваніе. Иной бы назвалъ

его и малодушнымъ, и безхарактернымъ, и слабымъ. Конечно, онъ былъ слабъ и даже ужъ слишкомъ мягокъ характеромъ, но не отъ недостатка твердости, а изъ боязни оскорбить, поступить жестоко, изъ излишняго уваженія къ другимъ и къ человѣку вообще. Впрочемъ, безхарактеренъ и малодушенъ онъ былъ единственно, когда дѣло шло о его собственныхъ выгодахъ, которыми онъ пренебрегалъ въ высочайшей степени, за что всю жизнь подвергался насмѣшкамъ, и даже нерѣдко отъ тѣхъ, для которыхъ жертвовалъ этими выгодами. Впрочемъ, онъ никогда не вѣрилъ, чтобы у него были враги; они, однакожъ, у него бывали, но онъ ихъ какъ-то не замѣчалъ. Шуму и крику въ домѣ онъ боялся, какъ огня, и тотчасъ же всѣмъ уступалъ и всему подчинялся. Уступалъ онъ изъ какого-то застѣнчиваго добродушія, изъ какой-то стыдливой деликатности, «чтобъ уже такъ», говорилъ онъ скороговоркою, отдаляя отъ себя всѣ посторонніе упреки въ потворствѣ и слабости — «чтобъ ужъ такъ... чтобъ ужъ всѣ были довольны и счастливы!» Нечего и говорить, что онъ готовъ былъ подчиниться всякому благородному вліянію. Мало того, ловкій подлецъ могъ совершенно имъ овладѣть и даже сманить на дурное дѣло, разумѣется, замаскировавъ это дурное дѣло въ благородное. Дядя чрезвычайно легко вѣрялся другимъ, и въ этомъ случаѣ былъ далеко не безъ ошибокъ. Когда же, послѣ многихъ страданій, онъ рѣшался, наконецъ, увѣриться, что обманувшій его человѣкъ безчестенъ, то прежде всѣхъ обвинялъ себя, а нерѣдко и одного себя. Представьте же себѣ теперь вдругъ воцарившуюся въ его тихомъ домѣ капризную, выживавшую изъ ума идіотку, неразлучно съ другимъ идіотомъ — ея идоломъ, боявшуюся до сихъ поръ только своего генерала, а теперь уже ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаградить себя за все прошлое, — идіотку, передъ которой дядя считалъ своею обязанностью благоговѣть уже потому только, что она была мать его. Начали съ того, что тотчасъ же доказали дядѣ, что онъ грубъ, нетерпѣливъ, невѣжественъ и, главное, эгоистъ въ высочайшей степени. Замѣчательно то, что идіотка-старуха сама вѣрпла тому, что она проповѣдывала. Да — я думаю, и Ома Омпчъ также, по крайней мѣрѣ отчасти. Убѣдилъ дядю и въ томъ, что Ома посланъ ему самимъ Богомъ для спасенія души его и для усмиренія его необузданныхъ страстей, что онъ гордъ, тщеславится своимъ богатствомъ и способенъ попрекнуть Ому Омпча кускомъ хлѣба. Бѣдный дядя очень скоро увѣровалъ въ глубину своего паденія, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, просить прошенія....

— Я, братецъ, самъ виноватъ — говоритъ онъ, бывало, комунибудь изъ своихъ собесѣдниковъ — во всемъ виноватъ! Вдвое надо быть деликатнѣе съ человѣкомъ, котораго одолжаешь.... то есть... что я! какое одолжаешь!... опять совралъ! вовсе не одолжаешь; онъ меня, напротивъ, одолжаетъ

тѣмъ, что живетъ у меня, а не я его! Ну, а я попрекнулъ его кускомъ хлѣба!... то есть я вовсе не попрекнулъ, но видно такъ, что нибудь съ языка сорвалось — у меня часто съ языка срывается... Ну, а наконецъ, человѣкъ страдалъ, дѣлалъ подвиги; десять лѣтъ, несмотря ни на какія оскорбленія, ухаживалъ за больнымъ другомъ: все это требуетъ награды! ну, наконецъ, и наука... писатель! образованнѣйшій человѣкъ! благороднѣйшее лицо — словомъ...

Образъ Оомы, образованнаго и несчастнаго, въ шуткахъ у капризнаго и жестокаго барина, надрывалъ благородное сердце дяди сожалѣніемъ и негодованіемъ. Всѣ странности Оомы, всѣ неблагородныя его выходки дядя тотчасъ же приписалъ его прежнимъ страданіямъ, его униженію, его озлобленію... онъ тотчасъ же рѣшилъ въ нѣжной и благородной душѣ своей, что съ страдальца нельзя и спрашивать, какъ съ обыкновеннаго человѣка; что не только надо прощать ему, но, сверхъ того, надо кротостью улаживать его раны, возстановить его, примирить его съ человѣчествомъ. Задавъ себѣ эту цѣль, онъ воспламенился до крайности и уже совсѣмъ потерялъ способность хоть какую нибудь замѣтить, что новый другъ его — сластолюбивая, капризная тварь, эгоистъ, лѣнтяй, лежебокъ — и больше ничего. Въ ученость же и въ геніальность Оомы онъ вѣрилъ беззавѣтно. Я и забылъ сказать, что передъ словомъ «наука» или «литература», дядя благоговѣлъ самымъ наивнымъ и безкорыстнѣйшимъ образомъ, хотя самъ никогда и ничему не учился.

Это была одна изъ его капитальныхъ и невиннѣйшихъ странностей.

— Сочиненіе писать! говоритъ онъ, бывало, хотя на цыпочкахъ еще за двѣ комнаты до кабинета Оомы Омпча. — Не знаю, что именно — прибавлялъ онъ съ гордымъ и таинственнымъ видомъ: — но ужъ вѣрно, братъ; такая бурда... то-есть въ благородномъ смыслѣ бурда. Для кого ясно, а для насъ, братъ, съ тобой такая кувыркалегія, что... Кажется, о производительныхъ силахъ какихъ-то пишетъ, — самъ говорилъ. Это, вѣрно, что-нибудь изъ политики. Да, грянетъ и его имя! Тогда и мы съ тобой черезъ него прославимся. Опъ, братъ, мнѣ это самъ говорилъ...

Мнѣ положительно извѣстно, что дядя, по приказанію Оомы, принужденъ былъ сбрызнуть свои прекрасные, темпорусые бакенбарды. Тому показалось, что съ бакенбардами дядя похожъ на француза и что, поэтому, въ немъ мало любви къ отечеству. Мало-по-малу Ома сталъ выѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и давать мудрые совѣты. Эти мудрые совѣты были ужасны. Крестьяне скоро поняли, въ чемъ дѣло и кто настоящій господинъ, и сильно почесывали затылки. Я самъ впоследствии слышалъ одинъ разговоръ Оомы Омпча съ крестьянами: этотъ разговоръ, признаюсь, я подслушалъ. Ома еще прежде объявилъ, что любить поговорить съ умнымъ русскимъ мужицкомъ.

И вотъ, разъ, онъ зашелъ на гумно; поговоривъ съ мужичками о хозяйствѣ, хотя самъ не умѣлъ отличить овса отъ пшеницы, сладко потолковавъ о священныхъ обязанностяхъ крестьянина къ господину, коснувшись слегка электричества и раздѣленія труда, въ чемъ разумѣется, не понималъ ни строчки, растолковавъ своимъ слушателямъ, какимъ образомъ земля ходитъ около солнца и, наконецъ, совершенно умилившись душой отъ собственного краснорѣчія, онъ заговорилъ о миннѣстрахъ. Я это понялъ. Вѣдь рассказывалъ же Пушкинъ про одного папеньку, который внушалъ своему четырехлѣтнему сынишкѣ, что онъ, его папенька, «такой хляблій, что папеньку любитъ государь...» Вѣдь нуждался же этотъ папенька въ четырехлѣтнемъ слушателѣ? Крестьяне же всегда слушали Оому Оомича съ подобострастіемъ.

— А што, батюшка, много ль ты царскаго-то жалованья получалъ? спросилъ его вдругъ одинъ сѣденькій старичокъ, Архипъ Короткій, по прозвищу, изъ толпы другихъ мужичковъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подольститься; но Оомѣ Оомичу показался этотъ вопросъ фамплярнымъ; а онъ терпѣть не могъ фамплярности.

— А тебѣ какое дѣло, пехтерь? отвѣчалъ онъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на бѣднаго мужичонка. — Что ты мнѣ моську-то свою выставилъ: плюнуть мнѣ, что ли, въ нее?

Оома Оомичъ всегда разговаривалъ въ такомъ тонѣ съ «умнымъ русскимъ мужичкомъ».

— Отецъ ты нашъ... подхватилъ другой мужичокъ: — вѣдь мы люди темные. Можетъ, ты майоръ, аль полковникъ, аль само ваше сіятельство, — какъ и величать-то тебя не вѣдаемъ.

— Пехтерь! повторилъ Оома Оомичъ, однакожь смягчился. — Жалованье жалованью розъ, посконная ты голова! Другой и въ генеральскомъ чинѣ, да ничего не получаетъ — значить, не за что: пользы царю не приносятъ. А я вотъ двадцать тысячъ получалъ, когда у министра служилъ, да и тѣхъ не бралъ, потому, я изъ чести служилъ, свой былъ достатокъ. Я жалованье свое на государственное просвѣщеніе, да на погорѣлыхъ жителей Казани жертвовалъ.

— Вишь ты! Такъ это ты Казань-то обстроилъ, батюшка? продолжалъ удивленный мужикъ.

Мужики, вообще, дивились на Оому Оомича.

— Ну, да, и моя тамъ есть доля отвѣчалъ Оома, какъ-бы нехотя, какъ будто самъ на себя досадуя, что удостоилъ *такого* человѣка *такимъ* разговоромъ.

Съ дядей разговоры были другого рода.

— Прежде кто вы были? говоритъ, напимѣрь, Оома, развалиясь послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, причемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него свѣжей липовой вѣткой мухъ. На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ ли я въ васъ искру небеснаго огня, или

нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру, или нѣтъ?

Оома Оомичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди тотчасъ же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забитый, теперь вспыхивалъ, какъ порохъ, при каждомъ малѣйшемъ противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ искра, или нѣтъ?

Дядя мнется, жметса и не знаетъ, что предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, замѣчаетъ Оома обидчивымъ голосомъ.

— Mais repondez donc, Егорушка! подхватываетъ генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ ли въ васъ эта искра, или нѣтъ? снисходительно повторяетъ Оома, взявъ конфетку изъ бонбоньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столѣ. Это ужъ распоряженіе генеральши.

— Ей-Богу не знаю, Оома, отвѣчаетъ наконецъ дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ: — должно быть что нибудь есть въ этомъ родѣ... Право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я сокру что нибудь...

— Хорошо! такъ по-вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта — вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ; пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Оома, Богъ съ тобой! Ну когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! пусть буду я лгуны! пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ; пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это — я все перенесу...

— Mais mon fils... вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Оома Оомичъ! маменька! восклицаетъ дядя въ отчаяніи: ей-Богу же я не виноватъ! такъ развѣ, нечаянно, съ языка сорвалось!.. Ты не смотри на меня, Оома: я вѣдь глупъ — самъ чувствую, что глупъ; самъ слышу въ себѣ, что нескладно... Знаю, Оома, все знаю! ты ужъ и не говори! продолжаетъ онъ, махая рукой. — Сорокъ лѣтъ прожилъ и до сихъ поръ, до самой той поры, какъ тебя узналъ, все думалъ про себя, что человѣкъ... ну и все тамъ, какъ слѣдуетъ. А вѣдь и не замѣчалъ до сихъ поръ, что грѣшенъ, какъ козелъ, эгоистъ первой руки и надѣлалъ зла такую кучу, что диво, какъ еще земля держитъ!

— Да, вы-таки эгоистъ! замѣчаетъ удовлетворенный Оома Оомичъ.

— Да ужъ я и самъ понимаю теперь, что эгоистъ! Нѣтъ шабашъ! исправлюсь и буду добрѣ!

— Дай-то Богъ! заключаетъ Оома Оомичъ, благочестиво вздыхая и подымаясь съ кресла, чтобы отойти къ послѣобѣденному сну. Оома Оомичъ всегда почивалъ послѣ обѣда.

Въ-заключеніе этой главы, позвольте мнѣ сказать собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и объяснить, какимъ образомъ я вдругъ поставленъ былъ глазъ-на-глазъ съ Оомой Оомичемъ и, нежданно-негаданно, внезапно попалъ въ круговоротъ самыхъ важнѣйшихъ происшествій изъ всѣхъ, случившихся когда нибудь въ благословенномъ селѣ Степанчиковѣ. Такимъ образомъ, я намѣренъ заключить мое предисловіе и прямо перейти къ разсказу.

Въ дѣтствѣ моемъ, когда я опиротѣлъ и остался одинъ на свѣтѣ, дядя замѣнилъ мнѣ собою отца, воспиталъ меня на свой счетъ и — словомъ, сдѣлалъ для меня то, что не всегда сдѣлаетъ и родной отецъ. Съ перваго же дня, какъ онъ взялъ меня къ себѣ, я привязался къ нему всей душой. Мнѣ было тогда лѣтъ десять и помню, что мы очень скоро сошлись и совершенно поняли другъ друга. Мы вмѣстѣ спускали кубарь и украли чепчикъ у одной презлой старой барыни, приходившейся намъ обоимъ съ-родни. Чепчикъ я немедленно привязалъ къ хвосту бумажнаго змѣя и запустилъ подъ облака. Много лѣтъ спустя, я не надолго свидѣлся съ дядей уже въ Петербургѣ, гдѣ я кончалъ тогда курсъ моего ученія на его счетъ. Въ этотъ разъ я привязался къ нему со всѣмъ жаромъ юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, веселое и наивное до послѣднихъ предѣловъ поразило меня въ его характерѣ и влекло къ нему всякаго. Выйдя изъ университета, я жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, покамѣстъ ничѣмъ не занятый и, какъ часто бываетъ съ молодососами, убѣжденный, что въ самомъ непродолжительномъ времени падѣлаю чрезвычайно-много чего нибудь очень замѣчательнаго и даже великаго. Петербурга мнѣ оставлять не хотѣлось. Съ дядей я переписывался довольно рѣдко, и то только когда нуждался въ деньгахъ, въ которыхъ онъ мнѣ никогда не отказывалъ. Между тѣмъ, я уже слышалъ отъ одного двороваго человѣка дяди, пріѣзжавшаго по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, что у нихъ, въ Степанчиковѣ, происходятъ удивительныя вещи. Эти первые слухи меня заинтересовали и удивили. Я сталъ писать къ дядѣ прилежнѣе. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда какъ-то темно и странно, и въ каждомъ письмѣ старался только заговаривать о наукахъ, ожидая отъ меня чрезвычайно много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успѣхами. Вдругъ, послѣ довольно долгаго молчанія, я получилъ отъ него удивительное письмо, совершенно непохожее на всѣ его прежнія письма. Оно было наполнено такими странными намеками, такимъ сбродомъ противоположностей, что я сначала почти ничего и не понималъ. Видно было только, что писавшій былъ въ необыкновенной тревогѣ. Одно въ этомъ письмѣ было ясно: дядя серьезно, убѣдительно, почти умоляя меня, предлагалъ мнѣ какъ можно скорѣе жениться на прежней его воспитанницѣ, дочери одного бѣднѣйшаго провинціального чиновника, по

фамиліи Ежевика, получившей прекрасное образование въ одномъ учебномъ заведеніи, въ Москвѣ, на счетъ дяди, и бывшей теперь гувернанткой дѣтей его. Онъ писалъ, что она несчастна, что я могу составить ея счастье, что я даже сдѣлаю великодушный поступокъ, обращаясь къ благородству моего сердца и обѣщалъ дать за нею приданое. Впрочемъ, о приданомъ онъ говорилъ какъ-то таинственно, боязливо, и заключалъ письмо, умоляя меня сохранить все это въ величайшей тайнѣ. Письмо это такъ поразило меня, что, наконецъ, у меня голова закружилась. Да и на какого молодого человѣка, который, какъ я, только-что соскочилъ со скороды, не подѣйствовало бы такое предложеніе, хотя бы, напримѣръ, романическою своею стороною? Къ тому же, я слышалъ, что эта молоденькая гувернантка — прехорошенькая. Я, однакожъ, не зналъ, на что рѣшиться, хотя тотчасъ же написалъ дядѣ, что немедленно отправляюсь въ Степанчиково. Дядя выслалъ мнѣ, при томъ же письмѣ, и денегъ на дорогу. Несмотря на то, я въ сомнѣніяхъ и даже въ тревогѣ, промедлилъ въ Петербургѣ три недѣли. Вдругъ, случайно встрѣчаю одного прежняго сослуживца дяди, который, возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Степанчиково. Это былъ уже пожилой и разсудительный человѣкъ, закоренѣлый холостякъ. Съ негодованіемъ разсказалъ онъ мнѣ про Оому Оомича и тутъ же сообщилъ мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я до сихъ поръ еще не имѣлъ никакого понятія, именно, что Оома Оомичъ и генеральша задумали и положили женить дядю на одной престранной дѣвицѣ, Perezrblon и почти совѣтъ полоумной, съ какой-то необыкновенной біографіей и чуть-ли не съ полумилліономъ приданаго; что генеральша уже успѣла увѣрить эту дѣвицу, что онѣ между собою родня и, вслѣдствіе того, переманить къ себѣ въ домъ; что дядя, конечно, въ отчаяніи, но, кажется, кончится тѣмъ, что непременно женится на полумилліонѣ приданаго; что, наконецъ, обѣ умныя головы, генеральша и Оома Оомичъ, воздвигли страшное гоненіе на бѣдную, беззащитную гувернантку дѣтей дяди, всѣми силами выживаютъ ее изъ дома, вѣроятно боясь, чтобъ полковникъ въ нее не влюбился, а, можетъ, и оттого, что онъ уже и успѣлъ въ нее влюбиться. Эти послѣднія слова меня поразили. Впрочемъ, на всѣ мои разспросы: ужъ не влюбленъ ли дядя въ самомъ дѣлѣ, разскащикъ не могъ, или не хотѣлъ дать мнѣ точнаго отвѣта, да и вообще разсказывалъ скупо, нехотя и замѣтно уклонялся отъ подробныхъ объясненій. Я задумался; извѣстіе такъ странно противорѣчило съ письмомъ дяди и съ его предложеніемъ!... Но медлить было нечего. Я рѣшился ѣхать въ Степанчиково, желая не только вразумить и утѣшить дядю, но даже спасти его, по возможности, т. е. выгнать Оому, разстроить ненавистную свадьбу съ Perezrblon дѣвой и, наконецъ—такъ-какъ, по моему окончательному рѣ-

шенію, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Оомы Оомича — осчастливить несчастную, но, конечно, интересную дѣвушку, предложеніемъ руки моею, и проч. и проч. Мало-по-малу я такъ вдохновилъ и настроилъ себя, что, по молодости лѣтъ и отъ нечего дѣлать, перескочилъ изъ сомнѣній совершенно въ другую крайность: я началъ горѣть желаніемъ какъ можно скорѣе надѣлать разпыхъ чудесъ и подвиговъ. Мнѣ казалось даже, что я самъ выдаю необыкновенное великодушіе, благородно жертвуя собою, чтобъ осчастливить невпное и прелестное созданіе—словомъ, я помню, что во всю дорогу былъ очень доволенъ собою. Былъ іюль; солнце свѣтило ярко; кругомъ меня разперты были необъятныя просторы полей съ дозрѣвающимъ хлѣбомъ... А я такъ долго сидѣлъ закуноренный въ Петербургѣ, что, казалось мнѣ, только теперь настоящимъ образомъ взглянулъ на свѣтъ Божій!

II.

Господинъ Бахчевъ.

Я уже приближался къ цѣли моего путешествія. Проѣзжая маленькій городокъ В*, отъ котораго оставалось только десять верстъ до Степанчикова, я принужденъ былъ остановиться у кузницы, близъ самой заставы, по случаю лопнувшей шины на переднемъ колесѣ моего тарантаса. Закрѣпить ее кое-какъ, для десяти верстъ, можно было довольно скоро, и потому я рѣшился, никуда не заходя, подождать у кузницы, покажѣтъ кузнецы справятъ дѣло. Выйдя изъ тарантаса, я увидѣлъ одного толстаго господина, который, также какъ и я, принужденъ былъ остановиться для починки своего экипажа. Онъ стоялъ уже цѣлый часъ на нестерпимомъ зноѣ, кричалъ, бранился и съ брюзгливымъ нетерпѣніемъ погонялъ мастеровыхъ, суетившихся около его прекрасной коляски. Съ перваго же взгляда этотъ сердитый баринъ показался мнѣ чрезвычайной брюзгой. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, очень толстъ и рябъ. Толстота, кadyкъ и пухля, отвислыя его щеки свидѣтельствовали о блаженной помѣщичьей жизни. Что-то бабье было во всей его фигурѣ и тотчасъ же бросалось въ глаза. Одѣтъ онъ былъ широко, удобно, опрятно, но отнюдь не по модѣ.

Непонимаю, почему онъ и на меня рассердился, тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни и еще не сказалъ со мною ни слова. Я замѣтилъ это, какъ только вылѣзъ изъ тарантаса, по необыкновенно сердитымъ его взглядамъ. Мнѣ, однакожъ, очень хотѣлось съ нимъ познакомиться. По болтовнѣ его слугъ, я догадался, что онъ ѣдетъ теперь изъ Степанчикова, отъ моего дяди, и потому былъ случай о многомъ поразспросить. Я было приподнял фуражку и попробовалъ со всевозможною пріятностью замѣтить, какъ непріятны

иногда бываютъ задержки въ дорогѣ; но толстякъ окинулъ меня какъ-то нехотя недовольнымъ и брюзгливымъ взглядомъ съ головы до сапогъ, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и тяжело повернулся ко мнѣ всей поясницей. Эта сторона его особы, хотя и была предметомъ весьма любопытнымъ для наблюдений, но ужь, конечно, отъ нея нельзя было ожидать разговора пріятнаго.

— Гришка! не ворчать подъ носъ! выпорю!.. закричалъ онъ вдругъ на своего камердинера, какъ будто совершенно не слыхавъ того, что я сказалъ о задержкахъ въ дорогѣ.

Этотъ «Гришка» былъ сѣдой, старинный слуга, одѣтый въ длиннополой сюртукъ и носившій пребольшіе сѣдые бакенбарды. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ тоже былъ очень сердитъ и угрюмо ворчалъ себѣ подъ носъ. Между баринкомъ и слугою немедленно произошло объясненіе.

— Выпорешь! орп еще больше! проворчалъ Гришка будто про себя, но такъ громко, что всѣ это слышали, и съ негодованіемъ отвернулся что-то приладить въ коляскѣ.

— Что? что ты сказалъ? «Орп еще больше?..» грубияннѣе вздумалъ! закричалъ толстякъ, весь побагровѣвъ.

— Да чего вы взѣдаться, въ-самомъ-дѣлѣ, изволите? Слова сказать нельзя!

— Чего взѣдаться? Слышите? На меня же ворчить, а мнѣ и не взѣдаться!

— Да за что я буду ворчать?

— За что ворчать... А то, небось, нѣтъ. Я знаю, за что ты будешь ворчать: за то, что я отъ обѣда уѣхалъ—вотъ что.

— А мнѣ что! По мнѣ хощь совсѣмъ не обѣдайте. Я не на васъ ворчу; кузнецамъ только слово сказалъ.

— Кузнецамъ... А на кузнецовъ чего ворчать?

— А не на нихъ, такъ на экипажъ ворчу.

— А на экипажъ чего ворчать?

— А зачѣмъ изломался! Впередъ не ломайся, а въ цѣлости будь.

— На экипажъ... Нѣтъ, ты на меня ворчишь, а не на экипажъ. Самъ виноватъ, да опъ же и ругается!

— Да что вы, сударь, въ-самомъ-дѣлѣ, пристаи? Отстаньте, пожалуйста!

— А чего ты всю дорогу сычомъ сидѣлъ, слова со мною не сказалъ — а? Говоришь же въ другіе разы!

— Муха въ ротъ лѣзла — оттого и молчалъ и сидѣлъ сычомъ. Что я вамъ, сказки, что ли, буду рассказывать? Сказочницу Маланью берите съ собою, колп сказки любите.

Толстякъ раскрылъ было ротъ, чтобъ возразить, но, очевидно, не пашелся и замолчалъ. Слуга же, довольный своей діалектикой и вліяніемъ на барина, выказаннымъ при свидѣтеляхъ, съ удвоенной важностію обратился къ рабочимъ и началъ имъ что-то показывать.

Попытки мои познакомиться оставались тщет-

ными, особенно при моей пеловкости; но мне помогло непредвиденное обстоятельство. Одна заплата, неумытая и непричесанная физиономия внезапно выглянула из окна закрытого каретного кузова, с незапамятных времен стоявшего без колес у кузницы и ежедневно, но тщетно ожидавшего починки. С появлением этой физиономии раздался между мастеровыми всеобщий смех. Дело в том, что человек, выглянувший из кузова, был в нем накрепко заперт и теперь не мог выйти. Проспавшись в нем хмельной, он тщетно просился теперь на свободу; наконец стал просить кого-то сбегать за его инструментами. Все это чрезвычайно веселило присутствовавших.

Есть такая натура, которым в особенную радость и веселье бывают довольно странные вещи. Гримасы пьяного мужика, человек, спотынувшийся и упавший на улице, перебранка двух баб, и проч. и проч. на эту тему, производят иногда в иных людях самый добродушный восторг, неизвестно почему. Толстяк-помещик принадлежал именно к такого рода натурам. Мало-помалу, его физиономия из грозной и угрюмой стала делаться довольной и ласковой и, наконец, совсем прояснилась.

— Да это Васильев? спросил он с участием. Да как он туда попал?

— Васильев, сударь, Степан Алексич, Васильев! закричали со всех сторон.

— Загулял, сударь, прибавил один из работников, человек пожилой, высокий и сухоощавый, с педантски-строгим выражением лица и с поползновением на старшинство между своими: — загулял, сударь, от хозяйна третей день, как ушел, да у нас и хоронится, навязался к нам! Вот стамезку просить. Ну, на что тебе теперь стамезка, пустая ты голова? Последний инструмент закладывать хочет!

— Эх, Архипушка! деньги—голуби: прилетят и опять улетят! Пусти, ради небесного Создателя, молил Васильев тонким, дребезжащим голосом, высунув из кузова голову.

— Да сиди ты, идол, благо попал! сурово отвечал Архип. — Глаза-то еще с третьего дня успел переменить; с улицы сегодня на заре притащил; моли Бога—спрытали, Матвью Ильичу сказали: заболел, «запасныя, дескать, колотья у нас проявились».

Смех раздался вторично.

— Да стамезка-то где?

— Да у нашего Зуя! Наладил одно! пьющий человек, как есть, сударь, Степан Алексич.

— Хе-хе-хе! Ах, мошенник! Так ты вот как в город работаешь: инструмент закладывать! прохрипел толстяк, захлебываясь от смеха, совершенно довольный и пришедший вдруг в наиприятнейшее расположение духа.

— А ведь столяр такой, что и в Москве поскать! Да вот так-то он всегда себя атте-

стует, мерзавец, прибавил он, совершенно неожиданно обратившись к нему.—Выпусти его, Архип: может ему что и нужно.

Барина послушались. Гвоздь, которым забили каретную дверцу болел для того, чтобы позабавиться над Васильевым, когда тот проспит, был вынут, и Васильев показался на свет божий испачканный, неряшливый и оборванный. Он замигал от солнца, чихнул и поканулся; потом, сдвигая рукой над глазами щиток, осмотрелся кругом.

— Народу-то, народу то! проговорил он, качая головой: — и все, чай трезвые, протянул он в каком-то грустном раздумьи, как бы в упрек самому себе.—Ну, с добрым утром, братцы, с наступающим днем.

Снова всеобщий хохот.

— С наступающим днем! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человек несообразный!

— Ври, Емеля—твоя беда!

— По нашему, хоть на час, да вскачь!

— Хе-хе-хе! Ишь красной! вскричал толстяк, еще раз закачавшись от смеха и снова взглянув на меня приветливо. — И не стыдно тебе, Васильев?

— С горя, сударь, Степан Алексич, с горя, отвечал серьезно Васильев, махнув рукой и очевидно довольный, что представился случай еще раз помянуть про свое горе.

— С какого горя, дурак?

— А с такого, что досель и не врывали: Оом! Оомичу нас записывают.

— Кого? когда? закричал толстяк, весь встре-пенувшись.

Я тоже ступил шаг вперед: дело совершенно неожиданно коснулось и до меня.

— Да всех капитановских. Наш барин, полковник—дай Бог ему здравия—всю нашу Капитановку, свою вотчину, Оом! Оомичу пожертвовать хочет; целых семьдесят душ ему выделяет. «На тебе», говорит «Оом! вот теперь у тебя, примерно, нет ничего; помещик ты небольшой; всего-то у тебя два свѣтка по оброку в Ладожском озерѣ ходят—только и душ ревизских тебе от покойного родителя твоего осталось. Потому, родитель твой», продолжал Васильев с каким-то злобным удовольствием, посылая перцем свой рассказ во всем, что касалось Оомы Оомича:—«потому что родитель твой был столбовой дворянин, невѣдомо откуда, невѣдомо кто; тоже, как и ты, по господам проживал, при милости на кухне пробавлялся. А вот теперь, как запишу тебе Капитановку, будешь и ты помещик, столбовой дворянин, и людей своих собственных имѣть будешь, лежи себе на печи, на дворянской ваканси...»

Но Степан Алексич уже не слушал. Эффект, произведенный на него полупьяным рассказом Васильева, был необыкновенный. Толстяк был так раздражен, что даже побагро-

вѣлъ; кадѣкъ его затрясса, маленькіе глазки налились кровью. Я думалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ.

— Этого не доставало! проговорилъ онъ, задыхаясь:—ракаля, Оома, приживальщикъ, въ помѣщикѣ! Тыфу! пропадите вы совсѣмъ! Эй вы, кончай скорѣе! Домой!

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, нерѣшительно выступая впередъ:—сейчасъ вы изволили упомянуть о Оомѣ Оомичѣ; кажется, его фамилія, если только не ошибаюсь, Опискинъ. Вотъ видите ли, я желалъ бы... словомъ, я имѣю особенныя причины интересоваться этимъ лицомъ и, съ своей стороны, очень бы желалъ узнать, въ какой степени можно вѣрить словамъ этого добраго человека, что баринъ его, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, хочетъ подарить одну изъ своихъ деревень Оомѣ Оомичу. Меня это чрезвычайно интересуетъ, и я...

— А позвольте и васъ спросить, прервалъ толстый господинъ:—съ какой стороны изволите интересоваться этимъ лицомъ, какъ вы изясняетесь; а по моему, такъ этой ракалей анаемской—вотъ какъ называть его надо, а не лицомъ! Какое у него лицо, у паршивика! одинъ только срамъ, а не лицо!

Я объяснилъ, что, насчетъ лица я, покаместъ, нахожусь въ неизвѣстности, но что Егоръ Ильичъ Ростаневъ мнѣ приходится дядей, а самъ я—Сергѣй Александровичъ такой-то.

— Это что, ученый-то человекъ? Батюшка мой, да тамъ васъ ждутъ, не дождутся! вскричалъ толстякъ, неліцемерно обрадовавшись:—вѣдь я теперь самъ отъ нихъ, изъ Степанчикова; отъ обѣда уѣхалъ, изъ-за пудинга всталъ: съ Оомой усидѣть не могъ! Со всѣми тамъ переругался изъ-за Оомки проклятаго... Вотъ встрѣча! Вы, батюшка, меня извините. Я Степанъ Алексѣичъ Бахчевъ и васъ вотъ эдакимъ, отъ полу помню... Ну, кто бы сказалъ?... А позвольте васъ...

И толстякъ полѣзъ лобызать меня.

Послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго волненія, я немедленно приступилъ къ разспросамъ: случай былъ превосходный.

— Но кто жъ этотъ Оома? спросилъ я:—какъ это онъ завоевалъ тамъ весь домъ? Какъ не выгонять его со двора шелепами? Признаюсь...

— Его-то выгонять? Да вы сдурѣли, аль нѣтъ? Да вѣдь Егоръ-то Ильичъ передъ нимъ на цыпочкахъ ходитъ! Да Оома велѣлъ, разъ, быть вмѣсто четверга середѣ, такъ они тамъ, всѣ до единого, четвергъ середию почитали. «Не хочу, чтобъ былъ четвергъ, а будь середя!» Такъ двѣ середины на одной недѣлѣ и было. Вы думаете, я привралъ чтонибудь? Вотъ на столечко не привралъ! Просто, батюшка, штука капитана Кука выходитъ!

— Я слышалъ это, но, признаюсь...

— Признаюсь, да признаюсь! Вѣдь наладить же одно челоѣкъ! Да чего признаваться-то? Нѣтъ, вы лучше меня разспросите: изъ какихъ я лѣсовъ къ вамъ явился? Матушка Егора-то Ильича,

полковника-то, хотъ и очень достойная дама и, къ тому же, генеральша, да, по моему, изъ ума совсѣмъ выжила: не надышитъ на Оомку треклятаго. Всему она и причиною: она-то и завела его въ домъ. Зачиталъ онъ ее, то-есть, какъ есть безсловесная женщина сдѣлалась, хотъ и превосходительствомъ называется—за генерала Крахоткина пятидесяти лѣтъ замужъ выпрыгнула!—Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильичну, что въ дѣвкахъ сорокъ лѣтъ сидитъ, и говоритъ не желаю. Ахи да охи, да клокчетъ какъ курица—надоѣла мнѣ совсѣмъ—ну ее! Только развѣ и есть въ ней, что дамскій полъ: такъ вотъ и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамскій полъ! Тыфу! говорить неприлично: тетуськой она вамъ приходится. Одна только Александра Егоровна, дочка полковничья, хотъ и малой ребенокъ—всего-то шестнадцатый годъ, да умнѣй ихъ всѣхъ, по моему: не уважаетъ Оомъ; даже смотрѣть было весело. Милая барышня, больше ничего! Да и кому уважать-то? Вѣдь онъ, Оомка-то, у покойнаго генерала Крахоткина въ шуткахъ проживалъ! вѣдь онъ ему, для его генеральской потѣхи, различныхъ звѣрей изъ себя представлялъ! И выходитъ, что прежде Ваня огорода копалъ, а нынче Ваня въ воеводы попалъ. А теперь полковникъ-то, дядюшка-то, отставнаго шута замѣсто отца роднаго почитаетъ, въ рамку вставилъ его, подлеца, въ ножки ему кланяется, своему-то приживальщику,—тыфу!

— Впрочемъ, бѣдность еще не порокъ... и.... признаюсь вамъ... позвольте васъ спросить, что онъ красивъ, уменъ?

— Оома-то? писанный красавецъ! отвѣчалъ Бахчевъ съ какимъ-то необыкновеннымъ дрожаніемъ злости въ голосѣ. (Вопросы мои какъ-то раздражали его, и онъ уже началъ и на меня смотрѣть подозрительно).—Писанный красавецъ! Слышите, добрые люди: красавца нашелъ! Да онъ на всѣхъ звѣрей похожъ, батюшка, если ужъ все хотите доподлинно знать. И вѣдь добро бы остроуміе было, хотъ бы остроуміемъ, шельмецъ, обладалъ—ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрѣпя сердце, для остроумія-то, а то, вѣдь и остроумія нѣтъ никакого! Просто вышитъ имъ далъ чегонибудь всѣмъ физикъ какой-то! Тыфу! языкъ усталъ. Только плюнуть надо, да замолчать. Разстроили вы меня, батюшка, своимъ разговоромъ! Эй, вы! готово, пль нѣтъ?

— Воронка еще перековать надо, промолвилъ мрачно Григорій.

— Воронка. Я тебѣ такого задамъ воронка!... Да, сударь, я вамъ такое могу рассказать, что вы только ротъ разинете, да такъ и останетесь до втораго пришествія съ разинутымъ ртомъ. Вѣдь я прежде и самъ его уважалъ. Вы что думаете? Каюсь, отъкрыто каюсь: былъ дуракомъ! Вѣдь онъ и меня обморочилъ. Всезнай! всю подноготную знаетъ, всѣ науки пронзошелъ! Канель онъ мнѣ давалъ: вѣдь я, батюшка, челоѣкъ больной, см-

рой человекъ. Вы, можетъ, не вѣрите, а я больной. Ну, такъ я съ его капель-то чуть вверхъ тормашки не полетѣлъ. Вы только молчите, да слушайте; сами поѣдете, всѣмъ полюбуется. Вѣдь онъ тамъ полковника-то до кровавыхъ слезъ доведетъ; вѣдь кровавую слезу прольетъ отъ него полковникъ-то, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь ужъ кругомъ весь околотокъ разнакомился съ ними изъ-за Оомки треклятаго. Вѣдь всякому, кто ни прѣдетъ, оскорбленія чинить. Чего ужъ мнѣ: значительнаго чина не пощадить! Всякому наставленія читаетъ; въ мораль какую-то бросило его, шельмеца. Мудрецъ, дескать, я, всѣхъ умнѣе, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый. Да что жъ, что ученый! Такъ изъ-за того, что ученый, ужъ такъ непремѣнно и надо заѣсть неученаго?.. И ужъ какъ начнетъ ученымъ своимъ языкомъ колотить, такъ ужъ та-та-та! та-та-та! то-есть такой, я вамъ скажу, болтливый языкъ, что отрѣзать его, да выбросить на навозную кучу, такъ онъ и тамъ будетъ болтать, все будетъ болтать, пока ворона не склюетъ. Зазнался, надулся, какъ мышъ на крупу! Вѣдь ужъ туда теперь лѣзетъ, куда и голова его не пролѣзетъ. Да чего! Вѣдь онъ тамъ дворовыхъ людей по-французски учить выдумалъ! Хотите, не вѣрите! Это, дескать, ему полезно, Хаму-то, слугѣ-то! Тьфу! срамецъ треклятый—больше ничего! А на что холопу знать по-французски, спрошу я васъ? Да на что и нашему-то брату знать по-французски, на что? Съ барышнями въ мазуркѣ лямонничать, съ чужими женами апельсинничать? развратъ—больше ничего! А по моему, графинъ водки выпилъ,—вотъ и заговорилъ на всѣхъ языкахъ. Вотъ какъ я его уважаю, французскій-то вашъ языкъ! Небось и вы по-французски: «та-та-та! та-та-та! вышла кошка за кота!» прибавилъ Бахчевевъ, смотря на меня съ презрительнымъ негодованіемъ. — Вы, батюшка, человекъ ученый — а? по ученой части пошли?

— Да... я, отчасти, интересуюсь...

— Чай тоже всѣ науки произошли?

— Такъ-съ, то-есть, нѣтъ... Признаюсь вамъ, я болѣе интересуюсь теперь наблюденіемъ. Я все сидѣлъ въ Петербургѣ и теперь спѣшу къ дядюшкѣ...

— А кто васъ тянулъ къ дядюшкѣ? Сидѣли бы тамъ, гдѣ нибудь у себя, коли было гдѣ сѣсть! Нѣтъ, батюшка, тутъ, я вамъ скажу, ученостью мало возьмете, да и никакой дядюшка вамъ не поможетъ; попадете въ арканъ! Да я у нихъ похудѣлъ въ одни сутки. Ну, вѣрите ли, что я у нихъ похудѣлъ? Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите. Что жъ, пожалуй, Богъ съ вами, не вѣрьте.

— Нѣтъ-съ, помилуйте, я очень вѣрю; только я все еще не понимаю, отвѣчалъ я, теряясь все болѣе и болѣе.

— То-то вѣрю, да я-то тебѣ не вѣрю! Всѣ вы прыгуны, съ вашей ученой-то частью. Вамъ только бы на одной ножкѣ попрыгать, да себя показать! Не люблю я, батюшка, ученую часть; вотъ она

у меня гдѣ сидитъ! Приходилось съ вашими петербургскими сталкиваться—непотребный народъ! Все фармазоны; невѣріе распространяютъ; рюмку водки выпить боятся, точно она укуситъ его—тьфу! Разсердили вы меня, батюшка, и рассказывать тебѣ ничего не хочу! Вѣдь не подрядился же я, въ самомъ-дѣлѣ, тебѣ сказки рассказывать, да и языкъ усталъ. Всѣхъ, батюшка, не переругаешь, да и грѣшно... А только онъ у дядюшки вашего лакея Видоплясова чуть не въ безуміе ввелъ, ученый-то твой! Ума рѣшился Видоплясовъ-то изъ-за Оомы Оомича...

— Да я-бъ его, Видоплясова, ввязался Григорій, который, до сихъ поръ, чинно и строго наблюдалъ разговоръ: — да я-бъ его, Видоплясова, изъ-подъ розогъ не выпустилъ. Нарвись-ко онъ на меня, я бы дурь то нѣмецкую вышибъ! задалъ бы столько, что въ два-ста не сложишь.

— Молчать! крикнулъ баринъ: — держи языкъ за зубами; не съ тобой говорить!

— Видоплясовъ, сказалъ я, совершенно сбившись и ужъ не зная, что говорить: — Видоплясовъ... скажите, какая странная фамилія?

— А чѣмъ она странная? И вы туда же! Эхъ вы ученый, ученый!

Я потерялъ терпѣніе.

— Извините, сказалъ я:—по за что жъ вы на меня-то сердитесь? Чѣмъ же я виноватъ? Признаюсь вамъ, я вотъ уже полчаса васъ слушаю и даже не понимаю, о чемъ идетъ дѣло...

— Да вы, батюшка, чего обижаетесь? отвѣчалъ толстякъ: — нечего вамъ обижаться! Я вѣдь тебѣ любя говорю. Вы не глядите на меня, что я такой крикса и вотъ сейчасъ на человека моего закричалъ. Онъ, хоть кавалья естественнѣйшая, Гришка-то мой, да за это-то я его и люблю, подлеца. Чувствительность сердечная погубила меня — откровенно скажу; а во всемъ этомъ Оомка одинъ виноватъ! Погубить онъ меня, присягну, что погубить! Вотъ теперь два часа на солнцѣ по его же милости жарюсь. Хотѣлъ было къ протопопу зайти, покаместъ эти дураки съ починкой копаются. Хорошій человекъ здѣшній протопопъ. Да ужъ такъ онъ разстроилъ меня, Оомка-то, что ужъ и на протопопа смотрѣть не хочется! Ну ихъ всѣхъ! Здѣсь вѣдь и трактиришка порядочнаго нѣтъ. Всѣ, я вамъ скажу, подлецы, всѣ до единого! И вѣдь добро бы чинъ на немъ былъ необыкновенный какой-нибудь, продолжалъ Бахчевевъ, снова обращаясь къ Оомѣ Оомичу, отъ котораго онъ, видимо, не могъ отвязаться:—ну тогда хоть по чину прости-тельно; а то, вѣдь, и чинишка-то нѣтъ; это я доподлинно знаю, что нѣтъ. За правду, говорить, гдѣ-то тамъ пострадалъ, въ сорокъ не въ нашемъ году, такъ вотъ и кланяйся ему за то въ ножки! чортъ не братъ! Чуть что не по немъ—вскочить, завизжитъ: «обжаютъ, дескать, меня, бѣдность мою обжаютъ, уваженія не питаютъ ко мнѣ!» Безъ Оомы къ столу не смѣи сѣсть, а самъ не выходитъ: «меня, дескать, обидѣли; я убогій стран-

никъ, я и чернаго хлѣбца поѣмъ». Чуть сядутъ, онъ тутъ и явился; опять пошла наша скрипка пилить: «зачѣмъ безъ меня сѣли за столъ? значитъ, ни во что меня почитаютъ». Словомъ, гуляй душа! Я, батюшка, долго молчалъ. Онъ думалъ, что и я передъ нимъ собачонкой на заднихъ лапкахъ буду выплясывать; на-тка, братъ, возьми, закуси! Нѣтъ, братъ, ты только за дугу, а я ужъ въ телѣгѣ сижу! Съ Егоръ-то Ильичемъ я вѣдь въ одномъ полку служилъ. Я-то въ отставку юнкеромъ вышелъ, а онъ въ прошломъ году въ вотчину пріѣхалъ въ отставку полковникомъ. Говорю ему: «эй себя сгубите, не потакайте Ѳомѣ! прольете слезу!» Нѣтъ, говоритъ, превосходнѣйшій онъ человѣкъ (это про Ѳомку-то!), онъ мнѣ другъ; онъ меня благонавію учитъ. Ну, думаю, противъ благонавія не пойдешь! Ужъ коли благонавію зачалъ учить—значитъ, послѣднее дѣло пришло. Что жъ бы вы думали, сегодня изъ-за чего опять поднялъ исторію? Завтра Ильи-пророка (господинъ Бахчевъ перекрестился): Илюша, сыночекъ-то дядюшкинъ, имянинникъ. Я было думалъ и день у нихъ провести и пообѣдать тамъ, и игрушку столичную выписалъ: яѣмецъ на пружинахъ у своей невѣсты ручку цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ—превосходная вещь! (теперь ужъ не подарю, морген-фри! Вонъ у меня въ коляскѣ лежитъ и носъ у нѣмца отбитъ; назадъ везу). Егоръ-то Ильичъ и самъ бы не прочь въ такой день погулять и попраздновать, да Ѳомка претитъ: «зачѣмъ, дескать, начали заниматься Илюшей? На меня, стало быть, вниманія не обращаютъ теперь!» А? каковъ гусь? восьмилѣтнему мальчику въ тезоименитствѣ позавидовалъ! «Такъ вотъ нѣтъ же, говоритъ, и я имянинникъ!» Да вѣдь будетъ Ильинъ-день, а не Ѳоминъ! «Нѣтъ, говоритъ, я тоже въ этотъ день имянинникъ!» Смотрю я, терплю. Что жъ бы вы думали? Вѣдь они теперь на цыпочкахъ ходятъ, да шепчутся: какъ быть? За имянинника его въ Ильинъ-день почитать, или нѣтъ, поздравлять, или нѣтъ? Не поздравь—обидѣться можетъ, а поздравь—пожалуй и въ насмѣшку приметъ. Тьфу ты пропасть! Сѣли мы обѣдать.... Да ты, батюшка, слушаешь, или нѣтъ!

— Помилуйте, слушаю; съ особеннымъ, даже, удовольствіемъ слушаю; потому что черезъ васъ я теперь узналъ... и... признаюсь...

— То-то съ особеннымъ удовольствіемъ! Знаю я твое удовольствіе... Да ужъ ты не въ пику ли мнѣ про удовольствіе-то свое говоришь?

— Помилуйте, въ какую же пику? напротивъ. Притомъ же вы такъ... оригинально выражаетесь, что я даже готовъ записать ваши слова.

— То есть какъ это, батюшка, записать? спросилъ г. Бахчевъ съ нѣкоторымъ испугомъ и смотря на меня подозрительно.

— Впрочемъ, я, можетъ быть, и не запишу... это я такъ.

— Да ты вѣрно, какъ нибудь, обольстить меня хочешь?

— То есть какъ это обольстить? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Вотъ ты теперь меня обольстишь, я тебѣ все расскажу, какъ дуракъ, а ты возмешь, послѣ, да и опишешь меня гдѣ нибудь въ сочиненіи.

Я тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить г. Бахчевъ, что я не изъ такихъ, но онъ все еще подозрительно смотрѣлъ на меня.

— То-то не изъ такихъ! кто тебя знаетъ! можетъ и лучше еще. Вонъ и Ѳома грозился меня описать, да въ печать послать.

— Позвольте спросить, прервалъ я, отчасти желая перемѣнить разговоръ:— скажите, правда ли, что дядюшка хочетъ жениться?

— Такъ что же, что хочетъ? Это бы еще ничего. Женюсь, коли ужъ такъ тебя покачнуло; не это скверно, а другое скверно... прибавилъ г. Бахчевъ въ задумчивости.—Гм! про это, батюшка, я вамъ до-подлинно не могу дать отвѣта. Много теперь туда всякаго бабья напихалось, какъ мухъ у варенья; да вѣдь не разберешь, которая замужъ хочетъ. А я вамъ, батюшка, по дружбѣ скажу: не люблю бабья! Только слава, что человѣкъ, а по правдѣ, такъ одинъ только срамъ, да и спасенію души вредитъ. А что дядюшка вашъ влюбленъ, какъ сибирскій котъ, такъ въ этомъ я васъ завѣряю. Про это, батюшка, я теперь промолчу: сами увидите; а только то скверно, что дѣло тянется. Коли жениться, такъ и женись; а то Ѳомкѣ боится сказать, да и старухѣ своей боится сказать: та тоже завизжитъ на все село, да брыкаться начнетъ. За Ѳомку стоитъ: дескать, Ѳома Ѳомичъ огорчится, коли супруга въ домъ войдетъ, потому что ему тогда двухъ часовъ не прожить въ домѣ-то. Супруга-то собственноручно въ шею вытолкаетъ, да еще, не будь дура, другимъ какимъ манеромъ, такого киселя задастъ, что по уѣзду мѣста потомъ не отыщешь! Такъ вотъ онъ и куралеситъ теперь, вмѣстѣ съ маменькой и подсовываютъ ему таковскую... Да ты, батюшка, что жъ меня перебилъ? Я тебѣ самую главную статью хотѣлъ рассказать, а ты меня перебилъ! Я постараю тебя; перебивать старика не годится...

Я извинился.

— Да ты не извиняйся! Я вамъ, батюшка, какъ человѣку ученому, на судъ представить хотѣлъ, какъ онъ сегодня разобидѣлъ меня. Ну вотъ разсуди, коли добрый ты человѣкъ. Сѣли мы обѣдать; такъ онъ меня, я тебѣ скажу, чуть не съѣлъ за обѣдомъ-то! Съ самаго начала вижу: сидитъ себѣ, злится, такъ что въ немъ вся душа скрипитъ. Въ ложкѣ воды утопить меня радъ, ехидна! Такого самолюбія человѣкъ, что ужъ самъ въ себѣ помѣститься не можетъ! Вотъ и вздумалъ онъ ко мнѣ прдираться, благонавію тоже меня вздумалъ учить. Зачѣмъ, скажите ему, я такой толстый? Ну, присталъ человѣкъ; зачѣмъ не тонкій, а толстый?

Ну, скажите же, батюшка, что за вопросъ? Ну, видно ли тутъ остроуміе? Я съ благоразуміемъ ему отвѣчаю: «это такъ ужъ Богъ устроилъ, Оома Оомичъ: одинъ толстъ, а другой тонокъ; а противъ всеблагаго Провидѣнія смертному возставать невозможно». Благоразуміе вѣдь — какъ вы думаете?—«Нѣтъ, говоритъ, у тебя пятьсотъ душъ, живешь на готовомъ, а пользы отечеству не приносишь; надо служить, а ты все дома сидишь, да на гармоніи играешь». А я и взаправду, когда взгрустнется, на гармоніи люблю поиграть. Я опять съ благоразуміемъ отвѣчаю: «А въ какую я службу пойду, Оома Оомичъ? въ какой мундиръ толсто-ту-то мою затыну? Надѣну мундиръ, затынусь, неравно чихну—всѣ пуговицы и отлетятъ, да еще, пожалуй, при высшемъ начальствѣ, да, оборони Богъ, за напквилъ сочтутъ—что тогда?» Ну, скажите же батюшка, ну что я тутъ смѣшнаго сказалъ? Такъ нѣтъ же, покатывается на мой счетъ, хѣханьки да хихиньки такія пошли... то есть фѣломудрія въ немъ нѣтъ никакого, я вамъ скажу, да еще на французскомъ діалектѣ поносить меня вздумалъ: «кошонъ» говорятъ. Ну, кошонъ-то и я понимаю, что значить. «Ахъ ты физикъ проклятый, думаю; полагаешь, я тебѣ теплоухъ дался?» Терпѣлъ я, терпѣлъ, да и не утерпѣлъ, всталъ изъ-за стола да при всемъ честномъ народѣ и брякъ ему: «Согрѣшилъ я, говорю, передъ тобой, Оома Оомичъ, благодѣтель; подумалъ было, что ты благовоспитанный человѣкъ; а ты, братъ, выходяишь такая же свинья, какъ и мы всѣ» — сказалъ, да и вышелъ изъ-за стола, изъ-за самого пудина: пудинъ тогда обносили. «Ну васъ и съ пудинкомъ-то!...»

— Извините меня, сказалъ я, прослушавъ весь рассказъ г. Бахчеева:—я, конечно, готовъ съ вами во всемъ согласиться. Главное, я еще ничего положительнаго не знаю... Но, видите ли, на этотъ счетъ у меня явились теперь свои идеи.

— Какія же это идеи, батюшка, у тебя появились? недовѣрчиво спросилъ г. Бахчеевъ.

— Видите ли, началъ я, нѣсколько путаясь:—оно, можетъ быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готовъ сообщить. Вотъ какъ я думаю: можетъ быть, мы оба ошибаемся на счетъ Оомы Оомича; можетъ быть, всѣ эти странности прикрываютъ натуру особенную, даже даровитую — кто это знаетъ? Можетъ быть, это натура огорченная, разбитая страданіями, такъ сказать, мстѣющая всему человѣчеству. Я слышалъ, что онъ прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ шута: можетъ быть, это его унизило, оскорбило, сразило?... Понимаете: человѣкъ благородный... сознание... а тутъ роль шута!.. И вотъ онъ сталъ недовѣрчивъ ко всему человѣчеству и... и, можетъ быть, если примирить его съ человѣчествомъ... то есть съ людьми, то, можетъ быть, изъ него выйдетъ натура особенная... можетъ быть, даже очень замѣчательная и... и... и вѣдь есть же что нибудь въ этомъ че-

ловѣкѣ? Вѣдь есть же причина, по которой ему всѣ поклоняются?

Словомъ, я самъ почувствовалъ, что зарапортовался ужасно. По молодости еще можно было простить. Но г. Бахчеевъ не простилъ. Серьезно и строго смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза, и наконецъ вдругъ побагровѣлъ, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Это Оомка-то такой особенный человѣкъ? спросилъ онъ отрывисто.

— Послушайте: я еще самъ почти ничему не вѣрю изъ того, что я теперь говорилъ. Я это такъ только, въ видѣ догадки...

— А позвольте, батюшка, полюбопытствовать спросить: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— То есть въ какомъ смыслѣ? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, не въ смыслѣ; а вы мнѣ, батюшка, прямо, безо всякаго смысла отвѣчайте: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— Признаюсь, я намѣренъ изучать, но...

— Ну, такъ и есть! вскричалъ г. Бахчеевъ, давъ полную волю своему негодованію. — Я, батюшка, еще прежде чѣмъ въ ротъ растворили, догадался, что вы философіи обучались! Меня не надуешь! моргенъ-фри! За три версты чутьемъ услышу философа! Поцѣлуйтесь вы съ вашимъ Оомой Оомичемъ! Особеннаго человѣка нашелъ! тьфу! прокпсай все на свѣтѣ! Я было думалъ, что вы тоже благонамѣренный человѣкъ, а вы... Подавай! закричалъ онъ кучеру, ужъ влѣзавшему на козла исправленнаго экипажа.—Домой!

Насилу-то я кое-какъ успокоилъ его; кое-какъ, наконецъ, онъ смягчился; но долго еще не могъ рѣшиться перемѣнить гнѣвъ на милость. Между тѣмъ онъ влѣзъ въ коляску съ помощью Григорія и Архіпа, того самаго, который читалъ наставленія Васильеву.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, подойдя къ коляскѣ:—вы ужъ болѣе не прїѣдете къ дядюшкѣ?

— Къ дядюшкѣ-то? А плюньте на того, кто вамъ это сказалъ! Вы думаете я постоянный человѣкъ, выдержу? Въ томъ-то и горе мое, что я тряпка, а не человѣкъ! Недѣли не пройдетъ, а я опять туда поплетусь. А зачѣмъ? Вотъ подите: самъ не знаю зачѣмъ, а поѣду; опять буду съ Оомой воевать. Это ужъ, батюшка, горе мое! За грѣхи мнѣ Господь этого Оомку въ наказаніе послалъ. Характеръ у меня бабій, постоянства нѣтъ никакого! Трусъ я, батюшка, первой руки...

Мы, однакожъ, разстались по-дружески; онъ даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

— Прїѣзжай, батюшка, прїѣзжай, пообѣдаемъ. У меня водочка изъ Кіева пѣшкомъ пришла, а поваръ въ Парижѣ бывалъ. Такого фенезерфу подастъ, такую кулебяку мисайловну сочинить, что только пальчики оближешь, да въ ножки поклонись ему, подлецу. Образованный человѣкъ! Я вотъ только давно не сѣкъ его, балуется онъ у меня... да вотъ теперь благо напомнили... Прїѣз-

жай! Я бы васъ и сегодня съ собою пригласилъ, да вотъ какъ-то весь упалъ, раскисъ, совсѣмъ безъ заднихъ ногъ сдѣлся. Вѣдь я человѣкъ больной, сырой человѣкъ. Вы, можетъ быть, и не вѣрите... Ну, прощайте, батюшка! Пора плыть и моему кораблю. Вонъ и вашъ тарантасикъ готовъ. А Оомкѣ скажите, чтобъ и не встрѣчался со мной; не то я такую чувствительную встрѣчу ему сочиню, что онъ...

Но послѣднихъ словъ ужъ не было слышно. Колеска, принятая дружно четверкою сильныхъ коней, исчезла въ облакахъ пыли. Подали и мой тарантасъ; я сѣлъ въ него, и мы тотчасъ же проѣхали городишко. «Конечно, этотъ господинъ прикириваетъ», подумалъ я: онъ слишкомъ сердитъ и не можетъ быть безпристрастнымъ. Но опять-таки, все, что онъ говорилъ о дядѣ, очень замѣчательно. Вотъ ужъ два голоса согласны въ томъ, что дядя любитъ эту дѣвицу... Гм! Женюсь я, или нѣтъ?» Въ этотъ разъ я крѣпко задумался.

III.

Дядя.

Признаюсь, я даже немного струсилъ. Романическія мечты мои показались мнѣ вдругъ чрезвычайно странными, даже какъ будто и глупыми, какъ только я въѣхалъ въ Степанчиково. Это было часовъ около пяти пополудни. Дорога шла мимо барскаго сада. Снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я увидѣлъ этотъ огромный садъ, въ которомъ мелькнуло нѣсколько счастливыхъ дней моего дѣтства и который, много разъ потомъ, снился мнѣ во снѣ, въ дортуарахъ школы, хлопотавшихъ о моемъ образованіи. Я вскочилъ изъ повозки и пошелъ прямо черезъ садъ къ барскому дому. Мнѣ очень хотѣлось явиться втихомолку, разузнать, выпросить и прежде всего наговориться съ дядей. Такъ и случилось. Пройдя аллею столѣтнихъ липъ, я ступилъ на террасу, съ которой стеклянною дверью прямо входили во внутреннія комнаты. Эта терраса была окружена клумбами цвѣтовъ и заставлена горшками дорогихъ растений. Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ туземцевъ, стараго Гаврилу, бывшаго когда-то моимъ дядькой, а теперь почетнаго камердинера дядюшки. Старикъ былъ въ очкахъ и держалъ въ рукѣ тетрадку, которую читалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы видѣлись съ нимъ, два года назадъ, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ дядей, а потому онъ тотчасъ же теперь узналъ меня. Съ радостными слезами бросился онъ цѣловать мои руки, причемъ очки слетѣли съ его носа на полъ. Такая привязанность старика меня очень тронула. Но, взволнованный недавнимъ разговоромъ съ г. Бахчевымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе на подозрительную тетрадку, бывшую въ рукахъ у Гаврилы.

— Что это, Гаврила, не уже ли и тебя научили учить по-французски? спросилъ я старика.

— Учатъ, батюшка, на старости лѣтъ, какъ скворца, печально отвѣчалъ Гаврила.

— Самъ Оома учить?

— Онъ, батюшка. Умнѣющій, должно быть, человѣкъ.

— Нечего сказать, умникъ! По разговорамъ учить?

— По китрадкѣ, батюшка.

— Это что въ рукахъ у тебя? А! французскія слова русскими буквами — ухитрился! Такому болвану, дураку набитому, въ руки дается — не стыдно ли, Гаврила? вскричалъ я, въ одинъ мигъ забывъ всѣ великодушныя мои предположенія о Оомѣ Оомичѣ, за которыя мнѣ еще такъ недавно досталось отъ г. Бахчеева.

— Гдѣ же, батюшка, отвѣчалъ старикъ: — гдѣ же онъ дуракъ, коли ужъ господами нашими такъ заправляетъ?

— Гм! Можетъ быть, ты и правъ, Гаврила, пробормоталъ я, приостановленный этимъ замѣчаніемъ. — Ведѣ же меня къ дядюшкѣ!

— Соколъ ты мой! да я не могу на глаза показаться, не смѣю. Я ужъ и его сталъ бояться. Вотъ здѣсь и сижу, горе мнѣ, да за клумбы шагаю, когда онъ проходитъ изволить.

— Да чего же ты боишься?

— Давеча уроку не зналъ: Оома Оомичъ на колѣнки ставилъ, а я и не сталъ. Старъ я сталъ, батюшка Сергѣй Александрычъ, чтобъ надо мной такія шутки шутить! Баринъ осерчать изволилъ, зачѣмъ Оому Оомича не послушался. «Онъ, говоритъ, старый ты хрычъ, о твоёмъ же образованіи заботится, произношенію тебя хочетъ учить». Вотъ и хожу, твержу вокабулъ. Обѣщалъ Оома Оомичъ къ вечеру опять экзаментикъ сдѣлать.

Мнѣ показалось, что тутъ было что-то неясное. Съ этимъ французскимъ языкомъ была какая нибудь исторія, подумалъ я, которую старикъ не можетъ мнѣ объяснить.

— Одинъ вопросъ, Гаврила: каковъ онъ собой? видный, высокаго роста?

— Оома-то Оомичъ? Нѣтъ, батюшка, плюгавенькій такой человѣчекъ.

— Гм! Подожди, Гаврила; все это еще, можетъ быть, уладится; даже непременно, обещаю тебѣ, уладится! Но... гдѣ же дядюшка?

— А за конюшными мужичковъ принимаетъ. Съ Капитоновки старики съ поклономъ пришли. Прослышали, что ихъ Оомѣ Оомичу записываютъ. Отмолиться хотятъ.

— Да зачѣмъ же за конюшными?

— Опасается, батюшка...

Дѣйствительно, я нашелъ дядю за конюшными. Тамъ, на площадкѣ, онъ стоялъ передъ группой крестьянъ, которые кланялись и о чемъ-то усердно просили. Дядя что-то съ жаромъ имъ толковалъ. Я подошелъ и окликнулъ его. Онъ обернулся, и мы бросились другъ другу въ объятія.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался; радость его доходила до восторга. Онъ обнималъ меня, сжималъ мои руки... Точно ему возвратили его роднаго сына, избавленнаго отъ какой нибудь смертельной опасности. Точно какъ будто я своимъ приѣздомъ избавилъ и его самого отъ какой-то смертельной опасности и привезъ съ собою разрѣшеніе всѣхъ его недоразумѣній, счастье и радость на всю жизнь ему и всѣмъ, кого онъ любитъ. Дядя не согласился бы быть счастливымъ одинъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, онъ вдругъ такъ захлопоталъ, что, наконецъ, совершенно сбился и спутался. Онъ закидывалъ меня разспросами, хотѣлъ немедленно вести меня къ своему семейству. Мы было и пошли, но дядя воротился, пожелавъ представить меня сначала капитоновскимъ мужикамъ. Потомъ, помню, онъ вдругъ заговорилъ, неизвѣстно по какому поводу, о какомъ-то господинѣ Коровкинѣ; необыкновенномъ человѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ три дня назадъ, гдѣ-то на большой дорогѣ, и котораго ждалъ теперь къ себѣ въ гости съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Потомъ онъ бросилъ и Коровкина, и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него. Отвѣчая на торопливые его разспросы, я сказалъ, что желалъ бы не вступать въ службу, а продолжать заниматься науками. Какъ только дѣло дошло до наукъ, дядя вдругъ насунилъ брови и сдѣлалъ необыкновенно важное лицо. Узнавъ, что въ послѣднее время я занимался минералогіей, онъ поднялъ голову и съ гордостью осмотрѣлся кругомъ, какъ будто онъ самъ, одинъ, безъ всякой посторонней помощи, открылъ и написалъ всю минералогію. Я уже сказалъ, что передъ словомъ «наука» онъ благоговѣлъ самымъ безкорыстнѣйшимъ образомъ, тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что самъ рѣшительно ничего не зналъ.

— Эхъ, братъ, есть же на свѣтѣ люди, что всю подноготную знаютъ! говорилъ онъ мнѣ однажды, съ сверкающими отъ восторга глазами. — Сидишь между ними, слушаешь и вѣдь самъ знаешь, что ничего не понимаешь, а все какъ-то сердцу любо. А отчего? А оттого, что тутъ польза, тутъ умъ, тутъ всеобщее счастье! Это-то я понимаю. Вотъ я теперь по чугункѣ поѣду, а Илюшка мой, можетъ, и по воздуху полетитъ... Ну, да, наконецъ, и торговля, промышленность — эти, такъ сказать, струи... то есть я хочу сказать, что какъ не верти, а полезно... Вѣдь полезно — не правда ли? Но обратимся къ нашей встрѣчѣ.

— Вотъ подожди, другъ мой, подожди, началъ онъ, потирая руки и скороговоркою: — увидишь человѣка! Человѣкъ рѣдкій, я тебѣ скажу, человѣкъ ученый, человѣкъ науки; останется въ столѣтіи. А вѣдь хорошо словечко: «останется въ столѣтіи»? Это мнѣ Ома объяснилъ... Подожди, я тебя познакомлю.

— Это вы про Ому Омича, дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! Это я теперь про Коровкина. То есть и Ома тоже, и онъ... Но это

я про Коровкина теперь говорилъ, прибавилъ онъ, неизвѣстно отчего покраснѣвъ и какъ будто смѣшавшись, какъ только рѣчь зашла про Ому.

— Какимъ же онъ науками занимается, дядюшка?

— Науками, братецъ, науками, вообще науками! Я вотъ только не могу сказать какими именно, а только знаю, что науками. Какъ про желѣзныя дороги говоритъ! И знаешь, прибавилъ дядя полушопотомъ, многозначительно прищуривая правый глазъ: — немного, эдакъ, вольныхъ идей! Я замѣтилъ, особенно когда про семейное счастье заговорилъ... Вотъ жалъ, что я самъ мало понималъ (времени не было), а то бы рассказалъ тебѣ все, какъ по нитѣ. И въ добавокъ, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ! Я его пригласилъ къ себѣ погостить. Съ часу на часъ ожидаю.

Между тѣмъ, мужики глядѣли на меня, раскрывъ рты и выпуча глаза, какъ на чудо.

— Послушайте, дядюшка, прервалъ я его: — я, кажется, помѣшалъ мужичкамъ. Они вѣрно за надобностью. О чемъ они? Я, признаюсь, подозреваю кой что и очень бы радъ ихъ послушать...

Дядя вдругъ захлопоталъ и заторопился.

— Ахъ да! я и забылъ! да вотъ видишь... что съ ними дѣлать? Выдумали — и желалъ бы я знать, кто первый у нихъ это выдумалъ — выдумали, что я отдаю ихъ, всю Капитоновку — ты помнишь Капитоновку? еще мы туда съ покойной Катей, все по вечерамъ гулять ѣздили — всю Капитоновку, цѣлыхъ шестьдесятъ восемь душъ, Ома Омпчу! «Ну не хотимъ идти отъ тебя, да и только»!

— Такъ это не правда, дядюшка? вы не отдаете ему Капитоновки? вскричалъ я, почти въ восторгѣ.

— И не думалъ; въ головѣ не было! А ты отъ кого слышалъ? Разъ какъ-то съ языка сорвалось, вотъ и пошло гулять мое слово. И отчего имъ Ома такъ не милъ? Вотъ подожди, Сергѣй, я тебя познакомлю, прибавилъ онъ, робко взглянувъ на меня, какъ будто уже предчувствуя и во мнѣ врага Ома Омичу. — Это, братъ, такой человѣкъ...

— Не хотимъ, опричь тебя, никого не хотимъ! завопили вдругъ мужики, цѣлымъ хоромъ. — Вы отцы, а мы ваши дѣти!

— Послушайте, дядюшка, отвѣчалъ я: — Ому Омича я еще не видалъ, но... видите ли... я кое-что слышалъ. Признаюсь вамъ, что я встрѣтилъ сегодня г. Бахчеева. Впрочемъ, у меня на этотъ счетъ, покаместъ, своя идея. Во всякомъ случаѣ, дядюшка, отпустите-ка вы мужичковъ, а мы съ вами поговоримъ одни, безъ свидѣтелей. Я, признаюсь, затѣмъ и приѣхалъ...

— Именно, именно, подхватилъ дядя: — именно! мужичковъ отпустимъ, а потомъ и поговоримъ, знаешь, эдакъ, пріятельски, дружески, основательно! — Ну, продолжалъ онъ скороговоркою, обращаясь къ мужикамъ: — теперь ступайте, друзья мои. И впередъ ко мнѣ, всегда ко мнѣ, когда нужно; таки-такъ прямо ко мнѣ и иди, во всякое время.

— Батюшка ты наип! Вы отцы, мы ваши дѣти! Не давай въ обиду Оомѣ Оомичу! Вся бѣдность просить! закричали еще разъ мужики.

— Вотъ дураки-то! да не отдамъ я васъ, говорятъ!

— А то заучить онъ насъ совсѣмъ, батюшка! Здѣшнихъ, слышь, совсѣмъ заучилъ.

— Такъ не-уже-ли онъ и васъ по-французски учить? вскричалъ я, почти въ испугѣ.

— Нѣтъ, батюшка, покамѣстъ еще миловалъ Богъ! отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ, вѣроятно, большой говорунъ, рыжій, съ огромной плѣшью на затылкѣ и съ длинной, жиденькой, клинообразной бородкой, которая такъ и ходила вся. Когда онъ говорилъ, точно она была живая сама по себѣ. Нѣтъ, сударь, покамѣстъ еще миловалъ Богъ.

— Да чему жъ онъ васъ учить?

— А учить онъ, ваша милость, такъ, что по нашему выходить золотой ящикъ купи, да мѣдный грошъ положи.

— То есть, какъ это мѣдный грошъ?

— Сережа! ты въ заблужденіи; это клевета! вскричалъ дядя, покраснѣвъ и ужасно сконфузившись.—Это они, дураки, не поняли, что онъ имъ говорилъ! Онъ только такъ... какой тутъ мѣдный грошъ!.. А тебѣ нечего про все понимать, горло драть, продолжалъ дядя, съ укоризною обращаясь къ мужику:—тебѣ же, дураку, добра пожелали, а ты не понимаешь, да и кричишь!

— Помилуйте, дядюшка, а французскій-то языкъ?

— Это онъ для произношенія, Сережа, единственно для произношенія, проговорилъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ.—Онъ это самъ говорилъ, что для произношенія... Притомъ же тутъ случилась одна особенная исторія—ты ея не знаешь, а потому и не можешь судить. Надо, братецъ, прежде выкинуть, а ужъ потомъ обвинять... Обвинять-то легко!

— Да вы-то чего! закричалъ я, въ запальчивости снова обращаясь къ мужикамъ. Вы бы ему такъ все прямо и высказали. Дескать эдакъ нельзя, Оома Оомичъ, а вотъ оно какъ! Вѣдь есть же у васъ языкъ?

— Гдѣ та мышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила, батюшка? Я, говоритъ, тебя, мужика сиволапаго, чистотѣ и порядку учу. Отчего у тебя рубаха нечиста? Да въ поту живешь, оттого и нечистая! Не каждый день перемѣнять. Съ чистоты не воскреснешь, съ погани не треснешь.

— А вотъ анамедни на гумно пришелъ, заговорилъ другой мужикъ, съ виду рослый и сухощавый, весь въ заплатахъ, въ самыхъ худенькихъ лаптишкахъ и, повидимому, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чѣмъ нибудь недовольны и всегда держатъ въ запасъ какое нибудь ядовитое, отравленное слово. До сихъ поръ онъ хоронился за спинами другихъ мужиковъ, слушалъ въ мрачномъ безмолвіи и все время не сгонялъ съ лица какой-то двусмысленной, горько-лукавой усмѣшки.—На гумно пришелъ: «Знаете ли вы, говоритъ, сколько

до солнца верстъ?» А кто его знаетъ? Наука эта ненашипнская, а барская. «Нѣтъ, говоритъ, ты дуракъ, пехтерь, пользы своей не знаешь; а я, говоритъ астрономъ! Я всѣ Божіи планеты узналъ.

— Ну, а сказалъ тебѣ сколько до солнца верстъ? вмѣшался дядя, вдругъ оживляясь и весело мнѣ подмигивая, какъ бы говоря: «вотъ посмотри ка, что будетъ!»

— Да, сказалъ сколько-то много, нехотя отвѣчалъ мужикъ, неожиданно такого вопроса.

— Ну, а сколько сказалъ, сколько именно?

— Да вашей милости лучше извѣстно, а мы люди темные.

— Да я-то, братъ, знаю, а ты помнишь ли?

— Да сколько-то сотъ, али тысячь, говорилъ, будетъ. Что-то много сказалъ. На трехъ возахъ не вывезешь.

— То-то, помни, братецъ! А ты думалъ, небось, съ версту будетъ, рукой достать? Нѣтъ, братъ, земля—это, видишь, какъ шаръ круглый — понимаешь?.. продолжалъ дядя, очертивъ руками въ воздухѣ подобіе шара.

Мужикъ горько улыбнулся.

— Да, какъ шаръ! Она такъ на воздухѣ и держится сама собой и кругомъ солнца ходитъ. А солнце-то на мѣстѣ стоитъ; тебѣ только кажется, что оно ходитъ. Вотъ она штука какая! А открылъ это все капитанъ Кукъ, мореходъ... А чортъ его знаетъ кто и открылъ, прибавилъ онъ полупопотомъ, обращаясь ко мнѣ. Самъ-то я, братъ, ничего не знаю... А ты знаешь, сколько до солнца-то?

— Знаю, дядюшка, отвѣчалъ я, съ удивленіемъ смотря на всю эту сцену:—только вотъ что я думаю: конечно необразованность есть тоже неряшество; но, съ другой стороны... учить крестьянъ астрономіи...

— Именно, именно, именно неряшество! подхватилъ дядя, въ восторгѣ отъ моего выраженія, которое показалось ему чрезвычайно удачнымъ. Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорилъ... то есть я этого никогда не говорилъ, но я чувствовалъ. Слышите, закричалъ онъ мужикамъ:—необразованность, это тоже неряшество, такая же грязь! Вотъ оттого васъ Оома и хотѣлъ научить. Онъ васъ добру хотѣлъ научить—это ничего. Это братъ, ужъ все равно, тоже служба, всякаго чина стоитъ. Вотъ оно дѣло какое, наука-то! Ну, хорошо, хорошо, друзья мои! Ступайте съ Богомъ, а я радъ, радъ... будьте покойны, я васъ не оставляю.

— Защити, отецъ родной!

— Вели свѣтъ видѣть, батюшка!

И мужики повалились въ ноги.

— Ну, ну, это вздоръ! Богу, да царю кланяться, а не мнѣ... Ну, ступайте, ведите себя хорошо, заслужите ласку... ну и тамъ все... Знаешь, сказалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, только что ушли мужики и какъ-то сіяя отъ радости, любить мужичокъ доброе слово, да и подарочекъ не повредить. Подарю-ка я имъ что нибудь—а?

какъ ты думаешь? Для твоего приѣзда... Подарить, или нѣтъ?

— Да вы, дядюшка, какой-то Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ, какъ я погляжу.

— Ну, нельзя же, братецъ, нельзя: это ничего. Я имъ давно хотѣлъ подарить, прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь.—А что тебѣ смѣшно, что я мужиковъ наукамъ училъ? Нѣтъ, братъ, это я такъ, это я отъ радости, что тебя увидѣлъ, Сережа. Просто-запросто хотѣлъ, чтобъ и онъ, мужикъ, узналъ—сколько до солнца, да ротъ разинулъ. Весело, братъ, смотрѣть, когда онъ ротъ разинетъ... какъ-то эдакъ радуешься за него. Только, знаешь, другъ мой, не говори тамъ въ гостиной, что я съ мужиками здѣсь объяснялся. Я нарочно ихъ за конюшными принялъ, чтобъ не видно было. Оно, братъ, какъ-то нельзя было тамъ: щекотливое дѣло, да и сами они потихоньку пришли. Я вѣдь это для нихъ больше и сдѣлалъ...

— Ну, вотъ, дядюшка, я и приѣхалъ! началъ я, перемѣняя разговоръ и желая добратъ поскорѣе до главнаго дѣла.—Признаюсь вамъ, письмо ваше меня такъ удивило, что я...

— Другъ мой, ни слова объ этомъ! перебилъ дядя, какъ будто въ испугъ и даже понизивъ голосъ:—послѣ, послѣ это все объяснится. Я, можетъ быть, и виноватъ передъ тобою и даже, можетъ быть, очень виноватъ, но...

— Передо мной виноваты, дядюшка?

— Послѣ, послѣ, мой другъ, послѣ! все это объяснится. Да какой же ты сталъ молодецъ! Милый ты мой! А какъ же я тебя ждалъ! хотѣлъ излить, такъ сказать... ты ученый, ты одинъ у меня... ты и Коровкинъ. Надобно замѣтить тебѣ, что на тебя здѣсь всѣ сердятся. Смотри же, будь осторожнѣе, не оплошай!

— На меня? спросилъ я, въ удивленіи смотря на дядю, не понимая, чѣмъ я могъ разсердить людей, тогда еще мнѣ совсѣмъ незнакомыхъ.—На меня?

— На тебя, братецъ. Чтожь дѣлать! Оома Оомичъ немножко... ну ужъ и маменька, вслѣдъ за нимъ. Вообще, будь остороженъ, почтителенъ, не противорѣчь, а, главное, почтителенъ...

— Это передъ Оомой-то Оомичемъ, дядюшка?

— Чтожь дѣлать, другъ мой! вѣдь я его не защищаю. Дѣйствительно, онъ, можетъ быть, человѣкъ съ недостатками, и даже теперь, въ эту самую минуту... Ахъ, братъ Сережа, какъ это все меня беспокоитъ! И какъ бы это все могло уладиться, какъ бы мы всѣ могли быть довольны и счастливы!.. Но, впрочемъ, ктожь безъ недостатковъ? Вѣдь не золотые жъ и мы?

— Помилуйте, дядюшка! разсмотрите, что онъ дѣлаетъ...

— Эхъ, братъ! все это только дразни и больше ничего! вотъ, напримѣръ, я тебѣ расскажу: теперь онъ сердится на меня, и за что, какъ ты думаешь?.. Впрочемъ, можетъ быть, я и самъ виноватъ. Лучше я тебѣ потомъ расскажу...

— Впрочемъ, знаете, дядюшка, у меня на этотъ счетъ выработалась своя особая идея, перебилъ я, торопясь высказать мою идею. Да мы и оба какъ-то торопились.—Во-первыхъ, онъ былъ шуткомъ: это его огорчило, сразило, оскорбило его идеаль; а вотъ вышла натура озлобленная, болѣзненная, мстящая, такъ сказать, всему человѣчеству... Но если примприть его человѣкомъ, если возратить его самому себѣ...

— Именно, именно! вскричалъ дядя въ восторгѣ—именно такъ! Благороднѣйшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было бы намъ осуждать его! Именно!.. Ахъ, другъ мой, ты меня понимаешь; ты мнѣ отраду привезъ! Только бы тамъ-то уладилось! Знаешь, я туда теперь и явиться боюсь. Вотъ ты приѣхалъ, и мнѣ непременно достанется!

— Дядюшка, если такъ... началъ было я, смутясь отъ такого признанія.

— Ни-ни-ни! ни за что въ свѣтъ! закричалъ онъ, схвативъ меня за руки.—Ты мой гость, и я такъ хочу!

Все это чрезвычайно меня удивляло.

— Дядюшка, скажите мнѣ сейчасъ же, началъ я настойчиво:—для чего вы меня звали? чего отъ меня надѣетесь и, главное, въ чемъ передо мной виноваты?

— Другъ мой, и не спрашивай! послѣ, послѣ! все это послѣ объяснится! Я, можетъ быть, и во многомъ виноватъ, но я хотѣлъ поступить какъ честный человѣкъ и... и... и ты на ней женишься! Ты женишься, если только есть въ тебѣ капля благородства! прибавилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ какого-то внезапнаго чувства, восторженно и крѣпко сжимая мою руку.—Но довольно, ни слова больше! Все самъ скоро узнаешь. Отъ тебя же будетъ зависѣть... Главное, чтобъ ты теперь тамъ повзвѣлся, произвелъ впечатлѣніе. Главное, не сконфузься.

— Но, послушайте, дядюшка, кто жъ у васъ тамъ? Я признаюсь, такъ мало бывалъ въ обществѣ, что...

— Что немножко труснѣе? прервалъ дядя съ улыбкою.—Э, ничего! все свои, ободрись! главное, ободрись, не бойся! Я все какъ-то боюсь за тебя. Кто тамъ у насъ, спрашиваешь? Да кто жъ у насъ... Во-первыхъ, мамаша, началъ онъ торопливо.—Ты помнишь мамашу, или не помнишь? Добрѣйшая, благороднѣйшая старушка; безъ претензій—это можно сказать; стараго покроя немножко, да это и лучше. Ну, знаешь, иногда такіа фантазіи, скажетъ эдакъ какъ-то; на меня теперь сердится, да я самъ виноватъ... знаю, что виноватъ! Ну, наконецъ—она вѣдь, что называется *grande dame*, генеральша... превосходнѣйшій человѣкъ былъ ея мужъ: во-первыхъ, генералъ, человѣкъ образованнѣйшій, состоянія не оставилъ, но за то весь былъ израненъ; словомъ—стижалъ уваженіе! Потомъ дѣвица Перепелицына. Ну эта... не знаю... въ послѣднее время она какъ-то того... характеръ такой... А впрочемъ, нельзя же всѣхъ и осуждать...

Ну, да Богъ съ ней... Ты не думай, что она приживалка какая нибудь. Она, братъ, сама подполковничья дочь. Наперсница маменьки, другъ! Потомъ, братъ, сестрица Прасковья Ильинична. Ну, про эту нечего много говорить: простая, добрая; хлопотунья немного, но за то сердце какое!—ты, главное, на сердце смотри—пожилая дѣвушка, но, знаешь, этотъ чудакъ Бахчеевъ, кажется, куры строить, хочетъ присвататься. Ты, однако, молчи; чуръ: секретъ! Ну, кто же еще изъ нашихъ? про дѣтей не говорю: самъ увидишь. Илюшка завтра имянинникъ... Да бишь! чуть не забылъ: гостить у насъ, видишь ли, уже цѣлый мѣсяцъ, Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ, тебѣ будетъ троюродный братъ, кажется; да, именно троюродный! онъ недавно въ отставку вышелъ изъ гусаровъ, поручикомъ; человекъ еще молодой. Благороднѣйшая душа! но, знаешь, такъ промотался, что ужъ я и не знаю, гдѣ онъ успѣлъ такъ промотаться. Впрочемъ, у него ничего почти и не было; но все-таки промотался, надѣлалъ долговъ... Теперь гостить у меня. Я его до этихъ поръ и не зналъ совсѣмъ; самъ пріѣхалъ, отрекомендовался. Милый, добрый, смирный, почтительный. Слыхалъ ли отъ него здѣсь кто и слово? все молчитъ. Ома, въ насмѣшку, прозвалъ его «молчаливый незнакомецъ»,—ничего не сердится. Ома доволенъ; говорить про Ивана, что онъ не далекъ. Впрочемъ, Иванъ ему ни въ чемъ не противорѣчитъ и во всемъ поддакиваетъ. Гм! Забитый онъ такой... Ну, да Богъ съ нимъ! самъ увидишь. Есть городскіе гости: Павелъ Семенычъ Обноскинъ съ матерью; молодой человекъ, но высочайшаго ума человекъ; что-то зрѣлое, знаешь, незабываемое... Я вотъ только не умѣю выразиться; и, въ добавокъ, превосходной нравственности; строя мораль! Ну, и наконецъ гостить у насъ, видишь ли, одна Татьяна Ивановна, пожалуй, еще будетъ намъ дальняя родственница — ты ее не знаешь — дѣвица, не молодая — въ этомъ можно признаться, но... съ пріятностями дѣвица; богата, братецъ, такъ что два Степанчикова купить; недавно получила, а до тѣхъ поръ горе мыкала. Ты, братъ, Сережа, пожалуйста, остерегись: она такая болѣзненная... знаешь, что-то фантазмагорическое въ характерѣ. Ну, ты благороденъ, поймешь, испитая, знаешь, несчастья. Вдвое надо быть осторожнѣе съ человекомъ, испытавшимъ несчастья! Ты, впрочемъ, не подумай чего нибудь. Конечно, есть слабости: такъ иногда заторопится, скоро скажетъ, не то слово скажетъ, которое нужно, то есть не лжетъ, ты не думай... все это, братъ, такъ сказать, отъ чистаго, отъ благороднаго сердца выходить, то-есть если даже и солжетъ что нибудь, то единственно, такъ сказать, чрезъ излишнее благородство души—понимаешь?

Мнѣ показалось, что дядя ужасно сконфузился. —Послушайте, дядюшка, сказалъ я:—я васъ такъ люблю... простите откровенный вопросъ: женитесь вы на комъ нибудь здѣсь, или нѣтъ?

— Да ты отъ кого слышалъ? отвѣчалъ онъ, по-

краснѣвъ какъ ребенокъ. Вотъ видишь, другъ мой, я тебѣ все расскажу: во-первыхъ, я не женюсь. Маменька, отчасти сестрица и, главное, Ома Омичъ, котораго маменька обожаетъ—и за дѣло, за дѣло: онъ много для нея сдѣлалъ — всѣ они хотятъ, чтобъ я женился на этой самой Татьянѣ Ивановнѣ, изъ благоразумія, то-есть, для всего семейства. Конечно, мнѣ же добра желаютъ — я вѣдь это понимаю; но я вѣ за что не женюсь — я ужъ далъ себѣ такое слово. Несмотря на то, я какъ-то не умѣлъ отвѣчать: ни да, ни нѣтъ не сказалъ. Это ужъ, братъ, со мной всегда такъ случается. Они и подумали, что я соглашаюсь, и непремѣнно хотятъ, чтобъ завтра, для семейнаго праздника, я объяснился... и потому завтра такія хлопоты, что я даже не знаю, что предпринять! Къ тому же Ома Омичъ, неизвѣстно почему, на меня разсердился; маменька тоже. Я, братъ, признаюсь тебѣ, только ждалъ тебя, да Коровкина... хотѣлъ излить, такъ сказать...

— Да чѣмъ же тутъ поможетъ Коровкинъ, дядюшка?

— Поможетъ, другъ мой, поможетъ — это, братъ, ужъ такой человекъ; одно слово: человекъ науки! Я на него какъ на каменную гору надѣюсь: побѣждающій человекъ! Про семейное счастье какъ говоритъ! Я, признаюсь, и на тебя тоже надѣялся; думалъ: ты ихъ урезонишь. Самъ разсуди: ну, положимъ, я виноватъ, дѣйствительно виноватъ — я понимаю все это; я не безчувственный. Ну да все же меня можно простить когда нибудь! Тогда бы мы вотъ-какъ зажили!... Эхъ братъ, какъ выросла моя Сашурка, хоть сейчасъ къ вѣнцу! Илюшка мой какой сталъ! завтра имянинникъ. За Сашурку-то я боюсь — вотъ что!...

— Дядюшка! гдѣ мой чемоданъ? Я переодѣнусь и мнгомъ явлюсь, а тамъ...

— Въ мезонинѣ, другъ мой, въ мезонинѣ. Я ужъ такъ заранѣ велѣлъ, чтобъ тебя, какъ пріѣдешь, прямо вели въ мезонинъ, чтобъ никто не видалъ. Именно, именно переодѣнься! Это хорошо, прекрасно, прекрасно! а я, покамѣстъ, тамъ всѣхъ понемногу приготовлю. Ну, и съ Богомъ! Знаешь, братъ, надо хитрить. Поневолѣ Талейраномъ сдѣлаешься. Ну, да ничего! Тамъ теперь они чай пьютъ. У насъ рано чай пьютъ. Ома Омичъ любить пить сейчасъ какъ проснется; оно, знаешь, и лучше... Ну, такъ я пойду, а ты ужъ поскорѣй за мной, не оставляй меня одного: неловко, братъ, какъ-то мнѣ одному-то... Да! стой! вотъ еще къ тебѣ просьба: не кричи на меня тамъ, какъ давеча здѣсь кричалъ — а? развѣ ужъ потомъ, если захочешь что замѣтить, такъ, наединѣ, здѣсь и замѣтишь; а до тѣхъ поръ, какъ-нибудь, скрѣпись, подожди! Я, видишь ли, тамъ ужъ и такъ накутилъ. Они сердятся...

— Послушайте, дядюшка, изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, мнѣ кажется, что вы...

— Тюфякъ, что ли? да ужъ ты договаривай! перебилъ онъ меня совсѣмъ неожиданно.—Что жъ,

братъ, дѣлать! Я ужъ и самъ это знаю. Ну, такъ ты придешь? Какъ можно скорѣе приходи, пожалуйста!

Взойдя на-верхъ, я поспѣшно открылъ чемоданъ, помня приказаніе дяди сойти внизъ какъ можно скорѣе. Одѣваясь, я замѣтилъ, что еще почти ничего не узналъ изъ того, что хотѣлъ узнать, хотя и говорилъ съ дядей цѣлый часъ. Это меня поразило. Одно только было для меня нѣсколько ясно: дядя все еще настойчиво хотѣлъ, чтобъ я женился; слѣдовательно, всѣ противоположныя слухи, именно: что дядя влюбленъ въ ту же особу самъ, — неумѣстны. Помню, что я былъ въ большой тревогѣ. Между прочимъ, мнѣ пришло на мысль, что я, пріѣздомъ моимъ и молчаніемъ передъ дядей, почти произнесъ обѣщаніе, далъ слово, связалъ себя на вѣки. «Не трудно, думалъ я, не трудно сказать слово, которое свяжетъ потомъ навѣки по рукамъ и по ногамъ. А я еще не видалъ и невѣсты!» И опять-таки: съ чего эта вражда противъ меня цѣлаго семейства? Почему именно всѣ они должны смотрѣть на мой пріѣздъ, какъ увѣряетъ дядя, враждебно? И что за странную роль играетъ самъ дядя здѣсь, въ своемъ собственномъ домѣ? Отчего происходитъ его таинственность? отчего всѣ эти испуги и муки? Признаюсь, что все это представилось мнѣ вдругъ чѣмъ-то совершенно безмысленнымъ; а романческія и героическія мечты мои совсѣмъ вылетѣли изъ головы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Тенерь только, послѣ разговора съ дядей, мнѣ вдругъ представилась вся нескладность, вся эксцентричность его предложенія, и я понялъ, что подобное предложеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, способенъ былъ сдѣлать одинъ только дядя. Понялъ я также, что и самъ я, прискакавъ сюда сломя голову, по первому его слову, въ восторгѣ отъ его предложенія, очень походилъ на дурака. Я одѣвался поспѣшно, занятый тревожными моими сомнѣніями, такъ что и не замѣтилъ сначала прислуживавшаго мнѣ слугу.

— Аделаидина цвѣта изволите галстухъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клѣтками? спросилъ вдругъ слуга, обращаясь ко мнѣ съ какою-то необыкновенною, приторною учтивостью.

Я взглянулъ на него, и оказалось, что онъ тоже достоинъ былъ любопытства. Это былъ еще молодой человѣкъ, для лакея одѣтый прекрасно, не хуже иного губернскаго франта. Коричневый фракъ, бѣлыя брюки, палевый жилетъ, лакированные полусапожки и розовый галстучекъ, подобраны были очевидно не безъ цѣли. Все это тотчасъ же должно было обратить вниманіе на деликатный вкусъ молодого шеголя. Цѣпочка къ часамъ была выставлена на показъ непременно съ тою же цѣлью. Лицомъ онъ былъ блѣденъ и даже зеленоватъ; носъ имѣлъ большой, съ горбинкой, тонкій, необыкновенно бѣлый, какъ будто фарфоровый. Улыбка на тонкихъ губахъ его выражала какую-то грусть и, однакожъ, деликатную грусть. Глаза,

большіе, выпученные и какъ будто стеклянные, смотрѣли необыкновенно тупо, и, однакожъ, все-таки просвѣчивалась въ нихъ деликатность. Тонкія мягкія ушки были заложены, изъ деликатности, ватой. Длинные, бѣлобрысые и жидкіе волосы его были завиты въ кудри и напомажены. Ручки его были бѣленькія, чистенькія, вымытыя чуть-ли не въ розовой водѣ; пальцы оканчивались щеголеватыми, длиннѣйшими розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и бѣлоручку. Онъ шепелявилъ и премодно невыговаривалъ букву р, подымалъ и опускалъ глаза, вздыхалъ и нѣжничалъ до невѣроятности. Отъ него пахло духами. Роста онъ былъ небольшого, дряблый и хилый, и на ходу какъ-то особенно присѣдалъ, вѣроятно, находя въ этомъ самую высшую деликатность—словомъ, онъ весь былъ пропитанъ деликатностью, subtilностью и необыкновеннымъ чувствомъ собственного достоинства. Последнее обстоятельство, неизвѣстно почему, мнѣ, сгоряча, не понравилось.

— Такъ этотъ галстухъ аделаидина цвѣта? спросилъ я, строго посматривая на молодого лакея.

— Аделаидина-съ, отвѣчалъ онъ съ невозмутимую деликатностью.

— А аграфенина цвѣта нѣтъ?

— Нѣтъ-съ. Такого и быть не можетъ-съ.

— Это почему?

— Неприличное имя Аграфена-съ.

— Какъ неприличное? почему?

— Извѣстно-съ: Аделаида, по-крайней-мѣрѣ, иностранное имя, облагороженное-съ; а Аграфеной могутъ называть всякую последнюю бабу-съ.

— Да ты съ ума сошелъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я при своемъ умѣ-съ. Все—конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговоромъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-съ.

— Да тебя какъ зовутъ?

— Видоплясовъ.

— А! такъ это ты Видоплясовъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну подожди же, братъ, я и съ тобой познакомлюсь.

«Однако здѣсь что-то похоже на Бедламъ», подумалъ я про себя, сходя внизъ.

IV.

З а ч а е м ѣ .

Чайная была та самая комната, изъ которой былъ выходъ на террасу, гдѣ я давеча встрѣтилъ Гаврилу. Тайнственныя предвѣщанія дяди насчетъ пріема, меня ожидавшаго, очень меня беспокоили. Молодость иногда не въ мѣру самолюбива, а молодое самолюбіе почти всегда трусливо. Вотъ потому мнѣ чрезвычайно непріятно было, когда я, только что войдя въ дверь и увидя за чайнымъ

столомъ все общество, вдругъ запнулся за коверъ, пошатнулся и, спасая равновѣсіе, неожиданно вылетѣлъ на средину комнаты. Сконфузившись такъ, какъ будто я разомъ погубилъ свою карьеру, честь и доброе имя, стоялъ я безъ движенія, покраснѣвъ, какъ ракъ, и безсмысленно смотря на присутствовавшихъ. Упоминаю объ этомъ происшествіи, совершенно по себѣ ничтожномъ, единственно потому, что оно имѣло чрезвычайное вліяніе на мое расположеніе духа почти во весь тотъ день, а слѣдственно и на отношенія мои къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я попробовалъ было поклониться, недокончилъ, покраснѣлъ еще болѣе, бросился къ дядѣ и схватилъ его за руку.

— Здравствуйте, дядюшка, проговорилъ я, задыхаясь, желая сказать что-то совсѣмъ другое, гораздо остроумнѣе, но, совсѣмъ неожиданно, сказавъ только: «здравствуйте».

— Здравствуй, здравствуй, братецъ, отвѣчалъ страдавшій за меня дядя:—вѣдь мы ужъ здоровались. Да не конфузся, пожалуйста, прибавилъ онъ шопотомъ:—это, братъ, со всѣми случается, да еще какъ! Бывало, хотъ провалиться въ ту жъ пору!.... Ну, а теперь, маменька, позвольте вамъ рекомендовать: вотъ нашъ молодой человѣкъ; онъ немного сконфузился, но вы его вѣрно полюбите. Племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ, добавилъ онъ обращаясь ко всѣмъ вообще.

Но прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, позвольте, любезный читатель, представить вамъ поименно все общество, въ которомъ я вдругъ очутился. Это даже необходимо для порядка разсказа.

Вся компанія состояла изъ нѣсколькихъ дамъ и только двухъ мужчинъ, не считая меня и дяди. Оомы Оомича—котораго я такъ желалъ видѣть и который, я уже тогда же чувствовалъ это, былъ полновластнымъ владыкою всего дома,—не было: онъ блисталъ своимъ отсутствіемъ и какъ будто унесъ съ собою свѣтъ изъ комнаты. Всѣ были мрачны и озабочены. Этого нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда: какъ ни былъ я самъ въ ту минуту смущенъ и разстроенъ, однако я видѣлъ, что дядя, напримѣръ, разстроенъ чуть-ли не такъ же, какъ я, хотя онъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ скрыть свою заботу подъ видимою непринужденностью. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ. Одинъ изъ двухъ мужчинъ, бывшихъ въ комнатѣ, былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, тотъ самый Обноскинъ, о которомъ давеча упоминалъ дядя, восхваляя его умъ и мораль. Этотъ господинъ мнѣ чрезвычайно не понравился: все въ немъ сбивалось на какой-то шикъ дурнаго тона; костюмъ его, несмотря на шикъ, былъ какъ-то потертъ и скуденъ; въ лицѣ его было что-то какъ будто тоже потертое. Блѣды, тонкіе, тараканы усы и неудавшаяся вѣлковатая бороденка, очевидно, предназначены были предъявлять человѣка независимаго и, можетъ быть, вольнодумца. Онъ безпрестанно прищуривался, улы-

бался съ какою-то выдѣланною язвительностью, кобанился на своемъ стулѣ и поминутно смотрѣлъ на меня въ лорнетъ; но когда я къ нему поворачивался, онъ немедленно опускалъ свое стеклышко и какъ будто трусилъ. Другой господинъ, тоже еще человѣкъ молодой, лѣтъ двадцати восьми, былъ мой троюродный братецъ, Мизинчиковъ. Дѣйствительно, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ. За часомъ, во все время, онъ не сказалъ ни слова, не смѣялся, когда всѣ смѣялись; но я вовсе не замѣтилъ въ немъ никакой «забитости», которую видѣлъ въ немъ дядя; напротивъ, взглядъ его свѣтлокарихъ глазъ выражалъ рѣшимость и какую-то опредѣленность характера. Мизинчиковъ былъ смуглъ, черноволосъ и довольно красивъ; одѣтъ очень прилично — на дядинъ счетъ, какъ узналъ я послѣ. Изъ дамъ я замѣтилъ прежде всѣхъ дѣвицу Перепелцыну, по ея необыкновенно злому, безкровному лицу. Она сидѣла возлѣ генеральши—о которой будетъ особая рѣчь впослѣдствіи—но не рядомъ, а нѣсколько сзади, изъ почтительности; поминутно нагибалась и шептала что-то на ухо своей покровительницѣ. Двѣ-три пожилыя приживалки, совершенно безъ рѣчей, сидѣли рядомъ у окна и почтительно ожидали чаю, вытаращивъ глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лѣтъ пятидесяти, одѣтая очень безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти безъ зубовъ, вмѣсто которыхъ торчали какіе-то почернѣвшіе и обломанные кусочки; это, однакожъ, не мѣшало ей пищать, прищуриваться, модничать и чуть-ли не дѣлать глазки. Она была увѣшана какими-то цѣпочками и непрерывно наводила на меня лорнетку, какъ мсье Обноскинъ. Это была его маменька. Смиренная Прасковья Ильична, моя тетушка, разливала чай. Ей, видимо, хотѣлось обнять меня послѣ долгой разлуки и, разумѣется, тутъ же расплакаться, но она не смѣла. Все здѣсь, казалось, было подъ какимъ-то запретомъ. Возлѣ нея сидѣла прехорошенькая, черноглазая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, глядѣвшая на меня пристально, съ дѣтскимъ любопытствомъ—моя кузина Саша. Наконецъ и, можетъ быть, всѣхъ болѣе, выдавалась на видъ одна престранная дама, одѣтая пышно и чрезвычайно-юношесвенно, хотя она была далеко немолодая, по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцати пяти. Лице у ней было очень худое, блѣдное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая краска поминутно появлялась на ея блѣдныхъ щекахъ, почти при каждомъ ея движеніи, при каждомъ волненіи. Волновалась же она безпрерывно, вертѣлась на стулѣ и какъ будто не въ состояніи была и минутки просидѣть въ покоѣ. Она всматривалась въ меня съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, безпрестанно наклонялась пошептывать что-то на ухо Сашенькѣ, или другой сосѣдкѣ, и тотчасъ же принималась смѣяться самымъ простодушнымъ, самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Но всѣ ея эксцентричности, къ удивленію моему,

какъ будто не обращали на себя ничего вниманія, точно напередъ всѣ въ этомъ условились. Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, въ которой, по выраженію дяди, было нѣчто фантазмагорическое, которую навязывали ему въ невѣсты, и за которой почти всѣ въ домѣ ухаживали за ея богатство. Мнѣ, впрочемъ, понравились ея глаза голубые и кроткіе; и хотя около этихъ глазъ уже виднѣлись морщинки, но взглядъ ихъ былъ такъ простодушень, такъ веселъ и добръ, что какъ-то особенно-пріятно было встрѣчаться съ нимъ. Объ этой Татьянѣ Ивановнѣ, одной изъ настоящихъ «героинь» моего разсказа, я скажу послѣ подробнѣе: біографія ея примѣчательна. Минутъ пять послѣ моего появленія въ чайной, вбѣжалъ изъ сада прехорошенькій мальчикъ, мой кузень Илюша, завтрашній именинникъ, у котораго теперь оба кармана были набиты бабками, а въ рукахъ былъ кубарь. За нимъ вошла молодая, стройная дѣвушка, немного блѣдная и какъ-будто усталая, но очень хорошенкяя. Она окинула всѣхъ пытливымъ, недоувѣрчивымъ и даже робкимъ взглядомъ, пристально посмотрѣла на меня и сѣла возлѣ Татьяны Ивановны. Помню, что у меня невольно стукнуло сердце: я догадался, что это была та самая гувернантка... Помню тоже, что дядя, при ея появленіи, вдругъ бросилъ на меня быстрый взглядъ и весь покраснѣлъ, потомъ нагнулся, схватилъ на руки Илюшу и поднесъ его мнѣ поцѣловать. Замѣтилъ я еще, что мадамъ Обноскина сперва пристально посмотрѣла на дядю, а потомъ съ саркастической улыбкой навела свой лорнетъ на гувернантку. Дядя очень смутился и, не зная что дѣлать, вызвалъ было Сашеньку, чтобъ познакомить ее со мной, но та только привстала и, молча, съ серьезною важностью, мнѣ присѣла. Это, впрочемъ, мнѣ понравилось, потому что къ ней шло. Въ ту же минуту добрая тетюшка, Прасковья Ильинична, невытерпѣла, бросила разливать чай и кинулась было ко мнѣ лобызать меня, но я еще не успѣлъ ей сказать двухъ словъ, какъ тотчасъ же раздался визгливый голосъ дѣвицы Перепелицыной, пропичавшей, что «видно, Прасковья Ильинична забыли-съ маменьку-съ (генеральшу), что маменька-съ требовали чаю-съ, а вы и не наливаете-съ, а онѣ ждутъ-съ», и Прасковья Ильинична, оставивъ меня, со всѣхъ ногъ бросилась къ своимъ обязанностямъ.

Эта генеральша, самое важное лицо во всемъ этомъ кружкѣ и передъ которой всѣ ходили по стрункѣ, была тощая и злая старуха, вся одѣтая въ трауръ—злая, впрочемъ, больше отъ старости и отъ потери послѣднихъ (и прежде еще небогатыхъ) умственныхъ способностей; прежде же она была вздорная. Генеральство сдѣлало ее еще глупѣе и надменнѣе. Когда она злилась, весь домъ походилъ на адъ. У ней были двѣ манеры злиться. Первая манера была молчаливая, когда старуха по цѣлымъ днямъ не разжимала губъ своихъ и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на полъ все, что передъ ней ни поставили. Другая

манера была совершенно противоположная: краснорѣчивая. Начиналось обыкновенно тѣмъ, что бабушка—она, вѣдь, была мнѣ бабушка—погружалась въ необыкновенное уныніе, ждала разрушенія міра и всего своего хозяйства, предчувствовала впередъ нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчувствіями, начинала по пальцамъ исчислять будущія бѣдствія, и даже приходила при этомъ счетъ въ какой-то восторгъ, въ какой-то азартъ. Разумѣется, открывалось, что она все давно ужъ заранѣе предвидѣла и только потому молчала, что принуждена силою молчать въ «этомъ домѣ». «Но еслибъ только были къ ней почтительны, еслибъ только захотѣли ее заранѣе послушаться, то» и т. д. и т. д.; все это немедленно поддакивалось стайе приживалокъ, дѣвицей Перепелицыной и, наконецъ, торжественно скрѣплялось Ѳомой Ѳомичемъ. Въ ту минуту, какъ я представлялся ей, она ужасно гнѣвалась и, кажется, по первому способу, молчаливому, самому страшному. Всѣ смотрѣли на нее съ боязнью. Одна только Татьяна Ивановна, которой спускалось рѣшительно все, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Дядя нарочно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, подвелъ меня къ бабушкѣ; но та, сдѣлавъ кислую гримасу, со злостью оттолкнула отъ себя свою чашку.

— Это тотъ вол-ти-жѣръ? проговорила она сквозь зубы и на-распѣвъ, обращаясь къ Перепелицыной.

Этотъ глупый вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Непонимаю, отчего она назвала меня вольтижеромъ? Но такіе вопросы ей были еще ни почемъ. Перепелицына нагнулась и пошептала ей что-то на ухо; но старуха злобно махнула рукой. Я стоялъ съ разинутымъ ртомъ и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Всѣ переглянулись, а Обноскинъ даже оскалилъ зубы, что ужасно мнѣ понравилось.

— Она, братъ, иногда заговаривается, шепнулъ мнѣ дядя, тоже отчасти потерявшійся: — но это ничего, она это такъ; это отъ добраго сердца. Ты, главное, на сердце смотри.

— Да, сердце! сердце! раздался внезапно звонкій голосъ Татьяны Ивановны, которая все время не сводила съ меня своихъ глазъ и отчего-то не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ: вѣроятно, слово «сердце», сказанное шопотомъ, долетѣло до ея слуха.

Но она не договорила, хотя ей очевидно хотѣлось что-то высказать. Сконфузилась ли она, или что другое, только она вдругъ замолчала, покраснѣла ужасно, быстро нагнулась къ гувернанткѣ, пошептала ей что-то на ухо, и вдругъ, закрывъ ротъ платкомъ и откинувшись на спинку кресла, захохотала, какъ-будто въ истерикѣ. Я оглядывалъ всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ; но, къ удивленію моему, всѣ были очень-серьезны и смотрѣли такъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго. Я, конечно, понималъ, кто была Татьяна

Ивановна. Наконецъ, мнѣ подали чаю и я нѣсколько оправился. Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что я обязанъ завести самый любезный разговоръ съ дамами.

— Вы правду сказали, дядюшка, началъ я, — предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться. Я откровенно признаюсь — къ чему скрывать? продолжалъ я, обращаясь съ заискивающей улыбкой къ мадамъ Обноскиной, — что до сихъ поръ совсѣмъ почти не зналъ дамскаго общества, и теперь, когда мнѣ случилось такъ неудачно войти, мнѣ показалось, что моя поза среди комнаты была очень смѣшна и отзывалась нѣсколько тюфякомъ — не правда ли? Вы читали «Тюфяка»? заключилъ я, теряясь все болѣе и болѣе, краснѣя за свою заискивающую откровенность и грозно смотря на мсьё Обноскина, который, скаля зубы, все еще оглядывалъ меня съ головы до ногъ.

— Именно, именно, именно! вскричалъ вдругъ дядя съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, искренно обрадовавшись, что разговоръ кое-какъ завязался и я поправлюсь. — Это, братъ, еще ничего, что ты, вотъ, говоришь, что можно сконфузиться. Ну, сконфузился, да и концы въ воду! А я, братъ, для перваго моего дебюта даже совралъ — вѣришь, иль нѣтъ? Нѣтъ, ей-Богу, Анфиса Петровна, это, я вамъ скажу, интересно прослушать. Только что поступилъ въ юнкера, приѣзжаю въ Москву, отправляюсь къ одной важной барынѣ съ рекомендательнымъ письмомъ — то есть надменнѣйшая женщина была, но, въ сущности, право, предобрая, чтобъ ни говорили. Вхожу — принимаютъ. Гостиная полна народу, преимущественно тузы. Раскланялся, сѣлъ. Со втораго слова она мнѣ: «А есть ли, батюшка, деревеньки?» То есть, ни курицы не было, — что отвѣчать? Сконфузился въ прахъ. Всѣ на меня смотрятъ (ну, что, юнкеришка!). Ну, почему бы не сказать: нѣтъ ничего; и благородно бы вышло, потому что правду бы сказалъ. Не выдержалъ! «Есть», говорю, «сто семнадцать душъ». И къ чему я тутъ эти семнадцать приплелъ? ужъ, коли врать, такъ и вралъ бы круглымъ числомъ, — не правда ли? Черезъ минуту, по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я голъ, какъ соколъ и, въ добавокъ, совралъ! Ну, что было дѣлать? Удралъ во всѣ лопатки и съ тѣхъ поръ ни ногой. Вѣдь у меня тогда еще ничего не было. Эго все, что теперь: триста душъ отъ дядюшки Аванасья Матвѣича, да двѣсти душъ, съ Капитоновкой, еще прежде, отъ бабушки Акулины Панфиловны, и того пятьсотъ слишкомъ. Это хорошо! Только я съ тѣхъ поръ закалялся врать и не вру.

— Ну, я бы, на вашемъ мѣстѣ, не закалялся. Богъ знаетъ, что можетъ случиться, замѣтилъ Обноскинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Ну, да, это правда, правда! Богъ знаетъ, что можетъ случиться, простодушно поддакнулъ дядя.

Обноскинъ громко захохоталъ, опрокинувшись на спинку кресла; его маменька улыбнулась; какъ-то

особенно гадко захихикала и дѣвица Перепелицына; захохотала и Татьяна Ивановна, не зная чему, и даже забила въ ладоши — словомъ, я видѣлъ ясно, что дядю въ его же домѣ считали равно ни во что. Сашенька, злобно сверкая глазками, пристально смотрѣла на Обноскина. Гувернантка покраснѣла и потупилась. Дядя удивился.

— А что? что случилось? повторилъ онъ, съ недоумѣніемъ озирая всѣхъ насъ.

Во все это время братецъ мой, Мизинчиковъ, сидѣлъ поодаль, молча, и даже не улыбнулся, когда всѣ засмѣялись. Онъ усердно пилъ чай, философически смотрѣлъ на всю публику и нѣсколько разъ, какъ-будто въ припадкѣ невыносимой скуки, порывался засвистать, вѣроятно, по старой привычкѣ, но во время останавливался. Обноскинъ, задиравшій дядю и покушавшійся на меня, какъ будто не смѣлъ и взглянуть на Мизинчикова: я это замѣтилъ. Замѣтилъ я тоже, что молчаливый братецъ мой часто посматривалъ на меня, и даже съ видимымъ любопытствомъ, какъ будто желая въ точности опредѣлить, что я за человѣкъ.

— Я увѣрена, зашебетала вдругъ мадамъ Обноскина: — я совершенно увѣрена, m-r Serge — вѣдь такъ, кажется? — что вы, въ нашемъ Петербургѣ, были небольшимъ обожателемъ дамъ. Я знаю, тамъ много, очень много развелось теперь молодыхъ людей, которые совершенно чуждаются дамскаго общества. Но, по моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотрѣть, какъ на непростительное вольнодумство. И признаюсь вамъ, меня это удивляетъ, удивляетъ, молодой человѣкъ, просто удивляетъ!..

— Совершенно не былъ въ обществѣ, отвѣчалъ я, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Но это... я, по крайней мѣрѣ, думаю, ничего-съ... Я жилъ, то есть я, вообще, нанималъ квартиру... но это ничего, увѣряю гасъ. Я буду знакомъ; а до сихъ поръ я все сидѣлъ дома...

— Занимался науками, замѣтилъ, приосанившись, дядя.

— Ахъ, дядюшка, вы все съ своими науками!.. Вообразите, продолжалъ я, съ необыкновенною развязностью, любезно осклабяясь и обращаясь снова къ Обноскиной: — мой дорогой дядюшка до такой степени преданъ наукамъ, что откопалъ гдѣ-то на большой дорогѣ какого-то чудодѣйственнаго, практическаго философа, г. Коровкина; и первое слово сегодня ко мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, было, что онъ ждетъ этого феноменальнаго чудодѣя съ какимъ-то судорожнымъ, можно сказать, нетерпѣніемъ... изъ любви къ наукѣ, разумѣется...

И я захихикалъ, надѣясь вызвать всеобщій смѣхъ въ похвалу моему остроумію.

— Кто такой? про кого онъ? рѣзко проговорила генеральша, обращаясь къ Перепелицыной.

— Гостей-съ Егоръ Ильичъ приглашали-съ, ученыхъ-съ; по большимъ дорогамъ ѣздить, ихъ собираютъ-съ, съ наслажденіемъ пропихивала дѣвица.

Дядя совсѣмъ растерялся.

— Ахъ, да! я и забылъ! вскричалъ онъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ выражался укоръ: — жду Коровкина. Человѣкъ науки, человѣкъ останется въ столѣтіи...

Онъ осѣлся и замолчалъ. Генеральша махнула рукой и въ этотъ разъ такъ удачно, что задѣла за чашку, которая слетѣла со стола и разбилась. Произошло всеобщее волненіе.

— Это она всегда, какъ разсердится, возьметъ, да и броситъ что нибудь на полъ, шепталъ мнѣ сконфуженный дядя. — Но это только—когда разсердится... Ты, братъ, не смотри, не замѣчай, гляди въ сторону... Зачѣмъ ты объ Коровкинѣ-то заговорилъ?..

Но я и безъ того смотрѣлъ въ сторону: въ эту минуту я встрѣтилъ взглядъ гувернантки, и мнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ на меня былъ какой-то упрекъ, что-то даже презрительное; румянецъ негодованія ярко запылалъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Я понялъ ея взглядъ и догадался, что малодушнымъ и гадкимъ желаніемъ моимъ сдѣлать дядю смѣшнымъ, чтобъ хоть немного снять смѣшнаго съ себя, я не очень выигралъ въ расположеніи этой дѣвицы. Не могу выразить, какъ мнѣ стало стыдно!

— А я съ вами все о Петербургѣ, залилась опять Анфиса Петровна, когда волненіе, произведенное разбитой чашкой, утихло. — Я съ такимъ, можно сказать, нас-лаж-деніемъ вспоминаю нашу жизнь въ этой очаровательной столицѣ... Мы были очень близко знакомы тогда съ однимъ домомъ—помнишь, Польша? генераль Половицынъ.. Ахъ, какое очаровательное, о-ча-ро-ва-тель-ное существо была генеральша! Ну, знаете, этотъ аристократизмъ, beau monde!.. Скажите: вы, вѣроятно, встрѣчались... Я, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала васъ сюда: я надѣялась отъ васъ многое, многое узнать о петербургскихъ друзьяхъ нашихъ...

— Мнѣ очень жаль, что я не могу... извините... Я уже сказалъ, что очень рѣдко былъ въ обществѣ и совершенно не знаю генерала Половицына; даже не слыхивалъ, отвѣчалъ я съ нетерпѣніемъ, внезапно смѣнивъ мою любезность на чрезвычайно досадливое и раздраженное состояніе духа.

— Занимался минералогіей! съ гордостью подхватилъ неисправимый дядя.—Это, братъ, что камушки тамъ разные разсматриваетъ, минералогія-то?

— Да, дядюшка, камни...

— Гм... Много есть наукъ, и все полезныхъ! А я, вѣдь, братъ, по-правдѣ, и не зналъ, что такое минералогія! Слышу только, что звонятъ гдѣ-то на чужой колокольнѣ. Въ чемъ другомъ—еще такъ и сякъ, а въ наукахъ глушь—откровенно каюсь!

— Откровенно каетесь? подхватилъ, ухмыляясь, Обноскинъ.

— Папочка! вскрикнула Саша, съ укоризной смотря на отца.

— Что, душка? Ахъ, Боже мой, я вѣдь все пре-

рываю васъ, Анфиса Петровна, спохватился дядя, не появивъ восклицанія Сашеньки.—Извините, ради Христа!

— О, не беспокойтесь! отвѣчала съ кисленькою улыбочкой Анфиса Петровна. — Впрочемъ, я уже все сказала вашему племяннику и заключу развѣтѣмъ, m-r Serge—такъ кажется?—что вамъ рѣшительно надо исправиться. Я вѣрю, что науки, искусства... ваяніе, напимѣръ... ну, словомъ, всѣ эти высокія идеи имѣютъ, такъ сказать, свою о-ба-я-тельную сторону, но онѣ не замѣняютъ дамъ!.. Женщины, женщины, молодой человѣкъ, формируютъ васъ, и потому безъ нихъ невозможно, невозможно, молодой человѣкъ, не-воз-можно!

— Невозможно, невозможно! раздался снова нѣсколько крикливый голосъ Татьяны Ивановны. — Послушайте, начала она, какъ-то дѣтски спѣша и, разумѣется, вся покраснѣвъ:—послушайте, я хочу васъ спросить...

— Чтѣ прикажете-съ, отвѣчалъ я, внимательно въ нее вглядываясь.

— Я хотѣла васъ спросить: на долго вы пріѣхали, или нѣтъ?

— Ей-Богу, не знаю-съ; какъ дѣла...

— Дѣла! Какія у него могутъ быть дѣла?... О, безумецъ!

И Татьяна Ивановна, краснѣя до нелзя и закрываясь вѣеромъ, нагнулась къ гувернанткѣ и тотчасъ же начала ей что-то шептать. Потомъ вдругъ засмѣялась и захлопала въ ладоши.

— Постойте! постойте! вскричала она, отрываясь отъ своей конфидантки и снова торопливо обращаясь ко мнѣ, какъ будто боясь, чтобъ я не ушелъ:—послушайте, знаете-ли, что я вамъ скажу? вы ужасно, ужасно похожи на одного молодого человѣка, о-ча-ро-ва-тельнаго молодого человѣка!... Сашенька, Настенька, помните! Онъ ужасно похожъ на того безумца—помнишь, Сашенька! еще мы катились и встрѣтили... верхомъ и въ бѣломъ жилетѣ... еще онъ наведъ на меня свой лорнетъ, безстыдникъ! Помните, я еще закрылась вуалью, но не утерпѣла, высунулась изъ коляски и закричала ему: «безстыдникъ!», а потомъ бросила на дорогу мой букетъ... Помнишь, Настенька?

И полупомѣшанная на амурахъ дѣвица, вся въ волненіи, закрыла лицо руками; потомъ вдругъ вскочила съ своего мѣста, порхнула къ окну, сорвала съ горшка розу, бросила ее близь меня на полъ и убѣжала изъ комнаты. Только ее и видѣли! Въ этотъ разъ произошло даже нѣкоторое замѣшательство, хотя генеральша, какъ и въ первый разъ, была совершенно спокойна. Анфиса Петровна, напимѣръ, была не удивлена, но какъ будто чѣмъ-то вдругъ озабочена, и съ тоскою посмотрѣла на своего сына; барышни покраснѣли, а Польша Обноскинъ, съ какою-то непонятною тогда для меня досадою, всталъ со стула и подошелъ къ окну. Дядя началъ было дѣлать мнѣ знаки, но въ эту минуту новое лицо вошло въ комнату и привлекло на себя всеобщее вниманіе.

— А! вот и Евграфъ Ларіонычъ! легокъ на поминѣ! закричалъ дядя, неліцемѣрно обрадовавшись.—Что, братъ, изъ города?

«Ну, чудаки! ихъ какъ будто нарочно собирали сюда!» подумалъ я про себя, не понимая еще хорошенько всего, что происходило передъ моими глазами, не подозрѣвая и того, что и самъ я, кажется, только увеличилъ коллекцію этихъ чудаконъ, являсь между ними.

V.

Ежевикинъ.

Въ комнату вошла или, лучше сказать, какъ-то протѣснилась (хотя двери были очень широкія), фигурка, которая, еще въ дверяхъ, сгибалась, кланялась и скалила зубы, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ маленькій старичокъ, рябой, съ быстрыми и вороватыми глазками, съ плѣшью и съ лысиной, и съ какой-то неопредѣленной, тонкой усмѣшкой на довольно-толстыхъ губахъ. Онъ былъ во фракѣ, очень изношенномъ и, кажется, съ чужаго плеча. Одна пуговица висѣла на ниточкѣ; двухъ или трехъ совсѣмъ не было. Дыравые сапоги, засаленная фуражка гармонировали съ его жалкой одеждой. Въ рукахъ его былъ бумажный клѣтчатый платокъ, весь засморканный, которымъ онъ обтиралъ потъ со лба и висковъ. Я замѣтилъ, что гувернантка немного покраснѣла и быстро взглянула на меня. Мнѣ показалось даже, что въ этомъ взглядѣ было что то гордое и вызывающее.

— Прямо изъ города, благодѣтель! прямо отсюда, отецъ родной! все расскажу, только позвольте сначала честь заявить, проговорилъ вошедшій старичокъ и направился прямо къ генеральшѣ, но остановился на пол-дорогѣ и снова обратился къ дядѣ.

— Вы ужъ изволите знать мою главную черту, благодѣтель: подлецъ, настоящій подлецъ! Вѣдь я какъ вхожу, такъ ужъ тотчасъ же главную особу въ домѣ ищу, къ ней первой и стопы направляю, чтобъ, такимъ образомъ, съ перваго шагу милости и протекцію пріобрѣсти. Подлецъ, батюшка, подлецъ, благодѣтель! Позвольте, матушка, барыня, ваше превосходительство, платице ваше поцѣловать, а то я губами-то ручку вашу, золотую, генеральскую, замараю.

Генеральша подала ему руку, къ удивленію моему, довольно благосклонно.

— И вамъ, раскрасавица наша, поклонъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвицѣ Перепелицыной.—Что дѣлать, сударыня-барыня: подлецъ! еще въ 1841 году было рѣшено, что подлецъ, когда изъ службы меня исключили, именно тогда, какъ Валентинъ Игнатьичъ Тихонцовъ въ высокоблагородные попалъ; ассесора дали; его въ ассесоры, а меня въ подлецы. А ужъ я такъ откровенно соз-

данъ, что во всемъ признаюсь. Что дѣлать! пробовавъ честно жить, пробовавъ, теперь надо попробовать иначе. Александра Егоровна, яблочко наше наливное, продолжалъ онъ, обходя столъ и пробираясь къ Сашенькѣ: — позвольте ваше платице поцѣловать; отъ васъ, барышня, яблочкомъ пахнетъ и всякими делкатностями. Имянинику наше почтеніе: лукъ и стрѣлу вамъ, батюшка, привезъ, самъ цѣлое утро дѣлалъ; ребятишки мои помогали; вотъ ужъ и будемъ спускать. А подростете, въ офицеры поступите, туркѣ голову срубите.—Татьяна Ивановна... ахъ, да ихъ нѣтъ, благодѣтельницы! а то бъ и у нихъ платице поцѣловать. Прасковья Ильинична, матушка наша родная, протѣснитесь-то только къ вамъ не могу, а то бъ не только ручку, даже и ножку бы вашу поцѣловалъ,—вотъ какъ-съ! Анфиса Петровна, мое вамъ всяческое уваженіе свидѣтельствую. Еще сегодня за васъ Бога молилъ, благодѣтельница, на колѣнкахъ, со слезами Бога молилъ, и за сыночка вашего тоже, чтобъ ниспослалъ ему всякихъ чиновъ и талантовъ: особенно талантовъ! Кстати ужъ и Ивану Ивановичу Мизинчикову наше все-нижайшее. Пошли вамъ Господь все, что сами себѣ желаете. Потому что и не разберешь, сударь, чего сами-то вы себѣ желаете: молчаливенькіе такіе-съ... Здравствуй, Настя; вся моя мелюзга тебѣ кланяется; каждый день о тебѣ поминуютъ. А вотъ теперь и хозяину большой поклонъ. Изъ города, ваше высочорodie, прямехонько изъ города. А это вѣрно племянничекъ вашъ, что въ ученомъ факультетѣ воспитывался? Почтеніе наше все-нижайшее, сударь; пожалуйста ручку.

Раздался смѣхъ. Понятно было, что старикъ игралъ роль какого-то добровольнаго шута. Приходъ его развеселилъ общество. Многие и не поняли его сарказмовъ, а онъ почти всѣхъ обомелъ. Одна гувернантка, которую онъ, къ удивленію моему, называлъ просто, Настей, краснѣла и хмурилась. Я было отдернулъ руку: того только, кажется, и ждалъ старикашка.

— Да вѣдь я только пожать ее у васъ просилъ, батюшка, если только позволите, а не поцѣловать. А вы ужъ думали, что поцѣловать? Нѣтъ, отецъ родной, покажѣтесь еще только пожать. Вы, благодѣтель, вѣрно меня за барскаго шута принимаете? проговорилъ онъ, смотря на меня съ насмѣшкою.

— Н...нѣтъ, помилуйте, я...

— То-то, батюшка! Коли я шутъ, такъ и другой кто-нибудь тутъ! А вы меня уважайте: я еще не такой подлецъ, какъ вы думаете. Оно, впрочемъ, пожалуй, и шутъ. Я—рабъ, моя жена—рабыня, къ тому же, польсти, польсти! вотъ оно что: все-таки что нибудь выиграешь, хоть ребятишкамъ на молочишко. Сахару, сахару-то по больше во все подсыпайте, такъ оно и здоровѣе будетъ. Это я вамъ, батюшка, по секрету говорю; можетъ и вамъ попадобится. Фортуна заѣла, благодѣтель, оттого я и шутъ.

— Хи-хи-хи! Ахъ, проказникъ этотъ старичокъ! вѣчно-то онъ разсмѣшпитъ! пропищала Анфиса Петровна.

— Матушка моя, благодѣтельница, вѣдь дуракомъ-то лучше на свѣтѣ проживешь! Зналъ бы, такъ съ раннего молоду въ дураки бѣ записался, авось теперь былъ бы умный. А то, какъ рано захотѣлъ быть умникомъ, такъ вотъ и вышелъ теперь старый дуракъ.

— Скажите, пожалуйста, ввязался Обноскинъ (которому, вѣрно, не нравилось замѣчаніе про *та-ланты*), какъ-то особенно независимо развалился въ креслѣ и разсматривая старика въ свое стеклышко, какъ какую нибудь козявку:—скажите, пожалуйста... все я забываю вашу фамилью... какъ-бишь васъ?...

— Ахъ, батюшка! да фамилья-то моя, пожалуй-что и Ежевикинъ, да что въ томъ толку? Вотъ ужъ девятый годъ безъ мѣста сижу—такъ и живу себѣ, по законамъ природы. А дѣтей-то, дѣтей-то у меня, просто, семейство Холмскихъ! Точно какъ по пословицѣ: «у богатаго—телята, а у бѣднаго—ребята»...

— Ну, да... телята... это, впрочемъ, въ сторону. Ну, послушайте, я давно хотѣлъ васъ спросить: зачѣмъ вы, когда входите, тотчасъ назадъ оглядываетесь? Это очень смѣшно.

— Зачѣмъ оглядываюсь? А все мнѣ кажется, батюшка, что меня сзади кто-нибудь хочетъ ладошкой прихлопнуть, какъ муху, оттого и оглядываюсь. Мономанъ я сталъ, батюшка.

Опять засмѣялись. Губернантка привстала съ мѣста, хотѣла было идти и снова опустилась въ кресло. Въ лицѣ ея было что-то больное, страдающее, несмотря на краску, заливавшую ея щеки.

— Это, братъ, знаешь кто? шепнулъ мнѣ дядя:—вѣдь это *ея* отецъ!

Я смотрѣлъ на дядю во всѣ глаза. Фамилья Ежевикинъ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Я геройствовалъ, всю дорогу мечталъ о своей предполагаемой суженой, строилъ для нея великодушные планы и совершенно позабылъ ея фамилью или, лучше сказать, не обратилъ на это никакого вниманія съ самаго начала.

— Какъ, отецъ? отвѣчалъ я тоже шопотомъ.— Да вѣдь, я думалъ, она сирота?

— Отецъ, братецъ, отецъ. И, знаешь, пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человѣкъ, и даже не пьетъ, а только такъ изъ себя шута строить. Бѣдность, братъ, страшная, восемь человѣкъ дѣтей! Настенькинымъ жалованьемъ и живутъ. Изъ службы за язычекъ исключили. Каждую недѣлю сюда ѣздитъ. Гордый какой,—ни за что не возьметъ. Давалъ, много разъ давалъ, — не беретъ! Озлобленный человѣкъ!

— Ну, что, братъ, Евграфъ Ларіонычъ, что тамъ, у васъ, новаго? спросилъ дядя и крѣпко ударилъ его по плечу, замѣтивъ, что мнительный старикъ уже подслушивалъ нашъ разговоръ.

— А что новаго, благодѣтель? Валентинъ Иг-

натъичъ вчера объясненіе подавали-съ по Трипина дѣлу. У того въ бунтахъ недовѣсъ муки оказался. Это, барыня, тотъ самый Трипинъ, что смотреть на васъ, а самъ точно самоваръ раздувается. Можетъ, изволите помнить? Вотъ Валентинъ-то Игнатъичъ и пишетъ про Трипина: «Ужъ если», говоритъ онъ, «часто-поминаемый Трипинъ чести своей родной племянницы не могъ уберечь—а та съ офицеромъ прошлаго года сбѣжала—такъ гдѣ же, говоритъ, было ему уберечь казенныя вещи?» Это онъ въ бумагахъ своей такъ и помѣстилъ—ей-Богу, не вру-съ.

— Фи! Какія вы исторіи рассказываете! закричала Анфиса Петровна.

— Именно, именно! Зарапортовался ты, братъ Евграфъ, поддакнулъ дядя.—Эй, пропадешь за языкъ! Человѣкъ ты прямой, благородный, благонаправный—могу заявить, да языкъ-то у тебя ядовитый! И удивляюсь я, какъ ты тамъ съ ними ужиться не можешь! Люди они, кажется, добрые, простые...

— Отецъ и благодѣтель! да простаго-то человека я и боюсь! вскричалъ старикъ съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ.

Отвѣтъ мнѣ понравился. Я быстро подошелъ къ Ежевикину и крѣпко пожалъ ему руку. По-правдѣ, мнѣ хотѣлось хоть чѣмъ нибудь протестовать противъ всеобщаго мнѣнія, показавъ открыто старику мое сочувствіе. А можетъ быть, кто знаетъ! можетъ быть, мнѣ хотѣлось поднять себя въ мнѣніи Настасьи Евграфовны. Но изъ движенія моего ровно ничего не вышло путнаго.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, по обычаю мсему, покраснѣвъ и заторопившись:— слышали вы про іезуитовъ?

— Нѣтъ, отецъ родной, не слыхалъ; такъ развѣ, что нибудь... да гдѣ намъ! А что-съ?

— Такъ... я было, кстати, хотѣлъ рассказать... Впрочемъ, напомните мнѣ при случаѣ. А теперь, будьте увѣрены, что я васъ понимаю и... умѣю цѣнить...

И, совершенно смѣшавшись, я еще разъ схватилъ его за руку.

— Непремѣнно, батюшка, напомню, непременно напомню! Золотыми лнтерами запишу. Вотъ, позвольте, и узелокъ завяжу, для памяти.

И онъ, дѣйствительно, завязалъ узелокъ, отыскавъ сухой кончикъ на своемъ грязномъ, табачномъ платкѣ.

— Евграфъ Ларіонычъ, берите чаю, сказала Прасковья Ильинична.

— Тотчасъ, красавица-барыня, тотчасъ, то-есть, привласса, а не барыня! Это вамъ за чаекъ. Степана Алексѣича Бахчеева встрѣтилъ дорогой, сударыня. Такой развеселый, что на тебѣ! Я ужъ подумалъ, не жениться ли собираются? Польсти, польсти! проговорилъ онъ полу-шопотомъ, пронося мимо меня чашку, подмигивая мнѣ и прищуриваясь.—А что же благодѣтеля-то главнаго не видать, Оомы Оомича-съ? развѣ не придутъ къ чаю?

Дядя вздрогнул, какъ будто его ужалили, и робко взглянулъ на генеральшу.

— Ужь я, право, не знаю, отвѣчалъ онъ нерѣшительно, съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ.— Звали его, да онъ... Не знаю, право, можетъ быть, не въ расположеніи духа. Я уже посылалъ Видоплясова и... развѣ, впрочемъ, мнѣ самому сходить?

— Заходилъ я къ нимъ сейчасъ, таинственно проговорилъ Ежевикинъ.

— Можетъ ли быть? вскрикнулъ дядя въ испугѣ.—Ну, чтожь?

— Напрядъ всего заходилъ-съ, почтеніе свидѣтельствовалъ. Сказали, что они въ уединеніи чаю напьются, а потомъ прибавили, что они и сухой хлѣбной корочкой могутъ быть сыты, да-съ.

Слова эти, казалось, поразили дядю настоящимъ ужасомъ.

— Да ты бѣ объяснилъ ему, Евграфъ Ларіонычъ, ты бѣ рассказалъ, проговорилъ, наконецъ, дядя, смотря на старика съ тоской и упрекомъ.

— Говорилъ-съ, говорилъ-съ.

— Ну?

— Долго не извоили мнѣ отвѣчать-съ. За математической задачей какой-то сидѣли, опредѣляли что-то; видно, головоломная задача была. Пифагоровы штаны при мнѣ начертили, — самъ видѣлъ. Три раза повторялъ; ужъ на четвертый только подняли головку и какъ будто впервые меня увидали. «Не пойду, говорятъ: тамъ теперь *ученый* пріѣхалъ, такъ ужъ гдѣ намъ быть подлѣ такого свѣтила».—Такъ и извоили выразиться, что подлѣ свѣтила.

И старикашка, искоса, съ насмѣшкою взглянулъ на меня.

— Ну, такъ я и ждалъ! вскричалъ дядя, всплеснувъ руками: — такъ я и думалъ! Вѣдь это онъ про тебя, Сергѣй, говоритъ, что «*ученый*». Ну, что теперь дѣлать?

— Признаюсь, дядюшка, отвѣчалъ я, съ достоинствомъ пожимая плечами:—по моему, это такой смѣшной отказъ, что не стоитъ обращать и вниманія, и я, право, удивляюсь вашему смущенію.

— Охъ, братецъ, не знаешь ты ничего! вскрикнулъ онъ, энергически махнувъ рукой.

— Да ужъ теперь нечего горевать-съ, ввязалась вдругъ дѣвица Перепелицына:—коли всѣ причины злыя отъ васъ самихъ съ-первоначалу произошли-съ, Егоръ Ильичъ-съ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ-съ. Послушали бы маменьку-съ, такъ теперь бы и не плакали-съ.

— Да чѣмъ же, Анна Ниловна, я-то виноватъ? побойтесь Бога! проговорилъ дядя умоляющимъ голосомъ, какъ будто напрашиваясь на объясненіе.

— Я Бога боюсь, Егоръ Ильичъ; а происходитъ все оттого, что вы эгоисты-съ и родительницу не любите-съ, съ достоинствомъ отвѣчала дѣвица Перепелицына.—Отчего вамъ было, съ-первоначалу, воли ихъ не уважить-съ? Онѣ вамъ мать-съ. А я вамъ неправды не стану говорить-съ. Я сама подполковничья дочь, а не какая нибудь-съ.

Мнѣ показалось, что Перепелицына ввязалась въ разговоръ единственно съ тою цѣлю, чтобъ объявить всѣмъ намъ, и особенно мнѣ, новоприбывшему, что она сама подполковничья дочь, а некая нибудь-съ.

— Оттого, что онъ оскорбляетъ мать свою, грозно проговорила, наконецъ, сама генеральша.

— Маменька, помилосердуйте! Гдѣ же я васъ оскорбляю?

— Оттого, что ты мрачный эгоистъ, Егорушка, продолжала генеральша, все болѣе и болѣе одушевляясь.

— Маменька, маменька! гдѣ же я мрачный эгоистъ? вскричалъ дядя почти въ отчаяніи: — пять дней, цѣлыхъ пять дней вы сердитесь на меня и не хотите со мной говорить! А за что? за что? Пусть же судятъ меня, пусть цѣлый свѣтъ меня судить! Пусть, наконецъ, услышатъ и мое оправданіе. Я долго молчалъ, маменька; вы не хотѣли слушать меня: пусть же теперь люди меня услышатъ. Анфиса Петровна! Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Сергѣй, другъ мой! ты человѣкъ посторонній, ты, такъ сказать, зритель, ты безпристрастно можешь судить...

— Успокойтесь, Егоръ Ильичъ, успокойтесь, вскрикнула Анфиса Петровна: — не убивайте маменьку!

— Я не убью маменьку, Анфиса Петровна; но вотъ грудь моя—разите! продолжалъ дядя, разгоряченный до послѣдней степени, что бываетъ иногда съ людьми слабохарактерными, когда ихъ выведутъ изъ послѣдняго терпѣнія, хотя вся горячка ихъ походитъ на огонь отъ зажженной соломы: — я хочу сказать, Анфиса Петровна, что я никого не оскорблю. Я и начну съ того, что Ѳома Ѳомичъ благороднѣйшій, честнѣйшій человѣкъ и, вдобавокъ, человѣкъ высшихъ качествъ, но... но онъ былъ несправедливъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Гм! промывалъ Обноскинъ, какъ будто желая подразнить еще болѣе дядю.

— Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! неужели жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я, такъ сказать, безчувственный столбъ? вѣдь я вижу, вѣдь я понимаю, со слезами сердца, можно сказать, понимаю, что всѣ эти недоразумѣнія отъ излишней любви *его* ко мнѣ происходятъ. Но, воля ваша, онъ, ей-Богу, несправедливъ въ этомъ случаѣ. Я все расскажу. Я хочу рассказать теперь эту исторію, Анфиса Петровна, во всей ея ясности и подробности, чтобъ видѣли, съ чего дѣло вышло и справедливо-ли на меня сердится маменька, что я не угодилъ Ѳомѣ Ѳомичу. Выслушай и ты меня, Сережа, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что дѣлалъ и во все продолженіе рассказа, какъ будто бы боясь другихъ слушателей и сомнѣваясь въ ихъ сочувствіи: — выслушай и ты меня, и рѣши: правъ я, или нѣтъ. Вотъ видишь, вотъ съ чего началась вся исторія: недѣлю назадъ — да, именно не больше недѣли — проѣзжаетъ черезъ нашъ городъ бывшій началь-

никъ мой, генераль Русапетовъ, съ супругою и свояченицею. Останавливаются на время. Я пораженъ. Спѣшу воспользоваться случаемъ, лечу, представляюсь и приглашаю къ себѣ на обѣдъ. Обѣщаль, если можно будетъ. То есть, благороднѣйшій человѣкъ, я тебѣ скажу; блеститъ добродѣтелями и, въ добавокъ, вельможа! Свояченицу свою облагодѣтельствовалъ; одну сироту замужъ выдалъ за дивнаго молодого человѣка (теперь стряпчимъ въ Малиновѣ; еще молодой человѣкъ, но съ какимъ-то, можно сказать, универсальнымъ образованіемъ!),— словомъ, изъ генераловъ генералъ! Ну, у насъ, конечно, возня, трескотня, повара, фрикаси; музыку выписываю. Я, разумеется, радъ и смогро имянинникомъ. Не понравилось Оомѣ Оомичу, что я радъ и смотрю имянинникомъ! Сидѣлъ за столомъ — помню еще, подавали его любимый киселекъ со сливками — молчалъ-молчалъ, да какъ вскочить: «Обижаютъ меня, обижаютъ!» Да чѣмъ же, говорю, тебя, Оома Оомичъ, обижаютъ? — «Вы теперь, говорятъ, мною пренебрегаете; вы генералами теперь занимаетесь; вамъ теперь генералы дороже меня!» Ну, разумеется, я теперь все это вкратцѣ тебѣ передаю; такъ сказать, одну только сущность; но еслибъ ты зналъ, что онъ еще говорилъ... словомъ, потрясъ всю мою душу! Что ты будешь дѣлать? Я, разумеется, падаю духомъ; фрапировало меня это, можно сказать; хожу, какъ мокрый пѣтухъ. Наступаетъ торжественный день. Генераль присылаетъ сказать, что не можетъ: извиняется,—значитъ, не будетъ. Я къ Оомѣ: «Ну, Оома, успокойся! не будетъ!» Чтожъ бы ты думалъ? Не прощаетъ, да и только! «Обидѣли, говорятъ меня, да и только!» Я и такъ и сякъ. «Нѣтъ, говорятъ, ступайте къ своимъ генераламъ; вамъ генералы дороже меня; вы узы дружества, говорятъ, разорвали». Другъ ты мой! вѣдь я понимаю, за что онъ сердится. Я не столбъ, не баранъ, не тунеядецъ какойнибудь! Вѣдь это онъ изъ излишней любви ко мнѣ, такъ сказать, изъ ревности дѣлаетъ—онъ это самъ говоритъ—онъ ревнуетъ меня къ генералу, расположеніе мое боится потерять, испытываетъ меня, хочетъ узнать, чѣмъ я для него могу пожертвовать: «Нѣтъ, говорятъ, я самъ для васъ все равно, что генераль, я самъ для васъ ваше превосходительство! Тогда помирюсь съ вами, когда вы мнѣ свое уваженіе докажете». — «Чѣмъ же я тебѣ докажу мое уваженіе, Оома Оомичъ?» А называйте, говорятъ, меня цѣлый день: ваше превосходительство; тогда и докажете уваженіе». Упадаю съ облаковъ! Можешь представить себѣ мое удивленіе! «Да послужить это, говорятъ, вамъ урокомъ, чтобъ вы не восхищались впередъ генералами, когда и другіе люди, можетъ, еще почище вашихъ всѣхъ генераловъ!» Ну, тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ, каюсь! открыто каюсь! «Оома Оомичъ, говорю, развѣ это возможное дѣло? Ну, могу ли я рѣшиться на это? Развѣ я могу, развѣ я въ правѣ произвести тебя въ генералы? Подумай, кто производитъ въ гене-

ралы? Ну, какъ я скажу тебѣ: ваше превосходительство? Да вѣдь это, такъ сказать, посагновеніе на величіе судьбы! Да вѣдь генераль служить украшеніемъ отечеству: генераль воевалъ, онъ свою кровь на полѣ чести пролилъ! Какъ же я тебѣ-то скажу: ваше превосходительство?» Не унимается, да и только! Что хочешь, говорю, Оома, все для тебя сдѣлаю. Вотъ ты велѣлъ мнѣ сбрить бакенбарды, потому что въ нихъ мало патріотизма—я сбрилъ, поморщился, а обрилъ. Мало того, сдѣлаю все, что тебѣ будетъ угодно, только откажись отъ генеральскаго сана! «Нѣтъ, говорятъ, не помирюсь до тѣхъ поръ, пока не скажутъ: ваше превосходительство!» Это, говорятъ, для нравственности вашей будетъ полезно: это смирить вашъ духъ, говорятъ!» И вотъ теперь ужъ недѣлю, цѣлую недѣлю говорятъ не хочетъ со мной; на всѣхъ, кто ни пріѣдетъ, сердится. Про тебя услыхалъ, что ученый—это я виноватъ: погорячился, разболталъ! — такъ сказалъ, что нога его въ домъ не будетъ, если ты въ домъ войдешь. «Значитъ, говорятъ, ужъ я теперь для васъ не ученый». Вотъ бѣда будетъ, какъ узнаетъ теперь про Коровкина! Ну, помилуй, ну, посуди, ну, чѣмъ же я тутъ виноватъ? Ну, неужели-жъ рѣшиться сказать ему: «ваше превосходительство?» ну, можно ли жить въ такомъ положеніи? Ну, за что онъ сегодня бѣдняка Бахчеева изъ-за стола прогналъ? Ну, положимъ, Бахчеевъ не сочинилъ астрономіи; да вѣдь и я не сочинилъ астрономіи, да вѣдь и ты не сочинилъ астрономіи... Ну, за что, за что?

— А за то, что ты завистливъ, Егорушка, промямлила опять генеральша.

— Маменька! вскричалъ дядя, въ совершенномъ отчаяніи: вы сведете меня съ ума!.. Вы не свои, вы чужія рѣчи переговариваете, маменька! Я, наконецъ, столбомъ, тумбой, фонаремъ дѣлаюсь, а не вашимъ сыномъ!

— Я слышалъ, дядюшка, перебилъ я, изумленный до послѣдней степени рассказомъ: — я слышалъ отъ Бахчеева—не знаю, впрочемъ, справедливо, или нѣтъ — что Оома Оомичъ позавидовалъ имянинамъ Илюши и утверждаетъ, что я самъ онъ завтра имянинникъ. Признаюсь, эта характеристическая черта такъ меня изумила, что я...

— Рожденъе, братецъ, рожденъе, не имянини, а рожденъе! скороговоркою перебилъ меня дядя.— Онъ не такъ только выразился, а онъ правъ: завтра его рожденъе. Правда, братъ, прежде всего...

— Совсѣмъ не рожденъе! крикнула Сашенька.

— Какъ не рожденъе? вскрикнулъ дядя, оторопѣвъ.

— Вовсе не рожденъе, напечка! Это вы просто неправду говорите, чтобъ самого себя обмануть, да Оомѣ Оомичу угодить. А рожденъе его въ мартѣ было,—еще, помните, мы передъ этимъ на богомолье въ монастырь ѣздили, а онъ сидѣтъ никому не далъ покоя въ каретѣ: все кричалъ, что ему бокъ раздавила подушка, да жинался;

тетушку, со злости, два раза ущипнул! А потомъ, когда въ рожденіе мы пришли поздравлять, разсердился, зачѣмъ не было камелій въ нашемъ букетѣ. «Я, говоритъ, люблю камеліи, потому что у меня вкусъ высшаго общества, а вы для меня пожалѣли въ оранжереѣ нарвать». И цѣлый день киснулъ, да куксился, съ нами говорить не хотѣлъ...

Я думаю, еслибъ бомба упала среди комнаты, то это не такъ бы изумило и испугало всѣхъ, какъ это открытое возстаніе—и кого же? дѣвочки, которой даже и говорить не позволялось громко въ бабушкиномъ присутствіи. Генеральша, нѣмая отъ изумленія и отъ бѣшенства, привстала, выпрямилась и смотрѣла на дерзкую внучку свою, не вѣря глазамъ. Дядя обмеръ отъ ужаса.

— Экую волю даютъ! уморить хотятъ бабеньку-съ! крикнула Перепелицына.

— Саша, Саша, опомнись! что съ тобой, Саша? кричалъ дядя, бросаясь то къ той, то къ другой, то къ генеральшѣ, то къ Сашенькѣ, чтобъ остановить ее.

— Не хочу молчать, папочка! закричала Саша, вдругъ вскочивъ со стула, тоная ножками и сверкая глазенками:—не хочу молчать! Мы всѣ долго терпѣли изъ-за Оомы Оомича, изъ-за сквернаго, изъ-за гадкаго вашего Оомы Оомича! Потому что Оома Оомичъ всѣхъ насъ погубить, потому что ему то и дѣло толкуютъ, что онъ умница, великодушный, благородный, ученый, смѣсь всѣхъ добродѣтелей, попури какое-то, а Оома Оомичъ, какъ дуракъ, всему и повѣрилъ! Столько сладкихъ блюдъ ему нанесли, что другому бы совѣстно стало, а Оома Оомичъ скушалъ все, что передъ нимъ ни поставили, да и еще просить. Вотъ вы увидите, всѣхъ насъ съѣсть, а виноватъ всему папочка! Гадкій, гадкій Оома Оомичъ, прямо скажу, никого не боюсь! Онъ глупъ, капризенъ, замарашка, неблагородный, жестокосердый, тиранъ, сплетникъ, лгушка... Ахъ, я бы непременно, непременно, сейчасъ же прогнала его со двора, а папочка его обожаетъ, а папочка отъ него безъ ума!..

— Ахъ!.. вскрикнула генеральша и покатила, въ изнеможеніи, на диванъ.

— Голубчикъ мой, Агаѣя Тимоѣевна, ангелъ мой! кричала Анфиса Петровна, возьмите мой флаконъ! Воды, скорѣе воды!

— Воды, воды! кричалъ дядя:—маменька, маменька, успокойтесь! на колѣняхъ умоляю васъ успокоиться!..

— На хлѣбъ-на-воду васъ посадить-съ, да изъ темной комнаты не выпускать-съ... человекоубійцы вы эдакія! прошипѣла на Сашеньку, дрожащая отъ злости Перепелицына.

— И сяду на хлѣбъ-на-воду, ничего не боюсь! кричала Сашенька, въ свою очередь, пришедшая въ какое-то самозабвеніе. — Я папочку защищаю, потому что онъ самъ себя защититъ не умѣетъ. Кто онъ такой, кто онъ, вашъ Оома Оомичъ, передъ папочкою? У папочки хлѣбъ ѣсть, да па-

почку же и унижаетъ, неблагодарный! Да я бѣ его разорвала въ куски, вашего Оому Оомича! На дуэль бы его вызвала, да тутъ бы и убила изъ двухъ пистолетовъ...

— Саша, Саша! кричалъ въ отчаяніи дядя. — Еще одно слово — и я погибъ, безвозвратно погибъ!

— Папочка! вскричала Саша, вдругъ стремительно бросаясь къ отцу, заливаясь слезами и крѣпко обвивъ его своими ручками:—папочка! ну вамъ ли, доброму, прекрасному, веселому, умному, вамъ ли, вамъ ли, такъ себя погубить? Вамъ ли подчиняться этому скверному, неблагодарному чело-вѣчку, быть его игрушкой, на смѣхъ себя выставлять? Папочка, золотой мой папочка!..

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Началась страшная суматоха. Генеральша лежала въ обморокѣ. Дядя стоялъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки. Дѣвица Перепелицына увивалась около нихъ и бросала на насъ злобные, но торжествующіе взгляды. Анфиса Петровна смачивала виски генеральши водою и возилась съ своимъ флакономъ. Прасковья Ильинична трепетала и заливалась слезами; Ежевикинъ искалъ уголка, куда бы забиться, а гувернантка стояла блѣдная, совершенно потерявшись отъ страха. Одинъ только Мизинчиковъ оставался совершенно по прежнему. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и принялся пристально смотрѣть въ него, рѣшительно не обращая вниманія на всю эту сцену.

Вдругъ генеральша приподнялась съ дивана, выпрямилась и обмѣрила меня грознымъ взглядомъ.

— Вонъ! крикнула она, притопнувъ на меня ногою.

Я долженъ признаться, что этого совершенно не ожидалъ.

— Вонъ! вонъ изъ дому; вонъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? чтобъ и духу его не было! вонъ!

— Маменька! маменька, что вы! да вѣдь это Серѣжа, бормоталъ дядя, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха.—Вѣдь онъ, маменька, къ намъ въ гости пріѣхалъ.

— Какой Серѣжа? вздоръ! не хочу ничего слышать; вонъ! Это Коровкинъ. Я увѣрена, что это Коровкинъ. Меня предчувствіе не обманываетъ. Онъ пріѣхалъ Оому Оомича выживать; его и выписали для этого. Мое сердце предчувствуетъ... Вонъ, негодай!

— Дядюшка, если такъ, сказалъ я, захлебываясь отъ благороднаго негодованія:—если такъ, то я... извините меня... И я схватился за шляпу.

— Сергѣй, Сергѣй, что ты дѣлаешь?... Ну вотъ теперь этотъ... Маменька! вѣдь это Серѣжа!... Сергѣй, помилуй! кричалъ онъ, гоняясь за мной и сляся отнять у меня шляпу:—ты мой гость, ты останешься, я хочу! Вѣдь это она только такъ, прибавилъ онъ шопотомъ:—вѣдь это она только когда разсердится... Ты только теперь, первое вре-

мя, спрячься куда нибудь... побудь гдѣ нибудь—и ничего, все пройдетъ. Она тебя проститъ,—увѣряю тебя! Она добрая, а только такъ, заговаривается... Слышишь, она принимаетъ тебя за Коровкина, а потомъ проститъ, увѣряю тебя... Ты чего? закричалъ онъ дрожавшему отъ страха Гаврилѣ, вошедшему въ комнату.

Гаврила вошелъ не одинъ; съ нимъ былъ дворовый парень, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прехорошенькій собой, взятый во дворъ за красоту, какъ узналъ я послѣ. Звали его Оалалеемъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то особенный костюмъ, въ красной шелковой рубашкѣ, обшитой по вороту позументомъ, съ золотымъ галуннымъ поясомъ, въ черныхъ плисовыхъ шараварахъ и въ козловыхъ сапожкахъ, съ красными отворотами. Этотъ костюмъ былъ затѣй самой генеральши. Мальчикъ прегорько рыдалъ и слезы, одна за другой, катились изъ большихъ, голубыхъ глазъ его.

— Это еще что? вскричалъ дядя:— что случилось? Да говори же, разбойникъ!

— Оома Оомичъ велѣлъ быть сюда; сами во слѣдъ идутъ, отвѣчалъ скорбный Гаврила:—мнѣ на экзаментъ, а онъ...

— А онъ?

— Плясалъ-съ, отвѣчалъ Гаврила плачевнымъ голосомъ.

— Плясалъ! вскрикнулъ, въ ужасѣ, дядя.

— Пля-салъ! проревѣлъ Оалалей, всхлипывая.

— Комаринскаго?

— Ко-ма-ринскаго!

— А Оома Оомичъ засталъ?

— Зас-талъ!

— Дорѣзали! вскрикнулъ дядя:— пропала моя голова! и обѣими руками схватилъ себя за голову.

— Оома Оомичъ! возвѣстилъ Видоплясовъ, входя въ комнату.

Дверь отворилась, и Оома Оомичъ самъ, своею собственною особою, предсталъ передъ озадаченной публикой.

VI.

Про вѣлаго быка и про комаринскаго мужика.

Но прежде, чѣмъ я буду имѣть честь лично представить читателю вошедшаго Оому Оомича, я считаю совершенно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Оалалей и объяснить, что именно было ужаснаго въ томъ, что онъ плясалъ комаринскаго, а Оома Оомичъ засталъ его въ этомъ веселомъ занятіи. Оалалей былъ дворовый мальчикъ, сирота съ колыбели и крестникъ покойной жены моего дяди. Дядя его очень любилъ. Одного этого совершенно достаточно было, чтобъ Оома Оомичъ, переселясь въ Степанчиково и покоривъ себѣ дядю, возненавидѣлъ любимца его, Оалалея. Но мальчикъ какъ-то особенно понравился генеральшѣ и, несмотря на гнѣвъ Оомы Оомича, остался вверху, при господахъ: настояла въ этомъ са-

ма генеральша, и Оома уступилъ, сохраняя въ сердцѣ своемъ обиду—онъ все считалъ за обиду—и отмщая за нее ни въ чемъ невиноватому дядѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ. Оалалей былъ удивительно хорошъ собой. У него было лицо дѣвичье, лицо красавицы деревенской дѣвушки. Генеральша холила и нѣжила его, дорожила имъ, какъ хорошенькой, рѣдкой игрушкой; и еще неизвестно, кого она больше любила: свою ли маленькую, курчавенькую собачку Ами, или Оалалея? Мы уже говорили о его костюмѣ, который былъ ея изобрѣтеніемъ. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахеръ Кузьма обязанъ былъ завивать ему по праздникамъ волосы. Этотъ мальчикъ былъ какое-то странное созданіе. Нельзя было назвать его совершеннымъ идиотомъ, или юродивымъ, но онъ былъ до того наивенъ, до того правдивъ и простодушенъ, что иногда дѣйствительно его можно было счесть дурачкомъ. Приснится ли ему сонъ, онъ тотчасъ же идетъ къ господамъ рассказывать. Онъ вмѣшивается въ разговоръ господъ, не заботясь о томъ, что ихъ прерываетъ. Онъ рассказываетъ имъ такія вещи, которыя никакъ нельзя рассказывать господамъ. Онъ заливается самыми искренними слезами, когда барыня падаетъ въ обморокъ, или когда ужъ слишкомъ забранятъ его барыня. Онъ сочувствуетъ всякому несчастію. Иногда подходитъ къ генеральшѣ, цѣлуетъ ея руки и проситъ, чтобъ она не сердилась—и генеральша великодушно прощаетъ ему эти смѣлости. Онъ чувствителенъ до крайности, добръ и незлобивъ, какъ барашекъ, веселъ, какъ счастливый ребенокъ. Со стола ему подають подачку.

Онъ постоянно становится за стуломъ генеральши и ужасно любитъ сахаръ. Когда ему дадутъ сахарцу, онъ тутъ же сгрызаетъ его своими крѣпкими, бѣлыми, какъ молоко, зубами и неопписанное удовольствіе сверкаетъ въ его веселыхъ, голубыхъ глазахъ и на всемъ его хорошенькомъ личикѣ.

Долго гнѣвался Оома Оомичъ; но, разсудивъ, наконецъ, что гнѣвомъ не возьмешь, онъ вдругъ рѣшился быть благодѣтелемъ Оалалею. Разбранивъ сперва дядю за то, что ему нѣтъ дѣла до образованія дворовыхъ людей, онъ рѣшилъ немедленно обучать бѣднаго мальчика нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку. «Какъ!» говорилъ онъ, защищая свою нелѣпую мысль (мысль, приходившую въ голову и не одному Оомѣ Оомичу, чему свидѣтелемъ пишушій эти строки):—какъ! онъ всегда вверху при своей госпожѣ: вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напримѣръ, доннѣ муа мон-мушуаръ—онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!» Но оказалось, что не только нельзя было Оалалея выучить по-французски, но что поваръ Андронъ, его дядя, безкорыстно старавшійся научить его русской грамотѣ, давно уже махнулъ рукой и сложилъ азбуку на полку! Оалалей былъ до того тупъ на книжное обученіе, что не понималъ рѣшительно ничего. Мало того: изъ этого даже вышла исто-

рія. Дворовые стали дразнить Оалалея французомъ, а старикъ Гаврила, заслуженный камердинеръ дядюшки, открыто осмѣлился отрицать пользу изученія французской грамоты. Дошло до Оомы Оомича, и, разгнѣвавшись, онъ, въ наказаніе, заставилъ учиться по-французски самого оппонента, Гаврилу. Вотъ съ чего и взялась вся эта исторія о французскомъ языкѣ, такъ разсердившая г. Бахчиева. Насчетъ манеръ было еще хуже: Оома рѣшительно не могъ образовать по свѣому Оалалея, который, несмотря на запрещеніе, приходилъ по утрамъ рассказывать ему свои сны, что Оома Оомичъ, съ своей стороны, находилъ въ высшей степени неприличнымъ и фамильярнымъ. Но Оалалей упорно оставался Оалалеемъ. Разумѣется, за все это прежде всѣхъ доставалось дядѣ.

— Знаете ли, знаете ли, что онъ сегодня сдѣлалъ? кричитъ, бывало, Оома, для большаго эффекта, выбравъ время, когда всѣ въ сборѣ.—Знаете ли, полковникъ, до чего доходитъ ваше систематическое баловство? Сегодня онъ сожралъ кусокъ пирога, который вы ему дали за столомъ и, знаете ли, что онъ сказалъ послѣ этого? Поди сюда, поди сюда, нелѣпая душа, поди сюда, идіотъ, румяная ты рожа!...

Оалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда сожралъ свой пирогъ? повтори при всѣхъ!

Оалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли-такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «натрескался пирога, какъ Мартинъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это, иль нѣтъ? говори!

— Ска-залъ!... подтверждаетъ Оалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартинъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартинѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, прпстаеъ Оома: — кто именно этотъ Мартинъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, каптенармусъ, дворовый человѣкъ—кто нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вый че-ло-вѣкъ, отвѣчаетъ, наконецъ, Оалалей, продолжая плакать.

— Чей? чьихъ господъ?

Но Оалалей не умѣетъ сказать, чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Оома, въ сердцахъ, убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянетъ часть своего рожденія, проситъ у всѣхъ прощенія и всю остальную часть дня хо-

дитъ на цыпочкахъ, въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

Какъ нарочно случилось такъ, что на другой же день, послѣ исторіи съ мартыновымъ мыломъ, Оалалей, принеся утромъ чай Оомѣ Оомичу и совершенно успѣвъ забыть и Мартына и все, вчерашнее горе, сообщилъ ему, что видѣлъ сонъ про бѣлаго быка. Этого еще не доставало! Оома Оомичъ пришелъ въ неописанное негодованіе, немедленно призвалъ дядю и началъ распекалъ его за неприличіе сна, видѣннаго *ею* Оалалеемъ. Въ этотъ разъ были приняты строгія мѣры: Оалалей былъ наказанъ; онъ стоялъ въ углу на колѣняхъ. Настрого запретили ему видѣть такіе грубые, мужицкіе сны. «Я за что сержусь», говорилъ Оома: «кромѣ того, что онъ, по настоящему, не долженъ бы смѣть и подумать лѣзть ко мнѣ съ своими снами, тѣмъ болѣе съ бѣлымъ быкомъ; кромѣ этого—согласитесь сами, полковникъ—что такое бѣлый быкъ, какъ не доказательство грубости, невѣжества, мужицества вашего неотесаннаго Оалалея? Каковы мысли, таковы и сны. Развѣ не говорилъ я заранѣе, что изъ него ничего не выйдетъ, и что не слѣдовало оставлять его вверху, при господахъ? Никогда, никогда не разовьете вы эту бессмысленную, простонародную душу во что нибудь возвышенное, поэтическое. «Развѣ ты не можешь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Оалалею, развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что нибудь изящное, нѣжное, благородное, какую нибудь сцену изъ хорошаго общества, напримѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихъ въ прекрасномъ саду?» Оалалей обѣщалъ непремѣнно увидать въ слѣдующую ночь господъ или дамъ, гуляющихъ въ прекрасномъ саду.

Ложась спать, Оалалей со слезами молилъ объ этомъ Бога и долго думалъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы не видѣть проклятаго бѣлаго быка? Но надежды человѣческія обманчивы. Проснувшись на другое утро, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что опять всю ночь ему снилось про ненавистнаго бѣлаго быка и не приснилось ни одной дамы, гуляющей въ прекрасномъ саду. Въ этотъ разъ послѣдствія были особенныя. Оома Оомичъ объявилъ рѣшительно, что не вѣритъ возможности подобнаго случая, возможности подобнаго повторенія сна, а что Оалалей нарочно подученъ кѣмъ нибудь изъ домашнихъ, а, можетъ быть, и самимъ полковникомъ, чтобы сдѣлать въ пику Оомѣ Оомичу. Много было крику, упрековъ и слезъ. Генеральша къ вечеру захворала; весь домъ повѣсилъ носъ. Оставалась еще слабая надежда, что Оалалей въ слѣдующую, то есть въ третью ночь, непремѣнно увидитъ что нибудь изъ высшего общества. Каково же было всеобщее негодованіе, когда цѣлую недѣлю сряду, каждую Божію ночь, Оалалей постоянно видѣлъ бѣлаго быка, и одного только бѣлаго быка! О высокомъ обществѣ нечего было и думать.

Но всего интереснѣе было то, что Оалалей никакъ не могъ догадаться солгать: просто—сказать,

что видѣлъ не бѣлаго быка, а хоть, напимѣрь, карету, наполненную дамами и Оомой Оомичемъ; тѣмъ болѣе, что солгать, въ такомъ крайнемъ случаѣ, было даже не такъ и грѣшно. Но Оалалей былъ до того правдивъ, что рѣшительно не умѣлъ солгать, еслибъ даже и захотѣлъ. Объ этомъ даже и не намекали ему. Всѣ знали, что онъ измѣнитъ себѣ въ первое же мгновеніе, и что Оома Оомичъ тотчасъ же поймаетъ его во лжи. Что было дѣлать? Положеніе дяди становилось невыносимымъ. Оалалей былъ рѣшительно несправимъ. Бѣдный мальчикъ даже сталъ худѣть отъ тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили и спрыснула его съ уголька водою. Въ этой полезной операціи участвовала и сѣрдобольная Прасковья Ильинична. Но даже и это не помогло. Ничто не помогало!

— Да пусто-бъ его взяло, треклятаго! рассказывалъ Оалалей: — каждую ночь снится! каждый разъ съ вечера молюсь: «сонъ не снись про бѣлаго быка, сонъ не снись про бѣлаго быка!» А онъ тутъ—какъ-тутъ, проклятый, стоитъ передо мной, большой, съ рогами, тупогубый такой, у-у-у!

Дядя былъ въ отчаяніи. Но, къ счастью, Оома Оомичъ вдругъ какъ будто забылъ про бѣлаго быка. Конечно, никто не вѣрилъ, что Оома Оомичъ можетъ забыть о такомъ важномъ обстоятельстве. Всѣ со страхомъ полагали, что онъ бережется бѣлаго быка про запасъ и обнаружитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Оомѣ Оомичу въ это время было не до бѣлаго быка: у него случились другія дѣла, другія заботы; другіе замыслы созрѣвали въ полезной и многотрудной его головѣ. Вотъ почему онъ и далъ спокойно вздохнуть Оалалею. Вмѣстѣ съ Оалалеемъ и всѣ отдохнули. Парень повеселѣлъ, даже сталъ забывать о прошедшемъ; даже бѣлый быкъ началъ появляться рѣже и рѣже, хотя все еще напоминалъ иногда о своемъ фантастическомъ существованіи. Словомъ, все бы пошло хорошо, еслибъ не было на свѣтѣ комаринскаго.

Надобно замѣтить, что Оалалей отлично плясалъ; это была его главная способность, даже нѣчто въ родѣ призванія; онъ плясалъ съ энергіей, съ неистощимой веселостію, но особенно любилъ онъ комаринскаго мужика. Не то, чтобъ ему ужъ такъ-очень нравились легкомысленные и, во всякомъ случаѣ, необъяснимые поступки этого вѣтреннаго мужика—нѣтъ, ему нравилось плясать комаринскаго единственно потому, что слушать комаринскаго и не плясать подъ эту музыку было для него рѣшительно невозможно. Иногда, по вечерамъ, два-три лакея, кучера, садовникъ, игравшій на скрипкѣ, и даже нѣсколько дворовыхъ дамъ собирались въ кружокъ, гдѣ нибудь на самой задней площадкѣ барской усадьбы, подальше отъ Оомы Оомича; начинались музыка, танцы и, подъ конецъ, торжественно вступалъ въ свои права и комаринскій. Оркестръ составляли двѣ балалайки, гитара, скрипка и бубень, съ которымъ отлично управлял-

ся фореиторъ Митюшка. Надо было посмотрѣть, что дѣлалось тогда съ Оалалеемъ: онъ плясалъ до забвенья самого себя, до истощенія послѣднихъ силъ, поощряемый криками и смѣхомъ публики; онъ взвизгивалъ, кричалъ, хохоталъ, хлопалъ въ ладоши; онъ плясалъ, какъ будто увлекаемый постороннею, непостижимою силою, съ которой не могъ совладать, и упрямо силился догнать все болѣе и болѣе учащаемый темпъ удалаго мотива, выбивая по землѣ каблуками. Это были минуты истиннаго его наслажденія; и все бы это шло хорошо и весело, еслибъ слухъ о комаринскомъ не достигъ, наконецъ, Оомы Оомича.

Оома Оомичъ обмеръ и тотчасъ же послалъ за полковникомъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ только объ одномъ узнать, полковникъ, началъ Оома: — совершенно ли вы поклялись погубить этого несчастнаго идіота, или не совершенно? Въ первомъ случаѣ я тотчасъ же отстраняюсь; если же не совершенно, то я...

— Да что такое? что случилось? вскричалъ испуганный дядя.

— Какъ, что случилось? Да знаете ли вы, что онъ пугаетъ комаринскаго?

— Ну... ну, чтожь?

— Какъ, ну, чтожь? взвизгнулъ Оома. — И говорите это вы — вы, ихъ баринъ и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отецъ! Да имѣете ли вы, послѣ этого, здравое понятіе о томъ, что такое комаринскій? Знаете ли вы, что эта пѣсня изображаетъ одного отвратительнаго мужика, покусившагося на самый безнравственный поступокъ, въ пьяномъ видѣ? Знаете ли, на что посягнулъ этотъ развратный холопъ? Онъ попралъ самыя драгоценныя узы и, такъ сказать, притопталъ ихъ своими мужичьими сапожищами, привыкшими попирать только полъ кабака? Да понимаете ли, что вы оскорбили благороднѣйшія чувства мои своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли, что вы лично оскорбили меня своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли вы это, иль нѣтъ?

— Но, Оома... Да вѣдь это только пѣсня, Оома...

— Какъ, только пѣсня! И вы не постыдились мнѣ признаться, что знаете эту пѣсню—вы, членъ благороднаго общества, отецъ благонравныхъ и невинныхъ дѣтей и, вдобавокъ, полковникъ! Только пѣсня! Но я увѣренъ, что эта пѣсня взята съ истиннаго событія! Только пѣсня! Но какой же порядочный человѣкъ можетъ, не сгорѣвъ отъ стыда, признаться, что знаетъ эту пѣсню, что слышалъ хоть когда нибудь эту пѣсню? какой, какой?

— Ну, да вотъ ты же знаешь, Оома, коли спрашиваешь, отвѣчалъ, въ простотѣ души, сконфуженный дядя.

— Какъ! я знаю? я... я... то есть я! Обидѣли! вскричалъ вдругъ Оома, срываясь со стула и захлѣбываясь отъ злости. Онъ никакъ не ожидалъ такого оглушительнаго отвѣта.

Не стану описывать гнѣвъ Оомы Оомича. Полковникъ съ безславіемъ прогнанъ былъ съ глазъ блюстителя нравственности за неприличіе и неа-

ходчивость своего отвѣта. Но съ этихъ поръ Оома Оомичъ далъ себѣ клятву: поймать на мѣстѣ преступленія Оалалея, танцующаго комаринскую. По вечерамъ, когда всѣ полагали, что онъ чѣмъ нибудь занятъ, онъ нарочно выходилъ потихоньку въ садъ, обходилъ огороды и забивался въ коноплю, откуда издали видна была площадка, на которой происходили танцы. Онъ сторожилъ бѣднаго Оалалея, какъ охотникъ птичку, съ наслажденіемъ представляя себѣ, какой трезвонъ задастъ онъ, въ случаѣ успѣха, всему дому, и въ особенности полковнику. Наконецъ неусыпные труды его увѣнчались успѣхомъ: онъ засталъ комаринскаго! Понятно, послѣ этого, отчего дядя рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ плачущаго Оалалея и услышалъ, что Видоплясовъ возвѣстилъ Оому Оомича, такъ неожиданно и въ такую хлопотливую минуту представшаго передъ нами, своею собственною особою.

VII.

Оома Оомичъ.

Я съ напряженнымъ любопытствомъ разсматривалъ этого господина. Гаврила справедливо называлъ его плюгавенькимъ человѣчкомъ. Оома былъ малъ ростомъ, бѣлобрысый и съ просѣдью, съ горбатымъ носомъ и съ мелкими морщинками по всему лицу. На подбородкѣ его была большая бородавка. Лѣтъ ему было подъ пятьдесятъ. Онъ вошелъ тихо, мѣрными шагами, опустивъ глаза внизъ. Но самая нахальная самоувѣренность изображалась въ его лицѣ и во всей его недантской фигурѣ. Къ удивленію моему, онъ явился въ шлафроктѣ, правда, иностраннаго покроя, но все-таки шлафроктѣ, и, вдобавокъ, въ туфляхъ. Воротничокъ его рубашки, неподвязанный галстукомъ, былъ отложенъ à l'enfant; это придавало Оомѣ Оомичу чрезвычайно глупый видъ. Онъ подошелъ къ незанятому креслу, придвинулъ его къ столу и сѣлъ, не сказавъ никому ни слова. Мгновенно исчезли вся суматоха, все волненіе, бывшія за минуту назадъ. Все притихло такъ, что можно было разслышать пролетѣвшую муху. Генеральша присмирѣла, какъ агнецъ. Все подобострастіе этой бѣдной идіотки передъ Оомой Оомичемъ выступило теперь наружу. Она не наглядѣлась на свое нѣщечко, впиалась въ него глазами. Дѣвица Перепелицына, осклабляясь, потирала свои ручки, а бѣдная Прасковья Ильинична замѣтно дрожала отъ страха. Дядя немедленно захопоталъ.

— Чаю, чаю, сестрица! Послаще только, сестрица; Оома Оомичъ послѣ сна любитъ чай послаще. Вѣдь тебѣ послаще, Оома?

— Не до чаю мнѣ вашего теперь! проговорилъ Оома медленно и съ достоинствомъ, съ озабоченнымъ видомъ махнувъ рукой. — Вамъ бы все, что послаще!

Эти слова и смѣнный до-нельзя, по своей це-

дантской важности, входъ Оомы чрезвычайно заинтересовали меня. [Мнѣ любопытно было узнать, до чего, до какого забвенія приличій дойдетъ, наконецъ, наглость этого зазнавагося господчика.

— Оома! крикнулъ дядя:— рекомендую: племянникъ мой Сергѣй Александрычъ! сейчасъ пріѣхалъ.

Оома Оомичъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Удивляюсь я, что вы всегда какъ-то систематически любите перебивать меня, полковникъ, проговорилъ онъ послѣ значительнато молчанія, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія. — Вамъ о дѣлѣ говорить, а вы—Богъ знаетъ о чемъ... *трактуйте*... Видѣли вы Оалалея?

— Видѣлъ, Оома...

— А, видѣли! Ну, такъ я вамъ его опять покажу, коли видѣли. Можете полюбоваться на ваше произведеніе... въ нравственномъ смыслѣ. — Поди сюда, идіотъ! поди сюда, голландская ты рожа! Ну-же, иди, иди! Не бойся!

Оалалей подошелъ, всхлиывая, раскрывъ ротъ и глотая слезы. Оома Оомичъ смотрѣлъ на него съ наслажденіемъ.

— Съ намѣреніемъ называлъ я его голландской рожей, Павелъ Семенычъ, замѣтилъ онъ, развалясь въ креслѣ и слегка поворотясь къ сидѣвшему рядомъ Обноскину: — да и вообще, знаете, не нахожу нужнымъ смягчать свои выраженія ни въ какомъ случаѣ. Правда должна быть правдой. А чѣмъ ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Чтожь и трудиться, смягчать? себя и людей обманывать! Только въ глухой свѣтской банкѣ могла зародиться потребность такихъ безсмысленныхъ приличій. Скажите — беру васъ судьей — находите вы въ этой рожѣ прекрасное? Я разумѣю высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую нибудь красную харю?

Оома Оомичъ говорилъ тихо, мѣрно и съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ.

— Въ немъ прекрасное? отвѣчалъ Обноскинъ съ какою-то нахальною небрежностью. — Мнѣ кажется, это просто порядочный кусокъ ростбифа — и ничего больше...

— Подхожу сегодня къ зеркалу и смотрюсь въ него, продолжалъ Оома, торжественно пропуская мѣстоименіе я. — Далеко не считаю себя красавцемъ, но по-неволѣ пришелъ къ заключенію, что есть же что нибудь въ этомъ сѣромъ глазѣ, что отличаетъ меня отъ какого нибудь Оалалея. Это мысль, это жизнь, это умъ въ этомъ глазѣ! Не хвалюсь именно собой. Говорю вообще о нашемъ сословіи. Теперь, какъ вы думаете: можетъ ли быть хоть какой нибудь клочокъ, хоть какой нибудь отрывокъ души въ этомъ живомъ бифтексѣ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтите Павелъ Семенычъ, какъ у этихъ людей, совершенно лишенныхъ мысли и идеала, и ѣдящихъ одну говядину, какъ у нихъ всегда отвратительно свѣжъ цвѣтъ лица, грубо и глупо свѣжъ! Угодно вамъ узнать степенъ его мышленія? Эй, ты, статья! подойди же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты ротъ равинулъ? кита,

что-ли, проглотить хочешь? Ты прекрасен? Отвѣчай: ты прекрасен?

— Прек-ра-сенъ! отвѣчалъ Ѳалалей, съ заглушенными рыданіями.

Обноскинъ покотился со смѣху. Я чувствовалъ, что начинаю дрожать отъ злости.

— Вы слышали? продолжалъ Ѳома, съ торжествомъ обращаясь къ Обноскину. — То ли еще услышите! Я пришелъ ему сдѣлать экзаменъ. Есть, видите ли, Павелъ Семенычъ, люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идіота. Можетъ быть, я строго сужу, ошибаюсь; но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый неприличнѣйшій танцевъ. Никому здѣсь до этого нѣтъ и дѣла. Но вотъ сами послушайте. — Отвѣчай: что ты дѣлалъ сейчасъ? отвѣчай же, отвѣчай немедленно—слышишь?

— Пля-салъ.... проговорилъ Ѳалалей, усиливая рыданія.

— Что же ты плясалъ? какой танецъ? говори же!

— Комаринскаго...

— Комаринскаго! А кто этотъ комаринскій? Что такое комаринскій? Развѣ я могу понять что нибудь изъ этого отвѣта? Ну же, дай намъ понятіе: кто такой твой комаринскій?

— Му-жикъ...

— Мужикъ! только мужикъ? Удивляюсь! Значить, замѣчательный мужикъ! значить, это какой нибудь знаменитый мужикъ, если о немъ уже сочиняются поэмы и танцы? Ну, отвѣчай же!

Тянуть жилы была потребность Ѳомы. Онъ заигрывалъ съ своей жертвой, какъ кошка съ мышкой; но Ѳалалей молчитъ, хнычетъ и не понимаетъ вопроса.

— Отвѣчай же! настаиваетъ Ѳома:—тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? говори же!.. господскій ли, казенный ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

— Э-ко-но-ми-ческій...

— А, экономическій! Слышите, Павелъ Семенычъ? новый историческій фактъ: комаринскій мужикъ — экономическій. Гм!.. Ну, что же сдѣлалъ этотъ экономическій мужикъ? за какія подвиги его такъ воспѣваютъ и... выплещиваютъ?

Вопросъ былъ щекотливый, а такъ какъ относился къ Ѳалалею, то и опасный.

— Ну... вы... однакожъ... замѣтилъ было Обноскинъ, взглянувъ на свою маменьку, которая начала какъ-то особенно повертываться на диванѣ. Но что было дѣлать? капризы Ѳомы Ѳомича считались законами.

— Помилуйте, дядюшка, если вы не умете этого дурака, вѣдь онъ... Слышите, до чего онъ добивается? — Ѳалалей что нибудь совретъ, увѣряю васъ.... шепнулъ я дядѣ, который потерялся и не зналъ, на что рѣшиться.

— Ты бы, однакожъ, Ѳома... началъ онъ:—вотъ я рекомендую тебѣ, Ѳома, мой племянникъ, молодой человѣкъ, занимался минералогіей...

— Я васъ прошу, полковникъ, не перебивайте

меня съ вашей минералогіей, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно, ничего не знаете, а можетъ быть, и *другіе* тоже. Я не ребенокъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ, что этотъ мужикъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага своего семейства, напился пьянъ, пропилъ въ кабакѣ полушубокъ и пьяный побѣждалъ по улицѣ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ содержаніе всей этой поэмы, восхваляющей пьянство. Не беспокойтесь, онъ *теперь* знаетъ, что ему отвѣчать.—Ну, отвѣчай же: что сдѣлалъ этотъ мужикъ? вѣдь я тебѣ подсказалъ, въ ротъ положилъ. Я именно отъ самого тебя хочу слышать: что онъ сдѣлалъ, чѣмъ прославился, чѣмъ заслужилъ такую безсмертную славу, что его уже воспѣваютъ трубадуры? Ну?

Несчастный Ѳалалей, въ тоскѣ, озирался кругомъ и, въ недоумѣннѣ, что сказать, открывалъ и закрывалъ ротъ, какъ карась, вытасненный изъ воды на песокъ.

— Стыдно ска-зать! промывчалъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.

— А! стыдно сказать! подхватилъ Ѳома, торжествуя. — Вотъ этого-то отвѣта я и добивался, полковникъ! Стыдно сказать, а не стыдно дѣлать? Вотъ нравственность, которую вы посѣяли, которая взошла и которую вы теперь... поливаете. Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Ѳалалей. Теперь я тебѣ ничего не скажу, изъ уваженія къ публикѣ; но сегодня же, сегодня же, ты будешь жестоко и больно наказанъ. Если же нѣтъ, если и въ этотъ разъ меня на тебя промѣняютъ, то ты оставайся здѣсь и утѣшай своихъ господъ комаринскимъ, а я сегодня же выйду изъ этого дома! Довольно! Я сказалъ. Ступай!

— Ну, ужъ, вы, кажется, строго... проямлилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно!.... крикнулъ-было дядя, но оборвался и замолчалъ. Ѳома мрачно на него покосился.

— Удивляюсь я, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ: — что жъ дѣлаютъ послѣ этого всѣ эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Какъ не обратятъ ови вниманія на то, какія пѣсни поетъ русскій народъ и подъ какія пѣсни пляшетъ русскій народъ? Что жъ дѣлали до сихъ поръ всѣ эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны. Удивляюсь. Народъ пляшетъ комаринскаго, эту апоэозу пьянства, а они воспѣваютъ какія-то незабудочки! Зачѣмъ же не напишутъ они болѣе благонравныхъ пѣсенъ для народнаго употребленія и не бросятъ свои незабудочки? Это социальный вопросъ! Пусть изобразятъ они мнѣ мужика, но мужика облагороженнаго, такъ сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразятъ этого сельскаго мудреца въ простотѣ своей, пожалуй, хоть даже въ лаптяхъ—я и на это согласенъ—но преисполненнаго добродѣтелями, которымъ — я это смѣло говорю—можетъ позавидовать даже какой нибудь слишкомъ прославленный Александръ Македонскій. Я знаю Русь и Русь меня знаетъ: потому и говорю

это. Пусть побразятъ этого мужика, пожалуй, обремененнаго семействомъ и сѣдиною, въ душевной пѣбѣ, пожалуй, еще голоднаго, но довольнаго, неропущаго, но благословляющаго свою бѣдность и равнодушнаго къ золоту богача. Пусть самъ богачъ, въ умиленіи души, принесетъ ему, наконецъ, свое золото; пусть даже, при этомъ случаѣ, произойдетъ соединеніе добродѣтели мужика съ добродѣтелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селяннинъ и вельможа, столь разъединенные на ступеняхъ общества, соединяются, наконецъ, въ добродѣтеляхъ,—это высокая мысль! А то, что мы видимъ? Съ одной стороны незабудочки, а съ другой—выскочилъ изъ кабака и бѣжитъ по улицѣ въ растерзанномъ видѣ! Ну, что жъ, скажите, тутъ поэтическаго? чѣмъ любоваться? гдѣ умъ? гдѣ грація? гдѣ нравственность? Недоумѣваю!

— Сто рублей я тебѣ долженъ, Оома Оомичъ, за такія слова! проговорилъ Ежевикинъ съ восхищеннымъ видомъ.

— А вѣдь чорта лысаго съ меня и получить, прошепталъ онъ мнѣ потихоньку. — Польсти, польсти!

— Ну, да... это вы хорошо изобразили, промолвилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! вскрикнулъ дядя, слушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ и глядѣвшій на меня съ торжествомъ.

— Тѣма-то какая завязалась! шепнулъ онъ, потирая руки. — Многосторонній разговоръ, чортъ возьми! Оома Оомичъ, вотъ мой племянникъ, прибавилъ онъ отъ избытка чувствъ.—Онъ тоже занимался литературой,—рекомендую.

Оома Оомичъ, какъ и прежде, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на рекомендацію дяди.

— Ради Бога, не рекомендуюте меня болѣе! я васъ серьезно прошу, шепнулъ я дядѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Иванъ Ивановичъ! началъ вдругъ Оома, обращаясь къ Мизинчикову, и пристально смотря на него: — вотъ, мы теперь говорили: какого вы мнѣнія?

— Я? вы меня спрашиваете? съ удивленіемъ отозвался Мизинчиковъ, съ такимъ видомъ, какъ будто его только что разбудили.

— Да, вы-съ. Спрашиваю васъ потому, что дорожу мнѣніемъ истинно-умныхъ людей, а не какихъ нибудь проблематическихъ умниковъ, которые умны потому только, что ихъ *безпрестанно рекомендуютъ* за умниковъ, за *ученыхъ*, а иной разъ и нарочно выписываютъ, чтобъ показывать ихъ въ балаганѣ, или въ родѣ того.

Камень былъ пущенъ прямо въ мой огорождъ. И, однакожъ, не было сомнѣнія, что Оома Оомичъ, необращавшій на меня никакого вниманія, завелъ весь этотъ разговоръ о литературѣ единственно для меня, чтобъ ослѣпить, уничтожить, раздавить съ перваго шага петербургскаго ученаго, умника. Я, по-крайней-мѣрѣ, не сомнѣвался въ этомъ.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, то я... я

съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ вяло и нехотя.

— Вы все со мной согласны! даже тошно становится, замѣтилъ Оома.—Скажу вамъ откровенно, Павелъ Семеновичъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, снова обращаясь къ Обноскину:—если я и уважаю за что бессмертнаго Карамзина, то это не за исторію, не за «Марѳу Посадницу», не за «старую и новую Россію», а именно за то, что онъ написалъ «Фрола Силина»: это высокій эпосъ! это произведеніе чисто народное и не умретъ во вѣки вѣковъ! Высочайшій эпосъ!

— Именно, именно, именно! высокая *эпоха*! Фролъ Силинъ, благодѣтельный человекъ! Помню; читалъ, еще выкупилъ двухъ дѣвокъ, а потомъ смотрѣлъ на небо и плакалъ. Возвышенная черта, поддакнулъ дядя, сіяя отъ удовольствія.

Бѣдный дядя! онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не ввязаться въ *ученый* разговоръ. Оома злобно улыбнулся, но промолчалъ.

— Впрочемъ, и теперь пишутъ занимательно, осторожно вмѣшалась Анфиса Петровна. — Вотъ, наприкладъ, «Брюссельскія тайны».

— Не скажу-съ, замѣтилъ Оома, какъ бы съ сожалѣніемъ.—Читалъ я недавно одну изъ поэмъ... Ну, что! «Незабудочки»! А если хотите, изъ новѣйшихъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится «Переписчикъ»—легкое перо!

— «Переписчикъ!» вскрикнула Анфиса Петровна:—это тѣтъ, который пишетъ въ журналъ письма? Ахъ, какъ это восхитительно! какая игра словъ!

— Именно, игра словъ. Онъ, такъ сказать, играетъ перомъ. Необыкновенная легкость пера!

— Да; но онъ педантъ, небрежно замѣтилъ Обноскинъ.

— Педантъ, педантъ,—не спорю; но милый педантъ, но граціозный педантъ! Конечно, ни одна изъ идей его не выдержитъ основательной критики; но увлекаешься легкостью! Пустословъ,—согласенъ; но милый пустословъ, но граціозный пустословъ! Помните, наприкладъ, онъ объявляетъ въ литературной статьѣ, что у него есть свои помѣстья?

— Помѣстья? подхватилъ дядя: — это хорошо! которой губерніи?

Оома остановился, пристально посмотрѣлъ на дядю и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ну, скажите, ради здраваго смысла: для чего мнѣ, читателю, знать, что у него есть помѣстья? Есть,—такъ поздравляю васъ съ этимъ! Но, какъ мило, какъ это шутливо описано! Онъ блещетъ остроуміемъ, онъ брызжетъ остроуміемъ, онъ кипитъ! Это какой-то Нарзанъ остроумія! Да, вотъ какъ надо писать! Мнѣ кажется, я бы именно такъ писалъ, еслибъ согласился писать въ журналахъ...

— Можетъ, и лучше еще-съ, почтительно замѣтилъ Ежевикинъ.

— Даже что-то мелодическое въ слогѣ! поддакнулъ дядя.

Оома Оомичъ наконецъ не вытерпѣлъ.

— Полковникъ, сказалъ онъ: — нельзя ли васъ попросить — конечно, со всевозможною деликатностью — не мѣшать намъ, и позволить намъ въ покоѣ докончить нашъ разговоръ. Вы не можете судить въ нашемъ разговорѣ, не можете! Не разстраивайте же нашей пріятной литературной бесѣды. Занимайтесь хозяйствомъ, пейте чай, но... оставьте литературу въ покоѣ. Она отъ этого не проиграетъ,—увѣряю васъ!

Это уже превышало верхъ всякой дерзости! Я не зналъ, что подумать.

— Да вѣдь ты же самъ, Оома, говорилъ, что мелодическое, съ тоскою произнесъ сконфуженный дядя.

— Такъ-съ. Но я говорилъ съ знаніемъ дѣла, я говорилъ кстати; а вы?

— Да-съ, мы-то съ умомъ говорилъ-съ, подхватилъ Ежевикинъ, увиваясь около Оомы Оомича.— Ума-то у насъ такъ немножко-съ, занимать приходится, развѣ-развѣ что на два министерства хватить, а нѣтъ, такъ мы и съ третьимъ управимся,—вотъ какъ у насъ!

— Ну, значить, опять совралъ! заключилъ дядя и улыбнулся своей добродушной улыбкою.

— По-крайней-мѣрѣ сознаетесь, замѣтилъ Оома.

— Ничего, ничего, Оома, я не сержусь. Я знаю, что ты, какъ другъ, меня останавливаешь, какъ родной, какъ братъ. Это я самъ позволилъ тебѣ, даже просилъ объ этомъ. Это дѣльно, дѣльно! это для моей же пользы! Благодарю и воспользуюсь!

Терпѣніе мое истощалось. Все, что я до сихъ поръ по слухамъ зналъ о Оомѣ Оомичѣ, казалось мнѣ нѣсколько преувеличеннымъ. Теперь же, когда я увидѣлъ все самъ, на дѣлѣ, изумленію моему не было предѣловъ. Я не вѣрилъ себѣ; я повялъ не могъ такой дерзости, такого нахальнаго самовластія съ одной стороны и такого добровольнаго рабства, такого легковѣрнаго добродушія съ другой. Впрочемъ, даже и дядя былъ смущенъ такою дерзостью. Это было видно... Я горѣлъ желаніемъ какъ нибудь связаться съ Оомой, сразиться съ нимъ, какъ нибудь нагнать ему, позартифе, — а тамъ что бы ни было! Эта мысль одушевила меня. Я искалъ случая и, въ ожиданіи, совершенно обломалъ поля моей шляпы. Но случай не представлялся: Оома рѣшительно не хотѣлъ замѣчать меня.

— Правду, правду ты говоришь, Оома, продолжалъ дядя, всѣми силами стараясь понравиться и хоть чѣмъ нибудь замаять непріятность предыдущаго разговора.— Это ты правду рѣжешь, Оома. Благодарю. Надо знать дѣло, а потомъ ужъ и рассуждать о немъ. Каюсы! Я уже не разъ бывалъ въ такомъ положеніи. Представь себѣ, Сергѣй, я одинъ разъ даже экзаменовалъ... Вы смѣтаетесь! Ну, вотъ, подите! ей-Богу экзаменовалъ, да и только. Пригласили меня въ одно заведеніе на экзаменъ, да и посадили вмѣстѣ съ экзаменаторами, такъ, для почету, лишнее мѣсто было. Такъ я, признаюсь тебѣ, даже струсилъ, страхъ какой-то напалъ:

рѣшительно ни одной науки не знаю! Что дѣлать! Вотъ-вотъ, думаю, самого къ доскѣ потянутъ! Ну, а потомъ—ничего, обошлось; даже самъ вопросы задавалъ, спросилъ: кто былъ Ной? Вообще, превосходно отвѣчали; потомъ завтракали и за процвѣтаніе пили шампанское. Отличное заведеніе!

Оома Оомичъ и Обноскинъ покатались со смѣху.

— Да я и самъ потомъ смѣялся, крикнулъ дядя, смѣясь добродушнѣйшимъ образомъ и радуясь, что всѣ развеселились.—Нѣтъ, Оома, ужъ куда ни шло! распотѣшу я васъ всѣхъ, расскажу, какъ я одинъ разъ срѣзался... Вообрази, Сергѣй, стояли мы въ Красногорскѣ...

— Позвольте васъ спросить, полковникъ: долго вы будете рассказывать вашу исторію? перебилъ Оома.

— Ахъ, Оома! да вѣдь это чудеснѣйшая исторія; просто лопнуть со смѣху можно. Ты только послушай: это хорошо, ей-Богу хорошо. Я расскажу, какъ я срѣзался.

— Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ваши исторіи, когда онѣ въ этомъ родѣ, проговорилъ Обноскинъ зѣвая.

— Нечего дѣлать, приходится слушать, рѣшилъ Оома.

— Да вѣдь, ей-Богу же, будетъ хорошо, Оома, Я хочу рассказать, какъ я одинъ разъ срѣзался, Анфиса Петровна. Послушай и ты, Сергѣй: это поучительно даже. Стояли мы въ Красногорскѣ (началъ дядя, сіяя отъ удовольствія, скороговоркой и торопясь, съ безчисленными вводными предложеніями, что было съ нимъ всегда, когда онъ начиналъ что нибудь рассказывать для удовольствія публики). Только что пришли, въ тотъ же вечеръ отправляюсь въ спектакль. Превосходнѣйшая актриса была Куропаткина; потомъ еще съ штабъ-ротмистромъ Звѣрковымъ бѣжала и пьесы не доиграла: такъ занавѣсъ и опустился... То есть, бестія былъ этотъ Звѣрковъ, и попить, и въ картины заняться, и не то, чтобы пьяница, а такъ, готовъ съ товарищами раздѣлить минуточку. Но, какъ запыетъ настоящимъ образомъ, такъ ужъ тутъ все забылъ: гдѣ живетъ, въ какомъ государствѣ, какъ самого зовутъ? — словомъ, рѣшительно все; но въ сущности превосходнѣйшій малый... Ну-съ, сижу я въ театрѣ. Въ антрактѣ встаю и сталкиваюсь съ прежнимъ товарищемъ, Корноуховымъ... Я вамъ скажу, единственный малый. Лѣтъ, правда, шесть мы ужъ не видались. Ну, былъ въ кампаніи, увѣшанъ крестами; теперь, слышалъ недавно,—уже дѣйствительный статскій; въ статскую службу перешелъ, до большихъ чиновъ дослужился... Ну, разумеется, обрадовались. То, да се. А рядомъ съ нами въ ложѣ сидятъ три дамы; та, которая слѣва, рожа, какихъ смѣтъ не производилъ... Послѣ узналъ, превосходнѣйшая женщина, мать семейства, ошастливла мужа... Ну-съ, вотъ я, какъ дуракъ, и брякъ Корноухову: «Скажи, братъ, не знаешь ли, что это за чудесъ выѣхала?» — «Которая

это?» — «Да эта». — «Да эта моя двоюродная сестра». — Тьфу, чортъ! Судите о моемъ положеніи! Я, чтобъ поправиться: — «Да нѣтъ, говорю, не эта. Экъ у тебя глаза! Вотъ та, которая оттуда сидитъ: кто эта? — «Это моя сестра». — Тьфу ты пропасть! А сестра его, какъ нарочно, розанчикъ-розанчикомъ, премилушка; такъ разодѣта: брошки, перчаточки, браслетики, — словомъ сказать, сидитъ херувимчикомъ; послѣ вышла замужъ за превосходнѣйшаго человѣка, Пыхтина; она съ нимъ бѣжала, обвинчались безъ спросу; ну, а теперь все это какъ слѣдуетъ: и богато живутъ; отцы не на радуются!... Ну-съ, вотъ: «да нѣтъ!» кричу, а сама не знаю, куда провалиться «не эта!» — «Вотъ въ серединѣ-то которая?» — «Да, въ серединѣ — ну, братъ, это жена моя».... Между нами: объяденіе, а не дамочка! то есть такъ бы и проглотилъ ее всю цѣликомъ огъ удовольствія... — «Ну, говорю, видалъ ты когда нибудь дурака? Такъ вотъ онъ, передъ тобой, и голова его тутъ же: руби, не жалѣй!» Смѣется. Послѣ спектакля меня познакомилъ и, должно быть, рассказалъ, проказникъ. Что-то очень смѣялись! И признаюсь, никогда еще такъ весело не проводилъ время. Такъ вотъ какъ иногда, братъ, Оома, можно срѣзаться! Ха-ха-ха-ха!

Но напрасно смѣялся бѣдный дядя, тщетно обводилъ онъ кругомъ свой веселый и добрый взглядъ: мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его веселую исторію. Оома Оомичъ сидѣлъ въ мрачномъ безмолвіи, а за нимъ и всѣ; только Обноскинъ слегка улыбался, предвидя гонку, которую зададутъ дядѣ. Дядя скопфузился и покраснѣлъ. Того-то и желалось Оомѣ.

— Кончили-ль вы? спросилъ онъ, наконецъ, съ важною обращаясь къ сконфуженному рассказчику.

— Кончилъ, Оома.

— И рады?

— То есть, какъ это радъ, Оома? съ тоскою отвѣчалъ бѣдный дядя.

— Легче ли вамъ теперь? Довольны ли вы, что разстроили пріятную литературную бесѣду друзей, прервавъ ихъ и тѣмъ удовлетворивъ мелкое свое самолюбіе?

— Да полно же, Оома! Я васъ же всѣхъ хотѣлъ развеселить, а ты...

— Развеселить? вскричалъ Оома, вдругъ необыкновенно разгораясь: — но вы способны навести уныніе, а не развеселить. Развеселить! Но знаете ли, что ваша исторія была почти безнравственна? я уже не говорю: неприлична — это само собой... Вы объявили сейчасъ, съ рѣдкою грубостью чувствъ, что смѣялись надъ невинностью, надъ благородной дворянкой, оттого только, что она не имѣла чести вамъ понравиться. И насъ же, насъ, хотѣли заставить смѣяться, то есть поддакивать вамъ, поддакивать грубому и неприличному поступку, и все потому только, что вы хозяинъ этого дома! Воля ваша, полковникъ, вы можете сыскать себѣ прихлебателей, лизоблюдовъ,

партнеровъ, можете даже ихъ выписывать изъ дальнихъ странъ и тѣмъ усиливать свою свиту, въ ущербъ прямотѣ и откровенному благородству души; но никогда Оома Опискинъ не будетъ ни льстецомъ, ни лизоблюдомъ, ни прихлебателемъ вашимъ! Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я васъ завѣряю!...

— Эхъ, Оома! не понялъ ты меня, Оома!

— Нѣтъ, полковникъ, я васъ давно раскусилъ, я васъ насквозь понимаю! Васъ гложетъ самое неограниченное самолюбіе; вы съ претензіями на недосыгаемую остроту ума, и забываете, что острота тупится о претензію. Вы...

— Да полно же, Оома, ради Бога! Постыдитесь хоть людей!...

— Да вѣдь грустно же видѣть все это, полковникъ, а — видя, невозможно молчать. Я бѣденъ, я *проживаю* у вашей родительницы. Пожалуй, еще подумаютъ, что я льщу вамъ моимъ молчаніемъ; а я не хочу, чтобъ какой нибудь *молокососъ* могъ принять меня за вашего прихлебателя! Можетъ быть, я, входя сюда давеча, даже нарочно усилилъ мою правдивую откровенность, нарочно принужденъ былъ дойти даже до грубости, именно потому, что вы сами ставите меня въ такое положеніе. Вы слишкомъ надменны со мной, полковникъ. Меня могутъ счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствіе унижать меня передъ *незнакомыми*, тогда какъ я вамъ равенъ, слышите ли? равенъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, даже я вамъ дѣлаю одолженіе тѣмъ, что живу у васъ, а не *вы* мнѣ. Меня унижаютъ; слѣдственно, я вамъ долженъ себя хвалить — это естественно! Я не могу не говорить, я долженъ говорить, долженъ немедленно протестовать, и потому прямо и просто объявляю вамъ, что вы феноменально завистливы! Вы видите, на примѣръ, что человѣкъ въ простомъ, дружескомъ разговорѣ невольно выказалъ свои познанія, начитанность, вкусъ: такъ вотъ ужъ вамъ и досадно, вамъ и неметается. «Дай же и я свои познанія и вкусъ *выкажу*!» А какой у васъ вкусъ, съ позволенія сказать? вы въ изящномъ смыслите столько — извините меня, полковникъ — сколько смыслить, на примѣръ, хотъ быкъ въ говядинѣ! Это рѣзко, грубо — сознаюсь: по крайней мѣрѣ — прямодушно и справедливо. Этого не услышите вы отъ вашихъ льстецовъ, полковникъ.

— Эхъ, Оома!...

— То-то «эхъ, Оома!» Видно, правда не пуховикъ. Ну, хорошо; мы еще потомъ поговоримъ объ этомъ, а теперь позвольте и мнѣ немного повеселить публику. Не все же вамъ однимъ отличатся. Павелъ Семеновичъ! видѣли вы это чудо морское въ человѣческомъ образѣ? Я ужъ давно его наблюдаю. Вглянитесь въ него: вѣдь онъ съѣсть меня хочетъ, такъ-таки живьемъ, цѣликомъ!

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и дѣйствительно съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ. — Эй ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться по-ближе, Гаврила Игнатьичъ! — Это, вотъ видите ли, Павелъ Семеновичъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. — Ну, французъ, мусью шематонъ—терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ,—знаешь урокъ?

— «Вѣтвердилъ», отвѣчалъ, повѣсивъ голову, Гаврила.

— А парлэ-ву-франсэ?

— Вуй мусье, же-ле-парль-эн-пе...

Не знаю, грустная ли фигура Гаврилы, при произношеніи французской фразы, была причиною, или предугадывалось всѣми желаніе Оомы, чтобъ всѣ засмѣялись, но только всѣ такъ и покатались со смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Анфиса Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, вѣдя, во что превратился экзаменъ, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: «Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!»

Оома Оомичъ встрепенулся.

— Что? что ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Оома Оомичъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила:—не грубіянство слова мои и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобой, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носитъ, образъ его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ-третій годъ отъ-роду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнить, а дѣда моего, вмѣстѣ съ бариномъ, Матвѣемъ Никитичемъ—дай Богъ имъ царство небесное—Пугачъ на одной оснѣ повѣсилъ, за что родитель мой отъ покойнаго барина, Афанасья Матвѣича, не въ примѣръ другимъ былъ почтенъ: камардиномъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я же, сударь, Оома Оомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ!

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! вскричалъ онъ:—нечего распространяться; полно!

— Ничего, ничего, проговорилъ Оома, слегка поблѣднѣвъ и улыбаясь съ натуги. — Пусть поговорить; это вѣдь все ваши плоды...

— Все расскажу, продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:—ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужь на что я, Оома Оомичъ, гнусный передъ тобою выхожу человѣкъ, одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услужой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхѣ и трепетѣ происходить

долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того—это настоящая должность моя выходить. Прислужить что понадобится—съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то, что на старости лѣтъ по-заморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойти: «французъ ты, говорятъ, французъ!» Нѣтъ, сударь Оома Оомичъ, не одинъ я, дуракъ, а ужъ и добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы, какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ нашъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ; что вы хоть породой и снаральскій сынъ, и сами, можетъ, немного до енарала не дослужили, но такой злющій, какъ, то есть, долженъ быть настоящій фурий.

Гаврила кончилъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Оома Оомичъ слѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства, и какъ будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы; какъ будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ воспослѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! онъ смѣлъ обругать меня, — меня! да это бунтъ! завизжалъ Оома и вскочилъ со стула.

— За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталакивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы! кричала генеральша.—Сейчасъ же его въ городъ и въ солдаты отдай, Егорушка! Не то, не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, кричалъ Оома:—рабъ! халдеи! хамлеты! осмѣлился обругать меня! онъ, онъ, обтирка моего сапога! онъ осмѣлился назвать меня фурией!

Я выступилъ впередъ, съ необыкновенною рѣшимостью.

— Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гаврилы, сказалъ я, смотря Оомѣ Оомичу прямо въ глаза и дрожа отъ волненія.

Онъ былъ такъ пораженъ этой выходкой, что въ первую минуту, кажется, не вѣрилъ ушамъ своимъ?

— Это еще что? вскрикнулъ онъ, наконецъ, накидываясь на меня, въ изступленіи, и впиваясь въ меня своими маленькими, налитыми кровью глазами.—Да ты кто такой?

— Оома Оомичъ... заговорилъ было совершенно потерявпійся дядя:—это Сережа, мой племянникъ...

— Ученый! завопилъ Оома: — такъ это онъ-то, ученый? Либертэ-эгалитэ-фратернитэ! журналъ де-дебѣ! Нѣтъ, братъ, врешь! въ Саксоніи не была! Здѣсь не Петербургъ не надуешь! Да плевать мнѣ на твой де-дебѣ! У тебя де-дебѣ, а по нашему выходить: «нѣтъ, братъ, слаба!» Ученый! Да ты сколько знаешь, я всемеро столько забылъ! встѣ какой ты ученый!

Еслибъ не удержали его, онъ, мнѣ кажется, бро- силъ бы на меня съ кулаками.

— Да онъ пьянъ, проговорилъ я, съ недоумѣ- ніемъ озираясь кругомъ.

— Кто? я? прикрикнулъ Оома не своимъ го- лосомъ.

— Да, вы!

— Пьянъ?

— Пьянъ.

Этого Оома не могъ вынести. Онъ взвизгнулъ, какъ будто его начали рѣзать, и бросился вонъ изъ комнаты. Генеральша хотѣла, кажется, упасть въ обморокъ, но разсудила лучше бѣжать за Оо- мой Оомичомъ. За ней побѣжали и всѣ, а за всѣми дядя. Когда я опомнился и оглядѣлся, то увидѣлъ въ комнатѣ одного Ежовкина. Онъ улыбался и потиралъ себѣ руки.

— Про іезуитика-то давеча обѣщались, прого- ворилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Что? спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Про іезуитика давеча разсказать обѣщались... анекдотецъ-съ...

Я выбѣжалъ на террасу, а оттуда въ садъ. Го- лова моя шла кругомъ...

VIII.

Объясненіе въ любви.

Съ четверть часа бродилъ я по саду, раздра- женный и крайне недовольный собой, обдумывая: что мнѣ теперь дѣлать? Солнце садилось. Вдругъ, на поворотѣ въ одну темную аллею, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настенькой. Въ глазахъ ея были слезы, въ рукахъ платокъ, которымъ она утирала ихъ.

— Я васъ искала, сказала она.

— А я васъ, отвѣчалъ я ей. — Скажите: я въ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, прогово- рила она обидчиво, пристально взглянувъ на меня.

— Но если такъ: такъ чтожь это дѣлается? Ради самого Христа, подайте мнѣ какойнибудь совѣтъ! Куда теперь ушелъ дядя? Можно мнѣ туда идти? Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ: можетъ быть, вы меня въ чемънибудь и наставите.

— Нѣтъ, лучше не ходите. Я сама ушла отъ нихъ.

— Да гдѣ они?

— А кто знаетъ? Можетъ быть, опять въ ого- родъ побѣжали, проговорила она раздражительно.

— Въ какой огородъ?

— Это Оома Оомичъ на прошлой недѣлѣ за- кричалъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ и вдругъ побѣжалъ въ огородъ, досталъ въ шалашѣ заступъ и началъ гряды копать. Мы всѣ удиви- лись: не съ ума ли сошелъ? «Вотъ, говоритъ, чтобъ не попрекнули меня потомъ, что я даромъ хлѣбъ ѣлъ, буду землю копать и свой хлѣбъ, что здѣсь

ѣлъ, заработаю, а потомъ и уйду. Вотъ до чего меня довели!» А тутъ-то всѣ плачутъ, и передъ нимъ чуть не на колѣняхъ стоятъ, заступъ у него отнимаютъ; а онъ-то копаетъ; всю рѣпу только перекопалъ. Сдѣлали разъ поблажку, — вотъ онъ, можетъ быть, и теперь повторяетъ. Отъ него ста- нется.

— И вы... и вы рассказываете это такъ хладно- кровно! вскричалъ я въ слѣпнѣйшемъ негодованіи.

Она взглянула на меня сверкавшими глазами.

— Простите мнѣ; я ужъ и не знаю: что гово- рю! Послушайте, вамъ извѣстно, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

— Н...нѣтъ, отвѣчала она, покраснѣвъ, и какое-то тягостное ощущеніе отразилось въ ея ми- ломъ лицѣ.

— Вы извините меня, продолжалъ я: — я те- перь разстроены, я чувствую, что не такъ бы слѣ- довало мнѣ начать говорить объ этомъ... особенно съ вами... Но, все равно! По моему, откровенность въ такихъ дѣлахъ лучше всего. Признаюсь... то- есть, я хотѣлъ сказать... вы знаете намѣреніе дя- дюшки? Онъ приказалъ мнѣ искать вашей руки...

— О, какой вздоръ! Не говорите этого, пожа- луйста! сказала она, послѣшно перебивая меня и вся вспыхнувъ.

Я былъ озадаченъ.

— Какъ: вздоръ? Но, онъ вѣдь писалъ ко мнѣ.

— Такъ онъ-таки вамъ писалъ? спросила она съ живостью. Ахъ, какой! Какъ же онъ обѣщался, что не будетъ писать! Какой вздоръ! Господи, ка- кой это вздоръ!

— Простите меня, пробормоталъ я, не зная, что говорить:—можетъ быть, я поступилъ неосто- рожно, грубо... но вѣдь такая минута! Сообразите: мы окружены Богъ знаетъ чѣмъ...

— Охъ, ради Бога, не извиняйтесь! Повѣрьте, что мнѣ и безъ того тяжело это слушать, а между тѣмъ судите: я и сама хотѣла заговорить съ вами, чтобъ узнать чтонибудь... Ахъ, какая досада! такъ онъ-таки вамъ написалъ! Вотъ этого-то я пуще всего боялась! Боже мой, какой это человѣкъ! А вы и повѣрили и прискакали сюда, сломя голову? Вотъ, надо было!

Она не скрывала своей досады. Положеніе мое было непривлекательно.

— Признаюсь, я не ожидалъ, проговорилъ я въ самомъ полномъ смущеніи: — такой оборотъ... я, напротивъ, думалъ...

— А, такъ вы думали? произнесла она съ лег- кой ироніей, слегка закусывая губу. — А знаете, вы мнѣ покажите это письмо, которое онъ вамъ писалъ?

— Хорошо-съ.

— Да вы не сердитесь, пожалуйста, на меня, не обижайтесь; и безъ того много горя! сказала она просящимъ голосомъ, а между тѣмъ насмѣш- ливая улыбка слегка мелькнула на ея хорошень- кихъ губкахъ.

— Охъ! пожалуйста, не принимайте меня за

дурака! вскричалъ я съ горячностью.—Но, можетъ быть, вы предубѣждены противъ меня? можетъ быть, вамъ кто нибудь на меня пасказалъ? можетъ быть, вы потому, что я тамъ теперь сръзался? Но это ничего — увѣряю васъ. Я самъ понимаю, какимъ я теперь дуракомъ стою передъ вами. Не смѣйтесь, пожалуйста, падо мной! Я не знаю, что говорю... А все это оттого, что мнѣ эти проклятые двадцать два года!

— О, Боже мой! Такъ чтожь?

— Какъ, такъ чтожь? Да вѣдь кому двадцать два года, у того это и на лбу написано, какъ у меня, напримѣръ, когда я, давеча, на средину комнаты выскочилъ, или какъ теперь передъ вами... Распроклятый возрастъ!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Настенька, едва удерживаясь отъ смѣха. — Я увѣрена, что вы и добрый, и милый, и умный, и, право я искренно говорю это! Но... вы только очень самолюбивы. Отъ этого еще можно исправиться.

— Мнѣ кажется, я самолюбивъ, сколько нужно.

— Ну, нѣтъ. А давеча, когда вы сконфузились — и отчего жъ? оттого, что споткнулись при входѣ!.. Какое право вы имѣли выставять на смѣхъ вашего добраго, вашего великодушнаго дядю, который вамъ сдѣлалъ столько добра? Зачѣмъ вы хотѣли свалить на него смѣшное, когда сами были смѣшны? Это было дурно, стыдно! Это не дѣлаетъ вамъ чести и, признаюсь вамъ, вы были мнѣ очень противны въ ту минуту, вотъ вамъ!

— Это правда! Я былъ болванъ! даже больше: я сдѣлалъ подлость! Вы примѣтили ее — и я уже наказанъ! Браните меня, смѣйтесь надо мной, но послушайте: можетъ быть, вы переимѣните, наконецъ, ваше мнѣніе, прибавилъ я, увлекаемый какимъ-то страннымъ чувствомъ: — вы меня еще такъ мало знаете, что потому, когда узнаете больше, тогда... можетъ быть...

— Ради Бога оставимъ этотъ разговоръ! вскричала Настенька, съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Хорошо, хорошо, оставимте! Но... гдѣ я могу васъ видѣть?

— Какъ, гдѣ видѣть?

— Но вѣдь не можетъ же быть, чтобъ мы съ вами сказали послѣднее слово, Настасья Евграфовна! Ради Бога, назначьте мнѣ свиданье, хоть сегодня же. Впрочемъ, теперь ужъ смеркается. Ну, такъ, если только можно, завтра утромъ, пораньше; я нарочно велю себя разбудить пораньше. Знаете, тамъ, у пруда, есть бесѣдка. Я вѣдь помню; я знаю дорогу. Я вѣдь здѣсь жилъ маленькій.

— Свиданіе! Но зачѣмъ это? Вѣдь мы и безъ того теперь говоримъ.

— Но я теперь еще ничего не знаю, Настасья Евграфовна. Я сперва все узнаю отъ дядюшки. Вѣдь долженъ же онъ, наконецъ, мнѣ все рассказать, и тогда я, можетъ быть, скажу вамъ что нибудь очень важное...

— Нѣтъ, нѣтъ! не надо, не падо! вскричала Настенька; — кончимте все разомъ теперь, такъ, чтобъ

потомъ и помнну не было. А въ ту бесѣдку и не ходите напрасно: увѣряю васъ, я не приду, и выкиньте, пожалуйста, изъ головы весь этотъ вздоръ — я серьезно прошу васъ...

— Такъ, значитъ, дядя поступилъ со мною, какъ сумасшедшій! — вскричалъ я, въ припадкѣ нестерпимой досады. — Зачѣмъ же онъ вызывалъ меня послѣ этого?.. Но, слышите, что это за шумъ?

Мы были близко отъ дома. Изъ растворенныхъ оконъ раздавались визгъ и какіе-то необыкновенные крики.

— Боже мой! сказала она, поблѣднѣвъ: — опять! Я такъ и предчувствовала!

— Вы предчувствовали? Настасья Евграфовна, еще одинъ вопросъ. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, но рѣшаюсь предложить вамъ этотъ послѣдній вопросъ для общаго блага. Скажите — и это умретъ во мнѣ — скажите откровенно: дядя влюбленъ въ васъ, или нѣтъ?

— Ахъ! выкиньте, пожалуйста, этотъ вздоръ изъ головы разъ навсегда! вскричала она, всыхнувъ отъ гнѣва. — И вы тоже! Кабы былъ влюбленъ, не хотѣлъ бы выдать меня за васъ, прибавила она съ горькою улыбкою. — И съ чего, съ чего это взяли? Неужели вы не понимаете, о чемъ идетъ дѣло? Слышите эти крики?

— Но... это Оома Оомичъ...

— Да, конечно, Оома Оомичъ; но теперь изъ-за меня идетъ дѣло, потому что они тоже говорятъ, что и вы, ту же безсмыслицу; тоже подозрѣваютъ, что онъ влюбленъ въ меня. А такъ какъ я бѣдная, ничтожная, а такъ какъ замарать меня ничего не стоитъ, а они хотятъ женить его на другой, такъ вотъ и требуютъ, чтобъ онъ меня выгналъ домой, къ отцу, для безопасности. А ему когда скажутъ про это, то онъ тотчасъ же изъ себя выходитъ; даже Оому Оомича разорвать готовъ. Вонъ они теперь и кричатъ объ этомъ; ужъ я предчувствую, что объ этомъ.

— Такъ это все правда! Такъ, значитъ, онъ непременно женится на этой Татьянѣ?

— На какой Татьянѣ?

— Ну, да на этой дурѣ.

— Вовсе не дурѣ! Она добрая. Не имѣете вы права такъ говорить! У нея благородное сердце, благородіе, чѣмъ у многихъ другихъ. Она не виновата тѣмъ, что несчастная.

— Простите. Положимъ, вы въ этомъ совершенно правы; но не ошибаетесь ли вы въ главномъ? Какъ же, скажите, я замѣтилъ, что они хорошо принимаютъ вашего отца? Вѣдь, еслибъ они до такой ужъ степени сердились на васъ, какъ вы говорите, и васъ выгоняли, такъ и на него бы сердились и его бы худо принимали.

— А развѣ вы не видите, что дѣлаетъ для меня мой отецъ! Онъ шуткомъ передъ ними вертится! Его принимаютъ именно потому, что онъ успѣлъ подольститься къ Оомѣ Оомичу. А такъ какъ Оома Оомичъ самъ былъ шуткомъ, такъ вотъ ему и лестно, что и у него теперь есть шуты. Какъ вы ду-

маете: для кого это отецъ дѣлаетъ? Онъ для меня это дѣлаетъ, для меня одной. Ему ненадо; онъ для себя никому не поклонится. Онъ, можетъ, и очень смѣшное на чѣи нибудь глаза, по онъ благородный, благороднѣйшій человѣкъ! Онъ думаетъ, Богъ знаетъ почему — и вовсе не потому, что я здѣсь жалованье хорошее получаю—увѣряю васъ; онъ думаетъ, что мнѣ лучше оставаться здѣсь, въ этомъ домѣ. Но теперь я совсѣмъ его разувѣрила. Я ему написала рѣшительно. Онъ и пріѣхалъ, чтобъ взять меня, и, если крайность до того дойдетъ, такъ хоть завтра же, потому что ужъ дѣло почти до всего дошло: они меня съѣсть хотятъ, и я знаю навѣрно, что они тамъ теперь кричатъ обо мнѣ. Они растерзаютъ *его* изъ-за меня, они погубятъ *его*! А онъ мнѣ все равно, что отецъ—слышите, даже больше, чѣмъ мой родной отецъ! Я не хочу дожидаться. Я знаю больше, чѣмъ другіе. Завтра же, завтра же уѣду! Кто знаетъ: можетъ, чрезъ это они отложатъ, хоть на время, и свадьбу *его* съ Татьяной Ивановной... Вотъ я вамъ все теперь рассказала. Расскажите же это и ему, потому что я теперь и говорить-то съ нимъ не могу: за нами слѣдятъ, и особенно эта Перепелицына. Скажите, чтобъ онъ не беспокоился обо мнѣ, что я лучше хочу ѣсть черный хлѣбъ и жить въ избѣ у отца, чѣмъ быть причиною *его* здѣшнихъ мученій. Я бѣдная, и должна жить какъ бѣдная. Но, Боже мой, какой шумъ! какой крикъ! Что тамъ еще дѣлается? Нѣтъ, во что бы ни стало, сейчасъ пойду туда! Я выскажу имъ всѣмъ все это прямо въ глаза, сама, что бы ни случилось! Я должна это сдѣлать. Прощайте!

Она убѣжала. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вполне сознавая все смѣшное въ той роли, которую мнѣ пришлось сейчасъ разыграть, и совершенно недоумѣвая, чѣмъ все это теперь разрѣшится. Мнѣ было жаль бѣдную дѣвушку и я боялся за дядю. Вдругъ подлѣ меня очутился Гаврила. Онъ все еще держалъ свою тетрадку въ рукѣ.

— Пожалуйте къ дяденькѣ! проговорилъ онъ унылымъ голосомъ.

Я очнулся.

— Къ дядѣ? А гдѣ онъ? Что съ нимъ теперь дѣлается?

— Въ чайной. Тамъ же, гдѣ чай изволили давеча кушать.

— Кто съ нимъ?

— Одни. Дожидаются.

— Кого? меня?

— За Оомой Оомичемъ послали. Прошли наши красные деньки! прибавилъ онъ, глубоко вздыхая.

— За Оомой Оомичемъ? Гм! А гдѣ другіе? гдѣ барыня?

— На своей половинѣ. Въ омракъ упали, а теперь лежатъ въ безчувствіи и плачутъ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы дошли до террасы. На дворъ было уже почти совсѣмъ темно. Дядя, дѣйствительно, былъ одинъ, въ той же комнатѣ, гдѣ произошло мое побѣдоносное съ Оомой Оо-

мичомъ, и ходилъ по пей большими шагами. На столахъ горѣли свѣчи. Увидя меня, онъ бросился ко мнѣ и крѣпко сжалъ мои руки. Онъ былъ блѣденъ и тяжело переводилъ духъ; руки его тряслись, и нервическая дрожь пробѣгала, временемъ, по всему его тѣлу.

IX.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО.

— Другъ мой! все конечно, все рѣшено! проговорилъ онъ какимъ-то трагическимъ полушопотомъ.

— Дядюшка, сказалъ я: — я слышалъ какіе-то крики.

— Крики, братецъ, крики; всякіе были крики! Мамсенька въ обморокѣ, и все это теперь вверхъ ногами. Но я рѣшился и настою на своемъ. Я теперь ужъ никого не боюсь, Сережа. Я хочу показать имъ, что и у меня есть характеръ—и покажу! И вотъ нарочно послалъ за тобой, чтобъ ты помогъ мнѣ пмѣ показать... Сердце мое разбито, Серсжа... но я долженъ, я обязанъ поступить со всею строгостію. Справедливость неумолима!

— Но что же такое случилось, дядюшка?

— Я расстаюсь съ Оомой, произнесъ дядя рѣшительнымъ голосомъ.

— Дядюшка! закричалъ я въ восторгѣ:—ничего лучше вы не могли выдумать! И если я хоть сколько нибудь могу способствовать вашему рѣшенію, то... располагайте мною во-вѣки-вѣковъ.

— Благодарю тебя, братецъ, благодарю! Но теперь ужъ все рѣшено. Иду Оому; я уже послалъ за нимъ. Или онъ, или я! Мы должны разлучиться. Или же завтра Оома выйдетъ изъ этого дома, или, клянусь, бросаю все и поступаю опять въ гусары! Примутъ; дадутъ дивизіонъ. Прочь всю эту систему! Теперь все по новому! На что это у тебя французская тетрадка? съ яростію закричалъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Прочь ее! Сожги, растопчи, разорви! Я твой господинъ, и я приказываю тебѣ неучиться французскому языку. Ты не можешь, ты не смѣешь меня не слушаться, потому что я твой господинъ, а не Оома Оомичъ!..

— Слава-те Господи! пробормоталъ про себя Гаврила. — Дѣло счеvidно шло не на шутку.

— Другъ мой! продолжалъ дядя съ глубокимъ чувствомъ: — они требуютъ отъ меня невозможнаго! Ты будешь судить меня; ты теперь станешь между нимъ и мною, какъ безпристрастный суля. Ты не знаешь, ты не знаешь, чего они отъ меня требовали, и, наконецъ, формально потребовали, все высказали! Но это противно чело-вѣколюбію, благородству, честн... Я все расскажу тебѣ, по сперва...

— Я ужъ все знаю, дядюшка! вскричалъ я, пе-

ребивая его, — я угадываю... Я сейчас разговаривать съ Настасьей Евграфовной.

— Другъ мой, теперь ни слова, ни слова об этомъ! торопливо прервалъ онъ меня, какъ будто испугавшись.—Потомъ я все самъ расскажу тебѣ, но покамѣсть... Что-жъ? закричалъ онъ вошедшему Видоплясову:—гдѣ же Оома Оомичъ?

Видоплясовъ явился съ извѣстіемъ, что Оома Оомичъ «не желаютъ придти и находятъ требованіе явиться до несомнѣнности грубымъ-съ, такъ что Оома Оомичъ очень изволили этимъ обидѣться-съ».

— Веди его! тащи его! сюда его! силою притащи его! закричалъ дядя, топая ногами.

Видоплясовъ, никогда невидавшій своего барина въ такомъ гнѣвѣ, ретировался въ испугѣ. Я удивился.

«Надо же быть чему нибудь слишкомъ важному», подумалъ я, «если человѣкъ съ такимъ характеромъ способенъ дойти до такого гнѣва и до такихъ рѣшеній».

Нѣсколько минутъ дядя, молча, ходилъ по комнатѣ, какъ будто въ борьбѣ самъ съ собою.

— Ты, впрочемъ, не рви тетрадку, сказалъ онъ, наконецъ, Гаврилъ.—Подожди и самъ будь здѣсь: ты, можетъ быть, еще понадобишься.—Другъ мой! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — я, кажется, ужъ слишкомъ сейчасъ закричалъ. Всякое дѣло надо дѣлать съ достоинствомъ, съ мужествомъ, но безъ криковъ, безъ обидъ. Именно такъ. Знаешь что, Сережа: не лучше ли будетъ, еслибъ ты ушелъ отсюда? Тебѣ все равно. Я тебѣ потомъ все самъ расскажу, — а? какъ ты думаешь? Сдѣлай это для меня, пожалуйста.

— Вы боитесь, дядюшка? вы раскаяваетесь? сказалъ я, пристально смотря на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не раскаяваюсь! вскричалъ онъ съ удвоеннымъ одушевленіемъ. — Я ужъ теперь ничего больше не боюсь. Я принялъ рѣшительныя мѣры, самыя рѣшительныя! Ты не знаешь, ты не можешь себѣ вообразить, чего они отъ меня потребовали! Не-уже-ли жъ я долженъ былъ согласиться? Нѣтъ, я докажу! Я возсталъ и докажу! Когда нибудь я долженъ же былъ доказать! Но, знаешь, мой другъ, я раскаяваюсь, что тебя позвалъ: Оомѣ, можетъ быть, будетъ очень тяжело, когда и ты будешь здѣсь, такъ сказать, свидѣтелемъ его униженія. Видишь, я хочу ему отказать отъ дома благороднымъ образомъ, безъ всякаго униженія. Но, вѣдь, это я такъ только говорю, что безъ униженія. Дѣло-то оно, братъ, такое, что хоть медовыя рѣчи точи, а все-таки будетъ обидно. Я же—грубъ, безъ воспитанія, пожалуй, еще такое тяпну, съ-дуру-то, что и самъ потомъ не радъ буду. Все же онъ для меня много сдѣлалъ... Уйди, мой другъ... Но вотъ уже его ведутъ, ведутъ! Сережа, прошу тебя, выйди! Я тебѣ все потомъ расскажу. Выйди, ради Христа!

И дядя вывелъ меня на террасу, въ то самое

мгновеніе, когда Оома входилъ въ комнату. Но, каюсь: я не ушелъ; я рѣшился остаться на террасѣ, гдѣ было очень темно и, слѣдственно, меня трудно было увидѣть изъ комнаты. Я рѣшился подслушивать!

Не оправдываю ничѣмъ своего поступка, но смѣло скажу, что, выстоявъ эти полчаса на террасѣ и не потерявъ терпѣнія, я считаю, что совершилъ подвигъ великомученичества. Съ моего мѣста я не только могъ хорошо слышать, но даже могъ хорошо и видѣть: двери были стеклянныя. Теперь прошу вообразить Оому Оомича, которому *приказами* явиться, угрожая силою, въ случаѣ отказа.

— Мои ли уши слышали такую угрозу, полковникъ? — возопилъ Оома, входя въ комнату.—Такъ ли мнѣ передано?

— Твой, твой, Оома, успокойся, храбро отвѣчалъ дядя.—Сядь; поговоримъ серьезно, дружески, братски. Сядись же, Оома.

Оома Оомичъ торжественно сѣлъ на кресло. Дядя быстрыми и неровными шагами ходилъ по комнатѣ, очевидно затрудняясь, съ чего начать рѣчь.

— Именно братски, повторилъ онъ. — Ты поймешь меня, Оома, ты не маленький; я тоже не маленький — словомъ, мы оба въ лѣтахъ... Гм! Видишь, Оома, мы не сходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ... да, именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и потому, Оома, не лучше ли, братъ, разстаться? Я увѣренъ, что ты благороденъ, что ты мнѣ желаешь добра, и потому... Но что долго толковать! Оома, я твой другъ во-вѣки-вѣковъ, и клянусь въ томъ всеми святыми! Вотъ 15,000 рублей серебромъ: это все, братъ, что есть за душой, послѣднія крохи наскребъ, своихъ обобралъ. Смѣло бери! Я долженъ, я обязанъ тебя обезпечить! Тутъ все почти ломбардными и очень немного наличными. Смѣло бери! Ты же мнѣ ничего не долженъ, потому что я никогда не буду въ силахъ заплатить тебѣ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Да, да, именно, я это чувствую, хотя теперь, въ главнѣйшемъ-то пунктѣ, мы расходимся. Завтра или послѣ завтра... или когда тебѣ угодно... разѣдемся. Поѣзжай-ка въ нашъ городишко, Оома, всего десять верстъ; тамъ есть домикъ за церковью, въ первомъ переулкѣ, съ зелеными ставнями, премиленькій домикъ вдовы-попадѣи; какъ будто для тебя его и построили. Она продастъ. Я тебѣ куплю его сверхъ этихъ денегъ. Поселись-ка тамъ, подлѣ насъ. Занимайся литературой, науками: приобрѣтешь славу... Чиновники тамъ, всѣ до одного, благородные, радушные, безкорыстные; протопопъ ученый. Къ намъ будешь прѣзжать гостить по праздникамъ — и мы зажжемъ, какъ въ раю! Желаешь, иль нѣтъ!

«Такъ вотъ на какихъ условіяхъ изгоняли Оому!» подумалъ я: «дядя скрылъ отъ меня о деньгахъ».

Долгое время царствовало глубокое молчаніе.

Оома сидѣлъ въ креслахъ, какъ будто ошеломленный, и неподвижно смотрѣлъ на дядю, которому, видимо, становилось неловко отъ этого молчанія и отъ этого взгляда.

— Деньги! проговорилъ наконецъ Оома, какимъ-то выдѣланно-слабымъ голосомъ: — гдѣ же онѣ, гдѣ эти деньги? давайте ихъ, давайте сюда скорѣе!

— Вотъ онѣ, Оома: послѣднія крохи, ровно пятнадцать, все, что было. Тутъ и кредитными, и ломбардными—самъ увидишь.. вотъ!

— Гаврила! возьми себѣ эти деньги, кротко проговорилъ Оома: — они, старикъ, могутъ тебѣ пригодиться. — Но нѣтъ! вскричалъ онъ вдругъ, съ прибавкою какого-то необыкновеннаго визга и вскакивая съ кресла:—нѣтъ! дай мнѣ ихъ сперва, эти деньги, Гаврила! дай мнѣ ихъ! дай мнѣ ихъ! дай мнѣ эти миллионы, чтобъ я притопталъ ихъ моими ногами, дай, чтобъ я разорвалъ ихъ, оплевалъ ихъ, разбросалъ ихъ, осквернилъ ихъ, обезчестилъ ихъ!... Мнѣ, мнѣ предлагаютъ деньги! подкупаютъ меня, чтобъ я вышелъ изъ этого дома! Я ли это слышалъ? я ли дожилъ до этого послѣдняго безчестія? Вотъ, вотъ они, ваши миллионы! Смотрите: вотъ, вотъ, вотъ и вотъ! Вотъ, какъ поступаетъ Оома Опескинъ, если вы до сихъ поръ этого не знали, полковникъ!

И Оома разбросалъ всю пачку денегъ по комнатѣ. Замѣчательно, что онъ не разорвалъ и не оплевалъ ни одного билета, какъ похвалялся сдѣлать; онъ только немного помялъ ихъ, но и то довольно осторожно. Гаврила бросился собирать деньги съ полу и потомъ, по уходѣ Оомы, бережно передалъ своему барину.

Поступокъ Оомы произвелъ на дядю настоящій столбнякъ. Въ свою очередь, онъ стоялъ теперь передъ нимъ неподвижно, бессмысленно, съ разнудымъ ртомъ. Оома, между тѣмъ, помѣстился опять въ кресло и пыхтѣлъ, какъ будто отъ невыразимаго волненія.

— Ты возвышенный человѣкъ, Оома! вскричалъ, наконецъ, дядя, очнувшись:—ты благороднѣйшій изъ людей!

— Это я знаю, отвѣчалъ Оома слабымъ голосомъ, но съ невыразимымъ достоинствомъ.

— Оома, прости меня! Я подлецъ передъ тобой, Оома!

— Да, передо мной, поддакнулъ Оома.

— Оома! не твоему благородству я удивляюсь, продолжалъ дядя, въ восторгѣ: — но тому, какъ могъ я быть до такой степени грубъ, слѣлъ и подлъ, чтобъ предложить тебѣ деньги при такихъ условіяхъ? Но, Оома, ты въ одномъ ошибся: я вовсе не подкупалъ тебя, не платилъ тебѣ, чтобъ ты вышелъ изъ дома, а просто-за-просто, я хотѣлъ, чтобъ и у тебя были деньги, чтобъ ты не нуждался, когда отъ меня выйдешь. Клянусь въ этомъ тебѣ! На колѣняхъ на колѣняхъ, готовъ просить у тебя прощенія, Оома, и если хочешь, стану сей-

часъ передъ тобой на колѣни.... если только хочешь...

— Не надо мнѣ вашихъ колѣнъ, полковникъ!..

— Но, Боже мой! Оома, посуди: вѣдь я былъ разгоряченъ, фрапированъ, я былъ внѣ себя... Но назови же, скажи, чѣмъ могу, чѣмъ въ состояніи я загладить эту обиду? Научи, изреки...

— Ничѣмъ, ничѣмъ, полковникъ! И будьте увѣрены, что завтра же я отрясу прахъ съ моихъ сапоговъ на порогѣ этого дома.

И Оома началъ подыматься съ кресла. Дядя, въ ужасѣ, бросился его снова усаживать.

— Нѣтъ, Оома, ты не уйдешь, увѣряю тебя! кричалъ дядя.—Нечего говорить про прахъ и про сапоги, Оома! Ты не уйдешь, или я пойду за тобой на край свѣта, и все буду идти за тобой, до тѣхъ поръ, покамѣстъ ты не простишь меня.... Клянусь, Оома, я такъ сдѣлаю!

— Васъ простить? вы виноваты? сказалъ Оома.— Но понимаете ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете ли, что вы стали виноваты теперь передо мной даже тѣмъ, что давали мнѣ здѣсь кусокъ хлѣба? Понимаете ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядомъ всѣ тѣ прошедшіе куски, которые я употребилъ въ вашемъ домѣ? Вы попрекнули меня сейчасъ этими кусками, каждымъ глоткомъ этого хлѣба, уже съѣденнаго мною; вы мнѣ доказали теперь, что я жилъ, какъ рабъ, въ вашемъ домѣ, какъ лакей, какъ обтѣрка вашихъ лакированныхъ сапоговъ! А между тѣмъ, я, въ чистотѣ моего сердца, думалъ до сихъ поръ, что обитаю въ вашемъ домѣ какъ другъ и какъ братъ! Не сами ль не сами ль, вы змѣнными рѣчами вашими тысячу разъ увѣряли меня въ этомъ братствѣ? Зачѣмъ же вы тайно сплетали мнѣ эти сѣти, въ которыя я попалъ, какъ дуракъ? Зачѣмъ же во мракѣ копали вы мнѣ эту волчью яму, въ которую теперь вы сами втокнули меня? Зачѣмъ не поразили вы меня разомъ еще прежде, однимъ ударомъ этой дубины? Зачѣмъ въ самомъ началѣ не свернули вы мнѣ головы, какъ какому нибудь пѣтуху, за то... ну, хоть, напримѣръ, только за то, что онъ не несетъ яицъ? Да, именно такъ! Я стою за это сравненіе, полковникъ, хотя оно и взято изъ провинціальнаго быта и напоминаетъ собою тривіальный тонъ современной литературы; потому стою за него, что въ немъ видна вся бессмыслица обвиненій вашихъ; ибо я столько же виноватъ передъ вами, какъ и этотъ предполагаемый пѣтухъ, неугодившій своему легкомысленному владѣльцу неснесеніемъ яицъ! Помилуйте, полковникъ! развѣ платятъ другу или брату деньгами—и за что же? главное, за что же? «На, дескать возлюбленный братъ мой, я обязанъ тебѣ: ты даже спасалъ мнѣ жизнь: на тебѣ нѣсколько іудинныхъ сребренниковъ, но только убирайся отъ меня съ глазъ долой!» Какъ наивно! какъ грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда какъ я питалъ одни райскія чувства составить

ваше благополучіе. О, какъ разбили вы мое сердце! Благороднѣйшими чувствами моими вы играли какъ какой нибудь мальчишка въ какую нибудь свайку! Давно-давно, полковникъ, я уже предвидѣлъ все это—вотъ почему я уже давнымъ-давно задыхаюсь отъ вашего хлѣба, давясь этимъ хлѣбомъ! вотъ почему меня давили ваши перины, давили, а не лелѣяли! вотъ почему сахаръ, ваши конфеты были для меня кайенскимъ перцемъ, а не конфетами! Нѣтъ, полковникъ! живите одинъ, благоденствуйте одинъ и оставьте Оому идти своею скорбною дорогою, съ мѣшкомъ на спинѣ. Такъ и будетъ, полковникъ!

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! такъ не будетъ, такъ не можетъ быть! простоналъ совершенно уничтоженный дядя.

— Да, полковникъ, да! именно такъ будетъ, потому что такъ должно быть. Завтра же уйду отъ васъ. Разсыпьте ваши милліоны, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными билетами—и я гордо, презрительно пройду по вашимъ билетамъ; эта самая нога, полковникъ, растопчетъ, загрязнитъ, раздавитъ эти билеты и Оома Опискинъ будетъ сытъ однимъ благородствомъ своей души! Я сказалъ и доказалъ! Прощайте, полковникъ. Прощай-те, полковникъ!...

И Оома началъ вновь подыматься съ кресла.

— Прости, прости, Оома! забудь!... повторялъ дядя, умоляющимъ голосомъ.

— «Прости!» Но къ чему вамъ мое прощеніе? Ну, хорошо, положимъ, что я васъ и прощу: я христіанинъ; я не могу не простить; я и теперь уже почти васъ простилъ. Но рѣшите же сами: сообразно ли будетъ хоть сколько нибудь съ здравымъ смысломъ и благородствомъ души, если я хоть на одну минуту останусь теперь въ вашемъ домѣ? Вѣдь вы выгоняли меня!

— Сообразно, сообразно, Оома! увѣряю тебя, что сообразно!

— Сообразно? Но равны ли мы теперь между собою? Не уже ли вы не понимаете, что я, такъ сказать, раздавилъ васъ своимъ благородствомъ, а вы раздавили сами себя своимъ унижительнымъ поступкомъ? Вы раздавлены, а я вознесенъ. Гдѣ же равенство? А развѣ можно быть друзьями безъ такого равенства? Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь надъ вами, какъ вы, можете быть, думаете.

— Но я и самъ испускаю сердечный вопль, Оома—увѣряю тебя...

— И это тотъ самый человѣкъ, продолжалъ Оома, перемѣняя суровый тонъ на блаженный:— тотъ самый человѣкъ, для котораго я столько разъ не спалъ по ночамъ! Сколько разъ, бывало, въ безсонныя ночи мои, я вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и говорилъ себѣ: «Теперь онъ спитъ спокойно, надѣясь на тебя. Не спи же ты, Оома, бодрствуй за него; авось выдумаешь еще что нибудь для благополучія этого человѣка». Вотъ какъ

думалъ Оома въ свои безсонныя ночи, полковникъ! и вотъ какъ заплатилъ ему этотъ полковникъ! Но довольно, довольно!...

— Но я заслужу, Оома, я заслужу опять твою дружбу—клянусь тебѣ!

— Заслужите? а гдѣ же гарантія? Какъ христіанинъ, я прощу и даже буду любить васъ; но, какъ человѣкъ, и человѣкъ благородный, я поневолѣ буду васъ презирать. Я долженъ, я обязанъ во имя нравственности, потому что—повторяю вамъ это—вы опозорили себя, а я сдѣлалъ благороднѣйшій изъ поступковъ. Ну, кто изъ *вашихъ* сдѣлаетъ подобный поступокъ? Кто изъ нихъ откажется отъ такого несметнаго числа денегъ, отъ которыхъ отказался однакожъ, нищій, презираемый всѣми Оома, изъ любви къ величію? Нѣтъ, полковникъ, чтобъ сравниться со мной, вы должны совершить теперь цѣлый рядъ подвиговъ. А на какой подвигъ способны вы, когда не можете даже сказать мнѣ *вы*, какъ своему равнѣ, а говорите *ты*, какъ слугѣ?...

— Оома, но, вѣдь, я по дружбѣ говорилъ тебѣ *ты*! возопилъ дядя. — Я не зналъ, что тебѣ неприятно.... Боже мой! но еслибъ я только зналъ....

— Вы, продолжалъ Оома: — вы, который не могли, или, лучше сказать, не хотѣли исполнить самую пустѣйшую, самую ничтожнѣйшую изъ просьбъ, когда я васъ просилъ сказать мнѣ, какъ генералу, «ваше превосходительство»....

— Но, Оома, вѣдь это уже было, такъ сказать, высшее посягновеніе, Оома.

— Высшее посягновеніе! Затвердили какую-то книжную фразу, да и повторяете ее, какъ попугай! Но знаете ли вы, что вы осрамили, обезчестили меня отказомъ сказать мнѣ «ваше превосходительство», обезчестили тѣмъ, что, не понявъ причинъ моихъ, выставили меня капризнымъ дуракомъ, достойнымъ желтаго дома! Ну, не уже ли я не понимаю, что я бы самъ былъ смѣшонъ, еслибъ захотѣлъ именоваться превосходительствомъ, я, который презираю всѣ эти чины и земныя величія, ничтожныя сами по себѣ, если они не освящаются добродѣтелью? За милліонъ не возьму генеральскаго чина безъ добродѣтели! А между тѣмъ, вы считали меня за безумнаго! Для вашей же пользы я пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и допустилъ, что вы, *вы* могли считать меня за безумнаго, вы и ваши *ученые*! Единственно для того, чтобъ просвѣтить вашъ умъ, развить вашу нравственность и облить васъ лучами новыхъ идей, рѣшился я требовать отъ васъ генеральскаго титула. Я именно хотѣлъ, чтобъ вы не почитали впрямь генераловъ самыми высшими свѣтилами на всемъ земномъ шарѣ; хотѣлъ доказать вамъ, что чинъ—ничто безъ великодушія и что нечего радоваться пріѣзду вашего генерала, когда, можетъ быть, и возлѣ васъ стоятъ люди, озаренные добродѣтелью! Но вы такъ постоянно чванились передо мною своимъ чиномъ полковника, что вамъ уже трудно было сказать мнѣ: «ваше превосходительство». Вотъ, гдѣ причина! вотъ, гдѣ искать ее, а

не въ посягновеніи какихъ-то судьбъ! Вся причина въ томъ, что вы полковникъ, а я просто Оома...

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! увѣряю тебя, что это не такъ. Ты ученый, ты не просто Оома.... я починаю....

— Почитаете! хорошо! Такъ скажите же мнѣ, если почитаете, какъ по вашему мнѣнію: достоинъ я, или нѣтъ генеральскаго сана? Отвѣчайте рѣшительно и немедленно: достоинъ, или нѣтъ? Я хочу посмотрѣть вашъ умъ, ваше развитіе.

— За честность, за безкорыстіе, за умъ, за высочайшее благородство души — достоинъ! съ гордостью проговорилъ дядя.

— А если достоинъ, такъ для чего же вы не скажете мнѣ «ваше превосходительство?»

— Оома я, пожалуй, скажу...

— А я требую! А я теперь требую, полковникъ, наставляю и требую! Я вижу, какъ вамъ тяжело это, потому-то и требую. Эта жертва съ вашей стороны будетъ первымъ шагомъ вашего подвига, потому что—не забудьте это—вы должны сдѣлать цѣлый рядъ подвиговъ, чтобъ сравняться со мною; вы должны пересилить самаго себя, и тогда только я увѣрю въ вашу искренность...

— Завтра же скажу тебѣ, Оома, «ваше превосходительство!»

— Нѣтъ, не завтра, полковникъ, завтра само собой. Я требую, чтобъ вы теперь, сейчасъ же, сказали мнѣ «ваше превосходительство».

— Изволь, Оома, я готовъ.... Только какъ же это такъ, сейчасъ, Оома?...

— Почему же не сейчасъ? или вамъ стыдно? Въ такомъ случаѣ мнѣ обидно, если вамъ стыдно.

— Ну, да-пожалуй, Оома, я готовъ.... я даже горжусь... Только какъ же это, Оома, ни съ того, ни съ сего: «здравствуйте, ваше превосходительство»? Вѣдь это нельзя...

— Нѣтъ, не «здравствуйте, ваше превосходительство», это уже обидный тонъ; это похоже на шутку, на фарсъ. Я не позволю съ собой такихъ шутокъ. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковникъ! перемѣните вашъ тонъ!

— Да ты не шутишь, Оома?

— Во-первыхъ, я не ты, Егоръ Ильичъ а *вы*—не забудьте это; и не Оома, а Оома Оомичъ.

— Да ей-Богу же, Оома Оомичъ, я радъ! Я всѣми силами радъ... Только, что жъ я скажу?

— Вы затрудняетесь прибавить къ слову: «ваше превосходительство» — это понятно. Давно бы вы объяснились! Это даже извинительно, особенно, если человѣкъ не *сочинитель*, если выразиться поучтивѣе. Ну, я вамъ помогу, если вы не сочинитель. Говорите за мной: «ваше превосходительство!...»

— Ну, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не: «*ну*, ваше превосходительство», а просто: «ваше превосходительство!» Я вамъ говорю, полковникъ, перемѣните вашъ тонъ! Надѣюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вамъ слегка поклониться и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

склонить впередъ корпусъ, выражая такимъ образомъ почтительность и готовность, такъ сказать, летѣть по его порученіямъ. Я самъ бывалъ въ генеральскихъ обществахъ и все это знаю.... Ну-съ: «ваше превосходительство».

— Ваше превосходительство...

— Какъ я несказанно обрадованъ, что имѣю, наконецъ, случай, просить у васъ извиненія въ томъ, что съ перваго раза не узналъ души вашего превосходительства. Смѣю увѣрить, что впредь не пощажу слабыхъ силъ моихъ на пользу общую.... Ну, довольно съ васъ!

Бѣдный дядя! Онъ долженъ былъ повторить всю эту галиматью, фразу за фразой, слово за словомъ! Я стоялъ и краснѣлъ, какъ виноватый. Злость душила меня.

— Ну, не чувствуете ли вы теперь, проговорилъ истязатель: — что у насъ вдругъ стало легче на сердцѣ, какъ будто въ душу къ вамъ слетѣлъ какой-то ангелъ?... Чувствуете ли вы присутствіе этого ангела? отвѣчайте мнѣ!

— Да, Оома, дѣйствительно: какъ-то легче сдѣлалось, отвѣчалъ дядя.

— Какъ будто сердце ваше послѣ того, какъ вы побѣдили себя, такъ сказать, окунулось въ какой-то елеѣ?

— Да, Оома, дѣйствительно, какъ будто по маслу пошло.

— Какъ будто по маслу? Гм... Я, впрочемъ, не про масло вамъ говорилъ... Ну, да все равно! Вотъ что значитъ, полковникъ, исполненный долгъ! Побѣждайте же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!

— Самолюбивъ, Оома, вижу, со вздохомъ отвѣчалъ дядя.

— Вы эгоистъ и даже мрачный эгоистъ...

— Эгоистъ-то я эгоистъ, правда, Оома, и это вижу; съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ, такъ и это узналъ.

— Я вамъ говорю теперь, какъ отецъ, какъ нѣжная мать... вы отбиваете всѣхъ отъ себя и забываете, что ласковый телѣнокъ двѣ матки сосетъ.

— Правда и это, Оома!

— Вы грубы. Вы такъ грубо толкаетесь въ челоуѣческое сердце, такъ самолюбиво напрашиваетесь на вниманіе, что порядочный человѣкъ отъ васъ за тридевять земель убѣжать готовъ!

Дядя еще разъ глубоко вздохнулъ

— Будьте же нѣжныѣ, внимательныѣ, любовныѣ къ другимъ; забудьте себя для другихъ, тогда вспомнятъ и о васъ. Живи и жить давай другимъ — вотъ мое правило! Терпи, трудись, молись и надѣйся — вотъ истины, которыя бы я желалъ внушить разомъ всему челоуѣчеству! Подражайте же имъ, и тогда я первый раскрою вамъ мое сердце, буду плакать на груди вашей... если понадобится... А то я, да я, да милость моя! Да вѣдь надоѣстъ же, наконецъ, ваша милость, съ позволенія сказать.

«Сладкогласный человѣкъ»! проговорилъ, въ благоговѣніи, Гаврила.

— Это правда, Оома; я все это чувствую, поддакнулъ растроганный дядя. — Но не во всемъ же и я виноватъ, Оома: такъ ужъ меня воспитали; съ солдатами жилъ. А клянусь тебѣ, Оома, и я умѣлъ чувствовать. Прощался съ полкомъ, такъ всѣ гусары, весь мой дивизионъ, просто плакали, говорили, что такого, какъ я, не нажить!... Я и подумалъ тогда, что и я, можетъ быть, еще не совсемъ человѣкъ погибшій.

— Опять эгоистическая черта! опять я ловлю васъ на самолюбіи! Вы хвалитесь и, мимоходомъ, попрекнули меня слезами гусаря. Чтожъ я не хвалюсь ни чѣмъ слезами? А было бы чѣмъ; а было бы, можетъ быть, чѣмъ.

— Это такъ съ языка сорвалось, Оома, не утерпѣлъ, вспомнилъ старое хорошее время.

— Хорошее время не съ неба падаетъ, а мы его дѣлаемъ; оно заключается въ сердцѣ нашемъ, Егоръ Ильичъ. Отчего же я всегда счастливъ и, несмотря на страданія, доволенъ, спокоенъ духомъ и никому не надобѣаю, развѣ однимъ дуракамъ, верхопласамъ, *ученымъ*, которыхъ не жажу и не хочу шадить. Не люблю дураковъ! И что такое эти ученые? «человѣкъ науки!» да наука-то выходитъ у него надувательная штука, а не наука. Ну что онъ давеча говорилъ? Давайте его сюда! давайте сюда всѣхъ ученыхъ! Все могу опровергнуть; всѣ положенія ихъ могу опровергнуть! Я ужъ не говорю о благородствѣ души...

— Конечно, Оома, конечно. Кто жъ сомнѣвается?

— Давеча, напимѣръ, я выказалъ умъ, талантъ, колоссальную начитанность, знаніе сердца человѣческаго, знаніе современныхъ литературъ; я показалъ и блестящимъ образомъ развернулъ, какъ, изъ какого-нибудь комаринскаго, можетъ вдругъ составиться высокая тѣма для разговора у человѣка талантливаго. Чтожъ? Оцѣнилъ ли кто нибудь изъ нихъ меня по достоинству? Нѣтъ, отворотился! Я вѣдь увѣренъ, что онъ уже говорилъ вамъ, что я ничего не знаю. А тутъ, можетъ быть, самъ Макиавель, или какой нибудь МеркадANTE передъ ними спѣлъ, и только тѣмъ виноватъ, что бѣденъ и находится въ неизвѣстности... Нѣтъ, это имъ не пройдетъ!... Слышу еще про Коровкина. Это что за гусь?

— Это, Оома, человѣкъ умный, человѣкъ науки... Я его жду. Это вѣрно ужъ будетъ хорошій, Оома!

— Гм! сомнѣваюсь. Вѣроятно, какой нибудь современный осель, навьюченный книгами. Души въ нихъ нѣтъ, полковникъ, сердца въ нихъ нѣтъ! А что и ученость безъ добродѣтели?

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! Какъ о семейномъ счастьи говорилъ! такъ сердце и вникаетъ само собою, Оома!

— Гм! Посмотримъ; проэкзаменируемъ и Коровкина. Но довольно, заключилъ Оома, подымаясь съ кресла. — Я не могу еще васъ совершенно простить, полковникъ: обида была кровавая; но

я помолюсь, и, можетъ быть, Богъ ниспешлетъ миръ оскорбленному сердцу. Мы поговоримъ еще завтра объ этомъ, а теперь, позвольте ужъ мнѣ уйти. Я усталъ и ослабъ...

— Ахъ, Оома! захопоталъ дядя: — вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ усталъ! Знаешь что? не хочешь ли подкрѣпиться, закусить чего нибудь? Я сейчасъ прикажу.

— Закусить! Ха-ха-ха! Закусить! отвѣчалъ Оома, съ презрительнымъ хохотомъ. Сперва напоить тебя ядомъ, а потомъ спрашиваютъ, не хочешь ли закусить? Сердечныя раны хотятъ залечить какими нибудь отварными грибами, или мочеными яблочками! Какой вы жалкій матеріалистъ, полковникъ!

— Эхъ, Оома, я, вѣдь, ей-Богу, отъ чистаго сердца...

— Ну, хорошо. Довольно объ этомъ. Я уйду, а вы немедленно идите къ вашей родительницѣ: падите на колѣни, рыдайте, плачьте, но вымолите у нея прощеніе, — это вашъ долгъ, ваша обязанность!

— Ахъ, Оома, я все время объ этомъ только и думалъ; даже теперь, съ тобой говоря, объ этомъ же думалъ. Я готовъ хоть до разсвѣта простоять передъ ней на колѣняхъ. Но подумай, Оома, чего же отъ меня и требуютъ? Вѣдь это несправедливо, вѣдь это жестоко, Оома! Будь великодушенъ вполне, осчастливь меня совершенно, подумай, рѣши, и тогда... тогда... клянусь!...

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ, это не мое дѣло, отвѣчалъ Оома. — Вы знаете, что я во все это ни мало не вмѣшиваюсь; то есть вы, положимъ и убѣждены, что я всему причиною, но, увѣряю васъ, съ самаго пачала этого дѣла я устранилъ себя совершенно. Тутъ одна только воля вашей родительницы, а она, разумѣется, вамъ желаетъ добра... Ступайте же, спѣшите, летите и поправьте обстоятельства своимъ послушаніемъ. Да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашему! а я... а я буду всю ночь молиться за васъ. Я давно уже не знаю, что такое сонъ, Егоръ Ильичъ. Прощайте! Прощаю и тебя, старикъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Знаю, что ты не своимъ умомъ дѣйствовалъ. Прости же и ты мнѣ, если я обидѣлъ тебя... Прощайте, прощайте, прощайте всѣ, и благослови васъ Господь!...

Оома вышелъ. Я тотчасъ же бросился въ комнату.

— Ты подслушивалъ? вскричалъ дядя.

— Да, дядюшка, я подслушивалъ! И вы, и вы могли сказать ему «ваше превосходительство»!...

— Чтожъ дѣлать, братецъ? Я даже горжусь... Это ничего для высокаго подвига: но какой благородный, какой безкорыстный, какой великій человѣкъ! Сергѣй — ты вѣдь слышалъ... И какъ могъ я тутъ соваться съ этими деньгами, то-есть просто не понимаю! Другъ мой! я былъ увлеченъ; я былъ въ ярости; я не понималъ его; я его подозревалъ, обвинялъ... но нѣтъ! онъ не могъ быть моимъ противникомъ; — это я теперь вижу... А

помнишь, какое у него было благородное выражение въ лицѣ, когда онъ отказался отъ денегъ?

— Хорошо, дядюшка, гордитесь же сколько угодно, а я ѣду: терпѣнія нѣтъ больше! Последній разъ говорю, скажите: чего вы отъ меня требуете? зачѣмъ вызвали и чего ожидаете? И если все копчено и я бесполезенъ вамъ, то я ѣду. Я не могу выносить такихъ зрѣлищъ! Сегодня же ѣду.

— Другъ мой... засуетился, по обыкновенію своему, дядя — подожди только двѣ минуты: я, братъ, пду теперь къ маменькѣ... тамъ надо кончить... важно, великое, громадное дѣло! А ты, покамѣсть, уйди къ себѣ. Вотъ, Гаврила тебя и ответитъ въ лѣтній флигель. Знаешь лѣтній флигель? это въ самомъ саду. Я ужъ распорядился, и чемоданъ твой туда перенесли. А я буду тамъ, вымолю прощенье, рѣшусь на одно дѣло — я теперь ужъ знаю, какъ сдѣлать — и тогда мигомъ къ тебѣ, и тогда все, все, все до последней черты тебѣ расскажу, всю душу выложу предъ тобою. И... и... и настанутъ же когда нибудь и для насъ счастливые дни! Двѣ минуты, только двѣ минутки, Сергѣй!

Онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно вышелъ. Нечего было дѣлать, пришлось опять отправляться съ Гаврилой.

X.

Мизинчиковъ.

Флигель, въ который привелъ меня Гаврила, назывался «новымъ флигелемъ» только по старой памяти, но выстроенъ былъ уже давно, прежними помѣщиками. Это былъ хорошенькій, деревянный домикъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стараго дома, въ самомъ саду. Съ трехъ сторонъ его обступали высокія старыя липы, касавшіяся своими вѣтвями кровли. Всѣ четыре комнаты этого домика были недурно меблированы и предназначались къ пріѣзду гостей. Войдя въ отведенную мнѣ комнату, въ которую уже перенесли мой чемоданъ, я увидѣлъ на столикѣ, предъ кроватью, листъ почтовой бумаги, великолѣпно исписанный разными шрифтами, отдѣланный гирляндами, парфами и росчерками. Заглавныя буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вмѣстѣ составляло премиленькую каллиграфскую работу. Съ первыхъ словъ, прочитанныхъ мною, я понялъ, что это было просительное письмо, адресованное ко мнѣ, и въ которомъ я именовался «просвѣщеннымъ благодѣтелемъ». Въ заглавіи стояло: «Вопли Видоплясова». Сколько я ни напрягалъ вниманія, стараясь хоть что нибудь понять изъ написаннаго, — всѣ труды мои остались тщетными: это былъ самый напыщенный вздоръ, писанный высокимъ лакейскимъ слогомъ. Догадался я только, что Видоплясовъ находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, проситъ моего содѣйствія, въ

чемъ-то очень на меня надѣется, «по причинѣ моего просвѣщенія» и, въ заключеніе, проситъ похлопотать въ мою пользу у дядюшки и подѣйствовать на него «моею машиною», какъ буквально изображено было въ концѣ этого посланія. Я еще читалъ его, какъ отворилась дверь, и вошелъ Мизинчиковъ.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ съ вами познакомиться, сказалъ онъ развязно, но чрезвычайно вѣжливо и подавая мнѣ руку. — Давеча я не могъ вамъ сказать двухъ словъ, а между тѣмъ съ перваго взгляда почувствовалъ желаніе узнать васъ короче.

Я тотчасъ же отвѣчалъ, что и самъ радъ, и проч., хотя и находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Мы сѣли.

— Что это у васъ? сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, который я держалъ еще въ рукѣ. — Ужъ не вопли ли Видоплясова? Такъ и есть! Я увѣренъ былъ, что Видоплясовъ и васъ атакуетъ. Онъ и мнѣ подавалъ такой же точно листъ, съ тѣми же воплями; а васъ онъ уже давно ожидаетъ и, вѣроятно, заранѣе приговариваясь. Вы не удивляйтесь: здѣсь много страннаго и, право, есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Только посмѣяться?

— Ну, да не уже-ли же плакать? Если хотите, я вамъ расскажу біографію Видоплясова и увѣренъ, что вы посмѣетесь.

— Признаюсь, теперь мнѣ не до Видоплясова, отвѣчалъ я съ досадою.

Мнѣ очевидно было, что и знакомство господина Мизинчикова и любезный его разговоръ — все это предпринято имъ съ какою-то цѣлью, и что господинъ Мизинчиковъ, просто, во мнѣ нуждается. Давеча онъ сидѣлъ нахмуренный и серьезный; теперь же былъ веселый, улыбающійся и готовый рассказывать длинныя исторіи. Видно было съ перваго взгляда, что этотъ человѣкъ отлично владѣлъ собой и, кажется, зналъ людей.

— Проклятый Оома! сказалъ я, со злобою стукнувъ кулакомъ по столу. — Я увѣренъ, что онъ источникъ всякаго злѣшняго зла и во всемъ замѣшанъ! Проклятая тварь!

— Вы, кажется, ужъ слишкомъ на него разсердились, замѣтилъ Мизинчиковъ.

— Слишкомъ разсердился! искрикнулъ я, мгновенно разгорячившись. — Конечно, я давеча, слишкомъ увлекся и такимъ образомъ далъ право всякому осуждать меня. Я очень хорошо понимаю, что я выскочилъ и срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и, я думаю, нечего было это мнѣ объяснять!... Понимаю тоже, что такъ не дѣлается въ порядочномъ обществѣ; но, сообразите, была ли какая возможность не увлечься? Вѣдь это сумасшедшій домъ, если хотите знать! и... и... наконецъ... я просто уѣду отсюда, — вотъ что!

— Вы курите? спокойно спросилъ Мизинчиковъ.

— Да.

— Такъ, вѣроятно, позволите и мнѣ закурить.

Тамъ не позволяютъ, и я почти стосковался. Я согласенъ, продолжалъ онъ, закуливъ папироску:— что все это похоже на сумасшедшій домъ, но будьте увѣрены, что я не позволю себѣ осуждать васъ, именно потому, что, на вашемъ мѣстѣ, я, можетъ, втрое болѣе бы разгорячился и вышелъ взъ себя, чѣмъ вы.

— А почему же вы не вышли изъ себя, если дѣйствительно были тоже раздосадованы? Я, напротивъ, припоминаю васъ очень хладнокровнымъ, и признаюсь, мнѣ даже странно было, что вы не заступились за бѣднаго дядю, который готовъ благодѣтельствовать... всѣмъ и каждому!

— Ваша правда: онъ многимъ благодѣтельство-валъ; но заступаться за него я считаю совершенно бесполезнымъ: во-первыхъ, это и для него бесполезно и даже унижительно какъ-то; а во-вторыхъ, меня бы завтра же выгнали. А я вамъ откровенно скажу, мои обстоятельства такого рода, что я долженъ дорожить здѣшнимъ гостепріимствомъ.

— Но я нисколько не претендую на вашу откровенность насчетъ обстоятельствъ... Мнѣ бы, впрочемъ, хотѣлось спросить, такъ какъ вы здѣсь уже мѣсяцъ живете...

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте: я къ вашимъ услугамъ, торопливо отвѣчалъ Мизинчиковъ, придвигая стулъ.

— Да вотъ, напримѣръ, объясните: сейчасъ Оома Оомичъ отказался отъ 15,000 серебромъ, которыя уже были въ его рукахъ — я видѣлъ это собственными глазами.

— Какъ это? Не-уже-ли? вскрикнулъ Мизинчиковъ.—Расскажите, пожалуйста!

Я рассказалъ, умолчавъ о «вашемъ превосходствѣ». — Мизинчиковъ слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ; онъ даже какъ-то преобразился въ лицѣ, когда дошло до пятнадцати тысячъ.

— Ловко! сказалъ онъ, выслушавъ рассказъ. Я даже не ожидалъ отъ Оомы.

— Однакожъ, отказался отъ денегъ! Чѣмъ это объяснить? Неужели благородствомъ души?

— Отказался отъ пятнадцати тысячъ, чтобъ взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что? прибавилъ онъ, подумавъ: — я сомнѣваюсь, чтобъ у Оомы былъ какой нибудь расчетъ. Это чело-вѣкъ непрактическій; это тоже, въ своемъ родѣ, какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите ли: онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться. Это, я вамъ скажу, такая кислятина, такая слезливая размазня, и все это при самомъ неограниченномъ самолюбіи!

Мизинчиковъ даже разсердился. Видно было, что ему очень досадно, даже какъ будто завидно. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него.

— Гм! Надо ожидать большихъ переменъ, прибавилъ онъ, задумываясь.—Теперь Егоръ Ильичъ готовъ молиться Оомѣ. Чего добраго, пожалуй и женится, изъ умиленія души, прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Такъ вы думаете, что непременно состоится—этотъ гнусный, противоестественный бракъ съ этой помѣшанной душой?

Мизинчиковъ пытливо взглянулъ на меня.

— Подлецы! вскричалъ я запальчиво.

— Впрочемъ, у нихъ идея довольно основательная: они утверждаютъ, что онъ долженъ же что нибудь сдѣлать для семейства.

— Мало онъ для нихъ сдѣлалъ! вскричалъ я, въ негодованіи. И вы, и вы можете говорить, что это основательная мысль — жениться на пошлой дурѣ!

— Конечно, и я согласенъ съ вами, что она дурна... Гм! Это хорошо, что вы такъ любите дядюшку; я самъ сочувствую... хотя на ея деньги можно бы славно округлить имѣніе! Впрочемъ, у нихъ и другіе резоны: они боятся, чтобъ Егоръ Ильичъ не женился на той гувернанткѣ... помните, еще такая интересная дѣвушка?

— А развѣ... развѣ это вѣроятно? спросилъ я въ волненіи.—Мнѣ кажется, это клевета. Скажите, ради Бога, меня это крайне интересуется...

— О, влюбленъ по уши! Только, разумѣется, скрываетъ.

— Скрываетъ! Вы думаете, онъ скрываетъ? Ну, а она? Она его любитъ?

— Очень можетъ быть, что и она. Впрочемъ, вѣдь ей всѣ выгоды за него выйдти: она очень бѣдна.

— Но какія данныя вы имѣете для вашей догадки, что они любятъ другъ друга?

— Да вѣдь этого нельзя не замѣтить; притомъ же они, кажется, имѣютъ тайныя свиданія. Утверждали даже, что она съ нимъ въ неопозволительной связи. Вы только, пожалуйста, не рассказывайте. Я вамъ говорю подъ секретомъ.

— Возможно ли этому повѣрить? вскричалъ я:— и вы, и вы признаетесь, что этому вѣрите?

— Разумѣется, я не вѣрю вполне, я тамъ не былъ. Впрочемъ, очень можетъ и быть.

— Какъ, можетъ быть! Вспомните благородство, честь дяди!

— Согласенъ; но можно и увлечься съ тѣмъ, чтобъ непременно потомъ завершить законнымъ бракомъ. Такъ часто увлекаются. Впрочемъ, повторяю, я нисколько не стою за совершенную достовѣрность этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что ее здѣсь очень ужъ размарали; говорили даже, что она была въ связи съ Видоплясовымъ.

— Ну, вотъ видите! вскричалъ я:—съ Видоплясовымъ! Ну, возможно ли это? Ну, не отвратительно ль даже слышать это? Не-уже-ли жъ вы и этому вѣрите?

— Я вѣдь вамъ говорю, что я этому несовсѣмъ вѣрю, спокойно отвѣчалъ Мизинчиковъ:—а, впрочемъ, могло и случиться. На свѣтѣ все можетъ случиться. Я же тамъ не былъ, и, притомъ, я считаю, что это не мое дѣло. Но такъ какъ, я вижу, вы берете во всемъ этомъ большое участіе, то считаю себя обязаннымъ прибавить, что дѣйстви-

тельно мало вѣроятія насчетъ этой связи съ Видоплясовымъ. Это все продѣлки Анны Ниловны, вотъ этой Перепелицыной; это она распустила здѣсь эти слухи, изъ зависти, потому что сама прежде мечтала выйти замужъ за Егора Ильича—ей-Богу!—на томъ основаніи, что она подполковничья дочь. Теперь она разочаровалась и ужасно бѣсится. Впрочемъ, я, кажется, ужъ все рассказалъ вамъ объ этихъ дѣлахъ и, признаюсь, ужасно не люблю сплетенъ, тѣмъ болѣе, что мы только теряемъ драгоценное время. Я, видите ли, пришелъ къ вамъ съ небольшой просьбой.

— Съ просьбой? Помилуйте, все, чѣмъ могу быть полезенъ...

— Понимаю и даже надѣюсь васъ нѣсколько заинтересовать, потому что, ниже, вы любите вашего дядюшку и принимаете большое участіе въ его судьбѣ насчетъ брака. Но, передъ этой просьбой, я имѣю къ вамъ еще другую просьбу, предварительную.

— Какую же?

— А вотъ какую: можетъ быть вы и согласитесь исполнить мою главную просьбу, можетъ быть и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, прежде изложенія я бы попросилъ васъ покорнѣйше сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, дать мнѣ честное и благородное слово дворянина и порядочнаго человѣка, что все, услышанное вами отъ меня, останется между нами въ глубочайшей тайнѣ, и что вы ни въ какомъ случаѣ, ни для какого лица не измѣните этой тайнѣ и не воспользуетесь для себя той идеей, которую я теперь нахожу необходимымъ вамъ сообщить. Согласны, или нѣтъ?

Предисловіе было торжественное. Я далъ согласие.

— Ну-съ?... сказалъ я.

— Дѣло въ сущности очень простое, началъ Мизинчиковъ.—Я, видите ли, хочу увести Татьяну Ивановну и жениться на ней; словомъ, будетъ нѣчто похожее на Гретна-Гринъ,—понимаете?

Я посмотрѣлъ господину Мизинчикову прямо въ глаза и нѣкоторое время не могъ выговорить слова.

— Признаюсь вамъ, ничего не понимаю, проговорилъ я наконецъ: — и, кромѣ того, продолжалъ я:—ожидаю, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благоразумнымъ, я, съ своей стороны, никакъ не ожидалъ...

— Ожидая не ожидали, перебилъ Мизинчиковъ:—въ переводѣ это будетъ, что я и намѣреніе мое глупъ,—не правда ли?

— Вовсе нѣтъ-съ... но...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашихъ выраженіяхъ! Не беспокойтесь; вы мнѣ даже сдѣлаете этимъ большое удовольствіе, потому что эдакъ ближе къ цѣли. Я, впрочемъ, согласенъ, что все это съ перваго взгляда можетъ показаться даже нѣсколько страннымъ. Но смѣю увѣрить васъ, что мое намѣреніе не только неглупо, но даже въ высшей степени благоразумно; и если вы

будете такъ добры, выслушаете всѣ обстоятельства...

— О, помилуйте! я съ жадностью слушаю.

— Впрочемъ, рассказывать почти нечего. Видите ли: я теперь въ долгахъ и безъ копейки. У меня есть, кромѣ того, сестра, дѣвица, лѣтъ девятнадцати, сирота круглая, живетъ въ людяхъ и безъ всякихъ, знаете, средствъ. Въ этомъ виновать отчасти и я. Получили мы въ наслѣдство сорокъ душъ. Нужно же, чтобъ меня, именно въ это время, произвели въ корнеты. Ну, сначала, разумѣется, заложилъ, а потомъ прокутилъ и остальнымъ образомъ. Жилъ глупо, задавалъ тону, корчилъ Бурцова, игралъ, пилъ—словомъ, глупо, даже и вспоминать стыдно. Теперь я одумался и хочу совершенно измѣнить образъ жизни. Но для этого мнѣ совершенно необходимо имѣть сто тысячъ ассигнаціями. А такъ какъ я не достану ничего службой, самъ же по себѣ ни на что неспособенъ и не имѣю почти никакого образованія, то, разумѣется, остается только два средства: или украсть, или жениться на богатой. Пришелъ я сюда почти безъ сапогъ, пришелъ, а не пріѣхалъ. Сестра дала мнѣ свои послѣдніе три цѣлковыхъ, когда я отправился изъ Москвы. Здѣсь я увидѣлъ эту Татьяну Ивановну и тотчасъ же у меня родилась мысль. Я немедленно рѣшился пожертвовать собой и жениться. Согласитесь, что все это не что иное, какъ благоразуміе. Къ тому же, я дѣлаю это болѣе для сестры... ну, конечно, и для себя...

— Но, позвольте, вы хотите сдѣлать формальное предложеніе Татьянѣ Ивановнѣ?

— Боже меня сохрани! Меня отсюда тотчасъ бы выгнали, да и она сама не пойдетъ; а если предложить ей увозъ, побѣгъ, то она тотчасъ пойдетъ. Въ томъ-то и дѣло: только чтобъ было чтонибудь романическое и эффектное. Разумѣется, все это немедленно завершится между нами законнымъ бракомъ. Только бы выманить-то ее отсюда!

— Да почему же вы такъ увѣрены, что она непременно съ вами убѣжитъ?

— О, не беспокойтесь! въ этомъ я совершенно увѣренъ. Въ томъ-то и состоитъ основная мысль, что Татьяна Ивановна способна завести амурное дѣло рѣшительно со всякимъ встрѣчнымъ, словомъ, со всякимъ, кому только придетъ въ голову ей отвѣчать. Вотъ почему я и взялъ съ васъ предварительно честное слово, чтобъ вы тоже не воспользовались этой идеей. Вы же, конечно, поймете, что мнѣ бы даже грѣшно было не воспользоваться такимъ случаемъ, особенно при моихъ обстоятельствахъ.

— Такъ, стало быть, она совсѣмъ сумасшедшая... ахъ! извините, прибавилъ я, спохватившись.—Такъ какъ вы теперь имѣете на нее виды, то...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я уже просилъ васъ. Вы спрашиваете, совсѣмъ ли она сумасшедшая? Какъ вамъ отвѣтить? Разумѣется, несумасшедшая, потому что еще не сидитъ въ сумасшед-

нѣмъ домѣ; притомъ же, въ этой маніи къ амурнымъ дѣламъ я, право, не вижу особеннаго сумасшествія. Она же, несмотря ни на что, дѣвушка честная. Видите ли: она до прошлаго года была въ ужасной бѣдности, съ самаго рожденія жила подъ гнѣтомъ у благодѣльницъ. Сердце у ней необыкновенно чувствительное; замужъ ее никто не просилъ — ну, понимаете: мечты, желанія, надежды, пылъ сердца, который надо было всегда укрощать, вѣчныя муки отъ благодѣльницъ — все это, разумѣется, могло довести до разстройства чувствительный характеръ. И вдругъ она получаетъ богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернетъ. Ну, разумѣется, теперь въ ней нищутъ, за ней волочатся и всѣ надежды ея воскресли. Давеча она рассказала про франта въ бѣломъ жилетѣ: это фактъ, случившійся буквально такъ, какъ она говорила. По этому факту можете судить и объ остальномъ. На вздохъ, на записочки, на стишки вы ее тотчасъ приманите; а если, ко всему этому, намекнете на шелковую лѣстницу, на испанскія серенады и на всякій этотъ вздоръ, то вы можете сдѣлать съ ней все, что угодно. Я ужъ сдѣлалъ пробу, и тотчасъ же добился тайнаго свиданія. Впрочемъ, теперь я, покамѣстъ, приостаповился до благопріятнаго времени. Но дня черезъ четыре, надо ее увезти, непременно. Наканунѣ я начну подпускать ласы, вздыхать; я недурно играю на гитарѣ и пою. Ночью свиданье въ бесѣдкѣ, а къ разсвѣту коляска будетъ готова; я ее выманю, сядемъ и уѣдемъ. Вы понимаете, что тутъ—никакого риска: она совершеннолѣтняя и, кромѣ того, во всемъ ея добрая воля. А ужъ если она разъ бѣжала со мной, то ужъ, конечно, значить, вошла со мной въ обязательства... Привезу я ее въ благородный, но бѣдный домъ—здѣсь есть, въ сорока верстахъ—гдѣ до свадьбы ее будутъ держать въ рукахъ и никого до нея не допустятъ; а между тѣмъ, я времени терять не буду: свадьбу уладимъ въ три дня — это можно. Разумѣется, прежде нужны деньги; но я разсчиталъ, нужно не болѣе пятисотъ серебромъ на всю интермедію, и въ этомъ я надѣюсь на Егора Ильича: онъ дастъ, конечно, не зная, въ чемъ дѣло. Теперь поняли?

— Понимаю, сказалъ я, понявъ, наконецъ, все въ совершенствѣ.— Но, скажите, въ чемъ же я-то вамъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, въ очень многомъ, помилуйте! Иначе я бы и не просилъ. Я уже сказалъ вамъ, что имѣю въ виду одно почтенное, но бѣдное семейство. Вы же мнѣ можете помочь и здѣсь, и тамъ, и, наконецъ, какъ свидѣтель. Признаюсь, безъ вашей помощи я буду какъ безъ рукъ.

— Еще вопросъ: почему вы удостоили выбрать меня для вашей довѣренности, меня, котораго вы еще не знаете, потому что я всего нѣсколько часовъ какъ пріѣхалъ?

— Вопросъ вашъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ, съ самою любезною улыбкою: — вопросъ нашъ, при-

знаюсь откровенно, доставляетъ мнѣ много удовольствія, потому что представляетъ мнѣ случай высказать мое особое къ вамъ уваженіе.

— О, много чести!

— Нѣтъ, видите ли, я васъ давеча нѣсколько изучалъ. Вы, положимъ, и пылки и... ну, и молоды; но вотъ въ чемъ я совершенно увѣренъ: если ужъ вы дали мнѣ слово, что никому не расскажете, то ужъ, навѣрно, его сдержите. Вы не Обноскинъ — это первое. Во-вторыхъ, вы честны и не воспользуетесь моей идеей для себя, разумѣется, кромѣ того случая, если захотите вступить со мною въ дружескую сдѣлку. Въ такомъ случаѣ, я, можетъ быть, и согласенъ буду уступить вамъ мою идею, то есть Татьяну Ивановну, и готовъ ревностно помогать въ похищеніи, но съ условіемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы получить отъ васъ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціямъ, въ чемъ, разумѣется, вы мнѣ заранѣе дали бы обезпеченіе, въ видѣ заемнаго письма, безъ процентовъ.

— Какъ? вскричалъ я:— такъ вы ее ужъ и мнѣ предлагаете?

— Натурально я могу уступить, если надумаетесь, захотите. Я, конечно, теряю, но... идея принадлежитъ мнѣ, а вѣдь за идею берутъ же деньги. Въ третьихъ, наконецъ, я потому васъ пригласилъ, что не изъ кого и выбирать. А долго медлить, взявъ въ соображеніе здѣшнія обстоятельства, невозможно. Къ тому же скоро успенскій постъ и вѣнчать не станутъ. Надѣюсь, вы теперь вполне меня понимаете?

— Совершенно, и еще разъ обязуюсь сохранить вашу тайну въ полной неприкосновенности; но товарищемъ вашимъ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу, о чемъ и считаю долгомъ объявить вамъ немедленно.

— Почему-жь?

— Какъ почему-жь? вскричалъ я, давая наконецъ волю накопившимся во мнѣ чувствамъ.— Да неужели вы не понимаете, что такой поступокъ даже неблагороденъ? Положимъ, вы разсчитываете совершенно вѣрно, основываясь на слабоуміи и на несчастной маніи этой дѣвицы; но вѣдь ужъ это одно и должно было бы удержать васъ, какъ благороднаго человѣка! Сами же вы говорите, что она достойна уваженія, несмотря на то, что смѣшна. И вдругъ, вы пользуетесь ея несчастьемъ, чтобы вытянуть отъ нея сто тысячъ! Вы, конечно, не будете ея настоящимъ мужемъ, исполняющимъ свои обязанности: вы непременно ее покинете... Это такъ неблагородно, что, извините меня, я даже не понимаю, какъ вы рѣшились просить меня въ ваши сотрудники!

— Фу, ты, Боже мой, какой романтизмъ! вскричалъ Мизинчиковъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ удивленіемъ. — Впрочемъ, тутъ даже и не романтизмъ, а вы просто, кажется, не понимаете, въ чемъ дѣло. Вы говорите, что это неблагородно, а между тѣмъ всѣ выгоды не на моей, а на ея сторонѣ... Разсудите только!

— Конечно, если смотрѣть съ вашей точки зрѣ-

нія, то, пожалуй, выйдетъ, что вы сдѣлаете самое великодушное дѣло, женясь на Татьянѣ Ивановнѣ, отвѣчалъ я съ саркастическою улыбкою.

— А то какъ же? именно такъ, именно самое великодушное дѣло! вскричалъ Мизинчиковъ, разгорячаясь въ свою очередь. — Разсудите только: во-первыхъ, я жертвую собою и соглашаюсь быть ея мужемъ, — вѣдь это же стоить чего нибудь? Во-вторыхъ, не смотря на то, что у ней есть вѣрныхъ тысячъ сто серебромъ, несмотря на это, я беру только сто тысячъ ассигнаціями и уже даю себѣ слово не брать у ней ни копейки больше во всю мою жизнь, хотя бы и могъ: это опять чего нибудь стоитъ! Наконецъ, взгляните: ну, можетъ ли она прожить свою жизнь спокойно? Чтобы ей спокойно прожить, нужно отобрать у ней деньги и посадить ее въ сумасшедшій домъ, потому что каждую минуту надо ожидать, что къ ней подвернется какой нибудь бездѣльникъ, процапуга, спекулянтъ, съ эспаньолой и съ усиками, съ гитарой и съ серенадами, въ родѣ Обноскина, который сманитъ ее, женится на ней, оберетъ ее дочиста и потомъ броситъ гдѣ нибудь на большой дорогѣ. Вотъ здѣсь, напримѣръ, и честнѣйшій домъ, а вѣдь и держать ее только потому, что спекулируютъ на ея денегки. Отъ этихъ шансовъ ее нужно избавить, спасти. Ну, а понимаете, какъ только она выйдетъ за меня — всѣ эти шансы исчезли. Уже я обязуюсь въ томъ, что никакое несчастье до нея не коснется. Во-первыхъ, я ее тотчасъ же помѣщаю въ Москвѣ, въ одно благородное, но бѣдное семейство — это не то, о которомъ я говорилъ: это другое семейство; при ней будетъ постоянно находиться моя сестра; за ней будутъ смотрѣть въ оба глаза. Денегъ у ней останется тысячъ двѣсти пятьдесятъ, а, можетъ, и триста ассигнаціями: на это можно, знаете какъ, прожить! Всѣ удовольствія ей будутъ доставлены, всѣ развлеченія, балы, маскарады, концерты. Она можетъ даже мечтать объ амурахъ; только, разумѣется, я себя на этотъ счетъ обезпечу: мечтай сколько хочешь, а на дѣлѣ ни-ни! Теперь, напримѣръ, каждый можетъ ее обидѣть, а тогда никто: она жена моя, она Мизинчикова, а я свое имя на поруганье не отдамъ-съ! Это одно чего стоитъ? Натурально, а съ нею не буду жить вмѣстѣ. Она въ Москвѣ, а я гдѣ нибудь въ Петербургѣ. Въ этомъ я сознаюсь, потому что съ вами веду дѣло на чистоту. Но что-жъ до этого, что мы будемъ жить врознь? Сообразите, приглядитесь къ ея характеру: ну способна ли она быть женой и жить вмѣстѣ съ мужемъ? Развѣ возможно съ ней постоянство? Вѣдь это легкомысленнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Ей необходима непрерывная перемѣна; она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замужъ и сдѣлалась законной женой. Да я сдѣлаю ее несчастною въ конецъ, если буду жить вмѣстѣ съ ней и буду требовать отъ нея строгаго исполненія обязанностей. Натурально, я буду къ ней прѣзжать разъ въ годъ, или чаще, и не за день-

гамъ — увѣрю васъ. Я сказалъ, что болѣе ста тысячъ ассигнаціями у ней не возьму, и не возьму! Въ денежномъ отношеніи я поступаю съ ней въ высшей степени благороднымъ образомъ. Прѣзжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствіе, а не скуку: я буду съ ней хохотать, буду рассказывать ей анекдоты, повезу на балъ, буду съ ней амурничать, дарить сувенирчики, пѣть романсы, подарю собачку, разстанусь съ ней романтически и буду вести съ ней потомъ любовную переписку. Да она въ восторгѣ будетъ отъ такого романческаго, влюбленнаго и веселаго мужа! По моему, это рационально: такъ бы и всѣмъ мужьямъ поступать. Мужья тогда только и драгоцѣнны женамъ, когда въ отсутствіи, и, слѣдую моей системѣ, я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшимъ образомъ на всю ея жизнь. Чего-жъ ей больше желать? скажите. Да вѣдь это рай, а не жизнь!

Я слушалъ молча и съ удивленіемъ. Я понялъ, что оспаривать господина Мизинчикова невозможно. Онъ фанатически увѣренъ былъ въ правотѣ и даже въ величіи своего проекта и говорилъ о немъ съ восторгомъ изобрѣтателя. Но оставалось одно щекотливѣйшее обстоятельство, и разъяснить его было необходимо.

— Вспомнили ли вы, сказалъ я, — что она почти уже невѣста дяди? Похитивъ ее, вы сдѣлаете ему большую обиду; вы увезете ее почти наканунѣ свадьбы, и, сверхъ того, у него же возьмете займы для совершенія этого подвига!

— А вотъ тутъ-то я васъ и ловлю! съ жаромъ вскричалъ Мизинчиковъ. — Не безпокойтесь; я предвидѣлъ ваше возраженіе. Но, во-первыхъ и главное: дядя еще предложенія не дѣлалъ; слѣдственно, я могу и не знать, что ее готовятъ ему въ невѣсты; притомъ же, прошу замѣтить, что я еще, три недѣли назадъ, замыслилъ это предпріятіе, когда еще ничего не зналъ о здѣшнихъ намѣреніяхъ; а потому я совершенно правъ передъ нимъ въ моральномъ отношеніи и даже, если строго судить, не я у него, а онъ у меня отбиваетъ невѣсту, съ которой — замѣтьте это — я уже имѣлъ тайное ночное свиданіе въ бесѣдкѣ. Наконецъ, позвольте: не вы ли сами сейчасъ были въ изступленіи, что дядюшку вашего заставляють жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, а теперь вдругъ заступаетесь за этотъ бракъ, говорите о какой-то фамиліи обидѣ, о чести! Да я, напротивъ, дѣлаю вашему дядюшкѣ величайшее одолженіе: спасаю его — вы должны это понять! Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на эту женитьбу и, къ тому же, любитъ другую дѣвицу! Ну, какая ему жена Татьяна Ивановна? да и она съ нимъ будетъ несчастна, потому что, какъ хотите, а вѣдь ее нужно же будетъ тогда ограничить, чтобы она не бросала розанами въ молодыхъ людей. А вѣдь когда я увезу ее ночью, такъ ужъ тутъ никакая генеральша, никакой Ѳома Ѳомичъ ничего не сдѣлаютъ. Возвратить такую невѣсту, которая бѣжала изъ-подъ вѣн-

ца, будетъ ужъ слишкомъ зазорно. Развѣ это не одолженіе, не благодареніе Егору Ильичу?

Признаюсь, это послѣднее разсужденіе на меня сильно подѣйствовало.

— А что, если онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе? сказалъ я:—вѣдь ужъ тогда будетъ нѣсколько поздно: она будетъ формальная невѣста его.

— Натурально поздно! Но тутъ-то и надо работать, чтобъ этого не было. Для чего-жъ я и прошу вашего содѣйствія? Одному мнѣ трудно, а вдвоемъ мы уладимъ дѣло и настоимъ, чтобъ Егоръ Ильичъ не дѣлалъ предложенія. Надобно помѣшать всѣми силами, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, поколотить Оому Оомича и тѣмъ отвлечь всеобщее вниманіе, такъ что имъ будетъ не до свадьбы. Разумѣется, это только въ крайнемъ случаѣ; я говорю для примѣра. Въ этомъ-то я на васъ и надѣюсь.

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ: вы никому, кромѣ меня, не открывали вашего предпріятія?

Мизинчиковъ почесалъ въ затылкѣ и скорчилъ самую кислую гримасу.

— Признаюсь вамъ, отвѣчалъ онъ:—этотъ вопросъ для меня хуже самой горькой пилюли. Въ томъ-то и штука, что я уже открылъ мою мысль... словомъ, свалалъ ужаснѣйшаго дурака! И какъ бы вы думали, кому? Обноскину! такъ что я даже самъ не вѣрю себѣ. Не понимаю, какъ и случилось! Онъ все здѣсь вертѣлся; я еще его хорошо не зналъ, и когда осябло меня вдохновеніе, я, разумѣется, былъ какъ будто въ горячкѣ; а такъ какъ я тогда же понялъ, что мнѣ нуженъ помощникъ, то и обратился къ Обноскину... Непростительно, непростительно!

— Ну, что-жъ Обноскинъ?

— Съ восторгомъ согласился, а на другой же день, рано утромъ, исчезъ. Дня черезъ три являетъ ся опять, съ своей маменькой. Со мной ни слова, и даже избѣгаетъ, какъ будто боится. Я тотчасъ же понялъ въ чемъ штука. А маменька его такая прощальга, просто, черезъ всѣ мѣдныя трубы прошла. Я ее прежде знавалъ. Конечно, онъ ей все разсказалъ. Я молчу и жду; они шпионятъ, и дѣло находится немного въ натянутомъ положеніи... Оттого-то я и тороплюсь.

— Чего жъ именно вы отъ нихъ опасаетесь?

— Многого, конечно, не сдѣлаютъ, а что напакостятъ—такъ это навѣрно. Потребуютъ денегъ за молчаніе и за помощь: я того и жду... Только я много не могу имъ дать, и не дамъ — я ужъ рѣшился; больше трехъ тысячъ ассигнаціями невозможно. Разсудите сами: три тысячи сюда, пятьсотъ серебромъ свадьба, потому что дядѣ все сполна нужно отдать; потомъ старые долги; ну, сестрѣ хоть чтонибудь, такъ, хоть чтонибудь. Много ль изъ ста-то тысячъ останется? Вѣдь это раззоренье!... Обноскины, впрочемъ, уѣхали.

— Уѣхали? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Сейчасъ послѣ чаю; да и чортъ съ ними!

А завтра, увидите, опять явятся. Ну такъ какъ же, согласны?

— Признаюсь, отвѣчалъ я, съживаясь: — не знаю, какъ и сказать. Дѣло щекотливое... Конечно, я сохраню все въ тайнѣ; я не Обноскинъ; но.... кажется, вамъ на меня надѣяться нечего.

— Я вижу, сказалъ Мизинчиковъ, вставая со стула; — что вамъ еще не надоѣли Оома Оомичъ и бабушка, и что вы, хоть и любите вашего добраго, благороднаго дядю, но еще недостаточно вникли, какъ его мучать. Вы же человѣкъ новый... Но терпѣніе! Побудете завтра, посмотрите, и къ вечеру согласитесь. Вѣдь иначе вашъ дядюшка пропасть — понимаете? Его непременно заставятъ жениться. Не забудьте, что, можетъ быть, завтра, онъ сдѣлаетъ предложеніе. Поздно будетъ; надо бы сегодня рѣшиться!

— Право, я желаю вамъ всякаго успѣха, но помогать... незнаю какъ-то...

— Знаемъ! Ну, подождемъ до завтра, рѣшилъ Мизинчиковъ, улыбаясь насмѣшливо. — *La nuit porte conseil.* До свиданія. Я приду къ вамъ пораньше утромъ, а вы подумайте...

Онъ повернулся и вышелъ, что-то насвистывая.

Я вышелъ, почти вслѣдъ за нимъ, освѣжиться. Мѣсяцъ еще не всходилъ; ночь была темная, воздухъ теплый и удушливый. Листья на деревьяхъ не шевелились. Несмотря на страшную усталость, я хотѣлъ было походить, разсѣяться, собраться съ мыслями, но не прошелъ и десяти шаговъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ дяди. Онъ съ кѣмъ то всходилъ на крыльцо флигеля и говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Я тотчасъ же воротился и окликнулъ его. Дядя былъ съ Видоплясовымъ.

XI.

Крайнее недоумѣніе.

— Дядюшка! сказалъ я: — наконецъ-то я васъ дождался.

— Другъ мой, я и самъ-то рвался къ тебѣ. Вотъ только кончу съ Видоплясовымъ, и тогда наговоримся до сыта. Много надо тебѣ разсказать.

— Какъ, еще съ Видоплясовымъ! Да бросьте вы его, дядюшка.

— Еще только какихънибудь пять или десять минутъ, Сергѣй, и я совершенно твой. Видишь: дѣло.

— Да онъ, вѣрно, съ глупостями, проговорилъ я съ досадою.

— Да что сказать тебѣ, другъ мой? Вѣдь найдеть же человѣкъ, когда лѣзть съ своими пустяками! Точно ты, братъ Григорій, не могъ ужъ и времени другаго найти для своихъ жалобъ? Ну, что я для тебя сдѣлаю? Пожалѣй хоть ты меня, братецъ. Вѣдь я, такъ сказать, пзуренъ вами, сѣдѣнъ живьемъ, цѣликомъ! — Мбчи моей нѣтъ съ ними, Сергѣй!

И дядя махнулъ обѣими руками съ глубочайшей тоской.

— Да что за важное такое дѣло, что и оставить нельзя? А мнѣ бы такъ нужно, дядюшка...

— Эхъ, братъ, ужъ и такъ кричатъ, что я о нравственности моихъ людей не забочусь! Пожалуй, еще завтра пожалуется на меня, что я не выслушалъ, и тогда...

И дядя опять махнулъ рукой.

— Ну, такъ кончайте же съ нимъ поскорѣе! Пожалуй, и я помогу. Взойдемте наверхъ. Что онъ такое? чего ему? сказалъ я, когда мы вошли въ комнаты.

— Да вотъ, видишь, другъ мой, не нравится ему своя собственная фамилія, перемѣнить проситъ. Каково тебѣ это покажется?

— Фамилія! Какъ такъ?.. Ну, дядюшка, прежде, чѣмъ я услышу, что онъ самъ скажетъ, позвольте вамъ сказать, что только у васъ въ домѣ могутъ совершаться такіа чудеса, проговорилъ я, разставивъ руки отъ изумленія.

— Эхъ, братъ! эдакъ-то и я разставить руки умѣю, да толку-то мало! съ досадою проговорилъ дядя. — Поди-ка, поговори-ка съ нимъ самъ, попробуй. Уже онъ два мѣсяца пристаётъ ко мнѣ...

— Неосновательная фамилія-съ! отозвался Видоплясовъ.

— Да почему жъ неосновательная? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Такъ-съ. Изображаетъ собою всякую гнусность-съ.

— Да почему же гнусность? Да и какъ ее перемѣнить? Кто перемѣняетъ фамиліи?

— Помилуйте, бываютъ ли у кого такіа фамиліи-съ?

— Я согласенъ, что фамилія твоя отчасти странная, продолжалъ я въ совершенномъ недоумѣніи: — но вѣдь что жъ теперь дѣлать? Вѣдь и у отца твоего была такая жъ фамилія?

— Это подлинно-съ, что черезъ родителя моего я, такимъ образомъ, пошелъ на вѣки страдать-съ, такъ какъ суждено мнѣ моимъ именемъ многія насмѣшки пріять и многія горести произойти-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ.

— Бьюсь объ закладъ, дядюшка, что тутъ не безъ Оомы Оомича! вскричалъ я съ досадою.

— Ну, нѣтъ, братецъ, ну, нѣтъ; ты ошибся. Дѣйствительно, Оома ему благодѣтельствуетъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ секретари; въ этомъ и вся его должность. Ну, разумѣется, онъ его развилъ, наполнилъ благородствомъ души, такъ что онъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, прозрѣлъ... Вотъ, видишь, я тебѣ все расскажу...

— Это точно-съ, перебилъ Видоплясовъ: — что Оома Оомичъ мои истинные благодѣтели-съ, и, бывши истинные мнѣ благодѣтели, они меня вразумили моему ничтожеству, каковъ я есмь червякъ на землѣ, такъ что чрезъ нихъ я въ первый разъ свою судьбу предузналъ-съ.

— Вотъ видишь, Сережа, вотъ видишь, въ чемъ

все дѣло, продолжалъ дядя, заторопившись, по своему обыкновенію. — Жилъ онъ сначала въ Москвѣ, съ самыхъ почти дѣтскихъ лѣтъ, у одного учителя чистописанія въ услуженіи. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ у него научился писать: и красками, и золотомъ, и кругомъ, знаешь, купидоновъ наставить — словомъ, артистъ! Илюша у него учился; полтора цѣлковыхъ за урокъ плачу. Оома самъ опредѣлилъ полтора цѣлковыхъ. Къ окрестнымъ помѣщикамъ въ три дома ѣздитъ; тоже платятъ. Видишь, какъ одѣвается! Къ тому же пишетъ стихи.

— Стихи! Этого еще недоставало!

— Стихи, братецъ, стихи, и ты не думай, что я шучу, настоящіе стихи, такъ сказать, версификація, и такъ, знаешь, складно, на всѣ предметы, тотчасъ же всякій предметъ стихами опишетъ. Настоящій талантъ! Маменькѣ къ именинамъ такую рацею соорудилъ, что мы только рты разинули: и изъ міеологіи тамъ у него, и музы летаютъ, такъ что даже, знаешь, видна эта... какъ бишь ее? округленность формъ — словомъ, совершенно въ рифму выходитъ. Оома поправлялъ. Ну я, конечно, ничего, и даже радъ съ моей стороны. Пусть себѣ сочиняетъ, только бѣ не накуралесилъ чего нибудь. — Я, братъ Григорій, тебѣ, вѣдь, какъ отецъ говорю. Провѣдалъ объ этомъ Оома, просмотрѣлъ стихи, поощрилъ и опредѣлилъ къ себѣ чтеца мѣ и переписчикомъ — словомъ, образовалъ. Это онъ правду говоритъ, что облагодѣтельствовалъ. Ну, эдакъ, знаешь, у него и благородный романтизмъ въ головѣ появился и чувство независимости — мнѣ все это Оома объяснялъ, да я ужъ, правда, и позабылъ; только я, признаюсь, хотѣлъ и безъ Оомы его на волю отпустить. Стыдно, знаешь, какъ-то!... Да Оома противъ этого; говоритъ, что онъ ему нуженъ, полюбилъ онъ его; да, сверхъ того, говоритъ: «мнѣ же, барину, больше чести, что у меня, между собственными людьми, стихотворцы; что такъ какіе-то бароны гдѣ-то жили и что это en-grand». Ну, en-grand, такъ en-grand! Я, братецъ, ужъ сталъ его уважать — поппмаешь?.. Только Богъ знаетъ-какъ онъ повелъ себя. Всего хуже, что онъ до того передъ всей дворней послѣ стиховъ носъ задралъ, что ужъ и говорить съ ними не хотеть. — Ты не обижайся, Григорій, я тебѣ какъ отецъ говорю. — Обѣщался онъ еще прошлой зимой жениться: есть тутъ одна дворовая дѣвушка, Матрена, и премилая, знаешь, дѣвушка, честная, работающая, веселая. Такъ вотъ нѣтъ же, теперь: не хочу, да и только: отказался. Возмечталъ ли онъ о себѣ, или разсудилъ сначала прославиться, а потомъ ужъ въ другомъ мѣстѣ искать руки...

— Болѣе по совѣту Оомы Оомича-съ, замѣтилъ Видоплясовъ, такъ какъ они истинные мои благодѣтели-съ...

— Ну, да ужъ какъ можно безъ Оомы Оомича! вскричалъ я невольно.

— Эхъ, братецъ, не въ томъ дѣло! посиѣшню прервалъ меня дядя: только видишь: ему теперь и проходу нѣтъ. Та дѣвка бойкая, задорная, всѣхъ

противъ него подвѣла: дразнятъ, усыпаютъ, даже мальчишки дворовые его вмѣсто шута считаютъ...

— Болѣе черезъ Матрену-съ, замѣтилъ Видоплясовъ: потому что Матрена истинная дура-съ, и бывши истинная дура-съ, притомъ же невоздержная характеромъ женщина, черезъ нее я такимъ манеромъ-съ пошолъ жизни моею претерпѣвать-съ.

— Эхъ, братъ Григорій, говорилъ я тебѣ, продолжалъ дядя, съ укоризною посмотрѣвъ на Видоплясова: сложили они, видишь, Сергѣй, какую-то накость въ рифму на его фамилію. Онъ ко мнѣ, жалуется, просить нельзя ли какъ нибудь переимѣнить его фамилію, и что онъ давно ужъ страдаетъ отъ неблагозвучія...

— Необлагороженная фамилія-съ, вернулъ Видоплясовъ.

— Ну, да ужъ ты молчи, Григорій! Ома тоже одобрилъ... то-есть не то, чтобъ одобрилъ, а видишь, какое соображеніе: что если, на случай, придется стихи печатать, такъ какъ Ома проектируетъ, то такая фамилія, пожалуй, и повредить—неправда ли?

— Такъ онъ стихи напечатать хочетъ, дядюшка?

— Печатать, братецъ. Это ужъ рѣшено — на мой счетъ, и будетъ выставлено на заглавномъ листѣ: крѣпостной человѣкъ такого-то, а въ предисловіи Оомъ отъ автора благодарность за образование. Посвящено Оомъ. Ома самъ предисловіе пишетъ. Ну такъ представь себѣ, если на заглавномъ-то листѣ будетъ написано: «сочиненія Видоплясова...»

— «Вопли Видоплясова-съ», поправилъ Видоплясовъ.

— Ну, вотъ видишь, еще и вопли! Ну что за фамилія Видоплясовъ? Даже деликатность чувствъ возмущаетъ; такъ и Ома говорилъ. А всѣ эти критики, говорятъ, такіе зазорные насмѣшники; Брамбеусъ, напримѣръ... Имъ вѣдь все ни почемъ! Просмѣютъ за одну только фамилію; такъ, пожалуй, отчешутъ бока, что только почесывайся—не правда ли? Вотъ я и говорю: по мнѣ, пожалуй, какую хочешь поставь фамилію на стихахъ—псевдонимъ, что ли, называется — ужъ не помню: какой-то *нимъ*. Да нѣтъ, говоритъ, прикажите по всей дворнѣ, чтобъ меня ужъ и здѣсь навѣки новымъ именемъ звали, такъ, чтобъ у меня, сообразно таланту, и фамилія была облагороженная...

— Бьюсь объ закладъ, что вы согласились, дядюшка.

— Я, братъ Сережа, чтобъ ужъ только съ ними не спорить; пускай себѣ! Знаешь, тогда между нами недоразумѣніе такое было съ Омой. Вотъ у насъ и пошло съ тѣхъ поръ, что недѣля, то фамилія, и все такія нѣжныя выбираетъ: Олександровъ, Тюльпановъ... Подумай, Григорій, сначала ты просилъ, чтобъ тебя называли «Вѣрный» — «Григорій Вѣрный»; потомъ тебѣ же самому не понравилось, потому что какой-то балбесъ прибралъ на это рифму «скверный». Ты жаловался; балбеса

наказали. Ты двѣ недѣли придумывалъ новую фамилію — сколько ты ихъ перебралъ — наконецъ надумался, пришелъ просить, чтобъ тебя звали «Улановъ». Ну скажи мнѣ, братецъ, ну, что можетъ быть глупѣе Уланова? Я и на это согласился: вторичное приказаніе отдалъ о переимѣнѣ твоей фамиліи въ Уланова. — Такъ только, братецъ, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ:—чтобъ ужъ только отвязаться. Три дня ходилъ ты «Улановъ». Ты всѣ стѣпы, всѣ подоконники въ бесѣдкѣ перепортилъ, расчеркивая карандашомъ: «Улановъ». Вѣдь ее потомъ перекрашивали. Ты цѣлую десятъ голландской бумаги извелъ на подписи: «Улановъ, проба пера; Улановъ, проба пера». Наконецъ и тутъ неудача: прибрали тебѣ рифму: «болвановъ». Не хочу, болванова—опять переимѣна фамиліи! Какую ты тамъ еще прибралъ, я ужъ и позабылъ?

— Танцевъ-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ. Если ужъ мнѣ суждено черезъ фамилію мою плюсуна собою изобразить съ, такъ ужъ пусть было бы облагорожено по-иностранному: Танцевъ-съ.

— Ну да, Танцевъ; согласился я, братъ Сергѣй, и на это. Только ужъ тутъ они такую ему подыскали рифму, что и сказать нельзя! Сегодня опять приходится, опять выдумалъ что-то новое. Бьюсь объ закладъ, что у него есть наготовѣ новая фамилія. Есть иль нѣтъ, Григорій, признавайся!

— Я дѣйствительно давно ужъ хотѣлъ повергнуть къ вашимъ стопамъ новое имя-съ, облагороженнос-съ.

— Какое?

— Эсбукетовъ.

— И не стыдно, и не стыдно тебѣ, Григорій? Фамилія съ помадной банки! А еще умный человѣкъ называешься! Думалъ-то, должно быть, сколько надъ ней! Вѣдь это на духахъ написано.

— Помните, дядюшка, сказалъ я полупопомъ: — да вѣдь это просто дуракъ, набитый дуракъ!

— Что жъ дѣлать, братецъ? отвѣчалъ тоже шопотомъ дядя: — увѣряютъ кругомъ, что умнѣе и что это все въ немъ благородныя свойства играютъ...

— Да развяжитесь вы съ нимъ, ради Бога!

— Послушай, Григорій! вѣдь мнѣ, братецъ, некогда, помилуй! началъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ, какъ будто боялся даже и Видоплясова.—Ну, разсуди, ну гдѣ мнѣ жалобами твоими теперь заниматься! Ты говоришь, что тебя опять они чѣмъ-то обидѣли? Ну, хорошо: вотъ тебѣ честное слово даю, что завтра все разберу, а теперь ступай съ Богомъ.... Постой! что Ома Оомичъ?

— Почивать ложились-съ. Сказали, что если будетъ кто объ нихъ спрашивать, такъ отвѣчать, что они на молитвѣ, сію ночь, долго стоятъ намѣренны-съ.

— Гм! Ну, ступай, братецъ, ступай!—Видишь, Сережа, вѣдь онъ всегда при Оомѣ, такъ, что даже

его я боюсь. Да и дворян-то его потому и не любить, что онъ все о нихъ Оомъ переноситъ. Вотъ теперь ушелъ, а, пожалуй—завтра и нафискалитъ о чемъ нибудь! А ужъ я, братецъ, тамъ все такъ уладилъ, даже спокоенъ теперь... Къ тебѣ спѣшилъ. Наконецъ-то я опять съ тобой! проговорилъ онъ съ чувствомъ, пожимая мнѣ руку.—А вѣдь я думалъ, братъ, что ты совсѣмъ разсердился и непремѣнно улизнешь. Стеречь тебя посылалъ. Ну, слава Богу, теперь! А давеча-то, Гаврила-то, каково? да и Оалалей, и ты—и все одно къ одному! Ну, слава Богу, слава Богу! наконецъ-то наговорюсь съ тобой до сыта. Сердце открою тебѣ. Ты, Сережа, не уѣзжай: ты одинъ у меня, ты и Коровкинъ...

— Но, позвольте, что жъ вы тамъ такое уладили, дядюшка, и чего мнѣ тутъ ждать послѣ-того, что случилось? Признаюсь, вѣдь у меня просто голова трещитъ!

— А у меня цѣла, что ли? Она, братъ, у меня, ужъ полгода теперь вальсируетъ, голова-то моя! Но, слава Богу! теперь все уладилось. Во-первыхъ, меня простили, совершенно простили, съ разными условіями, конечно; но ужъ я теперь почти-совсѣмъ ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. Саша-то, Саша-то, давеча-то... горячее сердечко! увлеклась немного, но золотое сердечко! Я горжусь этой дѣвочкой, Сережа! Да будетъ надъ нею всегдашнее благословеніе Божіе. Тебя тоже простили и даже, знаешь, какъ? Можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, ходишь по всѣмъ комнатамъ и въ саду, и даже при гостяхъ—словомъ, все что угодно; но только подъ однимъ условіемъ, что ты ничего не будешь завтра самъ говорить при маменькѣ и при Оомѣ Оомичѣ—это непремѣнное условіе, то есть рѣшительно ни полслова—я ужъ обѣщался за тебя—а только будешь слушать, что старшіе... то есть, я хотѣлъ сказать, что другіе будутъ говорить. Они сказали, что ты молодъ. Ты, Сергѣй, не обижайся; вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ еще молодъ... Такъ и Анна Ниловна говоритъ...

Конечно, я былъ очень молодъ и тотчасъ же доказалъ это, закипѣвъ негодованіемъ при такихъ обидныхъ условіяхъ.

— Послушайте, дядюшка, вскричалъ я, чуть не задыхаясь:—скажите мнѣ только одно и успокойте меня: я въ настоящемъ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Ну вотъ, братецъ, ужъ ты сейчасъ и въ критику! Ужъ и не можешь никакъ утерпѣть, отвѣчалъ опечаленный дядя.—Вовсе не въ сумасшедшемъ, а такъ только погорячились съ обѣихъ сторонъ. Но, вѣдь, согласись, и ты, братецъ, какъ ты-то самъ велъ себя? Помнишь, что ты ему отмочилъ,—человѣку, такъ сказать, почтенныхъ лѣтъ?

— Такіе люди не имѣютъ почтенныхъ лѣтъ, дядюшка.

— Ну ужъ это ты, братъ, перескакнулъ! это ужъ вольнодумство! Я, братъ, и самъ отъ разсудительнаго вольнодумства не прочь, но ужъ это,

братъ, изъ мѣрки выскочило, то есть удивилъ ты меня, Сергѣй.

— Не сердитесь, дядюшка, я виноватъ, но виноватъ передъ вами. Что же касается до вашего Ооми Оомича...

— Ну, вотъ ужъ и *вашего*! Эхъ, братъ Сергѣй, не суди его строго: мизантропическій человѣкъ—и больше ничего, болѣзненный! Съ него нельзя строго спрашивать. Но за то благородный, то есть просто благороднѣйшій изъ людей! Да, вѣдь ты самъ давеча былъ свидѣтелемъ, просто сіялъ. А что фокусы-то эти иногда отмачиваетъ, такъ на это нечего смотрѣть. Ну, съ кѣмъ этого не случается?

— Помилуйте, дядюшка, напротивъ, съ кѣмъ же это случается?

— Эхъ, наладилъ одно! Добродушія въ тебѣ мало, Сережа; простить не умѣешь!...

— Ну, хорошо, дядюшка, хорошо! Оставимъ это. Скажите, видѣли вы Настасью Евграфовну?

— Эхъ, братъ, о ней то все дѣло шло. Вотъ что, Сережа, и, во-первыхъ, самое важное: мы всѣ рѣшили—его завтра, непременно, поздравить съ днемъ рожденія, Оому-то, потому что завтра дѣйствительно его рожденіе. Сашурка добрая дѣвочка, но она ошибается; такъ-таки и пойдемъ всѣмъ кагаломъ, еще передъ обѣдней, поравыше. Илюша ему стихи произнесетъ, такъ что ему, какъ будто масломъ по сердцу то,—словомъ польститъ. Ахъ, кабы и ты его, Сережа, вмѣстѣ съ нами, тутъ же поздравилъ! Онъ, можетъ быть, совершенно простилъ бы тебя. Какъ бы хорошо было, еслибъ вы помирились! Забудь, братъ, обиду, Сережа, вѣдь ты и самъ его обидѣлъ... Наидостойнѣйшій человѣкъ.

— Дядюшка! дядюшка! вскричалъ я, теряя послѣднее терпѣніе:—я съ вами о дѣлѣ хочу говорить, а вы... Да знаете ли вы, повторяю опять, знаете ли вы, что дѣлается съ Настасьей Евграфовной.

— Какъ же, братецъ, что ты! чего ты кричишь? Изъ за нея то и поднялась давеча вся эта исторія. Она, впрочемъ, и не давеча поднялась, она давно поднялась. Я тебѣ только не хотѣлъ говорить объ этомъ заранѣе, чтобъ тебя не пугать, потому что они ее, просто, выгнать хотѣли, ну и отъ меня требовали, чтобъ я ее отослалъ. Можешь представить себѣ мое положеніе... Ну, да слава Богу! теперь все это уладилось. — Они, видишь ли—ужъ признаюсь тебѣ во всемъ—думали, что я самъ въ нее влюбленъ и жениться хочу; словомъ, стремлюсь къ погибели, потому что дѣйствительно по это было бы стремленіемъ къ погибели: они это мнѣ тамъ объяснили... такъ вотъ, чтобъ спасти меня и рѣшились было ее изгнать. Все это маменька, а пуще всѣхъ Анна Ниловна. Оома, покамѣстъ, молчитъ. Но теперь я ихъ всѣхъ разувѣрилъ, и признаюсь тебѣ, уже объявилъ, что ты формальный женихъ Настеньки, что затѣмъ и пріѣхалъ. Ну, это ихъ отчасти успокоило и теперь

она остается, хоть не совсѣмъ, такъ, еще только для пробы, но все-таки остается. Даже и ты поднялся въ общемъ мнѣніи, когда я объявилъ, что сватаешься. По крайней мѣрѣ, маменька какъ будто успокоилась. Анна Ниловна одна все еще ворчитъ! Ужъ и не знаю, что выдумать, чтобъ ей угодить. И чего это ей хочется, право, этой Аннѣ Ниловнѣ.

— Дядюшка, въ какомъ вы заблужденіи, дядюшка! Да знаете ли, что Настасья Евграфовна завтра же ѣдетъ отсюда, если ужъ теперь не уѣхала? Знаете ли, что отецъ нарочно и пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ ее увезти? что ужъ это совсѣмъ рѣшено, что она сама лично объявила мнѣ сегодня объ этомъ, и въ заключеніе, велѣла вамъ кланяться—знаете ли вы это, иль нѣтъ?

Дядя, какъ былъ, такъ и остался передо мной, съ разинутымъ ртомъ. Мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ и стоитъ вырвался изъ груди его.

Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ рассказать ему весь мой разговоръ съ Настенькой, мое сватовство, ея рѣшительный отказъ, ея гнѣвъ на дядю за то, что онъ смѣлъ меня вызывать письмомъ; объяснилъ, что она надѣется его спасти, своимъ отъѣздомъ, отъ брака съ Татьяной Ивановной—словомъ, не скрылъ ничего; даже нарочно преувеличилъ все, что было непріятнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Я хотѣлъ поразить дядю, чтобъ попытаться отъ него рѣшительныхъ мѣръ,—и дѣйствительно поразилъ. Онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову.

— Гдѣ она, не знаешь ли? гдѣ она теперь? проговорилъ онъ наконецъ, поблѣднѣвъ отъ испуга.—А я то, дуракъ, шелъ сюда совсѣмъ ужъ спокойный, думалъ, что все ужъ уладилось, прибавилъ онъ въ отчаяніи.

— Не знаю, гдѣ теперь, только давеча, какъ начались эти крики, она пошла къ вамъ: она хотѣла все это выразить вслухъ, при всѣхъ. Вѣроятно, ее не допустили.

— Еще бы допустили! чтобъ она тамъ надѣлала! Ахъ, горячая, гордая головка! И куда она пойдетъ, куда? куда? А ты то, ты то хорошъ! Да почему жъ она тебѣ отказала? Вздоръ! Ты долженъ былъ понравиться. Почему жъ ты ей не понравился? Да отвѣчай же, ради Бога, чего жъ ты стоишь.

— Помилосердуйте, дядюшка! да развѣ можно задавать такіе вопросы?

— Но вѣдь невозможно жъ и это! Ты долженъ, долженъ на ней жениться. Зачѣмъ же я тебя и тревожилъ изъ Петербурга? Ты долженъ составить ей счастье! Теперь ее гонять отсюда, а тогда она твоя жена, моя родная племянница—не прогонять. А то куда она пойдетъ? что съ ней будетъ? Въ гувернантки? Но, вѣдь, это только бессмысленный вздоръ, въ гувернантки-то! Вѣдь, пока мѣсто найдеть, чѣмъ дома жить? У старика ихъ девятéro на плечахъ; сами голодомъ сидятъ. Вѣдь она ни гроша не возьметъ отъ меня, если

выйдетъ черезъ эти пакостные наговоры, и она, и отецъ. Да и каково такимъ образомъ выдти — ужасъ! Здѣсь ужъ будетъ скандалъ — я знаю. А жалованье ея ужъ давно впередъ забрано на семейныя нужды: вѣдь она ихъ питаетъ. Ну, положимъ, я рекомендую ее въ гувернантки, найду такую честную и благородную фамилію... да вѣдь чорта съ два! гдѣ ихъ возьмешь, благородныхъ-то, настоящихъ-то благородныхъ людей? Ну, положимъ, и много даже, что Бога гнѣвить! но, другъ мой, вѣдь опасно: можно ли положиться на людей? Къ тому же, бѣдный человѣкъ подозрителенъ; ему такъ и кажется, что его заставляютъ платить за хлѣбъ и за ласку униженіями! Они оскорбятъ ее; она гордая, и тогда... да ужъ что тогда? А что, если ко всему этому какой нибудь мерзавецъ-обольститель подвернется?... Она плюнетъ на него,—я знаю, что плюнетъ,—но вѣдь онъ ее все-таки оскорбитъ, мерзавецъ! все-таки на нее можетъ пасть безславіе, тѣнь, подозрѣніе, и тогда... Голова трещитъ на плечахъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Дядюшка! простите меня за одинъ вопросъ, сказалъ я торжественно: — не сердитесь на меня, поймите, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ многое разрѣшить; я даже отчасти въ правѣ требовать отъ васъ отвѣта, дядюшка!

— Что, что такое? Какой вопросъ?

— Скажите, какъ передъ Богомъ, откровенно и прямо: не чувствуете ли вы, что вы сами немного влюблены въ Настасью Евграфовну и желали бы на ней жениться? Подумайте: вѣдь изъ-за этого-то ее здѣсь и гонятъ.

Дядя слѣлалъ самый энергическій жестъ самаго судорожнаго нетерпѣнія.

— Я? влюбленъ? въ нее? Да они всѣ бѣлены обѣлялись, или сговорились противъ меня. Да для чего жъ я тебя-то выписывалъ, какъ не для того, чтобъ доказать имъ всѣмъ, что они бѣлены обѣлись? Да для чего же я тебя-то къ ней сватаю? Я? влюбленъ? въ нее? Рыхнулись они всѣ, да и только!

— А если такъ, дядюшка, то позвольте ужъ мнѣ все высказать. Объявляю вамъ торжественно, что я рѣшительно ничего не нахожу дурнаго въ этомъ предположеніи. Напротивъ, вы бы ей счастье слѣлали, если ужъ такъ ее любите и—и дай Богъ этого! дай вамъ Богъ любовь и совѣтъ!

— Но, помилуй, что ты говоришь! вскричалъ дядя почти съ ужасомъ.—Удивляюсь, какъ ты можешь это говорить хладнокровно... и... вообще ты, братъ, все куда-то торопишься—я замѣчаю въ тебѣ эту черту! Ну, не бессмысленно ли, что ты сказалъ? Какъ, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее какъ на дочь, а не иначе? Да мнѣ даже стыдно было бы на нее смотрѣть иначе, даже грѣшно! Я старикъ, а она—цвѣточекъ! Даже Оома это мнѣ объяснилъ именно въ такихъ выраженіяхъ. У меня отеческой любовью къ ней сердце горитъ, а ты тутъ съ супружествомъ! Она, пожалуй, изъ благодарности, и не отказала бы,

да вѣдь она презирать меня потомъ будетъ за то, что ея благодарностью воспользовался. Я загублю ее, привязанность ея потеряю! Да я бы душу мою ей отдалъ, дѣточка она моя! Все равно какъ Сашу люблю, даже больше, признаюсь тебѣ. Саша мнѣ дочь по праву, по закону; а эту я любовью моею себѣ дочерью сдѣлалъ. Я ее изъ бѣдности взялъ, воспиталъ. Ее Катя, мой ангелъ покойный, любила; она мнѣ ее какъ дочь завѣщала. Я образованіе ей далъ: и по-французски говорить, и на фортепіано, и книги, и все... Улыбочка какая у ней! замѣтилъ ты, Сережа? какъ-будто смѣется надъ тобой, а жечь-тѣмъ вовсе не смѣется; а, напротивъ, любить... Я вотъ и думалъ, что ты пріѣдешь, сдѣлаешь предложеніе; они и увѣрятся, что я не имѣю видовъ на нее; и перестанутъ всѣ эти пакости распускать. Она и осталась бы тогда съ нами въ тишинѣ, въ покоѣ, и какъ бы мы тогда были счастливы! Вы оба дѣти мби, почти оба сиротки, оба на моемъ попеченіи выросли... я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ! жизнь бы вамъ отдалъ, не разстался бы съ вами; всюду за вами! Ахъ, какъ бы мы могли быть счастливы! И зачѣмъ это люди все злятся, все сердятся, ненавидятъ другъ друга? Такъ бы, такъ бы взялъ, да и растолковалъ бы имъ все! Такъ бы и выложилъ передъ ними всю сердечную правду! Ахъ ты, Боже мой!

— Да, дядюшка, да, это все такъ, а только она вотъ и отказала мнѣ.

— Отказала! Гм... А знаешь, я какъ будто предчувствовалъ, что она откажетъ тебѣ, сказалъ онъ въ задумчивости:—но, нѣтъ! вскрикнулъ онъ:—я не вѣрю! это невозможно! Но вѣдь въ такомъ случаѣ все разстроится! Да ты вѣрно какъ нибудь неосторожно съ ней началъ, оскорбилъ еще, можетъ быть; пожалуй, еще комплименты пустился отмачивать... Расскажи мнѣ, еще разъ, какъ это было, Сергѣй!

Я повторилъ еще разъ все въ совершенной подробности. Когда дошло до того, что Настенька удаленіемъ своимъ надѣялась спасти дядю отъ Татьяны Ивановны, тотъ горько улыбнулся.

— Спаси! сказалъ онъ:—спаси до завтрашняго утра!

— Но вы не хотите сказать, дядюшка, что жепитесь на Татьянѣ Ивановнѣ? вскричалъ я въ испугѣ.

— А чѣмъ же я и купилъ, чтобъ Настю не выгнали завтра? Завтра же дѣлаю предложеніе; формально общался.

— И вы рѣшились, дядюшка?

— Что жъ дѣлать, братецъ, что жъ дѣлать! Это раздражаетъ мнѣ сердце, но я рѣшился. Завтра предложеніе; свадьбу положили сыграть тихо, по домашнему; оно, братъ, и лучше по домашнему-то. Ты, пожалуй, шаферомъ. Я ужъ намекнулъ о тебѣ, такъ что они до времени никакъ тебя не прогонять. Что жъ дѣлать, братецъ? Они говорятъ: «для дѣтей богатство!» Конечно, для дѣтей чего

не сдѣлаешь? верхъ ногами вертѣться пойдешь, тѣмъ болѣе, что, въ сущности, оно, пожалуй, и справедливо. Вѣдь долженъ же я хоть что нибудь сдѣлать для семейства. Не все же тунеядцемъ сидѣть!

— Но, дядюшка, вѣдь она сумасшедшая! вскричалъ я, забывшись, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Ну, ужъ и сумасшедшая! Вовсе не сумасшедшая, а такъ, испытала, знаешь, несчастія... Что жъ дѣлать, братецъ, и радъ бы съ умомъ... А впрочемъ, и съ умомъ-то какія бываютъ! А какая она добрая, еслибъ ты зналъ, благородная какая!

— Но, Боже мой! онъ ужъ и мирится съ этою мыслью! сказалъ я въ отчаяніи.

— А что жъ и дѣлать-то, какъ не такъ? Вѣдь для моего же блага стараются, да и, наконецъ, ужъ я предчувствовалъ, что, рано ли, поздно ли, а не отвертись: заставить жениться. Такъ ужъ лучше теперь, чѣмъ еще ссору изъ-за этого затѣвать. Я тебѣ, братъ, Сережа, все откровенно скажу: я даже отчасти и радъ. Рѣшился, такъ ужъ рѣшился, по-крайней-мѣрѣ, съ плечъ долой,—спокойнѣе какъ-то. Я, вотъ, и шелъ сюда почти совсѣмъ ужъ спокойный. Такова ужъ видно звѣзда моя! А главное, въ выигрышъ то, что Настя при насъ остается. Я вѣдь и согласился съ этимъ условіемъ... А тутъ она сама бѣжать хочетъ! Да не будетъ же этого! вскрикнулъ дядя, топнувъ ногою.—Послушай, Сергѣй, прибавилъ онъ, съ рѣшительнымъ видомъ:—подожди меня здѣсь, никуда не ходи; я мигомъ къ тебѣ ворочусь.

— Куда вы, дядюшка?

— Можетъ быть, я ее увижу, Сергѣй: все объяснится, повѣрь, что все объяснится, и... и... и женишься же ты на ней—даю тебѣ честное слово!

Дядя быстро вышелъ изъ комнаты и повернулся въ садъ, а не къ дому. Я слѣдилъ за нимъ изъ окна.

XII.

Катастрофа.

Я остался одинъ. Положеніе мое было нестерпимое: мнѣ отказали, а дядя хотѣлъ женить меня чуть не насильно. Я сбивался и путался въ мысляхъ. Мизинчиковъ и его предложеніе не выходило у меня изъ головы. Во что бы ни стало, дядю надо было спасти! Я даже думалъ пойти стиснуть Мизинчикова и рассказать ему все. Но куда, однакожъ, пошелъ дядя? Онъ самъ сказалъ, что идетъ отыскивать Настеньку, а между тѣмъ повернулся въ садъ. Мысль о тайныхъ свиданіяхъ промелькнула въ моей головѣ, и пренепріятное чувство ущемило мое сердце. Я вспомнилъ слова Мизинчикова про тайную связь... Подумавъ съ минутой, я съ негодованіемъ отбросилъ всѣ мои подозрѣнія. Дяди не могъ обманывать: это очевид-

но. Безпокойство мое возрастало каждую минуту. Безсознательно вышелъ я на крыльцо и пошелъ въ глубину сада, по той самой аллеѣ, въ которой исчезъ дядя. Мѣсяцъ начиналъ всходить. Я зналъ этотъ садъ вдоль и поперекъ и не боялся заблудиться: Дойдя до старой бесѣдки, уединенно стоявшей на берегу одряхлѣвшаго, покрытаго тиной пруда, я вдругъ остановился, какъ вкопанный: мнѣ послышались въ бесѣдкѣ голоса. Не могу выразить, какое странное чувство досады овладѣло мною! Я былъ увѣренъ, что это дядя и Настенька, и продолжалъ подходить, успокоивая на всякій случай свою совѣсть тѣмъ, что иду прежнимъ шагомъ и не стараюсь подкрадываться. Вдругъ раздался ясно звукъ поцѣлуя, потомъ звуки какихъ-то одушевленныхъ словъ, и тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ—пронзительный женскій крикъ. Въ то же мгновеніе женщина, въ бѣломъ платьѣ, выбѣжала изъ бесѣдки и промелькнула мимо меня, какъ ласточка. Мнѣ показалось даже, что она закрывала руками лицо, чтобъ не быть узнанной: вѣроятно, меня замѣтили изъ бесѣдки. Но каково же было мое изумленіе, когда, въ вышедшемъ, вслѣдъ за испуганной дамой, кавалеръ я узналъ Обноскина,—Обноскина, который, по словамъ Миничикова, давно ужъ уѣхалъ! Съ своей стороны, и Обноскинъ, увидавъ меня, чрезвычайно смутился: все нахальство его исчезло.

— Извините меня, но... я никакъ не ожидалъ съ вами встрѣтиться, проговорилъ онъ, улыбаясь и заикаясь.

— А я съ вами, отвѣчалъ я насмѣшливо: — тѣмъ болѣе, что я слышалъ, вы ужъ уѣхали.

— Нѣтъ-съ... это такъ... я проводилъ недалеко маменьку. Но могу ли я обратиться къ вамъ, какъ къ благороднѣйшему человѣку въ мірѣ?

— Съ чѣмъ это?

— Есть случаи — и вы сами согласитесь съ этимъ—когда истинно благородный человѣкъ принужденъ обратиться ко всему благородству чувствъ другого, истинно благороднаго человѣка... Надѣюсь, вы понимаете меня...

— Не надѣйтесь: ничего рѣшительно не понимаю.

— Вы видѣли даму, которая находилась вмѣстѣ со мной въ бесѣдкѣ?

— Видѣлъ, но не узналъ.

А, не узнали!.. Эту даму я назову скоро моею женою.

— Поздравляю васъ. Но чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Только однимъ: сохранивъ глубочайшую тайну о томъ, что вы меня видѣли съ этой дамой.

«Кто-жъ бы это? подумалъ я, ужъ не...»

— Право, не знаю-съ, отвѣчалъ я Обноскину.— Надѣюсь, вы извините, что не могу дать вамъ слова...

— Нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, умолялъ Обноскинъ. — Поймите мое положеніе: это секретъ. Вы тоже можете быть женихомъ: тогда и я, съ своей стороны...

— Тс! кто-то идетъ!

— Гдѣ?

Дѣйствительно, шагахъ въ тридцати отъ насъ, чуть приметно, промелькнула тѣнь проходившаго человѣка.

— Это... это вѣрно Оома Оомичъ! прошепталъ Обноскинъ, трепеща всѣмъ тѣломъ.—Я узнаю его по походкѣ. Боже мой! и еще шаги съ другой стороны! Слышите... Прощайте! благодарю васъ и... умоляю васъ...

Обноскинъ скрылся. Черезъ минуту предо мной очутился дядя, какъ будто выросъ изъ-подъ земли.

— Это ты? окрикнулъ онъ меня.—Все пропало, Сережа! все пропало!

Я замѣтилъ, что онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что пропало, дядюшка?

— Пойдемъ! сказалъ онъ, задыхаясь и, крѣпко схвативъ меня за руку, потащилъ за собою. Но всю дорогу, до флигеля, онъ не сказалъ ни слова, не давалъ и мнѣ говорить. Я ожидалъ чего нибудь сверхъестественнаго и почти не обманулся. Когда мы вошли въ комнату, съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвый. Я немедленно спрыснулъ его водою. «Вѣроятно, случилось что нибудь очень ужасное, думалъ я, когда съ такимъ человѣкомъ дѣлается обморокъ».

— Дядюшка, что съ вами? спросилъ я его, наконецъ.

— Все пропало, Сережа! Оома засталъ меня въ саду вмѣстѣ съ Настенькой въ ту самую минуту, когда я поцѣловалъ ее!

— Поцѣловали! въ саду! вскричалъ я, смотря въ изумленіи на дядю.

— Въ саду, братецъ. Богъ попуталъ! Пошелъ я, чтобъ непременно ее увидеть. Хотѣлъ ей высказать, урезонить ее, насчетъ тебя, то-есть. А она меня ужъ цѣлый часъ дождалась, тамъ, у сломанной скамейки, за прудомъ... Она туда часто приходитъ, когда надо поговорить со мной.

— Часто, дядюшка?

— Часто, братецъ! Последнее время почти каждую ночь сряду сходились. Только они насъ, вѣрно, и выслѣдили — ужъ знаю, что выслѣдили, и знаю, что тутъ Анна Нилевна все работала. Мы на время и прервали; дня четыре ужъ ничего не было; а вотъ сегодня опять понадобилось. Самъ ты видѣлъ, какая нужда была; безъ этого какъ же бы я ей сказалъ? Прихожу, въ надеждѣ застать, а она ужъ тамъ цѣлый часъ сидитъ, меня дожидается: тоже надо было кое-что сообщить...

— Боже мой, какая неосторожность! вѣдь вы знали, что за вами слѣдятъ?

— Да вѣдь критическій случай, Сережа; многое надо было взаимно сказать. Днемъ-то я и смотрѣлъ на нее не смѣю: она въ одинъ уголъ, а я въ другой нарочно смотрю, какъ будто и не замѣчаю, что она есть на свѣтѣ. А ночью сойдемся, да и наговоримся...

— Ну, что жъ, дядюшка?

— Не успѣлъ я двухъ словъ сказать, знаешь,—

сёрдце у меня заколотилось, изъ глазъ слезы выступили; сталъ я ее уговаривать, чтобъ за тебя вышла,—а она мнѣ: «вѣрно, вы меня не любите,—вѣрно, вы ничего не видите» и вдругъ какъ бросится мнѣ на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! «Я, говоритъ, одного васъ люблю и ни за кого не выйду. Я васъ ужъ давно люблю, только и за васъ не выйду, а завтра же уйду и въ монастырь пойду».

— Боже мой! неужели она такъ и сказала? Ну, что жъ дальше,—дальше, дядюшка?

— Смотрю, а передъ нами Оома! и откуда онъ взялся? Неужели за кустомъ сидѣлъ, да этого грѣха выжидалъ?

— Подлецъ!

— Я обмеръ, Настенька бѣжать, а Оома Оомичъ, молча, прошелъ мимо насъ, да пальцемъ мнѣ и погрозилъ,—понимаешь, Сергѣй, какой трезвонъ завтра будетъ?

— Ну, да ужъ какъ не понять!

— Понимаешь ли ты, вскричалъ онъ въ отчаяніи, вскакивая со стула: — понимаешь ли ты, что она хотятъ ее погубить, осрамить, обезчестить; ищутъ предлога, чтобъ безчестіе на нее всклепать и за это выгнать ее; а вотъ, теперь и нашелся предлогъ! Вѣдь они говорили, что она со мной гнусныя связи имѣетъ! вѣдь они, подлецы, говорили, что она съ Видоплясовымъ имѣетъ! Это все Анна Ниловна говорила. Что теперь будетъ? что завтра будетъ? Неужели расскажетъ Оома?

— Непремѣнно расскажетъ, дядюшка.

— А если расскажетъ, если только расскажетъ... проговорилъ онъ, закусывая губу и сжимая кулаки: — но, нѣтъ, не вѣрю! онъ не расскажетъ, онъ пойметъ... это чловѣкъ высочайшаго благородства! Онъ пощадитъ ее...

— Пощадитъ, иль не пощадитъ, отвѣчалъ я рѣшительно:—но, во всякомъ случаѣ, ваша обязанность завтра же сдѣлать предложеніе Настасьѣ Евграфовнѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня неподвижно.

— Понимаете ли вы, дядюшка, что обезчестите дѣвушку, если разнесется эта исторія? Понимаете ли вы, что вамъ надо предупредить бѣду какъ можно скорѣе; что вамъ надо смѣло и гордо предложить всѣмъ въ глаза, гласно сдѣлать предложеніе, плюнуть на ихъ резоны и стереть Оому въ порошокъ, если онъ заикнется противъ нея?

— Другъ мой! вскричалъ дядя: я объ этомъ думалъ, идя сюда!

— И какъ же рѣшили?

— Неизмѣнно! Я ужъ рѣшился, прежде чѣмъ началъ тебѣ рассказывать!

— Bravo, дядюшка!

•И я бросился обнимать его.

Долго мы говорили. Я выставилъ передъ нимъ всѣ резоны, всю неумолимую необходимость жениться на Настенькѣ, что, впрочемъ, онъ самъ понималъ еще лучше меня. Но краснорѣчіе мое было возбуждено. Я радовался за дядю. Долгъ подстре-

калъ его, иначе бы онъ никогда не поднялся. Передъ долгомъ же, передъ обязанностью онъ благоговѣлъ. Но, не смотря на то, я рѣшительно не понималъ, какъ устроятся это дѣло. Я зналъ и слѣпо вѣрилъ, что дядя ни за что не отступитъ отъ того, что разъ призналъ своею обязанностью; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобъ у него достало силы возстать противъ своихъ домашнихъ. И потому я старался какъ можно болѣе подстрекнуть и направить его, и работалъ со всею юношескою горячностью.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, говорилъ я,—что теперь уже все рѣшено и послѣднія сомнѣнія ваши исчезли! Случилось то, чего вы не ожидали, хотя въ сущности всѣ это видѣли и всѣ прежде васъ замѣтили: Настасья Евграфовна васъ любитъ! Неужели же вы попустите, кричалъ я, — чтобъ эта чистая любовь обратилась для нея въ стыдъ и позоръ?

— Никогда! Но, другъ мой, неужели жъ я буду, наконецъ, такъ счастливъ? вскричалъ дядя, бросаясь ко мнѣ на шею.—И какъ это она полюбила меня, и за что? за что? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего такого... Я старикъ передъ нею: вотъ ужъ не ожидалъ-то! ангель мой, ангель!.. Слушай, Сережа, давеча ты спрашивалъ, не влюбленъ ли я въ нее: имѣлъ ты какую нибудь идею?

— Я видѣлъ только, дядюшка, что вы ее любите такъ, какъ больше любить нельзя: любите и, между тѣмъ, сами про это не знаете. Помилуйте! выписываете меня, хотите женить меня на ней, единственно для того, чтобъ она вамъ стала племянницей и чтобъ имѣть ее всегда при себѣ...

— А ты... а ты прощаешь меня, Сергѣй?

— Э, дядюшка!..

И онъ снова обнялъ меня.

— Смотрите же, дядюшка, всѣ противъ васъ: надо возстать и пойти противъ всѣхъ, и не дайте, какъ завтра.

— Да... да, завтра! повторилъ онъ нѣсколько задумчиво:—и знаешь, примемся за дѣло съ мужествомъ, съ истиннымъ благородствомъ души, съ силой характера... именно съ силой характера!

— Не сробѣйте, дядюшка!

— Не сробѣю, Сережа! Одно: не знаю, какъ начать, какъ приступить!

— Не думайте объ этомъ, дядюшка. Завтрашній день все рѣшить. Успокойтесь сегодня. Чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. А если Оома заговоритъ — немедленно его выгнать изъ дому и стереть его въ порошокъ.

— А нельзя ли не выгонять? Я, братъ, такъ рѣшилъ: завтра же пойду къ нему рано, чѣмъ-свѣтъ, все расскажу, вотъ какъ съ тобой говорилъ: не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ меня, онъ благороденъ, онъ благороднѣйшій изъ людей! Но, вотъ,—что меня беспокоитъ: что, если маменька предувѣдомила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнемъ предложеніи? Вѣдь, это ужъ худо!

— Не беспокойтесь о Татьянѣ Ивановнѣ, дядюшка.

И я рассказалъ ему сцену въ бесѣдѣ съ Обноскинымъ. Дядя былъ въ чрезвычайномъ удивленіи. Я ни слова не упомянулъ о Мпзвичиковѣ.

— Фантазмагорическое лицо! истинно-фантазмагорическое лицо! вскричалъ онъ. — Бѣдная! Они подѣзжаютъ къ ней, хотятъ воспользоваться ея простотою! Неужели Обноскинъ? Да вѣдь онъ же уѣхалъ... Странно, ужасно странно! Я пораженъ, Сережа... Это завтра же надо изслѣдовать и принять мѣры... Но, увѣренъ ли ты совершенно, что это была Татьяна Ивановна.

Я отвѣчалъ, что хотя и не видалъ въ лицо, но по нѣкоторымъ причинамъ, совершенно увѣренъ, что это Татьяна Ивановна?

— Гм! Не интрижка ли съ кѣмъ нибудь изъ дворовыхъ, а тебѣ показалось, что Татьяна Ивановна? Не Даша ли, садовника дочь? пролазливая дѣвочка!

Замѣчена, потому и говорю, что замѣчена. Анна Ниловна выслѣдила..! Да нѣтъ же, однако! Вѣдь, онъ говорилъ, что жениться хочетъ. Странно! странно!

Наконецъ, мы разстались. Я обнялъ и благословилъ дядю. «Завтра, завтра», повторялъ онъ, «все рѣшится,—прежде, чѣмъ ты встанешь, рѣшится. Пойду къ Томѣ и поступлю съ нимъ по-рыпарски, открою ему все, какъ родному брату, всѣ изгибы сердца, всю внутренность. Прощай, Сережа. Ложись, ты усталъ; а я ужъ вѣрно во всю ночь глазъ не сомкну».

Онъ ушелъ. Я тотчасъ же легъ, усталый и измученный до нелзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и прежде чѣмъ заснуть, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но, какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ ко сну, все-таки странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО

И

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Погона.

Я спалъ крѣпко, безъ сновъ. Вдругъ я почувствовалъ, что на мои ноги налегла десяти-пудовая тяжесть. Я вскрикнулъ и проснулся. Былъ уже день; въ окна ярко заглядывало солнце. На кровати моей, или, лучше сказать, на моихъ ногахъ, сидѣлъ г. Бахчевъ.

Сомнѣваться было невозможно: это былъ онъ. Высвободивъ кое-какъ ноги, я приподнялся на постели и смотрѣлъ на него съ тупымъ недоумѣніемъ едва-проснушагося человѣка.

— Онъ еще и смотритъ! вскричалъ толстякъ.— Да ты что на меня уставился? Вставай, батюшка, вставай! полчаса бужу; продирай глаза-то!

— Да что случилось?—Который часъ?

— Часъ, батюшка, еще ранній, а Оевронья-то наша и свѣту не дождалась, улепетнула. Вставай, въ погоню ѣдемъ!

— Какая Оевронья?

— Да наша-то, блаженная-то! улепетнула! еще до свѣту улепетнула! Я къ вамъ, батюшка, на минутку, только васъ разбудить, да вотъ и возись съ тобой два часа! Вставайте, батюшка, васъ и дядюшка ждетъ. Дождались праздника! прибавилъ онъ съ какимъ-то злораднымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Да про кого и про что вы говорите? сказалъ я съ нетерпѣніемъ, начиная, впрочемъ, догадываться.—Ужь не Татьяна-ль Ивановна?

— А какъ же? она и есть! Я говорилъ, предупрекалъ—не хотѣли слушать! Вотъ она тебя и поздравила теперь съ праздникомъ! На амурѣ помѣшана, а амуръ-то у нея крѣпко въ головѣ засѣлъ! Тыфу! А тотъ-то, тотъ-то каковъ? съ бородѣйкой-то?

— Не-уже-ли съ Мизинчиковымъ?

— Тыфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то. отрезвись хоть для великаго Божьяго праздника! Знать, тебя еще за ужиномъ вчера укачало, коли теперь еще бродитъ! Съ какимъ Мизинчиковымъ? Съ Обноскинымъ, а не съ Ми-

зинчиковымъ. А Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ человѣкъ благоправный, и теперь съ нами же въ погоню собирается.

— Что вы говорите? вскричалъ я, даже привскакнувъ на постели: не-уже-ли съ Обноскинымъ?

— Тыфу ты, досадный человѣкъ! отвѣчалъ толстякъ, вскакивая съ мѣста:—я къ нему, какъ къ образованному человѣку, пришелъ оказію сообщить, а онъ еще сомнѣвается! Ну, батюшка, если хочешь съ нами, такъ вставай, напяливай свои штанишки, а мнѣ нечего съ тобой языкомъ стучать: и безъ того золотое время съ тобой потерялъ!

И онъ вышелъ въ чрезвычайномъ негодованіи.

Пораженный извѣстіемъ, я вскочилъ съ кровати, поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ. Думая отыскать дядю въ домѣ, гдѣ, казалось, всѣ еще спали и ничего не знали о происшедшемъ, я осторожно поднялся на парадное крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтилъ Настеньку. Одѣта она была наскоро, въ какомъ-то утреннемъ пеньюарѣ, и въ шлафроктѣ. Волосы ея были въ безпорядкѣ: видно было, что она только-что вскочила съ постели и какъ-будто поджидала кого-то въ сѣняхъ.

— Скажите, правда ли, что Татьяна Ивановна уѣхала съ Обноскинымъ? торопливо спросила она прерывавшимся голосомъ, блѣдная и испуганная.

— Говорятъ, что правда. Я ищу дядюшку; мы хотимъ въ погоню.

— О! привезите, привезите ее скорѣе! Она погибнетъ, если вы ее не воротите.

— Но гдѣ же дядюшка?

— Вѣрно тамъ, у конюшенъ; тамъ коляску закладываютъ. Я его здѣсь поджидала. Послушайте, скажите ему отъ меня, что я непременно хочу ѣхать сегодня же; я совсѣмъ рѣшилась. Отецъ возьметъ меня; я ѣду сейчасъ, если можно будетъ. Все погибло теперь! все потеряно!

Говоря это, она сама глядѣла на меня, какъ потерянная, и вдругъ залпла слезами. Съ ней, кажется, начиналась истерика.

— Успокойтесь! умолялъ я ее:—вѣдь это все къ лучшему—вы увѣдите... Что съ вами, Настасья Евграфовна?

*

— Я... я не знаю... что со мною, говорила она, задыхаясь и бессознательно сжимая мои руки.— Скажите ему...

Въ эту минуту за дверью направо раздался какой-то шумъ. Она бросила мою руку и, испуганная, недоговоривъ, убѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Я нашелъ всю компанію, то есть дядю, Бахчеву и Мизинчикову, на заднемъ дворѣ, у конюшенъ. Въ коляску Бахчевой впрягали свѣжихъ лошадей. Все было готово къ отъѣзду: ждали только меня.

— Вотъ и онъ, закричалъ дядя при моемъ появленіи. — Слышалъ, братъ? прибавилъ онъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Испугъ, растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто надежда выражались въ его взглядахъ, голосѣ и движеніяхъ. Онъ сознавалъ, что въ судьбѣ его совершился капитальный переворотъ.

Тотчасъ же посвятили меня во всѣ подробности. Г. Бахчевъ, проведя самую скверную ночь, на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ своего дома, чтобы поспѣть къ ранней обѣднѣ въ монастырь, находящійся верстахъ въ пяти отъ его деревни. На самомъ поворотѣ съ большой дороги въ обитель, онъ вдругъ увидѣлъ тарантасъ, мчавшійся во всю прыть, а въ тарантасѣ Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и какъ будто испуганная, вскрикнула и протянула къ г. Бахчеву руки, какъ бы умоляя его о защитѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его разсказа: «А тотъ-то, подлець, съ бородашкой-то, прибавлялъ онъ,—ни живъ, ни мертвъ сидитъ, спрятался; да только врешь, братъ, не спрячешься!» Долго не думая, Степанъ Алексѣевичъ поворотилъ опять на дорогу и прискакалъ въ Степанчиково, разбудилъ дядю, Мизинчикову, наконецъ и меня. Рѣшили тотчасъ же пуститься въ погоню.

— Обноскинъ-то, Обноскинъ-то... говорилъ дядя, пристально смотря на меня, какъ будто желая сказать мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то другое:—кто бы могъ ожидать!

— Отъ этого низкаго человѣка всегда можно было ожидать всякой пакости! вскричалъ Мизинчиковъ съ самымъ энергическимъ негодованіемъ и тотчасъ же отвернулся, избѣгая моего взгляда.

— Что жъ мы, ѣдемъ или нѣтъ? Али до ночи будемъ стоять, да сказки разсказывать? перервалъ г. Бахчевъ, влѣзая въ коляску.

— Ёдемъ, ёдемъ! подхватилъ дядя.

— Все къ лучшему, дядюшка, шепнулъ я ему.— Видите, какъ все это, теперь, отлично уладилось?

— Полно, братъ, не грѣши... Ахъ, другъ мой! они теперь просто выгоняютъ ее, въ наказанье, что не удалось—понимаешь? Ужасъ, сколько я предчувствую!

— Да что жъ, Егоръ Ильичъ, шептаться, аль ѣхать? вскричалъ въ другой разъ г. Бахчевъ.— Аль ужъ отложить лошадокъ, да закуску подать—какъ вы думаете: не выпить ли водочки?

Слова эти были произнесены съ такимъ ярост-

нымъ сарказмомъ, что не было никакой возможности не удовлетворить тотчасъ же г. Бахчева. Всѣ немедленно сѣли въ коляску и лошади поскакали.

Нѣкоторое время мы всѣ молчали. Дядя значительно посматривалъ на меня, но говорить со мной при всѣхъ не хотѣлъ. Онъ часто задумывался; потомъ, какъ будто пробуждаясь, вздрагивалъ и, въ волненіи, осматривался кругомъ. Мизинчиковъ былъ, повидимому, спокоенъ, курилъ сигару и смотрѣлъ съ достоинствомъ несправедливо обвиненнаго человѣка. За то Бахчевъ горячился за всѣхъ. Онъ ворчалъ себѣ подъ-носъ, глядѣлъ на всѣхъ и на все съ рѣшительнымъ негодованіемъ, краснѣлъ, пыхтѣлъ, непрерывно плевалъ на сторону и никакъ не могъ успокоиться.

— Увѣрены ли вы, Степанъ Алексѣичъ, что они поѣхали въ Мишино? спросилъ вдругъ дядя.— Это, братъ, двадцать верстъ отсюда, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: маленькая деревенька, въ тридцать душъ; недавно приобрѣтена отъ прежнихъ владѣльцевъ однимъ бывшимъ губернскимъ чиновникомъ. Сутяга, какихъ свѣтъ не производилъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорятъ; можетъ быть, и ошибочно. Степанъ Алексѣичъ увѣряетъ, что Обноскинъ именно туда ѣхалъ и что этотъ чиновникъ теперь ему помогаетъ.

— А то какъ же? вскричалъ Бахчевъ, встрепенувшись. — Ужъ я говорю, что въ Мишино. Только теперь его, въ Мишинѣ-то, можетъ, ужъ Митькой звали, Обноскина-то! Еще бы три часа на дворѣ по-пусту прокалякали!

— Не безпокойтесь, замѣтилъ Мизинчиковъ:— застанемъ.

— Да, застанемъ! Небось, онъ тебя дожидаться будетъ. Шкатулка-то въ рукахъ; былъ—да сплылъ!

— Успокойся, Степанъ Алексѣичъ, успокойся, догонимъ, сказалъ дядя. — Они еще ничего не успѣли сдѣлать—увидишь, что такъ.

— Не успѣли сдѣлать! злобно переговорилъ г. Бахчевъ.— Чего она не успѣетъ надѣлать, даромъ что тихонькая! «Тихонькая, говорятъ, тихонькая»! прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, какъ будто кого-то передразнивая. — «Испытала несчастья. Вотъ она намъ теперь пятки и показала, несчастная-то! Вотъ и гоняйся за ней по большимъ дорогамъ, высуня языкъ, ни свѣтъ, ни заря! Помолиться человѣку не дадутъ для Божьяго праздника. Тьфу!

— Да вѣдь она, однакожъ, не малолѣтняя, замѣтилъ я: — подъ опекой не состоитъ. Воротить ее нельзя, если сама не захочетъ. Какъ же мы будемъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ дядя: — но она захочетъ—увѣряю тебя. Это она теперь только такъ... Только увидитъ насъ, тотчасъ воротится — отвѣчаю. Нельзя же, братъ, оставить ее такъ, на произволъ судьбы, въ жертву; это, такъ сказать, долгъ...

— Подъ опекой не состоитъ! вскрикнулъ Бахчевъ, немедленно на меня накидываясь. — Дура

она, батюшка, набитая дура,—а не то, что подъ опекой не состоятъ. Я тебѣ о ней и говорить не хотѣлъ вчера, а намереніи ошибкой зашелъ въ ея комнату, смотрю, а она одна передъ зеркаломъ руки въ боки, экоссеэзъ выплясываетъ! Да вѣдь какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ! Плюнулъ, да и отошелъ. Тогда же все предузналъ, какъ по писанному!

— Къ чему жъ такъ обвинять? замѣтилъ я съ нѣкоторою робостью. — Извѣстно, что Татьяна Ивановна... не въ полномъ своемъ здоровьѣ... или, лучше сказать, у ней такая манія... Мнѣ кажется, виновать одинъ Обноскинъ, а не она.

— Не въ полномъ своемъ здоровьѣ! ну вотъ подите вы съ нимъ! подхватилъ толстякъ, весь побагровѣвъ отъ злости. — Вѣдь поклялся же бѣситься человѣка! Со вчерашняго дня клятву такую далъ! Дура она, отецъ мой, повторяю тебѣ, капитальная дура, а не то, что не въ полномъ своемъ здоровьѣ; съ-измалѣтства на купидонѣ помѣшана! Вотъ и довелъ ее теперь купидонъ до послѣдней точки. А про того, съ бородачковой-то, и поминать нечего! Небось, задуетъ теперь по всѣмъ по тремъ, съ денежками, динь-динь-динь, да посмѣивается.

— Такъ не-уже-ли же вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что онъ тотчасъ и броситъ ее?

— А то какъ же? Небось, таскать съ собой станетъ такое сокровище? Да на что она ему? оберетъ ее, да и посадитъ гдѣ нибудь подъ кустъ, на дорогѣ — и былъ таковъ, а она и сиди себѣ подъ кустомъ да нюхай цвѣточки!

— Ну, ужъ это ты увлекся, Степанъ, не такъ это будетъ! вскричалъ дядя. — Впрочемъ, чего жъ ты такъ сердился? Дивлюсь я на тебя, Степанъ, тебѣ-то чего?

— Да вѣдь я человѣкъ, али нѣтъ? Вѣдь зло беретъ; вчужѣ беретъ. Вѣдь я, можетъ, ее же любя говорю.... Эхъ, прокисай все на свѣтъ! Ну зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? ну зачѣмъ я сворачивалъ? мнѣ-то какое дѣло? мнѣ-то какое дѣло?

Такъ сѣтовалъ г. Бахчевъ; но я уже не слушалъ его и задумался о той, которую мы теперь догоняли—о Татьянѣ Ивановнѣ. Вотъ краткая ея біографія, собранная мною, въ послѣдствіи, по самымъ вѣрнѣйшимъ источникамъ, и которая необходима для поясненія ея приключеній. Бѣдный ребенокъ-сиротка, выросшій въ чужомъ, негостепріимномъ домѣ, потомъ бѣдная дѣвушка, потомъ бѣдная дѣва и, наконецъ, бѣдная перерзѣлая дѣва, Татьяна Ивановна, во всю свою бѣдную жизнь, испила полную до краевъ чашу горя, сиротства, униженій, попрекозъ и вполне извѣдала всю горечь чужаго хлѣба. Отъ природы характера веселаго, воспріимчиваго въ высшей степени и легкомысленнаго, она вначалѣ кое-какъ еще переносила свою горькую участь и даже могла подчасъ и смѣяться самымъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ; но съ годами судьба взяла, наконецъ, свое. Мало-по-малу, Татьяна Ивановна стала желтѣть и

худѣть, сдѣлалась раздражительна, болѣзненно-воспріимчива и впала въ самую неограниченную, безпредѣльную мечтательность, часто прерываемую истерическими слезами, судорожными рыданіями. Чѣмъ менѣе благъ земныхъ оставляла ей на долю дѣйствительность, тѣмъ болѣе она обольщала и утѣшала себя воображеніемъ. Чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ безвозвратнѣе гибли и, наконецъ, погибли совсѣмъ послѣднія существенныя надежды ея, тѣмъ упоительнѣе становились ея мечты, никогда-неосуществимыя. Богатства неслыханныя, красота неувядаемая, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральскія дѣти, сохранившія для нея свои сердца въ дѣвственной чистотѣ и умиряющія у ногъ ея отъ безпредѣльной любви и, наконецъ, онъ — онъ, идеалъ красоты, совмѣщавшій въ себѣ всевозможныя совершенства, страстный и любящій, художникъ, поэтъ, генеральскій сынъ — все вмѣстѣ, или поочередно, все это начинало ей представляться не только во снѣ, но даже почти и на яву. Разсудокъ ея уже начиналъ слабѣть и не выдерживать пріемовъ этого опіума таинственныхъ, непрерывныхъ мечтаній... И вдругъ судьба подшутила надъ ней окончательно. Въ самой послѣдней степеніи униженія, среди самой грустной, подавляющей сердце дѣйствительности, въ компаньонкахъ у одной старой, беззубой и брюзгливѣйшей барыни въ мірѣ, виноватая во всемъ, упрекаемая за каждый кусокъ хлѣба, за каждую тряпку изношенную, обиженная первымъ желающимъ, незащищенная никѣмъ, измученная горемычнымъ житьемъ своимъ и, про себя, утопающая въ нѣгѣ самыхъ безумныхъ и распаленныхъ фантазій,—она вдругъ получила извѣстіе о смерти одного своего дальняго родственника, у котораго, давно уже (о чемъ она, по легкомыслію своему, никогда несправлялась) перемерли всѣ его близкіе родные, человѣка страннаго, жившаго затворникомъ, гдѣ-то за три-девять земель, въ захолустыи, одиноко, угрюмо, неслышно, и занимавшагося черепословіемъ и ростовщичествомъ. И вотъ, огромное богатство вдругъ, какъ бы чудомъ, упало съ неба и разсыпалось золотой россыпью у ногъ Татьяны Ивановны: она оказалась единственной законной наслѣдницей умершаго родственника. Сто тысячъ рублей серебромъ досталось ей разомъ. Эта насмѣшка судьбы докавала ее совершенно. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, и безъ того уже ослабѣвшему разсудку не повѣрить мечтамъ, когда онъ въ самомъ дѣлѣ начинали сбываться? И вотъ бѣдняжка окончательно распростилась съ оставшеюся у ней послѣдней капелькой здраваго смысла. Замирая отъ счастья, она безвозвратно унеслась въ свой очаровательный міръ невозможныхъ фантазій и соблазнительныхъ призраковъ. Прочь всѣ соображенія, всѣ сомнѣнія, всѣ преграды дѣйствительности, всѣ неизбежныя и ясныя, какъ дважды два, законы ея! Тридцать пять лѣтъ и мечта объ ослѣпляющей красотѣ, осенній грустный холодъ и вся роскошь безконечнаго блаженства любви,

даже не споря между собою, ужились въ ея существъ. Мечты уже осуществились разъ въ жизни: отчего же и всему не сбыться? отчего же и *ему* не явиться? Татьяна Ивановна не разсуждала, а вѣрила. Но въ ожиданіи *ею*, идеала — женихи и кавалеры разныхъ орденовъ и простые кавалеры, военные и статскіе, армейскіе и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшіе въ Парижѣ и бывшіе только въ Москвѣ, съ бородками и безъ бородокъ, съ эспаньолками и безъ эспаньолокъ, испанцы и не-испанцы (но преимущественно испанцы), начали представляться ей день и ночь, въ количествѣ ужащающаго и возбуждающаго въ наблюдателяхъ серьезныя опасенія; оставался только шагъ до желтаго дома. Блестящую, упоенною любовью вереницей, толпились около нея всѣ эти прекрасные призраки. На яву, въ настоящей жизни, дѣло шло тѣмъ же самымъ фантастическимъ порядкомъ: на кого она ни взглянетъ—тотъ и влюбился; кто бы ни прошелъ мимо — тотъ и испанецъ; кто умеръ—непремѣнно отъ любви къ ней. Все это, какъ нарочно, подтверждалось въ ея глазахъ еще и тѣмъ, что за ней, въ самомъ дѣлѣ, начали бѣгать такіе, напримѣръ, люди, какъ Обноскинъ, Мизинчиковъ и десятки другихъ, съ тѣми же цѣлями. Ей вдругъ стали всѣ угождать, стали баловать ее, стали ей льстить. Бѣдная Татьяна Ивановна и подозрѣвать не хотѣла, что все это пзъ-за денегъ. Она совершенно была увѣрена, что, по чьему-то мановенію, всѣ люди вдругъ исправились и стали, всѣ до одного, всецѣлые, милые, ласковые, добрые. *Онъ* не являлся еще на лицо; но хотя и сомнѣнія не было въ томъ, что *онъ* явится, теперешняя жизнь и безъ того была такъ недурна, такъ заманчива, такъ полна всякихъ развлеченій и угощеній, что можно было и подождать. Татьяна Ивановна кушала конфеты, срывала цвѣты удовольствія, читала романы. Романы еще болѣе распаляли ея воображеніе и бросались обыкновенно на второй страницѣ. Она не выносила далѣе чтенія, увлекаемая въ мечты самыми первыми строчками, самымъ ничтожнымъ намекомъ на любовь, иногда просто описаніемъ мѣстности, комнаты, туалета. Безпрерывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, наколки, ленты, обрашки, выкройки, узоры, конфеты, цвѣты, собачонки. Три дѣвушки въ дѣвичьей проводили цѣлые дни за шитьемъ, а барышня съ утра до ночи, и даже ночью, примѣрала свои лифы, оборки и вертѣлась передъ зеркаломъ. Она даже какъ-то помолодѣла и похорошѣла послѣ наслѣдства. До сихъ поръ, незнаю какимъ образомъ, она приходилась сродни покойному генералу Крахоткину. Я всегда былъ увѣренъ, что это родство—выдумка генеральши, желавшей овладѣть Татьяной Ивановной и, во что бы ни стало, женить дядю на ея деньгахъ. Г. Бахчеевъ былъ правъ, говоря о купидонѣ, доведшемъ Татьяну Ивановну до послѣдней точки; а мысль дяди, послѣ извѣстія о ея побѣгѣ съ Обноскинымъ, бѣжать за ней и

воротить ее, хоть насильно, была самая рациональная. Бѣдняжка неспособна была жить безъ опеки и тотчасъ же погибла бы, еслибъ попалась къ недобрымъ людямъ.

Былъ часъ десятый, когда мы пріѣхали въ Мишину. Это была бѣдная, маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стоявшая въ какой-то ямѣ. Шестъ или семь крестьянскихъ избъ, закоптѣлыхъ, покривившихся на бокъ и едва прикрытыхъ почернѣвшею соломой, какъ-то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракета свѣсилась и дремала надъ зеленоватою лужей, называвшейся прудомъ. Такое новоселье, вѣроятно, не могло произвестъ отраднаго впечатлѣнія на Татьяну Ивановну. Барская усадьба состояла изъ новаго, длиннаго и узкаго сруба, съ шестью окнами въ рядъ и крытаго, на скорую руку, соломой. Чиновникъ-помѣщикъ только что начиналъ хозяйничать. Даже дворъ еще не былъ огороженъ заборомъ, и только съ одной стороны начинался новый плетень, съ котораго еще не успѣли осыпаться высохшіе, ореховые листья. У плетня стоялъ тарантасъ Обноскина. Мы упали на виноватыхъ, какъ снѣгъ на голову. Изъ раскрытаго окна слышались крики и плачь.

Встрѣтившійся намъ въ сѣняхъ босоногій мальчикъ ударился отъ насъ бѣжать, сломя голову. Въ первой же комнатѣ, на ситцевомъ, длинномъ «турецкомъ» диванѣ, безъ спинки, возсѣдала заплаканная Татьяна Ивановна. Увидѣвъ насъ, она взвизгнула и закрылась ручками. Возлѣ нея стоялъ Обноскинъ, испуганный и сконфуженный до жалости. Онъ до того потерялся, что бросился пожимать намъ руки, какъ будто обрадовавшись нашему пріѣзду. Изъ-за пріотворенной въ другую комнату двери выглядывало чье-то дамское платье: кто-то подслушивалъ и подглядывалъ въ незамѣтную для насъ щелочку. Хозяева не являлись: казалось, ихъ и въ домѣ не было: всѣ куда-то попрятались.

— Вонъ она, путешественница! еще и ручками закрывается! вскричалъ г. Бахчеевъ, вваливаясь за нами въ комнату.

— Остановите вашъ восторгъ, Степанъ Алексѣичъ! Это, наконецъ, неприлично. Имѣетъ право теперь говорить одинъ только Егоръ Ильичъ, а мы здѣсь совершенно посторонніе, рѣзко замѣтилъ Мизинчиковъ.

Дядя, бросивъ строгій взглядъ на г. Бахчеева, и какъ будто совсѣмъ не замѣчая Обноскина, бросившагося къ нему съ рукопожатіями, подошелъ къ Татьянѣ Ивановнѣ, все еще закрывавшейся ручками, и самымъ мягкимъ голосомъ, съ самымъ непритворнымъ участіемъ сказалъ ей:

— Татьяна Ивановна! мы всѣ такъ любимъ и уважаемъ васъ, что сами пріѣхали узнать о вашихъ намѣреніяхъ. Угодно вамъ будетъ ѣхать съ нами въ Степанчиково? Илюша именинникъ. Маленька васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а Сашурка

съ Настей ужъ вѣрно проплакали о васъ цѣлое утро...

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрѣла на него сквозь пальцы и вдругъ, залившись слезами, бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, увезите, увезите меня отсюда скорѣе! говорила она рыдая: — скорѣе, какъ можно скорѣе!

— Разскалась, да и сбрендил! прошипѣлъ Бахчевъ, подталкивая меня рукою.

— Значитъ, все кончено, сказалъ дядя, сухо обращаясь къ Обноскину и почти не глядя на него. — Татьяна Ивановна, пожалуйста вашу руку. Ѣдемъ!

За дверьми послышался шорохъ; дверь скрипнула и пріотворилась еще болѣе.

— Однакожь, если судить съ другой точки зрѣнія, замѣтилъ Обноскинъ съ безпокойствомъ, поглядывая на пріотворенную дверь: — то посудите сами, Егоръ Ильичъ... вашъ поступокъ въ моемъ домѣ... и, наконецъ, я вамъ кланяюсь, а вы даже не хотѣли мнѣ и поклониться, Егоръ Ильичъ...

— Вашъ поступокъ въ моемъ домѣ, сударь, былъ скверный поступокъ, отвѣчалъ дядя, строго взглянувъ на Обноскина: — а это и домъ-то не вашъ. Вы слышали: Татьяна Ивановна не хочетъ оставаться здѣсь ни минуты. Чего же вамъ болѣе? Ни слова — слышите, ни слова больше, прошу васъ! Я чрезвычайно желаю избѣжать дальнѣйшихъ объясненій, да и вамъ это будетъ выгодно.

Но тутъ Обноскинъ до того упалъ духомъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни.

— Не презирайте меня, Егоръ Ильичъ: — началъ онъ полушопотомъ, чуть не плача отъ стыда и поминутно оглядываясь на дверь, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ тамъ не услышали: — это все не я, а маменька. Я не изъ интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ; я только такъ это сдѣлалъ; я, конечно, и для интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ... но я съ благородною цѣлью это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ: я бы употребилъ съ пользою капиталъ-съ... я бы помогалъ бѣднымъ. Я хотѣлъ тоже способствовать движенію современнаго просвѣщенія и мечталъ даже учредить стипендію въ университетѣ... Вотъ, какой оборотъ я хотѣлъ дать моему богатству, Егоръ Ильичъ; а не то, чтобъ что-нибудь, Егоръ Ильичъ...

Всѣмъ намъ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно совѣстно. Даже Мизинчиковъ покраснѣлъ и отвернулся, а дядя такъ сконфузился, что ужъ не зналъ, что и сказать.

— Ну, ну, полно, полно! проговорилъ онъ наконецъ. — Успокойся, Павелъ Семенычъ. Чтожь дѣлать! Со всякимъ случается... Если хочешь, пріѣзжай, братъ, обѣдать... а я радъ, радъ...

Но не такъ поступилъ г. Бахчевъ.

— Стипендію учредить! заревѣлъ онъ съ яростью: — таковскій, чтобъ учредил! Небось, самъ радъ сорвать со всякаго встрѣчнаго... Штанишекъ нѣтъ, а туда же, въ стипендію какую-то лѣзетъ! Ахъ ты лоскутникъ, лоскутникъ! Вотъ тебѣ и покорилъ

нѣжное сердце! А гдѣ-жь она, родительница-то? али спряталась? Не я буду, если не сидитъ гдѣ нибудь тамъ, за ширмами,—али подъ кровать, со страха, залѣзла...

— Степанъ, Степанъ!... закричалъ дядя.

Обноскинъ вспыхнулъ и готовился было протестовать; но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дверь отворилась, и сама Анфиса Петровна, раздраженная, съ сверкавшими глазами, покраснѣвшая отъ злости, влетѣла въ комнату.

— Это что? закричала она: — что это здѣсь происходитъ? Вы, Егоръ Ильичъ, врываетесь въ благородный домъ съ своей ватагой, пугаете дамъ, распоряжаетесь!... Да на что это похоже? Я еще не выжила изъ ума, слава Богу, Егоръ Ильичъ! А ты, пентюхъ! продолжала она вопить, набрасываясь на сына: — ты ужъ и нюни распустилъ передъ ними! Твоей матери дѣлаютъ оскорбленіе въ ея же домѣ, а ты ротъ разинулъ! Какой ты порядочный молодой человѣкъ, послѣ этого? Ты тряпка, а не молодой человѣкъ послѣ этого!

Ни вчерашняго нѣжничанья, ни модничанья, ни даже лорнетки — ничего этого не было теперь у Анфисы Петровны. Это была настоящая фурія, фурія безъ маски.

Дядя, едва только увидѣлъ ее, поспѣшилъ схватить подъ руку Татьяну Ивановну и бросился было изъ комнаты; но Анфиса Петровна тотчасъ же перегородила ему дорогу.

— Вы такъ не выйдете, Егоръ Ильичъ! затрещала она снова. По какому праву вы уводите силой Татьяну Ивановну? Вамъ досадно, что она избѣжала вашихъ гнусныхъ сѣтей, которыми вы опутали ее вмѣстѣ съ вашей маменькой и съ дуракомъ Ѳомою Ѳомичомъ! Вамъ хотѣлось бы самому жениться изъ гнуснаго интереса. Извините-съ, здѣсь благороднѣе думаютъ! Татьяна Ивановна, вида, что противъ нея у васъ замышляютъ, что ее губятъ, сама ввѣрилась Павлушѣ. Она сама просила его, такъ сказать, спасти ее отъ вашихъ сѣтей; она принуждена была бѣжать отъ васъ ночью — вотъ какъ-съ! вотъ вы до чего ее довели! Такъ ли, Татьяна Ивановна? А если такъ, то какъ смѣете вы врваться, цѣлой шайкой, въ благородный дворянскій домъ и силою увозить благородную дѣвицу, не смотря на ея крики и слезы? Я не позволю! не позволю! Я не сошла съ ума!... Татьяна Ивановна останется, потому что такъ хочетъ! Пойдемте, Татьяна Ивановна, нечего ихъ слушать: это враги ваши, а не друзья! Не робѣйте, пойдемте! Я ихъ тотчасъ же выпровожу!...

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала испуганная Татьяна Ивановна: — я не хочу, не хочу! Какой онъ мужъ? Я не хочу выходить замужъ за вашего сына! Какой онъ мнѣ мужъ?

— Не хотите? взвизгнула Анфиса Петровна, задыхаясь отъ злости: — не хотите? Пріѣхали, да и не хотите? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обманывать насъ? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли общагъ ему, бѣжали съ нимъ ночью, сами

навязывались, ввели насъ въ недоумѣніе, въ расходы? Мой сынъ, можетъ быть, благородную партію потерялъ изъ-за васъ! Онъ, можетъ быть, десятки тысячъ приданого потерялъ изъ-за васъ!... Нѣтъ-съ! вы заплатите, вы должны теперь заплатить; мы доказательства имѣемъ: вы ночью бѣжали...

Но мы не дослушали этой тирады. Всѣ разомъ, сгруппировавшись около дяди, мы двинулись впередъ, прямо на Анфису Петровну, и вышли на крыльцо. Тотчасъ же подали коляску.

— Такъ дѣлаютъ одни только безчестные люди, одни подлецы! кричала Анфиса Петровна съ крыльца, въ совершенномъ изступленіи. Я бумагу подамъ! вы заплатите... вы ѣдете въ безчестный домъ, Татьяна Ивановна! вы не можете выйти замужъ за Егора Ильича; онъ, подъ-носомъ у васъ, держитъ свою гувернантку на содержаніи!...

Дядя задрожалъ, поблѣднѣлъ, закусилъ губу и бросился усаживать Татьяну Ивановну. Я зашелъ съ другой стороны коляски и ждалъ своей очереди садиться, какъ вдругъ очутился подлѣ меня Обноскинъ и схватилъ меня за руку.

— По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ искать вашей дружбы! сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку и съ какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ это, дружбы? сказалъ я, заноса ногу на подножку коляски.

— Такъ-съ! Я еще вчера отличилъ въ васъ образованнѣйшаго человѣка. Не судите меня... Меня собственно обольстила маменька, а я тутъ совсѣмъ въ сторонѣ. Я болѣе имѣю наклонности къ литературѣ — увѣряю васъ; а это все маменька...

— Вѣрю, вѣрю, сказалъ я: — прощайте!

Мы уѣхали, и лошади поскакали. Крики и проклятія Анфисы Петровны еще долго звучали намъ въ слѣдъ; а изъ всѣхъ оконъ дома вдругъ выгнулись чьи-то неизвѣстныя лица и смотрѣли на насъ съ дикимъ любопытствомъ.

Въ коляскѣ помѣщалось теперь насъ пятеро; но Мизинчиковъ пересѣлъ на-кѹзла, уступивъ свое прежнее мѣсто г. Бахчееву, которому пришлось теперь сидѣть прямо противъ Татьяны Ивановны. Татьяна Ивановна была очень довольна, что мы ее увезли, но все еще плакала. Дядя, какъ могъ, утѣшалъ ее. Самъ же онъ былъ грустенъ и задумчивъ: видно было, что бѣшенныя слова Анфисы Петровны о Настенькѣ тяжело и больно отозвались въ его сердцѣ. Впрочемъ, обратный путь нашъ кончился бы безъ всякой тревоги, еслибъ только не было съ нами г. Бахчеева.

Усѣвшись напротивъ Татьяны Ивановны, онъ сталъ точно самъ не свой; онъ не могъ смотрѣть равнодушно; ворочался на своемъ мѣстѣ, краснѣлъ, какъ ракъ и страшно вращалъ глазами; особенно, когда дядя начиналъ утѣшать Татьяну Ивановну, толстякъ рѣшительно выходилъ изъ себя и ворчалъ, какъ бульдогъ, котораго дразнить. Дядя съ опасеніемъ на него поглядывалъ. Наконецъ Татьяна

Ивановна, замѣтивъ необыкновенное состояніе души своего виз-а-ви, стала пристально въ него всматриваться; потомъ посмотрѣла на насъ, улыбнулась и вдругъ, схвативъ свою омбрельку, граціозно ударила ею слегка г. Бахчеева по плечу.

— Безумецъ! проговорила она съ самой очаровательной игривостью и тотчасъ же закрылась вѣтромъ.

Эта выходка была каплей, переполнившей сосудъ.

— Что-о-о? заревѣлъ толстякъ: — что такое, мадамъ? Такъ ты ужъ и до меня добираешься!

— Безумецъ! безумецъ! повторяла Татьяна Ивановна, и вдругъ захохотала и захлопала въ ладоши.

— Стой! закричалъ Бахчеевъ кучеру: — стой! Остановились. Бахчеевъ отворилъ дверцу и поспѣшно началъ вылѣзать изъ коляски.

— Да что съ тобой, Степанъ Алексѣичъ? куда ты? вскричалъ изумленный дядя.

— Нѣтъ, ужъ довольно съ меня! отвѣчалъ толстякъ, дрожа отъ негодованія: — прокисай все на свѣтѣ! Устарѣлъ я, мадамъ, чтобъ ко мнѣ съ амурами подлѣзжать. Я, матушка, лучше ужъ на большой дорогѣ помру! Прощай, мадамъ, команъ-ву-порте-ву!

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, пошелъ пѣшкомъ. Коляска поѣхала за нимъ шагомъ.

— Степанъ Алексѣевичъ! кричалъ дядя, выходя, наконецъ, изъ терпѣнія: — не дурачься, полно, садись! вѣдь домой пора!

— И-ну васъ! проговорилъ Степанъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ ходьбы, потому что, по толстотѣ своей, совсѣмъ разучился ходить.

— Пошелъ во весь опоръ! закричалъ Мизинчиковъ кучеру.

— Что ты, что ты, постой!... вскричалъ было дядя, но коляска уже помчалась. Мизинчиковъ не ошибся: немедленно получились желаемые плоды.

— Стой! стой! раздался позади насъ отчаянный вопль, — стой, разбойникъ! стой, душегубецъ ты эдакой!...

Толстякъ, наконецъ, явился, усталый, полузадохшійся, съ каплями пота на лбу, развязавъ галстухъ и снявъ картузь. Молча и мрачно влѣзъ онъ въ коляску, и въ этотъ разъ я уступилъ ему свое мѣсто; по крайней мѣрѣ, онъ не сидѣлъ напротивъ Татьяны Ивановны, которая въ продолженіе всей этой сцены покатывалась со смѣху, била въ ладоши и во весь остальной путь не могла смотрѣть равнодушно на Степана Алексѣевича. Онъ же, съ своей стороны, до самаго дома, не промолвилъ ни единого слова и упорно смотрѣлъ, какъ вертѣлось заднее колесо коляски.

Былъ уже полдень, когда мы воротились въ Степанчиково. Я прямо пошелъ въ свой флигель, куда тотчасъ же явился Гаврила съ чаемъ. Я бросился было спрашивать старика, но, почти вслѣдъ за нимъ, вошелъ дядя и тотчасъ же выславъ его.

II.

Новости.

— Я, братъ, къ тебѣ на минутку, началъ онъ торопливо:—спѣшилъ сообщить... Я уже все раз-
зналъ. Никто изъ нихъ сегодня даже у обѣдн
не былъ, кромѣ Илюши, Саши, да Настеньки. Ма-
менька, говорятъ, была въ судорогахъ. Оттирали;
на-силу оттерли. Теперь положено собираться къ
Оомѣ и меня зовутъ. Не знаю только, поздрав-
лять или нѣтъ Оому съ именинами-то, — важный
пунктъ! И, наконецъ, какъ-то они примутъ весь
этотъ пассажъ? Ужасъ, Серѣжа, я ужъ предчув-
ствую...

— Напротивъ, дядюшка,—заспѣшилъ я, въ свою
очередь: — все превосходно устроивается. Вѣдь
ужъ теперь вамъ никакъ нельзя жениться на Та-
тьянѣ Ивановнѣ,—это одно чего стоитъ! Я вамъ
еще дорогою это хотѣлъ объяснить.

— Такъ, такъ, другъ мой. Но все это не то;
во всемъ этомъ, конечно, перстъ Божій, какъ ты
говоришь; но я не про то... Бѣдная Татьяна Ива-
новна! какіе, однакожъ, съ ней пассажи случаются!...
Подлецъ, подлецъ Обноскинъ! А впрочемъ, что
жъ я говорю: «подлецъ»? я развѣ не тоже бы са-
мое сдѣлалъ, женись на ней?... Но, впрочемъ, я
все не про то... Слышалъ ты, что кричала давеча
эта негодяйка, Анфиса, про Настю?

— Слычалъ, дядюшка. Догадались ли вы те-
перь, что надо спѣшить?

— Непремѣнно, и во что бы ни стало! отвѣчалъ
дядя. — Торжественная минута наступила. Только
мы, братъ, объ одномъ вчера съ тобой не подумали,
а я послѣ всю ночь продумалъ: пойдешь ли
она-то за меня,—вотъ что?

— Помпосердуйте, дядюшка! Когда сама ска-
зала, что любить...

— Другъ ты мой, да вѣдь тутъ же прибавила,
что «ни за что не выйду за васъ».

— Эхъ, дядюшка! это такъ только говорится;
къ-тому же, и обстоятельства сегодня не тѣ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ, Сергѣй, это дѣло
деликатное, ужасно-деликатное! Гм!... А знаешь,
хоть я тосковалъ я, а какъ-то всю ночь сердце
сосало отъ какого-то счастья!... Ну, прощай, лечу.
Ждутъ; я ужъ и такъ опоздалъ. Только такъ за-
бѣжалъ, слово съ тобой перебросить. Ахъ, Боже
мой! вскричалъ онъ, возвращаясь: — главное-то я
и забылъ! Знаешь, что: вѣдь я ему писалъ, Оомѣ-то!

— Когда?

— Ночью; а утромъ, чѣмъ-свѣтъ, и письмо ото-
слалъ съ Видоплясовымъ. Я, братецъ, все изобра-
зилъ, на двухъ листахъ, все рассказалъ, правдиво
и откровенно — словомъ, что я долженъ, то-есть,
непремѣнно долженъ—понимаешь? сдѣлать пред-
ложеніе Настенькѣ. Я умолялъ его не разглашать
о свиданіи въ саду и обращался ко всему благо-
родству его души, чтобъ помочь мнѣ у маменьки.
Я, братъ, конечно, худо написалъ, но я написалъ

отъ всего моего сердца и, такъ-сказать, облилъ
моими слезами...

— И что жъ? Никакого отвѣта?

— Покамѣстъ еще нѣтъ; только давеча, когда
мы собирались въ погоню, встрѣтилъ его въ сѣ-
няхъ, по почному, въ туфляхъ и въ колпакѣ—онъ
спитъ въ колпакѣ,—куда-нибудь выходилъ. Ни сло-
ва не сказалъ, даже не взглянулъ. Я заглянулъ
ему въ лицо, эдакъ снизу—ничего!

— Дядюшка, не надѣйтесь на него: нагадить
онъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не говори! вскричалъ
дядя, махая руками:—я увѣренъ. Къ-тому же, вѣдь,
это ужъ послѣдняя-надежда моя. Онъ пойметъ; онъ
оцѣнитъ. Онъ брюзгливъ, капризенъ — не спорю;
но когда дѣло дойдетъ до высшаго благородства,
тутъ-то онъ и засяетъ, какъ перлъ... именно,
какъ перлъ. Это ты все оттого, Сергѣй, что ты
еще не видалъ его въ самомъ высшемъ благород-
ствѣ... Но, Боже мой! если онъ въ-самомъ-дѣлѣ
разгласитъ вчерашнюю тайну, то... я ужъ и не знаю,
что тогда будетъ, Сергѣй! Чему же останется и
вѣрить на свѣтѣ? Но нѣтъ, онъ не можетъ быть
такимъ подлецомъ. Я подметки его не стою! Не
качай головой, братецъ: это правда—не стою!

«Егоръ Ильичъ! маменька объ васъ беспокоится-
сь», раздался снизу непріятный голосъ дѣвочки
Перепелицыной, которая, вѣроятно, успѣла подслу-
шать въ открытое окно весь нашъ разговоръ. «Васъ
по всему дому ищутъ-сь и не могутъ найти-сь».

— Боже мой, опоздалъ! Бѣда! всполошился дя-
дя. — Другъ мой, ради Христа, одѣвайся и приходи
туда! Я вѣдь за этимъ и забѣжалъ къ тебѣ, чтобъ
вмѣстѣ пойти... Бѣгу, бѣгу, Анна Ивановна, бѣгу!

Оставшись одинъ, я вспомнилъ о моей встрѣчѣ
давеча съ Настенькой и былъ радъ, что не раз-
сказалъ о ней дядѣ: я бы разстроилъ его еще бо-
лѣе. Предвидѣлъ я большую грозу и не могъ по-
нять, какимъ образомъ дядя устроитъ свои дѣла
и сдѣлаетъ предложеніе Настенькѣ. Повторяю:
несмотря на всю вѣру въ его благородство, я по-
неволѣ сомнѣвался въ успѣхѣ.

Однакожъ, надо было спѣшить. Я считалъ себя
обязаннымъ помогать ему и тотчасъ же началъ
одѣваться; но, какъ въ спѣшилъ, желая одѣться
получше, замѣшкался. Взошелъ Мизинчиковъ.

— Я за вами, сказалъ онъ: — Егоръ Ильичъ
васъ проситъ немедленно.

— Идемъ!

Я былъ уже совсѣмъ готовъ. Мы пошли.

— Что тамъ новаго? спросилъ я дорогою.

— Всѣ у Оомы, въ сборѣ, отвѣчалъ Мизинчи-
ковъ.—Оома не капризничаетъ, что-то задумчивъ
и мало говоритъ, сквозь зубы цѣдитъ. Даже по-
цѣловалъ Илюшу, что, разумѣется, привело въ
восторгъ Егора Ильича. Еще давеча черезъ Пе-
репелицыну объявилъ, чтобъ не поздравляли его
съ именинами и что онъ только хотѣлъ испытать...
Старуха хотъ и нюхаетъ спиртъ, но успокоилась,
потому что Оома покоенъ. О нашей исторіи пи-

кто ни полслова, какъ будто ся и не было; молчать, потому что Оома молчитъ. Онъ все утро не пускалъ къ себѣ никого, хотя старуха давеча безъ насъ всѣми святыми молила, чтобъ онъ къ ней пришелъ для совѣщаній, да и сама ломилась къ нему въ дверь; но онъ заперся и отвѣчалъ, что молится за родъ человѣческій, или что-то въ этомъ родѣ. Онъ что-то затѣваетъ: по лицу видно. Но такъ какъ Егоръ Ильичъ ничего не въ состояніи узнать по лицу, то и находится теперь въ полномъ восторгѣ отъ кротости Оомы Оомича: настоящий ребенокъ! Илюша какіе-то стихи приготовилъ, и меня послалъ за вами.

— А Татьяна Ивановна?

— Что Татьяна Ивановна?

— Она тамъ же? съ ними?

— Нѣтъ; она въ своей комнатѣ, сухо отвѣчалъ Мизинчиковъ. — Отдыхаетъ и плачетъ. Можетъ быть, и стыдится. У ней, кажется, теперь эта... губернантка. Что это? гроза, никакъ, собирается. Смотрите, на небѣ-то!

— Кажется, гроза, отвѣчалъ я, взглянувъ на чернѣвшую на краю неба тучу.

Въ это время мы всходили на террасу.

— А признайтесь, каковъ Обноскинъ-то, — а? продолжалъ я, не могши утерпѣть, чтобъ не попытать на этомъ пунктѣ Мизинчикова.

— Не говорите мнѣ о немъ! Не поминайте мнѣ объ этомъ подлецѣ! вскричалъ онъ, вдругъ оставиваясь, покраснѣвъ и топнувъ ногою. — Дуракъ! дуракъ! Погубить такое превосходное дѣло, такую свѣтлую мысль! Послушайте: я, конечно, оселъ, что просмотрѣлъ его плутни, — я въ этомъ торжественно сознаюсь, и, можетъ быть, вы именно хотѣли этого сознанія. Но, клянусь вамъ, еслибъ онъ сдумалъ все это обдѣлать, какъ слѣдуетъ, я бы, можетъ быть, и простилъ его! Дуракъ, дуракъ! И какъ держатъ, какъ терпятъ такихъ людей въ обществѣ! Какъ не ссылаютъ ихъ въ Сибирь, на поселеніе, на каторгу! Но врутъ! имъ меня не перехитрить! Теперь у меня, по крайней мѣрѣ, есть опытъ, и мы еще потягемся. Я обдумываю теперь одну новую мысль... Согласитесь сами: не уже-ли жъ терять свое потому только, что какой-то посторонній дуракъ укралъ вашу мысль и не умѣлъ взяться за дѣло? Вѣдь это несправедливо! И наконецъ, этой Татьянѣ непременно надо видти замужъ—это ея назначеніе. И если ея до-сихъ-поръ еще никто не посадилъ въ домъ сумасшедшихъ, такъ это именно потому, что на ней еще можно было жениться. Я вамъ сообщу мою новую мысль...

— Но, вѣроятно, послѣ, прервалъ я его:—потому что мы, вотъ, и пришли.

— Хорошо, хорошо, послѣ! отвѣчалъ Мизинчиковъ, искрививъ свой ротъ судорожной улыбкой... А теперь.. Но куда жъ вы? Говорю вамъ: прямо къ Оомѣ Оомичу! Идите за мной; вы тамъ еще не были. Увидите другую комедію... Такъ какъ ужъ дѣло пошло на комедію...

III.

Илюша и мяннинникъ.

Оома занималъ двѣ большія и прекрасныя комнаты; онѣ были даже и отдѣланы лучше, чѣмъ всѣ другія комнаты въ домѣ. Полный комфортъ окружалъ великаго человѣка. Свѣжіе, красивые обои на стѣнахъ, шолковые пестрые занавѣсы у оконъ, ковры, трюмо, каминъ, мягкая, щегольская мебель — все свидѣтельствовало о нѣжной внимательности хозяевъ къ Оомѣ Оомичу. Горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ и на мраморныхъ круглыхъ столикахъ передъ окнами. Посреди кабинета находился большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьевъ, которыми завѣдывалъ Видоплясовъ,—все это вмѣстѣ должно было свидѣтельствовать о тугихъ умственныхъ работахъ Оомы Оомича. Скажу здѣсь кстати, что Оома, просидѣвъ здѣсь почти восемь лѣтъ, ровно ничего не сочинилъ путнаго. Впоследствии, когда онъ отошелъ въ лучшую жизнь, мы разбирали оставшіяся послѣ него рукописи; всѣ онѣ оказались необыкновенною дрянью. Нашли, напримѣръ, начало историческаго романа, происходившаго въ Новгородѣ, въ VII столѣтіи; потомъ чудовищную поэму: «Анахоретъ на кладбищѣ», писанную бѣлыми стихами; потомъ, безсмысленное разсужденіе о значеніи и свойствѣ русскаго мужика и о томъ, какъ надо съ нимъ обращаться, и, наконецъ, повѣсть: «Графиня Влонская», изъ великосвѣтской жизни, тоже неоконченную. Больше ничего не осталось. А между тѣмъ, Оома Оомичъ заставлялъ дядю тратить ежегодно большія деньги на выпускъ книгъ и журналовъ. Но многіе изъ нихъ оставались даже неразрѣзанными. Я же, впоследствии, не одинъ разъ, засталъ Оому за Поль-де-Кокомъ, котораго онъ пряталъ при людяхъ куда нибудь подальше. Въ задней стѣнѣ кабинета находилась стеклянная дверь, которая вела во дворъ дома.

Насъ дожидались. Оома Оомичъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ какомъ-то длинномъ, до пятъ, сюртукѣ, но все-таки безъ галстука. Былъ онъ дѣйствительно молчаливъ и задумчивъ. Когда мы вошли, онъ слегка поднялъ брови и пытливо взглянулъ на меня. Я поклонился; онъ отвѣчалъ мнѣ легкимъ поклономъ, впрочемъ, довольно вѣжливымъ. Бабушка, видя, что Оома Оомичъ обошелся со мной благосклонно, съ улыбкою закивала мнѣ головою. Бѣдная, и не ожидала поутру, что ея нѣсечко такъ покойно приметъ извѣстіе о «пассажѣ» съ Татьяной Ивановной, и потому теперь чрезвычайно развеселилась, хотя утромъ съ ней дѣйствительно происходили корчи и обмороки. За стуломъ ея, по обыкновенію, стояла дѣвица Перепелицына, сложивъ губы въ ниточку, кисло и злобно улыбаясь и потирая свои костлявыя руки одну о другую. Возлѣ генеральши помѣщались двѣ

постоянно безмолвныя старухи-приживалки, изъ благородныхъ. Была еще какая-то забредшая утромъ монашенка и одна сосѣдка - помѣщица, пожилая и тоже безъ рѣчей, заѣхавшая отъ обѣдни поздравить матушку-генеральшу съ праздникомъ. Тетушка Прасковья Ильинична уничтожалась гдѣ-то въ уголку, съ безпокойствомъ смотря на Оому Оомича и на маменьку. Дядя сидѣлъ въ креслѣ, и необыкновенная радость сіяла въ глазахъ его. Передъ нимъ стоялъ Илюша въ праздничной красной рубашечкѣ, съ завпытыми кудряшками, хорошенькій, какъ ангельчикъ. Саша и Настенька тихонько отъ всѣхъ выучили его какимъ-то стихамъ, чтобъ обрадовать отца въ такой день успѣхами въ наукахъ. Дядя чуть не плакалъ отъ удовольствія: неожиданная кротость Оомы, веселость генеральши, именины Илюши, стихи,—все это привело его въ настоящій восторгъ, и онъ торжественно просилъ послать за мной, чтобъ и я тоже поскорѣе раздѣлилъ всеобщее счастье и прослушалъ стихи. Саша и Настенька, вопедшая почти вслѣдъ за нами, стояли около Илюши. Саша поминутно смѣялась и въ эту минуту была счастлива, какъ дитя. Настенька, глядя на нее, тоже начала улыбаться, хотъ и вошла, за минуту назадъ, блѣдная и унылая. Она одна встрѣтила и успокоила Татьяну Ивановну, воротившуюся изъ путешествія, и до сихъ поръ просидѣла у ней наверху. Рѣзвый Илюша какъ будто тоже не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на своихъ учительницъ. Казалось, они всѣ трое приготовили какую-то пресмѣшную шутку, которую теперь и хотѣли разыграть... Я и забылъ про Бахчевеа. Онъ сидѣлъ поодаль, на стулѣ, все еще сердитый и красный, молчалъ, дулся, сморкался и вообще игралъ довольно мрачную роль на семейномъ праздникѣ. Возлѣ него сѣменилъ Ежовикнъ; нпрочеиъ, онъ сѣменилъ и вездѣ, цѣловалъ ручки у генеральши и у пріѣзжей гостии, нашептывалъ что-то дѣвицѣ Перепелицыной, ухаживалъ за Оомой Оомичеиъ — словомъ, поспѣвалъ вездѣ. Онъ тоже съ великимъ сочувствіеиъ ожидалъ Илюшинъ стиховъ и при вхождѣ моемъ бросился ко мнѣ съ поклонами, въ знакъ величайшаго уваженія и преданности. Вовсе не видно было, что онъ пріѣхалъ сюда защитить дочь и взять ее совсѣиъ изъ Степанчикова.

— Вотъ и онъ! радостно вскричалъ дядя, увидѣвъ меня.—Илюша, братъ, стихи приготовилъ— вотъ неожиданность, настоящій сюрпризъ! Я, братъ, пораженъ и нарочно за тобой послалъ, и стихи остановилъ до прихода... Садись-ка возлѣ! Послушаемъ. Оома Оомичъ, да ты ужъ признайся, братецъ, вѣдь ужъ вѣрно ты ихъ всѣхъ надумилъ, чтобъ меня, старика, обрадовать? Присягну, что такъ!

Если ужъ дядя говорилъ въ комнатѣ Оомы такимъ тономъ и голосомъ, то, казалось бы, все обстояло благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что дядя неспособенъ былъ ничего угадать по лицу,

какъ выразился Мизинчиковъ; а взглянувъ на Оому, я какъ-то невольно согласился, что Мизинчиковъ правъ и что надо было чего нибудь ожидать...

— Не безпокойтесь обо мнѣ, полковникъ, отвѣчалъ Оома слабыиъ голосомъ, голосомъ человека, прощающаго врагамъ своимъ.—Сюриризь я, конечно, хвалю: это изображаетъ чувствительность и благонравіе вашихъ дѣтей. Стихи тоже полезны, даже для произношенія... Но я не стихами былъ занятъ это утро, Егоръ Ильичъ: я молился... вы это знаете... Впрочемъ, готовъ выслушать и стихи.—Между тѣмъ я поздравилъ Илюшу и поцѣловалъ его.

— Именно, Оома, извини! Я забылъ... хотъ и увѣренъ въ твоей дружбѣ, Оома! Да поцѣлуй его еще разъ, Сережа! Смотри, какой мальчуганъ! Ну, начинай Илюшка! Про что это? Вѣрно какая нибудь ода торжественная, изъ Ломоносова что нибудь?

И дядя пріосанился. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ отъ нетерпѣнія и радости.

— Нѣтъ, папочка, не изъ Ломоносова, сказала Сашенька, едва подавляя свой смѣхъ: — а такъ какъ вы были военный и воевали съ непріятелями, то Илюша и выучилъ стихи про военное... Осаду Памбы, папочка.

— Осада Памбы? а! не помню... Что это за Памба, ты знаешь, Сережа? Вѣрно, что нибудь героическое.

И дядя пріосанился въ другой разъ.

— Говори Илюша! скомандовала Сашенька.

Девять лѣтъ, какъ Педро Гомецъ...

началъ Илюша маленькимъ, ровнымъ и яснымъ голосомъ, безъ запятыхъ и безъ точекъ, какъ обыкновенно сказываютъ маленькія дѣти заученные стихи —

Девять лѣтъ, какъ Педро Гомецъ
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питался,
И все войско дон-Педро,
Девять тысячъ кастильянцевъ,
Всѣ по данному обѣту
Ниже хлѣба не снѣдаютъ,
Пьютъ одно лишь молоко.

— Какъ! что? Что это за молоко? вскричалъ дядя, смотря на меня въ изумленіи.

— Читай дальше, Илюша, вскричала Сашенька.

Всякій день дон-Педро Гомецъ
О своемъ безсилъи плачетъ,
Закрываясь епанчею.
Настаетъ ужъ годъ десятый;
Злые Мавры торжествуютъ;
А отъ войска дон-Педро
Всего-на-всего осталось
Девятнадцать человекъ...

— Да это галиматья! вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ:—вѣдь это невозможное жъ дѣло! Девятнадцать человекъ отъ всего войска осталось,

когда прежде былъ, даже и весьма значительный, корпусъ! Что жъ это, братецъ, такое?

Но тутъ Саша не выдержала и залилась самымъ откровеннымъ и дѣтскимъ смѣхомъ; и хоть смѣшнаго было вовсе немного, но не было возможности, глядя на нее, тоже не засмѣяться.

— Это, папочка, шуточные стихи, вскричала она, ужасно радуясь своей дѣтской затѣѣ:—это ужъ нарочно такъ, самъ сочинитель сочинилъ, чтобъ всѣмъ смѣшно было, папочка.

— А! шуточные! вскричалъ дядя, съ просіявшимъ лицомъ:—комическіе, то есть! То-то я смотрю... Именно, именно, шуточныя! И пресмѣшно, чрезвычайно смѣшно: на молоко всю армію поморилъ, по объѣту какому-то! Очень надо было давать такіе объѣты! Очень остроумно—не правда ль, Оома? Это, видите, маменька, такіе комическіе стихи, которые иногда пишутъ сочинители—не правда ли, Сергѣй, вѣдь пишутъ? Чрезвычайно смѣшно! Ну, ну, Илюша, что жъ дальше?

Девятнадцать человѣкъ!
Ихъ собралъ дон-Педро Гоменъ
И сказалъ имъ: «Девятнадцать!
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія взыграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ!
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклясться можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами даннаго объѣта:
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
Ничего не ѣли ровно,
Кромѣ только молока!»

— Экой фофанъ! чѣмъ утѣшается, прервалъ онятъ дядя:—что девять лѣтъ молоко пилъ!... Да какая жъ тутъ добродѣтель? Лучше бы по цѣлому барану ѣлъ, да людей не морилъ! Прекрасно, превосходно! Вижу, вижу теперь: это сатира, или... какъ это тамъ называется, аллегорія, что ль? и, можетъ быть, даже на какого нибудь пностраннаго полководца, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, значительно сдвинувъ брови и прищуриваясь:—а? какъ ты думаешь? Но только, разумѣется, невинная, благородная сатира, никого не обижаящая! Прекрасно! прекрасно! и, главное, благородно! Ну, Илюша, продолжай! Ахъ, вы, шалуньи, шалуньи! прибавилъ онъ, съ чувствомъ смотря на Сашу и украдкой на Настеньку, которая краснѣла и улыбалась.

Ободренные сей рѣчью
Девятнадцать кастильянцевъ,
Всѣ качаясь на сѣдлахъ,
Въ голосъ слабо закричали:
«Санкто Яго Компостелло!
Честь и слава дову-Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!»

А капланъ его, Діего,
Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы:
«Еслибъ я былъ полководцемъ,
Я бъ объѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
Запивая сантуринскимъ!»

— Ну, вотъ! Не то же ли я говорилъ? вскричалъ дядя, чрезвычайно обрадовавшись. — Одинъ только человѣкъ во всей арміи благоразумный нашелся, да и тотъ какой-то капланъ! Это кто жъ такой, Сергѣй: капитанъ ихній, что ли?

— Монахъ, духовная особа, дядюшка.

— А, да, да! Капланъ, капеланъ? Знаю, помню! еще въ романахъ Радклифъ читалъ. Тамъ, вѣдь, у нихъ разные ордена, что-ли?.. Бенедиктинцы, кажется... Есть бенедиктинцы-то?..

— Есть, дядюшка.

— Гм!.. Я такъ и думалъ. Ну, Илюша, что жъ дальше? Прекрасно, превосходно!

И, услышавъ то, дон-Педро
Произнесъ со громкимъ смѣхомъ:
«Подарить ему барана;
Онъ изрядно подшутилъ!»...

— Нашелъ время хохотать! Вотъ дуракъ-то! Самому, наконецъ, смѣшно стало! Барана! Стало быть, были же бараны; чего жъ онъ самъ-то не ѣлъ? Ну, Илюша, дальше! Прекрасно, превосходно! Необыкновенно колко!

— Да ужъ кончено, папочка!

— А! кончено! Въ самомъ дѣлѣ, чего жъ больше оставалось и дѣлать—не правда ль, Сергѣй? Превосходно, Илюша! Чудо, какъ хорошо! Поцѣлуй меня, голубчикъ! Ахъ ты мой милый! Да кто именно его надоумилъ: ты, Саша?

— Нѣтъ, это Настенька. Намедни мы читали. Она прочла, да и говоритъ: «Какіе смѣшные стихи! Вотъ, будетъ Илюша именинникъ: заставимъ его выучить, да рассказать. То-то смѣху будетъ!»

— Такъ это Настенька? Ну, благодарю, благодарю, пробормоталъ дядя, вдругъ весь покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Поцѣлуй меня еще разъ, Илюша! Поцѣлуй меня и ты, шалунья, сказалъ онъ, обнимая Сашеньку и съ чувствомъ смотря ей въ глаза.

— Вотъ подожди, Сашурка, и ты будешь именинница, прибавилъ онъ, какъ будто не зная, что и сказать больше, отъ удовольствія.

Я обратился къ Настенькѣ и спросилъ ее: чьи стихи?

— Да, да! чьи стихи? всполошился дядя. — Должно быть, умный поэтъ написалъ—неправда-ль, Оома?

— Гм!.. промывчалъ Оома подъ-нось.

Во все время чтенія стиховъ ѣдая, насмѣшливая улыбка не покидала губъ его.

— Я право забыла, отвѣчала Настенька, робко взглядывая на Оому Оомича.

— Это господинъ Кузьма Прутковъ написалъ, папочка, въ «Современникѣ» напечатано, выскочила Сашенька.

— Кузьма Прутковъ! не знаю, проговорилъ дядя. Вотъ Пушкина такъ знаю!.. Впрочемъ, видно, что поэтъ съ достоинствами — не правда-ль, Сергѣй? и, сверхъ того, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ — это ясно, какъ два пальца! Даже, можетъ быть, изъ офицеровъ... Хвалю! А превосходный журналъ «Современникъ»! Непремѣнно надо подписываться, коли все такіе поэты участвуютъ... Люблю поэтовъ! славные ребята! все въ стихахъ изображаютъ! Помнишь, Сергѣй, я видѣлъ у тебя, въ Петербургѣ, одного литератора. Еще какой-то у него носъ особенный... право!.. Что ты сказалъ, Оома?

Оома Оомичъ, котораго разбирало все болѣе и болѣе, громко захихикалъ.

— Нѣтъ, я такъ... ничего-съ... проговорилъ онъ, какъ бы съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Продолжайте, Егоръ Ильичъ, продолжайте! Я послѣ мое слово скажу... Вотъ и Степанъ Алексѣичъ съ удовольствіемъ слушаетъ про знакомства ваши съ петербургскими литераторами..

Степанъ Алексѣевичъ, все время сидѣвшій поодаль, въ задумчивости, вдругъ поднялъ голову, покраснѣлъ и ожесточенно повернулся въ креслѣ.

— Ты, Оома, меня не задирай, а въ покоѣ оставь! сказалъ онъ, гнѣвно смотря на Оому своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Мнѣ что твоя литература? Дай только Богъ мнѣ здоровья, пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ: — а тамъ хоть бы всѣхъ... и съ сочинителями-то..... вольтерьянцы, только и есть!

— Сочинители вольтерьянцы-съ? проговорилъ Ежевикинъ, немедленно очутившись подлѣ г. Бахчеева. — Совершенную правду извоили изложить, Степанъ Алексѣичъ. Такъ и Валентинъ Игнатьичъ отзываться наемни извоили. Меня самого вольтерьянцемъ обозвали — ей-Богу-съ; а вѣдь я, всѣмъ извѣстно, такъ еще мало написалъ-съ... то-есть крынка молока у бабы скиснетъ, — все господинъ Вольтеръ виноватъ! Все у насъ такъ-съ.

— Ну нѣтъ! замѣтилъ дядя, съ важностью: — это, вѣдь, заблужденіе! Вольтеръ былъ только острый писатель; смѣялся надъ предубѣжденіями; а вольтерьянцемъ никогда не бывалъ! Это все про него враги распустили. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, все на него, бѣдняка?..

Снова раздалось ядовитое хихиканье Оомы Оомича. Дядя съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него и примѣтно сконфузился.

— Нѣтъ я, видишь, Оома, все про журналы, проговорилъ онъ съ смущеніемъ, желая какънибудь поправиться. — Ты, братъ, Оома, совершенно былъ правъ, когда, наемни, внушалъ, что надо подписываться. Я и самъ думаю, что надо! Гм... что жъ, въ самомъ дѣлѣ, просвѣщеніе распространяютъ! Не то, какой же будешь сынъ отечества, если ужъ на это не подписаться? не правда-ль? Сергѣй, Гм!.. да!.. вотъ хоть «Современникъ»... Но, знаешь, Сережа, самыя сильныя науки по мо-

ему, это въ томъ толстомъ журналѣ, какъ бишь его? еще въ желтой оберткѣ...

— «Отечественныя записки», папочка.

— Ну, да, «Отечественныя записки», и превосходное названіе, Сергѣй — не правда ли? такъ сказать все отечество сидитъ, да записывается... Благороднѣйшая цѣль! преполезный журналъ! и какой толстый! Поди-ка, издай такой дилижансъ! А науки такія, что глаза изъ лба чуть не выскочатъ... Намѣдни прихожу — лежитъ книга; взялъ, изъ любопытства, развернулъ, да три страницы разомъ и отмахалъ. Просто, братъ, ротъ разинулъ! И, знаешь, обо всемъ толкованіе: что, напримѣръ, значить метла, лопата, чумичка, ухватъ? По-моему метла, такъ метла и есть; ухватъ, такъ и есть ухватъ! Нѣтъ, братъ, подожди! Ухватъ-то выходитъ, поученому, не ухватъ, а эмблема, или мнѳологія, что ли, какая-то, ужъ не помню что, а только что-то такое вышло... Вотъ оно какъ! До всего дошли!

Не знаю, что именно приготавлился сдѣлать Оома послѣ этой новой выходки дяди, но въ эту минуту появился Гаврила и, понутивъ голову, сталъ у порога.

Оома Оомичъ значительно взглянулъ на него.

— Готово, Гаврила? спросилъ онъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Готово-съ, грустно отвѣчалъ Гаврила и вздохнулъ.

— И узелокъ мой положилъ на телѣгу.

— Положилъ-съ.

— Ну, такъ и я готовъ! сказалъ Оома и медленно приподнялся съ кресла. Дядя въ изумленіи смотрѣлъ на него. Генеральша вскочила съ мѣста и съ безпокойствомъ озиралась кругомъ.

— Позвольте мнѣ теперь, полковникъ, съ достоинствомъ начать Оома: — просить васъ оставить на время интересную тѣму о литературныхъ ухватахъ; вы можете продолжать ее безъ меня. Я же, прощаясь съ вами на-вѣки, хотѣлъ бы вамъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ...

Испугъ и изумленіе окутали всѣхъ слушателей.

— Оома! Оома! да что это съ тобою? Куда ты собираешься? вскричалъ, наконецъ, дядя.

— Я собираюсь покинуть вашъ домъ, полковникъ, проговорилъ Оома самымъ спокойнымъ голосомъ. Я рѣшился идти куда глаза глядятъ, и потому нанялъ на свои деньги простую, мужичью телѣгу. На ней теперь лежитъ мой узелокъ; онъ не великъ: нѣсколько любимыхъ книгъ, двѣ перемѣны бѣлья — и только! Я бѣденъ, Егоръ Ильичъ, но ни за что на свѣтѣ не возьму теперь вашего золота, отъ котораго я еще и вчера отказался!..

— Но, ради Бога, Оома? что жъ это значитъ? вскричалъ дядя, поблѣднѣвъ, какъ платокъ

Генеральша взвинула и, въ отчаяніи, смотрѣла на Оому Оомича, протянувъ къ нему руки. Дѣвица Перепелицына бросилась ее поддерживать. Приживалки окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Господинъ Бахчеевъ тяжело поднялся со стула.

— Ну, началась исторія! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ.

Въ эту минуту слышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза.

IV.

Изгнаніе.

— Вы, кажется, спрашиваете, полковникъ: «что это значитъ?» торжественно проговорилъ Оома, какъ бы наслаждаясь всеобщимъ смущеніемъ. Удивляюсь вопросу! Разъясните же мнѣ, съ своей стороны, какимъ образомъ вы въ состояніи смотрѣть теперь мнѣ прямо въ глаза? разъясните мнѣ эту послѣднюю психологическую задачу изъ человѣческаго безстыдства, и тогда я уйду, по крайней мѣрѣ, обогащенный новымъ познаніемъ объ испорченности человѣческаго рода.

Но дядя не въ состояніи былъ отвѣчать: онъ смотрѣлъ на Оому испуганный и уничтоженный, раскрывъ ротъ, съ выкатившимися глазами.

— Господи! какія страсти-съ! простонала дѣвица Перепелицына.

— Понимаете ли, полковникъ, продолжалъ Оома: — что вы должны отпустить меня теперь, просто и безъ разспросовъ? Въ вашемъ домѣ даже я, человѣкъ пожилой и мыслящій, начинаю уже серьезно опасаться за чистоту моей нравственности. Повѣрьте, что ни къ чему не поведутъ разспросы, кромѣ вашего же посрамленія.

— Оома! Оома!.. вскричалъ дядя, и холодный потъ показался на лбу его.

— И потому позвольте безъ объясненій сказать вамъ только нѣсколько прощальныхъ и напутственныхъ словъ, послѣднихъ словъ моихъ въ вашемъ, Егоръ Ильичъ, домѣ. Дѣло сдѣлано и его не воротить! Я надѣюсь, что вы понимаете, про какое дѣло я говорю. Но, умоляю васъ на колѣняхъ: если въ сердцѣ вашемъ осталась хотя искра нравственности, обуздайте стремленіе страстей своихъ! И если тлетворный ядъ еще не охватилъ всего зданія, то, по возможности, потушите пожаръ!..

— Оома! увѣряю тебя, что ты въ заблужденіи! вскричалъ дядя, мало по малу приходя въ себя и съ ужасомъ чувствуя развязку.

— Умѣрьте страсти, продолжалъ Оома тѣмъ же торжественнымъ тономъ, какъ будто и не слыхавъ восклицанія дяди: — побѣждайте себя. «Если хочешь побѣдить весь міръ — побѣди себя!» вотъ мое всегдашнее правило. Вы помѣщикъ; вы должны бы сіять, какъ брилліантъ, въ своихъ помѣстьяхъ, и какой же гнусный примѣръ необузданности подаете вы здѣсь своимъ низшимъ! Я молился за васъ цѣлыя ночи и трепеталъ, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашелъ его, ибо счастье заключается въ добродѣтели...

— Но это невозможно же, Оома! снова прер-

валъ его дядя: — ты не такъ понялъ и не то со-всѣмъ говоришь...

— Итакъ, вспомните, что вы помѣщикъ, продолжалъ Оома, опять не слыхавъ восклицанія дяди. — Не думайте, чтобъ отдыхъ и сладострастіе были предназначеніемъ помѣщичьяго званія. Пагубная мысль! Не отдыхъ, а забота, и забота передъ Богомъ, царемъ и отечествомъ! Трудитесь, трудитесь обязанъ помѣщикъ, и трудитесь, какъ послѣдній изъ крестьянъ его!

— Что жъ, я пахать за мужика, что ли, стану? проворчалъ Бахчеевъ: — вѣдь и я помѣщикъ...

— Къ вамъ теперь обращаюсь, домашніе, продолжалъ Оома, обращаясь къ Гаврилѣ и Оалалею, появившемуся у дверей: — любите господъ вашихъ и исполняйте волю ихъ подобострастно и съ кротостью. За это возлюбятъ васъ и господа ваши. А вы, полковникъ, будьте къ нимъ справедливы и сострадательны. Тотъ же человѣкъ — образъ Божій, такъ сказать, малолѣтний врученный вамъ, какъ дитя, царемъ и отечествомъ. Великъ долгъ, но велика и заслуга ваша!

— Оома Оомичъ! голубчикъ! что ты это задумалъ? въ отчаяніи прокричала генеральша, готовая упасть въ обморокъ отъ ужаса.

— Ну, довольно, кажется? заключилъ Оома, не обращая вниманія даже и на генеральшу. — Теперь о подробностяхъ; положимъ онѣ мелки, но необходимы, Егоръ Ильичъ! Въ Харинской пустоши у васъ до сихъ поръ сѣно не скошено. Не опоздайте: скосите и скосите скорѣй. Таковъ совѣтъ мой...

— Но, Оома...

— Вы хотѣли — я знаю это, рубить зыряновскій участокъ лѣсу; не рубите — другой совѣтъ мой. Сохраните лѣса: ибо лѣса сохраняютъ влажность на поверхности земли... Жаль, что вы слишкомъ поздно посѣяли яровое; удивительно, какъ поздно сѣяли вы яровое!..

— Но, Оома...

— Но, однакожъ, довольно! Всего не передашь, да и не время! Я пришлю къ вамъ наставленіе письменное, въ особой тетрадкѣ. Ну, прощайте, прощайте, всѣ. Богъ съ вами, и да благословитъ васъ Господь! Благословлю и тебя, дитя мое, продолжалъ онъ, обращаясь къ Илюшѣ: — и да сохранить тебя Богъ отъ тлетворнаго яда будущихъ страстей твоихъ! Благословляю и тебя, Оалалей; забудь комаринскаго!.. И васъ, и всѣхъ... Помните Оому... Ну, пойдемъ, Гаврила! Посади меня, старичокъ.

И Оома направился къ дверямъ. Генеральша взвизгнула и бросилась за нимъ.

— Нѣтъ, Оома! я не пущу тебя такъ! вскричалъ дядя и, догнавъ его, схватилъ его за руку.

— Значитъ, вы хотите дѣйствовать насиліемъ? надменно спросилъ Оома.

— Да, Оома... и насиліемъ! отвѣчалъ дядя, дрожа отъ волненія. Ты слишкомъ много сказалъ и долженъ разъяснить! Ты не такъ прочелъ мое письмо, Оома!..

— Ваше письмо! взвизгнулъ Оома, мгновенно воспламенясь, какъ будто именно ждалъ этой минуты для взрыва:—ваше письмо! Вотъ оно, ваше письмо! вотъ оно! Я рву это письмо. я плюю на это письмо! я топчу ногами своимъ ваше письмо и исполняю тѣмъ священнѣйшій долгъ человѣчества! Вотъ, что я дѣлаю, если вы силой принуждаете меня къ объясненіямъ! Видите! видите! видите!..

И клочки бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Повторяю, Оома, ты не понялъ! кричалъ дядя, блѣднѣя все болѣе и болѣе: — я предлагаю руку, Оома, я ищу своего счастья...

— Руку! Вы обольстили эту дѣвицу и надуваете меня, предлагая ей руку; ибо я видѣлъ васъ вчера съ ней ночью, въ саду, подъ кустами!

Генеральша вскрикнула и, въ изнеможеніи, упала въ кресло. Поднялась ужасная суматоха. Бѣдная Настенька сидѣла блѣдная, точно мертвая. Испуганная Сашенька, обхвативъ Илюшу, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Оома! вскричалъ дядя въ изступленіи:—Если ты распространишь эту тайну, то ты сдѣлаешь самый подлѣйшій поступокъ въ мірѣ!

— Я распространю эту тайну, визжалъ Оома:—и сдѣлаю наиблагороднѣйшій изъ поступковъ! Я на то посланъ самимъ Богомъ, чтобъ изобличить весь міръ въ его пакостяхъ! Я готовъ взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашемъ гнусномъ поступкѣ всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и всѣмъ проезжающимъ!.. Да, знайте всѣ, всѣ, что вчера, ночью, я засталъ его съ этой дѣвицей, имѣющей наивиннѣйшій видъ, въ саду, подъ кустами!..

— Ахъ, какой срамъ-съ! пропищала дѣвица Перепелицына.

— Оома! не губи себя! кричалъ дядя, сжимая кулаки и сверкая глазами.

— ...А онъ, визжалъ Оома:—онъ, испугавшись, что я его увидѣлъ, осмѣлился завлекать меня лживымъ письмомъ, меня, честнаго и прямодушнаго, въ потворство своему преступленію—да, преступленію!.. ибо изъ наивиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы сдѣлали...

— Еще одно оскорбительное для нея слово, и—я убью тебя, Оома, клянусь тебѣ въ этомъ!..

— Я говорю это слово, ибо изъ наивиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы успѣли сдѣлать развратнѣйшую изъ дѣвицъ!

Едва только произнесъ Оома послѣднее слово, какъ дядя схватилъ его за плечи, повернулъ, какъ соломенку, и съ силою бросилъ его на стеклянную дверь, ведущую изъ кабинета во дворъ дома. Ударъ былъ такъ силенъ, что притворенныя двери растворились настежь, и Оома, слетѣвъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ, растянулся на дворѣ. Разбитыя стекла съ дребезгомъ разлетѣлись по ступенямъ крыльца.

— Гаврила, подбери его! — вскричалъ дядя, блѣдный какъ мертвецъ: — посади его на телегу,

и чтобъ черезъ двѣ минуты духу его не было въ Степанчиковѣ!

Что бы ни замышлялъ Оома Оомичъ, но ужъ вѣрно не ожидалъ подобной развязки.

Не берусь описывать то, что было въ первыя минуты послѣ такого пассажа. Раздирающій душу вопль генеральши, покотившейся въ креслѣ; столбнякъ дѣвицы Перепелицыной передъ неожиданнѣйшимъ поступкомъ до сихъ поръ всегда покорнаго дяди; ахи и бхи приживалокъ; испуганная до обморока Настенька, около которой увивался отецъ; обезумѣвшая отъ страха Сашенька; дядя, въ невыразимомъ волненіи шагавшій по комнатѣ и дождавшійся, когда очнется мать; наконецъ, громкій плачъ Оалалея, оплакивавшаго господъ своихъ, — все это составляло картину неизобразимую. Прибавлю еще, что въ эту минуту разразилась сильная гроза; удары грома слышались чаще и чаще, и крупный дождь застучалъ въ окна.

— Вотъ-те и праздничекъ! пробормоталъ г. Бакчеевъ, нагнувъ голову и растопыривъ руки.

— Дѣло худо! шепнулъ я ему, тоже вѣ себя отъ волненія: — но, по крайней мѣрѣ, прогнали Оомича и ужъ не воротятъ.

— Маменька! опомнились ли вы? легче ли вамъ? можете ли вы, наконецъ, меня выслушать? спросилъ дядя, остановясь передъ кресломъ старухи.

Та подняла голову, сложила руки и съ умоляющимъ видомъ смотрѣла на сына, котораго еще никогда въ жизни не видала въ такомъ гнѣвѣ.

— Маменька! продолжалъ онъ:—чаша переполнена, вы сами видѣли. Не такъ хотѣлъ я изложить это дѣло, но чаша пробила, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте же и оправданіе. Маменька, я люблю эту благороднѣйшую и возвышеннѣйшую дѣвицу, люблю давно и не разлюблю никогда. Она осчастливитъ дѣтей моихъ и будетъ для васъ самой почтительной дочерью, и потому теперь, при васъ, въ присутствіи родныхъ и друзей моихъ, я торжественно повергаю мою просьбу къ стопамъ ея и умоляю ее сдѣлать мнѣ безконечную честь, согласившись быть моею женою!

Настенька вздрогнула, потомъ вся вспыхнула и вскочила съ кресла. Генеральша въ некоторое время смотрѣла на сына, какъ будто не понимая, что такое онъ ей говоритъ, и вдругъ съ пронзительнымъ воплемъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Егорushка, голубчикъ ты мой, вороти Оому Оомича! закричала она: — сейчасъ вороти! не то, я къ вечеру же помру безъ него!

Дядя остолбенѣлъ, видя старуху-мать, своевольную и капризную, передъ собой на колѣняхъ. Болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ его; наконецъ, опомнившись, бросился онъ подымать ее и усаживать опять въ кресло.

— Вороти Оому Оомича, Егорushка! продолжала вопль старуха:—воротитъ его, голубчикъ! Жить безъ него не могу!

— Маменька! горестно вскричалъ дядя: — или

вы ничего не слышали изъ того, что я вамъ сейчасъ говорю? Я не могу воротить Оому — поймите это! не могу и не въ правѣ, послѣ его низкой и подлѣйшей клеветы на этого ангела чести и добродѣтели. Понимаете ли вы, маменька, что я обязанъ, что честь моя повелѣваетъ мнѣ теперь возстановить добродѣтель! Вы слышали: я нищу руки этой дѣвцы и умоляю васъ, чтобъ вы благословили союзъ нашъ.

Генеральша опять сорвалась съ своего мѣста и бросилась на колѣни передъ Настенькой.

— Матушка моя! родная ты моя! завизжала она: — не выходи за него замужъ! не выходи за него, а упроси его, матушка, чтобъ воротилъ Оому Оомича! Голубушка ты моя, Настасья Евграфовна! все тебѣ отдамъ, всѣмъ тебѣ пожертвую, коли за него не выйдешь. Я еще не все, старуха, прожила, у меня еще остались крохи послѣ моего покойничка. Все твое, матушка, всѣмъ тебя одарю, да и Егорушка тебя одаритъ, только не клади меня живую во гробъ, упроси Оому Оомича воротить!..

И долго бы еще выла и завиралась старуха, еслибъ Перепелицына и всѣ приживалки съ визгами и стенаніями не бросились ее подымать, негодую, что она на колѣняхъ передъ нанятой гувернанткой. Настенька едва устояла на мѣстѣ отъ испуга, а Перепелицына даже заплакала отъ злости.

— Смертью уморите вы маменьку-съ, кричала она лядѣ: — смертью уморятъ-съ! А вамъ, Настасья Евграфовна, не слѣдовало бы ссорить маменьку-съ съ ихнимъ сыномъ-съ; это и Господь-Богъ запрещаетъ-съ...

— Анна Ниловна, удержите языкъ! вскричалъ дядя. — Я довольно терпѣлъ!..

— Да и я довольно отъ васъ натерпѣлась-съ. Что вы, сиротствомъ моимъ меня попрекаете-съ? Долго ли обидѣть сироту? Я еще не ваша раба-съ! Я сама подполковничья дочь-съ! Ноги моей не будетъ-съ въ вашемъ домѣ, не будетъ-съ... сегодня же-съ!..

Но дядя не слушалъ: онъ подошелъ къ Настенькѣ и съ благоговѣніемъ взялъ ее за руку.

— Настасья Евграфовна! вы слышали мое предложение? проговорилъ онъ, смотря на нее съ тоскою, почти съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ! ужъ оставимъ лучше, отвѣчала Настенька, въ свою очередь, совершенно упавъ духомъ. — Это все пустое, продолжала она, сжимая его руки и заливаясь слезами. — Это вы послѣ вчерашняго такъ... но не можетъ этого быть, вы сами видите. Мы ошиблись, Егоръ Ильичъ... А я о васъ всегда буду помнить, какъ о моемъ благодѣлѣ и... и вѣчно, вѣчно буду молиться за васъ!..

Тутъ слезы прервали ея голосъ. Бѣдный дядя, очевидно, предчувствовалъ этотъ отвѣтъ; онъ даже и не думалъ возражать, наставать... Онъ слушалъ, наклоняясь къ ней, все еще держа ее за руку,

безмолвный и убитый. Слезы показались въ глазахъ его.

— Я еще вчера сказала вамъ, продолжала Настасья, — что не могу быть вашей женою. Вы видите: меня не хотятъ у васъ... а я все это давно, ужъ заранѣе, предчувствовала; маменька ваша не дастъ намъ благословенія... *другіе* тоже. Вы сами, хоть и не раскаетесь потомъ, потому что вы великодушнѣйшій человѣкъ, но все-таки будете несчастны изъ-за меня... съ вашимъ добрымъ характеромъ...

— Именно съ *добрымъ характеромъ-съ!* именно *добренъкіе-съ!* такъ, Настенька, такъ! поддакнулъ старикъ-отецъ, стоявшій по другую сторону кресла: — именно, вотъ это-то вотъ словечко и надо было упомянуть-съ.

— Я не хочу чрезъ себя раздоръ поселять въ вашемъ домѣ, продолжала Настенька. — А обо мнѣ не беспокойтесь, Егоръ Ильичъ: меня никто не тронетъ, никто не обидитъ... я пойду къ папенькѣ... сегодня же... Лучше ужъ простимся, Егоръ Ильичъ...

И бѣдная Настенька опять заплакала слезами.

— Настасья Евграфовна! неужели это послѣднее ваше слово? проговорилъ дядя, смотря на нее съ невыразимымъ отчаяніемъ. — Скажите одно только слово — и я жертвую вамъ всѣмъ!..

— Послѣднее, послѣднее, Егоръ Ильичъ-съ, подхватилъ опять Ежевикинъ: — и она вамъ такъ хорошо это все объяснила, что я даже, признаться, и не ожидалъ-съ. Найдобрѣйшій вы человѣкъ, Егоръ Ильичъ, именно найдобрѣйшій-съ и чести намъ много изволили оказать-съ! много чести, много чести-съ!.. А все-таки мы вамъ не пара, Егоръ Ильичъ. — Вамъ пужно такую невѣсту, Егоръ Ильичъ-съ, чтобъ была и богатая, и знатная-съ, и красавица-съ, и съ голосомъ тоже была бы-съ, и чтобъ вся въ брильянтахъ, да въ страусовыхъ перьяхъ по комнатамъ вашимъ ходила-съ... Тогда и Ома Оомичъ, можетъ, уступочку сдѣлаютъ-съ... и благословятъ-съ! А Оому-то Оомича вы воротите-съ. Напрасно, напрасно изволили его такъ изобидѣть-съ! онъ вѣдь изъ добродѣтели, отъ излишняго жару-съ такъ наговорилъ-съ... Самъ будете потомъ говорить-съ, что изъ добродѣтели — увидите-съ! Найдостойнѣйшій человѣкъ-съ. А вотъ теперь перемокнетъ съ. Ужъ лучше бы теперь воротить-съ... потому что вѣдь придется же воротить-съ...

— Вороти! вороти его! закричала генеральша: — онъ, голубчикъ мой, правду тебѣ говоритъ!..

— Да-съ, продолжалъ Ежевикинъ: — вотъ и родительница ваша убиваться изволятъ — понапрасну-съ... Воротите-ка-съ! А мы ужъ съ Настей, тѣмъ временемъ, и въ походъ-съ...

— Подожди, Евграфъ Ларіоничъ! вскричалъ дядя: — умоляю! Еще одно слово будетъ, Евграфъ, одно только слово...

Сказавъ это, онъ отошелъ, сѣлъ въ углу, въ

кресло, склонилъ голову и закрылъ руками глаза, какъ будто что-то обдумывая.

Въ эту минуту страшный ударъ грома разразился чуть не надъ самымъ домомъ. Все зданіе потряслось. Генеральша закричала, Перепелицына тоже, приживалки крестились, оглушѣвъ отъ страха, а вмѣстѣ съ ними и г. Бахчеевъ.

— Батюшка, Илья-пророкъ! прошептали пять или шесть голосовъ, всѣ вмѣстѣ, разомъ.

Вслѣдъ за громомъ пролился такой страшный ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ.

— А Оома-то Оомичъ, что съ нимъ теперь въ полѣ-то будетъ-съ? пропищала дѣвица Перепелицына.

— Егорюшка, вороти его! вскричала отчаяннымъ голосомъ генеральша и, какъ безумная, бросилась къ дверямъ. Ее удержали приживалки; онѣ окружили ее, утѣшали, хныкали, визжали. Содомъ былъ ужаснѣйшій!

— Въ одномъ сюртукѣ пошли-съ; хоть бы шинельку-то взяли съ собой-съ! продолжала Перепелицына. — Зонтика тоже не взяли-съ. Убьетъ ихъ теперь молонѣй-то-съ!..

— Непремѣнно убьетъ! подхватилъ Бахчеевъ:— да еще и дождемъ потомъ смочить.

— Хоть бы вы-то молчали! прошепталъ я ему.

— Да вѣдь онъ человѣкъ, али нѣтъ? гнѣвно отвѣчалъ мнѣ Бахчеевъ.—Вѣдь не собака. Небось, самъ-то не выйдешь на улицу. Ну-тка, поди, покупайся, для плезиру.

Предчувствуя развязку и опасаясь за нее, я подошелъ къ дядѣ, который какъ будто оцѣпѣлъ въ своемъ креслѣ.

— Дядюшка, сказалъ я, наклоняясь къ его уху:— неужели вы согласитесь воротить Оому Оомича? Поймите, что это будетъ верхъ неприличія, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ здѣсь Настасья Евграфовна.

— Другъ мой, отвѣчалъ дядя, поднявъ голову и съ рѣшительнымъ видомъ смотря мнѣ въ глаза:— я судилъ себя въ эту минуту и теперь знаю, что долженъ дѣлать? Не безпокойся, обиды Настѣ не будетъ — я такъ устрою...

Онъ всталъ со стула и подошелъ къ матери.

— Маменька! сказалъ онъ, успокойтесь: я ворочу Оому Оомича, я догоню его: онъ не могъ еще далеко отѣхать. Но, клянусь, онъ воротится только на единственномъ условіи: здѣсь, публично, въ кругу всѣхъ свидѣтелей оскорбленія, онъ долженъ будетъ сознаться въ винѣ своей и торжественно просить прощенія у этой благороднѣйшей дѣвицы. Я достигну этого! я его заставлю!.. иначе, онъ не перейдетъ черезъ порогъ этого дома! клянусь вамъ тоже, маменька, торжественно: если онъ согласится на это самъ, добровольно, то я готовъ буду броситься къ ногамъ его и отдамъ ему все, все, что могу отдать, не обижая дѣтей моихъ! Самъ же я, съ сего же дня, отъ всего отстраняюсь. Закадилась звѣзда моего счастья! Я оставляю Сте-

панчиково. Живите здѣсь всѣ покойно и счастливо! Я же ѣду въ полкъ — и въ буряхъ брани, на полѣ битвы, проведу отчаянную судьбу мою... Довольно! ѣду!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Гаврила, весь измокшій, весь въ грязи, до невозможности, предсталъ передъ смятенною публикой.

— Что съ тобой? откуда? Гдѣ Оома? вскричалъ дядя, бросаясь къ Гаврилѣ.

За нимъ бросились всѣ и съ жаднымъ любопытствомъ окружили старика, съ котораго грязная вода буквально стекала ручьями. Визги, ахи, крики сопровождали каждое слово Гаврилы.

— У березника оставилъ, версты полторы отсюдова, началъ онъ плачевнымъ голосомъ. — Лошадь молонѣй испужалась и въ канаву бросилась.

— Ну... вскричалъ дядя.

— Телѣга перевалилась...

— Ну... а Оома?

— Въ канаву упали-съ.

— Да ну-же, досказывай, истязатель!

— Бокъ отшибли-съ и заплакали-съ. Я лошадь выпрягъ, да верхомъ и прибылъ сюда доложить-съ.

— А Оома тамъ осталась?

— Всталъ и пошелъ себѣ дальше съ палочкой, заключилъ Гаврила, потомъ вздохнулъ и понурилъ голову.

Слезы и рыданія дамскаго пола были неизобразимы.

— Полкана! закричалъ дядя и бросился вонъ изъ комнаты. Полкана подали; дядя вскочилъ на него, неосѣдланнаго, и чрезъ минуту топотъ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ намъ о начавшейся погонѣ за Оомой Оомичемъ. Дядя ускакалъ даже безъ фуражки.

Дамы побросались къ окнамъ. Среди аховъ и стоновъ слышались и совѣты. Толковали о немедленной теплой ваннѣ, объ растираніи Оомы Оомича спиртомъ, о грудномъ чаѣ, о томъ, что Оома Оомичъ крошечки хлѣбца-съ «съ утра въ ротъ не брали-съ, и что они теперь на тощахъ-съ». Дѣвица Перепелицына нашла забытые имъ очки, въ футлярѣ, и находка произвела необыкновенный эффектъ: генеральша бросилась на нихъ съ воплями и слезами и, не выпуская ихъ изъ рукъ, снова припала къ окну смотрѣть на дорогу. Ожиданіе дошло, наконецъ, до самой послѣдней степени напряженія... Въ другомъ углу Сашенька утѣшала Настю: онѣ обнялись и плакали. Настенька держала за руку Илюшу и поминутно цѣловала его, прощаясь съ своимъ ученикомъ. Илюша плакалъ на-взрыдъ, еще самъ не зная чему. Ежевикинъ и Мизинчиковъ толковали о чемъ-то въ сторонѣ. Мнѣ показалось, что Бахчеевъ, смотря на дѣвицъ, какъ будто тоже приготовлялся захныкать. Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, батюшка, сказалъ онъ мнѣ:—Оома-то Оомичъ пожалуй бы и удалился отсюда, да время еще тому не пришло: золоторогихъ быковъ еще подъ экипажъ ему не достали! Не безпокойтесь,

батюшка, хозяевъ изъ дому выживетъ и самъ останется!

Гроза прошла, и г. Бахчеевъ видимо измѣнилъ свои убѣжденія.

Вдругъ раздалось: «ведутъ! ведутъ!» и дамы съ визгомъ побросались къ дверямъ. Не прошло еще десяти минутъ послѣ отъѣзда дяди: казалось, невозможно бы такъ скоро привезти Оому Оомича; но загадка объяснилась потомъ очень просто: Оома Оомичъ, отпустивъ Гаврилу, дѣйствительно «пошелъ себѣ съ палочкой»; но, почувствовавъ себя въ совершенномъ уединеніи, среди бури, грома и ливня, препостыдно струсилъ, поворотилъ въ Степанчиково и побѣжалъ вслѣдъ за Гаврилой. Дядя захватилъ его уже на селѣ. Тотчасъ же остановили одну проѣзжавшую мимо телѣгу; сбѣжались мужики и посадили въ нее присмирѣвшаго Оому Оомича. Такъ и доставили его прямо въ отверзтыя объятія генеральши, которая чуть не обезумѣла отъ ужаса, увидя—въ какомъ онъ положеніи. Онъ былъ еще грязнѣе и мокрѣе Гаврилы. Суета поднялась ужаснѣйшая: хотѣли тотчасъ же тащить его наверхъ, чтобъ перемѣнить бѣлье; кричали о бузницѣ и о другихъ крѣпительныхъ средствахъ, метались во всѣ стороны безъ всякаго толку; говорили всѣ за-разъ... Но Оома какъ будто не замѣчалъ никого и ничего. Его ввели подъ-руки. Добравшись до своего кресла, онъ тяжело опустился въ него и закрылъ глаза. Кто-то кричалъ, что онъ умираетъ: поднялся ужаснѣйшій вой; но болѣе всѣхъ ревѣлъ Оалалей, стараясь пробиться сквозь толпу барынь къ Оомѣ Оомичу, чтобъ немедленно поцѣловать у него ручку...

V.

Оома Оомичъ созидаетъ всеобщее счастье.

— Куда это меня привели? проговорилъ, наконецъ, Оома голосомъ умирающаго за правду человека.

— Проклятая размазня! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ: — точно не видитъ, куда его привели. Вотъ ломаться-то теперь будетъ!

— Ты у насъ, Оома, ты въ кругу своихъ! вскричалъ дядя—ободришь, успокойся! И, право, перемѣнилъ бы ты теперь костюмъ, Оома, а то заболѣешь... Да не хочешь ли подкрѣпиться—а? такъ, эдакъ... рюмочку маленькую чего нибудь, чтобъ согрѣться...

— Малаги бы я выпилъ теперь, простоналъ Оома, снова закрывая глаза.

— Малаги? наврядъ ли у насъ и есть! сказалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильиничну.

— Какъ не быть! подхватила Прасковья Ильинична: — цѣлыя четыре бутылки остались, и тотчасъ же, гремя ключами, побѣжала за малагой, напутствуемая криками всѣхъ дамъ, облѣпившихъ

Оому, какъ мухи варенье. За то г. Бахчеевъ былъ въ самой послѣдней степени негодованія.

— Малаги захотѣлъ! проворчалъ онъ, чуть не вслухъ. И вина-то такого спросилъ, что никто не пьетъ! Ну, кто теперь пьетъ малагу, кромѣ такого же, какъ онъ, подлеца? Тыфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тутъ стою? чего я-то тутъ жду?

— Оома! началъ дядя, сбиваясь на каждомъ словѣ, вотъ теперь... когда ты отдохнулъ и опять вмѣстѣ съ нами... то есть, я хотѣлъ сказать, Оома, что понимаю, какъ, давеча, обвинивъ, такъ сказать, невиннѣйшее созданіе...

— Гдѣ, гдѣ она, моя невинность? подхватилъ Оома, какъ будто былъ въ жару и въ бреду: гдѣ золотые дни мои? гдѣ ты, мое золотое дѣтство, когда я, невинный и прекрасный, бѣгалъ по полямъ за весенней бабочкой? гдѣ, гдѣ это время? Воротите мнѣ мою невинность, воротите ее!..

И Оома, растопыривъ руки, обращался ко всѣмъ поочередно, какъ будто невинность его была у кого нибудь изъ насъ въ карманѣ. Бахчеевъ готовъ былъ лопнуть отъ гнѣва.

— Экъ чего захотѣлъ! проворчалъ онъ, съ яростью. — Подайте ему его невинности! Цѣловать-ся, что ли, онъ съ ней хочетъ? Можетъ, и мальчишкой-то былъ ужъ такимъ же разбойникомъ, какъ и теперь! присягну, что былъ.

— Оома!.. началъ было опять дядя.

— Гдѣ, гдѣ они, тѣ дни, когда я еще вѣровалъ въ любовь и любилъ человека? кричалъ Оома: — когда я обнимался съ человекомъ и плакалъ на груди его? а теперь—гдѣ я? гдѣ я?

— Ты у насъ, Оома, успокойся! крикнулъ дядя: — а я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать, Оома...

— Хотя бы вы-то ужъ теперь помолчали-съ, прошипѣла Перепелицына, злобно сверкнувъ своими змѣиными глазками.

— Гдѣ я? продолжалъ Оома:—кто кругомъ меня? Это буйволы и быки, устремившіе на меня рога свои. Жизнь, что же ты такое? Живи, живи, будь обезчещенъ, опозоренъ, умаленъ, избитъ, и когда засыпятъ пескомъ твою могилу, тогда только опомнятся люди, и бѣдныя кости твои раздавятъ монументомъ!

— Батюшки, о монументахъ заговорилъ! прошепталъ Ежевикинъ, сплеснувъ руками.

— О, не ставьте мнѣ монумента! кричалъ Оома, не ставьте мнѣ его! Не надо мнѣ монументовъ! Въ сердцахъ своихъ воздвигните мнѣ монументъ, а болѣе ничего не надо, не надо, не надо!

— Оома! прервалъ дядя, полно! успокойся! нечего говорить о монументахъ. Ты только выслушай... Видишь, Оома, я понимаю, что ты, можетъ-быть, такъ-сказать, горѣлъ благороднымъ огнемъ, упрекая меня давеча; но ты увлекся, Оома, за черту добродѣтели—увѣряю тебя, ты ошибся Оома...

— Да перестанете ли вы-съ? запищала опять Перепелицына: — убить, что ли, вы несчастнаго человека хотите-съ, потому-что они въ вашихъ рукахъ-съ?...

Вслѣдъ за Перепелицыной встрепелась и генеральша, а за ней и вся ея свита; всѣ замахали на дядю руками, чтобъ онъ остановился.

— Анна Ниловна, молчите вы сами, а я знаю что говорю! съ твердостью отвѣчалъ дядя. — Это дѣло святое! дѣло чести и справедливости. — Ома! ты разсудителенъ, ты долженъ сей же часъ попросить прощеніе у благороднѣйшей дѣвицы, которую ты оскорбилъ.

— У какой дѣвицы? какую дѣвицу я оскорбилъ? проговорилъ Ома, въ недоумѣніи обводя всѣхъ глазами, какъ-будто совершенно забывъ все происшедшее и не понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Да, Ома, и если ты теперь самъ, своей волей, благородно сознаешься въ винѣ своей, то, клянусь тебѣ, Ома, я паду къ ногамъ твоимъ, и тогда...

— Кого же это я оскорбилъ? вопилъ Ома: — какую дѣвицу? Гдѣ она? гдѣ эта дѣвица? Напомните мнѣ хоть что-нибудь объ этой дѣвицѣ!...

Въ эту минуту Настенька, смущенная и испуганная, подошла къ Егору Ильичу и дернула его за рукавъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, оставьте его, не надо извиненій! къ-чему это все? говорила она умоляющимъ голосомъ. — Бросьте это!...

— А! теперь я припоминаю! вскричалъ Ома. — Боже! я припоминаю! О, помогите, помогите мнѣ припоминать! просилъ онъ, повидимому, въ ужасномъ волненіи. — Скажите: правдали, что меня изгнали отсюда, какъ шелудивѣйшую изъ собакъ? Правда ли, что молнія поразила меня? Правда ли, что меня вышвырнули отсюда съ крыльца? Правда ли? правда ли это?

Плачь и воли дамскаго пола были краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ Омѣ Омичу.

— Такъ, такъ: твердилъ онъ, я припоминаю... я припоминаю теперь, что послѣ молніи и паденія моего я бѣжалъ сюда, преслѣдуемый громомъ, чтобъ исполнить свой долгъ и исчезнуть навѣки! Приподымите меня! Какъ ни слабъ я теперь, но долженъ исполнить свою обязанность.

Его тотчасъ приподняли съ кресла. Ома сталъ въ положеніе оратора и протянулъ свою руку.

— Полковникъ! вскричалъ онъ, теперь я очнулся совсѣмъ; громъ еще не убилъ во мнѣ умственныхъ способностей; осталась, правда, глухота въ правомъ ухѣ, происшедшая, можетъ-быть, не столько отъ грома, сколько отъ паденія съ крыльца... Но что до этого! И какое кому дѣло до праваго уха Омы!

Послѣднимъ словамъ своимъ Ома придалъ столько печальной пропіи и сопровождалъ ихъ такою жалобною улыбкою, что стоны тронутыхъ дамъ раздались снова. Всѣ онѣ съ укоромъ, а нѣкая съ яростью смотрѣли на дядю, уже начинавшаго по немногу уничтожаться передъ такимъ согласнымъ выраженіемъ всеобщаго мнѣнія. Мизинчиковъ плюнулъ и отошелъ къ окну. Бахчевъ все

сильнѣе-и-сильнѣе подталкивалъ меня локтемъ; онъ едва стоялъ на мѣстѣ...

— Теперь слушайте же всѣ мою исповѣдь! возопилъ Ома, обводя всѣхъ гордымъ и рѣшительнымъ взглядомъ: — а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшите судьбу несчастнаго Опескина. Егоръ Ильичъ! давно уже я наблюдалъ за вами, наблюдалъ съ замираніемъ моего сердца и видѣлъ все, все, тогда какъ вы еще и не подозрѣвали, что я наблюдаю за вами. Полковникъ! я, можетъ-быть, ошибался; но я зналъ вашъ эгоизмъ, ваше неограниченное самолюбіе, ваше фепоменальное сластолюбіе, и, кто обвинить меня, что я поневолѣ затрепеталъ о чести пачевиновнѣйшей изъ особъ?

— Ома, Ома!... ты, впрочемъ, не очень распространяйся, Ома! вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на страдальческое выраженіе въ лицѣ Настеньки.

— Не столько невинность и довѣрчивость этой особы, сколько ея неопытность смущала меня, продолжалъ Ома, какъ-будто и не слыхавъ предостереженія дяди. — Я видѣлъ, что нѣжное чувство расцвѣтаетъ въ ея сердцѣ, какъ вѣшная роза, и неволью припомнилъ Петrarку, сказавшаго, что «невинность такъ часто бываетъ на волосокъ отъ гибели». Я вздыхалъ, стоналъ и хотя за эту дѣвицу, чистую какъ жемчужина, я готовъ былъ отдать всю кровь мою на порукѣ, но кто могъ мнѣ поручиться за васъ, Егоръ Ильичъ? Зная необузданное стремленіе страстей вашихъ; зная, что вы всѣмъ готовы пожертвовать для минутнаго ихъ удовлетворенія, я вдругъ погрузился въ бездну ужаса и опасеній насчетъ судьбы наиблагороднѣйшей изъ дѣвицъ...

— Ома! не уже-ли ты могъ это подумать? вскричалъ дядя.

— Съ замираніемъ моего сердца я слѣдилъ за вами. Если хотите узнать о томъ, какъ я страдалъ, спросите у Шекспира: онъ разскажетъ вамъ въ своемъ «Гамлетѣ» о состояніи души моей. Я сдѣлался мнителенъ и ужасенъ. Въ безпокойствѣ моемъ, въ негодованіи моемъ, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это былъ не тотъ «черный цвѣтъ», о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ, — будьте увѣрены! Оттого-то и видѣли вы мое тогдашнее желаніе удалить ее изъ этого дома: я хотѣлъ спасти ее; оттого-то и видѣли вы меня во все послѣднее время раздражительнымъ и злобствующимъ на весь родъ человѣческій. О! кто примирить меня теперь съ человѣчествомъ? Чувствую, что я, можетъ быть, былъ взыскателенъ и несправедливъ къ гостямъ вашимъ, къ племяннику вашему, къ господину Бахчеву, требуя отъ него астрономіи; но кто обвинить меня за тогдашнее состояніе души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мнѣ, какъ мрачный омутъ невѣдомой глубины, на днѣ котораго лежалъ крокодилъ. Я чувствовалъ, что моя обязанность предупредить несчастіе, что я поставленъ, что я произведенъ для этого, — и что

же? вы не поняли наибогороднѣйшихъ побужденій души моей и платили мнѣ во все это время злобой, неблагодарностью, насмѣшками, униженіями...

— Оома! если такъ... конечно, я чувствую... вскричалъ дядя въ чрезвычайномъ волненіи.

— Если вы дѣйствительно чувствуете, полковникъ, то благоволите дослушать, а не прерывать меня. Продолжаю: вся вина моя, слѣдственно, состояла въ томъ, что я слишкомъ убивался о судьбѣ и счастья этого дитяти; ибо она еще дитя передъ вами. Высочайшая любовь къ человѣчеству сдѣлала меня въ это время какимъ-то бѣсомъ гнѣва и мнительности. Я готовъ былъ кидаться на людей и терзать ихъ. И знаете ли, Емюръ Ильичъ, что всѣ поступки ваши, какъ нарочно, поминутно подтверждали мою мнительность и удостоверяли меня во всѣхъ подозрѣніяхъ моихъ? Знаете ли, что вчера, когда вы осыпали меня своимъ золотомъ, чтобъ удалить меня отъ себя, я подумалъ: «онъ удаляетъ отъ себя, въ лицѣ моемъ, свою совѣсть, чтобъ удобнѣе совершить преступленіе...»

— Оома, Оома! не уже-ли ты это думалъ вчера? съ ужасомъ вскричалъ дядя: — Господи-Боже, а я-то ничего и не подозрѣвалъ!

— Само небо внушило мнѣ эти подозрѣнія, продолжалъ Оома. И рѣшите сами, что могъ я подумать, когда слѣпой случай привелъ меня въ тотъ же вечеръ къ той роковой скамейкѣ въ саду? что почувствовалъ я въ эту минуту—о Боже!—увидѣвъ, наконецъ, собственными своими глазами, что всѣ подозрѣнія мои оправдались вдругъ, самымъ блистательнымъ образомъ? Но мнѣ еще оставалась одна надежда, слабая, конечно, но все же надежда — и что же? сегодня утромъ вы разрушаете ее сами въ прахъ и въ обломки! Вы присылаете мнѣ письмо ваше; выставляете намѣреніе жениться; умоляете не разглашать... «Но почему же», подумалъ я, «почему же онъ написалъ именно теперь, когда уже я засталъ его, а не прежде? Почему же прежде онъ не приближалъ ко мнѣ, счастливый и прекрасный—ибо любовь украшаетъ лицо — почему не бросился онъ тогда въ мои объятія, не заплакалъ на груди моей слезами безпредѣльнаго счастья и не повѣдалъ мнѣ всего, всего?» Или я крокодилъ, который бы только сожралъ васъ, а не далъ бы вамъ полезнаго совѣта? или я какой нибудь отвратительный жукъ, который бы только укусилъ васъ, а не способствовалъ вашему счастью? «Другъ ли я его, или самое гнуснѣйшее изъ насѣкомыхъ?» — вотъ вопросъ, который я задалъ себѣ нынче утромъ! «Для чего, наконецъ», думалъ я, «для чего же выписывалъ онъ изъ столицы своего племянника и сваталъ его къ этой дѣвицѣ, какъ не для того, чтобъ обмануть и насъ, и *легкомысленнаго* племянника, а, между тѣмъ, втайнѣ продолжать преступнѣйшее изъ намѣреній? Нѣтъ, полковникъ, если кто утвердилъ во мнѣ мысль, что взаимная лю-

бовь ваша преступна, то это вы сами, и одинъ только вы! Мало того, вы преступникъ и передъ этой дѣвицей, ибо ее, чистую и благонравную, черезъ вашу же неловкость и эгоистическую недозрѣчивость, вы подвергли клеветѣ и тяжкимъ подозрѣніямъ!

Дядя молчалъ, склонивъ голову: краснорѣчіе Оомы видимо одержало верхъ надъ всѣми его возраженіями, и онъ уже признавалъ себя полнымъ преступникомъ. Генеральша и ея общество, молча и съ благоговѣніемъ слушали Оому, а Перепелицына съ злымъ торжествомъ смотрѣла на бѣдную Настеньку.

— Пораженный, раздраженный, убитый, продолжалъ Оома, — я заперся сегодня на ключъ и молился, да внушитъ мнѣ Богъ правыя мысли! Наконецъ, положилъ я: въ послѣдній разъ и публично испытать васъ. Я, можетъ быть, слишкомъ горячо принялся, можетъ быть слишкомъ предался моему негодованію; но за благороднѣйшія побужденія мои вы вышвырнули меня изъ окошка! Падая изъ окошка, я думалъ про себя: «вотъ такъ-то всегда на свѣтѣ вознаграждается добродѣтель!» Тутъ я ударился о-земь и затѣмъ едва помню, что со мною дальше случилось!

Визги и стоны прервали Оому Оомича при этомъ трагическомъ воспоминаніи. Генеральша бросилась было къ нему, съ бутылкой малаги въ рукахъ, которую она только что передъ этимъ вырвала изъ рукъ воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Оома величественно отвелъ рукой и малагу, и генеральшу.

— Остановитесь! вскричалъ онъ: — мнѣ надо кончить. Что случилось послѣ моего паденія — не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здѣсь, чтобъ составить ваше обоюдное счастье. Полковникъ! по многимъ признакамъ, которыхъ я не хочу теперь объяснять, я увѣрился, наконецъ, что любовь ваша была чиста и даже возвышенна, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преступно недовѣрчива. Избитый, униженный, подозрѣваемый въ оскорбленіи дѣвицы, за честь которой я, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ, готовъ былъ пролить до капли всю кровь мою — я рѣшаюсь теперь показать вамъ, какъ мститъ за свои обиды Оома Опискинъ. Протяните мнѣ вашу руку, полковникъ!

— Съ удовольствіемъ, Оома! вскричалъ дядя, — и такъ какъ ты вполне объяснилъ теперь о чести благороднѣйшей особы, то... разумѣется... вотъ тебѣ рука моя, Оома, вмѣстѣ съ моимъ раскаяніемъ...

И дядя съ жаромъ подаль ему руку, не подозрѣвая еще, что изъ этого выйдетъ.

— Дайте и вы мнѣ вашу руку, продолжалъ Оома, слабымъ голосомъ, раздвигая дамскую сбишущуюся около него толпу, и обращаясь къ Настенькѣ.

Настенька смутилась, смѣшалась и робко смотрѣла на Оому.

— Подойдите, подойдите, милое мое дитя! это необходимо для вашего счастья, ласково прибавилъ Оома, все еще продолжая держать руку дяди въ своихъ рукахъ.

— Что это онъ затѣваетъ? проговорилъ Мизинчиковъ.

Настя, испуганная и дрожащая, медленно пошла къ Оомѣ и робко протянула ему свою ручку.

Оома взялъ эту ручку и положилъ ее въ руку дяди.

— Соединяю и благословляю васъ, произнесъ онъ самымъ торжественнымъ голосомъ: — и если благословленіе убитого горемъ страдальца можетъ послужить вамъ въ пользу, то будьте счастливы. Вотъ, какъ мститъ Оома Опискинъ! Урра!

Всеобщее изумленіе было безпредѣльно. Развязка была такъ неожиданна, что на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ. Генеральша, какъ была, такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ и съ бутылкой малаги въ рукахъ. Перепелицына поблѣднѣла и затряслась отъ ярости. Приживалки всплеснули руками и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Дядя задрожалъ и хотѣлъ что-то проговорить, но не могъ. Настя поблѣднѣла, какъ мертвая, и робко проговорила «что это нельзя...», — но уже было поздно. Бахчевъ первый — надо отдать ему справедливость — подхватилъ ура Оомы Оомича, за нимъ я, за мною, во весь свой звонкій голосокъ, Сашенька, тутъ же бросившаяся обнимать отца; потомъ Илюша, потомъ Ежевикинъ; послѣ всѣхъ ужъ Мизинчиковъ.

— Ура! крикнулъ другой разъ Оома, урра! И на колѣни, дѣти моего сердца, на колѣни передъ нѣжнѣйшею изъ матерей! Просите ея благословенія и, если надо, я самъ преклоню передъ нею колѣни, вмѣстѣ съ вами...

Дядя и Настя, еще не взглянувъ другъ на друга, испуганные и, кажется, непонимавшіе, что съ ними дѣлается, упали на колѣни передъ генеральшей; всѣ столпились около нихъ; но старуха стояла какъ будто ошеломленная, совершенно не понимая, какъ ей поступить. Оома помогъ и этому обстоятельству: онъ самъ повергся передъ своей покровительницей. Это разомъ уничтожило всѣ ея недоумѣнія. Заливаясь слезами, она проговорила, наконецъ, что согласна. Дядя вскочилъ и стиснулъ Оому въ объятіяхъ.

— Оома, Оома!.. проговорилъ онъ, но голосъ его осѣкся и онъ не могъ продолжать.

— Шампанскаго! заревѣлъ Степанъ Алексѣвичъ. — Урра!

— Нѣтъ-съ, не шампанскаго-съ, подхватила Перепелицына, которая уже успѣла опомниться и сообразить всѣ обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдствія: — а свѣчку Богу зажечь-съ, образу помолиться, да образомъ и благословить-съ, какъ всѣми набожными людьми исполняется-съ...

Тотчасъ же всѣ бросились исполнять благоразумный совѣтъ; поднялась ужасная суетня. Надо

было засвѣтить свѣчу. Степанъ Алексѣвичъ поставилъ стулъ и полѣзъ приставлять свѣчу къ образу, но тотчасъ же подломилъ стулъ и тяжело соскочилъ на полъ, удержавшись, впрочемъ, на ногахъ. Нисколько не разсердившись, онъ тутъ же съ почтеніемъ уступилъ мѣсто Перепелицыной. Тоненькая Перепелицына мигомъ обдѣлала дѣло: свѣча зажглась. Монашенка и приживалки начали креститься и класть земные поклоны. Сняли образъ Спасителя и поднесли генеральшѣ. Дядя и Настя снова стали на колѣни, и церемонія совершилась при набожныхъ наставленіяхъ Перепелицыной, минутно приговаривавшей: «въ ножки-то поклонитесь, къ образу-то приложитесь, руку-то у мамы поцѣлуйте-съ!» Послѣ жениха и невѣсты, къ образу почелъ себя обязаннымъ приложиться и г. Бахчевъ, причемъ, тоже поцѣловалъ у матушки-генеральши ручку. Онъ былъ въ восторгѣ не описанномъ.

— Урра! закричалъ онъ снова. — Вотъ теперь такъ ужъ выпьемъ шампанскаго!

Впрочемъ, и всѣ были въ восторгѣ. Генеральша плакала, но теперь ужъ слезами радости: сохвъ, благословенный Оомою, тотчасъ же сдѣлался въ глазахъ ея и приличнымъ, и священнымъ, — а, главное, она чувствовала, что Оома Оомичъ отличился и что теперь ужъ останется съ нею навѣки-вѣкомъ. Всѣ приживалки, по-крайней-мѣрѣ, съ виду, раздѣляли всеобщій восторгъ. Дядя — то становился передъ матерью на колѣни и цѣловалъ ея руки, то бросался обнимать меня, Бахчева, Мизинчикова и Ежевикина. Илюшу онъ чуть-было не задушилъ въ своихъ объятіяхъ. Саша бросилась обнимать и цѣловать Настеньку. Прасковья Ильинична обливалась слезами. Г. Бахчевъ, замѣтивъ это, подошелъ къ ней, — къ ручкѣ. Старивашка Ежевикинъ расчувствовался и плакалъ въ углу, обтирая глаза своимъ клѣтчатымъ, вчерашнимъ платкомъ. Въ другомъ углу хныкалъ Гаврила и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Оому Оомича, а Оалалей рыдалъ во весь голосъ, подходилъ ко всѣмъ и тоже цѣловалъ у всѣхъ руки. Всѣ были подавлены чувствомъ. Никто еще не начиналъ говорить, никто не объяснялся; казалось, все уже было сказано; раздавались только радостныя восклицанія. Никто не понималъ еще, какъ это все вдругъ, такъ скоро устроилось. Знали только одно, что все это сдѣлалъ Оома Оомичъ, и что это фактъ насущный и непреложный.

Но еще и пяти минутъ не прошло послѣ всеобщаго счастья, какъ вдругъ между нами явилась Татьяна Ивановна. Какимъ образомъ, какимъ чутьемъ могла она такъ скоро, сидя у себя наверху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула съ сіяющимъ лицомъ, со слезами радости на глазахъ, въ обольстительно-изящномъ туалетѣ (наверху она-таки успѣла переодѣться) и прямо, съ громкими криками, бросилась обнимать Настеньку.

— Настенька, Настенька! ты любила его, а я и не знала, вскричала она. — Боже! они любили

другъ друга, они страдали въ тишинѣ, втайнѣ! ихъ преслѣдовали! Какой романъ! Настя, голубчикъ мой, скажи мнѣ всю правду: не уже-ли ты въ-самомъ-дѣлѣ любишь этого безумца?

Вмѣсто отвѣта, Настя обняла ее и поцѣловала.

— Боже, какой очаровательный романъ! и Татьяна Ивановна захопала отъ восторга въ ладоши.— Слушай, Настя, слушай, ангелъ мой: всѣ эти мужчины, всѣ до единого — неблагодарные. изверги и не стоятъ нашей любви. Но, можетъ-быть, онъ лучшій изъ нихъ. Подойди ко мнѣ, безумецъ! вскричала она, обращаясь къ дядѣ и хватая его за руку:—не уже-ли ты влюбленъ? не уже-ли ты способенъ любить? Смотри на меня: я хочу посмотрѣть тебѣ въ глаза; я хочу видѣть, лгутъ ли эти глаза, или нѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, они не лгутъ: въ нихъ сіяетъ любовь. О, какъ я счастлива! Настенька, другъ мой, послушай, ты не богата: я подарю тебѣ тридцать тысячъ. Возьми, ради Бога! Мнѣ не надо, ненадо; мнѣ еще много останется. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала она и замахала руками, увидя, что Настя хочетъ отказываться.—Молчите и вы, Егоръ Ильичъ, это не ваше дѣло. Нѣтъ, Настя, я ужъ такъ положила—тебѣ подарить; я давно хотѣла тебѣ подарить, и только дождалась первой любви твоей... Я буду смотрѣть на ваше счастье. Ты обидишь меня, если не возьмешь; я буду плакать. Настя... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Татьяна Ивановна была въ такомъ восторгѣ, что, въ эту минуту, по-крайней-мѣрѣ, невозможно, даже жаль было ей возражать. На это и не рѣшились, а отложили до другаго времени. Она бросилась цѣловать генеральшу, Перепелицыну—всѣхъ насъ. Бахчеевъ почтительнѣйшимъ образомъ протѣснился къ ней и попросилъ и у ней ручку.

— Матушка ты моя! голубушка ты моя! прости ты меня, дурака, за давившее: не зналъ я твоего золотого сердечка!

— Безумецъ! я давно тебя знаю, съ восторженною приторностью пролепетала Татьяна Ивановна, ударила Степана Алексѣевича по носу перчаткой и порхнула отъ него, какъ зефиръ, задѣвъ его своимъ пышнымъ платьемъ. Толстякъ почтительно посторонился.

— Достоинѣйшая дѣвица! проговорилъ онъ съ умплениемъ. — А носъ-то нѣмцу вѣдь подклеплъ! шепнулъ онъ мнѣ конфиденціально, радостно смотря мнѣ въ глаза.

— Какой носъ? какому нѣмцу? спросилъ я въ удивленіи.

— А вотъ, выписному-то, что ручку-то у своей нѣмки цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ. Евдокимъ у меня починилъ вчера еще; а давеча, какъ воротились съ погони, я и послалъ верхового... Скоро привезутъ. Превосходная вещь!

— Ома! вскричалъ дядя, въ изступленномъ восторгѣ,—ты виновникъ нашего счастья! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

— Ничѣмъ, полковникъ, отвѣчалъ Ома съ пост-

ной миной. — *Продолжайте не обращать на меня вниманія и будьте счастливы безъ Омы.*

Онъ былъ, очевидно, пикированъ: среди всеобщихъ изліяній о немъ, какъ-будто и забыли.

— Это все отъ восторга, Ома! вскричалъ дядя.— Я, братъ, ужъ и не помню, гдѣ и стою. Слушай, Ома: я обидѣлъ тебя. Всей жизни моей, всей крови моей не достанетъ, чтобъ удовлетворить твою обиду, и потому, я молчу, даже не пзвиняюсь. Но если когда-нибудь тебѣ понадобится моя голова, моя жизнь, если надо будетъ броситься за тебя въ разверзтую бездну, то повелѣвай и увидишь... Я больше ничего не скажу, Ома.

И дядя махнулъ рукой, вполне сознавая невозможность прибавить что-нибудь еще, чтобъ сильнѣе могло выразить его мысль. Онъ только глядѣлъ на Ому благодарными, полными слезъ глазами.

— Вотъ опп какіе ангелы-съ! пропищала, въ свою очередь, въ похвалу Омѣ, дѣвица Перепелицына.

— Да, да! подхватила Сашенька:—я и не знала, что вы такой хорошій человекъ, Ома Омичъ, и была къ вамъ непочтительна. А вы простите меня, Ома Омичъ, и ужъ будьте увѣрены, что я буду васъ всѣмъ сердцемъ любить. Еслибъ вы знали, какъ я теперь васъ почитаю!

— Да, Ома! подхватилъ Бахчеевъ:—прости и ты меня, дурака! не зналъ я тебя, не зналъ! Ты, Ома Омичъ, не только ученый, но и—просто герой! Весь домъ мой къ твоимъ услугамъ. А лучше всего, приѣзжай-ка, братъ, ко мнѣ послѣ-завтра, да ужъ и съ матушкой-генеральшей, да ужъ и съ женихомъ и невестой, — да чего тутъ! всѣмъ домомъ ко мнѣ! то-есть, вотъ какъ пообѣдаемъ—заванѣе не похваюсь, а одно скажу: только птичьего молока для васъ не достану! Великое слово даю!

Среди этихъ изліяній, подошла къ Омѣ Омичу и Настенька и, безъ дальнихъ словъ, крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Ома Омичъ! сказала она,—вы нашъ благодѣтель; вы столько для насъ сдѣлали, что я и не знаю, чѣмъ вамъ заплатить за все это, а только знаю, что буду для васъ самой нѣжной, самой почтительною сестрой...

Она не могла договорить: слезы заглушили слова. Ома поцѣловалъ ее въ голову и самъ прослезился.

— Дѣти мои, дѣти моего сердца! сказалъ онъ,—живите, цвѣтите и, въ минуты счастья, вспоминайте когда-нибудь про бѣднаго изгнанника! Про себя же скажу, что несчастье есть, можетъ-быть, мать добродѣтели. Это сказалъ, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у котораго бываютъ иногда зернистыя мысли. Изгнаніе есть несчастье! Скупальцемъ пойду я теперь по землѣ съ моимъ посохомъ, и, кто знаетъ? можетъ быть, черезъ несчастья мои я стану еще добродѣтельнѣе! Эта мысль—единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе!

— Но... куда же ты уйдешь, Оома? въ испугѣ вскричалъ дядя.

Всѣ вздрогнули и устремились къ Оомѣ.

— Но, развѣ я могу оставаться въ вашемъ домѣ послѣ давешняго вашего поступка, полковникъ? спросилъ Оома съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

Но ему не дали говорить: общіе крики заглушили слова его. Его усадили въ кресло; его упрасивали, его оплакивали, и ужъ не знаю, что еще съ нимъ дѣлали. Конечно, и въ мысляхъ его не было выйти изъ «этого дома», такъ же, какъ и давеча не было, какъ не было и вчера, какъ не было и тогда, когда онъ копалъ въ огорождѣ. Онъ зналъ, что теперь его набожно останавливать, уцѣпляться за него, особенно когда онъ всѣхъ осчастливилъ, когда всѣ въ него снова увѣровали, когда всѣ готовы были носить его на рукахъ и почитать это за честь и за счастье. Но, вѣроятно, давешнее, малодушное его возвращеніе, когда онъ испугался грозы, нѣсколько щеколало его амбицію и подстрекало его еще какъ-нибудь погеройствовать; а главное—предстоялъ такой соблазнъ подоматься; можно было такъ хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности противиться искушенію. Онъ и не противился; онъ вырывался отъ непускавшихъ его; онъ требовалъ своего посоха, молилъ, чтобъ отдали ему его свободу, чтобъ отпустили его на всѣ четыре стороны; что онъ въ «этомъ домѣ» былъ обезчещенъ, избитъ; что онъ воротился для того, чтобъ составить всеобщее счастье; что можетъ ли онъ, наконецъ, оставаться въ «домѣ неблагодарности и ѣсть щи, хотя и сытныя, но приправленныя побоями?» Наконецъ, онъ пересталъ вырываться. Его снова усадили въ кресло; но краснорѣчіе его не прерывалось.

— Развѣ не обижали меня здѣсь? кричалъ онъ:— развѣ не дразнили меня здѣсь языкомъ? развѣ вы, вы сами, полковникъ, подобно невѣжественнымъ дѣтямъ мѣщанъ на городскихъ улицахъ, не показывали мнѣ ежечасно шиши и кукиши? Да, полковникъ! я стою за это сравненіе, потому что, если вы и не показывали мнѣ ихъ физически, то, все-равно, это были нравственные кукиши; а нравственные кукиши, въ иныхъ случаяхъ, даже обиднѣе физическихъ. Я уже не говорю о побояхъ....

— Оома, Оома! вскричалъ дядя: — не убивай меня этимъ воспоминаніемъ! Я ужъ говорилъ тебѣ, что всей крови моей недостаточно, чтобъ омытъ эту обиду. Будь же великодушнѣе! забудь, прости и останься созерцать наше счастье! Твои плоды, Оома....

— Я хочу любить, любить человѣка, кричалъ Оома: — а мнѣ не даютъ человѣка, запрещаютъ любить, отнимаютъ у меня человѣка! Дайте, дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его! Гдѣ этотъ человѣкъ? куда спрятался этотъ человѣкъ? Какъ Діогенъ съ фонаремъ, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколѣ не найду этого чело-

вѣка. Горе тому, кто сдѣлалъ меня человѣко-навистникомъ! Я кричу: дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его, а мнѣ суютъ Оалалея! Оалалея ли я полюблю? Захожу ли я полюбить Оалалея? Могу ли я, наконецъ, любить Оалалея, еслибъ даже хотѣлъ? Нѣтъ; почему нѣтъ? Потому что онъ Оалалей. Почему я не люблю человѣчества? Потому что все, что ни есть на свѣтѣ—Оалалей, или похоже на Оалалея! Я не хочу Оалалея, я ненавижу Оалалея, я плюю на Оалалея, я раздавлю Оалалея, и, еслибъ надо было выбирать, то я полюблю скорѣе Асмодея, чѣмъ Оалалея! Поди, поди сюда, мой всегдашній истязатель, поди сюда! закричалъ онъ, вдругъ обратившись къ Оалалею, самымъ невиннѣйшимъ образомъ выглядывавшему на цыпочкахъ изъ-за толпы, окружавшей Оому Оомича: — поди сюда! Я докажу вамъ, полковникъ, кричалъ Оома, притягивая къ себѣ рукой Оалалея, обезпамятѣвшаго отъ страха,—я докажу вамъ справедливость словъ моихъ о всегдашнихъ насмѣшкахъ и кукишахъ! Скажи, Оалалей, и скажи правду: что видѣлъ ты во снѣ сегодняшнюю ночь? Вотъ, увидите, полковникъ, увидите ваши плоды! Ну, Оалалей, говори!

Бѣдный мальчикъ, дрожавшій отъ страха, обводилъ кругомъ отчаянный взглядъ, ища хоть въ комъ-нибудь своего спасенія; но всѣ только трепетали и, съ ужасомъ, ждали его отвѣта.

— Ну же, Оалалей, я жду!

Вмѣсто отвѣта, Оалалей сморщилъ лицо, растянулъ свой ротъ и заревѣлъ, какъ тенецъ.

— Полковникъ! видите ли это упорство? Неужели оно натуральное? Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ, Оалалей, скажи: какой сонъ ты видѣлъ сегодня?

— Про....

— Скажи, что меня видѣлъ, подсказалъ Бахчевъ.

— Про ваши добродѣтели—съ! подсказалъ на другое ухо Ежевикинъ.

Оалалей только оглядывался.

— Про.... про ваши доб.... про бѣлаго бы-ка! промышалъ онъ, наконецъ, и залился горячими слезами.

Всѣ ахнули. Но Оома Оомичъ былъ въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія.

— По-крайней мѣрѣ, я вижу твою искренность, Оалалей, сказалъ онъ: — искренность, которой не замѣчаю въ другихъ. Богъ съ тобою! Если ты нарочно дразнишь меня этимъ сномъ, по навѣсту другихъ, то Богъ воздастъ и тебѣ, и другимъ. Если же нѣтъ, то уважаю твою искренность, ибо даже въ послѣднемъ изъ созданій, какъ ты, я привыкъ различать образъ и подобіе Божіе... Я прощаю тебя, Оалалей! Дѣти мои, обнимите меня, я остаюсь!...

«Остается!» вскричали всѣ съ восторгомъ.

— Остаюсь и прощаю. Полковникъ, наградите Оалалея сахаромъ: пусть не плачетъ онъ въ такой день всеобщаго счастья.

Разумѣется, такое великодушіе нашли изумительнымъ. *Такъ* заботиться, въ *такую* минуту и, о комъ же? о *Оалалей!* Дядя бросился исполнять приказаніе о сахарѣ. Тотчасъ же—Богъ-знаетъ, откуда—въ рукахъ Прасковьи Ильиничны явилась серебряная сахарница. Дядя вынулъ-было дрожавшею рукою два куска, потомъ три, потомъ уронилъ ихъ, наконецъ, видя, что ничего не въ-состояніи сдѣлать отъ волненія.

— Э! вскричалъ онъ: — ужъ для такого дня! Держи, *Оалалей!* и высыпалъ ему за пазуху всю сахарницу.

— Это тебѣ за искренность, прибавилъ онъ, въ видѣ правоученія.

— Господинъ Коровкинъ, доложилъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Видоплясовъ.

Произошла маленькая суета. Посѣщеніе Коровкина было, очевидно, некстати. Всѣ вопросительно посмотрѣли на дядю.

— Коровкинъ! вскричалъ дядя, въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — Конечно, я радъ... прибавилъ онъ, робко взглядывая на *Оому*: — но ужъ, право, не знаю, просить ли его теперь,—въ такую минуту. Какъ ты думаешь, *Оома*?

— Ничего, ничего! благосклонно проговорилъ *Оома*,—пригласите и Коровкина; пусть и онъ участвуетъ во всеобщемъ счастьи.

Словомъ, *Оома* *Оомичъ* былъ въ ангельскомъ расположеніи духа.

— Почтительнѣйше осмѣлюсь доложить-сь, замѣтилъ Видоплясовъ, — что Коровкинъ изволятъ находится не въ своемъ видѣ-сь.

— Не въ своемъ видѣ? какъ? Что ты врешь? вскричалъ дядя.

— Точно такъ-сь: не въ трезвомъ состояніи души-сь...

Но, прежде чѣмъ дядя успѣлъ раскрыть ротъ, покраснѣть, испугаться и сконфузиться до послѣдней степени, послѣдовало и разрѣшеніе загадки. Въ дверяхъ появился самъ Коровкинъ, отвелъ рукой Видоплясова и предсталъ предъ изумленною публикой. Это былъ невысокій, но плотный господинъ, лѣтъ сорока, съ темными волосами и съ просѣдью, выстриженный подъ гребенку, съ багровымъ, круглымъ лицомъ, съ маленькими, налитыми кровью глазами, въ высокомъ волосяномъ галстухѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, во фракѣ необыкновенно-истасканномъ, въ пуху и въ снѣгѣ, и сильно-лопнушемъ подъ-мышкой, въ *pantalon impossible* и при фуражкѣ, засаленной до невѣроятности, которую онъ держалъ на-отлетѣ. Этотъ господинъ былъ совершенно пьянъ. Выйдя на середину комнаты, онъ остановился, покачиваясь и тюкая впередъ носомъ, въ пьяномъ раздумьи; потомъ медленно во весь ротъ улыбнулся.

— Извините, господа, проговорилъ онъ: — я... того... (тутъ онъ щелкнулъ по воротнику) получилъ!

Генеральша немедленно приняла видъ оскорбленнаго достоинства. *Оома*, сидя въ креслѣ, ironically обмѣривалъ взглядомъ эксцентрическаго

гостя. Бахчевеъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывало, однако, нѣкоторое сочувствіе. Смущеніе же дяди было невѣроятное; онъ всею душою страдалъ за Коровкина.

— Коровкинъ! началъ-было онъ:—слушайте!

— Атанде' съ, прервалъ Коровкинъ.—Рекомендуюсь: дитя природы... Но, что я вижу? Здѣсь дамы... А зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, подлецъ, что у тебя здѣсь дамы? прибавилъ онъ, съ плутовскою улыбкою смотря на дядю: — ничего? не робѣй!... представимся и прекрасному полу... Прелестныя дамы! началъ онъ, съ трудомъ ворочая языкъ и завязая на каждомъ словѣ: — вы видите несчастнаго, который... ну, да ужъ и такъ далѣе... Остальное не договаривается... Музыканты! полку!

— А не хотите ли заснуть? спросилъ Мизинчиковъ, спокойно подходя къ Коровкину.

— Заснуть? Да вы съ оскорбленіемъ говорите?

— Нисколько. Знаете, съ дороги, полезно...

— Никогда! съ негодованіемъ отвѣчалъ Коровкинъ.—Ты думаешь, я пьянъ?—ни мало... А, впрочемъ, гдѣ у васъ спать?

— Пойдемте, я васъ сейчасъ проведу.

— Куда? въ сарай? Нѣтъ, братъ, не надуешь! Я ужъ тамъ ночевалъ... А, впрочемъ, веди... Съ хорошимъ человѣкомъ отчего не пойти?... Подушки не надо; военному человѣку не надо подушки. А ты мнѣ, братъ, диванчикъ, диванчикъ сочини... Да слушай, прибавилъ онъ, останавливаясь: — ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мнѣ того... понимаешь? ромео, такъ только, чтобъ муху задавить... единственно, чтобъ муху задавить, одну, то есть, рюмочку.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ Мизинчиковъ.

— Хорошо... Да ты постой, вѣдь надо жъ проститься... *Adieu, mesdames* и *mesdemoiselles!*... Вы, такъ-сказать, пронзили... Ну, да ужъ нечего! послѣ объяснимся... а только разбудите меня, какъ начнется... или даже за пять минутъ до начала... а безъ меня не начинать! слышите? не начинать!...

И веселый господинъ скрылся за Мизинчиковымъ.

Всѣ молчали. Недоумѣніе еще продолжалось. Наконецъ, *Оома* началъ по-немногу, молча и неслышно, хихикать; смѣхъ его разрослся все болѣе-и-болѣе въ хохотъ. Видя это, повеселѣла и генеральша, хотя все еще выраженіе оскорбленнаго достоинства сохранялось въ лицѣ ея. Невольный смѣхъ начиналъ подыматься со всѣхъ сторонъ. Дядя стоялъ, какъ ошеломленный, краснѣя до слезъ и нѣкоторое время не въ-состояніи вымолвить слова.

— Господи-Боже! проговорилъ онъ, наконецъ,—кто жъ это знаетъ? Но вѣдь... вѣдь это со всякимъ же можетъ случиться. *Оома*, увѣряю тебя, что это честнѣйшій, благороднѣйшій и даже чрезвычайно-начитанный человѣкъ. *Оома*... вотъ ты увидишь!...

— Вижу-сь, вижу-сь, отвѣчалъ *Оома*, задыхаясь отъ смѣха: — необыкновенно начитанный, именно начитанный!

— Про желѣзныя доро́ги какъ говорить-сь! замѣтилъ, вполголоса, Ежевикинъ.

— Оома!.. вскричалъ-было дядя, но всеобщій хохоть покрылъ слова его. Оома Оомичъ такъ и заливался. Видя это, разсмѣялся и дядя.

— Ну, да что тутъ! сказалъ онъ съ увлеченіемъ. — Ты великодушенъ, Оома, у тебя великое сердце: ты составилъ мое счастье... ты же простишь и Коровкину.

Не смѣялась одна только Настенька. Полными любовью глазами смотрѣла она на жениха своего и какъ-будто хотѣла вымолвить:

«Какой ты, однакожь, прекрасный, какой добрый, какой благороднѣйшій человѣкъ, и какъ я люблю тебя!»

VI.

З а к л ю ч е н і е.

Торжество Оомы было полное и непоколебимое. Дѣйствительно, безъ него ничего бы не устроилось и совершившійся фактъ подавлялъ всѣ сомнѣнія и возраженія. Благодарность осчастливленныхъ была безгранична. Дядя и Настенька такъ и замахали на меня руками, когда я попробовалъ-было слегка намекнуть, какимъ процессомъ получилось согласіе Оомы на ихъ свадьбу. Сашенька кричала: «добрый, добрый Оома Оомичъ; я ему подушку гарусомъ вышью!» и даже пристыдила меня за мое жестокосердіе. Новообращенный Степанъ Алексѣичъ, кажется, задушилъ бы меня, еслибъ мнѣ вздумалось сказать при немъ что-нибудь непочтительно про Оому Оомича. Онъ теперь ходилъ за Оомой, какъ собачка, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и къ каждому слову его прибавлялъ: «благороднѣйшій ты человѣкъ, Оома! ученый ты человѣкъ, Оома!» Что жъ касается Ежевика, то онъ былъ въ самой послѣдней степени восторга. Старикашка давнымъ-давно видѣлъ, что Настенька вскружила голову Егору Ильичу и съ-тѣхъ-поръ на яву и во снѣ только и грезилъ о томъ, какъ бы выдать за него свою дочку. Онъ тянулъ дѣло до послѣдней невозможности и отказался уже тогда, когда невозможно было не отказаться. Оома перестроилъ дѣло. Разумѣется, старикъ, несмотря на свой восторгъ, понималъ Оому Оомича несквозь; словомъ, было ясно, что Оома Оомичъ воцарился въ этомъ домѣ навѣки и что тиранству его теперь уже не будетъ конца. Извѣстно, что самые непріятнѣйшіе, самые капризнѣйшіе люди, хоть на-время, да укрощаются, когда удовлетворяютъ ихъ желаніямъ. Оома Оомичъ, совершенно напротивъ, какъ-то еще больше глумлѣлся при удачахъ и задиралъ носъ все выше-и-выше. Передъ самымъ обѣдомъ, перемѣнивъ бѣлье и переодѣвшись, онъ усѣлся въ креслѣ, позвалъ дядю и, въ присутствіи всего семейства, сталъ читать ему новую проповѣдь.

— Полковникъ! началъ онъ: — вы вступаете въ законный бракъ. Понимаете ли вы ту обязанность...

Итакъ далѣе, итакъ далѣе; представьте себѣ

десять страницъ, формата Journal des Debats», самой мелкой печати, наполненныхъ самымъ дикимъ вздоромъ, въ которомъ не было ровно ничего объ обязанностяхъ, а были только самыя безстыдныя похвалы уму, кротости, великодушію, мужеству и безкорыстію его самого, Оомы Оомича. Всѣ были голодны; всѣмъ хотѣлось обѣдать; но, несмотря на то, никто не смѣлъ противорѣчить и всѣ съ благоговѣніемъ дослушали всю дичь до конца; даже Бахчевъ, при всемъ своемъ мучительномъ апетитѣ, просидѣлъ, не шелохнувшись, въ самой полной почтительности. Удовлетворившись собственнымъ краснорѣчіемъ, Оома Оомичъ, наконецъ, развеселился и даже довольно-сильно подпилъ за обѣдомъ, провозглашая самыя необыкновенныя тосты. Онъ принялся острить и подшучивать, разумѣется, на счетъ молодыхъ. Всѣ хохотали и аплодировали. Но нѣкоторыя изъ шутокъ были до такой степени сальны и недвусмысленны, что даже Бахчевъ сконфузился. Наконецъ, Настенька вскочила изъ-за стола и убѣжала. Это привело Оому Оомича въ неописанный восторгъ; но онъ тотчасъ же нашелся: въ краткихъ, но сильныхъ словахъ изобразилъ онъ достоинства Настеньки и провозгласилъ тостъ за здоровье отсутствующей. Дядя, за минуту сконфуженный и страдавшій, готовъ былъ теперь обнимать Оому Оомича. Вообще, женихъ и невѣста, какъ-будто стыдились другъ друга и своего счастья. — и я замѣтилъ: съ самаго благословія, еще они не сказали межъ собою ни слова, даже какъ-будто избѣгали глядѣть другъ на друга. Когда встали изъ-за стола, дядя вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Отъискивая его, я забрелъ на террасу. Тамъ, сидя въ креслѣ, за кофеемъ, ораторствовалъ Оома, сильно-подкураженный. Около него были только Ежевикинъ, Бахчевъ и Мизинчиковъ. Я остановился послушать.

— Почему, кричалъ Оома, — почему я готовъ сейчасъ же идти на костеръ за мои убѣжденія? а почему изъ васъ никто не въ состояніи пойти на костеръ? Почему, почему?

— Да вѣдь это ужъ и лишнее будетъ, Оома Оомичъ, на костеръ-то-сь! трунилъ Ежевикинъ. — Ну, что толку? Вопервыхъ, и больно-сь, а во вторыхъ, сожгутъ—что останется?

— Что останется? Благородный пепелъ останется. Но гдѣ тебѣ понять, гдѣ тебѣ оцѣнить меня! Для васъ не существуетъ великихъ людей, кромѣ какихъ-то тамъ Цесарей, да Александровъ Македонскихъ! А что сдѣлали твои Цезари? кого осчастливили? Что сдѣлалъ твой хваленый Александръ Македонскій? Всю землю-то завоевалъ? Да ты дай мнѣ такую же фалангу, такъ и я завоюю, и ты завоюешь, и онъ завоюетъ... За то, онъ убилъ добродѣтельнаго Клита, а я не убивалъ добродѣтельнаго Клита... Мальчишка! прохвость! розогъ бы дать ему, а не прославлять во всемирной исторіи... да ужъ вмѣстѣ и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Оома Оомичъ!

— Не пощажу дурака! кричалъ Оома.

— И не пади! съ жаромъ подхватилъ Степанъ Алексѣевичъ, тоже подпившій: —нѣчего ихъ падить; всѣ они прыгуны, всѣ только бы на одной ножкѣ повертѣться! колбасники! Вонъ одинъ, давѣча, стипендію какую-то хотѣлъ учредить. А что такое стипендія? Чортъ ее и знаетъ, что она значитъ! Объ закладъ побьюсь, какая-нибудь новая пакость. А тотъ, другой, давѣча-то, въ благородномъ обществѣ, вензеля пишетъ, да рому просить! Помбему, отчего не выпить? Да ты пей, пей, да и перегородку сдѣлай, а потомъ, пожалуй, и опять пей... Нѣчего ихъ падить! всѣ мошенники! Одинъ только ты ученый, Оома!

Бахчевъ, если отдавался кому, то отдавался весь, безусловно и безо всякой критики.

Я отыскалъ дядю въ саду, у пруда, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ съ Настенькой. Увидя меня, Настенька стрѣльнула въ кусты, какъ будто виноватая. Дядя пошелъ ко мнѣ на встрѣчу съ сѣвшимъ лицомъ; въ глазахъ его стояли слезы восторга. Онъ взялъ меня за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Другъ мой! сказалъ онъ, — я до-сихъ-поръ какъ-будто не вѣрю моему счастью... Настя тоже. Мы только дивимся и прославляемъ Всевышняго. Сейчасъ она плакала. Повѣришь ли, до-сихъ-поръ я какъ-то не опомнился, какъ-то растерялся весь: и вѣрю, и не вѣрю! И за что это мнѣ? за что? что я сдѣлалъ? чѣмъ я заслужилъ?

— Если кто заслужилъ, дядюшка, то это вы, сказалъ я съ увлеченіемъ.—Я еще не видалъ такого честнаго, такого прекраснаго, такого добрыйшаго человѣка, какъ вы...

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, это слишкомъ, отвѣчалъ онъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ.—То-то и худо, что мы добры (то-есть я про-себя одного говорю), когда намъ хорошо; а когда худо, такъ и не подступайся близко! Вотъ мы только сейчасъ толковали объ этомъ съ Настей. Сколько ни сіялъ передо мною Оома, а повѣришь ли? я, можетъ быть, до самого сегодня несовсѣмъ въ него вѣрилъ, хотя и самъ увѣрялъ тебя въ его совершенствѣ; даже вчера не увѣровалъ, когда онъ отказался отъ такого подарка! Къ стыду моему говорю! Сердце трепещетъ послѣ давѣшняго воспоминанія! Но я не владѣлъ собой... Когда онъ сказалъ давѣча про Настю, то меня какъ-будто въ самое сердце что-то укусило. Я не понималъ и поступилъ, какъ тигръ...

— Что жъ, дядюшка: можетъ, это было даже естественно.

Дядя замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, и не говори! А просто за просто, все это отъ испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоистъ и безъ удержу отдаюсь страстямъ своимъ. Такъ и Оома говоритъ. (Что было отвѣчать на это?) Не знаешь ты, Сережа, продолжалъ онъ, съ глубокимъ чувствомъ: — сколько разъ я бывалъ раздражителенъ, безжалостенъ, несправедливъ, высокомеренъ, да и не къ одному Оомѣ! Вотъ те-

перь это все вдругъ пришло на память, и мнѣ какъ-то стыдно, что я до-сихъ-поръ ничего еще не сдѣлалъ, чтобъ быть достойнымъ такого счастья. Настя тоже сейчасъ говорила, хотя, право, не знаю, какіе на ней-то грѣхи, потому-что она ангелъ, а не человѣкъ! Она сказала мнѣ, что мы въ страшномъ долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрѣе, дѣлать все добрыя дѣла... И еслибъ ты слышалъ какъ она горячо, какъ прекрасно все это говорила! Боже мой, что за дѣвушка!

Онъ остановился въ волненіи. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Мы положили, братъ, особенно лелѣять Оому, маменьку и Татьяну Ивановну. А Татьяна-то Ивановна! какое благороднѣйшее существо! О, какъ я виноватъ предъ всѣми! Я и передъ тобой виноватъ... Но если кто осмѣлится теперь обидѣть Татьяну Ивановну, о! тогда... Ну, да ужъ нѣчего!... для Мизинчикова тоже надо что-нибудь сдѣлать.

Да, дядюшка, я теперь перемѣнилъ мое мнѣніе о Татьянѣ Ивановнѣ. Ее нельзя не уважать и не сострадать ей.

— Именно, именно! подхватилъ съ жаромъ дядя:—нельзя не уважать! Вѣдь, вотъ, напримѣръ, Коровкинъ, вѣдь ты ужъ навѣрно смѣешься надъ нимъ, прибавилъ онъ, съ робостью заглядывая мнѣ въ лицо,—и всѣ мы давѣча смѣялись надъ нимъ. А вѣдь это, можетъ-быть, непростительно... вѣдь это, можетъ-быть, превосходнѣйшій, добрейшій человѣкъ, но судьба... испыталъ несчастья... Ты не вѣришь, а это, можетъ-быть, истинно такъ.

— Нѣтъ, дядюшка; почему же не вѣрить?

И я съ жаромъ началъ говорить о томъ, что въ самомъ падшемъ созданіи могутъ еще сохраниться высочайшія человѣческія чувства; что непзслѣдима глубина души человѣческой; что нельзя презирать падшихъ! а, напротивъ, должно отъпскивать и возстановлять; что невѣрна общепринятая мѣрка добра и нравственности, и проч. и проч. — словомъ, я воспламенился и рассказалъ даже о натуральной школѣ; въ-заключеніе же, прочелъ стихи:

«Когда изъ мрака заблужденія...»

Дядя пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Другъ мой, другъ мой! сказалъ онъ, рас-троганный: — ты совершенно понимаешь меня и еще лучше меня рассказалъ все, что я самъ хотѣлъ-было выразить. Такъ, такъ! Господи! почему это золь человѣкъ? почему я такъ часто бываю золь, когда такъ хорошо, такъ прекрасно быть добрымъ? Вотъ и Настя тоже самое сейчасъ говорила... Но, посмотри, однакожъ, какое здѣсь славное мѣсто, прибавилъ онъ, оглядываясь вокругъ себя,—какая природа! какая картина! Экое дерево! посмотри: въ объѣмъ человѣческій! Какой сокъ, какіе листья! какое солнце! какъ послѣ грозы-то все вокругъ повеселѣло, обмылось!.. Вѣдь, подумаешь, что и деревья понимаютъ тоже что-нибудь про-себя, чувствуютъ и наслаждаются жизнью... Неужели жъ нѣтъ —а? какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть, дядюшка. По-своему, разумѣется.

— Ну да, разумѣется, по-своему... Дивный, дивный Творецъ!.. А вѣдь ты долженъ хорошо помнить весь этотъ садъ, Сережа: какъ ты тутъ игралъ и бѣгалъ, когда былъ маленькій! Я вѣдь помню, когда ты былъ маленькій, прибавилъ онъ, смотря на меня съ неизъяснимымъ выраженіемъ любви и счастья.—Тебѣ только къ пруду не позволяли ходить одному. А помнишь, одинъ разъ, вечеромъ, Катя-покойница подозвала тебя и стала тебя ласкать... Ты все бѣгалъ въ саду, передъ этимъ, и весь разбурялся; волоски у тебя такіе свѣтленькіе, въ кудряшкахъ... Она ими играла-играла, да и сказала: «это хорошо, что ты его, сиротку, къ намъ взялъ. Помнишь, иль нѣтъ?»

— Чуть-чуть, дядюшка.

— Тогда еще вечеръ былъ, и солнце на васъ обоихъ такъ свѣтило, а я сидѣлъ въ углу и трубку курилъ, да на васъ смотрѣлъ... Я, Сережа, каждый мѣсяцъ къ ней на могилу, въ городъ, ѣзжу, прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ слышался дрожаніе и подавляемая слезы.—Я объ этомъ сейчасъ Настѣ говорилъ: она сказала, что мы оба вмѣстѣ будемъ къ ней ѣздить...

Дядя замолчалъ, стараясь подавить свое волненіе.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Видоплясовъ.

— Видоплясовъ! вскричалъ дядя, встрепехнувшись:—ты отъ Оомы Оомича?

— Нѣтъ-съ, я болѣе по своей надобности-съ.

— А, ну и славно! вотъ и узнаемъ про Коровкина. А я, вѣдь, еще давѣча хотѣлъ спросить... Я ему, Сережа, велѣлъ тамъ наблюдать, Коровкина-то.—Въ чемъ дѣло, Видоплясовъ?

— Осмѣлюсь доложить, сказалъ Видоплясовъ,—что вчера вы изволили упомянуть-съ насчетъ моей просьбы-съ, и общать мнѣ ваше высокое заступленіе отъ ежедневныхъ обидъ-съ.

— Неужели ты опять про фамилію? вскричалъ дядя въ испугѣ.

— Что жъ дѣлать-съ? Ежечасныя обиды-съ...

— Ахъ, Видоплясовъ, Видоплясовъ! что мнѣ съ тобой дѣлать? сказалъ съ сокрушеніемъ дядя.—Ну, какія тебѣ могутъ быть обиды? Вѣдь ты, просто, съ ума сойдеешь, въ желтомъ домѣ жизнь кончишь!

— Кажется, я умомъ монмъ-съ... началъ-было Видоплясовъ.

— Ну то-то. то-то, перебилъ дядя,—я, братецъ, это такъ говорю, не въ обиду тебѣ, а въ пользу. Ну какія тамъ у тебя обиды? Бьюсь объ закладъ, какая-нибудь дрянъ?

— Проходу нѣтъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ-съ и преимущественно черезъ Матрену-съ. Черезъ нее я моею жизнью страдать пошелъ-съ. Извѣстно-съ, что всѣ отличительные люди-съ, кто съ измалѣтства еще меня видѣлъ, говорили, что я совсѣмъ на иностранца похожъ, преимущественно чертами лица-съ. Что же, сударь?

Изъ-за этого мнѣ теперь и проходу нѣтъ-съ. Какъ только я мимо иду-съ, всѣ мнѣ слѣдомъ кричатъ всякія дурныя слова-съ; даже ребятишки маленькіе-съ, которыхъ надо прежде всего розгами высѣчь-съ, и тѣ кричатъ-съ... Вотъ и теперь, когда я сюда шелъ, кричали-съ... Мочи нѣтъ-съ. Защищите, сударь, вашимъ покровомъ-съ!

— Ахъ, Видоплясовъ!.. Ну да что жъ они такое кричатъ? Вѣрно глупость какую-нибудь, на которую не надо и вниманіе обращать.

— Неприлично будетъ сказать-съ.

— Да что именно?

— Омерзительно выговорить-съ.

— Да ужъ говори!

— Гришка-голавень съѣлъ померанецъ-съ.

— Фу, какой человѣкъ! Я думалъ и Богъ-знаетъ что! А ты плюнь, да мимо и пройди.

— Плевалъ-съ: еще больше кричатъ-съ.

— Да послушайте, дядюшка, сказалъ я,—вѣдь онъ жалуется на то, что ему житья нѣтъ въ здѣшнемъ домѣ. Отправьте его хоть на время въ Москву, къ тому каллиграфу. Вѣдь онъ, вы говорили, у каллиграфа какого-то жилъ.

— Ну, братъ, тотъ тоже кончилъ трагически!

— А что?

— Они-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ,—имѣли несчастіе присвоить себѣ чужую собственность съ, за что, не смотря на весь ихъ талантъ, были посажены въ острогъ-съ, гдѣ безвозвратно погибли-съ.

— Хорошо, хорошо, Видоплясовъ: ты теперь успокойся, а я все это разберу и улажу, сказалъ дядя,—общаю тебѣ! Ну что Коровкинъ? спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, они сейчасъ изволили отѣхать-съ. Я съ тѣмъ и шелъ доложить-съ.

— Какъ отѣхать? Что ты? Да какъ же ты выпустилъ? вскричалъ дядя.

— По добродушію сердца съ: жалостно было смотрѣть-съ. Какъ проснулись и вспомнили весь процессъ, такъ тотчасъ же ударили себя по головѣ и закричали благимъ матомъ-съ...

— Благимъ матомъ!..

— Почтительнѣе будетъ выразиться: многообразныя вопли испускали-съ. Кричали: какъ они представляются теперь прекрасному полу-съ? а потомъ прибавили: «я недостойнъ рода человѣческаго!» и все такъ жалостно говорили-съ, въ отборныхъ словахъ-съ.

— Деликатнѣйшій человѣкъ! Я говорилъ тебѣ, Сергѣй... Да какъ же ты, Видоплясовъ,пустилъ когда пменно тебѣ я велѣлъ стеречь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Болѣе черезъ сердечную жалость-съ. Просили не говорить-съ. Ихъ же извозчикъ лошадей выкормилъ и запрегъ-съ. А за врученную, три дни назадъ, сумму-съ велѣли почтительнѣе благодарить-съ и сказать, что вышлютъ долгъ, съ одною изъ первыхъ почтъ-съ.

— Какую это сумму, дядюшка?

— Они называли двадцать-пять рублей серебромъ-съ, сказалъ Видоплясовъ.

— Это я, братъ, ему тогда далъ займы, на станции: у него не достало. Разумѣется, онъ вылетѣть съ первой же почтой... Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ жаль! Не послать ли въ погоню, Сережа?

— Нѣтъ, дядюшка, лучше не посылайте.

— Я самъ тоже думаю. Видишь, Сережа, я, конечно, не философъ, но я думаю, что во всякомъ человѣкѣ гораздо болѣе добра, чѣмъ снаружи кажется. Такъ и Коровкинъ: онъ не вынесъ стыда... Но пойдемъ, однакожъ, къ Оомѣ! Мы замѣшались; можетъ оскорбиться неблагодарностію, невниманіемъ... Идемъ же! Ахъ, Коровкинъ, Коровкинъ!

Романъ конченъ. Любovníки соединились, и геній добра безусловно воцарился въ домѣ, въ лицѣ Оомы Оомича. Тутъ можно бы сдѣлать очень-много приличныхъ объясненій; но, въ-сущности всѣ эти объясненія теперь совершенно-лишнія. Таково, покрайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Взамѣнъ всякихъ объясненій, скажу лишь нѣсколько словъ о дальнейшей судьбѣ всѣхъ героев моего разсказа: безъ этого, какъ извѣстно, не кончается ни одинъ романъ, и это даже предписано правилами.

Свадьба «осчастливленныхъ» произошла спустя шесть недѣль послѣ описанныхъ мною происшествій. Сдѣлали все тихо, семейно, безъ особенной пышности и безъ лишнихъ гостей. Я былъ шаферомъ Настеньки, Мизинчиковъ — со стороны дяди. Впрочемъ, были и гости. Но самымъ первымъ, самымъ главнымъ человѣкомъ былъ, разумѣется, Оома Оомичъ. За нимъ ухаживали; его носили на рукахъ. Но какъ-то случилось, что его одинъ разъ обнесли шампанскимъ. Немедленно произошла исторія, сопровождаемая упреками, воплями, криками. Оома убѣжалъ въ свою комнату, заперся на ключъ, кричалъ, что презираютъ его, что теперь ужъ «новые люди» вошли въ семейство и потому онъ ничто, не болѣе, какъ щепка, которую надо выбросить. Дядя былъ въ отчаяніи; Настенька плакала; съ генеральшей, по обыкновенію, сдѣлались судороги... Свадебный пиръ походилъ на похороны. И ровно семь лѣтъ такого сожительства съ благодѣтелемъ, Оомой Оомичемъ, достались въ удѣлъ моему бѣдному дядѣ и бѣдненькой Настенькѣ. До самой смерти своей (Оома Оомичъ умеръ въ прошломъ году) онъ киснулъ, куксился, ломался, сердился, бранился: но благоговѣніе къ нему «осчастливленныхъ» не только не уменьшалось, но даже каждодневно возрастало, пропорціонально его капризамъ. Егоръ Ильичъ и Настенька до того были счастливы другъ съ другомъ, что даже боялись за свое счастье, считали, что это ужъ слишкомъ послалъ имъ Господь; что не стоятъ они такой милости, и предполагали, что, можетъ-быть, впослѣдствіи имъ назначено искупить свое счастье крестомъ и страданіями. Понятно, что Оома Оомичъ могъ дѣлать въ этомъ смиренномъ домѣ все, что ему вздумается. И чего-чего онъ не надѣлалъ въ эти семь лѣтъ! Даже нельзя

себѣ представить, до какихъ необузданныхъ фантазій доходила иногда его пресыщенная, праздная душа въ изобрѣтеніи самыхъ утонченныхъ, нравственно-лукулловскихъ капризовъ. Три года спустя послѣ дядюшкиной свадьбы, скончалась бабушка. (Осиротѣвшій Оома былъ пораженъ отчаяніемъ. Даже и теперь, въ домѣ дяди, съ ужасомъ разсказываютъ о тогдашнемъ его положеніи. Когда засыпали могилу, онъ рвался въ нее и кричалъ, чтобъ и его вмѣстѣ засыпали. Цѣлый мѣсяцъ не давали ему ни ножей, ни вилокъ; а одинъ разъ силою, четверомъ, раскрыли ему ротъ и вынули оттуда булавку, которую онъ хотѣлъ проглотить. Кто-то изъ постороннихъ свидѣтелей борьбы замѣтилъ, что Оома Оомичъ тысячу разъ могъ проглотить эту булавку во время борьбы и, однакожъ, не проглотилъ. Но эту догадку выслушали всѣ съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и тутъ же уличили догадчика въ жестокосердіе и неприличіе. Только одна Настенька хранила молчаніе и чуть-чуть улыбнулась; причемъ дядя взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вообще нужно замѣтить, что Оома хотъ и куражился, хотъ и капризничалъ въ домѣ дяди попрежнему, но прежнихъ, деспотическихъ и наглыхъ распекацій, какія онъ позволялъ себѣ съ дядей, уже не было. Оома жаловался, плакалъ, укорялъ, попрекалъ, стыдилъ, но уже не бранился попрежнему, — не было такихъ сценъ, какъ «ваше превосходительство», и это, кажется, сдѣлала Настенька. Она почти-непримѣтно заставила Оому кой-что уступить и кой-въ-чемъ покориться. Она не хотѣла видѣть униженія мужа и настояла на своемъ желаніи. Оома ясно видѣлъ, что она его почти понимаетъ. Я говорю *почти*, потому-что Настенька тоже лелѣяла Оому и даже каждый разъ поддерживала мужа, когда онъ восторженно восхвалялъ своего мудреца. Она хотѣла заставить другихъ уважать все въ своемъ мужѣ, а потому гласно оправдывала и его привязанность къ Оомѣ Оомичу. Но я увѣренъ, что золотое сердечко Настеньки забыло всѣ прежнія обиды: она все простила Оомѣ, когда онъ соединилъ ее съ дядей и, кромѣ-того, кажется, серьезно всѣмъ сердцемъ вошла въ идею дяди, что со «страдальца» и прежняго шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротивъ, уврачевать сердце его. Бѣдная Настенька сама была изъ *униженныхъ*, сама страдала и помнила это. Черезъ мѣсяцъ Оома утихъ, сдѣлался даже ласковъ и кротокъ, но за-то—начались другіе, самые неожиданные припадки: онъ началъ впадать въ какой-то магнетическій сонъ, устравшій всѣхъ до послѣдней степени. Вдругъ, напимѣръ, страдалецъ что-нибудь говоритъ, даже смѣется, и въ одно мгновеніе окаменѣетъ, и окаменѣетъ именно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находился въ послѣднее мгновеніе передъ припадкомъ; если, напимѣръ, онъ смѣялся, то такъ и оставался съ улыбкою на устахъ; если же держалъ что-нибудь, хотъ вилку, то вилка такъ и остается въ поднятой рукѣ, на воздухѣ. Потомъ,

разумѣтся, рука опустится, но Оома Оомичъ уже ничего не чувствуетъ и не помнитъ, какъ она опустилась. Онъ сидитъ, смотритъ, даже моргаетъ глазами, но не говоритъ ничего, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Такъ продолжалось иногда по цѣлому часу. Разумѣтся, всѣ въ домѣ чуть не умирають отъ страха, сдерживають дыханіе, ходятъ на цыпочкахъ, плачутъ. Наконецъ, Оома проснется, чувствуя страшное изнеможеніе и увѣряетъ, что ровно ничего не слыхалъ и не видалъ во все это время. Нужно же, чтобъ до такой степени ломался, рисовался человѣкъ, выдерживалъ цѣлые часы добровольной муки — и единственно для того, чтобъ сказать потомъ: «смотрите на меня, я и чувствую-то краше, чѣмъ вы!» Наконецъ, Оома Оомичъ проклялъ дядю «за ежечасныя обиды и непочтительность» и переѣхалъ жить къ г. Бахчеву. Степанъ Алексѣвичъ, который послѣ дядиной свадьбы еще много разъ ссорился съ Оомой Оомичемъ, но всегда кончалъ тѣмъ, что самъ же просилъ у него прощенія, въ этотъ разъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ жаромъ: онъ встрѣтилъ Оому съ энтузіазмомъ, накормилъ на-убой и тутъ же положилъ формально разсориться съ дядей и даже подать на него просьбу. У нихъ былъ гдѣ-то спорный клочокъ земли, о которомъ, впрочемъ, никогда и не спорили, потому-что дядя вполне уступалъ его, безъ всякихъ споровъ, Степану Алексѣвичу. Не говоря ни слова, г. Бахчевъ велѣлъ заложить коляску, поскакалъ въ городъ, настрочилъ тамъ просьбу и подалъ, прося судъ присудить ему формальнымъ образомъ землю, съ вознагражденіями проторей и убытковъ, и такимъ образомъ казнить самоуправство и хищничество. Между-тѣмъ, Оома, на другой же день, соскучившись у г. Бахчеева, простилъ дядю, пріѣхавшаго съ повинною и отправился обратно въ Степанчиково. Гнѣвъ г. Бахчеева, возвратившагося изъ города и незаставшаго Оомы, былъ ужасенъ; но черезъ три дня онъ явился въ Степанчиково съ повинною, со слезами просилъ прощенія у дяди и уничтожилъ свою просьбу. Дядя въ тотъ же день помирилъ его съ Оомой Оомичемъ — и Степанъ Алексѣвичъ опять ходилъ за Оомой, какъ собачка, и по прежнему приговаривалъ къ каждому слову: «Умный ты человѣкъ, Оома! ученый ты человѣкъ, Оома!»

Оома Оомичъ лежитъ теперь въ могилѣ, подлѣ генеральши; надъ нимъ стоитъ драгоценный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, весь испещренный плачевными цитатами и хвалебными надписями. Иногда Егоръ Ильичъ и Настенька благоговѣнно заходятъ, съ прогулки, въ церковную ограду поклониться Оомѣ. Они и теперь не могутъ говорить о немъ безъ особаго чувства; припоминаютъ каждое его слово, что онъ ѣлъ, что любилъ. Вещи его берегаются, какъ драгоценность. Почувствовавъ себя совершенно-осиротѣвшими, дядя и Настя еще болѣе привязались другъ къ другу. Дѣтей имъ Богъ не далъ; они очень го-

рюють объ этомъ, но роптать не смѣютъ. Сашенька давно уже вышла замужъ за одного прекраснаго молодаго человѣка. Илюша учится въ Москвѣ. Такимъ-образомъ дядя и Настя живутъ одни и не надыхаются другъ на друга. Забота ихъ другъ о другѣ дошла до какой-то болѣзненности. Настя непрерывно молится. Если кто изъ нихъ первый умретъ, то другой, я думаю, не проживетъ и недѣли. Но дай Богъ имъ долго жить! Принимають они всѣхъ съ полнымъ радушіемъ и готовы раздѣлить со всякимъ несчастнымъ все, что у нихъ имѣется. Настенька любитъ читать житія святыхъ и съ сокрушеніемъ говоритъ, что обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ еще мало, а что надо бы раздать все нищимъ и быть счастливыми въ бѣдности. Еслибъ не забота объ Илюшѣ и Сашенькѣ, дядя бы давно такъ и сдѣлалъ, потому-что онъ во всемъ вполне согласенъ съ женою. Съ ними живетъ Прасковья Ильинична и угождаетъ имъ во всемъ съ наслажденіемъ; она же ведетъ и хозяйство. Г. Бахчевъ сдѣлалъ ей предложеніе еще вскорѣ послѣ дядюшкиной свадьбы, но она на-отрѣзъ ему отказала. Заключили изъ этого, что она пойдетъ въ монастырь, но и этого не случилось. Въ натурѣ Прасковьи Ильиничны есть одно замѣчательное свойство: совершенно уничтожаться передъ тѣми, кого она полюбила, ежечасно исчезать передъ ними, смотрѣть имъ въ глаза, подчиняться всевозможнымъ ихъ капризамъ, ходить за ними и служить имъ. Теперь, по смерти генеральши, своей матери, она считаетъ своею обязанностью не разлучаться съ братомъ и угождать во всемъ Настенькѣ. Старикашка Ежевикинъ еще живъ, и въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ посѣщать свою дочь. Вначалѣ онъ приводилъ дядю въ отчаяніе тѣмъ, что почти совершенно отстранилъ себя и свою мелюзгу (такъ называлъ онъ дѣтей своихъ) отъ Степанчикова. Всѣ зазывы дяди не дѣйствовали на него: онъ былъ не столько гордъ, сколько щекотливъ и мнителенъ. Самолюбивая мнительность его доходила иногда до болѣзни. Мысль, что его, бѣдняка, будутъ принимать въ богатомъ домѣ изъ милости, сочтутъ назойливымъ и навязчивымъ, убивала его; онъ даже отказывался, иногда, отъ Настенькиной помощи и принималъ только самое необходимое. Отъ дяди же онъ ничего рѣшительно не хотѣлъ принять. Настенька чрезвычайно ошиблась, говоря мнѣ тогда, въ саду, объ отцѣ, что онъ представляется изъ себя шута *для нея*. Правда, ему ужасно хотѣлось тогда выдать Настеньку замужъ; но корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобъ дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язычка* была у него въ крови. Онъ каррикутиръ, напримѣръ, изъ себя самаго подлаго, самаго низкопоклоннаго льстеца; но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унижательнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала въ ней насмѣшка. Такая

ужь была его манера. Всѣхъ дѣтей его удалось размѣстить въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и то только, когда Настенька ясно доказала ему, что все это слѣдается на ея собственный счетъ, то есть въ счетъ ея собственныхъ тридцати тысячъ, подаренныхъ ей Татьяной Ивановной. Эти тридцать тысячъ, по правдѣ, никогда и не брали у Татьяны Ивановны; а ее, чтобъ она не горевала и не обижалась, умилоствовали, обѣщая ей при первыхъ неожиданныхъ семейныхъ нуждахъ обратиться къ ея помощи. Такъ и слѣдали: для виду были произведены у ней, въ разное время, два довольно значительные займа. Но Татьяна Ивановна умерла, три года назадъ, и Настя все-таки получила свои тридцать тысячъ. Смерть бѣдной Татьяны Ивановны была скоропостижная. Все семейство собиралось на балъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и только что успѣла она нарядиться въ свое бальное платье, а на голову надѣтъ очаровательный вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ вдругъ почувствовала дурноту, сѣла въ кресло и умерла. Въ этомъ вѣнкѣ ее и похоронили. Настя была въ отчаяніи. Татьяну Ивановну лелѣли въ домѣ и ходили за ней, какъ за ребенкомъ. Она удивила всѣхъ здравомысліемъ своего завѣщанія: кромѣ Настенькиныхъ тридцати тысячъ, все остальное, до трехъ сотъ тысячъ ассигнаціями, назначалось для воспитанія бѣдныхъ сиротокъ-дѣвочекъ и для награжденія ихъ деньгами, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Въ годъ ея смерти вышла замужъ и дѣвица Перепелицына, которая, по смерти генеральши, осталась у дяди, въ надеждѣ подлзаться къ Татьянѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, одовѣлъ чиновникъ-помѣщикъ, владѣтель Мишина, той самой маленькой деревушки, въ которой у насъ происходила сцена съ Обноскинымъ и его маменькой, за Татьяну Ивановну. Чиновникъ этотъ былъ страшный сутяга и имѣлъ отъ первой жены шесть человѣкъ дѣтей. Подозрѣвая у Перепелицыной деньги, онъ началъ къ ней подсылать съ предложеніями, и та немедленно согласилась. Но Перепелицына была бѣдна, какъ курица: у ней всего-то было 300 руб. серебромъ, да и то подаренные ей Настенькой на свадьбу. Теперь, мужъ и жена грызутся съ утра до вечера. Она теребитъ за волосы его дѣтей и отсчитываетъ имъ колотушки; ему же (по-крайней-мѣрѣ такъ говорятъ) царапаетъ лицо и поминутно коритъ его подполковничьимъ своимъ пропхожденіемъ. Мизинчиковъ тоже пристроился. Онъ благоразумно бросилъ всѣ свои надежды на Татьяну Ивановну и началъ понемногу учиться сельскому хозяйству. Дядя рекомендовалъ его одному богатому графу, помѣщику, у котораго было три тысячи душъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Сте-

панчикова, и который изрѣдка наѣзжалъ въ свои помѣстья. Замѣтивъ въ Мизинчиковѣ способности и взявъ во вниманіе рекомендацію, графъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ своихъ помѣстьяхъ, прогнавъ своего прежняго управителя нѣмца, который, несмотря на прославленную нѣмецкую честность, обижалъ своего графа, какъ липку. Черезъ пять лѣтъ, имѣнія узнать нельзя было: крестьяне разбогатѣли; завелись статьи по хозяйству, прежде невозможныя; доходы чуть-ли не удвоились — словомъ, новый управитель отличился и прогремѣлъ на всю губернію хозяйственными своими способностями. Каково же было изумленіе и горе графа, когда Мизинчиковъ, ровно черезъ пять лѣтъ, несмотря ни на какія просьбы, ни на какія надбавки, рѣшительно отказался отъ службы и вышелъ въ отставку! Графъ думалъ, что его сманили сосѣди-помѣщики, или даже въ другую губернію. И какъ же всѣ удивились, когда вдругъ, два мѣсяца по выходѣ въ отставку, у Ивана Ивановича Мизинчикова явилось превосходнѣйшее имѣніе, во сто душъ, ровно въ сорока верстахъ отъ графскаго, купленное имъ у какого-то промотавшагося гусара, прежняго его пріятеля! Эти сто душъ онъ тотчасъ же заложилъ, и черезъ годъ у него явилось еще шестьдесятъ душъ въ окрестностяхъ. Теперь, онъ самъ помѣщикъ, и хозяйство у него безподобное. Всѣ дивятся: гдѣ онъ вдругъ досталъ денегъ? другіе же только покачиваютъ головами. Но Иванъ Ивановичъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя вполне въ своемъ правѣ. Онъ выписалъ изъ Москвы свою сестру, ту самую, которая дала ему свои послѣдніе три цѣлковыхъ на сапоги, когда онъ отправлялся въ Степанчиково — премилую дѣвушку, уже не первой молодости, кроткую, любящую, образованную, но чрезвычайно запуганную. Она все время скиталась гдѣ-то въ Москвѣ, въ компаньонкахъ, у какой-то благотѣльницы; теперь же благоговѣетъ передъ братомъ, хозяйничаетъ въ его домѣ, считаетъ его волю закономъ, а себя вполне счастливою. Братецъ не балуетъ ея и держитъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ; но она этого не замѣчаетъ. Въ Степанчиковѣ ее ужасно какъ полюбили, и, говорятъ, г. Бахчеевъ къ ней неравнодушенъ. Опъ и слѣдалъ бы предложеніе, да боится отказа. Впрочемъ, о г. Бахчеевѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ, въ другомъ разказѣ, подробнѣе.

Вотъ, кажется, и всѣ лица... Да! забылъ: Гаврила очень постарѣлъ и совершенно разучился говорить по-французски. Изъ Фалалея вышелъ очень порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется, тамъ и умеръ... На дняхъ поѣду въ Степанчиково и непременно справлюсь о немъ у дяди.

ДЕВЯТЫЙ ВЫПУСКЪ
СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ,
ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ ВЪ СЕБѢ
ТРЕТІЙ ТОМЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

О Г Л А В Л Е Н І Е:

	СТР.
Игрокъ, романъ изъ записокъ молодого человѣка	7
Двойникъ, петербургская поэма	64
Елка и Свадьба, изъ записокъ неизвѣстнаго	129
Чужая жена и мужъ подъ кроватью, происшествіе необыкновенное .	133
Маленькій герой; изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ	150
Неточка Незванова	165
Дядюшкинъ сонъ, изъ мордасовскихъ лѣтописей	233
Село Степанчиково и его обитатели; изъ записокъ неизвѣстнаго.	
<i>Часть первая</i>	<i>287</i>
<i>Часть вторая и послѣдняя</i>	<i>347</i>

ВЪ МАГАЗИНЪ Ѳ. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфберга, № 27 въ С. Петербургѣ.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

 Сочиненія, у которыхъ цѣна неозначена въ настоящее время, печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Армяне, Калмыки и Татары. Очерки *А. Ѳ. Писемскаго*. Новое просмотрѣнное изданіе. — —
Батка. Разсказъ *А. Ѳ. Писемскаго*. Новое просмотрѣнное изданіе. — —
Басни. *И. Дмитріева*. Новое просмотрѣнное изданіе.
Богатый женихъ. Романъ *А. Писемскаго*. 1 —
Бракъ по страсти. Повѣсть *А. Писемскаго*. 1 —
Боярышня. Романъ *А. Писемскаго*. 1 —
Бѣдные люди. Романъ *Ѳ. Достоевскаго*. — 75
Бѣлые ночи. Романъ его-же — 40
Взбаломученное море. Романъ въ шести частяхъ *А. Ѳ. Писемскаго*. Въ новомъ, просмотрѣнномъ, исправленномъ и дополненномъ самимъ авторомъ изданіи. — —
Виновата ли она? Повѣсть *А. Писемскаго*. — 50
Горы. Разсказъ *М. Авдѣева*. Новое, просмотрѣнное авторомъ изданіе. — —
Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго*. — 30
Двойникъ. Петербургская повѣсть его-же 1 —
Деревенскій визитъ. Анекдотъ *М. Авдѣева*. Новое, просмотрѣнное самимъ авторомъ изданіе. — —
Дорожныя замѣтки. (Изъ поѣздки на Кавказъ) *М. Авдѣева*. Новое изданіе, просмотрѣнное авторомъ.
Дядюшкинъ сонъ. Романъ *Ѳ. Достоевскаго*. — 50
Елка и свадьба. Разсказъ его-же — 30
Записки изъ мертваго дома. *Ѳ. Достоевскаго*. Дополненная новой главой „Товарищи“ во второй части. 1 50
Записки изъ подполья. Повѣсть *Ѳ. Достоевскаго*. — 60
Завѣщаніе, записки чорта и записки Салакушки. *А. Ѳ. Писемскаго*. Новое, просмотрѣнное изданіе. — —
Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго*. — 40
Игрокъ. Романъ *Ѳ. Достоевскаго*. 1 —
Краткій очеркъ жизни Ф. Шиллера и его произведеній, составленный по Вейлю. — 60
Комикъ. Разсказъ *А. Писемскаго*. — 50
Крокодилъ. Необыкновенное событіе въ Пассаждѣ *Ѳ. Достоевскаго*. — 30
Лѣтній. Повѣсть *А. Писемскаго*. — 50
Маленькій герой. Разсказъ *Ѳ. Достоевскаго*. — 30
Мазепа. Поэма *Байрона*, переводъ *И. Гогіева*. — 30
Москъ Батмановъ. Повѣсть *А. Писемскаго*. — 75
На дорогѣ. Повѣсть *М. Авдѣева*. Новое, исправленное и дополненное авторомъ изданіе. — —

Неточка Незванова. Романъ *Ѳ. Достоевскаго*. — 75
Нынѣшняя любовь. Повѣсть *М. Авдѣева*. Новое, исправленное и дополненное самимъ авторомъ изданіе.
Огненный змій. Разсказъ *М. Авдѣева*. Новое, исправленное самимъ авторомъ изданіе. — —
Парижана. Поэма *Байрона*, переводъ *А. Григорьева*. — 50
Питершикъ. Разсказъ *А. Писемскаго*. — 30
Письма изъ за границы. *М. Авдѣева*. Просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе. — —
Плотничья артель. Романъ *А. Писемскаго*. — 75
Подводный камень. Романъ въ двухъ частяхъ, *М. Авдѣева*. Въ новомъ, просмотрѣнномъ, исправленномъ и дополненномъ самимъ авторомъ изданіи. — —
Порядочный человѣкъ. Повѣсть *М. Авдѣева*. Новое, просмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе. — —
Поѣздка на кумысъ и письма съ дороги. *М. Авдѣева*. Въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ самимъ авторомъ изданіи. — —
Разборъ соч. Гоголя. Критич. статья *А. Писемскаго*. — 30
Самоуправцы. Трагедія *А. Ѳ. Писемскаго*. — —
Село Степанчиково. Романъ *Ѳ. Достоевскаго*. 1 —
Скверный анекдотъ. Разсказъ его-же — 40
Слабое сердце. Повѣсть его-же — 30
Старая барыня. Романъ *А. Писемскаго*. — 75
Старческий грѣхъ. Повѣсть *А. Писемскаго*. — 75
Тамаринъ. Романъ въ трехъ повѣстяхъ. *М. Авдѣева*. Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе. — —
Тысяча душъ. Романъ въ двухъ частяхъ *А. Писемскаго*. Новое изданіе, исправленное и дополненное новой главой во второй части. 2 —
Тюфякъ. Повѣсть *А. Писемскаго*. 1 —
Униженные и оскорбленные. Романъ *Ѳ. Достоевскаго*. 2 —
Фанфаронъ. Повѣсть *А. Писемскаго*. — 50
Хозяйка. Повѣсть *Ѳ. Достоевскаго*. — 50
Честный воръ. Разсказъ его-же — 30
Чужая жена и мужъ подъ кроватью. Разсказъ его-же. — 40
Ясные дни. Идилія *М. Авдѣева*. Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе. — —
Біографія Фредерика Шопена. — 40
Біографія знаменитой трагической актрисы Ристори. — 25
Письма (Reisebriefe) *Ф. Мендельсона-Бартольди*. — 50
Исторія семиструнной гитары, *М. Стаховича*. — 50
Домашнія и жизненные правила для музыкантовъ, сочиненіе *Роберта Шумана*. — 20
Театральныя воспоминанія. Автобіографическія замѣтки *Р. Зотова*. 1 —

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

вновь напечатанное въ трехъ томахъ, цѣна для гг. подписывающихся на „Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ“ 4 р. 50 коп. въ отдѣльной же продажѣ цѣна 9 р. сер. съ пересылкою.

Гг. Иногородные благоволятъ присылать свои требованія въ магазинъ *Ѳ. Стелловскаго*, въ С. Петербургѣ.